DF
541
V

ОТНОШЕНІЯ

МЕЖДУ

ЦЕРКОВНОЮ И ГРАЖДАНСКОЮ ВЛАСТЬЮ

ВЪ

ВИЗАНТІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Обзоръ эпохи образованія и окончательнаго установленія характера взаимоотношеній между церковною и гражданскою властію въ Византіи (325—565).

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
Ѳ. Курганова.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета
1880.

„Прав ъ“

Отдѣльный оттискъ изъ „Православнаго Собесѣдника“ 1876—1880 г.

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
208456

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Языческій, греко-римскій взглядъ на государство и религіозную свободу. Христіанское понятіе о свободѣ и опредѣленіе отношеній церкви къ государству въ словѣ Божіемъ. Характеръ первоначальныхъ христіанскихъ миссій и ихъ отличіе отъ позднѣйшихъ миссій. Побѣда христіанства надъ язычествомъ при Константинѣ великомъ. Основаніе Константинополя и его значеніе въ христіанскомъ мирѣ. Отношеніе Константина великаго къ церкви Христовой. Крещеніе и смерть Константина великаго . . . . . 1— 49.

Окончательное подавленіе язычества въ римской имперіи. Право церкви давать убѣжище лицамъ гонимымъ, преслѣдуемымъ и вообще всѣмъ несчастнымъ. Отношенія преемниковъ Константина великаго къ церкви Христовой до образованія центральной церковной власти на востокѣ и формальнаго опредѣленія этихъ отношеній путемъ законодательнымъ. Опредѣленіе отношеній государства къ церкви въ Юстиніановомъ законодательствѣ, его связь съ практикою предыдущихъ императоровъ и отношеніе къ практикѣ и законодательству всѣхъ послѣдующихъ византійскихъ императоровъ. Установленіе точки зрѣнія на фактическое проявленіе отношеній гражданской власти къ церковной въ Византіи. 49— 92.

Западно-европейская, католическая и протестантская, точка зрѣнія на отношеніе церковной власти къ гражданской въ византійской имперіи: взглядъ католиковъ и протестантовъ на восточную церковь. Основной характеръ ея направленія: взглядъ ея на догматъ вѣры, его значеніе въ дѣлѣ спасенія человѣка и зловредное дѣйствіе ереси. Виновникъ всѣхъ ересей — діаволъ Независимость церкви отъ діавола отстаивается самою же церковію. Государство, какъ

Стран.

проявленіе одной изъ степеней нравственнаго совершенства человѣческаго рода. Христіанинъ подчиняется государству, какъ свободный Борьба церкви съ государствомъ возможна при всякомъ образѣ государственнаго правленія . . 92—115.

Раздѣленіе единой вселенской церкви на независимыя помѣстныя церкви и взаимоотношенія этихъ послѣднихъ. Теорія управленія вселенскою церковію пятью патріархатами по подобію пяти человѣческихъ чувствъ Патріаршій синодъ, его происхожденіе, наименованія и составъ. Значеніе восточнаго монашества. Порядокъ рѣшенія синодальныхъ дѣлъ. Кругъ дѣятельности патріаршато синода. . . . 116—145.

Характерныя черты византійской имперіи, благопріятныя и неблагопріятныя для правильнаго раскрытія христіанства Востокъ—удобная почва для появленія ересей. Появленіе монофизитской ереси. Царствованіе Маркіана и Пульхеріи. и халкидонскій соборъ. Значеніе слова *οἰκονόμια*. Царствованіе Льва I; его отношеніе къ патріархамъ и епископамъ, и значеніе его царствованія въ исторіи Византіи. 145—187.

Характеръ Зенона и перемѣна въ престолонаслѣдіи. Энкиклика и антиэнкиклика Василиска. Вторичное вступленіе Зенона на императорскій тронъ и перемѣны въ патріаршемъ управленіи въ Александріи и Антіохіи Изданіе энотикона и отношеніе къ нему какъ православныхъ, такъ и монофизитовъ во всѣхъ концахъ имперіи Смерть Зенона и вступленіе на императорскій тронъ Анастасія. Характеръ послѣдняго. Характеръ его политики по дѣламъ церкви Патріархи: Евоимій и Македоній. Смуты въ Антіохіи, Іерусалимѣ и Константинополѣ Возстаніе Виталіана Анастасій и епископъ Эніандъ. Смерть Анастасія . . . . . 188—266.

Избраніе на царство Юстина. Его родъ, первоначальная исторія и религіозныя убѣжденія. Жалобы православныхъ на еретиковъ и ихъ желанія возстановленія церковнаго мира и исцѣленія самихъ церквей Трудность выполненія этого желанія. Составъ новаго правительства. Эдикты Юстина, благопріятные православнымъ и стѣснительные для монофизитовъ, и введеніе этихъ эдиктовъ въ разныхъ провинціяхъ имперіи. въ Палестинѣ, Сиріи, Египтѣ и европейскихъ провинціяхъ. Переговоры объ уніи съ римскою церковію: письма Юстина, патріарха и Юстиніана къ папѣ. Предварительное рѣшеніе условій уніи въ Римѣ. Посольство папы, его письма, исповѣданіе вѣры (libellus) и инструкція, данная имъ легатамъ Заносчивость и тягость папскихъ требованій.

Стран.

Заключеніе уніи. Обмѣнъ письмами между востокомъ и западомъ по заключеніи церковнаго мира. Дѣло Дороѳея ѳессалоникскаго. Смуты, произведенныя папскимъ исповѣданіемъ въ Понтѣ, Азіи, Сиріи и Палестинѣ. Сношенія Византіи съ папою по этому поводу и результатъ этихъ сношеній. Дѣло епископовъ Иліи, Ѳомы и Никострата Ходатайство папы Іоанна I предъ Юстиномъ за аріанъ Вѣнчаніе на царство Юстиніана и смерть Юстина . . . . . 266—341.

Сужденія о Юстиніанѣ и Ѳеодорѣ Прокопія кесарійскаго. Отношеніе византійцевъ къ сочиненіямъ Прокопія. Необходимость критическихъ изслѣдованій о его сочиненіяхъ Изданіе Ἀνέκδοτα Н. Алеманномъ и его сужденіе объ этомъ сочиненіи Прокопія. Сужденія объ Агсапа и объ остальныхъ сочиненіяхъ Прокопія—Гаврінла Триворія, Ѳомы Ривія и Эйхеля. Поворотъ въ области протестантскаго религіознаго сознанія. Готфридъ Арнольдъ и его сужденіе о Юстиніанѣ Отрицательное отношеніе протестантовъ къ догмату и образованіе ученія о свободѣ совѣсти. Сужденія о сочиненіяхъ Прокопія—Рихтера, Шрекка, Гиббона, Монтескьѣ. Сознаніе субъективности историковъ XVII и XVIII в. и стремленіе къ объективности протестантскихъ историковъ XIX в. Какого рода эта объективность? Брошюры, изслѣдованія и сужденія о сочиненіяхъ Прокопія современныхъ историковъ: Макса Лянгенштварца, Тейффеля, Нзандера, Изамбера, Рейнкенса, Эккардта, Гундлаха, Дана. Религіозныя и политическія воззрѣнія Прокопія. Общій выводъ . . 341—440.

Наружность и воспитаніе Юстиніана. Его сближеніе съ Ѳеодорой и женитьба на ней Ихъ взаимоотношеніе, какъ политическихъ дѣятелей. Наставленія діакона Агапита. Характеръ Юстиніана и его церковно-государственной дѣятельности. Его совѣтники. Вліяніе епископовъ на дѣла гражданскаго управленія. Намѣреніе Юстиніана возвратить западныя области римской имперіи и его политика относительно варваровъ. Бунтъ самарянъ. Св. Савва предъ лицемъ Юстиніана. Эдикты противъ іудеевъ, язычниковъ и еретиковъ. Бунтъ «Ника» Состояніе православныхъ христіанъ въ областяхъ западной римской имперіи. Вѣра православныхъ въ свое освобожденіе отъ ига аріанъ. Разрушеніе вандальскаго государства и устройство африканской церкви. Возникшія недоразумѣнія между римлянами и готоами, и сношенія Юстиніана съ папами по вопросу Unus de Trinitate passus est carne, его эдикты по этому поводу. Завоеваніе Италіи и части Испаніи. подавленіе господства аріанъ на западѣ . . . 440—533.

Стран.

Лицемѣріе еретиковъ, какъ средство снова занять утраченное положеніе въ государствѣ Смуты въ Александріи, произведенныя Северомъ и Юліаномъ галикарнасскимъ борьба ѳеодосіанъ съ гаіанитами. Публичный диспутъ севериапъ съ православными во дворцѣ императорскомъ Усиленіе монофизитовъ въ Константинополѣ и ихъ происки Выдвинутый ими патріархъ Анѳимъ. Его низложеніе папою Агапитомъ и рукоположеніе на его мѣсто Мины. Прошенія православныхъ монаховъ и епископовъ къ Агапиту, Юстиніану и Минѣ, и константинопольскій соборъ 536 г Эдиктъ Юстиніана противъ Анѳима, Севера, Петра и Зоара. Принятіе соборныхъ актовъ и Юстиніанова эдикта патріархами: антіохійскимъ, іерусалимскимъ и александрійскимъ, Возстановленіе памяти Евѳимія, Македонія и Флавіана, Низложеніе Сильверія и опредѣленіе на его мѣсто Вигилія. Подавленіе монофизитскаго вліянія въ Александріи и достигнутое чрезъ то объединеніе всѣхъ церквей . . . . . 533—598.

Дѣло Ѳеодорита и Ивы на халкидонскомъ соборѣ. Пропаганда несторіанства подъ именемъ Ѳеодора мопсуестскаго и Ѳеодорита. Оригенистское движеніе въ Палестинѣ и эдиктъ императора противъ ученія Оригена Возбужденіе вопроса о «трехъ главахъ» и эдиктъ императора по этому поводу Отношеніе къ эдикту о «трехъ главахъ» разныхъ церквей востока и запада Прибытіе Вигилія въ Константинополь и его Judicatum. Противодѣйствіе осужденію «трехъ главъ» на западѣ; сочиненіе Факунда герміанскаго: Pro defensione trium capitulorum Взятіе Judicatum'a Вигиліемъ назадъ Его переходъ на сторону защитниковъ «трехъ главъ». Ссоры, переговоры и соглашеніе съ папою на условіи—перенести рѣшеніе вопроса на судъ вселенскаго собора. Приглашеніе епископовъ явиться на соборъ. Смерть п. Мины и избраніе на его мѣсто Евтихія. Переговоры съ папой объ открытіи и составѣ собора. Открытіе собора и первыя три его засѣданія. Осужденіе «трехъ главъ» и Constitutum Вигилія Осужденіе Оригена и оригенистовъ Послѣдствія пятаго вселенскаго собора на западѣ и востокѣ . . . . . 598—707

Антіохійскій патріархъ Анастасій I Столкновеніе при немъ севериапъ съ православными въ Антіохіи Уклоненіе Юстиніана въ ересь афѳартодокетовъ. Низложеніе патріарха Евтихія и возведеніе на его мѣсто Іоанна схоластика. Противодѣйствіе императору со стороны антіохійскаго патріарха Анастасія и гнѣвъ императора на послѣдняго Смерть Юстиніана. Судъ объ немъ православныхъ и православной церкви. 707—720.

Языческій, греко-римскій взглядъ на государство и религіозную свободу. Христіанское понятіе о свободѣ и опредѣленіе отношеній церкви къ государству въ словѣ Божіемъ. Характеръ первоначальныхъ христіанскихъ миссій и ихъ отличіе отъ позднѣйшихъ миссій. Побѣда христіанства надъ язычествомъ при Константинѣ великомъ. Основаніе Константинополя и его значеніе въ христіанскомъ мірѣ. Отношеніе Константина великаго къ церкви Христовой. Крещеніе и смерть Константина великаго.

Вопросъ объ отношеніи церкви къ государству есть вопросъ исключительно христіанскій. Въ древнеязыческомъ мірѣ, какъ греческомъ, такъ и римскомъ, не существовало понятія религіозной свободы; государство было вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ устроителемъ и распорядителемъ религіозныхъ обрядовъ и церемоній, и какъ грекъ, такъ и римлянинъ считали преступленіемъ чтить иныхъ боговъ, чѣмъ тѣхъ, которыхъ чтитъ государство. По понятію грековъ, государство было всемогущею силой, которая поглощала всякую личную и религіозную свободу. Платонъ въ своемъ „идеальномъ государствѣ“ смотритъ на него, какъ на образъ всего нравственнаго міроваго порядка и жизни каждаго отдѣльнаго человѣка, потому считаетъ его прежде всего величайшимъ образовательнымъ и воспитательнымъ учрежденіемъ, въ которомъ каждый получаетъ возможность исполнить свое назначеніе и достигнуть полной мѣры своего счастія и благополучія, и вслѣдствіе всего этого даетъ ему такую власть надъ человѣкомъ, въ которой не остается никакого мѣста ни для

личной, ни для религіозной свободы (1). Другой великій философъ грековъ, Аристотель, называетъ человѣка существомъ общественнымъ, а гражданственность—жизнію государства (2). Понятно, что какъ Платонъ, такъ и Аристотель считали свои идеи о государствѣ не только возможными, но и единственно разумными и подлежащими осуществленію, тѣмъ болѣе что основной характеръ ихъ заимствовали изъ жизни, согласовали съ тѣми воззрѣніями о государствѣ и его правѣ надъ личностію каждаго отдѣльнаго гражданина, какія были присущи вообще грекамъ ихъ времени. Быть свободнымъ, по понятіямъ грековъ, значило прежде всего имѣть право участвовать въ рѣшеніи дѣлъ политическихъ. Но коль скоро законъ постановленъ, всѣ граждане обязаны были повиноваться ему безусловно, каковъ бы онъ ни былъ. Члены той партіи, которая одержала верхъ при проведеніи извѣстнаго закона, повиновалась такимъ образомъ своей собственной волѣ, которая осуществилась въ общемъ законѣ; но противоположная ей партія являлась побѣжденною и такимъ образомъ находилась до извѣстнаго времени въ рабскомъ положеніи, была не свободною. Требованіе грековъ подчиняться государственной власти простиралось до того, что считалось преступленіемъ самовольно поступать въ такихъ дѣлахъ, которыя только могли казаться затрогивающими благо и интересы государства. Словомъ, не было ни одной сферы въ жизни грека, которая была бы свободна отъ опекунства и надзора государства. При этомъ грекъ считалъ свои нравственно-религіозныя обязанности по отношенію къ божеству вполнѣ исполненными, если онъ аккуратно со-

---

(1) Dollinger, Heidenthum und Judenthum. Regensburg, 1857. p. 572; 515; 295—297.

(2) *ἡ γὰρ πολιτεία βίος τίς ἐστι πόλεως.*

вершалъ установленныя на извѣстные случаи жертвоприношенія и соблюдалъ принятые обряды (1).

Римляне пользовались большею свободою въ частной жизни по отношенію къ государству, но только до извѣстныхъ предѣловъ (2), и, какъ греки, совершенно лишены были религіозной свободы. „Религія въ смыслѣ богопознанія или вѣрованія рѣшительно не существовала въ Римѣ при Августѣ; едвали она существовала и въ цвѣтущія времена республики. Для Цицерона, точно также какъ и для Кесаря, или для Сцеволы, Варрона, или для позднѣйшаго Сенеки, религія есть обрядъ государственный, полезный, но вполнѣ условный, обязательный для гражданъ, но не имѣющій никакихъ внутреннихъ данныхъ для самобытнаго существованія или правъ на безусловное вѣрованіе. Итакъ она зависитъ вполнѣ отъ государства и, слѣдовательно, признаетъ надъ собою другую религію, самое государство, которымъ обусловливается". — „Вѣрованіе въ боговъ есть мнѣніе полезное, ибо утверждаетъ клятвы, укрѣпляетъ договоры, пугаетъ преступниковъ, хранитъ неприкосновенность гражданскаго общества".—„Вся сія мудрецъ сохранитъ не какъ угодныя Богу, но какъ предписанныя закономъ".—„Поклоняясь неблагородной сволочи боговъ, созданной суевѣріемъ, не забудемъ. что это поклоненіе основано на обычаѣ, а не на разумѣ".—„Трудно сказать, не лучше ли совершенное безвѣріе, чѣмъ теперешняя вѣра, постыдная и исполненная обмановъ".—„Есть три рода богознанія: сказочное, государственное и природное".—„Истины въ религіи объявлять народу нельзя: она остается при философахъ" (3): таковы обычныя воззрѣнія философовъ, поэтовъ и государственныхъ людей Рима на религію. Вообще нуж-

---

(1) Dollinger, p. 668.

(2) Ibid p. 696.

(3) А. Хомяковъ, Записки о всемірной исторіи. Москва, 1873. ч. 2 стр. 404—405.

но сказать, религія у римлянъ была орудіемъ политики (1). На боговъ они смотрѣли, какъ на служителей, обязанныхъ за творимыя имъ жертвы указывать римскому народу путь ко всемірному владычеству и доставлять ему нужныя для того средства (2). Государственные люди римлянъ нерѣдко отправляли жреческія должности и имѣли право совершать ауспиціи. Римскіе императоры были не только великими первосвященниками, но вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежали ко многимъ другимъ священническимъ колегіямъ (3) и усвоили за собою право назначать должностныхъ лицъ въ эти коллегіи. Какъ великіе первосвященники (pontifices maximi), императоры сдѣлались полновластными распорядителями религіи римлянъ (4).

Съ возвѣщеніемъ и основаніемъ христіанства понятіе о свободѣ вообще и религіозной свободѣ въ частности совершенно видоизмѣнилось. Христіанство дало человѣческому роду истинное понятіе о Богѣ, какъ о существѣ духовномъ, вѣчномъ, всевѣдущемъ и личномъ, столько же благомъ, сколько и правосудномъ. Сообразно этому понятію и отношеніе человѣка, какъ существа нравственно-духовнаго, къ Богу должно быть внутреннее, сердечное; поклоненіе и служеніе Богу должно совершаться въ духѣ и истинѣ (Іоанн. 4, 24). Отсюда родилось новое понятіе свободы, совершенно неизвѣстное языческому міру, заключающееся въ томъ, что истинная нравственная свобода человѣка состоитъ не въ правѣ участвовать въ рѣшеніи политическихъ дѣлъ, а въ обладаніи истиною (Іоанн. 8, 32) и уклоненіи отъ грѣха, потому что всякъ, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха (ст. 34). Въ этомъ отношеніи рабомъ можетъ быть самый свободнѣйшій гражданинъ, и на-

---

(1) Dollinger. p 479.
(2) Ibid. p. 694
(3) Ibid. p. 516.
(4) Ibid. p. 517—518.

оборотъ, свободнѣйшимъ—находящійся въ самомъ тяжеломъ рабствѣ. Собственно абсолютной свободы, т. е. полной независимости человѣка отъ чего либо, нѣтъ и быть не можетъ: такая свобода есть призракъ, пустое слово безъ содержанія. Каждая отдѣльная личность, общество, или народъ непремѣнно держится извѣстныхъ принциповъ, идей, воззрѣній,—мимолетныхъ или постоянныхъ,—находится подъ ихъ вліяніемъ и такимъ образомъ дѣлается ихъ рабомъ. Разность человѣка, держащагося чистаго, неискаженнаго ученія Христова, отъ лицъ увлекающихся „стихіями міра сего“ заключается лишь въ томъ, что онъ свободенъ отъ лжи и разныхъ модныхъ ученій, потому что содѣлался рабомъ истины. „Благодареніе Богу, — пишетъ къ римлянамъ великій учитель языковъ, св. ап. Павелъ,—что вы, бывъ прежде рабами грѣха, отъ сердца стали послушны тому образу ученія, которому предали себя. Освободившись же отъ грѣха, вы стали рабами праведности. Говорю по разсужденію человѣческому, ради немощи плоти вашей. Какъ предавали вы члены ваши въ рабы нечистотѣ и беззаконію на дѣла беззаконныя: такъ нынѣ представьте члены ваши въ рабы праведности на дѣла святыя. Ибо, когда вы были рабами грѣха, тогда были свободны отъ праведности“ (Римл. 6. 17—20) (1). Принципомъ и вмѣстѣ мѣриломъ нравственно

(1) Поэтому мы считаемъ совершенно неосновательнымъ обще-ходячее мнѣніе, что свобода критики и изслѣдованія существуетъ лишь въ протестантствѣ, между тѣмъ какъ въ католичествѣ, напр., ея нѣтъ, и что современный религіозный раціонализмъ въ протестантствѣ есть результатъ *свободы* изслѣдованія и свободныхъ отношеній къ источникамъ вѣры. Свобода критики и изслѣдованія, насколько онѣ зависятъ отъ личныхъ свойствъ изслѣдователя, совершенно одинаковы какъ въ католичествѣ, такъ и въ протестантствѣ въ этомъ отношеніи изслѣдователь одинаково не свободенъ, одинаково есть рабъ своихъ католическихъ или протестантскихъ идей одинъ на все смотритъ подъ угломъ папско-католическихъ воззрѣній и всему даетъ римско-католическую окраску, а другой на все накладываетъ клеймо протестантскихъ началъ, хотя бы предметъ, раз-

религіозной дѣятельности человѣка, по ученію Христову, должна быть совѣсть, т. е. сознаніе внутреннѣйшей нашей отвѣтственности предъ всевѣдущимъ Богомъ за каждый сдѣланный шагъ, сказанное слово и даже помышленіе,—сознаніе того, что, получивъ полное обладаніе истиною, мы должны во всемъ руководствоваться Духомъ Божіимъ, чтобы быть истинными чадами Божіими (Римл. 8, 14—17; 13. 5), и принимать за мѣрку сужденія о нравственномъ достоинствѣ своихъ поступковъ не то, согласны ли они или несогласны *внѣшне съ предписаніями* нравственнаго закона,—каковаго, какъ формальнаго предписанія, заключеннаго въ букву, у христіанина, собственно, быть не должно, ибо онъ не подъ закономъ, а подъ благодатію, — а то, связаны ли они генетически съ Христовою истиною и составляютъ ли непосредственный плодъ любви къ Богу и ближнему. Само собою понятно, что государство, какъ учрежденіе человѣческое, не можетъ даровать человѣку, ни знанія божественныхъ истинъ, ни свободы отъ грѣха, ни быть, наконецъ, руководителемъ совѣсти,

сматриваемый имъ, былъ совершенно иного вида. Что ни одинъ протестантъ не свободенъ въ своихъ изслѣдованіяхъ отъ протестантскихъ началъ,—доказательствъ на это можно привести безчисленное множество. Напр. Лютеръ отвергъ подлинность посланія апостола Іакова потому только, что оно противорѣчитъ принципу его ученія оправданія одною вѣрою. F. Baur въ своей книгѣ: «Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. Tubingen, 1852», наияснѣйшимъ образомъ показалъ полнѣйшую зависимость историческихъ протестантскихъ школъ и ихъ изслѣдованій отъ вѣроисповѣдныхъ принциповъ того или другаго времени. Тоже самое нужно сказать и о тюбингенской школѣ, къ которой принадлежитъ Бауръ. А вѣроисповѣдныя воззрѣнія этихъ школъ представляютъ въ свою очередь ступени развитія основнаго протестантскаго принципа. Современный раціонализмъ и индиферентизмъ въ протестантствѣ, а отсюда распространяющійся и на другія вѣроисповѣданія, есть результатъ, или прямой логическій выводъ изъ протестантскаго принципа, который по своему существу—пантеистическій. Такъ называемое 300-вѣковое *развитіе* протестантства состоитъ въ отдѣленіи раціоналистически-пантеистическаго начала отъ тѣхъ христіанскихъ воззрѣній, которыя еще удержались въ немъ отъ добраго стараго времени

этого сокрытаго въ тайникахъ человѣческаго духа неумытнаго судіи. Поэтому религіозная свобода будетъ состоять въ правѣ индивидуума, или многихъ единомысленныхъ индивидуумовъ, проявлять принципы своей религіи независимо отъ насильственнаго вторженія государства и его несогласныхъ съ духомъ исповѣдуемой религіи установленій. Мысль объ отдѣленіи религіозныхъ дѣлъ отъ государственныхъ І. Христосъ ясно выразилъ по слѣдующему поводу: фарисеи, чтобы уловить Господа и такимъ образомъ изыскать предлогъ обвинить Его, послали своихъ учениковъ спросить Его, нужно ли давать подать Кесарю? І. Христосъ, какъ извѣстно, обратилъ вниманіе вопрошающихъ на монету и изъ начертанія на ней изображенія Кесаря вывелъ заключеніе, что Кесарю нужно отдавать только то, что Кесарево, а Божіе слѣдуетъ отдавать Богу (Мѳ. 22, 16—21). Для завѣдыванія дѣлами духовно-религіозными І. Христосъ создалъ особую власть церковную (Іоан. 20, 21—23; Ефес. 4, 11; Мѳ. 16, 18; 18, 18; 1 Кор. 12, 28), долженствующую заботиться о созиданіи тѣла Христова и о нравственномъ усовершенствованіи вѣрующихъ, доколѣ весь родъ человѣческій не пріидетъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова (Ефес. 4, 12, 13). Такимъ образомъ, І. Христосъ вполнѣ отдѣлилъ духовно-религіозныя дѣла отъ гражданскихъ, внутренняго, духовнаго человѣка отъ человѣка мірскаго, свѣтскаго. Поэтому духовная власть должна занять равноправное положеніе съ свѣтскою. По апостолу (Римл. 13, 1), обѣ власти отъ Бога установлены, только духовная власть завѣдуетъ дѣлами религіи и совѣсти, а свѣтская заботится о внѣшнемъ благосостояніи человѣка. Будучи независимы другъ отъ друга, но дѣйствуя на одного и того же человѣка, обѣ власти, очевидно, не могутъ не сталкиваться на этомъ пунктѣ и потому не могутъ обойдтись безъ точнаго опредѣленія взаимныхъ правъ и отношеній. Эти отношенія, въ случаѣ столкновенія обѣихъ властей, апостолы

опредѣлили въ общихъ чертахъ такъ, чтобы дѣло Божіе имѣло преимущество предъ дѣломъ человѣческимъ (Дѣян. 4, 19). Это значитъ, что истина всегда должна имѣть преимущество предъ заблужденіемъ и что нравственная цѣлость личности, святость и неприкосновенность ея убѣжденій болѣе цѣнны, чѣмъ несогласные съ правдою государственные законы. Посему государство, чтобы избѣгнуть безполезной борьбы съ церковію, должно въ своихъ распоряженіяхъ о временной пользѣ человѣка имѣть въ виду вѣчное его спасеніе и конечную цѣль его бытія, должно руководствоваться закономъ высшей правды и истины. Но заповѣдуя оказывать предпочтеніе дѣлу Божію предъ дѣломъ человѣческимъ, апостолы совершенно воспретили бунты противъ богоустановленныхъ властей, напротивъ, завѣщали полную покорность имъ, терпѣніе отъ нихъ гоненій и притѣсненій, почтеніе къ нимъ и постоянныя молитвы за нихъ (1 Петр. 2, 17—20; Римл. 13, 1—5; 1 Тим. 2, 2).

Само собою должно быть понятно, что начертанныя въ словѣ Божіемъ отношенія церкви Христовой къ государственной власти не могли быть на практикѣ установлены вдругъ, путемъ мирнымъ, безъ долгой и тяжелой борьбы. Всемірное римское государство находилось, въ моментъ пришествія Христова, на верху своей славы; оно имѣло за собою блестящую исторію и служило представителемъ высшей и могущественнѣйшей цивилизаціи тогдашняго міра; всѣ его учрежденія, составлявшія его гордость и славу, были связаны съ языческимъ культомъ самымъ тѣснымъ образомъ; наконецъ, императоры его, носители и выразители верховной власти, были вмѣстѣ и верховными первосвященниками, оффиціальными хранителями культа, создавшаго и возвеличившаго римское государство. Неудивительно потому, что проповѣдь о Христѣ Распятомъ, и при томъ людьми весьма незначительными и неученными, показалась еллинамъ, ищущимъ мудрости, безуміемъ (1 Кор. 1, 23), а императорамъ, какъ представителямъ власти, непосредственно даже и не возвѣще-

на была и не испрошено было у нихъ дозволеніе на возвѣщеніе Евангелія: они, какъ и слѣдовало ожидать, съ презрѣніемъ отвергли бы принятіе такой, на первый взглядъ безумной, вѣры и воспретили бы распространять ее. Опытъ жесточайшихъ трехвѣковыхъ послѣдующихъ гоненій на христіанъ показалъ, что они, какъ представители римскаго культа и государственности, не могли отнестись къ христіанству иначе. Поэтому апостолы, исполняя завѣтъ Спасителя—проповѣдовать Евангеліе спасенія *всѣмъ языкамъ* (Мѳ. 28, 19), прежде всего возвѣстили его *буіимъ* міра сего, т. е. людямъ низкимъ, простымъ и худороднымъ, и между ними, главнымъ образомъ, нашли себѣ прозелитовъ. Посмотрите братіе,—пишетъ апостолъ Павелъ къ Коринѳянамъ, — кто вы призванные: не много изъ васъ мудрыхъ по плоти, не много сильныхъ, не много благородныхъ. Но Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ, и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего незначущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее (1 Кор. 1, 26. 27. 28). Этимъ проповѣдь апостоловъ и ихъ ближайшихъ преемниковъ существеннымъ образомъ отличается отъ позднѣйшихъ миссій между новоевропейскими, германскими и славянскими, народами. Кто хоть нѣсколько знакомъ съ исторіею распространенія христіанства между этими народами, въ особенности же съ исторіей латинскихъ миссій между западно-европейскими племенами, тому не можетъ не броситься въ глаза, что миссіонеры, по прибытіи въ страну того или другаго племени, прежде всего обращались къ его князю или начальнику, съ одной стороны чтобы испросить у него дозволеніе на проповѣдь, а съ другой—чтобы предварительно его самого обратить къ христіанству. И князья племенъ дозволяли проповѣдь Евангелія, сами предварительно крестились и затѣмъ крестили свой народъ; потому что, будучи варварами и не имѣя за собою никакой исторіи, видѣли въ этомъ средство къ введенію граждан-

ственности между подчиненными имъ племенами и заключенію связи съ цивилизованными народами, религія которыхъ, какъ источникъ всякихъ благъ, не могла ихъ не поразить. Эту разность въ образѣ распространенія христіанства въ греко-римскомъ мірѣ и между новоевропейскими народами необходимо нужно имѣть въ виду для правильнаго уясненія отношеній церкви къ государству, установившихся въ византійской имперіи.

Обращеніе Константина Великаго къ христіанству совершилось тогда, когда римское государство истощило уже всѣ средства въ борьбѣ съ христіанами, когда болѣе не оставалось никакого сомнѣнія, что римское язычество отжило свой вѣкъ, а христіанство представляетъ свѣжую и несокрушимую силу. Даже гонители христіанъ, издавая указы для прекращенія воздвигнутыхъ ими гоненій, сознавались, что „христіанъ никакимъ образомъ нельзя заставить отказаться отъ ихъ упорства“ (т. е. отречься отъ своего ученія) (1) и что „почти всѣ люди оставили служеніе богамъ и присоединились къ народу христіанскому“, вслѣдствіе чего собственно и отмѣнялись гоненія (2). Константинъ великій, воспитывавшійся при дворѣ Діоклитіана (3), видѣлъ здѣсь несправедливыя гоненія на христіанъ; самъ слышалъ, какъ даже „жертвосовершители“ называли ихъ „праведниками“; неоднократно могъ убѣдиться въ твердости ихъ духа, благородствѣ и возвышенности ихъ мыслей, и, какъ просвѣщенный и геніальный юноша, не могъ не сознавать, что бѣдствія, постигавшія имперію со стороны варваровъ или отъ естественныхъ причинъ, составляютъ прямое слѣдствіе ненавистнаго отношенія прежнихъ правителей къ христіанамъ. Сынъ благочестиваго и расположеннаго къ христіанству от-

---

(1) Церк. ист. Евсевія. кн. IX, гл. 1 стр. 513 по русск перев.

(2) Ibid. IX, 9. стр. 533- 536 по русск пер.

(3) Евсевій, Жизнь Констант велик. I, 12. стр 64—66 по русск. пер

ца и еще болѣе благочестивой матери, возбудившій своими тѣлесными и душевными качествами зависть въ гонителяхъ христіанъ, геніальный настолько, чтобы съ очевидностію узрѣть могущество христіанскаго Бога и безсиліе боговъ языческихъ, онъ рѣшился послѣдовать примѣру своего отца, котораго онъ сдѣлался преемникомъ, и явить себя благосклоннымъ къ христіанамъ (1). Въ 312 году онъ породнился съ правителемъ востока Ликиніемъ, выдавъ за него сестру свою Констанцію, и въ томъ же самомъ году оба они сообща издали благопріятный христіанамъ эдиктъ, въ которомъ всякому дозволялось свободно исповѣдовать свою религію (2). Вслѣдъ за тѣмъ Константинъ порѣшилъ избавить Римъ отъ тиранна Максентія и въ борьбѣ съ нимъ уже окончательно склонился на сторону христіанства.

Полагая, что безъ содѣйствія Высшаго Существа невозможно совершить ни одного великаго дѣла, ни тѣмъ болѣе побѣдить страшнаго врага, Константинъ началъ размышлять о томъ, „какого Бога призвать-бы себѣ на помощь“. Размышленіе о жалкой участи тирановъ — гонителей христіанъ, и о благополучномъ царствованіи отца его, Констанція. привело его къ рѣшенію признать Единымъ Истиннымъ Богомъ—Бога христіанскаго (3). Къ тому же случилось еще слѣдую-

---

(1) Жизнь Конст. вел. I, 13 14. 16 19. 20. 21. 22. 27, II, 48—60. стр. 66—77, 143—150, Церковн. Истор. Евсев IX, 8, стр 524—529 по русск. пер

(2) Allzog, Handbuch der universal=Kirchengeschichte. Mainz, 1872. I. 157, Евсев, Жизнь К. в. I, 50 стр. 96 по р пер.

(3) Жизнеописатель Константина, Евсевій, такимъ образомъ описываетъ внутреннюю борьбу его при рѣшеніи вопроса, какого Бога признать истиннымъ Богомъ? «Уразумѣвъ, что ему нужна помощь выше воинскихъ средствъ. Константинъ, для отраженія злоумышленныхъ и чародѣйскихъ хитростей, которыми любилъ пользоваться тираннъ, искалъ помощи Божіей. Вооруженіе и множество войска почитая средствами второстепенными, онъ признавалъ непреоборимымъ и несокрушимымъ только

щее обстоятельство: „уже находясь въ походѣ противъ Максентія и однажды усердно молясь Богу, чтобы Онъ самъ благоволилъ открыть Себя, Константинъ вдругъ увидѣлъ, въ полуденное время—когда солнце начало уже склоняться къ западу", составившееся изъ свѣта и лежавшее на солнцѣ знаменіе креста, съ надписью: „симъ побѣждай" (τούτῳ νίκα) (1). Вмѣстѣ съ нимъ увидѣло это чудесное явленіе и все его войско, и пришло въ такой же ужасъ, какъ и онъ самъ. Затѣмъ, въ наступившую ночь явился ему во снѣ самъ Спаситель съ видѣннымъ имъ знаменіемъ на небѣ и повелѣлъ по образцу его сдѣлать воинское знамя и употреблять его

содѣйствіе Бога Поэтому сталъ думать, какого Бога призвать бы себѣ на помощь При рѣшеніи сего вопроса, ему пришло на мысль, что не малое число прежнихъ державныхъ лицъ, возложивъ свою надежду на многихъ боговъ и служа имъ жертвами и дарами, прежде всего бывали обманываемы ложными оракулами, обольщались благопріятными предсказаніями и оканчивали свое дѣло неблагопріятно Ни одинъ изъ боговъ не былъ къ нимъ столь милостивъ, чтобы не подвергъ ихъ посланнымъ свыше бѣдствіямъ Только отецъ его шелъ путемъ тому противнымъ. Видя ихъ заблужденіе и во всю жизнь чтя единаго верховнаго Бога всическихъ, онъ находилъ въ Немъ спасителя своего царства, хранителя его и руководителя ко всякому благу. Константинъ различалъ это самъ про себя и основательно разсуждалъ, что полагавшіеся на многихъ боговъ подвергались и многимъ бѣдствіямъ; такъ что между людьми не осталось ни рода ихъ, ни племени, ни корня, ни имени, ни памяти. между тѣмъ какъ Богъ отца его давалъ ему чувствовать разительныя и весьма многія доказательства своей силы Сверхъ того наблюдалъ онъ, что прежде уже вступавшіе въ войну съ тиранномъ (Галеріи Максимианъ, Максиминъ и Северъ) сражались при множествѣ боговъ, однакожъ имѣли постыдный конецъ: одинъ изъ нихъ удалился со стыдомъ, не начавши еще дѣла (Галерій), а другой, пораженный среди самаго войска, сдѣлался легкою добычею смерти (Северъ) Слагая все это въ своей мысли, онъ почиталъ безуміемъ—попусту держаться боговъ несуществующихъ и, послѣ столькихъ доказательствъ, оставаться въ заблужденіи, а потому убѣдился, что должно чтить Бога отеческаго. Жизнь Конст. вел Евсевія II, 27. стр. 77—97 по русск пер.

(1) Евсевій говоритъ, что разсказъ объ этомъ чудесномъ явленіи онъ слышалъ отъ самого Константина великаго, который «съ клятвою» увѣрялъ его въ дѣйствительности этого событія, и что потому оно не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Ibid II, 28. стр. 79 по русск. пер.

для защиты отъ нападенія враговъ. На слѣдующій же день Константинъ исполнилъ повелѣніе Спасителя,— созвалъ художниковъ, какіе находились въ его лагерѣ, описалъ имъ знаменіе креста, видѣнное имъ на небѣ, и тотчасъ же по образцу его повелѣлъ сдѣлать хоругвь, т. е. древко съ золотымъ, украшеннымъ драгоцѣнными камнями, крестомъ, и предносить его предъ войскомъ. какъ знамя. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принялъ оглашеніе отъ христіанскихъ священниковъ, какихъ могъ достать на этотъ случай, повелѣлъ имъ постоянно пребывать при войскѣ и самъ сталъ заниматься изученіемъ слова Божія. Признавъ такимъ образомъ христіанство непобѣдимою и всепобѣждающею силой, онъ смѣло выступилъ противъ Максентія. послѣ нѣсколькихъ сраженій овладѣлъ почти всею Италіей и подступилъ къ самому Риму. 28 октября 312 г. Максентій потерялъ послѣднее сраженіе и погибъ въ волнахъ Тибра, а Константинъ, какъ побѣдитель и августъ. вступилъ въ Римъ. Римляне съ восторгомъ привѣтствовали его, какъ избавителя отъ тиранна. Константинъ, въ знакъ благодарности своей къ Богу, воздвигъ означенную священную хоругвь среди самаго Рима и при этомъ сдѣлалъ надпись: „сіе спасительное знамя есть хранитель римской имперіи и всего царства“. Когда же вслѣдъ за тѣмъ римляне поставили въ честь его статую на самомъ видномъ мѣстѣ своего города, онъ немедленно повелѣлъ прикрѣпить эту хоругвь къ ея рукѣ и сдѣлать надпись такого содержанія: „Этимъ спасительнымъ знаменіемъ, доказательствомъ мужества, я спасъ и освободилъ вашъ городъ отъ ига тиранна, и, по освобожденіи его, возвратилъ римскому сенату и народу прежній блескъ и знаменитость“. Такимъ образомъ онъ не только самъ склонился на сторону христіанства, но весьма рѣшительно возвѣстилъ его и самимъ римлянамъ (1).

(1) Евсевій. Жизнь Константина вел II. 27—40. стр 77—89; Церк Ист Евсев. IX. 9. стр. 529—533 по р. пер.

Вскорѣ послѣ того (313) онъ, опять по согласію съ Ликиніемъ, издалъ въ Миланѣ новый эдиктъ, еще болѣе благопріятный христіанамъ, чѣмъ прежній, дарующій имъ полную свободу въ отправленіи своей религіи. „Водясь здравымъ и правымъ смысломъ,—говорилось въ этомъ эдиктѣ,—объявляемъ слѣдующую нашу волю: пусть рѣшительно никому не запрещается избирать и соблюдать христіанское Богослуженіе, но каждому отдается на произволъ обращаться мыслію къ той вѣрѣ, какую кто находитъ согласною съ собственнымъ убѣжденіемъ, чтобы божество при всякомъ случаѣ ниспосылало намъ скорую помощь и всякое благо... Отнынѣ каждый, рѣшившійся соблюдать христіанское богослуженіе, пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія". Но вмѣстѣ съ этимъ давалось „право и другимъ, по желанію, соблюдать свои обычаи и свою вѣру". Такимъ образомъ этимъ эдиктомъ объявлялась свобода всѣмъ вѣроисповѣданіямъ и это сдѣлано для того, какъ сказано въ немъ далѣе, „чтобы не казалось, будто мы (Константинъ и Ликиній) хотимъ унизить достоинство какого бы то ни было богослуженія". Христіанамъ возвращались храмы и прочія общественныя имущества, отнятые у нихъ во время предшествовавшихъ гоненій (1). Недовольствуясь дарованіемъ свободы исповѣданія религіи христіанамъ въ своихъ областяхъ, Константинъ и Ликиній тотчасъ же сообщили этотъ эдиктъ Максимину, который раздѣлялъ съ Ликиніемъ господство надъ востокомъ, но который былъ крайне сусвѣренъ, приверженъ къ язычеству и вслѣдствіе того преслѣдовалъ христіанъ. Максиминъ не рѣшился противостоять своимъ могущественнымъ соправителямъ и поспѣшилъ издать къ префекту Сабину лицемѣрный эдиктъ, которымъ воспретилъ преслѣдовать христіанъ. Когда же въ слѣдующемъ году (314), уступая своей злой природѣ, объя-

(1) Евсевій, Церк. Ист. X, 5. стр. 576—580 по р. пер.

вилъ войну Ликинію и потерялъ сраженіе при Адріанополѣ, то на этотъ разъ онъ нелицемѣрно убѣдился въ могуществѣ христіанскаго Бога и издалъ новый эдиктъ, которымъ даровалъ христіанамъ полную свободу въ отправленіи религіи и повелѣлъ возвратить имъ имущества, отнятыя у нихъ во время гоненія. Вслѣдъ за тѣмъ онъ впалъ въ тяжкую и мучительную болѣзнь, призналъ ее наказаніемъ за несправедливое преслѣдованіе христіанъ и умеръ въ страшныхъ мученіяхъ пожираемаго огнемъ тѣла и духа, какъ нечестивѣйшій изъ злодѣевъ. Константинъ и Ликиній остались единственными владыками римской имперіи (1).

Миръ и доброе согласіе между ними продолжались десять лѣтъ. Но послѣ этого отношенія ихъ сдѣлались натянутыми; Ликиній сталъ строить козни противъ Константина и, считая христіанъ его союзниками и приверженцами, воздвигъ противъ нихъ гоненіе, а язычникамъ началъ явно покровительствовать. Прежде всего онъ воспретилъ епископамъ разныхъ городовъ и областей имѣть общеніе между собою и составлять соборы, съ тѣмъ, чтобы или вынудить ихъ къ нарушенію этого несправедливаго закона и чрезъ то получить благовидный предлогъ къ объявленію формальнаго гоненія на всѣхъ христіанъ, или же, въ случаѣ исполненія, внести разстройство въ область христіанскаго ученія и церк. дисциплины, споры о которыхъ только и могутъ быть правильно рѣшены на соборахъ. Затѣмъ удалилъ изъ своего дворца всѣхъ христіанъ, низвелъ ихъ въ состояніе рабства, а имущества ихъ отнялъ въ казну; воиновъ, которые отказались принести жертву языческимъ богамъ, повелѣлъ удалить изъ войска; воспретилъ христіанскимъ мущинамъ и женщинамъ вмѣстѣ собираться въ храмы и молитвенные домы, подъ тѣмъ предлогомъ, что чрезъ это можетъ быть нарушена цѣломудренная чистота; повелѣлъ женщинамъ обучаться

(1) Евсевій, Церк. ист. VIII, 13. стр. 498—499 по р. пер.; IX, 9—11. стр. 532—534 по русск. пер. Евсевій, Жизнь Константина вел. I, 58. 59. стр. 103—105 по р. пер.

истинамъ христіанской религіи только у женщинъ, но не у епископовъ; наконецъ, воспретилъ христіанамъ отправлять свое богослуженіе въ городскихъ церквахъ, а дозволилъ собираться на молитву только на открытыхъ поляхъ, потому, якобы, что здѣсь чище и свѣжѣе воздухъ; епископовъ сталъ подвергать страшнымъ пыткамъ и смертной казни. Слухъ обо всѣхъ этихъ неистовствахъ дошелъ до Константина, который, конечно, не могъ остаться равнодушнымъ къ преслѣдованію вѣры, признанной имъ истинною, и порѣшилъ освободить востокъ отъ власти тиранна. Поэтому война, вспыхнувшая между нимъ и Ликиніемъ, приняла характеръ войны религіозной. Константинъ отправился въ походъ подъ знаменемъ креста, окруженный христіанскими епископами и священниками; Ликиній „окружилъ себя прорицателями и египетскими гадателями, отравителями и волхвами“. Константинъ возносилъ молитвы христіанскому Богу и у Него испрашивалъ заступничества и помощи; Ликиній искалъ милости у отвергнутыхъ боговъ языческихъ. Однажды, принесши жертву въ одной влажной и тѣнистой рощѣ предъ началомъ сраженія, онъ старался воодушевить своихъ воиновъ именно религіозной идеей, показавъ имъ насколько возможно яснѣе, что отъ исхода настоящей войны будетъ зависѣть дальнѣйшее существованіе отечественной вѣры. „Любезные друзья и соотечественники!—сказалъ онъ,—вотъ отечественные боги, которыхъ мы чтимъ, принявъ издавна отъ предковъ (наставленіе) благоговѣть предъ ними! Напротивъ, начальникъ враждебнаго намъ войска, отвергнувъ отечественные обычаи, принялъ безбожное мнѣніе и, находясь въ заблужденіи, прославляетъ иностраннаго, не знаю, откуда взятаго Бога. Постыднымъ Его знаменіемъ онъ срамитъ свое войско. Довѣрившись Ему, онъ поднимаетъ оружіе не противъ насъ, а болѣе противъ оставленныхъ имъ боговъ. Настоящее время откроетъ, кто заблуждается въ своемъ мнѣніи; оно отдастъ преимущество или нашимъ богамъ, либо (богамъ) стороны противной: ибо если увѣнчаетъ по-

БИБЛІОТЕКА СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ

бѣдою насъ, то со всею справедливостію докажемъ, что спасители и истинные помощники суть наши боги; а когда надъ нашими богами, которыхъ такъ много и которые числомъ донынѣ имѣютъ преимущество, одержитъ верхъ какой-то, не знаю, откуда взявшійся Богъ Константина, то пусть уже никто не остается въ сомнѣніи, Кого почитать Богомъ, пусть всякій обратится къ сильнѣйшему и отдастъ Ему пальму побѣды. Въ самомъ дѣлѣ, если сильнѣйшимъ окажется этотъ, нами теперь осмѣиваемый, Богъ чужестранный; то и намъ нужно будетъ признать Его и чтить, и надолго распрощаться съ тѣми, которымъ попусту возжигаемъ свѣчи: а когда побѣдятъ наши,—что̀ несомнѣнно,—то. послѣ теперешней побѣды, устремимся войною на безбожныхъ". Въ послѣдующей за тѣмъ битвѣ при Византіи (323) оружіе рѣшило въ пользу христіанскаго Бога. Ликиній просилъ пощады у своего противника и — получилъ; но вскорѣ нарушилъ условія мира, снова возсталъ на Константина и въ настоящій разъ потерялъ вмѣстѣ съ жизнію и царство. Христіанство въ лицѣ Константина одержало рѣшительную побѣду надъ греко-римскимъ язычествомъ (1).

---

(1) Церк. Ист Евсев X, 8. 9. стр 586—596 по р пер. Евсевій, Жизнь Конст вел I, 49—56; II, 1—18 стр 95—102, 107—121.— Христіанство до того усилилось ко временамъ Константина великаго, заявило себя столь свѣжею и несокрушимою силой, что многіе западные писатели пользуются этимъ обстоятельствомъ, чтобы доказать, ради какихъ-нибудь своихъ тенденціозныхъ цѣлей, что обращеніе Константина къ христіанству было неискренне, что онъ принялъ сторону христіанъ изъ видовъ политическихъ, и что, потому, поступалъ съ ними лишь такъ, какъ ему казалось лучше для цѣлей политики. Напримѣръ, извѣстный католическій историкъ, Пихлеръ, разсуждаетъ такимъ образомъ Er (Константинъ) war Zeuge gewesen, dasz keine Verfolgung im Stande sei, die innere Macht der Christen zu brechen, und dachte nun daran, selbst, wenigstens auszerlich, Christ zu werden, um diese ganze machtige Partei sich zu gewinnen (Pichler, Geschichte d Kirchl. Trennung. Munchen, 1864. I. 39). War doch Konstantins Ubertritt zum Christenthum selbst nur in der politischen Berechnung und naturlichen Einsicht von der unbezwingbaren Macht desselben begrundet (p 40—41). Er betrachtete und behandelte die

Хотя въ эдиктѣ, изданномъ въ Миланѣ въ 313 г. и объявлена была одинаковая свобода всѣмъ вѣроисповѣданіямъ—языческому и христіанскому; но выпол-

---

Kirche als das Werkzeug der Politik, und gebrauchte nicht umgekehrt seien politische Gewalt nur zum Dienste der Religion (p 19). Подробно опровергать подобное мнѣніе мы не судетъ, да и не слѣдуетъ Замѣтимъ только, что психологически не возможно, чтобы язычникъ могъ оставаться равнодушнымъ къ вѣрѣ и совершенно безрелигіознымъ въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, когда кругомъ него кипѣла ожесточенная религіозная борьба, въ которую онъ въ концѣ концовъ вовлеченъ былъ самъ и въ которой онъ принялъ первенствующую роль Затѣмъ, дѣйствія Константина относительно христіанъ показываютъ совершенно противное тому, что утверждаетъ Пихлеръ: можно, напримѣръ, внѣшне изъ видовъ политики участвовать въ религіозныхъ торжествахъ и обрядахъ, когда это дѣлается въ виду толпы, при многочисленномъ стеченіи народа, но для чего было молиться христіанскому Богу ночью, втайнѣ?—какъ это утверждаетъ о Константинѣ его жизнеописатель, Евсевій Далѣе, орудіемъ какой политики сдѣлалъ Константинъ церковь Христову? Досель извѣстна была только одна политика—римско-языческая Какимъ же образомъ христіане, претерпѣвшіе досель самыя кровавыя гоненія за вѣру, вдруг поддались на столь аляповатую уловку новаго владыки Рима? — и вообще, возможно ли психически и исторически, въ виду образованія грозной, несокрушимой партіи внѣшне принять ея принципы съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ее потомъ орудіемъ иной, совершенно враждебной ея принципамъ, политики?—не заключается ли внутренняго противорѣчія въ подобномъ образѣ представленія? и наоборотъ,—не естественнѣе ли и не логичнѣе ли такое пониманіе дѣла, что Константинъ в., хотя бы и внѣшне принявшій христіанство—съ цѣлію достичь единодержавія въ римскомъ государствѣ, впослѣдствіи волею неволею самъ долженъ былъ сдѣлаться орудіемъ его принциповъ, положить начало новой политики, новой цивилизаціи, новой гражданственности,—словомъ, новаго строя жизни,—христіанскаго? Въ томъ-то и дѣло, что вся теорія Пихлера и ему подобныхъ покоится не на фактахъ и не на свидѣтельствахъ современныхъ историковъ, а на излюбленныхъ взглядахъ и предвзятыхъ мысляхъ Напримѣръ, Пихлеръ, какъ католикъ усомнился въ искренности обращенія св Константина къ христіанству потому, что его отношенія къ церкви, послужившія образцемъ и зерномъ послѣдующихъ отношеній всѣхъ византійскихъ императоровъ, несогласны съ теоріей папства и совершенно противорѣчатъ тѣмъ отношеніямъ церкви къ государству, выразителемъ и проводникомъ которыхъ служитъ римская курія Воспитанный въ идеяхъ латинства или протестантства, европейскій западъ не можетъ себѣ и представить иныхъ понятій о свободѣ и объ отношеніи церкви къ государству, чѣмъ какія выработало папство и выродившееся изъ него протестантство со всѣми его отраслями —Что же касается того, что Кон-

нить на практикѣ это положеніе было невозможно, потому что доселѣ еще не было государства совершенно безрелигіознаго и безпринципнаго,—да такого государства и быть не можетъ. Девизъ современныхъ безконфессіоналистовъ: „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“ выработанъ недавно, да притомъ же на практикѣ неосуществимъ и потому представляетъ пустое слово безъ значенія. Лица, стоящія во главѣ управленія, непремѣнно такъ или иначе заявятъ свои религіозныя воззрѣнія, и это не можетъ не отразиться на характерѣ государственнаго законодательства и благосостояніи подданныхъ. Точно такимъ же образомъ и Константинъ великій, послѣ побѣды надъ Ликиніемъ, хотя вновь подтвердилъ полную свободу вѣроисповѣданій и положительно воспретилъ обезпокоивать кого либо изъ-за религіозныхъ убѣжденій, тѣмъ болѣе обращать къ вѣрѣ Христовой насильственно, потому что „иное дѣло—добровольно принять борьбу за безсмертіе, а иное быть вынужденнымъ къ ней посредствомъ казни“ (1),—тѣмъ не менѣе на практикѣ далеко не держался этого положенія, но предпринялъ рядъ законоположеній и мѣръ, которыя показывали, что христіанству онъ даетъ предпочтеніе предъ язычествомъ и что государство, по его идеѣ, должно сбросить свой прежній, языческій характеръ и сдѣлаться христіанскимъ государствомъ. Въ порывѣ благодарности ко Всевыш-

---

стантинъ повелѣлъ казнить ни въ чемъ неповиннаго сына Ликинія, Ликиніана, казавшагося ему опаснымъ,—своего собственнаго сына, Криспа, и потомъ вторую свою супругу, Фавсту; то относительно этого нужно замѣтить, что исторія представляетъ множество государей, которые устрашились бы названія невѣра или язычника и которые, однакожъ, совершали ужаснѣйшія казни, — а Константинъ совершилъ всѣ упомянутыя казни до принятія крещенія, что̀ весьма важно Его жизнеописатель, Евсевій, говоритъ, что онъ «съ утра до вечера изыскивалъ, кому бы оказать благодѣяніе», что «въ своихъ благотвореніяхъ былъ равенъ и одинаковъ ко всѣмъ», и что его даже упрекали за излишнюю снисходительность къ подданнымъ. Жизнь Конст вел IV, 2. 3 I, 43. 45. стр. 230—231; 91—93 IV 31 стр. 251.

(1) Евсевій, Жизнь Константина велик. II, 56. 60. стр. 148—150.

нему, онъ готовъ былъ. по его собственнымъ словамъ, принести Богу „всю свою душу, все чѣмъ дышетъ, все что только вращалось въ глубинѣ его ума“ (1). Поэтому его эдикты о равноправности вѣроисповѣданій имѣютъ тотъ лишь смыслъ, что онъ не хотѣлъ дѣлать слишкомъ крутаго переворота, гнать язычество и насильственно вводить христіанство, что необходимо повлекло бы къ величайшимъ затрудненіямъ и даже бѣдствіямъ.

Вѣру Христову онъ считалъ единственно истиною религіей, возстановленіемъ той первобытной религіи, которая дарована нашимъ прародителямъ еще въ раю при мірозданіи и которую родъ человѣческій потерялъ потомъ вслѣдствіе грѣхопаденія (2). Достигнувъ единодержавія въ римской имперіи, онъ взглянулъ на себя какъ на „служителя Божія“ (3), получившаго власть отъ Творца для того, чтобы „воспитываемый подъ его вліяніемъ родъ человѣческій призвать на служеніе священнѣйшему закону и, подъ руководствомъ Высочайшаго Существа, возрастить блаженнѣйшую вѣру“ (4). Поэтому христіане подъ его управленіемъ, должны пользоваться возможно полнымъ счастіемъ; потому что „иначе было бы нелѣпо, если бы служитель Божій не захотѣлъ придать ихъ славѣ большаго блеска и блаженства“, когда даже сами ревностные гонители ихъ признавали твердость ихъ души и удивлялись ихъ постоянству (5). Онъ и поставленъ для того, чтобы покровительствовать христіанамъ и исправлять погрѣшности ихъ прежнихъ притѣснителей (6). Уже послѣ побѣды надъ Максентіемъ онъ сталъ оказывать христіанамъ на западѣ всякое благоволеніе, строилъ церкви, награ-

(1) Евсевій, Жизнь Константина вел. II, 29. стр 130.
(2) Ibid. II, 57. стр. 148.
(3) Ibid. II, 55. стр. 147.
(4) Ibid. II, 28. стр. 129.
(5) Ibid. II, 29. стр. 130.
(6) Ibid. II, 31. стр. 132.

ждалъ епископовъ и клириковъ богатыми денежными подарками и освободилъ ихъ отъ тяжелыхъ, соединенныхъ съ значительными издержками, городскихъ обязанностей (1). Теперь, сдѣлавшись единодержавнымъ властителемъ римской имперіи, онъ поспѣшилъ издать эдиктъ, которымъ объявлялась свобода всѣмъ, заключеннымъ въ предшествовавшее гоненіе въ тюрьмы или рудокопни, изгнаннымъ изъ отечества, сосланнымъ на острова, отданнымъ въ рабство и уволеннымъ отъ почетныхъ должностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣвалось возвратить имъ все движимое и недвижимое ихъ имущество; если же исповѣдники почему либо уже померли, вслѣдствіе ли мученія и пытокъ, или тѣсноты тюремнаго заключенія, или отъ чего либо другаго; то имущества ихъ должны наслѣдовать ихъ ближайшіе родственники; а если и таковыхъ не окажется, то они должны быть отданы въ наслѣдіе церквамъ. Кромѣ того церквамъ должны быть возвращены земли, сады и домы, отнятые у нихъ во время гоненія, а также усыпальницы, гдѣ погребены тѣла мучениковъ и другихъ прославленныхъ христіанъ. Для болѣе быстраго и лучшаго приведенія въ исполненіе этихъ распоряженій онъ назначалъ въ провинціи такихъ начальниковъ, которые уже приняли христіанство, а тѣмъ, которые оставались въ язычествѣ, воспретилъ приносить языческія жертвы. Это послѣднее распоряженіе онъ сдѣлалъ для того, чтобы унизить язычество въ глазахъ народа и тѣмъ побудить его къ принятію христіанства. Вслѣдъ за описаннымъ эдиктомъ Константинъ издалъ еще два закона, изъ которыхъ первымъ воспрещалось совершать „идольское служеніе“, т. е. воздвигать статуи, заниматься предсказаніями и приносить жертвы богамъ, а вторымъ повелѣвалось строить церкви и воздвигать молитвенные домы и храмы (2). Клириковъ, а тѣмъ болѣе еписко-

(1) Евсевій, Жизн Конст. в I, 42. стр 90, Евсевій, Церк. Истор X, 6 7 стр. 584—587, Cod. Theodos lib. XVI, tit. 2. lex. 1, 2.

(2) Евсевій, Жизнь Константина вел. II, 30—45, стр. 131—141.

повъ освободилъ отъ государственныхъ податей (1); освобождены были отъ нихъ также и всѣ христіанскія церкви (2), но не языческіе храмы. Въ знакъ особеннаго благоговѣнія къ дню страданій Христовыхъ и славнаго Его воскресенія установилъ празднованіе пятка и особенно дня воскреснаго. Празднованіе этого послѣдняго дня онъ ввелъ также и въ свои войска, гдѣ каждый легіонъ получилъ особыхъ священниковъ и діаконовъ и устроилъ особую палатку для богослуженія (3). Сообразно съ этимъ онъ далѣе отмѣнилъ крестную казнь (4) и запретилъ преломлять голени осужденнымъ на смерть (5); крестъ, какъ орудіе спасенія всѣхъ людей и благосостоянія всѣхъ народовъ, онъ, напротивъ, повелѣлъ всячески чтить и изображать его на оружіи воиновъ, какъ знаменіе спасительной побѣды (6). Затѣмъ онъ отмѣнилъ кровавыя гладіаторскія побоища, гдѣ для удовлетворенія дикой страсти развратныхъ людей приносилась въ жертву человѣческая жизнь (7). Въ римской имперіи былъ несправедливый законъ, по которому лица, не вступавшія на бракъ до 25-лѣтняго возраста или бездѣтныя, не пользовались одинаковыми гражданскими правами съ людьми женатыми и имѣющими дѣтей и лишались права получать наслѣдство отъ родственниковъ по ихъ завѣщанію. Этотъ законъ, очевидно, изданъ государствомъ подъ вліяніемъ языческаго взгляда на подданныхъ, какъ только на рабочихъ единицъ, обязанныхъ доставлять государству лишь возможно больше солдатъ. Подъ вліяніемъ хри-

---

(1) Созоменъ, Церк. Ист. кн. I, гл. 9. стр. 38 по русск. пер.

(2) Cod Theodos. XI, 1. 1.

(3) Созоменъ, I, 8, стр. 35—36; Евсевій, Жизнь Константина велик. IV, 18. 19, стр. 240—242.

(4) Созоменъ, I, 8. стр. 36.

(5) Cod. Theodos. XV, 11. 1.

(6) Евсевій, Жизнь Константина велик. IV, 21. стр. 243; Созоменъ, I, 8 стр. 36.

(7) Созоменъ, I, 8. стр. 33—34.

тіанскихъ идей Константинъ нашелъ этотъ законъ крайне несправедливымъ; потому что женатыя лица, но не имѣющія дѣтей, отнюдь не виноваты въ томъ,—вина лежитъ въ ихъ природѣ; а тѣ, которыя остаются безбрачными изъ любви къ Богу, достойны не наказанія, а всякой похвалы. Поэтому Константинъ отмѣнилъ этотъ несправедливый законъ и даровалъ дѣвственникамъ даже нѣкоторыя преимущества предъ лицами брачными (1). Такъ какъ освобожденіе рабовъ на свободу обставлено было въ римскихъ законахъ чрезвычайными трудностями, то Константинъ, ревнуя о славѣ церкви Христовой и о введеніи христіанскихъ началъ въ своемъ государствѣ, издалъ относительно этого предмета три закона, которыми предписывалось, чтобы „всѣ освобождаемые въ церквахъ, при свидѣтельствѣ священниковъ, получали право римскаго гражданства“ (2). Іудеямъ положительно воспретилъ имѣть рабовъ изъ христіанъ; за неисполненіе этого закона наложена была опредѣленная денежная пеня, а рабовъ повелѣно все-таки отпускать на волю (3). Епископамъ, какъ служителямъ религіи истины и духа, предоставлено право посредствующаго суда, по которому лица, недовольныя судомъ свѣтскихъ начальниковъ или не желавшія судиться у нихъ, обращались за судомъ къ епископу, и судъ его считался рѣшительнымъ, ставился выше приговора другихъ судей, „такъ какъ-бы онъ произнесенъ былъ самимъ царемъ“ (4). Это право суда епископовъ въ дѣлахъ свѣтскихъ долго хранилось за ними и въ послѣдствіи; потому что римскіе законы, какъ очень строгіе и суровые, построеные исключительно на языческихъ началахъ, не знали суда милостиваго, основаннаго на любви и кротости. При возродившемся стремленіи государ-

(1) Созоменъ, I, 9 стр 37—38, Евсевій, Жизнь Константина велик. IV, 26 стр 246—247

(2) Созоменъ, I, 9. стр 38—39.

(3) Евсевій, Жизнь Константина велик, IV, 27. стр. 247—248

(4) Созоменъ, I, 9 стр. 38.

ства—быть государствомъ христіанскимъ и при невозможности разомъ преобразовать все законодательство въ духѣ христіанскихъ началъ, предоставленіе суда въ дѣлахъ свѣтскихъ епископамъ, какъ выразителямъ духа христіанской любви и кротости, обусловливалось такимъ образомъ потребностями времени и было крайнею государственною необходимостію (1).

Преобразуя, насколько возможно, законодательство въ духѣ христіанскихъ началъ, Константинъ на ряду съ этимъ употреблялъ репрессивныя мѣры противъ язычества, позорныхъ языческихъ обычаевъ, культа и храмовъ. Такъ „своими законами и указами онъ непрестанно запрещалъ приносить жертвы идоламъ, вопрошать гадателей, воздвигать статуи, совершать таинственныя посвященія и осквернять города убійствами единоборцевъ“ (2). Въ своей ревности къ вѣрѣ Христовой онъ дошелъ даже до того, что сталъ „повсюду заключать врата идолослуженія“ и воспретилъ „всѣ виды жертвоприношеній“ (3). Но это послѣднее распоряженіе не было приведено въ исполненіе (4). Константинъ повелѣвалъ разрушать преимущественно тѣ храмы и отмѣнялъ такіе обычаи, которые соединены были съ явнымъ обманомъ и развращали народную нравственность. Такъ напр. онъ повелѣлъ разрушить храмы Венеры въ Афакѣ и Иліополисѣ, городахъ Финикіи; потому что въ этихъ храмахъ практиковался развратъ во всевозможныхъ видахъ, естественныхъ и противоестественныхъ: дѣвы лишались своего цѣломудрія, мущины принимали на себя роль женщинъ и пр. Въ Иліополисѣ на мѣсто храма Венеры Константинъ построилъ велико-

---

(1) Riffel, Geschichtliche Darstellung des Verhältnisses zwischen Kirche und Staat von der Grundung des Chistenthum bis auf Justinian I Mainz, 1836. p 231—250.

(2) Евсевій, Жизнь Константина велик IV, 23. стр 245, Созоменъ, I, 8 стр. 33

(3) Евсевій, Жизнь Константина велик. IV, 23. стр 244

(4) Allzog, 1. p. 260.

лѣпную церковь и поставилъ при ней епископа, пресвитеровъ и діаконовъ. Равнымъ образомъ разрушилъ храмъ Эскулапа въ Эгинѣ, какъ притонъ обмана для простаго народа и легковѣрныхъ (1). Такое разрушеніе языческихъ капищъ совершалось повсюду. При этомъ Константинъ старался показывать всю наготу и обманность языческихъ капищъ: идолы, въ нихъ находящіеся, были вытаскиваемы, золото и серебро было сдираемо съ нихъ и тутъ же переплавляемо, а идолы оголенные отдавались на посмѣяніе толпы; храмы языческіе были обезображиваемы и представляли печальный видъ (2). Въ Александріи былъ обычай назначать для служенія рѣкѣ Нилу мужеложцевъ. Константинъ отмѣнилъ этотъ отвратительный обычай: всѣхъ мужеложцевъ онъ повелѣлъ истребить, какъ скверну,—„чтобы страдающихъ такимъ недугомъ разврата и глаза невидѣли“. Послѣ этого вода въ Нилѣ поднялась такъ высоко, какъ никогда не поднималась (3). Нилометръ, которымъ измѣрялось возвышеніе нильскихъ водъ, сталъ съ того времени вноситься не въ языческіе храмы, а уже въ христіанскія церкви (4), Ко всему этому Константинъ издалъ еще множество законовъ, которыми воспрещалось распутство во всевозможныхъ видахъ, доселѣ не только не преслѣдуемое, но даже поощряемое (5). Результатомъ подобнаго рода мѣропріятій было то, что язычники или принимали христіанскую вѣру, или же, если и не принимали, то стали насмѣхаться надъ древними богами, которыхъ они прежде признавали, и презирать суетность своихъ предковъ (6).

---

(1) Евсевій, Жизнь Константина велик III, 55—58. стр. 209—214.

(2) Ibid III, 54 стр 207—209, Созоменъ, II, 5. стр 91—93.

(3) Евсевій, Жизнь Константина велик. IV, 25. стр. 245.

(4) Созоменъ, I, 8. стр. 33.

(5) Ibid. I, 8 стр 36.

(6) Евсевій, Жизнь Константина велик. III, 57. стр. 212.

Параллельно съ разрушеніемъ языческихъ капищъ и уничтоженіемъ позорныхъ языческихъ обычаевъ Константинъ сооружалъ христіанскія церкви, одарялъ ихъ землями, садами и денежными вкладами, заботился о списываніи священныхъ книгъ, самъ благотворилъ и развивалъ христіанскую благотворительность (1). Въ Іерусалимѣ на мѣстѣ Гроба Господня онъ построилъ великолѣпный храмъ Воскресенія; точно такія же величественныя церкви онъ воздвигъ въ Никомидіи, Антіохіи, Мамврѣ и многихъ другихъ городахъ Европы и Азіи. Мать его, Елена, построила христіанскіе храмы въ Виѳлеемѣ и на горѣ Елеонской (2). Но важнѣйшимъ его дѣломъ въ этомъ отношеніи было созданіе Константинополя, который онъ назвалъ новымъ Римомъ. „Когда все шло по его желанію, говоритъ Созоменъ, и дѣла съ иноплеменниками были окончены частію войнами, частію переговорами, онъ захотѣлъ построить соименный себѣ и равночестный Риму городъ. Для сего, прибывъ на поле илійское, близъ Геллеспонта, гдѣ—могила Аякса и гдѣ воевавшіе противъ Трои ахеане, имѣли, говорятъ, корабельную пристань и лагерь, обозначилъ тамъ форму и величину города и на возвышенномъ мѣстѣ поставилъ ворота, которыя плавателямъ и теперь видны съ моря. Когда онъ занимался этимъ, однажды ночью явился ему Богъ и повелѣлъ искать другаго мѣста для города, указавъ на ѳракійскую Византію, по ту сторону виѳинскаго Халкидона тамъ приказано ему построить городъ и назвать его именемъ Константина. Царь послушался слова Божія и, распространивъ прежнюю Византію, обнесъ ее огромными стѣнами“ (3). Мысль о чудесномъ построеніи Константиноля, новаго Рима, поддерживается и всѣми

---

(1) Жизнь Конст вел. IV, 27. 28 36. 37. стр 248—249, 254—255.

(2) Ibid. III, 25 — 43, 48. 50. 51. стр 186—198; 202—204; Созоменъ, II, 2. 3 4. стр. 81—90.

(3) Созоменъ, II, 3 стр 83

послѣдующими греческими историками и хронистами: Зонарою, Кедриномъ, Ник. Каллистомъ, Конст. Манассою, Кодиномъ Куропалатою и др. Императоръ Юстиніанъ I. замѣчаетъ о Константинополѣ, что онъ основанъ милосердымъ Богомъ со многими предзнаменованіями (1). Нѣтъ сомнѣнія, что избрать Византію столицею новаго христіанскаго государства побудило Константина главнымъ образомъ счастливое ея положеніе между двухъ міровъ: азіатскаго и европейскаго на берегу моря, дающаго возможность быстраго и легкаго сообщенія со всѣми провинціями обширной римской имперіи.

Константинополь, по идеѣ его основателя, долженъ быть по преимуществу христіанскимъ городомъ, центромъ и оплотомъ новосозданнаго христіанскаго государства въ предѣлахъ римской имперіи. Древній Римъ съ своими живыми и величественными памятниками язычества былъ неспособенъ сдѣлаться столицею такого государства. Въ немъ почти всѣ высшіе классы держались еще язычества (2) и римляне оказывами сильное сопротивленіе намѣреніямъ Константина ввести христіанство во всѣхъ областяхъ имперіи (3). Невозможность преобразовать Римъ въ столицу вновь организованнаго христіанскаго государства и побудила Константина перенести ее въ незначительную доселѣ Византію (4); а

---

(1) Quae Deo propitio cum melioribus condita est auguriis. Cod Iust. L 1 tit 17 l. 1. § 10

(2) Hergenrother, Photius Patriarch von Constantinopel Regensburg, 1867. 1. p 5, Pichler. 1 41.

(3) Allzog, 1 p. 260.

(4) Это намѣреніе Константина при перенесеніи столицы столь очевидно, что его признаютъ и западные писатели, какъ напр., Allzog. (1. p. 260), Гергенротеръ и др Гергенротеръ говоритъ. das alte Rom schien nicht geeignet, der Mittelpunct des neu zu organisirenden Reiches zu sein, seine Traditionen stellten diesem nur Schwierigkeiten entgegen. Dagegen fand der Kaiser am Bosporus ein weit günstigeres Terrain, einen viel empfänglicheren, jungfraulichen Boden, der die Keime neuer politischer Ordnungen freudig in sich aufnahm und in ihnen die Bedingungen seines eig-

чтобы это перенесеніе не встрѣтило какого-нибудь сопротивленія со стороны вельможъ и государственныхъ

---

enen Gedeihens ersah. (1. p 5). Но Пихлеръ, исходя изъ своей ультрамонтанской точки зрѣнія, полагаетъ, что Константинъ потому перенесъ столицу въ Византію, что боялся римскаго первосвященника, что, смотря на церковь, какъ только на орудіе своей политики, онъ и не могъ оставаться въ Римѣ близъ представителя и хранителя церковной свободы — папы, и что въ новой столицѣ, имъ самимъ основанной, онъ думалъ соединить христіанское священство съ языческимъ понтифексомъ, чтобы тѣмъ укрѣпить свою власть и силу государства. Bald schon fingen die Romischen Kaiser an, die Bedeutung des Romischen Bischofes zu fuhlen.. Die Kaiser sahen in den kirchlichen Oberhauptern der Christen zugleich ihre politischen Feinde.... Daher, um diesz gleich hier zu bemerken, das Bestreben der Kaiser, in Constantinopel selbst einen Hofpatriarchen anzustellen, und alle andern, so viel als moglich, ihm unterzuordnen (1. p. 38—39) Der Vater und Trager des Princips der kirchlichen Freiheit war nicht im Orient, sonders im Occident, diesz war der Bischof von Rom (p. 49) Что сказать о подобномъ образѣ воззрѣнія? Можно замѣтить одно только, что Пихлеръ смотритъ на папу, какъ на амулетъ, съ которымъ соединена какая то таинственная непреодолимая сила. Римъ преисполненъ язычества и менѣе другихъ городовъ способенъ въ настоящее время сдѣлаться христіанскимъ городомъ Но здѣсь папа,—и Константинъ не убоявшійся играть всею церковію, какъ орудіемъ, устрашился этого папы, какъ какой то непреоборимои силы Здѣсь невольно остановишься въ недоумѣніи и подумаешь, что церковь не выдержала бы трехвѣковыхъ гоненій и погибла бы, если бы не было папы, потому что свобода и сила церкви заключается не въ томъ, что въ ней, какъ обществѣ извѣстнаго характера, всегда найдутся люди, готовые кровію запечатлѣть истину Христову, и что ее охраняетъ сила Божія, самъ Христосъ, а въ папѣ Недоумѣніе возрастаетъ еще отъ того, что папство, по Пихлеру, обязано настоящею своею силою Константину Diesz (основаніе Константинополя) begunstigte vor Allem die Ausbildung des Papsthums im Abendlande, wahrend dem kaiserlichen Groszpontifex die nationale Feindschaft der Griechen gegen die Lateiner fur die Erhaltung seiner Omnipotenz trefflich zu Statten kam.... Der gange damalige Besitz der Romischen Kirche an geistlichen und weltlichen Rechten wird auf Constantin zuruckdatirt, selbst das an sich unmittelbar gottliche (?) Recht des Primates wird erst durch seine Anordnung an den Romischen Stuhl fixirt (p 39—40). Т. о. и выходитъ, что Константинъ в. далеко не былъ такимъ дальнозоркимъ политикомъ, какимъ изображаетъ его Пихлеръ, потому что не предусмотрѣлъ весьма простой вещи и убоялся своей собственной тѣни Такъ ложь запутывается въ своихъ собственныхъ тенетахъ[1]. ...

чиновниковъ, онъ отстроилъ ее совершенно на подобіе древняго Рима: раздѣлилъ подобно Риму на четырнадцать кварталовъ, построилъ точно такія же зданія, какъ—въ Римѣ, и въ правахъ совершенно уравнялъ ее съ этимъ послѣднимъ (1). Такимъ образомъ переселеніе вельможъ и государственныхъ сановниковъ въ новую столицу дѣлалось болѣе или менѣе незамѣтно. Но сходствуя во всемъ по наружности съ древнимъ Римомъ, Константинополь отличался отъ него, такъ сказать, нравственной физіономіей. „Воодушевляясь небесною мудростію, говоритъ Евсевій, Константинъ призналъ справедливымъ — городъ, украшенный его именемъ, очистить отъ всякаго идолопоклонства, чтобы въ немъ нигдѣ не поражали зрѣнія не только мнимыя изображенія боговъ, которыя чтимы были въ капищахъ, но и самые жертвенники, обагренные кровію животныхъ,—чтобы въ немъ не видно было ни жертвенныхъ всесожженій, ни демонскихъ праздниковъ, ни какихъ-либо иныхъ языческихъ обычаевъ". Христіанскій отпечатокъ лежалъ на всемъ въ Константинополѣ: вмѣсто языческихъ капищъ были воздвигаемы великолѣпные храмы мученикамъ, вмѣсто статуй изъ міра языческой миѳологіи по мѣстамъ были поставляемы изваянія, изображающія событія изъ священной библейской исторіи (2). Изъ зданій особенною красотою и великолѣпіемъ блисталъ построенный Константиномъ храмъ св. апостоловъ, украшенный сверху до низу разноцвѣтными камнями, покрытый мѣдью съ густою позолотою и отъ того „ослѣпительный даже для отдаленныхъ зрителей" (3). Дворцы и общественныя зданія, украшавшіеся императорскими портретами, Константинъ повелѣлъ обставлять такими картинами, которыя изображали его молящимся и съ знаменемъ креста въ ру-

(1) Hergenrother, 1. p. 5.

(2) Евсевій. Жизнь Константина велик. III, 48—49. стр. 202—203.

(3) Ibid. IV, 58. стр. 272

кѣ (1). Точно такимъ же образомъ, въ молящейся позѣ и съ крестомъ въ рукѣ, онъ повелѣлъ изображать себя и на монетахъ (2). Отстроенный и украшенный такимъ образомъ новый Римъ наконецъ, 11 мая 330 г., торжественно освященъ былъ, спустя пять лѣтъ отъ начала работъ въ немъ, и затѣмъ быстро сталъ разцвѣтать, такъ что превзошелъ старую столицу и въ великолѣпіи и значеніи (3). По замѣчанію Созомена, скоро въ Константинополѣ почти всѣ язычники перешли въ христіанство, а изъ іудеевъ—многіе (4).

Возведеніе Византіи на степень столицы новосозданнаго христіанскаго государства было самымъ великимъ дѣломъ Константина. Дѣйствительно, Византіи пришлось съ этого времени имѣть роковое значеніе въ судьбахъ православнаго міра. Писатель конца XII и начала XIII вв., Никита Хоніатъ, называетъ ее „окомъ всѣхъ городовъ, зрѣлищемъ превышемірнымъ, кормителемъ церквей, вождемъ вѣры, путеводителемъ православія, попечителемъ просвѣщенія, вмѣстилищемъ всякаго блага“ (5). Константинъ Экономосъ выражается такимъ образомъ о значеніи Константинополя: „онъ (к. п. престолъ) многократно возстановлялъ разрушенные алтари и сохранилъ свободу священныхъ обрядовъ посреди нечестиваго владычества, будучи поставленъ какъ свѣтящійся облачный столпъ между лагеремъ египетскимъ и сынами Израиля! Онъ—несокрушимая крѣпость православія, сіонская гора, скала Богомъ насажденная и высокая, о которую сокрушили свои главы всѣ враги православія! Онъ — митрополія духовнаго царства Христова въ мірѣ, живая каѳедра семи вселенскихъ соборовъ, несокрушимая сокровищехранитель-

---

(1) Евсевій, Жизнь Константина велик. III, 3 стр. 167—168.

(2) Ibid. IV, стр. 239—240; Созоменъ, I, 8. стр. 36.

(3) Hergenrother, 1. p 5.

(4) Созоменъ, II, 3 стр. 84.

(5) Визант. Истор. Никита Хоніатъ 2. стр. 326 Спб., 1862.

ница самихъ богоначертанныхъ законовъ, по которымъ управляется вся полнота православія! Онъ, наконецъ, Богомъ утвержденный центръ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ, находящіяся подъ солнцемъ въ различныхъ государствахъ, православныя церкви и, какъ бы связанныя, составляютъ нераздѣльное тѣло единой, святой, восточной и апостольской церкви, глава которой—Христосъ" (1). Это значеніе Константинополя въ восточномъ православномъ мірѣ сознаютъ также и западные писатели и не думаютъ скрывать его. „На землѣ, говоритъ Фальмерайеръ, существуютъ три города, имѣющіе роковое значеніе, три кольца, къ которымъ привязываются роковыя нити человѣческаго рода: Іерусалимъ, Римъ и Константинополь: первый—колыбель, второй—сѣдалище, третій—противоположность всемірнаго, доставляющаго всѣмъ блаженство, христіанства. Пока нашъ родъ живетъ на землѣ, до тѣхъ поръ онъ неизбѣжно останется подчиненнымъ магическому сіянію этихъ трехъ вѣчныхъ городовъ. Біографію земли составляетъ христіанство... Вся исторія почти-что восемнадцати вѣковъ есть только результатъ борьбы двухъ основныхъ принциповъ, на которые изъначала распалась эта единая божественная первичная сила: движущагося жизненнаго процесса съ одной стороны и безформеннаго, не подверженнаго никакому броженію, оцѣпененія съ другой. Чувственный образъ перваго составляетъ вѣчный Римъ со всѣмъ прилегающимъ къ нему западомъ, чувственный образъ втораго—Константинополь съ окаменѣлымъ востокомъ. Всякая сила, всякая жизнь, въ царствѣ духовъ какъ и природы, изъ-начала обладаетъ, какъ говорятъ мудрецы, наслѣдственною, неизгладимо противоположною парой. Слѣдовательно, законъ вѣчной и высшей необходимости составляетъ и то, что̀ держитъ во взаимной противоположности оба главныя сѣдалища (Hauptquartiere) че-

(1) Ζπυριδώνος Ζαμπέλιος, *Ἄσματα δημοτικὰ τῆς Ἑλλάδος Ἐν Κερκυρᾳ*, 1852. p. 206—208.

ловѣческаго рода, борющагося столькоже изъ-за пониманія христіанской идеи. какъ политическихъ и философскихъ доктринъ. Маленькіе круги съ обѣихъ сторонъ мало по малу расходятся въ громадныя кольца, и всѣ распри, всѣ бѣдствія Европы являются лишь результатомъ этого первичнаго распаденія единой силы на ея элементы. Государственный геній (Reichsgenius) Византіи, вложенный въ нее искони. теперь еще живущій, безсмертный подобно Urbs aeterna, неизгладимый, мы, вопреки общепринятому взгляду европейцевъ, признаемъ какъ второй элементъ христіанскаго міра. Константинополь, по одному мѣсту въ кодексѣ Ѳеодосія, созданъ по нарочитому повелѣнію Божію (1).—Какъ? подумаетъ кто либо, — окостѣнѣлую обрядность (Kirchenthum) восточныхъ, Византію томящуюся въ рабствѣ послѣдователей ислама ставятъ на одну доску съ побѣдоноснымъ, жизненнымъ, мірообъемлющимъ городомъ Тибра?—Здѣсь разсматриваютъ вещи съ высшей точки зрѣнія и воспаряютъ надъ линіей узкихъ идей партіи и банальной политики въ свободную область: мы съ охотою можемъ постигать постоянное, вѣчное, идею. Условность (Modalität)—отнюдь не сущность и только невѣжда можетъ смѣшивать случайное съ непреходящимъ. Тѣнь также стара, какъ свѣтъ“ (2). Этотъ принципъ неподвижности, противоположный жизненной сторонѣ христіанства, представляемой западомъ (?), никакимъ образомъ не можетъ быть уничтоженъ; изъ Константинополя онъ перешелъ въ Россію и въ настоящее время обладаетъ всѣмъ востокомъ Европы и огромною частію Азіи. Онъ страшно опасенъ для западнаго міра и всей европейской цивилизаціи.

---

(1) Urbis, quam aeterno nomine jubente Deo donavimus. Cod. Theodos. tom V. lib. 13. tit. 5. lex. 7

(2) Fallmerayer, Fragmente aus dem Orient. Stuttgart und Tubingen, 1845. th. 1 p 303—305, въ статьѣ: uber die weltgeschichtliche Bedeutung der bysantinischen Monarchie im Allgemeinen und der Stadt Constantinopel insbesondere.

Освободиться отъ него можно однимъ только путемъ: или разрушить Константинополь, такъ чтобы камня на камнѣ не осталось, и завалить самый Босфоръ мусоромъ, или же,—такъ какъ это послѣднее сдѣлать не возможно,—германизировать Россію и ввести въ нее вѣроисповѣданіе западныхъ народовъ. Если это не удастся, тогда пиши, что все пропало (1). Приведенное

(1) Kirche des Orients hat alle Proben innerer Zerrissenheit und auszerer Schmach uberstanden, keine Noth konnte ihre Standhaftigkeit erschuttern, keine Verachtung ihr Selbstgefuhl ersticken, keine Niederlage das Vertrauen auf endlichen Triumph ihrer Sache wankend machen. Und wie die Natur in allen Dingen auf die auszerste Granze ruckt, erschien der Hoffnungsstern am nordlichen Horisont, wie die bysantinische Nacht am dunkelsten war und Alles verloren schien. Kaum war die Schale am Hellespont ganzlich gesunken, da begann sie an den Quellen der Wolga langsam zu steigen, und wie die Wage heute stehe, ist fur Niemand ein Geheimnisz. Nur scheint nicht Jedermann zu wissen, wie weit das Gebiet der bysantinischen Hellenen reiche. Nordlich geht es bis an die Gestade des Eismeeres, und der Herzpunkt, aus dem das Leben stromt, ist nicht mehr innerhalb der Thermopylen; er liegt jetzt jenseits der Wasserfalle des Borysthenes (p. 334). Ein Mittel gabe es den bysantinischen Bann zu losen und den illyrischen Trummern eigene Seelen einzuhauchen Zerstoret durch gemeinschaftlichen Beschlusz des europaischen Areopagus die Stadt Constantinopolis und fullet mit dem Schutte ihrer Hutten, ihrer Palaste, ihrer Mauern und Thurme das goldene Horn aus, und verbietet zugleich unter Volkerbann die Wiederherstellung von Stadt und Hafenbucht auf der alten, den Machten des Abgrundes geweichten Statte.. .. Die Ordonnanz ware unfehlbar, aber sie ist so ungewohnlich energischer Natur, im Concept so schrecklich und so entschieden und grausenvoll in der Anwendung, dasz man sich niemals, am wenigsten wenn verzagte Hande das Steuer der Welt regieren, zu ihrer Vollziehung entschlieszen wird Man hat sie hier nur angedeutet um zu zeigen, wie zahe bysantinisches Leben, wie grosz die Gefahr und wie unheilbar das Ubel sey (p. 317—319). Wo sind Triumphe? wo die Siegeszeichen? Und wenn das abendlandische Glaubensbekentnisz auch noch auf dem weiten Blachfelde nordlich der Karpathen dem beharrlichen Drangen des Gegners erliegen musz, und auf einer andern Seite germanisches Wesen nicht siegreicher denn bisher einzudringen vermag, dann entsaget aller Hoffnung des Friedens, streuet Asche in die Luft und rustet euch zum Kampf (p 340) Вообще нужно сказать, статья Фальмерайера очень замѣчательна по выраженію тѣхъ мыслей и намѣреній, какія западъ питаетъ по отношенію къ востоку вообще и Россіи въ частности Безпристрастному читателю (восточному, но не западно-европейскому) эта статья можетъ показаться фанатичной (какова она и есть), но это не мѣшаетъ ей

воззрѣніе Фальмерайера, абсолютно ложное относительно распаденія христіанства на два враждебныя начала въ его, измышляемомъ западомъ, развитіи,—ложное, какъ противорѣчащее Евангелію и вообще христіанскому ученію о домостроительствѣ спасенія *всего* человѣческаго рода,—однакожъ, совершенно вѣрно относительно значенія Константинополя въ судьбахъ восточныхъ христіанскихъ народовъ, и можетъ быть названо вполнѣ правильно объясняющимъ враждебное положеніе запада по отношенію къ востоку и всѣ крупныя бѣдствія и распри Европы, согласно съ многовѣковымъ опытомъ средней и новой исторіи. Конечно, несправедливо и даже нелѣпо полагать, что сохраненіе православія зависитъ отъ существованія Константинополя,—христіанство въ самомъ себѣ имѣетъ достаточно силы для сохраненія чистоты вѣры, и самый Константинополь, какъ оказывается изъ предыдущаго, есть продуктъ христіанства,—но при всемъ томъ нельзя не сознаться, что доселѣ судьба православія, истинной неискаженной вѣры Христовой, и его распространеніе и утвержденіе между славянскими племенами неразрывно связаны съ исторической судьбою Константинополя.

Чтобы сильнѣе дѣйствовать на своихъ подданныхъ въ дѣлѣ распространенія и утвержденія христіанской вѣры, Константинъ старался явить собою образецъ истиннаго, ревностнаго христіанина. Отвергнувъ язычество, какъ ложную религію, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ воспретилъ ставить въ языческихъ храмахъ и капищахъ, и во всѣхъ мѣстахъ осквернениыхъ языческими освященіями и жертвоприношеніями, изображенія съ себя,

---

быть выразителемъ общаго взгляда западныхъ европейцевъ на православіе Пихлеръ точно такимъ же образомъ разсуждаетъ о развитіи христіанства и значеніи Константинополя (Pichler. 1. p 22—23; 33—38, 103—104). Мы не ошибемся, если скажемъ, что и всѣ западныя правительства, покоящіяся на историческихъ началахъ, точно такого же мнѣнія о востокѣ. Вообще нужно замѣтить, что западъ смотритъ (и совершенно справедливо) на восточно-византискую, православную цивилизацію, какъ на нѣчто особое, чѣмъ западная цивилизація, и сообразно тому ведетъ себя по отношенію къ востоку.

какъ живописныя, такъ и ваятельныя; напротивъ, въ дворцахъ своихъ устроилъ молельни и домашнія церкви, хотя еще и не принялъ крещеніе. Здѣсь онъ „совершалъ со всѣмъ своимъ дворомъ постановленныя закономъ молитвословія, бралъ въ руки священныя книги и размышлялъ о богодухновенныхъ истинахъ“ (1). Разсуждать о дѣлахъ вѣры и поучать своихъ приближенныхъ Константинъ очень любилъ и сохранилъ эту страсть до самой своей смерти. Отъ него она перешла и ко всѣмъ послѣдующимъ императорамъ. Часто онъ собиралъ своихъ царедворцевъ къ себѣ послушать его богословскія разсужденія. При этомъ, отъ общихъ истинъ религіи онъ переходилъ къ практическимъ вопросамъ и дѣлалъ въ духѣ христіанской религіи нравственныя наставленія по поводу замѣченныхъ имъ злоупотребленій въ чиновничествѣ. Слушатели апплодировали оратору, выражали удивленіе его талантамъ и глубокомыслію, но на практикѣ совѣтовъ его не исполняли: „они, говоритъ Евсевій, для добрыхъ наставленій были тупы и глухи,—языкомъ и одобрительными криками восхваляли ихъ, дѣлами же, по своей ненасытности, уничижали хвалимое“ (2). Само собою должно быть понятно, что подобнаго рода императорскія разсужденія вырабатывали только льстецовъ. Но ревнуя казаться горячимъ христіаниномъ, Константинъ не отказался, въ угоду римлянамъ, отъ званія верховнаго первосвященника (pontificis maxsimi); отъ этого званія императоры стали отказываться, какъ извѣстно, лишь со времени Граціана, съ 382 года (3).

Въ случаѣ возбужденія религіозныхъ споровъ, касающихся принциповъ религіи и имѣющихъ непосредственное отношеніе къ внутренней сторонѣ церкви, Константинъ поступалъ „какъ общій, поставленный отъ Бога епископъ“, старался примирить враждующія пар-

(1) Евсевій, Жизнь Константина великаго, IV, 16. 17. стр. 240.

(2) Ibid IV, 29. 53. стр. 249—250; 270.

(3) Zosim. IV, 36.

тіи, для этого созывалъ соборы епископовъ и поручалъ имъ рѣшить свой споръ согласно съ правилами вѣры (1). Рѣшать своею властію подобные споры онъ не осмѣливался, да и не могъ. Его обращеніе къ христіанству показывало, что онъ призналъ вѣру Христову единственно истинною вѣрой и вполнѣ подчинился ей. Рѣшеніе же внутреннихъ вопросовъ вѣры своею властію и притомъ несогласное съ принципами ученія Христова показывало бы съ его стороны не подчиненіе вѣрѣ и безусловное принятіе ея въ томъ видѣ, какъ она была до него и какъ принята имъ, а стремленіе поступать съ нею и видоизмѣнять ее по своему усмотрѣнію. Опытъ предшествовавшей трехвѣковой исторіи церкви показалъ, что христіане скорѣе готовы умереть, чѣмъ измѣнить своей вѣрѣ, относительно которой они убѣждены, что она есть единственно истинная, Богомъ данная, религія. Константинъ не могъ не видѣть, что всякое произвольное его рѣшеніе по вопросамъ вѣры не было бы принято христіанами и явило бы его точно такимъ же гонителемъ церкви, какими были его предшественники — языческіе императоры. Посему, какъ только возникъ аріанскій споръ о божественномъ достоинствѣ и лицѣ Іисуса Христа, онъ, послѣ нѣсколькихъ частныхъ попытокъ примирить спорящія стороны, повелѣлъ собраться епископамъ со всѣхъ концовъ имперіи и церкви на соборъ въ Никею. Такой многочисленности и торжественности собора требовала важность поднятаго вопроса. Къ назначенному времени епископы собрались въ одномъ изъ самыхъ обширныхъ и лучшихъ залъ императорскаго дворца и молча ожидали прибытія императора. Константинъ явился торжественно, въ сопровожденіи государственныхъ чиновниковъ, въ великолѣпной одеждѣ и порфирѣ, сіяющей „огнистыми лучами и переливающимся блескомъ золота и драгоцѣнныхъ камней“. Послѣ того какъ всѣ присутствовавшіе заняли каждый приличествующее ему

(1) Евсевій, Жизнь Константина велик. I, 44. стр. 92.

мѣсто и послѣ нѣкотораго молчанія, императоръ открылъ соборъ рѣчью, въ которой, высказавъ сначала радость о томъ, что видитъ всѣхъ епископовъ собравшимися и исполненными одною мыслію, вмѣстѣ обнаружилъ и скорбь о возникшемъ спорѣ: „ибо внутренній раздоръ церкви, сказалъ онъ, для меня страшнѣе и тягостнѣе всякой войны и битвы; это печалитъ меня болѣе, чѣмъ все внѣшнее. Посему,... узнавъ о вашемъ несогласіи, я не оставилъ его безъ вниманія, но, желая содѣйствіемъ своимъ уврачевать зло, немедленно собралъ всѣхъ васъ..... Не медлите же, о други, служители Божіи и благіе рабы общаго нашего Владыки Спасителя,—не медлите разсмотрѣть причины вашего раздора въ самомъ ихъ началѣ и разрѣшить всѣ спорные вопросы мирными постановленіями. Чрезъ это вы и совершите угодное Богу, и доставите величайшую радость мнѣ, вашему сослужителю“ (1).

По окончаніи соборныхъ разсужденій, когда ученіе Арія осуждено было, какъ еретическое, и установлено истинное православное ученіе о Лицѣ Іисуса Христа, Константинъ, въ виду того, чтобы областные начальники не могли уничтожить соборныхъ опредѣленій, утвердилъ ихъ своею собственною печатію (2). Арію назначилъ ссылку и за тѣмъ письменно повелѣлъ, какъ епископамъ, такъ и всему народу, считать его и всѣхъ его приверженцевъ людьми нечестивыми, сочиненія его сожигать, такъ чтобы о его ученіи „и помину не было, а кто будетъ замѣченъ въ утайкѣ, кто тотчасъ же не объявитъ и не сожжетъ; тотъ въ наказаніе подвергнется смерти и уголовной казни“ (3). Подобныя же соотвѣтствующія наказанія онъ назначилъ и тѣмъ лицамъ, которыя были на соборѣ, но остались привержены къ Арію (4).

---

(1) Евсевій, Жизнь Константина велик. III, 6—12. стр. 170—176; Созоменъ, I, 19—20. стр 67—70.

(2) Евсевіи, Жизнь Константина велик. IV, 27 стр 248.

(3) Созоменъ, I, 21 стр 71.

(4) Ibid стр 72

Между тѣмъ какъ все это происходило, наступило двадцатилѣтіе царствованія Константина, по случаю котораго онъ далъ великолѣпный пиръ и пригласилъ на него всѣхъ, присутствовавшихъ на соборѣ, епископовъ (1). Здѣсь, вѣроятно, разсуждая о текущихъ дѣлахъ церкви, онъ назвалъ себя епископомъ, „только,— прибавилъ онъ,—вы епископы внутреннихъ дѣлъ церкви, а меня можно назвать поставленнымъ отъ Бога епископомъ дѣлъ внѣшнихъ“ (2). Этимъ онъ, очевидно,

---

(1) Созоменъ. I, 23. стр. 75 — 76, Евсевій, Жизнь Константина велик III, 15 стр. 175.

(2) Евсевій, Жизнь Константина велик. IV, 24, *ὑμεῖς τῶν ἔσω τῆς ἐκκλησίας, ἐγὼ δὲ τῶν ἐκτὸς ὑπὸ θεοῦ καθεστάμενος ἐπίσκοπος ἂν εἴην.* Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ (1 Кор. 5, 12 13) *τί γὰρ μοι καὶ τοὺς ἔξω κρίνειν; οὐχὶ τοὺς ἔσω ὑμεῖς κρίνετε; τοὺς δὲ ἔξω ὁ Θεὸς κρίνει* Здѣсь подъ внѣшними апостолъ разумѣетъ язычниковъ Вѣроятно, изъ сопоставленія означенныхъ мѣстъ апостола Павла и Евсевія Мелеръ приходитъ къ такому заключенію: кто—епископъ, тотъ—епископъ непремѣнно надъ лицами. Т о. епископы *τῶν ἔσω τῆς ἐκκλησίας* суть епископы надъ тѣми, которые въ церкви, епископъ же *τῶν ἔξω τῆς ἐκκλησίας* есть епископъ находящихся внѣ церкви. Поэтому Мелеръ даетъ словамъ Константина такой смыслъ: «вы, какъ бы такъ говоритъ онъ епископамъ, получили отъ Бога власть управлять церковію, я же обязанъ заботиться о душевномъ спасеніи тѣхъ, которые находятся внѣ церкви, чтобы и они также къ ней обратились» (Mohler, Kirchengesch I 580). Пониманіе Мелера можетъ быть названо вѣрнымъ и непротиворѣчитъ исторіи, но только отчасти и съ одной стороны. Изъ сопоставленія разныхъ мѣстъ исторіи Евсевія, гдѣ Константинъ называетъ себя епископомъ (I, 44, IV, 24), можно заключить, что онъ скорѣе называлъ себя епископомъ *τῶν ἔξω πραγμάτων*, чѣмъ *τῶν ἔξω ἀνθρώπων*, и что, считая себя епископомъ внѣшнихъ дѣлъ, онъ поэтому самому являлся и епископомъ всѣхъ лицъ по дѣламъ внѣшнимъ, какъ язычниковъ, такъ и христіанъ, и послѣднихъ—какъ мірскихъ, такъ и духовныхъ: пресвитеровъ и самихъ епископовъ. Такое пониманіе будетъ означать, что Константинъ, на основаніи званія общаго епископа по дѣламъ внѣшнимъ, какое онъ усвоилъ себѣ, считалъ себя обязаннымъ заботиться о мирѣ свв. Божіихъ церквей, наблюдать за точнымъ исполненіемъ церковныхъ постановленій между своими подданными, мірянами и самимъ духовенствомъ, и заботиться о введеніи и распространеніи вѣры Христовой между язычниками Такой смыслъ давалъ разбираемымъ изреченіямъ Константина его жизнеописатель Евсевій и, такъ понимаемыя, они будутъ гармонировать и со всею его дѣятельностію по дѣламъ церкви

хотѣлъ показать, что епископамъ принадлежитъ право и они обязаны рѣшать вопросы, касающіеся вѣроученія, таинствъ, обрядовъ, іерархіи и принциповъ управленія церковію, вообще всего того, что̀ вытекаетъ изъ началъ христіанской религіи, опредѣляется словомъ Божіимъ, понимаемымъ по разуму церкви, и имѣетъ внутреннее, логически опредѣляемое отношеніе къ вѣрѣ; а императоръ, въ противоположность сему, обязанъ принимать опредѣленіе церкви, какъ данное, и заботиться о внѣшнемъ приложеніи его въ жизни между своими подданными. Такъ поняли изреченіе Константина и пировавшіе съ нимъ епископы. „Распоряжаясь согласно съ этими словами, замѣчаетъ далѣе Евсевій, онъ надзиралъ за всѣми подвластными себѣ и побуждалъ ихъ, сколько было силы, вести жизнь благочестивую“ (1). Затѣмъ, отпуская епископовъ во свояси, онъ одарилъ ихъ каждаго приличными дарами, а къ тѣмъ епископамъ, которые не были на соборѣ, отправилъ граматы, въ которыхъ убѣждалъ ихъ принять и соблюдать вѣру, соборне опредѣленную, потому что „она есть не иное что, какъ мысль Божія, объявленная Духомъ Святымъ чрезъ согласіе столь многихъ и столь великихъ архіереевъ и утвержденная послѣ тщательнаго изслѣдованія и испытанія всѣхъ недоумѣній“ (2). Подобныя же увѣщательныя граматы о принятіи соборныхъ опредѣленій онъ писалъ не только къ епископамъ, но и ко всѣмъ городамъ и селеніямъ, знатнымъ и незнатнымъ мірянамъ, называя ихъ своими братіями, сослужителями и слугами церкви (3).

Подобно какъ въ спорѣ аріанскомъ, онъ точно такимъ же образомъ поступалъ и въ другомъ важнѣйшемъ спорѣ, волновавшемъ церковь въ его время,— донатистскомъ. По смерти карѳагенскаго епископа,

---

(1) Евсевій, Жизнь Константина велик. IV, 24. стр. 244—245.

(2) Ibid. III, 16—21. стр 175—185; Созоменъ, I, 25. стр. 76

(3) Евсевій, Жизнь Константина велик III, 22—24 стр. 183—186.

Мансурія, народъ и клиръ карѳагенской церкви избрали ему въ преемники архидіакона Цециліана, который и былъ рукоположенъ сосѣднимъ епископомъ, Феликсомъ. Но противная этому избранію ригористическая и фанатическая партія, во главѣ которой стала богатая, вліятельная и суевѣрная Луцилла съ епископами и митрополитами нумидійскими, объявила неправильнымъ и недѣйствительнымъ рукоположеніе Цециліана,— такъ какъ епископъ Феликсъ нѣкогда измѣнилъ вѣрѣ Христовой, — и потому избрала своего собственнаго епископа, Майорина. Такимъ образомъ въ Карѳагенѣ произошелъ расколъ. Партія Майорина, во главѣ которой скоро стали Донатъ, названный великимъ, и Донатъ, епископъ казенигрейскій, обратилась за разрѣшеніемъ спорнаго вопроса къ императору. Константинъ остался очень недоволенъ возбужденіемъ раскола въ церкви и для его устраненія назначилъ въ Римѣ соборъ, куда повелѣлъ прибыть Цециліану съ десятью епископами противной партіи и съ десятью приверженными себѣ. Въ письмѣ къ римскому епископу, Мильтіаду, онъ писалъ, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ, „сколько можно согласнѣе съ священнѣйшимъ закономъ“, т. е. христіанскимъ ученіемъ. Соборъ рѣшилъ въ пользу Цециліана: такъ какъ, сказано въ опредѣленіи, на епископскій престолъ въ Карѳагенѣ рукоположены два лица: Цециліанъ и Майоринъ; а это незаконно: то карѳагенскимъ епископомъ быть тому, кто рукоположенъ прежде, т. е. Цециліану. Майоринъ же долженъ ожидать слѣдующей вакансіи. Точно также въ пользу Цециліана вопросъ рѣшенъ былъ и на другомъ, бывшемъ непосредственно послѣ сего, соборѣ въ Карѳагенѣ. Но партія донатистовъ не удовольствовалась этими рѣшеніями и снова апеллировала къ императору. Такое упорство съ ея стороны уже очень раздражило послѣдняго; но тѣмъ не менѣе онъ повелѣлъ созвать въ Арелатѣ (Арлѣ) новый соборъ для разрѣшенія вопроса, и въ настоящій разъ изъ епископовъ по возможности всей западной церк-

ви (1). Въ письмѣ, адресованномъ по этому случаю къ африканскому викарію, онъ выражаетъ свой взглядъ относительно участія въ дѣлахъ церкви такимъ образомъ: „признаюсь твоей крѣпости, что я съ своей стороны никакимъ образомъ не допущу потворства распрямъ и раздорамъ, которые, быть можетъ, могутъ возбудить верховное Божество не только вообще противъ человѣческаго рода, но еще противъ меня самого, попеченію коего Оно, по своему благоволенію, ввѣрило управленіе всѣми земными дѣлами; а иначе Оно приметъ какое нибудь иное рѣшеніе (вредное для насъ). Ибо я до тѣхъ поръ не могу вполнѣ оставаться покойнымъ, пока всѣ мои подданные, соединенные въ братскомъ единомысліи, не будутъ воздавать всесвятѣйшему Богу истиннаго умнаго поклоненія, предписываемаго каѳолическою вѣрой“ (2). Арелатскій соборъ (315) вновь осудилъ ученіе донатистовъ, объявилъ рукоположеніе правильнымъ, хотя бы совершилъ его и епископъ—отступникъ отъ вѣры, лишь бы только рукоположенный былъ православный, и вслѣдствіе этого призналъ Цециліана каноническимъ епископомъ карѳагенской церкви (3). Когда же донатисты не удовольствовались опредѣленіемъ и арелатскаго собора и снова подали апелляцію императору, то на этотъ разъ онъ выразилъ

---

(1) Allzog, I 281—282, Евсевій, Церковн Истор. X, 5—6. стр. 581—586.

(2) Optatus Melevitan. De Schismate Donatistarum Paris, 1702 p. 181—186. confiteor gravitati tuae, quod nequaquam fas esse ducam, ut ejusmodi contentiones et altercationes dissimulentur a nobis, ex quibus forsitan commoveri possit summa divinitas non solum contra humanum genus, sed etiam in me ipsum, cujus curae nutu suo coelesti terrena omnia moderanda commisit, et secus aliquid hactenus incitata decernet Tunc enim revera et plenissime potero esse securus, cum universos sensero debito cultu catholicae religionis sanctissimum Deum concordi observantiae fraternitate venerari.

(3) При этомъ сдѣланы были и нѣкоторыя другія постановленія, напр. о неповторяемости крещенія, о праздникѣ Пасхи и пр. Harduin. I p 266.

крайнее негодованіе на ихъ просьбу и замѣтилъ имъ, что, вмѣсто того чтобы признать судъ собора за судъ самого Христа, каковымъ признаетъ его и самъ онъ, императоръ, они въ своемъ бѣшенствѣ составляютъ аппеляціи, какъ язычники. Впрочемъ, снисходя усиленной ихъ просьбѣ, онъ и на этотъ разъ назначилъ соборъ въ Миланѣ (316) для изслѣдованія ихъ дѣла. Миланскій соборъ подвердилъ опредѣленіе предыдущихъ соборовъ; тогда Константинъ издалъ строгіе законы противъ донатистовъ и исполненіе ихъ возложилъ на своего намѣстника, Урсакія (1).

Въ истинности никейскаго опредѣленія о единосущіи Сына Божія съ Отцемъ Константинъ былъ убѣжденъ вполнѣ (2); но здѣсь оставался еще вопросъ, точно ли Арій и его приверженцы держатся того ученія, которое осуждено на всел. соборѣ? Нѣтъ ли здѣсь недоразумѣнія? Не раскаялись ли аріане? Вообще, отношеніе государства къ церкви,—чтобы государственная власть, стремящаяся быть христіанскою по своему существу, восприняла начала и всѣ характерныя черты христіанства въ ихъ цѣлостномъ и неизмѣнномъ видѣ и заботилась о преобразованіи всего государственнаго строя по духу ихъ требованій,—болѣе или менѣе легко осуществимо только въ такомъ случаѣ, если всѣ догматы и всѣ пункты, имѣющіе внутреннее соприкосновеніе съ принципами христіанства, уже точно опредѣлены и всѣми приняты: при всякомъ же новомъ возбужденіи религіознаго вопроса, о которомъ еще идетъ споръ, государственная власть можетъ принять за истинное рѣшеніе его то ученіе, которое вовсе не истинно, или же не находитъ большой, существенной разности между спорящими сторонами, и сообразно съ этимъ опредѣлять свои отношенія къ церкви. Нѣчто подобное случилось и съ Константиномъ в. относительно

(1) Allzog. I p 282—283, Евсевій, Церковн. Исторія. X, 6. стр 583—586

(2) Созоменъ II. 32. стр 158.

аріанства. Аріане, какъ только-что появившіеся въ церкви, не образовали еще особой, замкнутой секты, рѣзко отдѣленной отъ всѣхъ прочихъ сектъ въ мірѣ; они находились въ постоянномъ общеніи съ православными и не отдѣлились отъ нихъ даже въ богослуженіи; они только стали разномыслить относительно одного пункта вѣры, о которомъ они утверждали, что учатъ правильно. Константинъ съ своей стороны, какъ государь и человѣкъ государственный, полагалъ единеніе гражданъ дѣломъ весьма важнымъ и потому употреблялъ всевозможное стараніе, чтобы достигнуть его (1).

Спустя немного по окончаніи никейскаго собора аріанамъ дарована была свобода. Епископы: Евсевій никомидійскій и Ѳеогнисъ никейскій, лишившіеся-было своихъ престоловъ за несогласіе на осужденіе Арія на никейскомъ соборѣ, обратно получили ихъ. Самъ Арій возвращенъ былъ изъ ссылки. Усилившись такимъ образомъ, аріане начали употреблять всѣ силы, чтобы ввести Арія въ общеніе съ церковію и доставить чрезъ это перевѣсъ своему ученію. Особенно много тому содѣйствовалъ одинъ священникъ, придерживавшійся аріанства и исправлявшій должность духовника у Констанціи, сестры Константина. Онъ неоднократно говорилъ ей, что Арій невиненъ и осужденъ напрасно. Констанція повѣрила ему и, умирая, призвала къ себѣ Константина и завѣщала ему: „вотъ я уже отхожу и не забочусь о дѣлахъ здѣшней жизни; но за тебя трепещу, какъ бы ты не подвергся гнѣву Божію и, либо самъ не впалъ въ несчастіе, либо постыдно не потерялъ царство за то, что праведныхъ и добрыхъ мужей, повѣривъ нѣкоторымъ, неправедно осудилъ на вѣчное изгнаніе“. Съ этой минуты Константинъ началъ оказывать духовнику своей сестры особое благоволеніе, приблизилъ Арія къ двору, заставилъ присягнуть его въ томъ, что онъ вѣруетъ православно, и потребовалъ

(1) Созоменъ, II 32 стр. 156—157.

отъ него исповѣданія вѣры. Арій присягнулъ и начертилъ такое исповѣданіе, которое на первый взглядъ казалось совершенно православнымъ, но которое легко могло быть перетолковано и въ аріанскомъ смыслѣ. Константинъ вполнѣ удовлетворился представленнымъ ему исповѣданіемъ и самъ по себѣ готовъ былъ принять Арія въ общеніе съ церковію. Аріанство быстро усилилось въ Виѳиніи, Геллеспонтѣ, Константинополѣ, Александріи. Евстаѳій антіохійскій былъ низложенъ. Противная ему партія хотѣла-было перевести на его мѣсто Евсевія Памфилова, епископа кесарійскаго; но Евсевій самъ отказался отъ этой чести. Константинъ похвалилъ его за это, такъ какъ онъ поступилъ по канонамъ, и повелѣлъ избрать на мѣсто Евстаѳія—или Евфронія пресвитера каппадокійскаго, или же Георгія ареѳузскаго. Антіохійцы избрали перваго.

Въ Александріи на мѣсто умершаго Александра избранъ былъ во епископы (328 г.) Аѳанасій, занимавшій доселѣ должность діакона и уже успѣвшій заявить себя ревностнымъ поборникомъ никейскаго ученія. Евсевій никомидійскій, какъ только получилъ вновь обладаніе своимъ престоломъ и вошелъ въ довѣріе императора, написалъ Аѳанасію письмо, въ которомъ убѣждалъ его принять Арія и его послѣдователей въ общеніе съ церковію, въ противномъ случаѣ грозилъ причинить ему зло. Аѳанасій отказалъ ему въ этомъ, говоря, что исказители истины, низверженные никейскимъ соборомъ, никакъ не могутъ быть приняты. Тогда Евсевій обратился съ этою просьбою къ императору и убѣдилъ его, чтобы онъ самъ самъ побудилъ Аѳанасія принять Арія и его послѣдователей въ общеніе съ церковію. При этомъ, какъ онъ самъ, такъ и другіе вліятельные аріане стали наговаривать императору, что „причина всѣхъ безпокойствъ и смятеній въ обществѣ вѣрующихъ—Аѳанасій, потому что онъ отвергаетъ желающихъ вступить въ церковь, и что непремѣнно всѣ пришли бы къ единомыслію, если бы только это было позволено“. Константинъ, жаждавшій „единомыслія на-

родовъ“ болѣе всего, послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ колебаній, послалъ Аѳанасію слѣдующій приказъ: „имѣя доказательство моей воли, позволяй безпрепятственно вступать въ церковь всѣмъ, кто желаетъ вступить въ нее. Если же узнаю, что ты воспрепятствовалъ кому-нибудь, ищущему общенія съ церковію, или возбранилъ входъ въ нее: то немедленно пошлю, кто бы, по моему повелѣнію, низложилъ и удалилъ тебя съ мѣста“. Но Аѳанасій съ своей стороны доказалъ императору, что „у христоборной ереси не можетъ быть никакого общенія со вселенскою церковію“. Тогда Евсевій и его приверженцы начали выдумывать и распространять клеветы на св. Аѳанасія: они послѣдовательно одну за другою стали взводить на него слѣдующія клеветы,—что онъ наложилъ на египтянъ подать льняными одеждами и такой же подати требовалъ отъ самихъ обвинителей; что императорскому измѣннику, нѣкоему Филумену, препроводилъ ящикъ золота; что поручилъ своему пресвитеру, Макарію, ниспровергнуть алтари и разбить святую чашу у нѣкоего священника, Исхира,—который на самомъ дѣлѣ никогда не былъ священникомъ,—и что даже повелѣлъ отрубить руки одному епископу, Арсенію, и употреблялъ ихъ для волшебства. Аѳанасій постарался разоблачить эти клеветы. Императоръ вполнѣ убѣдился въ его невинности и написалъ александрійской паствѣ грамату, въ которой извѣщалъ ее, что онъ „съ удовольствіемъ принялъ ея епископа, Аѳанасія“; что „бесѣдовалъ съ нимъ въ полномъ убѣжденіи, что онъ—человѣкъ Божій“, и что посему пусть вѣрующіе Александріи прогонятъ отъ себя тѣхъ, которымъ желательно обратить въ ничто благотворные плоды единомыслія. Спустя немного онъ написалъ особую грамоту и самому Аѳанасію. Въ ней, какъ и въ предыдущей, онъ высказался противъ враговъ Аѳанасія,—объявилъ, что клеветы ихъ стали „яснѣе самого свѣта“, и въ заключеніе пригрозилъ, что, если они предпримутъ еще что-нибудь подобное, то уже будутъ судимы не по церковнымъ, а по гражданскимъ

закопамъ, и тогда вполнѣ обнаружатся ихъ разбойническія дѣйствія. Для вящшаго устраненія императоръ повелѣлъ Аѳанасію неоднократно обнародовать свою грамату въ слухъ всѣхъ. Евсевій и его сообщники на время присмирѣли, но—только на время. Спустя немного они снова стали разглашать на Аѳанасія тѣже самыя клеветы и, наконецъ, убѣдили императора созвать соборъ для прекращенія волненій въ Кесаріи палестинской. Но св. Аѳанасій не явился на этотъ соборъ, какъ явно ему враждебный, составленный изъ однихъ только его враговъ. Спустя болѣе, чѣмъ годъ, императоръ повелѣлъ состояться новому собору въ Тирѣ. Въ граматѣ къ епископамъ этого собора, указывая на Аѳанасія, онъ писалъ, что онъ не думаетъ, чтобы кто-либо и теперь осмѣлился пренебречь его повелѣніемъ и не явиться на соборъ, и что, въ случаѣ ослушанія, онъ пошлетъ нарочнаго чиновника, который, „по царскому указу, изгнавъ виновнаго, научитъ его, что опредѣленіямъ самодержца, направленнымъ къ защитѣ истины, противиться не должно“. Самимъ епископамъ онъ рекомендовалъ руководствоваться не ненавистію, или пристрастіемъ, а однимъ только церковнымъ и апостольскимъ постановленіемъ, чтобы тѣмъ освободить церковь отъ всякаго нареканія. Но соборъ далеко не исполнилъ этихъ благоразумныхъ совѣтовъ императора: по противозаконности своихъ дѣйствій онъ въ буквальномъ смыслѣ можетъ быть названъ разбойничимъ скопищемъ. Онъ состоялъ почти изъ однихъ только аріанъ и явныхъ враговъ св. Аѳанасія. Не смотря на то, что Аѳанасій разоблачилъ всѣ клеветы своихъ враговъ самымъ блистательнымъ образомъ, соборъ обнаружилъ рѣшительное намѣреніе осудить, или даже убить его. Св. Аѳанасій убѣгъ отъ такого беззаконнаго сборища. Тогда епископы—его враги осудили и низложили его заочно, и затѣмъ удалились во Іерусалимъ для освященія храма, построеннаго здѣсь Константиномъ на Гробѣ Господнемъ. Здѣсь они составили новый соборъ и приняли на немъ въ общеніе съ церковію, вос-

пользовавшись для того распоряженіемъ самого Константина, какъ Арія, такъ равно и всѣхъ его послѣдователей. Между тѣмъ св. Аѳанасій прибылъ въ Константинополь и донесъ здѣсь императору обо всѣхъ беззаконныхъ дѣйствіяхъ тирскаго собора. Константинъ не могъ не убѣдиться всѣми его доводами. Къ членамъ тирскаго собора, находившимся теперь въ Іерусалимѣ, онъ писалъ: „не знаю, каковы—опредѣленія вашего собора, сдѣланныя среди мятежа и бури. Но кажется, что истина обезображена какимъ-то возмутительнымъ безпорядкомъ; потому что, по взаимному раздору съ ближними, не обращали вниманія на то, что угодно Богу“. Поэтому онъ повелѣлъ всѣмъ имъ явиться въ Константинополь и здѣсь вновь рѣшить дѣло подъ надзоромъ самого императора. Члены собора устрашились и не явились всѣ въ Константинополь по зову императора, но прибыли сюда только немногіе, и то не для собора, а для того, чтобы возвести новыя клеветы на св. Аѳанасія. Евсевій никомидійскій, Ѳеогнисъ никейскій и другіе наиболѣе сильные и наглые изъ аріанъ, явившись въ Константинополь, объявили императору, будто бы Аѳанасій грозился остановить вывозъ хлѣба изъ Александріи въ его отечественный городъ. Эта послѣдняя клевета въ высшей степени раздражила императора, такъ что онъ, вмѣсто того чтобы выслушать Аѳанасія, прямо постановилъ сослать его въ заточеніе въ Триръ, въ Галлію, гдѣ онъ былъ принятъ съ великими почестями, какъ мученикъ за вѣру, и нашелъ временное успокоеніе. Тѣмъ временемъ Арій послѣ іерусалимскаго собора прибылъ въ Египетъ; но александрійская церковь не приняла его въ общеніе и потому онъ снова возвратился въ Константинополь. Императоръ, будучи убѣжденъ въ его правовѣріи послѣ извѣстнаго его исповѣданія вѣры, сталъ сильно побуждать константинопольскаго епископа, Александра, принять его въ общеніе съ церковію. Александръ, не имѣя силъ противостоять императору, повергся въ алтарѣ предъ жертвенникомъ и цѣлую ночь молился,

чтобы самъ Богъ не допустилъ Арія войдти въ свою церковь и тѣмъ заразить ее своими лжеученіями. Въ тотъ же самый день Арій, какъ извѣстно, умеръ позорною смертію. Но споръ изъ-за его ученія продолжался и послѣ. Весь александрійскій народъ, клирики, подвижники и дѣвственники умоляли императора возвратить имъ истиннаго ихъ пастыря Аѳанасія; но онъ повелѣлъ всѣмъ имъ оставаться въ покоѣ и утверждалъ, что „онъ не перемѣнитъ своего мнѣнія и не возвратитъ Аѳанасія, какъ человѣка возмутительнаго и осужденнаго голосомъ церкви". „Пусть, говорилъ онъ, нѣкоторые судили объ Аѳанасіи по ненависти или пристрастію; но не вѣроятно, чтобы весь соборъ мудрыхъ и добрыхъ епископовъ питалъ такія же чувствованія, что, то-есть, Аѳанасій—обидчикъ, человѣкъ гордый и виновникъ разногласія и возмущенія". Такъ св. Аѳанасій и остался въ ссылкѣ до самой смерти Константина.—Въ концѣ царствованія императоръ издалъ эдиктъ противъ еретиковъ, которымъ воспретилъ имъ составлять собранія и повелѣлъ разрушить ихъ храмы и молитвенные домы и отнять у нихъ имущества. Аріане не упомянуты въ числѣ этихъ еретиковъ (1).

Константинъ умеръ въ праздникъ Пятидесятницы, 22 мая 337 г., на 65-мъ году отъ рожденія. Онъ отлагалъ принятіе крещенія до конца своей жизни, потому что желалъ получить его въ водахъ іорданскихъ, но не получилъ. Почувствовавъ тяжко больнымъ, онъ повелѣлъ перенести себя изъ виѳинскаго Еленополиса, гдѣ онъ пользовался минеральными водами, въ аквиронскій дворецъ въ предместьѣ Никомидіи и принялъ здѣсь крещеніе отъ руки аріанствующаго епископа Евсевія никомидійскаго, заклятаго врага св. Аѳанасія, будучи въ тоже время глубоко убѣжденъ, что Ев-

(1) Твор. св. Аѳанасія. Москва, 1851. ч. I. Апологія св. Аѳанасія. стр 189—309, Созоменъ, II, 16—32 стр. 114—158, Евсевій, Жизнь Константина велик. III, 59—66 стр 214—227, IV, 41—43 стр. 258—262

севій — православный. Имперію свою онъ раздѣлилъ между тремя сыновьями: Констанціемъ, Константиномъ и Константомъ, первому вручилъ восточныя области, а остальнымъ двумъ — западныя. Завѣщаніе объ этомъ раздѣлѣ имперіи онъ отдалъ извѣстному пресвитеру, приверженцу Арія, котораго, „какъ человѣка отличной жизни“, рекомендовала ему при смерти сестра его Констанція, и приказалъ подъ клятвою вручить это завѣщаніе Констанцію, какъ скоро онъ пріѣдетъ. Затѣмъ тѣло его привезено было въ золотомъ гробѣ въ Царьградъ и погребено здѣсь въ церкви св. апостоловъ, которую онъ самъ построилъ. „Съ того времени, какъ бы по обычаю, получившему свое начало отъ Константина, здѣсь покоются всѣ умершіе въ Константинополѣ христіанскіе государи, равно какъ и епископы“ (1). Церковь причислила его къ лику святыхъ и нарекла равноапостольнымъ.

Окончательное подавленіе язычества въ римской имперіи. Право церкви давать убѣжище лицамъ гонимымъ, преслѣдуемымъ и вообще всѣмъ несчастнымъ. Отношенія преемниковъ Константина в. къ церкви Христовой до образованія центральной церковной власти на востокѣ и формальнаго опредѣленія этихъ отношеній путемъ законодательнымъ. Опредѣленіе отношеній государства къ церкви въ Юстиніановомъ законодательствѣ, его связь съ практикою предыдущихъ императоровъ и отношеніе къ практикѣ и законодательству всѣхъ послѣдующихъ византійскихъ императоровъ. Установленіе точки зрѣнія на фактическое проявленіе отношеній гражданской власти къ церковной въ Византіи.

Очерченное отношеніе Константина в. къ церкви послужило зерномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образцемъ развитія послѣдующихъ отношеній всѣхъ византійскихъ им-

(1) Созоменъ, II, 34. стр 160—162; Евсевій, Жизнь Константина велик. IV, 61—70; стр 274—281, Pichler. I. 48—49.

нераторовъ къ церкви, какъ съ хорошихъ своихъ сторонъ, такъ равно и съ дурныхъ. Перевѣсъ христіанства надъ язычествомъ, образованіе и прочное существованіе христіанскаго государства на мѣсто языческаго, римскаго, не подлежали никакому сомнѣнію. Всѣ послѣдующіе римско-византійскіе государи были христіане и употребляли всѣ мѣры къ искорененію язычества и водворенію христіанства между своими подданными. Сыновья Константина, Констанцій и Константъ, явили себя болѣе строгими по отношенію къ язычеству, чѣмъ самъ Константинъ (1); а когда, по смерти Константа (350), Констанцій остался единодержавнымъ властителемъ римскаго государства, то онъ издалъ (353 г.) законъ, воспрещающій подъ страхомъ смертной казни, языческія жертвы и поклоненіе идоламъ (2). Появленіе Юліана богоотступника (361—363) въ средѣ христіанскихъ византійскихъ государей было, по прекрасному выраженію св. Аѳанасія, лишь мимолетнымъ облакомъ (3) и составляетъ исключеніе. Сколь великій перевѣсъ христіанство одержало надъ язычествомъ въ разсматриваемое время, можно видѣть изъ того, что, когда по смерти Юліана войско провозгласило своимъ императоромъ Іовіана, ревностнаго христіанина, и когда онъ отказался отъ этой чести на томъ основаніи, что онъ христіанинъ; то воины, узнавъ объ этой причинѣ отреченія, немедленно провозгласили и себя христіанами (4), не смотря на то, что Юліанъ воздрузилъ между ними прежнее языческое знамя и,

(1) Cod. Theod. l. XVI. t. 10. c. 2. Cesset superstitio, sacrificiorum aboleantur insania. Nam quicunque contra legem divi principis, parentis nostri, et hanc nostrae mansuetudinis jussionem ausus fuerit sacrificia celebrare, competens in eum vindicta et praesens sententia exseratur.

(2) Ibid. XVI, 10. 4 Placuit, omnibus locis atque urbibus universis claudi protinus templa, et accessu vetitis omnibus, licentiam delinquendi perditis abnegari. Volumus etiam cunctos sacrificiis abstinere. Quodsi quis aliquid forte hujusmodi perpetraverit, gladio ultore sternatur. . .

(3) Созоменъ, V, 15 стр. 313.

(4) Ibid VI, 3 стр. 380.

по возможности, старался изгонять христіанъ изъ войска (1). Іовіанъ объявилъ полную свободу религіи своимъ подданнымъ. Граціанъ (375—383), какъ извѣстно, отвергъ званіе верховнаго первосвященника (Pontifex maximus) и по этому случаю повелѣлъ вынести изъ римскаго сената алтарь побѣды, а также отнялъ у языческихъ храмовъ имущества и лишилъ весталокъ привиллегій (2). Усиленныя просьбы язычниковъ снова внести въ сенатъ языческіе побѣдные знаки остались безъ послѣдствій. Ѳеодосій великій издалъ (въ 381 г,) законъ, которымъ воспрещается отступничество отъ христіанства подъ угрозою лишенія правъ званія и состоянія, безъ дозволенія приписываться даже къ самымъ нисшимъ классамъ народа и свидѣтельствовать на судѣ (3), а спустя десять лѣтъ послѣ этого издалъ новый законъ, которымъ совершенно воспретилъ посѣщать языческіе храмы (4). Подобнаго же рода законы противъ язычества издавали и послѣдующіе императоры: Аркадій, Ѳеодосій II, Валентіанъ III. Какъ завершеніе побѣды христіанства надъ язычествомъ можно считать распоряженіе (529) Юстиніана Великаго (527—565) о закрытіи философской школы въ Аѳинахъ (5). Нужно при этомъ замѣтить, что лучшіе отцы и учители церкви (напр. св. Златоустъ) высказывались противъ насильственнаго подавленія язычества, какъ мѣры рѣшительно противорѣчащей евангельскому ученію.

Весьма важное значеніе для тогдашняго общества, еще недостаточно утвержденнаго въ началахъ христіанства, имѣло вошедшее въ обычай и узаконенное за церковію преемниками Константина великаго право убѣжища. Рабы угнетаемые своими господами, свободные граждане притѣсняемые и насилуемые жестокими

(1) Созоменъ, V, 17—18. стр. 351—357.
(2) Cod. Theod XVI, 10, 20.
(3) Ibid XVI, 7, 1.
(4) Allzog, 1. p. 267.
(5) Ibid. 1. p 268—269; Pichler, 1. p 41.

правителями, должники общественные и частные, вообще, всѣ безвинно оскорбляемые и угнетаемые и даже самые преступники бѣжали въ св. храмы, чтобы, пользуясь здѣсь неприкосновенностію священнаго мѣста, избѣгнуть угрожающаго насилія, или же изыскать средства для смягченія вины, а иногда и совершеннаго избѣжанія наказанія,—для необременительной уплаты долга, или же полнаго его прощенія. Государи и областные правители уважали укоренявшійся обычай, а народъ зорко наблюдалъ за его исполненіемъ. Нѣкій правитель понтійской области вздумалъ принудить вступить въ бракъ съ собою одну знатную женщину, только что овдовѣвшую. Благородная вдова отказала ему и, чтобы избѣгнуть насилія, прибѣгла подъ защиту св. Василія великаго. Тогда сладострастный правитель воскипѣлъ гнѣвомъ на этого послѣдняго и насильственно привлекъ его къ своему суду. Народъ, узнавъ объ этомъ, взбунтовался и вооружился кто-чѣмъ-попало: мущины мечами и копьями, а женщины бердами. Трусливый правитель, чтобы избѣгнуть явной смерти, нашелся вынужденнымъ прибѣгнуть къ защитѣ того, кого только-что думалъ осудить, и, лишь благодаря его великодушному заступничеству, остался живъ (1). Императоръ Ѳеодосій великій издалъ, въ 392 г., первый законъ объ убѣжищѣ въ храмахъ. Поводъ къ его изданію былъ тотъ, что духовенство, давая убѣжище государственнымъ должникамъ, наносило тѣмъ ущербъ государству, которое, нужно замѣтить, было чрезвычайно строго во взысканіи общественныхъ повинностей. Ѳеодосій постановилъ, чтобы общественные должники, убѣгающіе отъ долговъ въ церкви, были немедленно извлекаемы отсюда; въ случаѣ нарушенія этого закона, государственныя подати должны быть взыскиваемы съ самихъ епископовъ или клириковъ. Извѣстный временщикъ, Евтропій, убѣдилъ слу-

(1) Творен св Григорія Богослова. Москва, 1844. ч. 4 стр. 110—112.

баго императора, Аркадія. совершенно отмѣнить право церкви оказывать покровительство ищущимъ у нея помощи; но этимъ возбудилъ всеобщее негодованіе и вскорѣ затѣмъ самъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ церкви. Аркадій отмѣнилъ свой неумѣстный законъ тотчасъ же послѣ безславной смерти Евтропія. Въ царствованіе Ѳеодосія II нѣсколько рабовъ въ Константинополѣ. жестоко притѣсняемыхъ своимъ господиномъ, прибѣгли въ церковь и, вооружившись мечами, заняли алтарь ея. Ихъ страданія были столь велики, что они потеряли всякую вѣру въ человѣческое снисхожденіе и пришли въ полное отчаяніе: они не захотѣли вступить ни въ какіе переговоры даже съ самими клириками. Когда же ихъ вздумали извлечь отсюда силою,— они сами умертвили себя. Эта кровавая драма побудила Ѳеодосія II издать новый законъ объ убѣжищѣ въ свящ. мѣстахъ, расширяющій право церкви. По этому закону мѣстомъ убѣжища признанъ не только алтарь храма, но также всѣ остальныя его части, даже дворъ, домы, сады, бани, келліи и вообще всѣ мѣста и зданія, заключенныя внутри церковной ограды. Только ищущіе убѣжища должны, при входѣ въ церковный дворъ, сложить съ себя всякое оружіе; за неисполненіе этого послѣдняго узаконенія повелѣно извлекать ихъ отсюда силою и, съ вѣдѣнія епископа или императора, предавать въ руки судьи или самого преслѣдователя. Если же безоружный будетъ насильственно удаленъ изъ церковнаго двора, то нарушитель закона будетъ наказанъ смертію. Во избѣжаніе какихъ-нибудь злоупотребленій, могущихъ произойдти, вслѣдствіе широкаго примѣненія изложеннаго закона, Ѳеодосій II скоро издалъ дополненіе къ нему, чтобы епископы и клирики немедленно оповѣщали господъ объ ихъ рабахъ, прибѣгшихъ подъ защиту церкви, и затѣмъ содѣйствовали бы ихъ примиренію, т. е. чтобы господинъ простилъ своему рабу всѣ долги и грѣхи его, а рабъ снова шелъ бы въ услуженіе своему господину; въ случаѣ же, если онъ воспротивится, долженъ быть

извлекаемъ силою, и если господинъ убьетъ его при этомъ, то не будетъ въ отвѣтѣ. Юстиніанъ великій, вообще говоря, принялъ это постановленіе о свящ. убѣжищахъ въ свое законодательство. Но онъ сдѣлалъ болѣе точное опредѣленіе о лицахъ, какимъ должно быть открываемо убѣжище. Исходя изъ той мысли, что церковь нисколько не осуждаетъ должное наказаніе преступниковъ государственною властію и что преступники и злодѣи отнюдь не должны пользоваться привиллегіей—сохранять себя въ свящ. мѣстахъ для будущихъ злодѣяній, онъ воспретилъ давать убѣжище въ церквахъ убійцамъ, прелюбодѣямъ, растлителямъ дѣвъ и вообще лицамъ, вреднымъ для общественнаго порядка, и явнымъ злодѣямъ. Относительно государственныхъ должниковъ постановилъ, чтобы духовенство не давало имъ обѣщанія защищать ихъ предъ правительствомъ, или, если дало такое обѣщаніе, то не держало его, но скорѣе должно содѣйствовать государству взыскивать подати съ своихъ подданныхъ, только способами приличными церкви. О преступникахъ церковь можетъ лишь ходатайствовать предъ государемъ о помилованіи, но укрывать ихъ отъ наказанія не должно. Защищать и укрывать злостныхъ должниковъ воспрещено (1). Такимъ образомъ, при установленіи права убѣжища, утвержденнаго за церковію правительствомъ, имѣлось въ виду охранять и проводить въ обществѣ начала христіанской любви, правды и исправленія преступниковъ, а отнюдь не разрушать общественный порядокъ или потворствовать злодѣямъ.

Установленіе отношеній государства къ церкви вообще, и въ частности къ церковной власти путемъ законодательнымъ—ближайшими преемниками Константина великаго не было сдѣлано. Тому главнымъ образомъ были двѣ причины: не существовало еще кодекса церковныхъ правилъ, который былъ бы извѣстенъ го-

(1) Riffel, 1 p 250 — 271, Созоменъ VIII, 7 стр 361 — 363, Журн Мин народн. просв 1850 г январь стр 47—50.

сударству и принятъ всею церковію. какъ несомнѣнно подлинный, и не была еще точно опредѣлена и установлена центральная власть церкви. Апостольскія правила, легшія въ основу всего послѣдующаго церковнаго строя, существовали лишь въ формѣ неписаннаго закона, преданія твердо хранимаго каждою мѣстною церковію отъ временъ апостоловъ. Вселенско-соборная жизнь только еще началась и не могла представлять законченнаго цѣлаго. Лишь послѣ того, какъ патріархъ константинопольскій, Іоаннъ схоластикъ, собралъ въ половинѣ VI вѣка, извѣстныя въ его время соборныя постановленія, сопоставилъ ихъ съ 85-ю правилами апостольскими и обнародовалъ во всеобщее употребленіе,—правительство могло опредѣлить ихъ отношенія къ свѣтскому законодательству и, слѣдовательно, установить болѣе точныя отношенія между церковію и государствомъ (1). Къ тому же самому времени установились болѣе точныя отношенія между разными церковными властями и были опредѣлены центральныя власти церкви. Римскій епископъ хотя еще до Константина великаго занялъ весьма видное положеніе, какъ епископъ столичнаго города; но съ основаніемъ Константинополя политическое значеніе Рима стало упадать и римскій епископъ, какъ удаленный отъ востока, не могъ группировать вокругъ себя восточныхъ епископовъ. Измѣняющееся политическое значеніе городовъ, легшее со временъ апостоловъ въ основу церковнаго строя и опредѣленія іерархическихъ отношеній, требовало порядка въ дѣлахъ церкви, болѣе сообразнаго съ новымъ политическимъ устройствомъ имперіи. Церковное возвышеніе Константинополя совершилось неодновременно съ его гражданскимъ возвышеніемъ. Лишь на второмъ всел. соборѣ было постановлено, чтобы константинопольскій епископъ имѣлъ преимущество чести по римскомъ епископѣ; но юрисдикціи надъ

(1) Zhishman, das Eherecht der Orientalischen Kirche Wien, 1864. p 10—11

другими епископами ему еще не было дано. Эта юрисдикція опредѣлена на четвертомъ вселенскомъ соборѣ 28 его правиломъ: отцы собора подтвердили равенство чести константинопольскаго епископа съ римскимъ и подчинили ему области—понтійскую, азійскую и ѳракійскую. Вмѣстѣ съ этимъ они даровали ему право нѣкоего высшаго надзора надъ всѣми епископами востока, подобно тому какъ таковымъ же правомъ римскій епископъ пользовался на западѣ. Пято-шестый трульскій соборъ подтвердилъ опредѣленія предыдущихъ соборовъ о преимуществѣ чести константинопольскаго епископа (1). Такимъ образомъ, константинопольскій епископъ мало-по-малу занялъ первенствующее значеніе въ іерархіи византійской имперіи.

Отношеніе правительства къ церкви въ этотъ періодъ образованія центральной церковной власти обнаруживалось равномѣрно къ епископамъ всей церкви, безъ отношенія къ іерархическому достоинству ихъ престоловъ; степень занимаемыхъ епископами престоловъ играла мѣньшую роль въ опредѣленіи отношеній государства къ церкви, чѣмъ самыя личности епископовъ. А потому и познать истинныя отношенія церковной власти къ правительству можно за этотъ періодъ не изъ исторіи одного какого-нибудь епископскаго престола въ его отношеніяхъ къ свѣтской власти, а изъ наиболѣе характерныхъ явленій, замѣчаемыхъ вообще въ іерархіи церкви по поводу тѣхъ или другихъ общецерковныхъ историческихъ событій. Такими событіями, вызывавшими церковную и свѣтскую власти на столкновеніе въ соборный періодъ существованія церкви, были ереси. Всѣ догматы христіанскаго вѣроученія разъ навсегда опредѣлены и возвѣщены Самимъ Іисусомъ Христомъ и Его апостолами. Но въ пониманіи ихъ человѣчествомъ, естественно, впослѣдствіи должны были произойдти разногласія. Императоры, объ-

(1) 34 пр апост., 35 пр. апост; 6 пр I вселенск соб., 2 и 3 пр. II вселенск. соб., 9, 17 и 28 пр IV всел. соб., 36 пр трульск. соб.

явивъ себя христіанскими государями, защитниками и покровителями церкви, при всякомъ возбужденіи новаго догматическаго вопроса могли принять за истинно православную церковь общество еретиковъ и вслѣдствіе этого покровительствовать ереси. Мы видѣли, что уже Константинъ великій, первый христіанскій государь, впалъ въ эту невольную ошибку и призналъ Евсевія Никомидійскаго и его приверженцевъ истинно православными. Его преемники: Констанцій (337—350) и Валентъ (364—378) были ревностные аріане. Какъ они относились къ православной іерархіи и православные епископы къ нимъ, образцемъ можетъ служить біографія столь великихъ отцовъ церкви, какъ св. Аѳанасій вел., Василій великій и Григорій Богословъ. Для характеристики мы приведемъ прекрасное описаніе св. Григорія Богослова изъ жизни Василія великаго, изображающее отношеніе послѣдняго къ императору Валенту и его сподручнику, Модесту.

„Когда царь, говоритъ св. Григорій Богословъ, устремился, съ намѣреніемъ поработить, на сію незыблемую и неуязвимую матерь церквей, на сію единственно еще остававшуюся животворную искру истины: тогда въ первый разъ почувствовалъ безуспѣшность своего замысла; ибо онъ былъ отраженъ, какъ стрѣла, ударившаяся въ твердыню, и отскочилъ, какъ порванная вервь. Такого встрѣтилъ онъ предстоятеля церкви! И къ такому приразившись утесу, сокрушился! Отъ испытавшихъ тогдашнія бѣдствія можно и о другомъ чемъ-нибудь слышать разсказы и повѣствованія (а нѣтъ такого, кто бы не повѣствовалъ о семъ); но всякій удивляется, кто только знаетъ тогдашнія боренія, нападенія, обѣщанія, угрозы,—знаетъ, что къ Василію, съ намѣреніемъ уговорить его, присылаемы были то проходящіе должность судей, то люди военнаго званія, то женскіе приставники,—эти мужи между женами, и жены между мужами, мужественные только въ одномъ—въ нечестіи, естественно неспособные предаваться распутству, но блудодѣйствующіе языкомъ, ко-

торымъ только и могутъ (блудодѣйствовать)..... Кто не знаетъ тогдашняго начальника области (Модеста), который какъ собственную свою дерзость особенно устремлялъ противъ насъ (потому что и крещеніемъ былъ совершенъ или погубленъ у аріанъ), такъ сверхъ нужды услуживалъ Повелителю, и своею во всемъ угодливостію на долгое время удержалъ и соблюлъ за собою власть? Къ сему-то правителю, который скрежеталъ зубами на церковь, принималъ на себя львиный образъ, рыкалъ, какъ левъ, и для многихъ былъ неприступенъ, вводится, или лучше сказать, самъ входитъ и доблестный Василій, какъ призванный на празднество, а не на судъ. Какъ пересказать мнѣ достойнымъ образомъ или дерзость правителя, или благоразумное сопротивленіе ему Василія? Для чего тебѣ, сказалъ первый (назвавъ Василія по имени; ибо не удостоилъ наименовать епископомъ), хочется съ дерзостію противиться такому могуществу и одному изъ всѣхъ оставаться упорнымъ? Доблестный мужъ возразилъ: въ чемъ и какое мое высокоуміе?—не могу понять сего. — Въ томъ, говоритъ первый, что не держишься одной вѣры съ царемъ, когда всѣ другіе склонились и уступили.— Не сего требуетъ царь мой, отвѣчаетъ Василій: не могу поклониться твари, будучи самъ Божія тварь и имѣя повелѣніе быть богомъ.—Но что же мы, по твоему мнѣнію? спросилъ правитель. Или ничего не значимъ мы, повелѣвающіе это? Почему не важно для тебя присоединиться къ намъ и быть съ нами въ общеніи?—Вы правители, отвѣчалъ Василій, — и не отрицаю, что правители знаменитые,—однакожъ не выше Бога. И для меня важно быть въ общеніи съ вами (почему и не такъ? и вы Божія тварь); впрочемъ не важнѣе, чѣмъ быть въ общеніи со всякимъ другимъ изъ подчиненныхъ вамъ; потому что христіанство опредѣляется не достоинствомъ лицъ, а вѣрою.—Тогда правитель пришелъ въ волненіе, сильнѣе воскипѣлъ гнѣвомъ, всталъ съ своего мѣста и началъ говорить съ Василіемъ суровѣе прежняго. Что же, сказалъ онъ,

развѣ ты не боишься власти?—Нѣтъ,—что̀ ни будетъ и чего ни потерплю.—Даже хотя бы потерпѣлъ ты и одно изъ многаго, что̀ состоитъ въ моей волѣ?—Что̀ же такое? объясни мнѣ это. — Отнятіе имущества, изгнаніе, истязаніе, смерть.—Ежели можешь, угрожай инымъ; а это ни мало насъ не трогаетъ.—Какъ же это, и почему? спросилъ правитель. — Потому, отвѣчаетъ Василій, что не подлежитъ описанію имуществъ, кто ничего у себя не имѣетъ, развѣ потребуешь отъ меня и этого волосянаго рубища и немногихъ книгъ, въ которыхъ состоятъ всѣ мои пожитки. Изгнанія не знаю; потому что не связанъ никакимъ мѣстомъ; и то, въ которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинутъ, будетъ мое. Лучше же сказать, вездѣ Божіе мѣсто, гдѣ ни буду я *пресельникомъ и прешлецемъ* (Пс. 38, 13). А истязанія что̀ возмутъ, когда нѣтъ у меня и тѣла, развѣ разумѣешь первый ударъ, въ которомъ одномъ ты и властенъ? Смерть же для меня благодѣтельна: она скорѣе препошлетъ къ Богу, для Котораго живу и тружусь, для Котораго большею частію себя самого я уже умеръ и къ Которому давно поспѣшаю.—Правитель, изумленный сими словами, сказалъ: такъ и съ такою свободою никто доселѣ не говаривалъ передо мною, и при этомъ присовокупилъ свое имя. — Можетъ быть, отвѣчалъ Василій, ты не встрѣчался съ епископомъ; иначе, безъ сомнѣнія, имѣя дѣло о подобномъ предметѣ, услышалъ бы ты такія же слова. Ибо во всемъ иномъ, о правитель, мы скромны и смирнѣе всякаго, — это повелѣваетъ намъ заповѣдь, и не только предъ такимъ могуществомъ, но даже предъ кѣмъ бы то ни было не поднимаемъ брови,—а когда дѣло — о Богѣ и противъ Него дерзаютъ возставать, тогда, презирая все, мы имѣемъ въ виду одного Бога. Огонь же, мечъ, дикіе звѣри и терзающіе плоть когти скорѣе будутъ для насъ наслажденіемъ, нежели произведутъ ужасъ. Сверхъ этого оскорбляй, грози, дѣлай все, что̀ тебѣ угодно, пользуйся своею властію. Пусть слышитъ о семъ и царь, что ты не

покоришь себѣ насъ и не заставишь приложиться къ нечестію, какими ужасами ни будешь угрожать". — „Когда Василій сказалъ сіе, а правитель, выслушавъ, узналъ, до какой степени неустрашима и неодолима твердость его, тогда уже не съ прежними угрозами, но съ нѣкоторымъ уваженіемъ и съ уступчивостію велитъ ему выйдти вонъ и удалиться. А самъ, какъ можно поспѣшнѣе, представъ царю, говоритъ: „побѣждены мы, царь, настоятелемъ сея церкви. Это мужъ, который выше угрозъ, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій. Надобно подвергнуть искушенію другихъ, не столько мужественныхъ, а его или открытою силою должно принудить, или и не ждать, чтобы уступилъ онъ угрозамъ". Валентъ воспретилъ дѣлать насилія мужественному поборнику православія, св. Василію. Спустя немного послѣ этого, въ праздникъ Богоявленія онъ пришелъ въ храмъ, въ которомъ совершалъ службу Василій великій. Торжественность и благочиніе, съ какими совершалось богослуженіе, высшая степень благоговѣнія самого Василія, такъ что онъ даже и не замѣтилъ съ помпою вошедшаго императора, произвели чрезвычайное впечатлѣніе на послѣдняго. Послѣ этого онъ прекратилъ потокъ гоненій на православныхъ и избавилъ ихъ отъ большей части обидъ, какія имъ дотолѣ наносили (1).

Подобнымъ языкомъ говорили и точно также мужественно отстаивали истину православія предъ императорами и ихъ усердными споспѣшниками и другіе святые мужи, какіе жили въ эпоху какой-нибудь ереси, волновавшей вселенскую церковь. Безъ существованія такихъ мужей, готовыхъ жизнію жертвовать за истину, церковь прекратила бы свое бытіе и сдѣлалась бы чѣмъ нибудь инымъ, но только не Христовою церковію. Высокія, одухотворенныя личности поддер-

---

(1) Творенія св. Григорія Богослова. Москва, 1844. IV, стр. 102—109.

живаютъ церковь чистою и неприкосновенною отъ всякой внѣшней заразы; но, съ другой стороны, и рождать подобныхъ личностей, которыя хранятъ истину и готовы жертвовать за нее жизнію, можетъ только церковь, которая есть столпъ и утвержденіе истины (Тимоѳ. 3, 15) и одолѣть которую врата адовы никакимъ образомъ не могутъ (Мѳ. 16, 18).

Въ первый разъ опредѣленіе отношеній государства къ церкви вообще, и гражданской власти къ церковной въ частности путемъ законодательнымъ сдѣлано императоромъ Юстиніаномъ I (527—565), когда кодексъ церковныхъ правилъ уже достаточно опредѣлился и когда появился первый сборникъ ихъ, составленный патріархомъ Іоанномъ Схоластикомъ (565—582). Духъ и характеръ Юстиніанова законодательства объ отношеніи церкви къ государству находится въ связи съ практикою и отдѣльными постановленіями предыдущихъ императоровъ; затѣмъ оно было принято и хранимо до конца имперіи, частію восполнено послѣдующими императорами, и, слѣдовательно, сопоставленное съ опредѣленіями этихъ послѣднихъ, можетъ служить истиннымъ выраженіемъ отношеній византійскихъ императоровъ къ церкви и церковной власти.

Существованіе двухъ равноправныхъ властей въ государствѣ Юстиніанъ призналъ, согласно ученію слова Божія, учрежденіемъ божественнымъ и, слѣдовательно, неизбѣжнымъ. Въ предисловіи къ 6-й новеллѣ (1) онъ говоритъ: „всевышняя благость сообщила человѣчеству два величайшіе дара: священство и царство (т. е. духовную власть и свѣтскую); то заботится объ угожденіи Богу, а это о прочихъ предметахъ человѣческихъ; оба же, происходя отъ одного и того же источника, составляютъ украшеніе человѣческой жизни. Поэтому, нѣтъ важнѣйшей заботы для госуда-

(1) Всѣхъ новеллъ, изданныхъ Юстиніаномъ съ 535 г., считается 163, изъ нихъ къ церковнымъ дѣламъ особенно относятся слѣдующія: 5. 6. 46. 56. 58. 67. 83. 123. 131. 133 136. 149.

рей, какъ благоустроеніе священства, которое съ своей стороны служитъ имъ молитвою о нихъ Богу“ (1). Это признаніе равноправности и одинаковаго происхожденія отъ Бога обѣихъ властей: духовной и свѣтской, было высказываемо и послѣдующими императорами при всякомъ удобномъ случаѣ. Напримѣръ, императоръ Іоаннъ Комнинъ въ письмѣ своемъ къ папѣ, Гонорію II (1124—1130), написанномъ по поводу соединенія церквей, говоритъ такимъ образомъ о раздѣленіи властей: „во всемъ моемъ управленіи я призналъ двѣ вещи, какъ существенно отличныя другъ отъ друга: первая есть духовная власть, которую верховный Первосвященникъ міра, Царь мира — Христосъ, даровалъ святымъ своимъ ученикамъ и апостоламъ, какъ ненарушимое благо, посредствомъ котораго они, по божественному праву, обладаютъ властію вязать и разрѣшать всѣхъ людей; вторая же—есть свѣтская власть, завѣдующая дѣлами временными и обладающая, по божественному установленію, одинаковымъ правомъ въ своей сферѣ вслѣдствіе заповѣди Господа: Кесарю воздавать кесарево. Обѣ эти власти, господствующія надъ жизнію человѣка, отдѣльны и отличны другъ отъ друга (2). Признавъ, такимъ образомъ, необходимость и равноправность существованія двухъ властей: свѣтской и духовной, законодатели опредѣлили затѣмъ образъ

(1) Maxima quidem in hominibus sunt dona Dei a superna collata clementia Sacerdotium et Imperium, et illud quidem divinis ministrans, hoc autem humanis praesidens ac diligentiam exhibens, ex uno eodemque principio utraque procedentia humanam exornant vitam Ideoque nihil sic erit studiosum Imperatoribus sicut Sacerdotum honestas, quam utique et pro illis ipsi semper Deo supplicent Novell Justin. 6 praefatio.

(2) Pichler 1. p. 286—287. Точно также разсуждаетъ о раздѣленіи властей и императоръ Исаакъ Ангелъ въ своей LXXXVI новеллѣ отъ 20 сентября 1187 г.. *ἀναγνωσθέντος οὖν τοῦ τοιούτου κανόνος ἡ βασιλεία μου μέγιστα τὰ ἐν τοῖς ἀνθρώποις δῶρα Θεοῦ παρὰ τῆς ἄνωθεν φιλανθρωπίας γινώσκουσα καὶ τὸ τῆς βασιλείας καὶ τὸ τῆς ἱερωσύνης θεόδοτον χρίσμα καὶ ἀξίωμα ἐκ μιᾶς τῆς αὐτῆς ἀεννάου πηγῆς ἑκάτερα προϊόντα καὶ τὸν ἀνθρώπινον βίον κατακοσμοῦντά τε καὶ παίνοντα...* Zachariae, J. G R. III, p 516

дѣйствій, кругъ обязанностей и права каждой изъ нихъ отдѣльно.

По законодательству Юстиніана, императоръ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ права и всю широту власти народа, такъ что его распоряженія имѣютъ и должны имѣть силу закона (1). Онъ есть владыка жизни и имущества своихъ подданныхъ (2). Отсюда выродились положенія у византійскихъ чиновниковъ, что „государь не подчиняется законамъ“ (3); что онъ „не подчиняется ни законамъ, ни канонамъ“ (4), и что „государственная власть можетъ дѣлать все“ (5). Понятно, что эти положенія, понимаемыя въ широкомъ смыслѣ, т. е. что государь можетъ поступать во всемъ по своему произволу, хотя бы и противозаконно, не могутъ назваться правильными и считались противозаконными, слѣдовательно—неимѣющими силы самими византійскими правовѣдами и канонистами. Ѳеодоръ Вальсамонъ, отвѣчая на эти положенія, или прямо называетъ ихъ несправедливыми (6), или же широту власти государей

---

(1) Instit. I, tit 2, § 6 Quod principi placuit, legis habet vigorem, quum lege regia, quae de imperio ejus lata est, populus ei et in eum omne suum imperium et potestatem concessit. Quodcunque ergo imperator per epistolam constituit, vel cognoscens decrevit, vel edicto praecepit, legem esse constat.

(2) Theophil. I, 2 7. Genevae 1610, de jur. nat. *βασιλεὺς οὐ μόνον τὰς ἡμετέρας περιουσίας, ἀλλὰ καὶ αὐτῶν τῶν σωματων ἐστὶ κύριος . οὐ γὰρ μισεῖ τινα βασιλεὺς τῶν ὄντων ὑπὸ τὴν αὐτοῦ πολιτείαν· εἰ δὲ τις εὑρεθῇ, τοῖς τελευθῶσι συναριθμηθήσεται.*

(3) Basilik II, 6. 1. *ὁ βασιλεὺς τοῖς νόμοις οὐχ ὑπόκειται.*

(4) *Ῥαλλη καὶ Ποτλη, Σύνταγμα τῶν ἱερῶν κανόνων. Αθηνησιν*, 1852 III p 349.

(5) Ibid. p 336 *ὡς ἡ βασιλικὴ ἐξουσία πάντα δύναται ποιεῖν.*

(6) Вальсамонъ, въ объясненіе на 15-е правило собора карѳагенскаго, говоритъ *Ἤκουσε δὲ ἀπὸ τῶν πολιτικῶν δικαστῶν, ὡς ἡ βασιλικὴ ἐξουσία πάντα δύναται ποιεῖν καὶ ὥσπερ ἠδύνατο πρωτοτύπως δοῦναι πολιτικὸν δικαστὴν χάριν τοῦ δικάσαι ἐπίσκοπον, ἢ ἕτερον ἱερωμένον ἐναγόμενον, οὕτω καὶ κατὰ μετάθεσιν τὸ ἐκκλησιαστικὸν δικαστήριον μεταγαγῇ κατὰ νόμιμον παρατήρησιν εἰς πολιτικὸν* Но далѣе онъ называетъ дѣйствіе подобнаго рода нарушеніемъ правила: *ἀλλὰ*

въ дѣлахъ церковныхъ, на которую ссылались приверженцы означенныхъ положеній въ оправданіе своего мнѣнія, подводитъ подъ форму закона, именно, доказываетъ, что власть императоровъ въ дѣлахъ церкви отнюдь не выходитъ изъ предѣловъ каноновъ, но скорѣе на нихъ опирается (1). Сами императоры, стоящіе на законной почвѣ, отклоняли отъ себя власть и возможность видоизмѣнять каноны и вообще порядокъ церкви, установленный апостолами, соборами и св. отцами" (2). Предѣлы своей власти въ дѣлахъ церкви они ограничивали лишь тою ея стороною, которая соприкасалась съ государствомъ и которая потому вполнѣ зависѣла отъ свѣтской власти" (3). Но и здѣсь они поступали не по безразсудному произволу. Всѣ означенныя положенія византійскихъ чиновниковъ могутъ имѣть правильное значеніе только тогда, когда распоряженія государей будутъ покоиться на общепризнанныхъ законахъ, постановленіяхъ и обычаяхъ, раскрывать ихъ и пояснять. Въ этомъ именно смыслѣ сдѣлано опредѣленіе правъ и обязанностей государя въ Епанагогѣ (сводѣ законовъ) императоровъ: Василія I и его сыновей—Льва VI и Александра (879—886). „Императоръ, сказано здѣсь, есть законное начальство, благо для всѣхъ подданныхъ, наказывающее и награждающее безъ пристрастія. Задача его дѣятельности заключается въ томъ, чтобы поддерживать и укрѣплять су-

---

τοῦτο οὐ προσίσταται, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, τῇ κανονικῇ διδασκαλίᾳ· ὀφείλομεν γὰρ εἰπεῖν, τὸν ἐπίσκοπον τηνικαῦτα ἕλκεσθαι περὶ πράγματος ἰδικῶς αὐτῷ διαφέροντος, οὐ μὴν περὶ ἐκκλησιαστικοῦ ζητήματος· τοιοῦτου γὰρ προκειμένου τινὸς, ἀμέτοχοι εἶναι ὀφείλουσιν οἱ πολιτικοὶ δικασταὶ Ῥάλλη καὶ Πότλη. III. p 336.

(1) Ibid p. 350.

(2) Императоръ Константинъ Дука въ новеллѣ отъ 1065 г. къ патріарху Іоанну Ксифилину говоритъ. *ἂν θέλῃ τις καινοτομεῖν τὸ Θεῖον, καὶ βλασφημεῖν, καὶ ἀνατρέπειν τοὺς κανόνας τῶν ἁγίων Ἀποστόλων, καὶ θεοφόρων Πατέρων, ἡμεῖς τοιαύτην συνήθειαν οὐκ ἔχομεν.* Ibid. V. p. 276.

(3) См туже самую новеллу: p. 274—276.

ществующій порядокъ посредствомъ проявленія кротости и благости и чтобы неутомимо стремиться пріобрѣсти посредствомъ благоразумія и мудрыхъ законовъ не только то, что̀ потеряно, но и то, чѣмъ государство еще не обладало (1). Онъ обязанъ благодѣтельствовать своимъ подданнымъ, почему онъ и называется благодѣтелемъ (2). Послѣ своего избранія гражданскими чинами, онъ отправляется въ храмъ и. являя здѣсь покорность Богу, „обращается къ Нему, какъ къ началу всего, испрашиваетъ у Него даровъ благодати, какъ Божій рабъ, и молится о посвященіи своемъ въ царя; ибо Христомъ Царемъ царствующихъ, *царіе царствуютъ* (Притч. 8, 15) и Его одного царство вѣчно“ (3). Затѣмъ, приступая къ самому вѣнчанію на царство посредствомъ мѵропомазанія, совершаемаго патріархомъ, онъ предварительно даетъ предъ послѣднимъ обѣтъ „благоволительнаго попеченія о подвластныхъ въ правдѣ“ и произноситъ присягу въ вѣрномъ соблюденіи и ревностномъ охраненіи православной вѣры во св. Троицу, въ воплощеніе Сына Божія, въ нераздѣльное, несліянное и неизмѣнное соединеніе въ

---

(1) Zachariae, Jus Graeco-romanum. Lipsiae, 1865. t. IV, p. 181: *Βασιλεὺς ἐστιν ἔννομος ἐπιστασία, κοινὸν ἀγαθὸν πᾶσι τοῖς ὑπηκόοις, μήτε κατὰ ἀντιπάθειαν τιμωρῶν, μήτε κατὰ προσπάθειαν ἀγαθοποιῶν, ἀλλὰ ἀναλόγως τοῖς ἀγωνοθέταις παρεχόμενος. Σκοπὸς τῷ βασιλεῖ τῶν τε ὄντων (καὶ ὑπαρχόντων) δυνάμεων δὶ ἀγαθότητος ἡ φυλακὴ καὶ ἀσφάλεια, καὶ τῶν ἀπολωλότων δὶ ἀγρύπνου ἐπιμελείας ἡ ἀνάληψις, καὶ τῶν ἀπόντων διὰ σοφίας καὶ δικαίων τρόπων καὶ ἐπιτηδευμάτων ἡ ἀνάκτησις* Тоже самое у Leunclavi'a, Jus graecorom. I, p. 178; II, p. 83—84 Это опредѣленіе власти государя внесъ въ свою синтагму и Матѳей Властарь *Ῥαλλη καὶ Ποτλη, Σύνταγμα* VI p. 123.

(2) Zachariae. IV, p. 181. *τέλος τῷ βασιλεῖ τὸ εὐεργετεῖν, διὸ καὶ εὐεργέτης λέγεται.*

(3) Patrologiae cursus completus, Migne. t CLV: Simeonis Thessal. archiep omnia opera. p. 352—353: *Εἶτα εἰς τὴν ἐκκλησίαν εἰσελθὼν, δεικνὺς τὴν εἰς Θεὸν ὑποταγὴν καὶ καταφυγὴν τὸν ὄντα πάντων ἀρχὴν, τὰ τῆς χάριτος αὐτοῦ ζητεῖ Ἐπεῖ δοῦλός ἐστι Θεοῦ. Καὶ τελεσθῆναι βασιλεὺς ἐξαιτεῖται. Δὶ αὐτοῦ γὰρ τοῦ Βασιλέως βασιλέων Χριστοῦ βασιλεῖς βασιλεύουσι· καὶ αὐτοῦ μόνου ἡ βασιλεία αἰώνιος*

Немъ двухъ естествъ при единствѣ ипостаси и во всѣ прочіе догматы, опредѣленные и утвержденные на вселенскихъ соборахъ (1). При изданіи новыхъ законовъ относительно предметовъ, о которыхъ не сдѣлано никакихъ постановленій въ прежнемъ законодательствѣ, онъ долженъ руководствоваться существующими обычаями, согласовать свои распоряженія съ духомъ дѣйствующихъ законовъ и отнюдь не издавать ничего такого, что̀ противорѣчитъ церковнымъ постановленіямъ (2).

Патріархъ константинопольскій, послѣ того какъ престолъ его почтенъ преимуществомъ чести отцами на соборахъ, занялъ первенствующее положеніе въ средѣ всѣхъ іерарховъ восточной церкви. Какъ только патріаршій константинопольскій престолъ становится праздным, то никто изъ архіереевъ не входитъ въ софійскую церковь, чтобы не показаться предвосхитителемъ этого высокаго сана. Императоръ созываетъ соборъ архіереевъ для избранія новаго патріарха. Собственно участвовать въ выборахъ должны были бы всѣ архіереи патріархата; но такъ какъ сдѣлать этого не возможно, то соборъ обыкновенно составляется изъ

---

(1) Migne, Patr. curs. compl. t. CLV, p. 353: *ἀλλὰ πρότερον τὴν εἰς Θεὸν ζητεῖ (πατριάρχης) τοῦτον (βασιλέα) πίστιν ἀνομολογῆσαι ὀρθῶς, καὶ τὴν εἰς τὸ ὑπήκοον πρόνοιάν τε καὶ εὔνοιαν ἐν δικαιοσύνῃ.*—Zachariae, J. G R. IV, p. 181· *ὑπόκειται ἐκδικεῖν καὶ διατηρεῖν ὁ βασιλεὺς πρῶτον μὲν πάντα τὰ ἐν τῇ θείᾳ γραφῇ γεγραμμένα, ἔπειτα δὲ καὶ τὰ παρὰ τῶν ξ'. ἁγίων συνόδων δογματισθέντα· ἔτι δὲ καὶ τοὺς ἐγκεκριμμένους ῥωμαϊκοὺς νόμους. Ὑπισημότατος ἐν ὀρθοδοξίᾳ καὶ εὐσεβείᾳ ὀφείλει εἶναι ὁ βασιλεύς. καὶ ἐν ζήλῳ θείῳ διαβόητος, ἔν τε τοῖς ὑπὲρ τῆς τριάδος δογματισθεῖσιν ἔν τε τοῖς ὑπὲρ τῆς οἰκονομίας λαμπρότατα καὶ ἀσφαλέστατα διὰ τὴν κατὰ σάρκα ἐπιδημίαν τοῦ κυρίου ἡμῶν ἰησοῦ χριστοῦ ὁρισθεῖσιν· τουτέστι τὸ ὁμοούσιον τῆς τρισυποστάτου θεότητος ἄτμητον καὶ ἀσυναίρετον διατηρῶν, καὶ τὴν ἐν τῷ ἑνὶ χριστῷ τῶν δύο φύσεων καθ'ὑπόστασιν ἕνωσιν.*

(2) Zachariae IV p. 181—182: *τὰ τοῖς παλαιοῖς νομοθετηθέντα τὸν βασιλέα θεῖ ἑρμηνεύειν, καὶ ἐκ τῶν ὁμοίων τέμνειν τὰ περὶ ὧν οὐ κεῖται νόμος Ἐν τῇ τῶν νόμων ἑρμηνείᾳ δεῖ καὶ τῇ συνηθείᾳ προσέχειν τῆς πόλεως· τὸ δὲ παρὰ κανόνας εἰσαγόμενον οὐκ ἐᾶται πρὸς ὑπόδειγμα.*

случайно находящихся въ Константинополѣ архіереевъ и изъ архіереевъ близъ лежащихъ епархій. Соборъ избираетъ трехъ кандидатовъ и представляетъ ихъ императору, который съ своей стороны избираетъ и утверждаетъ одного изъ нихъ въ дѣйствительные патріархи (1). Императоръ содѣйствуетъ дѣяніямъ собора при избраніи патріарха, „какъ помазанникъ Господень и богопоставленный защитникъ и поборникъ церкви", обязавшійся къ тому при своемъ вѣнчаніи на царство (2). Вслѣдствіе этого и приглашеніе новоизбраннаго патріарха вступить въ управленіе церковію дѣлается, какъ отъ лица императора, такъ и всего собора (3). „Поэтому, говоритъ Симеонъ Солунскій, заблуждаются тѣ нововводители, которые по внушенію ненависти утверждаютъ, будто царь поставляетъ патріарха. Отнюдь не царь, а здѣсь дѣйствуетъ соборъ; царь же, какъ благочестивый, только содѣйствуетъ, не только потому, что онъ есть защитникъ церкви и царь помазанный, но и чтобы, помогая и содѣйствуя, защищать и дѣлать твердыми распоряженія церкви" (4). Что не императоръ избира-

(1) Migne, Patr. curs compl. t. CLV p. 437 — 440: *πατριάρχου πρὸς Θεὸν μεταστάντος, οὐδεὶς τῶν ἀρχιερέων τῇ Μεγάλῃ ὅλως ἐκκλησίᾳ παραβάλλει, ἵνα μὴ ὡς ἐπιβάτης λογισθῇ οὔτε συναθροισθέντες ἔξωθεν ὅσοι δυνατὸν ἐλθεῖν, ἐπεὶ καὶ εἴπερ πάντες ἦσαν κανονικοὶ... ὡς ἔθος αἱ ψῆφοι ἐν τρισὶ προσώποις, ὡς εἰρήκαμεν, γίνονται. Τοῦτο δὲ ὀνεῖται ἄνωθεν ἀπὸ τῶν Πατέρων ὡς κεχρισμένῳ βασιλεῖ, ἡ ἀπὸ τῶν τριῶν ἐκλογὴ*

(2) Ibid p 440: *ὁ βασιλεὺς δὲ τὰ τῆς συνόδου ὑπηρετεῖ, ὡς Χριστὸς Κυρίου καὶ δεφένσωρ καὶ ὑπηρέτης τῆς ἐκκλησίας καταστὰς, ἐν τῷ χρίεσθαι καὶ τοῦτο καθυποσχεθείς.*

(3) Ibid : *ὁ κραταιὸς καὶ ἅγιος ἡμῶν αὐθέντης καὶ βασιλεὺς, καὶ ἡ θεία καὶ ἱερὰ καῦ μεγάλη σύνοδος προσκαλοῦνται τὴν ἁγιωσύνην σου εἰς τὸν ὑψηλότατον θρόνον τοῦ πατριαρχείου τῆς Κωνσταντινουπόλεως.*

(4) Ibid . *φλυαροῦσι τοίνυν οἱ λέγοντες καινοτόμοι φθόνῳ βαλλόμενοι, ὡς ὁ βασιλεὺς τὸν πατριάρχην ποιεῖ· οὐδαμῶς γὰρ ὁ βασιλεὺς, ἀλλ' ἡ σύνοδος ἐνεργεῖ, ἐξυπηρετουμένου μόνον τοῦ βασιλέως εὐσεβοῦς ὄντος, οὐ μόνον ὅτι ἔκδικός ἐστι, καὶ βασιλεὺς χρισθεὶς ἐκ τῆς ἐκκλησίας, ἀλλ' ἵνα καὶ συνεργῶν εἴη καὶ ὑπηρετῶν, καὶ στέργῃ καὶ βέβαια τηρῇ τὰ τῆς ἐκκλησίας.*

етъ патріарха, а соборъ,—это еще яснѣе видно изъ слѣдующаго послѣ нареченія, такъ называемаго, „производства“ (*πρόβλησις*). По замѣчанію Симеона Солунскаго „*πρόβλησις* есть исповѣданіе царя собственными устами и честь, воздаваемая имъ церкви, въ знакъ того, что онъ почитаетъ избраннаго ею и назначеннаго, и согласившагося пасти церковь, и что въ той же св. Троицѣ, которая ему самому даровала царство, онъ принимаетъ и архіепископа Константинополя, новаго Рима, и вселенскаго патріарха. Но самъ онъ не совершаетъ и не даетъ ему ничего, а только соглашается и помогаетъ въ этомъ дѣлѣ“ (1). Если новоизбранный патріархъ изъ нисшаго клира, священниковъ или діаконовъ, то, при рукоположеніи его во епископа, онъ произноситъ исповѣданіе вѣры, которую онъ обѣщается хранить свято; но если онъ—изъ епископовъ, то при возведеніи его въ патріарха уже не произноситъ исповѣданія вѣры, потому что уже разъ исповѣдалъ ее при рукоположеніи во епископа (2).

Избранный, утвержденный и, такимъ образомъ, рукоположенный патріархъ, по изображенію „Епанагоги“, „есть живой образъ Христа, представляющій истину словомъ и дѣломъ“ (3). Задача его дѣятельности прежде всего заключается въ томъ, чтобы сохранить Бо-

---

(1) Migne, Patr curs compl t. CLV, p. 441 *τοῦτό ἐστιν ὁμολογία τοῦ βασιλέως διὰ στόματος οἰκείου καὶ τιμὴ πρὸς τὴν Ἐκκλησίαν, ὡς στέργει τὸν ἐκλεγέντα παρ' αὐτῆς, καὶ ἐψηφισμένον, τὴν ἐκκλησίαν ποιμαίνειν καταδεξάμενον καὶ ἐν τῇ ἁγίᾳ Τριάδι τῇ δωρισαμένῃ τοῦτῳ τὴν βασιλείαν ἔχει καὶ αὐτὸς αὐτὸν ἀρχιεπίσκοπον Κωνσταντινουπόλεως Νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικὸν πατριάρχην. Οὐ μὴν ἐνεργεῖ αὐτὸν αὐτὸς, οὐδὲ δίδωσι τοῦτο τι, ἀλλὰ συμφωνεῖ καὶ ἐπακολουθεῖ τῷ ἔργῳ*

(2) Ibid p. 449—451· *καὶ τὴν ὁμολογίαν αὐτοῦ ἐνώπιον λέγει πάντων, τὴν πίστιν ὀρθὴν διδοὺς. ὡς δῶρον τῆς νυμφεύσεως καθαρὸν... αὐτὸς πατριάρχης χειροτονούμενός ἐστι, τίνι ὑποταγήσεται, ἀλλ' ἢ τοῖς κανόσι καὶ μόνον, οὓς καὶ ὁμολογεῖ φυλάσσειν.*

(3) Zachariae, J. G. R. IV. p. 182: *πατριάρχης ἐστὶν εἰκὼν ζῶσα Χριστοῦ καὶ ἔμψυχος, δι' ἔργων καὶ λόγων χαρακτηρίζουσα τὴν ἀλήθειαν.* Также у Leunclavi'a. II, p. 84—85.

гомъ ввѣренную ему паству въ благочестіи и чистотѣ; затѣмъ онъ обязанъ привести къ единенію съ каѳолитескою перковію раскольниковъ и еретиковъ, а невѣрующихъ обратить къ вѣрѣ Христовой (1), и заботиться о спасеніи душъ своего духовнаго стада, устроеніи его жизни во Христѣ и распятіи міру (2). Онъ долженъ быть учителенъ и неустрашимо защищать истину предъ императорами (3). Онъ одинъ только можетъ и долженъ изъяснять каноны и отеческія опредѣленія (4); при этомъ онъ обязанъ согласовать позднѣйшія правила и постановленія съ прежде нихъ бывшими, какъ относительно лицъ, такъ и фактовъ. Возведенный на высшую степень чести соборными и отеческими опредѣленіями, патріаршій константинопольскій престолъ имѣетъ право юрисдикціи надъ всѣми подчиненными ему митрополіями и епископіями, монастырями и церквами, и можетъ рѣшать своимъ судомъ не только въ нихъ возникающія распри, но даже и въ прочихъ патріархатахъ востока, отъ него независимыхъ (5). Вообще, онъ печется и заботится обо

(1) Zachariae IV, 182: *σκοπὸς τῷ πατριάρχῃ, πρῶτον μὲν, οὓς ἐκ Θεοῦ παρέλαβεν εὐσεβείᾳ καὶ σεμνότητι βίου διαφυλάξαι, ἔπειτα δὲ πάντας τοὺς αἱρετικοὺς κατὰ τὸ δυνατὸν αὐτῷ πρὸς τὴν ἀρθοδοξίαν καὶ τὴν ἕνωσιν τῆς ἐκκλησίας ἐπιστρέψαι.*

(2) Ibid. p 183 *Τέλος τῷ πατριάρχῃ ἡ τῶν καταπεπιστευμένων αὐτῷ ψυχῶν σωτηρία, καὶ τὸ ξῆν μὲν Χριστῷ, ἐσταυρῶσθαι δὲ τῷ κοσμῳ.*

(3) Ibid. p. 183: *Ἴδια τῷ πατριάρχῃ τὸ εἶναι διδακτικὸν.. ὑπὲρ δὲ τῆς ἀληθείας καὶ τῆς ἐκδικήσεως τῶν δογμάτων λαλεῖν ἐνώπιον βασιλέων καὶ μὴ αἰσχύνεσθαι.*

(4) Ibid. *τὰ παρὰ τῶν παλαιῶν κανονισθέντα καὶ παρὰ τῶν ἁγίων συνόδων ἐκτεθέντα τὸν πατριάρχην μόνον δεῖ ἑρμηνεύειν. Τὰ παρὰ τῶν ἀρχαίων πατέρων ἐν συνόδοις ἢ ἐν ἐπαρχίαις ἰδικῶς καὶ καθολικῶς πραχθέντα καὶ οἰκονομηθέντα τὸν πατριάρχην δεῖ διακρίνειν.*

(5) Ibid.. *οἱ προγενέστεροι κανόνες καὶ εἰς τοὺς μεταγενεστέρους ἔλκονται.... Ὁ Κωνσταντινουπόλεως θρόνος βασιλείᾳ ἐπικοσμηθεὶς ταῖς συνοδικαῖς ψήφοις πρῶτος ἐρρήθη, αἷς οἱ θεῖοι κατακολουθοῦντες νόμοι καὶ τὰς ὑπὸ τοὺς ἑτέρους θρόνους γινομένας ἀμφισβητήσεις ὑπὸ τὴν ἐκείνου προστάττουσιν ἀναφέρεσθαι διάγνωσιν καὶ κρίσιν. Πασῶν τῶν μητροπόλεων καὶ ἐπισκοπείων, μοναστηρίων τε καὶ ἐκκλησιῶν ἡ*

всемъ, относящемся къ духовной сторонѣ человѣка, разбираетъ свойство духовныхъ преступленій и ересей, произноситъ о нихъ сужденіе и можетъ передать свое право дѣлать тоже самое и подчиненнымъ ему митрополитамъ и епископамъ: митрополиты и епископы въ своихъ митрополіяхъ и епископіяхъ пользуются тою же самою властію относительно дѣлъ духовныхъ (1).

Отношеніе между духовною и свѣтскою властію должно быть точно такое же, въ какомъ находятся душа и тѣло человѣка. Государство, по изображенію Епанагоги, совершенно подобно устройству человѣческаго организма: какъ человѣкъ состоитъ существенно изъ двухъ частей: души и тѣла, такъ точно и для государственнаго организма положительно необходимы двѣ власти: духовная и свѣтская, т. е. императоръ и патріархъ; и какъ жизнь человѣческая можетъ быть правильною тогда только, когда душа и тѣло находятся въ гармоніи между собою, тѣло слѣдуетъ разумнымъ велѣніямъ души; такъ точно и въ государственномъ организмѣ благополучіе подданныхъ и правильное теченіе ихъ жизни могутъ быть только тогда, когда священство и императорство находятся въ согласіи между собою (2). Еще раньше Юстиніанъ великій вы-

πρόνοια καὶ ἡ φροντὶς, ἔτι δὲ καὶ κρίσις καὶ κατάκρισις, τῷ οἰκείῳ πατριάρχῃ ἀνάκειται.. . καὶ τὰς ἐν τοῖς ἄλλοις θρόνοις γενομένας ἀμφισβητήσεις ἐπιτηρεῖν καὶ ὀρθοῦσθαι καὶ πέρας ἐπιτιθέναι ταῖς κρίσεσιν Сравн. 9 17 и 28 правила Халкидонскаго собора Впрочемъ, нужно замѣтить, что всѣ приведенныя здѣсь опредѣленія правъ и обязанностей патріарха, за исключеніемъ послѣдней привиллегіи, относятся вообще къ званію патріарха

(1) Zachariae J. G R. IV, p 184: *τῶν ψυχικῶν ἁπάντων ἡ πρόνοια καὶ ἡ φροντὶς τῷ οἰκείῳ πατριάρχῃ ἀνάκειται ἀναφέρεται δὲ καὶ εἰς ἑτέρους, οἷς ἂν αὐτὸς ἀναφέρεσθαι ὁρίσῃ· ὡσάυτως δὲ καὶ μετανοίας καὶ ἐπιστροφῆς ἀπὸ ἁμαρτημάτων καὶ αἱρέσεων αὐτὸς καὶ μόνος καθίσταται διαιτητὴς τε καὶ γνώμων, καὶ οὓς ἂν αὐτὸς ὁρίσῃ· καὶ κατὰ τὰς μητροπόλεις δὲ καὶ ἐπισκοπὰς τοῖς μητροπολίταις καὶ ἐπισκόποις ἡ αὐτὴ φυλάττεται τάξις καὶ ἐξουσία.* Приведенное опредѣленіе патріарха и его значенія въ государствѣ Матеей Властарь цѣликомъ внесъ въ свою синтагму *Ῥαλλη καὶ Ποτλη*, VI, p 428—429

(2) Ibid p. 183: *τῆς πολιτείας ἐκ μερῶν καὶ μορίων ἀναλόγως τῷ ἀνθρώπῳ συνισταμένης, τὰ μέγιστα καὶ ἀναγκαιότατα μέρη βασι-*

разилъ (1) тотъ же самый принципъ взаимнаго согласія между государствомъ и церковію со всею ясностію и опредѣленностію. „Когда. говоритъ онъ. и церковь со всѣхъ сторонъ благоустроена, и государственное управленіе держится твердо и путемъ законовъ направляетъ жизнь народа къ истинному благу, то возникаетъ добрый и благотворный союзъ церкви и государства, столь вожделѣнный для человѣчества. Посему мы озабочиваемся и охраненіемъ православной вѣры и благоустроеніемъ священства, чѣмъ надѣемся получить великія блага отъ Бога и соблюсти твердый порядокъ въ государствѣ". Таже самая мысль о согласномъ дѣйствованіи государства и церкви выражена въ новеллахъ императоровъ: Никифора Вотаніата отъ 1080 г. (2), Алексѣя I Комнина отъ 1107 г. (3) и Мануила Комнина отъ 1160 г. (4). Императоръ, Іоаннъ Комнинъ,

---

λεὺς ἐστι καὶ πατριάρχης διὸ καὶ ἡ κατὰ ψυχὴν καὶ σῶμα τῶν ὑπηκόων εἰρήνη καὶ εὐδαιμονία βασιλείας ἐστὶ καὶ ἀρχιερωσύνης ἐν πᾶσιν ὁμοφροσύνη καὶ συμφωνία. Тоже у М Властаря *Σύνταγμα*, VI, p. 429.

(1) Въ томъ же самомъ предисловіи къ 6-й новеллѣ, гдѣ онъ высказалъ взглядъ государства на божественное происхожденіе, равноправность и раздѣльное существованіе двухъ властей, церковной и гражданской.

(2) Zachariae, J. G. R. III p 339, novell. XIII: *εἰ γοῦν ἅπαντας ὁ θεῖος νόμος καὶ συνοδικὸς καταναγκάζει καὶ μὴ βουλομένους μεταφέρεσθαι πρὸς τὰ κρείττονα, ὡς ἂν μὴ τῆς συνόδου τῆς θείας ψήφου ἐξοστρακίζοιντο, πολλῷ γε μᾶλλον ἄξιόν ἐστι μετὰ τῆς ψηφοφορίας τῆς συνοδικῆς καὶ ἀρχιερατικῆς καὶ τὸν κραττοῦντα ἐπιψηφίζεσθαι, καὶ ὥσπερ δὴ συμπράττειν καὶ συνεδριάζειν τοῖς καλῶς παρὰ τῶν ἱερωτάτων καὶ θειοτάτων ἀρχιερέων καὶ αὐτοῦ τοῦ πανιέρου πατριάρχου ψηφισθεῖσί τε καὶ οἰκονομηθεῖσι καλῶς.*

(3) Ibid. p 413—424, novel. XLI. Озаглавливается такимъ образомъ: *νεαρὰ νομοθεσία τοῦ βασιλέως κυροῦ ἀλεξίου τοῦ κομνηνοῦ διατυποῦσα τὰ περὶ τῶν ψήφων, καὶ ὁποίους δεῖ εἶναι τοὺς ἀπανταχοῦ ἀρχιερεῖς, πρὸς δὲ καὶ τοὺς ἱερεῖς, ἐν ταῖς ἐπαρχίαις καὶ ταῖς μητροπόλεσι καὶ ταῖς ἐπισκοπαῖς*

(4) Ibid. p 501, novell LXXVI: *ὡς ἂν οὖν καὶ ἀμφότερα καλῶς περιφυλαχθῶσι καὶ σεβασθῶσιν, ἥ τε μεγαλειότης τῶν βασιλικῶν τε*

въ вышеупомянутомъ своемъ письмѣ къ папѣ, Гонорію II, говоритъ, что духовная и свѣтская власти бываютъ полезны только тогда, когда дѣйствуютъ согласно между собою, когда одна поддерживаетъ и пополняетъ другую. Въ этомъ отношеніи сколько согласіе ихъ между собою приноситъ пользу подданнымъ, столь же напротивъ великъ вредъ бываетъ отъ ихъ раздора и вражды между собою (1). Согласное дѣйствованіе духовной и свѣтской властей было принципомъ столькоже государства, какъ и самой церкви. Такъ, напримѣръ. патріархи заповѣдовали вновь рукополагаемымъ митрополитамъ, архіепископамъ и прочимъ духовнымъ лицамъ, чтобы они питали любовь и уваженіе къ государственнымъ законамъ, во всемъ поступали согласно съ ними и вообще строго соблюдали права императоровъ по отношенію къ церкви (2). Свят. Θеодоръ Студитъ въ своемъ письмѣ къ императору Никифору, спрашивавшему у него совѣта о замѣщеніи патріаршаго престола послѣ смерти патріарха Тарасія (въ 806 г.), говоритъ такимъ образомъ: „Богъ даровалъ христіанамъ два высшихъ дара священство и царство. посредствомъ которыхъ земныя дѣла управляются подобно небеснымъ. Если одна какая нибудь изъ этихъ должностей будетъ проходима недостойнымъ образомъ, то необходимо произойдетъ опасное разстройство и въ

καὶ ἀρχιερατικῶν διαταγμάτων καὶ ἡ τῶν νόμων καὶ ἡ τῶν κανόνων ἀκρίβεια и пр. Эту новеллу приводитъ Вальсамонъ въ схоліи на *титл.* XIII, 2 гл Номоканона Фотія. *Ῥαλλη καὶ Ποτλη, συντ. τῶν κανον.* I, p. 283

(1) Pichler 1 p. 287.

(2) *Ῥαλλη καὶ Ποτλη, συνταγμ τῶν κανον.* V. p. 345, *ἐντάλματα διδομένα τοῖς χειροτον. μητροπ. ἀρχιεπ, καὶ ἑτέροις: (δεῖ τὴν σὴν θεοφέλειαν) τὴν τε ἄλλην τῶν πολιτικῶν νομοθετημάτων εἰσήγησιν στέργειν τε καὶ διευλαβεῖσθαι, καὶ τούτοις ἐπὶ πάσῃ πράξει ἀῤῥεπῶς ἐπακολουθεῖν, καὶ τὸ ἐπὶ χεῖρας ἀπευθυνειν τε καὶ ῥυθμίζειν, τὸν ἐπὶ παντὸς κύριον εἰδυῖαν σαφῶς ἐκ δεξιῶν ἡμῶν παρεῖναι, καὶ πᾶν τὸ ῥυόμενον ἐφορᾷν καὶ τὰς ἐφαμίλλους τοῖς ἔργοις ἀμοιβὰς ἀποταμιεύεσθαι.*

цѣломъ. Поэтому, если ты хочешь доставить своему царству величайшія блага, а чрезъ твое царство и всѣмъ христіанамъ, то да получитъ и церковь себѣ предстоятеля равнаго, сколько возможно, твоей царской доблести, дабы радовались небеса и воспѣла земля (1). Такимъ образомъ, по ученію православной церкви и византійскому законодательству, полное счастіе и благополучіе подданныхъ возможны лишь тогда, когда духовная и свѣтская власти находятся въ согласіи между собою.

Но это взаимное согласіе государства и церкви, единодушно проповѣдуемое, какъ свѣтскими лицами Византіи, такъ и духовными, нужно, однакожъ, понимать не въ смыслѣ механическихъ сдѣлокъ и уступокъ, хотя бы съ ущербомъ для существенныхъ принциповъ христіанства, а въ смыслѣ преобразованія государственныхъ законовъ и постановленій по духу христіанскихъ началъ, или иначе — въ смыслѣ образованія христіанскаго государства, въ отличіе его отъ прежняго государства языческаго. Что византійское законодательство о согласіи государства и церкви имѣетъ именно эту мысль,—это видно изъ слѣдующихъ законоположеній. Уже халкидонскій соборъ въ четвертомъ своемъ засѣданіи постановилъ, что всѣ императорскіе законы, противорѣчащіе канонамъ, не имѣютъ силы (2). Юстиніанъ призналъ за церковными правилами силу государственныхъ постановленій. Въ законѣ, изданномъ 18 октября 530 г., онъ говоритъ: „Церковные законы имѣютъ такую же силу въ государствѣ, какъ и госу-

---

(1) 1-й части письмо 16-е. По русск. пер. I стр. 158 — 159. Творен. Ѳеодора Студита. Спб. 1867 г.

(2) Дѣян. всел. собор., издан. казанск. дух. акад. Казань, 1865. т. IV, стр. 83—84. «славнѣйшіе сановники сказали, «священнѣйшему государю вселенной угодно было, чтобы дѣла святѣйшихъ епископовъ производились не по императорскимъ граматамъ или прагматическимъ уставамъ, но по канонамъ, изданнымъ св. отцами.... св. соборъ сказалъ: «противъ каноновъ никакой прагматическій (уставъ) не будетъ имѣть силы; пусть каноны отцевъ преобладаютъ».

дарственные; что дозволяется или запрещается первыми, то дозволяется и запрещается послѣдними: посему преступленія противу первыхъ не могутъ быть терпимы въ государствѣ, по законамъ государства“ (1). Затѣмъ, въ предисловіи къ 131-й новеллѣ онъ точнѣе опредѣлилъ и самые каноны, которые должны имѣть силу государственныхъ законовъ: „принимаемъ, говоритъ онъ здѣсь, какъ законы для государства, церковныя правила, изложенныя или утвержденныя на четырехъ вселенскихъ соборахъ: никейскомъ, константинопольскомъ, ефесскомъ, халкидонскомъ“ (2). Слова о правилахъ, не только *изложенныхъ*, но и *утвержденныхъ* на четырехъ вселенскихъ соборахъ, показываютъ, что Юстиніанъ имѣлъ въ виду не одни собственныя постановленія вселенскихъ соборовъ, но и другія правила, признанныя ими за уставы вселенской церкви, какъ то: правила апостольскія, помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ (3). Далѣе, точнѣе опредѣляя свою мысль, онъ выражается такимъ образомъ: „мы принимаемъ догматы церкви, какъ слово Божіе, а церковныя постановленія блюдемъ, какъ государственные законы“ (4). Во-

---

(1) Constit. an 530 Cod Lib. 1 tit 3. cap. 45 Sacros canones non minus, quam leges, valere etiam nostrae leges volunt, sancimus obtinere, et quae sacris visa sunt canonibus, perinde ac si civilibus inscripta essent legibus. Quod sacri canones prohibent, per nostras etiam abolemus leges

(2) Novell 131. an 545 Sancimus, vicem legis obtinere sanctas ecclesiasticas regulas, quae a sanctis quatuor consiliis expositae aut firmatae sunt, hoc est in Nicaena, et in Constantinopolitana, et in Ephesina prima, et in Chalcedonia.

(3) Вальсамонъ въ объясненіе приведенной новеллы Юстиніана говоритъ (Ῥαλλη καὶ Ποτλη, συντ. τῶν κανον I, p. 37) *Σημείωσαι τὴν παροῦσαν νεαρὰν λέγουσαν ὡς νόμους κρατεῖν, μὴ μόνον τοὺς παρὰ τῶν ξ'. ἁγίων συνόδων ἐκτεθέντας κανόνας, ἀλλὰ καὶ τοὺς παρὰ τούτων βεβαιωθέντας, ἤγουν τοὺς κανονας τῶν τοπικῶν συνόδων καὶ ἀνάγνωθι τὸν β'. κανόνα τῆς ς'. συνοδου, βεβαιοῦντα μὴ μόνον τὰς τοπικὰς συνοδους, ἀλλὰ καὶ ἑτέρων ἁγίων συγγράμματα.*

(4) Novell. 131. dogmata sicut sanctas scripturas accipimus, et regulas (ecclesiasticas) sicut leges (civiles) observamus

обще мысль Юстиніанова законодательства объ отношеніи церкви къ государству та, что государственные законы должны быть издаваемы согласно церковнымъ правиламъ и что они не имѣютъ силы, если противорѣчатъ установленнымъ церковію догматамъ. Впрочемъ дисциплинарныя церковныя постановленія могутъ быть измѣняемы или отмѣняемы государственною властію подобно гражданскимъ законамъ, но и опять только въ такомъ случаѣ, если эти, вновь изданные, законы будутъ приняты церковію и если изданіе ихъ вызвано требованіями церковной власти (1). Но, очевидно, эта кассація гражданской власти, въ виду вышеозначенныхъ соборныхъ постановленій и государственныхъ узаконеній, не можетъ простираться на правила вселенскихъ и утвержденныхъ ими помѣстныхъ соборовъ. При томъ же, видоизмѣнять дисциплинарныя правила гражданская власть можетъ лишь по формѣ, но не по существу, т. е. не можетъ вводить такихъ дисциплинарныхъ правилъ, которыя бы явно противорѣчили кореннымъ началамъ церковной дисциплины. Въ Епанагогѣ императоровъ Василія I. Льва VI и Александра сказано, что противорѣчащее правиламъ церкви не должно быть допускаемо (2). Въ частности Левъ философъ въ предисловіи къ IX новеллѣ говоритъ, что, заботясь о благоустроеніи дѣлъ церковныхъ, какъ они признаны и утверждены священными канонами, онъ съ своей стороны утверждаетъ ихъ и отмѣняетъ тѣ государственные законы, которые имъ противорѣчатъ (3). Туже самую мысль выразилъ и Константинъ X Дука въ приведенной уже новеллѣ отъ 1065 года (4).

---

(1) Praefat. ad novell. 83

(2) Zachariae, J. G. R. IV, p. 182

(3) Ibid. III p 80—81: *τῇ αὐτῇ περὶ τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων εὐταξίας προνοίᾳ ἑπόμενοι, ἃ τοῖς ἱεροῖς ἔδοξε κανόσι καὶ ἡμεῖς συνεπιψηφιζόμενοι τοὺς ἀντιλέγοντας πολιτικοὺς νόμους δίκην τῆς ἀντιλογίας τὴν ἐκ τῶν νομίμων διατάξιων ὑπεξαγωγὴν αὐτῶν εἰσπραττόμεθα.*

(4) Ibid. p. 325, *Ῥαλλη καὶ Ποτλη*, V. 276.

Фотій въ своемъ номоканонѣ утверждаетъ, что государственные законы, противорѣчащіе канонамъ, недѣйствительны (1). Ѳеодоръ Вальсамонъ оправдываетъ это положеніе Фотія во многихъ мѣстахъ своего комментарія на его номоканонъ слѣдующимъ соображеніемъ, что каноническія предписанія носятъ въ себѣ двоякую санкцію: со стороны церкви и императора, тогда какъ государственные законы имѣютъ ее только со стороны послѣдняго (2). Канонистъ XIV в., Матѳей Властарь, вполнѣ раздѣляетъ въ своей „синтагмѣ“ духъ и воззрѣнія Ѳеодора Вальсамона. „Необходимо, говоритъ онъ, чтобы каноны имѣли болѣе силы, чѣмъ законы; ибо законы составляются только царями и отъ нихъ получаютъ всю свою силу, между тѣмъ какъ каноны поставляются по мысли и стараніемъ св. отцевъ и по волѣ тѣхъ же царей, и утверждаются ими“ (3). Вообще мысль, что церковные каноны должны быть соблюдаемы ненарушимо и что они имѣютъ преимущество предъ государственными законами въ случаѣ враждебнаго столкновенія съ этими послѣдними, никогда не была оспариваема византійскимъ правительствомъ. Ее не отвергали прямо даже такіе императоры—измѣнни-

---

(1) *Номок. титл 1. кеф. 2* (*Ράλλη καὶ Ποτλη, συντ τ. κανον* I, стр 36)· *οἱ κανόνες ὡς νόμοι κρατοῦσι, πῇ δὲ ὅτι τοῖς κανόσιν οἱ νόμοι ἀκολουθοῦσι οἱ τοῖς κανόσιν ἐναντιούμενοι πραγματικοὶ τύποι ἄκυροί εἰσιν.*

(2) *Номок. т 1. к 2* (*συνταγμ τῶν κανον* I p 38): *λέγε τοὺς κανόνας ἰσχύειν πλέον τῶν νόμων οἱ μὲν γὰρ, ἤγουν οἱ κανόνες παρὰ βασιλέων, καὶ αγίων πατέρων ἐκτεθέντες καὶ στηριχθέντες ὡς αἱ θεῖαι γραφαὶ δέχονται· οἱ δὲ νομοι παρὰ βασιλέων μόνον ἐδέχθησαν, ἢ συνετέθησαν, καὶ διὰ τοῦτο οὐ κατισχύσουσι τῶν θεῖων γραφῶν οὐδὲ τῶν κανόνων.* Также *кеф* 7, 28, 32 и пр.

(3) *Ράλλη καὶ Ποτλη, συντ τῶν κανον.* VI. p. 317 *πλέον τοίνυν τῶν νόμων τοὺς κανόνας ἰσχύειν ἀνάγκη οἱ μὲν γὰρ παρὰ βασιλέων μόνων συνετέθησαν, καὶ παρὰ τῶν εἰσέπειτα καλῶς ἔχειν ἐνομίσθησαν οἱ δὲ γε κανόνες, παρὰ τῶν ἁγίων πατέρων γνώμῃ καὶ σπουδῇ καὶ ψήφῳ τῶν τηνικάδε βασιλέων συνεγράφησαν καὶ ἐπεστηρίχθησαν.*

ки православію, какъ, напримѣръ, Михаилъ VIII Палеологъ (1).

На основаніи идеи христіанскаго государства, т. е. на основаніи признанія государствомъ церкви за божественное учрежденіе, единственно содержащее истину, и. вслѣдствіе этого. на основаніи образованія его, возможно, по духу христіанскихъ началъ, византійская церковь предоставила государямъ, какъ выразителямъ народной воли въ дѣлахъ гражданскихъ, самое широкое участіе и въ дѣлахъ церковныхъ. За императоромъ усвоено названіе общаго епистимонарха церкви (κοινὸς τῶν ἐκκλησιῶν ἐπιστημονάρχης), т. е. верховнаго надзирателя и блюстителя, какъ всего духовнаго сословія. такъ и вообще всѣхъ порядковъ церковныхъ. Очевидно, это званіе императоровъ есть не что иное. какъ ἐπίσκοπος τῶν ἔξω (епископъ внѣшнихъ дѣлъ) Константина великаго, и какъ этотъ послѣдній производилъ свою обязанность—заботиться о церкви — изъ того божественнаго акта, которымъ ввѣрено ему управленіе римскою имперіей, такъ точно и званіе епистимонарха церкви усвояется за императоромъ ради св. помазанія, которымъ даруется ему и запечатлѣвается за нимъ управленіе царствомъ. Св. Симеонъ Солунскій говоритъ. что когда императоръ запечатлѣвается муромъ, „печатію и помазаніемъ Сущаго Царя всѣхъ“, то вслѣдствіе этого облекается силою, поставляется во образъ самого Бога на землѣ и „пріемлетъ сообщаемую благоуханнымъ муромъ благодать Духа, утверждающую верховныхъ правителей гражданства и воинства“ (2). По совершеніи помазанія муромъ, на него возлагается поверхъ царскихъ одеждъ еще нѣкое священное одѣяніе, „составляющее принад-

(1) Визант. историки. Пахимеръ Спб. 1862. ч. I. стр. 344; 422—423.

(2) Migne, cursus patr compl. t. CLV p 353: τῷ μὲν μύρῳ σφραγίζων αὐτὸν, τῇ σημειώσει καὶ χρίσει τοῦ ὄντως παντάνακτος, καὶ κατὰ μίμησιν αὐτοῦ αὐτὸν καθιστὰς ἐπὶ γῆς, καὶ ἐνισχύων τῷ πνεύματι, καὶ μεταδοτικὴν διὰ τῆς εὐωδίας τοῦ μύρου χαριζόμενος αὐτῷ χάριν, εἰς τὸ ἄρχοντας κατὰ κόσμον καὶ στρατηγοὺς καθιστᾷν.

лежность самодержца и знаменующее благоустройство, благосостояніе и миръ, о которыхъ онъ принимаетъ обязанность пещись въ отношеніи къ церкви“ ([1]). Затѣмъ въ такомъ видѣ онъ вступаетъ во святое святыхъ, во свидѣтельство того, какъ говоритъ св. Симеонъ Солунскій, что „онъ обязуется благоустроять и умиротворять церковь, покровительствовать и защищать ее, отражать возмутителей и всѣхъ располагать къ подчиненію ей и покорности: потому что и самъ онъ свидѣтельствуетъ ей послушаніе и вѣрность, приступая къ страшнымъ таинствамъ съ главою непокровенною и оказывая ей сыновнее повиновеніе;—также въ знакъ того, что онъ будетъ идти по пути Божію, правому и неуклонному, ведущему въ царство небесное“. По входѣ въ алтарь онъ занимаетъ мѣсто между священниками ([2]). Всѣ эти права и вся эта честь усвояются императору „ради царственнаго помазанія, какъ охранителю правъ церкви, именующемуся ея защитникомъ,—какъ помазаннику Господню и предъизбранному Богомъ царю христоименитаго народа. Какъ благочестивѣйшій, онъ и причисляется къ освященнымъ лицамъ въ церкви“ ([3]). Послѣ помазанія мvромъ и

([1]) Migne, patrol. curs compl t. CLV p. 356: *ἐπάνω τῶν βασιλείων καὶ ἱερὸν ἔνδυμα περιβάλλεται, ὃ δεσποτάτου ἐστὶ, τὴν ἐυταξίαν σημαῖνον καὶ τὴν εὐλάβειαν, ἣν ὀφείλει τῇ ἐκκλησίᾳ ποιεῖν καὶ τὴν εἰρήνην.*

([2]) Ibid *καὶ τῶν ἁγίων οὕτω προπορεύεται, μαρτυρῶν, ὡς εὐτακτεῖν ὀφείλει καὶ εἰρηνεύειν τὴν ἐκκλησίαν, καὶ προπορεύεσθαι ταύτης καὶ κατευθύνειν αὐτὴν, καὶ τοὺς ταραχώδεις διώκειν, καὶ πάντας ὑποκύπτειν αὐτῇ ποιεῖν καὶ δούλους εἶναι. Ἐπει καὶ αὐτός δουλείαν αὐτῇ μαρτυρεῖ καὶ πίστιν, ἀσκεπὴς ὢν τῶν φρικτῶν μυστηρίων προπορευόμενος, καὶ ὑπακοὴν μητρικὴν αὐτῇ ἐξυπηρετῶν καὶ ὅτι τὴν κατὰ Θεὸν ὁδὸν ἔσται τρέχων, καὶ τὴν εὐθεῖαν καὶ ἀπλανῆ, εἰς τὴν βασιλείαν τῶν οὐρανῶν ἄγουσαν... ἔνθα δὴ καὶ πλησίον ἵσταται τῶν ἱερέων...*

([3]) Ibid. p. 352· *καὶ ταύτην εἴληφε τὴν τιμὴν διὰ τὸ χρίσμα τῆς βασιλείας, ὡς καὶ δεσποτάτου τῆς ἱερᾶς ἐκκλησίας τόπον λαβὼν, καὶ δεφένσωρ ταυτης ἐπικληθεὶς, καὶ ὡς Χριστὸς Κυρίου, καὶ τοῦ*

ради помазанія онъ называется также „святымъ“ (ἅγιος) (1).

Значеніе императоровъ, какъ епископовъ внѣшнихъ дѣлъ, или епистимонарховъ церкви начинается со временъ Константина великаго и возводится всѣми послѣдующими византійцами (2) и самими императорами къ древнѣйшимъ установленіямъ. Исаакъ Ангелъ, въ своей новеллѣ отъ 10 сентября 1187 г., называетъ право государей—быть епистимонархамм церкви—произшедшимъ издавна и получаемымъ ими вмѣстѣ съ помазаніемъ на царство. Въ силу этого права они могутъ и даже должны исправлять то, что̀ сдѣлано вопреки церковнымъ канонамъ, и потому обязываются наблюдать за правильнымъ примѣненіемъ церковныхъ постановленій въ жизни своихъ подданныхъ (3). Они могутъ перемѣщать клириковъ изъ одного прихода въ

Χριστωνύμου λαοῦ βασιλεὺς προχειρισθείς, καὶ πάσης τῆς οἰκουμένης. Ὡς γὰρ εὐσεβὴς, καὶ τῶ κλήρω συνηριθμήθη τῆς ἐκκλησίας. Снес. Ῥαλλη καὶ Ποτλη, Συνταγμα, II, p. 467, VI. p 123 — 124. Патріархъ конст., св. Поліевктъ (956—970), высказалъ даже мысль, что ради помазанія императоровъ на царство отпускаются имъ грѣхи, подобно тому, какъ они отпускаются ради помазанія въ св. крещеніи Ῥαλλη καὶ Ποτλη, Σονταγμα, III. p 44.

(1) Migne, patrolog. cursus compl. t. CLV. p. 353, Пахимеръ. 1. стр. 468 Подобный же взглядъ на священнодѣйствія, совершаемыя при короноцаніи императоровъ, высказалъ также императоръ Константинъ Порфирогенетъ въ своемъ сочиненіи de caerem aulae bysantinae, ed. Bonn 1, 9, p. 59. χριστὸς αὐτὸς ὑμᾶς ἐν τῇ τοῦ πνεύματος ἐπιφοιτήσει ἡγιασμένον στέφανον ἐπέφηκεν οὐρανόθεν ταῖς τιμίαις κορυφαῖς ὑμῶν· διὸ αὐτὸν δυσωποῦμεν ἐκ καρδίας ἀπαύστως I, c. 60 τῶ ἁγίῳ πνεύματι ἐστέφθητε καὶ ἐν αὐτῷ ὁδηγεῖτε τὸν λαὸν ὑμῶν ἐν πάσῃ προσκυνεῖν ἀληθείᾳ τὸ τρισυπέρθεον κράτος и пр.

(2) Напр., Симеонъ Солунскій, въ оправданіе правъ и почестей, усвояемыхъ за императорами со стороны церкви, говоритъ: καὶ τοῦτο ἦν νενομισμένον ἄνωθεν. Migne, Patr. curs compl t. CLV. p 352.

(3) Zachariae, J. G. R III, p 508—509. ὁ μὴ ἐλέγχων, φησὶν ἡ γραφὴ, τὴν ἁμαρτίαν τοῦ ἀδελφοῦ αὐτοῦ, ὡς ὁ τὸν ἰὸν ἀφεὶς τῶ δηχθέντι ὑπὸ ἰοβολου. πρὸς τί δὲ ταῦτα παρὰ τῆς βασιλείας μου τῷ τοῦ λόγου προθύρῳ προβέβληται, προιὼν ὁ λόγος δηλώσει σαφέστατα. καὶ γὰρ τοῦ ἱερωτάτου μητροπολίτου κυζίκου ὑπομνήσαντος πρότριτα τὸ κρατος ἡμῶν, ὡς ἐστὶν οὗ τινα παρὰ τοὺς ἱερους καὶ θείους κανό-

другой (1), давать имъ разныя преимущества или отнимать у нихъ, возводить епископію на степень архіепископіи или митрополіи, а наоборотъ — митрополію низводить на степень епископіи (2); но они не могутъ измѣнять значенія еписк. троновъ т. е. не могутъ повышать или понижать троны епископовъ въ собраніяхъ сообразно съ степенью важности епархіи, утвержденною ими; потому что значеніе троновъ опредѣлено соборами и списки епископскихъ каѳедръ (θρόνοι) составляются не по достоинству епархій, дарованному имъ императорами, а согласно постановленіямъ соборовъ и отцевъ (3). Уже Константинъ великій принималъ участіе въ выборѣ и назначеніи епископовъ (4). Мы видѣли, что церковь усвоила и за его преемниками право принимать участіе въ назначеніи константинопольскихъ патріарховъ. Многочисленные документы показываютъ, что императоры точно такое же участіе принимали въ выборѣ и назначеніи митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и другихъ важныхъ церковныхъ лицъ, равно какъ въ ихъ низложеніи, удаленіи въ ссылку и т. п. Но самое избраніе во епископа совершается не иначе, какъ соборомъ архіереевъ подъ предсѣдательствомъ митрополита или архіепископа области (5). Впрочемъ, иногда императоръ прекращалъ распри между епископами и клириками одною только своею властію.

νας καὶ τοὺς φιλευσεβεῖς νόμους προβαίνουσιν ἐν ταῖς συνοδικαῖς τῶν συναδελφῶν αὐτοῦ συνελεύσεσι, καὶ παρακληθέντος τηρηθῆναι ταῦτα παρὰ τῷ τῆς βασιλείας μου βήματι συνάμα τῷ ἁγιωτάτῳ μου δεσπότῃ καὶ οἰκουμενικῷ πατριάρχῃ, ὡς καὶ τὴν τοῦ ἐπιστημονάρχου τῆς ἐκκλησίας τάξιν λαχούσης τῆς βασιλείας μου παρὰ τοῦ ταύτην χρίσαντός τε καὶ βασιλεύσαντος, καὶ ἐφειμένον ἐχούσης διορθοῦσθαι τὰ παρὰ τοὺς ἐκκλησιαστικοὺς κανόνας ἴσως γινόμενα.

(1) Ῥαλλη καὶ Ποτλη, *σύνταγμα*, II. p. 23.

(2) Ibid. p 262; VI. p, 275

(3) Ibid. V. p. 274—276, 455—495, II, p 246—248. сп 12 пр. X с.

(4) Созоменъ, II, стр. 121—123.

(5) Migne, Patrol. curs. compl t. CLV. p. 397—399: *ἐπισκοπὴν δὲ οὐδενὶ ἔξεστι ζητεῖν· οὐδὲ δυνατὸν χωρὶς ἐκλογῆς τε καὶ ψήφων...* сп. 4 и 5 пр. I. всел. соб.

Константинъ великій, созывал соборы во время своего царствованія по дѣламъ церкви, тѣмъ самымъ даровалъ право и своимъ преемникамъ созывать соборы для рѣшенія возникающихъ церковныхъ вопросовъ, и церковь безпрекословно признала за ними это право: во весь періодъ вселенскихъ соборовъ императоры созывали соборы во всѣхъ нужныхъ случаяхъ для рѣшенія возникающихъ церковныхъ вопросовъ, сами присутствовали на нихъ или же вмѣсто себя посылали своихъ уполномоченныхъ чиновниковъ. Въ этомъ отношеніи власть ихъ простиралась до того, что они по своему усмотрѣнію могли распускать соборы, хотя бы всѣ епископы были противъ этого. Но судъ надъ епископами и другими духовными лицами на этихъ соборахъ производился не императорами или ихъ чиновниками, а самимъ соборомъ. Когда на 1-мъ вселенскомъ, никейскомъ соборѣ многіе священники подали Константину великому жалобы, то онъ отказался разбирать ихъ, замѣтивъ при этомъ: „мнѣ—человѣку, не подобаетъ брать на себя выслушиваніе дѣлъ, въ которыхъ и обвиняющіе и обвиняемые суть священники; ибо они отнюдь не должны поставлять себя въ такое положеніе, чтобы подвергаться суду другаго“ (1). Соборныя рѣшенія, обыкновенно, представлялись на утвержденіе императоровъ; но это отнюдь не означало того, что догматическая важность и церковное значеніе этихъ рѣшеній находились въ зависимости отъ санкціи императоровъ. Опредѣленія соборныя заключаютъ догматическую важность и каноническую обязательность сами въ себѣ, вслѣдствіе ихъ согласія съ словомъ Божіимъ, установленными и признанными догматами церкви и св. преданіемъ, и вслѣдствіе постановленія ихъ соборомъ, служащимъ въ этомъ случаѣ выраженіемъ голоса всей церкви. Но отцы соборовъ обращались къ государственной власти за утвержденіемъ съ ея стороны

(1) Созоменъ, I, 17 стр 62—64.

своихъ рѣшеній для того, чтобы лучше провести ихъ въ жизнь народа; чтобы побудить вѣрующихъ къ ихъ принятію не только авторитетомъ церкви, но и государства; чтобы утвержденіемъ ихъ государственною властію даровать имъ силу государственныхъ законовъ, и чтобы тѣмъ предохранить церковь отъ безполезныхъ волненій (1). Право созывать соборы и утверждать соборныя опредѣленія въ указанномъ смыслѣ византійскіе императоры строго хранили за собою, какъ давній обычай, и по прекращеніи періода вселенскихъ соборовъ, когда, вмѣсто повременныхъ помѣстныхъ соборовъ, образовался въ Константинополѣ постоянный синодъ. Мануилъ Комнинъ, въ новеллѣ отъ 18 марта 1166 г., говоритъ: „святѣйшій мой господинъ и вселенскій патріархъ, и собраніе сущихъ во Христѣ архіереевъ, заботясь о сохраненіи божественныхъ и священныхъ каноновъ, но наблюдая и обычай, заключающійся въ синодальныхъ дѣяніяхъ объ общихъ вопросахъ, благо разсудили, что доносятъ и нашему царскому величеству о томъ, что̀ обсуждено ими и опредѣлено“ (2). О совокупномъ дѣйствіи духовной и свѣтской властей на христіанскій міръ Θеодоръ Вальсамонъ говоритъ такимъ образомъ: „императоры и пять патріарховъ подобны молотильщикамъ на гумнѣ, которые от-

---

(1) См. просьбу п. Аѳанасія къ имп. Андроникy II *Συνταγμ. V.* p. 122. Также Riffel, Gesch. Verhaltn. d. Kirche u Staat p 276—289 и пр; 104 пр. Карѳ. соб. Обычная форма, въ какой отцы собора выражали свою просьбу къ императору объ утвержденіи соборныхъ рѣшеній, такова: «просимъ твое благочестіе, чтобы ты, какъ почтилъ церковь грамотой о созваніи (собора), такъ послѣ того, какъ (мы) сдѣлали опредѣленія, запечатлѣлъ благочестивой санкціей конецъ». Дѣян. всел. соб. изданіе каз. дух. акад. Казань, 1871 т. 6. стр. 577.

(2) Zachariae, J. G. R. III. p. 483 *Τῆς τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων καὶ νῦν φροντίζοντες σηντηρησεως ὅ τε ἁγιώτατός μου δεσπότης καὶ οἰκουμενικὸς πατριάρχης καὶ ἡ τῶν τοῦ Χριστοῦ ἀρχιερέων ὁμήγυρις, ἀλλὰ καὶ τὴν κρατοῦσαν ἐν ταῖς συνοδικαῖς περὶ κοινῶν ὑποθέσεων πράξεσι διατηροῦντες συνήθειαν, ἀνενεγκεῖν καὶ πρὸς τὴν ἡμῶν εὐσεβῆ βασιλείαν τὰ παρ' αὐτῶν διαγνωσθέντα καὶ δροδοτηθέντα καλῶς ἐβουλεύσαντο, ἐφ' οἷς συνοδικὴ προὐτέθη συζήτησις . .*

дѣляютъ мякину отъ чистой пшеницы лопатою помазанія (хримы), или вѣрному корабельному вѣсовъ, наглядно показывающему истину и справедливость посредствомъ своего равновѣсія, или мачтамъ и парусамъ плывущаго корабля, спасающимъ челнъ находящагося въ плаваніи міра посредствомъ императорской осторожности и духовныхъ повелѣній" (1). Какъ за церковными епистимонархами, византійскіе ученые и канонисты усвояли за императорами право учить народъ наряду съ духовнымъ сословіемъ. Ѳеодоръ Вальсамонъ говоритъ: „императоры и патріархи обладаютъ званіемъ учителей ради силы св. помазанія: потому что отсюда происходитъ власть вѣрующихъ государей учить христіанскій народъ и воскурять ѳиміамъ подобно священникамъ" (2). Іоаннъ Киннамъ говоритъ, что „изслѣдовать божественную природу есть дѣло никому другому несвойственное, кромѣ учителей и лучшихъ іереевъ, да царей ради ихъ достоинства" (3). По мнѣнію Вальсамона, значеніе императоровъ въ государствѣ въ этомъ отношеніи превосходитъ даже значеніе патріарховъ и вообще духовнаго сословія: „власть и дѣятельность императора, говоритъ онъ, простирается на тѣло и душу, тогда какъ дѣятельность патріарховъ касается одной только

---

(1) Ῥάλλη καὶ Πότλη, συντ. τ κανον. IV. p. 546: ὡς οἱ εὐσεβέστατοι βασιλεῖς, καὶ τῶν ἁγιοτάτων πατριαρχῶν ἡ πεντὰς, ἐοίκασι γεωργοῖς μέσον ἑστηκόσι σιτοδότιδος ἄλωνος, καὶ τῷ πτύῳ τοῦ χρίσματος τὴν κακίαν ὡς ἄχυρον ἐκφαυλίζουσι, καὶ τὴν ἀρετὴν ὡς κόκκους συνάγουσιν· ἢ διαβήταις ζυγοστατοῦσιν ἰθυτενῶς τοῦ κύκλου τὴν ἐπιφάνειαν, καὶ τὸ κέντρον καταπυρσεύουσι τῆς δικαιοσύνης τοῖς ἀμαρύγμασιν ἢ νηὸς ποντοπορούσης ἱστὸς καὶ πετάσμασιν, ἐν προμηθείαις βασιλεικαῖς, καὶ παραγγελίαις πνευματικαῖς τὸ κοσμικὸν ἀκάτιον σώζουσι

(2) Ibid p. 544: ὡς οἱ βασιλεῖς, καὶ οἱ πατριάρχαι μεγαλύνονται μὲν καὶ διδασκαλικοῖς ἀξιώμασι, διὰ τὴν τοῦ ἁγίου χρίσματος δύναμιν· ἐντεῦθεν γὰρ οἱ πιστοὶ δεσπόται καὶ αὐτοκράτορες κατηχητικῶς ὁμιλοῦσι τῷ Χριστωνύμῳ λαῷ, καὶ θυμιῶσιν ὡς ἱερεῖς. ibid II, p. 467·

(3) Визант истор. Киннамъ Спб. 1859 стр. 279

души“ (1). Чтобы вѣрнѣе понять приведенное выраженіе Вальсамона, нужно имѣть въ виду, что онъ смотритъ на государство и церковь, какъ на единый цѣлостный организмъ, хотя и составленный изъ столь разнородныхъ частей, какъ церковь Христова—духовное общество—и мірское общество гражданъ, но тѣмъ не менѣе нераздѣлимый, какъ нераздѣльны душа и тѣло человѣка,—преслѣдующій одну и туже высшую цѣль и одни и тѣже высшія задачи—приведеніе человѣческаго рода къ блаженному единенію съ Богомъ. Понятно, что, по этому воззрѣнію, забота (ἀρωγή) государей о благѣ своихъ подданныхъ шире заботы и дѣятельности патріарховъ, какъ простирающаяся одновременно на душу и тѣло; разумное и правильное распоряженіе государя о внѣшнемъ благѣ своихъ подданныхъ необходимо требуетъ съ его стороны попеченія и о душевной ихъ пользѣ. Одно безъ другаго быть не можетъ, съ указанной точки зрѣнія (2). Нужно замѣтить, что воззрѣніе Вальсамона о взаимодѣйствіи государства и церкви и о широкой власти императоровъ, какъ епистимонарховъ, въ дѣлахъ церковныхъ есть не единственное и исключительное, а составляетъ общее воззрѣніе всѣхъ византійскихъ ученыхъ, канонистовъ и самой церковной власти. Болгарскій архіепископъ, Димитрій Хоматинъ (Χωματηνός) (жившій въ началѣ XIII в.), на вопросъ диррахійскаго архіепископа, Константина Кавасилы, о правѣ перемѣщенія епископовъ, отвѣчалъ такимъ образомъ: „такое перемѣщеніе противорѣчитъ письменному и устному ученію. Однакожъ, по повелѣнію императора, оно часто случается, если того требуетъ

(1) Ῥάλλη καὶ Πότλη, συνταγμ. τ. κανον IV. p. 545: τῶν μὲν αὐτοκρατορων ἡ ὰρωγὴ πρὸς φωτισμὸν καὶ σύστασιν ἐπεκτείνεται ψυχῆς τε καὶ σώματος, τὸ δὲ μεγαλεῖον τῶν πατριαρχῶν εἰς μόνην ψυχικὴν ἐστενοχώρηται λυσιτέλειαν.

(2) Это воззрѣніе Вальсамона о государствѣ и церкви и ихъ взаимодѣйствіи съ ясностію обнаруживается изъ его разсужденія «о патріаршихъ преимуществахъ» Ῥάλλη καὶ Ποτλη, IV, p. 542—555.

общее благо"... „Одинъ императоръ имѣетъ право вводить перемѣны въ церковномъ управленіи и дѣлать новыя распоряженія. Потому что императоръ есть общій епистимонархъ церкви и таковымъ называется; онъ наблюдаетъ за правильностію веденія соборныхъ разсужденіи и даруетъ имъ ихъ силу. Онъ опредѣляетъ церковныя должности и законополагаетъ о жизни и поведеніи священниковъ; онъ рѣшаетъ споры епископовъ и клириковъ и выборы на вдовствующія церкви. Епископіи и епископовъ онъ можетъ возводить въ митрополіи и митрополитовъ; однимъ словомъ.—за исключеніемъ священнодѣйствій, императоръ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ остальныя привиллегіи епископовъ, на основаніи которыхъ его церковныя распоряженія получаютъ каноническую важность". Какъ древніе римскіе императоры подписывались великими первосвященниками, такъ точно и настоящіе императоры суть первосвященники, какъ помазанники Божіи посредствомъ императорскаго помазанія. Подобно тому, какъ Спаситель нашъ І. Христосъ считается Царемъ и вмѣстѣ верховнымъ Первосвященникомъ ради помазанія и есть таковой, такъ точно справедливо и то, чтобы и помазанный императоръ украшался архіерейскими дарами (1). Дѣянія

(1) Leunclavii, Jus Graecoromanum, 1 p. 317. *τοῦτο κανονικὸν μὲν οὐκ ἔστιν, οὔτε μὴν τῆς ἐγγράφου ἢ ἀγράφου ἐκκλησιαστικῆς παραδόσεως· γίνεται δὲ πολλάκις, βασιλέως κελεύοντος, διὰ τινα οἰκονομίαν λυσιτελοῦσαν κοινῇ.. τὰ τοιαῦτα οὖν, ὡς εἴπομεν, κέλευσις μόνη βασιλικὴ δύναμιν ἔχει μεταλλάττειν τε καὶ καινοτομεῖν· ὁ βασιλεὺς γὰρ, οἷα κοινὸς τῶν ἐκκλησιῶν ἐπιστημονάρχης καὶ ὢν καὶ ὀνομαζόμενος, καὶ συνοδικαῖς γνώμαις ἐπιστατεῖ, καὶ τὸ κῦρος ταύταις χαρίζεται· ἐκκλησιαστικὰς τάξεις ῥυθμίζει, καὶ νομοθετεῖ βίῳ καὶ πολιτείᾳ τῶν τοῦ βήματος, ναὶ μὴν καὶ δίκαις ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν, καὶ πρὸς γε χειρευουσῶν ψήφοις ἐκκλησιῶν ἐνώγει δ᾽ καὶ ἀπὸ ἐλάττονος τιμῆς εἰς μείζονα, δηλαδὴ ἀπὸ ἐπισκοπῶν εἰς μητρόπολιν, ἢ ἀνδρὸς ἀρετὴν, ἢ πόλιν τιμῶν. Ταῦτα δὲ πάντα ῥᾴδιόν ἐστι καταμαθεῖν τὸν φιλομαθῆ ἀπό γε τῆς τῶν ἱερῶν καὶ θείων κανόνων περιλήψεως, καὶ ἀπὸ τῆς Ἰουστινιανείου νεαρᾶς νομοθεσίας, τῆς κειμένης ἐν ὅλῳ τῷ τρίτῳ βιβλίῳ τῶν Βασιλικῶν. καὶ, ὡς ἔπος εἰπεῖν, πλὴν μόνου τοῦ ἱερουργεῖν, τὰ λοιπὰ ἀρχιερατικὰ προνόμια σαφῶς εἰκονίζει ὁ βασιλεὺς ἐφ᾽ οἷς πράττει νο*

соборныя показываютъ, что отцы, собиравшіеся на соборы, признавали за императорами право широкаго участія въ дѣлахъ церкви и воздавали имъ величайшія похвалы и почести, когда видѣли, что они содѣйствуютъ православію и употребляютъ свой авторитетъ на пользу церкви. Иногда отцы соборовъ прилагали къ императорамъ, въ порывѣ восторга, даже титло архіерея (1). Во всѣхъ случаяхъ, когда одинъ епископъ былъ не въ состояніи рѣшить какое нибудь дѣло, по причинѣ его трудности или по самому существу его.— онъ обращался за его разрѣшеніемъ къ свѣтской власти, которая, опять-таки, при его рѣшеніи должна была соблюсти и примѣнить всѣ каноническія опредѣленія, такъ или иначе къ нему относящіяся. Но чисто церковныя дѣла епископъ рѣшалъ безъ всякаго посредства гражданской власти (2).

Одинъ изъ протестантскихъ богослововъ—канонистовъ, Ричардъ Роте, сказалъ, что церковь становится излишнею по мѣрѣ того, какъ осуществляется христіанское государство, т. е. совершеннѣйшій видъ государства, въ которомъ христіанская жизнь осуществляетъ свое космическое бытіе и находитъ свойственный

μίμος τὲ καὶ κανονικῶς Εὕρηται δὲ καὶ ἐν ιθ.' λόγῳ τῆς Ἰουδαικῆς ἀρχαιολογ'ας Φλαβίου Ἰωσήπου, ὑπογραφὴ βασιλικὴ οὕτως ἔχουσα· Τιβέριος Κλαύδιος, καῖσαρ, σεβαστὸς, Γερμανικὸς, ἀρχιερεὺς μέγιστος, δημαρχικῆς ἐξουσίας, ὕπατος χειροτονηθεῖς τὸ δέυτερον Ὅτι οὖν καὶ χριστὸς Κυρίου ὁ κατὰ καιροὺς βασιλεύς ἐστι, διὰ τὸ χρίσμα τῆς βασιλείας· ὁ δὲ Χριστὸς, καὶ Θεὸς ἡμῶν, μετὰ τῶν ἄλλων, καὶ ἀρχιερεύς ἡμῶν, καὶ γέγονε, καὶ ἀνακηρύττεται· εὐλόγως καὶ αὐτὸς ἀρχιερατικοῖς κατακοσμεῖται χαρίσμασιν. Этотъ отвѣтъ Хоматина цѣликомъ помѣщенъ также въ Синтагмѣ *Ῥαλλη καὶ Ποτλη*: V. p 428—429.

(1) Напримѣръ, отцы константинопольскаго собора 448 г. провозгласили императору Ѳеодосію II: *πολλὰ τὰ ἔτη τοῦ βασιλέως· μεγάλη ἡ πίστις τῶν βασιλέων τῶν φυλακῶν τῆς πίστεως πολλὰ ἔτη· τῶν ὀρθοδόξων βασιλέων πολλὰ τὰ ἔτη· τῷ εὐσεβεῖ, τῷ ὀρθοδόξῳ· τῷ εὐσεβεῖ βασιλεῖ, τῷ ἀρχιερεῖ βασιλεῖ.* Hardouin. act. cons. chalced II, p. 159

(2) Zuishman. das Eherecht. p 20.

себѣ органъ дѣятельности. Въ этомъ отношеніи чѣмъ болѣе государство теряетъ свои свѣтскій характеръ и, такъ сказать, оцерковляется, тѣмъ болѣе церковь отступаетъ на задній планъ и теряетъ свою власть (1). Нѣчто подобное мы находимъ и у византійскихъ законовѣдовъ и въ практикѣ восточной церкви при стремленіи византійскаго государства быть государствомъ христіанскимъ. По свидѣтельству Ѳеодора Вальсамона, во времена императора Мануила I находились нѣкоторые законовѣды, которые выражали мысль, что сила и значеніе каноновъ уничтожались бы сами собою вслѣдствіе собранія государственныхъ законовъ (2). Но эта мысль была отвергнута; потому что съ принятіемъ ея государство отожествилось бы съ церковію и, вмѣсто двухъ богоучрежденныхъ властей, явилась бы одна власть. Въ противоположность этой крайней мысли общее церковное воззрѣніе объ отношеніи государства къ церкви было то, чтобы императоры обсуждали и рѣшали относящіеся къ кругу ихъ вѣдѣнія церковные вопросы не иначе, какъ по смыслу и въ духѣ церковныхъ каноновъ. Сами императоры, когда давали санкцію соборнымъ рѣшеніямъ или дѣлали самостоятельныя распоряженія по дѣламъ церкви, никогда не выражали той мысли, что ихъ церковныя законоположенія проистекаютъ изъ ихъ императорской власти, но что скорѣе всего они суть плодъ ихъ долга—охранять и разъяснять церковные каноны, и что при составленіи ихъ участвовала также и церковная власть, или, по крайней мѣрѣ, предполагалось ея участіе (3). Поэтому,

(1) Rothe, die Anfänge der christl. Kirche und ihrer Verfassung. Wittenberg, 1837. p 85.

(2) Ῥάλλη καὶ Πότλη, συνταγμα τ. κανόν. 1. p. 37 *γίνωσκε δὲ ὅτι διαφόρως εἶπόν τινες καὶ ταῦτα ἐνώπιον τοῦ βασιλέως ἡμῶν τοῦ ἁγίου, μὴ ὀφείλειν κρατεῖν τοὺς κανόνας, ἔνθα νόμοις ἐναντιοῦνται, διὰ τὸ πρὸ τῆς ἀναθάρσεως τούτους συγγραφῆναι, καὶ οὕτω σχολάσαι τοὺς αὐτοῖς μὴ συνάδοντας*

(3) Мысль эта обыкновенно выражается императорами въ предисловіяхъ къ новелламъ. Zachariae J G R III, p. 80—81; 323 — 325. 69—71 Zhishman, das Eherecht p. 19, 22—23

когда императоръ, Левъ философъ, въ VII новеллѣ къ своему брату, патріарху Стефану, объявилъ, что если гражданскій законъ окажется болѣе полезнымъ для устроенія порядка, чѣмъ церковный, то онъ долженъ имѣть преимущество предъ послѣднимъ, и наоборотъ,— должно отдавать предпочтеніе церковному закону, если онъ окажется лучше гражданскаго; то, для правильнаго пониманія этой новеллы, чтобы не впасть въ ошибку, будто императоръ отожествляетъ здѣсь церковное законоположеніе съ гражданскимъ, или сливаетъ церковь съ государствомъ (1), нужно прежде всего обратить вниманіе на то, о какого рода предметѣ идетъ рѣчь въ новеллѣ? и затѣмъ въ какомъ смыслѣ проводится въ ней противоположеніе церковнаго закона гражданскому? по духу или по способу примѣненія ихъ въ жизни? Изъ содержанія новеллы видно, что рѣчь идетъ въ ней о предметѣ смѣшаннаго свойства, т. е. о такомъ предметѣ, о которомъ законополагать столько же можетъ церковная власть, какъ и гражданская, который относится къ внѣшнему порядку и устроенію церкви,— и, какъ цѣль изданія новаго закона, приводится та, что въ примѣненіи къ жизни онъ лучше можетъ вести къ устроенію порядка церкви и общества, чѣмъ существовавшій доселѣ законъ церковный; но отнюдь не высказывается той мысли, что новый гражданскій законъ противорѣчитъ канонамъ, опредѣляющимъ церковную дисциплину, и такимъ образомъ отмѣняетъ ихъ (2). По духу и характеру своему онъ можетъ быть названъ и церковнымъ; гражданскій онъ потому только, что изданъ гражданскою властію. Но изданіе подобнаго ро-

---

(1) Pichler 1. p 215. и за нимъ и г А Лебедевъ Чген въ общ. люб дух просв. 1876, апр стр 227.

(2) Въ новеллѣ идетъ рѣчь о принудительномъ удержаніи лицъ въ духовномъ званіи, восхотѣвшихъ почему либо оставить его Полное содержаніе новеллы таково *περὶ τοῦ δσάκις ἄν τις ἐκ τοῦ κληρικοῦ σχήματος πρὸς τὸ λαϊκὸν ἀπονοηθείη μεταβαλεῖν, τοῦτον καὶ ἄκοντα πρὸς αὐτὸ πάλιν ἀποκαθίστασθαι*

да законовъ, относящихся къ внѣшнему порядку и устроенію церкви, составляетъ неотъемлемое право императоровъ, какъ признанныхъ епистимонарховъ церкви. Конечно, на самомъ дѣлѣ законы подобнаго рода могутъ иногда и противорѣчить канонамъ церкви, постановленнымъ и утвержденнымъ на вселенскихъ соборахъ, но въ такомъ случаѣ они отвергаются церковію и не признаются дѣйствительными (1). Даже и согласные съ церковными правилами императорскіе законы подлежатъ отмѣненію.

Такимъ образомъ, по воззрѣнію византійской церкви, обѣ власти, какъ духовная, такъ и свѣтская, одинаково происходятъ отъ Бога и въ Немъ имѣютъ начало своего бытія. Поставленныя въ мірѣ, онѣ обязаны охранять и защищать Христово ученіе или церковь Божію на землѣ: церковная власть обязана свято и ненарушимо хранить ввѣренный ей залогъ Христова ученія и всего домостроительства (*οἰκονομίαν*) человѣческаго рода, а гражданская власть, принявъ богооткровенную истину въ томъ видѣ, какъ она предана ей и содержится церковію, должна согласовать съ этою истиною свои распоряженія о временныхъ благахъ государства и отнюдь не должна дѣлать и узаконять ничего такого, что явно противорѣчитъ, нарушаетъ и даже иногда разрушаетъ постановленія церкви. Въ этомъ

Ὥσπερ ἡμῖν ἔμπροσθεν σκοπουμένοις τὴν ἀσφαλεστέραν τῶν πραγμάτων κατάστασιν ἐπείπερ ἐφαίνετο τῆς πολιτείας ὁ νόμος μᾶλλον τοῦ ἱεροῦ νόμου τὸ ἀσφαλὲς τοῖς πράγμασι παρεχομένους, ἐκείνῳ παρέσχομεν τὴν προτίμησιν, οὕτω καὶ ἐνταῦθα τὸ ἱερὸν ὁρῶντες διάταγμα λυσιτελέστερον τῇ εὐταξίᾳ τῶν πραγμάτων ὑπάρχον τοῦ πολιτικοῦ διατάγματος, προστιθέμενοι αὐτῷ σύμφωνον γνώμην δίδομεν.

Καὶ θεσπίζομεν, κατὰ τὸν τῆς ἐκκλησίας θεσμὸν τὸν, ὅστις τοῦ κληρικοῦ σχήματος ἀπονενόηται τὸ λαϊκὸν διαμείψασθαι, τοῦτον ὁσάκις ἂν πρὸς τοιαύτην ἐξενεχθείη ἀπόνοιαν, καὶ ἄκοντα παλιν εἰς τὸ κληρικὸν ἀποκαθίστασθαι, κἂν μὴ καὶ τοῦ βαθμοῦ τὴν τάξιν δίκαιός ἐστιν ἀπολαμβάνειν, διὰ τὸ αὐτὸν ἑαυτὸν ἐξ ὧν ἑδρασεν ἀνάξιον τῆς τοιαύτης τάξεως κατασταῆσαι. Zachariae, J. G. R III, p. 78—79.

(1) См. объ этомъ выше стр. 27—31.

отношеніи, какъ церковная, такъ и гражданская власть одинаково подчинены высшей богооткровенной христіанской истинѣ. Согласіе ихъ въ образѣ дѣйствій, очевидно, проистекаетъ изъ общаго признанія ими единой богооткровенной истины и одинаковаго пониманія ея. Обязанность каждой изъ нихъ—хранить богооткровенную истину и ратовать за нее—побуждаетъ одну изъ нихъ, церковную власть, противостоять незаконнымъ распоряженіямъ свѣтской власти, а саму свѣтскую власть—устранять съ церковныхъ должностей лицъ, измѣнившихъ православію. Вслѣдствіе всего-то этого въ византійскомъ законодательствѣ приняты и развиты, начиная съ Константина великаго и кончая послѣдними императорами изъ фамиліи Палеологовъ, три главныя положенія, опредѣляющія отношенія государства къ церкви: a) признаніе двухъ властей: духовной и свѣтской и ихъ равноправное положеніе въ государствѣ; b) ихъ взаимное согласіе въ области дѣйствованія на подданныхъ, и c) признаніе за церковными канонами, а тѣмъ болѣе догматами, не только равнозначущей силы съ государственными законами, но и превосходства предъ ними, въ случаѣ враждебнаго столкновенія между государствомъ и церковію. Въ частности догматы вѣры имѣютъ столь же обязательное значеніе, какъ и само св. писаніе.

На практикѣ отношеніе государства къ церкви проявляется во всѣхъ сферахъ церковной жизни. Понятно, что всестороннее и широкое изложеніе этого отношенія будетъ полною и всестороннею исторіей христіанской церкви. Мы ограничиваемся болѣе скромною цѣлію: подъ спеціальною рубрикой отношенія церковной власти къ гражданской мы думаемъ бросить взглядъ только на тѣ историческія явленія, которыя характеризуютъ положеніе высшей церковной власти въ государствѣ и ея значеніе для послѣдняго. При этомъ замѣтимъ напередъ, что описаніе случаевъ нарушенія изложенной теоріи отношенія государства къ церкви будетъ какъ бы преобладать въ нашемъ обозрѣніи фак-

тическихъ отношеній между государствомъ и церковію. Западные писатели, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, указываютъ на эти нарушенія отношеній, какъ на позоръ восточной церкви. Но нужно помнить, что мѣркою для опредѣленія нарушеній отношенія между государствомъ и церковію они берутъ не восточную, византійскую теорію отношеній государства и церкви, каковая теорія имъ кажется совершенно ложною и даже вредною и гибельною для истинно церковнаго сознанія, а свою западную, и преимущественно папскую, теорію, въѣвшуюся въ плоть и кровь всего запада, не только католическаго, но и протестантскаго. Это воззрѣніе запада, естественно, перешло и къ намъ (1). Съ другой стороны, византійскіе историки, откуда можно заимствовать изображеніе фактическихъ отношеній между государствомъ и церковію, заносили въ свои лѣтописи только такіе случаи, которые казались имъ чрезвычайными, почему либо выходящими изъ ряда обыкновенныхъ явленій. Понятно, что многовѣковая жизнь византійской церкви императорскаго ея періода состояла не изъ однихъ лишь экстраординарныхъ случаевъ. Можно съ увѣренностію сказать, что изложеная теорія отношеній между государствомъ и церковію въ общемъ видѣ соблюдалась въ Византіи. Помимо новеллъ, императорскихъ законовъ и соборныхъ дѣяній, это доказываютъ и самые факты нарушенія описанной теоріи. Безъ сомнѣнія, византійскіе историки, не имѣя въ виду точнаго опредѣленія законныхъ отношеній между государствомъ и церковію, всегда соблюдаемыхъ съ той и другой стороны, не могли бы занести въ свои лѣтописи такихъ случаевъ, какіе ими занесены, какъ нарушеніе принятаго и всѣми признаннаго закона. При томъ, всякое нарушеніе,

---

(1) Впрочемъ, здѣсь мы должны сдѣлать оговорку: тогда какъ западные писатели возводятъ свой неблагопріятный взглядъ на Византію, какъ сейчасъ увидимъ, въ теорію, русскіе писатели просто ругаются, напр. А. Печерскій, «Въ Іѣсахъ», Ч. I. стр. 3[illegible]4.

какъ—исключеніе изъ правила, указываетъ на характеръ закона и общепринятаго воззрѣнія или обычая своею отрицательною стороною. Въ этомъ отношеніи случаи нарушенія установленныхъ отношеній между церковною и гражданскою властію, описанные византійскими историками, могутъ служить средствомъ къ изученію разности воззрѣній объ отношеніи церкви къ государству, сложившихся какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.—Нарушенія закона неизбѣжны во всякомъ человѣческомъ обществѣ, только въ одномъ бываютъ болѣе, въ другомъ—менѣе. Но исторію составляютъ не нарушенія закона, какъ исключенія изъ общаго правила, а общая идея и духъ, проникающіе общество и управляющіе его дѣйствіями, проявленія содержимаго всѣми закона во внѣ. Нарушенія же установленныхъ отношеній государства къ церкви въ Византіи, взятыя безъ отношенія къ какой нибудь другой церкви, могутъ, кромѣ указанной цѣли, служить еще къ обрисовкѣ внѣшняго положенія церкви, ея благосостоянія или разстройства въ разные періоды ея существованія. Само собою понятно, что внѣшнее состояніе церкви даетъ читателю предъугадывать и о внутренней ея силѣ и, такимъ образомъ, описаніе внѣшнихъ церковно-историческихъ событій, особенно такихъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ признанной теоріи объ отношеніи государства къ церкви, можетъ быть названо предисловіемъ или вступленіемъ къ обозрѣнію внутренняго ея состоянія, широкаго и всесторонняго проявленія ея мощи или намѣреннаго подавленія ея.

Западно-европейская, католическая и протестантская, точка зрѣнія на отношеніе церковной власти къ гражданской въ византійской имперіи: взглядъ католиковъ и протестантовъ на восточную церковь. Основной характеръ ея направленія: взглядъ ея на догматъ вѣры, его значеніе въ дѣлѣ спасенія человѣка и зловредное дѣйствіе ереси. Виновникъ всѣхъ ере-

сей—діаволъ. Независимость церкви отъ діавола отстаивается самою же церковію. Государство, какъ проявленіе одной изъ степеней нравственнаго совершенства человѣческаго рода. Христіанинъ подчиняется государству, какъ свободный. Борьба церкви съ государствомъ возможна при всякомъ образѣ государственнаго правленія.

Западные европейцы, какъ католики, такъ и протестанты, единогласно осуждаютъ изложенную теорію восточныхъ богослововъ и канонистовъ объ отношеніи церковной власти къ гражданской, и это осужденіе начинается съ самаго раздѣленія церквей, проходитъ чрезъ всѣ вѣка и нынѣ высказывается почти въ однихъ и тѣхъ же словахъ. Сущность его заключается въ томъ, что восточная церковь вполнѣ подчинилась гражданской власти, признала это подчиненіе законнымъ и нормальнымъ, и вслѣдствіе этого потеряла жизненныя силы, остановилась на одной и той же степени развитія, превратилась вся въ неподвижную обрядность и окаменѣла. Папа Григорій IX въ отвѣтномъ письмѣ своемъ къ Герману II, патріарху константинопольскому (1222—1240 г.), говоритъ, что греческая церковь, послѣ того какъ отдѣлилась отъ единства римскаго престола, лишилась церковной свободы и сдѣлалась рабою свѣтской власти; что церковный порядокъ въ ней извращенъ и священническое достоинство попрано, и что въ настоящее время нѣтъ никого, кто бы поболѣзновалъ о ней, такъ какъ она, отвергнувъ главу всей церкви, сдѣлалась безглавою (1). Сюда же можно отнести мнѣнія и всѣхъ тѣхъ папъ

(1) Matth. Paris, Historia Anglorum. Londini, 1571, p. 620: cum enim Graecorum ecclesia a romanae sedis unitate recessit, statim privilegio caruit ecclesiasticae libertatis, et quae fuerat libera, facta est saecularis potestatis ancilla .. satis ejus vexatio dedisse debuerat intellectum, in quorum manibus ordo ecclesiasticus per adversas nationes Orientis in diversa partibus confunditur, ecclesiastica libertas opprimitur et sacerdotalis dignitas conculcatur, et non est, qui consoletur eam ex omnibus caris ejus, quia tanquam acephali ad caput ecclesiae reverti contempserunt.

(по числу весьма и весьма многихъ), которые въ своихъ письмахъ къ византійскимъ императорамъ побуждали ихъ привести греческую церковь къ единству (?) съ римскимъ престоломъ одною лишь силою своей самодержавной власти (1). За папами тоже самое повторяютъ и католическіе писатели, спеціалисты по исторіи византійской церкви и по сему, повидимому, долженствующіе быть безпристрастными. Напр., А. Пихлеръ, въ заключеніе обозрѣній церковной власти къ гражданской въ византійской имперіи, говоритъ такимъ образомъ: „въ то время какъ римскій престолъ возвысился изъ своего униженія прежде всего при помощи императоровъ, и потомъ подчинилъ себѣ самое императорство и достигъ собственнаго всемірнаго владычества,—престолъ константинопольскій мало-по-малу ниспускался съ своего прежняго величія, постепенно поддавался императорскому вліянію и наконецъ въ такой мѣрѣ подчинился ему, что даже потерялъ всякое сознаніе о прежней своей славѣ, и греческая церковь, въ вопіющемъ противорѣчіи со всею своею традиціей, объявила это состояніе подчиненности и рабства, какъ состояніе нормальное и сообразное съ законами. Восточная церковь никогда болѣе не въ состояніи выдти изъ этого рабства, потому что ей не достаетъ единственно способной на то божественной силы папства, основателя и хранителя церковной свободы“ (2). Теорію отношеній церковной власти къ государственной, проповѣдуемую восточными богословами и канонистами, Пихлеръ называетъ лишь оправданіемъ фактически установившагося отношенія (3). „Це-

(1) Это явленіе столь выпуклое въ исторіи отношеній средневѣковыхъ папъ къ византійской церкви, что его нашелся вынужденнымъ выставить на видъ, какъ явленіе не совсѣмъ рекомендующее политику папъ, даже *католическій* историкъ (что обыкновенно бываетъ очень рѣдко), Пихлеръ Geschichte d Trennung, 1, p 404.

(2) Pichler, 1, p. 413

(3) Ibid 1, p. 414: Werfen wir noch einen Blick auf die Theorie, durch welche die griechischen Theologen und Geschichtschreiber das factische Verhältnisz der Kaiser zur Kirche sich zurecht zu legen suchten

западпизмъ императоровъ и честолюбіе патріарховъ, говоритъ другой спеціалистъ по исторіи византійской церкви—Гергенрётеръ, уничтожили іерархическій порядокъ, зависимость епископовъ отъ митрополитовъ и митрополитовъ отъ патріарховъ сдѣлалась рабскою и вслѣдствіе этого епископство совершенно развратилось; оно являлось подлымъ и безхарактернымъ почти при всякой грозной опасности и исключенія дѣлались постепенно рѣже. Деспотъ надъ епископами во всѣхъ случаяхъ, гдѣ отношеніе къ нимъ не умѣрялось благороднымъ характеромъ, патріархъ тѣмъ зависимѣе становился отъ императорской воли, тѣмъ болѣе дѣлался орудіемъ всепоглощающей безграничной государственной власти, чѣмъ болѣе онъ стремился гнести низшихъ себя. Въ государственной власти онъ искалъ главной опоры для развитія и увеличенія своего могущества и значенія, помимо нея онъ не могъ болѣе достигнуть этого; онъ обязанъ былъ служить государственной политикѣ. Въ этомъ-то и состоялъ постепенно усиливающійся византизмъ (1). Теперь (2), какъ только удалось устранить послѣдній остатокъ папскаго вліянія, византійская церковь сдѣлалась безнадежною (rettungslos). Самостоятельность ея уничтожена, устройство въ ней извращено; часто обуреваемая своими собственными защитниками, церковь (эта) не могла болѣе оказать достаточнаго сопротивленія исламу; поглощеніе церкви государствомъ даже предобразовало его и уровняло ему путь. Дворъ и патріархи заключили между собою союзъ противъ Рима и прочихъ патріарховъ, сдѣлались неспособными подавить силу восточныхъ сектъ, въ особенности монофизитовъ, или вырвать свою добычу у фанатическихъ арабовъ, но довольно сильными уничтожить союзъ съ тѣми, которые одни только (т. е. папы).... могли еще доставить имъ надлежащую помощь,

(1) Das war der immer mehr sich befestigende Byzantinismus

(2) Т. е ко временамъ патр. Фотія

но которыхъ въ несчастномъ ослѣпленіи они оттолкнули отъ себя, какъ презрѣнныхъ варваровъ“ (1). Слѣдствіемъ такого поглощенія церкви государственною властію было оцѣпѣненіе всѣхъ ея жизненныхъ силъ, омертвеніе (2). Гфрёреръ, чтобы сильнѣе выразить свое осужденіе византизма, говоритъ: „византійская исторія служитъ лучшимъ оправданіемъ папства“ (3). „Греческая церковь, разсуждаетъ Неандеръ, по сохраняемому отъ древнихъ временъ и еще не совсѣмъ погибшему образованію имѣла преимущество предъ латинскою церковію; въ сознаніи этого образованія греки старались смотрѣть на латинскую церковь съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, какъ на церковь существующую между варварами. Но въ то время какъ западная церковь обладала въ качествѣ преимущества тѣмъ, что̀ стоитъ далеко выше, чѣмъ мертвый матеріалъ сохраняемой по преданію учености: свѣжимъ жизненнымъ принципомъ для новаго, духовнаго творчества, могущимъ произвести величайшія дѣла далеко ничтожнѣйшими средствами. — греческой церкви не доставало этого, одушевляющаго мертвую массу, принципа.... Къ тому служили двѣ взаимодѣйствующія причины, особенно противодѣйствовавшія здоровому и свободному развитію церкви и богословія между греками: деспотизмъ государственной власти, предъ которымъ все преклонялось и которому часто позволяли пользоваться собою какъ орудіемъ также епископы, и недостатокъ чувства истины, уже образовавшій господствующую характеристическую черту,—духъ неправды (der Geist der Unwahrheit), сообщившій свой отпечатокъ всей жизни, познаваемый въ преувеличеніяхъ и напыщенности обыкновеннаго образа рѣчи. Такимъ образомъ

---

(1) Hergenrother, Photius patriarch von Constantinopel. Regensburg, 1867. I. p 309—310 Также: p. 104 109.

(2) Ibid. p. 307—309

(3) Gfrorer, Geschichte der christlichen Kirche II. p. 27.

остроуміе и ученость на службѣ деспотизма и неправды могли быть употребляемы въ орудіе для софистики; можно доказывать все, что хотѣли доказывать, мертвая наука не могла образовать никакого противодѣйствія (Reaction) господствующему суевѣрію (т. е. иконопочитанію), но пошла съ нимъ рука объ руку, чтобы послужить для его обоснованія и защиты" (1). Ульманъ тоже съ своей стороны рисуетъ со-

(1) Neander, Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Vierte Auflage Gotha, 1864. VI. p 340—342.—Гергенрѣтеръ, приведши выписанное разсужденіе Неандера въ заключительной статьѣ первой книги своего обширнаго изслѣдованія о п. Фотіѣ, какъ разсужденіе протестанта, явно дескать безпристрастное, а между тѣмъ согласное съ его собственными мнѣніями, не выписалъ однакоже послѣднихъ словъ Неандера. «мертвая наука не могла образовать никакого противодѣйствія господствующему суевѣрію (иконопочитанію) и пр.» (Hergenrother, I, p. 305—306), хотя у самого автора эти заключительныя слова ничѣмъ не отдѣлены отъ предыдущей рѣчи, да и вся она направлена главнымъ образомъ къ тому, чтобы обосновать эти заключительныя слова. Но католическая церковь *чтитъ* иконы, значитъ дѣлать выписокъ противъ католической церкви не слѣдуетъ, хотя бы эти выписки и требовались ходомъ рѣчи; противъ же греческой церкви, очевидно, можно дѣлать всякія выписки, хотя бы по внутреннему своему достоинству они не имѣли никакого значенія Такимъ образомъ можно придать своему изслѣдованію видъ величайшаго безпристрастія однимъ лишь подборомъ многочисленныхъ цитатовъ, хотя бы достоинство ихъ сводилось къ нулю. Спрашивается, какое историо-воззрѣніе Неандера, чтобы вполнѣ вѣрно можно было цѣнить достоинство его сужденій и взглядовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вполнѣ безпристрастное и объективное изложеніе предмета и сужденіе о немъ можетъ быть только тогда, когда онъ предварительно будетъ познанъ самъ въ себѣ и затѣмъ всѣ проявленія его будутъ разсматриваться въ ихъ отношеніи къ внутреннимъ его силамъ и качествамъ, какъ проявленія генетически изъ него вытекающія. Неандеръ, подобно всѣмъ прочимъ протестантамъ, прежде всего обладаетъ недостаткомъ пониманія сущности христіанства вообще и основныхъ свойствъ и качествъ церкви христіанской въ частности Въ своихъ религіозно-богословскихъ воззрѣніяхъ, прилагаемыхъ къ исторіи церкви, онъ является приверженцемъ и послѣдователемъ идей Шлейермахера. По Неандеру, религія исключительно есть предметъ чувства и субъективнаго сознанія. Искренность религіознаго чувства и есть та божественная искра въ религіи, которая достойна всякой цѣны и уваженія; эта искренность собственно и есть божественный даръ въ религіи, хотя бы самое ученіе

стояніе греческой церкви, какъ состояніе лишенное жизненнаго духа и всякаго движущаго элемента, со-

---

было чисто человѣческое. Догматъ и опредѣленнымъ образомъ утвержденныя вѣроисповѣдныя понятія суть нѣчто одностороннее, узкое, стѣсняющее религіозное чувство. Отсюда у Неандера является, пристрастіе къ біографіямъ, гдѣ онъ можетъ столкнуться съ внутреннимъ религіознымъ чувствомъ описываемой личности, отсюда онъ съ такою любовію описываетъ внутреннюю борьбу какого-нибудь миссіонера или подвижника, его видѣнія, чудеса и т. д, отсюда—его пристрастіе къ такого рода личностямъ и, напротивъ, несправедливость ко всему тому, гдѣ онъ по чему-либо усматриваетъ недостатокъ вѣры. Но сколько онъ пристрастенъ ко всему частному, индивидуальному, сколько онъ любитъ входить въ описаніе подробностей, характеризующихъ личность, какъ личность,—столько же напротивъ онъ питаетъ отвращеніе ко всему общему, что̀ можетъ дать исторіи единство цѣлаго, и если иногда вынуждается обратить вниманіе на это цѣлое, то при этомъ тотчасъ же показываетъ его односторонность и узкость, якобы стѣсняющую религіозное чувство Вся область исторіи разсматриваемая въ ея единствѣ, представляется ему какъ рядъ акцій и реакцій, дѣйствій и противодѣйствій, сглаживающихъ все выпуклое, рѣзко-характерное, шероховатое и чудовищное, могущее стѣснять проявленіе религіознаго чувства. При этомъ, конечно, часто случается, что одно и тоже дѣйствіе въ одномъ случаѣ является акціей, а въ другомъ—реакціей; такъ необходимо должно быть при неопредѣленности религіозныхъ воззрѣній Бауръ дѣлаетъ такую характеристику основныхъ воззрѣній Неандера. «Частное и индивидуальное вообще очень преобладаетъ у Неандера, и составляетъ превозмогающую силу относительно общаго, которое должно дать цѣлому его содержаніе и единство».... «Какъ легко Неандеръ такъ часто поступается требованіями критики, лишь только въ его религіозномъ интересѣ повѣрить заслугамъ и чудесамъ благочестиваго миссіонера, душевной борьбѣ и исповѣданію кающагося грѣшника, видѣніямъ мистика или другимъ явленіямъ внутренней религіозной жизни, такъ, напротивъ, тѣмъ несправедливѣе онъ судитъ о тѣхъ, которые разъ возбудили въ немъ подозрѣніе въ невѣріи» .. «Такъ какъ религія вообще по существу своему субъективна, то и въ исторіи явленій христіанства можно стоять только на субъективной точкѣ зрѣнія, какъ дѣйствительно у Неандера и является абсолютнымъ масштабомъ, по которому должно судить о характерѣ историческихъ явленій, религіозное чувство, или христіанское сознаніе въ своей субъективности. Поэтому у Неандера очень естественно вытекаетъ опасеніе омрачить божественный отпечатокъ явленій, какъ скоро они не будутъ разсматриваемы только субъективнымъ образомъ, по религіозному чувству, лежащему въ ихъ основаніи, или по сознанію, какъ непосредственному выраженію религіознаго чувства, но онъ старается подвести ихъ и подъ объективное по-

стояніе пустаго формализма, безжизненности и окаменѣлости, и, въ качествѣ несомнѣнной истины, выводитъ

нятіе, что они суть сами въ себѣ, только при этомъ принимаетъ во вниманіе такія въ нихъ стороны, которыя сразу представляются какъ нѣчто очень одностороннее, ограниченное, отдѣльное, какъ нѣчто такое, чему не возможно симпатизировать. Теперь, чтобы все это (несимпатическое) отбросить и напротивъ удержать въ историческихъ личностяхъ нѣчто такое, что можно считать за божественный отпечатокъ явленія, или отыскивать въ нихъ то, въ чемъ познается истинная сущность религіи и христіанства. должно все, что превращаетъ ихъ въ опредѣленное историческое явленіе и индивидуальность, возводить къ религіозному чувству и сознанію, которое, какъ нѣчто коренное и непосредственное, въ чемъ каждый живетъ въ сферѣ своей собственной субъективности и можетъ сдѣлать право ея имѣющимъ значеніе (geltend), есть также и нѣчто общее, чему всѣ одинаково могутъ симпатизировать. Слѣдствіе отсюда можетъ быть только одно, чтобы изображеніе предмета (Darstellung) получило такое направленіе, въ которомъ, какъ это довольно ясно можно видѣть у Неандера, обнаруживалась бы въ сильной степени наклонность низводить явленія, бросающіяся въ глаза своею очень специфическою особенностію, съ ихъ высоты, вообще все сколько возможно нивеллировать и нейтрализировать Важнѣйшею стороною въ изображеніи предмета всегда остается то, въ чемъ авторъ можетъ найдти основную точку зрѣнія своей собственной теоріи чувства, своего pectus, quod theologum facit, своего раціоналистическаго супранатурализма, своей, колеблющейся въ неопредѣленномъ пространствѣ между вѣрою и знаніемъ, половинчатости и безсодержательности Душу религіи составляетъ этотъ элементъ чувства съ его, расплывающеюся въ безконечность, общностію, онъ есть нѣчто самое существенное, къ чему всякій догматъ и всякое объективно установленное понятіе всегда можно въ концѣ концовъ поставить въ отношеніе голаго случая. смотря по обстоятельствамъ»... «Первый предметъ, который Неандеръ избралъ себѣ для особаго изслѣдованія, его Юліанъ, превосходнѣйшимъ образомъ можетъ служить къ тому, чтобы нагляднѣе показать эту внутреннюю черту его особенности. Неандеръ имѣетъ видимое пристрастіе къ Юліану».. .. «Онъ признаетъ въ Юліанѣ истинную религіозность, отличную отъ рабскаго суевѣрія; благодаря этой религіозности, Юліанъ старался осуществить тѣ идеи, которыя его одушевляли, и совершилъ свое дѣло съ полною преданностію волѣ боговъ, которымъ онъ вполнѣ ввѣрилъ участь своего замысла. Вѣра въ божественное происхожденіе и назначеніе человѣка, въ мудрость глубокой древности, вдохнула въ него энтузіазмъ, возвышающійся надъ всѣмъ временнымъ и не оставлявшій его даже до послѣдней минуты. Эту самую вѣру Неандеръ называетъ божественною, потому что вѣра можетъ быть только божественною, хотя бы догматы, въ которыхъ она осуществля-

отсюда „величайшее предостереженіе“ для потомства: „не дѣлайте людей рабами“. При этомъ онъ не преминулъ высказать свою радость и успокоить своихъ соотечественниковъ относительно жизненности своей собственной церкви; но только онъ не потрудился выяснить, какими чертами характеризуется жизненный принципъ и какими — мертвый, безъ духа и жизни, что̀ значитъ свѣжесть духовной жизни и т. п. Въ этомъ

лась, были человѣческіе Такимъ образомъ, если принять во вниманіе только эту божественную вѣру Юліана, то можно спокойно упустить въ немъ изъ вниманія все, что̀ можно найдти въ немъ превратнаго и достойнаго порицанія. Но если Юліанъ этимъ путемъ понимается и оцѣнивается такимъ образомъ, то какимъ же онъ долженъ явиться съ точки зрѣнія объективнаго историческаго разсужденія»?.. . «Если въ концѣ концовъ все только субъективно, есть дѣло чувства, непосредственнаго сознанія, если съ этою теоріей даже язычество и христіанство можно смѣшать въ одну и туже кашу, то какъ вообще возможно еще объективное историческое разсматриваніе предмета»? . Вообще, «слабѣйшая сторона Неандера заключается въ томъ что у него самое высшее и абсолютное въ его историческомъ образѣ пониманія предмета всегда въ концѣ концовъ сводится на субъективность чувства Онъ становится чувствительнѣе, раздражительнѣе и страстнѣе всякій разъ какъ только видитъ необходимость предъ собою выдти изъ внутренней области своей субъективной теоріи и стать на такую точку зрѣнія, на которой идетъ дѣло не о неопредѣленномъ, неясномъ чувствѣ и не о вѣщаніяхъ сознанія . а объ опредѣленныхъ объективныхъ понятіяхъ. Вся его личность въ такой степени привязана къ элементамъ чувства, что онъ, при всякомъ шагѣ къ точкѣ зрѣнія возвышающейся надъ этою неопредѣленностію, не чувствуетъ ни неба надъ собою, ни земли подъ собою, а усматриваетъ только атеизмъ и нигилизмъ, демонскія силы ада» (F. Baur, die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. Tubingen, 1852. p 198—232). Думаемъ, что приведеннаго анализа историовоззрѣнія Неандера весьма достаточно, чтобы по достоинству оцѣнить его сужденіе о восточной церкви Широкая, но неопредѣленная теорія чувства, какой держался Неандеръ, очевидно, шла въ разрѣзъ съ строгимъ, догматически опредѣленнымъ ученіемъ восточной церкви Неандеръ ей и не сочувствуетъ. Относя вѣру исключительно въ область чувства, разсматривая всѣ историческія явленія съ точки зрѣнія субъективнаго религіознаго чувства и отвергая даже возможность судить объективно о явленіяхъ съ точки зрѣнія идеи, лежащей въ ихъ основѣ, онъ безъ обиняковъ объявилъ всю восточную церковь лживою, потерявшею чувство истины Отсюда, далѣе, всѣ его предвзятыя о ней сужденія.

отношеніи и у него, какъ у Неандера, царитъ полная неопредѣленность (1).

Нѣтъ сомнѣнія, что деспотизмъ, какъ и бюрократія, разслабляетъ жизненныя силы, мертвитъ духъ, стѣсняетъ его свободныя проявленія въ самомъ благороднѣйшемъ значеніи этого слова, и можетъ оказывать огромное вліяніе на текущія дѣла церкви. Кто, напр., знакомъ съ исторіей распространенія протестантства въ Европѣ, тотъ, конечно, не могъ не замѣтить того обстоятельства, что протестантизмъ распространился преимущественно въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ ему содѣйствовала государственная власть, и, наоборотъ, тамъ онъ подавленъ, гдѣ его преслѣдовало государство, хотя при свободномъ теченіи, вѣроятно, онъ значительно усилился бы. Но мы не имѣемъ цѣлію входить въ разборъ того, насколько деспотизмъ мертвитъ духъ человѣка и можетъ ли умертвить или подавить его окончательно. Приведенныя мнѣнія, какъ католиковъ, такъ и протестантовъ, очевидно, направлены противъ самыхъ принциповъ восточной церкви, которые, якобы, окаменѣли подъ давленіемъ византійскаго деспотизма; а это обязываетъ насъ заставить саму восточную церковь,

---

(1) Theolog Studien und Kritiken. 1833 r. p. 650. 654 656: Wir konnen ruhig . auf eine Zeit zuruckblicken, die uns als ihr Erbtheil die grosze Warnung hinterlassen hat Werdet nicht der Menschen Knechte! Подобнымъ же образомъ смотрятъ на состояніе греческой церкви. Gieseler, Lehrbuch der Kirchengeschichte. Bonn, 1846 Zweiten Bandes erste Abtheilung, p 13: Wie die Kirche ihr freies eigenthumbliches Wesen verloren hatte, so auch die theologischen Wissenschaften, p 395: die Abhangigkeit der Kirche von Hofe, seinen Cabalen und Veranderungen dauerte fort, und so konnte dieselbe nie ein eigenthumliches Leben wieder gewinnen. Hagenbach, Kirchengeschichte B. II, p. 52. Leipzig, 1869, Fallmerayer, Fragmente 1, p 302—344. — Можно съ увѣренностію сказать, что также смотрятъ и всѣ прочіе протестантскіе и католическіе церковные историки Но не мѣшало бы имъ припомнить при этомъ и то, что въ послѣднія времена весь западъ, и католическій и протестантскій, вступаетъ въ союзъ съ исламомъ, чтобы подавить *безжизненный византизмъ*, мощнаго проявленія жизни и силы котораго онъ такъ устрашился.

въ лицѣ ея представителей, высказаться объ основномъ характерѣ своего направленія, съ которымъ логически и генетически связывалась бы изложенная теорія объ отношеніи ея къ государственной власти.

Самый высшій, первый, драгоцѣннѣйшій и чистѣйшій даръ между всѣми, данными намъ, дарами и благодѣяніями, есть религія (*θρησκεία*), эта первая мудрость по благочестію (*πρώτη σοφία κατ' εὐσέβειαν*), доставляющая намъ познаніе чистой и непорочной вѣры христіанской (1). Поэтому и христіанское богословіе составляетъ самое высшее и возвышеннѣйшее знаніе между всѣми знаніями человѣческими (2). Никто не долженъ оставаться равнодушнымъ къ преданнымъ догматамъ церкви; въ особенности же хранить ихъ чистоту, изъяснять ихъ и отстаивать ихъ отъ всѣхъ возможныхъ нападеній, лежитъ на обязанности богослововъ и служителей церкви, потому что Богъ открылъ намъ только то, что спасительно и полезно намъ знать и потому что правильное знаніе и пониманіе догматовъ вѣры ведетъ за собою чистоту жизни, равно какъ чистота жизни въ свою очередь свидѣтельствуетъ о томъ, что вѣра христіанская—воистину божественная вѣра (3). Строгость въ охраненіи преданнаго догматическаго ученія, заключеннаго въ св. писаніи и въ св. преданіи, должна простираться до того, что не слѣдуетъ уклоняться не только отъ отдѣльныхъ какихъ-нибудь частей ученія, но даже отъ самой буквы свящ. словъ; по-

---

(1) *Τοῦ ἐν ἁγίοις πατρὸς ἡμῶν Φοτίου ἀρχ. Κωνστ. τὰ Ἀμφιλόχια, ἐκδιδ Σοφοκλ. Κ. τοῦ ἐξ Οἰκονόμων Ἀθηνησι*, 1858. *ζητ.* 197. p. 277 *ἱερὰ ἡμῶν θρησκεία, ζητ.* 149 p 226: *πρώτη σοφία κατ' εὐσέβειαν*, Migne Patrol curs. compl. t CII p. 628: *ἥν πρώτη καὶ μόνη χαρίζεται τῆς καθαρᾶς καὶ ἀμωμήτου πίστεως ἡμῶν τῶν Χριστιανῶν, ἡ μάθησις καὶ μυσταγωγία*

(2) *Ἀμφιλοχ. Ἀθην ζητ* 106 p. 180. § 5.

(3) Dial c. Man Dam. n. 74. p. 460, Hergenrother, III p. 264; Patr. curs. compl t. CII. p. 629 *καὶ γὰρ δογμάτων μὲν εὐθύτης πολιτείας προβάλλεται κοσμιότητα, πράξεων δὲ καθαρότης τῆς πίστεως ἀπαγγέλλει θειότητα.*

тому что ничтожнѣйшее уклоненіе отъ преданія ведетъ къ ниспроверженію всего догмата (1). Поэтому очень опасны тѣ, которые оспариваютъ принятыя церковію мнѣнія и заботятся о нововведеніяхъ, чтобы тѣмъ пріобрѣсти себѣ славу оригинальности. Впрочемъ, они не столько вредятъ правому догмату, сколько самимъ себѣ, уклоняясь отъ истинной вѣры и тѣмъ подвергая свою душу вѣчной погибели (2). Подобно тому, какъ соблазны и страсти уничтожаютъ добродѣтельную жизнь, такъ точно противорѣчащія себѣ ученія и мнѣнія безбожныхъ еретиковъ противостоятъ правильному религіозному убѣжденію и уничтожаютъ его (3). Ересь составляетъ тягчайшее преступленіе противъ Бога, потому что она извращаетъ слово Божіе, искажаетъ истинную вѣру и низвергаетъ души въ пагубу; поэтому вѣрующіе должны избѣгать всякаго общенія съ еретиками, чтобы не заразиться отъ нихъ какимъ-нибудь образомъ (4). Ересь главнымъ образомъ зависитъ отъ привязанности къ голой буквѣ писанія, тогда какъ истинная религія болѣе слѣдуетъ духу, чѣмъ буквѣ (5).

---

(1) Ἀμφιλοχ ξητ. 133. p. 211: *οὐ δεῖ γὰρ οὐδόλως, οὐδ' ἐφ' ἑνὶ γράμματι παραχαράττειν τὰς λέξεις τὰς ἱερὰς* и пр., Migne, Patrol. curs compl. t. CII p 605: *τῶν γὰρ ἐλαττόνων νόμων ἡ παράβασις, ἀτιμώρητος πρὸς τὴν τῶν μειζόνων ἐπιτρίβει καταφρόνησιν.*

(2) Ἀμφιλοχ. ξητ. 36 p 64.

(3) Ibid. ξητ. 5 p 19· *δῆλον δὲ, ὅτι καθάπερ τῷ κατ' ἀρετὴν βίῳ ἐπιλυμαίνεταί τε καὶ ἀνατρέπει τὰ τοιαῦτα σκάνδαλα καὶ πάθη, οὕτω δὴ οὕτω καὶ τῷ κατ' εὐσέβειαν λόγῳ ἐπιπροσθεῖ τε καὶ καταλήξεται τὰ αἱρετικά τε καὶ παλίμφημα τῶν δυσσεβούντων δόγματα καὶ φρονήματα*

(4) Ibid ξ. 20. p. 32: *τῶν πλημμελημάτων τὸ χαλεπότατον λιπὼν* Dam Dial c. Man n. 66. p 455, *Ῥάλλη καὶ Πότλη, σύνταγμα.* 1 p. 261—267.—Интересно снести при этомъ слѣдующія мѣста апостольскія 2 Петр. 2 гл., 1 Тим 6, 20. 21, 2 Тим 2, 16—18, Іуды, 1 гл 4—19; Тит. 1, 10—16 и пр.

(5) Ἀμφιλοχ ξ. 43. p 80 *οὐκ ἐπὶ μόνης δὲ τῆς παρούσης ὑποθέσεως ψιλαῖς ταῖς λέξεσι πολλοὶ τῶν πραγμάτων ἀποστάντες, περιεκάθηντο. ἀλλ' οὐχ' οὕτως ἡ εὐσέβεια, παντοχοῦ δὲ μᾶλλον τοῦ πνεύματος ἢ τοῦ γράμματος γινομένη.*

Еретики разрываютъ вѣчную истину, откровеніе божественнаго слова на мелкіе кусочки; кто снова соединяетъ, что разорвано ими, и составляетъ изъ этого совершенно цѣлое, тотъ безопасно можетъ созерцать истину (1). Вслѣдствіе такого взгляда на догматъ, его значеніе въ дѣлѣ спасенія человѣка и зловредное дѣйствіе ереси, въ восточной церкви естественно выработалось ученіе—избѣгать всякихъ нововведеній въ дѣлѣ вѣры и, напротивъ, твердо и неизмѣнно хранить то, что разъ выяснено и утверждено, какъ непреложная истина, отцами церкви. Фотій въ своемъ апологетическомъ письмѣ къ папѣ Николаю I. говоритъ, что потомки обязаны твердо держаться того, что установлено предками; потому что наклонность низвергать твердыя и установленныя учрежденія и вмѣсто нихъ дѣлать нововведенія и перевороты составляетъ болѣе свойство подлой черни, чѣмъ благородныхъ умовъ (2). Конечно, охранять выясненную и установленную истину похвально и составляетъ долгъ каждаго православнаго христіанина, но у византійцевъ всѣхъ временъ, какъ и во всякомъ другомъ обществѣ, эта наклонность—охранять преданное ученіе—доходила въ нѣкоторыхъ личностяхъ до того, что онѣ отрицали возможность какихъ бы то ни было реформъ въ предметахъ даже несущественныхъ (3). Никифоръ Григора о народѣ своего времени говоритъ, что „скорѣе желѣзо измѣнится въ своихъ свойствахъ, чѣмъ онъ допуститъ незначительное отступленіе отъ отеческихъ догматовъ“ и что „ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоя-

---

(1) Clem Alex Strom l. 1. p. 298.

(2) Migne Patrol. curs. compl. t. CII. p 609. *δεῖ γὰρ τὰ τεθέντα φυλάσσειν, καὶ πατράσι τέκνα δίκαιόν τε καὶ ὅσιον πειθαρχεῖν*; p. 612 *φιλεῖ γὰρ ὡς τὸ πολλὰ τῶν ἀγελαίων ὁ τρόπος διὰ τὸ τῆς γνώμης ἠρρῶστηκὸς καὶ ἀστήρικτον ταῖς καινοτομίαις τε καὶ ταῖς νεωτεροποιίαις προσεχηνέναι μᾶλλον, ἢ τοῖς καθεστηκόσι καὶ καλῶς κειμένοις προσπερεύδεσθαι*

(3) Пахимеръ. Спб., 1862. I стр. 384—385.

щее, ни будущее, ни высоты, ни глубина, ни другая, какая тварь не разлучитъ его (Римл. 8, 9) съ отеческими законоположеніями и догматами" (1). Не трудно теперь понять, что та страсть къ богословствованію,

(1) Григора Спб, 1862. I стр. 512 — Высказаннымъ взглядомъ на зловредное значеніе ересей въ дѣлѣ спасенія и нравственнаго совершенства человѣка объясняется между прочимъ и крайне нетерпимое отношеніе византійскаго правительства ко всякаго рода еретикамъ. Къ тому же нетерпимость эта вызывалась самою страстностію борьбы, какая происходила между ересью и православіемъ Еретики лишены были почти всѣхъ правъ и преимуществъ полноправныхъ гражданъ: имъ возбранено было учить, рукополагать клириковъ совершать литіи, какъ публичныя, такъ и въ домахъ, за неисполненіе подвергались денежному штрафу, который вносился въ православныя церкви. Донатисты и Манихеи подвергались крайнимъ наказаніямъ. имущества ихъ были конфискуемы и воспрещалось какимъ бы ни было образомъ выкупать ихъ или обмѣнивать; они не имѣли права давать надѣлы своимъ неправославнымъ дѣтямъ; завѣщанія ихъ признавались недѣйствительными, они были изгоняемы изъ городовъ и домы ихъ, въ которыхъ они совершали собранія, были отдаваемы церквамъ, они не могли ни строить монастыреи, ни быть воинскими начальниками, но они не освобождались отъ общественныхъ повинностей. Равнымъ образомъ были наказываемы и тѣ, которые писали противъ св вселенскихъ соборовъ, или владѣли подобными сочиненіями, или даже только знали о такихъ сочиненіяхъ, они не могли быть чиновниками, экдиками, священниками въ городахъ и другими должностными лицами Дѣтеи своихъ, принявшихъ православіе, они обязаны кормить и одѣвать, давать имъ наслѣдство, дѣлать приданое при заключеніи браковъ и т п. Въ случаѣ спора въ семействѣ, беретъ перевѣсъ та сторона, которая желаетъ присоединить дѣтей своихъ къ православію Наказываются также и православныя дѣти, если они совершаютъ еретическіе обряды съ еретическими родственниками Вообще, еретики не могутъ ни крестить, ни управлять областію или даже селеніемъ, какъ сами непосредственно, такъ и чрезъ своихъ уполномоченныхъ,— ни заниматься воспитаніемъ дѣтеи, ни совершать другое какое-нибудь дѣло внутри свящ учрежденіи Они не могутъ свидѣтельствовать въ судѣ, въ этомъ отношеніи право ихъ ограничивалось только тѣмъ, что они могли притянуть православнаго къ суду Не меньшимъ, если только еще не бо́льшимъ, ограниченіямъ подвергались также и іудеи *Ῥάλλη καὶ Πότλη, σύνταγμα.* I р 262—263 Объ укрывающихъ еретическія книги, или владѣющихъ ими см. 60 пр апостоловъ, 68 пр. Трулл соб и 9 пр VII всел соб Всѣ эти правила ограничиваются одними лишь духовными наказаніями.

которую проявляли византійскіе императоры, начиная съ Константина великаго и кончая послѣдними Палеологами, была не вспышкою и не капризомъ не знающаго границъ своей власти деспота, а вполнѣ обусловливалась и даже вынуждалась направленіемъ времени, когда каждый носящій имя христіанина, епископъ и простой клирикъ, монахъ и мірянинъ, простолюдинъ и высшій государственный сановникъ, считалъ какъ бы своею обязанностію богословствовать и отстаивать чистоту догмата вѣры. Понятно также, что при такомъ направленіи всего общества скорѣе императоры являлись рабами того или другаго вѣроисповѣднаго теченія въ обществѣ, а не наоборотъ.—не общество было игрушкою въ рукахъ императоровъ, не смотря на все самодержавіе ихъ власти. Происходила страшная борьба вѣрованій и мнѣній, при чемъ гонимою стороною обыкновенно являлись тѣ, мнѣнія которыхъ императоры считали неправильными, а гонителями были сторонники императоровъ, т е. та партія, которая успѣла благорасположить ихъ въ свою пользу. Все это, конечно, въ порядкѣ вещей. Но при такомъ образѣ веденія борьбы верхъ всегда оставался за тою стороною, которая держалась истины. Если вообще справедливо положеніе, что борьба мнѣній вырабатываетъ истину, то тѣмъ болѣе справедливо это положеніе относительно борьбы такихъ мнѣній, которыя логически и генетически должны быть подведены подъ готовую уже истину. Въ этомъ случаѣ здравая общественная логика вселенской церкви, подкрѣпляемая сужденіемъ лицъ высоко-нравственныхъ и безстрастныхъ, всегда брала перевѣсъ надъ хитро-и-нехитросплетеннымъ лжеученіемъ еретиковъ.

Главный виновникъ и распространитель всѣхъ ересей есть сатана, могущій быть названъ отцомъ всѣхъ еретиковъ. Чистота и красота церкви вселенской возбуждаетъ въ немъ злобу и потому онъ старается нанести ей вредъ всѣми возможными способами. Но эта же самая красота церкви даетъ возможность сынамъ

ея тотчасъ же замѣтить всякое его злоухищреніе и немедленно отразить его, какъ нечистую скверну, къ бо́льшей славѣ церкви. Прекрасно это изображаетъ п. Фотій въ своемъ наставительномъ посланіи къ болгарскому царю Михаилу. „Итакъ, возлюбленный о Христѣ и духовный намъ сынъ, посмотри же какія ополченія лукавый (πονηρὸς) возвигъ противъ благочестивой и единой истинной христіанской религіи, возбуждая противъ нея разнаго рода ереси, смуты, брани и войны. Но посмотри также и на то, какъ она отразила всѣ эти (напасти) и какіе великолѣпные водрузила противъ всѣхъ ихъ побѣдные знаки. И нисколько не удивляйся, когда тебѣ придется размышлять о коварствахъ и напастяхъ, воздвигаемыхъ противъ нея. Ибо, во первыхъ, она не явилась бы столь знаменитою, крѣпкою и славною, если бы противъ нея не было возбуждено ни единой брани. А потомъ легко понять и то, что гдѣ наиболѣе сильно ведется война противъ лукаваго, тамъ и самъ онъ съ бо́льшимъ усердіемъ бросаетъ стрѣлы своей злобы и строитъ разныя козни. Ибо онъ не вооружается противъ другихъ (языческихъ) народовъ, потому что между ними нѣтъ никакой сильной противъ него брани. Но христоименитый Божій народъ, языкъ святъ, царское священіе, такъ какъ ежедневно противодѣйствуетъ, преуспѣяніемъ въ своей вѣрѣ, лукавымъ его дѣйствіямъ и злоухищреніямъ, вслѣдствіе этого и онъ, придумывая безчисленныя коварства и разные виды обольщенія, старается прельстить нѣкоторыхъ изъ нихъ и такимъ образомъ опечалить церковь Христову, хотя, въ концѣ концовъ, его дѣйствія и злоухищренія обращаются въ посрамленіе его же самого. Поелику же у другихъ (нехристіанскихъ) народовъ догматы ихъ вѣры выражены слитно, неясно и широковѣщательно, поелику у нихъ ничего нѣтъ чистаго и яснаго, ничего рачительно не опредѣлено и ничто не доведено до точной раздѣльности: вслѣдствіе этого ничто у нихъ и не является искаженнымъ, испорченнымъ и обезображеннымъ. Но въ христіанской вѣрѣ, совершенно чистой и всесвя-

той, обладающей въ высшей степени точнѣйшею опредѣленностію, всякое искаженіе и обезображеніе ея, по причинѣ ея безпорочной чистоты и правоты, по причинѣ ея отмѣнной и безпримѣсной простоты, познается тотчасъ же, какъ только попытался бы кто либо внести въ нее даже малѣйшее искаженіе или нововведеніе, посредствомъ сравненія его съ истиною и правымъ ученіемъ, и, какъ таковое, отвергается; внутреннее благородство религіозной истины никакимъ образомъ не допускаетъ того, чтобы незаконное дѣтище носило съ нею одно и тоже имя и скрывалось бы за нею даже хотя бы только на короткое время. Ибо, подобно тому какъ въ отличающихся красотою тѣлахъ скорѣе замѣчается даже самое ничтожное пятно посредствомъ сравненія его съ прелестью остальнаго тѣла, и, наоборотъ, какъ въ тѣлахъ некрасивыхъ и непріятно дѣйствующихъ на зрѣніе не такъ легко усматриваются существующіе на нихъ пороки отвратительнаго вида, потому что они скрываются за прочими недостатками посредствомъ родства съ ними и подобія имъ; точно тоже самое случается и при блистающей красотѣ христіанской вѣры и христіанскаго богопочтенія: если кто либо внесетъ въ нее даже малѣйшее искаженіе, то этимъ онъ покажетъ величайшее безобразіе и тотчасъ встрѣтитъ опроверженіе, между тѣмъ какъ ученіе язычниковъ, полное искаженій и безобразій, никакимъ образомъ не возбудитъ въ послѣдователяхъ его чувства заключающагося въ немъ отвращенія. Но подобное можно примѣчать не только здѣсь, но и во всѣхъ художествахъ и наукахъ; ибо въ точнѣйшихъ изъ нихъ легко замѣчаются даже малѣйшія ошибки, но въ наукахъ низшаго разряда, покоящихся на случайно подмѣченныхъ явленіяхъ, многое просматривается и не причисляется къ ошибкамъ". Совершенно такимъ же образомъ легче замѣчаются, порицаются и преувеличаются ошибки князей и вельможъ, чѣмъ ихъ подданныхъ и людей низшаго сословія. „Но на сколько богопочтеніе и вѣра христіанъ превосходятъ ученіе язычниковъ величіемъ,

силою, красотою, точностію истины, чистотою и всякаго рода совершенствами, въ такой же мѣрѣ сатана возбуждается противъ нихъ на брань и въ такой же мѣрѣ изъ прямаго противоположенія познаются пороки глупыхъ и злыхъ людей, такъ что они ни остаются скрытыми даже на короткое время, ни могутъ отыскать случая вкрасться (въ чистое ученіе вѣры Христовой). Но каѳолическая и апостольская церковь Божія отражаетъ всѣ замыслы злаго духа, какъ слабые, безполезные и тщетные, даже она обращаетъ его козни на него же самого; она легко устраняетъ хуленія еретиковъ, пристыжаетъ ихъ безстыдство, всѣмъ ихъ нападеніямъ противопоставляетъ свою непреоборимую и непобѣдимую крѣпость и повсюду прославляется прекраснѣйшими побѣдными знаками, приносящими спасеніе міру". Чѣмъ болѣе она наноситъ вреда сатанѣ, тѣмъ болѣе терпитъ отъ него нападенія, но чѣмъ болѣе терпитъ нападеній, тѣмъ блестящѣе становятся ея побѣдные знаки (1).

Хранителемъ чистоты христіанскаго ученія и неприкосновенности вѣры служитъ добрая совѣсть всей вселенской церкви. Чтобы успѣшнѣе воинствовать со врагами церкви, апостолъ Павелъ заповѣдалъ Тимоѳею имѣть вѣру и добрую совѣсть, которую нѣкоторые отвергнувъ потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ (1 Тим. 1, 18. 19). Архіепископъ ѳессалоникскій, Нилъ Кавасила, приводя это мѣсто писанія въ своемъ полемическомъ сочиненіи „О власти папы", совершенно справедливо утверждаетъ, что одинъ человѣкъ, хотя бы онъ носилъ и званіе папы, не можетъ быть хранителемъ чистоты христіанскаго ученія; потому что, какъ человѣкъ, онъ можетъ и не имѣть здравой совѣсти, а тѣмъ менѣе вселенской здравой совѣсти, подверженъ порокамъ, а слѣдовательно можетъ впасть въ заблужденіе и относительно догматовъ вѣры. Самый грѣхъ противъ совѣсти есть своего рода отреченіе отъ Бо-

(1) Migne, Patr curs. compl. t. CII. p. 657—660.

га (1). Поэтому то чистота и святость христіанской церкви отнюдь не терпитъ ущерба, и слова о ней Спасителя, что *врата адовы не одолѣютъ ей* (Мѳ. 16, 18), ни мало не теряютъ своей силы, хотя бы кто-либо изъ епископовъ во вселенной, въ томъ числѣ и папа, уклонился въ вѣрѣ, впалъ въ лжеученіе и сдѣлался проповѣдникомъ ереси; потому что благочестіе и чистота вѣры могутъ быть твердо хранимы прочими епископами (2).

Само собою понятно, что вселенская церковь въ своей совокупности представляетъ безчисленныя степени нравственнаго совершенства, какъ проявленія здравой вселенской христіанской совѣсти. По ученію византійскихъ богослововъ существуютъ три рода добродѣтелей: перваго рода добродѣтели суть тѣ, которыя украшаютъ человѣка, т. е. его душу и тѣло; втораго рода добродѣтели очищаютъ душу отъ страстей тѣлесныхъ, возводятъ ее къ самой себѣ и поэтому называются очистительными; третьяго рода добродѣтели упражняютъ уже совершенно очищенную душу въ созерцаніи такихъ вещей, которыя могутъ быть постигаемы только умомъ, почему онѣ называются созерцательными или интеллектуальными (3). Степеней добро-

---

(1) *Νιλ. ἀρχ Θεσσ. περὶ τῆς τοῦ πάπα ἀρχῆς*, ed Salmasii, Hanov p. 57. *αὐτὸ δὲ τὸ περὶ τὴν συνείδησιν ἁμαρτάνειν οὐκ εἶδος ἀθείας ἔστι?*—Апостолъ Павелъ говоритъ къ Титу: *осквернеными и невѣрными ничто же чисто, но осквернися ихъ и умъ и совѣсть. Богъ исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его* (1, 15. 16). Поэтому-то объективная христіанская истина можетъ быть въ чистотѣ сохраняема только всею церковію въ ея совокупности, т. е вполнѣ честными, правдивыми и благочестивыми ея членами, носящими въ себѣ Духа Божія.

(2) Salmasius, p. 61 *ἔστι γὰρ ἐν τοῖς λοιποῖς ἐπισκόποις, καὶ μάλα τὴν εὐσέβειαν σώζεσθαι.*

(3) Nicet. Chon Thesaur. orthod fid., ed Migne, Partrol. curs. compl. t. CXXXIX I II c. LXV, p. 1192: virtutum triplex est ordo. Aliae enim hominem, hoc est animam cum corpore ornant Aliae a corpore animam purgant, et ad seipsam revocant, quae quidem purgativae dicuntur. Aliae

дѣтелей — шесть: одна—естественная (*φυσικὴ*), свойственная не только людямъ, но и животнымъ; другая нравственная (*ἠθικὴ*), которою одарены также и нѣкоторые изъ людей простыхъ и немудрыхъ; иная — гражданская (*πολιτικὴ*), умѣряющая общественныя дѣла посредствомъ разума и благоразумія; иная—очистительная (*καθαρτικὴ*), очищающая человѣка отъ всякой страсти и нечистыхъ побужденій; иная созерцательная (*θεωρητικὴ*), возводящая умъ къ созерцанію предметовъ духовныхъ и сущности вещей, и, наконецъ, иная— уподобляющая человѣка Богу (*θεουργικὴ* — богодѣлающая). Эта послѣдняя добродѣтель возбуждаетъ въ душѣ нашей божественнѣйшую ея сторону, соединяетъ съ самимъ Богомъ и низводитъ божественную любовь (1). Изъ всѣхъ добродѣтелей въ особенности слѣдующія три дѣлаютъ совершеннымъ человѣка: святость (sanctitas), справедливость (justitia) и мудрость (prudentia), доставляющая намъ неизреченное знаніе (2). Конечная цѣль гражданскихъ добродѣтелей, или добродѣтелей украшающихъ внѣшнюю сторону человѣка, есть *μετριοπάθεια*, или умѣреніе страстей для содѣйствованія благосостоянію человѣческаго общества и воспрепятствованія нанесенію вреда ближнимъ. Поэтому-то собственно они и называются гражданскими. Конечная же цѣль добродѣтелей очистительныхъ есть

---

animam perfecte purgatam in rerum quae intellectu percipiuntur contemplatione exercent, quae quidem contemplativae atque intellectuales appellantur

(1) Migne, Pasr. curs compl. t CXXXIX. l. II. c LXVI, p. 1192 virtutum gradus sex esse perhibentur. Alia enim virtus naturalis est, quae quidem in feris quoque deprehenditur Alia moralis, qua imperitorum quoque nonnulli praediti sunt Alia civilis, quae ratione et prudentia rempublicam moderatur Alia purgativa, quae hominem ab omni affectione perturbationeve purgat. Alia contemplativa, quae mentem contemplatur Alia deificativa, quae divinorem animae nostrae partem excitat, et cum ipso Deo conjungit, atque divinum favorem immittit Sunt vero aliae quoque his superiores virtutes

(2) Ibid. t CXXXIX. l II. c LXVII, p 1192—1193 prudentia denique scientiam ineffabilem consequimur.

ἀπάθεια, или безстрастіе, а цѣль добродѣтелей созерцательныхъ заключается въ уподобленіи Богу. Кто одаренъ высшими добродѣтелями, тотъ по тому самому одаренъ уже и низшими (1).

Святѣйшій патріархъ Фотій, въ изъясненіе словъ апостола Петра: „будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа, какъ свободные“ (1 Петр. 2, 13 — 16), разсуждаетъ такимъ образомъ.— „Подчиняйтесь всякому начальству ради Господа, какъ свободные“, т. е. не изъ страха наводимаго на васъ гражданскою властію, потому что подчиняющіеся такимъ образомъ подходятъ подъ разрядъ рабовъ и оказываютъ подчиненіе, какъ рабы, опасаясь съ одной стороны наказаній владыкъ, а съ другой—карь законовъ и во всякомъ случаѣ побуждаемые къ подчиненію страхомъ. Подчиняющійся же ради Господа, какъ подчиняющійся Господнимъ заповѣдямъ, свободенъ отъ всякаго низкаго страха, свободенъ даже отъ подозрѣнія подвергнуться какому-нибудь наказанію, которое служило бы ему побужденіемъ къ подчиненію. Облагороживая свою душу любовію къ Господу и соблюденіемъ заповѣдей, онъ такимъ образомъ и оказываетъ покорное повиновеніе человѣческому начальству. Но, чтобы кто-либо не сказалъ: какимъ образомъ мы, которыхъ Христосъ явилъ свободными отъ тираніи діаволовъ, искупивъ насъ своею честною кровію, и которые поэтому сдѣлались свободными, снова должны подчиняться мірскимъ властямъ? — апостолъ прибавилъ: „будьте покорны, какъ свободные“, т. е. подчиняйтесь добровольно, сознательно, по произволенію. Ибо, подобно тому какъ послушаніе рабовъ — и вынужденное и непроизвольное, такъ точно послушаніе свободныхъ и непринужденное и произвольное. Итакъ, когда мы добровольно подчиняемся Господнимъ законамъ, мы

---

(1) Migne, Patr. curs. Compl. t CXXXIX l. II. c LXVIII, p 1193. et qui majoribus praeditus est virtutibus, idem et minoribus praeditus est.

этимъ болѣе укрѣпляемъ свободу, представляемъ и являемъ себя достойными дара ея. Ибо мы оказываемъ честь владыкѣ, когда радостно исполняемъ его законы,—свидѣтельствуемъ, что мы приняли его даръ и удивляемся его великодушію; поэтому-то и оказываемъ дателю сего дара неизреченное почтеніе. Да и въ самомъ дѣлѣ, не спасительно ли сохранять порядокъ въ государствѣ добровольнымъ послушаніемъ и воздавать предержащимъ властямъ по достоинству? Ибо, какъ по справедливости во всемъ являются достойными Богомъ дарованной намъ свободы тѣ, которые обладаютъ душами, свободными отъ всякаго безпорядка и смятенія, такъ, напротивъ, провозглашающіе (ἐπιφημίζοντες) свободу дерзко и нагло, съ обнаруженіемъ превратныхъ мыслей и въ сопровожденіи безпорядковъ, и поэтому разрушающіе порядокъ своимъ мятежничествомъ, суть рабы неразумныхъ страстей, рабы безпорядка и смятеній, измѣнники свободы и потому недостойны ея. Свобода для таковыхъ лицъ служитъ только ширмою ихъ лукавства и наглости". Нравоученіе, вытекающее изъ разсматриваемой заповѣди апостольской, есть то, чтобы быть послушными законамъ и сохранять порядокъ во всѣхъ обстоятельствахъ общественной жизни, „насколько это не наноситъ вреда божественной любви и вѣрѣ" (1), и чтобы быть снисходительнымъ къ тѣмъ, которымъ ввѣрено управленіе и примѣненіе законовъ, и не презирать ихъ, хотя бы ихъ противорѣчіе истинѣ и побуждало насъ отказывать имъ въ почтеніи. „Для чего же это?—Для того, во-первыхъ, чтобы и сами, разномыслящіе (διαφωνοῦντες) въ нечестіи, при видѣ нашего благомыслія, благороднаго и покорнаго образа поведенія, были пристыжены нашею жизнію и нравами; чтобы наше неповиновеніе имъ въ дѣлахъ религіозныхъ считали не упорствомъ, не свойствомъ ума непокорнаго, а дѣломъ любви къ слову

(1) ὅσα μὴ τὴν θείαν ἀγάπην καὶ πίστιν ἐπιλυμαίνεται, πειθηνίους εἶναι τοῖς νόμοις παρασκευάζειν.

Божію, къ божественной силѣ и дѣйствію; чтобы, трогаемые нашимъ кроткимъ и вполнѣ пристойнымъ образомъ нашего поведенія, могли также, если бы только захотѣли, взглянуть на неизреченную красоту нашей религіи, и чтобы. наконецъ, преисполнившись къ ней любовію, возъимѣли отвращеніе къ демонскому и идольскому служенію и промѣняли бы его на сообщество и любовь невѣсты Христовой—Церкви". „А во-вторыхъ, если хочешь знать, и для того, чтобы приверженцы языческаго культа, гонящіе, преслѣдующіе и наказывающіе вѣрныхъ, не могли ни относить свое гоненіе къ другимъ какимъ-нибудь причинамъ, кромѣ единой причины—самой религіи христіанской, ни привлекать въ суды, какъ бунтовщиковъ и нарушителей общественнаго порядка, и чтобы не имѣли никакого основанія принуждать насъ къ воздаянію божескаго почтенія веществу и твари" (1).

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго оказывается, что то, что западные богословы, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, называютъ окамененіемъ восточной церкви, есть лишь неизмѣнное сохраненіе ею преподанной Христомъ и апостолами истины и признаніе за истину всего того, что соединено съ нею генетически и логически, что непосредственно вытекаетъ изъ нея; что стремленіе быть христіанами вообще и православными христіанами въ частности было всеобщимъ стремленіемъ, и что потому скорѣе императоры были рабами господствующихъ направленій и стремленій въ обществѣ, чѣмъ наоборотъ—они по произволу видоизмѣняли эти направленія и стремленія. Византійскіе отцы, богословы и ученые свободу церкви по отношенію къ гражданской власти полагаютъ въ свободѣ

(1) *Ἀμφιλόχια, ξ.* 178. (179) p. 258—259. Въ заключеніе, преподавъ нѣсколько совѣтовъ, какъ избѣжать участія въ произведеніи безпорядковъ и даже отклонить отъ себя малѣйшую тѣнь въ произведеніи ихъ, Фотій говоритъ. *ὁ κατὰ ταῦτα πολιτευόμενος τὰ προστάγματα, ἐλεύθερα φέρει καθαρῶς καὶ τὰ ἔργα καὶ τοὺς λόγους, καὶ πρό γε τούτων αὐτὴν τὴν ψυχήν.*

ея и чистотѣ отъ всякаго рода заблужденій и ересей. Поэтому рабство византійской церкви будетъ доказано тогда, когда будетъ показано, что ея вѣроученіе раскрыто не по внутреннимъ потребностямъ самой истины вслѣдствіе соприкосновенія ея съ ересью или заблужденіемъ. а по капризу и волѣ императоровъ, чего однакожъ западные ученые не доказали и не доказываютъ. Государство, какъ одно изъ проявленій нравственнаго совершенства человѣческаго рода, само по себѣ, какъ государство, не противорѣчитъ духу, ученію и составу церкви, а слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи о подчиненіи послѣдней первому (равно какъ и наоборотъ—государства церкви). Всякій вѣрующій, будь то епископъ или простой мірянинъ, можетъ подчиняться законамъ государства, какъ свободный, и въ этомъ отношеніи образъ государственнаго управленія для церкви безразличенъ, каковъ бы онъ ни былъ. Посягательство со стороны государства на свободу церкви будетъ сдѣлано лишь тогда, когда оно возымѣетъ намѣреніе искоренитъ вѣру Христову, или исказить и обезобразить ее разнаго рода лжеученіями и ересями. Но это посягательство можетъ быть учинено государствомъ при всякомъ образѣ правленія, и при томъ оно происходитъ не отъ государства, разсматриваемаго самого въ себѣ, въ его идеѣ, какъ проявленія извѣстной степени нравственнаго совершенства человѣческаго рода, а все отъ одного и тогоже исконнаго врага человѣческаго рода и церкви—діавола. Поэтому и борьба церкви съ государствомъ въ подобныхъ случаяхъ будетъ не борьбою съ государствомъ въ собственномъ смыслѣ, а лучше всего борьбою съ діаволомъ и вратами ада, въ частности съ тѣми началами злаго духа, поборниками которыхъ въ данную минуту явятся представители государственной власти (¹).

(¹) Мы очень хорошо знаемъ, какія могутъ быть сдѣланы возраженія на вышеприведенныя разсужденія; но думаемъ, что для того, чтобы

Раздѣленіе единой вселенской церкви на независимыя помѣстныя церкви и взаимоотношенія этихъ послѣднихъ. Теорія управленія вселенскою церковію пятью патріархатами по подобію пяти человѣческихъ чувствъ. Патріаршій синодъ, его происхожденіе, наименованія и составъ. Значеніе восточнаго монашества. Порядокъ рѣшенія синодальныхъ дѣлъ. Кругъ дѣятельности патріаршаго синода.

Отказываясь отъ устроенія общественнаго порядка и всецѣло предоставляя завѣдываніе имъ гражданской власти, церковь удержала за собою право опредѣлить лишь строй своего собственнаго организма, чтобы тѣмъ вѣрнѣе сохранить во всей чистотѣ истину Христову. Знаніе этого строя церкви, хотя бы только основныхъ сторонъ его и въ самыхъ общихъ чертахъ,

---

по возможности объективнѣе изобразить какой-нибудь историческій предметъ, слѣдуетъ разсматривать его съ точки зрѣнія идеи, принциповъ, съ точки зрѣнія тѣхъ лицъ, которыя мыслили, чувствовали, жили и дѣйствовали по этимъ принципамъ, а не по предвзятымъ мыслямъ и по нѣкоторымъ, установившимся въ настоящее время, иногда мало имѣющимъ смысла, понятіямъ Нужно при этомъ имѣть въ виду и то, что въ настоящее время какъ-то привыкли полагать все спасеніе человѣческаго рода во внѣшнихъ учрежденіяхъ, не обращая вниманія на то, насколько эти учрежденія соотвѣтствуютъ внутреннимъ потребностямъ общества,—смотрятъ на людей, какъ на пѣшки, которыя, какъ разставишь на шахматной доскѣ, въ такомъ видѣ, якобы, и должны оставаться Думается, что это—односторонняя идея и что, напротивъ, всякое учрежденіе и всякая реформа въ общественномъ организмѣ являются жизненными и прочными лишь на столько, на сколько онѣ служатъ выраженіемъ внутренней потребности общества и генетически связаны съ коренными началами духовной его жизни. Въ этомъ-то смыслѣ слова патріарха Фотія что увлекаться новизною есть свойство болѣе подлой черни, чѣмъ благородныхъ умовъ, имѣютъ глубокое значеніе Церковь, какъ царство не отъ міра сего (Іоанн 18, 36), имѣетъ въ виду исключительно лишь духовную сторону человѣка, устроеніе же формъ гражданской жизни по этимъ началамъ она всецѣло предоставляетъ государственной власти. Думается, что основной принципъ отношенія между духовнымъ царствомъ — церковію и мірскимъ—государствомъ понятъ византійцами правильно Но каково было примѣненіе этого принципа?—это другой вопросъ, только едвали возможно огуломъ обвинять византійцевъ, какъ это принято дѣлать. Потомки да поучаются у своихъ предковъ..... Errare humanum est...

тѣмъ болѣе необходимо при изслѣдованіи вопроса объ отношеніи церковной власти къ гражданской, что оно, кромѣ уясненія, такъ сказать, юридическаго положенія церковной власти въ государствѣ, можетъ дать ключъ къ истинному пониманію нѣкоторыхъ фактическихъ сторонъ византійской жизни, которыя безъ этого могутъ показаться въ ложномъ свѣтѣ, и что во всякомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, оно содѣйствуетъ болѣе правильному и объективному представленію дѣла.

По изъясненію знаменитаго канониста XII в., Ѳеодора Вальсамона, вся вселенная, всѣ ея четыре стороны: востокъ, западъ, сѣверъ и югъ, раздѣлены между пятью патріархами: римскимъ, константинопольскимъ, александрійскимъ, антіохійскимъ и іерусалимскимъ (1). Области: римскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго патріарховъ опредѣлены на первомъ вселенскомъ соборѣ (въ 6-мъ и 7 прав.) (2), а область константинопольскаго патріарха опредѣлена на четвертомъ вселенскомъ соборѣ (въ 28 его правилѣ). Такого опредѣленія областей ни отцы, ни соборы не сдѣлали ни объ одномъ другомъ митрополитѣ или епископѣ, за исключеніемъ означенныхъ патріарховъ (3). За каждымъ изъ нихъ усвоено особое названіе: римскій епископъ издревле, по отеческому преданію, именуется папою; точно такое же названіе усвоено и за александрійскимъ епископомъ. Епископы константинопольскій и іерусалимскій названы архіепископами, и только одинъ антіохійскій епископъ называется патріархомъ. Но всѣ эти названія суть только разныя наименованія одного и тогоже предмета: значеніе папы совершенно тожественно патріарху, какъ—патріарха—архіепископу. Различіе названій: папа, патріархъ и архіепископъ, произошло, по изъясненію Ѳеодора Вальсамона, вслѣдствіе разности діалектовъ, изъ которыхъ они взяты, и всѣ они въ одинаковой мѣрѣ означаютъ

(1) Σύνταγμα, Ῥαλλη καὶ Ποτλη. II, p. 41—42.

(2) Ibid. p. 128—129.

(3) Ibid. p. 41.

общаго отца епископовъ, клириковъ и мірянъ. Поэтому общее названіе патріарха совершенно безобидно можетъ быть приложено къ каждому изъ поименованныхъ епископовъ (1). Послѣ того какъ патріархъ константинопольскій возвеличенъ преимуществомъ чести наравнѣ съ римскимъ епископомъ, за нимъ усвоено право (9 и 17 прр. Халк. соб.) рѣшать посредствующимъ судомъ распри, возникающія и въ другихъ патріархатахъ на востокѣ: александрійскимъ, антіохійскимъ и іерусалимскимъ (2), а послѣ того—еще названіе „вселенскаго" патріарха, подобно тому какъ римскаго епископа принято называть „вселенскимъ" папою. Но прочіе патріархи, хотя во всемъ остальномъ равны епископамъ царствующихъ городовъ римской имперіи, одинаковаго съ ними чина и достоинства, независимы отъ нихъ и равночестны,—не носятъ однакожъ наравнѣ съ ними титла вселенскихъ патріарховъ (3). Порядокъ патріаршихъ престоловъ, опредѣленный соборами, есть слѣдующій: римскій, константинопольскій, александрійскій, антіохійскій и іерусалимскій (4); послѣ же отпаденія римской церкви отъ союза со вселенскою церковію первымъ и какъ бы главою въ ряду независимыхъ помѣстныхъ церквей остался патріаршій престолъ константинопольскій (5).

Каждый новый патріархъ, по возведеніи и утвержденіи своемъ въ патріаршемъ достоинствѣ, даетъ знать о своемъ вступленіи въ управленіе церковію, посредствомъ общительныхъ граматъ, и прочимъ патріархамъ. Въ этихъ граматахъ онъ съ одной стороны извѣщаетъ своихъ сослуживцевъ объ обстоятельствахъ своего вступленія на патріаршій престолъ, а съ другой—да-

---

(1) Σύνταγμα, *Ράλλη καὶ Πότλη*, IV, p. 550—552

(2) *Ράλλη καὶ Πότλη*, VI, p. 428—429. Также: Zachariae J. G. R IV, p 181—182.

(3) *Ράλλη καὶ Πότλη*, IV, p. 553.

(4) Ibid. V, p 455.

(5) Ibid I, p. 42

етъ имъ исповѣданіе своей вѣры и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе. чтобы общеніе и единеніе, основанное на единствѣ догматовъ вѣры и установленныхъ церковію каноновъ, продолжалось и на будущее время. Изложеніемъ исповѣданія вѣры вновь вступившій въ управленіе церковію патріархъ показывалъ единство ввѣренной его управленію помѣстной церкви со всею вселенскою церковію и несомнѣнную принадлежность ея къ этой послѣдней. Обмѣнъ общительными грамотами нововступившихъ въ управленіе церковію патріарховъ считался непремѣнною обязанностію, неизбѣжнымъ долгомъ, установленнымъ самими апостолами и способствующимъ къ устроенію и утвержденію ввѣренной имъ паствы. Константинопольскіе патрірхи всякій разъ, какъ только извѣщали другихъ патріарховъ о своемъ восшествіи на патріаршій престолъ, убѣждали и ихъ дѣлать съ своей стороны тоже самое, чтобы союзъ любви и духовнаго единства навсегда оставался неразрывнымъ (1).

Для болѣе нагляднаго представленія и, такъ сказать, рацональнаго обоснованія установленныхъ правилами формъ управленія церковію, византійскіе ученые и канонисты развили теорію вселенскаго церковнаго управленія по образцу пяти человѣческихъ чувствъ. Когда аквилейскій архіепископъ, Доминикъ, назвалъ себя патріархомъ въ посланіи къ Петру, патріарху антіохійскому, то этотъ послѣдній отвѣтилъ ему: „нигдѣ не писано, чтобы предсѣдатель Аквилеи, или Венеціи, назывался патріархомъ: ибо во всемъ мірѣ мы знаемъ только пять патріарховъ—римскаго, константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго. Ибо, какъ тѣло наше управляется пятью чувствами, такъ точно и тѣло Христово, церковь вѣрующихъ, управляется пятью престолами, какъ бы

(1) Acta Patriarchatus Constantinopolitani. Ed Miklosich et Muller, Vindobonae, 1860 t. I, p 2—3; 20—26; 129—131; 412—413. t. II, p 248, 273—275, Hergenrother, I, p. 129. 183; Neander, V, p. 230, Lebeau, Histoire du Bas-Empire. Paris, 1836. t. VII, p. 127; IX, p. 189.

пятью чувствами“ (1). Θеодоръ Вальсамонъ далъ этой теоріи полную и законченную форму. Соборными правилами (2) опредѣлены и разграничены области только между пятью патріархами и между ними подѣлена извѣстная тогда вселенная. Пятеричное число патріарховъ въ единой Христовой церкви, ихъ независимое другъ отъ друга положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ обязательное духовное единство, а слѣдовательно и неизбѣжная зависимость,—все это, естественно, навело на сравненіе ихъ съ пятью человѣческими чувствами, съ одной стороны независимыми другъ отъ друга, а съ другой—связанными и какъ бы поставленными въ зависимость посредствомъ органическаго единства. Θеодоръ Вальсамонъ, въ своемъ разсужденіи „о патріаршихъ преимуществахъ“, приведши предварительно 36-е правило трульскаго собора, служащее въ свою очередь подтвержденіемъ однозначущихъ правилъ (3 и 28) втораго и четвертаго всел. соборовъ, говоритъ далѣе, что „съ того времени и донынѣ во всей вселенной почитаются великіе архіереи сихъ пяти святѣйшихъ престоловъ въ томъ самомъ видѣ, какъ установлено: потому что справедливое отсѣченіе папы древняго Рима отъ союза церковнаго отнюдь не нарушило каноническаго порядка и благоустройства; а посему первый да не превозносится надъ вторымъ, ни второй надъ третьимъ; но, какъ при единой главѣ насчитываются пять чувствъ и не отдѣляются другъ отъ друга, такъ точно и они, признаваемые христіанскимъ народомъ обладающими во всемъ равною честію и справедливо почитаемые главами святыхъ Божіихъ церквей, находящихся во всей вселенной, ничего не терпятъ отъ человѣческаго раздора и не вносятъ его въ свою среду. Какъ пятерица чувствъ, по устроенію Архитектона и

---

(1) *Συνταγμα*, Ῥαλλη καὶ Ποτλη, IV, стр. 408—409 Также у Кателерія: Mon. eccles graec. II, p. 114.

(2) 6-мъ и 7-мъ перв. всел. соб 28—IV всел. соб. и 36—соб трулл.

Творца — Бога, находится одно подлѣ другаго и не сталкивается, наприм., зрѣніе съ обоняніемъ, ни слухъ съ осязаніемъ и вкусомъ, потому что они существуютъ въ насъ такъ, какъ называются; такъ точно и каждый изъ святѣйшихъ патріарховъ, получившій отъ божественныхъ каноновъ первое мѣсто, не кичится предъ вторымъ и предъ тѣмъ, который стоитъ ниже втораго, какъ ихъ превосходящій" (1): „всѣ пять святѣйшихъ патріарховъ составляютъ единую главу тѣла всѣхъ Божіихъ церквей" (2). „Какъ, не впадая въ крайнее безуміе или нечестіе, нельзя никому сказать о единомъ Христѣ и Богѣ нашемъ, что Онъ въ одной части вселенной иначе присутствуетъ, иначе величается и иначе воздается ему похвала, чѣмъ въ другой части вселенной; такъ точно не возможно раздѣлять и божественное патріаршее достоинство, измѣнять его преимущества на высшія и низшія". И мыслить патріаршее достоинство, какъ единство въ раздѣльности, представлять его какъ нѣчто единое и нераздѣльное при существованіи пяти патріарховъ и пяти патріаршихъ округовъ, права и границы которыхъ неслиянны, не представляетъ ничего удивительнаго; напротивъ, въ этомъ-то единствѣ неслиянныхъ частей и заключается истинная гармонія. „Владыка и Творецъ всего—Богъ, создавшій по своему образу человѣка, составилъ его изъ двухъ несмѣшиваемыхъ частей: безсмертнаго духа и смертнаго тѣла. Не менѣе удивительно и то, что Онъ соблаговолилъ, чтобы жизнь человѣческая была управляема пятью чувствами, изъ которыхъ каждое хотя ограничено особою сферою дѣятельности, однакожъ не отдѣляется отъ другихъ: зрѣніе, наприм., выполняетъ назначенное ему Богомъ служеніе, какъ бы нѣкоторый неизбѣжный долгъ совершенно самостоятельно, своеобразно, не встрѣчая никакого препятствія со стороны прочихъ чувствъ, сослужащихъ ему.

(1) Ῥάλλη καὶ Πότλη, IV, p 543—544

(2) Ibid. p. 547.

и однакожъ не отдаляется отъ общенія съ ними, а напротивъ стремится къ тому, чтобы принять участіе въ нихъ своими достоинствами и, слѣдовательно, подобно вѣрной служанкѣ, содѣйствовать имъ въ служеніи организму, обладающему ими. Еще достойно удивленія и то, что Господь такъ устроилъ каждое изъ нихъ, что въ случаѣ, если одно изъ нихъ потерпитъ поврежденіе, другія не кичатся предъ нимъ, но, напротивъ, стремятся ему содѣйствовать и какъ бы восполнить его недостатокъ, и что если которое-нибудь изъ нихъ совершенно погибнетъ, то человѣкъ, во всемъ прочемъ здоровый и совершенный, такой, какимъ создалъ его Богъ, уже не можетъ быть названъ прекраснымъ твореніемъ, но считается нѣкоторымъ уродомъ, недостатокъ котораго не могутъ устранить прочія чувства, хотя они и здоровы (1). Итакъ, когда каждое изъ чувствъ отправляетъ свое служеніе, мы не отрицаемъ пользы прочихъ и не утверждаемъ, что они достойны презрѣнія или даже уничтоженія, потому что каждое изъ нихъ дѣйствуетъ своеобразно, именно такъ, какъ устроено, — напротивъ, мы желаемъ, чтобы каждое изъ нихъ дѣйствовало такъ, какъ устроено, и чтобы они дѣйствовали сообща. Такъ точно мудро, правильно и нерушимо устроена и пятерица патріарховъ; потому что каждый изъ нихъ дѣйствуетъ особо и независимо въ удѣленной ему области, чтобы преимущества святыхъ церквей не сливались и не смѣшивались, а чести Божіей и свыше-дарованныхъ правъ божественному достоинству патріарховъ никто у нихъ отнять не можетъ". Такимъ образомъ, по теоріи Вальсамона, раздѣляемой всѣми византійскими учеными и канонистами его времени, патріаршее достоинство въ сущности одно въ мірѣ и только функціи,

---

(1) *Εἴπερ τύχοι καὶ τὴν θατέραν ἀχρειωθῆναι τῶν ἀκοῶν, οὐκέτι τὸ κάλλιστον χρῆμα, ὁ ἄνθροπος, ἐντελης καὶ σῶος, καὶ οἷον αὐτὸν ὁ Θεὸς εἰργάσατο, λέγεται ἀλλ' ὡς ἔκτρωμά τι λογίζεται, ὑπὸ τῶν λοιπῶν τειτόρων αἰσθήσεων, ὑγιαινουσῶν καὶ τοῦτα, μὴ βοηθούμενος.*

или проявленія его дѣятельности раздѣлены между пятью патріархами. Поэтому, каждый патріархъ совершенно равночестенъ другому, потому что каждый изъ нихъ носитъ въ себѣ одно и тоже божественное патріаршее достоинство. Разность заключается лишь въ образѣ и сферѣ дѣятельности, подобно тому какъ разность чувствъ простирается на ихъ особую дѣятельность, а не на относительное достоинство и взаимоотношеніе. Пятеричное число патріарховъ потому и опредѣлено отцами на соборахъ, чтобы лучше уподобить организмъ тѣла церкви человѣческому тѣлу, чтобы въ устройствѣ и управленіи церковномъ была такая же гармонія, какъ въ человѣческомъ организмѣ. Мысль о необходимости управленія вселенскою церковію пятью патріархами, какъ бы пятью чувствами, считалась у византійскихъ ученыхъ и канонистовъ столь основательною и неподлежащею опроверженію, что когда, по занятіи латинянами восточныхъ патріархатовъ и изгнаніи отсюда православныхъ патріарховъ, послѣдніе удалились въ Константинополь и по этому случаю нѣкоторые изъ любителей реформъ стали выражать желаніе, чтобы патріархаты были закрыты или, по крайней мѣрѣ, соединены въ одинъ патріархатъ, то Вальсамонъ, въ доказательство неосновательности такого желанія, дѣлаетъ сравненіе, что оно (это желаніе) было бы похоже на то, какъ если бы кто пожелалъ, чтобы человѣческое тѣло было управляемо не пятью, а четырьмя, или тремя чувствами. Напротивъ онъ находитъ раціональнымъ, чтобы патріархамъ: александрійскому, антіохійскому и іерусалимскому, находящимся въ Константинополѣ, воздавалась принадлежащая имъ честь безъ малѣйшаго ея умаленія и чтобы по смерти однихъ патріарховъ были избираемы на ихъ мѣсто другіе; потому что, говоритъ онъ, „хотя они и отлучены отъ славы своихъ престоловъ, но духовная благодать, по Давиду, не старѣетъ“. Вѣдственное положеніе этихъ престоловъ, стонущихъ подъ игомъ иноплеменниковъ, достойно слезъ и плача, но не порица-

нія или ихъ уничтоженія. Уничтожать епархіи, подвергшіяся бѣдствію вслѣдствіе нашествія варваровъ, воспрещаетъ и прямое правило трулльскаго собора (37-е) (1).

Хотя каждый патріархъ, по отношенію къ другимъ представителямъ независимыхъ церквей, былъ полновластнымъ распорядителемъ и устроителемъ своей области; но въ предѣлахъ своего собственнаго патріархата онъ управлялъ дѣлами церкви не самовластно и не единовластно, а имѣлъ при себѣ синодъ, состоявшій изъ епископовъ его патріархата и вспомоществовавшій ему во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ церкви, а также—чиновниковъ, назначенныхъ для отправленія разныхъ церковныхъ обязанностей.

Созывать соборы епископовъ для устроенія общихъ дѣлъ церковныхъ и рѣшенія разныхъ каноническихъ, дисциплинарныхъ и догматическихъ вопросовъ повелѣно правилами апостольскими и затѣмъ подтверждено послѣдующими вселенскими и помѣстными соборами (2). Но тяжелыя времена имперіи, наступив-

(1) Ῥάλλη καὶ Πότλη, IV, p. 548—550 554.—И дѣйствительно, во все продолжительное время владычества латинянъ на востокѣ и ихъ безграничнаго обладанія антіохійскимъ и іерусалимскимъ престолами православные патріархи ихъ постоянно жили въ Константинополѣ и пользовались здѣсь всѣми правами, усвоенными за ихъ званіемъ. — Вѣроятно на этомъ (37) правилѣ неуничтожаемости епархій, подвергшихся нашествію варваровъ, покоится обычай, замѣчаемый въ восточной церкви описываемаго времени, записать въ списки епископскихъ каѳедръ, подчиненныхъ патріархамъ, не только такія епархіи, которыя существовали въ дѣйствительности, но и такія, которыя совершенно лишены были христіанскаго населенія и въ которыхъ епархіальные города уже исчезли Такъ, по списку Нила Доксопатрскаго, писателя XI в., александрійскій патріархъ обладалъ 13-ю митрополіями, изъ которыхъ восемь насчитывали подъ собою многихъ епископовъ, а остальныя пять были безъ епископій; въ антіохійскомъ патріархатѣ всѣхъ митрополій, архіепископій и епископій насчитывалось свыше 160 (именно 163), а въ іерусалимскомъ—25 ть (ibid. V, p 486—489). Само собою понятно, что это число епархій далеко не соотвѣтствовало численности населенія.

(2) 37 пр. апостоловъ, 5 пр. I всел. соб. 2 пр. II всел. соб., 19 пр. IV всел. соб., 8 пр трул. соб., 6 пр. антіох. соб., 27 пр. карѳ. соб,

шія со времени появленія магометанства, не дозволяли епископамъ въ точности выполнять эти правила и уже трулльскій соборъ распорядился (8-мъ пр.), чтобы епископы по крайней мѣрѣ разъ въ годъ собирались на соборы для разсужденія о дѣлахъ церкви. Послѣ трулльскаго собора имперія подпала еще болѣе тяжкимъ бѣдствіямъ и составлять областные повременные соборы сдѣлалось еще болѣе затруднительно. Тогда въ помѣстныхъ независимыхъ церквахъ, вмѣсто повременныхъ соборовъ, постепенно стали входить въ обычай соборы постоянные.

Само собою понятно, что въ началѣ, когда Византія была только епархіей ираклійскаго митрополита и когда патріаршія права константинопольскаго епископа еще не были опредѣлены на соборахъ, къ нему не могли относиться и означенныя правила о созваніи областныхъ соборовъ. Но здѣсь обычай созывать соборы и рѣшать на нихъ возникающія дѣла церкви произошелъ, такъ сказать, независимо отъ правилъ, вслѣдствіе естественнаго историческаго хода событій. Со времени перенесенія столицы имперіи изъ Рима въ Константинополь многіе епископы стали стекаться сюда частію по личнымъ дѣламъ, а частію для рѣшенія дѣлъ, возникающихъ въ ихъ епархіяхъ. Съ просьбою для разрѣшенія они обращались къ императору, такъ какъ еще не было установлено особаго формальнаго учрежденія для этого. Императоръ разбиралъ подобнаго рода жалобы или самъ непосредственно по согласію съ епископомъ Константинополя, или же поручалъ разобрать ихъ одному епископу столицы на соборѣ, который долженъ быть составленъ изъ случайно находящихся тогда въ Константинополѣ епископовъ. Такъ произошелъ *σύνοδος ἐπισκόπων ἐνδημούντων*, или соборъ пребывающихъ (разумѣется въ Константинополѣ) епископовъ. Предсѣдательствовалъ на этомъ соборѣ всегда константинопольскій епископъ, какъ епископъ города, въ которомъ соборъ составлялся. Въ началѣ онъ превышалъ права своей юрисдик-

ціи. иногда рѣшалъ такія дѣла, вѣдать которыя надлежало другимъ патріархамъ, и принималъ въ свой составъ съ правомъ голоса епископовъ, принадлежащихъ другимъ церковнымъ округамъ и, слѣдовательно, долженствовавшихъ находиться въ вѣдѣніи другихъ патріарховъ. Но когда эти два злоупотребленія были устранены, когда права и широта власти каждаго изъ патріарховъ и митрополитовъ были точнѣйшимъ образомъ опредѣлены на соборахъ, — онъ получилъ законную форму, сначала подошелъ подъ разрядъ повременныхъ областныхъ соборовъ, требуемыхъ канонами, а потомъ мало-по-малу превратился въ постоянный патріаршій синодъ, послужившій образцомъ для постоянныхъ синодовъ при остальныхъ патріархахъ (1).

Въ разныхъ патріаршихъ синодальныхъ актахъ онъ называется различно, смотря по тому, на какую сторону его каноническаго бытія хотѣли обратить вниманіе составители актовъ. То онъ называется *σύνοδος ἐνδημοῦσα*, когда составители актовъ хотѣли выразить мысль, что соборъ состоялъ изъ епископовъ, пребывающихъ въ Константинополѣ, и притомъ епископовъ константинопольскаго патріархата (2); то—вели-

(1) Hergenrother, 1, p. 38, 106 пр. Карѳ. соб., Zhishman, die Synoden und die episcopal-Amter in der morgenlandischen Kirche Wien. 1867 p. 2—4 28 Процитированная книга Zhishman'a, по нашему мнѣнію, очень хорошая книга, и было бы весьма желательно, если бы наши канонисты издали ее на русскомъ языкѣ съ необходимыми дополненіями и исправленіями въ примѣчаніяхъ

(2) 19 пр. Халк. соб., *Ῥάλλη καὶ Πότλη*, IV, p. 368; V, p. 25. 62; A. P. C. 1, p 464.—Мнѣніе Zhishman'a, что *σύνοδος ἐνδημοῦσα* означаетъ *національный* соборъ (Zhishman, p 4—5), нельзя признать правильнымъ. Понятіе о націонализмѣ есть современное понятіе, сдѣлавшееся весьма чувствительною и больною стороною всѣхъ современныхъ цивилизаторовъ и рѣшителей судебъ человѣчества съ относительно недавняго времени и въ древности обыкновенно непримѣняемое къ дѣламъ церковнымъ Слово: *ἐνδημέω*—нахожусь въ своей сторонѣ, дома, между своими и *ἔνδημος*—туземный, домашній, въ противоп. *ξένος*, въ дѣлахъ церковныхъ, судя по синодальнымъ актамъ, выражало принадлежность лица къ извѣстному округу или области, безъ различія его національнаго происхожденія. Епископы константинопольскаго патріархата были

кимъ соборомъ архіереевъ (1), или просто собраніемъ (ὁμήγυρις) въ высокомъ значеніи этого слова (2), когда выражалась идея, сколь важенъ долженъ быть соборъ, состоящій изъ столь многихъ архіереевъ; то—священнымъ синедріономъ (3). Когда же составители актовъ хотѣли указать на патріаршую церковь, въ которой соборъ составлялся, и достоинство патріарха, при которомъ соборъ состоялъ, то называли его патріаршимъ синодомъ, или синодомъ при патріархѣ (4), синодомъ областнымъ (5) и патріаршимъ судилищемъ (6), если въ синодальномъ актѣ выражалась идея, что этому синоду принадлежитъ верховный судъ надъ епископами. Иногда же константинопольскій патріаршій синодъ назывался вселенскимъ синодомъ, насколько составители актовъ хотѣли выразить мысль, что этотъ синодъ находится при вселенскомъ патріархѣ (7).

По 27 (18) правилу карѳагенскаго собора патріаршій или областной синодъ долженъ состоять по преимуществу изъ митрополитовъ области. Изъ протоколовъ константинопольскаго синода видно, что это

по отношенію къ Константинополю ἐνδήμοι, къ какому бы племени они ни принадлежали, между тѣмъ какъ епископы, напр., александрійскаго патріархата уже не могли быть названы ἐνδήμοι (разумѣется по отношенію къ Константинополю), хотя бы родомъ они были и греки.

(1) ἡ μείζων τῶν ἐπισκόπων σύνοδος. Ῥάλλη καὶ Πότλη, II, p. 181; III. p 146.

(2) Ibid. V, p. 82, A. P. C I, p. 87. 403. 358.

(3) Ῥάλλη καὶ Πότλη, V, p. 32. 44.

(4) ἡ πατριατχικὴ σύνοδος, ἡ περὶ πατριάρχην σύνοδος, πατριαρχεῖον Ῥάλλη καὶ Πότλη, II, p 323.

(5) ἡ σύνοδος τῆς διοικήσεως. Hardoin, I, p. 1449.

(6) πατριαρχικὸν κριτήριον. A. P. C. II, p. 436.

(7) Ibid. I, p 464: καὶ ἡμεῖς παρεδηλώσαμεν τοῦτο τῇ ὑμῶν ἱερότητι διὰ τοῦ ἐν ἁγίῳ πνεύματι ἀδελφοῦ καὶ συλλειτουργοῦ ἡμῶν κῦρ Ἑρμανοῦ καὶ καθολικοῦ τῆς ὁμηγύρεως καὶ ἐξάρχου πασῆς Ἰβηρίας .., ἐπὶ τούτῳ γὰρ καὶ τὸ παρὸν ἡμῶν γράμμα ἐγεγόνει καὶ ὑπεγράφη κάτωθεν δὲ οἰκειοχείρων ὑπογραφῶν, καὶ ἀπεστάλη πρὸς τὴν ὑμῶν ἱερότητα καὶ πρὸς τὴν ἁγίαν καὶ οἰκουμενικὴν σύνοδον и пр

правило было вообще соблюдаемо до конца имперіи: митрополиты въ большинствѣ случаевъ являлись членами синода (1). Патріархъ Филоѳей I издалъ въ іюнѣ 1354 г. распоряженіе, чтобы каждыи митрополитъ ежегодно разъ являлся въ патріаршій синодъ для совѣщаній; только самымъ отдаленнымъ митрополитамъ дѣлалось снисхожденіе — являться черезъ два года (2). Но уже въ томъ же самомъ 27-мъ (18) правилѣ карѳагенскаго собора, и еще болѣе въ 87 (76) правилѣ того же собора дѣлается уступка, чтобы на соборы являлись и епископы для приданія бо́льшаго авторитета собору (3). Изъ актовъ константинопольскаго патріаршаго синода видно, что и патріархи константинопольскіе иногда пополняли свой синодъ епископами, случайно находящимися въ Константинополѣ (4), а иногда нарочно приглашали нѣкоторыхъ епископовъ изъ епархій (5). Такимъ образомъ въ составъ патріаршаго синода входили слѣдующіе члены:

1) Патріархъ, стоящій во главѣ всего собранія, какъ глава мѣстной независимой церкви. Онъ носитъ названіе предсѣдателя (6). Предсѣдательствуетъ онъ или самъ непосредственно, или чрезъ своего уполномоченнаго, который поэтому занимаетъ первое мѣсто (7). Когда патріаршій престолъ становился праздным, то синодъ самъ по себѣ не могъ рѣшить никакого важнаго дѣла; онъ могъ дѣлать только предварительное разслѣдованіе текущихъ дѣлъ, на которыя окончательное рѣшеніе, подлежащее исполненію, дѣлалъ впо-

---

(1) A. P. C. I, p. 338, *σύνταγμα*, V, p. 19. 93.

(2) A. P. C. I, p. 339.

(3) *Ῥάλλη καὶ Πότλη*, III, p. 493. 496.

(4) A. P. C. II, p. 529.

(5) Migne, Patrolog. curs. compl. t. CXL. p. 177 sqq.

(6) *ὁ προκαθήμενος, ὁ πρόεδρος, ὁ προκαθέζων.*

(7) *Σύνταγμα, Ῥαλλη καὶ Πότλη*, III, p. 535; V, p. 88. 98. 101. 116. 602.

слѣдствіи самъ патріархъ (1). Предъ приходомъ патріарха въ собраніе синода, каждый изъ членовъ занималъ, по древнему обычаю, приличествующее его чину мѣсто (2). Въ церковныхъ актахъ имя предсѣдателя обозначается впереди членовъ синода. По примѣру Константина великаго и другихъ императоровъ вселенско-соборнаго періода, въ соборныхъ дѣяніяхъ константинопольскаго патріархата нерѣдко можно встрѣтить, что и позднѣйшіе византійскіе императоры предсѣдательствовали на соборахъ (3), но въ такомъ случаѣ они не одни занимали предсѣдательское мѣсто, а вкупѣ съ патріархомъ (4). Впрочемъ, это яснѣе будетъ изъ послѣдующаго изложенія дѣла.

2) Митрополиты, архіепископы и епископы всего патріархата, или мѣстной независимой церкви. Такъ какъ каждый изъ нихъ занималъ на соборѣ свойственную ему каѳедру, или мѣсто сѣдалища (ἕδρα), то они преимущественно предъ другими назывались созасѣдающими (συνεδριάζοντες) (5). Мѣста свои въ собраніяхъ они занимали не по возрасту и не по какому-нибудь внѣшнему отличію, какъ ихъ самихъ, такъ и управляемыхъ епархій, а по достоинству ихъ епископскихъ каѳедръ или троновъ (6). Какъ дѣйствительные и каноническіе епископы, они въ собственномъ смыслѣ составляли собраніе, имѣющее право обсуждать и рѣшать текущія дѣла церкви.

3) Епископы уже избранные на епархію, но еще не получившіе хиротоніи (7).

---

(1) Acta P. C. I, p. 6. 7; II, p. 2.

(2) Zachariae J. G. R. III, p. 425.

(3) См. объ этомъ выше. стр. 81. А также *σύνταγμα*, V, p. 307. A. P. C. I, p. 426.

(4) Cantacusen, ed. Bonn, II, cap. 40, I, p. 551.

(5) *Σύνταγμα, Ράλλη καὶ Πότλη*, V, p. 95. 98. 101. 116; A. P. C. I, p. 104; II, p. 99. 138.

(6) *Σύνταγμα*, V, p. 275. 276.

(7) Acta P. C. I, p. 80. 230. 420. 429; II, p. 28. 48: *ἐπίσκοποι ὑποψήφιοι*.

4) Епископы избранные и уже получившіе хиротонію, но не вступившіе въ управленіе своею епархіей по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ, какъ напр., по случаю опустошенія ихъ епархій варварами (ἐπίσκοποι σχολάζοντες). За такими епископами постановлено сохранять всѣ литургическія преимущества, усвоенныя ихъ сану, а слѣдовательно и засѣдать въ синодахъ (1). Кромѣ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ константинопольскаго патріархата приглашаются иногда на засѣданія синода также и —

5) Патріархи прочихъ патріархатовъ, если они почему-либо находятся въ Константинополѣ. Это дѣлается въ знакъ братскаго взаимообщенія, существующаго между независимыми церквами востока (2).

6) Наконецъ, могутъ засѣдать въ синодѣ такіе епископы, которые прежде занимали должность патріарха, но потомъ, по какимъ-нибудь причинамъ, не маранющимъ ихъ іерархической чести, сложили съ себя это высокое званіе (πατριάρχαι χρηματίσαντες (3).

При этомъ необходимо предполагается, что члены синода свободны отъ всякаго каноническаго проступка, за который они должны быть лишены своей должности или извергнуты изъ сана священства. Если окажется, что на кого-либо изъ членовъ синода будетъ подана жалоба во время засѣданій синода, то онъ не лишается права голоса и своего мѣста тотчасъ же, но удаляется изъ синода тогда, когда проступокъ его будетъ дознанъ и самъ онъ будетъ осужденъ формально (4). Равнымъ образомъ лишается права голоса и тотъ изъ членовъ, который во время преній возбудилъ

---

(1) Σύνταγμα, IV, p 355, II, p. 48; III, p. 159.

(2) Ibid. V, p. 83; Zachariae J. G. R. III, p. 489 699.

(3) Σύνταγμα, V, p. 175. 185. Это явленіе стало особенно замѣтно со времени паденія византійской имперіи и завоеванія Константинополя турками.

(4) Σύνταγμα. II, p. 692. A. P. C. II, p. 258, Nicepli. Gregor. ed. Bonn, II, p 991.

противъ себя все собраніе архіереевъ какимъ-нибудь недостойнымъ поступкомъ. Порядокъ веденія синодальныхъ дѣлъ и отношенія епископовъ-членовъ синода къ патріарху опредѣлены церковными правилами строго и точно. По 15-му правилу перво-втораго собора, бывшаго при патріархѣ Фотіѣ въ 861 году, митрополитъ отступившій отъ своего патріарха и переставшій возносить его имя при священнодѣйствіяхъ въ богослуженіи, подверженъ лишенію сана. Исключеніе изъ этого правила можетъ быть только въ такомъ случаѣ, когда митрополитъ отступитъ отъ своего патріарха потому, что этотъ послѣдній впалъ въ ересь. Тогда отдѣлившійся митрополитъ не только не заслуживаетъ порицанія, но даже удостоивается всякой похвалы, какъ мужественный поборникъ истины Христовой. Само собою понятно, что это же самое правило примѣнимо къ епископамъ и даже къ простымъ клирикамъ въ ихъ отношеніяхъ къ патріарху, и они подвергаются лишенію сана, если отдѣляются отъ патріарха несправедливо, и напротивъ удостоиваются всякой похвалы, если отдѣляются отъ него потому, что онъ впалъ въ ересь и такимъ образомъ сдѣлался извратителемъ вѣры Христовой (1).

Но какъ бы ни были строго опредѣлены взаимоотношенія епископовъ и синодальныхъ членовъ, проявленіе злоупотребленій, вслѣдствіе ли злой воли и страстей дѣйствующихъ лицъ, или просто по недоразумѣнію, никогда не могло быть предупреждаемо никакими правилами. Главнымъ и вмѣстѣ общимъ недостаткомъ византійскихъ іерарховъ было то, что они, вопреки церковнымъ правиламъ и государственнымъ опредѣленіямъ, любили безъ нужды оставлять свои епархіи и безъ дѣла по долгу жить въ Константинополѣ. Здѣсь они, по словамъ Никиты Хоніата, „проводили время въ предосудительной праздности и изъ

(1) См. объ этомъ 13, 14 и 15 прр. первовт. соб.

всѣхъ силъ съ живѣйшею ревностію гонялись за благорасположеніемъ царя“ (1). Эти-то праздно пребывающіе въ Константинополѣ архіереи и причиняли большее зло благоустройству византійской церкви: какъ ищущіе благосклонности царя, они часто въ угоду ему соглашались на соборныхъ совѣщаніяхъ издавать такія опредѣленія, которыя не могли быть оправданы постановленіями церкви; какъ находящіе выгоду праздно шататься въ Константинополѣ и, слѣдовательно, прозводить безпорядки, они возмущались противъ патріарховъ, являющихся ревнителями церковныхъ каноновъ и, слѣдовательно, строгими по отношенію къ ихъ нарушителямъ, и всевозможнымъ образомъ содѣйствовали ихъ низложенію: мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что въ частомъ и произвольномъ низложеніи патріарховъ столько же виноваты императоры, какъ и архіереи, праздно пребывающіе въ Константинополѣ. Императоръ Мануилъ Комнинъ, чтобы пресѣчь это зло, чтобы принудить архіереевъ оставаться во ввѣренныхъ имъ епархіяхъ, издалъ въ 1174 году законъ, которымъ подтвердилъ древнія постановленія о непребываніи архіереевъ въ Константинополѣ свыше одного года и о насильственномъ удаленіи ихъ отсюда въ случаѣ не исполненія закона (2). Но въ наступившія послѣ его смерти тяжелыя времена имперіи законъ этотъ былъ забытъ. Спустя 100 лѣтъ послѣ этого патріархъ Аѳанасій I (1289 г.), суровый ревнитель церковныхъ порядковъ, желавшій весь міръ превратить въ монашескую общину, хотѣлъ-было дать практическое примѣненіе этому закону объ удаленіи епископовъ изъ Константинополя. Но онъ отчасти самъ преступилъ правила церкви: въ числѣ удаленныхъ имъ епископовъ были и такіе, которые пришли въ Констан-

(1) Никит. Хоніатъ. Спб. 1862. II, стр 200

(2) Zachariae J. G R. III, p 500—501 Пребываніе епископовъ въ Константинополѣ съ издревле строго было опредѣлено правилами и государственными законами. Hergenrother, I, p. 101.

тинополь „подъ предлогомъ исполненія правилъ св. и божественныхъ соборовъ, повелѣвающихъ дважды или однажды въ годъ собираться митрополитамъ у патріарха для совѣщанія о догматахъ благочестія и разрѣшенія возникающихъ въ церкви вопросовъ". Правда, онъ дѣйствовалъ здѣсь не безъ основанія: „проживая здѣсь, говорилъ онъ, пусть они не наговариваютъ другъ на друга и на меня самого, они, обязанные быть учителями мира"; но епископы, не довольные имъ, воспользовались нарушеніемъ правилъ церкви имъ самимъ и поэтому, какъ увидимъ, низложили его (1).

Для того, чтобы рѣшенія синода были каноничны, требуется, чтобы число его членовъ было канонически опредѣленное (2); но какъ велико должно быть число членовъ синода? — это не опредѣлено никакимъ точнымъ правиломъ. Въ 141 (137) правилѣ карѳагенскаго собора сказано, что въ случаѣ, когда всѣмъ епископамъ затруднительно долго оставаться на соборѣ, то чтобы они вмѣсто себя избирали по три судіи отъ каждой области. Во всѣхъ актахъ константинопольскаго патріаршаго синода, начиная съ патріарха Сисиннія (997 г.) до конца имперіи, число синодальныхъ членовъ колеблется между 30-ю и тремя (3). Отсюда слѣдуетъ заключить, что для образованія канонически правильнаго синода число членовъ его должно восходить по меньшей мѣрѣ до четырехъ включая сюда и предсѣдательствующаго. Назначеніе числа членовъ синода, равно какъ и выборъ ихъ вполнѣ зависятъ отъ усмотрѣнія предсѣдательствующаго, или патріарха. Патріархъ же въ свою очередь руководствуется здѣсь важностію предмета, подлежащаго обсужденію, а также и другими временными и мѣстными обстоятельства-

(1) Григора, I, стр. 174

(2) Acta P. C. I, p. 122; II, p. 163: *κανονικὸς τῶν ἀρχιερέων ἀριθμὸς, ὁ κανονισμένος ἀριθμὸς*

(3) *Σύνταγμα*, V, p. 19; A. P. C. II, p. 519.

ми. Но если императоръ, или государь страны найдетъ, что число членовъ назначенное патріархомъ, недостаточно или не соотвѣтствуетъ важности обсуждаемаго предмета, то онъ, какъ епистимонархъ или верховный блюститель дѣлъ церкви, можетъ потребовать отъ патріарха пополненія членовъ синода, или отъ себя предложить таковыхъ (1).

Когда какой-либо каноническій членъ синода по какимъ-нибудь важнымъ причинамъ не можетъ самъ непосредственно явиться на засѣданія синода, въ такомъ случаѣ онъ долженъ дать знать объ этомъ синоду и извиниться предъ нимъ или посредствомъ собственноручной граматы, или чрезъ посредство своего клирика, который нарочно для этого долженъ быть посланъ въ синодъ (2). Но и въ такомъ случаѣ онъ не вполнѣ освобождается отъ участія въ засѣданіяхъ синода: вмѣсто себя онъ долженъ или послать уполномоченнаго, своего мѣстоблюстителя (τοποτήρητης), каковымъ обыкновенно бываетъ епископъ, или же, если предметъ предстоящихъ соборныхъ разсужденій ему достаточно извѣстенъ, дать о немъ свое мнѣніе собору посредствомъ граматы (3). Вальсамонъ, основываясь на примѣрѣ вселенскихъ соборовъ, утверждаетъ, что уполномоченными епископовъ могутъ быть пресвитеры и діаконы (4), но въ протоколахъ патріаршаго константинопольскаго синода, согласно 27 (18) правилу карѳагенскаго собора, мѣстоблюстителями являются исключительно одни только епископы (5).

Всѣхъ членовъ синода предсѣдатель его называетъ своими братьями и сослуживцами (ἀδελφοί, συλλειτουργοί) (6).

---

(1) Acta P. C. I, p. 322.

(2) Ibid. p. 339.

(3) Σύνταγμα, III, p. 537—540, A. P. C. I. p. 300; Zachariae J. G. R. III, p. 699.

(4) Σύνταγμα, III, p. 357.

(5) Ibid. p. 329. 356.

(6) Ibid. V, p. 30—117.

Кромѣ каноническихъ членовъ: митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ на патріаршемъ синодѣ могутъ присутствовать также и нисшіе клирики и міряне. Въ частности, въ синодѣ могутъ возсѣдать:

1) Высшіе патріаршіе чиновники, помогающіе патріарху въ управленіи его епархіей, какъ частному епископу, именуемые эксокатакилами (1). Они хотя занимаютъ почетное мѣсто въ синодѣ, но возсѣдаютъ безъ права принимать участіе въ разсужденіяхъ и безъ права подачи голоса, почему и называются только сѣдящими (παραναθήμενοι) (2). Къ этимъ чиновникамъ относятся члены высшей пентады, какъ праваго, такъ и лѣваго хора (3). Впрочемъ, и они иногда подаютъ свое мнѣніе, когда пожелаютъ того каноническіе члены синода (4). Кромѣ церковныхъ чиновниковъ на синодахъ присутствовали также—

2) Гражданскіе чиновники. Обычай присутствовать на соборахъ или самимъ государямъ или ихъ уполномоченнымъ восходитъ ко временамъ Константина великаго и отъ него беретъ свое начало. Мы уже замѣтили выше, что онъ покоится на идеѣ тѣснаго союза государства съ церковію и на понятіи о церкви, какъ обществѣ вообще всѣхъ христіанъ, а не однихъ только епископовъ и духовенства. И отцы восточной церкви никогда ничего не возражали противъ присутствія государственныхъ чиновниковъ на соборахъ, напротивъ сами требовали ихъ, чтобы чрезъ то рѣшенія собора получили большую прочность и силу въ государствѣ (5). Въ актахъ соборныхъ они называются

(1) Эти чиновники суть: в. экономъ, в. сакелларій, скевофилаксъ, хартофилаксъ, сакеллій или сакелларій младшій и экдикъ.

(2) Acta P. C. II, p. 48. 89. 99 138. 409.

(3) По Кодину Куропалатѣ, всѣ чиновники константинопольскаго патріархата раздѣлялись на два хора: правый и лѣвый, и девять пентадъ или пятковъ.

(4) Migne, Patr curs. compl. t. CXL, p. 152; A. P C. II, p. 109.

(5) Σύνταγμα, V, p. 62; Acta P C. I, p. 175; Hergenrother, I, p. 210; Lebeau, VI, p. 320. 321.

иногда созасѣдающими (συνεδριάζοντες), когда указывается на честь мѣста, какое они занимали, но большею частію просто сѣдящими (παραχαθήμενοι), какъ и церковные чиновники; потому что они только присутствуютъ на синодальныхъ совѣщаніяхъ и рѣшеніяхъ, но не участвуютъ въ нихъ. Вся дѣятельность ихъ на соборахъ ограничивалась лишь наблюденіемъ за правильностію хода соборныхъ совѣщаній (1). Съ этою цѣлію они иногда предлагали вопросы, клонящіеся къ уясненію обсуждаемаго предмета, или же устраняющіе нѣкоторыя неправильности, допущенныя по формѣ въ предыдущихъ разсужденіяхъ (2). Императоръ Мануилъ II Палеологъ выразилъ (въ 1396 г.) желаніе митрополитамъ никомидійскому и коринѳскому, какъ бывшимъ тогда членамъ патріаршаго синода, чтобы дано было право подачи мнѣнія и голоса на соборахъ и государственнымъ чиновникамъ. Митрополиты ничего не отвѣтили ему непосредственно, но они объявили синоду, что если императоръ желаетъ, чтобы государственной власти предоставлено было такое дѣйствіе на соборахъ,—онъ долженъ предварительно показать на то свое право; если же онъ не можетъ показать его, то синодъ тѣмъ болѣе долженъ покоиться на прежнихъ своихъ основаніяхъ (3). За исключеніемъ этого случая, изъ синодальныхъ актовъ нельзя доказать, чтобы государственные чиновники обнаруживали свое участіе въ синодальныхъ разсужденіяхъ какимъ-нибудь рѣшительнымъ образомъ, или подавали на нихъ свое мнѣніе. Если же иногда они и возвышали свой голосъ, то это они дѣлали для того, чтобы показать, что они отнюдь не держатся лжеученія, осужденнаго на соборѣ. Такъ, напримѣръ, они поступили на соборѣ патріарха Луки Хрисоверга (1156 г.) противъ Со-

(1) Acta P. C. I, p. 177.

(2) Собор. Халк. дѣян IV и V.

(3) Acta P. C. II, p. 271

териха Пантевгена (1). Равно мало можно доказать и то, чтобы они подписывались подъ синодальными протоколами и соборными рѣшеніями: превозмогающее большинство синодальныхъ актовъ безъ ихъ подписей. Причина этого заключается въ томъ, что государство довѣряло церковной власти, не смотрѣло на нее враждебно и потому предоставляло ей рѣшать дѣла по своему усмотрѣнію, согласно съ канонами. Участіе государственныхъ чиновниковъ въ синодальныхъ дѣяніяхъ видно только тогда, когда шли совѣщанія о предметахъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ государству, какъ наприм., объ учрежденіи епископій, архіепископій и митрополій, о дѣлахъ брачныхъ, о сектахъ вредныхъ для общественнаго порядка, о выборѣ епископовъ, о дѣйствіяхъ церкви, направленныхъ противъ лицъ, опасныхъ для государства, или противъ общественныхъ безпорядковъ (2). Затѣмъ въ синодѣ могли присутствовать въ качествѣ свидѣтелей или зрителей—

3) Низшіе церковные чиновники; только они обязаны были стоять въ синодѣ (*οἱ παριστάμενοι*). но не сидѣть;

4) Все низшее духовенство, если оно не производило никакого шума и безпорядка. Если же оно начинало шумѣть и производить безпорядокъ, то патріархъ повелѣвалъ выдти вонъ, или же закрывалъ собраніе.

5) Наконецъ, были допускаемы на совѣщанія синода, точно также въ качествѣ свидѣтелей и простыхъ зрителей, еще монахи и даже міряне (3).

Такимъ образомъ, совѣщанія архіереевъ производились какъ бы предъ лицемъ и въ присутствіи всей

---

(1) Migne, patr. curs compl. t. CXL, p. 152.

(2) *Σύνταγμα*, V, p. 33. 75. 83 88 90 128. 604, IV, p. 57; Zachariae J. G. R. III, p. 508. A P C. I, p. 345.

(3) *Σύνταγμα*, III, p. 521. 594, V, p 38—60. 63. 76. 83, A. P. C. I, 109. 119. 132. 135. 176. 244; II, p. 99.

помѣстной церкви. Нельзя при этомъ не замѣтить, что тамъ, гдѣ дѣла вѣры обсуждаются соборне и гдѣ предметъ разсужденій составляетъ въ данную минуту предметъ спора и волненій всего народа, предметъ, на который устремлены взоры всей помѣстной, а если онъ по характеру своему имѣетъ вселенское значеніе, то и вселенской церкви, государственная власть, даже самая неограниченная, не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Изъ поименованныхъ элементовъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ составу патріаршихъ помѣстныхъ а иногда и вселенскихъ, соборовъ, огромное вліяніе на рѣшеніе церковныхъ дѣлъ оказывали монахи. Каковы бы несовершенства ни проявляло восточное монашество въ общей своей жизни, но по своей идеѣ оно стремится къ осуществленію того идеала высшей добродѣтели, который имѣетъ цѣлію, по очищеніи души отъ всего страстнаго и нечистаго, созерцаніе вѣчной истины и возможное уподобленіе себя Богу (1), и въ частности, въ лицѣ великихъ подвижниковъ церкви, представляло живые образцы этого идеала. Понятно, что рѣшеніе всякаго церковнаго вопроса въ духѣ истины и согласно съ рѣшенными и утвержденными вопросами вѣры было для нихъ весьма важно. Особенно это нужно сказать относительно вопросовъ, имѣющихъ вселенское значеніе: здѣсь монахи были непреклонны и твердо стояли за вселенскую истину, какъ они ее понимали (2). Эту непреклонную стойкость восточныхъ монаховъ за истину Христову признаютъ, какъ ихъ отличительную черту, и западные писатели. „Христіанскій востокъ, говоритъ Пихлеръ, всегда раздѣлялся на двѣ неравныя половины: бо́льшую, образуемую высшимъ клиромъ, домогавшимся

---

(1) См. выше, стр. 111—112.

(2) Говоримъ: какъ понимали, потому что много между ними было неразумныхъ ревнителей, были и заблуждающіеся въ вѣрѣ и т. д., но истина выяснялась и разумнѣйшіе, мудрѣйшіе и безукоризненные по жизни являлись руководителями другихъ

(buhlte) милостей двора у императорскихъ чиновниковъ, и меньшую, именно представляемую монашескимъ сословіемъ, искони оказывавшимъ рѣшительную антипатію къ государственной церковности". Далѣе Пихлеръ замѣчаетъ, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже до настоящаго времени монахи являлись самыми злѣйшими врагами всякихъ попытокъ къ соединенію греческой церкви съ римскою (1), предпринимаемыхъ, какъ извѣстно, исключительно одними императорами для достиженія чисто политическихъ цѣлей. Правда, онъ дѣлаетъ по этому поводу оговорку, что монахи были борцами за истину только до раздѣленія церквей, когда они тѣсно примыкали къ римскому епископу, въ которомъ, якобы, видѣли антиподъ греческому императору, но что императоры сломили ихъ силу во время иконоборческихъ споровъ и что византизмъ, или безграничное владычество государственной власти въ дѣлахъ церкви, лишь послѣ того проявился съ полною силою (2). Но едва ли какъ нужно объяснять, что эта оговорка вызвана исключительно ультрамонтанско-католическою тенденціей автора; потому что ни самъ Пихлеръ и ни кто либо другой изъ ка-

---

(1) Geschichte der Kirchl. Trennung, I, p. 50. 102. 400.

(2) Ibid p 50· erst mit dem Aufhorem dieses Gegendruckes konnte der Bysantinismus frei sich entfalten Согласно съ Пихлеромъ выражаетъ свой взглядъ о восточномъ монашествѣ и Гергенрётеръ и приводитъ въ своемъ сочиненіи о Фотіѣ многочисленнѣйшія доказательства этому I, p. 109. 110. 112. 114. 135. 160 161. 204 206. 235. 241. 243. 265. 280. и пр. Также: Heander, V, p 217—218. 228 232 247. 265. 281—283. VI, p. 348—349. 354—356. 368. Hagenbach, Kirchengech. t. II, p. 30—31. Гизлеръ, признавая стойкость восточныхъ монаховъ, говоритъ однакожъ о нихъ, какъ протестантъ, съ какимъ-то омерзеніемъ и называетъ ихъ не иначе, какъ фанатиками. t.-II. Abth. I. p. 1—13. Великую силу и значеніе монашества въ дѣлѣ вѣры сознавали и сами византійцы—приверженцы древне-еллинскаго культа и вслѣдствіе того враги христіанства; самого Основателя христіанской вѣры—Іисуса Христа они представляли въ формѣ монаха и въ насмѣшку описывали Его безобразными чертами уродливаго аскета. Gfrorer, Byzantinische Geschichten. Graz, 1877. B. III. p. 69—73.

толиковъ не объяснилъ еще того поистинѣ чудеснаго явленія, какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ причинъ монашество, составлявшее непреоборимый оплотъ вѣры противъ государственной власти, вначалѣ примыкало къ папству, какъ самому сильному и вѣрному союзнику противъ государственнаго деспотизма, а послѣ сдѣлалось непримѣримѣйшимъ его врагомъ, не переставая въ тоже время быть несокрушимымъ противникомъ государственной власти? — и какимъ образомъ въ началѣ, когда находилось въ союзѣ съ папами, оно препятствовало развитію византизма своимъ ему противодѣйствіемъ, а потомъ перестало противодѣйствовать его развитію, хотя самая сила противодѣйствія и не уменьшилась? Здѣсь католическіе богословы, историки и канонисты никогда не могутъ дать удовлетворительнаго объясненія, доколѣ они остаются приверженцами папства; потому что въ немъ одномъ только и заключается главная причина означенной перемѣны (1).

---

(1) Думаемъ, что едвали кто-нибудь, кто способенъ безпристрастно отнестись къ дѣлу, найдетъ хотя сколько нибудь удовлетворительнымъ слѣдующее объясненіе Пихлера, I, p. 102 der Bilderstreit hatte fur die griechische Kirche und deren Freiheit keine regenerirende, sondern nur eine degenerirende Wirkung Der hohere Clerus hatte seinem grosztеn Theile nach eine ganz erbarmliche Rolle gespielt, war jeden Tag bereit dewesen, den Mantel nach dem Winde zu kehren. Das Monchthum, welches vormals der machtigste Vorkampfer gegen das Staatskirchenthum gewesen war, war gleichfalls unter den Schlagen der Iconoklasten murbe geworden und versohnte sich aus Erkenntlichkeit fur die Wiederhirstellung des Bilderdienstes mit der Regierung Diese aber wollte nicht fur den besiegten Theil gelten, sondern steuerte geraden Wegs darauf los, die Kirche in der Person des okumenischen Patriarchen ganz zu beseitigen und von einem Angehorigen der kaiserlichen Familie verwalten zu lassen. Въ этихъ словахъ нѣтъ объясненія, а есть только вѣрованіе. Выставленное нами противорѣчіе, котораго не могутъ не признать и католическіе ученые, нисколько не устраняется, неудача попытокъ къ соединенію церквей, предпринимаемыхъ исключительно императорами, и рѣшительное противодѣйствіе имъ со стороны монаховъ—вещь необъяснимая для приверженцевъ папства. Здѣсь имъ возможно только туманно разглагольствовать, но не показывать ясно

Обсужденіе и рѣшеніе текущихъ дѣлъ въ синодѣ совершалось обычнымъ, установленнымъ для коллективныхъ учрежденій, порядкомъ. Мнѣнія, подаваемыя членами синода въ пользу такого или иного рѣшенія дѣла, называются голосами (*φοναὶ*). Когда же изъ всѣхъ мнѣній обнаружится превозмогающее большинство или всѣ члены синода согласятся въ своемъ мнѣніи, то это называется *φονὴ* (голосъ) (1). Рѣшеніе обыкновенно принадлежитъ большинству голосовъ (2). Когда какой-нибудь членъ не присоединяется къ большинству, въ такомъ случаѣ онъ удерживаетъ за собою и свою подпись; онъ не подписывается подъ актомъ (3). Рѣшеніе синода получаетъ выраженіе *συνεψηφίζεσθαι*, т. е. полное рѣшеніе, когда мнѣніе предсѣдателя присоединяется къ мнѣнію большинства (4). Но если мнѣніе предсѣдателя не согласно съ мнѣніемъ превозмогающаго большинства, въ такомъ случаѣ не составляется никакого рѣшенія, потому что всякое синодальное рѣшеніе слѣдуетъ отъ имени главы помѣстной церкви, а онъ не можетъ подписаться подъ такимъ рѣшеніемъ, которое составлено противъ его убѣжденія. Но съ другой стороны и синодъ имѣетъ право привлечь къ отвѣту главу своей церкви, если онъ отказывается дать силу и привести въ исполненіе рѣшенія синода, составленныя совершенно согласно съ ученіемъ церкви и канонами. Изъ 15-й новеллы императора Мануила Комнина видно, что, въ случаѣ раздѣленія синодальныхъ голосовъ по поводу того или другого дѣла, рѣшающее значеніе должно давать тому мнѣнію, къ которому присоединится голосъ предсѣдателя (5). Если случится, что мнѣніе предсѣдателя со-

---

(1) Harduin, II, p. 1201.

(2) Acta P. C II, p 16.

(3) *Ῥάλλη καὶ Πότλη, σύνταγμα.* II, p 288.

(4) Acta P. C. I, p. 593; II, p. 54. 60. 98.

(5) *Σύνταγμα*, II, p. 130, Zachariae J. G. R III, p. 462.

впадаетъ съ мнѣніемъ членовъ синода, въ такомъ случаѣ въ синодальномъ актѣ, составленномъ по поводу единогласно рѣшеннаго дѣла, выразительно замѣчается, что оно рѣшено предсѣдателемъ сообща съ членами синода. „Послѣ того какъ обнаружилось мнѣніе всѣхъ членовъ синода, нами рѣшено“ и т. д. (1),—такова обыкновенная форма актовъ, выражающихъ единогласное рѣшеніе синода (2).

Непосредственно послѣ синодальныхъ разсужденій, или спустя немногое время, они сводятся къ одному общему выводу, составляется такъ называемое ἡ συνοδικὴ διάγνωσις, синодальное рѣшеніе. Въ актахъ оно является подъ различными наименованіями: когда указывается на то, что рѣшеніе составлено соборомъ, то оно называется синодальнымъ рѣшеніемъ (συνοδικὸν ψήφισμα) (3), синодальною граматой (γράμμα συνοδικὸν) (4), σημείωμα, σημείωσις (указъ) (5), ὑπόμνημα (6), συνοδικὴ πρᾶξις (7), συνοδικὸν ἐπίσταλμα (8), ἀπόφασις (9), συνοδικὴ γνωμοδότησις (10); а когда указывается на формальную его сторону, на то, что обсужденіе дѣла и его рѣшеніе происходило съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ формъ, въ такомъ случаѣ оно носитъ названіе διγίλλιον, διγιλλιώδες γράμμα, т. е. дипломъ (11).

При всякомъ рѣшеніи какого-либо церковнаго вопроса непремѣнно предполагается, что оно составлено

---

(1) Ῥάλλη καὶ Ποτλη, V, p. 84. 87.
(2) A. P. C. II, p 38.
(3) Ibid. p. 133.
(4) Σύνταγμα, V, p. 62. 142.
(5) Ibid. p. 81. 83—90.
(6) Ibid. p. 25
(7) Ibid. p. 112. 113.
(8) Ibid. p. 61.
(9) Ibid. III, p. 150
(10) Ibid. V, p. 564.
(11) Ibid. p. 110. 131; Acta P. C. I, p. 472.

правильно, согласно ученію слова Божія, христіанской любви и милосердію, по священнымъ канонамъ и принятымъ постановленіямъ церкви. Если же случится, что какое-либо рѣшеніе синода составлено неправильно, вслѣдствіе чего оно теряетъ должный характеръ соборной непогрѣшимости, обнаруживаетъ въ членахъ синода незнаніе каноновъ и правилъ церкви, или показываетъ преобладающее вліяніе посторонней сильной власти, въ такомъ случаѣ синодъ, чтобы соблюсти за собой свойственное ему достоинство, обязанъ на другомъ засѣданіи самъ, по своей собственной волѣ, вновь разсмотрѣть дѣло, и затѣмъ объявляетъ прежнее рѣшеніе недѣйствительнымъ и неимѣющимъ силы (ἄκυρα καὶ ἄπρακτα) (1). Изъ этого требованія въ образѣ рѣшенія синодальныхъ дѣлъ ясно открывается, что правило: рѣшать дѣла по большинству голосовъ не всегда примѣнимо къ вопросамъ религіознымъ, гдѣ правильность рѣшенія ихъ единственно зависитъ отъ ихъ согласія съ несомнѣнно признаннымъ вѣрованіемъ и ученіемъ, но имѣетъ значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, когда разныя мнѣнія въ сущности не противорѣчатъ основнымъ догматамъ и правиламъ вѣры, и не сходствуютъ между собою лишь въ частностяхъ.

Задача дѣятельности патріаршаго синода вообще заключается въ томъ, чтобы разсматривать и изслѣдовать важнѣйшіе вопросы вѣры и церкви (2). Въ частности въ область его дѣятельности входили слѣдующіе наиболѣе важные предметы: 1) изданіе новыхъ правилъ и постановленій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда существующее каноническое право не представляетъ точнаго и опредѣленнаго закона, а между тѣмъ изданіе такого закона является необходимымъ (3). Къ этому роду синодальныхъ постановленій относятся всѣ

(1) Acta P. C. I, p. 115. 269. 270.

(2) Ῥάλλη καὶ Πότλη, σύνταγμα τ. κανόν., V, p. 156: *Θεωρία καὶ ἐπίσκεψις ἐκκλησιαστικῶν ἀναγκαίων ὑποθέσεων.*

(3) Ibid. p. 55.

тѣ многочисленные церковные законы, которые синодъ дѣлалъ по вопросамъ о дѣлахъ брачныхъ, о церковныхъ имуществахъ, о монастырской дисциплинѣ и т. п. 2) Наблюденіе за чистотою христіанскаго ученія. На основаніи этой обязанности онъ отвергалъ и осуждалъ всякое лжеученіе, грозящее вторгнуться въ область Христовой вѣры (1). 3) Наблюденіе и забота о сохраненіи церковной дисциплины и принятіе мѣръ къ ея сохраненію (2). 4) Избраніе патріарха и признаніе дѣйствительности выбора и хиротоніи митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ (3). 5) Признаніе возведенія епископій на степень архіепископій или митрополій (4). 6) Передвиженіе епископскаго трона (*ὁ προβιβασμὸς τοῦ θρόνου*) (5). 7) Перемѣщеніе епископовъ съ одной каѳедры на другую, когда это перемѣщеніе оправдывается уважительными причинами (6). 8) Согласіе на соединеніе одной или многихъ епархій (7). Кромѣ перечисленныхъ случаевъ въ область юрисдикціи патріаршаго синода входило также право творить судъ по всѣмъ дѣламъ, касающимся церкви. Въ этомъ отношеніи его суду подлежали всѣ лица помѣстной церкви, начиная отъ митрополитовъ и кончая послѣдними мірянами, конечно, если только они были обвиняемы въ нарушеніи правилъ вѣры и церковной дисциплины (8). Кромѣ того, онъ имѣлъ право судить

---

(1) Cod. Theod. l XXIII, *σύνταγμα*, V, p. 76; A. P. C. I, p. 59.

(2) *Σύνταγμα*, III, p. 356, A. P. C. I, p. 75.

(3) Ibid. I, p. 494; II, p 64, *σύνταγμα*, V, p. 544. 550. 555 558.

(4) Ibid. p. 73. 588, A. P. C. I, p. 95. 470, II, p 272.

(5) *Σύνταγμα*, V, p. 455—495; A P. C. I, p. 90. 91.

(6) *Ῥάλλη καὶ Πότλη*, III, p. 487; VI, p. 84, II, p. 147, V, p. 118 428. 429, A. P. C. I, p. 50. 60. 82. 182. 242. 260. 274. 336. 384. 465. 490

(7) Ibid. p. 19. 82. 83. 93. 475. 510; II, p. 129. 199, *σύνταγμα τ. κανόν.* II, p. 258. 292.

(8) Acta P. C. I, p. 154. 164. 177 231. 276; *σύνταγμα τ. κανόν.* I, p. 174, II, p. 568. 692, V, p. 83. 93. 85. 359. 376.

даже самого патріарха. Замѣтивъ какія нибудь противоканоническія его дѣйствія, самъ непосредственно или извѣщенный о томъ государствомъ, а иногда и частными лицами, синодъ призывалъ его къ своему суду, выставлялъ ему здѣсь на видъ противозаконность его поступковъ и за тѣмъ, съ соблюденіемъ установленныхъ формъ, низлагалъ его (1). Однакожъ, при всякомъ подобномъ случаѣ, рѣшеніе синода необходимо требуетъ утвержденія государя (2). Иногда синодъ былъ созываемъ по поводу вопросовъ, болѣе государственныхъ, чѣмъ церковныхъ, вызываемыхъ, напр., перемѣною правительства и другими подобными обстоятельствами.

Характерныя черты византійской имперіи, благопріятныя и неблагопріятныя для правильнаго раскрытія христіанства. Востокъ—удобная почва для появленія ересей. Появленіе монофизитской ереси. Царствованіе Маркіана и Пульхеріи, и халкидонскій соборъ. Значеніе слова *οἰκονόμια*. Царствованіе Льва I; его отношеніе къ патріархамъ и епископамъ, и значеніе его царствованія въ исторіи Византіи.

Мы замѣтили выше (3), что для того, чтобы государственная власть восприняла начала и всѣ характерныя черты христіанства въ ихъ цѣлостномъ и неизмѣномъ видѣ, слѣдовательно, чтобы находилась въ полной гармоніи съ церковною властію, которая, предполагается, есть вѣрная хранительница христіанскаго ученія, необходимо точное опредѣленіе и принятіе всѣми подданными государства догматовъ вѣры и всѣхъ пунктовъ, имѣющихъ внутреннее соприкосновеніе съ принципами христіанства. Легко понять, что византійская имперія, какъ первое христіанское государство,

---

(1) Zachariae J. G. R. III, p. 698—700; Ῥάλλη καὶ Ποτλη, V, p. 307—311.

(2) A. P. C. I, p 262; *σύνταγμα*, III, p. 149.

(3) См. стр. 42.

основанное тогда, когда еще не были точно опредѣлены даже основные изъ догматовъ вѣры, не представляла изъ себя нужныхъ для этого условій, и то, что случалось съ Константиномъ великимъ,—принятіе ученія еретиковъ на мѣсто православнаго христіанскаго ученія,—весьма часто случалось и съ его преемниками. Какъ первое христіаское государство, византійская имперія представляетъ собою лишь процессъ образованія разныхъ отношеній, процессъ установленія точныхъ церковныхъ и вѣроисповѣдныхъ опредѣленій, и, какъ таковое, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя стороны, частію весьма благопріятствующія правильному пониманію и раскрытію христіанскаго ученія и образованію различныхъ отношеній на новыхъ началахъ, а частію неблагопріятныя, возмущающія правильное теченіе общественной жизни и весьма вредныя собственно для крѣпости государственнаго организма.

Построенная на развалинахъ римской имперіи, Византія восприняла отъ этой послѣдней форму единодержавія или самодержавія, отъ чего всѣ византійскіе императоры назывались самодержцами (*αὐτοκράτορες*), но вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовала отъ нея и вредный обычай произведенія частыхъ дворцовыхъ революцій—низложеніе царствующихъ династій посредствомъ заговоровъ, яда, кинжала, всевозможныхъ убійствъ и возведеніе на мѣсто ихъ новыхъ династій, которыхъ въ скоромъ времени ожидала таже самая участь. Дворцовыя революціи Византіи по своему характеру совершено отличны отъ современныхъ революцій, имѣющихъ цѣлію уничтоженіе существующихъ формъ государственнаго управленія и установленіе на мѣсто ихъ новыхъ формъ правленія, которыя по идеѣ должны покоиться на новыхъ, якобы выработанныхъ современною наукою, началахъ. Въ Византіи монархическая или самодержавная форма правленія считалась правильною и соотвѣтствующею цѣлямъ государственнаго порядка, и не видно, чтобы когда либо дѣлаемы были замыслы къ ниспроверженію ея самой. Всѣ, тамъ называемыя дворцовыя ре-

волюціи ограничивались лишь единственною цѣлью низложенія однихъ лицъ, стоящихъ во главѣ правленія, и возведенія на мѣсто ихъ другихъ, якобы болѣе соотвѣтствующихъ обстоятельствамъ времени. Эта—то характерная черта византійской монархіи и представляла свои выгодныя и невыгодныя стороны, какъ для самого государства, такъ и для церкви. Признаніе неизмѣнности формы государственнаго правленія, очевидно, весьма выгодно для крѣпости самого государства, потому что ничто такъ не разслабляетъ государственный организмъ, какъ coup d'état въ современномъ значеніи этого слова; требованіе, чтобы высшая государственная власть была не только христіанскою, но и христіански православною, весьма выгодно для церкви и составляетъ, очевидно, результатъ общей побѣды христіанства надъ язычествомъ. Въ свойствѣ византійцевъ — признавать самодержавную форму правленія правильною, вѣрною и потому не подлежащею перемѣнамъ, можно отмѣтить одну лишь неблагопріятную для крѣпости и развитія государственнаго организма черту—нежеланіе производить реформы, или, по меньшей мѣрѣ, отсутствіе органическихъ реформъ въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія, уже обветшалыхъ и требующихъ введенія улучшеній (особенно это нужно замѣтить о финансахъ), а также отсутствіе широкой и опредѣленной политической цѣли, съ которою органическія государственныя реформы обыкновенно стоятъ въ самой тѣсной связи. Самая высшая политическая цѣль Византіи состояла въ томъ, чтобы сохранить пріобрѣтенное и въ крайнемъ случаѣ возвратить потерянное. Но кто задался цѣлью лишь сохранять пріобрѣтенное, тотъ тѣмъ самымъ обрекъ себя на долгую смерть. Впрочемъ, отсутствіе широкой политической цѣли и связанныхъ съ нею органическихъ реформъ легко объясняется тѣмъ, что Византія по своей исторической задачѣ представляетъ не процессъ образованія государства, какъ грозной внутренней и внѣшней силы на подобіе древняго Рима, а, какъ замѣчено, процессъ выясненія но-

выхъ христіанскихъ началъ и образованія понимъ разныхъ новыхъ отношеній. — Революціонная смѣна высшихъ правительственныхъ лицъ на первый взглядъ весьма вредна для государства, она ведетъ за собою нестроенія, безпорядки, волненія умовъ и разслабленіе разныхъ отраслей государственнаго управленія. Но исторія Византіи показываетъ, что такія революціонныя смѣны императоровъ имѣли и свои благодѣтельныя стороны. Часто имперія впадала въ крайне затруднительныя обстоятельства вслѣдствіе слабости, неспособности, произвола и разныхъ пороковъ царствующихъ императоровъ; ихъ низлагали и возводили на мѣсто ихъ новыхъ императоровъ, сильныхъ духомъ, умныхъ, храбрыхъ и великодушныхъ, и—имперія съ торжествомъ выходила изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Какъ въ гражданскомъ отношеніи революціонныя смѣны императоровъ сопровождались смутами, безпорядками и разными нестроеніями, такъ точно тоже самое случалось и въ церковномъ отношеніи. При ожесточенной борьбѣ православія въ древней церкви съ ересью каждый изъ царствующихъ императоровъ непремѣнно былъ произведеніемъ той или другой изъ враждующихъ сторонъ. Какъ только возникалъ какой либо вѣроисповѣдной вопросъ, умы естественно раздѣлялись на партіи и начинали волноваться. При этомъ каждая изъ враждующихъ сторонъ естественно заботилась о томъ, чтобы возвести одного изъ своихъ приверженцевъ на императорскій тронъ и такимъ образомъ при его содѣйствіи достигнуть своего торжества, или же склонить на свою сторону уже царствующаго императора и тоже самое сдѣлать при посредствѣ его. Съ чисто религіозными цѣлями, естественно, перемѣшивалось самолюбіе и властолюбіе искателей престола, дававшее поводъ къ проявленію самыхъ дикихъ страстей человѣка.—Византійское общество вѣрило разнаго рода примѣтамъ, видѣніямъ, сновидѣніямъ, предсказаніямъ: при шаткости престолонаслѣдія всѣ эти средства на ряду съ самыми обыкновенными, не заключающими въ себѣ никакого элемента сверхъестественности, интригами были пу-

скаемы въ ходъ, чтобы возвести на императорскій тронъ своего претендента и подѣйствовать на его религіозное направленіе. Нерѣдко пустой случай имѣлъ рѣшающее значеніе. Волненія умовъ и смуты, возбуждаемыя по поводу возникновенія того или другаго религіознаго вопроса, продолжались до тѣхъ поръ, пока истина не выяснялась и большинство населенія не склонялось на ея сторону. При этомъ на всемъ пространствѣ византійской имперіи замѣчается слѣдующіе весьма характерное явленіе: императоры являлись склонными только къ возникающимъ ересямъ, но никогда къ прошедшимъ, уже осужденнымъ и поставленнымъ въ точныя отношенія къ соотвѣтствующему догмату. Теперь не трудно понять и то, въ чемъ заключается выгодная сторона для христіанства и православія въ революціонной смѣнѣ императоровъ. Пусть только представитъ себѣ читатель, что было бы съ христіанскою истиною, если бы идея наслѣдственности престола и соединенной съ нею безграничной власти императоровъ была не поколебима и если бы при этихъ условіяхъ императоры приняли сторону ереси и стали бы проводить ее съ несокрушимо-систематическою послѣдовательностію и непреклоннымъ упорствомъ...

Идея согласія и гармоніи между церковію и государствомъ требовала, чтобы высшая церковная власть по своимъ воззрѣніямъ согласовалась съ высшею гражданскою властію,—и наоборотъ. Въ силу этой идеи при всякой смѣнѣ гражданскаго правительства естественно должны были происходить перемѣны и въ высшемъ церковномъ правительствѣ, особенно если новое гражданское правительство выступало съ новыми вѣроисповѣдными и соединенными съ ними политическими идеями. Фактъ несуществованія такой параллельной перемѣны высшихъ церковно-правительственныхъ лицъ свидѣтельствовалъ бы о полномъ подчиненіи церковной власти гражданской въ Византіи, свидѣтельствовалъ бы о томъ, что высшая церковно-правительственная власть въ Византіи не имѣла обыкновенія руководствоваться своими собственными убѣжденіями, опредѣля-

емыми принципами христіанства, а единственно волею императоровъ; что она не обладала никакою волею, и что установленная вѣроисповѣдная христіанская система есть не цѣлостное, логическое и генетическое раскрытіе, уясненіе и точное опредѣленіе принятыхъ свыше христіанскихъ началъ, а конгломератъ разнородныхъ идей, сшитыхъ въ одно разномыслящими императорами. Подборъ патріарховъ по мысли императоровъ вытекаетъ изъ идеи согласія между церковію и государствомъ, единства ихъ задачъ и стремленій; это,—примѣняясь къ современному образу выраженій,—смѣна министерства въ конституціонномъ государствѣ вслѣдствіе побѣды той или другой партіи. Министерство, по образу своей дѣятельности, служитъ проводникомъ стремленій избравшей его партіи. Императоръ и затѣмъ избранный по его мысли патріархъ и другіе высшіе церковные сановники отображаютъ въ себѣ стремленія партіи, получившей на время перевѣсъ въ государствѣ. При этомъ всѣ установленныя правительственныя формы соблюдаются обычнымъ порядкомъ. Но какъ императоръ, такъ и находящійся съ нимъ въ согласіи патріархъ представляютъ ли собою, т. е. образомъ своей дѣятельности, выраженіе общецерковной идеи, — это можно видѣть изъ мирнаго или враждебнаго отношенія къ нимъ той части общества, которая осталась вѣрною вселенскому ученію церкви, содержимому всею повсемственною церковію. Враждебность церковно-общественныхъ отношеній къ высшимъ правительственнымъ лицамъ указываетъ лишь на неправильность ихъ дѣйствій и вслѣдствіе этого на непрочность ихъ положенія.

Другою характерною чертою Византіи, въ высшей степени благопріятною для правильнаго раскрытія и точнаго опредѣленія христіанскихъ началъ, было то, что она представляла собою государство безнаціональное, хотя и состоящее изъ опредѣленной господствующей національности. государство по преимуществу идеи. Господствующею національностію въ византійской имперіи были греки, древніе еллины. Но

имя „еллинъ" означало язычника, идолопоклонника, вообще человѣка, держащагося древне-языческаго, еллинскаго образа мыслей (1). Когда императоръ Юліанъ возбудилъ борьбу противъ христіанства, то онъ возбудилъ ее во имя еллинизма, т. е. еллинскаго язычества со всѣми его отраслями и проявленіями: бытовыми, гражданскими, религіозными, научными, художественными (2). Обвиненіе въ еллинизмѣ равносильно было обвиненію въ язычествѣ и влекло за собою наказанія (3). Такъ какъ Византія считалась продолженіемъ римской имперіи, то и жители ея, по роду и происхожденію своему еллины, обыкновенно называли себя римлянами, а императоры—римскими императорами, хотя отъ древне-римской имперіи осталась только идея единодержавія; все же прочее, чѣмъ жилъ языческій Римъ, отвергнуто (4). Имя „еллинъ" считалось столь ненавистнымъ и противнымъ новообразовавшемуся христіанскому обществу, что, напр., жители Эллады назывались элладцами (Ἑλλαδικοί), лишь бы только избѣгнуть ненавистнаго названія: „еллинъ". Такъ продолжалось дѣло до XII вѣка. Съ этого же времени и до конца имперіи мы

---

(1) Ἱστόρια τοῦ ἑλληνικοῦ ἔθνους, *К. Παπαρρηγοπουλου.* Ἐν Ἀθηναις, 1873 t. III, p 34 *τὸ ὄνομα Ἕλλην, τὸ ὁποῖον ἐσήμαινεν ἐκ πρώτης ἀρετηρίας παρὰ τοῖς χριστιανοῖς τῆς ἀνατολῆς τὸν εἰδωλολάτρην, κατήντησε, διὰ την προαχθεῖσαν ῥῆξιν μεταξὺ τῆς χριστινικῆς καὶ τῆς ἀρχαίας πίστεως καὶ κοινωνίας, νὰ ἀποβῇ ὅλως ἀντίθετον εἰς την νέαν τῶν πραγμάτων κατάστασιν.* Cedrenus, ed. Bonn. 1 p. 599. 612. Theoph Chronographia, ed. Bonn. p. 178, Evagr Scholastic. ecclisiast. histor. ed. Vales Contabrigiae, 1720. l. IV. c 38 p 420 Philostorg. ed. Vales. 1720 l. II. c. 14. l. VIII. c. 9.

(2) Julian. Epist XLIX ad Arsac. pontif. Galat. p. 429—434; epist. XXVII Liban. p. 299 sqq; ep. IV Aristom philosoph. p. 375. Philostorgius. l. III. c. 27 p. 511 Сказан. о св. и славн. великом. и чудотв. Артеміѣ Спб. 1853. стр 437. 460 463. 474 491.

(3) *Παπαρρηγοπουλος*, II, p 783. Cedrenus. 1. p. 612—613. 599. Theoph Chronogr. p 178. 276.

(4) Мы не имѣемъ здѣсь въ виду римской юриспруденціи, сдѣлавшейся достояніемъ всего міра и никогда не теряющей своего значенія.

усматриваемъ нѣкоторую перемѣну въ отношеніяхъ византійскаго общества къ еллинизму. Извѣстные историки: Никита Хоніатъ, Франтца, Халькокондилъ и философъ Георгій Гемистъ Плиѳонъ, уже не чуждаются названія еллиновъ. Халькокондилъ прямо называлъ константинопольскихъ императоровъ—императорами еллиновъ. Плиѳонъ извѣстенъ приверженностію къ платонизму и языческому еллинизму. и даже заслужилъ въ этомъ отношеніи нареканія. На ряду съ общественнымъ мнѣніемъ перемѣнили свои отношенія къ еллинизму и сами византійскіе императоры. Правда, они продолжали называться римскими императорами до конца существованія имперіи; но въ послѣднія столѣтія они перестали гнушаться названія и еллиновъ и видѣть въ этомъ зловредную ересь. Такъ напр., послѣдній византійскій императоръ, Константинъ Палеологъ, обратившись съ послѣднею рѣчью къ жителямъ Константинополя 28 мая 1453 года, убѣждалъ ихъ поратовать за этотъ городъ, „надежду и радость всѣхъ еллиновъ“, по образцу предковъ своихъ—еллиновъ (1).

Нельзя при этомъ не замѣтить, что такая перемѣна въ сознаніи общества къ еллинизму произошла въ то время, когда догматы вѣры точно были опредѣлены и ереси опредѣлительно осуждены, и когда, при спокойномъ обсужденіи фактовъ прошлаго, увидѣли, что не все въ древнемъ еллинизмѣ достойно осужденія; что содержаніе языческаго еллинизма въ настоящее время совершенно безвредно, но что выработанныя имъ формы и орудія мысли,—научныя, философскія, ораторскія и художественныя,—оказались въ высшей степени полезными для выясненія и опредѣленія христіанской истины, и этой заслуги, думается, никто не будетъ отрицать за древнимъ еллинизмомъ. Отреченіе отъ идеи національности и племянности, ревнители которой готовы, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, поступиться самыми дорогими христіанскими истина-

(1) *Παπαρρηγοπουλος*, III, p. 34—35.

ми, и усвоеніе чуждой государственной идеи, насколько она не препятствуетъ чистому и цѣлостному воспріятію новыхъ христіанскихъ началъ, дало возможность византійскому обществу свободнѣе и цѣльнѣе предаться служенію христіанской идеѣ и безпристрастнѣе воспользоваться формами и орудіями мысли, выработанными древнимъ еллинизмомъ. Самое первое и необходимое орудіе для выраженія мысли есть языкъ. Въ этомъ отношеніи греческій языкъ оказался наиболѣе способнымъ, чѣмъ какой либо другой другой языкъ въ мірѣ, выразить самыя возвышенныя христіанскія идеи, самыя отвлеченныя понятія и самыя тонкія метафизическія различенія. Затѣмъ философскій методъ, выработанный великими философами древности, формы ораторскаго искуства,—все это оказало неоцѣнимыя заслуги для уясненія христіанской истины. Но и здѣсь, при общемъ отреченіи отъ еллинизма, нужно было христіанству выдержать величайшую борьбу съ нимъ. Сколь бы человѣкъ ни былъ проникнутъ желаніемъ—быть христіаниномъ, но, при изученіи языческихъ философовъ и ораторовъ, онъ не вольно напоявается ихъ мыслями и воззрѣніями, и нужно величайшее самонаблюденіе, долгая умственная и нравственная работа надъ собою и нелегкая практика, чтобы научиться отдѣлять методъ, образъ и форму мысли отъ самаго содержанія мысли и примѣнять старый методъ и форму рѣчи къ ясному, точному и опредѣленному выраженію совершенно новой мысли, во многихъ отношеніяхъ превышающей обыкновенное разумѣніе человѣческое. Всѣ древнія ереси суть не что иное, какъ вторженіе существовавшихъ языческихъ философскихъ, раціоналистическихъ, мистическихъ и другихъ человѣческихъ воззрѣній, идей, вѣрованій въ область откровенныхъ христіанскихъ идей, и поэтому онѣ суть нѣчто чуждое, внѣшнее по отношенію къ божественной христіанской истинѣ (Тоже самое, конечно, нужно сказать и о современныхъ ересяхъ). Понятно теперь, что выясненіе христіанской истины не могло совершиться безъ долгой и упорной борьбы съ ересями. Византійская

имперія по своимъ характернымъ свойствамъ представляла наиболѣе удобную почву, или арену для борьбы новыхъ христіанскихъ началъ съ древнеязыческими началами, чѣмъ какое-либо другое государство тогдашняго міра (1).

Элементы религіознаго броженія нигдѣ не проявились съ такою силою и въ такомъ разнообразіи,

---

(1) Приступая къ описанію эпохи послѣ халкидодскаго собора, считаемъ небезъизлишнимъ напередъ привести здѣсь взглядъ, высказанный въ нашей духовной литературѣ на означенную эпоху —Отецъ Гересимъ (Яредъ), въ своемъ сочиненіи: «Отзывы о св. Фотіѣ, патріархѣ константинопольскомъ его современниковъ—въ связи съ исторіей политическихъ партій византійской имперіи», сказавъ предварительно, что западные писатели изображаютъ Фотія какимъ-то чудовищемъ въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ восточные твердо отстаиваютъ его честь и достоинство, опровергая всѣ клеветы, взводимыя на него противниками, и что это разногласіе мнѣній зависитъ главнымъ образомъ отъ разнорѣчія самыхъ источниковъ свѣдѣній о характерѣ, жизни и дѣятельности п Фотія, далѣе высказываетъ свое положеніе, что «разногласія писателей относительно Фотія, неправильныя и неосновательныя объ немъ сужденія зависятъ главнымъ образомъ именно отъ того, что эти писатели, излагая событія, относящіяся къ жизни Фотія, вовсе не обращаютъ, или слишкомъ мало обращаютъ вниманія на тѣ современныя событія (особенно политическія) и обстоятельства, съ которыми первыя неразрывно связаны и которыми главнымъ образомъ они объясняются» Итакъ, о. Герасимъ думаетъ показать тотъ ключъ, при посредствѣ котораго только и можно составить правильное сужденіе о личности п. Фотія и по причинѣ незнанія котораго всѣ писатели, восточные и западные, въ теченіе вѣковъ впадали въ невольныя ошибки. Въ чемъ же заключается этотъ ключъ? каковъ основный характеръ воззрѣній о Герасима? какова его теорія?— «Борьба съ византійскимъ дворомъ, говоритъ онъ, или точнѣе, съ царствовавшею въ Византіи династіею, той константинопольской партіи, которая, по низложеніи Игнатія и возведеніи на его мѣсто Фотія, стала извѣстна подъ именемъ игнатьевской, эта борьба была вовсе не церковнаго характера: не церковныя какія—нибудь разногласія давали пищу этой борьбѣ. Если нѣкоторыя изъ участвовавшихъ въ этой борьбѣ лицъ громко кричали о ревности къ православію и благочестію, то это не значитъ еще, чтобы они на самомъ дѣлѣ имѣли въ виду интересы церковные. . Это была въ сущности политическая борьба двухъ враждебныхъ и противоположныхъ партій,... борьба старая, которая началась за долго до Фотія и Игнатія и продолжалась долго послѣ нихъ. Строго говоря, на всѣ относящіяся къ Фотію и Игнатію событія нужно смотрѣть, какъ на эпизодъ изъ исторіи этой борьбы политическихъ и династическихъ партій, которая непрерывно продолжалась почти во все время существованія византійской имперіи».. «Въ различныя времена (борьба эта) принимала и различныя

какъ въ восточной половинѣ римской имперіи Населенная разными народностями, которыя въ большин-

---

характеръ. На первыхъ порахъ это есть борьба партій цирка, за тѣмъ, съ появленіемъ иконоборства, она изъ цирка переносится, такъ сказать, въ жизнь. Съ возстановленіемъ почитанія св. иконъ, борьба продолжается съ тою же силою, какъ и прежде, *но уже не сопровождается религіозными разногласіями.* Главное участіе въ ней принимаютъ—съ одной стороны монашество по преимуществу, а съ другой, такъ называемое, образованное общество Такимъ образомъ (?) являются двѣ партіи: клерикальная и прогрессивная Нужно сказать, что эти партіи имѣли огромное вліяніе не только на политическую жизнь, но и на церковныя дѣла Управленіе государствомъ всегда находилось въ рукахъ той или другой партіи, смотря по тому, какая изъ нихъ одерживала побѣду.., «Изъ партій цирка самыя замѣчательныя въ политическомъ отношеніи были зеленая и голубая».. .. «Голубые всегда стояли за господствующую религію и, видя въ ней болѣе политическое средство для достиженія своихъ цѣлей, старались защищать ее, а потому они, пріобрѣтши политическое значеніе, дѣйствовали почти всегда за одно съ православными императорами противъ язычниковъ и еретиковъ или, по крайней мѣрѣ, сочувствовали имъ Между тѣмъ зеленые, наоборотъ..... всегда отличались направленіемъ отрицательнымъ, а потому больше сочувствовали императорамъ еретичествующимъ, или образованнымъ, или отличавшимся особенною вѣротерпимостію Первые примыкали къ тому классу византійскаго общества, который, подчиняясь благотворному вліянію церкви, по преимуществу отстаивалъ ея интересы, ея политическую независимость и даже ея господство, но который, по ограниченности своего умственнаго кругозора, не всегда правильно понималъ истинный смыслъ и значеніе церковнаго вѣроученія. Послѣдніе же примыкали къ тѣмъ, которые хотя и были христіанами, но еще не могли вполнѣ отрѣшиться отъ языческихъ греко-восточныхъ традицій, интересовъ и убѣжденій. Во главѣ этихъ послѣднихъ стояли, конечно, и сами еретичествующіе императоры». Затѣмъ излагая фактическую сторону монофизитскихъ и монооелитскихъ споровъ, о. Герасимъ повсюду съ настойчивостію замѣчаетъ, что православные—въ существѣ дѣла голубые, а еретики—зеленые, и наоборотъ. «Изъ этого слѣдуетъ, говоритъ онъ, что, такъ называемыя монофизитскія междоусобія были въ существѣ дѣла междоусобіями политическихъ партій зеленыхъ и голубыхъ». «Голубые справедливо вооружились противъ типоса, какъ удобнаго средства провести монооелитскую ересь незамѣтнымъ путемъ Императоръ (Констансъ) вмѣстѣ съ покровительствуемою имъ зеленою партіею, началъ открыто преслѣдовать православныхъ, *т. е.* голубыхъ» ... Онъ «убилъ также своего брата Ѳеодосія, по всей вѣроятности, за то, что онъ примыкалъ къ православной, или вѣрнѣе, голубой партіи» и т. д. «Съ воцареніемъ династіи исаврянъ наступаетъ новый порядокъ вещей.... зеленые

ствѣ имѣли свою отдѣльную исторію, рѣзко отдѣляющую каждую изъ нихъ отъ другихъ народностей, она

и голубые, въ качествѣ партій цирка, окончательно теряютъ свое политическое значеніе, но борьба разнородныхъ политическихъ партій все-таки не уничтожается. Она только видоизмѣняется. Политическимъ знаменемъ является иконоборство, противъ котораго должны были бороться защитники иконопочитанія, извѣстные подъ именемъ иконопочитателей. Т. о. (?) прежнія партіи только перемѣнили знамена. Интересы, подобные тѣмъ, за которые стояла партія зеленыхъ, защищались теперь иконоборцами, съ весьма значительными впрочемъ измѣненіями, а лица, стоявшія за начала охранительныя, являются уже не въ качествѣ церковной партіи голубыхъ, но въ качествѣ защитниковъ древняго православія, или иконопочитателей»... «Зеленые примыкали къ тѣмъ, которые не хотѣли вполнѣ отрѣшиться отъ своихъ старинныхъ еллино-восточныхъ преданій и интересовъ и потому мечтали воскресить въ имперіи давноумершій древній классицизмъ; голубые напротивъ дѣйствовали въ интересахъ тѣхъ, которые, враждебно относясь ко всему еллино-восточному, старались внесть и вносили въ чисто государственныя дѣла элементы церковнаго, или вѣрнѣе, внѣшне-церковнаго, иначе—клерикальнаго свойства, иконоборцы же въ противоположность тѣмъ и другимъ ратуютъ за неотложныя современныя потребности государства,—за его внѣшнее обезпеченіе, и во имя этого не щадятъ ни классицизма, ни набожности. Зеленые хотѣли видѣть въ Византіи людей еллински-образованныхъ, хотя бы поверхностно, голубые хотѣли видѣть святыхъ, хотя эта святость мыслилась по большой части какъ механическое исполненіе извѣстныхъ обрядовъ и постановленій иконоборцы въ противоположность тѣмъ и другимъ желали не больше какъ исправныхъ подданныхъ и людей, способныхъ къ охранѣ цѣлости и независимости имперіи. Съ этой стороны на иконоборство можно смотрѣть какъ на движеніе, по преимуществу политическое». Въ фактическомъ изложеніи иконоборческой ереси авторъ старается подтвердить высказанное свое положеніе. При этомъ онъ съ силою настаиваетъ, что неблагопріятные отзывы византійскихъ лѣтописцевъ объ иконоборческихъ императорахъ проистекаютъ не изъ религіозной ревности, а изъ ихъ политическо-клерикальныхъ стремленій, вслѣдствіе чего онъ повсюду обзываетъ ихъ клерикалами или лѣтописцами—клерикалами. «Нельзя сказать, говоритъ онъ, чтобы одно осквернение иконъ было причиною этихъ и подобныхъ отзывовъ. Такимъ нападкамъ подвергались и цари православные, когда они поступали не въ угоду или противъ клерикальной партіи» и т. д. (Христ. Чтен. 1872 г. Ч. I. стран. 76—120; 710—750, Ч. 2. стр. 273—290) —Такимъ образомъ, по возрѣнію о. Герасима, борьбы христіанства съ противоположными ему древне-языческими началами не было: боролись только двѣ политическія партіи клерикальная и прогрессивная, консервативная и отрицательнаго направленія, монахи-невѣжды и свѣтское образованное общество,

представляла чрезвычайное разнообразіе и относительно вѣрованій, содержимыхъ этими народностями. Не смот-

---

иначе либералы,—голубые и зеленые, православные и еретики. Правда, весьма не многія отдѣльныя фразы въ родѣ слѣдующихъ: „Голубые примыкали къ тому классу византійскаго общества, который, подчиняясь *благотворному вліянію Церкви*, по преимуществу отстаивалъ ея интересы», или: «эти партіи (т. е зеленая и голубая) имѣли огромное вліяніе не только на политическую жизнь, но и на *церковныя дѣла*», даютъ поводъ думать, что, кромѣ намѣченныхъ имъ партій, существовало еще православное общество, церковь, но изъ цѣлостнаго изложенія описываемыхъ авторомъ событій никакъ нельзя уразумѣть, чтобы оно, это православное общество, исполняло роль хотя бы простого, безучастнаго зрителя, оно какъ-то улетучивается, исчезаетъ совершенно А настойчивое указаніе авторомъ, что голубые и православные—одно и тоже, заставляетъ думать изумленнаго читателя, что примыканія голубыхъ къ православныхъ не было, да и не могло быть, потому что они-то и были православные. Итакъ, во всякомъ случаѣ, по воззрѣнію автора, борьбы христіанства съ враждебными ему древнеязычниками началами не было; была одна лишь борьба политическая При этомъ читатель, по настойчивому указанію автора, обязывается признать за несомнѣнное, что монахи, клерикалы, консерваторы, голубые, православные суть разныя наименованія одного и того же предмета и что всѣ эти поименованныя личности непремѣнно ограниченнаго умственнаго кругозора, между тѣмъ какъ прогрессисты, либералы, люди отрицательнаго направленія, зеленые, еретики, составляя въ свою очередь тоже только разныя названія одного и того же предмета, но противоположнаго первому, суть люди просвѣщенные, съ широкомъ взглядомъ и тонкимъ развитіемъ ума. Все это, очевидно, въ высшей степени тенденціозно, непонятно и невѣрно Въ терминологіи, въ понятіяхъ и сужденіяхъ автора встрѣчается полная путаница Авторъ взялся описать борьбу двухъ *политическихъ* партій. Между тѣмъ нигдѣ онъ не потрудился показать содержаніе ихъ политическихъ стремленій, ихъ основной политическій принципъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ совершенно справедливо замѣчаетъ противъ Зампелія, что «нигдѣ не видно, чтобы зеленые возставали противъ монархіи въ принципѣ». Итакъ, въ основномъ политическомъ принципѣ голубые и зеленые согласны между собою. Въ чемъ же относительно политики они разногласятъ? Авторъ не показываетъ этого, но только настойчиво увѣряетъ, что они спорили между собою изъ-за *политическихъ* вопросовъ. Вся характеристика его зеленыхъ ограничивается указаніемъ лишь на то, что они отстаивали еллино-восточные интересы и были либералы и люди свободномыслящіе. Фраза, какъ видно, общая и ничего не опредѣляющая. Извѣстно, что древніе еллины были республиканцы. Между тѣмъ авторъ отрицаетъ въ зеленыхъ республиканскія стремленія. Что же такое интересы еллино-восточные?—Мы видѣли,

ря на общую побѣду христіанства надъ язычествомъ, одержанную въ первый разъ при Константинѣ великомъ

что эллинизмъ въ понятіяхъ древнихъ византійцевъ означалъ тоже, что̀ язычество. Слѣдовательно, интересы эллинно-восточные означаютъ интересы эллинскіе, языческіе. А это необходимо предполагаетъ въ противникѣ нравственно-духовное начало и eo ipso переноситъ борьбу въ область религіозную. Политикою, или точнѣе, государственною властію старались воспользоваться для достиженія чисто религіозно-философскихъ цѣлей. Точно также авторъ не даетъ нарочитаго и яснаго понятія о клерикализмѣ и не показываетъ его политическихъ принциповъ Клерикализмъ, судя по нѣкоторымъ вскользь высказаннымъ авторомъ фразамъ, есть формализмъ, стремленіе къ внѣшней церковности, или обрядности, а политическій принципъ клерикаловъ состоитъ въ томъ, чтобы элементы этой внѣшней церковности внести въ дѣла чисто государственныя. Поэтому выходитъ, что наши раскольники, поповщинскаго и безпоповщинскаго толка, самые упорные клерикалы и при томъ безспорно исключительно политическая партія. Не думаемъ, чтобы такое понятіе о клерикализмѣ было правильно и чтобы древніе восточные монахи были исключительно внѣшне-церковники. Обрядность, стремленіе къ обрядности и исполненіе обрядовъ не есть клерикализмъ; а насколько любовь къ обрядамъ и выполненіе ихъ соотвѣтствуетъ внутреннимъ убѣжденіямъ и, такъ сказать, метафизическимъ воззрѣніямъ той или другой личности,—можетъ ли судить объ этомъ авторъ?... Какъ можно вносить въ чисто государственныя дѣла элементы внѣшне-церковные?—понять это мы отказываемся.—Далѣе, по увѣренію автора, монахи, голубые, а слѣдовательно вообще православные были люди ограниченнаго кругозора, значитъ, они не понимали всей широты христіанскаго ученія. Прогрессисты, либералы, или зеленые также не понимали христіанскаго ученія, потому что были еретики. Какъ же изъ борьбы двухъ заблуждающихся и не понимающихъ сущности дѣла партій выяснялась истина?—не понятно, и съ какого времени стали понимать православіе, или чистое христіанское ученіе?—не извѣстно. Какое отношеніе между либерализмомъ и монофизитствомъ, монофелитствомъ, даже иконоборствомъ? Внутренней связи, очевидно, нѣтъ. Авторъ увѣряетъ читателя, что либералы выставляли эти ереси, только какъ знамя, или лучше, какъ *цвѣтъ* знамени своихъ политическихъ стремленій, подобно тому, какъ для голубыхъ знаменемъ служило православіе. Признаемся, мы не понимаемъ здѣсь автора, мы не понимаемъ того, зачѣмъ было вести ожесточенную борьбу изъ-за *цвѣта* значка, если этотъ цвѣтъ не имѣлъ никакого внутренняго отношенія къ сущности дѣла? Не проще ли и не лучше ли было бы сказать: «вы избирайте намъ какіе угодно цвѣта для знамени, лишь только признайте наши политическіе принципы». Авторъ не задается этимъ вопросомъ, онъ увѣряетъ только читателя, что какъ православные (голубые), такъ и еретики (зеленые) положительно говорили не правду, когда увѣря-

и затѣмъ стойко поддерживаемую послѣдующими императорами, язычники были столь еще многочисленны

ли другъ друга, что они ратуютъ изъ-за истиннаго пониманія христіанства: на самомъ же дѣлѣ они преслѣдовали только политическіе интересы. Пріемъ не критическій, могущій вести къ самымъ произвольнымъ догадкамъ, да и невѣрный Почему, напр, нынѣ, когда политика преобладаетъ надъ религіей, какъ бы стыдятся говорить о религіозныхъ интересахъ и трактуютъ болѣе о политикѣ и народности, между тѣмъ какъ тогда, хотя политика, по увѣренію автора, тоже преобладала надъ религіей, страшились прямо говорить о политическихъ интересахъ, и выставляли на видъ исключительно религіозные интересы, хотя на самомъ дѣлѣ преслѣдовали чисто политическіе? Что заставляло такъ недобросовѣстно пригворяться и самихъ дѣйствующихъ лицъ и лѣтописцевъ, описавшихъ ихъ дѣйствія?—авторъ не выясняетъ этого и понять изъ его сочиненія не возможно. Не понятно и то, какъ можно признать за одну партію—зеленыхъ, заботившихся объ еллинизмѣ и классицизмѣ, и иноборцевъ, имѣвшихъ въ виду исключительно государственные интересы, когда классицизмъ и государственные интересы, по сознанію самого автора,—двѣ вещи совершенно разныя. Не понимаемъ также, на какихъ основаніяхъ отрицаніе чего-либо составляетъ прогрессъ, либерализмъ и т. п., и должно свидѣтельствовать о широтѣ взгляда, тонкости пониманія, о развитіи и просвѣщенности ума отрицающаго, а утвержденіе этого, что̀ отрицаютъ, есть регрессъ, клерикализмъ, застой и соединено съ узкостью умственнаго кругозора. Утвержденіе автора, что православные держались охранительныхъ началъ, были консерваторы, нельзя назвать правильнымъ Охранять можно только то, что вошло въ законъ, издавна держится и признается какъ древнее и узаконенное начало. Между тѣмъ на христіанскую церковь первыхъ восьми вѣковъ нужно смотрѣть какъ на новое начало, старающееся вступить въ міръ, и церкивающее съ нимъ упорную борьбу, шагъ за шагомъ отстаивающее свою чистоту и точно опредѣляющіе себя. Каждый религіозной вопросъ, возбуждаемый въ древней церкви, былъ новизною, требовалъ всеобщаго разсмотрѣнія и точнаго опредѣленія Здѣсь о консерватизмѣ не можетъ быть и рѣчи. Точно также совершенно невѣрно положеніе автора, что монахи исключительно держались православія. При той страстной религіозной борьбѣ, которая велась въ древней восточной церкви, нельзя этого сказать не только о монахахъ вообще, но даже о монахахъ одного и того же монастыря, болѣе,—даже о членахъ одной семьи Исторія показываетъ, что относительно нѣкоторыхъ ересей (хотя бы той же монофизитской) монахи такъ раздѣлялись между собою, что трудно сказать, къ какой сторонѣ—православной или еретической—большинство изъ нихъ принадлежало. Въ доказательство своей мысли, что происходила борьба политическая, а не религіозная, авторъ приводитъ фактъ, что Юстиніанъ II превратилъ храмъ Богоматери въ церковную галлерею съ подмостками зрителямъ для голубыхъ,

на Востокѣ во второй половинѣ V вѣка, что не отказались отъ надежды снова поднять язычество на сте-

---

и восклицаетъ по этому случаю: «можно судить по этому факту, что̀ такое значило православіе для нѣкоторыхъ политическихъ мужей, заявлявшихъ себя въ пользу онаго. Никогда храмъ пресвятой Богородицы не разрушался для подобной цѣли!» Но онъ умалчиваетъ при этомъ, что Юстиніанъ II былъ человѣкъ вполнѣ сумазбродный, что и въ политикѣ онъ совершалъ подобныя же безумства и что по этому онъ былъ мужъ совершенно неполитическій и политику вмѣнялъ въ ничто. Вообще нужно замѣтить, авторъ взялъ нѣкоторые ходячіе модные термины, перенесъ ихъ на эпоху монофизитскихъ, моноѳелитскихъ и иконоборческихъ споровъ, и возмнилъ, что онъ обозрѣлъ указанную эпоху «со всѣмъ внутреннимъ ея строемъ и церковно-гражданскими ея особенностіями». Вопросъ объ отзывахъ о п. Фотіѣ его современниковъ, а тѣмъ болѣе западныхъ писателей отъ этого нисколько не уяснился; потому что взглядъ западныхъ историковъ на Фотія, не только католическихъ, но и протестантскихъ, исключительно обусловливается ихъ религіозною точною зрѣнія, отличною отъ восточныхъ православныхъ писателей, и не будь этой западной религіозной точки зрѣнія, тогда католическіе и протестанскіе писатели сумѣли бы настоящимъ образомъ и, думается, несравненно лучше автора, взглянуть на церковно-политическія обстоятельства Византіи, чтобы во всемъ блескѣ величія и нравственной мощи выдвинуть личность Фотія Что же касается отношенія отзывовъ о п. Фотіѣ его современниковъ къ описаннымъ авторомъ партіямъ зеленыхъ и голубыхъ, то оно является очень механичнымъ. Еретичествующіе либералы — зеленые , превратившіеся потомъ, Богъ вѣсть какими судьбами, въ иконоборцевъ, послѣ иконоборческихъ споровъ какимъ-то непонятнымъ образомъ превратились въ свободномыслящихъ прогрессистовъ - православныхъ. Клерикалы привыкли ругать своихъ противниковъ, они дурно отзываются даже и о православныхъ императорахъ, если эти послѣдніе поступали не въ угоду имъ. Поэтому неблагопріятные отзывы о п Фотіѣ, какъ личности, принадлежащей къ либеральной и прогресивной партіи, его современниковъ—клерикаловъ суть не болѣе, какъ унаслѣдованная привычка отъ прежнихъ клерикаловъ бранить своихъ противниковъ. Такъ ли это? и дѣйствительно ли манера клерикаловъ (да и однихъ-ли клерикаловъ?) ругать своихъ противниковъ зависѣла отъ существованія въ Византіи партій зеленыхъ и голубыхъ? или уже, наконецъ, не зависило ли въ самомъ дѣлѣ существованіе *православной* поргрессивной партіи при п. Фотіѣ отъ существованія зеленой и затѣмъ иконоборческой партій? и чѣмъ *православные* либералы временъ Фотія отличаются отъ *православныхъ* клерикаловъ? или клерикалы перестали быть православными? На всѣ эти вопросы отвѣта нѣтъ у автора. Если же сравнить построеніе его теоріи съ дѣйствительностію, то она окажется очень натянутою и механичною.

пень господствующей религіи. Фанатическіе іудеи питали непримиримую злобу къ христіанамъ и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы нанести имъ посильный вредъ. Наконецъ, сами христіане частію уже распались и продолжали еще распадаться на множество сектъ и толковъ, нерѣдко столь же враждебныхъ другъ другу, какъ и чуждыя имъ религіи—язычество и іудейство. И это раздѣленіе христіанъ не есть нѣчто злонамѣренное, продуктъ людей испорченныхъ, посѣвающихъ раздоры и всякаго рода зло ради самого зла; напротивъ, оно есть явленіе весьма естественное, опреляющееся самыми свойствами попорченной человѣческой природы, ищущей истины. „Ни одинъ изобрѣтатель ереси между христіанами, говоритъ Евагрій, не хотѣлъ умышленно произносить хулу; ни одинъ не рѣшался намѣренно уничтожать божественное; но всякій думалъ, что, утверждая это, говоритъ лучше предшественниковъ“. При этомъ нельзя не отмѣтить слѣдующаго явленія, что лица, освободившія себя подвигами отъ страстей, одухотворенныя и истинно добродѣтельныя, чище и правильнѣе воспринимали евангельское ученіе и всегда являли себя истинными сынами церкви: чистота и цѣломудріе ихъ сознанія давали имъ возможность воспринимать истину, такъ сказать, въ ея объективности. Между тѣмъ какъ еретики, по описанію лѣтописцевъ, въ большинствѣ являются людьми жестокими, порочными и безумными фанатиками: развращенность ихъ сознанія или, по выраженію современниковъ, отсутствіе въ нихъ благодати Божіей, затемняла отъ нихъ истину, какъ бы заслоняла ее, такъ что, вмѣсто объективной истины, они созерцали субъективную нечистоту, въ полной увѣренности, что созерцаютъ чистую истину. Приверженность къ отдѣльнымъ мнѣніямъ была столь сильна въ нѣкоторыхъ личностяхъ, что скорѣе готовы были претерпѣть смерть, чѣмъ отказаться отъ одной буквы или іоты въ словѣ. Нельзя сказать, чтобы распаденіе христіанъ на отдѣльныя секты служило къ ослабленію

церкви; напротивъ, оно, по сознанію современниковъ, даже возвышало и укрѣпляло церковь. „То, говоритъ Евагрій, отъ чего разторгаются члены церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ способствуетъ и располагаетъ къ утвержденію правыхъ и неукоризненныхъ догматовъ“, а это послѣднее въ свою очередь „возбуждаетъ вселенскую и апостольскую церковь къ возрастанію и восхожденію на небо“. (1).

Едва осуждена была ересь Несторія и элементы несторіанскаго броженія не успѣли еще успокоиться, какъ вспыхнула новая ересь, монофизитская или евтихіанская, произведшая величайшія волненія, смуты и броженія въ восточной церкви, продолжавшіяся свыше столѣтія.

27 іюня 444 года умеръ въ Александріи знаменитый предстоятель ея, св. Кириллъ, главный противникъ несторіанской ереси. Мѣсто его занялъ Діоскоръ, человѣкъ въ высшей степени гордый, страстный, властолюбивый и жестокій, но отнюдь не учительный (2). Съ самого восшествія своего на патріаршій престолъ онъ явился страстнымъ гонителемъ родственниковъ св. Кирилла, лишилъ ихъ занимаемыхъ ими должностей, а имущества отбиралъ себѣ. Такъ племянника св. Кирилла, священника Аѳанасія, онъ безъ всякой причины низложилъ и при этомъ конфисковалъ все его имущество, такъ что сдѣлалъ его нищимъ. Набравшись съ юныхъ лѣтъ нѣкоторыхъ еретическихъ мыслей Оригена, онъ теперь, по вступленіи на патріаршую каѳедру, рѣшился дать имъ господство въ церкви, не останавливаясь для этого ни предъ какими средствами (3). Спу-

---

(1) *Παπαρρηγοπουλος*, III, p. 57—58. 62. Cedrenus, 1, p. 589—590. 596—598. 601. Theoph. Chronogr. p 150—154 165—166. Evagr. Scholast. l. I. c 11 p. 263—264. c. 15. p. 269—270 l. II c. 5 p. 292—295. c. 8 p. 297—300 Pichler. II. p. 426. 489. 499.

(2) *μηδ' ὅλως ὢν διδασκαλικός*

(3) Theoph Chron. p. 150—151. Cedrenus, 4, p. 601 Muralt, Chronographie Bysantine. S.P.B. 1855 p. 52. Lebeau, Histoire du Bas-Empire, VI, p. 149.

стя немного произошла перемѣна на патріаршемъ престолѣ константинопольскомъ: мѣсто умершаго Прокла занялъ (447 г.) Флавіанъ, священникъ и сосудохранитель великой константинопольской церкви, представлявшій образомъ своей жизни и мыслей совершеннѣйшую противоположность Діоскору. Лѣтописцы называютъ его мужемъ священнѣйшимъ и добродѣтельнымъ. Великодушный, честный и прямой, онъ ни о чемъ такъ не заботился, какъ и поддержаніи мира и спокойствія въ церкви, хотя это ему вовсе не удалось. (1).

Императоръ Ѳеодосій II, при своей учености, набожности и ласковости, былъ однакожъ чрезвычайно вредное существо, какъ правитель государства: онъ рѣшительно не имѣлъ никакого характера и во все время своего продолжительнаго царствованія (408—450) былъ въ полномъ смыслѣ игрушкою разныхъ, постепенно смѣнявшихъ другъ друга, эвнуховъ. Къ тому же онъ былъ крайне безпеченъ и подписывалъ самыя важныя государственныя бумаги, не читая ихъ. Умная и добродѣтельная сестра его Пульхерія, чтобы отучить его отъ этой безпечности, разъ поднесла ему бумагу, въ которой закрѣплялась въ рабство собственная жена его Евдокія и—Ѳеодосій подписалъ эту бумагу, не читая. Пристыженный такимъ образомъ сестрою, онъ сдѣлался нѣсколько внимательнѣе (2), но не пріобрѣлъ твердости характера и самостоятельности въ дѣйствіяхъ. Въ концѣ царствованія своего онъ подпалъ вліянію эвнуха Хризафія, который по этому сдѣлался первымъ лицемъ въ государствѣ. Злобный и коварный, какъ почти всѣ эвнухи, Хризафій особенно сильно вознеистовствовалъ ни новоизбраннаго патріарха Флавіана. Причины тому были достаточныя для человѣконенавистнаго эвнуха. Хризафій находился въ общеніи и

---

(1) Muralt, p. 55. Theoph. Chron. p. 150—151. Cedrenus, 1. p. 601. Neander, IV. p. 232. 235.

(2) Cedrenus, 1, p 586—587. Theoph. Chron p. 156.

союзѣ съ Евтихіемъ, архимандритомъ одного изъ многочисленныхъ монастырей константинопольскихъ, заявившимъ себя ревностнымъ противникомъ Несторія на ефесскомъ соборѣ, и считалъ его своимъ крестнымъ отцемъ. Евтихій, противодѣйствуя Несторію, впалъ въ противоположную крайность и призналъ въ Іисусѣ Христѣ по соединеніи одно только естество Божеское. Естественно, свой образъ мыслей онъ передалъ и Хризафію. Поэтому, когда, по смерти Прокла, на патріаршій престолъ былъ избранъ православный и благочестивый Флавіанъ, Хризафій оказался чрезвычайно недоволенъ этимъ выборомъ и потому сталъ употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы низложить Флавіана и возвести на его мѣсто своего единомышленника Евтихія. Лишь только Флавіанъ получилъ хиротонію архіерейства, какъ Хризафій поспѣшилъ внушить слабодушному и безхарактерному императору, чтобы онъ потребовалъ отъ патріарха подарка (εὐλογίας) за избраніе его въ столь высокую должность. Флавіанъ послалъ имъ вмѣсто золота нѣкоторые священные золотые сосуды и этимъ пристыдилъ императора, а Хризафій еще болѣе возненстовствовалъ на Флавіана. Но такъ какъ при дворѣ имѣла великую силу мудрая Пульхерія, православная и покровительствовавшая Флавіану, вслѣдствіе того онъ ничего не могъ непосредственно сдѣлать ненавистному патріарху и направилъ свои козни противъ самой Пульхеріи. При помощи супруги императора, Евдокіи, онъ успѣлъ достичь того, что данъ былъ приказъ Флавіану постричь Пульхерію въ діакониссы, какъ обрекшую себя дѣвству. Но Флавіанъ открылъ о намѣреніи царя Пульхеріи и пособилъ ей скрыться въ одномъ монастырѣ. Императоръ и Хризафій разнѣвались за это на патріарха. Не былъ доволенъ Флавіаномъ и Діоскоръ александрійскій. Не говоря уже о томъ, что Діоскоръ, какъ еретикъ, держался иного образа мыслей, чѣмъ Флавіанъ, ненависть его къ этому послѣднему возбуждалась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Флавіанъ покровительствовалъ и оказывалъ пособіе родственникамъ св. Кирилла, которыхъ гналъ Діоскоръ. Естественно, что между Діоскоромъ и

Хризафіемъ завязались сердечныя связи и начались дѣятельныя сношенія для осуществленія одного и тоже плана. Партія Евтихія и Хризафія въ Константинополѣ, нужно думать, была довольно значительна, между тѣмъ какъ Діоскоръ пріобрѣлъ себѣ множество приверженцевъ въ средѣ египетскихъ епископовъ и монаховъ. Монахи Сиріи и Палестины, въ значительномъ количествѣ своемъ, точно также болѣе склонялись къ идеямъ Діоскора и Евтихія, чѣмъ къ православному образу мыслей патріарха Флавіана. Такимъ образомъ броженіе умовъ было готово и нужна была только искра, чтобы возникла страшная борьба со всѣми дикими проявленіями религіознаго фанатизма (1).

Евсевій епископъ дорилейскій, который, будучи еще въ званіи константинопольскаго схоластика (2), первый обличилъ Несторія въ ереси, бесѣдуя однажды съ Евтихіемъ о предметахъ вѣры, нашелъ, что и онъ уклонился отъ праваго ученія и впалъ въ крайность противоположную Несторію, слилъ въ Іисусѣ Христѣ два естества въ одно Божеское. Евсевій сначала старался вразумить Евтихія, но напрасно. Тогда онъ донесъ на Евтихія патріарху константинопольскому, Флавіану, и такимъ образомъ вынудилъ его созвать соборъ и разсмотрѣть на немъ ученіе Евтихія. Первый помѣстный соборъ, составленный Флавіаномъ (въ началѣ 449 г.) изъ сорока находящихся въ Константинополѣ епископовъ, нашелъ ученіе Евтихія неправильнымъ и потому

---

(1) Theoph. Chronogr. p. 151—153 Lebeau, VI, p. 198—199. Neander, IV, p. 226—231.

(2) У Евагрія (I, 5) Евсевій называется ритиромъ: *ὃς καὶ ῥήτωρ ἔτι τυγχάνων, πρῶτος τὴν Νεστορίου βλασφημίαν διήλεγξεν*. Схоластикъ означаетъ тоже, что и адвокатъ, какой употреблялся въ судахъ при разборѣ разныхъ дѣлъ (Ducang Glossarium, p. 1611), между тѣмъ какъ должность ритора есть должность исключительно церковная и означала толковника священнаго Писанія (ibid. p. 1294). На риторѣ лежала обязанность составлять и произносить проповѣди въ храмѣ приспособительно къ требованіямъ слушателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ главнымъ начальникомъ епископской школы.

осудилъ его и низложилъ. Но Евтихій, обнадеженный поддержкою Хризафія, подалъ императору аппеляцію, въ которой объявилъ, что Флавіанъ исказилъ дѣйствительные документы собора. Вслѣдствіе этого составился въ Константинополѣ новый помѣстный соборъ, на которомъ присутствовали и гражданскіе чиновники. Но и этотъ соборъ осудилъ Евтихія и нашелъ рѣшеніе перваго собора правильнымъ. Само собою понятно, что партія Евтихія не могла остаться довольной подобнымъ рѣшеніемъ. Хризафій вошелъ въ самыя дѣятельныя сношенія съ Діоскоромъ и объявилъ ему, что онъ можетъ расчитывать на поддержку двора во всѣхъ своихъ желаніяхъ, если только съ своей стороны будетъ содѣйствовать дѣлу Евтихія и его партіи (1). Кромѣ того Хризафій постарался привлечь на свою сторону и супругу Θеодосія II, Евдокію, напомнивъ ей, сколь мною зла причинилъ ей Флавіанъ по дѣлу съ Пульхеріей. Судя по общему ходу рѣчи и нѣкоторымъ отдѣльнымъ выраженіямъ лѣтописцевъ, можно думать, что Хризафій опуталъ и самого императора Θеодосія II, представивъ ему дѣло патріарха Флавіана съ Евтихіемъ, какъ торжество несторіанства надъ православіемъ. Во всякомъ случаѣ императоръ Θеодосій рѣшительно сталъ на сторону Евтихія и далъ предписаніе собраться вселенскому собору въ Ефесѣ. Патріархи: римскій, антіохійскій и іерусалимскій оповѣщены были о томъ особыми грамотами, а александрійскому Діоскору назначено предсѣдательство. Римскій папа Левъ I прислалъ отъ себя легатовъ и съ ними два посланія—къ собору и къ п. Флавіану. Такимъ образомъ открылся въ Ефесѣ соборъ въ началѣ августа 449 года.

Но этотъ соборъ, вмѣсто названія вселенскаго, по справедливости заклейменъ потомствомъ названіемъ разбойничьяго собора (λῃστρικὴ σύνοδος). Здѣсь все было подстроено такъ, чтобы не было ни суда надъ обвиняемыми лицами, ни свободнаго разсмотрѣнія вѣро-

(1) καὶ δηλοῖ τῷ Διοσκόρῳ Ἀλεξανδρείας, ἐν πάντα αὐτῷ συνεργεῖν τὰ καταθύρια, εἰ ὑπὲρ Εὐτυχοῦς ἀγωνίσηται. Chron Theoph. p. 154.

ученія; здѣсь царили только насиліе, коварство и ярость фанатическихъ монаховъ. Относительно п. Флавіана и членовъ упомянутыхъ выше двухъ константинопольскихъ соборовъ императоръ далъ такое повелѣніе: „епископамъ, которые прежде судили благоговѣйнѣйшаго архимандрита Евтихія, присутствовать и молчать, мѣста судей не занимать, но ожидать общаго мнѣнія всѣхъ святѣйшихъ отцевъ; потому что теперь подлежитъ изслѣдованію собственный ихъ судъ". Для надзора за дѣйствіями синода императоръ отправилъ двухъ чиновниковъ и войско. Въ инструкціи, данной чиновникамъ, сказано, чтобы они арестовывали и отправляли къ императору всякаго, кого замѣтятъ, что онъ будетъ производить безпокойства ко вреду святѣйшей вѣры; а это при настоящихъ обстоятельствахъ значило—заранѣе авторизовать всѣ дѣйствія синода въ пользу Евтихія. Монаху Варсумѣ, который, по засвидѣтельствованію отцевъ халкидонскаго собора, опустошилъ цѣлую Сирію и вооружилъ тысячи монаховъ противъ православныхъ, склонивъ ихъ къ монофизитству (1), императоръ даровалъ, вопреки церковнымъ канонамъ, право мѣста и *голоса* на соборѣ, какъ представителю правой вѣры. Для веденія протоколовъ Діоскоръ употреблялъ только своихъ собственныхъ нотаріевъ, горячо ему преданныхъ. Признавъ исповѣданіе Евтихія вѣрою всего собора и всѣхъ православныхъ христіанъ, Діоскоръ безъ околичностей приступилъ къ осужденію п. Флавіана и Евсевія дориленскаго. Посланія папы Льва великаго, въ которыхъ излагалось православное ученіе вѣры, пройдены молчаніемъ. Легаты, увидѣвъ это, убѣжали изъ собора и возвратились въ Римъ. Осужденіе Флавіана произведено быстро, безъ суда. Діоскоръ силою принудилъ епископовъ подписаться на бѣломъ листѣ, на которомъ осужденіе Флавіана написалъ онъ послѣ самъ. Страхъ, наведенный монофизи-

(1) Evagr. p. 325: *ἐπεξόησαν πάντες οἱ ἐπίσκοποι, πᾶσαν Συρίαν Βαρσουμᾶς ᾐφάνισεν, ἐπήγαγεν ἡμῖν χιλίους μονάζοντες.*

тами на православныхъ членовъ собора, былъ столь великъ, что возражать никто не посмѣлъ и всѣ подписались. Солдаты и монофизитскіе монахи производили страшный шумъ, такъ что епископамъ не возможно было даже и говорить. Подписался на бѣлой бланкѣ и антіохійскій патріархъ. Домнъ. Но потомъ. опомнившись отъ ужаса, воспротестовалъ, объявилъ соборъ беззаконнымъ и потребовалъ свою подпись назадъ. Діоскоръ за это низложилъ его. Предъ низложеніемъ Флавіана Діоскоръ и монахъ Варсума нанесли ему столь сильные побои, что онъ на третій день отъ нихъ умеръ. Осужденъ и Евсевій дорилейскій. На мѣсто низложеннаго Флавіана Діоскоръ самовольно рукоположилъ своего апокрисіарія при константинопольской церкви, Анатолія, безъ сомнѣнія, съ цѣлію имѣть его своимъ послушнымъ орудіемъ; а мѣсто Домна занялъ Максимъ. Императоръ утвердилъ дѣянія собора въ полной увѣренности, что онъ охраняетъ правую вѣру и содѣйствуетъ водворенію спокойствія въ государствѣ. Хризафій и его партія такъ представили ему дѣло, что будто-бы Флавіанъ. Евсевій дорилейскій и ихъ сторонники извергаютъ правую вѣру, утвержденную на ефесскомъ, третьемъ вселенскомъ, соборѣ и вводятъ несторіанство. Въ эдиктѣ, изданомъ по поводу утвержденія дѣяній разбойничьяго собора, осужденіе Флавіана ставится на ряду съ осужденіемъ Несторія, такъ что эти два предмета какъ бы отожествляются. Большая часть Сиріи, Палестины и Египта приняли монофизитизмъ Евтихія, между тѣмъ какъ жители Востока, Понта и Азіи, а также большая часть константинопольскаго населенія остались вѣрными православію. Главными двигателями и распространителями монофизитизма, какъ въ Сиріи и Палестинѣ, такъ равно и въ Египтѣ, были монахи, но съ другой стороны монахи же явились и наиболѣе ревностными поборниками православія. Въ ряду этихъ послѣднихъ стали столь одухотворенныя личности, какъ Симеонъ Столпникъ и Даніилъ Столпникъ. Очень многочисленное количество приверженцевъ ереси, равно какъ и легкость, съ какою одни и тѣже

лица переходили изъ православія въ монофизитство, и на оборотъ—изъ монофизиства въ православіе, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ не столько объ умственномъ рабствѣ борющихся партій, какъ привыкли утверждать западные писатели, сколько о томъ, что какъ самый вопросъ, такъ и его рѣшеніе представлялись для многихъ современниковъ неясными, допустимыми въ томъ и другомъ случаѣ (1). Потому что рабство, по нашему мнѣнію, исключаетъ возможность борьбы; борьба и притомъ ожесточенная непремѣнно предполагаетъ свободу мнѣній, убѣжденіе въ нихъ и возможность болѣе или менѣе свободнаго ихъ отстаиванія. Впрочемъ нельзя, конечно, отрицать и того, что находились лица и совершенно рабскаго образа мыслей. Но таковыя личности, обыкновенно, не имѣютъ никакого вліянія на исходъ борьбы и раскрытіе идей (2).

Папа Левъ великій, узнавъ отъ своихъ легатовъ о беззаконныхъ дѣйствіяхъ ефесскаго разбойничьяго собора, чрезвычайно огорчился, столько же утвержденіемъ на немъ монофизитской ереси, сколько и тѣмъ обстоятельствомъ, что его посланія къ собору и патріарху Флавіану не были удостоены и прочтенія; мало того, соборъ даже отлучилъ его отъ церкви, а это наносило величайшее оскорбленіе сознанію о римскомъ примативѣ, которое въ это время начинало уже образовываться (3). Поэтому онъ началъ употреблять мѣры, чтобы кассировить разбойничій соборъ, осудить всѣ его рѣшенія и лишить его всякаго значенія. Не имѣя возможности непосредственно дѣйствовать на императора Θеодосія II, онъ попробовалъ повліять на него чрезъ

---

(1) Напримѣръ положеніе что Іисусъ Христосъ состоитъ въ (ἐν) двухъ естествахъ, а не изъ (ἐξ) двухъ естествъ Evagr. l. II c. 5 p. 294. c. 18 p. 324—325.

(2) Chronogr. Theoph 153—155. Evagr. l. I c. 9. 10. p. 261—263 c. 12 p. 265. 325. Theod. Lect. Fragment. p. 587 Cedrenus, 1, p. 601 Murait, p. 58—59. Также: Neander, IV, p. 236—243 Lebeau, VI, p 199—203 Παταρρηγοπουλος, III. p. 41.

(3) Evagr I, II. c. 4. p 289—290. c. 18. p 317—318.

западнаго императора Валентиніана III (433—455), женатаго на родной дочери Θеодосія, прекрасной Евдоксіи. Во время пребыванія Валентиніана съ семействомъ въ Римѣ, папа Левъ самъ лично явился къ нему и со слезами на глазахъ (1) умолялъ его снестись съ Θеодосіемъ и побудить его исправить беззаконныя дѣйствія разбойничьяго собора. Валентиніанъ исполнилъ просьбу папы: его супруга Евдоксія написала отцу письмо, но получила отвѣтъ: „да будетъ извѣстно твоей кротости (γλυκότητη), что Флавіанъ низложенъ божественнымъ судомъ церквей, какъ виновникъ многихъ безпорядковъ“ (ταραχῶν) (2). Явно, что пока Θеодосій находился подъ вліяніемъ внушеній Хризафія, о кассированіи разбойничьяго собора не могло быть и рѣчи: партія Евтихія и Діоскора торжествовала и монофизитизмъ пускалъ глубокіе корни.

Раскрытіе истины предъ императоромъ относительно ефесскаго разбойничьяго собора произошло въ слѣдующемъ, 450 году. Какъ это случилось?—лѣтописцы умалчиваютъ; но только когда Θеодосій узналъ, что онъ былъ игрушкою коварствъ Хризафія; что по отношенію къ Флавіану совершено величайшее нечестіе, и что несправедливость оказана и прочимъ православнымъ епископамъ, пребывавшимъ на соборѣ; то прежде всего онъ естественно опечалился о содѣланномъ беззаконіи, а затѣмъ крайне вознегодовалъ на его виновниковъ. Хризафій, какъ главный и дѣйствительный виновникъ всѣхъ безпорядковъ и несчастій, немедленно сосланъ былъ въ ссылку на одинъ островъ. Узналъ императоръ, что и его супруга, Евдокія, принимала участіе въ интригахъ Хризафія. На этотъ разъ онъ припомнилъ ей и другіе безчестные поступки, какими она запятнала себя вкупѣ съ Хризафіемъ, и сдѣлалъ ей по этому случаю строжайшій выговоръ, отъ котораго она пришла въ отчаяніе и попросила позво-

(1) μετὰ δακρύων αὐτῶν ἐπιστολὰς τῷ βασιλεῖ Θεοδοσίῳ γραφῆναι.
(2) Chronogr p. 156.

удалиться въ Іерусалимъ. Императоръ не противился. Послѣ этого вызвалъ онъ къ двору сестру свою Пульхерію и снова ввѣрилъ ей управленіе государствомъ. Первымъ дѣломъ ея правительственной дѣятельности было перенесеніе изъ Ефеса въ Константинополь мощей свят. Флавіана, котораго она глубоко почитала еще при его жизни. Впрочемъ, Θеодосій не дожилъ до торжественнаго и формальнаго осужденія разбойничьяго собора: спустя нѣсколько времени послѣ описанныхъ событій онъ отправился на конѣ покататься. Конь споткнулся и упалъ. При этомъ Θеодосій такъ ушибся, что чрезъ два дня померъ (20 іюня 450 г.). Предъ смертію онъ, по Кедрину, будто-бы призвалъ къ себѣ Пульхерію и объявилъ ей, что преемникомъ ему долженъ быть Маркіанъ и что это открылъ ему Іоаннъ Богословъ въ видѣніи въ Ефесѣ. Затѣмъ онъ вѣсть объ избраніи на императорскій тронъ будто-бы высказалъ и самому Маркіану (1).

Пульхерія одарена была правительственнымъ геніемъ, достойнымъ лучшаго мущины, и предъ смертію Θеодосія держала въ своихъ рукахъ всѣ высшія отрасли государственнаго управленія, такъ что, по смерти Θеодосія, она осталась главнымъ правительственнымъ лицемъ. Но женщина во главѣ государственнаго управленія—примѣръ, не бывалый доселѣ въ исторіи римской имперіи. Сколь она ни была одарена административнымъ тактомъ, но самыя свойства ея пола исключали возможность предупредить интриги, какія могли возникнуть изъ-за престонаслѣдія. При томъ и наступившія религіозныя смуты имперіи требовали мужской твердой руки. Поэтому, едва только скончался Θеодосій, когда еще никто не зналъ о его смерти, Пульхерія призвала къ себѣ Маркіана и объявила ему, что она избираетъ его въ императоры и себѣ въ супруги, если только онъ съ клятвою обѣщаетъ ей сохранить ея

(1) Theoph. p. 137—139. Cedrenus, 1, p 601—609.

дѣвство. Маркіанъ обѣщалъ. Тогда Пульхерія объявила его императоромъ въ присутствіи сената и патріарха (1). 25 августа онъ возложилъ на себя императорскую корону въ присутствіи патріарха Анатолія, а вслѣдъ за коронаціей женился на Пульхеріи, будучи 54 лѣтъ отъ роду (2).

Маркіанъ, родомъ ѳракіянанъ, сынъ воина и самъ въ началѣ проходилъ должность простаго воина. Въ то время, какъ онъ провозглашенъ былъ императоромъ, онъ достигъ званія только еще трибуна. Отличительнымъ его свойствомъ была необыкновенная доброта и состраданіе къ ближнимъ. Онъ не обладалъ широкимъ свѣтскимъ образованіемъ, но онъ былъ искренній и сердечно вѣрующій христіанинъ: здравый смыслъ и евангельскія правила замѣняли ему научное философское образованіе. При сердечной добротѣ, онъ обладалъ твердостію характера, а долгая трудовая и боевая жизнь развила въ немъ достаточную опытность. Никогда, можетъ быть, вкусъ женщины не руководствовался при выборѣ себѣ супруга столь исключительно нравственными его качествами, какъ въ настоящемъ случаѣ (3).

Первымъ дѣломъ Маркіанова царствованія было возвращеніе изъ ссылки всѣхъ православныхъ епископовъ, сосланныхъ по происканъ Діоскора и Хризафія въ предыдущее царствованіе (4). Обиженные епископы стали просить императора, чтобы онъ повелѣлъ пересмотрѣть ихъ дѣло, пересмотрѣть акты разбойничьяго ефесскаго собора и раскрыть истину. Въ особенности же сильно докучалъ ему въ этомъ отношеніи Евсевій дорилейскій. Онъ говорилъ императору, что какъ онъ самъ, такъ и Флавіанъ осуждены Діоскоромъ неспра-

---

(1) Cedrenus, 602—603. Theoph. Chron. p. 159.

(2) Muralt, p 61. Lebeau, VI, p. 212.

(3) Evagr l. II c 1. p. 281—283. Cedrenus, 1, p. 603—604 Chronogr Theoph. p. 160—162 Lebeau VI p. 210—211.

(4) Cedrenus 1, p 603

ведливо, вслѣдствіе коварствъ евнуха Хризафія; что Діоскоръ наносилъ страшные побои Флавіану, и что вообще на ефесскомъ соборѣ утверждена ересь. Съ другой стороны и папа Левъ принесъ Маркіану жалобы на ефесскій соборъ и Діоскора, засвидѣтельствовавъ ему, что его посланіе, заключающее въ себѣ исповѣданіе православной вѣры, даже и не прочитано было (1). Эти всеобщія жалобы православныхъ и важность возбужденнаго вѣроисповѣднаго вопроса побудили императора созвать вселенскій соборъ для обоюднаго общаго соглашенія. Но папа съ своей римской эгоистической точки зрѣнія не желалъ этого. Онъ требовалъ только просто кассированія ефесскаго собора, признанія своего посланія къ Флавіану за подлинное исповѣданіе православной вѣры и осужденія монофизитовъ согласно опредѣлію послѣдняго помѣстнаго патріаршаго константинопольскаго синода (2). Императоръ имѣлъ всѣ основанія не соглашаться на подобныя требованія: а) съ чисто юридической точки зрѣнія не было никакого основанія слѣдовать болѣе римскому, чѣмъ александрійскому и іерусалимскому патріархамъ, бывшимъ на ефесскомъ соборѣ (449 г.): b) если авторитетъ римскаго епископа не былъ уваженъ прежде на ефесскомъ соборѣ, то не было никакого основанія думать, чтобы онъ былъ уваженъ монофизитами теперь; наконецъ с) монофизиты были очень многочислены въ восточной имперіи; большинство населенія Египта, Сиріи и Палестины склонилось къ монофизитству. да и въ самомъ Константинополѣ была значительная монофизитская партія. Понятно, что Маркіану, по свойствамъ своего характера и какъ государю страны, вовсе не хотѣлось, да и не выгодно было давить монофизитовъ, какъ незначительную партію еретиковъ. Папа уступилъ и согласился на созваніе собора, но только въ Италіи (3). Но Маркіанъ, имѣя

(1) Evagr. l. II. c. 2. p 283.

(2) См. его письм. къ Марк. 82.

(3) См. 94 п. его къ Марк.

въ виду исключительно умиреніе Востока, гдѣ происходили споры, не согласился и на это; оповѣстительными граматами онъ повелѣлъ епископамъ собраться въ Никеѣ въ Виѳиніи, въ воспоминаніе перваго никейскаго собора, на 1-е сентября 451 г. (1). Сюда же онъ пригласилъ явиться и папу Льва I, признавъ въ своихъ къ нему письмахъ полное его значеніе въ дѣлахъ церкви (2). Папа согласился и прислалъ своихъ легатовъ въ Никею (3) Сюда же стеклось огромное множество монофизитовъ—клириковъ, монаховъ и простыхъ мірянъ. Они начали производить безпорядки и думали силою принудить отцевъ собора постановить рѣшенія въ ихъ пользу. Это обстоятельство побудило императора перенести соборъ изъ Никеи въ Халкидонъ по близости къ Константинополю. Такимъ образомъ халкидонскій четвертый вселенскій соборъ наконецъ торжественно открытъ былъ 12 окт. 451 года въ храмѣ св. Евѳиміи. Всѣхъ отцевъ собралось на него 630 (4).

Не въ цѣляхъ нашей задачи подробно описывать ходъ соборныхъ разсужденій. Замѣтимъ только, что Маркіанъ старался употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы ходъ соборныхъ разсужденій былъ свободный и чтобы спорящія партіи пришли къ соглашенію. Самъ онъ въ первый разъ явился лишь на шестомъ засѣданіи, гдѣ онъ выразилъ свое горячее желаніе, чтобы всѣ пришли къ общему соглашенію и прославили Бога едиными устами и единымъ сердцемъ. Соборъ открылся удаленіемъ Діоскора изъ числа членовъ собора, жалобою на него Евсевія дорилейскаго и разборомъ актовъ ефесскаго собора (449 г.). Не трудно было доказать, что всѣ дѣйствія этого собора были насильственны и антиканоничны. Діоскоръ, какъ главный виновникъ зла, былъ осужденъ и низложенъ а) за то, что неправиль-

(1) Evagr l. II c. 2 p 283—283 Lebeau. VI, p. 319.

(2) Theod. Lect. l I. c 3. p. 563, *πάσαν αὐτ αὐθεντίαν παρέχοντες*;

(3) ibid.

(4) Evagr. II c 3 p. 284. Muralt. p 64 Lebeau. VI, 319—320 Neander. IV, p. 249—250.

но осудилъ Флавіана и Евсевія, в) за принятіе Евтихія, вопреки правиламъ, въ число православныхъ, и с) за оскорбленіе папы Льва. Вѣроисповѣдной пунктъ, затронутый Евтихіемъ, былъ изслѣдованъ весьма тщательно. Посланіе Льва великаго, заключающее въ себѣ исповѣданіе вѣры, было прочитано въ слухъ всѣхъ, изслѣдуемо отдѣльными епископами, во всѣхъ мѣстахъ, возбуждавшихъ сомнѣніе, провѣряемо съ исповѣданіемъ Кирилла и прежнихъ соборовъ, и признано было за символическій актъ лишь послѣ того, какъ всѣ епископы единогласно объявили, что въ немъ излагается вселенская правая вѣра. Въ особенности обращено было вниманіе на то, чтобы привести къ соглашенію разномыслящихъ. Но это, по весьма понятнымъ причинамъ, не удалось: наиболѣе непреклонными и упорными защитниками монофизитизма оказались монахи (1).

Многіе монахи изъ прежнихъ приверженцевъ Евтихія и Діоскора перешли на сторону православія и согласились анаѳематствовать какъ Несторія, такъ и Евтихія, но другіе не согласились съ рѣшеніями собора и остались вѣрными своему ученію. Эти послѣдніе требовали у собора права присутствовать и Діоскору на соборѣ въ качествѣ члена, т. е. требовали возстановленія Діоскора во всѣхъ его правахъ; когда же соборъ отказалъ имъ въ этомъ и потребовалъ ихъ удаленія, они въ отвѣтъ на это закричали: „прочь оскорбленіе монастырей“ (2). Однимъ изъ главныхъ противниковъ халкидонскаго собора и возмутителей общественнаго порядка былъ монахъ Ѳеодосій. Въ началѣ онъ проводилъ жизнь въ одномъ изъ египетскихъ монастырей, но „уличенный здѣсь въ злодѣяніи, оказанномъ своему епископу, онъ былъ изгнанъ изъ монастыря. Когда же отсюда пришелъ въ Александрію, онъ былъ взятъ здѣсь Діоскоромъ и жестоко наказанъ имъ розгами, какъ возмутитель и человѣкъ безпокойный, а затѣмъ,

(1) Evagr. l. II, c. 4 p. 287—292. c. 18 p. 309—329.

(2) ibid. p 325—326. ἆραν ὕβριν μοναστηρίων.

подобно злодѣямъ, былъ возимъ на ослѣ по городу". Съ обнаруженіемъ монофизитскихъ споровъ онъ перешелъ на сторону еретиковъ и сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ ихъ коноводовъ. Чтобы достигнуть торжества своей партіи, онъ еще на халкидинскомъ соборѣ старался произвести волненія. Но такъ какъ здѣсь порядокъ былъ поддерживаемъ строго, то онъ съ нѣкоторыми изъ единомышленниковъ удалился изъ собора и поспѣшно бѣжалъ въ Палестину. Здѣсь онъ сталъ употреблять всѣ мѣры, чтобы возбудить монаховъ и простой народъ противъ халкидонскаго собора. Повсюду онъ кричалъ, что правая вѣра извращена на соборѣ и православіе ниспровергнуто. Въ Іерусалимѣ онъ вошелъ въ довѣріе императрицы Евдокіи, супруги Ѳеодосія II, и, при помощи ея людей и подъ ея покровительствомъ, сталъ совершать крайнія насилія. Однихъ изъ противниковъ монофизитства онъ казнилъ, другихъ подвергалъ пыткамъ, а иныхъ лишалъ имущества. Северіана епископа скиѳопольскаго, онъ повелѣлъ обезглавить за то, что этотъ уличилъ его въ неправовѣріи и беззаконіяхъ. Точно также онъ повелѣлъ обезглавить и Аѳанасія, діакона церкви св. Воскресенія, уличавшаго его въ безбожіи. Тѣло Аѳанасія было съ тріумфомъ влачимо по улицамъ города и затѣмъ брошено собакамъ. Словомъ, Іерусалимъ, повыраженію лѣтописца, походилъ отъ насилій Ѳеодосія на городъ, взятый и опустошенный варварами. Когда Ювеналій, прощенный на халкидонскомъ соборѣ, возвратился въ Іерусалимъ и сталъ здѣсь дѣйствовать въ пользу православія, то Ѳеодосій и противъ него воздвигъ страшное гоненіе, такъ что Ювеналій принужденъ былъ бѣжать отсюда въ Константинополь. Домнъ, архіепископъ антіохійскій, удалился отъ насилій Ѳеодосія въ пустыню. Тогда монофизиты избрали и рукоположили Ѳеодосія на мѣсто Ювеналія въ патріархи Іерусалима. Получивъ хиротонію и власть патріарха, Ѳеодосій началъ производить новыя насилія: онъ по произволу рукополагалъ епископовъ и священниковъ, низводилъ

однихъ и на мѣсто ихъ опредѣлялъ другихъ, и вообще старался замѣстить всѣ мѣста монофизитами. Около двухъ лѣтъ продолжалось владычество Ѳеодосія въ Палестинѣ. Императоръ Маркіанъ, узнавъ объ этихъ палестинскихъ безпорядкахъ, послалъ туда войско съ приказомъ схватить Ѳеодосія, но онъ убѣжалъ на гору Синай. Тогда Ювеналій снова вступилъ въ управленіе іерусалимской паствой (1).

Діоскоръ, низложенный соборомъ, какъ главный виновникъ зла и руководитель разбойничьяго собора, былъ сосланъ императоромъ въ одинъ пафлагонскій городъ Гангру. На его мѣсто, по требованію египетскихъ епископовъ и по общему опредѣленію всего собора, избранъ и рукоположенъ Протерій, человѣкъ кроткій, снисходительный и совершенно православнаго образа мыслей. Между тѣмъ александрійская партія монофизитовъ была очень сильна и многочисленна. Потому, когда Протерій прибылъ въ Александрію—мѣсто своего назначенія,—православные обрадовались его прибытію и стали вокругъ него группироваться, между тѣмъ какъ приверженцы Діоскора и Евтихія отвергли его и начали производить волненія. Вскорѣ эта борьба партій возросла до всеобщаго народнаго возстанія. Намѣстникъ Александріи хотѣлъ-было подавить мятежъ силою, но мятежники обратили посланный противъ нихъ отрядъ въ бѣгство, принудили его запереться въ бывшемъ храмѣ Сераписа и здѣсь заживо сожгли его. За тѣмъ они прекратили подвозъ пшеницы изъ Александріи въ Константинополь. Императоръ, узнавъ объ этомъ, послалъ въ Александрію для подавленія мятежа войско, повелѣлъ свозить пшеницу, сплавляемую чрезъ Нилъ, вмѣсто Александріи въ Пелузій и отсюда уже отправлять ее въ Константинополь, воспретилъ даровую раздачу хлѣба александріицамъ и лишилъ ихъ нѣкоторыхъ другихъ привиллегій. Стѣсненные такимъ образомъ во

(1) Evagr. l. II. c. 5. p. 293—295. Theoph. Chron. p. 165—166.

всѣхъ отношеніяхъ и мучимые голодомъ, александрійцы послѣ того сами стали просить у императора Протерія и усмирились. Протерій вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей и занялся устройствомъ сильно потрясенной александрійской церкви (1). Пульхерія не имѣла счастія видѣть прекращенія смутъ церковныхъ; она умерла въ началѣ 453 года, любимая и оплакиваемая всѣмъ народомъ (2).

Нѣтъ сомнѣнія, что для того чтобы держать въ равновѣсіи всѣ борющіяся партіи, нужна высокая политическая мудрость, твердая и опытная мужская рука, установившаяся и выработанная система управленія. Послѣ халкидонскаго собора, какъ видѣли, вся восточная римская имперія раздѣлилась какъ-бы на двѣ почти равныя половины сообразно двумъ законодательнымъ актамъ объ одномъ и томъ же предметѣ: ефесскаго-разбойничьяго собора и халкидонскаго четвертаго вселенскаго. Это почти равное распредѣленіе народонаселенія имперіи на двѣ части—православныхъ и еретиковъ—показывало, что возбужденный вопросъ, не смотря на законодательное онемъ рѣшеніе, практически далеко еще не закончень и предстояла долгая и упорная борьба, прежде чѣмъ онъ будетъ приведенъ къ желаемому окончанію. Правительство Маркіана объявило себя за халкидонское опредѣленіе. Тоже самое въ большинствѣ вынуждались дѣлать и послѣдующія правительства, хотя по образу мыслей нѣкоторыя изъ нихъ, можетъ быть, болѣе приближались къ воззрѣніямъ еретиковъ. Но многочисленность еретиковъ требовала особенно деликатнаго и умѣлаго обхожденія съ ними. Полагая своею задачею поддержаніе не только правой вѣры, но и возможнаго спокойствія въ государствѣ, и приведеніе всѣхъ подданныхъ къ единомыслію, правительство, практиковало для этого особый видъ политики, который характерно былъ обозначенъ терминомъ *οἰκονομία*. Подъ икономіей или домостроительствомъ, по изъясненію па-

(1) Evagr. l. II. c. 5 p. 293—295, Theoph. Chron. p. 165—166.
(2) ibid p. 164. Lebeau VI p. 352—353.

тріарха Фотія, разумѣется прежде всего и главнымъ образомъ страшное и превышающее всякое человѣческое разумѣніе воплощеніе Бога-Слова, а потомъ послабленіе, или временное прекращеніе дѣйствія нѣкоторыхъ точнѣйшихъ законовъ, дѣлаемое непремѣнно по распоряженію государя и для достиженія высшихъ цѣлей (1). Евлогій, патріархъ александрійскій (579—607), спеціально занимавшійся этимъ вопросомъ, говоритъ, что икономія, или домостроительство, допустима только тогда, когда она отнюдь не нарушаетъ святости и чистоты догматовъ вѣры (2). Какъ Евлогій, такъ и Фотій перечисляютъ множество видовъ икономіи или домостроительства въ словахъ, дѣйствіяхъ и лицахъ. Но всѣ они генетически связываются съ первымъ видомъ икономіи—воплощенія Бога-Слова ради нашего спасенія. Въ политикѣ подъ икономіей или домостроительствомъ разумѣется проявленіе любви, гуманности и снисхожденія къ человѣческому роду, по образу любви Божіей, проявившейся въ воплощеніи Бога-Слова. Въ такомъ видѣ икономія одобрялась и похвалялась церковію. Но примѣненіе ея на практикѣ, какъ увидимъ, вызывало жесточайшіе споры. При осуществленіи того или другого церковно-политическаго домостроительства всегда представлялся труднымъ къ разрѣшенію вопросъ: насколько придуманный способъ проявленія икономіи соотвѣтствуетъ высшимъ цѣлямъ любви? Не нарушены ли законы нравственности? Не осквернена ли чистота вѣры? Рѣшеніе этихъ-то вопросовъ и вызывало сильные споры (3).

---

(1) Ἀμφιλοχ. ξ. 1. § 14. p. 7. ξ 111 p. 183: *Οἰκονομία λέγοιτ' ἂν κυρίως μὲν ἡ τοῦ Λόγου φρικτὴ καὶ ὑπὲρ ἔννοιαν ἐνανθρώπησις· καὶ καθ' ἕτερον δὲ τρόπον, τῶν ἀκριβεστέρων νόμων ἡ ἐπὶ τινα χρόνον ὑποστολή, ἢ σχολή, ἢ τῶν ἀνειμένων εἰσφορά, πρὸς τὴν τῶν δεχομένων ἀσθένειαν διοικονομοῦντος τοῦ νομοθέτου τὸ πρόσταγμα* Также: Duc. Glossar. 1031—32.

(2) Vales. annotat. ad. hist. Philost. p. 511.

(3) Въ нашей переводной литературѣ слово: *οἰκονομία* переведено въ разныхъ мѣстахъ различно и вездѣ не точно и даже неправильно. Въ

Подавивъ мятежъ въ Александріи и волненія въ Палестинѣ, Маркіанъ, по видимому, возстановилъ полное спокойствіе въ имперіи. Личнымъ своимъ характеромъ, а также мудрою и твердою политикой онъ сумѣлъ держать страсти въ равновѣсіи и не давать имъ дикаго и неистоваго обнаруженія. По проявленію тишины, кротости, благоразумія и справедливости лѣтописцы называютъ царствованіе Маркіана золотымъ вѣкомъ, какого давно никто не видалъ (1). Но это спокойствіе было только видимое. Въ дѣйствительности же повсюду таились элементы недовольства, мятежа и волненій, и они проявились тотчасъ же, какъ только Маркіана не стало (въ началѣ 457 г.).

Могущественнѣйшимъ изъ домовъ, какой наиболѣе выдавался въ ряду константинопольскихъ вельможъ, былъ родъ Аспара, варвара по происхожденію, по мнѣнію нѣкоторыхъ, алана. Теперь, когда померъ Маркіанъ, казалось, ничто не могло препятствовать его восшествію на императорскій тронъ. Но онъ былъ аріанинъ и къ тому же варваръ родомъ. Между тѣмъ въ средѣ константинопольцевъ уже въ это время сложилось и было довольно прочно сознаніе, что они—православные христіане, а потому и владыки ихъ непремѣнно должны быть православные. Вслѣдствіе этого Аспаръ разсчиталъ лучше господствовать посредствомъ другихъ, чѣмъ подвергать себя ненужнымъ опасностямъ: онъ возвелъ на императорскій тронъ Льва, родомъ оракійца, по должности трибуна (2). Левъ (457—474), названный своими

одномъ мѣстѣ оно переведено словомъ: «опредѣленіе» (Евагр. Соб. 1853 стр. 140), въ другомъ—словомъ «благоразуміе» (Тамъ же, стр. 363 368), въ иномъ—«приспособленіе къ обстоятельствамъ» (въ письмахъ Оеодора Студита, напр. въ письм. 24. 33. 34. 36 38 и пр.), наконецъ въ иномъ словами: «олагоразумное приспо обленіе», или: «благоразумное приспособленіе къ обстоятельствамъ» (Пахимеръ кн V. гл 18) Всѣ эти названія, очевидно, не выражаютъ точнаго значенія слова: *οἰκονομία* и могутъ быть, перетолкованы не столько въ хорошемъ, сколько въ худомъ смыслѣ

(1) Theoph Chron p 167 Cedrenus, 1, p. 606.

(2) *Παπαρρηγοπουλος*, II, p 772—773. Hergenrother. 1, p 110.

современниками великимъ въ отличіе отъ своего внука, Льва II или малаго, былъ человѣкъ разсудительный, довольно твердаго характера и добрый, прислушивающійся къ общественному мнѣнію, выражавшемуся въ формѣ общихъ вѣрованій. Самостоятельность свою по отношенію къ Аспару онъ проявилъ съ самаго начала своего царствованія, а потомъ и совершенно отдѣлался отъ него, повелѣвъ умертвить его со всѣмъ его родомъ. Онъ первый изъ византійскихъ императоровъ былъ вѣнчанъ на царство рукою патріарха Анатолія (1), и съ его царствованія Византія въ первый разъ опредѣленно получила тотъ религіозный характеръ, который служитъ отличительною чертою этой имперіи: со времени Льва I вѣнчаться на царство императорамъ отъ руки константинопольскаго патріарха сдѣлалось неизбѣжнымъ долгомъ, непремѣнною обязанностію (2).

Александрійскіе монофизиты, узнавъ о смерти Маркіана, немедленно же начали производить волненія. Патріарха Протерія они называли мелькитомъ, т. е. патріархомъ поставленнымъ отъ царя (3), и не хотѣли признавать его своимъ патріархомъ. Волненію смутъ весьма много содѣйствовалъ здѣсь Тимоѳей Элуръ, бывшій сначала монахомъ, а потомъ священникомъ въ Александріи, но запрещенный Протеріемъ столько же за склонность къ смутамъ, какъ и за еретическій образъ мыслей. Чтобы вѣрнѣе достигнуть патріаршаго престола, этотъ Элуръ разъ ночью обошелъ келліи монаховъ и назвалъ каждаго монаха поимянно. Когда-же

(1) Такъ думаютъ большинство изслѣдователей Византіи, но Папарригопуло оспариваетъ это мнѣніе утверждая, что существуетъ нѣкоторое свидѣтельство, по которому будто и Феодосій II былъ вѣнчанъ на царство константинопольскимъ патріархомъ.

(2) Παπαρρηγοπουλος, II, p. 773—774. Theoph. Chron p. 170. Cedrenus. 1. p. 607—608.

(3) Mural, p. 65. Съ этого времени египетскіе монофизиты стали называть всѣхъ православныхъ мелькитами а ихъ патріарховъ—мелькитскими патріархами.

пробужденный монахъ спрашивалъ, кто вопрошающій,— Элуръ отвѣчалъ: „я—ангелъ и посланъ съ неба возвѣстить вамъ, чтобы вы отложились отъ общенія съ Протеріемъ и халкидонскаго собора и избрали во епископа Александріи Тимоѳея Элура". Послѣ этого волненія еще болѣе усилились и наконецъ возросли до явнаго бунта. Тимоѳей Элуръ дѣйствительно былъ избранъ своими приверженцами и рукоположенъ на мѣсто Протерія двумя монофизитскими низложенными епископами. За тѣмъ онъ напалъ съ шайкою своихъ сторонниковъ на Протерія въ храмѣ во время службы въ первый день Пасхи (20 апр. 458 г.) Протерій бѣжалъ отъ нихъ въ крещальню. мѣсто почитаемое наиболѣе священнымъ и недоступнымъ для совершенія злодѣяній. Бунтовщики послѣдовали за нимъ и сюда, и здѣсь умертвили его вмѣстѣ съ шестью сопутствовавшими ему клириками. Не довольствуясь однимъ злодѣяніемъ, они пошли далѣе и стали самымъ дикимъ и звѣрскимъ образомъ издѣваться надъ трупомъ убитаго патріарха: сначала привязали его къ такъ называемому четверостолпію, при чемъ „всѣмъ показывали и кричали съ насмѣшками: убитъ Протерій"; потомъ проволочили его по всѣмъ улицамъ города и наносили при этомъ всевозможные удары; за тѣмъ въ остервененіи даже стали пожирать внутренности священномученика, и. наконецъ, оставшіяся части трупа сожгли, а пепелъ разсѣяли по вѣтру. Послѣ того владычество Элура продолжалось въ Александріи около двухъ лѣтъ. Православные епископы и клирики подали императору Льву жалобы. въ которыхъ подробно изложили и всѣ насилія, учиненныя еретиками надъ православными. Но вмѣстѣ съ ними подали императору прошенія и сами еретики. Императоръ рѣшился дѣйствовать возможно осмотрительно. Хотя предыдущее правительство признало за истинную вѣру опредѣленія халкидонскаго собора, но тѣмъ не менѣе существовалъ и тотъ фактъ, что большинство населенія нѣкоторыхъ частей имперіи состояло изъ монофизитовъ, державшихся опредѣленій ефесскаго разбойничьяго собора. Поэто-

му прямо стать на сторону халкидонскаго собора и предпринимать строгія мѣры противъ еретиковъ не дозволяло благоразуміе политики. Наказавъ самостоятельно лишь незнатныхъ бунтовщиковъ, императоръ за окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла обратился съ окружнымъ посланіемъ ко всѣмъ патріаршимъ престоламъ, всѣмъ епископамъ римской имперіи и къ наиболѣе знаменитымъ и всѣми уважаемымъ монахамъ: Симеону Столпнику и сирійцамъ — Варадату и Іакову. Сказавъ предварительно, что „и александрійская чернь, и люди чиновные, и граждане, и моряки требуютъ себѣ въ епископы Тимоѳея Элура", и что „александрійцы отнюдь не соглашаются принять опредѣленія халкидонскаго собора", онъ за тѣмъ умоляетъ каждаго епископа и монаха свободно по своей совѣсти, какъ бы предъ судомъ Божіимъ, подать свое мнѣніе, какъ относительно Тимоѳея Элура, такъ и самого халкидонскаго собора. Для болѣе вѣрнаго и правильнаго рѣшенія дѣла онъ проситъ каждаго патріарха разсмотрѣть его на своихъ патріаршихъ соборахъ. Всѣ епископы, за исключеніемъ только Амфилохія сидскаго, и всѣ спрошенные монахи единогласно высказались за халкидонскій соборъ и противъ Тимоѳея Элура. Тогда императоръ, подавивъ мятежъ въ Александріи, присудилъ Элура къ ссылкѣ, сначала въ Гангры, куда былъ сосланъ и Діоскоръ, но такъ какъ онъ и здѣсь сталъ производить смуты, то его повелѣно препроводить далѣе — въ Херсонесъ таврическій. Въ патріархи же Александріи избранъ православный Тимоѳей Салофакіолъ (459 г.), прозываемый иначе Левкосомъ (Бѣлымъ), человѣкъ въ высшей степени кроткій и миролюбивый, заслужившій любовь и уваженіе даже въ средѣ самихъ еретиковъ (1).

---

(1) Evagr. l. II. c. 8. 9. 10 11. Theod Lector l. I c. 8. 9 Cedrenus, 1 p. 608—609. Theoph. Chron p. 170—173: 187: *πολλοὺς δὲ κακώσας ὁ Αἴλουρος Τιμόθεου* (т. е. *Σαλοφακ.*) *βλάψαι οὐκ ἴσχυσεν διὰ τὸ ὑπὸ πάντων ἀγαπᾶσθαι αὐτὸν*. Тоже самое см. у Liberat. Breviar. c. 16.

Въ 459 году императоръ Левъ I выдалъ дочь свою Аріадну за Зенона, родомъ исаврійца, называвшагося въ началѣ Арикмисіемъ и уже послѣ брака переименованнаго въ Зенона въ честь одного знаменитаго лица исаврянъ, носившаго точно такое же названіе (1). Этого своего зятя императоръ вскорѣ (464 г.) назначилъ восначальникомъ всего Востока. Проѣздомъ, на мѣсто своего назначенія Зенонъ захватилъ въ Халкидонѣ одного священника при храмѣ св. муч. Вассы, Петра Гнафея или Кнафея (Сукновала, Фуллона), заявившаго себя склонностію къ ереси монофизитовъ, безпокойнаго, честолюбиваго и неразборчиваго на средства въ достиженіи своихъ цѣлей. Въ Антіохіи, куда Зенонъ пріѣхалъ съ своею свитою для управленія вверенной ему областью, патріаршествовалъ послѣ Василія Мартирій (2). Кнафей очень восхотѣлъ овладѣть патріаршимъ антіохійскимъ престоломъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, онъ постарался прежде всего войдти въ довѣріе Зенона и попросилъ его содѣйствія. Затѣмъ онъ началъ возбуждать клиръ и народъ противъ законнаго своего патріарха Мартирія въ отличіе отъ православныхъ внесъ въ трисвятую пѣснь: „распныйся за ны“, и сталъ подвергать анаѳемѣ всякаго, кто не говорилъ, что Богъ распятъ. Отъ этого произошли смуты и безпорядки въ народѣ и его возмущеніе противъ патріарха. Мартирій принужденъ былъ бѣжать изъ Антіохіи въ Константинополь. Здѣсь со времени смерти св. Анатолія (458 г.) патріаршествовалъ Геннадій (459—471 г.), ироднѣ, православный, еще при жизни прославившійся чудесами, ревностно заботившійся объ умиротвореніи церкви и имѣвшій вліяніе на

(1) Theoph Chron. p. 172. Evagr. I. II c 15.

(2) Рядъ Антіохійскихъ патріарховъ послѣ Домна, низложеннаго въ 449 г., былъ слѣдующій: Максимъ (450—454), Василій (454—456) и Мартирій (съ 456) Theoph.

царя (1). Онъ объявилъ себя за Мартирія и побудилъ императора принять его съ честію и возвратить ему отнятую у него каѳедру. Но когда Мартирій возвратился съ полномочіями императора въ Антіохію, то клиръ и народъ, подстрекаемые Сукноваломъ, сторону котораго держалъ въ этомъ случаѣ Зенонъ, рѣшительно возстали противъ него, такъ что Мартирій нашелся наконецъ вынужденнымъ сказать: „отрицаюсь клира непокорнаго, народа непослушнаго, церкви запятнанной, оставляя за собою достоинство священства“, и отказался отъ управленія паствой. Тогда Кнафей тиранническимъ образомъ овладѣлъ антіохійскимъ патріаршимъ престоломъ, и тотчасъ же рукоположилъ во епископа Апамеи нѣкоего Іоанна, уже прежде низложеннаго. Скоро обо всѣхъ этихъ событіяхъ узналъ патріархъ Геннадій и поспѣшилъ увѣдомить о нихъ императора, побуждая его принять мѣры къ успокоенію церкви. Императоръ присудилъ Кнафея къ ссылкѣ; но онъ, узнавъ заблаговременно объ этомъ наказаніи, бѣжалъ и скрылся, вѣроятно, въ обители неусыпающихъ. На его мѣсто, по общему приговору, избранъ и рукоположенъ былъ Юліанъ (въ концѣ 464 или въ началѣ 465 года). (2).

Благочестивый патріархъ Геннадій, однажды незадолго до своей смерти пришедши ночью въ алтарь на молитву, увидѣлъ здѣсь нѣкоторый демонскій призракъ; когда же Геннадій укорилъ его за неумѣстное появленіе въ столь священномъ мѣстѣ, то услышалъ слѣдующій голосъ: „пока ты живъ, я ничего не трогаю; но послѣ совершенно раззорю Церковь“ (3). Геннадій

---

(1) Theod. Lect. l. I. c. 13. 15. 16

(2) ibid l. I. c. 20 21. 22. 30. Cedrenus 1, p. 611—612. 617. Theoph Chron. p. 175. 176 187 καὶ Πέτρον τὸν Γναφέα κρυπτόμενον ἐν τῇ μονῇ τῶν Ἀκοιμήτων, откуда между прочимъ нужно заключить, что въ средѣ монаховъ обители неусыпающихъ были и монофизиты.

(3) Theod. Lect. l I. c. 26. Очень вѣроятно, что это сказаніе составлено послѣ совершившагося факта; но оно вѣрно характеризуетъ по-

умеръ въ концѣ 471 года и на его мѣсто избранъ Акакій (471—489), начальникъ сиротскихъ пріютовъ и священникъ. Акакій уже во второй разъ избранъ на патріаршій престолъ константинопольскій (1). Латиняне не иначе изображаютъ его, какъ человѣкомъ гордымъ и властолюбивымъ, если не вполнѣ еретикомъ, то колеблющимся между ересью и православіемъ и потому примѣняющимся къ обстоятельствамъ, вообще—болѣе чѣмъ предтечею свят. патріарха Фотія (2). преисполненнаго, съ ихъ точки зрѣнія, зла и всякой неправды. Въ существѣ же дѣла онъ былъ искренно привязанъ къ православію и твердо держался его началъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ ловкимъ политикомъ, столько же заботившимся о спокойствіи церкви, какъ и о благѣ всего государства. Все его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ патріаршествовалъ при государяхъ, не только не соотвѣтствовавшихъ затруднительнымъ обстоятельствамъ времени, но даже недостойныхъ носить самое великое имя государя.

Императоръ Левъ I умеръ 3 февраля 474 года въ возрастѣ 73 лѣтъ. Онъ не оставилъ послѣ себя мужского поколѣнія. Не задолго предъ своею смертію онъ назначилъ своимъ преемникомъ внука своего отъ Аріадны и Зенона, Льва II, которому по однимъ едва было въ это время шесть лѣтъ, а по другимъ—шестнадцать. Во главѣ государственнаго управленія оста-

---

слѣдующее состояніе дѣлъ. Въ сущности положеніе вещей, какъ при Маркіанѣ и Львѣ I, такъ и при слѣдующихъ императорахъ было одно и тоже: броженіе умовъ было весьма сильное, едва сдерживаемое рукою мудрыхъ и энергичныхъ государей. Но діаволъ возмутилъ церковь тѣмъ, что подставилъ такихъ недостойныхъ государей, какъ Зенонъ, Василискъ и Анастасій.

(1) Theod. Lect. l. I. c. 13. Evagr, l. II. c. 11. Theoph Chron. p. 182.

(2) Hergenrother 1, p. 110: Acacius war ein Mann von stolzem und herrschsuchtigen Charakter, .. in mehr als einer Beziehung Vorlaufer des Photius

лись двѣ женщины: супруга Льва I Верина и его дочь Аріадна, обѣ—недалекія по уму, но честолюбивыя, державшіяся сомнительныхъ религіозныхъ убѣжденій и развратныя. Немедленно послѣ смерти Льва I онѣ поправили его ошибку. Когда отецъ малолѣтняго императора Льва II, Зенонъ, пришелъ въ циркъ, гдѣ между прочимъ объявлялось народу о вступленіи въ управленіе государствомъ новыхъ императоровъ, то мальчикъ, вѣроятно, по наущенію матери, возложилъ на его голову императорскую корону, и такимъ образомъ вмѣстѣ съ Львомъ II провозглашенъ былъ императоромъ и его отецъ, Зенонъ; а такъ какъ Левъ II скоро послѣ того скончался, процарствовавъ едва только 10 мѣсяцевъ, то Зенонъ, за смертію сына, остался единодержавнымъ властителемъ государства (1). Какъ на знаменательный фактъ, близко совпадающій съ царствованіемъ Льва I, нужно указать еще на уничтоженіе западной римской имперіи въ 476 году. Съ этого времени Византія стала жить исключительно своею отдѣльною жизнію, политическимъ и церковнымъ центромъ которой болѣе и болѣе становился Константинополь (2). Поэтому не несправедливо нѣкоторые полагаютъ, что царствованіе Льва I составляетъ предѣлъ, которымъ завершается образованіе византійскаго государства, начертанное Константиномъ великимъ, и начинается его жизнь, какъ отдѣльнаго и уже вполнѣ сформировавшагося государства (3).

---

(1) Eragr. l. II. c. 17. Theod. Lect. l. I. c. 24. 27. *Παπαρρηγοπουλος*, II. p. 786. III. p. 36—37. Theoph Chron. p. 185. Cedrenus. 1, p 614.

(2) Константинополь къ описываемому времени сдѣлался какъ бы пантеономъ византійской имперіи. Недовольствуясь видѣть его столицею имперіи, императоры отовсюду собирали въ него священные предметы, останки мучениковъ, мощи подвижниковъ, и тѣмъ возвышали его и дѣлали какъ бы притягательнымъ центромъ для вѣрующихъ. Theod. Lect. l. II. c 61. 62. 63. 64. 65. Cedrenus, 1, p. 614.

(3) *Παπαρρηγοπουλος* II, p. 786—789.

Характеръ Зенона и перемѣна въ престолонаслѣдіи. Энкиклика и антиэнкиклика Василиска. Вторичное вступленіе Зенона на императорскій тронъ и перемѣны въ патріаршемъ управленіи въ Александріи и Антіохіи. Изданіе энотикона и отношеніе къ нему какъ православныхъ, такъ и монофизитовъ во всѣхъ концахъ имперіи. Смерть Зенона и вступленіе на императорскій тронъ Анастасія. Характеръ послѣдняго. Характеръ его политики по дѣламъ церкви. Патріархи: Евѳимій и Македоній. Смуты въ Антіохіи, Іерусалимѣ и Константинополѣ. Возстаніе Виталіана. Анастасій и епископъ Эніандъ. Смерть Анастасія.

Императоръ Зенонъ (474—491), родомъ исаврянинъ, по описанію лѣтописцевъ, совмѣщалъ въ себѣ всѣ пороки развратнаго купилы, но мало проявлялъ добродѣтелей. Кедринъ причисляетъ его къ ереси безглавыхъ, сливающихъ два естества въ І. Христа (1). Но едва ли онъ держался какихъ-либо опредѣленныхъ твердыхъ убѣжденій. Черный, косматый и нестройный по внѣшности, онъ былъ отвратителенъ и по внутреннимъ своимъ качествамъ: гнѣвливъ, злопамятенъ, завистливъ и къ тому же крайній развратникъ. Сладострастію онъ предавался въ крайней степени и развратничалъ открыто. Онъ полагалъ, что не значитъ быть самодержцемъ, если совершать пороки тайно. Онъ былъ полнымъ рабомъ своихъ страстей. Какъ всѣ записные развратники, онъ крайне измельчалъ душею, сдѣлался безхарактеренъ и трусливъ (2). Въ самомъ началѣ его царствованія имперію постигли страшныя бѣдствія: на Месопотамію напали Сарацины, а на Ѳракію Гунны, и страшно опустошили страну. То же, что оставалось отъ опустошенія варваровъ, бралъ насильственно Зенонъ и тратилъ на свои удовольствія. Все это сдѣлало его ненавистнымъ для подданныхъ. Императрица Ве-

(1) Cedrenus p. 615.

(2) Ibid. Evagr. l. III. c. 1. 3.

рина и часть синклита вошли въ сношенія съ Василискомъ, братомъ Верины, пребывавшимъ въ Иракліи оракійской. Василискъ возсталъ противъ Зенона и провозгласилъ себя царемъ, сына своего Марка—кесаремъ, а супругу Зинодію — августою. Лѣтописцы не говорятъ подробно о томъ, какъ совершилось это возмущеніе, но, судя по дальнѣйшимъ дѣйствіямъ Василиска, можно думать, что главными участниками въ его возмущеніи были монофизиты, противники халкидонскаго собора. Зенонъ бѣжалъ съ своею женою Аріадною въ Исаврію а Василискъ безъ боя вступилъ въ Константинополь (1).

Василискъ былъ не лучше Зенона по своимъ нравственнымъ качествамъ, такъ что описывать его качества значитъ заимствовать нѣкоторыя черты изъ образа поведенія Зенона. Побуждаемый женою своею Зинодіей (которую Θеодоръ Чтецъ называетъ Зенонидой) (2) и, очень вѣроятно, нѣкоторыми другими изъ партіи монофизитовъ, содѣйствовавшихъ ему въ обладаніи императорскимъ тропомъ (3). Василискъ тотчасъ же началъ предпринимать мѣры къ подавленію и угнетенію чтителей халкидонскаго собора. По просьбѣ нѣкоторыхъ александрійскихъ гражданъ, пребывавшихъ въ Константинополѣ, онъ особымъ указомъ вызвалъ изъ ссылки Тимоѳея Элура, который пребывалъ въ изгнаніи восьмнадцать лѣтъ къ ряду. Въ тоже самое время вышелъ изъ обители неусыпающихъ и Петръ Кнафей. Вообще всѣ враги халкидонскаго собора подняли головы и почуяли начало своего торжества. Тимоѳей Элуръ, прибывъ въ Константинополь, сталъ убѣждать Василиска издать грамату противъ опредѣленій хал-

---

(1) Theoph Chron p. 186 194 Evagr. III. c. 2. 3. Theod. Lect. l. 1. c 28. 29. Cedrenus. 1, p. 615—616.

(2) Theoph. Chron p. 187: *καὶ εὐθέως κατὰ τῆς πίστεως παρετάξατο, Ζηνωνίδος μάλιστα παρορμωσης αὐτὸν εἰς τοῦτο.* Theod. Lect. l. 1. c. 23.

(3) Cedrenus. 1. p. 618. Theoph. p. 194.

кидонскаго собора (1) и, какъ бы въ предчувствіи торжества, вздумалъ совершить торжественную религіозную процессію, но, нечаянно упавъ съ осла, сломилъ себѣ ногу и со стыдомъ возвратился въ квартиру. Василискъ исполнилъ просьбу Элура и вполнѣ предался вліянію монофизитской партіи: самого Тимоѳея Элура онъ съ особыми полномочными граматами (*μετὰ τύπων*) отправилъ въ Александрію, а Петра Кнафея—въ Антіохію. На пути Элуръ заѣхалъ въ Ефесъ и здѣсь возвелъ на архіепископскій престолъ Павла, „который, по замѣчанію Евагрія, хотя уже былъ рукоположенъ по древнему обычаю епископами той епархіи, но потомъ оставался низверженнымъ съ своего престола“. Какъ противникъ халкидонскаго собора, Тимоѳей Элуръ не хотѣлъ признавать никакихъ его опредѣленій и потому возвратилъ ефесской каѳедрѣ права, отнятыя у нея халкидонскимъ соборомъ и переданныя константинопольскому патріарху. Прибывъ въ Александрію, Элуръ немедленно овладѣлъ патріаршимъ престоломъ, анаѳематствовалъ халкидонскій соборъ и требовалъ подобнаго же анаѳематствованія отъ всѣхъ, приходящихъ къ нему. На послѣдователей халкидонскаго собора онъ воздвигъ гоненіе; но онъ не могъ причинить никакого вреда православному Тимоѳею Салофакіолу, потому что онъ былъ любимъ всѣми, не только православными, но и еретиками. Кроткій Салофакіолъ самъ добровольно уступилъ каѳедру и удалился въ монастырь канопскій. Петръ Кнафей едва только прибылъ въ Антіохію, какъ возбудилъ безпорядки и раздоры. Благочестивый Юліанъ, увидя это и не имѣя возможности предотвратить зло, умеръ отъ печали; а Петръ Кнафей овладѣлъ патріаршимъ престоломъ и поспѣшилъ предать анаѳемѣ халкидон-

---

(1) Evagr. l. III. c. 4: *καὶ δῆτα τοῦ βασιλέως κατειληφὼς πόλιν ὁ Τιμόθεος, πείθει τὸν Βασιλίσκον ἐγκυκλίοις χρήσασθαι συλλαβαῖς πρὸς τοὺς ἐκτὸς ἱερέας ἀναθέματί τε περιβαλεῖν τὰ ἐν Καλχηδόνι πεπραγμένα, καὶ τὸν Τόμον Λέοντος.*

скій соборъ (1). Слѣдуя наущенію Тимоѳея Элура, издалъ противъ халкидонскаго собора окружное посланіе (ἐγκύκλιον) и самъ императоръ. Сущность содержанія этого посланія заключается въ слѣдующемъ.— Сказавъ предварительно, что законы, изданные прежними императорами, онъ принимаетъ вполнѣ и признаетъ ихъ своими законами; что благочестіе и ревность по Богѣ и Спасителѣ нашемъ І. Христѣ онъ предпочитаетъ всякому другому попеченію о дѣлахъ человѣческихъ, и что согласіе паствъ Христовыхъ составляетъ спасеніе, какъ ихъ самихъ, такъ и каждаго подданнаго и всего государства, далѣе онъ утверждаетъ и признаетъ за основаніе вѣры никео-цареградскій символъ и опредѣленія ефесскаго, третьяго вселенскаго, собора. „А что нарушило единеніе и порядокъ святыхъ Божіихъ церквей и миръ всего міра,—продолжаетъ онъ,—какъ то: книгу Льва и все, постановленное въ Халкидонѣ для опредѣленія вѣры, или изложенія символовъ,—все, сказанное въ смыслѣ толкованія, или ученія, или разсужденія, и сдѣланное, какъ нововведеніе, противъ вышеупомянутаго святого символа 318 св. отцевъ,—все то какъ здѣсь, такъ и вездѣ, въ каждой церкви, гдѣ будетъ найдено, повелѣваемъ всюду находящимся святѣйшимъ епископамъ предавать анаѳемѣ и огню“. „Пусть со всѣми нововведеніями, допущенными въ Халкидонѣ вопреки божественному символу, будетъ анаѳемствуема ересь тѣхъ, которые не исповѣдуютъ, что единородный Сынъ Божій истинно воплотился и вочеловѣчился отъ Духа Святого и отъ Святой Приснодѣвы Богородицы Маріи, а говорятъ, что Онъ имѣлъ тѣло или небесное, или призрачное и мнимое. Вообще пусть будетъ анаѳематствуема всякая ересь и все, что̀ когда либо, какъ либо и гдѣ либо во вселенной, мысленно и словесно введено новаго къ нару-

(1) Theoph. Chron. p. 187—188. Cedrenus, 1, p. 617. Evagr. l. III. c. 4. 5 6. Theod. Lect. l. l. c. 30. 31.

ченію того божественнаго символа. А какъ царскому попеченію свойственно съ дальновидностію утверждать спокойствіе подданныхъ — не на настоящее только время, но и на будущее: то повелѣваемъ, чтобы всюду находящіеся святѣйшіе епископы подписались подъ этою нашею священною окружною граматою,.... анаѳематствуя всякое положенное въ Халкидонѣ преткновеніе православному народу, и совершенно изгоняя его изъ святыхъ церквей, какъ дѣйствительное препятствіе общему и нашему благоденствію". Императоръ назвалъ это свое посланіе „согласнымъ съ волею Божіей" и изданнымъ „по примѣру прежнихъ императоровъ". Потому непослушныхъ, отвергающихъ это посланіе, онъ подвергалъ всей карѣ законовъ, изданныхъ прежними императорами противъ еретиковъ (1).

Всякій читатель, мало знакомый со всѣми тонкостями богословскихъ споровъ, безспорно, найдетъ это посланіе Василиска вполнѣ православнымъ. И дѣйствительно, если на время представить себѣ, что собора халкидонскаго какъ бы не существовало, то въ немъ нельзя найдти ничего такого, что можно было бы осудить съ православной точки зрѣнія. Императоръ принималъ опредѣленія первыхъ трехъ вселенскихъ соборовъ и исповѣдалъ, что I. Христосъ, истинный Сынъ Божій по Божеству, истинно воплотился отъ Дѣвы Маріи и по человѣчеству. Всего этого не осудилъ и халкидонскій соборъ. Далѣе, разсматриваемое съ государственной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія политики посланіе Василиска является мудрымъ государственнымъ актомъ. Правительству свойственно заботиться о благѣ подданныхъ и спокойствіи государства. Если бы что-либо подобное случилось нынѣ, — безъ сомнѣнія, очень многіе просвѣщенные, и либеральные и консервативные, мужи достодолжнымъ образомъ восхваляли бы подобный актъ правительства. Посланіе Василиска,

(1) Евагрія, III 4.

конечно, прежде всего приняли александрійскій Тимоѳей Элуръ и антіохійскій Петръ Кнафей. Но его также принялъ и преемникъ Ювеналія іерусалимскаго, Анастасій. Всѣхъ епископовъ, отвергшихъ посланіе папы Льва и халкидонскій соборъ и принявшихъ энкиклику Василиска, насчитывалось до 500. Когда же послѣ того стали упрекать восточныхъ епископовъ, что они приняли энкиклику изъ страха предъ императоромъ, то они составили въ Ефесѣ соборъ, отъ лица котораго отправили къ Василиску прошеніе съ изъявленіемъ, что окружное его посланіе подписано ими „съ совершенною радостію и готовностію“ (1). Западные писатели, какъ католическіе, такъ и протестантскіе, при разборѣ разсматриваемаго факта, обыкновенно, упрекаютъ восточныхъ епископовъ и вообще всю восточную церковь въ рабствѣ предъ императорами. Но едва ли справедливо. Одни изъ епископовъ, какъ можно видѣть изъ самого хода дѣла, подписались подъ энкикликой Василиска потому, что она въ нѣкоторомъ отношеніи есть ихъ собственный плодъ и благопріятствовала покровительствуемой ими ереси; другіе—очень можетъ быть—изъ страха предъ императоромъ, по рабству чувства и мысли; но большинство едва ли не изъ убѣжденія, что въ энкикликѣ ничего нѣтъ неправославнаго, что авторитетъ собора важенъ бываетъ лишь настолько, насколько онъ утверждаетъ истину, и что если самая истина признается и отвергается только соборомъ (по какимъ бы то ни было причинамъ), то имъ во всякомъ случаѣ можно пожертвовать ради спокойствія государства, отъ котораго зависитъ и самое благосостояніе церкви. Какъ бы то ни было, только мы, при ближайшемъ разсмотрѣніи фактовъ, не можемъ признать, чтобы столь многимъ числомъ епископовъ руководило исключительное рабство мысли и чувства предъ императорами (2).

(1) Evagr. l III. c. 5.

(2) Мы здѣсь можемъ удивляться только тому, какимъ образомъ Неандеръ (IV, 261), вообще питающій отвращеніе къ точнымъ дог-

Но горячіе послѣдователи халкидонскаго собора взглянули на энкиклику Василиска совершенно съ другой стороны. Авторитетъ халкидонскаго собора важенъ именно потому, что онъ утвердилъ точную и опредѣленную истину, такъ что кто отвергаетъ соборъ, тотъ тѣмъ самымъ отвергаетъ и истину, утвержденную этимъ соборомъ. Широкое вѣщаніе императора, что онъ признаетъ во Христѣ какъ истинное Божество, такъ и истинное Его воплощеніе отъ Дѣвы Маріи, по своей неопредѣленности заключало въ себѣ хитрую западню еретиковъ, тайное ихъ намѣреніе замѣстить всѣ церковныя мѣста монофизитами и, вмѣсто ученія халкидонскаго собора о неслитномъ, нераздѣльномъ и непреложномъ соединеніи въ І. Христѣ двухъ естествъ: божескаго и человѣческаго, повсюду ввести, на основаніи энкиклики императора, проповѣдь о сліяніи двухъ естествъ въ Богочеловѣкѣ, монофизитство. Православные отвергли энкиклику Василиска, какъ еретическую и безбожную, ниспровергающую правую вѣру. Патріархъ Акакій, получившій отъ императора повелѣніе принять его энкиклику по примѣру прочихъ восточныхъ патріарховъ, вмѣсто послушанія поспѣшилъ возбудить противъ него, какъ еретика и врага правой вѣры, православныхъ монаховъ и жителей Константинополя (1).

матическимъ опредѣленіямъ, въ настоящемъ случаѣ вознегодовалъ на византійскихъ епископовъ и увидѣлъ въ ихъ поступкѣ лишь рабское послѣдованіе богословскому направленію двора. Съ своей богословской точки зрѣнія онъ долженъ былъ бы радоваться подобному явленію, что въ исторіи нашелъ людей, хотя нѣсколько, приближавшихся къ его образу мыслей. Но здѣсь примѣшался другой болѣе сильный мотивъ— общее отвращеніе Запада къ византійской церкви.

(2) Evagr. l: III c. 7: *Ἀκάκιον δὲ φησι τὸν τῆς Κωνσταντινουπόλεως πρόεδρον ἐπὶ τούτοις περιπατήσαντα, συγκινῆσαι τὸ μοναχικὸν καὶ τὸν δῆμον τῆς βασιλευούσης, ὡς αἱρετικοῦ τοῦ Βασιλίσκου τυγχάνοντος.* Т о Евагріи прямо свидѣтельствуетъ, что монаховъ и народъ константинопольскій возбудилъ противъ Василиска патріархъ Акакій. Ѳеодоръ Чтецъ говоритъ объ этомъ такимъ образомъ, что Василискъ не

Весь константинопольскій народъ съ женами и дѣтьми, православные монахи и клирики собрались въ цер-

---

въ состояніи былъ принудить Акакія принять и подписать свою энкиклику потому, что «весь городъ,—мужскій полъ и женскій, стекшись въ церковь, возсталъ противъ Василиска» (l. I. c. 32). Согласно съ Θеодоромъ Чтецомъ повѣствуютъ Θеофанъ Хронографъ (p. 188) и Кедринъ (1, p. 617—618): *καὶ Ἀκάκιον τὸν Κωνσταντινουπόλεως κελεύσας τὸ αὐτὸ ποιῆσαι· αλλ' ἡ πόλις ὅπασα σὺν γυναιξὶ καὶ τέκνοις εἰς τὴν ἐκκλησίαν συνανελθοῦσα κατὰ Βασιλίσκου τοῦτο ἐκώλυσεν.* (Θеодоръ Чтецъ: *ἐπέκειτο δὲ τοῦτο καὶ Ἀκάκιον ποιῆσαι ὅπερ οὐκ ἴσχυσε, πάσης ὁμοῦ τῆς πόλεως ἀνδράσιν ἅμα καὶ γυναιξὶν ἐν τῇ ἐκκλησίᾳ κατὰ Βασιλίσκου συναθροισθεῖσης*). Очевидно, какъ Кедринъ (Кедринъ буквально сходенъ съ Θеофаномъ), такъ и Θеофанъ Хронографъ повторяютъ Θеодора Чтеца Но изъ словъ всѣхъ этихъ сходствующихъ между собою писателей нельзя еще заключить, чтобы Евагрій говорилъ неправду, утверждая, что Акакій возбудилъ противъ Василиска монаховъ и константинопольскій народъ. Изъ ихъ словъ можно заключить одно только, что Акакій нашелъ въ константинопольскомъ народѣ поддержку. Но кто возбудилъ народъ?—Акакій, или онъ самъ собою возсталъ противъ Василиска?—этого нельзя точно уразумѣть изъ словъ трехъ приведенныхъ авторовъ. Свидѣтельство Евагрія въ этомъ случаѣ можетъ только пояснить ихъ и пополнить, и наоборотъ—они съ своей стороны пополняютъ Евагрія. Лишь нѣсколько противорѣчитъ свидѣтельству Евагрія слѣдующее выраженіе Θеофана: *τοῦ κλήρου καὶ τῶν μοναχῶν Κωνσταντινουπόλεως ὑπερμαχούντων τῆς ἁγίας ἐν Χαλκηδόνι συνόδου, φοβηθεὶς Ἀκάκιος τὰ πλήθη ὁμοφρονεῖν αὐτοῖς ὑπεκρίνατο* (p 189). Изъ второй половины рѣчи Θеофана какъ будто слѣдуетъ, что клиръ и константинопольскіе монахи (разумѣется, православные) возмутились противъ Василиска сами собою и увлекли на свою сторону Акакія. Но 1) приведенныхъ дополнительныхъ словъ ни у кого изъ указанныхъ историковъ не находится, кромѣ Θеофана 2) Θеофанъ есть болѣе поздній авторъ, чѣмъ Евагрій, который можетъ быть названъ почти современникомъ описываемыхъ событій. Для составленія своей исторіи Евагрій пользовался авторами, бывшими лично знакомыми съ описываемыми ими событіями. 3) Послѣднія приведенныя слова Θеофана отдѣлены отъ предыдущихъ, гдѣ онъ говоритъ, что за Акакія возсталъ весь городъ съ женами и дѣтьми, и отнесены къ послѣдующему (5968) году. А это будетъ означать, что послѣднія слова Θеофана или суть плодъ его соображеній и умозаключеній, которыя могутъ быть приняты и не приняты, и во всякомъ случаѣ не имѣютъ силы удостовѣряемаго факта, или же означаютъ то, что Акакій, побудившій народъ къ возмущенію, не ожидалъ столь грозныхъ предѣловъ бунта, и, столкнувшись съ фактомъ лицемъ къ лицу, разсудилъ тѣснѣе примкнуть къ народу и рѣшительнѣе возстать противъ Васи-

кви св. Софіи и своимъ грознымъ появленіемъ удержали Василиска отъ всякихъ видовъ насилія, какіе онъ

лиска 4). Не возможно допустить, чтобы доселѣ православный патріархъ находился внѣ всякаго общенія съ православными монахами и клиромъ, и чтобы потому народное возмущеніе произошло помимо всякого вѣдѣнія съ его стороны На основаніи всѣхъ этихъ соображеній мы не можемъ отвергать свидѣтельства Евагрія, тѣмъ болѣе, что, по строгомъ обсужденіи, оно не противорѣчитъ и послѣднимъ приведеннымъ словамъ хронографіи Ѳеофана и можетъ быть приведено въ полнѣйшую гармонію съ ними, представляющую картину, оправдываемую законами дѣйствительности. Не мѣшаетъ при этомъ принять во вниманіе еще и слѣдующія соображенія. Отмѣна халкидонскаго собора тѣснѣйшими узами связывалась съ униженіемъ константинопольскаго патріаршаго престола, возвеличеннаго на халкидонскомъ соборѣ. Акакій, какъ человѣкъ умный и гордый, уже изъ-за одного этого долженъ бы былъ возстать противъ энциклики Василиска и употребить всѣ мѣры къ тому, чтобы сдѣлать ее недѣйствительной. За тѣмъ извѣстно, что въ послѣдствіи въ борьбѣ съ папами, какъ патріархи, такъ и константинопольскій народъ крѣпко стояли за честь Акакія и никакъ не соглашались признать его еретикомъ, чего не могло бы быть, еслибы онъ дѣйствительно обнаружилъ склонность къ ереси Наконецъ, Акакій, по своему характеру, вовсе не былъ изъ такихъ людей, которые могли бы бояться черни. Мы увидимъ, что тамъ, гдѣ онъ былъ убѣжденъ, онъ не страшился толпы и твердо шелъ къ своей цѣли. По всему этому мы думаемъ, что если бы не было прямого свидѣтельства Евагрія, уже на основаніи одного характера и общей дѣятельности Акакія, слѣдовало бы предположить, что возстаніе константинопольскаго народа, въ которомъ онъ нашелъ себѣ поддержку противъ Василиска, произошло не безъ его вѣдѣнія Самое большое, что можно заключить изъ свидѣтельствъ указанныхъ писателей, за исключеніемъ Евагрія, есть то, что Акакій едва ли устоялъ бы противъ насилій императора, если бы не возсталъ за него весь городъ. Но это, очевидно, вѣроятность, которая всегда останется въ области гаданій.—Между тѣмъ католическимъ (Hergenrother. 1, p 112) и протестантскимъ (Neander. IV. p. 260) писателямъ, считающимъ Акакія человѣкомъ гордымъ и властолюбивымъ, неразборчивымъ на средства для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей, болѣе нравится слѣдовать случайной фразѣ Ѳеофана (*φοβηθεὶς* и пр.), чѣмъ положительному свидѣтельству Евагрія. Они даже совершенно игнорируютъ это послѣднее и, молча, какъ бы отвергаютъ его и признаютъ не дѣйствительнымъ. На основаніи Ѳеофанова *φοβηθεὶς*, Гергенретеръ даже позволяетъ себѣ патетически воскликнуть: «уже патріархъ хотѣлъ торжественно обнародовать новый законъ, хотя и съ стѣсненнымъ сердцемъ»! Откуда онъ это узналъ?—не извѣстно. Но замѣчательно противорѣчіе, въ которое онъ впадаетъ далѣе. «Равнымъ образомъ

хотѣлъ учинить надъ осмѣлившимся противодѣйствовать ему патріархомъ. Увидѣвъ столь сильное возбужденіе, Акакій въ свою очередь рѣшился тѣснѣе примкнуть къ народу, покрылъ трауромъ алтарь и жертвенникъ, самъ облекся въ трауръ и торжественно съ амвона объявилъ Василиска еретикомъ, не пощадивъ въ тоже время и Зенона. Возбужденный народъ грозился предать огню весь городъ, если Василискъ осмѣлится еще продолжать противодѣйствовать православной вѣрѣ и халкидонскому собору. Угроза истребить пожаромъ городъ должна была произвести тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе на императора, что одновременно съ описываемыми событіями дѣйствительно случился въ Константинополѣ страшный пожаръ, истребившій лучшую часть столицы и послужившій между прочимъ одною не изъ послѣднихъ причинъ всеобщей противъ него ненависти. Устрашенный народнымъ возмущеніемъ, Василискъ бѣжалъ изъ города; но, удаляясь, онъ, какъ бы для порядка и сохраненія своего собственнаго достоинства, попытался еще издать повелѣніе, которымъ воспретилъ всѣмъ членамъ сената входить въ общеніе съ патріархомъ Акакіемъ. Въ тоже самое время возсталъ противъ него и знаменитый святостію и чудесами отшельникъ Даніилъ, подвизавшійся, подобно Симеону, на столпѣ въ Анаплѣ. Онъ собралъ вокругъ себя множество православныхъ монаховъ, отправился съ ними въ лагерь Василиска и здѣсь сильно и съ удивительною свободою изобличалъ его. Изъ другихъ монаховъ особенною смѣлостію и свободою рѣчи выдавался нѣкто Олимпій (1).

и Акакій былъ увлеченъ общимъ движеніемъ и противъ своей воли пошелъ впередъ». И такъ, въ одномъ случаѣ «съ стѣсненнымъ сердцемъ», а въ другомъ—«противъ своей воли». Что же такое былъ Акакій? и чего онъ желалъ?—если къ двумъ противоположнымъ фактамъ онъ одинаково относился съ неохотою? Такъ пристрастіе и нелюбовь отвлекаютъ отъ истины и заставляютъ переиначивать факты! Пихлеръ въ этомъ случаѣ гораздо добросовѣстнѣе Гергенретера (Pichler. I p. 73).

(1) Evagr l. III. c. 7. Theoph. Chr. p. 188 189. Cedrenus. I, p. 598. 616. 618. Theod. Lect l. I. c. 32. 33. Muralt. p. 92.

Императрица Верина и члены сената вошли въ сношеніе съ Зенономъ, находившимся все еще въ Исавріи. Полководцы Василиска, посланные имъ противъ Зенона, точно также перешли на его сторону и онъ уже приближался къ Константинополю. Устрашенный всѣми этими явленіями, Василискъ издалъ на этотъ разъ другое посланіе, называемое антіэнкикликой (ἀντεγκύκλιον), которою онъ отмѣнилъ всѣ свои прежнія распоряженія противъ халкидонскаго собора и осудилъ какъ ересь Несторія, такъ и Евтихія и другихъ еретиковъ. Въ тоже время онъ возвратилъ константинопольскому патріаршему престолу и права, дарованныя ему халкидонскимъ соборомъ, но отнятыя у него предыдущими распоряженіями и дѣйствіями императора Но раскаяніе было поздно. Въ концѣ іюля 477 года Зенонъ вступилъ въ столицу и не по заслугамъ радостно былъ принятъ сенатомъ и народомъ. а Василискъ съ женою и дѣтьми бѣжалъ въ великую церковь. Зенонъ выманилъ ихъ оттуда клятвеннымъ обѣщаніемъ не обезглавливать; но, по выходѣ, сослалъ ихъ въ Кукусъ каппадокійскій и повелѣлъ уморить ихъ здѣсь голодомъ, считая такимъ образомъ клятву свою исполненной въ точности (1).

Вступивъ снова въ управленіе государствомъ, Зенонъ особымъ указомъ поспѣшилъ отмѣнить всѣ распоряженія Василиска, сдѣланныя имъ по дѣламъ церкви и находящіяся въ его окружныхъ посланіяхъ (2). Петра Кнафея, какъ содѣйствовавшаго Василиску въ бунтѣ и въ достиженіи императорскаго трона, онъ присудилъ къ ссылкѣ въ Питіусъ; но Кнафей обманулъ бдительность стражей и убѣжалъ къ святому Θеодору въ Евхаиты (3). На ряду съ императорскимъ опредѣлені-

(1) Theoph. Chron p 192—193. Cedrenus. 1, p. 617. Theod. L I 1. c. 34. 35 36. Evagr. l. III. c. 8. Παπαρρηγοπουλος, III, p. 38. 39.

(2) Evagr. l. III c. 8

(3) Theoph. Chron. p. 194. Cedrenus, 1, p. 618.

емъ, Кнафей осужденъ и низложенъ былъ также общимъ голосомъ восточнаго собора. Его мѣсто на антіохійской каѳедрѣ занялъ—было въ началѣ Іоаннъ апамейскій, рукоположенный, какъ извѣстно, имъ самимъ во время перваго обладанія антіохійскою каѳедрой; но спустя три мѣсяца Іоаннъ былъ изгнанъ, какъ еретикъ, и на его мѣсто избранъ православный и благочестивый Стефанъ II. (1). Точно также изгнанъ былъ изъ ефесской церкви и Павелъ, рукоположенный сюда Тимоѳеемъ Элуромъ (2). Увидѣвъ такой оборотъ дѣла, азійскіе епископы обратились къ патріарху Акакію съ просьбою о прощеніи; прислали къ нему покаянную грамату, въ которой удостовѣряли его, что они подписались подъ энкикликой Василиска не по доброй волѣ, а по необходимости, и при этомъ клялись ему, что „они вѣровали и вѣруютъ согласно съ халкидонскимъ соборомъ“. Евагрій, приведши содержаніе этой покаянной граматы азійскихъ епископовъ, замѣчаетъ: „риторъ ли Захарія (авторъ, которымъ пользовался Евагрій) взвелъ на нихъ такую клевету, или сами они солгали, говоря, что подписались противъ воли,—сказать не могу“ (3).

Подобно, какъ Петра Кнафея, Зенонъ хотѣлъ было изгнать изъ Александріи и Тимоѳея Элура; но, узнавъ отъ кого-то, что онъ находится въ преклонныхъ лѣтахъ и близокъ къ смерти, оставилъ его въ покоѣ. И дѣйствительно, Тимоѳей Элуръ въ концѣ тогоже 477, или въ началѣ 478 года померъ. Монофизитская партія самовольно избрала на его мѣсто Петра Монга, который по этому случаю и рукоположенъ былъ въ патріархи, по свидѣтельству Ѳеофана, однимъ только осуж-

---

(1) Theoph. Chr. p. 194. Hergenröther, 1, p. 117. Evagr. l. III c. 10.

(2) Evagr l. III. c. 8.

(3) Ibid l. III. c. 9.

деннымъ и низложеннымъ епископомъ (1). Петръ Монгъ въ душѣ былъ склоненъ къ монофизитизму; но, по проявленію своей дѣятельности, онъ можетъ быть названъ образцемъ такого рода личностей, весьма многочисленныхъ въ житейскомъ быту, которыя мѣняютъ свои убѣжденія примѣнительно къ обстоятельствамъ времени, благопріятствующимъ или неблагопріятствующимъ ихъ личной выгодѣ. Такъ и Монгъ то принималъ опредѣленія халкидонскаго собора, то анаѳематствовалъ ихъ, смотря по времени (2). Въ началѣ онъ занималъ должность діакона въ александрійской церкви; отдѣлился отъ общенія съ Протеріемъ, который по этому случаю осудилъ его; вступилъ въ союзъ съ Тимоѳеемъ Элуромъ, и, весьма вѣроятно, участвовалъ даже въ убіеніи Протерія (3). Вслѣдствіе всего этого репутація его между православными была очень низкая. Потому когда православные монахи узнали о его незаконномъ вступленіи на александрійскій престолъ, то, возжегшись ревностію по Богѣ и правой вѣрѣ, возстали противъ него и изгнали его, такъ что онъ патріаршествовалъ

---

(1) Theoph. Chron. p. 194. Cedrenus, 1, p. 618.—Впрочемъ, Евагрій утверждаетъ, что Петра Монга избрали и рукоположили многіе александрійскіе епископы: *καὶ Πέτρον αὐθεντείᾳ περιχειρίζονται σφῶν οἱ τῆς Ἀλεξανδρέων ἐπίσκοποι*, но только безъ вѣдѣнія и предварительнаго изъявленія воли императора (Евагр. III. с 11). Въ другомъ мѣстѣ (I III. с. 20) онъ говоритъ, что египтяне доносили папѣ о Монгѣ, какъ рукоположенномъ «только двумя подобными ему злочестивыми епископами». Въ виду многочисленности монофизитской партіи въ Александріи мы болѣе склонны придавать вѣры свидѣтельству Евагрія. Не возможно, чтобы при существованіи сильной борьбы, когда каждая партія зорко слѣдила за законностію поступковъ противной партіи, было нарушаемо основное каноническое правило о поставленіи епископовъ (1 пр. апост.), когда выполненіе его не представляло нималѣйшей трудности, а напротивъ невыполненіе казалось затруднительнымъ

(2) *Οὗτος ὁ Πέτρος ὡς κόθορνος καὶ παλίμβολος καὶ τοῖς καιροῖς συνδιατιθέμενος, ἥκιστα πρὸς μίαν ἔστη γνώμην· νῦν μὲν ἀναθεματίζων τὴν ἐν Χαλκηδόνι σύνοδον νῦν δὲ, παλινῳδίαν λέγων, καὶ ταύτην ψήφοις ἀπείσαις δεχόμενος* Evagr. l. III. c. 17.

(3) Liberati archidiac breviarium causae Nestorianorum. et Eutychianorum ed. Galland. c. 15 p. 146.

не болѣе 36 дней. Въ свою очередь и императоръ Зенонъ, узнавъ о его самовольномъ возшествіи на александрійскую каѳедру, сильно вознегодовалъ на него и осудилъ его на смерть, а на мѣсто умершаго Элура снова вызвалъ несправедливо изгнаннаго православнаго Тимоѳея Салофакіола (1). Впрочемъ Монгъ не былъ казненъ; онъ по прежнему остался въ Александріи и правительство, въ виду многочисленности монофизитской партіи, которую оно не желало раздражать, оставило его въ покоѣ, лишь бы только онъ не производилъ смутъ (2). Такимъ образомъ всѣ патріаршіе престолы были замѣщены православными патріархами и монофизитская партія казалась подавленною.

Несчастія и бѣдствія, претерпѣнныя Зенономъ во время кратковременнаго царствованія Василиска, нѣсколько вразумили его и научили быть болѣе дѣятель-

---

(1) Evagr, l. III. c 11. Theoph. Chron p. 194. Liberati breviarium, c. 16. p 147.—Гергенретеръ утверждаетъ, что императоръ низложилъ Монга вслѣдствіе распоряженія папы (1, p. 116: auf Antrieb des Papstes). Письмо папы къ Зенону написано 30 окт. 478 года, между тѣмъ Элуръ померъ не позже начала 478 г., а Монгъ патріаршествовалъ только 36 дней. Такимъ образомъ распоряженіе папы является нѣсколько запоздалымъ. Но ультрамонтане обыкновенно такъ представляютъ себѣ историческія событія, что каждое изъ нихъ, сколько-нибудь согласное съ распоряженіемъ папы, а тѣмъ болѣе мало-мало совпадающее съ его изданіемъ, есть непремѣнно слѣдствіе этого распоряженія, хотя бы на самомъ дѣлѣ оно появилось совершенно независимо отъ него, по другимъ болѣе существеннымъ причинамъ,—а несогласное—служитъ признакомъ противленія папѣ, направлено къ его огорченію, а потому еретическое.

(2) Hergenröther, 1, p 117.—Liberat. c. 16: latitabat (Mongus). Alexandriae Впрочемъ, изъ одного мѣста Ѳеофана (p 202) слѣдуетъ заключить, что Монгъ, чтобы избѣгнуть наложеннаго на него наказанія, бѣжалъ изъ Александріи въ Евхаиты Евагрій ничего не говоритъ объ этомъ опредѣленнаго. Но и изъ его словъ между прочимъ можно заключить, что Монгъ бѣжалъ изъ Александріи. Такъ онъ выражается: «Антіохійскій предстоятель Каландіонъ... говорилъ, что онъ (Монгъ) *въ бытность свою въ Александріи* предалъ анаѳемѣ халкидонскій соборъ» (Evagr. III. c. 16).

нымъ и внимательнымъ къ дѣламъ государственнымъ. Изъ хода совершившихся и совершающихся событій онъ не могъ не выразумѣть, что монофизиты составляли большинство въ Александріи, преобладали въ Сиріи, но уступали православнымъ въ численности и силѣ въ столицѣ имперіи, Константинополѣ, отъ котораго одного исключительно зависѣло обладаніе императорскимъ тономъ. По образу своихъ мыслей онъ по прежнему оставался склоннымъ къ монофизитству и не благоволилъ къ халкидонскому собору (1). Но сила вещей заставила его примкнуть къ православнымъ, руководствоваться ихъ совѣтами и даже по временамъ являть себя ревнителемъ православія. Такъ, слѣдуя внушеніямъ александрійскихъ ревнителей халкидонскаго собора, онъ повелѣлъ—было патріарху Тимоѳею Салофакіолу подавлять вліяніе еретиковъ, воспрещать имъ составлять церковныя собранія и крестить, и вообще поступать съ ними строго. Но кроткій Салофакіолъ заблагоразсудилъ болѣе слѣдовать своей собственной политикѣ—умиренія возбужденныхъ страстей мѣрами благости и человѣколюбія—и за это былъ любимъ всѣми (2).—Приверженцы Петра Кнафея обвинили назначеннаго имъ патріарха Стефана II въ несторіанствѣ. Поэтому случаю былъ созванъ соборъ восточныхъ епископовъ, на которомъ Стефанъ оправданъ отъ взводимаго на него обвиненія, и императоръ именнымъ указомъ возстановилъ его, какъ невиннаго, на антіохійской каѳедрѣ (3). Скоро Стефанъ II померъ. Тогда патріархъ Акакій рукоположилъ на его мѣсто, по повелѣнію императора, Стефана III. Рукоположеніе патріарха антіохійскаго патріархомъ константинопольскимъ произошло въ настоящемъ случаѣ отъ того, что

---

(1) Evagr. l. III c 22: *παντελῶς οὐ συνθεμένου Ζήνωνος τῇ ἐν Χαλκηδόνι συνόδῳ.*

(2) Liberati breviarium, c. 16. p 147.

(3) Theoph. Chron. p. 195.

въ Антіохіи имѣли большую силу еретики и потому какъ императоръ, такъ и патріархъ Акакій опасались насилій съ ихъ стороны и появленія народныхъ волненій. Опасенія ихъ скоро оправдались и на дѣлѣ. Монофизиты оказались недовольны назначеніемъ къ нимъ Стефана III, поэтому возстали противъ него и однажды напали на него въ крещальнѣ св. мученика Варлаама, умертвили его здѣсь заостренными тростниками и за тѣмъ трупъ бросили въ рѣку Оронтъ. Вмѣсто Стефана III антіохійцы избрали себѣ въ патріархи Іоанна Кодоната, очень вѣроятно, склоннаго къ ереси. Но императоръ, за ихъ дерзость, отвергъ ихъ выборъ и распорядился, чтобы патріарха Антіохіи и въ настоящемъ случаѣ рукоположилъ патріархъ столицы, Акакій. Тогда этотъ послѣдній рукоположилъ Каландіона, вполнѣ православнаго и преданнаго халкидонскому собору. Каландіонъ, вступивъ въ управленіе антіохійскою паствой, поспѣшилъ анаѳематствовать Тимоѳея Элура и убѣждалъ тоже самое сдѣлать и другихъ, приходившихъ къ нему, анаѳематствовалъ также и энкиклику Василиска, а Іоанну Кодонату, какъ, вѣроятно, засвидѣтельствовавшему свое православіе, назначилъ Тиръ, считающійся протоѳрономъ, т. е. первою каѳедрою антіохійскаго патріархата (1). Петра Монга онъ называлъ въ своихъ письмахъ къ императору Зенону и патріарху Акакію „прелюбодѣемъ“ и доносилъ имъ при этомъ, что Монгъ даже анаѳемствовалъ халкидонскій соборъ въ бытность свою въ Александріи (2). Акакій и Зенонъ, еще прежде извѣщенные о Монгѣ Тимоѳеемъ Салофакіоломъ, вполнѣ соглашались съ мнѣніемъ Каландіона и неиначе смотрѣли на Монга, какъ на еретика. Такъ Акакій въ своемъ письмѣ къ папѣ Симплицію, написанномъ по случаю низложенія Петра Монга съ

---

(1) Theoph Chron. p. 198. 199. Evagr. l. III. c. 10. Theod. Lect. l. II. c 46.

(2) Evagr. l. III. c 16.

произвольно занятой имъ александрійской каѳедры, назвалъ его еретикомъ, прелюбодѣемъ и сыномъ тьмы (1).

Но съ другой стороны многочисленность еретиковъ и вслѣдствіе этого ихъ важное политическое значеніе въ имперіи обязывало правительство быть осторожнымъ въ обхожденіи съ ними. Отношеніе къ ересямъ вполнѣ устанавливается и входитъ въ опредѣленныя границы лишь тогда, когда еретики уже получили опредѣленную организацію, составили особую, замкнутую въ себѣ, секту и пріобрѣли отдѣльное историческое самосознаніе, по которому какъ они сами отличаютъ себя отъ другихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ, такъ и эти общества вполнѣ ясно сознаютъ особность и замкнутость ихъ существованія. Но когда ересь только-что появляется и начинаетъ волновать умы, то здѣсь какъ колебаніе умовъ вслѣдствіе еще невыясненности вопроса, такъ равно и неопредѣленность отношеній налагаютъ на правительство первѣйшую обязанность, прежде окончательнаго раскола, употребить всѣ мѣры къ мирному рѣшенію вопроса и возможному соглашенію умовъ. А это въ свою очередь обязываетъ его относиться къ еретикамъ по возможности кротче, не быть слишкомъ строгимъ къ кающимся, переходящимъ отъ одного мнѣнія къ другому, и не преслѣдовать ихъ слишкомъ сурово, чтобы тѣмъ не довести ихъ до крайности и потому самое государство не подвергнуть грозной опасности.

Іоаннъ Талайя или Тавеннисіотъ, занимавшій въ началѣ должность эконома въ александрійской церкви, а потомъ назначенный пресвитеромъ въ одну изъ церквей на о. Тавеннѣ, былъ посланъ при патріархѣ Салофакіолѣ въ Константинополь съ порученіемъ отъ нѣкоторыхъ александрійцевъ ходатайствовать предъ императоромъ даровать имъ право свободнаго выбора патріарха по смерти настоящаго патріарха, Тимоѳея Са-

---

(1) Evagr. l. III. c. 21. Liberati breviarium. c. 16. 17. p. 147—148.

лофакіола. Проживая въ Константинополѣ, онъ вошелъ въ благоволеніе одного изъ первыхъ полководцевъ имперіи, Илла, весьма много содѣйствовавшаго Зенону въ достиженіи императорскаго трона и низложеніи Василиска,—приносилъ ему драгоцѣнные подарки и въ концѣ концовъ получилъ отъ него обѣщаніе содѣйствовать ему, Іоанну, въ достиженіи александрійскаго патріаршаго трона. При этомъ къ патріарху Акакію онъ относился пренебрежительно, какъ къ лицу, якобы не могущему имѣть никакого значенія при столь сильной свѣтской поддержкѣ. Императоръ согласился на свободный выборъ александрійцами патріарха по смерти Салофакіола; но, узнавъ, что Талайя самъ имѣетъ намѣреніе занять патріаршее мѣсто, взялъ съ него клятвенное обѣщаніе не искать патріаршаго трона по смерти п. Тимоѳея. Удалившись изъ Константинополя, Таввенисіотъ снова перешелъ съ о. Таввены на службу въ Александрію, чтобы здѣсь, по близости къ мѣсту дѣйствія, вѣрнѣе достигнуть своихъ цѣлей. Спустя нѣсколько времени послѣ этого (въ началѣ 482 г.) кроткій Тимоѳей Салофакіолъ померъ и на мѣсто его былъ избранъ православною партіей въ Александріи Іоаннъ Таввенисіотъ. По свидѣтельству ритора Захаріи, приводимому Евагріемъ, употребленъ былъ при этомъ и подкупъ. Новоизбранный патріархъ Іоаннъ отправилъ своего апокрисіарія къ патріарху Акакію съ обычною синодальною къ нему граматой (ἐνθρονιστικά), посредствомъ которой новые патріархи извѣщали другихъ патріарховъ о своемъ вступленіи на престолъ, а также исповѣданіи вѣры (1). Но онъ повелѣлъ апокрисіарію не торопиться отдачею этой граматы патріарху Акакію, а предварительно повидаться съ Илломъ и за тѣмъ во всемъ поступать по его указанію. Иллъ находился въ это время въ Антіохіи, куда послѣдовалъ по сему случаю и повѣренный александрійскаго патріарха. Такимъ обра-

(1) См. выше стр. 118—119.

зомъ прошло довольно времени, а извѣстительная патріаршая грамата между тѣмъ не доставлена по назначенію. Это не могло не оскорбить п. Акакія, который, какъ патріархъ столицы, естественно ожидалъ, что извѣстіе о патріаршей перемѣнѣ прежде всего должно быть доставлено ему, а не какому-либо вельможѣ, хотя бы и сильному.

Іоаннъ Тавеннисіотъ былъ по образу своихъ мыслей православный и защитникъ халкидонскаго собора. Понятно, что монофизиты недовольны были его выборомъ и желали видѣть на его мѣстѣ своего сторонника, Петра Монга, который, по ихъ мнѣнію, несправедливо былъ осужденъ незадолго предъ этимъ. Замѣтивъ неправильныя дѣйствія Тавеннисіота, они рѣшились воспользоваться его ошибками и употребить ихъ въ свою пользу. Для этого они собрались въ Константинополѣ, представились здѣсь патріарху Акакію и сообщили ему планъ возсоединенія александрійскихъ монофизитовъ съ православными при посредствѣ Петра Монга. Оскорбленный Тавеннисіотомъ, Акакій охотно вошелъ въ ихъ планъ, обошелся съ ними чрезвычайно радушно и самъ представилъ ихъ императору, обѣщаясь дѣйствовать въ ихъ пользу. Въ переговорахъ съ императоромъ сторонники Монга доложили ему, что Іоаннъ Талайя неправославенъ; что онъ еще Тимоѳею Салофакіолу совѣтовалъ осудить халкидонскій соборъ; что народъ его не любитъ, и что произойдутъ величайшія смуты въ Александріи, если Іоаннъ будетъ оставленъ въ ней патріархомъ. Ко всему этому они присокупили еще и то, что Іоаннъ принялъ патріаршее достоинство вопреки своей клятвѣ и что для достиженія своей цѣли онъ употребилъ подкупъ. Между тѣмъ Монгъ, говорили они, вполнѣ православенъ, любимъ народомъ и можетъ возсоединить разномыслящихъ. Патріархъ Акакій поддерживалъ ихъ. Монгъ съ своей стороны, узнавъ о благопріятномъ для него оборотѣ дѣлъ, засвидѣтельствовалъ предъ Акакіемъ исповѣданіе своей вѣры и объявилъ, что онъ принимаетъ халкидонскій соборъ

и слѣдуетъ всѣмъ его опредѣленіямъ. Акакій послѣ того рѣшительно склонился на его сторону и еще настойчивѣе сталъ дѣйствовать въ его пользу на императора. Уже по высказаннымъ причинамъ дѣло Тавеннисіота слѣдовало считать проиграннымъ; но кромѣ того случилось еще одно обстоятельство, которое не могло расположить византійскій дворъ въ его пользу: покровитель его, Иллъ, поднялъ знамя бунта противъ императора; понятно, что подозрѣніе въ участіи въ бунтѣ не могло не пасть и на патріарха Тавеннисіота. Императоръ рѣшительно принялъ сторону Петра Монга и назначилъ его патріархомъ Александріи, но только предварительно повелѣлъ ему войдти формальнымъ образомъ въ общеніе съ папою Симплиціемъ и патріархомъ Акакіемъ; патріарха же Іоанна Тавеннисіота повелѣлъ изгнать изъ Александріи, какъ клятвопреступника и святотатца. Акакій съ своей стороны также написалъ александрійцамъ, чтобы они вступили въ общеніе съ Петромъ Монгомъ, какъ вполнѣ православнымъ и засвидѣтельствовавшимъ свое православіе. Когда послѣ этого Монгъ прибылъ въ Александрію, то Іоаннъ, услышавъ о его пріѣздѣ, поспѣшилъ удалиться. Клиръ и народъ уговаривали—было его остаться, обѣщаясь умереть за него; но онъ не внялъ ихъ голосу и убѣжалъ сначала въ Антіохію къ Каландіону, а послѣ того въ Римъ къ папѣ (1).

Средство, предложенное сторонниками Монга, проживавшими въ Константинополѣ, для возсоединенія александрійскаго народа съ церковію, состояло въ томъ, чтобы императоръ издалъ вѣроисповѣдную грамату, которая послужила бы основою для соединенія разномыслящихъ партій. Эта грамата названа энотикономъ (ἑνωτικὸν) т. е. формулою соединенія, и составлена по совѣту патріарха Акакія (2), а по мнѣнію нѣкоторыхъ—

(1) Theoph. Chronogr. p 199—202. Evagr l. III. c. 12. 15. 16. 20. Leberati breviarium, c. 16. 17. 18. p. 147—150. Muralt. p. 100.

(2) Evagr. l. III. c. 13: *ταύτην τὴν οἰκονομίαν γνώμῃ συντεθειμένην Ἀκακίου τοῦ τῆς βασιλίδος ἐπισκόπου.*

даже и самимъ Акакіемъ (1). Сущность содержанія этого знаменитаго акта заключается въ слѣдующемъ.— Сказавъ предварительно, что крѣпость государства и благосостояніе церкви зависятъ отъ единомыслія вѣрующихъ, императоръ затѣмъ увѣдомляетъ александрійцевъ, къ которымъ главнымъ образомъ направленъ этотъ актъ, что поэтому-то „благочестивѣйшіе архимандриты, пустынники и другіе почтенные люди приносили намъ просьбы и со слезами умоляли объ устроеніи единенія святыхъ церквей, и о томъ, чтобы одни члены церкви пришли въ связь съ другими; такъ какъ ненавистникъ добра давно уже усиливается расторгнуть ихъ, зная, что, если станетъ бороться съ цѣлымъ тѣломъ церкви, то будетъ побѣжденъ". „Совершены тысячи убійствъ, и потоками крови осквернена не одна земля, но—и воздухъ". Одни умерли безъ крещенія, а другіе—не сподобившись причастія св. таинъ. „Кто не желалъ бы такое положеніе дѣлъ перемѣнить на лучшее?"... За тѣмъ императоръ излагаетъ самыя начала, на которыхъ должно быть основано единеніе. И прежде всего онъ торжественно извѣщаетъ, что за основу вѣры долженъ быть принятъ никео-цареградскій символъ вѣры, утвержденный и третьимъ вселенскимъ соборомъ. „Несторія же вмѣстѣ съ Евтихіемъ, какъ людей, мыслившихъ несогласно съ вышеупомянутыми отцами, и мы предаемъ анаѳемѣ, принимая при томъ и 12 главъ, изреченныхъ нѣкогда блаженной памяти епископомъ святой, каѳолической александрійской церкви, Кирилломъ. Исповѣдуемъ также, что единосущный Сынъ Божій и Богъ, истинно вочеловѣчившійся Господь нашъ Іисусъ Христосъ, единосущный Отцу по божеству и подобосущный намъ по человѣчеству, сошедшій и воплотившійся отъ Св. Духа и Маріи Дѣвы и Богоро-

---

(1) Theoph Chron p. 202 *ὑπὸ Ἀκακίου τοῦ Κωνσταντινουπόλεως ὑπαγορευθέν, ὡς φασί τινες.* Cedrenus, I, p. 619. *ὅπερ αὐτὸς Ἀκάκιος ἐποίησεν ἐξ ἰδίας καρδίας συντάξας.*

дицы, есть одинъ, а не два;—говоримъ: есть одинъ и въ чудесахъ и въ страданіяхъ, которыя претерпѣлъ во плоти добровольно. А мнѣнія тѣхъ, которые раздѣляютъ Его, или сливаютъ, или въ воплощеніе вводятъ призракъ, отнюдь не принимаемъ; потому что безгрѣшное по истинѣ воплощеніе отъ Богородицы не прибавило Сына: Троица осталась Троицею, и по воплощеніи одного изъ Троицы, Бога—Слова. Итакъ, зная, что ни святыя повсюду православныя церкви Божіи, ни боголюбезнѣйшіе предстоятели, ихъ іереи, ни наше царство не принимали и не принимаютъ другаго символа или опредѣленія вѣры, кромѣ вышеупомянутаго святаго ученія, мы присоединились къ нему безбоязненно. И это написали мы вамъ, не какъ нововведеніе относительно вѣры, а какъ слово для удовлетворенія васъ. Кто же мыслилъ или мыслитъ что—либо другое теперь, или въ иное время, на халкидонскомъ, или на иномъ какомъ соборѣ, того анаѳематствуемъ, а особенно Несторія и Евтихія съ ихъ единомышленниками“ (1).

Современники назвали этотъ актъ единенія „домостроительствомъ“ (*οἰκονομίαν*) (2), т. е. такимъ церковно-политическимъ актомъ, издавая который, правительство, изъ снисхожденія къ человѣческой слабости и для достиженія высшихъ церковно-политическихъ и филантропическихъ цѣлей, поступалось нѣкоторыми точнѣйшими вѣроисповѣдными опредѣленіями, не нарушая въ тоже время самой сущности вѣры. Такъ и въ настоящемъ актѣ, опустивъ точнѣйшія выраженія о единствѣ ипостаси и двойствѣ естествъ въ Іисусѣ Христѣ, введенныя халкидонскимъ соборомъ, правительство, чтобы привлечь еретиковъ въ нѣдра церкви, излагаетъ халкидонское же ученіе, но иными словами и въ чертахъ болѣе общихъ. За тѣмъ, оно, хотя и осуждаетъ Евтихія, какъ еретика, но, опять-таки изъ снисхожденія къ ерети-

(1) Evagr. l. III c 14. Leberati breviarium, c. 17.

(2) Evagr. l. III. c. 13.

камъ, и Халкидонскаго собора не называетъ вселенскимъ (1). Въ сравненіи съ энкикликой Василиска, энотиконъ отличается а) гораздо большею опредѣленностію и b) преслѣдованіемъ совершенно противоположныхъ цѣлей. Хотя тотъ и другой акты изданы для возстановленія единомыслія и единенія въ церкви и государствѣ, но въ то время, какъ энкиклика издана съ хитрою цѣлью повсюду ввести монофизитство, ради чего и осужденъ въ ней прямо халкидонскій соборъ,—энотиконъ главнымъ образомъ имѣетъ въ виду постепенное распространеніе и утвержденіе халкидонскихъ опредѣленій, вслѣдствіе чего и осужденъ въ немъ виновникъ монофизитства—Евтихій.

Прежде всѣхъ принялъ и подписалъ грамату императора александрійскій патріархъ, Петръ Монгъ. Онъ, по свидѣтельству Евагрія, публично прочиталъ ее въ церкви во время одного народнаго праздника (въ 482 г.) и всѣ приняли ее, какъ формулу единенія. Протеріанъ, т. е. послѣдователей св. Протерія, или православныхъ Петръ въ тоже время принялъ въ общеніе съ собою (2). Въ Антіохіи патріархъ Каландіонъ былъ низложенъ и сосланъ въ заточеніе въ Оазисъ—формально за участіе въ бунтѣ Илла и за приверженность къ несторіанству (3), въ дѣйствительности же, по свидѣтельству Θеофана и архидіакона Либерата, за непринятіе энотикона (4). На его мѣсто императоръ наз-

(1) Значеніе энотикона по намѣреніямъ византійскаго церковно-гражданскаго правительства должно быть такое же для возсоединенія вѣрующихъ, какъ у насъ учрежденіе единовѣрія.

(2) Evagr. l. III c. 13.

(3) ibid. c. 16. Muralt, p. 100. Cedrenus. 1, p. 620.—Подъ Оазисомъ (Ὄασις) разумѣется мѣстность въ египетской Θиваидѣ, весьма вредная и гибельная для жителей по своему нездоровому климату. Она служила мѣстомъ ссылки для тяжкихъ преступниковъ. Сюда же былъ сосланъ и Несторій. См. Notae in Theophanem p. 371. ed. Bonn t II.

(4) Theoph. Chron. p 207: τῇ δὲ ἀληθείᾳ διὰ τὸ ἑνωτικὸν Ζήνωνος. Liberati breviar c 18. p. 151: Interea Calendion archiep. Antioch. deponitur, accusatus in aperto, tamquam indevotus principi, mittens populum in rebellionem cum Ello; latenter autem, quia se non suspenderet et a Felicis papae et a Ioannis communione.

начилъ Петра Кнафея, который снова успѣлъ войдти въ довѣріе правительства; но изъ свидѣтельствъ лѣтописцевъ нельзя усмотрѣть, чтобы Акакій принималъ участіе въ его возстановленіи или формально вошелъ съ нимъ въ общеніе. Кнафей принялъ энотиконъ Зенона и вошелъ въ общеніе съ александрійскимъ Петромъ Монгомъ. Тоже самое сдѣлали, т. е. вошли въ общеніе съ Петромъ Монгомъ, и патріархи: іерусалимскій—Мартирій и константинопольскій—Акакій (1). Нужно думать, что примѣру главъ церкви послѣдовали весьма многіе и епископы и простые вѣрующіе, по крайней мѣрѣ извѣстно, что патріархъ Акакій уговаривалъ императора употребить сильныя мѣры, чтобы побудить епископовъ къ принятію энотикона, и самъ въ свою очередь понуждалъ ихъ (2).

Такимъ образомъ, всѣ восточные патріархи, (3) очень многіе епископы и простые вѣрующіе согласились принять энотиконъ, какъ актъ, способствующій единенію и умиренію церкви. Но въ тоже время нашлись многіе епископы, монахи, клирики и міряне, которые отвергли его, какъ весьма опасный для чистоты истинной вѣры. Такъ напр., отказались принять и подписать его епископы: халкидонскій—Романъ, самосатскій—Евсевій, мопсуестскій—Юліанъ и многіе другіе, которые за это были низложены и лишены каѳедръ, хотя въ актѣ низложенія выставлена другая причина—участіе ихъ въ бунтѣ Илла (что, впрочемъ, очень вѣроятно при запутанности тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ) (4). Съ одной стороны они весьма справедливо полагали, что энотиконъ, какъ оставляющій положеніе вопроса въ нерѣшительности и не-

(1) Evagr. I III. c. 16. Cedrenus 1. p 620.

(2) Theoph. Chronogr. 203. 205.

(3) Ѳеодоръ Чтецъ (l. II c. 50) прямо говоритъ объ этомъ.

(4) Theoph. Chron. p. 207.

опредѣленности, одинаково можетъ быть употребленъ въ пользу православія, какъ и еретиковъ, смотря по обстоятельствамъ, уже по самой своей неточной опредѣленности. А за тѣмъ, недостойно значенія вселенской истины—не высказывать ее рѣшительно и прямо, точно, опредѣленно и ясно. Всякая вѣроисповѣдная истина получаетъ вселенское значеніе столько же вслѣдствіе внутренняго своего достоинства, какъ истина и при томъ откровенная, сколько и отъ того, что она засвидѣтельствована и признана вселенскимъ соборомъ, т. е. всею церковію. Безъ этого признанія и засвидѣтельствованія ея вселенскимъ соборомъ она необходимо должна войдти въ разрядъ только богословскихъ мнѣній, подлежащихъ спору, необязательныхъ и потому не могущихъ быть предметомъ всеобщей вѣры. Итакъ. строго-православные отвергли энотиконъ, какъ опасный не только для авторитета халкидонскаго собора, но и для самой истины, утвержденной этимъ соборомъ. По тѣмъ-же самымъ причинамъ враждебно отнеслись къ энотикону и крайніе изъ монофизитовъ: и они увидѣли въ немъ хитрую западню, но только направленную противъ монофизитства, и они признали его недостойнымъ вселенскаго значенія истины, каковою они считали свое ученіе. Не анаѳематствовать халкидонскій соборъ, значитъ признавать какъ его, такъ и утвержденное имъ ученіе, разсуждали они. Такимъ образомъ, вмѣсто предполагаемаго соединенія, энотиконъ Зенона возбудилъ еще большіе раздоры: двѣ враждующія стороны. православные и монофизиты, распались въ свою очередь каждая на двѣ части—на принявшихъ энотиконъ и отвергшихъ его; изъ первоначальныхъ двухъ партій теперь образовались три или, точнѣе, четыре партіи: строго-православные и крайніе монофизиты, возсоединенцы изъ православныхъ и возсоединенцы изъ монофизитовъ. Такъ какъ всѣ восточные патріархи приняли и подписали энотиконъ Зенона и крайніе изъ монофизитовъ остались поэтому безъ духовнаго главы, считая послѣднимъ законнымъ своимъ патріархомъ умер-

шаго Тимоѳея Элура,—вслѣдствіе того православные заклеймили ихъ именемъ акефаловъ (*ἀκεφάλοι*), т. е. безглавыхъ.

Строго православные, не принявшіе энотиконъ Зенона, отдѣлились отъ своихъ патріарховъ и примкнули къ римскому папѣ. Ревность по вѣрѣ перемѣшивалась съ властолюбіемъ, честолюбіемъ и другими страстями человѣческими, столько же въ средѣ еретиковъ, какъ и православныхъ. Мы замѣтили выше, что Іоаннъ Талайя, при появленіи Монга, убѣжалъ изъ Александріи въ Римъ къ папѣ Симплицію. По характеру своему онъ представляетъ совершеннѣйшую противоположность умершему Тимоѳею Салофакіолу: обладаніе патріаршимъ трономъ для него значило болѣе, чѣмъ миръ церкви. По прибытіи въ Римъ онъ началъ разглашать, что „онъ низложенъ съ своего престола за вѣроученіе Льва и халкидонскаго собора и что на его мѣсто возшелъ другой, противникъ этого ученія (1). Въ мартѣ 483 года Симплицій умираетъ и ему наслѣдуетъ папа Феликсъ II (483—492) (2). Талайя и этому начинаетъ наговаривать какъ на Петра Монга, такъ и на патріарха Акакія, принявшаго въ общеніе Монга, и даже называетъ Акакія главною причиною всѣхъ смутъ, произшедшихъ на Востокѣ (3). Для разузнанія дѣла Феликсъ отправилъ въ Константинополь посольство,—состоящее изъ двухъ епископовъ, Виталія и Мизина, и одного экдика,—и поручилъ ему передать Зенону, чтобы онъ утвердилъ халкидонскій соборъ, изгналъ изъ Александріи Петра Монга, а Акакія прислалъ бы въ Римъ для оправданія въ обвиненіяхъ, взведенныхъ на него Іоанномъ Тавеннисіотомъ (4). Посольство папы еще не прибыло въ столицу имперіи, какъ отсюда игуменъ обители неусыпающихъ, Кириллъ, послалъ въ Римъ сво-

(1) Evagr. l III. c. 15.

(2) Muralt, p 101.

(3) Theoph p 204 *σημαίνοντες Ἀκάκιον εἶναι αἴτιον τῶν κακῶν.*

(4) Ibid. Evagr. l. III. c. 18.

его уполномоченнаго, который передалъ папѣ отъ лица своего игумена укоризну въ недѣятельности, когда величайшія опасности грозятъ правой вѣрѣ. Вслѣдствіе этого Феликсъ написалъ Мизину и его сотоварищамъ, чтобы они ничего не предпринимали безъ совѣта игумена Кирилла (1). Между тѣмъ императоръ Зенонъ и патріархъ Акакій поспѣшили склонить посольство папы, частію угрозами, а частію подкупомъ, на свою сторону и убѣдили его принять въ общеніе Петра Монга (2). Папѣ Зенонъ отписалъ, что Іоаннъ изгнанъ за клятвопреступленіе, а Петръ Монгъ принятъ не безъ испытанія, но послѣ того, какъ торжественно засвидѣтельствовалъ, что онъ принимаетъ опредѣленія халкидонскаго собора. Монахи обители неусыпающихъ поспѣшили въ Римъ и объявили здѣсь Феликсу, что посольство его уклонилось отъ данныхъ ему инструкцій и торжественно приняло въ общеніе еретика Петра Монга. Ихъ показанія подтвердили и египтяне, приверженцы халкидонскаго собора; и они отрицали законность рукоположенія Петра Монга и обвиняли патріарха Акакія въ содѣйствіи ему. Игуменъ Кириллъ между тѣмъ отправилъ въ Римъ новаго посланца, по имени Симеона, который мало того, что подтвердилъ всѣ описанныя показанія, но даже еще преувеличилъ ихъ. Папа счелъ за лучшее слѣдовать болѣе этимъ частнымъ слухамъ, чѣмъ оффиціальному извѣщенію императора. Онъ не хотѣлъ войдти въ затруднительное положеніе восточной имперіи; для него оно не существовало. Независимый тонъ писемъ Зенона и патріарха Акакія раздражалъ его; онъ ждалъ отъ нихъ покорности. По этому Мизина и Виталіана онъ низложилъ и отлучилъ отъ святаго общенія, Петра Монга отлучилъ, какъ еретика, а вмѣстѣ съ нимъ отлучилъ и патріарха Акакія. Когда Акакій узналъ объ этомъ поступкѣ папы, то вмѣнилъ его въ ничто, какъ противоканоническій и незаконный,

(1) Evagr. l III. c 19.

(2) Theoph. Chron. p. 204. 205 Cedrenus, 1, p. 619.

и самъ въ свою очередь вычеркнулъ имя папы изъ диптиховъ (1). Такъ произошелъ тридцатипятилѣтній расколъ (484—519) между двумя церквами восточною и западною.

Переметчивость и непостоянство Петра Монга нигдѣ въ такой степени не обнаружились, какъ въ его дѣйствіяхъ послѣ обнародованія имъ энотикона. Монофизитскіе египетскіе монахи, увидѣвъ въ энотиконѣ грозную опасность для своего ученія, возстали противъ Монга и начали возбуждать также и народъ. Естественно явился расколъ, монофизиты отдѣлились отъ общенія съ Петромъ Монгомъ. Тогда, чтобы возсоединить ихъ съ собою, онъ публично анаѳематствовалъ халкидонскій соборъ. Вѣсть объ этомъ дошла до Акакія и привела его въ крайнее негодованіе противъ Монга. Съ цѣлію разузнать дѣло, онъ отправилъ въ Александрію своихъ апокрисіаріевъ; но Монгъ поспѣшилъ убѣдить ихъ письменными документами, засвидѣтельствованными собственноручно нѣкоторыми изъ александрійцевъ, что ничего подобнаго не было. Не довольствуясь этимъ удостовѣреніемъ, онъ отправилъ къ патріарху Акакію посланіе, въ которомъ называетъ, халкидонскій соборъ „святымъ и вселенскимъ“, вполнѣ согласнымъ съ опредѣленіями никейскихъ отцевъ; поэтому онъ принимаетъ этотъ соборъ, да и не можетъ его отвергать, потому что уже прежде съ вѣрою утвердилъ его. Что же касается неблагопріятныхъ слуховъ, которые распустили про него, то виною всему этому монахи, которые „и теперь не перестаютъ посѣвать плевелы: они избираютъ въ орудіе себѣ людей, никогда не жившихъ ни въ одномъ монастырѣ; бродятъ тамъ и самъ. распространяя различные толки и о насъ и о мирѣ въ Христовой церкви, и не даютъ намъ никакой возможности дѣйствовать въ святой Божіей каѳолической церкви канонически и благопри-

(1) Evagr. l. III. c 20. 21. Theoph. Chron. p. 205. Cedrenus 1. p. 619.

лично. Они производятъ то, что ввѣренный намъ народъ скорѣе управляетъ нами, чѣмъ повинуется намъ, и (вообще) хотятъ дѣлать то, чего не терпитъ Богъ" (1). Акакій успокоился; но Монгъ, съ усиленіемъ раскола въ Александріи и уступая давленію болѣе многочисленной монофизитской партіи, снова предалъ анаѳемѣ, какъ посланіе папы Льва великаго и дѣянія халкидонскаго собора, такъ и всѣхъ тѣхъ, которые не принимали сочиненій Діоскора и Тимоѳея Элура. Православныхъ епископовъ и архимандритовъ онъ убѣждалъ соединиться съ нимъ, а какъ они отказались отъ этого, то онъ воздвигъ на нихъ гоненія. Одинъ изъ монаховъ,

---

(1) Liberat. brev. c. 18. Evagr. l. III c 16. 17 См. также и прим. Валезія къ этимъ главамъ. Русскій переводъ означенныхъ двухъ главъ Евагрія неправиленъ Главная неправильность его состоитъ въ томъ, что переводчикъ разумѣлъ подъ Петромъ—Петра Суковала (Кнафея) Отсюда читателю представляется нѣкоторая странность и непонятность перевода даже безъ сличенія его съ подлинникомъ. Петръ оправдывается предъ Акакіемъ въ томъ, что будто онъ перенесъ на другое мѣсто «останки блаженнаго епископа Тимоѳея». Спрашивается, какого Тимоѳея? Въ Антіохіи такого патріарха не было и,слѣдовательно, Кнафей, не могъ по злобѣ переносить его останковъ на другое мѣсто. Ѳеодоръ Чтецъ говоритъ, что Петръ Монгъ выкопалъ останки Тимоѳея Салофакіола и за это подвергся осужденію (l. II c. 44. 44) Уже простое сличеніе этихъ мѣстъ (стр. 117 и 529 530 по р. п.) должно было бы показать переводчику, что Евагрій говоритъ въ означенныхъ главахъ о Петрѣ Монгѣ, не о Петрѣ Кнафеѣ. Само собою понятно, что согласно переводу и алфавитный указатель относительно разбираемаго мѣста составленъ неправильно (стр. XXVI). Къ всему этому нужно присовокупить и то, что Акакій не находился въ общеніи съ Петромъ Кнафеемъ, по крайней мѣрѣ не извѣстно, чтобы онъ вступалъ съ нимъ въ общеніе; а слѣдовательно и не могъ находиться съ нимъ въ перепискѣ относительно халкидонскаго собора. Вся ошибка переводчика произошла отъ того, что онъ въ словахъ: *καὶ συνοδικοῖς δὲ πρότερον τὸν τῶν Ἀλεξανδρέων ἐχρήσατο* (т. е. *Κναφεὺς*) *ἠνώθη δὲ τούτῳ* и пр. отнесъ слово: *τούτῳ* къ отдаленному *Πέτρος Κναφεύς*, а не къ ближайшему: *τὸν τῶν Ἀλεξανδρέων*, какъ бы слѣдовало по строю греческой рѣчи.—Пользуемся здѣсь случаемъ высказать мысль, что было бы въ высшей степени полезно и благодѣтельно изданіе древнихъ отеческихъ и историческихъ твореній въ русскомъ переводѣ съ греческимъ и латинскимъ текстомъ по образцу, напр., Миня.

по имени Нифалій, убѣжалъ въ Константинополь и донесъ здѣсь императору о всѣхъ беззаконныхъ дѣйствіяхъ Монга. Зенонъ „чрезвычайно смутился“ (*συνταραχθεὶς*) и сдѣлалъ—было попытку къ соглашенію александрійцевъ между собою, но безуспѣшно (1). Между тѣмъ патріархъ Акакій померъ (въ іюлѣ 489) и его мѣсто занялъ Фравита или Флавита. По примѣру всѣхъ нововступившихъ патріарховъ, онъ отправилъ къ Петру Монгу посланіе съ изложеніемъ вѣры. Петръ съ своей стороны поспѣшилъ отвѣтить ему тѣмъ же, но только анаѳематствовалъ въ своемъ посланіи халкидонскій соборъ. Фравита умеръ спустя три мѣсяца послѣ своего избранія и ему наслѣдовалъ Евѳимій (490—496), родомъ александріецъ (genere Alexandrinus), бывшій доселѣ пресвитеромъ одной константинопольской церкви и начальникомъ богадѣльни (*πτωχοτρόφος*), и заявившій себя ревностію къ халкидонскимъ опредѣленіямъ. Получивъ отвѣтную грамату Петра Монга, Евѳимій сильно смутился и отрекся отъ общенія съ нимъ. Уже оба патріарха готовы были созвать соборы и произнесть другъ на друга отлученіе, какъ Петръ Монгъ скоропостижно померъ (29 октября 489 г.) и ему наслѣдовалъ Аѳанасій (2).

Петръ Кнафей, вступивъ въ управленіе антіохійскимъ патріархатомъ по изгнаніи Каландіона, произвелъ величайшія смуты и безпорядки въ своей церкви, от-

---

(1) Evagr. l. III. c 22. Liberat breviar. c. 18. p 151

(2) Ibid. Evagr. l. III. c. 23. Theoph Chron. p 206. Muralt, p. 106.— Ѳеофанъ повѣствуетъ, что Фравита, по возшествіи на п. престолъ, послалъ къ папѣ Феликсу грамату, въ которой извѣщалъ его, что имѣетъ общеніе только съ нимъ, папою, съ Петромъ же Монгомъ не имѣетъ общенія, между тѣмъ какъ въ граматѣ къ Монгу написалъ на оборотѣ,—что съ Феликсомъ не имѣетъ общенія, а только съ нимъ, Монгомъ. Феликсъ перехватилъ эту грамату къ Монгу прежде, чѣмъ апокрисіарія Фравиты пришли въ Римъ Поэтому, когда они явились къ папѣ, то онъ прогналъ ихъ отъ себя съ безчестіемъ, а грамату Фравиты не принялъ Но Либератъ, напротивъ, говоритъ, что Фравита non consensit sine Romano episcopo inthronisari, sed transmisit synodicam papae Romano Felici, qui modico vivens tempore, moritur, non accipiens epistolam ipsius. c. 18. p 151.

разившіеся даже въ Палестинѣ: по прежнему онъ заявилъ себя ревностнымъ противникомъ халкидонскаго собора, православныхъ епископовъ повсюду низлагалъ, а на мѣсто ихъ рукополагалъ монофизитовъ, и ввелъ любимое прибавленіе къ Трисвятому: „распныйся за ны“. Наиболѣе замѣчательнымъ его дѣйствіемъ во время описываемаго послѣдняго управленія его антіохійскимъ патріархатомъ было рукоположеніе во епископа іерапольскаго нѣкоего Ксенея, родомъ перса, а по званію раба. Патріархъ Каландіонъ изгналъ его изъ Антіохіи за его безпокойный характеръ и за неправовѣріе. Носился слухъ, что онъ даже и некрещенъ былъ. Но самъ онъ называлъ себя клирикомъ, бродилъ по окрестнымъ селамъ и возмущалъ здѣсь народъ противъ правой вѣры. Этого-то Ксенея Кнафей и рукоположилъ во епископа, переименовавъ его для благозвучія въ Филоксена. Когда же узналъ, что Ксеней даже не былъ и крещенъ, то замѣтилъ на это, что хиротонія замѣнитъ ему крещеніе. Въ Филоксенѣ монофизиты пріобрѣли одного изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ своего ученія (1). Спустя не много времени послѣ этого Петръ Кнафей умеръ (490 г.) и его мѣсто занялъ Палладій, бывшій присвитеромъ церкви св. великомученицы Ѳеклы въ Селевкіи и также относившійся къ халкидонскому собору, какъ и Петръ Кнафей. Замѣчательно, что въ замѣщеніи антіохійской каѳедры помогъ ему силенціарій Анастасій, сдѣлавшійся по смерти Зенона византійскимъ императоромъ (2).

---

(1) Theoph. Chron. p 207, 208. Cedrenus 1, p. 620.

(2) Evagr. l. III c. 23. Theoph. p. 209. Cedrenus. 1, p. 621 — Но подъ слѣдующимъ, 5984, годомъ Ѳеофанъ замѣчаетъ (p 211—212): *Πέτρου δὲ τοῦ Γναφέως ἐν Ἀντιοχείᾳ ὄντος ἐκ τῆς ἐξορίας ἐπανελθεῖν εἰς τὸν ἴδιον θρόνον δυσωποῦντος, ὁ βασιλεὺς τῆς ἐξορίας μὲν τοῦτον ἀνεκαλέσατο, εἰς δὲ Ἀντιόχειαν ἀπελθεῖν οὐκ ἀπεδέξατο, Παλλάδιον δὲ χειροτονηθῆναι ἐν Ἀντιοχείᾳ ἐποίησεν.* Отсюда слѣдуетъ заключить, что или это послѣднее мѣсто находится въ противорѣчіи съ предыдущимъ, или же Петръ Кнафей снова удаленъ былъ за происки съ антіохійской каѳедры еще самимъ Зеноном, и Анастасій, по воцареніи, лишь возвратилъ его изъ ссылки, но не отдалъ отнятой у него каѳедры,

Постоянныя возмущенія противъ власти Зенона со стороны его подданныхъ, близкихъ родственниковъ и первыхъ вельможъ имперіи подѣйствовали чрезвычайно вредно на его характеръ. и безъ того не обладавшій привлекательными качествами. Къ концу царствованія онъ сдѣлался крайне подозрителенъ, во всѣхъ и каждомъ въ частности началъ видѣть своего личнаго врага и злоумышленника, и вслѣдствіе этого устремился къ несправедливымъ убійствамъ и конфискаціямъ имуществъ казнимыхъ въ свою пользу (1). Понятно, что все это не могло возбудить любовь къ нему подданыхъ. Зенонъ умеръ отъ апоплексіи, 9 апрѣля 491 года (2). Позднѣе распространилось мнѣніе, что съ нимъ случился только обморокъ, но что Аріадна, уже давно ненавидѣвшая своего мужа, поспѣшила погребсти его. Служители, приставленные къ его гробу, слышали въ послѣдствіи, какъ онъ умолялъ ихъ разрыть его, обѣщаясь отказаться отъ царства и поступить въ монастырь; но они не посмѣли исполнить его просьбу вслѣдствіе запрещенія свыше. Послѣ, когда разрыли его могилу и открыли гробницу, увидѣли, какъ онъ изгрызъ свои собственныя плечи и подошвы своей обуви, мучимый голодомъ (3). Вмѣсто Зенона Аріадна, сенатъ и народъ провозгласили императоромъ силенціарія Анастасія (4). Патріархъ Евѳимій воспротивился

оставивъ при ней вновь рукоположеннаго Палладія Но въ такомъ случаѣ, для чего смерть его помѣчена авторомъ подъ предыдущимъ, 5983, годомъ? Кедринъ прямо говоритъ, что Кнафей умеръ не задолго до смерти Зенона. Изъ словъ Евагрія скорѣе можно заключить, что Палладій наслѣдовалъ Кнафею за его смертію, чѣмъ вслѣдствіе его изгнанія.

(1) Theoph. Chron. p. 209. *ὁ δὲ Ζήνων ἐπαρθεὶς τῇ τῶν τυράννων ἀναιρέσει πρὸς δημεύσεις καὶ φόνους ἀδίκους χωρεῖ, καὶ πάντα ἄνθρωπον αἰτιώμενος ὡς ἐκείνοις ἢ συμμαχήσαντα ἢ συμβουλεύσαντα τὴν ἐπίθεσιν.* Также Cedrenus. 1, p 621

(2) Theoph p. 209—210. Evagr. l. III. c. 29. Muralt p. 108. По Муральту Зенонъ умеръ отъ диссентеріи.

(3) Cedrenus, 1, p 622.

(4) Evagr. l. III. c. 29. Theoph. p. 210. Cedrenus. 1, p. 622 Theod. Lect. l. II. c. 6.

этому выбору. Онъ еще прежде, въ царствованіе Зенона, пригрозилъ Анастасію выгнать его изъ церкви, какъ еретика и единомышленника Евтихія (1). И въ настоящій разъ, вмѣсто безмолвной покорности общему рѣшенію сената и народа, онъ обозвалъ Анастасія „еретикомъ, недостойнымъ царствованія надъ христіанами", и рѣшительно отказался вѣнчать его на царство. Аріадна и сенатъ настоятельно побуждали его не противодѣйствовать общему рѣшенію. Патріархъ Евѳимій уступилъ, но лишь послѣ того, какъ предварительно взялъ отъ Анастасія письменное исповѣданіе вѣры и собственноручное, „скрѣпленное страшными клятвами удостовѣреніе" въ томъ, что онъ не поколеблетъ основъ православной вѣры и не будетъ производить никакихъ нововведеній въ церкви (2).

---

(1) Theoph. Chron. p. 208.

(2) Ibid. p 210. Theod Lect. I II c. 6. Evagr. III. c. 32.—Личность Анастасія, какъ и личность Зенона, рисуется западными писателями, какъ католическими, такъ и протестантскими, очень мрачными красками Папарригопулъ дѣлаетъ попытку защитить, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько ослабить сужденія западныхъ писателей объ этихъ государяхъ, и для этого старается по достоинству оцѣнить самые источники, изъ которыхъ заимствуются о нихъ свѣдѣнія (*Παπαρρήγοπουλος*, III p. 70—71). Весьма справедливо онъ замѣчаетъ по этому поводу, что порицанія всѣхъ явленій Византіи *ὄχι βεβαίως δὶ ἄλλον λόγον, εἰμὴ διότι οἱ Βυζαντινοὶ ἐλογίσθησαν ἄχρι τοῦδε ὡς ἐκτὸς τῶν νόμων τοῦ δικαίου τῶν ἐθνῶν ἱστάμενοι, ὡς ἔθνος καὶ κράτος κοτὰ τοῦ ὁποίου δύνανται ἐλευθέρως νὰ ὁρμήσωσι παντα τὰ καταδρομικὰ τῆς ἱστορίας πλοῖα, καὶ εἰς τὸ ὁποῖον εἶναι ἐπιτετραμμένον νὰ ἐπιβληθῇ ἀκρίτως πᾶσα ποινὴ ὕβρεως καὶ κατακρίσεως* (безспорно, не имѣютъ другого основанія, кромѣ того, что византійцы доселѣ считаются стоящими внѣ законовъ народной правды, какъ народъ и держава, противъ которой свободно могутъ быть направлены всѣ военные корабли исторіи и на которую можно сдѣлать нашествіе, чтобы безъапелляціонно бросить всякое хульное и ругательное наказаніе) (p. 74—75) Папарригопулъ 25 лѣтъ изучалъ исторію Византіи и пришелъ къ убѣжденію, что она достойна тщательнаго изученія, не только для пользы эллинскаго народа, но и для блага всего человѣчества (p. 36), (а по нашему мнѣнію, безъ знанія исторіи Византіи не возможно правильное пониманіе вообще міровой исторіи), и что многимъ странидамъ ея могутъ позавидовать славнѣйшіе (*εὐκλεέστεροι*)

Анастасій родился въ Епидамнѣ, нынѣшнемъ Диррахіѣ (Дураццо), отъ очень незнатныхъ родителей.

народы и правители міра (р. 33.). Вообще онъ съ теплотою относится къ Византіи и уже по тому самому справедливѣе судитъ о разныхъ общественныхъ ея явленіяхъ. Для болѣе правильной оцѣнки царствованія Анастасія онъ старается установить точку зрѣнія главнымъ образомъ на Θеофана Хронографа, Кедрина, Малалу и Евагрія У первыхъ двухъ авторовъ онъ отнимаетъ, можно сказать, всякую цѣну, какъ очень пристрастныхъ, называющихъ Анастасія еретикомъ, нечестивцемъ, беззаконнымъ и нечистымъ (μιαρὸς), и жившихъ гораздо позднѣе описываемыхъ ими событій (Θеофанъ жилъ 300 лѣтъ позднѣе Анастасія, а Кедринъ 500 лѣтъ), въ вѣкъ суевѣрія и упадка наукъ. Болѣе вѣры онъ придаетъ Евагрію и Малалѣ, какъ жившимъ гораздо ближе къ временамъ Анастасія, а слѣдовательно и болѣе заслуживающимъ довѣрія. Эти же авторы гораздо умѣреннѣе судятъ объ Анастасіѣ. Малала, живший въ половинѣ VI вѣка, вездѣ называетъ Анастасія θειότατον. Евагрій нигдѣ не называетъ его еретикомъ и только по мѣстамъ говоритъ, что другіе поносили его манихеемъ Но, при всемъ уваженіи къ труду Папарригопула, мы не можемъ не замѣтить, что его точка зрѣнія есть исключительная, односторонняя и новомодная, именно—племенная. Авторъ на все смотритъ главнымъ образомъ подъ угломъ пользы или вреда того или другаго событія, того или другой разсматриваемой личности для еллинскаго народа, какъ націи, и съ этой точки зрѣнія судитъ о разбираемыхъ имъ явленіяхъ или личностяхъ Съ этой же точки зрѣнія онъ сдѣлалъ и оцѣнку указанныхъ византійскихъ авторовъ. Но при этомъ онъ упустилъ изъ вниманія слѣдующее.—Вѣрно, что при изученіи означенныхъ византійскихъ авторовъ трудно оріентироваться. Но при болѣе тщательномъ изученіи ихъ, можно отыскать руководную нить, которую всегда нужно имѣть въ виду. Оказывается, что, при описаніи царствованія Анастасія, Θеофанъ почти буквально списалъ Θеодора Чтеца, дополнивъ его свѣдѣнія нѣкоторыми другими авторами. Θеодоръ же Чтецъ умеръ около 520 года, во всякомъ случаѣ—не дожилъ до половины VI вѣка, и былъ чтецомъ константинопольской церкви. Слѣдовательно, время его жизни и цвѣтущаго возраста относится къ царствованію Анастасія, дѣянія котораго онъ описалъ. Между тѣмъ Евагрій жилъ большею частію въ Антіохіи, и позднѣе Θеодора (Евагрій только родился около 553 года), и свѣдѣнія о царствованіи Анастасія получилъ, какъ можно видѣть изъ его исторіи, большею частію изъ посланій палестинскихъ монаховъ, мѣстныхъ преданій и вообще—у восточныхъ авторовъ Слѣдовательно, Θеодоръ Чтецъ, по времени, имѣетъ бо́льшую цѣну, чѣмъ Евагрій, и нельзя оспоривать, чтобы Θеодоръ Чтецъ, а за нимъ и Θеофанъ Хронографъ взводили напраслины на Анастасія. Кедринъ пользовался Θеофаномъ Что же касается Малалы, то ученые не пришли еще къ точнымъ и безспорнымъ мнѣніямъ относи-

Будучи еще юношею, онъ прибылъ въ Константинополь, поступилъ здѣсь въ дворцовую стражу и скоро достигъ одной второстепенной должности (силенціарія), которую онъ занималъ до самаго избранія своего въ императоры. Незначительность его должности не обѣщала ему царствованія. Но онъ обладалъ пріятной наружностію. Высокій, стройный и крѣпкій, онъ рано обратилъ на себя благосклонное вниманіе царицы Аріадны и вступилъ съ нею въ любовныя связи. Къ тому же онъ имѣлъ разнаго цвѣта глаза: лѣвый глазъ его былъ черный, а правый — свѣтлоголубой, и это обстоятельство не только не уменьшало его красоты, но даже придавало ему нѣкоторую пріятность и интересность. Ему было шестьдесятъ лѣтъ, когда онъ нечаянно провозглашенъ былъ императоромъ, но тѣмъ не менѣе Аріадна сохранила къ нему всю живость чувствъ влюбленной женщины. Это-то обстоятельство и послужило главною причиною того, что онъ избранъ на царство вопреки всѣмъ протестамъ патріарха Ев-

---

тельно его личности и времени жизни. Несомнѣнно одно, что онъ сиріанинъ и жилъ или въ Антіохіи или гдѣ-либо близъ нея. Его воззрѣнія на Анастасія несогласны съ воззрѣніями константинопольцевъ, такъ какъ и въ дѣлѣ вѣры онъ нѣсколько отличался отъ нихъ. Усвоя всему Востоку (ἐν ταῖς ἀνατολικαῖς πόλεσι) обычай прибавлять къ Трисвятому «распныйся за ны», (р. 407), онъ, очевидно, и себя причислялъ къ послѣдователямъ этого обычая, чего, однакожъ, никакъ не могли допустить константинопольцы. При изученіи всѣхъ означенныхъ авторовъ нужно имѣть въ виду разность ихъ точекъ зрѣнія. Ѳеодоръ Чтецъ, какъ константинополецъ, т. е. поборникъ халкидонскаго собора, описалъ дѣйствія Анастасія съ константинопольской точки зрѣнія, и, подобно всѣмъ константинопольцамъ, не могъ не видѣть въ немъ еретика. Евагрій съ антіохійской и вообще восточной, азійской точки зрѣнія, хотя самъ и православный, взглянулъ на дѣянія Анастасія, какъ на несовсѣмъ мирволящія монофизитамъ, что̀ и было въ дѣйствительности. Но и изъ его описанія нельзя не вынести убѣжденія, что Анастасій склоненъ былъ къ монофизитству. Ѳеофанъ и Кедринъ усвоили исключительно точку зрѣнія Ѳеодора Чтеца, потому что она взяла перевѣсъ въ исторіи: церковь признала халкидонское опредѣленіе. Малала мало говоритъ о ц. дѣлахъ; называетъ же Анастасія Θειότατος потому, что раздѣляетъ его религіозныя идеи.

ѳимія. Спустя 40 дней послѣ провозглашенія, онъ, доселѣ еще холостой, женился (21 мая) на Аріаднѣ и тѣмъ окончательно укрѣпилъ за собою верховную властъ (1). Разсматриваемый какъ человѣкъ государственный, онъ можетъ быть отнесенъ къ замѣчательнымъ византійскимъ самодержцамъ. Онъ съ успѣхомъ отражалъ враговъ имперіи и строилъ крѣпости (2). Для огражденія столицы имперіи и ея окрестностей отъ нашествія сѣверныхъ варваровъ онъ построилъ такъ называемую длинную стѣну, тянущуюся отъ Чернаго моря до Мраморнаго, на разстояніи 400 стадій отъ Константинополя (3). Онъ изгналъ изъ столицы всѣхъ доносчиковъ и клеветниковъ (4); прекратилъ продажу должностныхъ мѣстъ, такъ сильно практикуемую въ предыдущее царствованіе; воспретилъ борьбу гладіаторовъ противъ дикихъ звѣрей и переодѣваніе мальчиковъ въ дѣвочекъ; поощрялъ художниковъ и ученыхъ; возобновилъ военныя упражненія, пришедшія въ упадокъ въ прежнее время, и издалъ распоряженіе, чтобы адвокатами были одни только христіане (5). По отношенію къ бѣднымъ былъ жалостливъ и, еще будучи частнымъ человѣкомъ, въ изобиліи раздавалъ имъ свои доходы (6). Вмѣстѣ съ жалостію къ бѣднымъ, какъ свойствомъ частнаго человѣка, онъ соединялъ заботу и вообще о благосостояніи своихъ подданныхъ, какъ человѣкъ государственный: обуздывалъ фокусниковъ и шарлатановъ, и наказывалъ ихъ ссылкою, когда узнавалъ, что они шар-

---

(1) Evagr. l. III. c. 29. Cedrenus. 1, p. 626. Ioann. Malalae chron. ed. Bonn. p. 392. *Παπαῤῥηγοπουλος.* III p. 65. Muralt. p. 109.

(2) Cedrenus, 1, p 630. Malalas. p. 399.

(3) Evagr. l III. c. 38.

(4) Cedrenus. 1, p. 626: *οὗτος τοὺς δηλάτορας ἐκ τῆς πόλεως τελείως ἐξέκοψεν.*

(5) Muralt. p 109. 119. Theod. Lect. l II. c. 53: *καὶ τὰς ἀρχὰς ᾠνίους οὔσας, προῖκα παρεῖχεν.*

(6) Cedrenus. 1, p. 626: *καὶ τὰ προσόντα αὐτῷ πένησι καὶ πτωχοῖς διαδιδούς*

латанствомъ своимъ обманываютъ народъ, овладѣваютъ его имуществомъ и ввергаютъ въ бѣдность (1). Въ Александріи построилъ маякъ, столь необходимый для мореплавателей (2). Но главная заслуга, за которую хвалятъ его всѣ литописцы, состоитъ въ уничтоженіи хрисаргирона, т. е. подати, вносимой въ государственную казну всякимъ, убогимъ и нищимъ, рабомъ и свободнымъ, блудницей и отпущеницей, блудникомъ и даже мужеложцемъ или педерастомъ, за себя и за скотъ, за муловъ,ословъ, быковъ и псовъ, находящихся въ городахъ или деревняхъ, и за право блудодѣйствовать и вообще развратничать. Такимъ образомъ эта подать была столько же тягостна, какъ и позорна, безнравственна (3).

Но большинство лѣтописцевъ неблагопріятно отзываются о его религіозныхъ убѣжденіяхъ. Правда, онъ былъ набоженъ; много возобновилъ въ Константинополѣ церквей (4); имѣлъ привычку съ пѣніемъ пѣтуховъ приходить въ храмъ и отстаивалъ здѣсь службу, пока не выйдутъ всѣ изъ церкви (5). Много постился (6). Но при этихъ добрыхъ качествахъ, онъ придерживался ереси Евтихія (7). Евагрій замѣчаетъ, что въ народѣ растространилась молва, будто Анастасій держится манихейскаго образа мыслей отъ того, что патріархъ Евѳимій взялъ съ него письменное исповѣданіе вѣры и удостовѣреніе въ томъ, что онъ не будетъ дѣлать

---

(1) Cedrenus, p. 629. Malalas. p. 395.

(2) Muralt, p. 109.

(3) Cedrenus. 1, p 626—627. Evagr. l. III. c. 39. Theoph. Chron. p. 221. Theod Lect. l. II c. 53. Эту подать Анастасій уничтожилъ по настоянію монаховъ. Muralt, p. 116.

(4) Theod. Lect. l. II. c. 21.

(5) Cedrenus. 1. p. 626 *πρὸ ᾠδῶν γὰρ ἀλεκτρυόνων εἰς ἐκκλησίαν φοιτῶν ἄχρι τῆς ἀπολύσεως ἵστατο ἐξιλεούμενος τὸ θεῖον.*

(6) Ibid *νηστεύων πολλὰ.*

(7) Ibid. p. 625: *τῆς τῶν ἀκεφάλων ἤτοι συγχυτικῶν ὄντα αἱρέσεως.*

нововведеній въ церкви (1). Но, спрашивается, для чего патріархъ Евѳимій потребовалъ отъ него письменнаго обязательства и исповѣданія вѣры, если до этого времени не было молвы, что онъ еретикъ? А затѣмъ, изъ описаній самого Евагрія видно, что Анастасій болѣе сочувствовалъ еретикамъ, чѣмъ православнымъ (2). Въ Іерусалимѣ еще при жизни предали его анаѳемѣ, а нѣкоторые вычеркнули его, какъ еретика, изъ диптиховъ (3). Мать его была манихеянка, а дядя Клеархъ держался аріанскаго образа мыслей (4). Поэтому, замѣчаютъ лѣтописцы, манихеи и аріане обрадовались, когда узнали о провозглашеніи царемъ Анастасія (5).

Точка зрѣнія Евагрія на Анастасія въ существѣ дѣла выражаетъ лишь характеръ его общей политики по отношенію къ разнаго рода еретикамъ, по крайней мѣрѣ, какъ онъ думалъ вести ее.—Состояніе имперіи и церкви въ эпоху смерти зеноновой было слѣдующее.—„Халкидонскій соборъ, говоритъ Евагрій, не былъ въ то время ни явно признаваемъ въ святѣйшихъ церквахъ, ни вовсе отвергаемъ, и каждый изъ предстоятелей распоряжался такъ, какъ ему заблагоразсудилось. Только нѣкоторые изъ нихъ весьма мужественно отстаивали, что было изложено на томъ соборѣ, и не дозволяли ни выбросить какой-нибудь слогъ изъ его опредѣленій, ни допустить въ нихъ перемѣну хотя бы одной буквы, и съ великою горячностію волнуясь, никакъ не принимали въ общеніе тѣхъ, которые отвергали его постановленія. Другіе же не только не признавали хал-

(1) Evagr. l. III. c. 32.

(2) ibid. c. 44

(3) Ibid. c. 34.

(4) Theod. Lect. l. II c. 7. Theoph. Chron. p. 210—211.—Шихлеръ отсюда заключаетъ, что и самъ Анастасій держался манихейства (Geschichte d. kirchl. Trenn. 1 p. 74), но Папарригопулъ подвергаетъ это свидѣтельство сомнѣнію и относитъ его къ разряду клеветъ, какія взвели на Анастасія крайніе православные (III. p 69).

(5) Theod. Lector и Theoph. ibid.

кидонскаго собора и его опредѣленій, но и предавали анаѳемѣ какъ самый соборъ, такъ и посланіе (τόμον) Льва. Иные,—одни обманутые хитрымъ изложеніемъ царскихъ граматъ, а другіе съ особеннымъ усердіемъ заботящіеся о мирѣ,—опирались на энотиконъ Зенона и тоже вели между собою распри то объ одномъ, то и двухъ естествахъ (1); такъ что всѣ церкви распались на части и ихъ предстоятели не хотѣли имѣть общеніе другъ съ другомъ. Отсюда произошло чрезвычайное множество раздѣленій и на Востокѣ и на Западѣ и въ Ливіи: ни восточные епископы не имѣли единенія съ западными и ливійскими, ни тѣ—взаимно съ восточными. Дѣло дошло до величайшаго безпорядка; ибо какъ восточные предстоятели не входили въ общеніе между собою, такъ и распоряжавшіеся престолами въ Европѣ и Ливіи не благопріятствовали ни взаимному единенію, ни единенію съ предстоятелями внѣ ихъ границъ" (2). Большинство крайнихъ монофизитовъ, или акефаловъ по прежнему сосредоточивалось въ Александріи, большинство жаркихъ приверженцевъ халкидонскаго собора оставалось въ Константинополѣ (3). Іерусалимъ съ находящимися въ немъ и при немъ монастырями, а также многіе другіе города Палестины, послѣ первоначальныхъ волненій, случившихся при появленіи монофизитства, теперь поуспокоились и „касательно правой вѣры пребывали въ единомысліи" (4). Въ Антіохіи православные точно также составляли большинство; но еретики, уступая имъ въ численности, превосходили ихъ предпріимчивостію и были дерзки.

---

(1) *ἄλλοι τοῖς ἑνωτικοῖς Ζήνωνος ἐνισχυρίζοντο, καὶ ταῦτα πρὸς ἀλλήλους διεῤῥωγότες τῇ τε μιᾷ καὶ ταῖς δύο φύσεσιν· οἱ μὲν, τῇ συνθήκῃ τῶν γραμμάτων κλαπέντες οἱ δὲ καὶ πρὸς τὸ εἰρηνικώτερον μᾶλλον ἀποκλίναντες.*

(2) Evagr. l. III. c. 30.

(3) *Παπαῤῥηγοπουλος*, III p. 68.

(4) Evagr. l III. c. 33, *τὰ δὲ ἐνταῦθα μοναστήρια, καὶ αὐτὰ τὰ Ἱεροσόλυμα ὁμονοοῦσι σὺν Θεῷ περὶ τὴν ὀρθὴν πίστιν.*

Вообщее же число друзей мира во всѣхъ частяхъ имперіи превышало крайнія партіи: масса рѣшалась пожертвовать авторитетомъ халкидонскаго собора, какъ вселенскаго, лишь бы только сохраненъ былъ миръ въ церкви; но вмѣстѣ съ тѣмъ она отказывалась и осудить его прямо, такъ какъ держалась его ученія и осуждала Евтихія и Діоскора (1). И въ этомъ нельзя не замѣтить дѣйствія зенонова энотикона.

При такомъ состояніи церквей, входящихъ въ составъ тогда еще обширной византійской имперіи, Анастасій рѣшился принять въ основу своихъ дѣйствій по отношенію къ церкви энотиконъ Зенона. Онъ желалъ, чтобы всѣ церкви наслаждались миромъ и находились въ общеніи между собою. А для этого онъ требовалъ, чтобы предстоятели церквей, принявъ энотиконъ Зенона, какъ основаніе мира и взаимообщенія, относительно дѣлъ вѣры распоряжались такъ, какъ принято въ ихъ церкви, слѣдовали бы мѣстному обычаю. „Анастасій, говоритъ Евагрій, какъ человѣкъ расположенный къ миру, рѣшительно не хотѣлъ никакихъ нововведеній, особенно въ положеніи церквей, и всѣми мѣрами старался о томъ, чтобы святѣйшія церкви не были возмущаемы и чтобы всѣ его подданные, съ прекращеніемъ всякихъ распрей и споровъ за церковныя ли то дѣла или гражданскія, наслаждались глубокимъ миромъ“ (2). Зенонъ, будучи въ глубинѣ души склоненъ къ монофизитству, но познавъ многочисленность и вслѣдствіе этого политическое значеніе православныхъ въ Константинополѣ, отъ котораго одного только зависѣло обладаніе короной, нашелся вынужденнымъ покровительствовать православнымъ и стѣснялъ еретиковъ даже

---

(1) Evagr. l. III. c 31: *ἐν τούτοις οὖν* (т. е при описанномъ выше всеобщемъ раздѣленіи церквей) *τῶν ἀνὰ τὴν οἰκουμένην οὐσῶν ἐκκλησιῶν οἱ γνήσιοι τῶν ἀπὸ Διοσκόρου καὶ Εὐτυχοῦς εἰς πάντη ἐλάχιστον περιέστησαν τὸν ἀριθμὸν.—Παπαδόπουλος*, III p. 68: *καὶ οἱ μὲν φίλοι τῆ εἰρήνης χριστιανοὶ ἦσαν βεβαίως καθ’ὅλον τὸ κράτος πολυαριθμότατοι*

(2) Evagr. l. III. c. 30.

послѣ того, какъ издалъ энотиконъ. Нѣтъ сомнѣнія, что и Анастасій сознавалъ силу и значеніе православныхъ въ Константинополѣ. Но въ отношеніяхъ къ еретикамъ онъ явился умѣреннѣе Зенона и пошелъ далѣе. Онъ всѣмъ партіямъ дозволилъ держаться разности своихъ мнѣній, лишь бы только онѣ приняли энотиконъ, не чуждались бы крайне другъ друга, не предавали бы халкидонскій соборъ анаѳемѣ, но и не провозглашали бы его вселенскимъ, вообще—сознавали бы себя членами одной и той же христіанской семьи и одного и того же государства (1).

Возможно ли цѣлостное проведеніе такой политики при состояніи и взаимоотношеніи описанныхъ партій? и удержался ли Анастасій на высотѣ безпристрастія и своего положенія?—Желаніе проявлять внутреннее свое содержаніе, распространять свои вѣрованія и идеи въ возможно большемъ кругу послѣдователей, служить истинѣ какъ ради самой истины, такъ и для спасенія себя—составляетъ столь же существенную потребность духовной природы человѣка, какъ пить, ѣсть, двигаться—тѣлесной. Уже по одному этому нельзя было ожидать, чтобы партіи остались въ покоѣ. Но кромѣ того, въ самомъ характерѣ предначертанной Анастасіемъ политики усматривается одно обстоятельство, не благопріятствующее миру церкви. Анастасій объявилъ свободу мнѣній подъ условіемъ принятія энотикона, а это уже исключало свободу. Разсматриваемое же въ связи съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ первоначальной цѣли энотикона, оно теперь должно было показаться православнымъ и, дѣйствительно, показалось прямымъ средствомъ къ введенію евтихіанства. Анастасій въ свою очередь не всегда держался на высотѣ безпристрастія; но, увлекаемый борьбою партій, нерѣдко въ столкновеніяхъ православныхъ съ евтихіанами принималъ сторону по-

(1) Evagr l. III. c. 30.

слѣднихъ А это лишь только укрѣпляло убѣжденіе православныхъ въ зловредности его политики.

Патріархъ Іоаннъ Тавеннисіотъ (Талайя), лишь только услышалъ о воцареніи Анастасія, тотчасъ-же (въ концѣ февр. 492 г.) поспѣшилъ изъ Рима въ Константинополь. Онъ надѣялся получить отъ новаго царя благое возмездіе, потому что нѣкогда, въ бытность свою въ Александріи еще въ должности эконома и пресвитера, оказалъ ему актъ человѣколюбія, возвративъ ему жизнь послѣ кораблекрушенія своими о немъ попеченіями (1). Но Анастасій, услышавъ о его прибытіи, не только не принялъ его, но даже распорядился сослать его въ ссылку. Тавеннисіотъ поспѣшилъ скорѣе убраться снова въ Римъ (2). На александрійской каѳедрѣ по прежнему остался Аѳанасій. Онъ во всемъ слѣдовалъ Петру Монгу,—принялъ энотиконъ Зенона внесъ имя Монга въ диптихи и разослалъ общительныя граматы (ἐνθρονιστικὸν γράμμα) патріархамъ: іерусалимскому, антіохійскому и константинопольскому. Крайніе монофизиты и строго православные не хотѣли и его, какъ Монга, признавать законнымъ патріархомъ. Произошли жаркіе споры, для рѣшенія которыхъ представители той и другой партіи отправились въ Константинополь къ Анастасію. Здѣсь одни предлагали анаѳематствовать халкидонскій соборъ, а другіе—внести въ энотиконъ точныя опредѣленія о двухъ природахъ Богочеловѣка. Анастасій нашелъ невыполнимымъ ни то, ни другое средство; потому что, если будетъ сдѣлано прибавленіе къ энотикону, то произойдетъ возмущеніе въ церкви, анаѳематствовать же соборъ невозможно (3).

---

(1) Theoph. Chron. p. 212. ἀνθ' ὧν ἦν ἐν Ἀλεξανδρείᾳ πεποιηκὼς αὐτῷ οἰκονομίαν, ὃν καὶ γνώμων ἀπὸ ναυαγίου δεξάμενος καὶ συγκροτήσας οὕτως, ὡς ἀναίσθητον αὐτὸν ποιῆσαι τῆς συμφορᾶς.

(2) Ibid.

(3) Liberati breviar. c. 18. considerans imperator, quod si adjectionem edicto faceret, tumultum moveret ecclesiae, et anathematisari synodum esset impossibile.

Онъ посовѣтовалъ спорящимъ партіямъ принять энотиконъ въ неизмѣнномъ видѣ, подобно тому, какъ на основаніи его имѣютъ общеніе и прочіе предстоятели церквей (1). Слѣдующіе послѣ Аѳанасія патріархи, Іоаннъ Монаксонъ, или Имула (496—505), и Іоаннъ Никеотъ (505—517) во всемъ слѣдовали своимъ предшественникамъ, т. е. принимали энотиконъ, не признавали халкидонскій соборъ вселенскимъ, не принимали посланіе папы Льва и вносили имя Монга въ диптихи. Впрочемъ, Никеотъ нѣсколько отступилъ отъ политики своихъ предшественниковъ. Видя, что расколъ въ церкви продолжается, что большинство Александрійцевъ не хочетъ его изъ-за Монга и энотикона признавать законнымъ патріархомъ, онъ хотя и принялъ энотиконъ, но нашелъ его недостаточнымъ для церковнаго единенія безъ осужденія халкидонскаго собора и потому отказался на основаніи его разослать общительныя граматы къ прочимъ патріархамъ (2). Его преемникъ, Діоскоръ II, или младшій (517—19), родственникъ Тимоѳея Элура, пошелъ еще далѣе: онъ согласился принять энотиконъ Зенона лишь подъ условіемъ осужденія халкидонскаго собора, и осудилъ его. Тогда отдѣлившіеся отъ него изъ-за Монга снова соединились съ нимъ (3).

Антіохійскій патріархъ Палладій (490—498) принялъ общительную грамату патріарха Аѳанасія, такъ

(1) Liberati breviar. c. 18 persuasit eis sufficere unitivum edictum, ut communicarent ad invicem sibi, sicut et ceteri ecclesiarum episcopi.

(2) Ibid quamquam non communicaret Flaviano Antiocheno, et Eliae Hierosolymorum episcopis, et Timotheo Constantinopolitano. Dicebat enim imperfecte edictum se habere, nec ad unitatem sufficere, quod non in anathemate synodi fuisset factum.

(3) Ibid. in quibus (gestis) testatus est, in expulsione synodi se suscipere edictum unde cum satisfactum fuisset his qui propter Petrum Muggum extra illam ecclesiam communicabant, uniti sunt ei: nam usque ad istum Dioscorum, in divisione erat Alexandrina ecclesia. Theoph. Chron p. 217. 229. 250. 251, Evagr l. III. c. 23.

какъ держался однихъ съ нимъ мыслей относительно халкидонскаго собора, былъ креатурою Анастасія и соглашался на принятіе зенонова энотикона для единенія церквей (1). Но Евѳимій константинопольскій порвалъ съ нимъ всякое общеніе. Вычеркнувъ имя Монга изъ диптиховъ, (2) онъ точно въ такія же отношенія сталъ и къ его преемнику, Аѳанасію. Не считая энотикона еретическимъ актомъ, такъ какъ признавалъ Акакія вполнѣ православнымъ, вовлеченнымъ въ общеніе съ еретикомъ лишь посредствомъ обмана и потому не заслуживающимъ осужденія, онъ тѣмъ не менѣе не соглашался и на принятіе энотикона, какъ акта, могущаго лечь въ основу единенія церквей (3). Для лучшаго огражденія халкидонскихъ опредѣленій, укрѣпленія ихъ важности и авторитета между вѣрующими, и какъ бы для противодѣйствія царю, на исповѣданіе и письменное обязательство котораго онъ мало надѣялся, онъ вскорѣ по объявленіи Анастасія императоромъ созываетъ изъ пребывающихъ (ἐνδημοῦντας) въ Константинополѣ епископовъ соборъ, на которомъ утверждаетъ халкидонскій соборъ, какъ вселенскій (4). Такой поступокъ Евѳимія, естественно, не понравился императору; онъ сталъ искать случая низложить непокорнаго патріарха (5) и потребовалъ отъ него обратно свое „исповѣданіе вѣры“, какъ якобы унижающее царское

---

(1) Evagr. l. III 23. Theod Lect. p. 587: *Παλλάδιος, πρὸς χάριν βασιλέως διαπραττόμενος, τοὺς τοῖς ἐν Καλχηδόνι ἁγίοις δόγμασιν ἑπομένους ἐμυσάττετο*

(2) Theoph Chron p. 206.

(3) *Παπαῤῥηγοπουλος*, III p 65

(4) Theoph. Chron. p 212.

(5) Evagr. l. III c. 30 *ἅπερ ὁ βασιλεὺς Ἀναστάσιος θεώμενος, τοὺς νεωτερίζοντας τῶν ἐπικόπων ἐξωθεῖτο, ἔιπου κατειλήφει, ἢ παρὰ τὸ εἰωθὸς τοῖς τόποις τινὰ τὴν ἐν Καλχηδόνι σύνοδον κηρύττοντα, ἢ ταύτην ἀναθέματι περιτιθέντα ἐκβέβληκε μὲν οὖν ἐκ τῆς βασιλίδος τῶν πόλεων, πρῶτον μὲν Εὐφήμιον.*

достоинство. Евѳимій еще прежде отдалъ это исповѣданіе для храненія своему довѣренному, скевофилаксу Македонію, и теперь положительно отказался выдать его императору (1). Послѣ этого осталось только низложить патріарха (2) и вмѣсто него найдти лице болѣе покорное. Но для этого нуженъ былъ случай. Льстецы императорскіе, обыкновенно чуждые опредѣленныхъ твердыхъ убѣжденій и благородства характера, чтобы угодить Анастасію, порѣшили коварнымъ образомъ убить Евѳимія. Разъ одинъ изъ этихъ злодѣевъ обнажилъ мечъ и хотѣлъ-было ударить имъ по головѣ Евѳимія, когда этотъ послѣдній входилъ по окончаніи службы въ митаторій, особое отдѣленіе при храмѣ со стороны алтаря, откуда выходили патріархи для богослуженія и куда входили они по окончаніи богослуженія. Но ударъ, направленный на патріарха, принялъ на себя нѣкто Павелъ, занимавшій должность церковнаго экдика (адвоката), и тѣмъ подвергъ свою жизнь опасности. Другой клирикъ, схвативъ дверной засовъ, тотчасъ же имъ и убилъ злодѣя (3). Въ другой разъ злоумышленники

(1) Объ этомъ фактѣ историки разногласятъ между собою. Ѳеофанъ утверждаетъ (p. 215), что императоръ «силою отнялъ» (*μετὰ βίας ἀνείλατο*) у Евѳимія свое исповѣданіе вѣры. За нимъ тоже самое говоритъ и Кедринъ (1. p. 627) *μετὰ βίας τὴν ὁμολογίαν αὐτοῦ παρὰ Εὐθυμίου ἔλαβε*. Но Ѳеодоръ Чтецъ выражается мягче, что императоръ только «усиленно требовалъ» (*βεβαίως ἀπῄτησεν*) отъ Евѳимія свое исповѣданіе вѣры (l. II. c. 8). Евагрій (l. III. c. 32) говоритъ, что какъ скоро Македоній взошелъ на епископскій престолъ, Анастасій хотѣлъ-было обратно получить отъ него свое исповѣданіе вѣры, какъ якобы унижающее его достоинство. Но «Македоній весьма смѣло воспротивился» (*μάλα γενναίως ἐνιστα μένου τοῦ Μακεδονίου*) царю и утверждалъ, что не предастъ вѣры. Отсюда и изъ дальнѣйшей рѣчи Евагрія видно, что Македоній отказался выдать императору его исповѣданіе, будучи уже патріархомъ, а слѣдовательно и Евѳимій не отдалъ Анастасію его исповѣданіе вѣры.

(2) Evagr. l. III. c. 30.

(3) Theod. Lect. l. II. c. 11.—Валезій въ примѣчаніи къ этой главѣ Чтеца Ѳеодора говоритъ, metatorium (*Μιτατώριον*) locus erat in ecclesia, in quem descendebat patriarcha post peractum officium, et ex quo pro-

подкарауливали Евѳимія въ ущельи одной горы, гдѣ онъ долженъ былъ проходить, чтобы такимъ образомъ здѣсь убить его. Но онъ, провѣдавъ объ ихъ злоумышленіи, переодѣлся въ платье частнаго человѣка и тѣмъ избавилъ себя отъ опасности (1).

Въ предшествовавшія царствованія Льва I и Зенона чрезвычайно усилились въ Константинополѣ исавры. Будучи самъ родомъ исавряниномъ, Зенонъ, какъ видѣли, при ихъ помощи главнымъ образомъ достигъ императорскаго трона, предоставилъ имъ высшія государственныя должности и платилъ имъ особую подать, извѣстную подъ именемъ исаврійской. Братъ его Лонгинъ, оскорбленный тѣмъ, что ему, прямому наслѣднику престола, предпочтенъ какой-то малоизвѣстный Анастасій, задумалъ-было при ихъ помощи низвергнуть послѣдняго и овладѣть императорскимъ троном. Но Анастасій захватилъ его въ плѣнъ, сослалъ въ Египетъ и повелѣлъ постричь его здѣсь въ пресвитеры, а исаврянъ выгналъ изъ Константинополя. Недовольные лишеніемъ привилегированнаго положенія, исаряне, по прибытіи въ Малую Азію, подняли знамя бунта противъ Анастасія и начали войну, продолжавшуюся около шести лѣтъ. Утомленный войною съ исаврами, сколько упорною, столько же и раззорительною, Анастасій открылся патріарху Евѳимію, что желаетъ съ ними мира, и поэтому проситъ его созвать пребывающихъ въ Константинополѣ епископовъ на соборъ и

cedebat ad altare. У Ѳеофана (p. 215) вмѣсто. *ἔμπροσθεν τοῦ Μιτατωρίου* сказано *πρὸ τοῦ Μαρτυρίου*. Далѣе, Ѳеофанъ говоритъ, что злодѣя убилъ самъ же экдикъ Павелъ, а по Ѳеодору Чтецу—*ἐκκλησιαστικὸς τις ἀνήρ*. Наконецъ, у Ѳеофана сказано: *τῇ λεγομένῃ σειρᾷ*, а у Ѳеодора—*τὴν λεγομένην σειρὰν*. Подъ *σείρα, σειρὰ* толковники разумѣютъ большею частію родъ меча по Валезію думаетъ, что подъ этимъ названіемъ нужно разумѣть родъ дверного засова, такъ какъ не возможно, чтобы клирики ходили въ церковь вооруженные мечами, когда патріархъ совершалъ богослуженіе Повѣствованіе Ѳеодора Чтеца, какъ повѣствованіе современника, разумѣется, заслуживаетъ бо́льшаго довѣрія

(1) Theoph. Chron. p. 215

внушить имъ мысль ходатайствовать за исаврянъ. Но Евѳимій выдалъ эту тайну императора Іоанну Патрикію, тестю одного изъ предводителей исаврянъ, Аѳинодора, а Іоаннъ поспѣшилъ передать о поступкѣ патріарха императору. Уже и безъ того недовольный Евѳиміемъ за непринятіе имъ энотикона, Анастасій теперь еще болѣе разгнѣвался на него и сдѣлался его непримиримымъ врагомъ: самые замыслы исаврянъ онъ теперь приписалъ Евѳимію и заподозрилъ его въ безспорномъ соучастіи съ ними. Скоро послѣ того исавры были побѣждены, крѣпости ихъ взяты и разрушены, а предводители частію погибли во время самой войны, а частью взяты въ плѣнъ и казнены. Тогда Анастасій послалъ сказать Евѳимію: „молитвы твои, почтеннѣйшій, обмарали друзей твоихъ сажею". Епископамъ, пребывающимъ въ Константинополѣ (ἐνδημοῦντας), повелѣлъ собраться на соборъ и обсудить на немъ дѣло Евѳимія. Стараясь угодить царю, епископы рѣшили низложить Евѳимія и лишить его общенія съ собою, какъ несторіанина и бунтовщика. Впрочемъ, нельзя не замѣтить и того, что обвиненіе въ политическомъ злоумышленіи при изложенныхъ обстоятельствахъ, и при томъ со стороны высшей правительственной власти, не могло не показаться имъ основательнымъ. Но народъ взглянулъ на низложеніе Евѳимія, какъ на низложеніе исключительно за правую вѣру, поднялъ—было знамя бунта и собрался на ипподромѣ съ челобитными къ императору; но настойчивость Анастасія была сильнѣе народной воли: Евѳимій былъ низложенъ и назначенъ въ ссылку въ Евхаиты, а на его мѣсто избранъ Македоній, бывшій доселѣ пресвитеромъ и сосудохранителемъ великой церкви (1).

---

(1) Teod. Lect. l. II. c. 9. 10. 12 Theoph. Chron. p 215. 216. Cedrenus 1, p. 627. Παπαρρηγοπουλος, III. p. 66 67. Evagr l. III. c 30 Malalas, p 400.

Безспорно, избирая Македонія въ патріархи, Анастасій думалъ имѣть его своимъ послушнымъ орудіемъ. Племянникъ св. Геннадія, воспитанный подъ его руководствомъ въ строго православныхъ началахъ, Македоній при всей приверженности къ правой вѣрѣ и халкидонскимъ опредѣленіямъ, отличался мягкостію характера и снисходительностію къ еретикамъ и преступникамъ. Такъ, однажды враги его подговорили нѣкоего Евхолія обнажить противъ него мечъ. Македоній нетолько не потребовалъ его наказанія, но даже предложилъ ему подарокъ, по Θеофану, повелѣлъ продолжить выдавать ему мѣсячное содержаніе. Подобнымъ же образомъ онъ поступалъ и относительно бѣдныхъ (ἐνδεεῖς) святотатцевъ (1).

Получивъ свѣдѣніе о назначеніи въ ссылку въ Евхаиты, Евѳимій просилъ императора чрезъ Македонія, чтобы ему дарована была охранная грамата (2) для предупрежденія всякихъ злоумышленій, могущихъ случиться на дорогѣ. Императоръ согласился; а Македоній, получивъ царское удостовѣреніе, поспѣшилъ къ Евѳимію, но не прежде рѣшился войдти къ нему, какъ предварительно повелѣвъ архидіакону снять съ себя омофоръ въ крещальницѣ. Эта скромность и деликатное отношеніе къ несчастію бывшаго патріарха, который считалъ себя незаконно осужденнымъ, весьма справедливо заслужили похвалу у современниковъ и лѣтописцевъ. Но Македоній поступилъ болѣе, чѣмъ скромно и деликатно; онъ поступилъ еще человѣколюбиво; онъ занялъ у заимодавцевъ подъ проценты деньги и ссудилъ ими Евѳимія и его спутниковъ для издержекъ на дорогѣ (3). Встрѣча и разставаніе двухъ

---

(1) Teod. Lect. l. II. c. 14. 22. Theoph. Chron. p. 217. 230—231 Cedrenus, 1. p. 630.—Евхолій у Θеофана называется Ахоліемъ, у Кедрина Ἀσχολιεμъ.

(2) *ὁ δὲ λόγου ἔτυχε διὰ Μακεδονίου λαβεῖν.*

(3) Teod. Lect l. II c. 15. Theoph Chron. p 217

патріарховъ при такихъ обстоятельствахъ не могли не быть для нихъ пріятными.

Въ началѣ своего патріаршествованія Македоній нашелъ возможнымъ уступить настоянію императора — подписать энотиконъ зеноновъ (1). Судя по его ревностной приверженности къ опредѣленіямъ халкидонскаго собора, а также по дальнѣйшимъ его дѣйствіямъ относительно энотикона, нужно думать, что, подписывая его въ настоящій разъ, онъ думалъ оказать лишь актъ человѣколюбиваго снисхожденія къ еретикамъ (*οἰκονομίαν*) и, нисколько не отказываясь отъ халкидонскихъ постановленій, содѣйствовать правительству въ умиротвореніи имперіи и церкви. Но онъ отнюдь не имѣлъ въ виду, при помощи энотикона, содѣйствовать распространенію и утвержденію монофизитства. Онъ по прежнему продолжалъ хранить въ церкви исповѣданіе императора и его удостовѣреніе, что онъ сохранитъ вѣру въ цѣлости и не произведетъ никакихъ нововведеній въ Христовой церкви. На всякое требованіе императора о выдачѣ своего исповѣданія (*ὁμολογίαν*), онъ отвѣчалъ, что „не предастъ вѣры (2)“, и тѣмъ, естественно, возбудилъ противъ себя его неудовольствіе (3).

Въ 498 году Анастасій посовѣтовалъ Македонію озаботиться возсоединеніемъ съ церковію константинопольскихъ монаховъ, пребывавшихъ въ раздѣленіи съ нею изъ-за энотикона. Македоній послушался благаго совѣта и началъ предпринимать мѣры, но напрасно. Тогда онъ съ своей стороны далъ совѣтъ императору

(1) Theod Lect I II. c 13: *Μακεδόνιος πεισθεὶς τῷ βασιλεῖ, τῷ ἑνωτικῷ Ζήνωνος καθυπέγραψεν.* Theoph. Chr. p. 217 (edrenus, I, p 628 —Θеофанъ и Кедринъ буквально повторяютъ Θеодора Чтеца, но къ его *πεισθεὶς* прибавляютъ слово: *κακῶς*, и въ этомъ—*κακῶς* нельзя не видѣть позднѣйшаго осужденія энотикона со стороны православныхъ

(2) Evagr I III. c 32· *καὶ μὴ προδόσιν τὴν πίστιν ἐνιχυριζομένου* (т е *Μακεδονίου*).

(3) Ibid.

собрать на соборъ пребывающихъ въ Константинополѣ епископовъ и утвердить на немъ все, что̀ „хорошо“ постановлено на халкидонскомъ соборѣ (1). Императоръ согласился и такимъ образомъ еще разъ опредѣленія халкидонскаго собора были письменнымъ образомъ утверждены на мѣстномъ соборѣ (2). Но монахи, въ особенности студиты и акимиты (неусыпающіе), остались при своемъ мнѣніи: они требовали не только осужденія монофизитства, но и самого энотикона, какъ коварнаго акта, ведущаго къ монофизитству. Примѣру мужскихъ монастырей слѣдовали нѣкоторые женскіе монастыри: монахини также мужественно стояли за неприкосновенность халкидонскихъ опредѣленій, какъ и монахи. и раздѣленіе продолжалось по прежнему. Видя безъуспѣшность своихъ стараній, Македоній предпочелъ лучше предоставить непреклонныхъ монаховъ своему произволенію, чѣмъ возбуждать противъ нихъ преслѣдованіе (3).

Утвержденіе опредѣленій халкидонскаго собора формальнымъ образомъ на мѣстномъ синодѣ не входило въ планъ политики Анастасія; а потому мы не видимъ, чтобы онъ согласился на утвержденіе всѣхъ вѣроисповѣдныхъ постановленій халкидонскаго собора; онъ дозволилъ утвердить только тѣ изъ нихъ, которыя можно назвать правильно (καλῶς) сдѣланными постановленіями. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ его распоряженіи проглядываетъ таже самая точка зрѣнія—мирить борющіяся партіи, не раздражать и православныхъ дозволеніемъ формально утвердить правильныя опредѣленія халкидонскаго собора, и вмѣстѣ съ тѣмъ приманивать еретиковъ отрицаніемъ за халкидонскимъ со-

---

(1) Theoph. Chron. p. 218—219 ἀδυνατῶν δὲ τοῦτο ποιῆσαι, συνεβούλευσε τῷ βασιλεῖ τοὺς ἐνδημοῦντας ἐπισκόπους συνελθεῖν καὶ τὰ ἐν Χαλκηδόνι καλῶς δογματισθέντα ἐγγράφως βεβαιῶσαι

(2) Ibid ὅπερ καὶ γέγονεν διὰ ἐγγράφου πράξεως.

(3) Theoph Chron. p. 219. Cedrenus. 1, p. 628.

боромъ авторитета вселенскаго, такъ какъ, предполагается, не всѣ его опредѣленія могутъ быть приняты. Но Македоній признавалъ всѣ опредѣленія халкидонскаго собора правильными и считалъ его не иначе, какъ вселенскимъ. Въ этомъ, очевидно, нельзя не видѣть разности точекъ зрѣнія между императоромъ и патріархомъ. Тѣмъ не менѣе на первыхъ порахъ мы не видимъ, чтобы между ними происходили какія нибудь сильныя столкновенія изъ-за вопросовъ вѣры. Императоръ былъ занятъ войною съ Персами и потому мало обращалъ вниманія на дѣла церковныя (1), а патріархъ довольствовался тою свободою, какая дана была православнымъ за принятіе энотикона. Буря изъ-за вопросовъ вѣры была поднята еретиками и вскорѣ почти съ одинаковою силою распространилась на три восточныхъ патріархата: константинопольскій, антіохійскій и іерусалимскій.

Послѣ смерти Палладія, послѣдовавшей въ 498 году, на антіохійскую патріаршую каѳедру былъ избранъ Флавіанъ (498—512), по слухамъ, противодѣйствовавшій опредѣленіямъ халкидонскаго собора, и императоръ одобрилъ этотъ выборъ (2). Немедленно, по вступленіи на престолъ, Флавіанъ поспѣшилъ отправить обычное извѣстительное посланіе, вмѣстѣ съ изложеніемъ исповѣданія вѣры, къ александрійскому патріарху Іоанну Монаксону (Имулѣ) и попросилъ его сдѣлать съ своей стороны тоже самое (3). Понятно, что обмѣнъ этихъ общительныхъ граматъ произведенъ на основаніи зенонова энотикона. Еретики надѣялись видѣть въ немъ своего сторонника. Однакожъ оказалось, что онъ принимаетъ энотиконъ болѣе въ первоначальномъ его смыслѣ, какъ актъ снисхожденія къ еретикамъ, чѣмъ какъ средство для распространенія ереси.

---

(1) Theod. L. l. II. c. 19. 20.

(2) Theoph Chron. p 219—220

(3) Evagr. l. III. c. 23.

Противъ Флавіана возсталъ извѣстный Ксеней, или Филоксенъ, епископъ іерапольскій. Сначала онъ сталъ поносить Флавіана несторіанином. Чтобы отклонить отъ себя это обвиненіе, Флавіанъ изрекъ анаѳему какъ Несторію, такъ и его ученію. Тогда Ксеней, оставивъ Несторія, сталъ указывать на другихъ лицъ, которыя, по его мнѣнію, держались несторіанства, и говорилъ Флавіану: „если ты не предашь анаѳемѣ всѣхъ ихъ, какъ единомышленниковъ Несторія; то ты—несторіанинъ, хотя бы тысячу разъ изрекалъ анаѳему Несторію и его мудрованію“. Враждуя противъ Флавіана, онъ на ряду съ этимъ вербовалъ себѣ сторонниковъ и единомышленниковъ между епископами, которые дѣйствовали бы съ нимъ въ согласіи и на пользу ереси. Флавіанъ уступилъ вздорчивости своихъ противниковъ и, чтобы укротить бурю, готовую уже подняться, предалъ анаѳемѣ всѣхъ лицъ, которыхъ они объявили, какъ еретиковъ. Между тѣмъ Ксеней съ сообщниками успѣли вооружить противъ Флавіана и самого царя, представивъ его здѣсь несторіанином и покровительствующимъ несторіанству. Чтобы оправдаться отъ взводимой клеветы, Флавіанъ послалъ свой анаѳематизмъ на несторіанство также и царю (1), еще разъ признавалъ торжественно энотиконъ и кромѣ того написалъ особое посланіе, въ которомъ точно также старался оправдаться отъ взводимыхъ на него клеветъ (2). Но Анастасій болѣе вѣрилъ Ксенею и его сообщникамъ, чѣмъ патріарху Флавіану (3), а Ксеней съ сообщниками между тѣмъ начали требовать отъ Флавіана анаѳемы уже самому халкидонскому собору и всѣмъ, допускающимъ двойство естествъ. Когда же Флавіанъ отказалъ имъ въ

---

(1) Evagr l. III. c 31: *ἀπέστειλε τῷ βασιλεῖ· καὶ αὐτὸν γὰρ κατ' αὐτου κεκινήκασιν ὡς τὰ Νεστορίου πρεσβεί'οντος.*

(2) Theoph Chron. p 232· *ὁ δὲ Φλαβιανὸς ἰδιάξουσαν ἐπιστολὴν ἔγραψεν Ἀναστασίῳ τῷ σκοπῷ αὐτοῦ ἑπόμενος.*

(3) Theoph. Chron. p. 233.

въ этомъ, то его снова стали обвинять въ несторіанствѣ. Произошли сильныя смуты, для прекращенія которыхъ патріархъ нашелся вынужденнымъ издать свое исповѣданіе вѣры, въ которомъ объявилъ, что онъ принимаетъ халкидонскій соборъ только въ отношеніи къ отлученію Несторія и Евтихія, а отнюдь не въ отношеніи къ опредѣленію и ученію вѣры (1). Ксеней и его сообщники по прежнему остались недовольны поведеніемъ Флавіана, издали отъ себя образецъ вѣры съ анаѳемою на халкидонскій соборъ и принимающихъ двойство естествъ въ Іисусѣ Христѣ, отдѣлились отъ общенія съ Флавіаномъ и продолжали возмущать противъ него народъ (2).

---

(1) Evagr l. III c 31. *ἐν ᾗ πρὸς καθαίρεσιν μὲν Νεστορίου καὶ Εὐτυχοῦς τὴν σύνοδον δέχεσθαι ὁμολόγει, μὴ μέντοι εἰς ὅρον καὶ διδαδκαλίαν πίστεως* Ѳеофанъ же повѣствуетъ, что Флавіанъ вообще анаѳематствовалъ халкидонскій соборъ (р. 237). *ὃ καὶ ἐποίησεν μικροψυχήσας Φλαβιανὸς καὶ ἐπ' ἐκκλησίας αὐτοὺς ἀνεθεμάτισεν σὺν τῇ συνόδῳ.* Но, не говоря уже о томъ, что Евагрій ближе стоитъ ко временамъ описываемой эпохи, приведенное свидѣтельство Ѳеофана нельзя принять и потому что здѣсь же и ниже говоритъ о недовольствѣ еретиковъ и царя на Флавіана за привязанность къ халкидонскому собору Если бы дѣйствительно онъ анаѳематствовалъ весь соборъ и всѣ его опредѣленія, то спрашивается, откуда недовольство и чѣмъ объяснить послѣдовавшее за тѣмъ его низложеніе и ссылку?—Малала (р. 400) прямо свидѣтельствуетъ, что Флавіанъ низложенъ за привязанность къ ереси Несторія, а этого не могло бы быть, если бы онъ анаѳематствовалъ халкидонскій соборъ. За тѣмъ, Ѳеофанъ вездѣ утверждаетъ, будто императоръ самъ силою принудилъ Флавіана къ осужденію халкидонскаго собора. И здѣсь онъ отступаетъ отъ Евагрія и говоритъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ. У Ѳеодора Чтеца нѣтъ извѣстія о Флавіанѣ. Очень можетъ быть, что Ѳеофанъ заимствовалъ свои свѣдѣнія у Евагрія, но перенесъ на нихъ установившуюся въ его время точку зрѣнія и тѣмъ далъ имъ совершенно иную окраску Сличивая безъ критики установившееся въ его время воззрѣніе съ повѣствованіемъ Евагрія, онъ впалъ въ нѣкоторыя внутреннія противорѣчія, возбуждающія сомнѣнія и заставляющія болѣе вѣрить Евагрію. Къ тому же, а priori не возможно, чтобы императоръ безъ всякаго внушенія и посредства посторонннихъ лицъ вооружился на патріарха города, находящагося очень далеко отъ Константинополя

(2) Evagr. l. III. c. 31. Theoph. Chron. p. 236—237.

Наряду съ этими усиліями склонить на свою сторону патріарха Флавіана Ксеней и его сообщники старались тоже самое сдѣлать и по отношенію къ іерусалимскому патріарху Иліѣ (500—512). Интриги ихъ противъ того и другаго патріарха были направлены одновременно и шли параллельно между собою. И противъ Иліи, какъ противъ Флавіана, они старались вооружить также и царя. Они говорили ему, что раздѣленіе въ церкви отъ того между прочимъ и существуетъ, что означенные патріархи не хотятъ прямо и ясно высказаться противъ халкидонскаго собора (1). Анастасій потребовалъ отъ Иліи, чтобы онъ отрекся отъ халкидонскаго собора. Монофизиты съ своей стороны сильно настаивали на изданіи исповѣданія вѣры, чтобы такимъ образомъ явно было всѣмъ, какихъ онъ держится убѣжденій. Побуждаемый отовсюду, и отъ императора и отъ еретиковъ непосредственно, Илія, наконецъ, уступилъ ихъ требованію: написалъ исповѣданіе вѣры и отослалъ его къ Анастасію чрезъ самихъ послѣдователей Діоскора, монофизитовъ. Но здѣсь случилось то, что нерѣдко практиковалось еретиками: они подмѣнили исповѣданіе Иліи и доставили императору такое, въ которомъ заключалась анаѳема всѣмъ допускавшимъ во Христѣ двойство естествъ. Илія, узнавши объ этомъ подлогѣ еретиковъ, поспѣшилъ издать другое исповѣданіе вѣры, безъ анаѳемы халкидонскому собору и его послѣдователямъ (2).

---

(1) Theoph. Chron. p. 236: *Ζωτήριχος δὲ ὁ Καισαρείας Καππαδοκίας καὶ Ξεναίας κατὰ Φλαβιανοῦ καὶ Ἠλία ἀνήγαγον τῷ βασιλεῖ, ὅτι διὰ τὸ μὴ θέλειν αὐτοὺς τρανῶς κατὰ τῆς συνόδου τῆς ἐν Χαλκηδόνι ἀποφήνασθαι, συνῆλθον ἀλλήλοις*

(2) Свѣдѣнія о патріархѣ Иліи находятся у Евагрія, Ѳеодора Чтец. и Ѳеофана, и всѣ они разногласятъ между собою. Евагрій выражается такимъ образомъ: *ἐν τούτοις καὶ τῶν Ἱεροσολύμων ἀπήτουν* (т. Ксенея и его сообщики) *ἔγγραφον περὶ πίστεως ὃς ἐκθέμενος ἀπέστειλε τῷ βασιλεῖ, δι' αὐτῶν τῶν ἀπὸ Διοσκόρου· ὅπερ αὐτοὶ μὲν προσφέρουσιν ἀναθεματισμὸν περιέχον τῶν δύο φύσεις εἰρηκότων· αὐτὸς δὲ ὁ Ἰε-*

Съ окраинъ имперіи борьба, естественно, перенесена въ Константинополь, сосредоточилась здѣсь, какъ

ροσολύμων νενοθεύσθαι παρ' αὐτῶν διαβεβαιούμενος, ἄλλο προσφέρει δίκα τοιούτου ἀναθεματισμοῦ· καὶ οὐ θαῦμα· καὶ γὰρ καὶ λόγοις πατέρων πολλάκις νενοθεύκασι и пр. (l. III c. 31). Θеодоръ Чтецъ говоритъ совершенно противное этому (l. II c 23): *Ἡλίᾳ τῷ ἐπισκόπῳ τῶν Ἱεροσολύμων πρωτέταξε βασιλεὺς σύνοδον ἀθροῖσαι τῶν ὑπ' αὐτὸν, καὶ κατὰ τῆς τεταρτης συνόδου ψηφίσασθαι. Ἡλίας δὲ σύνοδον μὲν οὐ συνέθροισεν· αὐτὸς δὲ μόνος ἀναθεματίζων Νεστόριον καὶ Εὐτυχῆ, Διόδωρον, Θεόδωρον, καὶ τὴν ἐν Καλχηδόνι σύνοδον* Θеофанъ въ одномъ мѣстѣ сообщаетъ согласно съ Евагріемъ (p 233): *Ἡλίας δὲ ἀντέγραψε τῷ βασιλεῖ ἀναθεματίσας Νεστόριον καὶ Εὐτυχέα, Διόδωρον καὶ τὴν ἐν Χαλκηδόνι σύνοδον ἀποδεχόμενος*; а въ другомъ—слѣдуетъ Θеодору Чтецу (p. 236): *Ἡλίας δὲ ὁ Ἱεροσολύμων καὶ τὴν ἐν Χαλκηδόνι ἔγραψεν ἀποβάλλεσθαι* и такимъ образомъ, не примиряя означенныхъ писателей, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Теперь, спрашивается, гдѣ истина и кому слѣдовать. Валезій, въ примѣчаніи на 23 главу Чтеца Θеодора, приведши разнорѣчивыя показанія Θеофана, говоритъ, что слово *ἀποδεχόμενος*, вѣроятно, прибавлено у Θеофана какимъ-нибудь сторонникомъ патріарха Иліи, чтобы тѣмъ избавить его отъ вины достойной осужденія. Въ доказательство этой мысли онъ за тѣмъ указываетъ на второе показаніе Θеофана, что Иліи отвергъ халкидонскій соборъ, и на то обстоятельство, что слова—*ἀποδεχόμενος* не находится въ палатинскомъ кодексѣ Въ виду этихъ соображеній, онъ даже не придаетъ никакого значенія и тому, что Анастасій Библіотекарь помѣстилъ въ своемъ переводѣ и слово *ἀποδεχόμενος*. Итакъ, самое важное основаніе для соображеній Валезія есть то, что означеннаго слова нѣтъ въ палатинскомъ кодексѣ. Но въ другихъ кодексахъ находится и древніе переводчики считали его подлиннымъ. Т о вопросъ по прежнему остается открытымъ Рѣшить его на основаніи самого же Θеофана, очевидно, не возможно; потому что вопросъ въ томъ именно и состоитъ, какое изъ показаній Θеофана слѣдуетъ считать правильнымъ. Для болѣе или менѣе вѣрнаго рѣшенія изслѣдуемаго вопроса слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, принять во вниманіе слѣдующія соображенія.—Евагрій буквально приводитъ письмо палестинскихъ монаховъ, горячихъ приверженцевъ халкидонскаго собора, зорко сдѣдившихъ какъ за еретиками, такъ и за своими епископами, къ Алкисону, епископу никопольскому (въ Палестинѣ), точно также ревностному защитнику и приверженцу халкидонскихъ опредѣленій. Такимъ образомъ, свидѣтельство Евагрія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи полнаго довѣрія, какъ идущее со стороны лицъ, которыя ближе всего должны быть знакомы съ разсматриваемымъ дѣломъ и которыя не имѣли никакого основанія прикрывать погрѣшности уклоняющихся въ ересь. Между тѣмъ у Θеофана, кромѣ разсматриваемаго проти-

бы въ фокусѣ, отъ того сдѣлалась крайне напряженною и получила широкіе размѣры.—Войдя въ общеніе

ворѣчія, мы находимъ еще слѣдующія несообразности. Сказавъ, что Илія отвергъ халкидонскій соборъ, Θеофанъ непосредственно послѣ этого прибавляетъ, что Кіseней и Сотерихъ каппадокійскій продолжали возбуждать противъ него царя за то, что онъ, какъ и Флавіанъ антіохійскій, не хочетъ ясно высказаться противъ халкидонскаго собора. Спрашивается, какъ же можно еще яснѣе высказываться противъ халкидонскаго собора, когда уже заявлено, что онъ отвергнутъ вполнѣ. Очевидно, здѣсь у Θеофана что-то неладно. Далѣе, .ниже онъ говоритъ (р 241): *Ἠλίας δὲ ὁ Ἱεροσολύμων ἀναγκαζόμενος ὑπὸ τοῦ βασιλέως ἢ Σεβήρῳ κοινωνῆσαι, ἢ τῆς ἐπισκοπῆς ἐκβληθῆναι, τῶν μαναχῶν ὀχυρωσάντων αὐτὸν, τῆς ἐπισκοπῆς μᾶλλον ᾑρετίσατο ἐκβληθῆναι* Если Илія, опираясь на поддержку монаховъ, не захотѣлъ войдти въ общеніе съ Севeромъ, открыто заявившимъ себя въ пользу монофизитства, а предпочелъ лучше быть низвергнутымъ, чѣмъ сообщиться съ еретикомъ; то какимъ образомъ, при той же поддержкѣ монаховъ и безъ крайней необходимости, прежде онъ самъ согласился сдѣлать то, за что теперь не хотѣлъ войдти въ общеніе съ Севeромъ? и когда произошло его раскаяніе, если онъ дѣйствительно осуждалъ халкидонскій соборъ? Изъ повѣствованія Θеофана не видно. Такимъ образомъ, принимая во вниманіе общій ходъ рѣчи Θеофана, мы должны скорѣе признать, что онъ подтверждаетъ Евагрія, повѣствуетъ совершенно согласно съ нимъ и слово *ἀποβάλλεσθαι* (стр. 236) является какъ бы случайнымъ: оно, очевидно, безъ всякой критики заимствовано у Θеодора Чтеца —Заслуживаетъ ли въ разбираемомъ случаѣ полнаго довѣрія самъ Θеодоръ Чтецъ? Намъ думается, что онъ, какъ константинополецъ, занесъ свое свидѣтельство о патріархѣ Иліи, основываясь на подложномъ его исповѣданіи, приподнесенномъ царю монофизитами, и чрезъ это впалъ въ невольную погрѣшность. Во всякомъ случаѣ, свидѣтельство сонма монаховъ, современныхъ патріарху и заявившихъ себя ревностію къ халкидонскому собору, заслуживаетъ бо́льшаго довѣрія, чѣмъ другое свидѣтельство, хотя тоже современника, но жившаго вдали отъ изслѣдуемой личности и собиравшаго свѣдѣнія въ данномъ случаѣ по слухамъ —Муральтъ комбинируетъ указанныя противорѣчія такимъ образомъ. «Илія осуждаетъ Несторія и Евтихія, Діодора, Θеодора и халкидонскій соборъ, не собирая собора, какъ того требовалъ отъ него Анастасій, позднѣе онъ утверждалъ, что напрасно ему приписывали, будто онъ подобно Діоскору, отвергаетъ два естества (въ Іисусѣ Христѣ); это обстоятельство дало поводъ утверждать, что онъ осудилъ халкидонскій соборъ» (р 122).—Наконецъ, мы не можемъ принять и другаго свидѣтельства Θеофана, будто-бы Анастасій принуждалъ Илію анаѳематствовать (*ἀναθεματίσαι*) халкидонскій соборъ (р. 234). Оно, очевидно, составляетъ усиленную перефразировку выраженія Θеодора Чтеца: *κατὰ*

съ императоромъ, Ксеней съ его согласія, а можетъ быть, и по его совѣту, прибылъ (въ началѣ 507 г.)

τῆς τετάρτης συνόδου ψηφίσασθαι Но понимать это выраженіе въ смыслѣ приказанія положительнымъ образомъ анаѳематствовать халкидонскій соборъ едва ли возможно; потому что тогда ему противорѣчило бы дальнѣйшее свидѣтельство Ѳеодора, что позднѣе императоръ взялъ съ преемника Флавіана, упомянутаго Севера, обѣщаніе не анаѳематствовать халкидонскій соборъ (l. II c. 31. 59) Если позднѣе, когда борьба съ ревнителями халкидонскаго собора сдѣлалась наиболѣе ожесточенною, императоръ воспрещалъ монофизитамъ анаѳематствовать халкидонскій соборъ, какъ это онъ дѣлалъ въ началѣ своего царствованія, какъ этого онъ требовалъ отъ александрійскихъ патріарховъ, гдѣ монофизиты были наиболѣе многочисленны, и, какъ видѣли, настоялъ на своемъ требованіи,— спрашивается, что побудило его настаивать на анаѳематизмахъ, которые должны дѣлать православные халкидонскому собору, въ мѣстностяхъ, гдѣ православные составляли большинство и даже въ Константинополѣ, гдѣ ревнители халкидонскаго собора абсолютно преобладали надъ монофизитами и своимъ грознымъ положеніемъ въ отношеніи къ послѣднимъ по служили причиною того, что какъ Зенонъ такъ и самъ Анастасій, не смотря на свою личную склонность къ монофизитству, нашлись вынужденными идти среднимъ путемъ, а не становиться прямо на сторону еретиковъ? Что заставило его видоизмѣнить первоначальной своей политикѣ и своими неумѣстными требованіями вызывать борьбу, которой онъ въ началѣ желалъ избѣгнуть? Вообще, чѣмъ объяснить его столь рѣзкія и ничѣмъ неоправдываемыя колебанія? Мы думаемъ, что Ѳеофанъ назвалъ требованіемъ анаѳематизма въ существѣ дѣла одно лишь желаніе *отреченія* отъ халкидонскаго собора, какъ вселенскаго, т. е. требованіе не признавать за нимъ авторитета вселенскаго собора, но безъ анаѳемы ему. Съ такимъ пониманіемъ распоряженій Анастасія болѣе будетъ согласно и приведенное, довольно мягкое, выраженіе Ѳеодора Чтеца, особенно если разсматривать его въ связи съ 31 и 59 главами. Конечно, въ глазахъ ревнителя халкидонскаго собора, особенно позднѣйшаго времени, отреченіе отъ него равносильно было анаѳемѣ ему, но въ общемъ планѣ политики императора это означало далеко не одно и тоже. Отреченіе безъ анаѳемы ставило вопросъ въ неопредѣленность, не болѣе Въ виду начальной и послѣдующей политики Анастастія думается, что и въ борьбѣ съ Флавіаномъ и Иліею онъ поступалъ точно также. Не слѣдуетъ при этомъ забывать и того, что Евагрій нигдѣ не упоминаетъ, чтобы Анастасій требовалъ отъ православныхъ анаѳемы халкидонскому собору; напротивъ, онъ вездѣ говоритъ, что анаѳемы требовали только еретики Съ Евагріемъ сходенъ и Либератъ Діаконъ. Если выраженіе—*κατὰ τῆς τετάρτης συνόδου ψηφίσασθαι* понимать въ смыслѣ требованія—не признавать за халкидонскимъ соборомъ характера вселенскаго безъ анаѳемы

въ Константинополь, чтобы и здѣсь достигнуть того же самаго, чего онъ успѣлъ достигнуть въ Антіохіи. Константинополь постоянно представлялъ собою сборный пунктъ многихъ епископовъ, отовсюду стекавшихся сюда, частію по личнымъ дѣламъ своимъ, а частію по епархіальнымъ. Поэтому неудивительно, что Ксеней вскорѣ нашелъ себѣ здѣсь многихъ сторонниковъ, изъ которыхъ одни объявили себя противъ халкидонскаго собора по убѣжденію, а другіе—изъ желанія угодить царю Между ревнителями монофизитства наибольшею фанатичностію и противодѣйствіемъ халкидонскому собору сдѣлался извѣстенъ Елевзій, еписк. асимонскій. Всѣ они дружно стали дѣйствовать на императора и возбуждать его противъ Македонія, какъ одного изъ главныхъ виновниковъ всеобщаго раздора въ имперіи и церкви. Македоній принялъ въ отношеніи къ нимъ грозное положеніе. Съ Ксенеемъ онъ не хотѣлъ ни входить въ общеніе, ни даже разговаривать. Православный народъ, клиръ и монахи, ревнующіе о халкидонскихъ опредѣленіяхъ, начали волноваться и обнаруживать ежеминутную готовность произвести всеобщее возстаніе. Устрашенный этими, предвѣщающими бурю, признаками, Анастасій въ настоящій разъ не послушался еретиковъ и поспѣшилъ тайно удалить Ксенея изъ Константинополя (1).

Спустя три года послѣ этого (510 г.) прибыли въ Константинополь 200 еретичествующихъ монаховъ, до-

---

ему, иначе—игнорировать его, какъ бы не существующій,—въ такомъ случаѣ 23, 31 и 59 главы второй книги Чтеца Ѳеодора будутъ приведены въ полное согласіе, какъ между собою, такъ и съ свѣденіями, сообщаемыми Евагріемъ и Либератомъ Діакономъ. Пристрастіе Анастасія къ еретикамъ выразилось не въ положительномъ требованіи анаѳемы халкидонскому собору со стороны православныхъ, а въ снисхожденіи къ еретикамъ, когда они преступали его волю, въ потворствѣ имъ и въ строгомъ наказаніи православныхъ, не слѣдующихъ его повелѣніямъ, т. е. въ несогласіи его практики съ его же собственною теоріей. Иначе мы не можемъ объяснить себѣ указанныя противорѣчія

(1) Theoph. Chron. p. 230. Evagr. l. III c. 31.

селѣ производившихъ смуты и безпокойства въ разныхъ мѣстахъ Востока. Во главѣ ихъ находился Северъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи патріархомъ антіохійскимъ (1). Рожденный въ Созополѣ, въ Писидіи, отъ родителей—язычниковъ, Северъ проходилъ въ Беритѣ курсъ юридическихъ наукъ и въ началѣ занималъ должность адвоката. Но потомъ онъ принялъ крещеніе и поступилъ въ одинъ монастырь, лежащій между городомъ Газою и крѣпостью Маіумою. Обращаясь здѣсь съ приверженцами Тимоѳея Элура, онъ познакомился чрезъ нихъ съ идеями монофизитства и сдѣлался жаркимъ ихъ приверженцемъ. Очень естественно, что при той борьбѣ, какая возникла изъ-за халкидонскихъ опредѣленій, еретическій образъ мыслей Севера не могъ не обнаружиться. Оказалось, что съ нимъ были согласны и нѣкоторые другіе монахи того монастыря, въ которомъ онъ жилъ. Поэтому прочіе монахи этого монастыря, державшіеся халкидонскаго ученія, лишь только узнали объ ихъ неправомысліи, поспѣшили изгнать ихъ изъ своего монастыря, какъ еретиковъ и нечестивцевъ. Тогда-то Северъ и отправился съ ними въ столицу имперіи (2) и сталъ здѣсь во главѣ упомянутой двухсотенной колоніи еретичествующихъ монаховъ. Понятно, что къ нимъ примкнули какъ епископы, такъ и клирики и міряне, держащіеся монофизитства и почему либо находящіеся въ Константинополѣ (напр. Юліанъ еп. галикарнасскій, ярый противникъ халкидонскаго собора, и другіе) (3) Палестинскіе монахи, провѣдавъ, что Северъ съ своими сообщниками отправились въ Константинополь и навѣрное пред-

---

(1) Theoph. Chron. p. 233.

(2) Evagr. l. III. c 33.

(3) Theod. Lect, l II c 26. Theoph Chron. p. 235 *ὅσοι δὲ κληρικοὶ καὶ λαικοὶ αἱρετικοὶ ἐτύγχανον ἐν τῷ Βυζαντίῳ, τῷ Σεβήρῳ καὶ τοῖς αἱρετικοῖς μοναχοῖς ἀνατολικοῖς ἐσχόλαζον* p. 237. Evagr. l. III. c. 31.

полагая, что они и здѣсь будутъ строить козни противъ послѣдователей халкидонскаго собора, сами въ свою очередь поспѣшили сюда же, вошли, конечно, въ общеніе съ константинопольскими православными и открыто высказывали намѣреніе, что они будутъ противодѣйствовать своимъ противникамъ, какъ врагамъ правой вѣры, всѣми зависящими отъ нихъ средствами (1). Были также здѣсь и нѣкоторые изъ александрійскихъ монаховъ оставшихся вѣрными православію (2).

Конечною цѣлію всѣхъ дѣйствій еретиковъ было принудить православныхъ, и особенно стоящаго во главѣ ихъ патріарха Македонія, анаѳематствовать халкидонскій соборъ. Въ преслѣдованіи этой цѣли они сдѣлались крайне упорными и не отступали ни предъ какими средствами, чтобы обезсилить или уничтожить своихъ противниковъ (3). Императору они всевозможнымъ образомъ старались внушить мысль, что всѣ раздоры, смуты и волненія потому и совершаются въ государствѣ и церкви, что послѣдователи халкидонскаго собора не хотятъ высказаться противъ него ясно и прямо, и что взаимообщеніе, миръ и тишина тогда только и послѣдуютъ, когда будетъ произнесена противъ него прямая анаѳема (4). Держась тѣхъ же самыхъ мыслей (5), патріархъ Іоаннъ Никеотъ предложилъ отъ себя императору 2000 литръ золота, если только онъ

---

(1) Theoph Chron. p. 235: *ὅθεν οἱ κατὰ τὴν Παλαιστίνην θεοφόροι μοναχοὶ ξήλῳ θείῳ κινηθέντες, ἦλθον εἰς τὸ Βυζάντιον κατὰ Σεβήρου καὶ τῶν σὺν αὐτῷ μοναχῶν.*

(2) Ibid

(3) Evagr. l III. c. 31. *ἀφόρητοι ἦσαν, κινοῦντες κατὰ τῶν μὴ ἀνεχομένων ἀναθεματίζειν· ὧν τοὺς εἰς τέλος μὴ ὑπείκοντας, ἐξορίᾳ ὑποβάλλεσθαι πολλαῖς μηχαναῖς παρεσκεύαζον.* Theoph. Chron. p. 235.

(4) Liberat breviar c 19: Severus apud Constantinopolim synodo derogabat, et affirmabat, quia, ea anathematizata, omnes communicarent Сличи Theoph. Chron. p. 236 и выш. стр 214.

(5) См. выше стр. 230.

согласится анаѳематствовать халкидонскій соборъ (1). По личнымъ своимъ воззрѣніямъ Анастасій вполнѣ соглашался съ еретиками; но, какъ человѣкъ государственный, онъ не могъ не видѣть, что анаѳема халкидонскому собору вызоветъ еще большія волненія. Поэтому онъ по прежнему сталъ требовать отъ патріарха Македонія, чтобы онъ игнорировалъ халкидонскій соборъ, принялъ энотиконъ Зенона и вошелъ въ общеніе съ апокрисіаріями Іоанна Никеота, такъ какъ и этотъ послѣдній тоже покоится на энотиконѣ, т. е. не принимаетъ халкидонскій соборъ, но и не отвергаетъ его (2). Македоній отвѣтилъ на это, что безъ новаго вселенскаго собора, на которомъ бы предсѣдательствовалъ римскій епископъ, онъ не согласится ни на какія перемѣны въ дѣлѣ вѣры и церкви, и что поэтому онъ ни съ кѣмъ не намѣренъ входить въ общеніе, кто напередъ не объявитъ, что онъ принимаетъ халкидонскій

(1) Theoph. Chronogr. p. 234.

(2) У Ѳеофана сказано объ этомъ такимъ образомъ (p. 234) *ὁ δὲ βασιλεὺς ἠνάγκαξεν Μακεδόνιον κοινωνῆσαι τοῖς ἀποκρισιαρίοις Ἰωάννου καὶ Ἰωάννην δέξασθαι μὴ δεχόμενον μηδὲ ἐκβάλλοντα τὴν σύνοδον*; а спустя нѣсколько строкъ ниже: *ὁ δὲ βασιλεὺς Μακεδόνιον τὸν Κωνσταντινουπόλεως ἠνάγκαξεν ἀναθεματίσαι τὴν ἐν Χαλκηδόνι σύνοδον*. Явно, что здѣсь противорѣчіе императоръ не могъ въ одно и тоже время предлагать Македонію два противоположныхъ и исключающихъ другъ друга требованія. Поэтому нужно принять одно изъ двухъ или Анастасій потребовалъ отъ Македонія анаѳемы халкидонскому собору и въ такомъ случаѣ другія его требованія—войдти въ общеніе съ Іоанномъ александрійскимъ, потому что онъ не анаѳематствовалъ халкидонскій соборъ, и принять энотиконъ, потому что и въ этомъ актѣ нѣтъ анаѳемы разбираемому собору—будутъ крайне нелѣпы, или же на оборотъ Другаго исхода, очевидно, нѣтъ (Слич. Liberat breviar. c. 18. Theoph Chron. p 238) Относительно этого противорѣчія Ѳеофана нужно сказать тоже самое, что было сказано и относительно его противорѣчій о патріархахъ Флавіанѣ и Иліи: и въ настоящій разъ онъ обосновалъ требованіе императоромъ анаѳемы отъ патріарха на болѣе мягкомъ выраженіи Ѳеодора Чтеца объ этомъ предметѣ (l. II. c. 24) и безъ критики принялъ разныя извѣстія, идущія изъ разныхъ источниковъ.

соборъ и признаетъ его своею матерію и своимъ учителемъ. Какъ бы въ доказательство непреложности своего рѣшенія, онъ въ тоже время анаѳематствовалъ Флавіана антіохійскаго, о которомъ разнеслась молва, что онъ—противникъ халкидонскаго собора,—анаѳематствовалъ и прогналъ отъ себя вонъ и его апокрисіаріевъ, по какой-то нуждѣ явившихся къ нему, какъ патріарху столицы.—и вообще анаѳематствовалъ всѣхъ, кто осмѣливался что-либо говорить противъ халкидонскаго собора. Императоръ крайне раздражился такимъ поведеніемъ патріарха и, чтобы отмстить ему и дать почувствовать силу своей власти, лишилъ великую церковь права убѣжища, повелѣвъ насильственно извлекать изъ нея всѣхъ, притекающихъ къ ней и ищущихъ у нея защиты, и, напротивъ, даровалъ право убѣжища однимъ только еретикамъ (1). Мало того, онъ даже поклялся не видѣть Македонія и никогда не допускать его къ себѣ на глаза (2).

Спустя немного времени послѣ этого монофизиты, предводительствуемые монахомъ Севером̀ъ и Юліаномъ еп. галикарнасскимъ, собрались въ одинъ воскресный день съ толпою наемной черни въ дворцевой церкви св. Архистратига Михаила и, въ то время какъ пѣвчіе стали пѣть Трисвятое, они громко прибавили съ своей стороны: „распныйся за ны“. Тоже самое они сдѣлали и въ слѣдующее воскресенье въ великой софійской церкви. Но здѣсь случилось то, чего они вовсе не ожидали: православные, принявъ ихъ прибавленіе за намѣреніе ввести монофизитство, возмутились и стали отвѣчать крикомъ на ихъ крикъ, и на брань—бранью. Произошелъ страшный шумъ и молитвословіе Богу мира готово было превратиться въ жаркую схватку двухъ возбужденныхъ до крайности партій. Импе-

---

(1) Theoph Chron. p. 234—235 Theod. Lect. l II. c 24.

(2) Theoph Chron p. 238. Thed Lect. l. II. c. 27: *ὁ βασιλεὺς ὀμόσας μὴ ἰδεῖν Μακεδόνιον ἔτι τῷ πρωσώπῳ.*

раторъ, побуждаемый и поддерживаемый Северомъ и Юліаномъ галикарнасскимъ, явно принялъ сторону еретиковъ и началъ поносить Македонія площадною бранью (1). Въ послѣдствіи Северъ писалъ къ Сотериху, епископу Кесаріи каппадокійской, союзнику Ксенія и жаркому противнику халкидонскаго собора, что виновникомъ настоящаго бунта былъ Македоній, возмутившій народъ и монаховъ. Очень можетъ быть, что въ настоящую минуту онъ постарался представить тоже самое и Анастасію, хотя въ дѣйствительности, по изображенію лѣтописцевъ, главнымъ виновникомъ возмущенія былъ онъ самъ. Но склонный къ ереси, императоръ не желалъ въ настоящемъ случаѣ входить въ разборъ истиннаго положенія дѣла. Народъ, предводительствуемый православными монахами, собрался въ огромномъ числѣ вмѣстѣ съ своими женами и дѣтьми вокругъ патріарха Македонія и началъ кричать: „настало время мученичества; не оставимъ отца нашего“! Царя же стали поносить манихеемъ и недостойнымъ парствованія. Бунтъ грозилъ принять широкіе размѣры. Въ предупрежденіе опасности императоръ повелѣлъ запереть ворота своего дворца и подвести корабли со стороны моря, чтобы имѣть возможность бѣжать тотчасъ же, какъ только наступитъ явная опасность. Между тѣмъ, чтобы укротить ярость толпы и прекратить бунтъ въ его зародышѣ, онъ, вопреки своей клятвѣ—никогда не видѣть патріарха, призываетъ его въ настоящій разъ къ себѣ для переговоровъ; а народъ и монахи, увидѣвъ его идущаго во дворецъ, воскликнули: „вотъ и отецъ нашъ у насъ“! Такими же привѣтствіями встрѣтила его и дворцовая стража, когда онъ проходилъ мимо нея. Пришедши къ императору, Македоній, обличилъ его, какъ врага истинной вѣры и церкви. Анастасій обѣщался находиться впредь въ единеніи съ церковію и держаться однихъ мыслей съ Македоніемъ относительно вѣры (2).

(1) ὕβρεσιν αὐτὸν δημοσίαις αἰσχραῖς ἐμβάλλων.

(2) Theoph Chr. p. 237—238. Theod. Lect. l. II. c. 26. 27 Evagr. l. III. c 44.—Евагрій смѣшалъ здѣсь два бунта,—одинъ, бывшій въ 511 г.

Но это обѣщаніе императора было притворное и желаемаго примиренія между нимъ и патріархомъ не послѣдовало. Онъ не хотѣлъ отказаться отъ энотикона и, напомнивъ патріарху, что, при вступленіи на каѳедру, онъ подписался подъ энотикономъ и ничего не нашелъ въ немъ предосудительнаго и противнаго вѣрѣ, потребовалъ на этомъ основаніи, чтобы и въ настоящій разъ онъ издалъ исповѣданіе вѣры, близко подходящее къ энотикону. Патріархъ согласился и объявилъ въ особой граматѣ, что онъ знаетъ одну только вѣру 318 и 150 св. отцевъ; о соборахъ же ефесскомъ и халкидонскомъ не упомянулъ ни словомъ, но предалъ анаѳемѣ какъ Несторія, такъ и Евтихія и всѣхъ тѣхъ, „которые допускаютъ въ ученіи двухъ сыновъ или двухъ Христовъ и раздѣляютъ естества“. Монастыри, находящіеся въ Константинополѣ и его окрестностяхъ, отложились за это отъ Македонія и стали поносить его. Такъ, когда послѣ этого онъ пришелъ однажды въ далматскій монастырь, монахи и клирики котораго причислялись къ ревнителямъ халкидонскаго собора, то они отказались войдти съ нимъ въ общеніе и литургисать съ нимъ. Македоній объявилъ, что онъ пріемлетъ халкидонскій соборъ и не принимающихъ его объявляетъ еретиками и анаѳематствуетъ. Послѣ того монахи согласились литургисать съ нимъ (1). Но императоръ увидѣлъ въ поступкѣ патріарха непостоянство, поэтому крайне разгнѣвался на него и сталъ искать случая низложить его. Гнѣвъ императора усилился еще отъ того, что онъ потребовалъ отъ Македонія подлинныхъ актовъ халкидонскаго собора, чтобы уничтожить ихъ и такимъ образомъ волей-не-волей заставить всѣхъ считать этотъ соборъ какъ бы несуществующимъ,

до низложенія Македонія, и другой, случившійся послѣ его низложенія, въ 512 г. Вообще хронологія здѣсь у лѣтописцевъ очень спутанна. Мы будемъ слѣдовать общепринятой хронологіи.

(1) Evagr. I. III. c. 31. Theoph. Chron. p. 238. 239.

а Македоній рѣшительно отказалъ ему въ этомъ. Тогда Анастасій положилъ низложить его. Вѣсть о его низложеніи опечалила очень многихъ, между прочимъ и царицу Аріадну; такъ какъ онъ заслужилъ у многихъ любовь сколько борьбою по правой вѣрѣ. столько же и святостію своей жизни. Низложенію его императоръ старался придать видъ законности. При помощи своихъ сторонниковъ—льстецовъ и еретиковъ—онъ подкупилъ нѣсколькихъ негодяевъ-дѣтей, согласившихся взвести клевету и на себя и на патріарха—обвинить его въ студодѣяніи съ собою. Однакожъ оказалось. что Македоній былъ оскопленъ и уже потому самому не могъ быть педерастомъ. Тогда Анастасій, по совѣту начальника дворцовой стражи Келлера, повелѣлъ тайно и насильственно, безъ всякаго суда и слѣдствія, схватить его въ его собственныхъ палатахъ и отвезти въ Халкидонъ, откуда онъ вскорѣ сосланъ былъ въ ссылку въ Евхаиты. Анастасій боялся народнаго бунта и потому не рѣшился открыто судить Македонія. Соборъ для его осужденія былъ созванъ уже послѣ фактическаго его низложенія, состоялъ исключительно изъ еретичествующихъ епископовъ и креатуръ двора, и осудилъ его частію за приверженность къ ереси Несторія, а частію за участіе въ бунтѣ противъ правительства. Мѣсто его занялъ Тимоѳей (511—518), исполнявшій доселѣ должность пресвитера и скевофилакса константинопольской церкви (1).

За низложеніемъ Македонія вскорѣ послѣдовало низложеніе антіохійскаго Флавіана и іерусалимскаго Иліи.—Ксеней былъ крайне недоволенъ полумѣрами Флавіана, требовалъ отъ него рѣшительнаго осужденія халкидонскаго собора и, какъ онъ не соглашался на это въ виду сильной поддержки со стороны монаховъ, то порѣшилъ

---

(1) Theod Lect l II. c 28. Evagr l. III. c. 32. 44. Theoph. Chron. p 239 240 Liberat breviar. c. 19. Cedrenus. 1, p 631. Malalas, p 400.

удалить его съ антіохійскаго престола какимъ бы то ни было образомъ. Для этого онъ призвалъ изъ одного кинигійскаго монастыря, находящагося въ первой Сиріи (1), еретичествующихъ монаховъ, которые, съ шумомъ и въ безпорядкѣ ворвавшись въ Антіохію, стали насильственно требовать отъ Флавіана осужденія халкидонскаго собора. Монахи другаго монастыря, лежащаго во второй Сиріи или Келесиріи, православные по образу мыслей и при томъ привязанные къ Флавіану потому еще, что онъ первоначально подвизался въ ихъ монастырѣ, лишь только услышали о поступкѣ кинигійскихъ монаховъ, какъ сами въ свою очередь поспѣшили въ Антіохію поддерживать патріарха. Произошелъ страшный мятежъ, въ которомъ чернь приняла сторону келесирійскихъ монаховъ и Флавіана; кинигійскіе монахи во множествѣ были убиты и брошены въ Оронтъ. Анастасій, узнавъ объ этомъ, присудилъ Флавіана къ низложенію, какъ одного изъ главныхъ виновниковъ кроваваго бунта, а по свидѣтельству Малалы, какъ послѣдователя ереси Несторія, и затѣмъ отослалъ въ заточеніе въ одинъ отдаленный палестинскій городъ, Петры (лежащій на самой южной оконечности Палестины) (2). На упразднившійся такимъ образомъ антіохійскій престолъ теперь избранъ извѣстный монахъ Северъ. Анастасій, соглашаясь на его избраніе, взялъ съ него обязательство принять энотиконъ Зенона, не анаѳематствовать халкидонскій соборъ и даже ничего не умышлять противъ него. Но онъ вполовину только исполнилъ свое обѣщаніе: энотиконъ зеноновъ онъ принялъ, а халкидонскій соборъ, уступая требованію своихъ приверженцевъ, анаѳематствовалъ въ самый же день своего рукоположенія. Тоже самое онъ

---

(1) Сирія раздѣлялась на двѣ провинціи, изъ которыхъ одна, непосредственно примыкавшая къ Антіохіи, называлась первою Сиріей, а другая, южнѣе лежащая, носила названіе второй Сиріи, или Келесиріи.

(2) Evagr. l. III. c. 32. Theoph. Chron. p. 211. Malalas p. 400.

впослѣдствіи высказалъ и въ своихъ синодальныхъ грамотахъ, какія каждый вновь избранный патріархъ имѣлъ обыкновеніе посылать съ одной стороны къ предстоятелямъ другихъ церквей, а съ другой къ епископамъ своего патріархата (1). Но здѣсь случилось то, что обыкновенно случается въ подобныхъ обстоятельствахъ: монофизиты приняли его граматы и вступили съ нимъ въ общеніе, православные же отвергли ихъ и произнесли ему анаѳему; впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ, не отличающіеся твердостію характера, уступая насиліямъ, вначалѣ согласились принять граматы Севера, но потомъ, укрѣпившись, и они отвергли ихъ. Личности безъ убѣжденій, льстецы, примѣняющіеся къ обстоятельствамъ, чтобы извлечь изъ нихъ личную выгоду, приняли граматы Севера, вступили съ нимъ въ общеніе и даже явились его усердными сторонниками. И такъ было не только въ антіохійскомъ патріархатѣ, но и въ другихъ церквахъ. Епископы: епифанскій Косьма и ареѳузскій Севериан (2), отреклись отъ общенія съ Северомъ и послали ему отлучительную грамату. Одинъ епифанскій протодіаконъ Авреліанъ взялся доставить ее Северу. Для этого онъ переряднлся въ женское платье и, накинувъ на лице покрывало, приблизился во время одной процессіи къ Северу, вручилъ ему подъ видомъ просьбы эту грамату и скрылся. Произошло смущеніе. Императоръ, узнавши объ этомъ обстоятельствѣ, далъ предписаніе правителю ливанской Финикіи, Азіатику, низвергнуть Косьму и Севериана съ ихъ престоловъ. Но жители Епифаніи и Ареѳузы приняли угрожающее положеніе и порѣшили не выдавать своихъ архипастырей. Азіатикъ донесъ императору, что безъ кровопролитія нѣтъ возмож-

---

(1) Theod. Lector. l. II. c. 31. 59 Liberat. breviar. c. 19.

(2) Епифанія и Ареѳуза, лежащія при рѣкѣ Оронтѣ недалеко другъ отъ друга, находятся во второй Сиріи или Келесиріи, и были подчинены антіохійскому патріарху.

ности низвергнуть ихъ съ престоловъ. Анастасій повелѣлъ не переступать границъ умѣренности и объявилъ по этому случаю, что, хотя дѣло великое и важное, но онъ будетъ считать слишкомъ дорогою цѣну, если при этомъ будетъ пролита даже только одна капля крови его подданныхъ (1).

Вслѣдъ за Флавіаномъ былъ низложенъ и патріархъ Илія іерусалимскій. Императоръ предложилъ ему на выборъ—или войдти въ общеніе съ Севиромъ, только-что занявшимъ мѣсто Флавіана, или лишиться своей епископіи. Подкрѣпляемый мужественными монахами, ревновавшими по халкидонскомъ соборѣ, Илія предпочелъ послѣднее. Тогда на его мѣсто былъ избранъ и рукоположенъ Іоаннъ, занимавшій должность стража св. Креста. При выборѣ онъ далъ обѣщаніе во всемъ поступать по волѣ царя; но, по принятіи рукоположенія, принялъ сторону послѣдователей халкидонскаго собора и разъ даже торжественно съ амвона произнесъ отлученіе на Несторія, Евтихія, Севера и Сотериха кесарійскаго, признавъ въ тоже время халкидонскій соборъ четвертымъ вселенскимъ, на ряду съ первыми тремя вселенскими соборами (2).

Заступившій мѣсто низложеннаго Македонія, патріархъ Тимоѳей, не обладалъ твердыми нравственными и религіозными убѣжденіями. Современники прозвали его Литровуломъ и Килономъ, желая тѣмъ выразить нравственные его недостатки (3). Лучшею характеристикою шаткости его убѣжденій можетъ служить слѣдующій случай изъ его практики. Однажды онъ явился въ студійскій монастырь, гдѣ въ это время умеръ игуменъ и избранъ на его мѣсто другой, новый. Пред-

---

(1) Evagr. l. III. c. 33. 34. Theoph. Chron. p. 241. Lebeau VII. p. 418.

(2) Theoph. Chron p. 241. 244—245.

(3) Ibid p. 240. *τὸν ἐπίκλην Λιτροβούλην καὶ Κήλωνα, διὰ τινας πράξεις προσφόρους τοῖς ὀνόμασιν*, т. е получившій прозвища сребролюбца и сластолюбца, соотвѣтствующія нѣкоторымъ его дѣйствіямъ.

назначенный къ рукоположенію игуменъ отказался принять его отъ руки патріарха Тимоѳея, на томъ единственно основаніи, что онъ отвергаетъ халкидонскій соборъ и не признаетъ его вселенскимъ. Тогда Тимоѳей объявилъ, что онъ анаѳематствуетъ всякаго, кто не принимаетъ халкидонскій соборъ, и—игуменъ принялъ отъ него рукоположеніе (1). Одинъ архидіаконъ, по имени Іоаннъ, державшійся манихейскаго образа мыслей, поспѣшилъ донести объ этомъ царю, который, естественно вознегодовалъ на патріарха и, призвавши его вслѣдъ за этимъ къ себѣ, сильно укорялъ и поносилъ его, какъ человѣка непостояннаго. Тимоѳей поспѣшилъ произнести теперь анаѳему всякому, принимающему халкидонскій соборъ. Неудивительно, что такой человѣкъ согласился быть послушнымъ орудіемъ императорской воли. Онъ поспѣшилъ войдти въ общеніе съ Іоанномъ Никеотомъ и его апокрисіаріями, и самъ въ свою очередь послалъ къ нему своихъ апокрисіаріевъ съ синодальною граматою, которые, въ угоду Никеота, согласились даже анаѳематствовать халкидонскій соборъ въ Александріи. Онъ хотѣлъ—было внести въ диптихи имя Севера, заявившаго себя крайнею приверженностію къ монофизитству, а имя Флавіана вычеркнуть изъ нихъ, но народъ воспрепятствовалъ ему сдѣлать это. Вмѣстѣ съ общительною граматою (ἐνθρονιστικὸν γράμμα) онъ, въ угоду императору, разослалъ также и низложеніе Македонія. Но сообщеніе объ этомъ низложеніи согласились принять только наиболѣе робкіе, страшащіеся мученій и преслѣдованій, могущихъ быть изъ-за этого; умѣренные же отказались принять его, а мужественнѣйшіе ревнители отказались принять и то

(1) Въ этомъ пунктѣ Ѳеофанъ (p 244) и Ѳеодоръ Чтецъ (l. II c. 33) разногласятъ между собою Ѳеофанъ говоритъ, что игуменъ не принялъ (οὐ κατεδέξατο) рукоположенія отъ Тимоѳея и послѣ того, какъ онъ произнесъ анаѳему на не принимающихъ халкидонскій соборъ, между тѣмъ какъ Ѳеодоръ Чтецъ увѣряетъ на оборотъ, что онъ принялъ (κατεδέξατο) рукоположеніе послѣ анаѳемы, произнесенной патріархомъ на монофизитовъ. Свидѣтельство Ѳеодора Чтеца, какъ современника, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, бо́льшаго довѣрія.

и другое, т. е. и грамату и актъ низложенія. Свою вражду противъ Македонія и его приверженцевъ онъ заявлялъ тѣмъ, что, при входѣ въ какую либо церковь, онъ не прежде соглашался литургисать въ ней, какъ предварительно повелѣвъ вынести изъ нея всѣ изображенія Македонія, какія въ ней находились; послѣдователей халкидонскаго собора, приверженныхъ къ Македонію, подвергалъ мученіямъ и многихъ изъ нихъ сослалъ въ Оазисъ ѳиваидскій. Въ особенности же ярость свою онъ простеръ на непослушныхъ ему монаховъ; для ихъ обузданія онъ вступилъ въ союзъ съ грубой деревенской чернью, многихъ изъ нихъ казнилъ, разрушалъ ихъ алтари и святотатственно переплавлялъ священные золотые и серебряные ихъ сосуды. Напряженіе умовъ достигло крайней степени (1).

Въ началѣ ноября 512 года, когда въ Антіохіи произошелъ вышеописанный бунтъ, приведшій къ низложенію Флавіана, императоръ, слѣдуя внушеніямъ монаха Севера (2), пребывавшаго тогда еще въ Константинополѣ, повелѣлъ сдѣлать къ Трисвятому прибавленіе: „распныйся за ны“, и торжественно провозгласить его въ церкви съ амвона. Патріархъ Тимоѳей тоже съ своей стороны распорядился посредствомъ особаго письменнаго указа, чтобы съ настоящаго времени во всѣхъ церквахъ и на всѣхъ литіяхъ Трисвятое было поемо и читаемо съ означеннымъ прибавленіемъ. Произошло волненіе, которое не замедлило принять размѣры громаднѣйшаго бунта. Цѣлые кварталы Константинополя были преданы пламени, тысячи народа пали жертвою междоусобной религіозной борьбы и многіе вельможи поплатились жизнію за приверженность къ ереси. Полагая, что прибавленіе къ Трисвятому сдѣлано по внушенію Марина Сиріанина, какъ восточнаго жителя, разъяренная чернь въ огромномъ числѣ устремилась къ его дому; но Маринъ услышавъ шумъ, скрылся.

(1) Theoph. Chron. p. 240. 242—245 Theod. Lect. l. II. c. 28. 33. Fragment. p. 587. Evagr. l III. c. 33. Cedrenus. 1, p 631.

(2) Cedrenus; 1, p. 631: *πειθόμενος Σεβήρῳ τῷ ἀκεφάλῳ.*

Тогда обманутая чернь подвергла казни одного селянина, проводившаго монастырскую жизнь въ домѣ Марина Сиріанина. Распространился слухъ, будто прибавленіе въ Трисвятомъ было сдѣлано по совѣту этого селянина, и чернь, ни мало не думая, отсѣкла ему голову, воткнула ее на копье и со смѣхомъ кричала: „вотъ врагъ Троицы“! Домъ Марина былъ сожженъ и имущество его разграблено. Анастасій объявленъ недостойнымъ царствованія и вмѣсто него народъ сталъ требовать себѣ другаго царя, болѣе достойнаго, Виталіана или Ареовинда. Устрашенный столь грознымъ народнымъ волненіемъ, императоръ скрылся въ одномъ предмѣстьѣ близъ влахернской церкви; но, пообдумавъ здѣсь положеніе дѣлъ, рѣшился на крайнюю мѣру: онъ внезапно явился въ циркѣ съ обнаженною головою и безъ короны, „и послалъ глашатаевъ объявить народу, что онъ готовъ сложить съ себя верховную власть, но что всѣмъ не возможно принять ее,—множества она не терпитъ,—и что послѣ него будетъ только одинъ правителемъ царства“. Эта смиренная рѣчь императора сильно подѣйствовала на народъ; онъ, „какъ бы по божественному мановенію“, затихъ и сталъ просить Анастасія снова принять корону, обѣщаясь успокоиться. Впослѣдствіи императоръ страшно наказалъ виновныхъ. (1).

Возмущенія изъ-за предметовъ вѣры постепенно принимали бо́льшіе и бо́льшіе размѣры и наконецъ охватили собою всѣ концы имперіи. Правда, послѣ описаннаго бунта въ Константинополѣ императоръ сдѣлался осторожнѣе въ дѣлахъ вѣры (2); но тѣмъ не ме-

(1) Evagr. l. III c 44. Malalas. p 407—408. Cedrenus. 1, p. 631. Theoph. Chron p. 245—246. Muralt. p. 12. —126. О Маринѣ Сиріанинѣ упоминаетъ Кириллъ скивопольскій въ жизни св. Саввы. По его словамъ, Маринъ былъ человѣкъ несправедливѣйшій (*ἀδικώτατος*); заправлялъ дѣлами государственнаго управленія; мысли, симпатіи и антипатіи императора наклонялъ въ ту или другую сторону по своему произволу, и ненависть свою устремлялъ главнымъ образомъ на православныхъ чтителей халкидонскаго собора. Св Савва предрекъ ему, за его злобу, описанное бѣдствіе и сожженіе его дома. Cyrill. Scythopol. Vita Sabae, ed. Coteler. c. 54.

(2) Cedrenus, 1, p. 631: *ἐπὶ τούτοις ὁ βασιλεὺς φοβηθεὶς ἐπαύσατο πρὸς βραχὺ τῆς αἱρέσεως*

нѣе онъ не переставалъ держаться своей политики—примиренія спорящихъ партій на основаніи зенонова энотикона. Въ половинѣ 514 г. поднялъ противъ него знамя бунта Виталіанъ, сынъ Патрикіола, внукъ извѣстнаго Аспара. пользовавшійся силою и значеніемъ между жителями восточной половины Балканскаго полуострова. Θеофанъ повѣствуетъ, что православное населеніе Θракіи, Мизіи и Скиѳіи убѣдило его идти войною на „нечестиваго“ Анастасія для сохраненія правой вѣры (1); но, очень можетъ быть, одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ, заставившихъ его поднять знамя бунта, было желаніе овладѣть императорской короной. Заявленіе константинопольскаго населенія въ его пользу во время предыдущаго бунта могло только усилить въ немъ это желаніе и убѣдить его въ несомнѣнности успѣха. Во всякомъ случаѣ онъ собралъ огромное войско, состоящее большею частію изъ болгаръ и гунновъ, началъ опустошать окрестныя страны и двинулся на Константинополь, явивъ тѣмъ самымъ первый примѣръ религіозной войны въ христіанскомъ мірѣ. Двѣ огромныя арміи Анастасія были уничтожены одна почти вслѣдъ за другою. Виталіанъ уже придвинулся къ стѣнамъ самой столицы и сталъ готовиться къ ея осадѣ. Поставленный въ такія стѣснительныя обстоятельства, Анастасій завелъ съ нимъ мирные переговоры и обѣщался поправить дѣла церкви. а между тѣмъ дѣятельно вооружалъ свой флотъ, какой могъ собрать, и ввѣрилъ начальство надъ нимъ упомянутому Марину Сиріянину. Благодаря изобрѣтенію греческаго огня или же механизму изъ зеркалъ, сосредоточивающему лучи солнца въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ (2), флотъ Виталіана былъ истребленъ оконча-

(1) p. 242: *οἱ ἐν Σκυθίᾳ καὶ Μυσίᾳ καὶ λοιπαῖς χώραις ὀρθόδοξοι παρεκάλουν κινηθῆναι κατὰ Ἀναστασίου τοῦ δυσσεβοῦς.*

(2) Этотъ вопросъ не рѣшенъ окончательно; предполагаютъ и то и другое.

тельно близъ самаго Константинополя. Виталіанъ нашелся вынужденнымъ сняться съ лагеря и отступилъ за Анхіалъ. Но Анастасій не переставалъ считать его опаснымъ для себя и послѣ этого, и—мирные переговоры продолжались. Виталіанъ требовалъ, чтобы несправедливо низложеннымъ патріархамъ, Македонію и Флавіану, возвращены были ихъ каѳедры и чтобы въ Иракліи ѳракійской былъ созванъ вселенскій соборъ, на которомъ присутствовалъ бы и римскій папа и который пересмотрѣлъ бы и сообща обсудилъ все, что когда либо было слѣлано или постановлено противъ послѣдователей халкидонскаго собора. Анастасій согласился и, по требованію Виталіана, подтвердилъ свое согласіе клятвою. Вмѣстѣ съ нимъ присягнули въ непреложности его обѣщаній также синклитъ, начальники школъ, другіе народные начальники и даже самъ народъ. Въ началѣ Анастасій не думалъ отказываться отъ своихъ обѣщаній; еще во время самыхъ переговоровъ (28 декабря 514 г.) онъ отправилъ къ папѣ письмо съ приглашеніемъ явиться на вселенскій соборъ, имѣющій быть во ѳракійской Иракліи. Уступая настояніямъ остготскаго короля Ѳеодориха, благоволившаго Виталіану, папа Ормизда (514—523) отправилъ на Востокъ двухъ легатовъ съ инструкціями и съ требованіемъ отъ императора исповѣданія вѣры. Уже 200 епископовъ собралось въ Иракліи въ ожиданіи собора. Императоръ согласился на всѣ требованія папы, не противорѣчащія упомянутому договору съ Виталіаномъ, и отправилъ къ нему исповѣданіе вѣры въ строго православномъ духѣ (1). Но онъ не согласился на осужденіе патріарха Акакія и убѣдительно просилъ папу не настаивать на этомъ осужденіи; такъ какъ оно породитъ величайшій соблазнъ въ восточной церкви; память Ака-

(1) Лебо, рисующій неблагопріятно личность Анастасія и, какъ католикъ, вездѣ описывающій религіозныя дѣла съ римско-католической точки зрѣнія, выражается объ этомъ такимъ образомъ (t VII p. 431): ces deux députés portaient au pape, de la part de l'empereur, *une profession de foi très-orthodoxe.*

кія дорога константинопольскому народу и онъ не допуститъ, чтобы память его патріарха была подвергнута поруганію. Папа настаивалъ на своемъ. Тогда императоръ не безъ основанія порѣшилъ, что новый соборъ вмѣсто мира можетъ внести еще большіе раздоры въ церковь; онъ объявилъ соборъ не состоявшимся и епископы возвратились восвояси безъ всякаго результата. Народъ и синклитъ начали открыто порицать Анастасія, какъ клятвопреступника. Но онъ объявилъ имъ, что, если нѣтъ, то долженъ быть законъ, дозволяющій царю быть по нуждѣ лжецомъ и клятвопреступникомъ. Тогда народъ окончательно убѣдился, что Анастасій держится манихейскаго ученія. Виталіанъ, узнавши объ этомъ поступкѣ царя, по словамъ Ѳеофана, снова поднялъ противъ него знамя бунта и страшно опустошилъ окрестныя провинціи. Но чѣмъ кончился этотъ бунтъ? — Ѳеофанъ не извѣщаетъ объ этомъ (1). Патріархъ Тимоѳей во всемъ держался одинаковыхъ мыслей съ Анастасіемъ и дѣйствовалъ совершенно согласно съ нимъ. Когда вскорѣ послѣ этого митрополитъ ѳессалоникскій Дороѳей изъ страха предъ императоромъ вступилъ въ общеніе съ Тимоѳеемъ константинопольскимъ, то сорокъ подчиненныхъ ему иллирійскихъ и элладскихъ епископовъ отложились отъ него, отправили пословъ въ Римъ къ папѣ и письменнымъ образомъ просили его принять въ общеніе съ собою (2). Такъ повсюду продолжалось раздѣленіе.

Императоръ не исполнилъ своего обѣщанія и относительно патріарховъ Македонія и Флавіана: оба они умерли въ ссылкѣ. Въ концѣ 415 года гунны, называемые иначе савирами, проникли въ Арменію. По этому случаю Македоній удалился изъ Евхаитъ въ Гангру, болѣе безопасный городъ отъ ихъ нашествія. Ана-

(1) Евагрій же напротивъ увѣряетъ, что послѣ вышеозначеннаго бунта, все остальное время царствованія Анастасія Виталіанъ жилъ спокойно.

(2) Theoph. Chron. p. 242. 247—248. 250. Cedrenus, 1, p. 632. Evagr. l. III. c. 43. Theodor. Lect. Fragment p. 586. Lebeau, VII. p. 407—408. 422—432. Muralt, p. 127. 128. Malalas, p. 406—408.

стасій, узнавъ объ этомъ, повелѣлъ усилить надъ нимъ стражу и даже, какъ увѣряетъ Θеофанъ, будто-бы подославъ одного убійцу умертвить его. Но Македоній умеръ прежде выполненія этого замысла. При его смерти, по разсказамъ лѣтописцевъ, случилось нѣчто необыкновенное. Во время положенія его во гробъ, онъ поднялъ правую руку, сотворилъ ею знаменіе креста надъ гробомъ и такимъ образомъ былъ положенъ. А одинъ изъ его приближенныхъ, нѣкто по имени Θеодоръ, послѣ разсказывалъ съ клятвою, что „онъ видѣлъ во снѣ Македонія, говорившаго ему: прими мои слова и ступай прочти ихъ Анастасію; я отхожу къ моимъ отцамъ, которыхъ вѣру соблюлъ, и не престану жаловаться Господу, пока ты не придешь и пока не предстанемъ мы на судъ". Македоній умеръ въ концѣ 515 года, засвидѣтельствовавъ чудесами святость своей жизни (1).

Георгій Кедринъ передаетъ одинъ фактъ, относимый имъ къ концу царствованія Анастасія и, по своему внутреннему достоинству, очень характерный для опредѣленія отношеній церковной власти къ гражданской въ эпоху выясненія догматовъ вѣры.—Нѣкій епископъ, по имени Эніандъ (*Οἰνιάνδος*), обладалъ непреодолимою силою обращать всѣхъ, вступающихъ съ нимъ въ разговоръ, еретиковъ изъ ереси въ православіе. Императоръ призвалъ его къ себѣ (516 г.) и сталъ убѣждать перейдти въ ряды своей партіи, обѣщаясь ему за это наискорѣйшимъ образомъ выполнять все, чего бы онъ ни попросилъ. Но благочестивый епископъ отвѣтилъ ему на это: „ты лучше перейди на сторону православныхъ, да, послѣдуя ученію нечестивыхъ Севера и Евтихія и Діоскора, не наслѣдуешь огня вѣчнаго", и, говоря это, взялъ его за край царской одежды и продолжилъ: „государь, это одѣяніе никакъ не послѣдуетъ за тобою послѣ твоей смерти, но будутъ сопутствовать тебѣ только благочестіе и стяжаніе добро-

(1) Theod. Lect l. II. c. 36 Theoph Chron p 219. Cedrenus. 1, p. 633. Muralt. p. 128.

дѣтелей. Оставь церковь, которую Христосъ искупилъ своею кровію. Ты неученъ и не можешь дѣлать правильныхъ умозаключеній, ты точно не знаешь ни одного изъ догматовъ церкви; ты только глумленіями или обманною рѣчью можешь устрашать неразумныхъ. Довольствуйся своимъ собственнымъ достоинствомъ,—тѣмъ, что ты—императоръ, и не наказывай предстоятелей церквей". Выслушавъ это простое и вмѣстѣ сильное слово смиреннаго на видъ епископа, Анастасій, замѣчаетъ Кедринъ, устыдился и ничего не нашелся отвѣтить. Онъ предложилъ—было Эніанду небольшой денежный подарокъ; но этотъ, „взирая на одну только вѣру въ Бога и благочестіе", не восхотѣлъ принять отъ него ни одного овола, хотя и былъ очень бѣденъ. Такъ онъ былъ свободенъ отъ всего земнаго (1). Этотъ

---

(1) Cedrenus, 1, p 633—634. Сходный съ этимъ фактъ передаетъ Кириллъ скиѳопольскій въ жизнеописаніи св Саввы. Императоръ воспылалъ гнѣвомъ на п. Илію и іерусалимскую церковь за то, что онъ не принялъ осужденія Евѳимія и Македонія, держался халкидонскаго собора и привлекъ на свою сторону антіохійскаго патр. Флавіана. Бѣды грозили постигнуть іерусалимскую церковь. По просьбѣ Иліи, св Савва и другіе игумены палестинскихъ монастырей отправились въ Константинополь умолять императора не возмущать миръ іерусалимской церкви. Императоръ принялъ ихъ чрезвычайно радушно, потому что, замѣчаетъ жизнеописатель, *ἦν φιλομόναχος, εἰ καὶ ὑπὸ τινῶν μιαρῶν παρεσκευάζετο τὴν ὀρθὴν ἐκπολεμῆσαι πίστιν*,—исполнилъ всѣ ихъ просьбы и одарилъ деньгами. Съ св. Саввою имѣлъ особую аудіенцію, гдѣ высказалъ и причины своего гнѣва на п. Илію Илія, говорилъ онъ, насмѣялся надъ нашею царскою властію, когда въ письмахъ къ намъ извѣщалъ, что онъ отвергаетъ всякую ересь, которая вводитъ нѣчто новое вопреки правой вѣрѣ, и не принимаетъ постановленное на халкидонскомъ соборѣ по причинѣ соблазновъ, происходящихъ отсюда (см выше, стр 241—243), а между тѣмъ отказался принять декреты о низложеніи Евѳимія и Македонія за несторіанство, противодѣйствуетъ сидонскому собору, анаѳематствовавшему халкидонскій соборъ (соборъ въ Сидонѣ былъ составленъ по распоряженію Анастасія, предсѣдательствовали на немъ Сотеричъ и Филоксенъ) и даже увлекъ за собою п. Флавіана. Св Савва отвѣтилъ на это, что Илія содержитъ правую вѣру, не уклоняясь ни въ несторіанство, ни въ евтихіанство, и что потому вся Палестина умоляетъ императора оставить св. городъ (Іерусалимъ) въ покоѣ, не низлагать п Илію и вообще не возму-

фактъ, разсказанный Кедринымъ, сколько съ одной стороны говоритъ о благородствѣ и возвышенности мыслей благочестиваго епископа, полагавшаго всю цѣну нравственнаго достоинства человѣка въ обладаніи чистой религіозною истиной и въ украшеніи своей души добродѣтелями по требованію этой истины, столько же о мягкости и сходительности характера Анастасія. Эніандъ потребовалъ отъ него перехода въ православіе и содѣйствія представителямъ церквей или, по меньшей мѣрѣ, предоставленія свободы ихъ дѣйствіямъ. Анастасій могъ бы на это возразить: гдѣ православіе? можетъ ли государь страны оставаться равнодушнымъ къ сильнымъ и грознымъ внутреннимъ ея волненіямъ и безпорядкамъ? да и не слѣдуетъ ли онъ въ своихъ распоряженіяхъ совѣтамъ церковной власти?. Но онъ смолчалъ, уважая чистосердечную, простую и цѣльную рѣчь епископа.

Онъ до конца своей жизни остался вѣрнымъ первоначальной своей политикѣ—примиренія враждующихъ партій на основаніи зенонова энотикона. Конечно, его личное религіозное убѣжденіе заставляло его иногда болѣе чѣмъ снисходить,—мирволить монофизитамъ,—и это не возможно оспаривать,—такъ что энотиконъ въ его рукахъ, по справедливости, казался православнымъ средствомъ ко введенію монофизитства; но при всемъ томъ нельзя здѣсь не замѣтить и того, что вра-

---

щать собраніе архіереевъ. Анастасій такъ былъ тронутъ простою и откровенною рѣчью св. отшельника, что, отпуская, сказалъ ему хорошо изречено въ божественномъ писаніи: *иже ходитъ просто, ходитъ надѣяся* (Притч 10, 9). Но молись за насъ и отложи попеченіе, потому что мы постановляемъ, что, ради твоей святости, ничего не будетъ сдѣлано противъ вашего архіепископа, да и тебя отпускаемъ отсюда со всякимъ почтеніемъ». (Vita Sabae. c. 50—52). Анастасій согласился—было исполнить всѣ просьбы св. Саввы, но Маринъ помѣшалъ выполненію нѣкоторыхъ изъ нихъ. Впрочемъ впослѣдствіи, когда Илія былъ низложенъ за непринятіе въ общеніе съ собою Севера, а его преемникъ Іоаннъ, поддерживаемый св. Саввою, Ѳеодосіемъ и другими монахами и народомъ, торжественно анаѳемствовалъ Нестора, Евтихія, Севера, Сотериха и всякаго не принимающаго халкидонскій соборъ (см. выше стр. 255), императоръ присудилъ къ ссылкѣ какъ св Савву, такъ равно и другихъ виновниковъ этого поступка, Vita Sabae. c. 56. 57.

ждебное настроеніе православныхъ и ихъ возмущенія противъ Анастасія во многихъ отношеніяхъ имѣли въ своей основѣ и ту причину, что онъ явно не хотѣлъ принять сторону ревнителей халкидонскаго собора и тѣснить монофизитовъ. Патріархъ Тимоѳей умеръ 17 апр. 518 года и на мѣсто его избранъ былъ Іоаннъ Каппадокіянинъ (518—520), пресвитеръ и синкеллъ константинопольской церкви, рукоположенный въ патріарха въ третій день св. Пасхи. Народъ потребовалъ отъ него анаѳемы антіохійскому Северу и какъ бы въ подкрѣпленіе своего требованія началъ бунтовать и волноваться. Лѣтописцы ничего не говорятъ о результатѣ этихъ волненій, вѣроятно, потому, что вскорѣ (9 іюля 518 г.) послѣдовала смерть и самаго Анастасія, съ преемникомъ котораго наступила перемѣна правительственной политики по дѣламъ церкви. Анастасій умеръ скоропостижно отъ удара молніи и погребенъ въ храмѣ св. апостоловъ въ одномъ гробѣ съ женою своею Аріадною, не задолго предъ этимъ скончавшеюся (въ концѣ 515 г.) (1). Унаслѣдованная имъ отъ Зенона попытка—примирить враждующія партіи на основаніи формулы, исключающей точныя опредѣленія, можетъ служить краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что какъ истина сама въ себѣ не терпитъ никакой двусмысленности и неопредѣленности, такъ и человѣческая природа не можетъ успокоиться на широкихъ формулахъ, могущихъ вмѣстить въ себѣ и то и другое, но что какъ та, такъ и другая требуютъ точ-

(1) Cedrenus 1, p. 633—636. Theoph. Chr 253, 250 Theod. Lect. l. II. c. 57. Evagr. l. III c. 44. Время смерти Анастасія обозначается различно. Ѳеофанъ полагаетъ, что Анастасій умеръ 9 апрѣл. 11 индиктіона (p 253), и, конечно, не справедливо. Кириллъ скиѳопольскій относитъ время смерти Анастасія къ 9 іюля 518 г. (Vita Sabae, c. 60). Это число принимаютъ Бароній и Пагій (an 518, imp Anast. n. XX, Pagius, not. 2, ad num. XIX. XXIII). Муральтъ, перечисливъ всѣ разногласія хронистовъ относительно смерти Анастасія, вѣроятно, по ошибкѣ отнесъ ее къ 8 іюня, потому что на слѣдующей же страницѣ говоритъ, что преемникъ Анастасія, Юстинъ, избранъ на царство 9 іюля p. 130—131).

нѣйшаго выраженія и, такъ сказать, отчеканки мысли во всѣхъ ея изгибахъ, опредѣляемыхъ внутреннею необходимостію предмета; что поэтому примиреніе партій на основаніи широкихъ, допускающихъ двусмысленности, формулъ не возможно; что это особенно не возможно въ эпоху, когда стремленіе къ разъясненію религіозной истины наиболѣе сильно, и что, наконецъ, правительственныя лица, при всемъ желаніи и государственной необходимости быть безпристрастными, не могутъ оставаться таковыми въ разгаръ сильной религіозной борьбы.

Избраніе на царство Юстина. Его родъ, первоначальная исторія и религіозныя убѣжденія. Жалобы православныхъ на еретиковъ и ихъ желанія возстановленія церковнаго мира и исцѣленія самихъ церквей. Трудность выполненія этого желанія. Составъ новаго правительства. Эдикты Юстина, благопріятные православнымъ и стѣснительные для монофизитовъ, и введеніе этихъ эдиктовъ въ разныхъ провинціяхъ имперіи: въ Палестинѣ, Сиріи, Египтѣ и европейскихъ провинціяхъ. Переговоры объ уніи съ римскою церковію: письма Юстина, патріарха и Юстиніана къ папѣ. Предварительное рѣшеніе условій уніи въ Римѣ. Посольство папы, его письма, исповѣданіе вѣры (libellus) и инструкція, данная имъ легатамъ. Заносчивость и тягость папскихъ требованій. Заключеніе уніи. Обмѣнъ письмами между востокомъ и западомъ по заключеніи церковнаго мира. Дѣло Дороѳея ѳессалоникскаго. Смуты, произведенныя папскимъ исповѣданіемъ въ Понтѣ, Азіи, Сиріи и Палестинѣ. Сношенія Византіи съ папою по этому поводу и результатъ этихъ сношеній. Дѣло епископовъ Иліи, Ѳомы и Никострата. Ходатайство папы Іоанна I предъ Юстиномъ за аріанъ. Вѣнчаніе на царство Юстиніана и смерть Юстина.

Анастасій умеръ, не оставивъ по себѣ прямыхъ наслѣдниковъ престола. Правда, у него было много

родственниковъ, и богатыхъ, и очень знатныхъ (1); но, по причинѣ внезапности смерти, онъ не успѣлъ распорядиться назначеніемъ по себѣ преемника. Очень естественно, что, при той возбужденной борьбѣ православныхъ съ еретиками, какая унаслѣдована Анастасіемъ и не только не потушена имъ, но даже, какъ видѣли, получила еще большіе размѣры, выборъ новаго государя не могъ быть произведенъ спокойно, по общему согласію и съ соблюденіемъ всѣхъ формъ, требуемыхъ важностію предмета. То былъ рѣшительный моментъ, отъ котораго зависѣло такое или иное положеніе борющихся сторонъ—гонимое или господствующее. Соображая всѣ обстоятельства и факты, передаваемые лѣтописцами и связываемые ими съ перемѣною престолонаслѣдія, невольно приходишь къ заключенію, что провозглашеніе *православнаго* преемника Анастасію не есть дѣйствіе какой нибудь *придворной* небольшой партіи, а скорѣе вышло изъ глубины народныхъ движеній, составляетъ результатъ общей побѣды православныхъ въ ихъ борьбѣ съ еретиками въ восточной половинѣ римской имперіи въ предшествовавшія царствованія,—результатъ того, что ревнители халкидонскаго собора, тайно или явно, находились въ войскѣ и при дворѣ, и вели живыя и дѣятельныя сношенія съ народомъ, православными монахами и клиромъ.

Могущественнѣйшимъ изъ царедворцевъ при Анастасіѣ былъ эвнухъ Амантій, такой же злобный и коварный, какъ Хризафій, и державшійся ереси Евтихія (2). Можно думать, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ

---

(1) Procopius Caesar., de bello Persico l. 1. c. 11. c. 12. p. 50. 57. ed. Bonn Evagr. l. IV. c 1 —Ближайшими родственниками Анастасія остались три его племянника отъ сестры, Ипатій, Помпей и Провъ, изъ которыхъ двое, Ипатій и Помпей, погибли во время возстанія «Ника», въ январѣ 532 г., какъ бунтовщики, замыслившіе овладѣть императорской короной Procop. B. P. l. 1. c. 24.

(2) Константинопольскій народъ приравнивалъ его къ Северу и называлъ манихеемъ, каковое прозвище давали тогда всѣмъ монофизитамъ;

главныхъ вождей и возбудителей Анастасія въ его борьбѣ съ ревнителями халкидонскаго собора, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выходилъ изъ роли примирителя, явно принималъ сторону еретиковъ и начиналъ гнать православныхъ (1). Какъ эвнухъ, Амантій не могъ самъ, по закону, сдѣлаться императоромъ; это обстоятельство побудило его отдать царскую корону нѣкоему Θеокриту, — человѣку вполнѣ ему преданному и находящемуся у него въ подчиненіи, — чтобы потомъ чрезъ него уже властвовать. Чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли и устранить всѣ возможныя препятствія, онъ, когда собрался совѣтъ министровъ для выбора новаго владыки, призываетъ къ себѣ начальника дворцовой гвардіи Юстина, даетъ ему большую сумму денегъ и повелѣваетъ раздать ее нужнымъ людямъ, могущимъ возложить императорскую корону на Θеокрита. Юстинъ принялъ данную ему сумму денегъ и роздалъ ихъ, кому слѣдуетъ; но царемъ провозглашенъ не Θеокритъ, а самъ Юстинъ (2). Правда, при этомъ про-

---

потому что они какъ бы отрицали человѣческую природу Іисуса Христа, считали ее призрачною. Harduin t. II p. 1337. 1340.

(1) Бароній прямо называетъ его главнымъ виновникомъ всѣхъ золъ, причиненныхъ православнымъ въ царствованіе Анастасія: erat Amantius terror orthodoxorum,... per quem idem Augustus haereticus adversus catholicae fidei defensores tyrannice agere consuevit. Annales, an. 518. n. XVIII

(2) Evagr. l. IV. c. 2. «Юстинъ, потому ли, что этими деньгами подкупилъ народъ, или потому, что снискалъ ими расположеніе къ себѣ такъ называемыхъ постельничихъ,—объ этомъ разсказываютъ на двое,— самъ себѣ пріобрѣлъ царскую власть». — Прокопій, въ Historia arcana или Ἀνέκδοτα, разсказываетъ, что Юстинъ достигъ царской власти по силѣ власти начальника дворцевой гвардіи: *ἄρχοντα γὰρ αὐτὸν Ἀναστάσιος βασιλεὺς κατεστήσατο τῶν ἐν παλατίῳ φυλάκων· ἐπειδή τε ὁ βασιλεὺς ἐξ ἀνθρώπων ἠφάνιστο, αὐτὸς τῇ τῆς ἀρχῆς δυνάμει τὴν βασιλείαν παρέλαβε* (Hist arcan c. 6. p. 44. ed. Bonn). Θеофанъ Хронографъ повѣствуетъ объ этомъ такимъ образомъ: «препозитъ (т е начальникъ царскихъ опочиваленъ, Амантій) далъ Юстину денегъ для раздачи, чтобы Θеокритъ былъ провозглашенъ царемъ, но войско и народъ не избрали Θеокрита на царство, а провозгласили царемъ Юстина» (Theoph. Chron. p 255). Малала: «войско охраняющихъ дворецъ прето-

изошло-было небольшое замѣшательство. Въ моментъ, когда отъ поспѣшности наступила сумятица и многіе не знали, что̀ дѣлать, нѣкоторые изъ участниковъ переворота, неожиданно для остальныхъ дѣятелей, облекли въ пурпуръ одного трибуна, по имени Ивана, и уже подняли его на щитъ. Но онъ тотчасъ же былъ низложенъ и безъ труда прогнанъ изъ дворца. Самъ Юстинъ счелъ его столь ничтожнымъ и неопаснымъ для себя противникомъ, что не возбудилъ противъ него никакого преслѣдованія, и только спустя два года, уступая болѣе худому укоренившемуся обычаю своего времени, повелѣлъ рукоположить его въ епископа Иракліи ѳракійской (1). Извѣщая впослѣдствіи папу Ормизду объ обстоятельствахъ своего восшествія на престолъ, Юстинъ сказалъ между прочимъ, что онъ избранъ и утвержденъ на царство прежде всего милостію нераздѣльной Троицы, а потомъ—свѣтлѣйшихъ вельможъ священнаго дворца и святѣйшаго сената, и голосомъ побѣдоноснаго войска, хотя *самъ не желалъ*

ріанцевъ (ἐξκουβιτόρων, т. е. воиновъ, назначенныхъ для охраненія царской персоны), вмѣстѣ съ народомъ, вѣнчавъ его (Юстина), провозгласили, по изволенію Божію (κελεύσει θεοῦ), царемъ; ибо былъ начальникомъ (κώμης) преторіанцевъ» (p. 410). Составитель «Пасхальной хроники» буквально приводитъ слова Малалы, за исключеніемъ лишь выраженія «по изволенію Божію» (Chron. Pasch. t. I. p. 611. ed. Bonn). Ѳеодоръ Чтецъ просто выражается, что послѣ смерти Анастасія «царемъ провозглашенъ Юстинъ, мужъ престарѣлый» (προήχθη δὲ βασιλεὺς, ἀνὴρ πρεσβύτατος. l. II. c. 37). Зонара: «когда, послѣ смерти Анастасія, состоялся совѣтъ объ избраніи царя, то евнухъ Амантій, бывшій начальникомъ царскихъ опочиваленъ и пользовавшійся великою силою, желая возвести на царство нѣкоего, близкаго ему, Ѳеократіана (Θεοκρατιανὸν), далъ Юстину денегъ для раздачи воинамъ, чтобы они избрали въ цари онаго (Ѳеократіана). Юстинъ же, раздавая деньги, далъ понять (προεμνηστεύσατο), что онъ и самъ желалъ бы получить царство, и былъ возведенъ на высоту самодержавія народомъ и воинами» (l. XIV. c. 5). Изъ всѣхъ этихъ показаній лѣтописцевъ легко видѣть, что Юстинъ далеко не пассивную роль игралъ въ выборѣ новаго владыки имперіи.

(1) Lebeau, t. VIII. p. 7. Muralt, p. 131. Victor Tunin. Chronicon. ed. Galland. t. XII. p. 228, col. 1.

этого и даже отказывался отъ предлагаемой ему высокой чести (1). Все это случилось 9 іюля 518 года (2).

Юстинъ происходилъ отъ бѣдныхъ и незнатныхъ земледѣльцевъ деревни Вередіаны, лежащей въ области Дарданіи, что̀ въ иллирійскомъ округѣ (3). Гнето-

---

(1) Nos licet nolentes et recusantes. См пис. Юстин. у Барон. an. 518. n. LXVII. Также 22-е письмо папы Ормизды: Significastis, nolentibus et recusantibus vobis imperii pondus impositum. Тамже. n. LXIX. Также. Migne. patr. curs. compl. t LXIII. ser. Lat. col 426—427.

(2) Evagr. l. IV c. 1; Vita Sabae per Cyrill Scythopol. c. 60: *Ἰουστῖνος αὐτίκα τὴν βασιλείαν παραλαβών*, т. е. съ 9 на 10-е іюля. Malalas, p. 410; Chron. Pasch. p. 611, Muralt, p. 131; Lebeau, VIII. p. 7.

(3) Извѣстія лѣтописцевъ о мѣстѣ происхожденія Юстина неодинаковы.—Прокопій говоритъ, что Юстинъ родомъ иллиріецъ, сынъ бѣдныхъ и незнатныхъ земледѣльцевъ, родился въ крѣпости Вередіанѣ, что̀ въ области Дарданіи (Histor. arc. c 6. p. 43, de aedificiis, l. IV. c. 1. p. 266). Евагрій называетъ Юстина ѳракійцемъ (*Ἰουστῖνος Θρᾷξ γένος*) (l. IV. c. 1). Малала, хотя и производитъ его изъ Вередіаны, но тоже, подобно Евагрію, называетъ ѳракійцемъ (p. 410); Ѳеодоръ Чтецъ напротивъ—иллирійцемъ (*Ἰλλύριος ὤν*) (l II, c. 37), а равно и Ѳеофанъ Хронографъ (p 253) Авторъ «Пасхальной хроники» выражается такъ, *ἐβασίλευσεν ὁ θειότατος Ἰουστῖνος Βενδαρίτης, ὁ Θρᾷξ* (p. 611). Ѳракійцемъ же называетъ Юстина и Іоаннъ Зонара (Annales, l. XIV. c. 5) Георгій Кедринъ приводитъ и то и другое мнѣніе: *Ἰουστῖνος..., Ἰλλυριὸς τῷ γένει· οἱ δὲ Θρᾷκα τοῦτον λέγουσιν εἶναι* (1. p. 636). Вопросъ о мѣстонахожденіи Вередіаны, Тавризія, Ульпіаны и самой Дарданіи, какъ мѣстѣ рожденія императоровъ Юстина и Юстиніана, подвергался многократному изысканію и въ настоящее время, въ виду спора грековъ съ болгарами, не можетъ быть названъ неважнымъ Прокопій весьма ясно отличаетъ первыя три мѣстечка, когда говоритъ: *ἐν Δαρδάνοις που τοῖς Εὐρωπαίοις, οἳ δὴ μετὰ τοὺς Ἐπιδαμνίων ὅρους ᾤκηνται, τοῦ θρουρίου ἄγχιστα, ὅπερ Βερεδιανὰ ἐπικαλεῖται, χωρίον Ταυρήσιον ὄνομα ἦν, ἔνθεν Ἰουστινιανὸς βασιλεὺς ὁ τῆς οἰκουμένης οἰκιστὴς ὥρμηται* Потомъ: *παρ' αὐτὸ δὲ μάλιστα τὸ χωρίον πόλιν ἐπιφανεστάτην ἐδείματο, ἥνπερ Ἰουστινιανὴν ὠνόμασε πρίμαν ταῦτα τῇ θρεψαμένῃ τροφεῖα ἐκτίνων.* Затѣмъ: *πόλις ἁπλῶς μεγάλη καὶ πολυάνθρωπος καὶ τὰ ἄλλα εὐδαίμων καὶ οἷα τῆς χώρας ἁπάσης μητρόπολις εἶναι. εἰς ἀξιώματος γὰρ τοσόντε ἦκε. πρὸς δὲ τῶν Ἰλλυριῶν ἀρχιερέα διακεκλήρωται, τῶν ἄλλων πόλεων αὐτῇ, ἅτε πρώτῃ τὸ μέγεθος οὖσῃ, ἐξιστάμενων .. и: ἔτι μέντοι καὶ Βερεδιανὰ τὸ θρούριον ἀνοικοδομησάμενος ὅλον πολλῷ ὀχυρώτερον κατεστήσατο ἦν δὲ τις ἐν Δαρδάνοις ἐκ παλαιοῦ πόλις, ἥπερ Οὐλπιᾶνα ὠνόμαστο* (de aedificiis, l. IV. c. 1). Но вопросъ заключается въ томъ, гдѣ, подъ какимъ

мый нуждою и чувствуя въ себѣ избытокъ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, онъ отправился въ царствованіе

градусомъ широты и долготы, лежатъ эти мѣстечки. Императоръ Юстиніанъ, опредѣляя въ 131-ой новеллѣ права и привиллегіи разныхъ независимыхъ церквей единой вселенской Церкви, между прочимъ говоритъ: beatissimus autem pro tempore archiepiscopus Justinianae primae patriae nostrae semper sub jurisdictione sua habeat episcopos provinciarum Daciae mediterraneae, et Daciae ripensis, item Triballeae, ac Dardaniae, et Mysiae superioris, et Pannoniae, et ab ipso hi ordinentur, ipse vero a propria ordinetur synodo. Въ синтагмѣ Ралли и Потли (V, p 219—224) помѣщена еще новелла (11-я) о дарованіи права независимой церкви первой Юстиніанѣ. Но относительно ея издатели замѣчаютъ. *τὸ χρυσόβουλλον, ἐν ᾧ περιέχεται ἡ ἱά Νεαρὰ τοῦ Ἰουστινιανοῦ, ἐξελέγχεται ὑποβολιμαῖον ἔκ τε τῶν λοιπῶν αὐτοῦ μερῶν, καὶ τῆς ἐν τέλει χρονολογίας, ἔργον μᾶλλον φαινόμενον τῆς δεκάτης τρίτης ἑκατονταετηρίδος.* Biener относительно 11-й новеллы замѣчаетъ: von den eigentlichen Extravaganten, die Accursius und unsere gewönlichen glossirten Ausgaben nicht haben sind am haufigsten die Nov. 11. 13. 21. aufgenommen, und stehen in sehr vielen Handschriften, aber mit mancherlei Abweichungen; mitunter stehen sie am Ende der neunten Collation, mitunter vorn an ihrer gewöhnlichen Stelle, manchmal sind alle drei vorhanden, manchmal nur einige oder eine derselben; die gewohnlichste ist die Nov. 11. Die übrigen Extravaganten sind selten und stehen, wenn dergleichen vorhanden sind, gewohnlich am Ende der neunten Collation, mitunter auch in derselben eingeschaltet (Geschicht. der Novell. Justinian's, p. 311). И ниже: originallateinisch, fehlt daher bei H. und. S., doch behauptet Augustin in den Paratitlen, dasz ein Auszug derselben in der Florentinischen H. S. stehe.—Alter Text. Multis et variis modis (*πολλοῖς καὶ διαφόροις αὐξάνεσθαι τρόποις*, у Ралли и Потли), steht in sehr vielen Handschriften der Authentiken (p. 440—441). Когда въ мѣстностяхъ, поименованныхъ въ приведенныхъ новеллахъ Юстиніана, поселились болгары, истребили почти все прежнее народонаселеніе, разрушили города и на ихъ развалинахъ основали свои собственные города и селенія, то позднѣйшіе византійскіе писатели и ученые стали отожествлять первую Юстиніану съ болгарской Ахридой. Такъ напр. въ 5 гл. 1-го титла Номок. Фотія Вальсамонъ замѣчаетъ: *Σημείωσαι ἀπὸ τῆς παρούσης Ἰουστινιανείου νεαρᾶς τὰ προνόμια τοῦ ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας, οὗτος γὰρ ἐστιν ἀρχιεπίσκοπος τῆς ἁ. Ἰουστινιανῆς τῆς πατρίδος τοῦ βασιλέως Ἰουστινιανοῦ* (*Ράλλη καὶ Ποτλη*, 1, p 44. Также: III, p. 450) Подобнымъ же образомъ относительно Юстиніаны и Болгаріи разсуждаютъ Нилъ Доксопатрій (см Leo Allatius, de ecclesiae orient. et occident. perpetua consensione, l. 1. c. XXV. n. IV), Никифоръ Григора (Спб. т. I. кн. 2. гл. 2. стр. 24—25), Матѳей Властарь (*συνταγμ. Ῥαλλ. καὶ Ποτλ.* VI, p. 258—259), Кодинъ Куропалата (de officiis palat. c. XX), Никифоръ

Льва I въ Византію, поступилъ здѣсь въ военную службу и, какъ отличавшійся тѣлесною красотою и силою,

---

Каллистъ (Eccles. hist. l. XVII. c. 28). Императоръ Василій II Болгаробойца (975—1025), подчинивъ себѣ Болгарію послѣ страшныхъ и кровопролитныхъ войнъ, въ тоже время подтвердилъ особыми граматами независимость болгарской церкви, указавъ при этомъ и на связь ея съ церковною независимостію первой Юстиніаны (Ἰουστινιανὸς .. σπουδήν τινα προμηθείας,... περὶ τὴν ἁγιοτάτην ἀρχιεπισκοπὴν Βουλγαρίας ἐπιδειξόμενος· ἣν δὴ καὶ Πρώτην Ἰουστινιανὴν ἐκ τῆς οἰκείας κλήσεως κατωνόμασεν. (Συντ. V. p 266—269). Никифоръ Григора говоритъ· «столицей для нихъ (болгаръ) на будущее время и сдѣлался этотъ городъ, которому Юстиніанъ присвоилъ честь архіепископіи и далъ имя первой Юстиніаны Потомъ по имени народа, поселившагося тамъ, эта страна переименована была въ Болгарію, а первая Юстиніана признана митрополіей Болгаріи. Позднѣе царь Василій Болгароктонъ, послѣ многихъ битвъ съ болгарами, въ конецъ ихъ сокрушилъ и поработилъ; а тѣхъ, которые жили выше, выселилъ въ нижнюю Мизію къ Истру» (стр. 25). Что область независимой ахридской церкви совпадала съ областью первой Юстиніаны,—это, судя по всѣмъ приведеннымъ даннымъ, можно считать вѣрнымъ Но чтобы первая Юстиніана находилась на мѣстѣ Ахриды, подлежитъ еще спору. Ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ этого вопроса, несогласны между собою. Но большинство изъ нихъ склоняется къ тому мнѣнію, что Ахрида и первая Юстиніана— не одно и тоже, и что первая по крайней мѣрѣ на одинъ градусъ и южнѣе, и западнѣе послѣдней. M. Jsambert, въ своемъ изслѣдованіи: Histoire de Justinien Paris. 1856 г., приводя многообразныя мнѣнія разныхъ ученыхъ относительно мѣстонахожденія первой Юстиніаны, пришелъ къ тому заключенію, что 1) Вередіана должна находиться на очень возвышенной и суровой долинѣ, на мѣстѣ нынѣшней деревни Пристины (Piristina), т. е. между Иллиріей въ собственномъ смыслѣ и Ѳракіей, и что 2) Ульпіана, или Юстиніана вторая,— на мѣстѣ Кистендила (Giustendil), который, по его мнѣнію, долженъ составлять восточную оконечность Дарданіи. Такое мнѣніе свое Изамберъ основываетъ между прочимъ на томъ, что одни изъ византійцевъ называютъ Юстина иллирійцемъ, а другіе—ѳракійцемъ, откуда онъ заключаетъ, что Дарданія, и въ частности Вередіана и Тавризій — должны находиться на границѣ между Иллиріей и Ѳракіей (p. 229—232). Sprunер въ своемъ историческомъ атласѣ, въ листѣ восточно-римской имперіи въ царствованіе Юстиніана, помѣщаетъ Тавризій и Вередіану между 42° с. ш и 39° в. д., Ульпіану —нѣсколько сѣвернѣе, а Ахриду между 41° с. ш. и 38° в д Соображенія г. Голубинскаго, въ его изслѣдованіи о славянскихъ церквахъ Балканскаго полуострова, относительно того, какъ на ахридскую область перенесены права церковной автокефальности области первой Юстиніаны. дышатъ болѣе гнѣвомъ и неспокойной рѣшительностію сужденія, чѣмъ убѣдительностію. Кратк. очерк. истор. прав. церкв. болг. сербск. и рум. стр. 106—115. и др

записанъ въ дворцовую гвардію. О службѣ его въ въ царствованіе Зенона ничего неизвѣстно. Послѣ, когда со вступленіемъ на престолъ Анастасія подняли знамя бунта исавры и для ихъ усмиренія Анастасій нашелся вынужденнымъ послать противъ нихъ лучшую свою гвардію, въ числѣ посланныхъ находился и Юстинъ, уже достигшій тогда довольно значительной должности стратига (генерала). Іоаннъ Киртъ (Горбатый), получившій главное начальствованіе надъ всѣми войсками, замѣтилъ Юстина въ нарушеніи дисциплины и, по военнымъ законамъ, приговорилъ-было его къ смерти, но удержанъ сновидѣніемъ. Предъ исполненіемъ приговора ему явился во снѣ мужъ величественнаго вида и съ выраженіемъ безмѣрной кротости на лицѣ, и воспретилъ ему казнить солдата, котораго онъ только-что приговорилъ къ смерти. Киртъ на первый разъ не обратилъ на это видѣніе никакого вниманія. Тогда оно явилось ему во второй разъ и повторило тѣже самыя слова. Когда же Киртъ и на этотъ разъ не обратилъ на него вниманія, оно явилось ему въ третій разъ и уже стало грозить ему въ случаѣ неисполненія того, что̀ ему возвѣщается. При этомъ видѣніе присовокупило, что въ будущемъ времени, когда имперія подвергнется тяжкимъ бѣдствіямъ, она будетъ имѣть нужду въ этомъ человѣкѣ и его родственникахъ. Юстинъ былъ помилованъ (1). Подобное же видѣніе было и самому царю Анастасію въ концѣ его царствованія, когда Юстинъ достигъ уже сенаторскаго званія и занималъ вліятельную должность начальника дворцовой гвардіи. Анастасію донесли, что Юстинъ, его племянникъ Юстиніанъ и нѣкоторые другіе составили противъ него заговоръ. Очень можетъ быть, что заговора никакого не было и что какъ Юстина, такъ и Юстиніана обнесли потому, что они извѣстны были при дворѣ за ревнителей халкидонскаго

(1) Procopius, Hist. arc. c. 6, notae Alemanni in Hist. arc p. 362—363, Isambert, p. 233—234.

собора (1). Анастасій приговорилъ ихъ къ смерти, но, какъ и Киртъ, удержанъ былъ сновидѣніемъ. Во снѣ явился ему нѣкій страшный (φοβερὸς) мужъ и сказалъ: „царь я позволяю тебѣ казнить всѣхъ твоихъ злоумышленниковъ; но Юстинъ и Юстиніанъ никоимъ образомъ не должны потерпѣть отъ тебя обиды. Потому что, хотя бы ты и восхотѣлъ лишить ихъ жизни, не можешь этого сдѣлать". Анастасій возразилъ, что они виновны въ оскорбленіи величества. Видѣніе отвѣчало: „они суть сосуды, способные (χωρητικὰ) исполнить волю Божію и промыслъ, и каждый изъ нихъ послужитъ Богу въ свое время". Анастасій простилъ имъ ихъ преступленіе (2). Спустя нѣсколько мѣсяцевъ

(1) Baron annales, an. 518, Anast. imper. 28, n. XIII: praetextu enim novae alicujus machinationis in Principem Anastasius imperator in eos quos sciret esse catholicae fidei viros clarissimos gladium persecutionis exeruit quorum capita obtruncari jussit cumque jam in Justinum et Justinianum viros clarissimos, domi forisque egregia morum probitate conspicuos esset crudeliter gladium vibraturus; ne id perficeret, divinitus immisso terrore cohibitus est.—У византійскихъ хронистовъ не говорится прямо, что Анастасій воздвигъ гоненіе на Юстина и Юстиніана за вѣру, и Бароній отъ себя говоритъ такъ положительно. Но, при всемъ томъ, его догадка очень вѣроятна, если обратить вниманіе на внутренній смыслъ тогдашней борьбы разнородныхъ партій Былъ ли въ дѣйствительности составленъ заговоръ на жизнь Анастасія, или не былъ, — во всякомъ случаѣ изъ разсказа хронистовъ несомнѣнно открывается одно, что, кромѣ открытой борьбы православныхъ съ еретиками, шла еще борьба тайная и, такъ сказать, подземная.

(2) Cedrenus, 1, p. 635, Zonar. annal. l. XIV. c. 4.—На ряду съ этими чудесными разсказами о Юстинѣ и Юстиніанѣ интересно сопоставить столь же чудесные разсказы о самомъ Анастасіѣ — Предъ своей смертію, Анастасій «увидѣлъ во снѣ нѣкотораго, представшаго предъ него, прекраснаго мужа, одѣтаго въ бѣлую одежду Держа исписанную книгу и читая ее, явившійся перевернулъ пять листовъ, прочиталъ имя императора и сказалъ ему «вотъ за твое зловѣріе изглаждаю я четырнадцать лѣтъ» и стеръ своимъ пальцемъ. Чрезъ два дня Анастасій умеръ (Лугъ Духовн Іоан. Мосха. Москва, 1848 г. гл. 37. Chron. Paschal. p. 610). Кедринъ, разсказывая про это видѣніе, «благообразнаго мужа» называетъ страшнымъ (φοβερὸς) (1, p 635—636). Тоже самое и Зонара (annal. l. XIV. c. 4). Въ одну ночь съ Анастасіемъ видѣлъ зловѣщій сонъ и его ближайшій совѣтникъ, Амантій Ему представилось, что въ то время, какъ онъ стоялъ предъ императоромъ, внезапно появился огром-

послѣ этого Юстинъ, какъ видѣли, провозглашенъ императоромъ. Почти всѣ лѣтописцы называютъ его благочестивымъ (εὐσεβὴς) и божественнѣйшимъ (θειότατος), горячимъ ревнителемъ православной вѣры, а Іоаннъ Зонара и Свида—„православнѣйшимъ государемъ римлянъ“ (1). Эти отзывы лѣтописцевъ о Юстинѣ

ный вепрь, повалилъ его и пожралъ. И этотъ сонъ предвѣщалъ близкую смерть (Chron. Paschal p. 610—611; Cedrenus, 1, p. 636).—Когда былъ низложенъ и сосланъ въ ссылку патріархъ Иліи (см. выше, стр. 255), то на Іерусалимъ и на всю Палестину обрушились бѣды цѣлыхъ пять лѣтъ не было дождя, два раза появлялась саранча и пожрала всѣ плодовыя деревья, травы и хлѣбъ. Наступилъ страшный голодъ и моръ. Іерусалимляне увидѣли въ этомъ кару Божію за несправедливое низложеніе и изгнаніе ревнителя вѣры — патріарха Иліи (*διὰ τὴν γινομένην εἰς τὸν ἀρχιεπίσκοπον Ἠλίαν ἁμαρτίαν ἐπῆλθε τὰ κακὰ ταῦτα*).—Около лѣтняго солнцестоянія 518 года основатель и игуменъ Лаврской обители въ Палестинѣ, св Савва, вмѣстѣ съ другими предстоятелями близъ лежащихъ монастырей, посѣтилъ патріарха Илію, который принялъ ихъ съ великою радостію и любовію Старцы пробыли у него нѣсколько дней, наслаждаясь духовной бесѣдой 9 іюля патріархъ Илія замедлилъ явиться къ нимъ для обычной бесѣды, когда же, наконецъ, вышелъ къ нимъ, то имѣлъ крайне встревоженный видъ и успѣлъ лишь замѣтить «вы примите пищу, а мнѣ недосугъ» Св Савва удержалъ его и упросилъ сказать, что онъ имѣетъ на душѣ Тогда Илія, восплакавъ, отвѣтилъ «въ этотъ часъ отошелъ отъ (сей) жизни императоръ Анастасій, да, чрезъ десять дней и мнѣ слѣдуетъ отойти и предстать съ нимъ предъ Божій судъ» (слич выше, стр 262) Возвратившись въ Іерусалимъ, св Савва узналъ, что въ ночь съ 9 на 10-е іюля Анастасій погибъ отъ гнѣва Божія (Vita s. Sabae per Cyrill. Scythopolit. c 58. 60).—О томъ же патріархѣ іерусалимскомъ Иліи и Флавіанѣ патріархѣ антіохійскомъ разсказывали въ описываемое нами время еще слѣдующее; «императоръ (Анастасій) сослалъ ихъ (какъ извѣстно) обоихъ въ ссылку за св соборъ отцевъ, бывшихъ въ Халкидонѣ, и именно: Илію въ Аилъ, а Флавіана въ Петру Въ одинъ день патріархи вдругъ пишутъ другъ другу: «Анастасій сегодня умеръ, пойдемъ и мы судиться съ нимъ», и спустя два дня отошли къ Господу» (Лугъ Духовн. Іоанн. Мосх. гл. 34 Также: Cotelerius, Monum. eccles. Graec t. II. p. 358—359). Какъ Илія, такъ и Флавіанъ причислены церковію къ лику святыхъ (пам 4 іюл).

(1) Theoph. Chron. p. 253—254; Malalas, p. 410; Chron. Pasch p. 611, Cedrenus, 1, p. 636; Suidas: *ὀρθοδόξατος βασιλεὺς Ῥωμαίων*; Zonar. l. XIV. c. 5.—Прокопій называетъ Юстина ни добрымъ, ни злымъ относительно своихъ подданныхъ *Ἰουστῖνος μεν οὖν οὔτε τι πονηρὸν τοὺς ὑπηκόους ἐργάζεσθαι οὔτε ἀγαθὸν ἴσχυεν* (Hist. arc. c. 6).

вполнѣ подтверждаются и отзывомъ о немъ роднаго племянника его Юстиніана, который въ первомъ своемъ письмѣ къ папѣ Ормиздѣ называетъ его „всегда принимающимъ православную религію съ пламенною вѣрою“ (1). Амантій, Θеокритъ и нѣкоторыя другія вліятельныя лица при прежнемъ государѣ, заявившія себя приверженностію къ монофизитству, были казнены, какъ тиранны, покушавшіеся овладѣть императорской короной и опасные для царствующаго государя. Наступила полная перемѣна правительства во всѣхъ его главныхъ отрасляхъ. Короновавшись самъ отъ руки патріарха Іоанна, Юстинъ возложилъ царскій вѣнецъ и на свою супругу Лупикину, или Лупикію, которую народъ переименовалъ для благозвучія въ Евѳимію (2).

Патріархъ Іоаннъ Каппадокіянинъ былъ нрава тихаго и уклончиваго. Православный въ душѣ и глубоко преданный опредѣленіямъ отцевъ халкидонскаго

(1) Baron. an. 518. n. LXXIV; Migne, patr curs. compl t. LXIII, col. 431.

(2) Evagr. l. IV c 2, Theod Lect. l II c. 37; Malalas, p 410—411; Theoph Chron. p. 254, Zonar. l. XIV. c. 5, Cedrenus 1, p. 636—637, Baron. an. 519. n. LX, Migne, patr. curs. compl. t. LXIII. col. 449, ep. Joann. Const. ad Horm., quoniam talem verticem meis manibus tali corona decoravit.—Прокопій утверждаетъ, что Лупикина, варварка по происхожденію, вначалѣ была лишь наложницею Юстина и что онъ бракомъ сочетался съ нею въ преклонныхъ лѣтахъ *γυναικὶ δὲ ὄνομα Λουππικίνῃ ξυνῴκει. αὕτη δὲ δούλη τε καὶ βύρβαρος οὖσα τοῦ πρόσθεν αὐτὴν ἐωνημένου παλλακὴ γέγονε. καὶ αὐτὴ μὲν ξὺν Ἰουστίνῳ ἐπὶ βίου δυσμαῖς τὴν βασιλείαν ἔσχεν* (Histor. arc. c 6 p 45). Но всѣ прочіе хронисты умалчиваютъ объ этомъ Мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, что Тайная исторія Прокопія есть не что иное, какъ пасквиль — Равнымъ образомъ и относительно убійства Амантія показаніе Прокопія отличается отъ прочихъ хронистовъ По его мнѣнію, Амантій убитъ *исключительно по навету Юстиниана*, въ 10-й день царствованія Юстина, за то только, что онъ произнесъ нѣсколько неприличныхъ словъ противъ п. Іоанна (Hist. arc. c 6. p. 46). Изъ сличенія всѣхъ извѣстій объ Амантіѣ и его убійствѣ несомнѣнно открывается, что онъ умерщвленъ за приверженность къ ереси и по политическому разсчету самимъ Юстиномъ (Notae Alemanni p. 370, Isambert. p 245—247 Harduin, t. II. p. 1360).

собора, онъ тѣмъ не менѣе не рѣшался высказаться за нихъ прямо; онъ не столько страшился Анастасія, сколько его перваго министра, евнуха Амантія. Предъ нимъ совершался важный государственный переворотъ; онъ, какъ самое видное лице въ государствѣ, могъ бы играть на этотъ разъ выдающуюся роль, тѣмъ болѣе, что отъ настоящаго момента зависѣло дальнѣйшее положеніе православныхъ, къ которымъ онъ причислялъ и себя; но онъ уклонялся и болѣе предпочиталъ слѣдовать теченію (1). Спустя недѣлю послѣ смерти Анастасія, въ воскресенье (ἐν ἡμέρᾳ κηριακῇ) 15 іюля 518 г., патріархъ Іоаннъ отправился съ духовенствомъ въ великую церковь. Стеченіе народа было громадное. Едва патріархъ подошелъ къ амвону, какъ народъ, провозгласивъ многолѣтіе императору, императрицѣ и самому патріарху, потребовалъ отъ него анаѳемы Северу; потому что теперь нѣкого болѣе бояться: Амантій-еретикъ уже не царствуетъ; царствуетъ православный Юстинъ, царствуетъ Евѳимія; потому что побѣдила св. нераздѣльная Троица, побѣдила вѣра православныхъ. Партріархъ, взошедши на амвонъ, отвѣтилъ на это, что теперь нѣтъ нужды въ волненіи и шумѣ; потому что ничто не преступлено изъ того, что̀ опредѣлено относительно правой вѣры, и никто не дерзаетъ анаѳематствовать святой соборъ. Вы знаете, возлюбленнѣйшіе, мои труды, которые я понесъ за святую вѣру еще въ санѣ пресвитерскомъ; вы знаете, что я поддерживалъ ее доселѣ и буду держать ее даже до смерти. Если же вы требуете, чтобы мы утвердили собраніе св. отцевъ халкидонскихъ, то знайте, что и это мы сдѣлаемъ по совѣту благочестивѣйшаго и христолюбиваго нашего государя (2). Теперь же поуспокойтесь немного, и помолимся прежде святому алтарю. Но народъ воскликнулъ: запремъ двери и до тѣхъ поръ не выйдемъ,

(1) Baron. an. 518. n. VI, Harduin. t II. p. 1360, Muralt, p. 131.

(2) γνώμῃ τοῦ εὐσεβεστάτου καὶ φιλοχρίστου ἡμῶν βασιλέως

пока не анаѳематствуешь Севера. Патріархъ произнесъ анаѳему, и тогда народъ разошелся по домамъ. На слѣдующій день по случаю праздника патріархъ снова пришелъ съ духовенствомъ въ великую церковь. Собраніе народа, по прежнему, было великое. Послѣдовали тѣже восклицанія и требованія, чтобы кости усопшихъ патріарховъ Евѳимія и Македонія принесены были въ Константинополь, имена ихъ, равно какъ халкидонскій соборъ и имя папы Льва великаго внесены были въ диптихи, и чтобы такимъ образомъ было возстановлено единеніе церквей. Патріархъ съ духовенствомъ и съ находящимися тутъ епископами отвѣтили, что они съ своей стороны приложатъ все стараніе, чтобы не ввести вѣрующихъ въ соблазнъ. Но такъ какъ все должно быть совершено канонически и по порядку, то пусть имъ будетъ дозволено созвать соборъ возлюбленнѣйшихъ о Господѣ епископовъ, чтобы они обслѣдовали и рѣшили все по божественнымъ канонамъ и по мнѣнію и повелѣнію благочестиваго и христолюбиваго государя. Народъ, какъ и вчера, пригрозился запереть двери храма и не выходить изъ него до тѣхъ поръ, пока патріархъ не исполнитъ его желанія. Патріархъ уступилъ, внесъ въ диптихи имена Евѳимія и Македонія, халкидонскаго собора и папы римскаго Льва великаго, и повелѣлъ діакону провозгласить ихъ съ амвона народу. Тогда всѣ воскликнули: „слава Тебѣ Господи“, отслушали литургію и разошлись по домамъ (1). 20 іюля состоялся и мѣстный соборъ архіереевъ (*σύνοδος ἐνδημοῦσα*). Монахи всѣхъ монастырей, находящихся въ Константинополѣ и его окрестностяхъ, подали ему коллективную просьбу, въ которой выразили горячее

---

(1) Harduin. t II p. 1334—1342. Consil Constantinopol. sub Mena, act. V.— Ультрамонтане особенно недовольны тѣмъ, что константинопольскій народъ поставилъ въ своихъ требованіяхъ напередъ имена своихъ епископовъ, а потомъ уже папы римскаго. См Baron. an. 518. n. V—XXXIII.

свое желаніе, чтобы, во исполненіе народныхъ требованій, заявленныхъ въ великой церкви. и обѣщаній самаго патріарха, выраженныхъ имъ тамъ же, a) внесены были въ диптихи имена почившихъ и пострадавшихъ за вѣру патріарховъ Евѳимія и Македонія, и объявлено было недѣйствительнымъ все, что̀ противъ нихъ сдѣлано; b) возстановлены были въ своихъ должностяхъ всѣ, прежде потерпѣвшіе за вѣру; c) халкидонскій соборъ и имя папы Льва великаго внесены были въ диптихи; d) нечестивый Северъ преданъ анаѳемѣ и лишенъ всякаго іерархическаго достоинства, и чтобы обо всемъ этомъ доведено было, чрезъ святѣйшаго патріарха, до свѣдѣнія императора для познанія и утвержденія истины. Соборъ принялъ рѣшенія въ смыслѣ этихъ просьбъ монаховъ, выражающихъ въ настоящемъ случаѣ голосъ всего константинопольскаго клира и народа. Патріархъ Іоаннъ поспѣшилъ извѣстить о томъ предстоятелей прочихъ независимыхъ церквей. Въ письмѣ къ патріарху іерусалимскому Іоанну онъ назвалъ движеніе народа въ великой церкви совершеннымъ по вдохновенію свыше. Такъ какъ антіохійская каѳедра была занята еретикомъ Северомъ, то патріархъ Іоаннъ отослалъ свое извѣстительное посланіе къ епископу тирскому Епифанію, какъ предстоятелю протоѳрона антіохійскаго патріархата. И въ этомъ посланіи онъ назвалъ движеніе константинопольскаго народа въ великой церкви вдохновеніемъ свыше. Антіохійскіе клирики, священники и діаконы, едва услышали о смерти Анастасія и воцареніи на его мѣсто православнаго Юстина, какъ поспѣшили въ свою очередь отправить патріарху Іоанну и его синоду прошеніе, въ которомъ прежде всего выразили свою радость о совершившемся въ Константинополѣ церковно-государственномъ переворотѣ, а затѣмъ излагаютъ бѣды, какія постигли антіохійскую церковь отъ нечестиваго Севера. Онъ разбойнически овладѣлъ престоломъ, который для него былъ всегда чуждымъ; принудилъ удалиться законнаго пастыря

церкви. благочестиваго Флавіана; по произволу низлагалъ православныхъ клириковъ и поставлялъ на мѣсто ихъ еретиковъ: нарушилъ миръ и общеніе церкви и постоянно возбуждалъ въ нихъ распри; вопреки канонамъ принималъ отлученныхъ другими епископами клириковъ и раздавалъ имъ церкви. Онъ не только не оберегалъ отъ волковъ захваченное имъ духовное стадо и не только даже не бѣжалъ отъ него, подобно наемнику, когда видитъ волка грядуща, — онъ самъ занимался удушеніемъ и истребленіемъ своего стада: однихъ онъ жестоко бичевалъ, другихъ заключалъ въ тюрьму и морилъ голодомъ; побуждалъ іудеевъ убивать христіанъ, въ особенности же монаховъ. Однажды онъ повелѣлъ умертвить свыше трехъ сотъ монаховъ второй Сиріи и разбросать ихъ нагими и безъ погребенія для съѣденія собакамъ и птицамъ. Онъ разрушалъ страннопріимницы и опустошалъ церкви. Священные, золотые и серебряные, сосуды онъ или сокрушалъ, или переливалъ и обращалъ ихъ въ свою пользу. Онъ грабилъ и обращалъ въ свою пользу церковныя имущества. Наконецъ онъ даже занимался волшебствомъ. Въ заключеніе клирики просили святой синодъ принять, хотя бы и поздно, надлежащія мѣры къ исцѣленію зла, которое нанесено ихъ церкви и почти всему востоку, избавить ихъ отъ этого нечестивѣйшаго мужа, Севера, и умолить императора поскорѣе послать къ нимъ людей разумныхъ и испытанной честности, чтобы они, при содѣйствіи мѣстныхъ опытныхъ мужей, возстановили порядокъ и поправили, что разрушено. Точно въ такихъ же преступленіяхъ епископы второй Сиріи обвиняютъ Петра апамейскаго, котораго они называютъ сотрудникомъ и самымъ близкимъ человѣкомъ Севера. Немедленно, по полученіи вѣсти о смерти Анастасія, они предали какъ Севера, такъ и Петра анаѳемѣ, осудили всѣ ихъ дѣянія и донесли объ этомъ, равно какъ объ убійствахъ и безчинствахъ, произведенныхъ ими, патріарху Іоанну Каппадокіянину, съ просьбою извѣстить обо всемъ императора и утово-

рить его освободить страждущія Божія церкви. Іерусалимскій патріархъ Іоаннъ и Епифаній тирскій, въ отвѣтныхъ своихъ посланіяхъ, составленныхъ по соглашенію съ своими синодами, прежде всего выразили безмѣрную свою радость и за тѣмъ одобрили все, случившееся въ Константинополѣ. Епифаній тирскій, вполнѣ соглашаясь съ возстановленіемъ памяти Евѳимія и Македонія, какъ ратоборцевъ за истинную вѣру, попросилъ съ своей стороны патріарха Іоанна, чтобы и относительно Флавіана антіохійскаго сдѣлано было въ Константинополѣ тоже самое, такъ какъ и онъ несправедливо претерпѣлъ гоненіе и ссылку за православную вѣру (1). Довольно обширное отвѣтное посланіе Епифанія и его синода замѣчательно еще въ томъ отношеніи, что оно вполнѣ подтверждаетъ прошеніе антіохійскихъ клириковъ къ константинопольскому патріарху и его синоду, возводитъ на Севера тѣже самыя преступленія, какъ и эти послѣдніе (2).

Какъ церковь, такъ и государство находились въ состояніи полнаго броженія, и правительству предстояло разрѣшить задачи, которыя едвали вполнѣ были разрѣшимы, которыя едвали разрѣшилъ бы какой бы то ни было геній въ мірѣ, — предстояло объединить умы и воли, находящіеся въ состояніи рѣшительнаго разъединенія, притомъ стоящіе въ слабой зависимости отъ центральной власти, или же независимые отъ

---

(1) Слич. выш. стр. 252—255. Въ Іерусалимѣ Евѳимій и Македоній не были вычеркнуты изъ диптиховъ См. выше, стр. 256—257. Также—Cyrill. Scythopol. Vita Sabae, c 50

(2) Harduin, t. II. p. 1318—1334; 1342—1365 sqq.—Баронія извѣщаетъ, что въ то самое время, какъ означенныя жалобы и прошенія сирійскихъ и палестинскихъ клириковъ и монаховъ представлены были императору, евтихіанскіе вожди постарались убѣдить его, что эти клирики и монахи суть еретики-несторіане. Императоръ потребовалъ отъ нихъ письменнаго исповѣданія вѣры. Клирики и монахи той и другой страны нашлись вынужденными изложить исповѣданіе своей вѣры письменно и отослали его къ Юстину. Въ заключеніе они присовокупили просьбу озаботиться возсоединеніемъ св. Божіихъ церквей. Bagon. an. 518. n. LVI.

нея. Православные жители Сиріи и Палестины до того чуждались египтянъ, зараженныхъ монофизитствомъ, что не допускали въ свою страну ихъ купцовъ и ремесленниковъ (1). Палестинскіе монахи, ревнители халкидонскаго собора, въ томъ числѣ свв. Θеодосій и Савва, заявили императору Анастасію предъ его смертію и патріарху Іоанну Коппадокіянину, въ нарочно отправленномъ къ нимъ прошеніи, что всѣ жители Палестины исповѣдуютъ вѣру четырехъ первыхъ вселенскихъ соборовъ и что они скорѣе согласятся претерпѣть тысячи смертей, испытать всѣ роды мученій, пролить кровь и предать сожженію всю страну, чѣмъ измѣнить правой вѣрѣ и войдти въ общеніе съ еретиками. Одинъ, превыщающій человѣческій разумъ, миръ Божій (Филипп. IV, 7) (т. е. предоставленіе свободы православію и даже преобладающаго значенія) могъ соблюсти церковь невредимою и устранить соблазны (2). Но и еретики говорили тоже самое по отношенію къ православнымъ (3). Было распространено множество чудесныхъ разсказовъ, засвидѣтельствованныхъ лицами, заслуживающими полнаго довѣрія, и показывающихъ, какъ гибельно придерживаться ереси и какъ она разрушаетъ весь нравственный міропорядокъ (4). Эти разсказы важны между

---

(1) Harduin. t II. p. 1356 *Αἰγυπτίοις ξυλεμπόροις οὐ θέλει ἡ πόλις.*

(2) Cyrill. Scythopolit Vita Sabae. c. 57. Это прошеніе монахи послали императору послѣ того, какъ онъ узналъ, что Іоаннъ іерусалимскій, поддерживаемый монахами, въ томъ числѣ свв. Θеодосіемъ и Саввою, торжественно анаѳематствовалъ Несторія, Евтихія, Севера, Сотериха каппадокійскаго и всѣхъ отвергающихъ халкидонскій соборъ, (см. выш. стр. 255. Также Vita Sabae c. 56) и присудилъ ихъ за это — перваго къ низложенію, а послѣднихъ къ ссылкѣ

(3) Cyrill. Scythopol Vita Sabae c. 53

(4) Приведемъ для примѣра два три разсказа подобнаго рода.—Нѣкоторый старецъ Кириакъ (род. 465 г ум 556 г пам праздн. 29 сент.) говорилъ одному пришедшему къ нему чужестранцу Θеофилу. «нельзя спастись, если не будемъ право вѣровать и исповѣдовать, что св. Дѣва Марія есть истинная Богородица. Братъ отвѣчалъ старцу: св. авва! всѣ

прочимъ еще въ томъ отношеніи, что они наглядно показываютъ крайнюю исключительность борющихся между собою партій и что чудо имѣетъ боль-

---

ереси тоже говорятъ, что если ты съ нами не будешь имѣть общенія, не спасешься Что же мнѣ дѣлать, не знаю я, бѣдный. Помолись Господу, чтобы мнѣ познать истинную вѣру. Старецъ съ радостію принялъ предложеніе брата и сказалъ ему останься въ моей кельѣ, и я надѣюсь на Бога, что Его благость откроетъ тебѣ истину. Оставивши брата въ своей пещерѣ, вышелъ къ Мертвому морю и сталъ молиться за него. И точно, около девятаго часа слѣдующаго дня братъ видитъ, что кто-то стоитъ предъ нимъ по виду страшный и говоритъ ему пойди и познай истину. Взявши его приводитъ въ темное и смрадное, но жаркое мѣсто, и показываетъ ему въ огнѣ Несторія, Евтихія и Аполлинарія, Евагрія и Дидима, Діоскора и Севера, Арія и Оригена и другихъ. Тотъ, который показалъ это мѣсто, сказалъ ему, оно уготовано для еретиковъ, которые учатъ нечестиво о Пресвятой Богородицѣ, и для тѣхъ кои послѣдуютъ ихъ ученію. Итакъ, если тебѣ нравится это мѣсто, оставайся при ученіи своемъ Если же не хочешь подвергнуться подобному наказанію, обратись къ св. соборной и апостольской церкви, къ которой принадлежитъ наставлявшій тебя старецъ. Я говорю тебѣ: если человѣкъ всѣ добродѣтели сотворитъ, но не будетъ право вѣровать, прійдетъ въ это мѣсто. Съ симъ словомъ братъ пришелъ въ себя. И когда пришелъ старецъ, разсказалъ ему, что видѣлъ, и вскорѣ пріобщился къ святой, соборной и апостольской церкви (Іоаннъ Мосхъ, Лугъ Духовн. гл. 26) —«Въ Кипрѣ есть пристань Таде. Недалеко отъ нея есть монастырь, называемый Филоксеномъ. Пришедши туда, мы нашли въ ономъ монаха, родомъ изъ Милета, по имени Исидора. Мы видѣли, что онъ непрестанно и горько плачетъ. Когда же всѣ его убѣждали, чтобъ онъ утѣшился сколько нибудь, то онъ не соглашался, но говорилъ всѣмъ я великій грѣшникъ, такой грѣшникъ, какого не было отъ Адама до сего дня. Когда же мы сказали святый отецъ, кто безъ грѣха, кромѣ одного Бога?—Онъ отвѣчалъ намъ слѣдующее повѣрьте, братія, я не нашелъ, ни въ писаніи, ни въ преданіи, такого грѣшника, каковъ я, и такого грѣха, каковъ мой. Если вы думаете, что я только обвиняю себя самого, выслушайте о моемъ преступленіи, и вы помолитесь о мнѣ Я, продолжалъ онъ, когда былъ въ мірѣ, имѣлъ жену Мы оба держались ученія Севера. Итакъ пришедши въ одинъ день въ свой домъ, я не нашелъ жены своей; но слышу, что она отошла къ сосѣдкѣ, чтобы пріобщиться Сосѣдка принадлежала къ святой, соборной церкви. Я тотчасъ побѣжалъ, чтобы остановить ее. Пришедши въ домъ сосѣда, я нашелъ, что жена моя приняла уже св часть и пріобщилась Схвативши ее за горло, я принудилъ ее изблевать св часть, и взявши сію послѣднюю, бросалъ туда и сюда, и наконецъ она упала въ грязь. Но тотчасъ молнія восхитила св. при-

шее значеніе въ дѣлѣ распространенія и утвержденія христіанской истины, чѣмъ какія бы то ни было логическія доказательства.—Римскіе папы, прервав-

---

частіе съ того мѣста. Спустя два дня, является мнѣ ѳіопляннинъ, одѣтый въ рубище, и говоритъ: я и ты осуждены на одинаковое наказаніе. А кто ты таковъ? спросилъ я его. Ѳіопляннинъ отвѣчалъ: я тотъ, который страдавшаго за всѣхъ Господа Іисуса Христа ударилъ по ланитѣ. И потому-то, заключилъ монахъ, я не могу перестать плакать» (ibid гл 29) — Авва Георгій, пресвитеръ киновіи Схоларійской. разсказывалъ слѣдующее «Въ монастырькахъ жилъ одинъ старецъ великій подвижникъ, который, будучи стѣпъ въ дѣлахъ вѣры, безъ разбора пріобщался, гдѣ только открывался случай Итакъ однажды ему явился ангелъ Божій и говоритъ: скажи мнѣ старецъ, ежели ты умрешь, какъ хочется тебѣ, чтобы похоронили тебя? такъ ли, какъ погребаются египетскіе монахи (т. е. монофизиты), или такъ, какъ погребаются іерусалимскіе монахи (православные)? Старецъ отвѣчалъ: не знаю Тогда ангелъ говоритъ ему. подумай, и когда я чрезъ три недѣли прійду къ тебѣ тогда скажи. Старецъ, пришедши къ другому старцу, разсказалъ ему, что слышалъ отъ ангела. Тотъ слушая онѣмѣлъ, и, посмотрѣвъ на него весьма довольно, возбужденный свыше говоритъ ему ты гдѣ пріобщаешься св таинъ? Старецъ отвѣчалъ старцу вездѣ, куда только прихожу. Тогда старецъ говорилъ. ты не долженъ пріобщаться внѣ святой, соборной и апостольской церкви, въ которой прославляются четыре вселенскіе собора никейскій изъ 318 отцевъ константинопольскій изъ 150, третій вселенскій, а первый ефесскій, изъ 200, халкидонскій изъ 630. Итакъ, когда прійдетъ къ тебѣ ангелъ, скажи ему: я желаю быть погребеннымъ такъ, какъ погребаются іерусалимляне. Дѣйствительно, чрезъ три недѣли приходитъ ангелъ и спрашиваетъ старца: что же, старецъ, какъ ты думаешь? Старецъ отвѣчалъ я желаю, чтобы похоронили меня также, какъ погребаются іерусалимляне. Хорошо, хорошо,—сказалъ ему ангелъ,—и старецъ тотчасъ скончался Это же все было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы старецъ не погубилъ трудовъ своихъ и не былъ осужденъ съ еретиками» (ibid гл. 176) Общеніе съ еретиками есть тоже, что прелюбодѣяніе, что общеніе съ блудницами отъ законной жены (Тамъ же гл. 186). Никакіе суровые подвиги не могутъ человѣка сдѣлать добродѣтельнымъ, если онъ еретикъ (гл. 103). Православный не можетъ лежать спокойно даже въ гробу, если только подлѣ него похороненъ еретикъ (гл. 39). И познать, кто — православный и кто – еретикъ, безошибочнымъ образомъ только и возможно посредствомъ чуда (гл. 26. 103. Слич. также главы: 43. 47. 48. 73 78 197. 241). Ѳеодоръ Чтецъ передаетъ разсказъ о чудесномъ событіи съ нѣкіимъ еретикомъ Олимпіемъ, который подвергся страшной карѣ Божіей за хулу на св Троицу (Theod. Lect. Fragmenta, p. 588—590)

шіе общеніе съ востокомъ изъ-за патріарха Акакія, кромѣ взгляда на зловредность всякаго рода ереси, уже въ это время были заражены духомъ властолюбія, находились въ независимомъ политическомъ отношеніи къ Византіи и, слѣдовательно, тѣмъ съ большимъ упорствомъ могли настаивать на исполненіи своихъ требованій, хотя бы эти требованія не затрогивали сущности вѣры и были исключительно вопросомъ честолюбія.

Самъ Юстинъ былъ человѣкъ вполнѣ необразованный. Правда, хронисты называютъ его многоопытнымъ (πολύπειρος), но, нужно разумѣть, только въ военномъ дѣлѣ. Что же касается таинъ государственной политики и высокаго пониманія общественныхъ и международныхъ отношеній, то для этого онъ былъ слишконъ невѣжественъ и старъ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ не умѣлъ ни читать, ни писать, и представляетъ собою первый примѣръ вполнѣ безграматнаго римскаго государя (1). Наиболѣе близкимъ и довѣреннымъ къ нему лицемъ, исправлявшимъ должность квестора, или государственнаго секретаря, сталъ на первый разъ нѣкто Проклъ, „человѣкъ справедливый и знаменитый по своему полному безкорыстію“, консерваторъ по образу мыслей, „составлявшій новые законы не вдругъ и ничего не желающій измѣнять изъ существующаго порядка вещей“ (2). Вскорѣ Юстинъ вызвалъ ко двору Виталіана, заявившаго себя горячею приверженностію къ православію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и наклонностію самому быть царемъ. „Разсчитывая предусмотрительно, что Виталіана не иначе можно расположить къ покорности, какъ принявъ на себя видъ его друга, Юстинъ прикрылъ свое коварство непроницае-

---

(1) Procop Hist. arc. c. 6; Malalas, p. 410, Suidas. ἦν δὲ ἀμάθητος γραμμάτων ἁπάντων καὶ τὸ δὴ λεγόμενον ἀναλφάβητος. Theoph. Chron p. 253—254.

(2) Procop. B. P. l. 1. c. 11, p. 52. Квесторъ имѣлъ обязанностію составлять проэкты законовъ и дѣлать доклады государю.

мою маской и объявилъ его военачальникомъ одной части такъ называемыхъ безсмѣнныхъ войскъ; а потомъ, чтобы внушить ему бо́льшую довѣренность и завлечь его въ обманъ, онъ произвелъ его въ консулы". Но скоро Виталіанъ былъ умерщвленъ самымъ коварнымъ образомъ во дворцѣ, при входѣ у одной двери (1). Вмѣстѣ съ Виталіаномъ вызваны были и нѣкоторые другіе, сосланные при Анастасіѣ за вѣру (2). Наиболѣе же видную роль занялъ въ новомъ правительствѣ племянникъ Юстина, Юстиніанъ. Онъ въ короткое время прошелъ должности патриція, консула, генералиссимуса (3). Онъ получилъ даже управленіе (конечно только почетное) Африкой и Италіей и, очень можетъ быть, уже въ это время сталъ помышлять объ ихъ завоеваніи. Не было ни одного государственнаго дѣла. въ которомъ онъ такъ или иначе не принималъ бы участія, и вообще все правленіе Юстина можно назвать его управленіемъ, по крайней мѣрѣ, онъ давалъ всему тонъ; министры Юстина считали необходимымъ совѣщаться и съ нимъ, и смотрѣли на него не иначе, какъ на наслѣдника престола (4).

---

(1) Evagr. l. IV. c 3; Malalas, p. 411—412; Theoph. Chron. p. 254. 256; Zonar. l. XIV. c. 5.—Почти всѣ хронисты согласны въ томъ, что Виталіанъ претерпѣлъ смерть за тѣ бѣдствія, какія онъ причинилъ римской имперіи въ царствованіе Анастасія во время своего бунта. Прокопій полагаетъ, что причина убійства Виталіана заключается въ одномъ только Юстиніанѣ, который возъимѣлъ на него подозрѣніе въ оскорбленіи (Hist. arc. c. 6. p 46). Изамберъ вполнѣ вѣритъ показанію Прокопія (p. 250) По Муральту, Виталіанъ умерщвленъ въ августъ 520 г. (Chron. Bys. p. 133). Также думаетъ и Изамберъ (p. 249).

(2) Напр. Аппіанъ, Діогеніанъ, Филоксенъ. Malalas. Chron. Pasch. 612.

(3) Vita Sabae. c. 68: *πατρίκιον τυγχάνοντα, καὶ ὕπατον, καὶ στρατηγὸν, καὶ τῶν τῆς πολιτείας πραγμάτων κραταιῶς ἀντεχόμενον.*— Впрочемъ, Дестуниссъ (Прок. кесар. о Перс. войн. ч. 1. прим. 24) не думаетъ, чтобы *στρατηγὸς* равносильно было генералиссимусу—magister militum, но значитъ только полководецъ.

(4) Procop. B. P. l. 1. c. 11, de aedificiis, l. 1. c. 3, p. 184: *αὐτῷ (Ἰουστινιανῷ) γὰρ λογιστέον καὶ τὰ Ἰουστίνῳ εἰργασμένα τῷ*

Какъ только соборъ окончилъ свое засѣданіе, онъ тотчасъ же поспѣшилъ чрезъ патріарха донести императору о результатѣ своихъ совѣщаній, и Юстинъ въ тотъ же самый день, 20 іюля, издалъ эдиктъ, который долженъ быть обнародованъ во всѣхъ церквахъ вселенной и которымъ повелѣвалось, чтобы всѣ православные, изгнанные при Анастасіѣ въ ссылку за вѣру, были возвращены; чтобы всѣ они были возстановлены въ своихъ прежнихъ почестяхъ и должностяхъ; чтобы еретики, поставленные на ихъ мѣсто, были изгнаны и подвергнуты заслуженнымъ наказаніямъ; чтобы халкидонскій соборъ былъ внесенъ въ священые диптихи наряду съ прочими тремя вселенскими соборами, и чтобы такимъ образомъ опять всѣ церкви вселенной наслаждались желаемымъ миромъ. Безконечна была радость православныхъ! Народъ ликовалъ въ столицѣ, ликовалъ и въ провинціяхъ. „Послѣ того какъ—говоритъ жизнеописатель св. Саввы Кириллъ,—указы (κελεύσεις) Юстина принесены были въ Іерусалимъ.—собралось безчисленное множество монаховъ и мірянъ; пришелъ также и св. Савва и составился соборъ епископовъ. Божественные указы были обнародованы въ праздникъ (Преображенія), 6 августа, и четыре собора внесены въ священные диптихи". Патріархъ Іоаннъ убѣдилъ св. Савву вмѣстѣ съ другими нѣкоторыми игуменами Іорданской пустыни—самимъ разнести и обнародовать царскіе указы, даже до предѣ-

---

θείῳ, ἐπεὶ καὶ αὐτοῦ τὴν βασιλείαν κατ' ἐξουσίαν αὐτὸς διῳκεῖτο. Hist. arc. c 6. p. 46 ἐπεὶ δὲ οὐδὲν ἦν αὐτῷ μόνην καταλῦσαι τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν, Λιβύης τε καὶ Ἰταλίας οὐκ ἄλλου του ἕνεκα πεποιῆσθαι τὴν ἐπικράτησιν ἴσχυσεν.—Isambert, p. 252: ainsi Justinien, général à l'avénement de son oncle, eut le gouvernement (honorifique) de l'Afrique et l'Italie —Παπαῤῥηγοπούλος, t. III, p. 107: καὶ μὲν ἐπισήμως συνάρχων δὲν ὀνηγορεύθη εἰμὴ ὀλίγον πρὸ τοῦ θανάτου τοῦ θείου αὐτοῦ· πράγματι ὅμως ἐπενήργησεν ἀμέσως ἢ ἐμμέσως εἰς τὴν κυβέρνησιν τοῦ κράτους ἐκ πρώτης ἀφετηρίας. Πρὸ πάντων δὲ ἤρχισεν ἔκτοτε νὰ παρασκευάζῃ πολυειδῶς καὶ πολυτρόπως τὴν παρ' αὐτοῦ μελετωμένην ἀνάκτησιν τοῦ δυτικοῦ κράτους.

ловъ Кесаріи и Скиѳополя. Повсюду вѣстники были встрѣчаемы съ торжествомъ; имъ выходили навстрѣчу епископы и митрополиты, знаменитые своею святостію (Іоаннъ Хузивитъ); въ знакъ побѣды служили молебны; веселились и даже пировали (1). Вскорѣ послѣ обнародованія этого перваго эдикта, Юстинъ издалъ другой эдиктъ, воспрещающій северіанамъ занимать общественныя должности и исключающій ихъ изъ военной службы (2).

Непосредственно послѣ изданія эдиктовъ послѣдовало и ихъ выполненіе. Понятно, что вся строгость репрессивныхъ мѣръ правительства прежде всего должна быть направлена противъ главъ и предводителей монофизитства; понятно также и то, что приведеніе ихъ въ исполненіе не могло совершиться безъ трудностей. Іерапольскій епископъ Ксеней или Филоксенъ, Петръ апамейскій и другіе, единомысленные имъ, епископы безъ труда сосланы были въ ссылку (3). Равнымъ образомъ удаленъ отъ престола и Юліанъ галикарнасскій, какъ упорный еретикъ, не принимающій халкидонскій соборъ, четвертый вселенскій (4). Но гораздо труднѣе было справиться съ ловкимъ и дѣятельнымъ патріархомъ Северомъ, ставшимъ во главѣ всего монофизитскаго движенія. Правда противъ него главнымъ образомъ направлены были обвиненія православныхъ: его обвиняли антіохійскіе клирики; обвинялъ Виталіанъ, заявившій себя ревностію къ

---

(1) Cyrill Scythopolit. Vita Sabae. c. 60. 61, Zonar annal. l. XIV. c. 5; Baron. an. 518. n. LVII sqq Not. Pag. IX Theoph. Chronogr. p. 253—256.

(2) Baron. an. 518. n. LXV — Этого эдикта не существуетъ; но о немъ упоминаетъ Юстиніанъ въ своемъ эдиктѣ о еретикахъ (см. тамъ же). Когда же онъ изданъ, непосредственно ли послѣ перваго эдикта или спустя довольно продолжительное время, объ этомъ нельзя сказать ничего достовѣрнаго, хотя Баронiй и упоминаетъ о немъ подъ 518 годомъ непосредственно послѣ перваго эдикта Юстина.

(3) Theoph. Chron. p 255, Cedrenus, 1, p 637.

(4) Liberat. breviar c. 19. p. 153.

православію и ставшій къ царю въ близкія отношенія; наконецъ обвиняли всѣ православные. Обвиняли его и въ томъ, что онъ презрѣлъ царское повелѣніе, анаѳематствовавъ халкидонскій соборъ (1), и въ томъ, что онъ производилъ смуты и раздоры, и въ томъ, что онъ повсюду производилъ насилія, безчинія и жестокости, и въ томъ, что онъ безпрестанно хулилъ въ своихъ рѣчахъ Виталіана. Правительство сознавало тяжесть винъ Севера; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно сознавало его силу и значеніе, и высокость его положенія. Еретики въ Антіохіи были многочисленны и сильны, заняли къ концу царствованія Анастасія почти всѣ важныя должности, и—Северъ, не смотря на царскіе эдикты, не смотря на свое церковное осужденіе и низложеніе, не смотря, наконецъ, на то, что на его мѣсто назначенъ и рукоположенъ новый патріархъ, все-таки продолжалъ оставаться въ Антіохіи и руководить здѣсь своими послѣдователями. Тогда императоръ далъ рѣшительный приказъ правителю востока Иринею схватить его и отправить въ Константинополь для объясненій. Уже Ириней повсюду разставилъ стражу, чтобы Северъ какимъ нибудь образомъ не бѣжалъ отъ него. Но Северъ, узнавши о тайныхъ мѣрахъ противъ него и предвидя, что съ нимъ случится въ Константинополѣ что-либо недоброе, поспѣшилъ тайно удалиться изъ Антіохіи (въ сент. 520 г.), сѣлъ въ Селевкіи на корабль и прибылъ въ Александрію. Сюда же между тѣмъ прибылъ и Юліанъ галикарнасскій, точно также какъ Северъ, страшащійся царскаго гнѣва (2). Александрія по превозмогающей численности еретиковъ, считалась наиболѣе безопаснымъ убѣ-

(1) См. выше, стр. 253—254.

(2) Evagr. l. IV. c. 4; Liberat. c. 19; Theoph. Chron. p. 254; Malalas. 411; Cedrenus, 1, p. 637; Harduin. t. II, p. 1317 sqq.—Извѣстія историковъ о низверженіи Севера нѣсколько различны между собою.—Либератъ, современникъ описываемыхъ здѣсь событій, говоритъ. Severus a Vitaliano magistro militum viro religioso et orthodoxo accusatur, quod despi-

жищемъ отъ вліянія Константинополя, по крайней мѣрѣ такъ думали о ней сами монофизиты. Вмѣсто Севера на антіохійскую каѳедру назначенъ Павелъ, бывшій начальникомъ страннопріимницы Еввула и пресвитеромъ церкви константинопольской. Императоръ самъ предложилъ его въ патріархи Антіохіи, какъ человѣка вполнѣ ему извѣстнаго и уже успѣвшаго заявить себя стойкостію въ вѣрѣ и сопротивленіемъ замысламъ Севера. Рукоположеніе его въ патріархи положено совершить въ Константинополѣ; но этому всѣми силами воспротивились легаты римскаго папы Ормизды, бывшіе въ это время въ Константинополѣ по случаю переговоровъ объ уніи. Легаты доказывали, что всякій патріархъ долженъ быть рукополагаемъ, по древнему обычаю, въ томъ городѣ, куда онъ пред-

---

ceret imperatoris jussionem, et synodum non susciperet. Въ этихъ словахъ, очевидно, высказывается намекъ на повелѣніе императора Анастасія не анаѳематствовать халкидонскій соборъ и на преслушаніе этого повелѣнія; потому что другаго повелѣнія отъ императора доселѣ еще не было Северу.—Евагрій передаетъ объ этомъ событіи такимъ образомъ: «Юстинъ приказалъ схватить Севера и, какъ передаетъ молва, отрѣзать ему языкъ за то, что онъ не переставалъ изрекать анаѳемы халкидонскому собору, особенно въ такъ называемыхъ ἐνθρονιστικαῖς συλλαβαῖς (т. е. грамматахъ, посредствомъ которыхъ новоизбранные патріархи извѣщали другъ друга о своемъ вступленіи на престолъ),... равнымъ образомъ и за то, что отсюда происходили въ церкви распри и православный народъ дѣлился на партіи». «Нѣкоторые же разсказываютъ, что Виталіанъ выпросилъ себѣ у царя языкъ Севера — за то, что Северъ въ своихъ рѣчахъ обыкновенно оскорблялъ его».—Ѳеофанъ все дѣло обвиненія Севера приписываетъ исключительно Виталіану *Βιταλιανὸς... παῤῥησίαν τε ἔχειν τοσαύτην πρὸς τὸν βασιλέα, ὥστε καὶ Σεβῆρον προστάξαι ἐκβληθῆναι καὶ ἀναιρεθῆναι· λίαν γὰρ ἦν ὀρθόδοξος Βιταλιανὸς* —Малала: *ἔφυγε Σέβηρος εἰς Αἴγυπτον, φοβηθεὶς Βιταλιανόν* — Кедринъ говоритъ объ этомъ такимъ образомъ: «Виталіанъ, будучи православный, просилъ императора низложить (*καθαιρεθῆναι*) Севера, узнавъ объ этомъ, онъ бѣжалъ съ Юліаномъ галикарнасскимъ». — Но ничего ни одинъ историкъ не говоритъ относительно того, какое значеніе имѣли въ дѣлѣ обвиненія и удаленія Севера съ антіохійской каѳедры рѣшенія константинопольскаго синода и донесенія антіохійскихъ клириковъ, тогда какъ по самому ходу дѣла они не могли остаться безъ вліянія.

назначается быть патріархомъ. Цѣлыхъ три мѣсяца спорили и, наконецъ, легаты настояли на своемъ: въ іюнѣ 519 г. Павелъ былъ рукоположенъ въ патріархи въ Антіохіи (1). Онъ, по распоряженію Юстина, внесъ имена отцевъ халкидонскаго собора въ диптихи и повелѣлъ тоже самое сдѣлать во всѣхъ церквахъ своего патріархата. Явилась схизма, такъ какъ многіе, не принимающіе халкидонскій соборъ, полагали, что приверженцы его. вступившіе въ общеніе съ „апостольскимъ“ римскимъ престоломъ, впадаютъ въ несторіанство. Расколъ долженъ былъ принять тѣмъ болѣе острый характеръ, что еретиками на первыхъ порахъ заправлялъ здѣсь Северъ, уже искусившійся въ дѣлѣ веденія интриги. Къ тому же и самъ Павелъ не удержался на высотѣ своего званія. Очень можетъ быть, что, стараясь примирить враждующія партіи, онъ обнаружилъ непостоянство духа, стремленій и дѣйствій, думалъ угодить всѣмъ и каждому, и, вмѣсто того, возбудилъ еще большія партіи: отъ него отложились не только еретики, но и православные и даже домашніе его слуги. Отовсюду посыпались на него доносы къ императору, будто бы онъ производитъ дѣла, совершенно недостойныя священнаго сана. Тогда Павелъ, опасаясь, чтобы не вышло что-нибудь очень худое для него, поспѣшилъ отказаться отъ престола (521 г.) и вскорѣ послѣ того умеръ (въ 522 г.). На его мѣсто избранъ Евфрасій, родомъ іерусалимлянинъ. Какъ происходило это избраніе, не извѣстно; хронисты говорятъ объ одномъ только, что вначалѣ онъ явился против-

(1) Baron. an. 519. n. LVII. n. LXXIX. Migne, patrol. curs. compl. ser. prim. lat. t. LXIII. col. 472—473: electus est quidam Paulus nomine presbyter Constantinopolitanae ecclesiae, quem huic honori aptissimum imperatoris testimonio comprobatum voluerunt et tentaverunt hic ordinari. Ego (т. е. Діоскоръ, легатъ папы) .. contradixi, dicens: jussit dominus noster beatissimus papa, secundum antiquam consuetudinem, ibi eum episcopum ordinari. Hoc obtinuit, quod praecepistis. Bar. an. 519. n. LXXXVI. pene in tres menses a Patribus protracta certamina, .. quia duobus annis in Antiochia positus, non mediocriter resistebat Severo haeretico. Not. Pag. XIX. ad an 519.

никомъ халкидонскаго собора: вычеркнулъ имена отцевъ его и римскаго папы Ормизды изъ диптиховъ, православныхъ подвергъ очень жестокимъ преслѣдованіямъ и даже нѣкоторыхъ изъ нихъ умертвилъ; но потомъ, убоявшись—беззаконій ли своихъ поступковъ, или каръ, имѣющихъ послѣдовать изъ Константинополя, онъ объявилъ себя православнымъ и снова внесъ халкидонскій соборъ въ диптихи, на ряду съ прочими тремя вселенскими соборами (1). Въ маѣ 526 года было страшное землетрясеніе въ Антіохіи. Предвѣстники его—пожары появились гораздо ранѣе и само оно съ незначительными промежутками продолжалось болѣе года. Почти всѣ зданія были разрушены и свыше 250,000 жителей погибло подъ ихъ развалинами. Между другими жителями лишился жизни и патріархъ Евфрасій. Правителемъ востока, имѣвшимъ мѣстопребываніе въ Антіохіи, былъ въ то время Ефремій, или иначе — Ефремъ родомъ амидянинъ. Спасшись какимъ-то чудеснымъ образомъ отъ общаго крушенія, онъ приложилъ все стараніе, чтобы облегчить участь оставшихся жителей, и всѣми мѣрами заботился о томъ, чтобы городъ не терпѣлъ недостатка ни въ чемъ потребномъ. Между другими работниками, явившимися въ Антіохію, пришелъ также сюда и одинъ благочестивый епископъ, принявшій на себя видъ простаго работника изъ смиренія и ради высшихъ под-

---

(1) Evagr. l. IV. c 4; Liberat breviar. c. 19. p 153, Malalas. p. 411—412 415—416; Theoph Chron. p 255. 258; Muralt, p 134; Migne, Patr. curs compl. ser. prim lat. t LXIII col. 522—523, 473; Baron. an 521 nn. XXXVI. XXXVII. XXXVIII.—Императоръ Юстинъ въ письмѣ къ папѣ Ормиздѣ говоритъ qui (Paulus) sacerdotio praeditus Anticchenae civitatis, ita versatus esse dicitur in multis causis, quae religiosis alienae sunt episcopis, ut clericorum suorum proditione, habitatorum etiam dictae civitatis, aliorum insuper frequentium incusaretur, non tantum legatis vestrae sanctitudinis in hac regia positis urbe (ut ipsos quoque retinere censemus) verum post eorum recessum qui malae conscientiae suae victus testimonio, veritus insuper, ne quaestione habita, graviorem formam exitus rei posceret; recusatores libellos obtulit, ut liceret ei secedere a suscepto (sicut dictum est) episcopatus officio. Quoniam igitur cordi nobis est et fuit,

виговъ благочестія. Ефремію свыше во снѣ открыто было, что смиренный работникъ, находящійся у него въ услуженіи,—не кто другой, какъ епископъ. Откровеніе это повторилось не разъ и не два, а нѣсколько. Въ ужасѣ онъ призываетъ епископа къ себѣ и допрашиваетъ его. Епископъ сознается, и съ своей стороны предрекаетъ Ефремію, что чрезъ нѣсколько дней онъ будетъ патріархомъ. И дѣйствительно, когда, спустя нѣсколько дней послѣ этого, наступили выборы патріарха, то голосъ всего народа остановился на Ефремѣ, какъ уже заявившемъ себя благочестіемъ и любовію къ ближнимъ. Императоръ, услышавъ объ этомъ выборѣ и разузнавъ, что онъ совершенъ правильно и канонически, утвердилъ его, а на мѣсто Ефремія назначилъ правителемъ востока нѣкоего Захарію, родомъ тирянина. Разрушеніе Антіохіи крайне опечалило императора и его племянника Юстиніана. Они возможнымъ образомъ старались облегчить участь жителей, заново отстроили Антіохію и назвали ее Θеополисомъ. Ефремій принималъ самое живое и дѣятельное участіе во всѣхъ этихъ благодѣтельныхъ мѣрахъ (1). По отношенію къ еретикамъ онъ обнаруживалъ „божественную ревность“ (2). Услышавъ объ од-

ut semper civitatum antistites in amore sint omnium communi, quorum regendas acceperunt animas: Paulus autem vir reverendissimus ultro se suo (prout memoravimus) abdicavit sacerdotio, praesentem epistolam duximus dirigendam, ut vobis aperiatur, et orationibus propriis coeleste nobis auxilium dignetur acquirere. Ни Юстинъ, ни патріархъ Епифаній не говорятъ, какія собственно были вины Павла Очень можетъ быть, что они преувеличены антіохійцами. Равнымъ образомъ, ничего не говорятъ о его преступленіяхъ и историки. Юстинъ же, выражаясь глухо о его преступленіяхъ, въ тоже время называетъ его reverendissimus.—О гоненіяхъ Евфрасія на православныхъ говорятъ Малала и Θеофанъ Хронографъ

(1) Malalas, p. 417. 419—421. 423—424. Theoph. Chron p. 265—267, Cedrenus, 1, p. 640—642, Evagr. l. IV. c. 5. 6. о Евфрасіѣ Евагрій нашелся только сказать, что «онъ, удрученный бѣдствіями Антіохіи, скончался, что было для народа новымъ несчастіемъ». — Іоаннъ Мосхъ,—Лугъ Духовн. гл. 36, Muralt, p. 139.

(2) *Εὐφραίμιος .. ξῆλον θεῖον κατὰ τῶν ἀποσχιστῶν ἐδείξατο.* Theoph. p. 267; Cedren 1, p. 642.

номъ столпникѣ, жившемъ близъ Іераполя, что онъ держится ереси Евтихія, Ефремій отправился къ нему съ цѣлію убѣдить его перейдти въ православіе. Но гордый столпникъ отвѣчалъ что онъ не пріобщится къ собору безъ размышленія, и для доказательства, чья вѣра правѣе, потребовалъ испытанія огнемъ. Когда же принесли дровъ и развели огонь, то столпникъ отказался войдти въ него; патріархъ же, предварительно вознесши къ Іисусу Христу молитву, чтобы Онъ Самъ явилъ имъ истину, повергъ въ огонь свой омофоръ. „Огонь горѣлъ около трехъ часовъ; дрова сгорѣли, но омофоръ остался цѣлъ и невредимъ, совершенно ничего не потерпѣвъ отъ огня". Тогда столпникъ проклялъ Севера и его ересь, приложился къ св. церкви и, пріобщившись изъ рукъ Ефрема, прославилъ Бога (1). Постигшія Антіохію страшныя бѣдствія и плодотворная дѣятельность Ефремія скоро обнаружили свое благотворное вліяніе на антіохійцевъ: партіи прекратились и народъ пришелъ къ единомыслію (2). Но не смотря на кроткую и благотворную дѣятельность, Ефремій все-таки не избѣгъ клеветы со стороны нѣкоторыхъ византійскихъ начальниковъ (3).

Епископы Дарданіи и Иллиріи, отложившіеся отъ константинопольскаго патріарха въ послѣдніе годы царствованія Анастасія и вошедшіе въ исключительное общеніе съ римскимъ епископомъ (4), по примѣру другихъ церквей востока поспѣшили снова войдти въ общеніе съ Константинополемъ, какъ только получили царскіе эдикты о возвращеніи свободы православнымъ церквамъ, о пріобщеніи халкидонскаго собора къ тремъ

---

(1) Лугъ Духовн гл. 35.

(2) Malalas, p. 422: *ἐν δὲ Ἀντιοχείᾳ τῇ μεγάλῃ πρὸς ὀλίγον καιρὸν ἐγένοντο ἐν φιλίᾳ οἱ δῆμοι.*

(3) Procop. Bell. Pers. l. II. c. 7. p. 183. — Память св. Ефрема праздн. 8 іюня.

(4) См выше, стр. 261 Также. Bar. an. 518, n. LXXXV. Not Pag. ad n LXXXV.

вселенскимъ соборамъ и объ изгнаніи еретиковъ (1). Одна только Александрія на первый разъ казалась неприступною твердынею еретиковъ, не поддавалась вновь наступившему православному движенію и требовала особыхъ мѣръ, исключительно для нея направленныхъ заботъ и стараній правительства (2).

Послѣ того какъ правительство сознало, что миръ и согласіе всѣхъ церквей, а слѣдовательно и спокойствіе государства, могутъ покоиться только на исповѣданіи вѣры *четырехъ* вселенскихъ соборовъ, и послѣ того какъ, на основаніи этого положенія, внесены были въ диптихи имена борцевъ за халкидонскій соборъ—Евѳимія, Македонія и папы Льва великаго, и дано православнымъ преобладающее значеніе

---

(1) Относительно этого факта нѣтъ указаній у византійскихъ историковъ Но что онъ существовалъ, это прежде всего явствуетъ изъ простаго соображенія, что вышеуказанный эдиктъ Юстина былъ обнародованъ не въ Константинополѣ только, Антіохіи или Іерусалимѣ, а во всѣхъ частяхъ имперіи большихъ и малыхъ ея городахъ и деревняхъ (слич выш. стр 287); за тѣмъ, изъ синодальныхъ актовъ, показывающихъ, что опредѣлено, и патріархъ Іоаннъ поспѣшилъ извѣстить всѣхъ епископовъ о перемѣнѣ вѣроисповѣдной политики въ Константинополѣ (Hardum, t. II, p. 1325. 1341 sqq.), и, наконецъ, изъ перваго письма Юстиніана къ папѣ Ормиздѣ, гдѣ онъ говоритъ, что непобѣдимѣйшій государь Юстинъ, ревнуя о соединеніи св. Божіихъ церквей, повелѣлъ всѣмъ, находящимся въ византійской имперіи, епископамъ возсоединить свои церкви, по требованію апостольскихъ правилъ, и что въ большинствѣ случаевъ это повелѣніе уже исполнено. sacerdotibus hic positis denunciavit (imperator), ut pro regulis Apostolicis unirentur ecclesiae. et magna quidem pars est composita, Deo auctore (Baron. an. 518. n LXXIV; Migne, patr. curs. compl. t. LXIII col 431). Очевидно, что подъ hic нужно разумѣть предѣлы всей византійской имперіи, а не Константинополя только, который есть одна церковь; иначе выраженія unirentur ecclesiae, и: magna pars est composita, не имѣли бы смысла. Слова magna pars, а не omnes ecclesiae, очевидно, указываютъ на затрудненія въ восточныхъ и юговосточныхъ провинціяхъ имперіи, о которыхъ упоминаютъ историки, а не—въ сѣверныхъ. Молчаніе историковъ, чтобы иллирійскіе епископы оказали какое-нибудь сопротивленіе эдиктамъ императора и граматамъ патріарха, служитъ лишь признакомъ того, что здѣсь не было такихъ замѣчательныхъ волненій, какія происходили на востокѣ.

(2) Liberat. breviar. c. 19

во всѣхъ частяхъ имперіи, гдѣ только возможно было это сдѣлать, при чемъ объ энотиконѣ, какъ на практикѣ не удавшемся актѣ человѣколюбія, ни въ какомъ случаѣ не было даже и упомянуто, — исчезла всякая видимая причина и раскола съ западною церковію. Въ бурныхъ возгласахъ въ Великой церкви 15 и 16 іюля народъ счелъ возстановленіе единства съ нею необходимымъ слѣдствіемъ всеобщаго признанія халкидонскаго собора и всѣхъ, связанныхъ съ нимъ, опредѣленій и фактовъ. Такъ посмотрѣли на дѣло епископы, такъ посмотрѣлъ патріархъ Іоаннъ и такой же взглядъ усвоило правительство. Сношенія его съ папою Ормиздой начались съ августа 518 года. Прежде всего Юстинъ послалъ къ нему извѣстительное о своемъ восшествіи на престолъ посланіе, какое римскіе императоры имѣли обыкновеніе посылать при своемъ воцареніи, какъ вообще ко многимъ епископамъ, такъ въ особенности къ верховнымъ первосвященникамъ, съ просьбою молитвъ къ Всевышнему о укрѣпленіи его власти (1). Папа принялъ это письмо императора за возданіе блаженному апостолу Петру принадлежащихъ ему начатковъ императорской власти (2) и при этомъ выразилъ мысль, что возведеніе его на императорскій тронъ помимо его воли, дѣйствіемъ лишь Всемогущаго Бога, указываетъ на высшее его назначеніе въ церкви, что чрезъ него долженъ совершиться миръ церквей.

---

(1) Migne, patr. curs. compl. t LXIII. col. 426· Licet multis, maxime tamen summis pontificibus convenit indicari. — Слѣдовательно, ложно положеніе Баронія, будто въ этомъ письмѣ императора выразилась особенная почесть къ римскому первосвященнику и признаніе его верховной власти. An. 518. n. LXVII.

(2) Migne. patr. c compl t. LXIII. col. 427 Debitas beato Petro apostolo imperii vestri primitias reddidistis. Очевидно Барониі, какъ и всѣ ультрамонтане, въ толкованіи императорскихъ писемъ къ папамъ, слѣдуютъ только тому, что сказали о нихъ папы, а не дѣйствительному ихъ смыслу.

Въ сентябрѣ того же самаго года императоръ отправилъ къ папѣ комита (князя) Грата съ письмами отъ себя, отъ патріарха Іоанна и племянника своего Юстиніана. Письмо императорское гласило слѣдующее.—„Блаженнѣйшій мужъ Іоаннъ, первосвященникъ сего царствующаго града, и прочіе благочестивѣйшіе мужи, епископы разныхъ мѣстъ и городовъ, здѣсь находящіеся, объявили (docuerunt) нашему величеству, чтобы мы изготовили для отсылки твоему святѣйшеству письма о согласіи исповѣдующихъ истинную и православную вѣру и о соединеніи досточтимыхъ церквей ея, и особенно требовали, чтобы мы сверхъ того отправили къ твоему святѣйшеству еще собственныя наши письменныя граматы. Охотно пріемля ихъ прошенія, какъ всегдашніе любители единенія, мы рѣшили продлить съ твоимъ блаженствомъ этотъ высшій божественный даръ. По написаніи сего, да удостоитъ (твое блаженство) снизойти къ желаніямъ вышереченныхъ досточтимѣйшихъ предстоятелей и умилостивить своими молитвами Верховное Величество за насъ и республику, управленіе коей ввѣрено Небомъ нашему благочестію. А чтобы яснѣе открылись твоему святѣйшеству права мира, единенія и согласія, благоволите отправить къ нашему священнѣйшему правительству (comitatum) нѣкоторыхъ пріемлющихъ миръ и желающихъ его благочестивѣйшихъ священниковъ“ (1). Письмо патріарха Іоанна, кромѣ

(1) Здѣсь Баронiй дѣлаетъ догадку, что кромѣ императорскаго и патріаршаго посланій, были отправлены къ папѣ посланія и отъ епископовъ, на томъ основаніи, что императоръ упомянулъ въ своемъ письмѣ къ папѣ о просьбѣ епископовъ. Неосновательная догадка, покоющаяся, какъ можно видѣть изъ всѣхъ разсужденій Баронія, исключительно на его ультрамонтанскихъ воззрѣніяхъ (an. 518. n. LXX. LXXI). Изъ сличенія всѣхъ документовъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу, несомнѣнно открывается, что императоръ упоминаетъ здѣсь только о тѣхъ желаніяхъ и просьбѣ вѣрующихъ, епископовъ и патріарха, которыя выражены въ извѣстныхъ восклицаніяхъ въ Великой церкви и рѣшеніяхъ слѣдующаго за тѣмъ собора. Поэтому предполагаемыя письма къ папѣ не не дошли до насъ, какъ думаетъ Баронiй, а ихъ вовсе и не существовало.

спеціальной цѣли—прекращенія существующаго раскола востока съ западомъ, имѣло еще характеръ обычныхъ извѣстительныхъ посланій, какими обмѣнивались между собою нововступившіе патріархи (γράμματα ἐνθρονιστικά). „Привѣтствую ваше святѣйшество, говоритъ патріархъ, и, привѣтствуя, прославляю; поелику правая вѣра сохранена и любовь братства утверждена. Совершить сіе благоволилъ единъ всемогущій Богъ попеченіемъ христіанъ и благочестивѣйшихъ государей. Итакъ, да удостоите, любовію Бога, апостольски написать и написанное братски принять". За тѣмъ кратко излагаетъ свою вѣру въ первые четыре вселенскихъ собора. „Итакъ сохраняя, по благодати Божіей, сію вѣру даже до послѣдняго дыханія, я обнимаю духовными объятіями какъ ваше святѣйшество, такъ еще православныя церкви, едино мысля съ тобою въ истинѣ и одни съ тобою блага надѣясь соблюсти чрезъ сію вѣру въ оный день, волею Отца и Сына и Св. Духа". Письмо заканчивается привѣтствіемъ какъ самому папѣ, такъ и всему его братству,—извѣщеніемъ, что имя папы Льва великаго и его самого внесены въ диптихи, и просьбою прислать мужей миролюбивыхъ, достойныхъ апостольской каѳедры. Вмѣстѣ съ письмами императора и патріарха отправилъ къ папѣ особое посланіе и Юстиніанъ, принявшій живое участіе въ переговорахъ о соединеніи церквей и, очень можетъ быть, уже теперь питавшій широкіе политическіе замыслы, которыхъ приведеніемъ въ исполненіе онъ занялся впослѣдствіи. Онъ доносилъ папѣ, что здѣсь, въ Константинополѣ, съ нетерпѣніемъ ждутъ примиренія церквей и что многое для этого уже здѣсь сдѣлано (1).

Какъ императоръ, такъ и патріархъ, выставили въ своихъ письмахъ къ папѣ, какъ основаніе для предстоящаго единенія, одно только единство исповѣ-

(1) Baron an. 518. n. LXVII — LXXV, Migne, Patr. curs. compl. t. LXIII. col. 427—431.

данія вѣры. Но отсюда нельзя еще заключать, чтобы они не видѣли никакого препятствія для заключенія мира. Они знали настоящія мысли и требованія Рима по прежнимъ опытамъ. Юстиніанъ, какъ болѣе частное лице въ данномъ случаѣ, отправившій къ папѣ посланіе лишь въ качествѣ любителя церковнаго мира, откровенно сознается, что имя Акакія требуетъ особаго соглашенія; что для этого-то и посланъ къ папѣ знаменитѣйшій мужъ Гратъ, и что присутствіе самого папы въ Константинополѣ было бы очень полезно для заключенія мира. Юстиніанъ усердно просилъ папу прибыть въ Константинополь и только въ случаѣ крайней нужды, когда самому прибыть нельзя будетъ, прислать вмѣсто себя легатовъ. Нужно думать, что Гратъ повелъ оживленные переговоры съ папой о имени Акакія и, между другими доказательствами, указывалъ между прочимъ на то, что, въ случаѣ анаѳемы на Акакія, а тѣмъ болѣе на его преемниковъ, легко можетъ возникнуть въ Константинополѣ мятежъ, который, вмѣсто мира, приведетъ къ еще большему раздору и такимъ образомъ увѣковѣчитъ зло (1). Папа созвалъ соборъ епископовъ и предложилъ ему на разрѣшеніе вопросъ: слѣдуетъ ли для блага мира уступить восточнымъ относительно удержанія въ диптихахъ имени Акакія?—потому что уже опытомъ дознано, что оно было главнымъ препятствіемъ для нашихъ предковъ освятить миръ вселенской церкви. Если же будетъ сдѣлана уступка въ этомъ случаѣ, то уже никакимъ образомъ не слѣдуетъ вычеркивать изъ свящ. диптиховъ имена константинопольскихъ епископовъ Евѳимія и Македонія, такъ какъ они заслужили себѣ славу исповѣдниковъ

(1) Впослѣдствіи, когда миръ уже состоялся, послы доносили папѣ, что не произошло при этомъ ни возстанія, ни пролитія крови, какъ прежде предсказывали «противники мира» (Migne, patr. curs compl. t. LXIII. col. 448, Baron. an. 519. n. LVI), откуда слѣдуетъ заключить, что грозный призракъ народнаго бунта былъ одною не изъ послѣднихъ причинъ несогласія византійцевъ съ папами относительно имени Акакія.

истинной вѣры ссылкою и смертію въ ссылкѣ. Для рѣшенія вопроса положено было прочитать письма предшественниковъ Ормизды: Симплиція, Феликса, Геласія и Симмаха. Оказалось, что всѣ они были одинаковаго мнѣнія: „не принимать восточную церковь въ общеніе съ апостольскимъ престоломъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ осужденъ схизматикъ Акакій“. Поэтому, слѣдуя стопамъ предшественниковъ и своимъ собственнымъ, уже достаточно обозначеннымъ прежде, папа Ормизда постановилъ вкупѣ съ своимъ соборомъ: вступить въ общеніе съ восточною церковію только въ томъ случаѣ, если будутъ вычеркнуты изъ диптиховъ имена Акакія и его преемниковъ— Евѳимія и Македонія (1). Безспорно, Акакій былъ вполнѣ православный: это показываютъ письма, сохранившіяся послѣ него (2); въ этомъ сознаются теперь и сами ультрамонтане (3). Невиновенъ онъ былъ прямо и въ общеніи съ еретиками; ибо, если онъ и вошелъ въ общеніе съ Петромъ Монгомъ, то, какъ видѣли (4), лишь послѣ того, какъ этотъ послѣдній формально засвидѣтельствовалъ предъ нимъ православіе своей вѣры. А затѣмъ онъ скончался ранѣе, чѣмъ могъ убѣдиться, путемъ болѣе или менѣе заслуживающимъ довѣрія, въ противозаконности поступковъ Монга. Но папы слѣдовали своей логикѣ. Основываясь на донесеніяхъ монаховъ, они осудили Акакія. Что̀ разъ рѣшено, то̀ должно быть неизмѣннымъ:

---

(1) Baron. an. 518 n. LXXV. LXXXII. LXXXIII.

(2) Такъ въ письмѣ къ Петру Кнафею, когда этотъ послѣдній, сдѣлавшись антіохійскимъ патріархомъ, внесъ въ Трисвятое: «распныйся за ны», Акакій сильно укоряетъ его во введеніи ереси, говоритъ, что онъ и собранный имъ соборъ пришли въ ужасъ, услышавши объ этомъ, затѣмъ, обличая Кнафея, излагаетъ вполнѣ православное ученіе о воплощеніи Сына Божія и ставитъ халкидонскій соборъ наряду съ тремя прежде него бывшими вселенскими соборами. Harduin. t. II. p. 841—845.

(3) Hergenrother, 1, p. 125. Allerdings war er (Acacius) nicht geradezu als Haretiker.

(4) См. выше, стр. 207. 211. 215.

Roma locuta est, res finita est, тѣмъ болѣе, что вопросъ въ настоящемъ случаѣ съ самаго начала былъ поставленъ, какъ вопросъ честолюбія. Независимое положеніе Рима отъ Константинополя и затруднительныя обстоятельства на востокѣ давали папамъ всѣ средства настоять на своемъ мнѣніи. Пусть Евѳимій и Македоній вполнѣ православны и пострадали за истинную вѣру; пусть энотиконъ былъ актомъ человѣколюбія и предпринятъ съ благими намѣреніями; пусть и Акакій—не еретикъ; пусть произойдутъ мятежи, убійства, пролитіе крови; пусть даже міръ погибнетъ, — лишь бы только не страдалъ „авторитетъ апостольскаго престола“! Та мрачная и неумолимо-эгоистическая система папства, которая впослѣдствіи опутала и заставила трепетать почти весь міръ, давала себя чувствовать съ самаго начала своего развитія, — показала міру, что она пользуется всякими затрудненіями противниковъ, чтобы только усилить себя (1).

---

(1) Выше (стр. 204—217) мы разсказали ходъ событій по дѣлу Акакія, какъ онъ представляется по сообщеніямъ восточныхъ писателей. Важно знать, для ясности дѣла, и западно-римскую точку зрѣнія. Она легко открывается изъ разсказа архидіакона Либерата. Правда, разсказъ его о дѣлѣ Акакія, какъ справедливо замѣтилъ еще Валезій, — въ своемъ разсужденіи: de duabus synodis Romanis, in quibus damnatus est Acacius, приложенномъ къ изданной имъ исторіи Евагрія, — исполненъ пропусковъ и неточностей (c. VI observavi, in Acaciauae historiae narratione Liberatum saepius hallucinari); но эти пропуски и неточности все-таки нисколько не уменьшаютъ общаго смысла разсказа, духъ и характеръ его остаются во всей силѣ.—Либератъ говоритъ (c 18), что Іоаннъ Талайя, низложенный съ своей каѳедры, «апеллировалъ» къ римскому епископу, «подобно тому, какъ это нѣкогда сдѣлалъ Аѳанасій александрійскій». Папа Симплицій принялъ его сторону и написалъ въ его пользу письмо къ Акакію константинопольскому. Получивъ это письмо отъ Симплиція, Акакій отвѣтилъ ему, что онъ не знаетъ Іоанна епископа александрійскаго; Petrum vero Moggum suscepisset in communionem, in Zenonis principis unitivo, *et quod hoc contra ejus* (т. е. Simplicii) *gessisset sententiam*, propter unitatem ecclesiarum, principis jussione. Получивши письмо отъ Акакія, Симплицій опечалился и отписалъ ему, что «онъ не хорошо дѣлаетъ, принимая въ общеніе человѣка отъ еретиковъ, вопреки мнѣнію апостоль-

Въ слѣдующемъ, 519 году, папа отправилъ въ Константинополь торжественное посольство, состоящее изъ двухъ епископовъ (Германа и Іоанна), одного

скаго престола» Акакій хотѣлъ-было отвѣтить Симплицію и на это его письмо, но Симплицій скоро умеръ, и на его мѣсто избранъ Феликсъ (II) Отъ новаго папы Талайя получилъ нолапское епископство въ Кампаніи, гдѣ онъ спустя много лѣтъ и умеръ (независимый патріархъ получаетъ отъ папы епископство и дѣлается отъ него зависимымъ, — это очень много значитъ для римской теоріи). Между тѣмъ Петръ Монгъ, вынуждаемый египетскими монахами-монофизитами, анаѳематствуетъ халкидонскій соборъ и посланіе папы Льва, тогда какъ предъ этимъ написалъ Акакію и Симплицію, что онъ принимаетъ св соборъ и потому вступаетъ съ ними въ общеніе Православные египтяне отдѣляются отъ него, идутъ въ Римъ и обо всемъ докладываютъ здѣсь папѣ По этому случаю Феликсъ пишетъ къ Акакію, но Акакій не восхотѣлъ его послушаться (obedire noluit). Мало того, посредствомъ новыхъ писемъ, отправленныхъ къ Феликсу, онъ «потребовалъ отъ апостольскаго престола», что если кто либо случайно прибѣгнетъ къ нему, то не долженъ быть принимаемъ, какъ достойный вниманія, а если кому либо уже оказано какое нибудь снисхожденіе, то оно должно быть отмѣнено (это требованіе, очевидно, основано на апостольскихъ и соборныхъ правилахъ, воспрещающихъ клирикамъ и монахамъ перебѣгать съ мѣста на мѣсто, а епископамъ—принимать клириковъ и монаховъ чужихъ епархій. См прр. 15 и 16 ник. 1-го всел. соб; 5 10 20 и 23 халк соб., и друг). Между тѣмъ общенія съ Монгомъ не прекращалъ, хотя этотъ послѣдній уже анаѳематствовалъ халкидонскій соборъ, исключилъ изъ диптиховъ имена православныхъ Протерія и Тимоѳея Салофакіала, вмѣсто нихъ вписалъ имена Діоскора и Тимоѳея Элура, и даже выкопалъ изъ земли кости православнаго Тимоѳея. Въ теченіе пяти лѣтъ (т. е. отъ 477 по 483 г.) папа увѣщевалъ Акакія «облегчить его заботу о состояніи александрійской церкви»; но ни однажды не удостоенъ былъ даже отвѣта Потому что, сколько писемъ онъ ни посылалъ къ Акакію или императору, рѣшительно отсюда ничего не выходило (византійскій дворъ, убѣдившись во враждебной настроенности папъ къ принятой мѣрѣ умиротворенія церквей и въ ихъ заносчивомъ и властительномъ тонѣ и образѣ дѣйствій, принятомъ къ востоку и доходящемъ до явнаго нарушенія церковныхъ правилъ, положилъ въ послѣднее время не допускать никакихъ писемъ изъ Рима, вносящихъ одну только смуту въ государство). Тогда онъ отправилъ въ Константинополь посольство Но императоръ и Акакій, частію угрозами и жестокимъ тюремнымъ заключеніемъ, а частію ласками и подарками, принудили его принять въ общеніе съ собою и Петра Монга Монахи поспѣшили донести объ этомъ папѣ, возвратились между тѣмъ и легаты Тогда вполнѣ открылось, что Акакій—еретикъ (Ubi ergo ad plenum de-

священника (Бланда) и двухъ діаконовъ (Феликса и Діоскора), снабженное письмами къ разнымъ лицамъ. инструкціями, полномочіями. Весь путь легатовъ по

---

textus est Acacius haereticus). Феликсъ отправилъ къ нему сильное укорительное посланіе (здѣсь Либератъ положительно разсказываетъ басню· отлученіе Акакія послѣдовало непосредственно послѣ прибытія легатовъ въ Римъ), когда же Акакій и этимъ посланіемъ пренебрегъ и продолжалъ находиться въ общеніи съ Монгомъ, то папа отлучилъ и низложилъ его, и актъ низложенія отослалъ чрезъ екдика Тута въ Константинополь. Такъ какъ Акакій не принялъ этой граматы, то одинъ монахъ изъ Акимитовъ прицѣпилъ ее къ мантіи Акакія въ то время, когда онъ входилъ въ алтарь для богослуженія. Императоръ сильно поддерживалъ Акакія и, не смотря на низложеніе «апостольскаго престола», онъ умеръ патріархомъ Актъ низложенія, произнесенный Феликсомъ, начинается такъ· Multarum transgressionum reperiris obnoxius, и заканчивается: Sublatum tibi nomen et munus ministerii sacerdotalis agnosce, Sancti Spiritus judicio et apostolica auctoritate damnatus, nunquamque anathematis vinculis exuendus (Harduin. t. II. p 831—832). Когда же впослѣдствіи восточные стали упрекать западныхъ, какъ же это такъ — никогда не будетъ разрѣшенъ отъ узъ анаѳемы, даже если бы и пересталъ быть въ общеніи съ еретиками?—папа Геласій даетъ на это такое разрѣшеніе: quod etiam in Acacii sententia racionabiliter intuendum est, in qua etiamsi ei dictum est· Nunquamque solvendus: non est adjectum tamen: etiam si resipueris; etiamsi ab errore discesseris; etiamsi praevaricator esse destiteris. Quapropter in aperto est, ita dictum: nunquam solvendus· sed talis scilicet, qualis est et ligatus. non autem talis effectus, qui sicut ligandus non erat, sic absolutus esse dicebatur. И спустя немного: Itaque ipse in se insolubilem fecit esse sententiam, qui talis permanere delegit, qualis veraciter non posset absolvi, etc. Давая подходящее объясненіе приговору своего предшественника, Геласій, очевидно, не допускаетъ, чтобы приговоръ могъ быть невѣренъ; что Акакій не виновенъ въ *преднамѣренномъ* общеніи съ еретиками, каковое общеніе только и можетъ быть вмѣнено въ преступленіе, и что папа могъ ошибиться· «апостольскій престолъ» не можетъ ошибаться.— Въ письмѣ къ епископамъ Дарданіи тотъ же папа Геласій говоритъ· sed Acacius non solum despexit satisfacere postulatis, verum etiam ipsam legationem sedis apostolicae blandimentis, praemiis, perjuriisque deceptam, quibus ei cum imperatore promisit, integram praesulis apostolici causam de omnibus esse servandam, Petri communione pollutam redire perfecit. При описаніи Акакіева дѣла западные историки обыкновенно держатся той точки зрѣнія, подъ угломъ которой писалъ архидіаконъ Либератъ и которая есть римская (см указанн разсуж Валез). Бароній прямо называетъ Акакія еретикомъ (an 519. n. LIII) Позднѣйшіе католическіе писатели не находятъ возможнымъ прямо называть Акакія еретикомъ, но,

европейскимъ провинціямъ Византіи въ буквальномъ смыслѣ можно назвать тріумфальнымъ шествіемъ. Навстрѣчу имъ выходили епископы, клирики и народъ;

чтобы соблюсти римскую точку зрѣнія, прибѣгаютъ къ разнаго рода околичностямъ. Такъ Гергенрётеръ, сказавши предварительно, что Акакій — не еретикъ, далѣе продолжаетъ разсуждать въ такомъ тонѣ. Sondern zunächst nur als Begünstiger der Häresie verdamt; aber sein ganzes Verfahren schien kaum anders als aus einer verdeckten Hinneigung zum Monophysitismus erklärt werden zu konnen und demnach hat er auch den Namen eines Haretikers verdient (1, p. 125—126). По нашему мнѣнію въ приведенныхъ словахъ нѣмецкаго ученаго заключается противорѣчіе, которое только и можетъ быть объяснено изъ его ультрамонтанской точки зрѣнія. Знакомство съ вопросомъ заставило автора признать Акакія не еретикомъ, каковымъ онъ и былъ, но Акакій осужденъ «апостольскимъ престоломъ», а этотъ престолъ погрѣшать не можетъ, вотъ—и придумываются обиняки, затемняющіе дѣло. Церковь осуждаетъ имѣющихъ общеніе съ еретиками; потому что это общеніе вытекаетъ изъ единства взглядовъ, вѣрованій, исповѣданія. Если—когда, то это приложимо по преимуществу ко временамъ Акакія Поэтому, если онъ—не еретикъ, то къ чему здѣсь непонятная и ничего не объясняющая «скрытая склонность къ ереси?» и насколько сообразна вся эта путаница словъ съ ходомъ дѣла?.... Что восточные писатели, іерархи и простой народъ, современники Акакія, не считали его еретикомъ, — это видно изъ всего доселѣ сказаннаго. Но нѣкоторые изъ послѣдующихъ византійцевъ, какъ напр, импер. Юстинъ и Юстиніанъ, Никифоръ, патріархъ константинопольскій, и Ефремъ, усвоили себѣ римскую точку зрѣнія на Акакія Что Юстинъ и Юстиніанъ въ своемъ позднѣйшемъ взглядѣ на Акакія находились подъ исключительнымъ вліяніемъ Рима,—это несомнѣнно открывается изъ сличенія ихъ первыхъ писаній съ послѣдующими. Въ письмахъ, написанныхъ ими до исключенія Акакія изъ диптиховъ, они не отзываются неуважительно объ Акакіѣ и смотрятъ на него вообще глазами тогдашнихъ византійцевъ, еще не находящихся въ общеніи съ римскимъ престоломъ. Но уже непосредственно послѣ заключенія уніи съ Римомъ замѣчается рѣзкая перемѣна въ ихъ взглядахъ на патріарха Акакія. Такъ уже въ первомъ письмѣ къ папѣ Ормиздѣ по заключеніи церковнаго единенія императоръ Юстинъ называетъ Акакія praevaricator (римское выраженіе. см. Migne. LXIII. col. 446), но здѣсь же прибавляетъ, что Акакій исключенъ изъ диптиховъ pro tenore libelli (папск исповѣданія вѣры) (ibid. col. 449). Равнымъ образомъ и Юстиніанъ ставитъ имя Акакія наравнѣ съ именами Петра Монга, Тимоѳея Элура, Діоскора и Петра Кнафея лишь въ письмахъ къ папѣ, написанныхъ послѣ заключенія уніи и притомъ съ цѣлію привлечь его къ содѣйствію въ дѣлѣ умиротворенія церквей востока (ibid col. 496. Слич. ibid. col. 427. 431). Въ «Исповѣданіи вѣры Юсти-

въ честь ихъ устроивали праздники и совершали торжественныя литургіи; епископы городовъ Авлона, Скампи (оба въ Иллиріи) и Лихнида (нынѣшней Ахриды) безпрекословно и заранѣе подписались подъ всѣми

піана противъ трехъ главъ» и въ его «Словѣ противъ Оригена» не обрѣтается имени Акакія, хотя упомянуты многіе еретики, между прочимъ: Евтихій, Діоскоръ, Тимоѳей Элуръ, Петръ Монгъ, Петръ Кнафей, Петръ апамейскій, Северъ и другіе (См Дѣян соб. Казань, т. V стр. 495, 508—553) Для уясненія взгляда византійцевъ на Акакія временъ Юстина и Юстиніана весьма важно письмо патріарха Епифанія къ Ормиздѣ. Убѣждая папу снизойдти къ желаніямъ восточныхъ христіанъ, согласиться на воспоминаніе въ диптихахъ Евоимія, Македонія и другихъ, онъ ни словомъ нарочито не упомянулъ объ осужденіи Акакія, хотя по смыслу рѣчи и долженъ былъ бы сдѣлать это Всю сущность дѣла относительно осужденія Акакія и другихъ, съ нимъ соприкосновенныхъ, лицъ онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ. quantam habuimus alacritatem nos quoque et pissimus et christianissimus imperator una cum fidelissima et omnibus bonis florente conjuge sua circa rectam et puram sanctarum ecclesiarum unitionem,. existimamus quidem et ante ex his quae acta sunt satisfactum vestrae beatitudini.... Quemadmodum per Dei gratiam et fidelissimorum principum nostrorum, Constantinopolitanae civitatis nostra Ecclesia pacifice est gubernata: et nomina eorum inter sacra non sunt recitata mysteria, quae sedi vestrae profana cognovimus (Migne, patr. curs. coml. ser. prima lat. t. LXIII col. 497—499) Никифоръ, патріархъ константинопольскій, называетъ Акакія еретикомъ (Chron. brev. ed. Bonn. p. 775: *Ἀκάκιος πρεσβύτερος καὶ ὀρφανοτρόφος αἱρετικός*) Но насколько имѣетъ цѣны его отзывъ объ Акакіѣ, можно видѣть изъ того, что онъ ничего подобнаго не говоритъ даже о Фравитѣ и Тимоѳеѣ константинопольскихъ,—тогда какъ извѣстно, что они завѣдомо сообщались съ еретиками,—а тѣмъ менѣе—о Евоиміѣ и Македоніѣ, хотя и они повинны были въ подписаніи энотикона, и они осуждены папами за одну вину съ Акакіемъ. Очевидно, жесткій взглядъ патріарха Никифора на Акакія обусловливается единственно тѣмъ, что Акакій, по его мнѣнію, былъ главною виною и источникомъ того зла, въ которомъ отчасти оказались виновными и всѣ послѣдующіе за нимъ патріархи. — Ефремъ выражается такъ (ed Bonn p. 390 v 9735—39) *Ἀκάκιος.., κάκιστος σέβας, κακῶς ἐπεισέφρησεν τῇ προεδρίᾳ, ὅστις τετάρτην σύνοδον σεβασμίαν τὸ γ'εἰς ἑαυτὸν ἀκηρὸν ψῆφος τάλας* Евоимія онъ называетъ «достойнымъ іерархіи», «мужемъ преподобнымъ и заступникомъ православныхъ» (ст. 9747 9751), а Македонія—«божественнымъ (*θεῖον*) Македоніемъ», тогда какъ и Евоимій, и Македоніи виновны почти въ томъ же, въ чемъ и Акакій,—въ подписаніи энотикона Явно, что оба означенные автора дѣлали свои отзывы о Акакіѣ безъ надлежащей критики Чтобы какой либо изъ соборовъ восточной церкви осудилъ Акакія,—мы не знаемъ.

папскими требованіями, не дожидаясь рѣшеній изъ Константинополя. Только ѳессалоникскій архіепископъ (извѣстный Дороѳей) съ своими епископами и клиромъ отказался принять ихъ, обѣщаясь, впрочемъ, подписаться подъ ними по возвращеніи легатовъ изъ Константинопополя въ Римъ. Въ Скампи встрѣтили легатовъ посланные навстрѣчу имъ къ предѣламъ даже самой Италіи государственные сановники Леонтій и Стефанъ. Когда же легаты приблизились къ Константинополю, то здѣсь вышли имъ на встрѣчу, на разстояніи десяти верстъ отъ города, знаменитѣйшіе члены государственнаго совѣта и сената: Виталіанъ. Помпей, Юстиніанъ, многіе другіе сенаторы, и вообще всѣ, ревновавшіе по вѣрѣ и жаждущіе мира и единенія церквей. Былъ второй день страстной седмицы. восхитительный по красотѣ весенней южной природы, печальный по воспоминаніямъ о страстяхъ Господнихъ. Встрѣча легатовъ превратила его въ торжественный праздничный день (1).

Кромѣ императора и патріарха, папа адресовалъ свои письма еще къ императрицѣ, Юстиніану, константинопольскому архидіакону Ѳеодосію и вообще ко всѣмъ православнымъ, къ Келлеру и другимъ знаменитѣйшимъ вельможамъ константинопольскаго правительства, къ ѳессалоникскому префекту преторіи и его сотоварищамъ по службѣ, наконецъ къ знаменитѣйшимъ женамъ, прославившимся въ предшествовавшее царствованіе защитою халкидонскихъ опредѣленій, Анастасіи и Палматіи, принадлежащимъ къ высшимъ аристократическимъ фамиліямъ. Весьма любопытно сравнить всѣ эти письма съ тѣмъ, что̀ доселѣ произошло на востокѣ: въ Константинополѣ, Сиріи, Палестинѣ и друг. мѣстахъ. Папа не допускаетъ, чтобы что̀-либо сдѣлано было для мира церквей. Онъ радуется только *напряженію* восточныхъ возстановить церковное

(1) См. донесен папск легатовъ у Баронія an 519. n XXXIV—XLIV, Migne, ser prim lat. t. LXIII. col. 445—446.

единеніе. Условія же мира и единства церквей, и начальный, исходный пунктъ ихъ ставитъ исключительно въ зависимость отъ римской каѳедры; а чтобы вѣрнѣе достигнуть своей цѣли, онъ отыскиваетъ, возбуждаетъ и всячески привлекаетъ къ себѣ всѣ, могущіе быть ему полезными, элементы на востокѣ. Такъ въ письмахъ къ императору, высказавъ свою безмѣрную радость о его намѣреніи положить конецъ гибельному раздору церквей, папа между прочимъ говоритъ: „никто не можетъ отрицать того, что вы, честность котораго сдѣлалась извѣстною всей вселенной, достойно заслужили верховную власть. Но мало принять лишь верховныя права для управленія, хотя бы по суду вселенной. Наиболѣе удивительно то, что имперія такъ приняла васъ, послѣ того какъ вы укрѣплены похвалами народа, что какъ будто бы то было божественное рѣшеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что украшеній толикой власти достигаютъ только тѣ избранные достопочитаемымъ опредѣленіемъ Божества, которыхъ украшаютъ несомнѣнныя доказательства чистой вѣры. Поистинѣ, скажемъ мы, къ вамъ относятся слова пророческаго Духа: *прежде неже мнѣ создати тя во чревѣ, познахъ тя* (Іерем. I, 5); *уничиженъ есть предъ нимъ лукавнуяй, боящыяжеся Господа славитъ* (Псал. XIV, 4); *воздвизаяй отъ земли нища, и отъ гноища возвышаяй убога*, чтобы *посадити его* не только *съ князи людей своихъ*, но и держать выше всѣхъ *на престолѣ славы* (Пс. CXII). Для сей славы, по непостижимому промыслу Верховнаго Величества о міропорядкѣ, послушаніе природѣ даровало васъ міру, честность прошедшей жизни поставила подъ охрану вѣры, а божественная милость возвела до верховной власти,— для того, то есть, чтобы раздѣлители Господня тѣла были наконецъ подавлены осуществленіемъ вашей вѣры, церковное согласіе сокрушило діавольскія препятствія и вселенная возрадовалась о единеніи. Небо вручило сіе дѣло спеціально религіи, вѣрѣ и вашей свѣтлости, которымъ, думаемъ, и возможно все, и позволяется все

выполнить. Итакъ, какъ вы положили сдѣлать,—потщитесь исполнить даръ принятаго дѣла, который возложило на васъ, какъ видите, высшее Провидѣніе. И подлинно прилично, чтобы миръ такъ состоялся при посредствѣ государя, какъ требуетъ почитаніе божества. Воздайте нашему Богу сіи приношенія принятой вами власти, чтобы чрезъ васъ могъ исполниться плодъ мира. Безъ сомнѣнія, что̀ бы ни было обнаружено (praestitum) такимъ дѣйствіемъ вашей души, отъ васъ будетъ зависѣть дальнѣйшее состояніе міра. Великò, достопочтеннѣйшій государь, и неоцѣнимо то, къ чему вы призваны судомъ Божіимъ: вотъ умножаются желанія жаждущихъ мира; недѣлимое общеніе церквей, насильственно разорванное, стонетъ въ теченіе долгаго времени; въ горѣ—разсѣянное братство, хотя воля его и витаетъ вокругъ разныхъ отеческихъ догматовъ. Итакъ препояшьте чресла силою вѣры; смотрите, какому Царю Божество призываетъ васъ слѣдовать, сколь велико то̀, что̀ оно намѣревается исполнить чрезъ васъ. Оно, дѣйствіемъ вашей славы, положило соединить тѣло досточтимой церкви, за которое Христосъ нашъ пролилъ свою собственную кровь въ страданіи. Нѣтъ ничего болѣе, чрезъ что̀ возсіяла бы вокругъ васъ благодать Верховнаго Величества, какъ если вашимъ дѣйствіемъ будетъ возстановлено тѣло церкви, основанное (formatum) искупительною кровію Господа". Всѣ дальнѣйшія увѣщанія и убѣжденія папы, обращенныя къ императору, составляютъ переворачиваніе тѣхъ же самыхъ мыслей.

Письма къ патріарху дышатъ болѣе покровительственнымъ тономъ; папа, очевидно, сознаетъ свое высокое положеніе и моцное значеніе въ церкви; потому онъ не льститъ патріарху, а внушаетъ ему, указываетъ путь, какъ онъ долженъ поступать, чтобы миръ былъ заключенъ. Онъ радуется извѣстію патріарха, что церковная дисциплина приняла въ восточныхъ странахъ свой обычный, установленный порядокъ; что халкидонскій соборъ считается вселенскимъ на

ряду съ прочими тремя вселенскими соборами, и что имя папы Льва великаго внесено въ диптихи,—привѣтствуетъ и желаніе церковнаго мира, выраженное патріархомъ „Желанія твои, которыми ты свидѣтельствуешь, что стремишься къ церковному согласію, всегда были нашими желаніями, и мы стремились къ тому не только движимые честолюбивою ихъ тенденціей, но еще просьбами. То, о чемъ мы говоримъ, подкрѣплено свидѣтельствомъ вашимъ и всего міра; потому что для возстановленія каѳолическаго единенія мы подчиняемъ свой авторитетъ непорочной по чистотѣ вѣрѣ“ (1). Но это имѣющее быть возстановленіе церковнаго порядка и желаніе мира папа и въ письмахъ къ патріарху исключительно приписываетъ императору. „Кто сомнѣвается, говоритъ онъ, что это есть прибавленіе къ побѣднымъ знакамъ досточтимаго государя? Кто сомнѣвается, что въ этой области онъ пріобрѣтаетъ высшій побѣдный знакъ чѣмъ въ какихъ бы то ни было сраженіяхъ? Слава сего труда не знаетъ увяданія (occasum); потому что, гдѣ Богъ правильно почитается, тамъ никогда не можетъ возрастать несправедливость враговъ“. „Мы думаемъ, что свѣтлѣйшій императоръ для того и избранъ божественнымъ Провидѣніемъ, чтобы чрезъ него состоялось столько лѣтъ желаемое возстановленіе церквей“. По отношенію же къ самому патріарху онъ находитъ нужнымъ послать только увѣщаніе слѣдовать „апостольскому престолу“. „Да преклонитъ, говоритъ папа, Божественное милосердіе ухо свое къ молитвамъ нашимъ, чтобы вы послѣдовали тому, что считаете желательнымъ, и возлюбили предлагаемое. Намъ предстоитъ единая забота о дѣлѣ, единая охрана: такъ желать мира, чтобы соблюдены были постановленія какъ религіи, такъ и досточтимыхъ отцевъ“. „Ты самъ знаешь, какимъ путемъ ты долженъ

(1) Quia ut catholicae unitatis reparatio fiat, auctoritatem nostram intemeratae fidei integritate submittimus.

войдти въ общество блаженнѣйшаго апостола Петра"? Для этого ничего не остается болѣе, какъ принять вѣру „апостольскаго престола", которую патріархъ самъ назвалъ своею вѣрою въ извѣстительномъ посланіи, отправленномъ къ папѣ (1). „Итакъ, заключаетъ папа, покажи собою примѣръ восточнымъ странамъ,— которому онѣ да послѣдуютъ,—чтобы похвала всѣхъ, имѣющихъ быть исправленными, была отнесена къ твоимъ трудамъ".

Вѣра „апостольскаго престола", подъ условіемъ принятія которой папа только и соглашался на примиреніе церквей, изложена была въ особой формулѣ (libellus), принесенной легатами вмѣстѣ съ папскими письмами на востокъ и долженствующей снова быть возвращенной въ Римъ за подписью патріарха, епископовъ и другихъ. „Первое спасеніе, гласитъ папская формула вѣры, заключается въ томъ, чтобы сохранять правило истинной (rectae) вѣры и никакимъ образомъ не уклоняться отъ преданія отцевъ; потому что не можетъ мимо идти (praetermitti) слово Госпо-

(1) Post haec quid restat, nisi ut sedis apostolicae, cujus fidem te dicis amplecti, sequaris etiam sine trepidatione judicia?—Здѣсь и въ предыдущихъ словахъ, очевидно, заключается искаженіе мыслей патріарха Іоанна, переворачиваніе его словъ на римскій манеръ. Патріархъ Іоаннъ писалъ, что вѣра константинопольскаго и римскаго престоловъ—одна Это есть вѣра Петра, Павла и всѣхъ прочихъ апостоловъ, это есть вѣра всѣхъ православныхъ христіанъ. Самъ апостолъ Петръ потому только и не былъ исключенъ изъ общества апостоловъ и вѣрующихъ, что содержалъ эту вѣру, подчинялся ей. Слѣдовательно, когда патріархъ писалъ, что вѣра Рима и Константинополя одна, то писалъ это не потому, чтобы вѣра константинопольской каѳедры была вѣрою, проистекающею отъ «апостольскаго престола», а потому, что «апостольскій престолъ» хранитъ туже самую вѣру, которую исповѣдуетъ и считаетъ единственно истинной и константинопольскій престолъ, которую возвѣстили апостолы и утвердили вселенскіе соборы. Римская и константинопольская каѳедры, какъ каѳедры епископовъ, равны и составляютъ въ сущности одну каѳедру, по единству хранимой ими вѣры, къ которой обѣ онѣ находятся въ совершенно одинаковомъ отношеніи Очевидно, папа произвольно влагаетъ въ мысли патріарха римскую тенденцію съ цѣлію какъ бы нравственно заставить его поступать поримски въ возбужденномъ вопросѣ, насильственно дать всему дѣлу римскую окраску.

да нашего Іисуса Христа, говорящаго: *ты еси Петръ, и на семъ камни созижду церковь мою* (Мѳ. XVI, 18). Сіи словеса подтверждаются совершеніемъ событій: потому что апостольскій престолъ всегда хранитъ каѳолическую религію ненарушимою. Итакъ мы, желая не отпадать отъ сей вѣры и во всемъ слѣдуя установленіямъ отцевъ, анаѳематствуемъ всѣ ереси (слѣдуютъ перечисленія еретиковъ: Несторія, Евтихія, Діоскора, Тимоѳея Элура и Петра Монга). Подобнымъ образомъ анаѳематствуемъ — Акакія, нѣкогда епископа города Константинополя, сдѣлавшагося послѣдователемъ тѣхъ и соучастникомъ, и всѣхъ пребывающихъ въ общеніи съ ними и въ участіи. Ибо кто принимаетъ общеніе съ ними, тотъ подвергается и одинаковому съ ними суду въ осужденіи, (т. е. Фравита, Евѳимій, Македоній и Тимоѳей, патріархи константинтинопольскіе). Осуждая подобнымъ образомъ и Петра антіохійскаго, анаѳематствуемъ (его) со всѣми его послѣдователями и со всѣмъ его (ученіемъ). Откуда одобряемъ и принимаемъ всѣ посланія блаженнаго Льва, папы города Рима, которыя онъ написалъ о правой вѣрѣ. Посему, какъ мы выше сказали, слѣдуя во всемъ апостольскому престолу, мы и исповѣдуемъ (praedicamus) все имъ установленное, и кромѣ того надѣюсь, что я пребуду съ вами въ томъ единомъ общеніи, которое проповѣдуетъ апостольскій престолъ, сохраняющій цѣлость христіанской религіи чистою и совершенною. Обѣщаясь на послѣдующее время не сообщаться съ отлученными отъ общенія каѳолической церкви, т. е. съ несоглашающимися во всемъ съ апостольскимъ престоломъ, мы обѣщаемся не воспоминать имена ихъ при священнодѣйствіяхъ. Если же когда либо попытаюсь усомниться въ чемъ изъ моего исповѣданія, то исповѣдую, что я, чрезъ собственное осужденіе, становлюсь соучастникомъ тѣхъ, которыхъ осудилъ".

Письма къ остальнымъ изъ вышеупомянутыхъ знаменитыхъ лицъ восточно-римской имперіи преслѣ-

дуютъ туже самую цѣль — побудить ихъ содѣйствовать возстановленію церковнаго единства. Сообразно съ достоинствомъ и положеніемъ каждаго лица папа старается возбудить и наиболѣе чувствительныя его струны.

Инструкція, врученная легатамъ, насквозь проникнута крайней исключительностію, не столько религіозною, сколько эгоистическо—политическою. „Когда, предписываетъ эта инструкція, по милости Божіей, вы придете въ восточныя страны, то, если какіе епископы выйдутъ къ вамъ навстрѣчу и захотятъ вамъ предложить подписанную ими формулу вѣры (libellum), содержаніе которой вы (отъ меня) получили, примите ихъ и даруйте имъ участіе въ святомъ общеніи. Если же вышедшіе къ вамъ навстрѣчу епископы не захотятъ засвидѣтельствовать свое исповѣданіе указаннымъ выше порядкомъ, то вы хотя и будете обходиться съ ними, какъ съ находящимися въ священническомъ званіи, но да не будетъ у васъ съ ними никакого общенія въ столѣ и не дерзайте принимать отъ нихъ даже жизненныхъ припасовъ, за исключеніемъ только подвоза (subvectionem), если потребуетъ нужда, и медикаментовъ, дабы не подумали, что они надменно совсѣмъ презираются. Когда же, при помощи Божіей, пріидете въ Константинополь, то остановитесь въ томъ домѣ, который укажетъ императоръ, и до тѣхъ поръ не дозволяйте никого допускать изъ приходящихъ оказать вамъ привѣтствіе, пока не увидите самого государя, за исключеніемъ (впрочемъ) тѣхъ, которыхъ пришлетъ императоръ, или о которыхъ узнаете, что они находятся въ общеніи съ нами. Когда же представитесь къ императору, то, привѣтствуя, вручите ему наши письма, внушивъ при этомъ, что мы сильно возрадовались избранію его на царство, и особенно привѣтствуемъ то, что всемогущій Богъ воздвигъ его, судя по священнымъ его граматамъ, для того, чтобы и миръ, и единство церквей, желанные въ сіи времена, совершились, по дѣйствію Божію и

при содѣйствіи его власти, по тѣмъ правиламъ, которыя установлены первосвященниками апостольскаго престола. Если кто будетъ увѣщевать васъ, чтобы вы повидѣлись съ константинопольскимъ епископомъ,— объявите, что вы имѣете предписанія, которыя еще не разъ должны быть ими разсмотрѣны, относительно того, какое исповѣданіе слѣдуетъ произносить (celebrari) всѣмъ епископамъ, принимающимъ кѳѳолическое общеніе. Если константинопольскій епископъ готовъ исполнить это, мы привѣтствуя встрѣтимъ его; еслиже онъ презритъ послѣдовать увѣщанію апостольскаго престола, то какая нужда обращать намъ свое привѣтствіе въ случай для спора. когда намъ не дано никакого порученія спорить или вести пренія? Если же императоръ захочетъ узнать. что это такое, исполненія чего вы требуете отъ епископа, то покажите формулу исповѣданія вѣры (libellum), которую вы носите. Если, соглашаясь на анаѳематствованіе Акакія, онъ скажетъ, что преемники послѣдняго должны быть упоминаемы въ диптихахъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ, именно: Евѳимій и Македоній, были сосланы въ ссылку за защиту халкидонскаго собора, то внушите, что вы ничего не можете выпустить изъ формы исповѣданія, въ которой одинаково содержится осужденіе и послѣдователей осужденныхъ. Но если вы не можете отклонить ихъ отъ этого намѣренія, покрайней мѣрѣ добейтесь того, чтобы чрезъ исповѣданіе вѣры. которое мы дали вамъ, спеціально былъ анаѳематствованъ Акакій; имена его преемниковъ пусть будутъ умолчаны, и (ограничьтесь лишь тѣмъ) чтобы они были вычеркнуты изъ диптиховъ. Когда это будетъ сдѣлано, то примите константинопольскаго епископа въ свое общеніе. Исповѣданіе же вѣры (libellus) епископа константинопольскаго, или иныхъ, кого вы примете въ общеніе, должно быть прочитано въ присутствіи народа. Если же этого нельзя будетъ сдѣлать, то, по крайней мѣрѣ, пусть будетъ прочитано въ тайной комнатѣ (in secretario) въ присутствіи клириковъ и архимандритовъ". Въ заключеніе

папа предписывалъ легатамъ, чтобы, по совершеніи всего вышеозначеннаго, они попросили императора извѣстить всѣхъ митрополитовъ и епископовъ константинопольскаго патріархата посредствомъ особыхъ граматъ, что епископъ константинопольскій, ради своего согласія принять исповѣданіе вѣры, которое предписалъ апостольскій престолъ (quam sedes apostolica destinavit), принятъ въ единство общенія, и вмѣстѣ съ этимъ — посовѣтовать, посредствомъ тѣхъ же самыхъ граматъ, и имъ тоже самое сдѣлать. Если же императоръ почему либо найдетъ для себя затруднительнымъ это сдѣлать, то пусть епископъ константинопольскій извѣститъ своихъ епархіальныхъ митрополитовъ и епископовъ о томъ, что онъ самъ же сдѣлалъ, чтобы такимъ образомъ совершившійся фактъ единенія ни отъ кого не могъ скрываться, даже отъ находящихся въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ (1).

Итакъ, вездѣ и повсюду на первомъ планѣ „авторитетъ апостольскаго престола“, а потомъ уже исповѣданіе чистой, правой вѣры. Вѣра является чистою и правою лишь потолику, поколику она исходитъ отъ „апостольскаго престола“ и имъ опредѣляется. Въ этомъ смыслѣ существуетъ одна только церковная власть въ мірѣ—„апостольскій престолъ“. Всѣ прочіе епископы, митрополиты и патріархи вселенской церкви обязаны безпрекословно слушаться и исполнять велѣнія этого престола. Сама гражданская власть установлена Богомъ въ общемъ порядкѣ міра, только какъ посредствующая ступень для проведенія велѣній Божества въ человѣческомъ родѣ, насколько они опредѣляются и санкціонируются „авторитетомъ апостольскаго престола“. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ указанныя основныя положенія папско-ультрамонтанской теоріи сильно просвѣчиваютъ въ приведенныхъ документахъ; нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что сама римская курія сознавала насто-

(1) Документы см. у Баронія, an 518 n. LXXVII—LXXXI; an 519. n. III—XXXII; L—LII. Также Migne. patr. curs compl. ser lat. prim. t. LXIII. col 427—445; Harduin. t. II col. 1017.

яцій смыслъ ихъ и значеніе. Но нельзя сказать, чтобы тогдашній востокъ могъ уразумѣть истинный смыслъ папской теоріи и предвидѣть всѣ ея гибельныя историческія послѣдствія, тѣмъ болѣе, что въ самомъ Римѣ она переживала теперь только первыя стадіи своего развитія, нуждалась еще въ массѣ подложныхъ документовъ, которые даровали бы ей историческую и каноническую санкцію,—требовала предварительнаго обращенія къ христіанству, по свойственной ей формулѣ, цѣлыхъ народовъ, чтобы проявлять себя въ мірѣ съ силою и властію. Во всѣхъ папскихъ письмахъ ревность по чистотѣ вѣры такъ тѣсно перепутывалась съ ревностію по „авторитетѣ апостольскаго престола“, что, при запутанности тогдашнихъ обстоятельствъ, трудно было отдѣлить одно отъ другаго. Самое бо̀льшее, что̀ пока могло усмотрѣть *тогдашнее* византійское правительство въ указаніяхъ папы на „авторитетъ апостольскаго престола, всегда сохранявшаго вѣру правою и чистою“, это — кичливость *независимаго* отъ него епископа, гордаго тѣмъ, что онъ, по обстоятельствамъ, неуклонно держался халкидонскихъ опредѣленій, и стремящагося въ настоящій разъ, вслѣдствіе благопріятнаго стеченія обстоятельствъ, возвысить свой авторитетъ на счетъ другихъ. Понятно, что и государственный, и церковный интересъ востока требовалъ проходить молчаніемъ эту кичливость запада и имѣть въ виду одну только чистоту его вѣры, объединяющей его съ восточной церковію. Обстоятельства были таковы: съ открытымъ исповѣданіемъ халкидонскихъ опредѣленій вѣра восточной церкви стала тожественной съ вѣрою римской церкви. Всѣ горячіе ревнители халкидонскаго собора, которыхъ было не мало, уже прежде вступили въ общеніе съ римскимъ престоломъ и привыкли смотрѣть на него, какъ на одного изъ сильныхъ борцевъ истинной вѣры. Могущественный Виталіанъ, а вмѣстѣ съ нимъ и другія, сильныя авторитетомъ и значеніемъ въ государствѣ, лица крѣпко настаивали

на заключеніи церковнаго мира съ Римомъ (1). Что Акакій, намѣренно или ненамѣренно, вступалъ въ общеніе съ еретиками, это, какъ выяснившійся фактъ, не могло быть оспариваемо. Поэтому, если бы византійское правительство, подмѣтивъ властолюбивыя притязанія папы, выставило ему на видъ эту нехристіанскую черту, то онъ легко могъ бы сказать, что онъ руководствуется въ своихъ поступкахъ вовсе не самолюбіемъ, а одною лишь ревностію по чистотѣ вѣры, что дѣйствительно и сдѣлалъ Ормизда въ нѣкоторыхъ изъ своихъ писемъ, какъ бы предвидя подобное возраженіе византійцевъ (2). Возбужденіе вопроса самолюбія, безспорно, повело бы къ увѣковѣченію раскола и усиленію церковной смуты, между тѣмъ какъ, возстановляя миръ съ римскою церковію, правительство надѣялось пріобрѣсти въ ней сильнаго союзника въ борьбѣ съ еретиками. Такимъ образомъ оставалось мириться съ Римомъ и отыскивать приличный modus vivendi.

По прибытіи въ Константинополь, легаты повели себя именно такъ, какъ было имъ предписано: они заняли отведенное имъ помѣщеніе и на первый разъ никого не допускали къ себѣ. На слѣдующій день отправились во дворецъ для представленія императору и вручили ему папскія письма. При этомъ собрался весь сенатъ, въ рядахъ котораго находились еще четыре епископа, представлявшіе собою лице константинопольскаго патріарха. Принявъ письма, императоръ сказалъ легатамъ: „вотъ вы видите предъ собою епископа сего города; сговоритесь съ нимъ о дѣлѣ мирнымъ порядкомъ". Легаты возразили, что они пришли сюда вовсе не для того, чтобы спорить, да и не имѣютъ такого порученія отъ папы; но что имъ вру-

(1) Theoph. Chron p. 254—255; Cedrenus, I, p. 637; Baron an. 519 n. LXVIII; Harduin, t. II col. 1031—1035.

(2) Напр ep 28. см Baron an. 519. n. XVIII. Сличи. ep. 75. ibid. an. 521. n VII—XIV

чена формула исповѣданія вѣры (libellus), которую должны подписать всѣ епископы, желающіе вступить въ общеніе съ „апостольскимъ престоломъ“. Пусть государь повелитъ прочитать это исповѣданіе, и если что̀ покажется въ немъ возбуждающимъ сомнѣніе или невѣрнымъ, тогда они покажутъ, что въ этомъ исповѣданіи ничего нѣтъ невѣрнаго, ничего противнаго суду церкви. По знаку государя папское исповѣданіе вѣры прочитано было. Легаты тотчасъ же присовокупили: „пусть скажутъ присутствующіе здѣсь четыре епископа, представляющіе собою лице константинопольскаго епископа, согласно ли прочитанное исповѣданіе съ церковными дѣяніями, или совершенно несогласно“? Можно представить себѣ, какую плачевную физіономію должны были изобразить епископы; но тѣмъ не менѣе они отвѣтили: „все справедливо“. Легаты выразили свою радость на такой отвѣтъ, а императоръ присовокупилъ, обращаясь къ епископамъ: „если справедливо, почему не подписываетесь“? Подобнымъ же образомъ сказали и нѣкоторые изъ сенаторовъ: „мы міряне; скажите, что это истинно; подпишитесь, и мы послѣдуемъ вамъ“. Епископы не подписались.

На слѣдующій день легаты вступили въ личныя сношенія съ самимъ патріархомъ. Когда онъ прочиталъ папское исповѣданіе вѣры, онъ изумился гордому и заносчивому его тону. Онъ возразилъ, что подобнаго рода исповѣданія даются только падшимъ; что въ такой формѣ оно никакъ не можетъ быть принято, и что гораздо лучше, приличнѣе и сообразнѣе съ дѣломъ дать ему форму письма, или посланія. Легаты возразили, что они ни единаго слова не могутъ выпустить или измѣнить изъ врученнаго имъ исповѣданія вѣры. Такимъ образомъ, или миръ подъ условіемъ полной покорности, или—безпрерывная война. Свѣтскіе чины посмотрѣли на предметъ разногласія, какъ исключительно предметъ самолюбія духовныхъ, которымъ (самолюбіемъ) отчасти можно и поступиться. Патріархъ Іоаннъ согласился принять папское исповѣда-

ніе, но только подъ условіемъ присовокупленія къ нему умѣреннаго предисловія, которое сочинитъ онъ самъ. Легаты согласились. Патріархъ написалъ: „Господину моему, всесвятѣйшему и блаженнѣйшему брату и сослуживцу Ормиздѣ епископъ Іоаннъ во Господѣ радоватися".—„По врученіи мнѣ посланій вашего святѣйшества, возлюбленнѣйшій во Христѣ братъ, чрезъ свѣтлѣйшаго князя Грата, и достопочтеннѣйшихъ, нынѣ епископовъ, Германа и Іоанна, святѣйшихъ діаконовъ Феликса и Діоскора, и пресвитера Вланда, я возрадовался о духовной радости вашего святѣйшества, что ты ищешь единенія святѣйшихъ Божіихъ церквей по древнему преданію отцевъ и духомъ стараешься изгнать терзателей разумнаго Христова стада. Итакъ, знайте навѣрное, всесвятѣйшій, что, мысля единое съ тобою въ истинѣ по тому, что̀ я писалъ вамъ, я и отвергаю, изъ любви къ миру, всѣхъ, отвергнутыхъ тобою, еретиковъ. Ибо я принимаю, что святѣйшія Божіи церкви, т. е. вашего древняго и сего новаго Рима, составляютъ одну церковь,— опредѣляю, что оная каѳедра апостола Петра и сего священнаго града есть одна каѳедра. Я соглашаюсь на все, что̀ постановлено оными четырьмя святыми соборами, т. е. никейскимъ, константинопольскимъ, ефесскимъ и халкидонскимъ, о утвержденіи вѣры и состояніи церкви, и не потерплю, чтобы что-либо поколеблено было изъ того, что̀ хорошо рѣшено; усиливающихся или старающихъ поколебать даже одно изъ священныхъ (apicem) рѣшеній я признаю отпадшими отъ святой Божіей вселенской и апостольской церкви, и, явно присоединялсь къ твоимъ, правильно сказаннымъ (recte dictis), словамъ, говорю чрезъ предлагаемое писаніе сіе". Далѣе слѣдуетъ папское исповѣданіе вѣры. Такимъ образомъ, оба теченія, восточное и западное, остались нетронутыми; не отвергая прямо папскаго исповѣданія, патріархъ приложилъ къ нему свое, восточное исповѣданіе, принимая изъ папскаго только то, что̀ правильно въ немъ сказано. Единеніе

церквей, очевидно, могло состояться лишь механическое; найденъ только modus vivendi. Предисловіе патріарха было написано погречески и полатински и вмѣстѣ съ подписаннымъ папскимъ исповѣданіемъ отослано къ папѣ. Немедленно же имена Акакія и его преемниковъ: Фравиты, Евѳимія, Македонія и Тимоѳея, а также императоровъ: Зенона и Анастасія, были вычеркнуты изъ диптиховъ. Легаты настаивали, чтобы это было сдѣлано не только въ одной той церкви, въ которой предстоятельствуетъ самъ патріархъ, но и во всѣхъ прочихъ церквахъ имперіи. Епископы, какіе находились въ Константинополѣ, и архимандриты отказались-было подписаться подъ папскимъ исповѣданіемъ, говоря, что достаточно одной подписи патріарха. Но легаты объявили, что они никого не допустятъ до общенія съ собою, кто не подпишется подъ папскимъ исповѣданіемъ. Послѣдовали жаркіе споры. Наконецъ, легаты добились-таки того, что и епископы, и архимандриты подписались. 27 марта, въ день свѣтлаго Воскресенія, всѣ отправились въ Великую церковь. Стеченіе народа было громадное. Всеобщая радость была столь велика, что, по выраженію папскихъ легатовъ, ее никакъ нельзя описать перомъ. Константинопольскіе клирики увѣряли, что они не запомнятъ, чтобы когда либо было такое множество пріобщающихся. Папскіе же легаты замѣтили, что, вопреки предреченію враговъ церковнаго единенія, не послѣдовало ни бунта, ни пролитія крови, ни всенароднаго возстанія. Всѣ радовались заключенію давно желаннаго мира (1).

Объ обстоятельствахъ заключенія церковнаго мира императоръ, патріархъ, Юстиніанъ, Помпей и другія, наиболѣе важныя и авторитетныя, лица написали папѣ письма, каждый—сообразно своему достоинству, званію и положенію. Замѣчательная черта во

(1) Baron. an. 519. n. XLV—XLIX; LIII—LVI; Migne, patr. curs. compl. t. LXIII. col. 443—444, 447—448.

всѣхъ этихъ письмахъ, рѣзко выдающаяся по ихъ сравненію съ папскими письмами, инструкціями, формулами вѣры.—та, что въ нихъ даже ни словомъ не упомянуто объ „авторитетѣ апостольскаго престола“, составляющемъ центръ тяжести всѣхъ папскихъ изреченій. Императоръ писалъ, что всѣ, кого освѣтила блистающая молнія истины, весьма охотно и скоро поспѣшили къ принятію обѣтовъ столько же римской, какъ и константинопольской каѳедры. Всѣ они послѣдовали святѣйшимъ опредѣленіямъ отцевъ, испытаннѣйшимъ законамъ и совѣтамъ тѣхъ, которые держались правой стези. для того, чтобы этимъ путемъ войдти въ единство нераздѣльной Троицы, которую всѣ они чтутъ единствомъ умовъ. Далѣе императоръ извѣщалъ, что „измѣнникъ“ (praevaricator) Акакій и другіе священники, или поступавшіе вопреки апостольскихъ установленій, или же сдѣлавшіеся наслѣдниками заблужденія и умершіе безъ покаянія въ немъ, на будущее время, ради принятія „исповѣданія“ (libelli), не будутъ воспоминаемы при священнодѣйствіяхъ, и что обо всемъ, совершившемся въ Константинополѣ, извѣщены и прочія области имперіи, дабы и они послѣдовали примѣру столицы. Такая забота о мирѣ церквей есть со стороны императора не болѣе, какъ воздаяніе Верховному Существу за миръ, дарованный Имъ республикѣ, и за ту высшую помощь, при посредствѣ которой подданные имперіи достигли соглашенія. Письмо патріарха написано совершенно въ духѣ его прежнихъ писемъ къ папѣ и предисловія, присовокупленнаго къ папскому исповѣданію. *Кто возглаголетъ силы Господни?*—спрашиваетъ патріархъ словами пророка,—*слышаны сотворитъ вся хвалы Его* во всѣ времена (Пс. CV, 2)? Вотъ Онъ воздвигъ римской республикѣ такого благочестиваго государя, въ какомъ за много прежде и каѳолическая церковь нуждалась, и жаждалъ видѣть весь человѣческій родъ. Слава этого государя велика; потому что царство его весьма мудро пріуготовило единеніе святѣйшимъ цер-

квамъ, соединило разсѣянное и даровало миръ міру. Затѣмъ патріархъ проситъ папу возрадоваться радостію о Господѣ, приличною его святѣйшеству; потому что раздѣленное соединилось, разсѣянное собрано и что̀ прежде было далеко, теперь стало близко и одно; обѣ церкви, какъ древняго, такъ и новаго Рима, составляютъ одну церковь, одинъ престолъ, одно нераздѣльное единство, по единству общей вѣры, по цѣлости единой мысли. Въ заключеніе патріархъ выразилъ папѣ благодарность за то, что онъ прислалъ, по его просьбѣ, мужей миролюбивыхъ, достойныхъ апостольскаго престола, соблюдающихъ правило отцевъ неслитно и хранящихъ нераздѣльную вѣру (1).

Безмѣрна была радость римлянъ, когда папа возвѣстилъ имъ о заключеніи церковнаго мира, по полученіи писемъ императора и патріарха; только трудно опредѣлить, чему больше радовались въ Римѣ: заключенію ли мира, какъ высшаго блага церкви, или же торжеству надъ врагомъ, потому что осужденъ Акакій, униженъ востокъ, древній Римъ восторжествовалъ надъ новымъ, удовлетворилъ своему самолюбію?—Судя по всему ходу дѣла и по описанію католическихъ писателей, радость римлянъ была радостію честолюбцевъ, одержавшихъ побѣду, радостію плотскою, грѣховною, а не евангельскою, не радостію чистыхъ христіанскихъ душъ, торжествующихъ побѣду истины, откуда бы она ни исходила (2). Папа по-

(1) Baron. an. 519. n LVII—LXX, Migne, t. LXIII col. 448—450

(2) Барони (an 519. n. LXXII) говоритъ: perjucunde in primis auditum, damnatum esse nomen Acacii, cujus causa omnes scirent tot praedecessores Romanos pontifices desudasse... Visa est tunc Roma de superata Orientalium perfidia triumphasse, et cum premeretur a Gothis, de duobus tamen impiis imperatoribus, Zenone videlicet et Anastasio penitus debellatis et extinctis, atque cum execratione ignominiose sepultis, gloriosa erexisse trophaea. Sensit nova tunc Roma miracula, majore videlicet sine armis se praestare potentia, et posse imperare captivam, et sub hostium jugo positam leges praescribere imperatoribus, atque licet subjectam, exigere ab orbe tributum longe praestantius auro, nempe fidem rebellesque ducere captivos

спѣшилъ отвѣтить императору очень ласкательнымъ письмомъ, въ которомъ между прочимъ просилъ его искоренить всѣ оставшіяся ереси на востокѣ. „Устройте такъ, писалъ онъ по этому вопросу, чтобы совсѣмъ не обрѣталось никакого убѣжища, изъ котораго снова явился бы жесточайшій врагъ; отнимите у него всѣ средства, и если что гдѣ либо осталось отъ его слѣдовъ, все это очистьте кроткимъ способомъ; да совершенно истребится всякій отпрыскъ неправды..., чтобы не совсѣмъ подавленный (чего да не будетъ) корень неправды опять еще шире не распространилъ ядовитыхъ вѣтвей. Къ чему это? Потому что въ васъ доселѣ нуждается исправленіе александрійской, антіохійской и иныхъ церквей, которое никоимъ образомъ не должно быть пренебрегаемо. Если ваша милость окажетъ имъ свое попеченіе, то, думаемъ, существуетъ надежда, что при какомъ содѣйствіи начато все благое, съ тою же помощью скоро и окончено будетъ (1).

Кардиналъ діаконъ римской церкви, Рустикъ, утверждаетъ въ своемъ полемическомъ сочиненіи противъ акефаловъ, написанномъ около 549 года, что подъ папскимъ исповѣданіемъ вѣры (libellus), какъ условіемъ единенія церквей, подписалось около двухъ съ половиною тысячъ епископовъ (2). Нѣтъ основанія

---

hominum animos in obsequium veritatis. Подобнымъ же образомъ разсуждаютъ Каммель (Kammel), Гергенретеръ и другіе· und so hatte Rom, das unter einem arianischem Herscher stehende Rom, durch seine starre Consequenz einen so glanzenden Sieg errungen, dass die gesammte Kirche mehr als jemals seiner Leitung sich hingeben zu mussen schien (Hergenröther, 1, p. 149). Очевидно, католическіе писатели не иначе могутъ смотрѣть на историческія событія, какъ подъ угломъ римской куріи. Насколько правды въ ихъ воззрѣніяхъ, согласія съ дѣйствительнымъ ходомъ событій?—предоставляемъ судить читателю Несомнѣнно одно, что вездѣ просвѣчиваетъ самолюбіе все де хорошее въ мірѣ совершается по нашему.

(1) Baron. an. 549 n. LXX—LXXVI, Migne, t. LXIII, ep XLIV.

(2) Rustici contra acephalos disputatio, Galland. t. XII. p. 75: per libellos sacerdotum forsan duorum millium et quingentorum, imperante Justino.

заподозрѣвать это извѣстіе. Но нельзя при этомъ не замѣтить, что какъ вышеозначенныя показанія папскихъ легатовъ о мирномъ, безъ пролитія крови и возмущеній, и радостномъ принятіи церковнаго единенія, такъ и это свидѣтельство Рустика, очевидно, гармонирующее съ показаніями папскихъ легатовъ, нужно принимать весьма условно и съ большими ограниченіями;—въ дѣйсвительности не такъ мирно пошло дѣло, какъ можно судить о томъ по донесеніямъ папскихъ легатовъ.

Выше замѣчено было, что Дороѳей ѳессалоникскій съ своимъ клиромъ обѣщался принять папское исповѣданіе вѣры послѣ того, какъ оно будетъ одобрено и принято въ Константинополѣ. Легаты съ своей стороны обѣщались немедленно извѣстить ѳессалоникскій клиръ, какъ только миръ церквей заключенъ будетъ. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано: послѣ того какъ патріархъ, пребывающіе въ Константинополѣ епископы, сенатъ, клиръ и народъ, послѣ не незначительныхъ споровъ и подъ ограниченіями, требуемыми существомъ дѣла, наконецъ, согласились принять папское „исповѣданіе“ и торжественно провозгласили заключеніе мира и единенія въ Великой церкви, папскіе легаты порѣшили извѣстить о томъ, чрезъ особое посольство, и ѳессалоникскую церковь. Исполненіе этого дѣла, по общему рѣшенію, возложено было на папскаго легата, епископа Іоанна, сопутствовать которому, во исполненіе общаго желанія, согласились одинъ епископъ и одинъ пресвитеръ константинопольскаго патріархата, и кромѣ того еще начальникъ одного изъ отрядовъ дворцевой стражи, Ликиній, прикомандированный къ этой миссіи по особому распоряженію императора. Ликиній спутешествовалъ въ Ѳессалонику предварительно, собралъ здѣсь епархіальный синодъ и, отобравъ отъ него голоса въ пользу принятія папскаго исповѣданія, возвратился въ Константинополь. Послѣ того двинулось въ Ѳессало-

нику и означенное посольство, съ папскимъ легатомъ во главѣ, въ сопровожденіи Ликинія и достаточнаго числа прислуги. Между тѣмъ Дороѳей старался распространить въ народѣ мысль, что правая вѣра видоизмѣнена, и за два дня до прибытія посольства крестилъ около 2000 народу, чтобы тѣмъ рѣзче отдѣлить его отъ принимающихъ папское исповѣданіе. Когда посольство прибыло въ Ѳессалонику, Дороѳей послалъ къ нему для переговоровъ пресвитера Аристида съ двумя другими, единомысленными себѣ, епископами. Представители ѳессалоникской церкви замѣтили посольству, что не всѣ пункты въ папскомъ исповѣданіи могутъ быть приняты, но что нѣкоторые изъ нихъ требуютъ измѣненія. Посольство отвѣтило, что не въ его власти сдѣлать это; что если примутъ „исповѣданіе“,—благодареніе Богу, если же—нѣтъ, оно возвратится въ Константинополь. Послѣ этого разошлись. На слѣдующій день представители ѳессалоникской церкви снова явились къ посольству и повели туже самую рѣчь. Но при самомъ же началѣ переговоровъ, чернь, собравшаяся вокругъ дома посольства, подняла знамя бунта. Двое изъ сопровождавшихъ посольство были убиты; убитъ былъ и хозяинъ того дома, въ которомъ посольство остановилось, какъ оказавшій ему гостепріимство и, слѣдовательно, его сторонникъ. Самому папскому легату Іоанну проломили въ двухъ мѣстахъ голову, одежду на немъ разорвали и только поспѣшное бѣгство въ базилику св. Марка и уваженіе, питаемое народомъ къ этому святилищу, спасли его отъ явной смерти. Послѣ этого Дороѳей публично предъ всѣмъ народомъ разорвалъ папское исповѣданіе, сказавъ при этомъ: „я не подпишусь подъ этимъ исповѣданіемъ, даже если бы пришлось потерпѣть смерть; да и другимъ не совѣтую принимать его“. Скоро вѣсть обо всемъ этомъ дошла до Константинополя. Папскіе легаты, здѣсь оставшіеся, объявили императору, что Дороѳей „никакимъ образомъ не можетъ быть причисляемъ къ еписко-

намъ и находиться въ общеніи съ апостольскимъ престоломъ", и что тѣ, которые, вопреки этому требованію, вступятъ съ нимъ въ общеніе, пусть знаютъ, что они будутъ повинны предъ церковнымъ авторитетомъ. Узналъ о событіяхъ въ Ѳессалоникѣ и папа, частію посредствомъ стороннихъ слуховъ, а частію вслѣдствіе прямаго донесенія легатовъ. Онъ немедленно отписалъ легатамъ, чтобы Дороѳей удаленъ былъ съ своего престола и на его мѣсто поставленъ другой епископъ, но не Аристидъ, а завѣдомо православный; чтобы какъ Дороѳей, такъ и его союзникъ Аристидъ присланы были въ Римъ для наученія въ вѣрѣ, или же сосланы были въ какую-либо отдаленную мѣстность, и чтобы легаты сильно настаивали на исполненіи означенныхъ его требованій. По полученіи папскихъ писемъ легаты удвоили свои просьбы предъ императоромъ о наказаніи Дороѳея, всячески старались „внушить ему авторитетъ апостольскаго престола" и сильно настаивали, чтобы Дороѳей съ Аристидомъ отправлены были въ Римъ „для принятія тамъ чистаго каѳолическаго ученія". Императоръ обѣщался и разслѣдовать дѣло, и наказать виновныхъ; относительно же отсылки Дороѳея съ Аристидомъ въ Римъ замѣтилъ, что къ тому не предстоитъ никакой нужды, такъ какъ тамъ, безъ выслушанія противной стороны, они легко могутъ быть только обвинены. Между тѣмъ Дороѳей съ своими союзниками прибылъ въ Константинополь, по извѣщенію папскихъ легатовъ, съ огромнымъ количествомъ золота, которымъ можно было подкупить не только людей, но и ангеловъ. Самъ Дороѳей на время, до окончанія его дѣла судебнымъ порядкомъ, удаленъ былъ во ѳракійскую Ираклію. Судьи, подкупленные золотомъ Дороѳея, рѣшили дѣло въ его пользу и онъ возвращенъ былъ на ѳессалоникскую каѳедру. Для умиренія дѣла императоръ посовѣтовалъ ему снестись съ папскимъ престоломъ. Дороѳей отправилъ къ Ормиздѣ посольство и письмо, въ которомъ объявлялъ, что слу-

хи о его преступленіяхъ злонамѣренно распущены его врагами, людьми нехорошими, и что онъ не опускалъ и не опуститъ ничего, что̀ служитъ къ чести и удовлетворенію „апостольскаго престола“. Папа отнесся крайне недовѣрчиво къ этому посланію Дороѳея; онъ объявилъ, что злодѣяніе Дороѳея извѣстно всему міру, и закончилъ свое посланіе совѣтомъ, чтобы онъ отказался отъ своего злодѣянія, вступилъ въ общеніе вѣры, послѣдовалъ примѣру тѣхъ, которые ее уже приняли (1).

Требованіе принятія папскаго исповѣданія какъ условія единенія церквей, соединенное съ другимъ крайнимъ требованіемъ, чтобы повсюду управленіе церквами было ввѣряемо лишь горячимъ ревнителямъ халкидонскаго собора, наиболѣе охотно пріемлющимъ папское исповѣданіе вѣры, ко всѣмъ прежнимъ горючимъ элементамъ прибавило еще новый матеріалъ для произведенія раскола и разногласія въ восточной церкви. Дѣло въ томъ, что здѣсь не знали „авторитета апостольскаго престола“, какъ источника единственно истинной вѣры. Здѣсь исповѣдовали вѣру Христа, апостоловъ, вселенскихъ соборовъ,—вѣру угодную Богу, засвидѣтельствованную Имъ чудесами и прославленіемъ ея исповѣдниковъ. Поэтому требованіе, чтобы, съ Монгомъ, Акакіемъ и другими, были

(1) Baron an 519 n. CXXIV—CXLII, an. 520. n. LX—LXIV, an. 521 n. XXXIII; Migne, Patr curs compl. t LXIII. col 467—470, 481—482, 499—500, series prim lat.—На этомъ и прекращаются донесенія легатовъ и письма папы о дѣлѣ Дороѳея. Нельзя не замѣтить, что папа и его легаты смотрятъ на дѣло Дороѳея односторонне и что судьи, собравшіеся въ Константинополѣ для разслѣдованія ѳессалоникскихъ событій, были склонены къ оправданію Дороѳея не однимъ золотомъ, а другими, болѣе глубокими, причинами Нельзя же было, для удовлетворенія папскаго самолюбія, проливать потоки крови! Замѣчательно, что византійскіе историки ничего не говорятъ о дѣлѣ Дороѳея, за исключеніемъ вышеприведеннаго извѣстія Ѳеофана Хронографа, что Дороѳей вступилъ въ общеніе съ Тимоѳеемъ константинопольскимъ изъ страха предъ императоромъ Анастасіемъ Но это извѣстіе, очевидно, не гармонируетъ съ докладами папскихъ легатовъ и воззрѣніями папы.

осуждены также Евѳимій и Македоній константинопольскіе, Флавіанъ антіохійскій, Илія іерусалимскій, еще здравствующій іерусалимскій патріархъ Іоаннъ и многія другія, находящіяся въ подобномъ же положеніи, но прославившіяся лица, весьма многимъ православнымъ показалось не утвержденіемъ вѣры, а ея оскорбленіемъ и даже разрушеніемъ. Правда, всѣ поименованныя личности и принимали энотиконъ, и находились въ общеніи съ Акакіемъ; но безспорно вмѣстѣ съ тѣмъ и то, что они хранили вѣру во всей ея чистотѣ, безусловно принимали халкидонскій соборъ и, по смерти, прославлены Богомъ знаменіями и чудесами. Да и самый энотиконъ далеко въ глазахъ не всѣхъ православныхъ, даже въ строгомъ значеніи этого слова, былъ актомъ, достойнымъ осужденія. По заключеніи церковнаго мира въ Константинополѣ, императоръ немедленно сталъ настойчиво вводить его и во всѣхъ прочихъ областяхъ имперіи. Но многіе города и провинціи, въ особенности же Понта, Азіи, Сиріи и Палестины, отвергли папское исповѣданіе вѣры. Правительство начало-было употреблять сильныя мѣры, подвергать ослушниковъ жестокимъ наказаніямъ—ссылкѣ. тюрьмѣ, пыткамъ; но жители означенныхъ провинцій объявили, что они скорѣе предпочтутъ смерть и самыя жестокія мученія, чѣмъ согласятся на осужденіе святыхъ, уважаемыхъ ими, борцевъ истинной вѣры. Въ Антіохіи же нашлись многіе такіе, которые, въ противоположность принятой мѣрѣ объединенія церквей, даже начали утверждать, что „всѣ вступающіе въ общеніе съ апостольскимъ престоломъ, суть несторіане, и что имъ не слѣдуетъ болѣе вѣрить“. Игумены, монахи и клирики Іерусалима, Антіохіи и всей Сиріи подали императору прошенія, въ которыхъ, послѣ точнаго изложенія вѣры словами первыхъ четырехъ вселенскихъ соборовъ, умоляли его озаботиться возстановленіемъ единства церквей на основаніи этой именно вѣры. При этомъ они анаѳематствовали всѣхъ, которые что-либо и когда-либо,

или какимъ-либо образомъ писали противъ вѣры, или четырехъ вселенскихъ соборовъ, въ особенности же Іоанна Эгеота (Никеота) и Тимоѳея Элура со всѣми ихъ послѣдователями. Папскіе легаты настаивали на введеніи папской формулы исповѣданія неизмѣнною. Жители Константинополя, и принявшіе, и не принявшіе папское исповѣданіе, были противъ осужденія епископовъ, умершихъ послѣ Акакія. Само правительство, какъ видѣли, уступило папскимъ требованіямъ только изъ желанія отыскать точку опоры и обрѣсти сильнаго союзника въ дѣлѣ водворенія высшаго блага—церковнаго мира. Для прекращенія возникающихъ волненій оно порѣшило снестись съ папскимъ престоломъ.

Въ началѣ (25 февр.) 520 года патріархъ Іоаннъ умеръ и на мѣсто его избранъ пресвитеръ Великой константинопольской церкви и синкеллъ прежняго патріарха, Епифаній. Онъ долго не извѣщалъ папу о своемъ избраніи на патріаршество: правительство, очевидно, запасалось фактами и обсуждало мѣры, какъ лучше водворить миръ въ разныхъ церквахъ имперіи. Папа не вытерпѣлъ и первый написалъ къ Епифанію письмо, въ которомъ укоряетъ его въ отступленія отъ древняго обычая—извѣщать его, папу, о своемъ восшествіи на патріаршій тронъ. Наконецъ, въ половинѣ октября тогоже самаго года, Епифаній порѣшилъ отправить къ папѣ обычное извѣстительное посланіе (ἐνθρονιστικὸν γράμμα) съ изложеніемъ исповѣданія своей вѣры. Пользуясь этимъ посольствомъ, Юстиніанъ, уже забравшій въ свои руки почти всѣ дѣла государственнаго управленія, въ тотъ же самый день писалъ отъ себя къ папѣ: „часть восточныхъ христіанъ ничѣмъ не можетъ быть склонена къ осужденію епископовъ, умершихъ послѣ Акакія: ни ссылками, ни мечемъ, ни огнемъ. Эта трудность производитъ затрудненія въ заключеніи всеобщаго мира. Итакъ, вдохновляемое Небомъ, ваше святѣйшество да поразмыслитъ (consideret) о свойствѣ настоящихъ

временъ и вещей и, осудивъ виновниковъ сего заблужденія, т. е. Акакія константинопольскаго, Петра, Тимоѳея Элура и Діоскора александрійскихъ, и Петра антіохійскаго, да удостоитъ окончить застарѣлый споръ рѣшеніемъ вопроса о именахъ прочихъ (епископовъ), чтобы, избавивши отъ кровопролитія ввѣренный намъ Богомъ народъ для управленія, вы примирили его съ Господомъ нашимъ не преслѣдованіями и жестокостію, но священническимъ терпѣніемъ, да, доколѣ стремимся пріобрѣсти души, не погубимъ тѣлесъ и душъ многихъ. Ибо продолжительныя заблужденія прилично исправлять кротостію и милосердіемъ, особенно потому, что предшествующіе вашему блаженству первосвященники весьма часто выражали желаніе войдти въ общеніе съ нашей республикой, если только умолчанъ будетъ Акакій, прочіе же будутъ прославляемы". „Ибо тотъ врачъ, по справедливости, наиболѣе удостоивается похвалы, который спѣшитъ такъ залѣчить застарѣлыя язвы, чтобы изъ нихъ не образовались новыя раны". Между тѣмъ патріархъ съ духовенствомъ снаряжали, по тому же самому вопросу, особое торжественное посольство къ папѣ и отъ себя. Самъ императоръ порѣшилъ отправить къ папѣ особое отъ себя посланіе. Но посольство константинопольскаго духовенства, по случаю тяжкой болѣзни одного изъ его членовъ, замедлило своимъ отшествіемъ. Папа ничего не отвѣчалъ на письмо Юстиніана, дожидаясь прибытія къ нему константинопольскаго посольства, о которомъ онъ извѣстился. Юстиніанъ не вытерпѣлъ и отправилъ къ папѣ новое письмо, въ которомъ просилъ его ускорить рѣшеніемъ возбужденнаго вопроса, тѣмъ болѣе, что по существу своему онъ не представляетъ никакихъ трудностей, а по результатамъ — можетъ пріобрѣсти „апостольскому престолу" только славу. Папа медлилъ. Въ декабрѣ того же самаго года посольство въ состояніи было выдти изъ Константинополя. Оно состояло изъ Іоанна, викарнаго епископа Константинополя, Иракліана, священника Великой константи-

тинопольской церкви и сожителя патріарха Епифанія, и Константина, діакона той же самой церкви. Кромѣ граматъ отъ собора 20 епископовъ и патріарха Епифанія, оно несло съ собою еще богатые дары къ папѣ: золотую чашу, украшенную драгоцѣнными камнями, золотое блюдо, другую чашу серебряную и два шелковыхъ покрова. Епископы склоняютъ папу помочь ихъ патріарху въ умиротвореніи церкви, ибо *братъ отъ брата помогаемь, яко градъ твердъ и высокъ, укрѣпляется же якоже основаное царство* (Притч. XVIII, 19), — скрѣпить узы любви и исцѣлить раны разумнаго стада Христова терпѣливымъ управленіемъ, кротостію и снисходительностію, которыя наиболѣе приличны христіанамъ. Патріархъ съ своей стороны, засвидѣтельствовавъ фактъ, что многіе изъ епископовъ, клириковъ, монаховъ и мірянъ Понта, Азіи и востока ни подъ какимъ видомъ не соглашаются на изглажденіе изъ диптиховъ своихъ, умершихъ послѣ Акакія, епископовъ, сильно затѣмъ убѣждаетъ папу разрѣшить вопросъ мирнымъ способомъ, снизойдти къ просьбамъ іерусалимлянъ и жителей восточныхъ странъ. „Желая обрѣсти случай для привѣтствія, говоритъ онъ, мы написали къ вамъ сіе посланіе, посредствомъ котораго умоляемъ, предлагая вашему святѣйшеству сей божественный голосъ—„вотъ теперь время благопріятное, вотъ теперь день спасенія“ (2 Кор. VI, 2). Вотъ Господь всѣхъ ввѣрилъ намъ талантъ, который съ лихвою (augmentatam) могъ бы быть возстановленъ (restitui) плодомъ добраго дѣла и, посредствомъ похвальнаго вашего домостроительства (dispensationem), поистинѣ могли бы быть сохранены толикія святыя церкви, и толикіе ихъ епископы, и многое множество, даже и теперь, при единеніи святой церкви, находящееся въ опасности и блуждающее,— если бы управленіе вашего блаженства снизошло, какъ въ особенности къ тѣмъ, которые обитаютъ въ святыхъ мѣстахъ Христа Бога нашего, такъ и къ повсюду стремящимся присоединиться къ святымъ

церквамъ, чтобы множество ихъ не оказалось въ необходимости быть отвергнутыми. Ибо, вслѣдствіе ихъ внушенія, всѣ въ такой мѣрѣ окрѣпли въ болѣзни своего упорства, что скорѣе изъявляютъ желаніе лишиться жизни, чѣмъ оставить измышленное ими, такъ что, если Богъ опредѣлитъ соединиться имъ при посредствѣ вашего блаженства, то заслуга будетъ относима къ вашей славѣ въ настоящія времена, и въ будущія". Патріархъ заканчиваетъ свое посланіе просьбою—съ любовію принять посылаемые ему дары. Императоръ отправилъ свое письмо къ папѣ съ тѣмъ же княземъ Гратомъ, который уже достаточно обнаружилъ свою опытность въ исполненіи подобнаго рода порученій. Заявивъ предварительно, что возстановленіе мира и согласія церквей было всегдашнимъ его желаніемъ и что онъ съ своей стороны употребилъ всѣ мѣры, чтобы какъ достопочтенная церковь константинопольская, такъ многія и иныя церкви приняли постановленныя рѣшенія не только во всемъ прочемъ, но еще и относительно изглажденія изъ диптиховъ нѣкоторыхъ именъ, на изъятіи которыхъ вы особенно настаиваете, онъ за тѣмъ рисуетъ папѣ и тѣ печальныя послѣдствія, которыми сопровождались его мѣры, и непреодолимыя преграды, дѣлающія дальнѣйше проведеніе этихъ мѣръ невозможнымъ. „Но, говоритъ онъ, оказались нѣкоторые города и церкви въ Понтѣ, Азіи и особенно на востокѣ, клирики или народы которыхъ, хотя и были побуждаемы къ тому всѣми возможными способами и увѣреніями, однакожъ ни подъ какимъ видомъ не согласились на изглажденіе изъ диптиховъ именъ своихъ первосвященниковъ, о которыхъ составилось у нихъ самое высокое мнѣніе". Тюрьма, пытки, жесточайшія наказанія и самая смерть не могли преклонить ихъ волю. При такомъ состояніи дѣлъ, продолжаетъ императоръ, намъ кажется, что настоитъ нужда поступать кротче и снисходительнѣе. „Ибо мы приняли исповѣданіе (libellus) не для того, чтобы желать крови и наказа-

ній (о чемъ даже тяжело и говорить), и не для того, чтобы, изъ ничтожной разности, желанія согласія оставались несовершенными, но для того, чтобы этимъ путемъ мы могли расширить соединеніе членовъ церкви. Итакъ, не будетъ ли превосходнѣе—снисхожденіемъ въ маломъ собрать въ цѣлое толикое множество намъ подданныхъ и ничтожными уступками исправить бо́льшее и всякимъ способомъ искомое, чтобы, если чего нельзя достигнуть всецѣло, то по крайней мѣрѣ въ существенныхъ (necessariis) его частяхъ"? Далѣе императоръ побуждаетъ папу къ уступкѣ примѣромъ его предшественника, Анастасія, который соглашался на возстановленіе церковнаго мира между востокомъ и западомъ подъ условіемъ изглажденія изъ диптиховъ одного лишь имени Акакія, и заканчиваетъ свое письмо увѣренностію, что въ настоящій разъ папа снизойдетъ къ просьбамъ восточныхъ христіанъ, въ особенности же іерусалимской церкви, „матери христіанскаго имени, коей всѣ оказываютъ почтеніе".

Посольство пробыло въ Римѣ цѣлую зиму и сильно убѣждало папу содѣйствовать миру церквей востока обнаруженіемъ кротости и снисходительности относительно ихъ весьма понятныхъ и законныхъ желаній, но напрасно: папа оставался непоколебимъ въ своихъ требованіяхъ. Юстиніанъ, не терпя долго ожидать отвѣта, написалъ къ папѣ новое посланіе съ просьбою поскорѣе рѣшить всѣхъ занимающій вопросъ, ничтожный самъ въ себѣ, но весьма важный по результатамъ для государства и церкви. И это не подѣйствовало. Наконецъ въ апрѣлѣ 521 года папа отпустилъ отъ себя константинопольское посольство и вручилъ ему письма къ императору, патріарху и синоду. Во всѣхъ этихъ письмахъ папа высказываетъ полный отказъ на адресованную къ нему просьбу. Въ довольно длинномъ посланіи къ императору, онъ разсыпаетъ всѣ цвѣты своего краснорѣчія, чтобы побудить послѣдняго продолжать идти тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ началъ. Сознаваясь, что онъ

первый не могъ побудить императора къ предпріятію возстановленія церковнаго мира, онъ теперь считаетъ своею обязанностію тѣмъ съ бо́льшею энергіей побудить его не допустить, чтобы столь благое дѣло потерпѣло какой либо недостатокъ и чтобы, начатое хорошо, оно окончилось несовершенствомъ. Упорство нѣкоторыхъ не должно, по мнѣнію папы, отклонять императора отъ предначертаннаго пути и склонить его на сторону лѣнивыхъ. Тяжко и подумать, чтобы сильнѣе оказалось упорство тѣхъ, которые раздѣляютъ миръ, чѣмъ настойчивость тѣхъ, которые ищутъ единства. Государь отнюдь не долженъ слѣдовать волѣ своихъ подданныхъ вопреки своего спасенія; напротивъ, подданные, ради своего спасенія, обязаны повиноваться велѣніямъ своего государя. „Повѣрь, досточтимый сынъ, убѣждаетъ папа, что вмѣстѣ со мною умоляетъ тебя сама Божія церковь (?) сохранить ее безъ пятна и порока, (какъ ты знаешь, угодно это Господу), чтобы тотъ глазъ, который охраняетъ ее, не узрѣлъ въ ней какого-нибудь недостатка, отъ котораго отвратился бы. Возлюби, что̀ ты избралъ по Божію внушенію, и сохрани неповрежденнымъ то, частію чего восхотѣлъ ты быть“. „Прошу, говоритъ въ заключеніе папа, не склоняй меня къ оставленію того, относительно чего нѣкогда было сдѣлано соглашеніе, или къ перемѣнѣ онаго. Ибо вотъ что̀ оный голосъ безпрестанно нашептываетъ въ мои уши: *никто же возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. IX, 62). Отсюда ясно должно быть, что раскаяніе бываетъ въ злыхъ дѣлахъ, а не въ добрыхъ“. „Гораздо лучше и болѣе угодно Богу, если, при сохраненіи вѣры, отдѣлившіеся присоединятся къ церковному тѣлу, чѣмъ перейдутъ къ отдѣлившимся тѣ, которые пребываютъ въ непорочномъ общеніи апостола Петра“ (1). Итакъ, согласиться на воспоминаніе въ дип-

(1) Migne, patr. curs compl. ser. prim. lat t. LXIII. col. 473; 482—487; 494—499, 501—512; Baron an. 520 n. VII—X, XXIX—

тихахъ епископовъ, о которыхъ доподлинно извѣстно, что они во все время своей жизни соблюдали вѣру чистою и неповрежденною; которые заслужили высокое уваженіе въ средѣ всѣхъ православныхъ, близко ихъ знавшихъ, святостію и безукоризненностію своего поведенія; которые уже прославлены самимъ Богомъ совершеніемъ чрезъ нихъ знаменій и чудесъ, какъ еще при жизни, такъ и послѣ ихъ смерти, но которые имѣли смѣлость смотрѣть на энотиконъ не подъ угломъ папскаго эгоизма, — значитъ, по мнѣнію папы, колебать вѣру, марать ее заблужденіями, оскорбляющими Божественное око, охраняющее ее, раскаяваться въ зломъ дѣлѣ, слѣдовать болѣе превратной волѣ упорствующихъ, чѣмъ благимъ желаніямъ истинно вѣрующихъ,—словомъ губить свою душу согласно волѣ и желанію злыхъ своихъ подданныхъ (1).

LIX, an 521. n. II—XIV; XXVIII—XXXIV, Harduin t. II. p. 1024—1027. Theoph Chronogr. p. 236; Muralt. p. 133. — Въ примѣчаніи къ изложеннымъ сношеніямъ византійскаго правительства съ папою Пагій совершенно несправедливо говоритъ (not XVI, ad an. 521). orientales itaque episcopi in sedis apostolicae communionem tandem admissi sunt, quamvis Euphemium et Macedonium non damnassent, eorumque nomina e diptychis expungi passi non essent Certe Macedonii nomen in diptychis, quibus inscriptum fuerat, remansisse, et e quibus ablatum restitutum fuisse, indicat sacer cultus ei a Graecis exhibitus, ut eorum Menaea fidem faciunt. Все это, очевидно, совершилось впослѣдствіи, изъ писемъ же Ормизды никакъ нельзя сдѣлать заключенія, чтобы онъ согласился на воспоминаніе въ диптихахъ епископовъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь

(1) Въ концѣ описанныхъ переговоровъ византійскаго правительства съ Ормиздою Бароній дѣлаетъ такое нравоученіе (an. 521. n. XXXV): Exemplum plane ab Hormisda est posteris traditum pontificibus, quod acceptum ipse a majoribus reliquit integre custoditum, non ob gratiam imperatorum vel regum quantumlibet importune petentium, non precibus quorumlibet magnorum antistitum vel ex synodo ad id praestandum urgentium, non cujusvis dignae causae praetextu, quo magnarum etiam provinciarum restitutionem fieri pollicerentur, debere Romanos episcopos, quibus curae est custodire depositum christianae religionis, vel minimum quid deflecti, cum a majoribus accepta fides vel laeditur, aut in suspicionem adducitur, vel traditio sauciatur, aut illibata semper existens communicatio catholica custodita polluitur — При чтеніи этихъ словъ, невольно припоминаются тысячи случаевъ, когда папы соглашались даже допустить исповѣданіе

Весьма любопытную и характерную сторону для иллюстраціи отношеній тогдашнихъ папъ къ восточнымъ императорамъ представляетъ дѣло сиро-палестинскихъ епископовъ: Иліи кесарійскаго, Ѳомы и Никострата. Свѣдѣнія, почерпаемыя объ этомъ дѣлѣ изъ папской переписки съ разными лицами восточно-римской имперіи, хотя не могутъ быть названы вполнѣ обстоятельными, но при всемъ томъ и изъ нея можно составить ясное и отчетливое представленіе сущности дѣла. Всѣ три означенные епископа были удалены съ своихъ каѳедръ при императорѣ Анастасіѣ за непринятіе энотикона. Тогда они пристали къ сторонѣ папы. Честолюбивые и не столько заботящіеся о благѣ церкви, сколько о себѣ лично, они изыскивали всѣ средства, чтобы снова овладѣть отнятыми у нихъ каѳедрами. Когда теперь, со вступленіемъ на царство православнаго Юстина, константинопольская церковь завязала съ римскою переговоры о заключеніи церковнаго мира, то они были первые, которые съ особою поспѣшностію и усердіемъ безусловно и безъ всякихъ ограниченій приняли папское ис-

---

неправыхъ (съ ихъ точки зрѣнія) догматовъ (напр. чтеніе символа вѣры безъ filioque), лишь бы только народы, находящіеся внѣ общенія съ ними, признали ихъ главенство и не утверждали, что они могутъ погрѣшать И въ данномъ случаѣ главное препятствіе къ соглашенію заключалось въ томъ, что Акакій оскорбилъ самолюбіе папъ, *папы* утверждали, что Акакій еретикъ; слѣдуя логикѣ, они *точно также должны* были отнестись и къ Евѳимію и Македонію, и къ другимъ, которые, подобно Акакію, принимали энотиконъ и находились въ общеніи съ Акакіемъ Слѣдовательно, соглашаясь на просьбу восточныхъ христіанъ, они тѣмъ самымъ, очевидно, должны были бы сознаться въ своей погрѣшимости. А это есть зло, горшее всѣхъ золъ, съ папской точки зрѣнія. Мысль, здѣсь высказываемая, съ очевидностію открывается изъ всѣхъ папскихъ писемъ, относящихся къ разсматриваемому вопросу, и изъ ихъ взаимнаго сличенія. Если бы Божество, быть истолкователемъ и единственнымъ вѣстникомъ воли и мыслей Котораго «апостольскій престолъ» изъявляетъ претензію при всякомъ удобномъ случаѣ, руководствовалось принципами папства въ своихъ отношеніяхъ къ человѣчеству, то никогда не быть бы человѣческому роду искупленнымъ отъ власти смерти, діавола и грѣха

повѣданіе вѣры (libellus). Такое усердіе ихъ не могло не понравиться папѣ; онъ обѣщалъ имъ свою поддержку и подобный образъ дѣйствій былъ совершенно въ политикѣ папъ. Дѣйствуя такимъ путемъ, они пріобрѣтали себѣ точку опоры въ средѣ самыхъ противниковъ. Между тѣмъ епископы, назначенные на мѣсто Иліи, Ѳомы и Никострата, успѣли пріобрѣсти любовь своихъ пасомыхъ. Къ тому же большинство восточныхъ городовъ и церквей отказались безусловно принять папское исповѣданіе по указаннымъ выше причинамъ. Понятно, что правительство не могло возстановить этихъ епископовъ на ихъ престолахъ. Они поспѣшили донести о томъ папѣ, и вотъ—начинается рядъ папскихъ писемъ къ своимъ легатамъ въ Константинополѣ, къ императору, императрицѣ, Юстиніану, патріарху и къ другимъ важнымъ и знаменитымъ лицамъ восточноримской имперіи. Не было почти ни одного письма къ легатамъ, въ которомъ бы не упоминалось о дѣлѣ Иліи, Ѳомы и Никострата и въ которомъ бы онъ настоятельно не потребовалъ отъ нихъ, чтобы они поддержали „авторитетъ апостольскаго престола“, который такъ оскорбляется невниманіемъ къ его просьбѣ, и непремѣнно достигли возстановленія означенныхъ епископовъ на ихъ престолахъ. Въ письмахъ къ Юстину, Юстиніану, Евѳиміѣ и патріарху онъ точно также говоритъ, что невозстановленіе Иліи, Ѳомы и Никострата причиняетъ ему глубочайшую скорбь; что въ этомъ ихъ невозстановленіи онъ видитъ оскорбленіе „авторитета апостольскаго престола“ и нарушеніе (?) установленныхъ церковію правилъ; что общеніе съ „апостольскимъ престоломъ“, безъ ихъ возстановленія, не можетъ быть полное, и что, если восточная церковь находится въ общеніи съ престоломъ блаженнаго Петра, то и назначать епископовъ на ихъ каѳедры она должна преимущественно тѣхъ, которые угодны этому престолу и находятся съ нимъ въ общеніи. Юстиніанъ, въ одномъ изъ писемъ къ папѣ, отвѣтилъ на это, что настоящій епископъ Ке-

саріи пользуется чрезвычайною любовію не только своихъ пасомыхъ, но и всего востока, и что потому, безъ нарушенія справедливости, никакъ нельзя возстановить достопочтеннаго Илію на его бывшей каѳедрѣ. Онъ будетъ возстановленъ лишь тогда, когда настоящій епископъ Кесаріи помретъ и, слѣдовательно, когда устранятся препятствія, дѣлающія невозможнымъ возстановленіе Иліи. Что же касается Ѳомы и Никострата, то относительно ихъ возстановленія уже принимаются мѣры и они будутъ возстановлены на своихъ каѳедрахъ тотчасъ же, какъ только востокъ будетъ умиротворенъ. Папа не остался доволенъ этимъ отвѣтомъ и снова сталъ настаивать на исполненіи своихъ требованій. Но не видно, чтобы правительство отвѣчало что либо на его требованія (1).

Императоръ Юстинъ предпринималъ строгія мѣры противъ еретиковъ. Въ 523 году онъ издалъ эдиктъ, которымъ манихеи осуждены были или на изгнаніе изъ предѣловъ имперіи, или же на смертную казнь, а остальные еретики, равно какъ язычники (еллины), іудеи и самаряне, лишены права занимать общественныя и государственныя должности, за исключеніемъ лишь когортанцевъ (cohortalinorum), т. е. служащихъ въ когортахъ, но и то подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы они не причиняли никакого вреда православнымъ. Въ случаѣ неисполненія этого условія, они подвергались денежному штрафу, въ размѣрѣ съ степенью ихъ преступленія. Въ числѣ другихъ еретиковъ подверглись преслѣдованію и аріане. Услышавъ объ этомъ преслѣдованіи аріанъ, послѣдователь аріанской ереси, остготскій король Ѳеодорикъ великій, пришелъ въ сильный гнѣвъ, тѣмъ болѣе, что самъ онъ, овладѣвъ Римомъ и другими областями Италіи, не только не

(1) Migne, patr. curs. compl. t. LXIII. ser. prim. lat. col. 461—466, 469—470; 485—486, 493—494; Baron. an. 519. n. CXXXIV; an. 520. n LXV—LXVI.

преслѣдовалъ здѣсь православныхъ, но даже по временамъ оказывалъ имъ покровительство. На первый разъ онъ грозился истребить всѣхъ православныхъ жителей Италіи, если только Юстинъ будетъ продолжать преслѣдовать аріанъ; но потомъ, когда увидѣлъ, что исполненіе такого рѣшенія положительно невозможно, разсудилъ достигнуть соглашенія путемъ мирнымъ. Онъ принудилъ папу Іоанна I, наслѣдовавшаго Ормиздѣ въ августѣ 523 года, лично отправиться въ Константинополь ходатайствовать за аріанъ. Въ спутники ему назначены были сенаторы: Ѳеодоръ, Импортунъ, Агапитъ и другой Агапитъ, патрицій. Удивительный и странный примѣръ въ исторіи представляетъ это посольство съ папою во главѣ! Тогда какъ предшественники Іоанна думали перевернуть верхъ-дномъ всю церковь за то только, что Зенонъ и Анастасій отнеслись снисходительно къ еретикамъ и желали умиротворить имперію и церковь путемъ соглашенія,—теперь,—когда православный Юстинъ, частію послушный голосу своей собственной совѣсти, частію побуждаемый своими единовѣрными подданными и въ особенности зажигательными письмами римскихъ первосвященниковъ, частію же, какъ государственный мужъ, послѣ неудавшихся опытовъ изыскивающій новые способы умиротворенія имперіи, сталъ строго относиться къ еретикамъ,—о снисхожденіи къ нимъ начинаетъ умолять, по волѣ еретика короля, самъ папа, этотъ, ни предъ чьею волею не преклоняющійся, богопоставленный стражъ вѣры. Вотъ здѣсь бы не мѣшало католическимъ писателямъ вспомнить о „несокрушимой послѣдовательности“ древняго Рима. Посольство прибыло въ Константинополь въ концѣ марта 525 года. Императоръ, сенатъ, клиръ и народъ, со свѣщами и иконами, далеко за городъ вышли ему на встрѣчу. Императоръ привѣтствовалъ папу даже земнымъ поклономъ. Патріархъ Епифаній также высоко почтилъ папу и предоставилъ ему первенство въ своемъ престольномъ городѣ. Въ день

пасхи папа отслужилъ литургію въ Великой церкви на латинскомъ языкѣ. Но цѣль посольства не была достигнута: Юстинъ не согласился ослабить мѣры противъ аріанъ. Напротивъ, есть основаніе думать, что Юстинъ и Юстиніанъ, ублаживъ папу оказанными ему почестями, вмѣсто того, чтобы удовлетворить его ходатайству, самого его склонили посодѣйствовать замышляемому ими изгнанію еретиковъ—Готѳовъ изъ предѣловъ Италіи. Когда Іоаннъ и его спутники возвратились въ Италію, то разгнѣванный Ѳеодорикъ самъ въ свою очередь издалъ стѣснительный эдиктъ для православныхъ жителей Италіи (воспретилъ имъ отправленіе богослуженія въ нѣкоторые дни), а Іоанна и его спутниковъ подвергъ тюремному заключенію, какъ измѣнниковъ государству. Оскорбленный папа написалъ къ италіанскимъ епископамъ посланіе, въ которомъ увѣщевалъ ихъ крѣпко держаться православной вѣры, хотя бы Ѳеодорикъ угрожалъ истребить ихъ всѣхъ, и, не смотря на сопротивленіе аріанъ, отнимать у нихъ церкви и обращать ихъ въ православныя. Въ маѣ (18) слѣдующаго, 526, года онъ умеръ въ равеннской темницѣ. какъ мученикъ за правую вѣру (1). Спустя немного оклеветанъ былъ предъ Ѳеодорикомъ консулъ и государственный канцлеръ Боэцій, одинъ изъ достойнѣйшихъ римлянъ своего времени. Подозрительный Ѳеодорикъ заключилъ его въ тюрьму и повелѣлъ умертвить здѣсь самымъ варварскимъ образомъ. Тесть Боэція, Симмахъ, громко порицалъ подобное несправедливое наказаніе. Ѳеодорикъ и его заподозрилъ въ измѣнѣ, и его повелѣлъ казнить. Прокопій повѣству-

(1) Baron. an. 523. n. XIII—XIV; an. 524. n. I—II; an. 525. n. I—XII; an. 526 n. I—VIII, Pagius, not. IV ad an. 523; not. II—III ad an. 524, Theoph Chron p. 261. 263; Cedrenus, 1, p. 639, Malalas, p. 423, Muralt, p 136. 139; Gibbon, Gesch. Verf. p. 1327. Анастасій библіотекарь повѣствуетъ, что Юстинъ, кромѣ патріарха Іоанна, короновался еще отъ руки папы Іоанна во время пребыванія его въ Константинополѣ (Baron. an. 525. n VII). Совершенно несправедливо. См. Isambert, p. 273—274.

етъ, что, спустя нѣсколько дней послѣ этого, когда Θеодорикъ сидѣлъ за ужиномъ и слуги подали ему голову большой рыбы,—ему показалось, что это—голова недавно убитаго имъ Симмаха, чрезвычайно страшная по виду, съ длинными, острыми зубами на нижней челюсти и свирѣпыми глазами. Трепетъ и холодъ проникъ все существо Θеодорика и онъ тотчасъ же слегъ въ постель, и чрезъ три дня умеръ отъ поноса (18 авг. 526 г.). Одинъ италіянскій пустынникъ, подвизавшійся на о. Липарисѣ, видѣлъ въ самый часъ смерти Θеодорика, какъ „онъ, раздѣтый и разутый, со связанными руками отведенъ былъ въ девятомъ часу папою Іоанномъ и Симмахомъ патриціемъ и низвергнутъ въ жерло вулкана“, близъ котораго подвизался пустынникъ (1).

Императоръ Юстинъ, какъ старый, дряхлый и совершенно необразованный человѣкъ, почти вовсе не занимался дѣлами государственнаго управленія и только давалъ царствованію свое имя. Со времени убійства Виталіана фактически всѣмъ сталъ завѣдывать Юстиніанъ. Дворянство и члены сената попросили Юстина, чтобы онъ формально объявилъ Юстиніана своимъ соправителемъ; но онъ отклонилъ на этотъ разъ ихъ просьбу, подъ предлогомъ, что Юстиніанъ еще молодъ. Вслѣдъ за этимъ сенатъ достигъ пока того, что Юстиніанъ получилъ, по его просьбѣ, титло нобилиссима. Въ концѣ 8-го года своего царствованія, Юстинъ почувствовалъ себя слабымъ. Тогда, призвавши къ себѣ патріарха Епифанія и членовъ сената, онъ, въ присутствіи ихъ своими руками возложилъ на Юстиніана императорскую корону (1 апр. 527 г.) и провозгласилъ его своимъ соправителемъ. Народъ и войско привѣтствовали этотъ выборъ. Вслѣдъ за

(1) Cotth. l. l. c. p. 1. 11—12; Gibbon, Gesch. Verfall. und Untergang. Deutsch Augab. 1837. p. 1326—1333; Muralt, p. 140, Григорія Двуслова, собесѣдованія о жизни итал. отцевъ. Казань, 1858. стр. 311—312.

тѣмъ коронована была и супруга Юстиніана, Ѳеодора. Послѣ того Юстинъ процарствовалъ вмѣстѣ съ Юстиніаномъ еще четыре мѣсяца и умеръ 1 августа 527 года отъ вскрывшейся на ногѣ застарѣлой раны, полученной имъ когда-то въ сраженіи. Юстиніанъ остался единодержавнымъ властителемъ государства (1).

Сужденія о Юстиніанѣ и Ѳеодорѣ Прокопія кесарійскаго. Отношеніе византійцевъ къ сочиненіямъ Прокопія. Необходимость критическихъ изслѣдованій о его сочиненіяхъ. Изданіе Ἀνέκδοτα Н. Алеманномъ и его сужденіе объ этомъ сочиненіи Прокопія. Сужденія объ Arcana и объ остальныхъ сочиненіяхъ Прокопія—Гавріила Триворія, Ѳомы Ривія и Эйхеля. Поворотъ въ области протестантскаго религіознаго сознанія. Готфридъ Арнольдъ и его сужденіе о Юстиніанѣ. Отрицательное отношеніе протестантовъ къ догмату и образованіе ученія о свободѣ совѣсти. Сужденія о сочиненіяхъ Прокопія—Рихтера, Шрѐкка, Гиббона, Монтескьё. Сознаніе субъективности историковъ XVII и XVIII в. и стремленіе къ объективности протестантскихъ историковъ XIX в. Какого рода эта объективность? Брошюры, изслѣдованія и сужденія о сочиненіяхъ Прокопія современныхъ историковъ: Макса Лянгеншварца, Тейффеля, Неандера, Изамбера, Рейнкенса, Эккардта, Гундлаха, Дана. Религіозныя и политическія воззрѣнія Прокопія. Общій выводъ.

Императоръ Юстиніанъ, подобно всѣмъ выдающимся историческимъ лицамъ, подвергался и подвергается самымъ крайнимъ и противоположнымъ мнѣніямъ. Изображеніе его лица и дѣятельности, по спра-

---

(1) Evagr. l. IV. c. 9; Zonar. XIV, 5; Malalas, p. 422; Theoph. Chron. p. 266: Chron. Paschal. p. 616—617; Cedrenus, 1, p. 641—642; Hist. arcan. c. 9. p. 67; Vita Sabae. c. 68. — Не всѣ хронисты согласны между собою въ показаніи дня, когда коронованъ былъ Юстиніанъ Но наиболѣе заслуживаютъ вѣры тѣ, которые относятъ этотъ актъ къ 1 апрѣля. См. Pagius. not. II — IV ad. an. 527, Isambert, p. 280—284.

ведливости, разсматривается всѣми историками въ связи съ изображеніемъ лица и дѣятельности его супруги, Θеодоры. О соучастіи ея во всѣхъ дѣлахъ государственнаго управленія свидѣтельствуетъ Юстиніанъ, свидѣтельствуютъ историки, наконецъ — сознается въ этомъ и сама императрица Θеодора (1). Неудивительно, поэтому, что и о ней произносятся столь же рѣзкіе и противоположные отзывы, какъ о самомъ Юстиніанѣ, и даже, въ большинствѣ случаевъ, еще болѣе крайніе.

Безспорно, что во главѣ *историковъ* для изслѣдованія царствованія Юстиніана и Θеодоры долженъ быть поставленъ Прокопій, прозванный, по мѣсту своего рожденія въ Кесаріи палестинской, кесарійскимъ. Онъ — очевидецъ описываемыхъ имъ событій и часто непосредственный въ нихъ участникъ. Прежде всего онъ написалъ восемь книгъ о войнахъ, которыя велъ Юстиніанъ въ свое царствованіе: двѣ книги о войнахъ съ персами (переведенныя на р. яз. Сп. Дестунисомъ. Спб. 1862 г.), двѣ книги о войнахъ съ вандалами и четыре книги о войнахъ противъ готѳовъ въ Италіи. Приступая къ написанію этой исторіи войнъ, Прокопій дѣлаетъ признаніе, — которое можно назвать и одною изъ причинъ, почему онъ предпринялъ написаніе этой исторіи, — „что онъ болѣе дру-

---

(1) Юстиніанъ въ VIII новеллѣ говоритъ: His omnibus apud nos ipsos in consultationem propositis, assumptaque postmodum in consultationis societatem pietissima a Deo nobis data conjuge, communicato praeterea cum excellentia tua negotio, quanquam ex suggestione consilii tui suscepto, ad divinam hanc legem pervenimus, per quam sancimus. Zonar. l. XIV. c 6 *Ἀρξαντος δὲ Ἰουστινιανοῦ, οὐκ εἰς μοναρχίαν ἡ βασιλεία κατέστη, ἀλλ' εἰς διπλοῦν τὸ κράτος μεμέριστο· οὐδὲν γὰρ ἧττον τοῦ κρατοῦντος, εἰμὴ καὶ μᾶλλον, ἡ κοινωνὸς αὐτῷ τοῦ βίου δεδύνητο.* Procopius, Hist arc. c. 2 p. 24: Здѣсь Θеодора, въ письмѣ къ полководцу Завергану, говоритъ о своемъ вліяніи на Юстиніана такимъ образомъ *οὕτω γάρ σοι ἀγαθὰ μεγάλα πρὸς ἀνδρὸς ἀναδέχομαι τοὐμοῦ ἔσεσθαι, ὅς γε οὐδὲν ἂν ὅ τι καὶ ἄνευ γνώμης τῆς ἐμῆς πράξειεν* Слич съ этимъ также главы: 10 17 30.

гихъ въ состояніи написать эту исторію, потому единственно, что, бывъ избранъ въ совѣтники полководца Велизарія, находился почти при всѣхъ (тогдашнихъ) дѣйствіяхъ. Онъ убѣжденъ, что рѣчи ораторской подобаетъ сила, поэзіи—вымыселъ, исторіи—истина, а потому и не скрываетъ дурныхъ поступковъ даже и короткихъ друзей своихъ, но со всею точностію описываетъ дѣла ихъ, хороши ли они или дурны" (1). Конечно нельзя буквально принять признаніе Прокопія, что его исторія войнъ содержитъ „точную истину",—потому что встрѣчаются въ ней нѣкоторыя крайности и преувеличенія,—но, вообще говоря, здѣсь онъ является еще болѣе или менѣе безпристрастнымъ историкомъ, обнаруживающимъ высоко-образованный умъ, знаніе государственнаго порядка, знаніе и пониманіе внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ отношеній Византіи. Онъ *описываетъ* событія своего времени, какъ они отражались въ его умѣ; описывая, не скрываетъ и дурныхъ сторонъ порядковъ своего времени: жалкую финансовую систему, состоящую, главнымъ образомъ, въ вымогательствѣ, со стороны правительства, имуществъ у своихъ подданныхъ; неправильную политику правительства по отношенію къ варварамъ, состоящую въ томъ, чтобы сдерживать ихъ набѣги на предѣлы имперіи платою имъ извѣстнаго количества денегъ; крайнюю деморализацію чиновничества, повсюду грабящаго и притѣсняющаго населеніе, заботящагося болѣе о своихъ личныхъ интересахъ, чѣмъ о благѣ государства; ослабленіе военной дисциплины, вслѣдствіе неуплаты жалованья войску; заговоры, измѣны и другіе внутренніе безпорядки и неустройства имперіи; довольно свободно высказываетъ иногда, прямо или косвенно, и свои сужденія объ описываемыхъ имъ событіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ широкое поле и сообразительности читателя, не навязываетъ ему своихъ взглядовъ и суж-

(1) В. Р I. 1 р 10—11. Перев Дест. стр. 8.

деній, а, рисуя событія, дастъ мѣсто и самому читателю сообразить, гдѣ коренятся причины изображаемыхъ явленій—исключительно ли въ личности современныхъ дѣятелей и правителей, или въ болѣе общихъ и глубокихъ причинахъ, появляющихся и прекращающихъ свое дѣйствіе въ исторіи не вдругъ, не съ появленіемъ и прекращеніемъ жизни какого нибудь историческаго дѣятеля (1).

Спустя нѣсколько времени по написаніи исторіи войнъ, Прокопій издалъ еще шесть книгъ (λόγοι ἕξ) о постройкахъ или зданіяхъ (περὶ κτισμάτων—de aedificiis), сооруженныхъ Юстиніаномъ въ теченіе своего продолжительнаго царствованія. По своему существу, книга эта представляетъ панегирикъ Юстиніану и преисполнена лести со стороны автора. Значеніе, достоинство и цѣль ея лучше всего открываются изъ предисловія, предпосланнаго авторомъ самому содержанію сочиненія. „Побужденіемъ къ написанію этой исторіи, говоритъ онъ здѣсь, послужило не желаніе показать свою добродѣтель, блеснуть силою краснорѣчія, похвастаться знаніемъ географическихъ мѣстностей: потому что я не имѣю въ себѣ ничего такого, что̀ побудило бы меня къ подобнаго рода отвагѣ. Но мнѣ часто приходило на умъ, сколько пользы обыкновенно доставляетъ государствамъ исторія, когда она передаетъ потомству память о предкахъ; всячески противостоитъ времени, стремящемуся уничтожить славу совершенныхъ дѣлъ; всегда похвалою возбуждаетъ въ своихъ читателяхъ добродѣтель, порицаніемъ подавляетъ порокъ, и такимъ образомъ ослабляетъ силу развратной жизни. Поэтому намъ не

(1) См напр, Ист. войн. римл съ перс. Спб 1862 г. кн. 1. гл. 19. 22. 24. 25, кн. II, гл. 2—7. 10. 14. 15. 28, de bell. Vand. l. II. c. 8. p 445, c 15. p. 482; c. 22. p 506, c. 23 24, de bello Gotth. l. III c. 1. p. 284, c. 11 p. 321, c 12. p 325, c. 30. p 402, c. 36. p. 436; c. 40 p. 455, l. IV. c. 7. p. 490, c. 19 p. 554 c. 25. p. 592. 596; c. 27. p. 605 и друг.

предстоитъ никакой другой заботы, кромѣ той, чтобы передать памяти потомства событія вмѣстѣ съ ихъ виновникомъ, каковое дѣло, по моему мнѣнію, можетъ совершить и языкъ гугнивый и заикающійся. Кромѣ того, преисполненные благодѣяній подданные, составленіемъ отъ себя исторіи, во-очію показываютъ, что они такъ благодарны къ достойнымъ своимъ правителямъ, что не стѣсняются показать имъ свою благодарность и явно. Ибо, воспользовавшись только весьма короткое время благотвореніемъ своихъ государей, они воздаютъ ихъ добродѣтели безсмертіе у ихъ потомковъ, изъ которыхъ у многихъ по этой причинѣ возбуждается соревнованіе къ ихъ доблестямъ и славѣ, между тѣмъ какъ чрезмѣрный страхъ безславія удерживаетъ, по обычаю, отъ превратнаго образа жизни. Но для чего я это предпослалъ?—сейчасъ скажу".

„Въ наше время Юстиніанъ августъ, принявъ управленіе дѣлами республики, всячески расшатанной, придалъ ей много величія и блеска, изгнавши варваровъ, уже издревле дѣлавшихъ на нее отовсюду набѣги, какъ объ этомъ я по порядку и подробно повѣствовалъ въ моихъ книгахъ „о войнахъ". Мы знаемъ, что нѣкогда Θемистоклъ, сынъ Неокловъ, былъ прославленъ за то, что онъ съумѣлъ создать обширный городъ изъ малаго; но нашъ императоръ овладѣлъ иными государствами и присоединилъ ихъ къ своему владычеству. Уже извѣстно, сколь многое, что прежде было чужое, когда началъ царствовать, онъ присоединилъ къ римскому владычеству; но онъ основалъ еще безчисленные новые города. Принявши религію, прежде расшатанную и распавшуюся на многія стороны, когда всѣ раздѣлились между собою и разбрелись по путямъ заблужденія, онъ укрѣпилъ ее на единомъ основаніи истинной вѣры. Къ тому же, онъ однимъ искуснымъ взмахомъ руки удалилъ ненужную путаницу въ законахъ, которые прежде затемнены были чрезмѣрнымъ ихъ множествомъ и нерѣдко находились въ явномъ противорѣчіи между со-

бою, и, уничтоживъ посредствомъ превосходнаго соглашенія ихъ разногласіе, тѣмъ самымъ сохранилъ право. Онъ добровольно оказывалъ милость своимъ злоумышленникамъ; неимущихъ надѣлялъ имуществами и, отклонивъ судьбу, тяготѣвшую надъ ними, дѣлалъ то, что они, пребывая въ республикѣ, счастливо проводили свою жизнь. Равнымъ образомъ, нашедши, что римская имперія повсюду терпѣла отъ нашествія варваровъ, онъ снабдилъ всѣ пограничныя мѣстности военными гарнизонами и оградилъ ихъ построенными на нихъ крѣпостями. Но, описавъ многое иное въ иныхъ моихъ книгахъ, теперь я опишу то, какое благодѣяніе онъ оказалъ зданіями. Правда, мы слышали, что Киръ царь персидскій, былъ превосходный царь и что онъ по преимуществу считается устроителемъ царства своего народа; но я не могу точно узнать, дѣйствительно ли таковъ былъ этотъ Киръ, какимъ описалъ его аѳинянинъ Ксенофонтъ въ своей книгѣ. Потому что, можетъ быть, украшеніе его дѣламъ придано искусствомъ писателя, который очень свободно расточалъ здѣсь краски своего краснорѣчія. Но если кто либо тщательно обслѣдуетъ владычество нашего государя Юстиніана (котораго, думаю, называя, кто либо, царемъ по природѣ, справедливо скажетъ словами Гомера, что онъ есть въ тоже время и какъ бы нѣжный отецъ), то царствованіе Кира покажется тому нѣкоторою шуткою. Безспорно, онъ такъ распространилъ имперію, что къ ея предѣламъ и власти присоединена другая такая же имперія, и даже обширнѣе. Снисходительность государя показываютъ тѣ, которые, явно уличенные въ злоумышленіи на его жизнь, не только до-днесь наслаждаются жизнію и своимъ имуществомъ, но еще начальствуютъ надъ римскими войсками и зачислены въ разрядъ консуловъ. Но теперь, какъ сказалъ, пора приступить къ его зданіямъ, чтобы потомки, когда узрятъ громаду и безчисленное ихъ множество, не могли отрицать, чтобы это было дѣломъ одного мужа; потому что достовѣрность

многихъ фактовъ древности, которымъ не достаетъ авторитета исторіи, отвергается уже вслѣдствіе самаго ихъ превосходства. Поистинѣ прилично, чтобы первая ораторская каѳедра предоставлена была тому, что̀ византійцы видятъ предъ собою; потому что, по древней пословицѣ, начинающій какое либо дѣло долженъ показать лицевую его сторону во всемъ его блескѣ“ (1).

Льстивость этого сочиненія яснѣе всего открывается изъ того, что непосредственно послѣ его написанія, или даже во время самаго составленія его, Прокопій тайно написалъ другое сочиненіе, по своему характеру совершенно противоположное книгамъ о зданіяхъ, представляющее напзлостнѣйшій пасквиль на Юстиніана и Ѳеодору. Самъ Прокопій высказываетъ побужденіе и цѣль написанія Ἀνέκδοτα, или, собственно, неизданной исторіи, а также отношеніе ея къ прежнимъ его исторіямъ о войнахъ, такимъ образомъ. — „Все, что̀ римскій народъ имѣлъ счастіе совершить въ своихъ войнахъ даже до сего дня, я уже подробно разсказалъ (въ прежнихъ моихъ твореніяхъ) и, насколько могъ, тщательно изложилъ всѣ обстоятельства времени и мѣста этихъ событій. Но предлагаемые разсказы не будутъ расположены въ томъ же самомъ порядкѣ, потому что всѣ они, которые я здѣсь собралъ, стоятъ внѣ связи между собою и относятся къ разнымъ отдѣламъ этой имперіи. Сверхъ того существуетъ и причина, по которой я усвоилъ этотъ методъ; она заключается въ томъ, что не было никакой возможности обнародовать это сочиненіе при жизни виновниковъ описываемыхъ здѣсь фактовъ. Я не могъ избѣгнуть ни шпіонства, которое развилось въ громадную систему, ни самой ужасной смерти, если бы я былъ открытъ. Не возможно было положиться на совѣсть даже самыхъ близкихъ род-

(1) De aedificiis. p. 170—173 ed Bonn Слич. также. I, 8. p. 197; I, 10. p. 204, II, 4. p. 223, VI, 3. p 336; VI, 7, p. 444.

ственниковъ. Равнымъ образомъ въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ я вынуждался умалчивать *о причинахъ* многихъ происшествій (1). Въ настоящемъ же твореніи я, напротивъ, намѣренъ показать причины какъ тѣхъ фактовъ, которые доселѣ я проходилъ молчаніемъ, такъ и тѣхъ, о которыхъ я повѣствовалъ прежде. Но, приступая къ этому новому труду, сколько я ощущаю скорби и боли при воспоминаніи о жизни Юстиніана и Ѳеодоры! Какъ я трепещу и безпокоюсь изъясниться о ихъ дѣйствіяхъ, особенно когда я проникаюсь убѣжденіемъ, что то, что̀ я намѣренъ теперь описать, не покажется потомству ни достойнымъ вѣры, ни даже вѣроятнымъ, особенно, когда пройдетъ такъ много времени и факты, описанные здѣсь, получатъ характеръ древности. И такъ, я страшусь навлечь на себя укоръ, что я обнародовалъ басни и заслужилъ быть причисленнымъ къ разряду рыдумщиковъ трагедій. Однакожъ я получилъ мужество не отступать отъ этого важнаго творенія, убѣжденный тѣмъ обстоятельствомъ, что не будетъ недостатка въ людяхъ для засвидѣтельствованія истины. Поистинѣ современники суть самые неопровержимые свидѣтели переживаемыхъ ими событій, и они являются довольно достойными вѣры, чтобы быть порукою истинности фактовъ предъ потомствомъ, которое послѣдуетъ за нами. Однакожъ, когда я предавался этому труду, часто моему духу представлялось другое предположеніе и долгое время держало меня въ нерѣшительности. Я сомнѣвался, чтобы было полезно передавать потомству эти разсказы; потому что часто находятъ себѣ подражателей самыя худыя дѣйствія, когда они достигаютъ слуха тирановъ, и въ такомъ случаѣ будетъ гораздо лучше, если будущія поколѣнія не будутъ и знать о нихъ. Потому что—обычное явленіе,

---

(1) *ἀλλὰ καὶ πολλῶν τῶν ἐν τοῖς ἔμπροσθεν λόγοις εἰρημένων ἀποκρύψασθαι τὰς αἰτίας ἠναγκάσθην*

что сильные люди въ большинствѣ случаевъ подражаютъ тому, что̀ сдѣлали ихъ предки наиболѣе худаго. Обычно также и то, что они весьма легко и какъ бы неизбѣжно склонны принимать за правило своей дѣятельности эти худые образцы. Но я убѣдился самою исторіей этихъ фактовъ, что тѣ, которые впослѣдствіи захотятъ проявлять такую же тираннію, сами будутъ предувѣдомлены о результатахъ такого поведенія, и что они могутъ найдти здѣсь образцы бѣдствій, которыя случались съ виновниками этихъ дѣйствій. Они узнаютъ, что ихъ личные поступки и ихъ развратъ не избѣгнутъ гласности и они тѣмъ болѣе будутъ удержаны отъ нарушенія законовъ человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ потомковъ узналъ бы о безславной жизни Семирамиды или Сарданапола и безуміи Нерона, если бы современные писатели не сохранили о нихъ воспоминанія? Не останется безъ пользы судъ, произнесенный противъ этихъ тирановъ, и для тѣхъ, которые сдѣлаются жертвами подобнаго рода крайностей. Потому что несчастные имѣютъ обыкновеніе утѣшаться тѣмъ, что страданія, которымъ они подвергались, претерпѣвали не они одни. Поэтому то я сначала займусь тѣмъ, что̀ сдѣлалъ худого Велизарій, а потомъ буду повѣтствовать о злодѣяніяхъ (μοχθηρὰ) Юстиніана и Θеодоры (1).

И подлинно, Прокопій употребляетъ самыя сильныя выраженія, чтобы представить намѣченныя имъ лица въ буквальномъ смыслѣ злодѣями, какихъ когда либо видѣлъ свѣтъ. „Сынъ сестры Юстина, Юстиніанъ, говоритъ онъ, будучи еще юнымъ, овладѣлъ всею государственною властію и сдѣлался причиною такихъ и столь многочисленныхъ бѣдствій для римлянъ, что никто и никогда не слыхалъ о подобныхъ. Онъ безъ зазрѣнія совѣсти вступилъ на путь убійства однихъ людей, которые не сдѣлали никакого преступленія, и похищенія имуществъ у другихъ. Для него ничего не значило

(1) Hist. arcan. p. 10—12. ed. Bonn.

погубить многія тысячи людей, какъ бы невинны они ни были. Онъ не обнаруживалъ никакого уваженія къ установленному порядку, напротивъ безпрестанно стремился къ новизнѣ и, словомъ сказать, былъ столь великимъ губителемъ хорошо установленныхъ порядковъ вещей, какъ никто въ мірѣ. Хотя заразительная болѣзнь (чума), о которой я говорилъ въ прежде изданныхъ мною сочиненіяхъ, свирѣпствовала по всей землѣ и, повидимому, явилась съ цѣлію погубить всѣхъ людей; однакожъ многіе и пощажены были ею,—одни потому, что не были и заражены ею, а другіе потому, что выздоровѣли послѣ зараженія. Но не было никого изъ римлянъ, кто бы избѣжалъ произвола этого человѣка. Онъ былъ какъ бы спадшимъ съ неба другимъ бичемъ, который не щадилъ никого. Однихъ онъ губилъ безъ всякой причины, а другихъ ввергалъ въ такую бѣдность, что ихъ положеніе становилось хуже смерти и они изъявляли желаніе подвергнуться самымъ жесточайшимъ наказаніямъ, чтобы только выйдти изъ положенія, въ которое они были поставлены. Наконецъ иные разомъ теряли и свое имущество и жизнь. Для Юстиніана не достаточно было разрушить одну римскую имперію; онъ захотѣлъ еще подчинить своей власти Ливію (Африку) и Италію, чтобы народы и этихъ странъ подвергнуть тѣмъ же самымъ бѣдствіямъ, какимъ онъ подвергъ провинціи своихъ подданныхъ, издавна ему подчиненныхъ“ (1).

---

(1) Hist. arc. c. 6 p. 45—46.—Безчисленныя убійства подданныхъ, съ цѣлію взять себѣ ихъ имущество, и разрушеніе древне-римскаго хорошо установленнаго порядка ради удовлетворенія страсти къ нововведеніямъ составляютъ два главныхъ пункта, вокругъ которыхъ Прокопій группируетъ всѣ обвиненія, взводимыя имъ на Юстиніана. «Я, говоритъ онъ, въ предшествующихъ моихъ сочиненіяхъ сказалъ, какъ народъ съиздревле раздѣлялся на двѣ партіи (de bell Pers. I. c. 24). Юстиніанъ избралъ одну изъ нихъ, партію Венетовъ (или Голубыхъ), къ которой онъ принадлежалъ и прежде, и посредствомъ которой онъ получилъ силу все возмущать и производить мятежническія движенія Результатомъ этого было то, что государственное дѣло римлянъ было поколебдено и стало

Такой, по существу своему злобный и вредный человѣкъ, очевидно, и жениться могъ только на женщинѣ, во всемъ подобной себѣ. Была въ Византіи

клониться къ упадку Однакожъ не всѣ Венеты были одинаковаго мнѣнія съ этимъ мужемъ, но только тѣ, которые склонны были къ перемѣнамъ. Даже и въ то время, когда зло достигло своей вершины, они являлись людьми болѣе мудрыми, потому что они очень мало пользовались случаемъ, который давалъ имъ возможность производить преступленія Съ своей стороны не оставались бездѣятельными и Прасины (Зеленые), весьма склонные къ возмущенію, но, не смотря на то, что они были наказываемы безпрерывно, они, всякимъ родомъ преступленій, подавали поводъ къ самымъ справедливымъ упрекамъ. Наказанія ихъ только возбуждали и они изо дня въ день становились наиболѣе дерзкими; потому что притѣсняемые обыкновенно впадаютъ въ ослѣпленіе Юстиніанъ, явно ободряя и возбуждая Венетовъ, подобно землетрясенію, или непредвидѣнному наводненію, или какъ если бы городъ взятъ былъ непріятелемъ, всецѣло потрясъ римскую имперію въ ея основаніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ дѣла и на всѣхъ пунктахъ были ниспровергнуты Ничего не осталось на своемъ мѣстѣ. Законы и общественный порядокъ государства, ниспровергнутые, были замѣнены установленіями, всецѣло имъ противоположными», (Замѣчательно, что Прокопіева характеристика Голубыхъ и Зеленыхъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ разсужденіями о. Герасима объ этихъ партіяхъ См. выше, стр. 154—160 примѣч). Молодые и наглѣйшіе изъ Венетовъ позволяли себѣ всякаго рода насилія, они грабили и убивали среди бѣлаго дня и на открытыхъ площадяхъ, безчестили и насиловали мужнихъ женъ и дѣвицъ. «Никто болѣе не питалъ надежды провести жизнь въ безопасности, всѣ жили въ ожиданіи смерти, потому что не было никакого мѣста, ни времени, которыя могли бы быть порукою безопасности въ жизни. Потому что не уважались самые досточтимые храмы и убійцы врывались даже въ средину религіозныхъ процессій. Невозможно стало полагаться ни на своихъ друзей, ни на родственниковъ Въ самомъ дѣлѣ, многіе погибали подъ ударами своихъ родственниковъ Не было никакого разслѣдованія этихъ преступленій . Законъ и договоры, считаемые лучшею связью общества, потеряли свое значеніе. Сила замѣнила всякій порядокъ Государство совершенно уподобилось деспотическому государству, но неустановившемуся и въ спокойствіи находящемуся, а постоянно измѣняющемуся и всегда начинающему вновь Мнѣнія первыхъ сановниковъ государства были низводимы до мнѣній людей отверженныхъ, они были подчиняемы волѣ одного человѣка» Словомъ, Юстиніанъ всячески покровительствовалъ Венетамъ и они чинили всевозможныя насилія «Однакожъ эти насилія менѣе печалили подвергающихся имъ, чѣмъ преступленія Юстиніана относительно государства». Потому что, «когда насилія исходятъ отъ власти, обязан-

актриса, Θеодора, прекрасная собою, одаренная въ высокой степени тѣлесными и духовными дарами природы, но крайне развратная и злая. Дочь питателя

ной покровительствовать обществу, тогда несчастные, подвергшіеся бѣдствіямъ, впадаютъ въ отчаяніе, тѣмъ болѣе великое, что они лишены надежды быть отмщенными» (с 7) И эти злодѣянія производились не только въ Византіи, но и во всякомъ городѣ, и когда они начинали свирѣпствовать въ Византіи, — вся римская имперія подвергалась отъ нихъ опустошенію. При этомъ императоръ оставался совершенно глухъ къ разслѣдованію преступленій «Онъ былъ крайне глупъ и совершенно походилъ на осла, который повинуется тому, кто держитъ его узду, и который часто потрясаетъ своими ушами Юстиніанъ обладалъ этимъ порокомъ и иногда потрясалъ все Едва онъ облеченъ былъ властію въ царствованіе своего дяди, какъ государственное казначейство, со всѣми въ немъ находящимися богатствами, сдѣлалось предметомъ его прихотливой расточительности, какъ если бы онъ былъ уже полнымъ господиномъ» Онъ увеличилъ плату гуннамъ, которые отъ того еще чаще стали нападать на предѣлы имперіи (слич. de b. P I. I. c 14. p. 103, II. c. 4 p. 167—168) «Равнымъ образомъ онъ думалъ употребить значительную часть денегъ на постройку морскихъ сооруженій, какъ будто онъ могъ заставить волны впредь ласкаться къ берегамъ, которые они постоянно обуревали Онъ боролся противъ теченія (Евксинскаго) понта, заставляя набрасывать камни впередъ къ морю со стороны берега, казалось, онъ хотѣлъ укротить могущество моря изобиліемъ своихъ сокровищъ Онъ отбиралъ у римлянъ частныя ихъ имущества на всѣхъ пунктахъ имперіи, у однихъ—вслѣдствіе возбужденія противъ нихъ какого нибудь преступленія, въ которомъ они были неповинны, а у другихъ—вслѣдствіе подложнаго завѣщанія, составленнаго по его волѣ, но противъ воли завѣщателя» По внѣшнему своему виду онъ вполнѣ походилъ на Домиціана, худшаго изъ римскихъ государей. По характеру своему онъ былъ «злодѣи (κακοῦργος) и ловкій обманщикъ (εὐπαράγωγος), каковыхъ людей называютъ и глупыми и злыми Онъ ни съ кѣмъ не былъ откровененъ, съ кѣмъ онъ входилъ въ общеніе; но инстинктивно его слова и его дѣйствія всегда были злы, и ничего не было легче, какъ обмануть его, когда было желательно Онъ былъ дикарь безъ принциповъ, развращенный злобою и звѣрствомъ Къ нему можно отнести, что̀ нѣкогда изрекъ одинъ изъ философовъ перипатетической школы,—что у людей также иногда встрѣчаются крайне противоположные недостатки, какъ красота въ смѣшеніи цвѣтовъ» «Итакъ, этотъ государь былъ скрытенъ, обманщикъ, сосредоточенъ въ гнѣвѣ и двойственнаго вида» Онъ давалъ торжественныя увѣренія, скрѣпленныя самыми страшными клятвами, для того только, чтобы тотчасъ же ихъ нарушить. «Другъ безъ вѣры, врагъ безъ законности, жадный къ убійствамъ и богатствамъ, любитель нововведеній и

медвѣдей въ циркѣ партіи Прасиновъ (Зеленыхъ), весьма рано осиротѣвшая, она предалась разврату еще прежде наступленія половой зрѣлости. Когда же

перемѣнъ, всегда склонный ко злу, ничьимъ совѣтомъ не преклоняемый къ добрымъ рѣшеніямъ, горячій въ изобрѣтеніи и исполненіи зла, онъ даже и слышать не хотѣлъ ничего хорошаго. Кто можетъ въ совершенствѣ изобразить наклонности Юстиніана? Во всѣхъ этихъ и многихъ другихъ порокахъ онъ явилъ себя не какъ отдѣльный порочный человѣкъ, но, казалось, природа собрала въ душѣ этого человѣка всѣ порочныя свойства, какія разсѣяны у другихъ людей по частямъ. Онъ былъ до крайности легокъ въ допущеніи обвиненій и быстръ въ наказаніи. Онъ никогда не предавался разслѣдованію фактовъ предъ произнесеніемъ суда, онъ произносилъ свое рѣшеніе тотчасъ же, какъ только выслушивалъ обвинителя Онъ писалъ свои рѣшенія, не колеблясь, и безъ всякой причины рѣшалъ опустошеніе страны, сожженіе города, отдачу въ рабство цѣлыхъ народовъ, такъ что если бы кто захотѣлъ сосчитать, сколько бѣдствій случилось у римлянъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ, тотъ, думается мнѣ, нашелъ бы, что этотъ человѣкъ болѣе совершилъ убійствъ, чѣмъ ихъ было во все предыдущее время. Онъ былъ крайне быстръ въ дѣлѣ присвоенія себѣ имуществъ другихъ и не стѣснялся никакими препятствіями, которыя противополагало ему право въ дѣлѣ похищенія чужой собственности. Но, когда овладѣвалъ имуществами, то не дорожилъ ими, а расточалъ ихъ съ безумною щедростію и безъ всякаго разумнаго повода Онъ безъ причины передавалъ ихъ варварамъ. Словомъ, самъ онъ ничѣмъ не владѣлъ, да и другимъ не позволялъ пользоваться богатствами, такъ что, казалось, въ дѣлѣ хищенія онъ руководствовался не скупостію, а завистію къ тѣмъ, которые владѣли имуществами. Такимъ образомъ онъ въ конецъ разрушилъ прошлое благосостояніе римлянъ и сдѣлался причиною обѣдненія всѣхъ». (с. 8). Желаніе овладѣть имуществами своихъ подданныхъ и жажда крови побудила его воздвигнуть жесточайшее гоненіе на еретиковъ, самарянъ, язычниковъ, педерастовъ и астрологовъ (с. 11. р. 74—77). Члены сената и высшія правительственныя лица не были изъяты отъ хищничества Юстиніана (с. 12 р 77—78). Юстиніанъ продавалъ высшія судебныя и другія административныя должности съ аукціона. Покупатель вносилъ въ императорское казначейство деньги и затѣмъ отправлялся безнаказанно грабить купленную имъ провинцію или область. Не довольствуясь продажею должностныхъ мѣстъ по частямъ, Юстиніанъ учредилъ для нихъ нѣчто въ родѣ откупа. Когда становилось извѣстнымъ, что купившій должность чиновникъ уже достаточно обогатился посредствомъ ограбленія жителей ввѣренной его управленію провинціи, императоръ возбуждалъ противъ него какой нибудь процессъ, отнималъ у него все награбленное имъ имущество, а на мѣсто его, такимъ же по-

ея формы развернулись во всей ихъ красѣ, она предалась столь необузданному сладострастію, естественному и противоестественному, такое обнаруживала

рядкомъ, назначалъ новаго чиновника, и еще худшаго Всѣ, вновь назначаемые, чиновники непремѣнно были гораздо злѣе и хуже своихъ предшественниковъ, такъ что несчастные жители, привыкшіе считать прежнихъ чиновниковъ верхомъ злобы и развращенности человѣческой природы, по сравненію ихъ за тѣмъ съ вновь назначенными чиновниками начинали уже смотрѣть на нихъ, какъ на людей порядочныхъ Добрыхъ и честныхъ чиновниковъ Юстиніанъ не терпѣлъ и отрѣшалъ ихъ отъ должности тотчасъ же, какъ только замѣчалъ ихъ доброту. На всѣ должностныя мѣста онъ избиралъ только самыхъ злыхъ и самыхъ развращенныхъ людей государства, которые могли бы соотвѣтствовать его губительнымъ замысламъ Высшіе чиновники въ свою очередь продавали зависящія отъ нихъ мѣста низшимъ чиновникамъ. Такимъ образомъ явилась организованная система грабительства, ужасная и по своему примѣненію, и по гибельнымъ слѣдствіямъ (с 21 22) Самые законы были продаваемы на вѣсъ золота и Юстиніанъ отмѣнялъ прежніе законы, издавалъ новые, или опять отмѣнялъ свои, только-что изданные, законы, смотря по выгодѣ взятки, которая была ему предлагаема (с 13. р. 85, с. 14. р. 89; с 27—28 р. 153—154). Всѣ собираемыя такимъ образомъ сокровища были расточаемы варварамъ и на безсмысленныя постройки. Плата денегъ варварамъ только возбуждала ихъ аппетитъ и побуждала удвоить набѣги на предѣлы имперіи и тѣмъ увеличить бѣдствія римлянъ. Жажда крови побуждала Юстиніана ссорить варваровъ между собою, что̀ еще болѣе раздражало ихъ противъ имперіи (с 11 р 71—73). Вообще одинъ Юстиніанъ и его скупость были виною всѣхъ войнъ, ведомыхъ въ его царствованіе, и бѣдствій, отсюда проистекавшихъ (с 18. р. 108—110). Его страсть къ нововведеніямъ заставила его отмѣнить всѣ прежнія формы государственнаго управленія и на мѣсто ихъ ввести новыя, странныя. Всѣ рѣшенія, прежде изготовляемыя и обнародоваемыя обыкновенно чрезъ квестора, или государственныхъ секретарей, или другихъ чиновниковъ, теперь были изготовляемы, въ большинствѣ случаевъ, самимъ императоромъ, такъ что всѣ означенныя должности сдѣлались какъ бы излишними Самый сенатъ низведенъ до нуля (с 11 р. 71; с. 14. р 87—88) Сословія адвокатовъ, медиковъ, консуловъ уничтожены (с. 26 р 142—144). Прямыми своими обязанностями—государственными дѣлами—Юстиніанъ не занимался, а вмѣсто того упражнялъ свой умъ въ созерцаніи, въ изслѣдованіи Божественной Природы (с 18 р. 110. *ἀντί τε σπουδῆς τῆς περὶ ταῦτα περισκοπῶν μὲν τὰ μετέωρα, περιέργως δὲ ἀμφὶ τῇ τοῦ θεοῦ φύσει γινόμενος*). Словомъ, злодѣянія Юстиніана столь многочисленны, что ихъ и перечислить нельзя (с 27. р. 149) Одинъ Богъ можетъ сосчитать, сколько людей погибло отъ ру-

безстыдство на сценѣ театра и повсюду, гдѣ только появлялась, что порядочные люди считали худымъ предзнаменованіемъ и за наказаніе Провидѣнія лишь встрѣчаться съ нею, и чтобы какъ нибудь не встрѣтиться и, отъ прикосновенія съ нею, не запятнать себя, сворачивали съ пути и, по возможности, старались обходить ее. Одинаково развратною она заявила себя не только въ Византіи, но и въ Александріи и на всемъ востокѣ, гдѣ она очутилась по не менѣе постыдному случаю и гдѣ она гнуснымъ ремесломъ своимъ промышляла себѣ кусокъ хлѣба. Вездѣ ея репутація была одинакова и вездѣ порядочные люди ея избѣгали. Тѣмъ не менѣе Юстиніанъ, имѣвшій полную возможность искать себѣ супругу во всей римской имперіи „и такъ легко могущій найдти себѣ дѣвицу самаго знатнаго рода, отмѣннаго воспитанія, сохранившую стыдѣніе неприкосновеннымъ, примѣрной мудрости, ослѣпительной красоты, съ дѣвственно-упругими персями“, все-таки женился на этой постыдной женщинѣ, къ явному соблазну всѣхъ и вопреки древнѣйшимъ законамъ, воспрещавшимъ ли-

---

ки Юстиніана, человѣку также трудно сосчитать это, какъ песокъ пустыни. Впрочемъ, Прокопій здѣсь же высказываетъ свое мнѣніе, что Юстиніанъ, въ теченіе своего царствованія, погубилъ по крайней мѣрѣ 100 милліоновъ жителей. Въ одной Африкѣ онъ истребилъ не менѣе 5 милліоновъ, такъ что страна сдѣлалась совершенно пустынною (с. 18. р 106—107) По всему этому Прокопій полагаетъ, что Юстиніанъ былъ не человѣкъ, а демонъ, злой духъ Что Юстиніанъ—не человѣкъ, облеченный плотію и кровію, а безплотный злой духъ, или демонъ,— Прокопій старается доказать это многообразно и не въ одномъ мѣстѣ. Онъ даже приводитъ басню, будто сама мать Юстиніана сознавалась, что она зачала его не отъ своего мужа Савватія, а отъ демона, и что она сама, хотя не видѣла этого демона, но ощущала его прикосновеніе предъ тѣмъ, какъ войдти въ соитіе съ Савватіемъ. Да и какъ не считать Юстиніана демономъ, когда онъ, не смотря на строгій постъ и вообще крайнюю воздержность въ пищѣ и питьѣ, съ яростію предавался любовнымъ наслажденіямъ, работалъ неутомимо и почти безъ сна проводилъ цѣлыя ночи (с. 12. р. 79—82, с 14. р. 87—88; с. 18. р. 106. 111, с 30. р. 166).

цамъ сенаторскаго званія жениться на актрисахъ. Этотъ фактъ можетъ служить разительнѣйшимъ доказательствомъ развращенности нравовъ Юстиніана. „Въ одномъ актѣ этого столь недостойнаго союза открываются всѣ пороки его души. Союзъ этотъ служитъ истолкователемъ, доказательствомъ и исторіей его нравовъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда, не чувствуя никакого стыда отъ фактовъ подобнаго рода, пренебрегаютъ общественнымъ мнѣніемъ, то уже не остается никакого закона, который нельзя было бы попрать ногами". И однакожъ, не смотря на то, что союзомъ подобнаго рода запачкано было все государственное устройство, не нашлось ни одного лица ни въ высокомъ сенатѣ, ни въ священническомъ званіи, ни въ войскѣ, ни въ народѣ, которое выразило бы неодобреніе подобному неестественному союзу. „Напротивъ, всѣ простерлись предъ Ѳеодорою, какъ бы предъ божествомъ". Сдѣлавшись супругою, она оказывала сильнѣйшее вліяніе на Юстиніана, такъ что ни одно государственное дѣло не рѣшалось безъ ея совѣта. Во всѣхъ злодѣяніяхъ Юстиніана она была неизмѣнною соучастницей; она даже побуждала Юстиніана творить злодѣянія. Злоба и жестокость ея превышала всякія мѣры. По всему этому какъ Ѳеодора, такъ и Юстиніанъ не могутъ быть названы людьми, облеченными плотію и кровію, но демонами, существами сверхъестественными и злобными. Юстиніанъ и зачатъ отъ демона, злаго духа; въ этомъ сознавалась сама его мать. Что же касается Ѳеодоры, то и ея связь съ духами злобы безспорна; она занималась волшебствомъ и при посредствѣ чаръ держала Юстиніана въ своихъ рукахъ и направляла его дѣятельность по своей волѣ. По бракосочетаніи съ Юстиніаномъ, она, оставивъ прежнихъ своихъ любовниковъ, вступила въ любовныя связи съ демонами (1).

(1) Hist. arc. c. 9—10, c. 12. p. 79—82, c. 13. p. 85; c. 22. p. 126—128; c. 3. c. 17.—Образъ Ѳеодоры Прокопій описываетъ даже

Византійцы питали большое уваженіе къ сочиненіямъ Прокопія, хвалили ихъ и изучали усердно. Но замѣчательно здѣсь то, что они читали и изучали

болѣе рѣзкими чертами (но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе живыми), чѣмъ образъ Юстиніана. Τοῖς μίμοις τὰ ἐς τὸ θέατρον πάντα ὁμίλει καὶ τῶν ἐνταῦθα ἐπιτηδευμάτων μετεῖχεν αὐτοῖς, γελωτοποιοῖς τισι βωμολοχίαις ὑπηρετοῦσα· ἦν γὰρ ἀστεία διαφερόντως καὶ σκώπτρια, ἀπόβλεπτός τε ἐκ τοῦ ἔργου εὐθὺς ἐγεγόνει. οὐ γάρ τινος αἰδοῦς τῷ ἀνθρώπῳ μετῆν ἢ διατραπεῖσάν τις αὐτὴν πώποτε εἶδεν, ἀλλ' ἐς ἀναισχύντους ὑπουργίας οὐδεμιᾷ ὀκνήσει ἐχώρει, καὶ τοιαύτη τις ἦν οἵα ῥαπιζομένη μὲν τε καὶ κατὰ κόρρης πατασσομένη χαριεντίζειν τε καὶ μέγιστα ἀναναγχάζειν, ἀποδυσαμένη τε τὰ τε πρόσω καὶ τὰ ὀπίσω τοῖς ἐντυγχάνουσι γυμνὰ ἐπιδεῖξαι, ἃ τοῖς ἀνδράσι θέμις ἄδηλά τε καὶ ἀφανῆ εἶναι. ἐς δὲ τοὺς ἐραστὰς ἐχλεύαζέ τε βλακεύουσα καὶ νεωτέραις ἀεὶ τῶν μίξεων ἐνδιαθρυπτομένη ἐπιτεχνήσεσι παραστήσασθαι τὰς τῶν ἀκολάστων ψυχὰς ἐς οἷ ἴσχυεν, ἐπεὶ οὐδὲ πειρᾶσθαι πρὸς του τῶν ἐντυγχανόντων ἠξίου, ἀλλ' ἀνάπαλιν αὐτὴ γελοιάζουσά τε καὶ βωμολόχως ἰσχιάζουσα τοὺς παραπεπτωκότας ἅπαντας, ἄλλως τε καὶ ἀγενείους ὄντας ἐπείρα. ἥσσων γὰρ τις ἡδονῆς οὕτως ἁπάσης οὐδαμῇ γέγονεν, ἐπεὶ καὶ ἐς ξυναγώγιμον δεῖπνον πολλάκις ἐλθοῦσα ξὺν νεανίαις δέκα, ἢ τούτων πλείοσιν, ἰσχύι τε σώματος ἀκμάζουσι λίαν καὶ τὰ λαγνεύειν πεποιημένοις ἔργον, ξυνεκοιτάζετο μὲν τὴν νύκτα ὅλην τοῖς συνδείπνοις ἅπασιν, ἐπεὶ δὲ πρὸς τὸ ἔργον τοῦτο πάντες ἀπείπονεν, ἥδε παρὰ τοὺς ἐκείνων οἰκέτας ἰοῦσα τριάκοντα ὄντας, ἂν οὕτω τύχοι, ξηνεδυάζετο μὲν τούτων ἑκάστῳ, κόρον δὲ οὐδὲ ὡς ταύτης μὲν τῆς μισητίας ἐλάμβανε. καὶ ποτε ἐς τῶν τινος ἐπιφανῶν οἰκίαν ἐλθοῦσα μεταξὺ τοῦ πότου θεωμένων αὐτὴν, ὥς φασι, τῶν ξυμποτῶν ἁπάντων, ἐς τὸ προὔχον ἀναβᾶσα τῆς κλίνης, ἀμφὶ τὰ πρὸς ποδῶν ἀνασύρασά τε τὰ ἱμάτια, οὐδενὶ κόσμῳ ἐνταῦθα οὐκ ἀπηξίωσε τὴν ἀκολασίαν ἐνδείκνυσθαι. ἡ δὲ καὶ τῶν τριῶν τρυπημάτων ἐργαζομένη ἐνεκάλει τῇ φύσει, δυσφορουμένη ὅτι δὴ μὴ καὶ τοὺς τιτθοὺς αὐτῇ εὐρύτερον ἢ νῦν εἰσι τρυπᾷη, ὅπως καὶ ἄλλην ἐνταῦθα μίξιν ἐπιτεχνᾶσθαι δυνατὴ εἴη. καὶ συχνὰ μὲν ἐκύει, πάντα δὲ σχεδὸν τεχνάζουσα ἐξαμβλύσκειν εὐθὺς ἴσχυε πολλάκις δὲ καὶ τῷ θεάτρῳ ὑπὸ θεατῇ παντὶ τῷ δήμῳ ἀπεδύσατό τε καὶ γυμνὴ διὰ μέσου ἐγένετο, ἀμφὶ τὰ αἰδοῖα καὶ τοὺς βουβῶνας διάξωμα ἔχουσα μόνον, οὐχ ὅτι μέντοι ᾐσχύνετο καὶ ταῦτα τῷ δήμῳ δεικνύναι, ἀλλ' ὅτι ἐνταῦθα παντάπασι παριέναι οὐδενὶ ἔξεστιν ὅτι μὴ τῷ ἀμφὶ τοὺς βουβῶνας μόνον διάξωμα ἔχοντι. οὕτω μέντοι τοῦ σχήματος ἔχουσα, ἀναπεπτωκυῖά τε ἐν τῷ ἐδάφει, ὑπτία ἔκειτο· θῆτες δὲ τινες, οἷς δὴ τὸ ἔργον τόδε ἐνέκειτο, κριθὰς αὐτῇ ὕπερθεν τῶν αἰδοίων ἐρριπτουν, ἃς δὴ οἱ χῆνες, οἳ ἐς τοῦτο παρεσκεβασμένοι ἐτύγχανον, τοῖς στόμασιν ἐνθένδε κατὰ μίαν ἀνελόμενοι ἤσθιον· ἡ δὲ οὐχ ὅτι οὐκ ἐρυθριῶσα ἐξανίστατο,

одни только книги о войнахъ и постройкахъ Юстиніана, находя ихъ, повидимому, согласными и ничуть не противорѣчащими другъ другу, и ничего не знали, по крайней мѣрѣ, не говорили объ *Ἀνέκδοτα*. Изъ всѣхъ извѣстій византійцевъ о Прокопіѣ и его „Анекдотахъ“ съ достовѣрностію пока можно сказать только то, что ихъ видѣлъ и читалъ Свида, писатель X в., который въ отдѣлѣ о Прокопіѣ говоритъ, что онъ, кромѣ исторіи войнъ, „написалъ и еще книгу о дѣяніяхъ Юстиніана, такъ называемую *Ἀνέκδοτα*, такъ что оба эти творенія составятъ вмѣстѣ девять книгъ. Книга Прокопія, такъ называемая *Ἀνέκδοτα*, содержитъ въ себѣ порицанія и ругательства (*ψόγους καὶ κωμῳδίας*) на царя Юстиніана и его супругу Ѳеодору, а также на самаго Велизарія и его супругу“. А затѣмъ объ *Ἀνέκδοτα* упоминаетъ еще болѣе поздній (XIV в.) писатель, Никифоръ Каллистъ, который объ нихъ говоритъ такимъ образомъ, что „четвертая

ἀλλὰ καὶ φιλοτιμουμένη ἐπὶ ταύτῃ δὴ τῇ πράξει ἐφκει. ἦν γὰρ οὐκ ἀναίσχυντος μόνον, ἀλλὰ καὶ ἀναισχυντοποιὸς πάντων μάλιστα. πολλάκις δὲ καὶ ἀποδυσαμένη ξὺν τοῖς μίμοις ἐν μέσῳ εἱστήκει λορδουμένη τε καὶ τὰ ὀπίσω ἀποκοντῶσα τοῖς τε διάπειραν αὐτῆς ἔχουσι καὶ τοῖς οὔπω πεπλησιακόσι τὰ ἐκ παλαίστρας τῆς αὐτῇ εἰωθυίας βρενθυομένη. οὕτω δὲ ἀκολάστως εἰς τὸ σῶμα τὸ αὐτῆς ὕβριζεν, ὥστε τὴν αἰδῶ οὐκ ἐν τῇ τῆς φύσεως χώρᾳ κατὰ ταὐτὰ ταῖς ἄλλαις γυναιξὶν, ἀλλὰ ἐν τῷ προσώπῳ ἔχειν ἐδόκει οἱ μὲν οὖν αὐτῇ πλησιάζοντες ἔνδηλοι εὐθὺς ἀπ' αὐτοῦ ἦσαν, ὅτι δὴ οὐ κατὰ νόμον τῆς φύσεως τὰς μίξεις ποιοῦνται (p. 60—62) На пути изъ Египта въ Византію, Ѳеодора впала-было въ крайнюю бѣдность, такъ что стала роптать на свою судьбу Но тогда одна женщина, по имени Македонія, точно также какъ и Ѳеодора промышлявшая проституціей и игрою на театральной сценѣ, сказала ей въ утѣшеніе, чтобы она не печалилась теперь много, потому что снова достигнетъ великихъ богатствъ На это Ѳеодора съ своей стороны прибавила, что она и сама видѣла въ настоящую ночь сонъ, предвѣщающій ей лучшее будущее Явившееся ей видѣніе говорило, «чтобы она не заботилась о своей судьбѣ, потому что, по прибытіи въ Византію, она вступитъ на ложе князя демоновъ, сдѣлается, благодаря ловкости своихъ средствъ, его супругою, а чрезъ него станетъ госпожею и всякихъ богатствъ, какихъ только можетъ пожелать» (p. 82).

книга (Ἀνέκδοτα) составляетъ отъятіе тѣхъ похвалъ, которыя Прокопій расточилъ на Юстиніана" (1). И только. Намѣренно ли игнорированіе византійцевъ „Анекдотами", или ненамѣренно,—это, конечно, трудно рѣшить; но нужно признать за фактъ то, что, при всей возможности, „Анекдоты" не нашли у нихъ широкаго примѣненія.

Въ новое время „Анекдоты" Прокопія, вмѣстѣ съ остальными его сочиненіями, подвергались многократнымъ критическимъ обслѣдованіямъ, такъ что литтература о нихъ можетъ быть названа обширною литтературою. Необходимость и важность подобнаго рода изслѣдованій о сочиненіяхъ Прокопія очевидны сами собою: Ἀνέκδοτα, по собственному признанію Прокопія, должны составлять внутреннюю подкладку или основаніе того, что̀ разсказано имъ въ исторіяхъ,—изложеніе внутреннихъ мотивовъ всѣхъ дѣйствій Юстиніана и Θеодоры, а также дополненіе нѣкоторыхъ событій, о которыхъ не возможно было высказаться откровенно въ исторіяхъ. Слѣдовательно отъ такого или иного взгляда на Ἀνέκδοτα зависитъ взглядъ не только на остальныя сочиненія Прокопія, но и вообще на характеръ царствованія Юстиніана и Θеодоры, на нихъ самихъ, какъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, и на внутреннее достоинство и качество всей ихъ дѣятельности. Правда, Прокопій не единственный описатель дѣяній Юстиніана и Θеодоры,—слѣдовательно—не единственный авторитетъ, на который только и можно было бы опереться при характеристикѣ Юстиніанова царствованія. Кромѣ Прокопія, того же самаго

(1) XVII c. 10. Quartum opus retractatio est orationum, quas apud Justinianum laudibus eum vehens habuit, quasi quaedam palinodia, seu recantatio minus recte ab eo dictorum — Никифоръ Каллистъ раздѣлялъ всѣ сочиненія Прокопія на четыре книги первая раздѣленная на четыре части, обнимаетъ исторію персидскихъ войнъ (очевидно, и вандальской войны), вторая, точно также раздѣленная на четыре части, исторію готеской войны, третія описываетъ постройки Юстиніана и четвертая—Ἀνέκδοτα

царствованія въ большей или меньшей мѣрѣ касались и другіе современники-очевидцы событій: Агаѳія Миринейскій. Іоаннъ Лидянинъ, Петръ Магистръ, Менандръ Протекторъ, Ѳеофанъ византіецъ, Павелъ Силенціарій, Евагрій Схоластикъ, Кириллъ скиѳопольскій, пресвитеръ Евстратій, комитъ Марцеллинъ, Корипп, Викторъ тунисскій, Либератъ діаконъ, Факундъ герміанскій и нѣкоторые другіе греческіе и латинскіе писатели, отъ которыхъ дошли до насъ или полныя сочиненія, или же только отрывки, и которые такъ или иначе касались царствованія Юстиніана. Кромѣ того, къ разряду этихъ же писателей-современниковъ нужно отнести также и тѣхъ, которые жили непосредственно послѣ царствованія Юстиніана и у которыхъ, потому, преданіе о его дѣяніяхъ было еще свѣжо и ощутительно. Таковы суть: Іоаннъ Малала, написавшій свою хронику между 578—582 гг. или же нѣсколько позднѣе; авторъ Пасхальной хроники; папы: Пелагій II (578—590), Григорій великій (590—604), и Агаѳонъ, (678—682), и нѣкоторые другіе (1). Всѣ эти писатели произносятъ свой судъ о дѣятельности Юстиніана или о немъ самомъ, съ указаніемъ на тѣ или другіе факты его царствованія. Но а) ни одинъ изъ нихъ не можетъ быть названъ въ такой мѣрѣ спеціальнымъ описате-

---

(1) Corpus scriptorum historiae Byzantinae, ed. Bonn. t VI—VIII, XII, Византійскіе историки Дексиппъ, Евнапій, Олимпіодоръ, Малхъ, Петръ патрицій, Менандръ, Кандидъ, Іоннесъ, и Ѳеофанъ византіецъ, перев съ греческ. Спир Лестунмомъ. Спб 1860 г; Vita Sabae, c 54. 68—71; *Τοῦ μεγάλου καὶ τρισμακαρίστου Εὐτυχίου πατρ. κωνσταντινουπόλεως βίος καὶ πολιτεία συγγραφεὶς παρ' Εὐστρατίου πρεσβυτέρου ταπεινοῦ αὐτοῦ μαθητοῦ*, — Migne, patr curs compl. t. LXXXVI, ser. Graeca; Marcellini comitis V G Chronicon, — Migne, patr. curs compl. t. LI, ser. Lat.; Victoris episcopi Tununensis chronicon, ed. Galland. t XII, p. 222—232; Facundi episcopi Hermianensis pro defensione trium capitulorum conc. Calched libri XII; Facundi episc. Hermian. liber contra Mocianum scholasticum, ed. Galland. t. XI, Дѣян всел соборовъ Казань, 1875. т. V и VI.

лемъ дѣяній Юстиніана, какъ Прокопій; b) сужденія ихъ весьма разнообразны: подлѣ восторженныхъ отзывовъ о Юстиніанѣ Куриппа, Павла Силенціарія, также Кирилла скиѳопольскаго, пресвитера Евстратія, папы Агаѳона и его собора, мы встрѣчаемъ здѣсь умѣренныя описанія и сужденія Агаѳія, Менандра, а отчасти и Евагрія Схоластика, или же сухой перечень событій у Марцеллина и Виктора тунисскаго, и свободныя и рѣзкія воззрѣнія у Факунда германскаго; и c) взглядъ на Прокопія изслѣдователей его сочиненій высказывается ими обыкновенно не на основаніи однихъ только его сочиненій, а потому, насколько его свидѣтельства согласны съ показаніями о Юстиніанѣ прочихъ современныхъ ему писателей. Уже отсюда можно видѣть, сколь важно и необходимо сдѣлать, хотя только краткій, обзоръ литтературы о сочиненіяхъ Прокопія для уясненія и установленія надлежащей, болѣе или менѣе объективной, точки зрѣнія на Юстиніана и его царствованіе. Но интересъ и важность подобнаго обзора въ высокой мѣрѣ возрастаютъ еще отъ того, что взгляды и конечные выводы критиковъ и изслѣдователей Прокопія въ послѣднемъ основаніи своемъ вытекаютъ главнымъ образомъ изъ ихъ религіозной точки зрѣнія, въ частности—изъ ихъ точки зрѣнія на отношеніе церкви къ государству, а также и изъ нѣкоторыхъ другихъ побочныхъ побужденій. Послѣдовательный историческій обзоръ видоизмѣненія этихъ точекъ зрѣнія, а вмѣстѣ съ ними—видоизмѣненія и самыхъ взглядовъ на Прокопія и Юстиніана, сколько послужитъ къ сравнительной оцѣнкѣ ихъ внутренняго достоинства, а слѣдовательно и образованію объективной точки зрѣнія, столько же можетъ способствовать къ болѣе точному уясненію и выдѣленію византійской точки зрѣнія о томъ же самомъ предметѣ и — ея сравнительно съ другими преимущества или недостатка.

Первымъ издателемъ Ἀνέκδοτα (въ 1623 г.) былъ Николай Алеманнъ, родомъ грекъ и первоначально

исповѣдовавшій православную вѣру, но потомъ перешедшій въ католичество и, какъ ренегатъ, сдѣлавшійся однимъ изъ самыхъ жаркихъ приверженцевъ ультрамонтанской теоріи папства. По этой теоріи, какъ извѣстно, всякая власть, существующая въ мірѣ, есть не болѣе, какъ истеченіе изъ папской власти или отблескъ этой послѣдней, представляющей собою единственную власть, непосредственно проистекающую отъ Бога и служащую единственною представительницею и посредницею Его власти на землѣ; слѣдовательно, всѣ государи міра суть только вассалы папы, обязанные ему всевозможнымъ повиновеніемъ, и тотъ изъ нихъ есть исчадіе сатаны, кто осмѣлится ослушаться папы или ему противодѣйствовать. Слѣдуя этой теоріи, уже знаменитый основатель ультрамонтанской школы римско-католическихъ церковныхъ историковъ, Цезарь Бароній, приравнялъ Юстиніана и Ѳеодору къ чудовищамъ, самымъ гибельнымъ для римской церкви. Бароній не видалъ Ἀνέκδοτα; онъ самъ сознается въ этомъ и даже сожалѣетъ объ этомъ (1). Но онъ усмотрѣлъ въ Юстиніанѣ и Ѳеодорѣ противодѣйствіе римскимъ первосвященникамъ и даже акты насилія надъ ними. Такое противодѣйствіе намѣстникамъ самаго Христа на землѣ не могло не показаться ультрамонтанину нарушеніемъ божественнаго міропорядка и сопротивленіемъ волѣ самаго Бога. Отсюда—всѣ темныя краски Баронія. Въ особенности же онъ мрачно рисуетъ царицу Ѳеодору, безраздѣльно властвовавшую надъ своимъ мужемъ и побуждавшую его ко всѣмъ злымъ, по мнѣнію ультрамонтанъ, дѣйствіямъ. Она, по описанію Баронія, совмѣщала въ себѣ всѣ злыя качества историческихъ, миѳическихъ и адскихъ фурій. Чудовищный образъ Юстиніана есть, такъ сказать, необходимое отображеніе образа Ѳеодо-

(1) Baron. an. 548. n. XXIV. Verum qui haec Procopius obiter attigit, seorsum (teste Suida) in aliis libris scripsit vituperationes Justiniani et Theodorae, nec non Belisarii, et ejus conjugis ...

ры, у которой онъ находился въ полномъ подчиненіи (1). Исходя изъ той же самой ультрамонтанской теоріи папства, Николай Алеманнъ почелъ для себя истинною находкою обрѣтеніе рукописи Ἀνέκδοτα въ ватиканской библіотекѣ, гдѣ онъ состоялъ библіотекаремъ. Онъ поспѣшилъ перевести ее на латинскій языкъ и издать въ свѣтъ подъ неправильнымъ, но те-

(1) Baron an. 535 n LXIII Tanta haec mala ordita est pessima foemina (Theodora) quae altera Eva serpenti obaudiens facta est viro malorum omnium causa, novaque Dalila Sampsoni ejus vires dolosa arte enervare laborans, Herodias altera sanctissimorum virorum sitiens sanguinem, petulansque summi sacerdotis ancella Petri negationem sollicitans sed parum sit ipsam hujuscemodi sugillasse nominibus, qua reliquas impietate foeminas antecelluit: accipiat potius nomen ab inferis quod furiis fabulae indiderunt, foemina furens Alecto potius, vel Megaera, aut Tisiphone nuncupanda, civis inferni, amica daemonum, satanico agitata spiritu, oestro percita diabolico, initaeque summo labore inimica concordiae, pacisque redemptae sanguine martyrum, et sudoribus confessorum partae fugatrix Высказавъ такое мнѣніе о Θеодорѣ, Баронiй далѣе продолжаетъ Quam felicissimus Justinianus imper. extitisset et plane cui nullus umquam vel gentilium, vel christianorum imperatorum longo intervallo fuisset exaequandus, si Theodora conjuge caruisset, et catholicam nactus fuisset sibi similem consortem imperii (n. LXIV). Но такъ какъ онъ женился на Θеодорѣ и во всемъ поступалъ по ея совѣту, то, вмѣсто того, чтобы превосходить всѣхъ римскихъ императоровъ — языческихъ и христіанскихъ, вотъ каковъ настоящій его образъ (an. 565. n. VI) Opera ipsa, quae hinc obeuntem secuta sunt Justinianum, adversus eum hactenus clamant in chartis, nempe juge bellum ecclesiasticum, quod (exule facta, quam reperit, pace) jugiter enutrivit, decedensque reliquit accensum, sacrilegiorum immensitas, cum saepe in Christos Domini sanctos episcopos violentas manus injecit, ut inter alios, in Vigilium Romanum pontificem, et Eutychium sanctissimum Constantinopolitanum antistitem, crudelitas insuper in cives innoxios ab Evagrio superius deplorata, et avaritia ab eodem pressius sugillata, ut omittamus reliqua Quam autem mortuus ante horrendum majestatis divinae tribunal sententiam acceperit, etsi non sit hominis judicare, opinari tamen si cui licet, facilius est invenire, qui Evagrii de ejus condemnatione velit sequi sententiam, quam jure sciat praerogativa temporis, cum quae scripsit, inspexerit, historicis reliquis esse praeferendum, qui longe post Justiniani tempora, res ab eo gestas scripsere cum praesertim in eamdem proculdubio abiisse sententiam Procopius ejusdem temporis luculentus historicus visus sit, dum quem ante saepe laudarat, postea scripto volumine, tam ipsum quam Theodoram conjugem, recantans palinodiam, magnopere vituperavit, ut apud Suidam notatum habetur.

перь усвоеннымъ за нею названіемъ Historia arcana (Тайной исторіи). Онъ не питаетъ нималѣйшаго сомнѣнія въ принадлежности Arcana Прокопію и думаетъ, что намекъ на ея составленіе Прокопій самъ сдѣлалъ въ послѣдней своей книгѣ (Исторіи войнъ) (1). По нему, каждое слово Arcana есть безспорная истина, засвидѣтельствованная очевидцемъ; поэтому онъ считаетъ ее вполнѣ согласною съ остальною исторіей того же самаго Прокопія о войнахъ Юстиніана. „Въ столь длинной исторіи, говоритъ онъ (объ Исторіи войнъ). Прокопій такъ умѣренно. чтобы не сказать скудно, хвалитъ Юстиніана, и напротивъ свѣтъ такія обильныя сѣмена порицанія, что потомство не можетъ найдти ни тамъ ласкательства, ни тутъ (въ Тайной исторіи) клеветы". Мало того. Алеманнъ даже готовъ думать, что Тайная исторія менѣе заключаетъ въ себѣ описаній разныхъ преступленій Юстиніана, чѣмъ Исторія войнъ (2). Для доказательства правдивости всѣхъ

---

(1) Alemm. judicium p. XXV Post hanc universam historiam licet animo Procopius moliretur Ἀνέκδοτα, ut ultimo libro declarat tamen abstinuit, idque operis rejecit in annum secundum et trigesimum Justiniani (Алеманнъ думаетъ, что послѣдняя книга войнъ написана въ 554 г) Это мѣсто по-слѣдней книги (G. l. IV. c 25. p. 554) στάσεως ἐνταῦθα πρὸς τῶν οἰκητόρων γεγενημένης, ὧνπερ ἕνεκα αφίσιν αὐτοῖς οἱ Χριστιανοὶ διαμάχονται, ἧπέρ μοι ἐν λόγοις τοῖς ὑπὲρ τούτων γεγράψεται — Что Arcana нельзя назвать какъ λόγος περὶ τούτων, т. е. разсказомъ о религіозныхъ спорахъ.—это видно изъ ея содержанія, которое весьма разнообразно При томъ же, что̀ за безсмыслица — громко извѣщать о томъ, что̀ имѣетъ быть сдѣлано весьма тайно Очевидно, ссылка Алеманна неосновательна

(2) Alemanni judic p. XVI Lector, si vacas, hunc postremum cum reliquis committe Procopii libris, pluraque et graviora quam hic habeantur Justiniani crimina in illis invenies, pleraque etiam fusius et majore apparatu explicata; crudelitatem, avaritiam, infidum animum in amicos, datam hostibus fidem ac violatam, in probos odium, amorem in improbos, jus humanum atque divinum, denique omnia ad Theodorae imperium, atque libidinem temperata: haec in illis libris raptim indicare non piget. p. XVII Verum ne singula numerando modum excedere videamur, historiam Ἀνεκδοτον, et priores illos libros, quos Justiniano Procopius obtulerat, ita con

сужденій Arcana о Юстиніанѣ и Θеодорѣ онъ написалъ обширныя ученыя примѣчанія, которыя, не смотря на ультрамонтанско-тенденціозный свой характеръ, и доселѣ еще вполнѣ сохраняютъ ученое достоинство и могутъ быть названы лучшими примѣчаніями въ этомъ родѣ. Θеодору онъ называетъ не иначе какъ perditissima foemina. infaustum ecclesiae catholicae monstrum (1). Послѣднее названіе въ равной мѣрѣ усвояется имъ и Юстиніану. Онъ даже старается придать полное значеніе и баснѣ Прокопія, что Юстиніанъ и Θеодора были не люди, а демоны во плоти. И дѣйствительно, учинивши столько насилій надъ римскими первосвященниками, этими непогрѣшимыми главами церкви и единственно законными и абсолютными владыками міра, они и не могутъ не быть злосчастными чудовищами, настоящими демонами во плоти. Неспокойное отношеніе Алеманна къ Юстиніану и Θеодорѣ сквозитъ въ каждой строкѣ, даже въ каждомъ словѣ—и его предисловія, и его ученыхъ примѣчаній (2). Въ своемъ

---

cinasse videtur, ut nihil fere in hac sit, quod ex illis Justiniani ipsius confessione probare non possis.

(1) Alemanni judic. p XII.

(2) Въ посвященіи кардиналу Людовику, предпосланномъ изданію Тайной исторіи, Алеманнъ говоритъ est tamen haec historia a tuis ecclesiasticis curis non aliena Nam imperatoris Justiniani (qui hujusce libri est argumentum) in sacerdotalem ordinem, in summos sacrorum antistites, in rem ecclesiae publicam, ad hanc ferme diem mirati sumus effusam licentiam: et cardinalis Baronius aequalis doctrinae vir ac pietatis, cum hujus imperatoris res in annales referret, vehementer etiam atque etiam hunc Procopii librum expetivit, quod inde compertum fore putaret, imperatoris Justiniani mores qui fuerint, quod ingenium, quae prudentia, quae denique pietas, cum non bonam de illo opinionem movere videretur illa ejus in Ecclesiasticos licentia, quam in pium probumque principem cadere minime posse et summus ille vir affirmabat, et boni omnes intelligunt. Haec porro in posterum christiana respublica mirari desinet, et quae Justinianum suspicere adhuc visa est, licet despectura dehinc non sit, est tamen ejus vicem, casumve infelicissimum deploratura; cum hic lubricos videbit calles, viamque vitae periculosam, quam Justinianus ingressus, a vera regiaque deflexit, ac demum ad petram Christum offendit, sibique praecipitium paravit. Tantum ac tam illustre Justiniani exemplum sub ejus auspiciis in publicum prodire

увлеченіи порицаніями Прокопія онъ не постѣснился даже сдѣлать ссылку на Баронія. который вотъ-де и не читалъ Arcana, и все-таки пришелъ къ такому же взгляду на Юстиніана и Θеодору, какъ и Прокопій въ Arcana (1). Онъ не одобряетъ одни только религіозные взгляды Прокопія (2); но при этомъ думаетъ, что они ни мало не мѣшаютъ вѣрности остальныхъ его показаній.

Спустя восемь лѣтъ по изданіи Arcana Алеманномъ, французскій королевскій исторіографъ, Гавріилъ Триворій. написалъ брошюру для защиты Юстиніана и Θеодоры въ опроверженіе клеветъ на нихъ Прокопія кесарійскаго (3). Брошюра посвящена королю Людовику XIII. Главнымъ побужденіемъ къ написанію ея было—съ одной стороны защитить власть французскихъ королей относительно папства, отстоять галликанскую теорію, по которой короли Франціи усвоили себѣ право сравнительно широкаго участія въ дѣлахъ своей церкви, а съ другой—нелюбовь автора къ Прокопію за его рѣзкій отзывъ о французскомъ народѣ, который онъ называетъ самымъ вѣроломнѣйшимъ народомъ въ мірѣ (4). Поэтому она переполнена похвалъ

---

par est, qui in ecclesiasticas ita curas incumbit, ita sacerdotalem tuetur dignitatem, ita denique propagandae religioni studet, ut facere te omnes videmus, et publice gratulamur.

(1) Alemanni judic. p. XII—XIII.

(2) Ibid p. XX—XXII.

(3) Habrielis Trivorii . historiographi regii observatio apologetica ad inscriptionem orationis ad antecessores Digestis Justiniani praepositae, adversus quosdam jurisconsultos et Procopii Anecdota Parisiis. 1631. Этого сочиненія мы не имѣли подъ руками Отрывокъ изъ него, могущій дать понятіе о характерѣ всего сочиненія, помѣщенъ у Дана въ приложеніи къ его изслѣдованію «Прокопій кесарійскій» (Procopius von Casarea). Здѣсь же помѣщены характерные отрывки и другихъ изслѣдователей сочиненій Прокопія Изъ монографій у насъ были подъ руками только сочиненія Алеманна, Изамбера и Дана

(4) B Gotth. II. c. 25. p 247. *ἔστι γὰρ ἔθνος τοῦτο (Φράγγοι) τὰ ἐς πίστιν σφαλερώτατον ἀνθρώπων ἁπάντων.*

и Людовику XIII, который называется „справедливѣйшимъ изъ всѣхъ государей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ“ и, какъ таковой, призывается разсудить между Юстиніаномъ и его клеветникомъ — Прокопіемъ, — и французскому народу во всѣ моменты его исторической жизни. Триворій находитъ три главныя причины, побудившія Прокопія написать разбираемый пасквиль: 1) нехристіанскій, приближающійся къ языческому міровоззрѣнію, образъ его мыслей; 2) исключеніе его отъ занятія высшихъ государственныхъ должностей, не смотря на его заслуги и безспорныя умственныя дарованія, и 3) неуплату причитающагося ему жалованья; потому что на такую неуплату онъ жалуется какъ въ Исторіи войнъ Юстиніана, такъ и въ Arcana. Триворій сознается, что Прокопій слишкомъ мало расточаетъ похвалъ Юстиніану и въ обширной исторіи о войнахъ. Императоръ не могъ не замѣтить этого, равно какъ не осталось скрытымъ отъ него и то, что Прокопій держится языческаго образа мыслей. Оставивъ безъ вниманія первую вину, императоръ наказалъ его преимущественно за вторую исключеніемъ отъ занятія высшихъ государственныхъ должностей. Тогда Прокопій написалъ книгу „О зданіяхъ“, гдѣ и польстилъ императору, и засвидѣтельствовалъ свое православіе. Императоръ наградилъ его за это дарованіемъ должности—сначала префекта города, а потомъ и квестора. Прокопій раскаялся, что написалъ пасквиль на императора, потому не докончилъ его и порѣшилъ не обнародовать. Не смотря на то, что брошюра Триворія, по своимъ научнымъ достоинствамъ, безъ всякаго сравненія ниже ученыхъ примѣчаній Алеманна, заключаетъ въ себѣ одни только, большею частію, ни на чемъ не основанныя догадки и предположенія, — все-таки она произвела въ свое время довольно сильное впечатлѣніе и не лишена остроумія. Къ однимъ изъ главныхъ недостатковъ

ея нужно отнести лесть королевскаго историографа, въ избыткѣ разсыпанную Людовику XIII (1).

---

(1) Французскіе писатели, по причинѣ рѣзкаго отзыва Прокопія о французскомъ народѣ, въ большинствѣ неодобрительно относятся къ Аркана. Таковы, напримѣръ, сочиненія Levesque de la Ravalière,—reflexions contre l'idée générale, que Procope est l'auteur de l'histoire sécrète de Justinien, см memoires de l'academie royale des inscripsions et belles lettres XXI 1754 — Равальеръ сомнѣвается, чтобы Ἀνέκδοτα принадлежали Прокопію и сомнѣніе свое основываетъ на томъ что они не были извѣстны Агаѳіи, продолжателю Прокопія Онъ дѣлаетъ догадку, что они принадлежали другому Прокопію, который могъ существовать въ то время и тоже въ Кесаріи —La Mothe le Vayer,—Oeuvres, t. IV partie II — Marmontel,—Belisaire. Vienne, 1767.—Lebeau,—histoire bas-empire. t VIII. p 88—90.—Взглядъ Лебо на Ἀνέκδοτα, ихъ внутреннее достоинство и отношеніе ихъ къ остальнымъ сочиненіямъ Прокопія заключается въ слѣдующемъ — Прокопій долженъ былъ отлично знать византійскій дворъ. Онъ написалъ три сочиненія, которыя противорѣчатъ (démentent) другъ другу. Первое обнимаетъ исторію войнъ Юстиніана здѣсь авторъ является довольно безпристрастнымъ, онъ безъ страсти излагаетъ здѣсь похвальныя и достойныя порицанія дѣйствія этого императора Во второмъ, озаглавленномъ Ἀνέκδοτα, онъ самымъ жестокимъ образомъ старается подорвать репутацію Юстиніана Онъ приписываетъ ему самые дикіе поступки и старается очернить тѣ, которые кажутся похвальными, влагая въ нихъ побужденія ненавистнѣйшія и преступныя Если повѣрить Прокопію, то этотъ государь—не менѣе, какъ чудовище; онъ—настоящій демонъ въ образѣ человѣка, и это Прокопій доказываетъ самымъ серьезнымъ образомъ. Понятно, что подобное сочиненіе не могло быть обнародовано при жизни Юстиніана который пережилъ автора. Спустя четыре года по написаніи «Анекдотовъ», тотъ же самый Прокопій обнародовалъ книги, въ которыхъ онъ задался цѣлію перечислить безчисленныя постройки, которыя этотъ государь или вновь соорудилъ, или только возстановилъ. Это сочиненіе преисполнено самыхъ великихъ похвалъ Юстиніану. Въ немъ все божественно, онъ теперь—не демонъ, а благодѣтельный ангелъ, посланный Богомъ для спасенія человѣчества. Какъ же нужно относиться къ такимъ показаніямъ, взаимно исключающимъ другъ друга? Лебо находитъ, что въ принадлежности Аркана Прокопію невозможно сомнѣваться. Относительно же обстоятельствъ ея происхожденія онъ думаетъ такъ: Прокопій, не получая жалованья—вслѣдствіе ли истощенія (infidélité) государственнаго казначейства, или по другимъ какимъ-нибудь нуждамъ государства, которыя часто должны были случаться при Юстиніанѣ, сильно разгнѣвался на него и написалъ свои «Анекдоты», которые однакожъ не докончилъ, потому что уплата ему жалованья была возстановлена. А для того, чтобы подыскать основаніе без-

Протестанты, въ свою очередь, увидѣли въ Тайной исторіи Прокопія и ученыхъ на нее примѣчаніяхъ Алеманна грозную опасность для власти протестантскихъ государей въ дѣлахъ церкви. Адвокатъ англійскаго короля, Ѳома Ривій, написалъ въ защиту Юстиніана противъ Алеманна сочиненіе, изданное, въ 1654 году, профессоромъ права въ гельмштадтскомъ университетѣ, Іоанномъ Эйхелемъ, вмѣстѣ съ своимъ собственнымъ сочиненіемъ, точно также написаннымъ въ защиту Юстиніана противъ Алеманна и Прокопія (1). Побужденія къ написанію того и другаго сочиненія, и цѣль ихъ обозначаются въ предисловіяхъ, которыя почти одинаковы. Такъ Эйхель, съ величайшимъ жаромъ и съ обнаруженіемъ явной ненависти къ католичеству, говоритъ между прочимъ въ своемъ предисловіи, что предлагаемая имъ книга имѣетъ защитить не свое собственное дѣло, и не дѣло императора Юстиніана, но вообще всѣхъ князей и королей, насколько они отдѣлились отъ римской церкви. Ибо, если не прикосновенная, по народному праву, душа (Mane) благо-

мѣрнымъ похвалами, которыя Прокопій расточилъ тому же самому императору въ книгахъ Построекъ, Лебо дѣлаетъ догадку, что, такъ какъ сатирическое сочиненіе Прокопія все-таки имѣло явиться въ свѣтъ, то онъ и захотѣлъ разсѣять сомнѣнія, какія оно могло возбудить, не менѣе преувеличенными похвалами Построекъ Нерѣдко можно видѣть, какимъ образомъ низкіе и трусливые льстецы усиливаются поправить оскорбленіе, нанесенное какому нибудь высокому лицу нескромной ихъ сатирой. Наконецъ, «Анекдоты» Прокопія не безполезны для исторіи: они могутъ быть полезны и здѣсь, когда авторъ согласенъ самъ съ собою и съ другими историками. Часто факты справедливы, но злоба отравляетъ ихъ обстоятельствами или побужденіями. Итакъ, идею о Юстиніанѣ нужно составлять не по «Анекдотамъ», ее нужно искать въ первыхъ сочиненіяхъ Прокопія или въ сочиненіяхъ современныхъ писателей, и еще болѣе въ самыхъ дѣйствіяхъ императора

(1) Imperatoris Justiniani defensio adversus Alemannum autore Thoma Rivio J. C. regis Angliae advocato curante J Eichelio Helmstad professor. Helmstadii, 1654. — Ἀνέκδοτα seu historia arcana Procopii Caesariensis Nicolao Alemanno defensore primum ex bibliotheca vaticana prolata nunc plerisque in locis συγχρόνων testimoniis falcitatis convicta a Joanne Eichelio Franco profess. Helmst. Helmstadii, 1654.

чествваго императора такъ нагло и позорно подверглась оскорбленію потому только, что онъ устроялъ христіанство посредствомъ своихъ законовъ, то ничуть не лучшая участь ожидаетъ и другихъ государей. Ибо, если, уже то̀ есть тяжкое преступленіе, что свѣтскій государь издаетъ законы относительно временныхъ вещей, если для римской церкви чудовищемъ становится всякій государь, прилагающій стараніе къ богословію, то отсюда уже легко видѣть, съ какой стороны будутъ судить и о протестантскихъ государяхъ. Они уже давно прокляты „рабомъ рабовъ“ (т. е. папою); они болѣе—не добрые государи, а перебѣзчики, владыки безъ права; они—жертвенныя животныя, обреченныя на закланіе, какъ только представится къ тому случай. Вотъ и теперь „потомки Гильдебранда, подвергавшіе и наше славное дорогое нѣмецкое отечество—нѣкогда ужасъ всѣхъ народовъ—несказаннымъ страданіямъ, напали также на благочествваго императора Юстиніана, только потому, что его законы нѣкогда противорѣчили ихъ претензіямъ“ (1). Понятно поэтому, что Эйхель своею брошюрою имѣетъ цѣль защитить „дѣло всѣхъ государей“ (разумѣется протестантскихъ) въ ихъ отношеніяхъ къ дѣламъ церкви. Протестантскій принципъ отношенія государственной власти къ дѣламъ церкви временъ реформаціи выраженъ въ формулѣ: cujus regio illius religio, чье госу-

(1) Предисловіе Ривія точно такого же характера: ut quemadmodum conviciator ille (Alemannus) Ludovisium Romanae sedis cardinalem habet, ita Justiniani defensor Paternitatem vestram summae in hac nostra et ecclesia et republica auctoritatis virum patronum habeat, и въ заключеніи предисловія. (Alemannus) nova quaedam probra de suo adjecit et convitia convitiis cumulando multos Procopios in uno esse Alemanno demonstravit; causam si requiris illam addit, quod Justinianus Theologiae studiis nimis sedulo vacabat et Dei gloriam supra quam saecularem principem decebat legibus ferendis procurabat. Quoniam vero istud Alemanni institutum non ad hujus imperatoris infamiam magis quam ad omnium regum et principum injuriam pertinere videbatur, ideo Th. Rivius, regis in Anglia advocatus, has Justiniani adversus Alemannum vindicias instituit.

дарство—того и религія. Лютеръ отвергъ авторитетъ папы, а съ нимъ—и всякій внѣшній авторитетъ въ дѣлѣ религіи единственно по той причинѣ, что онъ отнесъ вѣру и спасеніе человѣка чрезъ Христа исключительно въ субъективную область: посредствомъ акта вѣры въ Бога и Христа вѣрующій соединяется съ Божествомъ, проникается Имъ подобно тому, какъ раскаленное желѣзо проникается огнемъ, и тѣмъ спасается (1). Этотъ принципъ исключительно субъективнаго отношенія вѣрующаго человѣка къ Божеству одинаково присущъ всѣмъ протестантскимъ сектамъ. Подъ условіемъ принятія этого принципа, всякое внѣшнее посредство и всякій внѣшній авторитетъ становятся излишними. Но, выдвигая его, какъ исходный пунктъ возможной реформаціи католической церкви, Лютеръ въ тоже время объявилъ, что проповѣдуемое имъ ученіе есть истинное ученіе Христово, есть подлинное христіанство первыхъ вѣковъ, очищенное имъ отъ заблужденій папства,—такимъ образомъ сдѣлалъ его обязательнымъ, призналъ необходимость догмата въ качествѣ авторитета. Ходъ реформаціи заставилъ Лютера и его послѣдователей отвергнуть не всѣ догматы и обряды католической церкви. Это одно. Съ другой стороны, тотъ же самый ходъ реформаціи показалъ протестантамъ, что слишкомъ еще сильный въ Европѣ авторитетъ папы легко можетъ раздавить ихъ и превратить въ мелкихъ сектантовъ, и что укрѣпить себя и свое ученіе они могутъ только подъ условіемъ признанія авторитета мѣстныхъ князей и ихъ покровительства: одновременная борьба народа противъ папства и князей была невозможна. Равнымъ образомъ и государи не могли сбросить съ себя тяжелую опеку папства безъ энергичной поддержки народа; провозглашенный принципъ субъективной свободы по отношенію къ всепоглощающей власти папы одинаково

(1) Omnia opera Luther. t. 1. p. 436—439.

былъ благопріятенъ какъ частнымъ лицамъ такъ и государямъ. Союзъ тѣхъ и другихъ былъ необходимъ. И дѣйствительно, протестантизмъ укрѣпился по преимуществу въ тѣхъ странахъ гдѣ покровительствовали ему князья и свѣтская власть принимала самое широкое участіе въ составленіи протестантскихъ вѣроисповѣдныхъ формулъ. Естественно поэтому, что съ чуткостію бдительнаго врага протестанты усмотрѣли въ изданіи Тайной исторіи Прокопія и ученыхъ на нее примѣчаніяхъ ренегата—Алеманна весьма опасный выстрѣлъ, направленный изъ мощнаго „царства тьмы“ (папства) въ только-что восходящее „царство свѣта“ (протестантство), съ цѣлію разрушить это послѣднее. Какъ Ривій, такъ и Эйхель чрезвычайно горячо нападаютъ на Алеманна и его protegé—Прокопія, и языкъ ихъ ничѣмъ не уступаетъ по рѣзкости выраженія языку Тайной исторіи. Оба отрицаютъ всякую цѣну въ показаніяхъ Прокопія. — Ривій—потому, что Прокопій былъ язычникъ по міровоззрѣнію и софистъ (риторъ) по профессіи, т. е. человѣкъ невоздержный на языкъ и безъ совѣсти, а Эйхель—потому, что Прокопій былъ во-первыхъ грекъ, во-вторыхъ язычникъ и въ третьихъ лицемѣръ, исповѣдовавшій христіанскую вѣру наружно для достиженія почестей, — оба отрицаютъ за Ἀνέκδοτα названіе Arcana, справедливо считая его неправильнымъ; наконецъ, оба наносятъ своимъ противникамъ жесточайшіе удары въ области юриспруденціи,—Ривій Прокопію за то, что онъ, ничего не смысля въ области права, между прочимъ возводитъ на Юстиніана клеветы и съ этой стороны (здѣсь Ривій чувствуетъ себя такъ сильнымъ, что наконецъ восклицаетъ: me certe tam fugitivi hostis terga caedere non solum taedet, verum etiam pudet, p. 95), Эйхель же Алеманну за то, что онъ, вопреки исторіи, осмѣлился назвать юрисконсультовъ невѣждами въ древностяхъ, тогда какъ они, за свое знаніе классической древности, по преимуществу названы гуманистами. Весьма

многія противорѣчія Прокопія, бросающіяся въ глаза преувеличенія и крайности, наконецъ его несогласія съ самимъ собою и съ другими историками усердно подмѣчаются его противниками и выставляются на видъ, какъ доказательство того, что Прокопій недостоинъ вѣры (1). Эйхель находитъ столь разительныя несогласія между разными сочиненіями Прокопія, что даже отвергаетъ подлинность Arcana, не допускаетъ, чтобы она была написана Прокопіемъ. Юстиніанъ повсюду превозносится, и авторы вообще далеки отъ мысли, чтобы онъ могъ производить погрѣшности. Ѳеодора едва не возводится въ патриціанскую даму (2).

---

(1) Всѣ показанія Тайной исторіи Эйхель подводитъ подъ слѣдующіе одинадцать пунктовъ: 1) одно, о чемъ говоритъ Прокопій, не возможно (демонская природа Юстиніана и Ѳеодоры) 2) Другое опровергается общимъ свидѣтельствомъ современниковъ (убійство Амалузунты, Аманція и Виталіана; глупость, непостоянство и испорченность Юстиніана и Юстина; негодованіе народа противъ его возвышенія; его безпощадное взиманіе налоговъ, и т д.). 3) Иное самъ Прокопій иначе описываетъ въ остальныхъ своихъ сочиненіяхъ, или 4) что сильно хвалитъ въ одномъ сочиненіи (въ Постройкахъ), то здѣсь горько порицаетъ. 5) Вмѣняетъ въ вину императору нѣчто такое, что зависитъ отъ случая или отъ злой воли другихъ (естественныя бѣдствія, испорченность чиновничества). 6) Порицаетъ, что на самомъ дѣлѣ достойно похвалы (занятіе богословіемъ, преслѣдованіе еретиковъ), и, напротивъ 7) хвалитъ, что достойно порицанія. 8) Порицаетъ въ императорѣ такія стороны, которыя не заслуживаютъ ни похвалы, ни порицанія, напр наружность. 9) Съ истинно риторическимъ искусствомъ превращаетъ добродѣтели въ пороки и вмѣняетъ ихъ въ вину императору, напр., бережливость изображаетъ какъ скупость, кротости какъ слабость. 10) Всякія сплетни рабовъ, старыхъ дѣвъ, монаховъ и черни, даже сновидѣнія считаетъ матеріаломъ настолько достойнымъ вѣры, чтобы на основаніи его взвалить небывалыя вины на императора, и наконецъ 11) нѣчто прибавляетъ такое, что не подтверждается другими современниками

(2) Къ разряду этихъ сочиненій о Прокопіѣ относятся также: J. Fabricius, — Historiae bibliothecae fabricianae P V. Wolfenbutteli 1722.— P. de Ludewig, — vita Justiniani atque Theodorae Augustorum nec non Tribeniani Juris prudentiae Justinianae proscenium, fide coaevorum Lathi et Graeci scriptorum, numismatum, conciliorum, legum, literarum, codicillorum, lapidum, picturarum musivorum aliorumque monumentorum cum ad legum et corporis juris intelligendam historiam tum ad novi juris archi

Если, вообще говоря, споръ способствуетъ раскрытію истины, то относительно религіозной истины это бываетъ только тогда, когда она дана свыше и, какъ драгоцѣннѣйшій залогъ, хранится по преемству лучшими сынами церкви съ самоотверженіемъ, съ отреченіемъ отъ своего собственнаго самолюбія, отъ всякаго проявленія страсти и отъ всѣхъ временныхъ интересовъ. Но, если въ основу религіознаго міровоззрѣнія положенъ ложный принципъ, какъ въ протестантствѣ, то споры могли только разшатать вѣроисповѣдныя положенія, на немъ основанныя: изъ мистико-пантеистическаго принципа, какой легъ въ основу протестантства, не возможно создать истинно-христіанскаго, православнаго богословія. Къ тому же, основной догматъ лютеранства—оправданіе одною вѣрою—не имѣлъ за собой исторической почвы; здѣсь лютеране должны были терпѣть пораженіе отъ католиковъ. Споръ, какъ проявленіе страсти, любви не создаетъ. По мѣрѣ того, какъ споры развивались, а съ ними увеличивались и новыя ереси и толки, стали появляться въ лютеранской церкви весьма многія непривлекательныя явленія, по причинѣ которыхъ, видимо, отвергнутъ былъ авторитетъ римской церкви. Увидѣли, что все спасеніе лютеранской церкви стали неразрывно связывать

---

tectorum apologiam dispulsis autorum in vario scientiarum genere errori bus et calumniis Halae, 1731 —Подъ этотъ же разрядъ писателей, отрицающихъ всякое значеніе за *Ἀνέκδοτα*, слѣдуетъ отнести и Папарригопула, хотя его отрицаніе исходитъ изъ иной точки зрѣнія, отличной отъ старопротестантскаго религіознаго міровоззрѣнія Полемизируя съ допускающими значеніе «Анекдоговъ» въ исторіи и задавши рядъ вопросовъ *Τίνες εἶναι αἱ ὑτερβολαὶ, τίνα τὰ πλάσματα, καὶ τίς ἡ ἀλήθεια; Τίς δὲ θέλει θέσει τὰ ἀκριβῆ μεταξὺ τῆς ἀληθείας καὶ τοῦ ψεύδους ὅρια*, онъ далѣе отвѣчаетъ *Τὸ καθ' ἡμᾶς νομίζομεν ὅτι καθ' ἑαυτὰ τὰ Ἀνέκδοτα εἶναι ἀνάξια πίστεως. Ὁ Προκόπιος ὅστις ἐξεσχίζετο ἐν αὐτοῖς ἵνα ἀποδείξῃ τὴν κακοήθειαν τοῦ Ἰουστινιανοῦ, οὐδὲν ἄλλο κατώρθωσεν εἰμὴ νὰ ταράξῃ αὐτὸς οὗτος ἀπόδειξιν ἀναμφισβήτητον τῆς ἰδίας κακοηθείας, ἥτις ἐνώπιον τῆς ἱστορικῆς, ὡς καὶ πάσης ἄλλης δικαιοσύνης ὀνομάζεται ψευδομαρτυρία.* III. p 103—107.

съ неуклоннымъ храненіемъ разностей лютеранскаго вѣроученія; а такъ какъ пониманіе и храненіе богословскихъ тонкостей возможно только для лицъ, посвященныхъ въ эти тонкости, то особое сословіе духоренства въ качествѣ хранителя и авторитета въ дѣлахъ вѣры является необходимымъ слѣдствіемъ обязательности символовъ и догматизма вообще. Легко понять, что все это явно противорѣчитъ коренному принципу протестантства, приближаетъ его къ католичеству и, по исторически укоренившемуся на западѣ сознанію тѣсной связи между догматомъ и якобы установителемъ его—папствомъ, какъ бы нудитъ протестанта къ признанію и этого послѣдняго. Уже Георгъ Калликстъ отвергъ важность и обязательность лютеранскихъ символовъ. Но онъ, желая объединить не только протестантскія секты, но и вообще всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, въ основу единенія положилъ все-таки внѣшній авторитетъ — апостольскій символъ. Рѣшительнѣе выступилъ противъ обязательности догматовъ и символовъ Фил. Шпенеръ (род. въ 1635 г.). Онъ весьма справедливо нашелъ, что Лютеръ остановился на полпути въ дѣлѣ реформаціи. Въ противовѣсъ образовавшемуся лютеранскому богословію онъ сталъ проповѣдовать практическое христіанство. возбужденіе религіознаго чувства, возрожденіе внутренняго человѣка. Вѣроисповѣдные символы, догматы, школьное богословіе не только излишни, но даже вредны, ведутъ къ погибели. Шпенеръ рѣшительнѣе, чѣмъ Лютеръ, объявилъ, что каждый христіанинъ есть вмѣстѣ и священникъ. Объ авторитетѣ князей въ дѣлѣ вѣры здѣсь не можетъ быть и рѣчи; все сводится на исключительно субъективное отношеніе между Божествомъ и вѣрующимъ въ Него человѣкомъ ([1]). Движеніе, возбужденное Шпенеромъ, не ограничилось одною практическою областію,

([1]) Baur, Geschichte der christl. Kirche, IV. p 336—358.

но вскорѣ оказало свое вліяніе и на церковно-историческую науку. Одинъ изъ послѣдователей Шпенерова направленія, Готфридъ Арнольдъ, написалъ обширное историческое твореніе, озаглавленное имъ: „Безпристрастная исторія церкви и ересей“ (1) и построенное на началахъ очерченнаго мистическаго піетизма. Все зло въ церкви во всѣ времена ея историческаго существованія онъ усмотрѣлъ въ клирѣ и въ его стремленіяхъ сковать вѣру въ узкія рамки догмата, чтобы такимъ образомъ утвердить свое господство надъ мірянами. Клиръ, проповѣдующій догматъ и вѣроисповѣдные символы, эти узкія, сухія формулы вѣры, есть зло и источникъ зла въ церкви; онъ насилуетъ свободу совѣсти, истребляетъ религіозное чувство, уничтожаетъ вѣру, рождаетъ безнравственность, возбуждаетъ похоть обзывать еретикомъ всякого, кто не принимаетъ измышленные имъ и насильственно навязываемые догматы и символы вѣры, повсюду возбуждаетъ страсти и, вмѣсто истинныхъ христіанъ, производитъ однихъ только лицемѣровъ. Истинное христіанство заключается въ покаяніи и обращеніи, въ вѣрѣ и любви, вообще—во всемъ томъ, что возбуждаетъ внутреннія струны человѣка и ведетъ къ практическому христіанству. Исходя изъ этой точки зрѣнія, Арнольдъ пришелъ къ заключенію, что еретики, такъ какъ они обозваны еретиками за непринятіе навязываемаго имъ догмата—истиннаго зла въ церкви, на самомъ дѣлѣ и составляютъ подлинныхъ членовъ церкви и истинныхъ христіанъ, невинно страждущихъ и гонимыхъ; а св. отцы и всѣ наиболѣе знаменитыя лица, прославившіяся своею ученостію, знаніемъ догматовъ вѣры и ихъ защитою противъ еретиковъ и иновѣрующихъ, очерчиваются имъ съ нескрываемою злобою и отвращені-

(1) Полное заглавіе сочиненія Готфрида Арнольда таково: Unpartheiische Kirchen — und Ketzerhistorien von Anfang des Neuen Testaments bis auf das Jahr Christi 1688. Въ первый разъ она издана въ Цюрихѣ въ 1699 г. Мы пользовались изданіемъ 1700 г., Frankfurt am M.

емъ (1). Легко понять, что Юстиніанъ не могъ возбудить къ себѣ симпатіи въ Арнольдѣ. Стремленіе государя утвердить догматъ и сдѣлать его обязательнымъ по возможности для всѣхъ своихъ подданныхъ показалось противнику всякаго положительнаго ученія не другимъ чѣмъ, какъ злымъ умысломъ діавола истребить послѣдніе лучи божественнаго свѣта въ христіанской церкви. Арнольдъ даетъ Тайной исторіи Прокопія полную вѣру и принимаетъ всѣ ея мрачные отзывы о Юстиніанѣ, не потому, конечно, чтобы они соотвѣтствовали дѣйствительности, а потому, что они какъ нельзя болѣе подходятъ подъ его личныя склонности и пожеланія. Въ этомъ отношеніи нѣтъ болѣе исторіи столь субъективной и такъ исключительно выражающей личныя чувства и воззрѣнія, какъ „Безпристрастная исторія церкви и ересей“ Арнольда. Юстиніанъ, по ея изображенію, носитъ въ себѣ всѣ пороки и ни одной добродѣтели, и все это потому, что онъ покровительствовалъ клиру и старался осуществить на практикѣ его стремленія (2).

Исторія Арнольда вызвала въ свое время ожесточенную полемику, которая, взятая въ сложности, могла бы составить не незначительную часть богословско-исторической литтературы. Не трудно было показать, что „безпристрастная“ исторія на самомъ дѣлѣ — весьма пристрастная исторія. Но горячность спора, возбужденнаго ею, несоотвѣтствіе клира и навязываемаго имъ символизма въ вѣрѣ съ основнымъ

---

(1) Основную точку своего воззрѣнія Арнольдъ ясно и пунктуально высказываетъ уже въ «общихъ замѣчаніяхъ», предпосланныхъ имъ изложенію своей исторіи (p 1—14; ed. 1700 г Frankf am M.), а затѣмъ и въ самомъ изложеніи предмета въ каждомъ отдѣлѣ и почти на каждой страницѣ. (См. между прочимъ Buch. I c 3. n 1—16, VI, c. 2. n. 6; XVI, c. 5. n. 2 4. 5; c. 9. n. 3. 4. 8; c. 5. n. 17—19. 21. 29, c. 13. n 8—12, c. 14 n 22; XVII, c. 1 n 7 16; c 2. n 4; c 12. n 20). Вездѣ одинъ и тотъ же плачъ о погибели церкви и монотонность страшная

(2) Ibid. B. VI. c 1. n. 8—14.

принципомъ протестантства, шаткость старолютеранскаго богословія по отношенію къ исторически сложившемуся римскому католичеству,—все это показывало жизненную важность затронутаго вопроса. Во всякомъ случаѣ, указанное сочиненіе Арнольда можетъ быть названо поворотнымъ пунктомъ въ области протестантской исторіографіи и крайности его, обусловливаемыя взглядомъ, діаметрально противоположнымъ принятымъ мнѣніямъ, только яснѣе раскрывали недостатки старолютеранскаго міровоззрѣнія.

Спустя около столѣтія послѣ Арнольда выступилъ съ рядомъ историческихъ сочиненій И. С. Землеръ, точка зрѣнія котораго весьма близко подходитъ къ указанной точкѣ зрѣнія Готфрида Арнольда. И онъ, подобно Арнольду, говоритъ съ уваженіемъ объ однихъ только еретикахъ; всѣ же прочія лица не заслуживаютъ его уваженія; къ знаменитѣйшимъ церковнымъ учителямъ онъ относится не иначе, какъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Основная точка его зрѣнія состояла въ томъ, что онъ признавалъ одну только нравственную религію, относящуюся исключительно къ субъективной области человѣка, потому якобы всесвободнѣйшую и столь же разнообразную, какъ разнообразны сами вѣрующіе субъекты. Согласно съ этимъ, онъ и сущность христіанства полагалъ только въ возвѣщенномъ І. Христомъ сознанію человѣчества правѣ каждаго лица исповѣдовать свою частную, нравственную религію, въ противоположность всему тому, что̀ навязывается ему какъ общественная, заключенная въ узкія рамки догмата, религія. Отсюда вся исторія христіанской церкви представляется Землеру въ формѣ постоянной борьбы чистой нравственной религіи съ религіей обязательной, общественной. Легко понять, что все зло, являвшееся и являющееся въ церковной жизни, зависитъ, по Землеру, не отъ клира, какъ думаетъ Арнольдъ, а отъ неизмѣнности догматической системы, кѣмъ бы она ни проповѣдовалась. „Если говорили, разсуждаетъ Землеръ, что

блаженство христіанъ поставлено Богомъ, Христомъ кѣмъ либо изъ апостоловъ въ неразрывную связь съ единственною, установленною долго послѣ (введенія христіанства), суммою идей и сужденій, и что этою единственною суммой вполнѣ будто-бы обладала безспорно одна только католическая церковь, чтобы своею неизмѣняемостію обезопасить всѣмъ своимъ членамъ блаженство, то это—такое всенедостойнѣйшее утвержденіе, которое когда либо могло быть введено и хранимо людьми злыми, или совершенно невѣжественными. Потому что это прямо уничтожитъ всю нравственность новой духовной или совершенной религіи и ничто не можетъ быть болѣе великимъ грѣхомъ противъ всякой исторической истины, противъ дѣйствительно истинной исторіи христіанской религіи, какъ подобное утвержденіе. Совершенно намѣренно подавили свободный духъ исторіи и ввели уже изготовленную комедію, уже вполнѣ начертанное церковное зрѣлище, и назвали это точно дѣйствительною, истинной исторіей христіанской религіи. Такимъ образомъ мы все-еще не имѣемъ дѣйствительной исторіи первыхъ вѣковъ, и всепервѣйшая ошибка, превращающая всю истинную исторію въ совершенно неисторическій, совершенно несправедливый хаосъ, состоитъ въ возвышеніи и расширеніи мѣстныхъ отдѣльныхъ представленій во всеобщія, твердыя и неизмѣнныя предписанія для всѣхъ христіанъ, которые имѣютъ быть введены въ ложную религію, чтобы только составить одно громадное общество, управляемое по намѣреніямъ его начальниковъ“. Эти мысли въ безконечныхъ варіаціяхъ высказываюгся во всѣхъ сочиненіяхъ Землера. Ясно, что истинное понятіе о церковной исторіи можетъ, по Землеру, имѣть только тотъ, кто выходитъ изъ взгляда, что церковь въ такой же мѣрѣ становится неистинною, ложною, недостойною христіанства, однимъ словомъ — католическою церковію, въ какой все въ ней сводится къ твердой, разъ навсегда замкнутой, формѣ и каждое

отдѣльное лице, вмѣсто того чтобы быть свободнымъ въ своей вѣрѣ, должно приноравливаться къ принудительнымъ требованіямъ церковнаго авторитета (1).

Арнольдъ и Землеръ—не единственные историки, отрицательно отнесшіеся къ догмату. Весь XVIII вѣкъ характеризуется въ средѣ протестантскаго общества разложеніемъ догмата, низведеніемъ его въ разрядъ человѣческихъ измышленій и отрицаніемъ его важности и обязательности для современнаго христіанскаго (т. е. протестантскаго?) сознанія. Цѣлый рядъ замѣчательныхъ протестантскихъ историковъ, какъ Вейсманъ (2), Мосгеймъ (3), Шрёккъ (4), Шпиттлеръ (5), Планкъ (6), Генке (7) и другіе, написали свои твори-

---

(1) Изъ сочиненій Землера замѣчательны: Historiae ecclesiasticae selecta capita 1767—1769 B. I—III. — Commentarii historici de antiquo christianorum statu. 1771—1772. B. I—II. — Versuch eines fruchtbaren Auszugs aus der Kirchengeschichte. 1773—1778. B. I—III.—Novae observationes, quibus studiosius illustrantur potiora capita historiae et religionis christianae usque ad Constantinum M. 1784, и друг. См Baur,—die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung. 4 Abschnitt. J. S Semler.

(2) Introductio in memorabilia ecclesiastica historiae sacrae N. T maxime vero seculorum primorum et novissimorum ad juvandam notitiam regni Dei et satanae cordisque humani salutarem. 1718—1719.

(3) Institutiones historiae ecclesiasticae Novi Testamenti 1726. — De rebus christianorum ante Constantinum Magnum commentarii. 1753 —Institutionum historiae ecclesiasticae antiquae et recentioris libri IV. 1755, и друг.

(4) Christliche Kirchengeschichte. Theil. I — XXXV. 1772 — 1803. Leipzig.

(5) Grundrisz der Geschichte der christlichen Kirche. 1782.

(6) Geschichte der Enstechung, der Veranderungen und der Bildung unsers protestantischen Lehrbegriffs vom Anfang der Reformation bis zu der Einfurung der Concordienformel. VI Bande, 1781—1800.—Geschichte der christlich-kirchlichen Geselschaftsverfassung V Bande, 1803—1809.—Geschichte der prot. Theolog von der Concordienformel an bis in die Mitte des achtzehnten Jahrhunderts, 1831.—Geschichte des Christenthums in der Periode seiner ersten Einfuhrung in die Welt durch Jesum und die Apostol. 1818 B. I—II.

(7) Allgemeine Geschichte der christlichen Kirche nach der Zeitfolge 1788—1804. VI Theile.

нія подъ угломъ полнаго игнорированія догмата. Если индифферентность Вейсмана, Мосгейма и Шрёкка къ символамъ и вѣроисповѣднымъ формуламъ можно назвать еще спокойною и чуждою остраго недовольства, то Шпиттлеръ, Планкъ и особенно Генке не иначе говорятъ о догматѣ, какъ со скукою и отвращеніемъ, и прямо объявляютъ, что догматъ въ ихъ время, по общему сознанію, есть не болѣе, какъ архивная ветхость. Всѣ они знаютъ только субъективную вѣру, и личность вѣрующаго такъ высоко поставлена ими, что вся исторія церкви существуетъ только для субъекта и имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько она удовлетворяетъ его склонностямъ и воззрѣніямъ, и умудряетъ его бороться съ тѣмъ, что̀ онъ считаетъ зломъ въ мірѣ (1).

Прямымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого рода міровоззрѣнія явилось коренное измѣненіе старопротестантскаго принципа отношенія церкви къ государству: вмѣсто прежняго — cujus regio illius religio — теперь стали проповѣдовать принципъ свободы совѣсти, именно—*свободы совѣсти* каждаго отдѣльнаго лица въ дѣлѣ вѣры. Полная свобода совѣсти, по этому міровоззрѣнію, будетъ соблюдена только тогда, если каждое отдѣльное лице будетъ исповѣдовать свою вѣру по предписаніямъ лишь своей собственной совѣсти, безъ всякаго ограниченія ея со стороны какого бы то ни было внѣшняго авторитета — папской

---

(1) Въ другихъ протестантскихъ сектахъ, кромѣ лютеранъ, это отрицательное отношеніе къ догмату обнаружилось гораздо ранѣе, нерѣдко при самомъ ихъ появленіи. Самое видоизмѣненіе лютеранскаго взгляда на значеніе догмата и вѣроисповѣдныхъ формулъ въ дѣлѣ религіи совершилось у лютеранъ не безъ вліянія этихъ другихъ сектъ. Въ особенности много содѣйствовали этому арминіане, которые выдвинули изъ своей среды такихъ знаменитыхъ ученыхъ, какъ Гуго Гроцій, Г. И. Воссій, Курцелей, Лимборхъ, Клерикъ, Веттштейнъ и друг Важное значеніе арминіанъ въ дѣлѣ видоизмѣненія лютеранскаго богословія и науки признаютъ сами лютеране. Baur, Geschichte der christl Kirche. IV, p. 407—416 и друг.

власти или догмата, какъ обязательной формулы вѣры, и безъ ограниченія какихъ бы то ни было гражданскихъ правъ вѣрующаго субъекта. Явно, что свобода совѣсти въ дѣлѣ вѣры связана самыми тѣсными узами съ гражданскою свободою каждаго лица. Одно безъ другаго быть не можетъ и демократизмъ въ религіи неизбѣжнымъ образомъ ведетъ къ демократизму, т. е. къ полному уравненію въ правахъ и въ государствѣ. Поэтому всякое государство, признающее въ принципѣ святость догмата, и правительство, поддерживающее неизмѣнность и обязательность его своимъ авторитетомъ, суть зло въ мірѣ, гасильники личной свободы и заслуживаютъ всякаго осужденія (1).

Подъ вліяніемъ изложенной атмосферы не могъ не видоизмѣниться въ средѣ протестантскаго общества и взглядъ на Прокопія, его сочиненія и значеніе ихъ для характеристики царствованія Юстиніана и его самого. Конечно, такіе рѣзкіе и крайніе отзывы о всѣхъ вообще наиболѣе уважаемыхъ церковно-историческихъ лицахъ, какъ отзывы Арнольда и Землера, къ которымъ нужно причислить еще Генке, не могли получить права гражданства и утвердиться въ исторіи: они были слишкомъ несправедливы и слишкомъ явно обнаруживали личное недовольство авторовъ, чтобы можно было держаться ихъ безъ опасности потерпѣть сильнѣйшее пораженіе въ борьбѣ съ противниками. Послѣ

(1) Нельзя при этомъ не замѣтить, что столь восхваляемый, «выработанный современною цивилизаціей, коренной принципъ свободы совѣсти» въ существѣ дѣла заключаетъ въ себѣ зародышъ и величайшаго насилія совѣсти вѣрующаго субъекта. Всякій, признающій святость и неизмѣнность догмата, уже потому самому низводится въ разрядъ вреднѣйшихъ людей и, елико возможно, преслѣдуется. Съ другой стороны замѣчательно и то, что этотъ «коренной принципъ современной цивилизаціи» весьма часто является въ устахъ разныхъ ораторовъ и дѣятелей разныхъ партій только ширмою, за которою кроются весьма нечистыя побужденія и цѣли. Это видно уже изъ того, что поборниками этого принципа выступаютъ и ультрамонтане, и соціалисты, и старолютеране, и раціоналисты, и безбожники, и т д, смотря по обстоятельствамъ

громкаго и неожиданнаго выстрѣла, и не неудачнаго его отраженія, явилось стремленіе къ компромиссамъ,— стремленіе разсматривать предметъ съ историческимъ спокойствіемъ. Точка зрѣнія субъективной свободы и личнаго вкуса — очень широкая точка, можетъ быть исходнымъ пунктомъ самыхъ противоположныхъ мнѣній,—отъ крайнихъ до умѣренныхъ, смотря по образу мыслей и темпераменту писателя,—и ограничиваетъ мысль изслѣдователя лишь тою своей стороною, по которой она одинаково дорога всѣмъ приверженцамъ безусловной личной свободы въ дѣлѣ вѣры. Г. Рихтеръ (1) такъ высоко цѣнитъ лице, таланты и государственное значеніе Прокопія, что осмѣливается утверждать, будто бы распространеніе и утвержденіе предѣловъ римской имперіи не менѣе обязано его совѣту и честности, какъ оружію и военнымъ талантамъ Велизарія. Блестящее изложеніе, важность сужденій и достовѣрность всѣхъ извѣстій первыхъ восьми книгъ, въ которыхъ Прокопій описалъ войны Юстиніана, выше всякаго сомнѣнія. Равнымъ образомъ, и относительно Тайной исторіи Рихтеръ замѣчаетъ, что Прокопій „написалъ ее съ великою свободою и тщательно записалъ то, что̀ оба супруги учинили постыднаго и гибельнаго для республики и подданныхъ“ (2).— Шрёккъ называетъ Прокопія „однимъ изъ важнѣйшихъ историковъ своего времени“. Онъ, какъ секретарь Велизарія и человѣкъ государственный, знакомъ былъ со всѣми выдающимися событіями „наиточнѣйшимъ образомъ“ и записалъ ихъ въ восьми книгахъ войнъ и шести—построекъ Юстиніана, вообще говоря, правильно (mit der Richtigkeit) и языкомъ элегантнымъ, приближающимся къ языку древнихъ. „Всѣ эти сочиненія, говоритъ Шрёккъ, Прокопій, очевидно, составилъ для прославленія императора“, „отчасти

(1) G Richteri, epistolae selectiores. Norimbergae, 1662.

(2) Magna libertate scripsit et quicquid uterque conjunx publicae rei damno et in subditorum perniciem peccarunt, accuratiore stylo notavit.

даже написалъ ихъ по его приказанію“ и предназначилъ для чтенія „вообще въ имперіи“; вслѣдствіе чего „историческая истина, и въ особенности—причины событій не могли быть объявлены при жизни дѣйствующихъ лицъ безъ крайней опасности“ для сочинителя. Для пополненія этой то истины и написаны Ἀνέκδοτα. Затѣмъ, приведши содержаніе предисловія къ Тайной исторіи Прокопія, Шрёкъ продолжаетъ: „послѣ такого объясненія Прокопія,—при его знакомствѣ съ внутреннѣйшими побужденіями и слѣдствіями происшествій; при обстоятельности его извѣстій, наконецъ, также, и потому, что они часто подтверждаются другими писателями того времени и—послѣдующаго, или даже и его прежними сочиненіями,—кажется, не слѣдуетъ вообще отрицательно относиться къ Тайной исторіи. Но нельзя, однакожъ, и утверждать, чтобы онъ написалъ ее со всею историческою правдивостію и осторожностію. Безспорно, что онъ иногда прямо противорѣчитъ своимъ прежнимъ разсказамъ и даетъ разнымъ вещамъ совершенно враждебное толкованіе (feindseelige Wendung) (къ чему, можетъ быть, онъ находилъ себя вынужденнымъ своимъ, (теперь) свободно начертаннымъ планомъ); бросается въ глаза также и то, что нѣкоторыя картины онъ очень преувеличиваетъ и рисуетъ слишкомъ мрачными красками; болтовнѣ черни и постыднѣйшимъ разсказамъ даетъ цѣну выше ихъ достоинства, и часто обнаруживаетъ себя болѣе горячимъ порицателемъ, чѣмъ исторіографомъ. Путь, на который онъ вступилъ, слишкомъ скользокъ: онъ какъ бы хотѣлъ очистить свою историческую совѣсть и оправдаться предъ потомствомъ въ своихъ, возбуждающихъ подозрѣніе, льстивыхъ изображеніяхъ Юстиніана, Велизарія и другихъ знаменитыхъ мужей; но, стараясь показать ему, какъ онъ написалъ бы, если бы мало былъ стѣсняемъ, онъ въ тоже время, подъ покровомъ своей, отъ всѣхъ скрывающей, темноты, мститъ за себя тѣмъ, которыхъ хвалителемъ онъ явно долженъ

былъ себя показать. Это — напоминаніе исторіографамъ—не писать исторію своего времени, по крайней мѣрѣ, для своихъ современниковъ". Религіознымъ воззрѣніямъ Прокопія Шрёккъ явно сочувствуетъ. Онъ, съ выраженіемъ нѣкотораго изумленія, отвергаетъ мнѣніе Эйхеля и Вайера, будто Прокопій былъ язычникъ, равно какъ и мнѣніе Алеманна, что Прокопій принадлежалъ къ разряду такъ называемыхъ политическихъ христіанъ, т. е. разсуждающихъ о религіи по ея пользѣ лично для нихъ самихъ или для государства, на самомъ же дѣлѣ не принадлежащихъ ни къ какому вѣроисповѣданію, — ни къ языческому, ни къ христіанскому, — ни, въ частности, къ какой либо изъ христіанскихъ сектъ. По мнѣнію Шрёкка, Прокопій былъ „искреннимъ христіаниномъ, гораздо разумнѣе разсуждающимъ о религіи, чѣмъ большинство тогдашнихъ его единовѣрцевъ. Между многими мѣстами, гдѣ онъ упоминаетъ о Христѣ и Его религіи, нигдѣ нѣтъ и слѣда отвращенія или видимаго равнодушія къ ней". Шрёккъ не скрываетъ этихъ мѣстъ; напротивъ, онъ цѣликомъ приводитъ одно изъ нихъ, на основаніи котораго стараются доказать языческое міровоззрѣніе или индифферентизмъ Прокопія(1). Но это-то мѣсто онъ и называетъ „разумнымъ сужденіемъ историографа, возвышающимъ его надъ тонкими богословскими вопросами, уже тогда давно доведенными до тошноты, презрѣнія и даже опасности для государственнаго спокойствія, — такимъ образомъ показывающимъ въ немъ деиста, который съ насмѣшкою можетъ относиться ко всему богословію и особенно ко всѣмъ положеніямъ и вопросамъ о Христѣ". „Если бы, — говоритъ Шрёккъ въ заключеніе этого разсужденія о религіи Прокопія, — у христіанъ того времени было побольше мужей такого направленія, которые, пользуясь выгодою—не стѣсняться предразсудками и вѣроисповѣдными формулами духовнаго со-

(1) Gotth. I. 3. p 17.

словія, а жить подобно людямъ большаго свѣта, или, по крайней мѣрѣ, подобно членамъ другихъ просвѣщенныхъ сословій, частію были способны, частію же имѣли мужество предаваться философскимъ, по крайней мѣрѣ, свободнымъ изслѣдованіямъ безъ почтительнаго озиранія на принятыя мнѣнія, даже религію и богослуженіе; то ученость (Gelehrsamkeit) между ними всегда бы держалась еще на нѣкоторой высотѣ" (1).—Сужденіе Гиббона о сочиненіяхъ Прокопія и ихъ взаимоотношеніи отличается краснорѣчивою сжатостію и ясностію, обнаруживающею мыслителя-художника, свободно относящагося къ своему предмету, и вмѣстѣ англичанина, гордаго конституціонною свободою своего отечества и презирающаго всякій видъ проявленія лести. „Прокопій, говоритъ онъ, мало-по-малу составилъ исторію, панегирикъ и сатиру своего времени, смотря по перемѣнѣ свободы духа или рабства, благосклонности или немилости.... Сочиненія его охотно были читаемы современниками. Хотя онъ и повергъ ихъ почтительнѣйшимъ образомъ къ подножію трона, однакожъ гордость Юстиніана должна была быть оскорбляема похвалою героя, который постоянно затмѣвалъ славу своего недѣятельнаго владыки. Самосознанное достоинство независимости было пересилено рабскими надеждами и опасеніями, и—секретарь Велизарія, ради прощенія и награды, потрудился надъ составленіемъ шести книгъ о императорскихъ постройкахъ. Онъ ловко избралъ предметъ неоспоримаго блеска, гдѣ онъ громко могъ прославить геній, величіе и благочестіе государя, который далеко превосходилъ дѣтскія доблести Ѳемистокла и Кира, столько же какъ завоеватель, сколько и какъ законодатель. Обманутая надежда могла возбудить льстеца къ тайной мести, а первый лучъ благосклонности снова прельстилъ его прервать и скрыть па-

(1) Schrockh, christl. Kirchengeschichte. Th. XVI, p. 80—81; 166—171.

сквиль, въ которомъ римскій Киръ низведенъ до ненавистнаго и презрѣннаго тирана, и какъ императоръ, такъ и его супруга Ѳеодора самымъ серьезнымъ образомъ изображаются какъ два дьявола, которые приняли человѣческій образъ на пагубу человѣческаго рода. Безспорно, столь низкое непостоянство должно запятнать славу Прокопія и уменьшить его достовѣрность; однакожъ, по отдаленіи яда его злобы, остальное содержаніе его „Анекдотовъ", даже самые постыдные факты, изъ которыхъ на нѣкоторые онъ слегка намекаетъ въ своей обнародованной исторіи, подтверждаются своею внутреннею истиной или подлинными памятниками того времени" (1).—Монтескье держится Тайной исторіи по двумъ причинамъ: „во-первыхъ потому, что она находится въ большей связи съ изумительною слабостію имперіи въ концѣ царствованія Юстиніана и въ послѣдующія царствованія, во-вторыхъ потому, что по законамъ этого государя, существующимъ до сихъ поръ, законовѣдѣніе въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ измѣнилось больше, нежели въ продолженіе трехъ сотъ послѣднихъ годовъ французской монархіи" (2).

---

(1) Gibbon, Geschichte des Verfalles und Unterganges des Romisch. Weltreiches. Deusche Ausgabe. Leipzig, 1837. c. 40. p. 1337—1339. По мѣстамъ Гиббонъ составляетъ свои описанія исключительно по Arcana, дѣлая при этомъ только оговорки, а иногда и безъ оговорокъ. p. 1359—1364, 1440—1445, 1487, 1512.

(2) Montesquieu, grandeur et decadence des Romains, c. 20. Oeuvres, Amsterd. 1769. t. VI. — Согласно съ этимъ взглядомъ на Arcana, онъ очень мрачными красками рисуетъ образъ Юстиніана и Ѳеодоры: la mauvaise conduite de Justinien, ses profusions, ses vexations, ses rapines, sa fureur de bâtir, de changer, de reformer, son inconstance dans ses desseins un règne dur et faible devenu plus incommode par une longue vieillesse furent des malheurs réels mêlés à des succès inutiles et une gloire vaine. Ces conquêtes, qui avaient pour cause non la force de l'empire, mais de certaines circonstances particulières, perdirent tout. Pendant qu' on y occupait les armées, de nouveaux peuples passèrent le Danube, désolèrent l'Illyrie, la Macédoine et la Grèce, et les Perses dans quatre invasions firent à l'Orient des plaies incurables. Plus ces conquêts furent rapides, mo-

Субъективная односторонность указаннаго рода историковъ слишкомъ бросалась въ глаза, чтобы могла остаться не замѣченною и навсегда утвердиться въ исторіи. Отвергнувъ все догматическое содержаніе христіанской религіи, какъ человѣческое измышленіе, слѣдовательно ни для кого необязательное; перенесши всю сущность религіи въ чисто субъективную область, какъ единственное мѣсто, гдѣ каждый внутренно и непосредственно можетъ относиться къ Богу, и, вслѣдствіе этого, потерявъ всякое чувствованіе идеи христіанства и церкви, какъ объекта, лежащаго внѣ тѣхъ или другихъ субъективныхъ ощущеній и дающаго всѣмъ историческимъ явленіямъ ихъ единство, влагающаго въ нихъ одинъ духъ и одну жизнь, словомъ—объединяющаго ихъ, — указанные историки раздѣлили всю безконечно-разнообразную историче-

---

ins elles eurent un établissement solide.... Justinien avait pris sur le théâtre une femme, qui s'y était long temps prostituée: elle le gouverna avec un empire qui n'a point d'exemple dans les histoires et mettant sans cesse dans les affaires les passions et les fantaisies de son sexe, elle corrompit les victoires et les succés les plus heureux. Впрочемъ онъ не всему вѣритъ въ Тайной исторіи je ne serais par naturellement porté à croire tout ce que Procope nous dit ... dans son histoire sécréte, parseque les éloges magnifiques qu'il a fait de ce Prince dans ses autres ouvrages, affaiblissent son témoignage dans celui—ci, où il nous le dépeint comme le plus stupide et le plus cruel des tyrans. — Къ этому разряду историковъ слѣдуетъ отнести также. Hugo Grotius,—historia Gothorum, Vandalorum, Longobardorum. Amstelod. 1655. Г. Гроцій ни мало не сомнѣвается въ принадлежности Тайной исторіи Прокопію; на самого Прокопія смотритъ очень высоко, считаетъ его мужемъ точнаго сужденія въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ, и смотритъ на его религіозныя убѣжденія и отношенія къ другимъ религіознымъ партіямъ точно также, какъ и Шреккъ.—G. J. Vossius,—ars historica de historicis graecis libri quatuor. Amstelod. 1699.—Gundling,—observationes selectae ad rem literariam spectantes I. Francof. et Lips. 1707. Observatio VIII. de Theodora imperatrice Justiniani magni uxore. — Этотъ писатель обосновываетъ подлинность Аrcana главнымъ образомъ на свидѣтельствѣ Свиды и полемизируетъ противъ Эйхеля.—Meusel,—bibliotheca historica, V. 1. Lipsiae, 1790 —J. A. Fabricii bibliotheca graeca, curante G. C. Harles. Hamburg, 1804, VII, представляетъ обстоятельный перечень рукописей, изданій и переводовъ сочиненій Прокопія.

скую область на двѣ неравныя части: съ одной стороны они поставили свое *я*, какъ историческій фактъ, съ его правомъ свободно, по суду только своей совѣсти, вѣровать и содержать свою частную, нравственную религію, съ его ограниченнымъ кругомъ идей и вѣрованій, съ его горделивой мыслію — быть непогрѣшимымъ, и претензіей—явить себя единственнымъ судьею историческихъ фактовъ, а съ другой—всю безконечно великую и разнообразную область исторіи, въ которой они только то признавали законнымъ и имѣющимъ право на существованіе, что, по ихъ мнѣнію, согласно съ ихъ идеями и основною точкой зрѣнія, въ чемъ они видятъ отраженіе своего *я*, и напротивъ—все. несогласное съ ихъ образомъ мыслей, трактуется ими какъ продуктъ людской глупости или хитрости, злобы, коварства, безнравственности, темныхъ силъ или непонятнаго случая. и ближайшія причины, указанныя ими для объясненія тѣхъ или другихъ событій, — не дѣйствительныя, бывшія или существующія, причины. а большею частію ихъ собственныя измышленія, влагаемыя ими въ разсматриваемыя событія,—то, какъ они сами поступали бы и дѣйтвовали, если бы были на мѣстѣ описываемыхъ ими лицъ. Невольно раждается вопросъ: если историки-субъективисты усвоили такое широкое право своему *я* въ дѣлѣ вѣрораній и личныхъ убѣжденій, то не будетъ ли несправедливостію съ ихъ стороны, если они будутъ отказывать въ томъ же самомъ правѣ историческимъ лицамъ, ими разсматриваемымъ? Да и не будетъ ли произвольнымъ сокращеніемъ области исторіи, даже уничтоженіемъ ея, если историкъ будетъ считать историческимъ только то, что согласно съ его *я*? Не будетъ ли прямымъ отрицаніемъ бытія міровой драмы, если всѣ историческія явленія они будутъ объяснять дѣйствіемъ только случая, неразумной силы, хитрости? и т. д. Со стороны протестантовъ Шеллингъ первый указалъ на недостатки подобнаго рода историографіи и первый объявилъ, что

исторія, для того чтобы быть всеобщей и объективной исторіей, должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія высшей идеи, съ точки зрѣнія абсолютнаго (1). Теперь явилась потребность, характеризующая протестантскихъ историковъ XIX вѣка, при изображеніи тѣхъ или другихъ историческихъ событій, по возможности, отдѣлять отъ нихъ свое собственное содержаніе, свое *я*,—отрѣшаться отъ своихъ мнѣній, какъ бы выходить изъ себя и входить въ духъ и характеръ описываемой эпохи, изображать событія съ точки зрѣнія ихъ идеи, словомъ—быть объективнымъ. Къ разряду этихъ историковъ относятся: Маргейнеке, Неандеръ, Гизелеръ, Газе, Ниднеръ, Гфрёреръ, Гагенбахъ, и друг.; но самымъ послѣдовательнымъ, полнымъ и лучшимъ выразителемъ этого рода направленія, безспорно, долженъ быть признанъ Фердинандъ Бауръ, послѣдователь философіи Гегеля и проводникъ ея идей въ области исторіи церкви.

Бауръ за сущность христіанства и истинную идею церкви признаетъ идею единства Бога и человѣка, которая была сознаваема всѣми христіанами всѣхъ вѣковъ и мѣстъ. Она въ самой себѣ носитъ необходимую силу и движущій мотивъ для *развитія* и потому она составляетъ субстанціальное содержаніе историческаго развитія христіанской церкви. Въ своемъ развитіи, или обнаруженіи во внѣ, въ мірѣ явленій, она прошла четыре момента, или *формы сознанія*, пока не достигла настоящей, высшей и истинной формы сознанія. Прежде всего она обнаружилась въ догматѣ, для полнаго развитія котораго потребовалось первыхъ шесть вѣковъ. Развитіе догмата шло рука объ руку съ развитіемъ іерархіи. Развитіе и утвержденіе догмата совершалось чрезъ епископовъ и ради епископовъ. Но полное обнаруженіе идеи іерархіи началось тогда, когда завершилось развитіе догмата, и занимаетъ собою средніе вѣка до рефор-

(1) Въ Vorlesungen uber die Methode des academischen Studium.

маціи. Оно завершилось въ папствѣ, которое потому составляетъ необходимое проявленіе идеи іерархіи. Въ догматѣ и іерархіи вполнѣ выразилась *во вић* идея церкви: всякій вѣрующій могъ сознавать себя въ единеніи съ Богомъ только дотолѣ, пока онъ находился въ единеніи съ іерархіей, признавалъ папу непогрѣшимымъ намѣстникомъ І. Христа и единственнымъ раздаятелемъ благодатныхъ даровъ, и считалъ непреложнымъ установленный имъ догматъ. *Эта форма сознанія* должна была оставаться господствующею до тѣхъ поръ, пока она не рушилась сама собою. А ея разрушеніе должно было неизбѣжно послѣдовать, какъ скоро стало невозможно показать, что видимая церковь служитъ адекватнымъ выраженіемъ идеи церкви и христіанства. Поворотный пунктъ въ дальнѣйшемъ развитіи идеи церкви и христіанства представляетъ реформація, задача которой состоитъ въ томъ, чтобы выдѣлить идею церкви отъ ея проявленія и поставить идею и явленіе другъ противъ друга во всей ихъ противоположности. Со времени реформаціи, „идея церкви, говоритъ Бауръ, отдѣлилась отъ видимой церкви, какъ своего явленія; она сама сдѣлалась побуждающимъ и движущимъ принципомъ успѣха отъ одной формы сознанія, въ которой, какъ неистинномъ существованіи, она не могла долѣе оставаться, къ другой, въ которой она точно въ такой же мѣрѣ свободно относится къ прежней формѣ сознанія, въ какой она стоитъ выше явленія. Періодъ, характеризующійся тѣмъ, что церковь проявила въ немъ абсолютное содержаніе своей идеи и считала идею и явленіе просто за одно цѣлое, есть періодъ абсолютизма церкви, долженствующаго вступить въ споръ съ двойнымъ интересомъ, признаніе котораго навязывалось сознанію человѣчества въ его поступательномъ развитіи само собою. вслѣдствіе внутренней необходимости дѣла: съ интересомъ лица (индивидуума) и интересомъ государства. Тамъ, гдѣ церковь властвуетъ (gebietet) своею абсо-

лютною силою, каждое отдѣльное лице находитъ точку опоры своего бытія и сознанія только въ единствѣ цѣлаго, къ которому оно присоединяется, въ объективности цѣлаго и во всемъ томъ, что̀ дѣлаетъ церковь существенною посредницей его спасенія, какъ бы внѣшне и случайно оно ни было. Но чѣмъ внѣшнѣе все то, что̀ получаетъ свою истинность только въ своемъ внутреннѣйшемъ отношеніи къ субъекту, только въ томъ, что оно существуетъ для субъекта, субъектъ ощущаетъ (hat) въ немъ себя самого, и въ немъ непосредственно сознаетъ свое спасеніе и свое единство съ Богомъ, тѣмъ вѣрнѣе долженъ наступить наконецъ и тотъ поворотный пунктъ, въ которомъ субъектъ возвратился изъ этой внѣшности своего религіознаго сознанія въ себя самого, и долженъ былъ сознать себя тѣмъ, что онъ самъ есть абсолютный субъектъ относительно всего, что̀ производитъ (ausmacht) существенное содержаніе его религіознаго сознанія. Протестантизмъ есть принципъ субъективной свободы, свободы вѣры и совѣсти, самозаконія субъекта въ противоположность всякому инозаконію католическаго понятія церкви. Какъ только протестантизмъ есть то, въ чемъ субъектъ можетъ придти къ праву своей индивидуальности, своего свободнаго отдѣльнаго бытія, къ истинному сознанію себя самаго,—точно также это относится и къ государству. Абсолютизмъ церкви прежде отнялъ у государства почву, на которой оно могло бы достигнуть самостоятельности своего существованія. Какъ только церковь разъ вынуждалась удалиться изъ этой области съ признаніемъ, что она не въ состояніи осуществить идею во внѣшнемъ мірѣ явленій въ такомъ видѣ, чтобы она была всепроникающею и надъ всѣмъ властвующею силою, — государство заявляло притязаніе взять себѣ эту область, оставленную церковію, и самому дать вѣсъ своему абсолютному праву относительно церкви. Поэтому и государство утверждаетъ независимое отъ абсолютной власти церкви существованіе лишь чрезъ протестан-

тизмъ или посредствомъ принципа субъективной свободы, достигающаго своего внѣшняго признанія только въ протестантизмѣ". „Относительно этихъ двухъ, одинаково существенныхъ принциповъ (т. е. свободы субъекта и автономіи государства) протестантизмъ навсегда порвалъ (союзъ) съ папствомъ, потому что ему навѣрное стало извѣстно, что единство Бога и человѣка, составляющее абсолютное содержаніе христіанства и церкви, какъ формы его явленія, не можетъ быть созерцаемо въ такой формѣ церкви, какъ она представляется въ папствѣ. Однакожъ сознавать себя едино съ Богомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ быть увѣреннымъ въ своемъ блаженствѣ человѣкъ можетъ на точкѣ зрѣнія протестантскаго принципа только въ такомъ случаѣ, если онъ сознаетъ себя свободнымъ и въ себѣ самомъ, и видитъ, что онъ поставленъ въ государствѣ въ сферѣ существованія, свободнаго отъ абсолютизма церкви". Разложеніе прежнихъ, обветшалыхъ и неправильныхъ формъ проявившейся во внѣ идеи церкви, — формы догматической и іерархической, — шло и идетъ обратнымъ путемъ тому, какъ онѣ слагались: сначала подвергли разрушительному анализу іерархію и въ частности папство; когда же эта работа могла быть названа достаточно совершенною, послѣ того подвергли тому же самому всесокрушающему анализу и догматъ (въ XVIII в.), что продолжается и доселѣ. И эта разрушительная работа предпринята не для того, чтобы придти къ полному „ничто", а, якобы, для лучшаго утвержденія истины. Бауръ думаетъ, что его идея церкви есть объективнѣйшая идея, и ею легко объясняются всѣ церковно-историческія явленія и каждому изъ нихъ указывается его надлежащее, объективное мѣсто (1).

(1) Baur, die Epochen der kirchl Geschichtschreibung 7 Abschnitt. Resultate und Andeutungen —Характеристику Неандера см выше, стр. 97—100 прим Остальные указанные историки, конечно, не такъ послѣдовательны, какъ Бауръ, по отрицаніе догмата, субъективизмъ въ религіи, свобода совѣсти въ указанномъ смыслѣ признаются и ими за непреложный догматъ. Они—полураціоналисты въ сравненіи съ Бауромъ

Однако всѣ необходимости, придуманныя Бауромъ для показанія предполагаемаго развитія измышленной имъ идеи христіанства и христіанской церкви, суть подставныя необходимости, отнюдь не оправдываемыя и не требуемыя дѣйствительностію; ибо ни папство не есть обнаруженіе и развитіе іерархіи, тѣмъ менѣе—христіанства, ни протестантизмъ не можетъ быть названъ высшею формою идеи христіанской религіи и церкви; но тотъ и другое, протестантизмъ и папство, въ дѣйствительности представляютъ абсолютное извращеніе христіанства, или лучше—оба они суть начала, совершенно чуждыя христіанству. Всѣ необходимости, выдвинутыя Бауромъ, становятся понятными только тогда, когда представишь себѣ, что мысль его, какъ и вообще западнаго европейца, вращается исключительно въ области исторіи римско-протестантскаго міра и о существованіи другой какой-либо исторіи онъ и знать не хочетъ. Бауръ—рабъ протестантизма; онъ не можетъ возвыситься до точки зрѣнія, стоящей выше протестантства, и потому не можетъ свободно отнестись къ его явленіямъ. Въ сущности его точка зрѣнія — точно такая же субъективная точка зрѣнія, какъ и вышеразобранныхъ протестантскихъ историковъ. И прежде всего, выдуманная имъ идея единства Бога и человѣка отнюдь не представляетъ собою абсолютнаго содержанія христіанства; это—не болѣе, какъ субъективная потребность, по которой каждый человѣкъ, какъ существо мыслящее, разумное и нравственное, стремится быть въ единеніи съ другимъ Верховнымъ разумно-мыслящимъ Существомъ—Богомъ, чтобы отъ Него получать надлежащее содержаніе для своего *я* и полное удовлетвореніе своей духовной потребности,—это—субъективная подкладка или субъективное основаніе всякой религіи, и потому столько же приложимо къ христіанству, какъ къ язычеству, іудейству, магометанству и т. д. Какъ субъективная религіозная потребность, идея единства Бога и человѣка необходимо пред-

полагаетъ въ своемъ обнаруженіи какъ дѣйствіе человѣка, стремящагося быть въ единеніи съ Богомъ, такъ и воздѣйствіе Божества, отъ котораго одного только и можно ожидать истиннаго содержанія и соотвѣтствующей ему формы для удовлетворенія этой потребности; потому что кто иначе можетъ дать *истинное* понятіе о Богѣ и о надлежащихъ отношеніяхъ къ Нему ограниченнаго человѣка, кромѣ Самаго Бога? Между тѣмъ Бауръ устранилъ всякое дѣйствіе Божества и усвоилъ развитіе идеи единства Бога и человѣка одному только человѣку. Объективированіе этой идеи, сначала въ формѣ догмата, потомъ—нераздѣльно соединеннаго съ нимъ папства, и наконецъ въ формѣ личной свободы каждаго человѣка, есть чисто субъективное объективированіе, а потому — во всѣхъ случаяхъ неправильное: человѣчество, слѣдуя своей внутренней личной потребности быть въ единеніи съ Богомъ, или сообща, или каждое лице въ частности, создаетъ себѣ, по потребностямъ времени, своего бога, и кланяется ему, и установляетъ приличныя, соотвѣтствующія выработанному понятію о божествѣ, отношенія, и держится своего культа до тѣхъ поръ, пока не сознаетъ, что чтимый богъ—не истинный Богъ, которому должно покланяться, а субъективное измышленіе, идолъ, созданный самимъ человѣчествомъ для удовлетворенія своего субъективнаго религіознаго чувства. Не есть ли это въ концѣ концовъ отрицаніе религіи и разрушеніе самаго религіознаго чувства? Далѣе, считая всю исторію христіанской церкви до реформаціи обветшалою, неправильною формою сознанія идеи единства Бога и человѣка—абсолютнаго содержанія христіанства, не слишкомъ ли произвольно сокращаетъ Бауръ предѣлы исторіи, признавая ее истинной только съ реформаціи и считая миражемъ все дореформаторское время? Потомъ, что̀ за снисходительная кичливость — спокойно смотрѣть на прошедшія времена потому только, что то были времена младенчества человѣческаго рода,

его недомыслія и неразвитія? Что за демонскій эгоизмъ—признавать необходимость прошедшаго блужданія человѣчества, чтобы только современный субъектъ обладалъ истиною и могъ жить хорошо? Затѣмъ, какая еще болѣе горделивая и бездушная кичливость—считать верхомъ совершенства въ историческомъ развитіи одну только нѣмецкую націю, въ которой по преимуществу внѣдрился протестантизмъ? Да, есть ли протестантизмъ истина? Если догматизмъ первыхъ вѣковъ христіанства и папство среднихъ вѣковъ были только преходящими формами религіознаго сознанія, то не тоже ли самое нужно сказать и о протестантствѣ? А тогда не превратится ли вся исторія міра въ миражъ, въ которомъ одна ложная форма сознанія смѣняетъ другую,—въ мрачный тяжелый сонъ, лишенный истины и дѣйствительности? Наконецъ, отношенія церкви къ государству и къ каждому лицу въ частности указаны Бауромъ слишкомъ внѣшнія, формальныя. Римская церковь безраздѣльно господствовала надъ государствомъ и каждымъ вѣрующимъ субъектомъ въ силу преобладающаго, безграничнаго значенія своей власти. Протестантизмъ освободилъ субъектъ отъ абсолютизма церкви, возвѣстивъ принципъ свободы субъекта, свободы вѣры и совѣсти; вмѣстѣ съ вѣрующимъ лицемъ онъ освободилъ отъ абсолютизма церкви (т. е. папства) и государство. Повсюду здѣсь рѣчь о свободѣ, только какъ о правѣ, какъ о внѣшней формѣ; о содержаніи же, внутри котораго должна вращаться свобода, о Божественной истинѣ, которая одна только доставляетъ внутреннюю и дѣйствительную свободу каждому человѣку, къ которой, какъ таковой, одинаково относятся и клиръ, и народъ, духовные правители и свѣтскіе, начальствующіе и подчиненные, здѣсь нѣтъ и намека. Отношеніе вѣрующаго лица и государства къ абсолютизму римской церкви ясно; но отношеніе вѣрующаго лица къ государству не выяснено Бауромъ. Формальный принципъ: свобода субъекта, свобода вѣры и со-

вѣсти, а отсюда далѣе — свободная церковь въ свободномъ государствѣ, уполномочиваетъ каждаго вѣрующаго давать своей субъективной потребности— быть въ единеніи съ Богомъ — какую угодно форму и наполнять ее какимъ угодно содержаніемъ. По принципу развитія, указанному Бауромъ, каждая послѣдующая форма религіознаго сознанія выше предыдущей. „Гуманизація, раціонализированіе, субъективированіе, одухотвореніе и улучшеніе внутренней стороны христіанства (этого только не доставало?!), говоритъ Бауръ, сдѣлалось, въ разныхъ формахъ и направленіяхъ, всеобщимъ лозунгомъ времени". Что, если вѣрующій субъектъ, основываясь на формальномъ правѣ личной свободы совѣсти и признанномъ несовершенствѣ доселѣшняго христіанства, составитъ себѣ міровоззрѣніе, которое будетъ идти въ разрѣзъ съ существующими государственными постановленіями, какъ общеобязательными правилами,—не будетъ ли абсолютизмомъ со стороны государства требованіе отъ вѣрующаго субъекта покорности своимъ постановленіямъ? И не въ правѣ ли вѣрующій субъектъ требовать отмѣны государственныхъ учрежденій и даже содѣйствовать насильственному ихъ ниспроверженію, какъ обветшалыхъ и противорѣчащихъ личному праву свободы совѣсти, какъ низшихъ и несправедливыхъ по отношенію къ новому, высшему и, слѣдовательно, болѣе справедливому религіозному сознанію вѣрующаго субъекта? Не поведетъ ли это къ разрушенію не только церкви, но и государства и всякаго общественнаго порядка? Такъ какъ идея единства Бога и человѣка есть субъективная потребность каждаго человѣка, какъ существа мыслящаго и разумнаго, жаждущаго быть въ единеніи съ Богомъ, а необъективное субстанціальное содержаніе христіанства, какъ думаетъ Бауръ, и такъ какъ принципъ протестантства есть свобода субъекта, свобода вѣры и совѣсти, протестантизмъ же есть истинная форма христіанства по отношенію къ прежнимъ религіознымъ

христіанскимъ сознаніямъ, обветшалымъ и неправильнымъ; то не будетъ ли лучше, по Бауру какъ и по Землеру, сущность христіанства полагать во внѣшнемъ правѣ каждаго субъекта образовать и содержать свою вѣру? Строгая логика необходимо приводитъ къ этому заключенію.

Изложенныя историческія воззрѣнія Баура, представляющія, по его мнѣнію, объектъ исторіи христіанской церкви, тѣмъ особенно и важны, что они составляютъ „общій лозунгъ времени“, какъ онъ выражается. Въ существѣ дѣла, нравственно-религіозная атмосфера современной протестантской интеллигенціи осталась, по своимъ составнымъ частямъ, таже самая, что̀ и въ предыдущемъ вѣкѣ; она получила только болѣе точный, опредѣленный и ясный видъ. Объективное безпристрастіе, преслѣдуемое ими, есть не болѣе, какъ горделивое снисхожденіе къ преходящимъ и несовершеннымъ, хотя въ тоже время и необходимымъ, моментамъ развитія для полученія того хорошаго и истиннаго религіознаго сознанія, которое представляетъ собою современный протестантизмъ. Такимъ образомъ „объективная идея церкви“, подставляемая протестантскими историками для освѣщенія, оцѣнки и объединенія церковно-историческихъ фактовъ, на самомъ дѣлѣ отнюдь не объективная идея, дѣйствительно проявлявшаяся и проявляющаяся въ исторіи церкви и преслѣдуемая древними христіанами, а ихъ субъективная идея, выводимая ими изъ идей и стремленій современнаго протестантскаго общества, каждымъ по своему вкусу, и только приноравливаемая къ исторіи церкви съ цѣлію какимъ бы то ни было образомъ связать современное протестантство, для удержанія за нимъ христіанскаго имени, съ явленіемъ Христа на землѣ. Субъективизмъ въ ихъ твореніяхъ остался точно такой же, какъ и у писателей прошлыхъ вѣковъ. Понятно, что и эта точка зрѣнія современныхъ протестантскихъ историковъ предоставляетъ имъ такую же широкую свободу быть

въ своихъ осужденіяхъ церковно-историческихъ фактовъ и лицъ умѣренными, строгими, крайне строгими и, наконецъ, фанатически строгими, какъ это было и прежде, смотря по ихъ темпераменту. текущимъ временнымъ обстоятельствамъ и качеству той идеи, которую они считаютъ за объективную.

Девятнадцатый вѣкъ далъ не мало изслѣдованій о сочиненіяхъ Прокопія и не неразнообразныхъ по своему внутреннему достоинству.—1848 годъ характеризуется движеніемъ революціонныхъ идей въ Германіи: свободы субъекта, свободы вѣры и совѣсти, свободы народной. Въ томъ же самомъ, 1848, году нѣкто Максъ Лянгеншварцъ издалъ брошюру, подъ заглавіемъ: „Законодательствующій плутъ Юстиніанъ“ (1), составленную по Тайной исторіи Прокопія и ничуть не уступающую послѣдней въ обнаруженіи фанатической брани. Въ предисловіи, адресованномъ къ „честному и совѣстливому“ читателю, Лянгеншварцъ говоритъ между прочимъ: „здѣсь міръ получилъ въ первый разъ полнѣйшую документально обработанную, тайную исторію одного изъ тѣхъ, обожаемыхъ по предписанію нашимъ школьнымъ и университетскимъ юношествомъ, царственныхъ іезуитовъ, которыхъ постарались почтить именемъ великихъ.— Многіе изъ нашихъ доселѣшнихъ такъ называемыхъ исторіографовъ, съ цѣлію не потерять чинъ, орденъ и должность, или же съ цѣлію получить ихъ, наибезпримѣрнѣйшимъ образомъ скрывали или затемняли истину. Пресмыкающіеся въ пыли льстивые историки окружали себя именами великихъ, чувствуя и сознавая въ тоже время, какъ они недостойно лгали и нравственно-нищенски-портняжскимъ образомъ похищали у міра знаніе. Почти всѣ безъ исключенія государи, которыхъ возмутительная ограниченность или продажность пресмыкающихся историковъ надѣлили

(1) Max Langenschwarz, der gesetzgebende Schurke Justinian. Leipzig, 1848.

эпитетомъ „великаго“, явятся какъ угнетающіе народъ лицемѣры или хитрые тиранны, если мы освѣтимъ ихъ свѣтомъ истины. Факелъ истины не торчитъ болѣе въ смолѣ.... историографствующіе... и консорты должны исчезнуть, и нечиновный, неукрашенный орденами, непревосходительный скажетъ народу, что онъ непремѣнно долженъ знать, если мы наконецъ хотимъ положить предѣлъ историческому мошенничеству. Впередъ, дѣти! Я привѣтствую всѣхъ честныхъ читателей“. Лянгенштварцъ, очевидно, не сомнѣвается въ подлинности Тайной исторіи Прокопія и принимаетъ всѣ ея ругательства за буквальную истину. Мало того, онъ даже какъ бы не довольствуется ея ругательствами и прибавляетъ къ нимъ еще свои новыя обвиненія, источникъ которыхъ можно отыскать только въ его личной страсти. — Около того же самаго времени помѣстилъ въ одномъ историческомъ журналѣ, издаваемомъ докторомъ Шмидтомъ, не менѣе горячую, но болѣе талантливую и имѣющую видъ учености, статью о Прокопіѣ докторъ В. С. Тейффель (1). Главная цѣль статьи—подвести смыслъ Исторіи войнъ Юстиніана подъ воззрѣніе Тайной исторіи и тѣмъ показать, что царствованіе Юстиніана должно быть разсматриваемо съ точки зрѣнія этой послѣдней, какъ внутренней и дѣйствительной подкладки Исторіи войнъ, и что книги о Постройкахъ Юстиніана не имѣютъ никакого значенія. Согласно съ этимъ вся его статья имѣетъ видъ обвинительнаго акта противъ Юстиніана и его деспотизма, и горячей апологіи Ἀνέκδοτων и ихъ сочинителя, котораго онъ изображаетъ свѣтлою точкой на мрачномъ и душномъ горизонтѣ всеподавляющаго и мертвящаго византійскаго деспотизма. Прокопій, по его мнѣнію, занимаетъ мѣсто между историками, „вполнѣ достойное уваженія“ (durchaus achtungswerthe), столько же „по

(1) Procopius, von Dr. W. S. Teuffel. Въ Allgemeine Zeitschrift fur Geschichte... von Dr. W. A Schmidt. VIII. Berlin, 1847.

настроенности" (Gesinnung), какъ и по изображенію событій. Въ опредѣленіи отношенія Arcana къ Исторіямъ онъ примыкаетъ къ Алеманну и находитъ, что въ Исторіяхъ содержатся тѣже порицанія, что̀ и въ Arcana, и что между Исторіями и Arcana не существуетъ даже никакого противорѣчія. Тейффель принимаетъ предисловіе Прокопія къ Тайной исторіи за чистую монету и серьёзно утверждаетъ, что она написана для пополненія и возстановленія истины, которую нельзя было высказать явно. „Прокопія, говоритъ Тейффель, давило сознаніе—изложить по крайней мѣрѣ въ тайномъ сочиненіи то, что̀ онъ не могъ высказать явно, чтобы такимъ образомъ отдать истинѣ долгъ, тяжесть котораго онъ чувствовалъ на себѣ, когда онъ въ одномъ сочиненіи не могъ высказать всю истину, а въ другомъ долженъ былъ сказать противное ей" (1). Поэтому неудивительно, что Тейффель нимало не сомнѣвается въ принадлежности Тайной исторіи Прокопію и даже негодуетъ на тѣхъ, которые дерзаютъ сомнѣваться въ этомъ. „Кто кромѣ самаго Прокопія, замѣчаетъ онъ, могъ бы приладить это сочиненіе въ столь мелкихъ подробностяхъ къ столь большому сочиненію? Кто кромѣ него могъ бы сказать: здѣсь я выпустилъ то-то, это было иначе, это событіе имѣло иное основаніе. Если бы законы критики всегда были сознаваемы, то относительно подлинности не могло бы произойдти ни малѣйшаго сомнѣнія. Оставляемъ даже важное свидѣтельство Свиды. Поэтому подлинность могли оспаривать только критики, противопоставляющіе всѣмъ объективнымъ свидѣтельствамъ свое совершенно некритическое, фантастическое, субъективное мнѣніе или склон-

(1) Въ этомъ пунктѣ Тейффеля страннымъ представляется то, что «другое сочиненіе» Прокопія (о Постройкахъ) написано (560 г.), по его мнѣнію, позже Arcana (558 г.). Какимъ же образомъ тяжесть долга 60-го года можно было чувствовать въ 58 году? Очевидно, тяжесть долга отъ Построекъ не имѣетъ смысла и остается одна только тяжесть долга отъ Исторій войнъ

ность. Но кто еще въ настоящее время захотѣлъ бы сомнѣваться въ подлинности, тотъ никогда не читалъ ни Войнъ, ни Анекдотовъ, или ни того ни другаго вмѣстѣ". Причина такой крайней горячности открывается изъ слѣдующаго: „и здѣсь также особенно упорными и своенравными оказываются юристы. Ихъ дорогой Юстиніанъ, отецъ славнаго corpus juris, и, слѣдовательно, косвенно столь многихъ также еще славныхъ комментаріевъ и разсужденій, долженъ имѣть всяческое право (Recht haben), а Прокопій былъ лжецъ и клеветникъ". Нельзя не видѣть во всемъ этомъ образѣ рѣчи Тейффеля противъ юристовъ и Юстиніана въ защиту Прокопія подобный же образъ рѣчи Алеманна. Довольно подробно Тейффель говоритъ о религіозномъ міровоззрѣніи Прокопія, его предразсудкахъ и фатализмѣ. Религіозность Прокопія называетъ „широкой религіозностію" (vage Religiosität), а фатализмъ его производитъ изъ императорской власти: фатализмъ — это „трансцендентный императоръ", о дѣйствіяхъ котораго на вопросъ: „почему"? только и можно отвѣчать: „такъ хочетъ", „такъ угодно" (1). Такимъ образомъ и здѣсь виноватъ императоръ. Этотъ же обвинительный актъ противъ Юстиніана въ защиту Прокопія обнаруживается также и во взглядѣ Тейффеля на происхожденіе сочиненія о Постройкахъ

(1) Wie der Frager sich zufrieden geben muszte, wenn sein Warum? zur Antwort erhielt der Kaiser hat es befohlen, so gewohnte sich das Gemuth und der Verstand bei den Fragen des Lebens sich damit zu begnugen, dasz das Schicksal es so wollte Wie des Kaisers Wille nicht weiter zu ergrunden war und gegen seine Macht Keiner aufkam, so ist des Schicksals Schlusz ebenso unergrundlich als unwiderstehlich. Alles ist und fuhlt sich absolut abhangig vom Kaiser und vom Schicksal. Und je eifersuchtiger gerade Justinian alle Regierungsthatigkeit in sich concentrirte, je eigenwilliger er darein fuhr, je unheimlicher er wuhlte, je angstigender er lauerte, um so gewisser muszte sich der geistigen Atmosphare der Zeit eine dumpfe Stille und Ergebenheit mittheilen, die Prokop zwar in Bezug auf das diesseitige Fatum, den Kaiser, glucklich uberwand, die aber zu tiefe Wurzeln geschlagen hatte im Geiste der Zeit, als dasz er sich von ihr auch in Bezug auf das jenseitige Fatum ganz hatte losreiszen konnen. p. 77.

и въ характеристикѣ этого сочиненія. „Цѣль Прокопія при написаніи сочиненія о Постройкахъ (de aedificiis), говоритъ Тейффель, была безъ сомнѣнія показать императору свою, сдѣлавшуюся подозрительною, лойяльность и тѣмъ устранить угрожающую жизни опасность.... Похвала такъ густо распущена, что видно, какъ сочинитель боялся, что истинное его настроеніе можетъ чрезъ это обнаружиться, и какъ онъ постоянно старался скрывать и замазывать его новыми слоями похвалы,—и потомъ, съ другой стороны, такъ она однакожъ плоска и холодна, бѣдна и однообразна, тривіальна и скучна, какъ это никогда не могло бы быть при малѣйшемъ участіи сочинителя. Вѣчно повторяется одинъ и тотъ же оборотъ: „это— такъ прекрасно, велико, славно, что и объ немъ можно вспомнить и описать его“, и при этомъ — всеничтожнѣйшія замѣчанія. Предисловіе постоянно вращается въ кругу, не двигаясь съ мѣста.... Это напыщенное содержаніе при внутренней пустотѣ и лжи характеризуетъ тонъ всего этого сочиненія. Если отъ Войнъ перейдти къ этому сочиненію, скоро замѣчается существенное различіе. Холодный вѣтеръ дуетъ отъ этого сочиненія. Правда не теплы также и Войны: слишкомъ много крови застыло, слишкомъ много мыслей скрыто, слишкомъ много чувствъ задержано, чтобы они могли быть таковыми; но, однакожъ, чувствуется біеніе пульса и тонкое ухо слышитъ удары сердца. Напротивъ въ этомъ сочиненіи все неестественно, все принужденно; это — деревянныя ходули, на которыхъ чванятся, это — мишура, навѣшенная здѣсь. И въ концѣ сочинитель самъ тяготится принятою маской; онъ сбрасываетъ ее и сочиненіе течетъ въ голомъ, сухомъ, скучномъ перечнѣ; панегирикъ становится реэстромъ. Біографическая сторона совершенно исчезаетъ, сочиненіе становится географическимъ и только чрезъ это сохраняетъ достоинство и значеніе..... Сочинитель такъ равнодушенъ къ своему творенію, что въ заключеніи приглашаетъ каждаго

сдѣлать къ нему прибавки.... Такимъ образомъ,—говоритъ Тейффель въ заключеніе характеристики сочиненія о Постройкахъ и причины его написанія,—Прокопій еще счастливо выбрался изъ петли (Schlinge), въ которой, казалось, онъ долженъ былъ оставить или свою честь (будто подлой лестью можно спасти ее?), или свою жизнь“ (1). Это соображеніе Тейффеля о причинѣ написанія Прокопіемъ панегирика Юстиніану еще имѣло бы нѣкоторый смыслъ, если бы онъ отнесъ время появленія De aedificiis непосредственно ко времени послѣ появленія Войнъ (къ 554—555); но онъ отнесъ ихъ къ 560 году; такимъ образомъ слишкомъ много времени даетъ императору на размышленіе, наказать или не наказать Прокопія за его дерзость, обнаруженную имъ въ Исторіи войнъ (2). Пристрастіе къ Прокопію очевидно. — Неандеръ дѣлаетъ весьма краткое, и притомъ — мимоходомъ, замѣчаніе о значеніи Прокопія и его Тайной исторіи для характеристики царствованія Юстиніана, но рѣшительное. Онъ говоритъ, что „Прокопій вообще справедливѣе судитъ объ императорѣ Юстиніанѣ, чѣмъ греческіе церковные писатели его времени“ (3), и, въ своемъ очеркѣ церковно-историческихъ событій царствованія Юстиніана, повсюду называетъ его не иначе, какъ „деспотическимъ“, съ явнымъ выраженіемъ недоброжелательства, какъ къ нему самому, такъ и вообще ко всѣмъ грекамъ и греческой церкви (4).— Въ 1856 г. французскій ученый Изамберъ издалъ переводъ Тайной исторіи съ довольно обстоятельнымъ предисловіемъ къ ней, подъ заглавіемъ: „Юстиніанъ и его эпоха“, и обширными историческими примѣча-

---

(1) Ibid. p. 52—54.

(2) Тейффель предполагаетъ, что первыя семь книгъ (войнъ) изданы Прокопіемъ въ 551 году, а восьмая относится къ 555 году p. 42—44.

(3) Neander, IV, p. 286. not. 2. Здѣсь Неандеръ сдѣлалъ выписку изъ Arcana, съ которой онъ, очевидно, согласенъ.

(4) Ibid. III, p. 133, IV, p. 269—291.

ніями, напоминающими примѣчанія Алеманна. Какъ предисловіе, такъ и ученыя историческія примѣчанія его написаны съ явною цѣлію показать правдивость Тайной исторіи. Правда, въ дѣлѣ общей оцѣнки этого сочиненія Прокопія онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что „слишкомъ мрачныя ея страницы, безъ сомнѣнія, не изъяты отъ преувеличенія", но здѣсь же прибавляетъ, что изслѣдователь вынужденнымъ находится признать, что факты, описанные въ ней Прокопіемъ, справедливы (1). Если же внимательнѣе посмотрѣть, что̀ Изамберъ считаетъ преувеличеніемъ въ Тайной исторіи,—то окажется, что—одни только нелѣпыя суевѣрія Прокопія, въ родѣ того, напр., что Юстиніанъ и Ѳеодора были не люди, а демоны. По внушительному своему объему и по внѣшнимъ пріемамъ изслѣдованія, означенное сочиненіе Изамбера слѣдовало бы назвать очень ученымъ и даже капитальнымъ сочиненіемъ; но оно весьма много теряетъ въ своемъ вну-

(1) M. Isambert, Histoire de Justinien, Paris. 1856 г. p. LXVIII: mais on est force de reconaître que les faits qu'il a racontés sont véridiques. Равнымъ образомъ Peut-on s'étonner qu'un historien qui a vu de pres ce gouvernement, qui a vecu au milieu des armées, et assista aux deux grandes conquêtes de l'Afrique et de l'Italie, devenues stériles; qui a étudié les faiblesses et l'avarice de Bélisaire, le plus eminent des généreaux; qui, pour ecrire la verité, a été obligé de s'entourer du plus profond mystère, et de ne se confier ni à ses parents, ni a ses amis, de peur d'être exposé aux plus cruels supplices, ait terminé ses oeuvres historiques par un livre aussi amer que les *Anecdotes* (p. LXVI — LXVII)? Изамберъ находитъ Юстиніана крайне ограниченнымъ, упрямымъ, вспыльчивымъ и жаднымъ (p. XXXVI). Ѳеодора, по мнѣнію Изамбера, есть недостойнѣйшая изъ женщинъ Весь его очеркъ «Юстиніанъ и его эпоха» дышетъ почти такимъ же негодованіемъ на Юстиніана и Ѳеодору, какъ Тайная исторія Прокопія. Изамберъ поставилъ въ вину Юстиніану даже то̀, чего не могъ сдѣлать Прокопій раздѣленіе церквей—восточной и западной (p XVII), впрочемъ только въ формѣ вопроса, подлежащаго рѣшенію. Богословскіе споры, волновавшіе царствованіе Юстиніана, были возбуждаемы имъ самимъ, въ этомъ отношеніи Изамберъ вполнѣ становится на точку зрѣнія Прокопія, считаетъ его за религіозный индифферентизмъ мудрымъ и его осужденіе Юстиніана за вмѣшательство въ богословскіе споры признаетъ «за единодушное осужденіе всѣхъ его современниковъ» (p. XXI). Вообще, Изамберъ сочувствуетъ Прокопію.

треннемъ достоинствѣ отъ того, что переводъ Тайной исторіи—не точный, обнаруживающій въ авторѣ недостатокъ въ знаніи греческаго языка или же крайнюю небрежность. Неправильность перевода замѣчается и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его ученыхъ примѣчаній. Есть въ этихъ послѣднихъ и такія мѣста, которыя хотя переданы и правильно, но противорѣчатъ его переводу соотвѣтствующихъ мѣстъ Тайной исторіи, такъ что читатель вынуждается думать, что не всѣ примѣчанія составлены самимъ Изамберомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ написаны другимъ какимъ нибудь лицемъ, но только не Изамберомъ (1). Отсюда первое слѣд-

(1) Мы не сличали перевода Изамбера съ подлинникомъ отъ слова до слова во всѣхъ ихъ мѣстахъ. Этотъ утомительный трудъ принялъ на себя нѣмецкій ученый Данъ. Онъ провѣрялъ переводъ Изамбера по тому подлиннику, съ котораго онъ сдѣланъ. Нужно еще замѣтить, что у Дана было другое изданіе Изамбера, съ видоизмѣненнымъ заглавіемъ (*Ἀνέκδοτα* ou histoire secrète de Justinien traduite de Procope avec notice sur l'auteur et notes philologiques et historiques. Geographie du VI-e siècle et revision de la numismatique d'après la livre de Justinien avec figures, cartes et sinq tables par M. Isambert) и съ инымъ счетомъ страницъ, чѣмъ то, которое было у насъ, хотя оба изданы въ 1836 и въ Парижѣ (наше въ ноябрѣ). Данъ указалъ множество и грубѣйшихъ ошибокъ. Для примѣра мы укажемъ здѣсь только на два, на три мѣста. Замѣтимъ предварительно что эти мѣста мы провѣряли по Бонискому изданію Прокопія, которое вездѣ не вполнѣ согласно съ текстомъ, приведеннымъ Даномъ, но эти разногласія не суть ни опечатки которыхъ, по сознанію самаго Дана, у него очень много въ приложеніи къ его сочиненію, гдѣ сдѣланы указанія на неправильности перевода Изамбера? Во всякомъ случаѣ *смыслъ* Бонискаго текста съ приведенными Даномъ греческими выписками тожественъ.—Прокопій говоритъ, что государство при Юстиніанѣ совершенно уподобилось деспотическому государству, но не установившемуся и въ спокойствіи находящемуся (потому что таковое бываетъ еще сносно), а постоянно измѣняющемуся и всегда начинающему вновь *Τυραννίδι τε ἦν πολιτεία ἐμπεφυῶς μάλιστα οὐ καθεστῶσῃ μέντοι γε, ἀλλὰ καθ' ἑκάστην τε ἀμειβομένῃ καὶ ἀεὶ ἀρχομένῃ* (A. VII p. 31). Г. Изамберъ принялъ дательныя падежъ за именительный и перевелъ это мѣсто такимъ образомъ: La constitution, dominée surtout par la tyrannie, n'avait plus de valeur; elle changeait en chaque occurrence, et etait incessamment remplacée par une autre (A. VII p. 48—49).—Словомъ *ξυνοικεῖν* Прокопій обозначаетъ брачное состояніе, и выраженіе (p. 32) *καὶ γυναιξὶ μέντοι ἀνδράσι ξυνοικούσαις ταὐτὸν τοῦτο ξυνέβη παθεῖν*

ствіе должно быть выведено то, что и переводомъ Изамбера, и его примѣчаніями невозможно пользоваться безъ провѣрки ихъ по подлинникамъ, а затѣмъ—не заимствована ли нелюбовь его къ Юстиніану и Θеодорѣ?...

Статья Тейффеля, спустя 11 лѣтъ послѣ своего появленія, вызвала опровержительный отвѣтъ. Въ 1858 г. І. Г. Рейнкенсъ издалъ брошюру, задачею которой поставилъ вопросъ: дѣйствительно ли Тай-

---

означаетъ подобныя насилія случалось переносить и замужнимъ женщинамъ Изамберъ перевелъ его такимъ образомъ des attentats semblables furent consommés sur des femmes mariees, dans leurs propres maisons (p 49), *ξοινοικούσαις* превратилъ въ. maisons — Разсказавъ, какъ Θеодора изъ театральной проститутки сдѣлалась царицею, и предавшись по этому поводу размышленію, какъ Судьба играетъ участью человѣка, Прокопій говоритъ въ заключеніе (X. p 69) *Ἀλλὰ ταῦτα μὲν ὅπῃ τῷ θεῷ φίλον, ταύτῃ ἐχέτω τε καὶ λεγέσθω*: впрочемъ, случившееся съ Θеодорой пусть ни къ чему другому не относятъ, кромѣ того, что такъ Богу угодно Изамберъ понялъ такъ· Que d'autres nennent pour certain, et disent, je le veux bien, que c'est un effet de la Providence (p. 68) — Прокопій говоритъ, что Юстиніанъ былъ главною причиною разрыва дружбы съ персами, потому что всячески старался привлечь на свою сторону Аламундара и гунновъ, находящихся въ дружбѣ съ персами *αἰτιώτατος (Ἰουστινιανὸς) τοῦ λελύσθαι τὰς σπονδὰς γέγονεν, Ἀλαμούνδαρόν τε καὶ Οὖννους τοὺς Πέρσαις ἐνσπόνδους σπουδάξων τε καὶ διατεινόμενος ἑταιρίζεσθαι* X, p 73) Изамберъ et fut ainsi la cause principale de la rupture des traites, quoiqu'il eût mis ses soins et fait tous ses efforts pour y comprendre Alamundar et les Huns avec les Perses (XI. p 74).—Прокопій выражаетъ мысль, что вслѣдствіе ограбленія и заключенія ариянскихъ церквей погерпѣли ущербъ и православные, именно ремесленники, которые прежде трудились для нихъ *πολλοί τε ἄνθρωποι, καὶ ταῦτα δῆξης ὄντες ὀρθῆς, τῇ τῶν σφετέρων ἐπιτηδευμάτων προφάσει ἐνθένδε ἀεὶ τοῦ βίου τὰς ἀφορμὰς εἶχον* (p 74). Изамберъ не знаетъ, что *ὀδῆξης ὄντες ὀρθῆς* значитъ «православные», и перевелъ такимъ образомъ Beaucoup de citoyens, et des *plus recommandables*, en y consacrant leur industrie, en tiraient leurs moyens de subsistance (p 73) — Нѣкоторыя неточности перевода, видимо, произошли вслѣдствіе вольности французскаго воображенія Напр., простую фразу Прокопія *καὶ παρθένου τινὰ καὶ τὸ δὴ λεγόμενον ὀρθοστάδιον οὖσαν* (X p 67), Изамберъ разукрасилъ такъ et sentant son parfum de vierge par la fermete du sein (p. 67). Это—sentant parfum—рѣшительно плодъ воображенія.

ная исторія написана Прокопіемъ (1)? Рейнкенсъ отнесся отрицательно къ этому вопросу и вступилъ съ Тейффелемъ въ жаркую полемику (2); онъ удачно подмѣчаетъ слабыя стороны и преувеличенія Тейффеля, и вообще обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи значительную силу логики. Но онъ не затронулъ ядра Тейффелева взгляда, слегка отнесся къ данному матеріалу, повсюду довольствовался одними только кажущимися доказательствами изъ Arcana и потому его сочиненіе не можетъ имѣть рѣшающаго значенія. Тѣмъ не менѣе оно пошатнуло авторитетъ Тейффеля. Спустя два года нѣкто Г. Эккардтъ написалъ сочиненіе (3), въ которомъ старается пополнить взглядъ Тейффеля. Какъ на особенность этого сочиненія, нужно указать на то, что онъ считаетъ невозможнымъ доказать принадлежность Тайной исторіи Прокопію на основаніи тожества ея языка съ Исторіею войнъ; потому что мы еще не знаемъ всей сокровищницы греческаго языка, не знакомы съ оборотами рѣчи послѣ-классическаго времени и, слѣдовательно, не владѣемъ еще никакими сравнительными пунктами, чтобы съ увѣренностію сказать, что̀ собственно принадлежитъ Прокопію. Сочиненіе Эккардта стоитъ выше сочиненія Рейнкенса, по болѣе тщательной разработкѣ матеріала; но, защищая Тейффеля, онъ, очевидно, въ дѣйствительности набросилъ еще болѣе густую

---

(1) Reinkens, anecdota sint ne scripta a Procopio Caesariensi inquiritur. Vratislaviae, 1858.

(2) Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что Гавріилъ Дестуницъ, издавая русскій переводъ отца своего Іпиридона Дестуниса «Исторія войнъ римлянъ съ персами», въ предисловіи къ изданію замѣтилъ «Взаимное соотношеніе, существующее между этими двумя бытописями (Arcana и Bella), уяснены до такой очевидности, что въ наше время *никто* не сомнѣвается въ подлинности Тайной исторіи» (стр. XXI) Дестуницъ считаетъ взглядъ Тейффеля за послѣднее слово науки Онъ, очевидно, не зналъ о существованіи брошюры Рейнкенса, иначе не сказалъ бы «никто».

(3) Eccard,—de anecdotis Procopii Caesariensis. Regimonti, 1860.

тѣнь сомнѣнія на основной взглядъ его. Вопросъ остался открытымъ. Въ слѣдующемъ, 1861, году появилась новая брошюра о Прокопіѣ (1), авторъ которой, г. Гундлахъ, заявилъ, что исторія Юстиніана еще доселѣ не нашла достойнаго своей важности изслѣдованія и что онъ, г. Гундлахъ, при написаніи своего сочиненія, главнымъ образомъ имѣлъ ту цѣль, чтобы посодѣйствовать возстановленію надлежащей оцѣнки этого государя. Всѣ аргументаціи его сочиненія попреимуществу направлены къ тому, чтобы представить характеръ Прокопія въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ и показать, что онъ имѣлъ всѣ основанія питать ненависть къ императору Юстиніану; но эти аргументаціи крайне слабы и болѣе набрасываютъ тѣнь подозрѣнія на конечные выводы Гундлаха (очень сходные съ выводами Тейффеля), чѣмъ ихъ подкрѣпляютъ. Ясно, что Гундлахъ не оказалъ того содѣйствія надлежащей оцѣнкѣ царствованія Юстиніана, какое онъ обѣщалъ въ своемъ сочиненіи.

Въ виду этой возбужденности вопроса и его недостаточнаго рѣшенія, профессоръ докторъ Данъ написалъ (въ 1865 г.) весьма обстоятельное и тщательно составленное изслѣдованіе о Прокопіѣ кесарійскомъ, какъ пособіе къ исторіи переселенія народовъ и паденія римской имперіи (2). Онъ признаетъ справедливымъ заявленіе Гундлаха, что еще доселѣ исторія Юстиніана не имѣетъ достойнаго своей важности изслѣдованія; отвергаетъ положеніе Эккардта, будто сравненіемъ языка Тайной исторіи съ прежними сочиненіями Прокопія, а также съ сочиненіями его современниковъ, не возможно доказать ея подлинность; заглавіе брошюры Лянгеншварца: „Законодательствующій плутъ Юстиніанъ“, называетъ „исполненнымъ вкуса“ заглавіемъ, и восторженно относится

(1) J. J. G. Gundlach, quaestiones procopianae, Marburgi Cattor. 1861.

(2) Felix Dahn, Procopius von Casarea Ein Beitrag zur Historiographie der Volkerwanderung und des sinkenden Romerthums. Berlin, 1865.

къ статьѣ Тейффеля, которую онъ называетъ „безъ всякаго сравненія остроумнѣйшею и лучшею изъ всего, что было писано о Прокопіѣ, заключающею на сорока страницахъ болѣе о немъ правды, глубже проникающею въ его сущность и лучше его объясняющею, чѣмъ вся литература о Прокопіѣ, взятая въ совокупности“ (1). Уже по однимъ этимъ отзывамъ объ изслѣдованіяхъ своихъ предшестгенниковъ можно судить, какого взгляда намѣренъ держаться Данъ на Прокопія и его сочиненія. Въ основѣ онъ примыкаетъ къ Тейффелю. Правда, онъ старается быть безпристрастнымъ, не принимаетъ крайности Тейффеля, будто между Тайной исторіей и исторіями войнъ существуетъ полное согласіе, — напротивъ называетъ Тайную исторію „пасквилемъ“ (Schmähschrift), во многомъ основаннымъ на слухахъ и сплетняхъ, исключающимъ дѣйствіе общихъ причинъ (2), изображающимъ принятую Юстиніаномъ римскую имперію, какъ tabula tasa, и потому представляющимъ дѣятельность императора внѣ всякой связи съ прежней исторіей Рима (3), — но, при всемъ томъ, относительно общей

(1) Dahn, p. 492—498

(2) Ibid. p. 348 Das ist denn überhaupt der Fehler der Arcana, dasz sie als die geheimen Gründe, die sie aufdeckt, immer nur die kleinen Memoirenmotive aus Stadtklatsch, Hofgeflüster und Scandalnotizen bringt als ob die groszen, zu Tage liegenden Gründe, der allgemeinen Weltverhältnisze, welche in den Historien *allein* wirken *gar nicht* vorhanden waren.

(3) p. 387: Es kommt aber noch etwas Anderes dazu, was ganz entscheidend und doch von der Leidenschaft Prokops ganz übersehen ist Die Arcana beurtheilt Justinian, als ob er das Reich als eine Tabula rasa vorgefunden hätte, und gibt ihm die Schuld aller Uebelstände, welche sich während seiner Regierung in diesem Reiche finden, Justinian wird hier aus allen seinen geschichtlichen Voraussetzungen, aus dem ganzen Rahmen seiner Zeit herausgenommen, es wird völlig übersehen dasz er in die Geschichte dieses Reiches erst eintritt in einer späten Periode des groszen Processes der Fäulnisz oder richtiger noch der Vertrocknung, welcher seit Jahrhunderten an der Zerstörung des Staates arbeitete: der Kaiser fand diesen Process schon so weitvorgeschritten, dasz er nicht mehr aufzuhalten war.

тенденціи и его сочиненія нужно сказать, что оно написано съ цѣлію какъ бы подвести, насколько это возможно при принятой роли безпристрастнаго изслѣдователя науки, порицательный духъ Исторіи войнъ подъ порицанія Тайной исторіи, а отнюдь не съ цѣлію показать, какъ бы это требовалось сущностію дѣла, сколько страстности и ненависти сквозитъ въ каждой строкѣ Arcana въ сравненіи съ порицаніями Исторіи войнъ, если разсматривать эту послѣднюю независимо отъ первой, какъ бы ея не существовало.

Сущность воззрѣній Дана на Тайную исторію, ея происхожденіе и отношеніе къ остальнымъ сочиненіямъ Прокопія заключается въ слѣдующемъ.—Онъ отвергаетъ важность внѣшнихъ свидѣтельствъ (Свиды и Никифора Каллиста) о принадлежности Тайной исторіи Прокопію и придаетъ цѣну однимъ только внутреннимъ доказательствамъ — тожеству въ слогѣ, согласію въ мысляхъ и міровоззрѣніи, и мельчайшему соотвѣтствію во всѣхъ прочихъ подробностяхъ ея съ Исторіей войнъ, хотя, весьма справедливо, и далекъ отъ мысли Тейффеля, будто происхожденіе Arcana отъ автора Исторіи войнъ становится очевиднымъ послѣ перваго прочтенія обоихъ твореній. „Признаюсь, говоритъ Данъ, что всѣ основанія доселѣшнихъ защитниковъ Тайной исторіи не убѣдили меня и я съ сомнѣніемъ приступилъ къ утомительной работѣ микроскопическаго сравненія слова съ словомъ, положенія съ положеніемъ, мысли съ мыслію въ безспорно принадлежащихъ Прокопію сочиненіяхъ и въ сомнительномъ“. „Результатъ изслѣдованія этихъ основаній и противооснованій для меня слѣдующій: внѣшнія основанія не показываютъ за подлинность, внѣшнія и внутреннія основанія отнюдь не показываютъ за неподлинность, внутреннія основанія рѣшительно (schlagend und entscheidend) за подлинность. Въ этомъ не можетъ остаться болѣе никакого сомнѣнія, если только сравнить языкъ, содержаніе и воззрѣніе Тайной исторіи съ языкомъ, содержаніемъ и воззрѣніемъ Ис-

торій и Построекъ такъ точно, какъ, конечно, при недостаткѣ объемистаго монографическаго изслѣдованія о Прокопіѣ, доселѣ не было сравниваемо, и какъ въ дѣйствительности сравнить очень трудно. Если бы Тайная исторія была твореніемъ анонима (Fälschers), то мы должны принять въ этомъ анонимѣ выпечеловѣческій даръ превращаться въ чуждую и другую личность.—Если тайная исторія составлена не авторомъ Исторій, то она—чудо“ (1). Затѣмъ послѣ тщательнаго анализа религіознаго и политическаго міровоззрѣнія Прокопія, какъ оно открывается въ безспорно принадлежащихъ ему сочиненіяхъ и въ Тайной исторіи, Данъ приходитъ къ такимъ выводамъ: „противоположность между политическими сужденіями Исторій и Тайной исторіи не такъ качественна, какъ обыкновенно думаютъ: лучше въ важнѣйшихъ пунктахъ находится между ними полное согласіе: вѣдь и между политическимъ сужденіемъ Исторій и политическимъ сужденіемъ неподлежащихъ сомнѣнію Построекъ существуетъ величайшая противоположность“... „Отношеніе Исторій къ Тайной исторіи стараются представить такимъ образомъ, что первое сочиненіе въ такомъ же видѣ расточаетъ императору похвалу, въ какомъ послѣднее порицаніе. Но это не такъ. Хотя въ Исторіяхъ нѣтъ всецѣло недостатка въ похвалѣ Юстиніану, но эта похвала скудна и очень рѣдка, напротивъ открытое и еще болѣе скрытое порицаніе очень сильно и очень многочисленно: и, что особенно замѣчательно и поразительно, уже въ Исторіяхъ совершенно точно высказаны или обозначены *именно* тѣже самыя великія политическія обвиненія противъ императора и его управленія, которыя составляютъ величайшіе политическіе, собственно существенные упреки Тайной исторіи, конечно здѣсь преувеличенные множествомъ мелкихъ обвиненій личной ненависти. Различіе при этомъ то, что Исторіи регулярно

(1) Dahn, p. 50.

высказываютъ свои порицанія прикровенно, что̀ объясняется страхомъ предъ владыками, — но иногда встрѣчаются исключенія совершенно неожиданной смѣлости,—тогда какъ Тайная исторія повсюду употребляетъ сильнѣйшія бранныя выраженія“ (1).... „Исторіи отнюдь не заключаютъ безусловной или сильной похвалы императору и императрицѣ, управленію и его слѣдствіямъ внутри и внѣ, гражданскимъ чиновникамъ и полководцамъ, всему народу или всей эпохѣ. Лучше, относительно всѣхъ этихъ сторонъ многообразно высказывается здѣсь сильное порицаніе. Если мы теперь обратимся къ суду Тайной исторіи, то хотя и слѣдуетъ уступить, что этотъ, составленный подъ прикрытіемъ таинственности, пасквиль страстной ненависти огорченной души очень существенно отличается отъ высказаннаго въ Исторіяхъ порицанія: не только изчезаетъ похвала совсѣмъ, но даже взвалена на управителей полнота порицаній, изъ которыхъ большая часть явно неосновательны, даже прототиворѣчивы (такъ несправедливо, что̀ утверждали ради защиты подлинности Тайной исторіи, будто Исторіи содержатъ „бо́льшія и тягчайшія“ обвиненія, чѣмъ Arcana) (Алеманнъ); однакожъ справедливо, что если отбросить преувеличенную и несправедливую брань на извѣстныя лица, то существенныя и важныя политическія обвиненія въ такой мѣрѣ вполнѣ согласуются съ порицаніемъ въ Исторіяхъ, что это согласіе составляетъ новое сильное доказательство тожества сочинителя обоихъ твореній“ (2). Прямую противоположность и Исторіямъ, и Тайной исторіи безспорно составляютъ Постройки: какъ тамъ, въ Тайной исторіи, расточается безмѣрное порицаніе, такъ здѣсь—безмѣрная похвала. „Однакожъ странно то, замѣчаетъ Данъ, что доселѣ всегда (?) презрѣніе

(1) Dahn, p. 287—288.

(2) Ibid. p. 325—326.

и гнѣвъ обращались вмѣсто Построекъ на Arcana. Оба содержатъ неправду: но съ тѣмъ большимъ различіемъ, что Постройки лгутъ сознательно, тогда какъ Тайная исторія только преувеличиваетъ изъ слѣпой ненависти" (1). Время и порядокъ появленія всѣхъ означенныхъ сочиненій Прокопія были, по изысканіямъ Дана, таковы.—Первыя семь книгъ Исторіи войнъ, безспорно, составляютъ одно связное цѣлое, одновременно, по одному опредѣленному плану, замышленное и послѣдовательно одно за другимъ составленное твореніе. Первыя двѣ книги персидской войны написаны въ 549 году и изданы въ 550. Непосредственно послѣ персидской войны описана въ двухъ книгахъ, въ 549 или 550 г., и исторія вандальской войны, и, наконецъ, въ томъ же самомъ 549 или весною 550 г. написаны первыя три книги и готѳской войны. Восьмая же книга, обыкновенно считаемая четвертою книгою войны съ готѳами, а на самомъ дѣлѣ составляющая, по нарочитому выраженію Прокопія, особое прибавленіе ко всѣмъ прежнимъ исторіямъ, точнѣе—къ исторіи войнъ съ персами и готѳами, еще точнѣе, „къ войнамъ, которыя Юстиніанъ велъ противъ варваровъ на востокѣ и западѣ" (2), написана въ 553 году и заключаетъ въ себѣ въ синхронистическомъ порядкѣ всѣ событія, случившіяся на востокѣ и западѣ до 553 года. Время обнародованія ея нельзя опредѣлить съ точностію. Вѣрно только то, что предъ написаніемъ книгъ о Постройкахъ она уже была обнародо-

(1) Dahn, p 369 Die Bauwerke freilich enthalten ausdrucklich das directe Gegentheil, das maszlose Lob, wie die Geheimgeschichte den maszlosen Tadel. Allein das seltsame ist, dasz sich die Verachtung und Entrustung bisher immer gegen die Arcana gewandt hat, anstatt auf die Bauwerke. Beide enthalten die Unwahrheit aber mit dem groszen Unterschied, dasz die Bauwerke mit Bewuszsein lugen, wahrend die Geheimgeschichte nur aus blinden Hasz ubertreibt.

(2) Въ Африкѣ съ 548 года не много случилось замѣчательнаго. G. IV c 17 p. 549 *Τὰ μέντοι ἐπὶ Λιβύης ἅπαντα Ῥωμαίοις εὖ τε καὶ καλῶς καθειστήκει.*

вана. Такимъ образомъ она обнародована между 554 и 559 годами. Постройки написаны въ 558 и во всякомъ случаѣ не позже 7 мая 559 года. Непосредственно за ними (въ 558—559 году) или даже одновременно съ ними написана и Тайная исторія (1). Что особенно отличаетъ Дана отъ предшествующихъ писателей о сочиненіяхъ Прокопія и въ чемъ онъ полагаетъ свою особенную заслугу, по крайней мѣрѣ, на что онъ съ настойчивостію указываетъ, какъ на важное и ему именно принадлежащее открытіе,—это—его взглядъ на происхожденіе книгъ о Постройкахъ и Тайной исторіи, и ихъ взаимное отношеніе между собою. Данъ полагаетъ, что Постройки написаны Прокопіемъ по *прямому приказанію* императора, который имѣлъ особый интересъ (besonderer Kitzel) принудить сдѣлаться своимъ безусловнымъ хвалителемъ мужа, свободное порицаніе котораго въ Исторіяхъ, можетъ быть, въ тайнѣ часто оскорбляло его, но котораго, какъ знаменитаго писателя, друга и хвалителя Велизарія, онъ не хотѣлъ или не могъ наказать. Эта догадка, по мнѣнію Дана, подтверждается и вынужденною похвалою Построекъ, безъ всякаго участія въ ней духа и сердца сочинителя, что подмѣтилъ и описалъ еще Тейффель (2), и указаніемъ на прямое повелѣніе императора со стороны самаго Прокопія (3), и наконецъ бросающеюся въ глаза противоположностію тенденціи Тайной исторіи къ тенденціи Построекъ (4). Тайная исторія какъ бы преднамѣренно порицаетъ тѣже самые поступки, качества и дѣйствія императора, которые въ Постройкахъ прославляются

---

(1) Dahn, p. 31—40.

(2) См. выш., стр 403

(3) De aedific. I, 3. p. 183. *Ἀρκτέον δὲ ἀπὸ τῶν τῆς θεοτόκου Μαρίας νεῶν. τοῦτο γὰρ καὶ αὐτὸ βασιλεῖ ἐξεπιστάμεθα βουλομένῳ εἶναι, καὶ διαφανῶς εἰσηγεῖται ὁ ἀληθὴς λογὸς ὅτι δὴ ἐκ τοῦ θεοῦ ἐπὶ τὴν αὐτοῦ μητέρα ἰτέον.*

(4) Dahn, p 362—363.

и составляютъ предметъ особой похвалы. По Постройкамъ Юстиніанъ посланъ Богомъ, чтобы поднять римскую имперію, уже упавшую на колѣна: по Тайной исторіи онъ — демонъ, посланный адомъ повергнуть эту имперію на колѣна. Тамъ восхваляется все, что̀ императоръ построилъ для защиты границъ имперіи: здѣсь же Прокопій жалуется, что Юстиніанъ дозволилъ разрушить древнія пограничныя укрѣпленія; поэтому тамъ высказывается ему благодарность за обезопашеніе римлянъ: здѣсь же онъ представляется отвѣтственнымъ за нападенія варваровъ на имперію. Тамъ морскія постройки восхваляются, какъ побѣда надъ грозными стихіями природы: здѣсь они осмѣиваются какъ ослѣпленіе. Это противоположеніе доходитъ до малѣйшихъ подробностей: тамъ замѣна при Θермопилахъ земскаго охраннаго войска гарнизономъ, расположеннымъ на квартирахъ, восхваляется: здѣсь таже самая мѣра порицается; тамъ ревность обращать язычниковъ и еретиковъ къ православной вѣрѣ прославляется: здѣсь порицается; тамъ посты, бдѣнія, молитвы, занятіе богословіемъ восхваляются въ императорѣ: здѣсь же клеймится все это, какъ недостойная государя трата времени и помѣха политикѣ; тамъ заключеніе проститутокъ въ монастырь восхваляется: здѣсь вся эта мѣра порицается; тамъ — похвала попеченіямъ императора о городскихъ зданіяхъ, водопроводахъ, гаваняхъ, подвозѣ жизненныхъ средствъ, особенно въ Византію: здѣсь—порицаніе нерадѣнію о тѣхъ же самыхъ предметахъ и неправильнымъ распоряженіямъ относительно ихъ, особенно въ Византіи.— Прокопій не имѣлъ мужества отклонить порученіе императора и — написалъ ему льстивый панегирикъ. Но, вознегодовавъ на свою подлость, а вмѣстѣ и на императора, принудившаго его къ такой подлости, онъ порѣшилъ написать и почти тѣмъ же самымъ перомъ написалъ Тайную исторію. Этимъ только и можно объяснить какъ бы предумышленное отыскиваніе для порицанія въ Тайной исторіи тѣхъ пунктовъ, ко-

торые похвалены въ Постройкахъ, и самыя крайности порицанія. Прокопій мстилъ за себя. Данъ сознается, что такое объясненіе дѣла, названное имъ „психологическимъ", не извиняетъ слабохарактерности Прокопія; но, думаетъ онъ, „мы должны помнить, что мы живемъ въ этой книгѣ (Arcana) въ главномъ городѣ гніющей византійской имперіи, въ VI вѣкѣ деспотическаго императорскаго государства, и что духъ и характеръ Прокопія сообразно этому времени, былъ не здоровымъ и твердымъ духомъ, но очень больнымъ и очень измѣнчивымъ" (1). Впрочемъ, вводя это „психологическое" объясненіе крайнихъ порицаній и самаго происхожденія Тайной исторіи, Данъ допускаетъ наряду съ нимъ и „объективное ухудшеніе" (objective Veschlimmerung) взгляда Прокопія на правленіе Юстиніана и его самаго. Это ухудшеніе взгляда Прокопія образовалось постепенно, по мѣрѣ ближайшаго знакомства его съ управленіемъ Юстиніана, и уже отражается въ его Исторіяхъ войнъ. Въ первыхъ книгахъ Исторіи войнъ еще встрѣчаются похвалы Юстиніану, потому что, живя въ лагерѣ, Прокопій еще не совсѣмъ точно представлялъ себѣ правительственныя недостатки. Послѣдняя, восьмая, книга написана спустя четыре года послѣ того, какъ Прокопій оставилъ

(1) Указанное Даномъ негодованіе Прокопія на свою подлость намъ очень напоминаетъ негодованіе того безчестнаго человѣка, который, совершивъ какое нибудь подлое дѣло, послѣ начинаетъ негодовать на себя за то, что онъ не такъ еще хлестко поступилъ, какъ бы это слѣдовало «ловкому человѣку». Истинное, христіанское раскаяніе, сопровождающееся благороднымъ негодованіемъ на свой прежній безчестный поступокъ, никогда не можетъ привести къ мысли — написать злостный пасквиль, т. е. совершить новое безчестнѣйшее дѣло Тайная исторія есть мщеніе лукаваго и злаго раба, который не умѣетъ винить себя въ своихъ, какихъ бы то ни было, неудачахъ, но только другихъ, и нерѣдко личное недовольство и личный взглядъ на вещи возводитъ въ общій принципъ — Насколько самостоятельно это психологическое объясненіе Дана, предоставляемъ судить, послѣ обзора предыдущихъ опытовъ о Прокопіѣ, самому читателю (См между проч. выше, стр. 383—385). — Затѣмъ,

лагерную жизнь и прожилъ въ самой Византіи,—слѣдовательно, когда ближе познакомился съ правительственною машиной: но она-то именно и заключаетъ въ себѣ болѣе сильныя и свободныя порицанія правленію Юстиніана. Естественно, что въ Тайной исторіи, написанной еще позже, слѣдовательно, когда Прокопій еще ближе могъ ознакомиться съ недостатками правленія Юстиніана, должны заключаться и болѣе сильныя ему порицанія. Но Данъ не указываетъ, гдѣ кончается „естественное ухудшеніе“ и гдѣ начинается страстность оскорбленной души (1). Видно только одно пока, что во всемъ оказываются виноваты Юстиніанъ и гнилой византизмъ. Правда, Данъ не выдаетъ свое историко-психологическое объясненіе за непогрѣшительное, а только за вѣроятнѣйшее; но онъ весьма неохотно допускаетъ возможность другихъ

предумышленность въ отыскиваніи пунктовъ для порицанія въ Тайной исторіи, соотвѣтствующихъ пунктамъ похвалъ Построекъ, есть болѣе дутая, искусственно и намѣренно выставленная авторомъ, предумышленность, чѣмъ естественная, обусловливаемая дѣйствительнымъ ходомъ дѣла. Составитель пасквиля, какъ и панегирика, имѣетъ въ виду дѣйствительные факты и только грязнитъ ихъ злостнѣйшими побужденіями, крайними преувеличеніями, вообще, какъ говорится, выворачиваніемъ ихъ, пристегивая при этомъ и всякіе темные слухи, хотя сами по себѣ и не вѣрные, но важные для пасквилянта тѣмъ, что они налагаютъ еще болѣе густую тѣнь на его мрачную картину Въ этомъ смыслѣ всякій пасквиль можетъ быть названъ предумышленнымъ къ современному ему панегирику, и можетъ явиться не въ «гниломъ только византизмѣ», но и во всякомъ государствѣ Какъ панегирикъ, Постройки Прокопія сходны съ другими панегириками времени царствованія Юстиніана, какъ по формѣ, такъ во многомъ и по содержанію Слѣдуетъ ли отсюда, что Агсапа предумышлена и къ этимъ послѣднимъ, потому что порицаетъ тѣже самые пункты, какіе въ нихъ восхваляются? Не думаемъ.—Наконецъ, не вѣрно и то положеніе Дана, будто сужденія Построекъ совершенно лживы Что они представляютъ ложь по отношенію къ Прокопію, какъ автору Агсапа, это безспорно, но чтобы они были лживы вообще, съ этимъ нельзя согласиться. Опроверженіемъ этого взгляда можетъ служить частію представленный обзоръ разныхъ писателей о Прокопіѣ, частію же самая сила историческихъ событій, чувствуемая и въ настоящее время.

(1) Dahn, p. 352—366.

мотивовъ при написаніи Arcana: страхъ лестію отклонить отъ себя какое-либо наказаніе, надежду вымолить у императора какую-нибудь себѣ подачку въ видѣ чина, высокой должности, или другое что нибудь подобное, и совершенно далекъ отъ мысли, чтобы придуманное имъ „объективное ухудшеніе“ сужденій Прокопія о Юстиніанѣ было неправильно (1). Очевидно, что вся эта махинація придумана съ цѣлію подыскать смягчающія обстоятельства въ пользу Прокопія. Онъ болѣе нравится Дану, чѣмъ Юстиніанъ и его правительство; онъ достойная сожалѣнія жертва мрачнаго и всеподавляющаго византійскаго деспотизма. Съ особеннымъ сочувствіемъ Данъ относится къ религіозному индефферентизму Прокопія, который онъ считаетъ свѣтлымъ и возбуждающимъ сочувствіе явленіемъ среди все „оцѣпѣняющаго догматизма“. Такъ онъ говоритъ, что „скепсисъ Прокопія, его отвращеніе ко всякому оцѣпѣнѣлому догматизму и неувѣренность въ своихъ принципахъ, недостатокъ твердаго

(1) Это «объективное ухудшеніе» намъ кажется очень невѣроятнымъ и вовсе несогласнымъ съ обнаруженными непривлекательными чертами характера Прокопія. Вѣрнѣе, кажется, будетъ то, если предположить, что ухудшеніе сужденій Прокопія о правительствѣ Юстиніана возрастало по мѣрѣ того, какъ не сбывались его мечты — играть важную роль въ государствѣ и занимать высокія должности Равнымъ образомъ мы не можемъ принять за безспорное и то положеніе Дана, будто книги о Постройкахъ написаны по прямому приказанію императора Изъ словъ Прокопія, — что онъ зналъ мысли Юстиніана относительно порядка, въ какомъ должно описывать зданія, имъ построенныя, — скорѣе слѣдуетъ заключить, что онъ узналъ ихъ какъ нибудь стороною, а не лично отъ императора вслѣдствіе личнаго приказа Потому что, если бы Прокопій узналъ ихъ отъ императора непосредственно и при этомъ получилъ приказаніе написать панегирикъ, — какъ думаетъ Данъ, — то онъ прямо сказалъ бы *βασιλεὺς βουλεῖ*, или какъ нибудь иначе, но только положительнымъ образомъ, а не *ἐξεπιστάμεθα* Во всякомъ случаѣ, если бы Прокопій получилъ приказаніе отъ императора, то онъ, для похвальбы или же для очистки своей совѣсти, такъ и долженъ былъ бы заявить объ этомъ; тогда современники видѣли бы, какого рода его сочиненіе, и — извинили бы его.

убѣжденія, съ рѣшительностію отвергающаго все ему противное, дѣлаютъ его крайне терпимымъ“ (äuszerst tolerant) (1): что „эта терпимость и его просвѣщенный взглядъ дѣлаютъ ему всякую честь во время, исполненное мрачнаго фанатизма“ (2), и что, вслѣдствіе этого, „природа Прокопія очень объективна и чутка (empfängliche) ко всему, что̀ является предъ нимъ какъ существующее“ (3). Ясно, что Данъ рѣшительно противъ того мнѣнія, будто религіозный индифферентизмъ могъ помѣшать Прокопію надлежаще понять вещи, внутренній смыслъ которыхъ былъ чуждъ его духу.

Конечный выводъ изъ тщательнаго сличенія всѣхъ сочиненій Прокопія и обстоятельнаго анализа его религіозныхъ, политическихъ и нравственныхъ воззрѣній Данъ дѣлаетъ такой. — „Что Прокопій вообще, въ силу своего положенія и образованія, въ очень многихъ случаяхъ *могъ* знать и такимъ образомъ сказать истину, это мы видѣли, и его суевѣрныя, фаталистическія и патріотическія заблужденія и предразсудки мало вредятъ фактической сторонѣ его сообщеній. Что онъ *хотѣлъ* сказать истину, мы и въ этомъ не должны вообще сомнѣваться. Однакожъ величайшее, объемистое, важное исключеніе изъ этого составляетъ кругъ всѣхъ тѣхъ фактовъ и отношеній, которые затрогиваютъ императора, императрицу, христіанскую церковь и важнѣйшія формы (Gestalten) при дворѣ. Здѣсь онъ *изъ страха* нѣчто скрываетъ (verschwiegen), и иное затрогиваетъ слегка, рѣдко значительно искажаетъ. Однакожъ, отнюдь нельзя представлять теперь, чтобы *все* въ этой сферѣ было несправедливо; напротивъ, часто мы встрѣчаемъ очень свободные разсказы и сужденія о императорскихъ дѣйствіяхъ и, гдѣ мы въ исторіяхъ находимъ, что

(1) Dahn, p. 180.

(2) Ibid. p. 161.

(3) Ibid p. 180

императоръ и его чиновники порицаются, мы должны считать эти мѣста не только за искреннія, но въ большинствѣ случаевъ и за справедливыя (?); они носятъ отпечатокъ истины и Прокопій, навѣрное, остерегся бы, при жизни Юстиніана, говорить о немъ неблагопріятныя вещи, которыя не были извѣстны или же не могли бы быть вполнѣ доказаны. Вообще вѣрное ручательство заключается въ томъ, что Прокопій обнародовалъ свое историческое твореніе въ виду всѣхъ важнѣйшихъ чиновъ; онъ долженъ былъ разсчитывать на опроверженіе несправедливаго описанія (Darstellung), именно на благоуспѣшную защиту всѣхъ тѣхъ, кого онъ, можетъ быть, несправедливо пожурилъ бы, затронулъ, осудилъ. Такимъ образомъ, что въ Исторіяхъ сказано *неблагопріятное* для императора и византійцевъ, тому смѣло мы должны вѣрить. Но очень впадутъ въ заблужденіе тѣ, которые захотятъ распространить этотъ контроль посредствомъ страха предъ современниками равно на умалчиванія и прикрашиванія Прокопія,—захотятъ принять, что онъ долженъ былъ бы остерегаться умалчивать или искажать истину въ пользу императора, потому что вѣдь современники должны были усматривать такую неискренность. Они хорошо усматривали ее, но они понимали и равно раздѣляли ее.... Прокопій навѣрное не имѣлъ основанія страшиться, что читатель, если онъ также хорошо зналъ вещи, какъ онъ самъ, явно накажетъ его за ложь; такой читатель можетъ быть только улыбнулся надъ плоской хитростію, съ какою кесарійскій риторъ проскальзываетъ опасныя мѣста“ (1).

---

(1) Dahn, p. 367—368 sqq.—Къ разряду указанныхъ писателей относятся также: Paldamus, — его критика на переводъ Тайной исторіи Каннгисцера (Kanngieszer, — Procop. von Cäsar. Geschichte seiner Zeit, 4 B-de. Greifswald, 1827—31), помѣщенная въ Seebode und Jahns neuen Jährbüchern für Philologie, III. Взглядъ Пальдама совпадаетъ съ взглядомъ Тейффеля, Дана и др. Онъ не сомнѣвается въ принадлежности Тайной исторіи Прокопію и считаетъ ее дѣйствительной (kräftig) картиной

Разныя гаданія разныхъ писателей о Прокопіѣ, почему онъ написалъ панегирикъ и почему пасквиль, и въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу

Юстиніанова времени, «которое подъ блестящимъ лакомъ внѣшняго порядка скрывало страшнѣйшее вырожденіе (Entartung), высшую степень безнравственности» Юстиніанъ, по мнѣнію Пальдама, не болѣе, какъ «посредственный человѣкъ», бывшій «игрушкою интриги въ рукахъ развратныхъ женщинъ» Имя его обезсмертили и правленіе его прославили другіе полководцы, законодатели, архитекторы его времени. «Поэтому очень естественно, что авторъ, описавшій внѣшній блескъ своей страны, раскрылъ, для собственнаго удовлетворенія, грязные источники этихъ великихъ дѣлъ (?), внутреннюю порчу, и это Прокопій сдѣлалъ въ «Анекдотахъ» Каннгисцеръ находитъ столь великое отличіе Построекъ и Тайной исторіи отъ Исторіи войнъ, что отвергаетъ ихъ подлинность и признаетъ ее только за послѣдней Пальдамъ полемизируетъ противъ этого мнѣнія и горячо доказываетъ подлинность Arcana, но, какъ видно изъ приведенной выписки, не признаетъ полнаго ея тожества съ Исторіей воинъ Прокопія онъ вездѣ старается оправдывать — Schlosser, — universalhistorische Uebersicht der Geschicte der alten Welt und ihrer Cultur, Ш, 4. Frankfurt am M, 1834. Шлоссеръ находитъ болѣе согласія между Постройками и Исторіей войнъ, чѣмъ между послѣдней и Тайной исторіей, и называетъ Прокопія «пристрастнымъ хвалителемъ Юстиніана», къ Тайной же исторіи относится недоброжелательно, какъ къ слишкомъ пасквильной и рѣзко противорѣчащей остальнымъ сочиненіямъ Прокопія. «Что Юстиніанъ, говоритъ онъ, въ трехъ отдѣльныхъ твореніяхъ возвышенъ однимъ и тѣмъ же писателемъ надъ всѣми правителями, а въ четвертой книгѣ недостойнымъ тономъ низведенъ не только относительно своего нрава и своего частнаго характера, но и въ отношеніи къ прежнимъ его, такъ громко прославленнымъ, знаніямъ и его общественной дѣятельности, это относится къ печальнѣйшимъ особенностямъ того времени Хотя, конечно, Юстиніанъ имѣлъ недостатки, былъ слабъ въ отношеніи къ своей супругѣ, которая сводила его на ложный путь, однакожъ ни онъ, ни Оеодора не могли быть такъ отвратительны, какъ изображаетъ ихъ Прокопій въ своей, такъ называемой, Тайной исторіи Величайшія дѣла, которыя случились въ Юстиніаново правленіе, противорѣчатъ преувеличеніямъ Прокопія, не допускающаго возможность, чтобы отъ восточнаго деспота и его двора можно было ожидать или требовать цѣломудрія или доблестей свободныхъ душъ» — W. Adolf Schmidt,—der Aufstand in Constantinopel unter Kaiser Justinian Zurich, 1854 Шмидтъ считаетъ безспорнымъ, что Тайная исторія написана очевидцемъ и знатокомъ дѣла Она, по его мнѣнію, заключаетъ въ себѣ очень много достовѣрнаго и достойнаго вѣры, но при этомъ сознается, что памфлетическій и преувеличенный тонъ ея такъ мало согласуется съ прежнею

эти два его сочиненія, кромѣ личныхъ вкусовъ и склонностей этихъ писателей, имѣютъ въ своей основѣ еще то обстоятельство, что жизнь Прокопія вообще очень мало извѣстна, особенно въ послѣдніе годы его жизни, и потому невозможно положительно сказать, что̀ побудило его написать пасквиль и что̀ панегирикъ. По сочиненіямъ Прокопія можно составить понятіе только о его религіозномъ и политическомъ міровоззрѣніи, хотя и здѣсь нужно замѣтить, что цѣльнаго, яснаго, логически обоснованнаго и чуждаго противорѣчій религіозно-философскаго міровоззрѣнія нельзя найдти у Прокопія. Знакомство съ этимъ міровоззрѣніемъ будетъ небезъинтересно какъ для правильной оцѣнки сочиненій самаго Прокопія, такъ и разныхъ мнѣній многочисленныхъ его критиковъ и изслѣдователей.

Въ книгѣ о Постройкахъ Прокопій высказалъ православный образъ мыслей. Понятно, что, какъ льстивый панегирикъ, написанный противъ убѣжденія, это сочиненіе не можетъ быть принято во вниманіе при характеристикѣ религіозныхъ воззрѣній Прокопія. Такимъ образомъ остаются однѣ Исторіи. А въ нихъ онъ является болѣе язычникомъ, чѣмъ христіаниномъ. Внѣшне онъ причислялся къ христіанамъ, былъ крещенъ и даже, можетъ быть, состоялъ въ числѣ сыновъ православной церкви; но внутренно онъ принадлежалъ къ разряду образованныхъ язычниковъ своего времени. Характерная черта его религіозно-философскаго міровоззрѣнія есть полнѣйшій

мудростію Прокопія, что трудно отклонить сомнѣніе въ авторствѣ послѣдняго Шмидтъ совѣтуетъ осторожно пользоваться Тайной исторіей, хотя самъ обильно изъ нея черпаетъ Вопросъ о подлинности ея онъ не разсматриваетъ, полагаетъ внѣ своей задачи —Гфререръ, хотя называетъ Прокопія «злобнымъ» (boshafte), но несвѣтло рисуетъ и Юстиніана (Allgemeine Kirchengesch. II. p. 871—872, 916—919). Съ Гфререромъ сходны во взглядѣ на Юстиніана Гагенбахъ (Kirchengeschichte, I p 592—593), Бауръ (Die christl. Kirche, II. p 254. 256). Мрачнѣе рисуетъ его Th. Pressel (Herzog, Real-Encyclopadie t. VII. p. 186—188).

скептицизмъ въ истинности всѣхъ возможныхъ религій. Но этотъ скептицизмъ отнюдь не есть тотъ скептицизмъ, который долженъ быть названъ плодомъ высшаго развитія духа; который, какъ таковой, вытекаетъ изъ жажды познать истину; который предварительно отвергаетъ всѣ возможныя мнѣнія и не отступаетъ ни предъ какими трудностями, чтобы подвергнуть всю массу знаній тщательнѣйшему и точнѣйшему анализу; который, посредствомъ мудро предначертанныхъ цѣлей и средствъ, приводитъ наконецъ мыслящій духъ къ цѣльному, связному и логически обоснованному міровоззрѣнію. Скептицизмъ Прокопія есть скорѣе плодъ отчаянія духа познать истину,— скептицизмъ слабости и безсилія, который, потому, приводитъ не къ критикѣ и точнѣйшему анализу, а къ некритикѣ и допущенію одинаковаго значенія всѣхъ возможныхъ вѣрованій и мнѣній. Античный міръ, создавъ множество боговъ съ ихъ человѣческими страстями, пожеланіями и склонностями, выше всѣхъ ихъ поставилъ судьбу, неизбѣжный рокъ, къ которому въ одинаково подчиненномъ отношеніи находятся всѣ боги, высшіе и низшіе, и всѣ люди. Представленіе о судьбѣ или фатумѣ есть первое представленіе о всеобщности міроваго закона и его неизбѣжности для всего существующаго. Это языческое міровоззрѣніе, въ его философскомъ развитіи VI в. по Р. Хр. и притомъ сраствореннное, по мѣстамъ, христіанскими идеями, существенно входитъ въ образъ религіозныхъ мыслей Прокопія. Онъ признаетъ высшую міроправящую силу и называетъ ее то судьбою, когда, пораженный какимъ нибудь необычайнымъ событіемъ, онъ нѣмѣетъ предъ нимъ, отказывается отъ разумнаго его объясненія и ничему не можетъ приписать его, кромѣ слѣпой воли рока,— то Богомъ, когда въ разсматриваемомъ событіи видитъ карающую или милующую руку разумно-мыслящаго Существа, — то — *δεμόνιον* (непереводимое слово, означающее приблизительно высшую силу). Въ какомъ отношеніи находятся эти

силы другъ къ другу, — Прокопій не даетъ точныхъ указаній: иногда Богъ подчиняется рѣшеніямъ судьбы, а иногда Онъ старается подчинить рѣшенія судьбы своей волѣ, иногда же судьба и воля Божія представляются какъ бы одно и тоже. Δεμόνιον въ большинствѣ случаевъ представляется подчиненною силой и притомъ карательною и губительной. Фатализмъ составляетъ преобладающую положительную черту въ міровоззрѣніи Прокопія: формула—„чему должно, или суждено совершиться, того не избѣгнуть“, повидимому, показываетъ, что представленіе о рокѣ или судьбѣ играло преобладающую роль въ міровоззрѣніи Прокопія (1). О природѣ или сущности Божіей онъ знаетъ только одно, что Богъ есть всемогущъ и благъ. Всѣ же прочія попытки точнѣе познать сущность Божества есть чистѣйшее безуміе. Важнѣйшее мѣсто относительно этого предмета есть слѣдующее. „Къ римскому епископу, извѣщаетъ Прокопій, были посланы изъ Византіи два епископа для разсужденія о вопросѣ, относительно котораго христіане, разноглася между собою, раздѣляются на партіи. Хотя я и точно знаю предметъ спора, но я упомяну о немъ какъ можно менѣе. Потому что, изслѣдовать Божественное естество, каково оно есть, составляетъ нѣкоторое помѣшательство ума; ибо если, какъ думаю, человѣку невозможно точно постигнуть чисто человѣческія свойства, то тѣмъ менѣе, конечно, постижимо для него то, что̀ относится къ Божественному естеству. Итакъ, не будетъ худо и умолчать объ этомъ, если только я не буду отрицательно относиться къ признаннымъ ученіямъ. Ибо я не иное желалъ бы сказать о Богѣ, какъ—что Онъ всесовершенно благъ и все содержитъ въ своей власти. Впрочемъ каждый, и священникъ, и

(1) Впрочемъ, справедливость требуетъ здѣсь замѣтить, что представленіе о рокѣ или судьбѣ (τύχη) въ указанномъ смыслѣ встрѣчается у византійцевъ, безспорно, христіанъ, и православныхъ, и много болѣе поздняго времени Напр Nicephi Greg. VIII 12 p. 361.

мірянинъ, пусть говоритъ объ этомъ, какъ ему кажется вѣрнѣе“ (1). Въ этомъ классическомъ мѣстѣ и религіозное воззрѣніе Прокопія, и его скепсисъ выражаются вполнѣ. Прочія мѣста, которыя, нужно замѣтить, весьма многочисленны, только развиваютъ и поясняютъ это мѣсто. Зная о Богѣ только то, что Онъ всеблагой и всемогущій, Прокопій всякія остальныя религіозно-философскія воззрѣнія считаетъ одинаково дѣланными истинами, столько же вѣроятными, какъ и невѣроятными, и потому, какъ таковыя. подлежащими свободѣ каждаго: „пусть каждый думаетъ объ этомъ, какъ ему кажется вѣрнѣе“—здѣсь вершина Прокопіева скепсиса. Онъ одинаково считаетъ вѣроятными, какъ чудесные разсказы изъ міра языческаго и разныя суевѣрія, такъ и чудо въ христіанскомъ смыслѣ этого слова. Греко-римское язычество и христіанскую вѣру онъ отличаетъ только по времени появленія ихъ въ мірѣ: то—„древняя вѣра“, а эта—„новая“, при чемъ истинность или неистинность ихъ онъ вовсе не различаетъ (2). О христіанствѣ и христіанскихъ предметахъ говоритъ съ такою индиф-

(1) Goth I. 3 p 17. *δόξης ἕνεκεν, ἣν χριστιανοὶ ἐν σφίσιν αὐτοῖς ἀντιλέγουσιν ἀμφιγνοοῦντες. τὰ δὲ ἀντιλεγόμενα ἐγὼ ἐξεπιστάμενος ὡς ἥκιστα ἐπιμνήσομαι. ἀπονοίας γὰρ μανιώδους τινὸς ἡγοῦμαι εἶναι διερευνᾶσθαι τὴν τοῦ θεοῦ φύσιν, ὁποία ποτέ ἐστιν. ἀνθρώπῳ γὰρ οὐδὲ τὰ ἀνθρώπεια ἐς τὸ ἀκριβὲς, οἶμαι, καταληπτὰ, μὴ τοί γε δὴ τὰ ἐς θεοῦ φύσιν ἥκοντα. ἐμοὶ μὲν οὖν ταῦτα ἀκινδύνως σεσιωπήσθω μόνῳ τῷ μὴ ἀπιστῆσαι τὰ τετιμημένα. ἐγὼ γὰρ οὐκ ἂν οὐδὲ ἄλλο περὶ θεοῦ ὅ τι ἂν εἴποιμι ἢ ὅτι ἀγαθὸς τε παντάπασιν εἴη καὶ ξύμπαντα ἐν τῇ ἐξουσίᾳ τῇ αὐτοῦ ἔχει. λεγέτω δὲ ὥσπερ γινώσκειν ἕκαστος ὑπὲρ αὐτῶν οἴεται, καὶ ἱερεὺς καὶ ἰδιώτης.* Также Релизарій говоритъ въ рѣчи къ воинамъ Vand. I. II c 1. p 415 *ἀναβαλλομένη γὰρ ἡ τοῦ πολέμου τύχη οὐχ ὁμοίως τοῖς καθεστῶσι χωρεῖν πέφυκεν, ἄλλως τε ἦν καὶ γνώμῃ τῶν αὐτῇ διαφερόντων μηκύνηται. τοῖς γὰρ τὴν ὑπάρχουσαν εὐημερίαν προυεμένοις τὸ δαιμόνιον ἀεὶ νεμεσᾶν εἴωθεν.* Pers I II. c. 11. p 203; Vand. I I. c 8 p. 347 и мн. друг.

(2) B P I c. 20 p 104 *πολλοὺς δὲ δόξαν τὴν παλαιὰν σέβοντας, ἣν δὴ καλοῦσιν Ἑλληνικὴν οἱ νῦν ἄνθρωποι.* Также B P. I. 25 p. 131, II 24. p. 259, Arcan. 11 p. 73.

ферентною холодностію, какъ бы это были совершенно посторонніе для него предметы и какъ будто христіанство есть не болѣе, какъ преходящее явленіе, которое современемъ должно исчезнуть (1). Моисея онъ называетъ только „мудрецомъ", о которомъ „говорятъ, что онъ принялъ отъ Бога на Синаѣ законы для своего народа" (2). Вотъ этотъ-то индифферентизмъ Прокопія особенно и нравится современнымъ противникамъ „оцѣпенѣлаго догматизма" и поборникамъ личной свободы совѣсти въ указанномъ смыслѣ. Что касается политическаго идеала Прокопія, то и онъ, подобно религіозному, исключительно обращенъ назадъ, на старо-римскія государственныя учрежденія. Прокопій—консерваторъ. Все спасеніе государства онъ полагалъ въ неизмѣнномъ соблюденіи старо-римскихъ государственныхъ формъ правленія. Впрочемъ, отсюда нельзя еще заключать, чтобы онъ былъ республиканецъ по своимъ убѣжденіямъ: республиканскій духъ давно исчезъ у римлянъ. Но извѣстно, что первые императоры, объявивъ себя самодержцами, оставили неизмѣнными прежнія республиканскія формы правленія. Въ этомъ отношеніи они были крайне осторожны. Прокопій является приверженцемъ этихъ именно формъ императорскаго періода

---

(1) Такъ о Софійской церкви онъ говоритъ «храмъ, который христіане называютъ храмомъ Божественной мудрости», или подобныя выраженія «когда христіане праздновали праздникъ, который они называютъ Пасхою» (Vand. II 14. p 469),—или «который христіане считаютъ самымъ священнымъ» (P I 18 p 91), «книги христіанъ, которыя они обыкновенно называютъ Евангеліями» (Vand II 21 p. 504); «народъ этотъ (грузины) — христіане и лучше всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ хранятъ уставы этой (а не нашей?) вѣры» (P. I 12. p 57), «святилище, которое они называютъ церковію» (P. II 10. p 194), «ἱερεύς, котораго они привыкли называть πρεσβύτερος (Vand II. 25 p 521), «самые воздержные христіане, которыхъ привыкли называть монахами» (P I. 7 p 37),—что̀ означаютъ, какъ не полное равнодушіе къ христіанской вѣрѣ?

(2) Vand. II 10. p. 449, aedif. IV. 8. p. 327

управленія. Какъ консерваторъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ старо-римскій аристократизмъ. Древняя, республиканская римская аристократія уже исчезла; вмѣсто нея образовалась новая, чиновничья аристократія, которая въ столицѣ и по городамъ, какъ бы по праву наслѣдства, овладѣвала высокими государственными должностями. Эта аристократія, хотя далеко уступала старо-римской республиканской аристократіи, все-таки сохранила настолько смысла и пониманія, чтобы блюсти установленный порядокъ, составляющій крѣпость и силу государства, и противодѣйствовать шаткимъ и вреднымъ нововведеніямъ. Эта аристократія составляетъ предметъ высокаго уваженія Прокопія. Напротивъ, къ δῆμος'у онъ питаетъ полнѣйшее презрѣніе. Димосъ ни на что хорошее неспособенъ; политическаго смысла онъ не имѣетъ; не умѣетъ онъ ни должнымъ образомъ цѣнить настоящее положеніе вещей, ни заботиться о будущемъ. Вмѣсто этого онъ обладаетъ двумя, достойными осужденія, качествами: склонностію къ новизнѣ и безразсуднымъ стремленіемъ къ гибельнымъ предпріятіямъ. Прокопій высоко ставилъ честь римскаго государства. Внѣшнихъ враговъ и особенно варваровъ, нападавшихъ на его предѣлы, онъ полагалъ усмирять однимъ только страхомъ и силою оружія (1). Понятно, что всякое стремленіе вводить перемѣны въ государственномъ строѣ; подавленіе значенія аристократіи; возвышеніе на ея мѣсто лицъ незнатныхъ; заискиваніе у варваровъ, покупка у нихъ мира и ежегодная подать имъ, хотя бы то въ видѣ подарковъ, — все это возбуждало сильный гнѣвъ въ Прокопіѣ и гнѣвъ этотъ, естественно, отражается въ его сочиненіяхъ.

Теперь можно спросить, каковъ же долженъ быть выводъ изъ обзора отношеній разныхъ писателей раз-

(1) Воззрѣнія эти разсѣяны во всѣхъ сочиненіяхъ Прокопія, между прочимъ почти всѣ ихъ можно найдти и въ двухъ книгахъ о Персидскихъ войнахъ, переведенныхъ Пестунисомъ

личныхъ вѣроисповѣданій, толковъ и направленій къ сочиненіямъ Прокопія и въ частности къ Тайной его исторіи? — Прежде всего, что̀ можетъ возникнуть въ умѣ читателя послѣ обзора этихъ отношеній, — это, по нашему мнѣнію, сомнѣніе, дѣйствительно ли Тайная исторія принадлежитъ Прокопію? Обзоръ литературы по этому вопросу только возбуждаетъ мысль, но не успокоиваетъ ее. Положеніе Тейффеля, что кто отрицаетъ подлинность Arcana, тотъ не читалъ ни ея, ни Исторіи войнъ, представляетъ по своему существу чисто фельетонный способъ убѣжденія читателя въ своей мысли, что если де ты осмѣлишься отрицать, что̀ я доказываю, то ты—крайній невѣжда. Отъ перваго прочтенія Тайной исторіи послѣ Исторіи войнъ прежде всего получается то впечатлѣніе, что послѣднія достойны серьёзнаго историографа, а первая представляетъ площадную брань и описываетъ непозволительныя вещи. Твердое убѣжденіе въ подлинности ея можно составить только послѣ долгаго, утомительнаго и *самостоятельнаго* изслѣдованія.

Что ультрамонтанская точка зрѣнія Алеманна, или королевско-галликанская—Триворія, или же старопротестантская — Ривія и Эйхеля несправедлива и односторонняя, — это достаточно выяснено, очевидно само собою и не требуетъ новаго разсмотрѣнія. Но не можетъ быть принята и новопротестантская точка зрѣнія, считаемая теперь за ultima ratio, за послѣднее слово науки, или какъ бы аксіому, — точка зрѣнія „свободы совѣсти субъекта“, понимаемой въ смыслѣ внѣшняго права вѣровать каждому по своему нраву и исключающей всякій догматизмъ въ религіи, какъ весьма гибельныя и стѣснительныя для нея оковы. Исходя изъ этой точки зрѣнія, указанные критики Прокопія изображаютъ догматическо-деспотическій византизмъ крайне мрачными красками: это, по ихъ мнѣнію, столь всеудушающая атмосфера, что говорить правду въ ней (въ родѣ Тайной исторіи?) только и можно было подъ непроницаемою броней таин-

ственности. Отсюда всѣ усилія ихъ оправдать Прокопія и во всемъ обвинить византизмъ, въ частности Юстиніана и Ѳеодору,—отсюда ихъ субъективизмъ. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти положенія и предположенія, что Тайная исторія справедлива потому, будто она служитъ вѣрнымъ отраженіемъ нравовъ Византіи; будто Прокопій не могъ явно писать правду безъ опасности для своей жизни; будто книги о Постройкахъ онъ написалъ изъ страха, изъ желанія отклонить отъ себя опасность жизни или же по прямому приказанію императора; будто Юстиніанъ, поручая Прокопію написать Постройки, мстилъ ему этимъ за тѣ оскорбленія, которыя разсѣяны въ Исторіи войнъ; будто воля императора представляетъ такую же всеподавляющую, неизслѣдимую и неизбѣжную силу, какъ сама судьба; будто Тайная исторія есть необходимый долгъ правдѣ, возданный ей Прокопіемъ по внутреннему побужденію своей совѣсти, или—будто она, вмѣстѣ съ долгомъ правдѣ, обнаруживаетъ еще месть деспотизму за то насиліе, которое вынудило Прокопія написать Юстиніану, вопреки убѣжденія, льстивый панегирикъ; будто все, что̀ сказано въ Исторіи войнъ неблагопріятнаго для описанныхъ въ ней дѣйствующихъ лицъ, непремѣнно должно заключать сущую правду, такъ какъ эта Исторія обнародована при жизни подвергшихся въ ней порицанію правителей, и другія подобныя этимъ догадки и предположенія сдѣланы поборающими формальной свободѣ совѣсти критиками Прокопія не потому, чтобы всѣ эти ихъ догадки вытекали изъ идеи, преслѣдуемой тогдашней Византіей, и оправдывались существомъ человѣческой природы, а потому, что подобныя догадки и предположенія вытекаютъ и лучше всего оправдываются ихъ собственной теоріей. Среди всѣхъ этихъ положеній и предположеній мы не видимъ одного,—и самаго главнаго,—что тогдашняя Византія представляетъ собою картину ожесточенной борьбы изъ-за цѣлостнаго пониманія христіанства съ враждебными ему язычествомъ

и разнаго рода ересями и что эта борьба, со всѣми ея крайностями, вызываемыми возбужденіемъ страстей и возможными въ подобныхъ случаяхъ, велась тогдашнимъ христіанскимъ обществомъ съ неподлежащимъ сомнѣнію сознаніемъ того, что истинная свобода совѣсти, свобода души, свобода всего существа человѣка зависитъ отъ обладанія истиною, возвѣщенною Христомъ, слѣдовательно—возможна и существуетъ только въ христіанствѣ, при одновременномъ существованіи какой бы то ни было государственной формы правленія (1). Когда Христосъ сказалъ: *созижду церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ей* (Мѳ. 16, 18), то крѣпость ея мощи, противодѣйствующей всѣмъ силамъ ада, положилъ не во внѣшнемъ ея правѣ свободно возвѣщать и содержать какія угодно мнѣнія, а въ томъ, что она есть *столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3, 15). Эта-то внутренняя свобода, проистекающая отъ обладанія истиною и связанная съ ней какъ солнечный лучъ съ своимъ источникомъ — солнцемъ, не боится мрака, не ищетъ непроницаемой брони таинственности, чтобы подъ ея прикрытіемъ изрекать правду; она смѣло выступаетъ на борьбу со врагомъ, и страшнѣе, и цѣннѣе бываетъ въ одномъ мужѣ, чѣмъ формальная свобода въ сотнѣ внутреннихъ рабовъ (2). Политическая или гражданская свобода и связанное съ нею право содержать то или другое религіозное воззрѣніе суть только *одно изъ многихъ* условій, среди которыхъ, съ большею или меньшею трудностію, можетъ быть достигнута указанная свобода всего внутренняго существа человѣка, проистекающая отъ обладанія Божественной истиной,—не болѣе. Но никакая формальная свобода, гражданская ли то или религіозная, от-

---

(1) См. выше, стр 4—8. 112—115.

(2) Здѣсь невольно приномнается бесѣда Спасителя съ іудеями: Іоанн. 8, 31—59.

нюдь не можетъ быть не только источникомъ этой внутренней свободы, но даже ручательствомъ и того, чтобы человѣкъ, обладающій ею, непремѣнно былъ искренній человѣкъ, т. е. чтобы онъ всегда говорилъ и дѣйствовалъ по убѣжденію, хотя бы рѣчь его на самомъ дѣлѣ была иногда неправильна, и дѣйствія предосудительны. Современные поборники формальной свободы совѣсти и противники догматизма утверждаютъ, что религіозный индифферентизмъ нимало не помѣшалъ Прокопію говорить правду и что, напротивъ, онъ-то и сдѣлалъ его особенно *объективнымъ* и наиболѣе *чуткимъ* къ всѣмъ выдающимся явленіямъ. При чтеніи этого утвержденія невольно приходитъ на мысль, не себя ли хвалятъ поборники индифферентизма и противники догматизма. То обстоятельство, что разныя отношенія критиковъ Прокопія къ его сочиненіямъ обусловливаются главнымъ образомъ ихъ религіозными взглядами, говоритъ противное и само собою наводитъ на мысль, что и у Прокопія религіозный индифферентизмъ, склоняющійся болѣе къ языческому міровоззрѣнію, чѣмъ къ христіанскому, долженъ играть немаловажную роль въ изображеніи, комбинаціи и оцѣнкѣ событій царствованія Юстиніана. Положеніе, что индифферентизмъ порождаетъ вѣротерпимость и дѣлаетъ человѣка чуткимъ къ воспріятію выдающихся міровыхъ явленій, совершенно ложное положеніе, неоправдываемое ни опытомъ исторіи, ни ежедневнымъ опытомъ, ни психологіей. Напротивъ, и тѣмъ и другимъ качествомъ, и вѣротерпимостію и чуткой воспріимчивостію міровыхъ явленій, обладаетъ, и притомъ въ высокой степени, только тотъ, кто постигъ истину, какова она есть. Величайшимъ примѣромъ и доказательствомъ этому служитъ Основатель нашей вѣры, І. Христосъ. Никто не можетъ сравняться съ Нимъ въ терпимости и снисходительности, но именно потому, что Онъ обладалъ полною, чуждою всякихъ примѣсей заблужденія и вѣчно одною и тою же истиной. Между тѣмъ индифферентизмъ Про-

копія не помѣшалъ ему написать самое страстное и исключающее всякую терпимость сочиненіе—Ἀνέκδοτα. Равнымъ образомъ, современные либералы и соціалъ-демократы, отвергающіе догматизмъ въ религіи, суть и наиболѣе ярые фанатики. Противодогматизмъ исключаетъ догматизмъ, не терпитъ его, и нетерпимость этого рода является всякій разъ тѣмъ болѣе исключительною, чѣмъ болѣе противники догматизма видятъ въ немъ вредъ (1).

По ознакомленіи съ сочиненіями Прокопія припоминается слово Премудраго: *есть путь, иже мнится человѣкомъ правъ быти, послѣдняя же его приходятъ во дно ада* (Притч. 14, 12). Одна *истина Господня пребываетъ во вѣкъ* (Пс. 116, 2; 111, 3). Прокопій высказалъ два взгляда: одинъ, о которомъ *онъ думалъ правъ быти*, и другой, *послѣдняя* котораго *онъ* видѣлъ *во днѣ ада*. Первый выраженъ имъ отчасти въ Исторіяхъ и особенно въ Ἀνέκδοτα, а послѣдній въ Постройкахъ. Что взглядъ, выраженный въ Постройкахъ, есть взглядъ не императора только, которому Прокопій хотѣлъ угодить, но вмѣстѣ и того общества, при содѣйствіи котораго императоръ владѣлъ и управлялъ государствомъ, не смотря на всѣ противоборствующіе элементы, и лесть, разсыпанная въ этой книгѣ, относятся не къ одному императору лично, а вмѣстѣ и къ той сторонѣ, во главѣ которой стоялъ императоръ, — это едва ли нуждается въ доказательствахъ. А если—такъ, то вопросъ можетъ состоять теперь въ томъ: въ какомъ изъ двухъ высказанныхъ Прокопіемъ взглядовъ заключена *истина*? Или оба они

---

(1) Полный индифферентизмъ ко *всему* дѣлаетъ человѣка живымъ трупомъ это—совершенная апатія къ жизни, порождающая терпимость ко всему потому только, что лишаетъ человѣка всякой воспріимчивости. Такимъ образомъ, индифферентизмъ къ чему либо равносиленъ безчувственности къ этому «нѣчто» Скорѣе бываетъ чутка къ истинѣ ложь, но только съ враждебной стороны, безъ пониманія ея высокаго достоинства и великаго значенія въ мірѣ.

должны пойдти на *дно ада*? Или же ложь съ правдою такъ перемѣшана въ нихъ, что и та и другая находятся въ обоихъ изъ нихъ?

Исторія имѣетъ задачею своею не судить, а изображать, *показывать предметъ въ его идеѣ и явленіи;* судъ же долженъ вытекать самъ собою и обусловливаться свойствомъ и качествами изображаемаго предмета. Болѣе или менѣе объективное познаніе каждаго историческаго явленія дается только подъ условіемъ двойнаго на него зрѣнія: дальняго и близкаго. Первое, вытекающее изъ высшихъ потребностей человѣческаго духа и показывающее его способность проникать во внутренній смыслъ и характеръ явленій, возвышаетъ человѣка надъ пространствомъ и временемъ и, съ высоты ничѣмъ нестѣсняемаго и побуждаемаго только жаждою истины мыслящаго разума, даетъ возможность созерцать внутреннѣйшія нити и связь разныхъ историческихъ явленій, хотя бы они были раздѣлены между собою громадными пространствами и временемъ (1); второе же есть непосредственное созерцаніе современника, занятаго текущими, обыденными дѣлами, съ ихъ назойливо-наглядною необходимостію, и усматривающаго въ нихъ главный интересъ своей жизни. Первое приковываетъ вниманіе историка къ той внутренней невидимой силѣ. которая овладѣваетъ умами общества, объединяетъ ихъ и управляетъ ими, движетъ ихъ, однихъ сознательно, а другихъ помимо ихъ вѣдѣнія, по извѣстному направленію, не прекращается въ одномъ родѣ, но переходитъ изъ одного поколѣнія въ другое. Другое исключительно бываетъ направляемо на тѣ мелкія стороны жизни, которыя разнообразно примыкаютъ къ общей

(1) Въ церковно-исторической области это зрѣніе достигаетъ своей объективности, когда изслѣдователь понимаетъ христіанскую истину и, слѣдовательно, тѣмъ съ бо́льшею свободою можетъ слѣдить, какъ она проявлялась и проявляется въ христіанскомъ мірѣ въ противоположность другимъ, неправильнымъ ея пониманіямъ

идеѣ, даютъ ей какъ бы плоть и кровь и составляютъ характерныя черты извѣстнаго историческаго момента времени. Прокопій лишенъ былъ первой точки зрѣнія: языческій старо-римскій узкій взглядъ его, какъ въ области религіозной, такъ и политической, сдѣлалъ пониманіе ея для него невозможнымъ; несоотвѣтствіе этого старо-римскаго взгляда съ новонарождающеюся жизнію сдѣлало Прокопія несправедливымъ къ явленіямъ этой жизни. Мы не имѣемъ основанія огульно отвергать извѣстія, сообщаемыя Прокопіемъ, какъ въ Исторіяхъ, такъ и въ Постройкахъ, и въ Ἀνέκδοτα, хотя степень достовѣрности всѣхъ этихъ книгъ неодинакова. Менѣе всего, со стороны фактической, могутъ подлежать сомнѣнію книги о постройкахъ Юстиніана. Фактическая сторона этихъ книгъ есть сторона документальная и лежитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Въ Исторіи войнъ встрѣчаются показанія и увѣренія, которыя съ перваго же раза возбуждаютъ своею крайностію сомнѣніе въ читателѣ и потому, естественно, заставляютъ его не вполнѣ довѣряться Прокопію. Такъ напримѣръ. описавъ моровую язву, свирѣпствовавшую въ Константинополѣ и въ другихъ мѣстахъ имперіи, Прокопій говоритъ въ заключеніе этого описанія: „можно сказать навѣрно, что эта болѣзнь, дѣйствіемъ ли случая или провидѣнія, тщательно отдѣлила и пощадила самыхъ дурныхъ людей. Но это показало послѣдующее время“ (1). Это и другія, подобныя этому, мѣста заставляютъ читателя осторожно относиться къ показаніямъ Прокопія и не принимать ихъ безъ критики за безспорно достовѣрныя. Но самому высшему сомнѣнію въ этомъ отношеніи подлежитъ Тай-

(1) B. P. II. 23. p. 258: ἐπεὶ καὶ ἀπισχυρισάμενος ἄν τις οὐ τὰ ψευδῆ εἴποι ὡς ἡ νόσος ἥδε εἴτε τύχῃ τινὶ εἴτε προνοίᾳ ἐς τὸ ἀκριβὲς ἀπολεξαμένη τοὺς πονηροτάτους ἀφῆκεν. ἀλλὰ ταῦτα μὲν τῷ ὑστέρῳ ἀποδέδεικται χρόνῳ — Здѣсь по справедливости усматриваютъ связь Тайной исторіи съ Исторіей войнъ Очевидно, что и войны Прокопій описывалъ съ выраженіемъ недовольства на правленіе Юстиніана.

ная исторія, гдѣ должна быть отвергнута подлинная достовѣрность всѣхъ тѣхъ показаній, которыя или основаны на темныхъ слухахъ (1), или противорѣчатъ какъ показаніямъ Исторіи войнъ (2), такъ и другъ другу (3), или же носятъ на себѣ всѣ признаки крайней нелѣпости. Равнымъ образомъ, должны быть отвергнуты и злостныя побужденія, отъ себя или на основаніи слуховъ влагаемыя Прокопіемъ во всѣ дѣйствія Юстиніана. Сплетни Тайной исторіи могутъ имѣть историческое значеніе развѣ въ томъ только отношеніи, что онѣ, кромѣ того что знакомятъ съ видами разврата цивилизованной Византіи, можно сказать, тожественнаго съ современнымъ развратомъ Лондона, Парижа, Берлина и другихъ большихъ городовъ Европы, указываютъ еще на степень недовольства, какое было у людей, держащихся противныхъ Юстиніану и господствующей партіи мнѣній. Самъ ли Прокопій написалъ Тайную исторію, или другой кто,—во всякомъ случаѣ написаніе Тайной исторіи есть безспорный фактъ, свидѣтельствующій о безспорномъ недовольствѣ нѣкоторыхъ лицъ Юстиніаномъ (4). Что же касается взглядовъ Прокопія и его сужденій, то мы ни въ какомъ случаѣ не считаемъ ихъ для себя обязательными, тѣмъ болѣе, что и современники его дале-

---

(1) Напр., с. 1. р. 16, с. 3. р. 29, с. 7. р. 51 52, с. 9. р 61, с. 12. р. 79. 80. 81. 82; с 22 р 126. 127 и друг.

(2) Напр., исторія Амалазунты.

(3) Наприм., въ 13 (р. 85) и 18 (р 109—110) главахъ Прокопій называетъ Юстиніана скупымъ, а въ 8-ой главѣ (р. 58) — безразсудно-расточительнымъ. Такихъ противорѣчій не мало.

(4) Очень можетъ быть, что сплетни Тайной исторіи были разсѣеваемы и разукрашиваемы разными лицами съ самыми противоположными цѣлями. Одни, напр , говорили про прежнія похожденія Ѳеодоры съ злостной насмѣшкой, а другіе могли говорить о нихъ и такъ, что водъ-де была прежде Ѳеодора послѣднею изъ женщинъ, а теперь стала царицей. Такъ Богъ возвеличиваетъ угодныхъ Ему людей! При этомъ наиболѣе рѣзкая противоположность требовалась желаніемъ вызвать тѣмъ большее изумленіе къ судьбамъ непостижимаго Промысла Божія.

ко не всѣ, какъ онъ утверждаетъ, согласны съ его сужденіями о Юстиніанѣ, даже относительно такихъ предметовъ, которые, повидимому, менѣе всего должны были бы подлежать разногласію (1). Равнымъ обра-

---

(1) Напр., плата варварамъ и унизительна для могущественнаго государства, и вредна, потому что возбуждаетъ аппетитъ у варваровъ къ новымъ подобнымъ требованіямъ. Тѣмъ не менѣе Менандръ византіецъ находитъ возможнымъ назвать подобную политику благоразумною, потому что она разъединяетъ варваровъ и обезсиливаетъ ихъ въ войнахъ между собою «такія мѣры, — говоритъ онъ по поводу подарковъ аварамъ съ цѣлію пріобрѣтенія ихъ союза и возбужденія ихъ противъ другихъ варваровъ,—по моему мнѣнію, были придуманы царемъ (Юстиніаномъ) весьма разумно, потому что побѣдятъ ли авары или будутъ побѣждены, и въ томъ и другомъ случаѣ выгода будетъ на сторонѣ римлянъ» (Менандръ, Виз. истор. перев Дестуниса, 1860 стр 322—323). Вообще, Менандръ гораздо мягче Прокопія судитъ объ этой политикѣ Византіи (Тамже, стр 361 363 392 393 395 427. 446. 457). Согласно съ Менандромъ смотритъ на эту политику Юстиніана и Агавія. Онъ говоритъ, что Юстиніанъ сталъ «стравливать (*ξυγκρούειν*) между собою враговъ и, ежели гдѣ нужно было, улещать (*καταθωπεύειν*) дарами, и лучше этимъ способомъ нѣкоторымъ образомъ прогонять ихъ, чѣмъ полагаться на себя и *безпрестанно* воевать» главнымъ образомъ на закатѣ своихъ дней, вслѣдствіе ослабленія жизненныхъ силъ, а съ ними и— дѣятельности, что самъ онъ считалъ эту политику разумною и такою, которая должна нравиться его подданнымъ, какъ мудрая и ловкая, и что она дѣйствительно была одобряема византійцами: *τότε δὴ ἅπασιν ἀνωμολόγητο καὶ διαδηλοτάτη ἐδείκνυτο ἡ τοῦ βασιλέως προμήθεια καὶ εὐβουλία*,—говоритъ онъ въ заключеніе описанія взаимнаго конечнаго истребленія котригуровъ и утигуровъ, двухъ гуннскихъ племенъ. — *ὅτι δὴ τῶν βαρβάρων ὑπὸ σφῶν διαφθειρομένων, αὐτὸς ὅπλα μὴ κινῶν πάντως ἐνίκα τῇ γνώμῃ ἐφ' ἑκατέρᾳ δοπῇ τοῦ πολέμου, καὶ ἀπήλαυε τῆς ἐλπίδος. ἐπειδὴ γὰρ ἐμόχθουν ἑκάστοτε τοῖς οἴκοι δεινοῖς ἐνησχολημένοι, οὐκέτι κατὰ Ῥωμαίων χωρεῖν διενοοῦντο.* Agathias. l. V. c. 12 13. 14. 24 25. Нужно при этомъ замѣтить и то, что плата варварамъ съ цѣлію пріобрѣтенія ихъ дружбы, удержанія ихъ отъ набѣговъ на предѣлы имперіи или возбужденія противъ другихъ варваровъ выдумана не Юстиніаномъ, а развивалась постепенно, вслѣдствіе настоятельной нужды историческихъ обстоятельствъ, и уже за-долго до Юстиніана получила всю силу укоренившагося обычая (См., напр., римское посольство къ Аттилѣ Приска, пис. V в. Отрыв изъ сочин. этого писателя помѣщенъ въ Ж Мин. н просв. 1842. стр 81 82. 88 и друг.) Слѣдовательно, въ разсужденіи о Юстиніанѣ можетъ быть принято во вниманіе только болѣе сильное или слабое практикованіе этой политики. Не

зомъ, и его рѣзкія сужденія относительно безнравственности и грабительства чиновниковъ, тягости налоговъ, продажности суда и вообще худости правительства Юстиніана, кромѣ обнаруженія личнаго недовольства правительствомъ, что все-де совершается не по моему, нужно отнести вообще къ формѣ римско-византійскаго правительства, къ укоренившейся системѣ управленія, измѣнить которую не была въ состояніи никакая единоличная сила, а не къ тому или другому правителю въ частности (1). Точно также

мѣшаетъ припомнить здѣсь и то, что въ настоящее время той же политики относительно варваровъ отчасти держатся англичане

(1) Весьма любопытно въ этомъ отношеніи разсужденіе одного грека, котораго Прискъ случайно встрѣтилъ въ лагерѣ Аттилы и который сталъ описывать ему сравнительную жизнь у варваровъ и въ предѣлахъ имперіи. «Я почитаю настоящую жизнь свою, сказалъ онъ между прочимъ, лучше прежней, ибо . живущіе подъ властію римлянъ во время войны бываютъ легко уводимы въ плѣнъ, ибо надежду своего спасенія полагаютъ на другихъ . Бѣдствія, претерпѣваемыя римлянами во время мирное, тягостнѣе тѣхъ, которыя они терпятъ отъ войны, по причинѣ жестокаго взиманія налоговъ и притѣсненій, претерпѣваемыхъ отъ дурныхъ людей ибо законъ не имѣетъ равной силы на всѣхъ Если нарушающій законъ очень богатъ, то несправедливые его поступки могутъ остаться безъ наказанія Кто бѣденъ и не знаетъ, какъ вести свои дѣла тотъ долженъ терпѣть налагаемое на него закопами наказаніе—если онъ не умретъ до рѣшенія его дѣла — потому, что тяжбы бываютъ весьма долговременны и на нихъ издерживается множество денегъ—и это дѣло самое гнусное—получать только за деньги то, что̀ слѣдуетъ по закону Обиженному не оказывается правосудіе, если опъ не дастъ денегъ судьѣ и его помощникамъ» Прискъ сталъ доказывать, что римскіе порядки устроены мудро и людьми мудрыми Грекъ на это отвѣтилъ, «законы хороши и римское общество прекрасно устроено, но правители портятъ и разстроиваютъ его, не поступая такъ, какъ поступали древніе». (Прискъ, посольство къ Аттилѣ. стр 89—93). Самъ императоръ Юстиніанъ описываетъ организованное взяточничество чиновниковъ въ восьмой своей новеллѣ, пожалуй, не менѣе яркими красками, какъ и Прокопій въ Аркапа, но съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ отъ послѣдняго, что онъ изображаетъ это взяточничество явившимся и развившимся при его предшественникахъ, которымъ онъ не намѣренъ подражать въ этомъ дѣлѣ, напротивъ, онъ будетъ безъ всякаго снисхожденія прилагать къ взяточникамъ тѣ суровыя кары закона, которыя онъ теперь постановляетъ Но взяточни-

и относительно нововведеній Юстиніана, на которыя Прокопій такъ щедро разсыпаетъ свои порицанія, слѣдуетъ замѣтить, что древне-римскія формы правленія не могли навсегда оставаться неизмѣнными, какъ того желалъ бы Прокопій. Юстиніанъ, дѣйствительно, явился губителемъ этихъ формъ. Но это разрушительное его дѣйствіе по отношенію къ грекоримской древности есть только продолженіе того ея разложенія, какое началось частію вслѣдствіе естественнаго хода римской исторіи, частію же вслѣдствіе признанія христіанства государственною силою.

Такимъ образомъ, идея царствованія Юстиніана не можетъ быть опредѣлена ни на основаніи сочиненій Прокопія вообще, ни тѣмъ менѣе — Тайной его исторіи въ частности. Гораздо лучше, эта идея опредѣляется общимъ характеромъ того движенія, которое возникло въ римской имперіи со времени принятія христіанства Константиномъ великимъ. А если такъ, то весь вопросъ въ изображеніи царствованія Юстиніана сводится къ тому, какое онъ мѣсто занимаетъ въ ряду римско-византійскихъ императоровъ?

чество осталось Агаѳія описываетъ взяточничество чиновниковъ, въ буквальномъ смыслѣ, какъ грабительство самаго мошенническаго свойства, и говоритъ, что вслѣдствіе этого составъ войска значительно уменьшился и само оно было дезорганизовано. Но онъ выгораживаетъ при этомъ Юстиніана, не говоритъ, чтобы онъ соучаствовалъ въ грабительствѣ чиновниковъ онъ только, вслѣдствіе ослабленія, отъ старости, жизненныхъ силъ и принятія указанной политики по отношенію къ варварамъ, допустилъ (περιεώρα) уменьшить легіоны, «какъ если бы на будущее время не предстояло ему въ нихъ никакой нужды». Онъ даже не зналъ, что уменьшеніе легіоновъ происходитъ вслѣдствіе невыдачи имъ жалованья (по крайней мѣрѣ изъ разсказа Агаѳіи не видно этого), «какъ бы не имѣя нужды», онъ только пересталъ радѣть о нихъ (Agathias. V. с 14) — Что единоличная воля, хотя бы то императорская, ничего не могла подѣлать здѣсь, это лучше всего можно видѣть изъ разсказа Григоры (Н. Григ. стр 430 — 432, 532 Спб.). Гражданскіе непорядки, продажность суда и взяточничество чиновниковъ, разъ укоренившись, такъ и остались во все время существованія византійской имперіи, не смотря на разныя мѣры противъ этого зла.

Что онъ принялъ? что сдѣлалъ? въ какомъ направленіи дѣлалъ? и что оставилъ своимъ потомкамъ? Въ частности, примѣнительно къ избранной нами темѣ: въ какомъ отношеніи дѣятельность его находилась къ церкви и ея служителямъ? Насколько онъ былъ выразителемъ *византійской* теоріи отношеній гражданской власти къ церковной? Понятно, что рѣшеніе этихъ вопросовъ нужно искать главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ, законахъ и дѣйствіяхъ самаго Юстиніана, а затѣмъ въ свидѣтельствахъ и мнѣніяхъ его современниковъ, при чемъ сочиненія Прокопія служатъ только однимъ изъ многихъ родовъ историческаго матеріала. Думается, что такое разсматриваніе царствованія Юстиніана болѣе будетъ приближаться къ дѣйствительности.

Наружность и воспитаніе Юстиніана. Его сближеніе съ Θеодорой и женитьба на ней. Ихъ взаимоотношеніе, какъ политическихъ дѣятелей. Наставленія діакона Агапита. Характеръ Юстиніана и его церковно-государственной дѣятельности. Его совѣтники. Вліяніе епископовъ на дѣла гражданскаго управленія. Намѣреніе Юстиніана возвратить западныя области Римской имперіи и его политика относительно варваровъ. Бунтъ самарянъ. Св. Савва предъ лицемъ Юстиніана. Эдикты противъ іудеевъ, язычниковъ и еретиковъ. Бунтъ „Ника“. Состояніе православныхъ христіанъ въ областяхъ западной римской имперіи. Вѣра православныхъ въ свое освобожденіе отъ ига аріанъ. Разрушеніе вандальскаго государства и устройство африканской церкви. Возникшія недоразумѣнія между римлянами и готѳами, и сношенія Юстиніана съ папами по вопросу: Unus de Trinitate passus est carne; его эдикты по этому поводу. Завоеваніе Италіи и части Испаніи: подавленіе господства аріанъ на западѣ.

Наружность Юстиніана показывала умъ, благородство и энергію воли: онъ былъ не очень высокаго роста, но и не низкаго; обладалъ широкой грудью, круглымъ, открытымъ, красивымъ и цвѣтущимъ ли-

цемъ, бѣловатыми вьющимися волосами, и быстрымъ проницательнымъ взглядомъ (1). Время ранней его юности покрыто глубокимъ мракомъ неизвѣстности. Можно сказать развѣ одно только объ этомъ времени: что онъ жилъ въ деревнѣ. Первоначальное его имя было Управда; но и здѣсь спорятъ, было ли то собственное имя, такъ что „Юстиніанъ" представляетъ переводъ его на латинскій языкъ, или же оно есть нарицательное имя, прозваніе, и означаетъ: „правдивый", „справедливый". Болѣе или менѣе ясная исторія Юстиніана начинается съ того времени, какъ дядя его, Юстинъ, достигъ довольно значительныхъ государственныхъ почестей. Около 20, или 21-лѣтняго возраста (въ 509, или 510 г.) Юстиніанъ поступилъ въ военную службу (2). Первоначально онъ былъ также необразованъ, какъ и Юстинъ. Грамотѣ онъ сталъ учиться лишь послѣ того, какъ достигъ уже 30-лѣтняго возраста (3). Алеманнъ думаетъ, что учителемъ его былъ игуменъ Θеофилъ, который впослѣдствіи составилъ его жизнеописаніе (4). Движеніе вѣка и наставленія учителя-аскета сообщили ему исключительно богословско-религіозное направленіе. Замѣчательна энергія, съ какою онъ принялся за изученіе науки. Не смотря на позднее время, когда онъ началъ учиться, онъ достигъ замѣчательно обширныхъ

(1) Malalas, p. 425: *ἦν δὲ τῇ ἰδέᾳ κονδοειδής, εὔστηθος, εὐρινος, λευκὸς οὐλόθριξ, στρογγύλοψις, εὔμορφος, ἀναφάλας, ἀνθηροπρόσωπος μιξοπόλιος τὴν κάραν καὶ τὸ γένειον, μεγαλόψυχος.* Chron Paschal. p 616 *ὁ μεγαλόψυχος εἰς ὑπερβολήν* Cedrenus, 1. p. 642 Arcana c 8. p 54—55 *τὸ μὲν οὖν σῶμα οὔτε μακρὸς οὔτε κολοβὸς ἄγαν, ἀλλὰ μέτριος ἦν, οὐ μέντοι ἰσχνὸς, ἀλλὰ κατὰ βραχὺ εὔσαρκος, τὴν δὲ δὴ ὄψιν στρογγύλος τε καὶ οὐκ ἄμορφος ἐπυῤῥία γὰρ καὶ δυοῖν ἡμέραιν ἀπόσιτος ὤν* Далѣе, чтобы возбудить отвращеніе, Прокопій приравниваетъ Юстиніана къ Домиціану и дѣлаетъ по этому поводу длинное уклоненіе Но оно отнюдь не выясняетъ приведенныхъ его словъ, а только затемняетъ ихъ и обнаруживаетъ его ненависть къ Юстиніану.

(2) Isambert, p 238—241.

(3) Ibid. p. 240.

(4) Notae Alemanni, p 438.

познаній въ области философіи, богословія, исторіи, права, даже—поэзіи, архитектуры и живописи. При этомъ вопросы христіанской вѣры составляли для него начало, конецъ и средоточіе всякаго рода знаній. За изученіемъ ихъ онъ проводилъ дни и ночи, и велъ объ нихъ оживленныя бесѣды какъ съ епископами, такъ и съ другими духовными лицами, которыми онъ постоянно окружалъ себя (1). Безспорно, эти устныя бе-

---

(1) Notae Alemanni, p. 438—440. Царскій свитокъ, посвященный греческому императору Іустиніану, Агапитомъ константинопольскія Софійскія церкви діакономъ, состоящій въ LXXII главахъ. Спб. 1771 года Гл. 17: «въ наши дни показалось то благополучное жизни время, о которомъ нѣкто изъ древнихъ предвозвѣстилъ когда или философы царствовать, или цари философствовать будутъ Ибо философствуя достойно будутъ царствовать, и царствуя въ философіи упражняться станутъ, за тѣмъ, что философствовать не иное что есть, какъ любить премудрость, а премудрости начало есть страхъ Божій, который въ душѣ вашего величества твердо и неподвижно вкорененъ, и тѣмъ наилучше доказывается истина мною сказанныхъ рѣчей». Въ одномъ изъ «Свидѣтельствъ», приложенныхъ переводчикомъ относительно этой книжки и ея сочинителя и заимствованныхъ изъ разныхъ писателей, сказано «Поссевинъ въ концѣ *Приготовленій*, гдѣ приложилъ роспись рукописныхъ греческихъ книгъ, пишетъ, что книга сія найдена въ Константинополѣ, между книгами Константина Варина, гдѣ въ заглавіи написано, что Агапитъ былъ учителемъ у Юстиніана до воцаренія его. Изъ чего Норизій въ разсужденіи о 5-мъ соборѣ въ главѣ 2-ой утверждаетъ, что Іустиніанъ имѣлъ у себя учителя мужа ученѣйшаго». Но это предположеніе не принимается учеными.— Пресвитеръ Евстратій говоритъ въ жизни (св. Евтихія, патріарха константинопольскаго (§. 33), «вы всѣ, которые помните прилежаніе благочестивѣйшаго императора Юстиніана къ (познанію) божественныхъ догматовъ, знаете, какъ онъ всегда, ночью и днемъ, прилагалъ къ нимъ стараніе больше всѣхъ другихъ предметовъ, чтобы только найдти и собрать доказательства противъ еретическихъ разсужденій, которыя онъ, какъ и многое другое, препобѣждалъ опровергая ихъ какъ силлогистическими аргументами и доказательствами, такъ и свидѣтельствами писаній» —Прокопій влагаетъ въ уста Арсакія, одного изъ злоумышленниковъ на жизнь Юстиніана, такія слова (Gotth l III c 32, p. 409—410) «никто, въ комъ есть лишь капля разсудка, не долженъ, по лѣности или изъ страха, уклоняться отъ убійства Юстиніана, который имѣетъ обыкновеніе безъ стражи проводить цѣлыя ночи съ престарѣлыми священниками въ одной изъ комнатъ, неутомимо переворачивая (*ἀνακυκλεῖν*) священныя книги христіанъ» Въ другомъ мѣстѣ Прокопій говоритъ (Gotth. l.

сѣды съ знаменитѣйшими духовными лицами своего времени, сопровождаемыя иногда спорами, имѣли гораздо болѣе развивающее значеніе, чѣмъ самостоятельныя книжныя изысканія, или лучше, — онѣ восполняли эти послѣднія, исправляли ихъ и предохраняли Юстиніана отъ неизбѣжной въ подобныхъ случаяхъ односторонности, тѣмъ болѣе, что, кромѣ православныхъ, онъ вступалъ въ нерѣдкія бесѣды и споры съ еретиками (1).

Величайшій пробѣлъ въ исторіи Юстиніана составляетъ его сближеніе съ Θеодорою. Здѣсь, на основаніи нѣкоторыхъ скудныхъ данныхъ, приходится дѣлать одни только догадки, которыя всегда получаютъ сильную окраску личныхъ склонностей того или дру-

---

III. c. 35. p. 429): «большую часть времени (Юстиніанъ) употреблялъ на христіанскіе догматы, всѣми силами стараясь и напрягаясь устранить (εὖ διαθέσθαι) спорныя мѣста въ нихъ». Со всѣмъ этимъ согласны и слова Агсапа (c. 18. p 110). ἀντὶ τε σπουδῆς τῆς περὶ ταῦτα περισκοπῶν μὲν τὰ μετέωρα, περιέργος δὲ ἀμφὶ τῇ τοῦ θεοῦ φύσει γινόμενος Далѣе, въ 14-ой главѣ, Прокопій говоритъ, что Юстиніанъ все дѣлалъ и писалъ самъ, такъ что государственнымъ чиновникамъ ничего не оставалось дѣлать. Поэтому никакого основанія не имѣетъ мнѣніе тѣхъ, которые слова Свиды ἀμάθητος γραμμάτων ἁπάντων καὶ τὸ δὴ λεγόμενον ἀναλφάβητος, относятъ, вмѣсто Юстина, къ Юстиніану. Что эти слова должно относить къ Юстину, видно изъ показанія Прокопія, котораго относительно Юстина употребилъ тѣже самыя слова, что и Свида (Агсап. c 6. p. 44) Въ ошибку ввелъ ученыхъ Дмитрій Халькондилъ, съ ошибками издавшій Свиду въ Миланѣ (Notae Alemanni, p 364—365). Впалъ въ эту ошибку и Баронiй, пользовавшіяся, вѣроятно, Халькондиловымъ изданіемъ Свиды, — и онъ призналъ Юстиніана необразованнымъ, но, на основаніи соображеній, не абсолютно, не ἀναλφάβητος, а необразованнымъ настолько, какъ можетъ быть необразованъ человѣкъ, знающій только кое-какъ читать и писать (Вагоп. ап 528. n III IV) Его исправляетъ Пагіи (Тамъ же) Новѣйшія изданія Свиды, конечно исправляютъ ошибку Халькондила.—Сочиненія, написанныя Юстиніаномъ противъ еретиковъ, и законы, имъ изданные, говорятъ о глубокомъ его образованіи, особенно по тогдашнему времени. Θеофанъ Хронографъ приписываетъ ему составленіе пѣсни Единородный Сыне и Слове Божіи, безсмертенъ Сый (Theoph. p. 337)

(1) Harduin. II p. 1159—1171.

гаго писателя. Послѣ позорнаго путешествія своего по востоку, Ѳеодора возвратилась изъ Пафлагоніи въ Византію. Здѣсь она оставила свое прежнее безпутное житіе, поселилась въ одномъ бѣдномъ домѣ, въ которомъ поселялись кающіяся женщины, и, для поддержанія своего существованія, занялась пряжею шерсти. Вотъ въ этомъ то состояніи ея и познакомился съ нею Юстиніанъ. Какая судьба привела его въ бѣдное жилище, въ которомъ поселилась Ѳеодора, —рѣшительно сказать невозможно. Очень можетъ быть, исполняя долгъ благочестія, онъ, между другими благотворительными учрежденіями, посѣтилъ и скудное жилище кающихся грѣшницъ, въ которомъ была Ѳеодора; очень можетъ быть, что его привелъ сюда кто либо изъ духовныхъ, съ которыми онъ велъ постоянныя бесѣды; но очень можетъ быть и другой какой нибудь случай. Выдающееся лице Ѳеодоры, какъ по своимъ физическимъ, такъ и умственнымъ свойствамъ, не могло не обратить на себя вниманіе Юстиніана. Отбросивъ наглость поведенія публичной женщины, она тѣмъ съ большею яркостію должна была обнаруживать свои блестящія природныя дарованія. Въ искренности своего раскаянія убѣдить было не трудно: слѣдовало только уважать воздержность Юстиніана и не оказывать ни малѣйшей склонности къ незаконному соитію. Блестящій и проницательный умъ далъ ей возможность вполнѣ понять идеи и планы Юстиніана и проникнуться ими. Юстиніану было свыше 30-ти лѣтъ, когда онъ познакомился съ Ѳеодорою (1); слѣдовательно, безуміе юношескаго любовнаго пыла прошло уже и настало время, когда мужчина ищетъ болѣе внутреннихъ качествъ въ женщинѣ. Принятая цѣломудренность поведенія, умъ и пріобрѣтенная опытность подсказали Ѳеодорѣ, гдѣ ея

(1) Учитель Юстиніана, игуменъ Ѳеофилъ, утверждаетъ, что Юстиніану было 30-ть лѣтъ, когда онъ, въ концѣ царствованія Анастасія, пришелъ въ Византію. Notae Alemanni, p. 369.

сила, и она приковала къ себѣ все существо Юстиніана. Привязанность его росла къ Θеодорѣ по мѣрѣ знакомства съ нею: онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что возлюбленная его въ настоящемъ ея видѣ, по исправленіи, представляетъ такую же цѣльную нравственную натуру, какъ бы она никогда не предавалась непозволительнымъ любовнымъ излишествамъ, и онъ возъимѣлъ рѣшительное намѣреніе на ней жениться. Но древне-римскіе законы воспрещали лицамъ сенаторскаго званія вступать въ бракъ съ „сценическими“ женщинами. Къ тому же, браку Юстиніана съ Θеодорой всѣми силами воспротивилась супруга Юстина, императрица Евѳимія. Мать Юстиніана, Вигленица, тоже была противъ этого брака; она даже по этому поводу обращалась къ одной старой знахаркѣ, которая дала ей уклончивый отвѣтъ. Пока жива была Евѳимія, Юстиніанъ не могъ добиться отмѣны старо-римскаго суроваго закона. Но лишь только Евѳимія померла, старый Юстинъ, по настоянію Юстиніана, издалъ эдиктъ, по которому онъ, „полагая, что особенность императорскаго благоволенія заключается въ томъ, чтобы во всякое время заботиться, какъ объ изысканіи полезнаго для подданныхъ, такъ и о томъ, чтобы исцѣлять ихъ погрѣшности“, постановилъ о падшихъ женщинахъ „для оказанія имъ помощи къ должному воздержанію: никакимъ образомъ не отнимать у нихъ надежды лучшаго условія (жизни), чтобы, взирая на него, онѣ тѣмъ легче оставляли непредвидѣнный и малочестный выборъ. Ибо мы думаемъ, гласитъ далѣе императорское узаконеніе, что въ этомъ будетъ состоять наше подражаніе, насколько это возможно для человѣческой природы, благоволенію и безмѣрному къ человѣческому роду милосердію Бога, который всегда снисходитъ къ ежедневнымъ грѣхамъ людей и принимаетъ наше покаяніе и возводитъ въ лучшее положеніе“. Исходя изъ этой точки зрѣнія, императоръ Юстинъ узаконяетъ на будущее время безпрепятственно вступать въ бракъ

падшимъ женщинамъ съ лицами всякаго, и сенаторскаго званія, но,—чтобы не покровительствовать блудодѣянію, — если только онѣ окажутъ несомнѣнные признаки искренняго раскаянія и исправленія своей прежней безчестной жизни. Юстиніанъ поспѣшилъ воспользоваться примѣненіемъ этого эдикта на практикѣ и женился на Θеодорѣ (1).

---

(1) Прокопій, съ особенною подробностію описавшій всѣ дѣйствительныя и мнимыя похожденія Θеодоры, между прочимъ, съ искусствомъ настоящаго пасквилянта, обходитъ то обстоятельство, какъ Юстиніанъ познакомился съ Θеодорой. Такъ, описавъ крайнія излишества Θеодоры въ Византіи и ея позорныя похожденія по востоку, онъ непосредственно же послѣ этого приступаетъ къ описанію любовной связи и брачнаго союза съ нею Юстиніана. *Οὕτω μὲν τετέχθαι τε τῇδε τῇ γυναικὶ καὶ τετράφθαι ξυνέβη καὶ ὑπὲρ δημοσίους πολλὰς διαβοήτῳ γεγενῆσθαι ἐς πάντας ἀνθρώπους. ἐπεὶ δὲ ἀφίκετο ἐς Βυζάντιον αὖθις, ἠράσθη αὐτῆς Ἰουστινιανὸς ἔρωτα ἐξαίσιον οἷον, καὶ τὰ πρῶτα ἐπλησίαξεν ὡς ἐρωμένῃ, καίπερ αὐτὴν ἀναγαγὼν ἐς τὸ τῶν πατρικίων ἀξίωμα. δύναμιν τοίνυν ἐξαίσιαν τινὰ καὶ χρήματα ἐπιεικῶς μεγάλα περιβαλέσθαι ἡ Θεοδώρα εὐθὺς ἴσχυσε. πάντων γὰρ ἥδιστον τῷ ἀνθρώπῳ ἐφαίνετο, ὃ δὴ ξυμβαίνειν τοῖς ἐκτόπως ἐρῶσι φιλεῖ, χάριτάς τε πάσας καὶ χρήματα πάντα τῇ ἐρωμένῃ χαρίζεσθαι. ἐγίνετό τε ἡ πολυτέλεια τοῦ ἔρωτος τοῦδε ὑπέκκαυμα. ξὺν αὐτῇ τοίνυν πολλῷ ἔτι μᾶλλον τὸν δῆμον διέφθειρεν οὐκ ἐνταῦθα μόνον ἀλλ' ἀνὰ πᾶσαν τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν* (c 9 p. 63—64. Также c. 10). Такимъ образомъ, по Прокопію выходитъ, будто Юстиніанъ непосредственно познакомился съ публичной женщиной самаго низкаго свойства. — Анонимный авторъ de antiquitate urbis Constantinopolitanae говоритъ: «супруга великаго Юстиніана, Θеодора, послѣ возвращенія изъ Пафлагоніи жила въ емволѣ (*ἐμβόλῳ*), гдѣ она, по причинѣ бѣдности, пряла шерсть и этимъ ремесломъ поддерживала свою жизнь, когда же достигла царской короны, отстроила это бѣдное жилище въ храмъ св. Пантелеимона» (Notae Alem p. 381, также въ Bandurii imperium Orient t. I. p. 48). Теперь вопросъ въ томъ, что нужно разумѣть подъ «емволомъ»? Алеманъ думаетъ, что это было мѣсто, гдѣ отверженнѣйшія женщины предавали тѣла свои на блудодѣяніе. In *embolo* Theodora commorabatur, ubi scilicet abjectissimae meretrices corpora prostituebant. Hinc apud Plinium *embolaria*, de qua tot criticorum eruditissimae nugae. ***ΕΜΒΟΛΟΙ*** (praeter alias ejus vocis acceptiones) sunt *porticus*. Hesychius Milesius in *πατρίοις* Constantinum muros Byzantii protulisse narrat usque ad *Τρωαδικοὺς ἐμβόλους*, *portic.us Troadenses* vocat autor antiquissimus discriptionis urbis Constantinopolis. Quemadmodum ergo a porticuum fornicibus *fornicariae* mulieres dictae sunt,

Много можно спорить. искренно или притворно было раскаяніе Θеодоры; но то слѣдуетъ принять за несомнѣнный фактъ, что по бракосочетаніи съ Юсти-

---

sic a porticibus ipsis, hoc est, *embolis*, embolarias alii vocarunt. *Porticibusne tibi monstratur femina voto digna tuo?* Juvenalis Satyr. 6 (Notae, p. 381). Итакъ, по мнѣнію Алеманна, сказаніе Прокопія нужно принимать буквально,—что Юстиніанъ познакомился непосредственно съ публичной женщиной и притомъ въ домѣ терпимости. Въ другихъ мѣстахъ своихъ примѣчаній онъ говоритъ, что Юстиніанъ имѣлъ побочнаго сына Theophanes Byzantius historicus apud Photium meminit *Theodori* cognomento *Ziri* Justiniani imperatoris filii, quem fortasse post Theodorae obitum habuit (Notae, p. 337 418) Понятно, что человѣкъ, не отказавшійся отъ любовныхъ похожденій въ преклонныхъ лѣтахъ (на VI десяткѣ) по смерти супруги, могъ рѣшаться на все въ молодыхъ лѣтахъ. Но уже Людевигъ съ основательностію замѣтилъ, что Theodora niemals ein Bordell unsterblich gemacht haben würde Да, именно это основаніе, что домъ терпимости никогда не обезсмертилъ бы Θеодору, должно лечь въ основу критики всѣхъ приведенныхъ доводовъ Алеманна Гиббонъ вполнѣ соглашается съ приведеннымъ мнѣніемъ Людевига и относитъ его ко второму пребыванію Θеодоры въ Константинополѣ (Gibbon, col. 1341. not. d.) Въ Лексиконахъ ἔμβολος, ἔμβολον, ἐμβολεὺς. опредѣляется такимъ образомъ: a) земля клинообразная между двумя рѣками (Her. 4, 53). Особенно: b) мѣдный носъ у военнаго корабля (Her. 1, 166, Thuc. 7, 36) Отсюда ораторская каѳедра въ Римѣ, Rostra; c) боевой порядокъ расположенный клиномъ; d) запоръ, e) каменный столбъ, f) черенокъ, прививокъ У позднѣйшихъ: колоннада, галлерея. Въ Византіи существовалъ обычай, что промышляющіе женщинами предлагали ихъ на блудодѣяніе открыто, на публичныхъ мѣстахъ города (de aedif. c. 9. p. 199, Malalas, p. 440), конечно и въ портикахъ, какъ мѣстахъ тоже публичныхъ. Отсюда: embolarias (feminas). Но чтобы всѣ галлереи города, и вообще все, что называлось ἐμβόλοι,—были блудодѣйственными домами,—этого никакъ нельзя сказать —Папарригопулъ подъ ἔμβολος разумѣетъ бѣдный домъ, въ которомъ кающіяся женщины проводили свою жизнь: ἐπέστρεψεν (Θεοδώρα) εἰς τὴν προτεύουσαν, καὶ μετέβαλεν αὐτόθι τρόπον ζωῆς. Ἀποχωρήσασα εἰς οἰκίαν πενιχράν, ἣν βραδύτερον μετεσκεύασεν εἰς πολυτελὲς καταγώγιον τῶν γυναικῶν ὅσαι ἀπετάσσοντο τῷ ἀσώτῳ βίῳ, ἐπορίζετο τὰ πρὸς διατροφὴν νήθουσα ἔρια καὶ περὶ ἄλλα γυναικεῖα ἔργα ἀσχολουμένη (Παπαῤῥήγ. Ш. p 101).—Θеофилъ въ жизни Юстиніана говоритъ о Θеодорѣ такимъ образомъ: «Юстиніанъ женился (duxit) на превосходной отроковицѣ Θеодорѣ, хотя мать его Вигленица (Bigleniza) и противилась (этому); потому что она очень страшилась качествъ (indolem) отроковицы, хотя весьма красивой и чрезвычайно умной, но очень неустойчивой (levioris) и надмѣнной, какъ бы *въ будущемъ* она *когда*

ніаномъ она сохранила вполнѣ цѣломудренную жизнь. Самъ Прокопій въ Аrcana нашелся возможнымъ только сказать,—и то въ качествѣ слуха, откуда-то взя-

---

нибудь не повредила счастію и *благочестію* сына, въ особенности же потому, что нѣкоторая старуха занимавшаяся предвѣщаніями, предрекла Вигленизѣ, спросившей чрезъ нее вѣщаніе судьбы, что Ѳеодора будетъ Демонодорой (Daemonodoram) для римской имперіи и что она сокрушитъ правоту Юстиніана (inflexuramque rectitudinem Justiniani) (Notae Alem. p. 415) Такимъ образомъ благочестіе (pietas) и правота (rectitudo) Юстиніана выставляются, какъ безспорно данныя; сомнѣніе выражается только относительно будущаго поведенія Ѳеодоры, но и то на основаніи не настоящей минуты, а вообще всего прошлаго ея поведенія (какъ-то плохо вѣрилось въ искренность ея раскаянія), и потому, что худо предрекла о ней вѣщунья—старуха. — Не мѣшаетъ принять здѣсь во вниманіе и самый текстъ Юстинова эдикта о сценическихъ женщинахъ «Полагая, гласитъ онъ, что особенность императорскаго благоволенія заключается въ томъ, чтобы во всякое время заботиться какъ объ изысканіи полезнаго для подданныхъ, такъ и объ томъ, чтобы исправлять ихъ, мы поставляемъ также и о падшихъ женщинахъ, избравшихъ недостойное чести сожительство вслѣдствіе слабости пола, съ цѣлію оказать имъ помощь къ должному воздержанію· никакимъ образомъ не отнимать у нихъ надежды лучшаго условія (жизни), чтобы, взирая на него, онѣ тѣмъ легче оставляли непредвидѣнный и малочестныи выборъ Ибо мы думаемъ, что въ этомъ будетъ заключаться наше подражаніе, насколько это возможно для человѣческой природы, благоволенію и безмѣрному къ человѣческому роду милосердію Бога, который всегда снисходитъ къ ежедневнымъ грѣхамъ людей и принимаетъ наше покаяніе и возводитъ въ лучшее положеніе. Почему намъ кажется, что мы не будемъ достоины никакой милости, если еще мы будемъ медлить примѣнять власть относительно нашихъ подданныхъ (въ указанномъ смыслѣ). Итакъ, было бы несправедливо, если рабы, именно получившіе свободу, возвращенные, по Божественному снисхожденію, къ ихъ родственникамъ, могутъ послѣ того такъ пользоваться первымъ (principale) благодѣяніемъ этого рода, какъ если бы они никогда не были въ рабствѣ, но были рождены свободными, — женщины же, которыя хотя прежде и принадлежали къ разряду непотребныхъ сценическихъ женщинъ, однакожъ послѣ, презрѣвъ дурной образъ жизни, перешли къ лучшему мнѣнію и бросили безчестный промыселъ, не имѣютъ никакой надежды на первое (principalis) благодѣяніе, которое снова привело бы ихъ въ то положеніе, въ которомъ онѣ могли прожить, если бы не вступили на путь безчестной жизни Настоящимъ милостивѣйшимъ постановленіемъ мы даруемъ имъ въ семъ законѣ первое (principale) благодѣяніе, да будетъ дозволено имъ, — если онѣ, *оставивъ дурной и безчестный образъ жизни, стали вести*

таго,—что послѣ брака съ Юстиніаномъ Ѳеодора вступила въ связь съ демонами, которые прогоняли прежнихъ ея любовниковъ отъ ея дворца. Нужно думать,

---

жизнь приличную и хранить свою честь,— просить наше величество о томъ, чтобы безъ опасности воспользоваться божественными рескриптами, позволяющими вступать имъ въ законное супружество»..... Nam omni macula penitus direpta, et quasi suis natalibus hujusmodi mulieribus redditis, neque vocabulum inhonestum eis inhaerere de caetero volumus, neque differentiam aliquam eas habere cum iis, quae nihil simile peccaverunt... И въ концѣ выразительно замѣчаетъ His vero etiam non intercedentibus, omnimodo firma sint sine aliqua distinctione personarum, si modo liberae sint et ingenuae mulieres, nullaque nefariarum, vel incestarum conjunctionum suberit suspicio: nam nefarios et incestos coitus omnibus modis amputamus, sicut et illos qui praeteritarum legum sanctione specialiter vetiti sunt (Notae Alem. p. 387—389) Впослѣдствіи Юстиніанъ неоднократно подтверждалъ этотъ законъ въ своихъ новеллахъ (89-ой и 117-ой).—Гиббонъ рисуетъ такую картину бракосочетанія Юстиніана съ Ѳеодорой «въ сознаніи своего приближающагося величія она возвратилась изъ Пафлагоніи въ Константинополь, тотчасъ же приняла приличную ловкой актрисѣ роль, помогала своей бѣдности похвальнымъ трудомъ пряденія шерсти и притворно повела (erkunstelte) въ небольшемъ дому, который послѣ она превратила въ великолѣпный храмъ, цѣломудренную и уединенную жизнь. Красота ея съ помощію искусства или случая привлекла патриція Юстиніана, который подъ именемъ своего дяди обладалъ уже неограниченною властію, приковала его, крѣпко держала его. Можетъ быть, она съумѣла возвысить достоинство дара, который она такъ часто примѣняла къ поддонкамъ человѣческаго рода, можетъ быть она возжгла вожделѣніе любовника, по природѣ или набожности долгое время предававшагося воздержанію и умѣренной пищи, прежде всего цѣломудреннымъ сопротивленіемъ и наконецъ чувственными приманками. Послѣ того какъ первый восторгъ былъ заложенъ, она сохраняла туже самую власть надъ его духомъ посредствомъ постоянной угодливости душевному расположенію и силою разума (Klugheit). Юстиніанъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы возвышать предметъ своей страсти и обогащать, сокровища дяди посыпались къ ея ногамъ, и племянникъ Юстина, можетъ быть по религіозному побужденію совѣсти, рѣшился дать своей наложницѣ освященный характеръ законной супруги. Но римскіе законы нарочито воспрещали бракъ сенатора съ женщиной, которая обезчещена рабскимъ происхожденіемъ или театральнымъ ремесломъ: императрица Евѳимія, варварскаго рода и грубыхъ нравовъ, но безпорочнаго поведенія, отказалась признать племянницей безчестную дѣвку; даже сама Вигилянція (Vigilantia), суевѣрная мать Юстиніана, серьѣзно страшилась, хотя и отдавала справедливость уму и красотѣ Ѳео-

что бурная жизнь блудницы оставила глубокое впечатлѣніе въ душѣ Ѳеодоры: то была жизнь исполненная скорбей и страданій, физическихъ и нравствен-

---

доры, чтобы легкомысліе и высокомѣріе этой хитрой любовницы не повредило благочестію и счастію ея сына Всѣ эти препятствія были преобѣждены непреклонной настойчивостію Юстиніана. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ смерти императрицы, онъ презрѣлъ слезы своей матери, которая предалась тяжести своего горя, и», по изданіи эдикта о сценическихъ женщинахъ, «скоро послѣдовало торжественное сочетаніе Юстиніана и Ѳеодоры» (Gibbon, col. 1341—1342) Какъ видно, англійскій историкъ задался цѣлію создать нѣчто среднее изъ данныхъ исторіи о бракѣ Юстиніана съ Ѳеодорой, связать разсказъ Прокопія и соображенія Алеманна съ императорскимъ указомъ о сценическихъ женщинахъ, со свидѣтельствомъ анонимнаго автора «Древностей Константинополя» и съ показаніемъ о Ѳеодорѣ Ѳеофила, учителя Юстиніана, — соединить «благочестіе» и «правоту» съ безумной страстью удовлетворяющаго своимъ вожделѣніямъ любовника, раскаяніе и рѣшимость исправить свою жизнь съ коварнымъ и утонченнымъ сладострастіемъ, воздержность и трезвость съ невоздержаніемъ и сладострастнымъ упоеньемъ Въ результатѣ получается картина механическаго сцѣпленія разнородныхъ частей, довольно туманная и полная противорѣчій, или же—крайняго лицемѣрія. Характеръ византійца вообще и Юстиніана въ частности, какъ онъ открывается изъ исторіи, исчезаетъ и скорѣе рисуется въ воображеніи типъ англичанина, который нынѣ, ради своихъ интересовъ, дѣлается туркомъ, а завтра съ спокойной совѣстію, какъ бы ничего не случилось, идетъ въ христіанскую церковь, какъ усерднѣйшій христіанинъ (Beschreibung des gegenwart. Zustandes deren unter der Türk. Tyrann. seuffzend. Griech. und Armen Kirchen durch Ricaut. p. 61. col. 2: Dahero mich offt nicht wenig schmertzet, wann ich sehe, wie manche elende Englische Renegaten, nachdem sie vorher in der Barbarey und in Türckeyen ihren Erloser verlaugnet, endlichen aber der Mahometischen Manier, deren sie nicht gewohnet, überdrussig worden, und etwa Gelegenheit gefunden, sich in Engeland zu fluchten, daselbsten mit solcher Treustigkeit in die Kirche gehen, und den heiligen Versammlungen beywohnen, nicht anders, als wann sie allzeit die Glaubigste und eyfrigste Christen gewesen waren), нынѣ предается упоенью сладострастія, какъ богатый баронъ, а завтра совершаетъ обряды христіанскаго благочестія ... Изамберъ не соглашается съ мнѣніемъ Гиббона, что Юстиніанъ былъ воздержепъ относительно женщинъ· Quant à la chasteté de Justinien, elle est démentie par ce fait, qu'il eut lui-même un fils naturel. Затѣмъ, приведя вышеуказанное свидѣтельство Ѳеофана византійца о нѣкоемъ Ѳеодорѣ Зирѣ, сынѣ Юстиніана, говоритъ далѣе: «или этотъ Юстиніанъ не есть предшественникъ Юстина II, или Зиръ былъ дитею его любодѣянія, и, какъ таковое, благочестивый и православный императоръ не осмѣливался представить

ныхъ; то была жизнь униженія и позора, насилія и какого-то скотскаго забытья въ оргіяхъ. Сдѣлавшись царицею, Ѳеодора поставила какъ бы своею священною обязанностію покровительствовать несчастнымъ жертвамъ увлеченія, случая или обмана. Въ Византіи существовала масса содержателей домовъ терпимости, которые, не довольствуясь тою прибылью, которую они получали въ домахъ терпимости отъ блудницъ, уже заматорѣлыхъ во злѣ, ходили еще по городамъ и деревнямъ и, заключивъ здѣсь условіе съ родителями за нѣсколько мелкихъ монетъ, брали у нихъ дочерей, приводили ихъ въ Византію и, нарядивъ въ одежду блудницъ, выставляли ихъ на публичныхъ площадяхъ для отдачи на поруганіе, хотя и противъ ихъ желанія, всякому встрѣчному бездѣльнику. Ѳеодора повелѣла схватить всѣхъ этихъ продавцевъ женской красоты и невинности и привести ихъ къ себѣ. Спрошенные о количествѣ денегъ, выданныхъ ими за каждую дѣвицу, они подъ клятвою сознались, что по пяти мелкихъ монетъ. Императрица повелѣла выдать имъ истраченную ими сумму денегъ и такимъ образомъ освободила дѣвицъ отъ гнуснѣйшаго рабства. На будущее время подобный промыселъ женской стыдливостію былъ воспрещенъ абсолютно. Освобожденныхъ дѣвицъ царица надѣлила

его двору даже послѣ смерти Ѳеодоры, а еще менѣе сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ». Далѣе Изамберъ отвергаетъ догадку Алеманна, что Юстиніанъ получилъ этого сына послѣ смерти Ѳеодоры (въ 548 г.), когда ему было не менѣе 39 лѣтъ и когда онъ всецѣло былъ поглощенъ заботами о дѣлахъ государства. «Напротивъ, разсуждаетъ онъ послѣ этого, болѣе вѣроятно то, что онъ получилъ онаго во время своего супружества (Il est plus vraisemblable, au contraire, qu'il l'eut pendant son mariage), но скрывалъ его при жизни Ѳеодоры, которая въ теченіе всей своей жизни имѣла рѣшительное на него вліяніе» (Isamb. p. 257—258). Эта догадка Изамбера намъ представляется еще менѣе вѣроятной. Если Юстиніанъ имѣлъ побочнаго сына, то получилъ его не иначе, какъ въ молодости, когда былъ простымъ солдатомъ или офицеромъ. Свидѣтельство Ѳеофана относится къ 572 году: не слишкомъ ли старъ Ѳеодоръ Зиръ для этого?....

одеждою, одарила деньгами и затѣмъ отпустила. А для исправленія публичныхъ женщинъ, по согласію съ Юстиніаномъ, превратила императорскій дворецъ, находящійся по ту сторону пролива въ Анаплѣ, въ женскій монастырь, назначенный для кающихся проститутокъ и потому названный монастыремъ „Покаянія". „И царь и царица дали этому монастырю большіе доходы и, для доставленія въ будущемъ услады женщинамъ, построили множество отлично убранныхъ и украшенныхъ помѣщеній, чтобы какая нибудь нужда въ будущемъ не нарушила какимъ нибудь образомъ ихъ заботу о цѣломудренномъ воздержаніи" (*σωφροσύνης*). Исправившихся грѣшницъ всемѣрно старались пристраивать выдачею ихъ въ замужество. Вообще, по оставленіи разгульной жизни, Ѳеодора предалась благочестію, принимала дѣятельное участіе въ постройкахъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, въ созданіи и украшеніи храмовъ, въ построеніи городовъ, во вспомоществованіи бѣднымъ и т. п. (1).

---

(1) Gotth l III. c. 31. p. 407· *ἡ βασιλὶς γὰρ ἐπεφύκει ἀεὶ δυστυχούσαις ξυναιξὶ βοηθεῖν*. De aedif. l. I. c. 9. p. 199—200; c. 11. p 205—208. Malalas, p. 423· *ὁμοίως δὲ καὶ ἡ εὐσεβεστάτη Θεοδώρα καὶ αὐτὴ πολλὰ τῇ πόλει παρέσχεν. ἔκτισε δὲ καὶ οἶκον τοῦ ἀρχαγγέλου Μιχαὴλ εὐπρεπέστατον πάνυ· ἔκτισε δὲ καὶ τὴν λεγομένην Ἀνατολίου βασιλικήν, πέμψας τοὺς κίονας ἀπὸ Κωνσταντινουπόλεως. ἡ δὲ αὐτὴ Αὔγουστα Θεοδώρα, ποιήσασα σταυρὸν πολύτιμον διὰ μαργαριτῶν ἔπεμψεν ἐν Ἱεροσολύμοις;* p. 440 *ἡ εὐσεβὴς Θεοδώρα μετὰ καὶ τῶν ἄλλων αὐτῆς ἀγαθῶν ἐποίησε καὶ τοῦτο*, затѣмъ слѣдуетъ описаніе продажи дѣвицъ на поруганіе. p. 441: *ἐξώρμησεν ἡ αὐτὴ Αὔγουστα Θεοδώρα εἰς τὸ λεγόμενον Πύθιον.... καὶ πολλα χαρισαμένη ταῖς κατὰ τόπον ἐκκλησίαις ὑπέστρεψεν ἐν Κωνσταντινουπόλει.* Theoph. Chron. p. 286. Павелъ Силенціарій, въ описаніи св Софіи, называетъ Ѳеодору «благочестивой помощницей» (*εὐσεβῆ συνεργάτιν*) императора (Migne, patrol. curs. compl. t. LXXXVI. ser. Gr. col. 2122).—Іоаннъ Лидянинъ называетъ Ѳеодору «женщиной, которая съ состраданіемъ бодрствуетъ надъ несправедливо обиженными» (*γυνή,... συμπαθείᾳ τῶν ἀδικουμένων ἀγρυπνοῦσα.* Joann. Lyd. de Magistratibns, ed. Bonn. l. III. c. 69. p. 263. Также: Novell 14 de lenonibus —Baron. an. 535. n. C.). Между тѣмъ Прокопій въ Аrcana порицаетъ въ Ѳеодорѣ все, къ чему другіе пи-

Граціозная и все еще прекрасная собою, не смотря на излишества прежней жизни, Θеодора была одарена геніальнымъ умомъ, къ тому же просвѣщеннымъ изученіемъ литературы своего времени, и потому ставящимъ ее выше всѣхъ женщинъ своего времени. Она какъ будто рождена была для царской власти и какъ бы никогда не проходила суровую школу отверженной женщины. Изъ актрисы театра, соотвѣтствующаго нынѣшнему театру-буффъ, она съумѣла нравственно возвыситься до степени сознающаго свое достоинство природнаго государя: вліяніе ея на Юстиніана, и какъ на мужа. и какъ на государственнаго человѣка, постоянно усиливалось; она сдѣлалась всегдашней его совѣтницей во всѣхъ дѣлахъ государства; онъ сдѣлалъ ее участницею въ дѣйствительномъ управленіи имперіей и потребовалъ отъ подданныхъ присяги въ вѣрности ей наравнѣ съ собою. Дѣла Юстиніана суть въ тоже время и ея дѣла (1).

сатели относятся съ сочувствіемъ и что онъ самъ похвалилъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Учрежденіе монастыря «Покаянія» есть, по его мнѣнію, актъ насилія надъ блудницами: *ἀλλὰ καὶ ὑπὲρ ἁμαρτάδων τῶν ἐς τὸ σῶμα κολάσεις τῇ Θεοδώρᾳ ἐπινοεῖν ἐπιμελὲς ἦν πόρνας ἀμέλει πλέον ἢ πεντακοσίας ἀγείρασα ἐν ἀγορᾷ μέσῃ ἐς τριώβολον, ὅσον ἀποξῆν μισθαρνούσας, ἐς τε τὴν ἀντιπέρας ἤπειρον στείλασα ἐν τῷ καλουμένῳ Μετανοίας μοναστηρίῳ καθεῖρξε τὸν βίον μεταμφιέσασθαι ἀναγκάξουσα ὧν δή τινες ἐρρίπτουν αὐτὰς ἀφ' ὑψηλοῦ νύκτωρ, ταύτῃ τε τῆς ἀκουσίου μεταβολῆς ἀπηλλάσσοντο* (Arc. c. 17 p. 101) Далѣе онъ говоритъ, что вслѣдствіе покровительства императрицы проституткамъ развился развратъ· жены, надѣясь на императрицу и отбросивъ страхъ предъ мужьями, предались разврату. мужьямъ стало жить плохо. Доказательствъ на это Прокопій не приводитъ, а если и приводитъ какія доказательства, то они не идутъ къ дѣлу, напр разсказъ о Сатурнинѣ и Хрисомалло (Arc. c. 17).

(1) De aedific. l. I c. 11 p. 205. 206, Gotth. l. III. c. 30. p. 401; Arc. c. 9. p. 60. Павелъ Силенціарій называетъ ее «превосходной, прекрасной и всемудрой царицей» (Migne, patr. curs compl. t LXXXVI. ser. Gr. col 2122). Іоаннъ Лидянинъ говоритъ, что «она превосходила силою разума все, что̀ когда-либо существовало» (De magistrat. c. 69 p. 263). Прекраснѣйшей характеристикой ея можетъ служить рѣчь, держанная ею

Безспорное согласіе и совѣтное дѣйствованіе Юстиніана и Ѳеодоры невольно заставляютъ думать изслѣдователя, что Ѳеодора точно также держалась православнаго ученія, какъ и самъ Юстиніанъ. Но

къ императору и его совѣтникамъ и полководцамъ во время возстанія «Ника» (въ 532 г.) «лишнимъ было бы теперь,—сказала она,—кажется, разсуждать о томъ, что женщинѣ неприлично быть отважною — между мужчинами, когда другіе находятся въ нерѣшимости, что имъ дѣлать или чего не дѣлать. При столь опасномъ положеніи, должно обращать вниманіе единственно на то, чтобы устроить предстоящія дѣла лучшимъ образомъ. По моему мнѣнію, бѣгство теперь, больше чѣмъ когда нибудь, невыгодно, хотя бы оно вело и къ спасенію. Тому, кто пришелъ на свѣтъ, нельзя не умереть; но тому, кто однажды царствовалъ, скитаться изгнанникомъ невыносимо! Не дай Богъ мнѣ лишиться этой багряницы и дожить до того дня, въ который встрѣчающіеся со мною не будутъ привѣтствовать меня царицей! Итакъ, государь! если хочешь спасти себя бѣгствомъ, это не трудно! У насъ много денегъ; вотъ море, вотъ суда, но смотри, чтобъ послѣ, когда ты будешь спасенъ, не пришлось тебѣ, когда нибудь, предпочитать смерть такому спасенію. Нравится мнѣ старинное слово, что царская власть прекрасный саванъ» (Pers. l. 1. c. 24). Nov. VIII. c. 3: Testor ego jurando omnipotentem Deum, et unigenitum Filium ejus Deum nostrum Jesum Christum, et Spiritum sanctum, necnon sanctam, ac gloriosam Dei genitricem, et perpetuo virginem Mariam, et quatuor Evangelia, quae hisce manibus teneo, et sanctos archangelos Michaelem et Gabrielem, quod sacratissimis et pientissimis dominis nostris Justiniano, et Theodorae conjugi potentiae illius existenti, occasione concessi mihi ab illorum pietate officii, puram conscientiam et genuinum praestaturus sum servitium. Въ собраніи относящихся къ церкви новеллъ и законовъ Юстиніана, помѣщенныхъ у Миня (t. LXXII. ser. Lat.), эта присяга помѣчена особою новеллой (IX); но изъ содержанія VIII новеллы, слѣдующаго за нею эдикта и этой присяги видно, что они суть не болѣе какъ три части одной и той же новеллы.—У Кассіодора помѣщена переписка Ѳеодоры, показывающая ея образованность (X, 10. 20. 21. 23, Migne, patr. curs. compl. LXIX. ser. Lat. col. 804. 811—815). Ѳеофилъ въ жизни Юстиніана называетъ ее scitissima et eruditissima puella (Notae Alem. p. 415). Прокопій въ Аrcana приводитъ два ея письма (c. 2. p. 24; c. 4. p. 33). Въ 15 главѣ Тайной исторіи Прокопій описываетъ обыденную жизнь Ѳеодоры, какъ очень изнѣженной барыни, занятой ублаженіемъ своего собственнаго тѣла посредствомъ продолжительнаго сна, изысканно-роскошныхъ яствъ, баней, замѣчая, впрочемъ, при этомъ, что остающееся свободнымъ послѣ этого время она посвящала дѣламъ государства: *εἰς πᾶσάν τε οὕτως ἀκρασίας ἐκπεπτωκυῖα τρίβον ἐς τόσον ἦμέρας καιρὸν ἅπασαν διοικεῖσθαι ἠξίου τὴν Ῥωμαίων ἀρχήν* (p. 92).

этому естественному и необходимому выводу изъ предыдущихъ посылокъ, какъ безспорно данныхъ, противорѣчитъ свидѣтельство нѣкоторыхъ современныхъ ей писателей, что она придерживалась монофизитскаго ученія и покровительствовала монофизитамъ. Изъ сличенія между собою и съ общимъ положеніемъ государства всѣхъ относящихся къ этому вопросу обстоятельствъ и дѣйствующихъ лицъ наиболѣе вѣроятнымъ представляется слѣдующее. Религіозное броженіе повсюду было сильно и раздѣляло всю имперію на группы. Естественно, каждая группа искала поддержки и праваго суда у трона, выставляя здѣсь себя православною и несправедливо гонимою. Очень понятно также и то, что, при обращеніи къ трону за правымъ судомъ и поддержкою, группы должны были раздѣляться, и — одна искать заступничества у одного изъ царствующихъ лицъ, а другая — у другаго. Задавшись цѣлію болѣе или менѣе объединить умы своихъ подданыхъ, императоръ и императрица не могли при этомъ исключительно положиться на одну только какую нибудь группу и безпощадно преслѣдовать всѣ прочія. Многое въ этихъ ссорахъ группъ происходило отъ недоразумѣній и многое отъ обмана простыхъ людей ихъ хитрыми вожаками. Высота положенія царствующихъ лицъ заставляла ихъ становиться выше мелкихъ дрязгъ борющихся партій. Притомъ же, рѣзко стать на сторону одной какой-либо партіи и оказывать явную несправедливость и жестокость по отношенію ко всѣмъ прочимъ значило подвергнуть крайней опасности самую царскую власть свою и обладаніе тономъ. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если, при равноправномъ и совѣтномъ управленіи государствомъ, выходило у Юстиніана съ Ѳеодорой кажущееся разногласіе въ ихъ отношеніяхъ къ подданнымъ. Оно естественно и, какъ нужно думать, даже нѣсколько преднамѣренно. Обстоятельства времени, какъ увидимъ, вызывали это видимое раздвоеніе. Оно было своего рода мудрой политикой, на-

правленной для лучшаго достиженія предначертанныхъ цѣлей. Замѣчательно, что наиболѣе рѣзко оно стало проявляться со времени возстанія „Ника“ (1).

---

(1) Либератъ изображаетъ Ѳеодору приверженною къ монофизитизму (с. 21 22), равно также и Викторъ тунисскій (Chronic. an. 529. 540. 543). Кириллъ скиѳопольскій въ жизни св Саввы повѣствуетъ, что, когда Савва, по нуждамъ іерусалимской церкви, пришелъ въ Константинополь, съ честію принятъ здѣсь императоромъ и императрицей, и когда Августа попросила его, чтобы онъ помолился Богу о дарованіи ей сына; то св. старецъ отвѣтилъ ей: «Господь славы да сохранитъ ваше царство въ благочестіи и побѣдѣ», когда же окружавшіе старцы спросили его, почему онъ далъ такой уклончивый и печальный отвѣтъ царицѣ, — онъ отвѣтилъ имъ «повѣрьте мнѣ, братіе, не изыдетъ плодъ отъ чрева ея, чтобы не набрался догматовъ Севера и не возмутилъ церковь хуже, чѣмъ Анастасій» (с. 71) Этотъ отвѣтъ св. Саввы даетъ право заключить,— хотя и не прямымъ образомъ, — что Ѳеодора была привержена къ ереси Севера. Евагрій, хотя и нерѣшительно, даетъ болѣе опредѣленную мысль о политикѣ Юстиніана и Ѳеодоры: «Юстиніанъ твердо стоялъ за отцевъ халкидонскаго собора и за ихъ постановленія, а его супруга, Ѳеодора, за исповѣдниковъ одного естества Дѣйствительно ли это такъ было,— потому что въ дѣлѣ вѣры иногда отцы не соглашаются съ дѣтьми, дѣти съ родителями, жена съ своимъ мужемъ, мужъ съ своею женою,— *или они ради нѣкоего домостроительства* (*κατὰ τινα οἰκονομίαν*—ради мудрой политики. (См. выше, стр. 178—179) Русскій переводъ здѣсь неправиленъ Валезій переводитъ *οἰκονομίαν* словомъ simulationem. Тоже не точно Ближе подходитъ слово dispensatio, которымъ обыкновенно латиняне переводятъ слово *οἰκονομία*, и Валезій несправедливо ратуетъ противъ него) *положили*, чтобы одинъ защищалъ исповѣдовавшихъ единеніе двухъ естествъ во Христѣ, Богѣ нашемъ, а другая — признававшихъ одно естество. какъ бы то ни было, по ни та, ни другая сторона не уступала Юстиніанъ со всѣмъ усердіемъ защищалъ то, что было постановлено въ Халкидонѣ, а Ѳеодора, держась противнаго мнѣнія, всячески заботилась о тѣхъ, которые признавали одно естество, и, *показывая полную благосклонность къ нашимъ*, въ тоже время раздавала великіе дары и чужимъ *καὶ τοὺς γε ἡμεδαποὺς περιέθαλπε, καὶ τοὺς ἀλλοδαποὺς μεγάλοις χρήμασιν ἐδεξιοῦτο* (I IV. с. 10) Что бы ни разумѣли подъ *ἡμεδαποὺς*, православныхъ или каѳоликовъ, или же восточныхъ т. е. вообще акефаловъ (см. Annotat Vales.), во всякомъ случаѣ это слово составляетъ противоположеніе *ἀλλοδαποὺς* — еретикамъ, или же западнымъ, т. е. православнымъ. Въ томъ и другомъ случаѣ выходитъ, что Ѳеодора оказывала покровительство и благосклонность и тѣмъ и другимъ, монофизитамъ и православнымъ. Но какъ бы то ни было, на основаніи приведенныхъ данныхъ обыкновенно считаютъ Ѳеодо-

Упомянутый діаконъ великой константинопольской Софійской церкви, Агапитъ, приподнесъ Юстиніану „Царскій свитокъ“ (*σχεδὸν βασιλικὸν*), заключающій

ру послѣдовательницей и покровительницей монофизитовъ. Папа Агапитъ, извѣщая синодальнымъ посланіемъ Петра, патр. іерусалимскаго, и прочихъ патріарховъ и епископовъ объ избраніи Мины на мѣсто Анѳима, говоритъ: «поруганіе же константинопольскаго престола мы исправили при Божіей помощи апостольскому авторитету и *при содѣйствіи благочестивѣйшихъ императоровъ* (et adjutorio fidelissimorum imperatorum. Hard. t. II. c. 1226), изъ чего прежде всего слѣдуетъ, что 1) и Ѳеодора содѣйствовала низложенію Анѳима, когда узнала, что онъ еретикъ (подробнѣе объ этомъ будетъ сказано ниже), и что 2) извѣстіе Виктора туниссkаго, будто Агапитъ «лишилъ общенія августу Ѳеодору, какъ покровительницу Анѳима» (an 540), не имѣетъ никакого твердаго основанія, а потому должно быть принято за выдумку или слухъ, неизвѣстно кѣмъ и какъ пущенный и распространенный Вслѣдствіе этого необходимо должно потерять значительную долю важности и все его повѣствованіе.. Равно и разсказъ Либерата, какъ африканца одной партіи съ Викторомъ туниссkимъ и пользовавшагося тѣми же самыми слухами и источниками, какими и этотъ послѣдній, получаетъ невеликую цѣну, тѣмъ болѣе, что и въ другихъ отношеніяхъ онъ не отличается особенною точностію. Какъ могли на западѣ распространяться невѣрные слухи относительно разбираемаго вопроса, лучше всего можно видѣть изъ LI письма папы Григорія Двоеслова (великаго), гдѣ онъ говоритъ «послѣ того, какъ блаженной памяти папа Вигиліи, въ бытность свою въ царствующемъ градѣ, произнесъ осужденіе противъ Ѳеодоры, тогда августы, или акефаловъ»... Осужденія противъ Ѳеодоры Вигилій не произносилъ никакого и въ этомъ отношеніи справедливо примѣчаніе издателей писемъ Григорія Damnatum a Vigilio Theodorum Caesariensem episcopum legimus in epistola ejusdem Vigilii 15, cujus etiam damnationis fragmentum extat post decimam sextam Vigilii epistolam, tomo V Concil. p. 334 (по Harduin'y. t III. col 8—10). At nulla sententiae adversus Theodoram Augustam latae occurrit mentio (Migne, Patr. curs. compl t. LXXVII Ser. Lat. col. 394. not. f). Для объясненія приведеннаго мнѣнія Григорія Двоеслова нѣтъ другаго основанія, кромѣ того, что онъ по слухамъ смѣшивалъ Ѳеодору съ акефалами и отнесъ къ ней осужденіе папы Вигилія. Далѣе издатели замѣчаютъ: Damnata procul dubio dicitur, damnatis Acephalis, quorum partibus erat addicta (ibid.). Также думаетъ и Пагій (Notae, ad n. I—XXVI. an. 547, net. 3). Но вопросъ въ томъ именно и заключается, дѣйствительно ли она принадлежала къ партіи акефаловъ? и подлинно ли Вигилій имѣлъ ее въ виду, когда осудилъ Ѳеодора кесарійскаго и акефаловъ? Догадка эта крайне произвольна, противорѣчитъ фактамъ (Theoph. Chron. p. 350) и можетъ только покоиться на желаніи католиковъ показать, что Григорій великій,

въ себѣ правила, какъ православный государь долженъ управлять своими подданными. Кто былъ этотъ діаконъ Агапитъ, какую особенную должность онъ занималъ въ

какъ папа, и въ данномъ случаѣ не могъ ошибаться —Прокопій говоритъ въ Аггапа, что Юстиніанъ и Ѳеодора ничего не предпринимали безъ общаго согласія; ибо, хотя долгое время они и показывали всѣмъ, что они расходятся между собою во всѣхъ мнѣніяхъ и предпріятіяхъ, однакожъ позднѣе, наконецъ, познано было, что они умышленно принимали на себя такой видъ притворства, чтобы подданные, согласившись между собою, не возбудили противъ нихъ возстанія. Ибо прежде всего они раздѣлили своими притворными заботами, направленными въ разныя стороны, христіанъ уже и безъ того раздѣлившихся между собою, а потомъ и партіи цирка Ѳеодора притворилась, что она въ высшей степени усердствуетъ венетамъ, давъ имъ позволеніе совершать всякія насилія и беззаконія относительно своихъ противниковъ Юстиніанъ же показывалъ видъ, что онъ сильно негодуетъ на это, но не можетъ противодѣйствовать своей супругѣ или издать распоряженія, противныя ея волѣ. Нерѣдко, впрочемъ, и Юстиніанъ обнаруживалъ видъ власти, потому что онъ опредѣлялъ наказанія за злодѣянія. Ѳеодора же тогда притворялась, что сильно негодуетъ на это, но что по-неволѣ она должна уступать своему мужу. Этимъ родомъ хитрости,—тайно соглашаясь между собою, явно же притворясь разномыслящими,—они тѣмъ тверже закрѣпляли за собою тиранію (*χρόνον μὲν γὰρ πολὺν ἔδοξαν ἅπασι ταῖς γνώμαις ἀεὶ καὶ τοῖς ἐπιτηδεύμασι κατα ντικρὺ ἀλλήλοιν ἰέναι, ὕστερον μέντοι ἐξεπίτηδες αὐτοῦν ξυμπεπλάσθαι ἡ δόκησις αὕτη ἐγνώσθη, τοῦ μὴ ξυμφρονήσαντας τοὺς κατηκόους σφίσιν ἐπαναστῆναι, ἀλλὰ διεστάναι τὰς γνώμας ἐπ᾽ αὐτοὺς ἅπασι. πρῶτα μὲν οὖν τοὺς χριστιανοὺς διαναστήσαντες καὶ τὴν ἐναντίαν ἔν γε τοῖς ἀντιλεγομένοις σκηπτομένῳ ἀλλήλοιν ἰέναι διεσπάσαντο οὕτως ἅπαντας, ὥσπερ μοι λελέξεται οὐ πολλῷ ὕστερον, ἔπειτα δὲ τοὺς στασιώτας διείλοντο..... τούτοις τε ἀεὶ τοῖς μηχανήμασιν ἐν σφίσι μὲν αὐτοῖς ξυμφρονοῦντες, ἐς δὲ τὸ ἐμφανὲς στασιάζειν ποιούμενοι, διαστήσασθαί τε τοὺς ὑπηκόους καὶ τὴν τυραννίδα βεβαιότατα κρατύνεσθαι ἔσχον.* с. 10. р. 69—71. Слич. с. 17 р. 100—101) Что императоръ намѣренно производилъ раздѣленія между христіанами, это противорѣчитъ исторіи. Да и самъ Прокопій въ другомъ мѣстѣ Агсапа говоритъ, что императоръ ревновалъ соединить всѣхъ своихъ подданныхъ въ одной вѣрѣ во Христа (с. 13. р. 84). Въ седмой главѣ Агсапа (р. 47) Прокопій утверждаетъ, что Юстиніанъ прилагалъ особенную ревность къ партіи венетовъ, которую онъ избралъ издавна О пристрастіи Юстиніана къ голубымъ или венетамъ говоритъ также и Евагрій: «замѣчалось въ Юстиніанѣ и другое кое-что, превосходившее всякую звѣрскость. Была ли въ немъ такая черта слѣдствіемъ естественнаго разстройства, или его трусливости и опасеній,—сказать не

многочисленномъ клирѣ великой Софійской церкви, и въ какихъ отношеніяхъ находился къ Юстиніану?— все это пока еще доселѣ остается вопросомъ и можетъ подлежать особому изысканію. То обстоятельство, что онъ, *діаконъ*, осмѣлился приподнести *государю* свитокъ, заключающій правила и наставленія, какъ долженъ царь управлять своими подданными, показываетъ, что 1) онъ находился въ очень близкихъ отношеніяхъ къ государю и что 2) близость этихъ отношеній простиралась до того, что онъ счелъ себя вправѣ дать письменныя наставленія государю и питалъ надежду, что государь послѣдуетъ его наставленіямъ. Когда написанъ и приподнесенъ этотъ „Свитокъ“, трудно опредѣлить точнымъ образомъ: на основаніи нѣкоторыхъ главъ его (1) нужно думать,

---

могу, только это началось съ народнаго возмущенія, прозваннаго «Ника» Онъ до того простиралъ свою благосклонность къ одной изъ партій, называвшейся партіей голубыхъ, что она среди бѣлаго дня и въ самомъ городѣ убивала принадлежавшихъ къ партіи противной, и убійцы не только не боялись наказаній, но еще получали награду, отъ чего явилось ихъ множество Они могли и нападать на домы, и грабить находившіяся въ нихъ драгоцѣнности, и за извѣстную плату продавать людямъ ихъ спасеніе», и т д (с. 32), совершенно также, какъ и въ Тайной исторіи Прокопія, какъ будто Евагрій здѣсь списалъ его и только не выставилъ преднамѣреннаго, притворнаго разногласія государей.—Такимъ образомъ остается, что Юстиніанъ и Феодора исповѣдовали одну вѣру; что точно также они и покровительствовали одной только церковной партіи, и что разногласіе въ ихъ мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ было лишь видимое, кажущееся, и притомъ преднамѣренное.— Самъ императоръ Юстиніанъ называетъ свою супругу «благочестивѣйшей» (pientissima) (nov. VIII). Когда онъ во второй разъ отстроилъ св Софію (въ 559 г.), то повелѣлъ начертать вокругъ престола, составленнаго изъ золота, серебра и разныхъ драгоцѣнныхъ камней, такія слова «Твоя отъ твоихъ мы приносимъ Тебѣ Твои, Христе, рабы Юстиніанъ и Феодора; милостиво пріими сіе, Сыне и Слове Божій, за насъ Воплотившійся и Распятый, и сохрани насъ въ вѣрѣ Твоей православной (*καὶ ἡμᾶς ἐν τῇ ὀρθοδόξῳ πίστει σου διατήρησον*),—и государство (*πολιτείαν*), которое Ты намъ вѣрилъ, умножи во свою славу, и сохрани предстательствомъ св. Богородицы и Приснодѣвы Маріи Cedrenus, I. p. 677.

(1) См глав. 18. 33 и 34.

что уже по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ царствованія Юстиніана, по крайней мѣрѣ — послѣ завоеванія вандальскаго царства. Особенность его содержанія, какъ изложеннаго лицемъ духовнымъ, заключается въ томъ, что онъ нигдѣ, ни однимъ словомъ, не намекаетъ на особыя отношенія царя къ духовенству. Какъ граждане, духовные ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ гражданъ, и царь вообще выполнитъ идеалъ царя и заслужитъ любовь подданныхъ, если будетъ царствовать по Богѣ, по любви и по правдѣ. — „Будучи въ высочайшемъ достоинствѣ, о императоръ, выше всѣхъ почитай возведшаго тебя въ сіе достоинство Бога: ибо Онъ, на подобіе своего небеснаго царства, вручилъ тебѣ скипетръ земнаго владѣнія, дабы ты научилъ людей хранить правду и обуздывалъ произносящихъ на Него хулы: повинуясь какъ Его закону, такъ и подданными твоими управляя правосудно“.

„Божественный законъ повелѣваетъ намъ во-первыхъ стараться знать самихъ себя: ибо кто знаетъ самаго себя, тотъ познаетъ Бога, и кто познаетъ Бога, тотъ уподобится Богу; уподобится же Богу тотъ, кто сдѣлается Его достойнымъ. Наконецъ достойнымъ Бога бываетъ тотъ, кто ничего не дѣлаетъ противнаго Богу: и кто какъ думаетъ, что *все Его есть*, такъ то говоритъ, что̀ думаетъ, и то дѣлаетъ, что̀ говоритъ“.

„Человѣкъ ни чрезъ что̀ угоднѣе Богу не бываетъ, какъ дѣланіемъ возможнаго добра. И наисвойственнѣе человѣку есть, онаго и хотѣть и дѣлать. А понеже дана тебѣ отъ Бога власть, которой доброе хотѣніе твое для насъ требовало, всего убо желай и дѣлай то, что̀ угодно Тому, отъ кого ты оную получилъ“.

„Неприступнымъ кажешься ты быть людямъ, въ разсужденіи величества имперіи, которою ты здѣсь владѣешь; но дозволяй свободный входъ всѣмъ, требующимъ твоей милости: и уважая Всевышняго власть,

имѣй отверстыя уши просьбамъ утѣсняемыхъ бѣдностію, да обрящешь и къ себѣ отверстый слухъ Божій. Ибо какъ поступаемъ мы съ нашими рабами, такъ и съ нами поступитъ Господь".

„Лучше всѣхъ государственныхъ вещей вѣнецъ благочестія государя украшаетъ; понеже богатство обращается въ ничто, слава проходитъ, а истинная похвала Богомъ хранимаго царства продолжается въ безсмертные вѣки, и владѣтели онаго внѣ забвенія полагаются".

„Государь по существу своего тѣла равенъ каждому человѣку, но властію, съ достоинствомъ его соединенною, подобенъ есть всѣхъ начальнику Богу. Ибо онъ не имѣетъ никого выше себя на землѣ. Итакъ ему, какъ Богу, не должно быть злобну и гнѣвливу, и какъ смертному не гордиться и не тщеславиться, для того, что въ разсужденіи безсмертія души, имѣетъ онъ въ себѣ образъ Божій, а въ разсужденіи тѣла, подверженъ смерти и сотлѣнію, дабы научался чрезъ то, наблюдать ко всѣмъ равномѣрность".

„Преступать законы и не наказывать преступниковъ равномѣрнымъ почитается зломъ; ибо хотя бы кто служилъ праведно и честно; но другихъ, въ его вѣдомствѣ состоящихъ людей, видя ихъ худые поступки, не исправляетъ, тотъ сообщникомъ злыхъ и соучастникомъ пороковъ почитается отъ Бога. Но естьли обѣихъ по справедливости удовлетворить желаешь, награждай добродѣтельныхъ и наказывай порочныхъ" (¹).

„Хотя государь надъ всѣми есть господинъ, однако онъ такъ, какъ и всѣ, есть Божій рабъ. Но тогда наиболѣе достоинъ онъ господиномъ называться, когда самъ собою повелѣваетъ, не предаваясь во власть страстей, будетъ слѣдовать предводительству разума, непобѣдимо господствующаго надъ безразсудными

(¹) Вѣрно, но на практикѣ всегда былъ и остается неразрѣшимымъ вопросъ гдѣ границы милости и правды и гдѣ начинается жестокость или же потворство?...

страстями, и все укрощающую вредоносную любовь оружіемъ цѣломудрія побѣдитъ“ (1).

Юстиніанъ отъ природы обладалъ духомъ чрезвычайно подвижнымъ и воспламеняющимся какъ порохъ (2). Но постоянная работа надъ самимъ собою научила его воздерживаться отъ обнаруженія чувствъ

---

(1) Царскій свитокъ. гл. 1 3. 6. 8. 15. 18. 21. 28. 68.—Всѣхъ главъ 72. Въ совокупности своей онѣ представляютъ акростихъ, или изложеніе увѣщательныхъ правилъ (ἔκθεσις κεφαλαίων παραινετικῶν), начинающихся и расположенныхъ въ порядкѣ литтеръ: τῷ θειοτάτῳ καὶ εὐσεβεστάτῳ βασιλεῖ ἡμῶν Ἰουστινιανῷ Ἀγαπητὸς ὁ ἐλάχιστος διάκονος. Понятно, что, при такомъ ихъ расположеніи, строгой системы въ изложеніи мыслей быть не можетъ, это просто собраніе весьма мудрыхъ правилъ, совершенно необходимыхъ для каждаго государя, потому-то онѣ многократно были издаваемы и переведены на всѣ европейскіе языки (см. объ этомъ: Migne, patr. curs. comp. t. LXXXVI. ser Gr. col. 1155—1162). Въ числѣ этихъ переводовъ есть одинъ и русскій, совершенный въ концѣ прошлаго вѣка и снабженный очень любопытными примѣчаніями. Рекомендуя читателю самому ознакомиться со всѣмъ содержаніемъ «Свитка» и съ примѣчаніями къ нему, здѣсь мы сочли нужнымъ привести только нѣкоторыя главы, которыя намъ кажутся наиболѣе характерными для царствованія Юстиніана. Кромѣ приведенныхъ въ текстѣ, здѣсь можно указать, какъ на болѣе любопытныя, еще на слѣдующія гл. 35: «тогда почитай себя безопасно государствующимъ, когда увидишь, что ты усердствующимъ тебѣ народомъ повелѣваешь. Ибо покореніе, противъ желанія сердецъ бываемое, скорому, при обрѣтеніи случая, подвергается испроверженію; но гдѣ союзомъ любви управляется народъ, тамо и постоянное послушаніе оказывается государю» Гл 40: «государство есть всего дражайшее на свѣтѣ сокровище, и тогда наипаче оно таковымъ есть, когда имѣющій надъ нимъ власть, не по упорному самолюбію, ниже по безразсудному гнѣву правленіе свое ведетъ, но равенство вещей наблюдаетъ жестокости какъ приличной звѣрямъ страсти убѣгая, и богоподобную добродѣтель милосердія изливаетъ на подданныхъ своихъ». Гл 46: «какъ око врожденное есть тѣлу, такъ государь предлагается народу Провидѣніемъ Божіимъ, для управленія подданныхъ. Почему должно ему, какъ собственные члены свои, всѣхъ людей просвѣщать, наставляя въ добродѣтели, и отвращать отъ злодѣяній». Въ заключеніе Агапитъ (въ 72 гл.) обѣщаетъ Юстиніану и его «любезнѣйшей супругѣ» царство небесное, если они будутъ шествовать по стезямъ добродѣтели, восходя, какъ бы по лѣстницѣ, отъ совершенства къ совершенству.

(2) Arcana, c. 13. p. 84: ὁ μὲν γὰρ κονιορτοῦ τὰ ἐς τὴν γνώμην κουφότερος ἦν.

и не показывать своего гнѣва, даже когда бы говорили ему самыя непріятныя вещи. Когда онъ говорилъ съ своими чиновниками и желалъ отъ нихъ узнать что-либо, то предлагалъ имъ при этомъ рядъ такихъ вопросовъ и высказывалъ такія сужденія, что они рѣшительно недоумѣвали, выпытываетъ ли только онъ ихъ, или же и дѣйствительно произноситъ свои сужденія. Умъ его былъ очень быстрый и проницательный, такъ что онъ какъ бы налету схватывалъ явленія, скоро рѣшалъ представляющіеся вопросы и за рѣшеніемъ тотчасъ же слѣдовало выполненіе (1). Доступъ къ нему былъ открытъ всѣмъ, отъ самыхъ знатныхъ лицъ до самыхъ низкихъ; всѣхъ онъ терпѣливо выслушивалъ, не обнаруживая при этомъ ни малѣйшаго гнѣва, даже если бы говорили ему и грубости (2). Чиновниковъ исполнительныхъ онъ щедро награждалъ, но за то строго наказывалъ тѣхъ

---

(1) Arc. c. 13. p. 87: *ἦν γὰρ, ὅπερ εἴρηται, διαφερόντως ὀξὺς ἐπινοῆσαί τε καὶ ταχὺς ἀποτελέσαι ἀνόσια ἔργα.* Vandal. l. I. c. 9. p. 353. *ἦν γὰρ ἐπινοῆσαί τε ὀξὺς καὶ ἄοκνος τὰ βεβουλευμένα ἐπιτελέσαι.*— Этимъ увѣреніямъ Прокопія, очевидно, противорѣчатъ другія его увѣренія, гдѣ онъ высказываетъ, что Юстиніанъ былъ безмѣрно глупъ, совершенно походилъ на осла и составлялъ игрушку въ рукахъ другихъ, которые дѣлали изъ него, что̀ хотѣли, и направляли его дѣятельность по своему произволу: *ἠλίθιός τε γὰρ ὑπερφυῶς ἦν καὶ νωθεῖ ὄνῳ ἐμφερὴς μάλιστα καὶ οἷος τῷ τὸν χαλινὸν ἕλκοντι ἕπεσθαι, συχνά οἱ σειομένων τῶν ὤτων* (Arc. c 8. p. 53) *ὑποκείμενος τοῖς ἀεὶ παράγειν ὅποι ποτ' ἐθέλει βουλομένοις αὐτὸν* (ibid. c. 13. p. 84). Ибо, если онъ былъ такъ глупъ, какъ оселъ, и былъ лишь игрушкою въ рукахъ другихъ людей, которые дѣлали изъ него, что̀ хотѣли, то явно, что самъ онъ не могъ ни быстро рѣшать что-либо, ни выполнять свои рѣшенія, что демонъ—губитель римской имперіи—не онъ,—онъ не вмѣняемъ,—а эти другіе, которые имъ заправляли, и что, слѣдовательно, вся Тайная исторія направлена не туда, куда слѣдуетъ. Злоба ослѣпила Прокопія и вовлекла его въ противорѣчія, которыми полна его Тайная исторія.— Менандръ называетъ Юстиніана «человѣкомъ высокаго государственнаго ума». (Отрывокъ 15, перев. Дестуниса, стр. 361). Слич. Agathias. l. V. c. 24. p. 331—332; c. 25. p. 335.

(2) Arcan. c. 13. p. 83, c. 15. p. 92. Слич. Hardum. t. II. col. 1172.

чиновниковъ, которые не радѣли о его приказаніяхъ или неточно исполняли ихъ (1). Науку онъ вообще любилъ и оказывалъ покровительство ученымъ людямъ (2). Въ выборѣ чиновниковъ главнымъ образомъ руководствовался ихъ способностію и знаніемъ ими того дѣла, къ которому они назначаются. Мы не имѣемъ основанія не вѣрить заявленію Юстиніана, что онъ желаетъ всякаго блага своимъ подданнымъ, заботится о нихъ день и ночь и постоянно думаетъ о томъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобы имъ жилось хорошо. Но тѣмъ не менѣе вѣрно и то, что государство въ теченіе его царствованія несло такія тяготы, какія рѣдко когда-либо. Самъ онъ отличался щедростію, иногда близкою къ расточительности, — благотворительностію къ ближнимъ и устройствомъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій. Но естественныя бѣдствія (чума, землетрясенія, засухи, градобитія и т. п.), которыхъ никогда столько не бывало, какъ въ его царствованіе, и которые одни только способны были опустошить имперію; постоянныя войны, требующія усиленнаго взиманія податей; грабительство чиновниковъ; волненія и безпорядки, какъ религіозные, такъ и гражданскіе, вызывающіе строгія мѣры, сопровождаемыя конфискаціей имущества виновныхъ,—всѣ эти бѣдствія и нестроенія легли тяжелымъ бременемъ на имперію и усилили обѣдненіе страны (3). Происходя самъ изъ низкаго, крестьян-

---

(1) Arcan. c. 13. p. 86.

(2) Lydus, de magistrat. I III. c. 29. 30.

(3) Щедрость свою, не въ примѣръ всѣмъ прежнимъ правителямъ восточно-римской имперіи, Юстиніанъ явилъ уже при первомъ своемъ назначеніи въ консулы, въ 521 году. Онъ устроилъ по этому поводу праздникъ и роздалъ народу 288,000 солидовъ, и кромѣ того повелѣлъ выдать на зрѣлища, для потѣхи народа, 20 львовъ, 30 леопардовъ и нѣкоторыхъ другихъ звѣрей. Возницамъ, уже получившимъ подарки, повелѣлъ выдать еще множество украшенныхъ попонами цирковыхъ лошадей (Marcellini com. chron an. 521. См. Migne, Patr curs. compl. ser. Lat. t. LI. col. 940). Устройствомъ такого праздника Юстиніанъ, оче-

скаго рода; имѣя жену, вышедшую изъ разряда женщинъ, презираемыхъ обществомъ и доселѣ отвергаемыхъ закономъ; не связанный никакими аристократи-

---

видно, хотѣлъ показать, что его царствованіе, когда оно настанетъ, будетъ блестящее Θеофанъ относитъ такую же щедрую раздачу денегъ народу къ первому году царствованія Юстиніана, когда онъ, по смерти Юстина, остался единодержавнымъ владыкою (Theoph Chronogr. p 267). Кириллъ скиѳопольскій въ жизни св. Саввы повѣствуетъ (въ гл. 54), что палестинскіе жители, при прежнихъ царствованіяхъ, были обременены несправедливой податью такого рода: когда сборщики податей являлись безсильными принудить бѣдныхъ и ничего неимущихъ жителей къ уплатѣ причитающейся съ нихъ подати, то они образовавшуюся такимъ образомъ недоимку, на сумму во сто литровъ (фунтовъ) золота, разлагали между болѣе состоятельными податными силами и принуждали ихъ къ уплатѣ этой подати за совершенно безсильныхъ бѣдняковъ. Уже императоръ Анастасій, по просьбѣ св. Саввы, въ бытность его въ Константинополѣ, согласился было отмѣнить ее (См. выше, стр 263—264. прим.); но министръ его, извѣстный Маринъ, воспротивился этому. Послѣ того часть взиманія этой подати была прощена, по ходатайству того же св. Саввы вкупѣ съ прочими игуменами, въ царствованіе императора Юстина. Полная же отмѣна этой подати учинена лишь императоромъ Юстиніаномъ, при посредствѣ папы Евсевія. (Кто этотъ папа Евсевій? будетъ сказано ниже) Въ другомъ мѣстѣ жизни св. Саввы (с. 72. 73) тотъ же Кириллъ скиѳопольскій говоритъ, что императоръ Юстиніанъ еще по личной просьбѣ самаго св Саввы простилъ палестинскимъ жителямъ, пострадавшимъ отъ возмущенія самаританъ, 13 ценцинаріевъ (1300 ф.) золота причитающихся съ нихъ податей, и, кромѣ того, исправилъ на государственный счетъ разрушенныя самаританами церкви и устроилъ въ Іерусалимѣ больницу на 200 кроватей съ причисленіемъ къ неи постояннаго дохода О множествѣ другихъ общественныхъ и благотворительныхъ учрежденій говоритъ Прокопій въ Постройкахъ (см между прочимъ, l I. c 2. p 183; c. 11 p 208; l III c. 6. p 257; l. V. c. 3. p. 315, и пр. Malalas, p 452).—Нѣкто Евлалій, начальникъ доместиковъ, сдѣлалъ завѣщаніе, въ которомъ назначилъ наслѣдникомъ своего имущества императора. Въ завѣщаніи между прочимъ сказано: «желаю, чтобы благочестивѣйшій Юстиніанъ ежедневно выдавалъ каждой изъ моихъ дочерей по 15 фоллъ (фоллъ=74 сант.); когда же придутъ въ надлежащій возрастъ и сдѣлаются способными къ замужеству, то (желаю), чтобы каждая изъ нихъ получила по 10 литровъ (фунт.) золота Сверхъ того еще желаю, чтобы наслѣдникъ мой уплатилъ всѣ мои долги кредиторамъ». У Евлалія было три дочери. Пожаръ, случившійся въ его домѣ, сдѣлалъ его совершеннымъ бѣднякомъ. Итакъ, когда умеръ Евлалій,—кураторъ (κουράτωρ) принесъ завѣщаніе къ императору, и импера-

ческими преданіями и проникнутый одною лишь идеей, осуществленія которой онъ всемѣрно желалъ. онъ и въ выборѣ чиновниковъ не стѣснялся знатностію

торъ повелѣлъ ему идти принять наслѣдство. Оказалось, что вся цѣнность его простиралась только до 564 мелкихъ монетъ (*νομισμάτων*). Куратор Македоній только донесъ объ этомъ императору. Юстиніанъ повелѣлъ идти и принять наслѣдство. Македоній возразилъ, что все имущество умершаго гораздо меньше, чѣмъ что̀ слѣдуетъ уплатить по завѣщанію. Тогда императоръ отвѣтилъ. «для чего ты препятствуешь мнѣ вступить въ наслѣдство и совершить сіе благое дѣло наслѣдника? Иди же, уплати всѣмъ его кредиторамъ и исполни все, что̀ имъ завѣщано. А трехъ дочерей его повелѣваю привести къ августѣ Ѳеодорѣ для воспитанія ихъ въ императорскомъ дворцѣ. Приказываю еще, чтобы выдано было имъ въ приданое 20 литровъ золота и, кромѣ того, все то имущество, которое, умирая, завѣщалъ имъ ихъ отецъ» (Malalas, p. 439—440).— Мы выше (стр 438—439) замѣтили, что обвиненіе Юстиніана Тайною исторіею въ ограбленіи своихъ подданныхъ и въ подборѣ самыхъ худыхъ и злыхъ чиновниковъ нельзя принять безусловно и что взяточничество чиновниковъ развилось до Юстиніана и продолжало существовать и послѣ него до паденія имперіи Теперь мы представимъ нѣсколько данныхъ къ исторіи этого вопроса собственно при Юстиніанѣ. — Самое сильное свидѣтельство въ пользу справедливости Агсапа находится у Евагрія, который прямо обвиняетъ Юстиніана въ ограбленіи своихъ подданныхъ. «Юстиніанъ, — говоритъ онъ, — относительно денегъ, былъ человѣкъ ненасытный и такой охотникъ до чужаго, что все подвластное себѣ царство отдалъ на откупъ частію правителямъ, частію сборщикамъ податей, частію тѣмъ людямъ, которые безъ всякой причины любятъ строить козни другимъ. У несчетнаго числа людей богатыхъ, подъ ничтожными предлогами, отнято имъ все имущество Только бы какая нибудь распутная женщина, попавшись ему на глаза, сказала, что съ такимъ-то она имѣла сношеніе или преступную связь, — тотчасъ исчезали всѣ постановленія законовъ; только бы постыдною корыстію могла она привлечь на свою сторону Юстиніана,—все богатство человѣка оклеветаннаго переходило въ ея домъ Впрочемъ, Юстиніанъ не берегъ денегъ: онъ выстроилъ много священныхъ зданій, повсюду воздвигалъ великолѣпные храмы и другія богоугодныя заведенія для пріюта мужчинъ и женщинъ, старыхъ и малыхъ и разнаго рода недужныхъ, и на этотъ предметъ отдѣлилъ не мало доходовъ. Много совершилъ и другихъ благочестивыхъ и угодныхъ Богу дѣлъ, — если бы только подобные дѣятели совершали ихъ изъ своихъ собственныхъ имуществъ и посвящали Богу свои дѣйствія въ чистотѣ» (l. IV. c. 30). Іоаннъ Лидянинъ говоритъ о внутреннемъ управленіи государствомъ въ первые годы царствованія Юстиніана такимъ образомъ: «управленіе государствомъ (*ἐπαρχότης*—

или незнатностію ихъ рода: никогда, можетъ быть, прежде не появлялось въ римской имперіи столько высокихъ сановниковъ изъ неаристократическихъ фа-

---

praefectura) было возмущаемо роковыми бурями: подданные, по причинѣ бѣдности, отказывались отъ недвижимыхъ имуществъ и сборщики податей не могли доставлять государямъ подати, потому что не было плательщиковъ Однакожъ префектъ (ὕπαρχος—министръ) вынуждался удовлетворять толикимъ и столь необходимымъ издержкамъ того времени. Такимъ образомъ очень естественно, смѣняя одинъ другаго, непрерывно слѣдуя (другъ за другомъ) и, по необходимости, тягостные, они разрушили управленіе (ἀρχήν)· порядка не стало ни по сущности, ни по формѣ: онъ совершенно исчезъ; ибо когда погибаетъ окружающее, естественно разрушается также и правительственный центръ» Затѣмъ Іоаннъ Лидянинъ, какъ бы въ подтвержденіе приведенныхъ, высказанныхъ имъ, словъ разсказываетъ исторію Іоанна каппадокійца и его крайне гибельное для римской имперіи исправленіе должности префекта. Императоръ, какъ милостивый и добрый, не рѣшался ввѣрять начальство лукавымъ правителямъ (*οὐδὲ γὰρ ὑ.. ὑπέμενεν ὁ βασιλεὺς, καλὸς καὶ ἐπιεικὴς τυγχάνων, πονηροῖς ἄρχουσι καταπιστεῦσαι τὴν ἀρχήν*), онъ зналъ также, что, по пословицѣ, *Καππαδόκαι φαῦλοι μὲν ἀεὶ, ζώντες δὲ τυχόντες φαυλότεροι, κέρδους δ' εἵνεκα φαυλότατοι· ἢν δ' ἄρα δὶς καὶ τρὶς μεγάλης δράξωνται ἀπήνης, δὴ ῥα τότ' εἰς ὥρας φαυλεπιφαυλότεροι* (каппадокійцы и всегда злы, облеченные же властію (становятся) злѣе, ради же прибыли—злѣйшими, а когда дважды или трижды коснутся великой колесницы, съ того времени дѣлаются наипрезлѣйшими). Но императоръ былъ обманутъ коварствомъ этого человѣка, онъ клятвенно обѣщался императору сдѣлать все лучшее для государства, вслѣдствіе этого сдѣлался близкимъ къ нему человѣкомъ, сначала принятъ въ число логофетовъ, а потомъ быстро пошелъ по государственной лѣстницѣ и достигъ званія префекта Онъ какъ бы гналъ предъ собою злой духъ (*δαιμόνιον*), который все губилъ и истреблялъ. Онъ уготовалъ римлянамъ ковы, цѣпи, узы, веревки, пытки, внутри преторіанскаго дворца онъ устроилъ особую тюрьму, въ которой подвергалъ страшнымъ пыткамъ всѣхъ, попадавшихся въ его руки, одного лишь подозрѣнія въ обладаніи какимъ нибудь количествомъ золота достаточно было, чтобы подвергнуть страшнымъ пыткамъ. Іоаннъ Лидянинъ приводитъ и примѣры этихъ пытокъ. Каковъ Іоаннъ каппадокіецъ былъ самъ, таковыхъ же назначалъ въ провинціи и чиновниковъ, которые мучили, грабили и подвергали конечному раззоренію всѣхъ жителей. Крестьяне или умирали съ голоду, или же, бросивъ хозяйство, бѣжали въ столицу, увеличивая здѣсь составъ преступниковъ и бунтовщиковъ. Далѣе Каппадокіецъ уничтожилъ почту, отмѣнилъ прежнее судопроизводство, разрушилъ управленіе и, вообще, по описанію І. Лидянина, совершилъ всѣ тѣ преступленія, какія

милій, какъ въ его царствованіе. Такъ обыкновенно бываетъ въ вѣкъ переворота идей, когда лица аристократическихъ фамилій, всегда болѣе или менѣе свя-

---

въ Агсапа усвояются Прокопіемъ Юстиніану. Повсюду онъ выставлялъ своихъ креатуръ, которые бы, вполнѣ завися отъ него, служили вмѣстѣ съ тѣмъ его поддержкою. Наградивъ «море» золота, онъ предался обжорству, пьянству и самому гнуснѣйшему сладострастію, съ женщинами и мальчиками, въ дѣятельной и страдательной формѣ. Но, описывая злодѣянія Каппадокійца и конечное разрушеніе имъ всей римской имперіи, Іоаннъ Лидянинъ неоднократно замѣчаетъ, что императоръ не зналъ всего этого, потому что Іоаннъ каппадокіянинъ умѣлъ отстранять всѣ жалобы, а окружающіе императора чиновники не смѣли говорить всего этого, потому что боялись каппадокійца (*ὁ δὲ ὕπαρχος ἀγνοούσης τῆς βασιλείας (πῶς γὰρ ἐνεδίδου τοῖς κοινοῖς ἀτυχήμασι,) καὶ ταύτην τὴν ὄψιν τῆς πολιτείας ἠφάνισεν* (p 255) *τοῦ γὰρ ἠπιωτάτου βασιλέως μηδὲν τούτων ἐπισταμένου, πάντων δὲ διὰ τὴν ἄκρατον δυναστείαν, καίπερ ἀδικουμένων, συνηγορούντων τῷ πονηρῷ Καππαδόκῃ καὶ τοῖς πάντων ἐξοχωτάτοις ἐπαίνοις ἐπ' αὐτῷ παρὰ βασιλεῖ χρωμένων (τίς γὰρ ἂν ἐτόλμησε καὶ μόνης ἐπαίνων χωρὶς μνησθῆναι τῆς αὐτοῦ προσηγορίας,)* (p 263). Онъ, однимъ словомъ, обманывалъ Юстиніана. (Съ этимъ показаніемъ Іоанна Лидянина, очевидно, согласуются слова Прокопія: *φενακισμοῖς μὲν τὸν Ἰουστινιανὸν καὶ παραγωγαῖς τισιν ἐξηπάτων, τοῖς ταῦτα ἐπιτηδεύουσιν ὑποκείμενον φύσει· ἔξω δὲ αὐτίκα γενόμενοι καὶ τῶν σφίσιν ὁμιληκότων τοὺς ἀντιδίκους καθελόμενοι χρήματα οὐδενὸς ἀμυνομένου ἀνεξελέγκτως ἐπράσσοντο ὅσα ἂν αὐτοῖς διαρκῆ εἴη.* Arc. c. 15. p. 89—90. Слич Lydus. III. 65 p. 259 и др.). Въ это время, когда все трепетало предъ Каппадокійцемъ, «одна только сопряженная (съ императоромъ) женщина, превосходящая силою разума все, что̀ когда либо существовало, и съ состраданіемъ бодрствующая надъ несправедливо обиженными, будучи не въ состояніи долѣе пренебрегать клонящимся къ упадку общественнымъ дѣломъ, вооруженная не ничтожными основаніями, приступаетъ къ императору и излагаетъ ему все, что̀ доселѣ было скрыто,—не только то, что подданные находятся въ опасности погибнуть отъ бѣдствій, но и сама имперія близка къ разрушенію». Но императоръ, «какъ добрый и медленный въ отмщеніи зла (*καλὸς ὢν καὶ πρὸς ἄμυναν τῶν κακῶν βραδύς*), находился въ крайне затруднительномъ положеніи и не находилъ средствъ, какимъ бы образомъ удалить разрушителя государственнаго порядка; онъ, какъ беззаконный, такъ перепуталъ дѣла, и такою покрылъ доходы трудностію и невообразимою путаницею, перемѣшавъ другъ съ другомъ такъ называемые индиктіоны (*ἐπινεμήσεις*), что какъ бы никогда не должно было наступить конца его управленію и никто изъ членовъ сената, или кому вполнѣ была

занныхъ преданіями старыхъ идей, уже отживающихъ свой вѣкъ или почему либо противоположныхъ новымъ идеямъ, являются тормазомъ для этихъ по-

---

близка къ сердцу правда, не дерзалъ принять управленіе. Однакожъ императоръ, насколько было въ силахъ человѣческихъ, помогаетъ подданнымъ» (de magistratibus l. III. c. 56—76 p. 249—272). Каппадокіецъ былъ смѣненъ вслѣдствіе бунта «Ника», но скоро потомъ опять назначенъ префектомъ Іоаннъ Лидянинъ принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ лицъ своего времени, начавъ службу при Анастасіѣ, онъ затѣмъ продолжалъ ее во все царствованіе Юстиніана (40 лѣтъ въ военной службѣ и потомъ, въ 552 г, приписанъ ко двору) и хорошо познакомился съ состояніемъ управленія, о которомъ написалъ особую книгу. Его описаніе Іоанна каппадокійца, выражающее, впрочемъ, весьма часто горечь личнаго недовольства обиженнаго чиновника и потому не могущее быть названо вполнѣ объективнымъ, вообще согласно съ описаніемъ его у Прокопія (Pers. l. I. c. 24. 25) Но есть и разность. Прокопій, описывая нравственныя безобразія Каппадокійца, умалчиваетъ о его любодѣйной гнусности и вмѣсто того выставляетъ другую черту, которая даетъ понять, почему Юстиніанъ ввѣрился ему. «силою ума, говоритъ Прокопій, онъ (Каппадокіецъ) превышалъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ людей; отлично понималъ, что нужно дѣлать, и умѣлъ разрѣшать труднѣйшія обстоятельства» (ibid. c. 24. p. 121—122). Равнымъ образомъ, Прокопій отдаетъ невольную справедливость уму, ловкости и исполнительности также и другихъ чиновниковъ Юстиніана, которые, по его мнѣнію, были въ такой же мѣрѣ, какъ и Каппадокіецъ, бичемъ имперіи (Arcan. c 22). Затѣмъ, что касается изображенія отношеній Каппадокійца къ императору и императрицѣ, то здѣсь Іоаннъ Лидянинъ радикально противоположенъ Прокопію, такъ что примиреніе невозможно. По нашему мнѣнію, внутренняя правда болѣе на сторонѣ Лидійца, чѣмъ Кесарійца: невозможно, чтобы Юстиніанъ, строго преслѣдующій безнравственность, допускалъ ту любодѣйную гнусность, какую совершалъ Каппадокіецъ. Явно, что Прокопій преднамѣренно обходитъ эту любодѣйную гнустность Каппадокійца, чтобы тѣмъ несомнѣннѣе выставить его дѣйствія въ согласіи съ намѣреніями и дѣйствіями Юстиніана. Приведенное свидѣтельство Евагрія о сребролюбіи Юстиніана, — что онъ конфисковалъ имущества подданныхъ по доносу за преступленія, хотя точно и неразслѣдованныя, — болѣе согласуется въ этомъ отношеніи съ описаніемъ Іоанна Лидянина, чѣмъ Прокопія. Наконецъ, изъ самаго повѣствованія Прокопія можно видѣть, что оно основано на слухахъ и сплетняхъ (*φασὶ δὲ βασιλέα τῶν ποιουμένων αἰσθόμενον τῶν τινα Ἰωάννῃ ἐπιτηδείων παρ' αὐτὸν πέμψαι.* P. I 25. p. 134. Arc. c. 2. p. 21, c. 17. p. 105). Въ уже нѣсколько разъ упоминаемой нами новеллѣ VIII отъ 535 года Юстиніанъ говоритъ: Invenimus namque plurimum in rempublicam iniquitatis irrepsisse, quae non initio sed paucis

слѣднихъ, и когда потому лица неродовитыя, несвязанныя никакими преданіями съ прошлымъ, которое не представляетъ для нихъ ничего особенно привле-

---

abhinc annis intrusa, subditos nostros ad paupertatem adigat, ut periculum sit, ne ad summam omnium rerum inopiam delabantur, et secundum descriptionem publicam, ne consueta quidem et solita, vereque pia tributa publica sine gravi dispendio et necessitate queant persolvere.. Neque in pecuniariis tantum hoc causis agunt, sed etiam in criminibus publicis, ubi de vita periculum versatur. Hinc ex provinciis fugae existunt, hinc ex omnibus passim locis gementes huc confluunt sacerdotes, decuriones, cohortales, patres familiarum plebeii, rustici, optimo jure judicum nostrorum rapinis et injuriis succensentes. Neque ea sane sola fiunt, sed etiam in civitatibus seditiones et populares motus pecuniae (ut plurimum) causa et excitantur et reprimuntur. In summa haec est omnium malorum causa et pecunias ex officiis conquirere omnium flagitiorum principium et finis. Et profecto, quod sacra docent eloquia, admiratione dignum simul et verissimum est, nempe avaritiam omnium malorum matrem existere, et maxime, cum in animis non privatorum, sed magistratuum innascatur. Quis enim absque metu periculi non furetur, quis non secure latrocinetur, conversis ad magistratum oculis vidensque illum omnia auro habere venalia, confidens fore, ut nihil tam turpe admittat, quod non data pecunia possit redimere? Inde homicidia, adulteria, latronum aggressurae, vulnera, raptus virginum, nundinarum et publicorum conventuum confusio, contemptus legum et magistratuum, omnibus tanquam vile aliquod mancipium venum eas proponi existimantibus..... Императоръ совершенно воспрещаетъ покупать должности и совершать вымогательства надъ управляемыми, угрожая, что non solum quod acceperunt, ejus quadruplum restituent, verum etiam gravem indignationem sustinebunt, et ne de potentatu periclitentur, solliciti erunt.. Sciant enim, qui ad hoc institui post hanc nostram legem praesumpserint, quoniam capti a nostris judicibus provinciarum, et in vincula redigentur, et causa ad nos nunciata summum a nobis periculum sustinebunt, et qui hujusmodi eis praecepta tradiderint, triginta librarum auri poenam sustinebunt, et majorem insuper, ac vehementiorem nostram indignationem experientur. Oportet igitur provinciarum praesides tanta a nobis potestate dignatos, ita se in agendis rebus gerere, ut (quoad tamen justitia, et leges permittunt) ab omnibus formidentur scientes quod si male et praeter dignitatem a nobis commissae eis potestatis tradita administratione utantur, antedictis subjacebunt suppliciis sustinentes scilicet ea dum adhuc in officio sunt, majoribus etiam tentandi periculis eo deposito. Однакожъ законные налоги подданные обязываются уплачивать исправно. Siquidem et vobis notum est, o subditi nostri, quod militares expensae, et persecutiones hostium tum magna indigent assiduitate, tum sine pecuniis omnino confici nequeunt, cum neque ullam ea res dilationem recipiat, neque nos aequis oculis Romanorum ditionem deminutam aspicere sustineamus, sed

кательнаго, бываютъ наиболѣе способными проводниками новыхъ идей, по крайней мѣрѣ обыкновенно вы-

---

potius universa jam Libya recuperata, et in servitutem redactis Vandalis, multo quotidie his majora nos a Deo percepturos et peracturos speremus, ad quae conveniens est tributa publica sine ditremento, et cum alacritate, et deputatis exigi temporibus.—Объ этой новеллѣ упоминаетъ и Прокопій въ своей Тайной исторіи (c 21. p. 120—121), но замѣчаетъ при этомъ, что едва прошелъ годъ послѣ изданія ея, какъ она уже была забыта, и продажа должностей и всякаго рода вымогательства стали совершаться съ прежнею силою —Въ огражденіе подданныхъ отъ взяточничества чиновниковъ Юстиніанъ постановилъ, чтобы никто изъ префектовъ не строилъ дома, или не пріобрѣталъ поля въ предѣлахъ своей префектуры, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда пріобрѣтеніе состоится отъ близкихъ родственниковъ. Равнымъ образомъ воспретилъ префектамъ принуждать кого-либо силою своей начальнической власти дѣлать въ свою пользу завѣщанія (Malalas, p 437 Слич. Theoph Chron. p 272. Muralt, p. 146. n. 25) — Агаѳія говоритъ «по причинѣ нерадѣнія правящихъ (*κρατούντων*), войска были низведены почти до ничтожной цифры (вмѣсто 645,000, какъ бы слѣдовало, до 150,000) Ибо императоръ, послѣ того какъ предварительно подчинилъ своей власти всю Италію и Африку, совершилъ величайшія войны и, такъ сказать, первый изъ царствующихъ въ Византіи явилъ себя императоромъ римлянъ не по имени только, но и на самомъ дѣлѣ,—послѣ того какъ, говорю, совершилъ это и сему подобное въ юношескомъ и крѣпкомъ возрастѣ,—на краю своей жизни (ибо уже состарѣлся) онъ, казалось, удалился и отказался отъ трудовъ, и ему нѣкоторымъ образомъ болѣе нравилось стравливать (*ξυγκρούειν*) между собою враговъ и, ежели гдѣ нужно было, улещать дарами, и лучше этимъ способомъ, нѣкоторымъ образомъ, прогонять ихъ, чѣмъ полагаться на себя и воевовать безпрестанно. Поэтому онъ легко допустилъ уменьшить и ослабить легіоны, какъ если бы на будущее время не предстояло ему въ нихъ никакой нужды Такимъ образомъ нерадѣніе это овладѣло и занимающими второстепенныя должности въ управленіи имперіей (*καὶ τοίνυν ταύτης ἐπιλαβόμενοι τῆς ῥᾳθυμίας οἱ τὴν δευτέραν ἀρχὴν τῶν σκήπτρων διέποντες*), на которыхъ возложена была обязанность взиманія съ подданныхъ податей и распредѣленія затѣмъ необходимаго войскамъ, они частію открыто обманывали воиновъ, частію же раздавали имъ жалованье гораздо позднѣе, чѣмъ должно» (l V. c 13. 14. p. 305—307). Ни изъ этихъ, ни изъ дальнѣйшихъ словъ Агаѳіи не видно, чтобы императоръ участвовалъ во взяточничествѣ чиновниковъ (ibid.) —Исторія и законы Юстиніана представляютъ множество примѣровъ наказанія преступниковъ, еретиковъ и язычниковъ конфискаціей у нихъ имущества или наложеніемъ на нихъ денежной пени (Pers. l. l. c. 24. p. 129, c. 25. p. 135; Theoph. Chr. p 276. 287; Malal. p 449 и др); но эта кара введена задолго до него прежде и составляла одно изъ

плываютъ на верхъ (1). Преступленія противъ законовъ Юстиніанъ вообще наказывалъ строго (2); но умѣлъ являть себя великодушнымъ относительно такихъ преступленій, которыя касались лично только его самаго. Частые заговоры противъ государственной власти, столь обычные въ византійской имперіи, заставляли его вообще быть подозрительнымъ къ окружающимъ его вельможамъ (3); частые заговоры, составляемые противъ него самого (4), конечно, могли только усилить его подозрѣніе и возбудить раздраженіе. Но императоръ милостиво снисходилъ къ пре-

---

принятыхъ наказаній (Дѣян всел соб. Казань, 1875. т. V. стр. 142). Разность можетъ быть только въ степени практикованія этой кары.— Какъ развито было взяточничество въ средѣ византійскаго чиновничества, можно видѣть изъ того, что, наприм., Петръ магистръ, человѣкъ, по свидѣтельству всѣхъ своихъ современниковъ, очень умный, ученый и *добрый*, «любилъ, по завѣренію Агаѳія (с 24), красть больше всѣхъ людей и былъ скупъ до безстыдства».—Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго слѣдуетъ вывести заключеніе: 1) Юстиніанъ не былъ жаденъ до денегъ и не терзалъ *напрасно* и безвинно своихъ подданныхъ, — напротивъ онъ заботился объ ихъ пользѣ, 2) грабительство чиновниковъ исторически укоренилось въ Византіи и было совершаемо безъ его вѣдѣнія и вопреки его воли, 3) настоятельныя нужды государства заставляли его строго относиться къ взиманію податей, хотя по временамъ онъ и прощалъ недоимки; 4) многочисленныя неурядицы подавали ему случаи къ многочисленнымъ конфискаціямъ имуществъ у частныхъ лицъ въ видѣ принятаго наказанія или кары. Юстиніаномъ ли впервые введена система откуповъ, о которои упоминаетъ Евагрій, или существовала и прежде него?—точно сказать не можемъ

(1) Goth. l III. c. 32. p 411: Арсакій, склоняя Юстина, сына Германа, племянника Юстиніанова отъ брата, къ убійству Юстиніана, въ числѣ обвиненій возводитъ между прочимъ и такое: *ταῦτά τε ὁμωμοκότι τῷ ἀνδρὶ ὠνείδιζεν εἰ βασιλεῖ ξυγγενὴς πλησιαίτατα ὢν ἀγοραίους μὲν καὶ ἀγελαίους ἀνθρώπους τινὰς, ἔχοντας οὐδὲν αὐτοῖς προσῆκον ὁρῶν τὰς τῆς πολιτείας ἀρχὰς, αὐτὸς δὲ τηλίκος ὢν ἀνέχοιτο πρὸς ἰδιωτῶν διοικεῖσθαι τὰ πράγματα.*

(2) Theoph. Chron. p. 272.

(3) Persic. l. I c. 24. p 123.

(4) Ibid. c. 25. p. 133; снес. Lydus, l. III. c. 62. p 256. Malalas, p. 493—495. Theoph. Chron. p. 367—369. Goth. l. III. c. 31. 32.

ступникамъ и—или прощалъ ихъ совершенно, или же подвергалъ относительно невеликимъ наказаніямъ (1).

Изумительна воздержность и трезвость Юстиніана, но еще болѣе изумительна его дѣятельность.—Онъ никогда не употреблялъ мяса и вина. Пищею для него служили грубые овощи и плоды, намоченные въ уксусѣ съ солью, но и тѣ онъ употреблялъ въ самомъ умѣренномъ количествѣ: едва дотрогивался до поданнаго ему блюда, какъ тотчасъ же повелѣвалъ брать его назадъ. Питьемъ его была исключительно одна только вода. Во время страстной седмицы онъ по два дня не принималъ никакой пищи; да и весь великій постъ былъ для него истинно великимъ, строго суровымъ постомъ. Вслѣдствіе такой воздержности и отъ частыхъ молитвенныхъ колѣнопреклоненій у него образовалась на голѣни злокачественная рана, которая не поддавалась никакимъ медицинскимъ пособіямъ и исцѣлена лишь чудеснымъ образомъ вслѣдствіе прикосновенія къ останкамъ св. 40 мученниковъ. При такомъ воздержаніи, при такомъ изнуреніи и ослабленіи своего тѣла посредствомъ поста и молитвы, Юс-

---

(1) Юстиніану сдѣланъ былъ доносъ на родственника умершаго императора Анастасія, патриція Прова, что онъ оскорбилъ (λοιδορήσας) его величество Дѣло отдано было на разсмотрѣніе синклита, который, естественно обвинилъ Прова. Но императоръ, когда врученъ былъ ему обвинительный вердиктъ, разорвалъ его, обративъ къ Прову такую рѣчь: «я, Провъ, прощаю тебѣ прегрѣшеніе, которое ты содѣлалъ противъ меня, итакъ, моли Бога, чтобы и Онъ простилъ тебя» (Malalas, p. 438—439). Далѣе, описавъ заговоръ Авлавія, Маркелла и Сергія, въ которомъ былъ замѣшанъ и Велизарій, Малала ничего не говоритъ о наказаніяхъ, которымъ подвергнуты заговорщики, кромѣ того, что Юстиніанъ разсердился на Велизарія за его участіе въ заговорѣ (Ibid. p. 493—495. Слич Theoph. Chronogr. p 367—369). Заговоръ Артавана кончился тѣмъ, что императоръ лишилъ его достоинствъ, которыми онъ былъ облеченъ, «но ни относительно его самаго, ни относительно прочихъ (участниковъ заговора) ничего не постановилъ очень жестокаго, кромѣ того, что подвергъ ихъ почетному заключенію, именно во дворцѣ, а не въ общественной тюрьмѣ» (Gotth l. III. c. 32. p. 416. Слич. Paul. Silenc. descript Soph., Migne, patr. curs. compl. t. LXXXVI. Ser Gr. col. 2120—2121).

тиніанъ не зналъ утомленія: онъ трудился круглыя сутки и сну предавался не болѣе одного часа; едва онъ ложился на свое неприхотливое ложе, едва только забывался, какъ тотчасъ же, какъ бы ужаленный чѣмъ либо, снова пробуждался и принимался за обычную дѣятельность. Прокопій говоритъ, что „Юстиніану легко было все дѣлать, не только потому, что онъ обладалъ быстрымъ соображеніемъ, но и потому еще, что онъ не имѣлъ нужды во снѣ и былъ доступенъ для всѣхъ.“ О немъ по справедливости можно сказать, что онъ трудился и день и ночь и, по словамъ Іоанна Лидянина, „считалъ потерею своей жизни, если не всѣ также бодрствовали и ратовали за государственное дѣло, какъ онъ самъ.“ Онъ какъ бы стѣснялся установившимися канцелярскими формами, большинство бумагъ составлялъ самъ и требовалъ немедленнаго выполненія. Замѣчательная черта въ его дѣятельности есть глубокое благочестіе: онъ приступалъ къ дѣлу, вознесши придварительно молитву къ Богу; на Него онъ возлагалъ успѣхъ предпринимаемаго дѣла, въ Немъ же видѣлъ надежду спасенія и отъ естественныхъ бѣдствій (1). Но, при этихъ похвальныхъ качествахъ, онъ нечуждъ былъ и свойственной мно-

(1) О строгомъ постѣ и воздержаніи, и почти сверхестественномъ бодрствованіи Юстиніана Прокопій совершенно одинаково говоритъ какъ въ Постройкахъ (1 I. c. 7. p. 195—196,), такъ и въ Тайной исторіи (c 13. p. 86—87: *ἦν τε ἄϋπνός τε καὶ ἄσιτος ἐπιπλεῖστον εὑρεῖν καὶ σιτίοις μέν ἢ ποτῷ κατακορὴς οὐδαμῇ γέγονεν, ἀλλὰ σχεδόν τι ἄκρῳ δακτύλῳ ἀπογευσάμενος ἀπηλλάσσετο. . ὡραν τε, ἂν οὕτω τύχοι, καταδαρθὼν μίαν.* C 14. p. 87—88; c. 15. p 92: *τῷ μὲν Ἰουστινιανῷ ἅπαντα πράσσειν ῥᾴδιον ἦν, οὐχ ὅσον τῷ τῆς διανοίας εὐκόλῳ. ἀλλ' ὅτι καὶ ἄϋπνος ἐπιπλεῖστον, ὥσπερ εἴρηται, καὶ εὐπρόσοδος πάντων μάλιστα.* Слич nov VIII. praef) Іоаннъ Лидянинъ, въ началѣ своего описанія царствованія Юстиніана, говоритъ такимъ образомъ: «Когда государство было потрясено такими волнами и бурями золъ (въ предшествованія царствованія), судьба (*τύχη*) противопоставила равное прежней лѣности прилежаніе Юстиніана, поставивъ начальникомъ дѣлъ бдительнѣйшаго изъ всѣхъ императоровъ, который считалъ потерею своей жизни, если не всѣ также бодрствовали и ратовали за государственное дѣло, аккъ онъ самъ, чтобы овладѣть не только тѣмъ, что нѣкогда было под-

гимъ великимъ и дѣятельнымъ лицамъ слабости—внимать лести; по крайней мѣрѣ чиновники льстили ему до невѣроятности. Такъ, Трибоніанъ однажды сказалъ ему съ видомъ полнаго убѣжденія въ несомнѣнной вѣрности своихъ словъ, — что онъ, Трибоніанъ, сильно опасается, какъ бы Юстиніанъ когда нибудь за свое благочестіе неожиданно не былъ взятъ живымъ на небо (1).

Исходнымъ пунктомъ, изъ котораго развивалась вся государственно-церковная дѣятельность Юстиніана и который даетъ характерную окраску его царствованію, было „правое исповѣданіе истинной и пренепорочной вѣры христіанской, составляющей первое и высшее благо для всѣхъ людей,“ основаніе ихъ спасенія. Юстиніанъ былъ убѣжденъ, что никто не увѣнчается, если не будетъ законно подвизаться (2 Тим. 2, 5), т. е. по требованію истинной и пренепорочной христіанской вѣры. „Болѣть, говоритъ онъ, есть общее свойство человѣческой природы и слабости, чему подвержены всѣ, даже самые могущественнѣйшіе ду-

---

чинено римлянамъ, а потомъ, по лѣности предшественниковъ, было потеряно. но еще подчинить имъ и то, что было у враговъ» (de magistr. l. III. c 55. p 248. Слич. Agathias, l. V. c. 11. p. 306) Павелъ Силенціаріи приписываетъ успѣхъ всѣхъ предпріятій Юстиніана его упованію на Бога и глубокой вѣрѣ во всегдашнюю помощь Христа Спасителя (Migne, patr. curs compl. t. LXXXVI. col 2119—2121: ὅθεν συνεργὸν αὐτὸν (Χριστὸν) ἐν ταῖς πράξεσιν ἔχεις παρόντα (vers 6); πεπίστευκας μόνῳ τῷ σου προασπίζοντι τὸν Θεὸν λέγω, ᾧ πάντα νικᾷς) (vers. 30—32). Эти завѣренія вполнѣ согласуются съ собственными мыслями и дѣйствіями Юстиніана: Imperator.... coepit dicere ad nos, praesente venerabili senatu: Quia postquam locuti estis cum Orientalibus episcopis per duos dies, tertio die convocatis tam vobis quam illis, antequam susciperemus vos, ingressus sum in oratorium gloriosi Michaelis archangeli, quod est in Cochlio; et rogavi Dominum dicens: Quia si in veritate uniri habent nobis, magis autem sancte tuae ecclesiae. compunge eos velociter consentire nobis: sin autem nolunt, praepedi eos, ut ex ipsis magis culpa nascatur, et non ex nobis (Hard. t. II col 1173—1174. Слич Theoph Chronogr. p 358—359, Cod. Just. Lib I. Tit 27. Lex. 2, nov. 30).

(1) Arc. c. 13. p. 84; Notae Alemann. p. 123 Снес, Жизн. Итал. отц. Гр. Двоесл. стр. 31 гл 4. кн I.

хомъ; лѣчить же, познавать правую вѣру и любить единство и миръ церкви есть свойство разума и любви. Ибо Богъ есть и называется Богомъ мира, такъ что тѣ, которые являются любящими благо вѣры и мира, суть Божіи и почти божественны.“ Соблюденіе истинной вѣры Христовой не только доставляетъ людямъ вѣчное спасеніе, дѣлая ихъ богоподобными,—но вмѣстѣ служитъ основою благоденствія и крѣпости государства, такъ что отвергающіе исповѣданіе истинной вѣры Христовой суть вмѣстѣ съ тѣмъ и враги государства, разрушители его основъ. Еретиковъ онъ называетъ „врагами истины и религіи, которые губятъ души невинныхъ,“ ученіе ихъ — „хуленіемъ,“ „подобнымъ ученію язычниковъ.“ Согласно съ этимъ взглядомъ на значеніе христіанской вѣры, какъ абсолютной истины, въ дѣлѣ спасенія каждаго человѣка, укрѣпленія и процвѣтанія государства, онъ „въ основаніе и начало своего правленія положилъ соединить раздѣлившихся священниковъ святыхъ Божіихъ церквей отъ востока до запада.“ Задаваясь такою цѣлію, онъ не вводилъ что либо новое въ принятый образъ правленія; здѣсь онъ вполнѣ слѣдуетъ примѣру своихъ предшественниковъ: Константина великаго, Ѳеодосія старшаго, Ѳеодосія младшаго, Маркіана, Льва. Онъ, какъ и его предшественники, принимаетъ вѣру Христову въ неизмѣнномъ ея видѣ, какъ она опредѣлена соборами и свято соблюдается отцами и учителями церкви, и авторитетъ своей государственной власти, предназначенный лѣчить, исправлять и заботиться о благѣ своихъ подданныхъ, намѣренъ употребить лишь на то, чтобы оказать содѣйствіе, ради своего собственнаго спасенія и вѣчнаго и временнаго блага своихъ подданныхъ, введенію и утвержденію между ними истины Христовой въ неизмѣнномъ ея видѣ: этого въ сущности желаютъ всѣ епископы и священники, этого желаетъ весь монашескій чинъ, этого же желаетъ и народъ, наконецъ—этого требуетъ и самое

государственное благо, которое можетъ проистекать только изъ признанія истины (1).

Юстиніанъ издалъ множество эдиктовъ къ охраненію и утвержденію православной вѣры. Въ первый же годъ своего царствованія, какъ самодержавнаго владыки, онъ поспѣшилъ издать эдиктъ о святой Троицѣ, заключающій въ себѣ изложеніе православнаго ученія вмѣстѣ съ спеціальнымъ осужденіемъ ереси Несторія, Евтихія и Аполинарія, и съ прибавленіемъ, что держащимся противнаго мнѣнія не будетъ оказано никакого снисхожденія и что они, какъ явные еритики, будутъ подвергнуты должному наказанію (2). Въ тоже самое время онъ повелѣлъ, чтобы халкидонскій соборъ былъ воспоминаемъ въ церквахъ наряду съ прочими вселенскими соборами, какъ во всемъ согласный съ ними и излагающій ту же самую

(1) Nov. 131 132; L. I. Tit. III. Lex. 42. 43, Tit. IV. Lex. 34. и др. Iust. imp. tractatus contra Monophys. Migne, patr. curs. compl. t. LXXXVI. col. 1104 1124. 1141 1145. и др. Constit Just. contra Authim. Sever. Petr Zoar ibid. col 1094) Эта конституція помѣщается также въ числѣ новеллъ Юстиніана (42). Дѣян. всел. соб. т V. стр. 27. 31. 505. 509. 553 5 60; Arc. c. 13. p 83 — 84; Hard t. II. cons. sub Mena.

(2) Baron. an. 527. n XXXVIII: Cum recta et inculpata religio, quam profitetur et praedicat sancta Dei catholica et apostolica ecclesia, nullo modo innovationem admittat: nos doctrinam sanctorum Apostolorum, et eorum qui post illos in sanctis Dei ecclesiis versati sunt, sequentes, aequum esse existimavimus notam et testatam omnibus spem quae in nobis est relinquere. traditioni et confessioni sanctae Dei et catholicae ecclesiae adhaerentes За тѣмъ слѣдуетъ самое изложеніе вѣры и осужденіе ересей Несторія, Евтихія и Аполинарія. Заключеніе едикта таково (n. XXXIX): Quod si post hanc nostram constitutionem .. reperti fuerint contrariam opinionem sectantes; ne expectent, ut digni venia judicentur. Jubemus enim, ut homines hujusmodi tamquam convicti et aperti haeretici justae et idoneae animadversioni subjiciantur Далѣе Баронiй замѣчаетъ. Hactenus constitutio sine die et consule, sed his ipsius imperii primordiis datam esse, quae dicturi sumus, indicare possunt. — Въ Пасхальной хроникѣ подъ 533 годомъ (Chron Pasch. p. 630—633) помѣщенъ эдиктъ Юстиніана, подобный приведенному по содержанію, но отличный отъ него по буквѣ. Обнародовавъ въ Константинополѣ, императоръ послалъ за тѣмъ этотъ эдиктъ въ Римъ, Іерусалимъ, Антіохію, Александрію, Ѳессалонику и Ефесъ. О поводѣ къ его написанію и изданію, и о самомъ содержаніи его будетъ сказано ни-

вѣру, что и эти послѣдніе (¹). Вслѣдъ за этимъ онъ отнялъ у еретиковъ всѣ церкви и отдалъ ихъ православнымъ, за исключеніемъ только тѣхъ церквей, которыя принадлежали аріанамъ ексокіонитамъ (²).

Пользуясь правомъ свѣтской власти давать силу государственнаго авторитета тому, что признано церковію, какъ Богооткровеное ученіе, Юстиніанъ, на основаніи опредѣленій вѣры и церковныхъ каноновъ, проявилъ столь широкую законодательную дѣятельность въ сферѣ церковныхъ порядковъ, какъ никто изъ его предшественниковъ. Не дѣло исторіи обозрѣвать эту чисто юридическую область. Достаточно замѣтить, что законодательство Юстиніана коснулось и опредѣленія іерархическаго порядка патріарховъ, и правилъ избранія, поведенія и взаимоотношенія епископовъ, клириковъ и монаховъ, и церковныхъ имуществъ, и разныхъ благотворительныхъ учрежденій, относящихся къ церкви; словомъ, кажется, не осталось ни одного вѣроисповѣднаго или каноническаго опредѣленія, которому онъ не постарался бы дать силу государственнаго авторитета. Обыкновенно упрекаютъ Юстиніана въ томъ, что онъ стремился быть законодателемъ *въ Церкви*. Правильнѣе нужно сказать, что онъ *государство* старался подчинить законамъ церкви, или иначе—церковное законоположеніе, какъ уже данное, ввести въ законоположеніе гражданское, сдѣ-

---

же. — Подъ тѣмъ же самымъ годомъ упоминаетъ о немъ въ своей хроникѣ Іоаннъ Малала, обозначивъ, впрочемъ, только его названіе: Edictum de orthodoxa fide, adversus impia haereticorum dogmata. Малала говоритъ, что этотъ эдиктъ обнародованъ былъ въ церквахъ всѣхъ городовъ имперіи (p. 478). — Новелла 132 (544 г.), носящая названія: Edictum de fide, не заключаетъ въ себѣ изложенія вѣры, но только приглашаетъ къ исповѣданію православной вѣры и воспрещаетъ собранія еретиковъ.

(¹) Дѣян Соб. т. V. стр. 31.

(²) Theopl Chron p. 271, Malalas, p. 428; Cedrenus, 1. p. 645 — Подъ ексокіонитами (ἐξωκιονιτῶν) разумѣютъ аріанъ, живущихъ внѣ черты города Константинополя. Если къ этому показанію хронистовъ отнести законъ Юстиніана: Lib. I. Tit. V. Lex 12, то подъ ексокіонитами слѣдуетъ разумѣть аріанъ готѳовъ, находившихся на службѣ констан-

лать его обязательнымъ для всѣхъ членовъ государства путемъ законодательнымъ.

На основаніи показаній Прокопія (1), можно думать, что совѣтниками Юстиніана, не только по дѣламъ церкви, но и въ важныхъ случаяхъ, касающихся одного государства, были епископы и священники. Таковыми совѣтниками, по свидѣтельству исторіи, являются: Ипатій епископъ ефесскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, — Димитрій епископъ Кесаріи Филипповой въ Палестинѣ, папа Евсевій, (2), епископъ кесарійскій Θеодоръ Аскида, діа-

---

тинопольскаго правительства и имѣвшихъ свои церкви внѣ городской черты: Excipiuntur Gothi, qui fiunt foederati, et aliter, prout visum imperatori fuerit, honorantur. Но здѣсь не говорится объ отнятіи у еретиковъ церквей, а только объ исключеніи ихъ отъ всякихъ государственныхъ должностей

(1) Goth. l. III. c. 32. p. 409—410; c. 33. p. 429

(2) Кто такой папа Евсевій? — трудно рѣшить Патріархъ Мина въ посланіи къ Петру іерусалимскому упоминаетъ о пресвитерѣ Евсевіѣ, котораго онъ называетъ «общимъ братомъ» и даже «общимъ благодѣтелемъ». (Hard. II col. 1412) Иннокентій, епископъ Маронійскій (Maroniae), въ описаніи спора евтихіанъ съ православными (533 г.), между другими лицами, такъ или иначе участвовавшими въ диспутѣ, говоритъ еще о пресвитерѣ и кимиліархѣ Великой церкви Евсевіѣ (Harduin. t. II. col. 1160). Объ этомъ же самомъ пресвитерѣ и кимиліархѣ упоминаетъ и самъ Юстиніанъ въ своей 40-й новеллѣ, адресованной къ тому же Петру, патр іерусалимскому На этомъ основаніи нѣкоторые полагаютъ, что папою Евсевіемъ и былъ именно этотъ пресвитеръ и кимиліархъ Великой церкви Евсевій Но Котелерій, въ примѣчаніи къ 70, 83, 85 и 86 главамъ жизнеописанія св Саввы, опровергаетъ это мнѣніе тѣмъ обстоятельствомъ, что Кириллъ скиѳопольскій помѣстилъ этого папу Евсевія въ одинъ рядъ съ Епифаніемъ патр. константинопольскимъ, Ипатіемъ ефескимъ, и повсюду, гдѣ только говоритъ о немъ, ставитъ его въ разрядъ болѣе высшаго достоинства, чѣмъ что свойственно пресвитеру. На этомъ основаніи онъ полагаетъ, что *папою* Евсевіемъ былъ Евсевій, митрополитъ кизическій, присутствовавшій на константинопольскомъ соборѣ при патріархѣ Минѣ и подписавшійся подъ его актами (Hard. II. col. 1264. 1400). Объ этомъ послѣднемъ Евсевіѣ дѣлаетъ упоминаніе Прокопій «Въ Кизикѣ былъ епископъ, говоритъ онъ, по имени Евсевій, человѣкъ не менѣе Іоанна (кападокійца) непріятный для тѣхъ, кто былъ съ нимъ въ сношеніи. Жители Кизика принесли на него жалобу царю и просили, чтобъ надъ нимъ былъ произведенъ судъ; но они не имѣли въ этомъ успѣха, пото-

конъ римской церкви Пелагій, исправлявшій должность апокрисіарія папы, а впослѣдствіи и самъ папа. Кромѣ обнаруженія ловкости и ума, главнымъ условіемъ для того, чтобы войдти въ благосклонность государя и сдѣлаться близкимъ къ нему человѣкомъ, его совѣтникомъ и другомъ, служила горячая ревность къ халкидонскимъ опредѣленіямъ. какъ раскрывающимъ тоже, что̀ было раскрыто на первыхъ трехъ вселенскихъ соборахъ, какъ нераздѣльной части одного цѣлаго—православія. Само собою понятно, что знакомство новыхъ лицъ происходило по рекомендаціи уже близкихъ къ государю іерарховъ; такъ, знакомство Аскиды, какъ увидимъ, произошло чрезъ папу Евсевія, знакомство Евтихія, впослѣдствіи патріарха константинопольскаго, чрезъ патріарха Мину. Такимъ образомъ при Юстиніанѣ постоянно находился родъ духовнаго Совѣта, который такъ или иначе вліялъ на его дѣла. Патріархъ въ этомъ Совѣтѣ, уже по самому положенію, конечно, имѣлъ свое значеніе, но нельзя сказать, чтобы — всегда рѣшающее (1).

Цѣлый рядъ изданныхъ Юстиніаномъ законовъ показываетъ, что онъ предоставилъ епископамъ непосредственное вліяніе на дѣла провинціальнаго управ-

---

му что онъ былъ гораздо сильнѣе ихъ Послѣ того нѣсколько молодыхъ людей сговорились между собою и убили Евсевія, на площади города Кизика» (Pers. l. I. c. 25). На основаніи имѣющихся данныхъ о папѣ Евсевіѣ мы не рѣшаемся сказать, былъ ли онъ епископъ или пресвитеръ. Правда, онъ выставляется въ положеніяхъ высокаго достоинства; но Пелагій былъ діаконъ и тоже выставляется въ положеніяхъ высокаго достоинства. За тѣмъ, описанная Прокопіемъ ненависть кизикцевъ къ своему епископу показываетъ, что онъ большею частію долженъ былъ пребывать во своей епархіи; между тѣмъ папа Евсевій большею частію пребывалъ въ Константинополѣ или разъѣзжалъ по порученіямъ. Наконецъ, Кириллъ скиѳопольскій говоритъ о естественной смерти папы Евсевія (*τοῦ πάπα Εὐσεβίου κοιμηθέντος*. с 86), но не дѣлаетъ ни малѣйшаго намека на его убійство. Одно только достовѣрно, что онъ пользовался вліяніемъ при дворѣ Юстиніана.

(1) Vita Sabae, c. 83. 85. 86; Liberat. c. 23 24; Vita Eutychii, c. III § 19; Gotth. III c. 16 p. 340.

ленія. Новеллою 86-ю онъ даровалъ имъ право высшаго надзора надъ судопроизводствомъ префектовъ провинцій; въ случаѣ, если истецъ потерпитъ несправедливость отъ судіи или заподозритъ его въ пристрастіи, онъ обязанъ былъ обращаться къ епископу и этотъ разбираетъ его дѣло вмѣстѣ съ провинціальнымъ судьею. Если же кто либо потерпитъ оскорбленіе или какую нибудь обиду отъ судіи, то дѣло ихъ разбираетъ епископъ уже одинъ. Префектъ обязанъ былъ принимать во вниманіе совѣты епископа и слѣдовать имъ въ своихъ рѣшеніяхъ. Въ случаѣ же неисполненія этого требованія, законъ грозилъ ему жестокими наказаніями. По другимъ узаконеніямъ епископамъ предоставлялось право высшаго надзора за общественными работами и вообще за точностію выполненія законовъ провинціальными властями. Издавая эти законы, Юстиніанъ какъ бы мало вѣрилъ въ добросовѣстность и нравственность свѣтскихъ чиновниковъ; онъ, очевидно, хотѣлъ внести духъ христіанской справедливости въ среду своихъ подданныхъ лучше всего чрезъ епископовъ, какъ служителей абсолютной истины. Они, по идеѣ, какъ избранные въ народѣ и его свыше поставленные учители, какъ вполнѣ отрекшіеся отъ старыхъ языческихъ преданій, являлись болѣе, чѣмъ кто либо, способными быть хранителями правды и воспитателями народа въ духѣ новыхъ христіанскихъ идей (1). Разсматриваемое же

(1) Начало 86-и новеллы гласитъ: Ex quo nos Deus Romanorum praeposuit imperio, omne habemus studium, universa agere ad utilitatem subjectorum commissae nobis a Deo reipublicae. Текстъ этой новеллы въ разныхъ изданіяхъ по буквѣ различенъ. — Законовъ относительно епископовъ множество. Lib. I. Tit. IV. L. 21—34. Здѣсь же между прочимъ узаконены и правила ихъ поведенія —Сколь высоко Юстиніанъ поставилъ епископовъ въ государственной іерархіи, столь же строго онъ и относился къ ихъ преступленіямъ. Во второй годъ его царствованія (528 г.) епископы: Исаія родоскій и Александръ діоскопольскій во Ѳракіи были изобличены въ педерастіи. Императоръ указомъ повелѣлъ привести ихъ въ Константинополь и здѣсь, по разслѣдованіи дѣла, они лишены были сана. Послѣ того императоръ повелѣлъ отрѣзать у нихъ дѣтородные чле-

съ точки зрѣнія потребностей времени, гражданское расширеніе правъ епископовъ является глубоко обдуманнымъ средствомъ къ достиженію предначертанной цѣли—объединенію умовъ подданныхъ имперіи на основаніи выработанныхъ доселѣ церковію вѣроисповѣдныхъ опредѣленій.

Планъ объединенія, предначертанный Юстиніаномъ, коснулся не одной только чисто церковной области—подавленія ересей и дарованія свободы православію въ предѣлахъ принятаго имъ государства, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ охватилъ и чисто политическую область—возвращеніе римской державѣ всѣхъ, когда либо входившихъ въ нее, областей, подавленіе и въ нихъ распространившихся ересей, и возвращеніе господства православію. Планъ безспорно, громадный, міровой, указывающій на рѣшительный моментъ въ исторіи борьбы христіанства съ ересями и различна-

---

ны и съ безславіемъ провести ихъ по городу при восклицаніи глашатая: «епископы! не марайте честнаго достоинства» (Theoph Chron. p. 271—272) Малала нѣсколько разнится отъ Ѳеофана: онъ говоритъ, что Исаія, бывъ предварительно жестоко наказанъ, посланъ въ ссылку, а Александръ, по отсѣченіи дѣтороднаго члена, выставленъ на показъ черни (p 436). Послѣ того императоръ издалъ строжайшіе законы противъ мужеложниковъ и педерастовъ, и далъ этимъ законамъ, по свидѣтельству Прокопія, обратное дѣйствіе. Многіе оказались повинными въ этомъ грѣхѣ: и граждане и сенаторы, и архіереи: *καὶ ἕτεροι πολλοὶ κατεσχέθησαν ἀρρενοφθόροι καὶ τοὺς μὲν ἐκαυλοκόπησε, τοῖς δὲ καλάμους ὀξεῖς ἐμβάλλεσθαι εἰς τοὺς πόρους τῶν αἰδοίων προσέταξε, καὶ γυμνοὺς κατὰ τὴν ἀγορὰν θριαμβευθῆναι ὑπῆρχον δὲ καὶ τῶν πολιτῶν καὶ συγκλητικῶν πολλοὶ καὶ τῶν ἀρχιερέων οὐκ ὀλίγοι, οἳ ἐκτμηθέντες καὶ δημευθέντες κατὰ τὴν ἀγορὰν γυμνοὶ οἰκτρῶς ἐτελεύτησαν* (Cedren.). Розыски были производимы строжайшимъ образомъ Если вѣрить Прокопію, достаточно было одного показанія какого нибудь мальчика или раба на своего господина, чтобы тотчасъ же послѣдовало и наказаніе. Здѣсь же Прокопій говоритъ, что у виновныхъ въ педерастіи были отнимаемы и имущества, и что поэтому состоятельныя лица по преимуществу подверглись преслѣдованію Но это его idée fixe. Величайшій страхъ напалъ на мужеложниковъ; прочіе же, по словамъ Кедрина, отъ этого уцѣломудрились. Cedrenus, 1. p. 645—646; Theoph. Chron. p. 271—272; Malalas, p. 436; Arcana, c. 11. p. 76, nov. 77.

го рода расколами, и едва выполнимый при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Но Юстиніанъ все упованіе свое возложилъ на Бога и старался умилостивить его бдѣніемъ, постомъ и молитвами (1). Расширеніе одного свѣтскаго авторитета во всѣхъ областяхъ тогдашняго христіанскаго міра давало крѣпость и силу разбросаннымъ и угнетаемымъ исповѣдникамъ православія; но взаимно и эти разсѣянные исповѣдники православія оказали могущественное содѣйствіе возстановленію власти римскаго императора въ издревле принадлежащихъ ему областяхъ. Съ описываемой точки зрѣнія плановъ и дѣйствій Юстиніана, и его политика относительно варваровъ является вполнѣ раціональною, именно такою, каковою она и должна быть при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Чтобы быть обезопасеннымъ со стороны варваровъ и такимъ образомъ имѣть возможность всецѣло обратить силы государства на пріобрѣтеніе утраченныхъ западно-римскихъ областей, Юстиніанъ старался держать варваровъ въ союзѣ съ имперіей и въ страхѣ предъ нею: 1) посредствомъ обращенія ихъ къ православной вѣрѣ христіанской; 2) раздачею имъ подарковъ за службу имперіи, за охрану ея границъ отъ набѣговъ другихъ варваровъ, и, когда эти мѣры оказывались недѣйствительными, 3) натравливаніемъ однихъ изъ варваровъ на другихъ. Огульно осуждать всѣ эти мѣры Юстиніана относительно варваровъ и объявлять ихъ совершенно безплодными и даже вред-

(1) См. выше, стр. 474. Въ концѣ 30 новеллы онъ выражаетъ планъ и надежду свою на возстановленіе потерянныхъ римскихъ областей такимъ образомъ: Sed et bonam spem habemus (quod Deus nobis annuat) ut et caeteras gentes, quas socordia sua Romani amiserunt, cum utriusque Oceani terminos tenerent, iterum ditioni nostrae adjungamus: quas nos divino freti auxilio ad meliorem statum redigere properamus· neque quicquam detrectamus eorum, quae vel ad extremam pertinguut difficultatem, vigiliis simul et inediis, caeterisque laboribus jugiter pro subditis nostris, ultra quam naturae modus patitur, utentes, etc

ными для государства было бы крайне несправедливо и несогласно съ дѣйствительностію (1).

---

(1) Персидскій посолъ Анлиганъ, желая склонить римскаго посла Захарія къ уступкамъ, которыхъ требовали персы, сообщилъ ему въ видѣ всѣмъ народамъ извѣстнаго факта, который «потому и они (персы) знаютъ· что римская держава должна вести многія войны и дѣйствовать оружіемъ во многихъ мѣстахъ вселенной; что ея силы раздѣлены почти противъ всякаго варварскаго народа... И такъ какъ вы воюете со многими народами, а мы съ одними вами, то сообразно съ тѣмъ долженъ быть заключенъ и договоръ». (Менандръ Виз. Отрыв. 62. къ 580 г. стр. 452 — 453). Усмиреніе варваровъ, какъ показываетъ вѣковой опытъ и современная практика великихъ державъ — Россіи и Англіи, возможно только посредствомъ полнаго подчиненія ихъ и культированія по идеямъ господствующаго племени. Что не возможно было подчинить всѣхъ варваровъ, окружавшихъ римскую имперію,—это выше всякаго сомнѣнія; отъ нихъ можно было только вѣчно отбиваться и все-таки никогда не предохранить пограничныхъ мѣстностей отъ ихъ опустошеній. Юстиніанъ, для совершенія великихъ, предначертанныхъ имъ дѣлъ, послѣдовалъ уже выработанной практикою политикѣ по отношенію къ варварамъ и вносилъ въ нее только нѣкоторое видоизмѣненіе сообразно условіямъ своего времени и обстоятельствъ. Варвары проникли въ сущность его политики только тогда, когда половина великихъ дѣлъ была уже сдѣлана. Послы готескаго короля Витигеса, представленные Хозрою, сказали ему слѣдующую рѣчь: «Другіе народы, государь, по большей части отправляютъ посольства для собственныхъ выгодъ своихъ, мы посланы Уиттигесомъ, царемъ готѳовъ и италійцевъ, чтобы говорить съ тобою о дѣлахъ касающихся собственной твоей державы. Вообрази себѣ, что Уиттигесъ самъ предстоитъ лично предъ тобою и говоритъ тебѣ такія слова: Если кто скажетъ, что ты, о царь! предаешь свое царство и весь родъ человѣческій Юстиніану, тотъ скажетъ совершенную правду. Юстиніанъ, какъ человѣкъ отъ природы безпокоиный и жаждущій того, что никакимъ образомъ ему не принадлежитъ, не можетъ остаться на томъ, что было принято (имъ), но употребляетъ всѣ средства, чтобы покорить себѣ всѣ царства, и хочетъ захватить всю вселенную. Не бывъ въ состояніи напасть на персовъ съ одними своими силами, ни обратиться на другихъ въ такое время, когда персы ему противятся, онъ принялъ намѣреніе обманывать тебя подъ завѣсою мира, а между тѣмъ, порабощая другіе народы насильственно, онъ умножаетъ свои силы противъ твоей державы. Уничтоживъ уже царство вандаловъ, покоривъ маврусіевъ, послѣ того какъ подъ предлогомъ дружбы готѳы устранены имъ отъ участія въ войнѣ, онъ собралъ множество денегъ и многочисленное войско, и обратился на насъ Нѣтъ сомнѣнія, что если ему удастся совершенно сокрушить силу готѳовъ, то онъ вмѣстѣ съ ними и другими порабощенными

Самымъ враждебнымъ элементомъ для всѣхъ христіанъ имперіи были іудеи или самаряне. Уже тогда они во всей силѣ проявляли свое свойство—шинкар-

---

народами обратитъ оружіе на персовъ, ибо онъ ни во что не ставитъ имя дружбы, и не стыдится нарушенія клятвы Итакъ, пока у тебя есть надежда на спасеніе, не дѣлай намъ болѣе зла своимъ бездѣйствіемъ, дабы ты самъ не претерпѣлъ того же. Въ нашихъ бѣдствіяхъ предусматривай тѣ, которыя вскорѣ постигнутъ Персію. Помни, что римляне никогда не будутъ доброжелателями твоей державы; что они, усилившись, не замедлятъ обнаружить ненависть свою къ персамъ. Употребляй во время свою силу, чтобы не искать, когда ея не станетъ Когда благопріятное время минетъ, оно болѣе уже не возвратится. Лучше, предупредивъ зло, оградить себя, нежели, упустивъ время, подвергнуть себя позорному игу непріятеля» (Pers. II с. 2. p. 136—138 См пер. Дестун стр. 134—136). Вскорѣ потомъ явились къ Хозрою армянскіе послы и стали ему раскрывать тѣже замыслы Юстиніана, что̀ и послы готескіе, съ тѣмъ только отличіемъ, что изобразили Юстиніана еще болѣе мрачными красками, какъ самаго вѣроломнѣйшаго изъ смертныхъ (Pers II. с. 3).—Вотъ этими-то именно рѣчами враговъ Юстиніана, каковыхъ рѣчей разсѣяно въ «Войнахъ» великое множество (слич , напр., рѣчь Арсакія въ описаніи заговора Артавана, Goth. I III. с. 31 32), защитники Агсапа и стараются доказать ея полную правдивость и тожество съ Исторіею войнъ (См. напр., Dahn., p 313 316 317 и др.).—Гиббонъ обращаетъ особенное вниманіе на эту политику Юстиніана и дѣлаетъ по этому поводу какъ бы нѣкоторую нотацію варварамъ: Die Erfahrung vergangener Fehler, die zuweilen das reife Alter des Individuums bessert, nützt selten den aufeinander folgenden Menschengeschlechtern. Die um ihre gegenseitige Sicherheit unbekummerten Nationen des Alterthumes wurden von den Romern einzeln besiegt und in Sclavenbande geschlagen. Diese furchtbare Lehre hatte die Barbaren des Westens bewegen sollen sich zur rechten Zeit mit einem gemeinsamen Plane und verbundeten Waffen dem unbegrenzten Ehrgeize Justinians zu widersetzen (с 41 col 1410), рѣчи готескихъ и армянскихъ пословъ называетъ gewichtig und wirksam (с 42 col 1465). — Всегда замѣчалось и замѣчается явленіе, которое потому принимаетъ характеръ неоспоримой истины,—что ничто такъ не связываетъ народы, какъ религія Юстиніанъ, и ради служенія Богу, и въ видахъ политическихъ, старался ласками и дарами привлечь варваровъ къ союзу съ имперіи и къ принятію христіанства Въ первый же годъ его царствованія пришелъ въ Константинополь король геруловъ (Ἑλουρῶν) по имени Гретъ (Γρέτης, Γραῖτις), вмѣстѣ съ своимъ народомъ и вельможами. Онъ выразилъ императору желаніе принять христіанство и просилъ крещенія. Желаніе это было исполнено и Гретъ крестился вмѣстѣ съ вельможами и своими домочадцами. Возвращаясь въ страну свою, онъ

ничать и запутывать народъ въ своихъ сѣтяхъ. Не смотря на преслѣдованія и ограниченія ихъ правъ, какія въ разное время были сдѣланы относительно

обѣщалъ римлянамъ помогать (*συμμαχεῖν*) во всякомъ дѣлѣ, въ какомъ бы они его ни попросили (Cedrenus, I, p. 643; Theoph. Chron. p. 268). Прокопій говоритъ, что герулы (*Ἔρουλοι*) сдѣлались союзниками римлянъ и приняли христіанскую вѣру по требованію императора Юстиніана, который одарилъ ихъ землею и деньгами. Далѣе онъ замѣчаетъ, что, по принятіи христіанства, они часто ходили съ римлянами на войну. Однакожъ впослѣдствіи оказались и невѣрными, нападали на сосѣдей и безъ всякаго стыда совершали злодѣянія Послѣ того немногіе остались въ союзѣ съ римлянами; остальные же всѣ отступили отъ нихъ и жалкимъ образомъ погибли (Goth. c 14. p. 204). — Въ тоже самое время вступила въ союзъ съ римлянами одна вдова, по имени Воа (по Θеофану—*Βοαρῆξ*, по Кедрину—*Βαρῆξ*), королева гунновъ савировъ, наслѣдовавшая по смерти мужа своего Влаха (по Θеофану—*Βαλάχ*, по Кедрину—*Μαλὰχ*) стотысячное войско Юстиніанъ пріобрѣлъ ее въ союзницы щедрыми, чисто царскими, подарками, разнообразными серебряными сосудами и уплатою огромнаго количества золота. Когда послѣ этого персидскій царь Коадъ (по Θеофану и Кедрину — Кавадъ) натравилъ на римлянъ двухъ другихъ гуннскихъ князей, Тиранкса и Глома (по Θеофану — *Στύραξ καὶ Γλώνης*, по Кедрину — *Στύρακα καὶ Γλώην*), то Воа напала на нихъ и истребила все ихъ 20,000 войско; одинъ изъ нихъ, Гломъ, былъ убитъ въ сраженіи, а другой, Тиранксъ, взятый въ плѣнъ живымъ, отосланъ къ Юстиніану. «Такимъ обр. она водворила миръ и явила себя союзницею Юстиніана» (Malalas, p. 430 — 431; Theoph. Chron. p. 269; Cedrenus, I. p. 644). — Другой царь гунскій, по имени Гродъ (по Θеофану и Кедрину — *Γορδᾶς*), подданные котораго обитали близъ Босфора Киммерійскаго (что̀ около нынѣшней Керчи), пришелъ въ Константинополь и потребовалъ здѣсь у Юстиніана крещенія, которое ему и было даровано. Затѣмъ, щедро одаренный императоромъ, онъ возвратился въ свою страну, обѣщаясь охранять тамъ Босфоръ и дѣла римлянъ, и вообще быть ихъ союзникомъ противъ всѣхъ ихъ враговъ. Гродъ возвѣстилъ о щедрости и любви императора своему брату, Мугелу (по Θеофану—*Μουαγέρην*, по Кедрину—*Μοαγέραν*), и народу, и сталъ вводить христіанство. Римляне Босфора вошли въ частыя общенія съ гуннами. Но ревность, съ какою Гродъ сталъ истреблять языческія капища и идоловъ, возбудила фанатизмъ жрецовъ, которые возмутили противъ Грода народъ и умертвили его, а на мѣсто его провозгласили царемъ Мугела. Вмѣстѣ съ тѣмъ истребленъ былъ и римскій гарнизонъ Босфора. Юстиніанъ, услышавъ объ этомъ, послалъ сильное войско для отмщенія Но гунны, услышавъ о походѣ на нихъ римлянъ, разсѣялись (*ἔφυγον ἀφανεῖς γενόμενοι*) (Malalas. p. 431 — 432; Theoph. Chron. p. 269 — 271,

ихъ, они все-таки какимъ то образомъ умѣли входить въ благосклонность правительства и получать отъ него разныя полномочія. Такъ Кириллъ скиѳопольскій

Cedrenus, I. p. 644 — 645). — Объ этихъ гуннахъ упоминаетъ Прокопій, но ничего не говоритъ о принятіи ими христіанства (Pers. I. c. 12. p. 57—58. Goth. IV. c. 5. p. 480).—Въ сосѣдствѣ съ Армянами, по верхнему теченію Воаса (Чороха), жили цаны или саны, народъ—дикій, грубый и идолопоклонническій «Они грабили сосѣдственныхъ римлянъ, вели жизнь самую суровую и занимались разбоемъ. «Римскій царь ежегодно, для удержанія ихъ отъ грабежа, посылалъ имъ опредѣленное количество золота,—и они хотя клялись, по своему закону, не грабить римлянъ, однако, забывая клятвы, неожиданно нападали на армянскія и смежныя области и раззоряли ихъ до самаго моря». Такъ продолжалось дѣло, пока они не были побѣждены римскимъ полководцемъ Ситтою, сверстникомъ Велизарія, женатымъ на сестрѣ Ѳеодоры, Комитѣ. Тогда они приняли христіанство и стали жить по римскому обычаю Юстиніанъ построилъ въ ихъ странѣ церкви и усердно вводилъ христіанскіе обряды. А чтобы еще болѣе привязать ихъ къ имперіи, онъ проложилъ въ ихъ странѣ, досель, по причинѣ крутыхъ горъ, обваловъ, пропастей и первобытныхъ лѣсовъ, совершенно дикой и непроходимой, хорошіе пути сообщенія. Слѣдствіемъ всего этого было то, что цаны бросили разбой, стали записываться въ римскіе полки и съ того времени служили въ римскомъ войскѣ и участвовали въ походахъ противъ его враговъ (Pers I. c 13. p. 77 — 78. Aedif. I. III. c. 6. p 257). — По сѣверовосточному берегу Чернаго моря, въ странѣ лазовъ, жили аваги. Эти варвары, до времени Юстиніана, поклонялись рощамъ и лѣсамъ, и считали деревья за боговъ. Ими управляли два царя, которые причиняли имъ вредъ тѣмъ, что отнимали у родителей лучшихъ ихъ дѣтей мужскаго пола, оскопляли ихъ и продавали римлянамъ, а родителей ихъ, чтобы не имѣть у себя лицъ недовольныхъ, убивали «Въ царствованіе Юстиніана, замѣчаетъ Прокопій, у авагсовъ все перемѣнилось на лучшее» Ибо они приняли христіанскую вѣру; императоръ построилъ имъ храмъ Богородицы, назначилъ священниковъ, повелѣлъ имъ обучать авагсовъ всѣмъ обычаямъ христіанскимъ и строго воспретилъ оскоплять дѣтей (Goth. IV. c. 3. p. 471 — 473; Evagr. I. IV. c. 22). При устьѣ Кубани жили готы тетракситы, небольшое племя исповѣдовавшее христіанскую вѣру (Sprunner помѣщаетъ это племя при устьѣ Кубани, между тѣмъ какъ Изамберъ, въ приложенной имъ къ своему сочиненію картѣ имперіи Юстиніана, — по сѣвернымъ берегамъ Азовскаго моря даже до устья Днѣпра Догадка Изамбера неправильна; ибо Прокопій говоритъ: *παρὰ δὲ τὸν χῶρον αὐτὸν, ὅθεν ἡ τῆς λίμνης ἐκβολὴ ἄρχεται, Γότθοι οἱ Τετραξῖται καλούμενοι ᾤκηνται, οὐ πολλοὶ ὄντες*..., съ чѣмъ болѣе согласуется карта Шпруннера). Прокопій не рѣшается сказать, исповѣдовали ли они когда либо аріанство,

упоминаетъ о нѣкоторомъ самарянинѣ Силуанѣ, жившемъ въ Скиѳополѣ, „сильномъ императорскими полномочіями“ и строившемъ постоянныя козни христіа-

---

подобно прочимъ готѳамъ. Услышавъ, что авасги получили отъ Юстиніана епископа, и они отправили къ нему четырехъ пословъ съ просьбою прислать имъ епископа, такъ какъ ихъ епископъ незадолго предъ этимъ умеръ. Юстиніанъ весьма охотно исполнилъ ихъ просьбу Далѣе Прокопій прибавляетъ: *οἱ δὲ πρέσβεις οὗτοι δέει Οὔννων τῶν Οὐτουργούρων ἐς μέν τὸ ἐμφανὲς, αὐτηκόων πολλῶν ὄντων, ἀποστοματίζοντες ὅτου δὴ ἕνεκα ἥκοιεν, ἄλλο οὐδὲν ὅτι μὴ τὰ ἀμφὶ τῷ ἱερεῖ βασιλεῖ ἤγγειλαν, ὡς λαθραιότατά τε ξυγγενόμενοι ἅπαντα φρόξουσιν, ὅσα ξυνοίσειν τῇ Ῥωμαίων ἀρχῇ ἔμελλε, ξυγκρουομένων ἐς ἀλλήλους ἀεὶ τῶν σφίσι προσοίκων βαρβάρων* (Gotth I. IV. c, 4. p 474 — 475. Evagr. I. IV c. 23). — Хронисты очень разнорѣчиво передаютъ объ отношеніи Юстиніана къ омиритамъ (въ Аравіи) и авксумитамъ (въ Абиссиніи противъ омиритовъ). Прокопій говоритъ, что царь авксумитовъ, Эллисѳеэй, былъ весьма ревностнымъ христіаниномъ еще до времени сношеній съ Юстиніаномъ. Напротивъ, Малала и Кедринъ увѣряютъ, что онъ (*Ἄνδας* по Малалѣ, *Ἀδὰδ* по Кедрину) и самъ крестился во времена Юстиніана, и епископа съ клириками принялъ отъ Юстиніана Какъ бы то ни было, только Юстиніанъ вступилъ съ обоими этими народами въ союзъ, который впрочемъ, оказался совершенно безплоденъ для цѣлей политики, такъ какъ и тотъ и другой народъ были отдаленны отъ римскихъ владѣній и отдѣлены отъ нихъ трудно проходимыми песками и моремъ (Pers. I. c. 19 — 20; Malalas, p. 433 — 434; Cedrenus, I, p. 656). — На границѣ Триполитанской области жили Мавры, народъ варварскій, финикійскаго происхожденія, имѣющій городъ Кидаму. Эти Мавры, по словамъ Прокопія, уже издавна находились въ союзѣ съ римлянами По побужденію императора Юстиніана, всѣ они «добровольно» приняли христіанскую вѣру. Такъ какъ они съ самаго начала никогда не разрывали союза съ римлянами, вслѣдствіе того они по преимуществу названы «мирными» (*Πάκατοι*) отъ слова миръ (рах). Кромѣ этихъ «мирныхъ» мавровъ, Юстиніанъ обратилъ къ христіанству еще другихъ, сосѣдственныхъ Триполи, варваровъ, называемыхъ гадавитанами (*Γαδαβιτανοὶ*, западнѣе «мирныхъ» мавровъ), «преданныхъ въ то время такъ называемому еллинскому безбожію» (Aedific. I. VI. c, 3. p. 335; c. 4. p. 337). — Юстиніанъ платилъ деньги варварамъ, въ видѣ подарковъ, съ единственною цѣлію, чтобы они жили въ мирѣ съ римлянами и не только сами не нападали бы на ихъ предѣлы, но даже оберегали бы ихъ отъ нападеній другихъ варваровъ, не состоящихъ на жалованьѣ (Менандръ, отрыв. 5. стр. 323 и др) Здѣсь въ сущности мы усматриваемъ одну и ту же систему: природные греки, по изнѣженности, сдѣлались неспособными къ военной службѣ (Arc c. 24. p. 133 — 134; Gotth I. I. c. 18 p. 93; I. IV. c. 23. p. 581); войска

намъ. Какова была ненависть іудеевъ къ христіанамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго случая, разсказаннаго Евагріемъ; однажды пріобщился св. таинъ Христовыхъ, вмѣстѣ съ христіанскими мальчиками, и маленькій сынъ одного еврея, по ремеслу стекольщика. Отецъ, узнавши о поступкѣ своего сына, бросилъ его въ раскаленную печь, въ которой онъ расплавливалъ стекло. Но Богъ сохранилъ его невредимымъ. Въ іюнѣ 529 года палестинскіе самаряне подняли открытое знамя бунта противъ правительства и сожгли очень многія зданія въ Скиѳополѣ. Императоръ, извѣстившись объ этомъ, вознегодовалъ на мѣстнаго начальника Васса, лишилъ его должности и повелѣлъ въ той же самой странѣ отрубить ему голову. Самаряне, узнавъ что императоръ вознегодовалъ на нихъ, отважились на еще большія злодѣянія. Они избрали себѣ въ цари нѣкоего Юліана, человѣка своего племени, бывшаго доселѣ атаманомъ разбойни-

---

составлялись по преимуществу изъ варваровъ. Естественно, что варварамъ же поручалось и охранять предѣлы имперіи. Безспорно, обращеніе къ христіанству и плата только нѣкоторымъ варварамъ разъединяли ихъ и ослабляли ихъ силу. Но не смотря на это, происходили частыя вторженія ихъ и опустошенія предѣловъ имперіи. Особенно опасны въ этомъ отношеніи были на востокѣ сарацинскія племена, а на сѣверѣ — гуннскія, населявшія подъ разными названіями весь югъ нынѣшней Россіи, отъ предгорій Кавказа до устьевъ Дуная. Тогда Юстиніанъ старался «натравливать» ихъ другъ на друга и иногда съ великимъ успѣхомъ (Agathias, l. V. c. 24. 25, Менандръ Виз. отрывокъ 3. стран 320 — 321). При томъ же сарацинскія племена постоянно были раздѣлены между собою и одни изъ нихъ находились въ союзѣ съ римлянами, а другія — съ персами Чтобы отдѣлить и эти послѣднія племена отъ персовъ, Юстиніанъ давалъ начальнику ихъ, Аламундару, подарки, которые, однакожъ, не всегда достигали своей цѣли: Аламундаръ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ, но вмѣстѣ и вѣроломнѣйшихъ варварскихъ предводителей, не стѣснявшійся никакими договорами (Pers. l. I. c. 17 — 18. p. 86 — 91, l. II. c 1, Менандръ, стр 351. 361, и др) Самыми вѣрными и полезными союзниками римлянъ изъ сарацинъ, даже въ войскѣ самаго Аламундара, были опять-таки тѣ, которые приняли христіанство (Pers. l. II. c. 20 p. 239 — 240). Но число этихъ, принявшихъ христіанство, сарацинъ было весьма незначительно.

ковъ, и предали грабежу, разворенію и полному истребленію деревни, помѣстья, церкви; христіанъ всѣхъ безпощадно убивали. Въ особенности много пострадали окрестности Неаполя и самъ Неаполь: здѣсь они, кромѣ многихъ другихъ христіанъ, умертвили и епископа города, Аммона. Другихъ епископовъ, какіе попадались имъ въ руки, они разрубали въ куски и сожигали вмѣстѣ съ останками мучениковъ. Ужасъ овладѣлъ страною. Всѣ дороги сдѣлались непроходимыми отъ разбоя. Императоръ, услышавъ объ этомъ, поручилъ мѣстнымъ вождямъ Ѳеодору и Іоанну немедленно собрать войско и идти на бунтовщиковъ. Юліанъ былъ убитъ въ сраженіи и съ нимъ погибло до 20,000 самарянъ. Остатки разсѣялись и засѣли въ горахъ. Ихъ, по особому порученію императора, выбилъ отсюда и предалъ жестокому наказанію антіохійскій правитель Ириней. Прокопій передаетъ въ качествѣ слуха, что всѣхъ самарянъ погибло во время этого бунта до 100,000. Въ немъ принимали участіе и іудеи въ собственномъ смыслѣ, и даже язычники. Когда же, по умиреніи, упомянутый Силуанъ, скрывшійся во время бунта, снова возвратился въ Скиѳополь безъ особаго царскаго повелѣнія, то христіане напали на него и сожгли его среди города. Сынъ этого Силуана, Арсеній, проживавшій въ Константинополѣ и вошедшій въ великую благосклонность какъ Юстиніана, такъ и Ѳеодоры, постарался извратить все дѣло, наклеветалъ на палестинскихъ христіанъ и въ сильной степени возбудилъ противъ нихъ гнѣвъ императора и императрицы. Новая буря стала грозить палестинскимъ христіанамъ (1).

---

(1) Vita Sabae, c. 61 70; Evagr. l IV c 36, Дѣян. всел. соб. Казань, 1873 г. т. V стр. 485; Malalas, p 445—447; Chron Pasch. I, p. 619, Theoph Chronogr. p 274; Cedrenus, I, p. 646—647; Arcan, c. 11. p. 75, c. 27. p 130—131 —Прокопій довольно подробно говоритъ о самарянахъ, Арсеніѣ, его отцѣ и братѣ, и ихъ кознях противъ христіанъ, но онъ, ради своей злокозненной цѣли, такъ разорвалъ и пе-

Мѣсто умершаго (въ 524 г.) патріарха Іоанна замѣнилъ блаженнѣйшій Петръ, родомъ изъ Елевѳерополя (1). Новый патріархъ Іерусалима съ такою же почтительностію относился къ свѣтильнику іорданской пустыни, св. Саввѣ, какъ и прежній. Когда теперь вѣсть о гнѣвѣ императора на палестинскихъ христіанъ достигла жителей Палестины, то, чтобы отвратить нависавшую грозу, патріархъ Петръ и подчиненные ему епископы убѣдили св. Савву отправиться въ Константинополь и умолить императора простить первой и второй Палестинѣ причитающіяся съ нея государственныя подати, по причинѣ убійствъ и страшныхъ опустошеній, причиненныхъ ей самарянами. 92-лѣтній старецъ внялъ просьбѣ іерарховъ и отправился въ путь. Патріархъ Петръ послалъ императору граматы, предваряющія о приходѣ къ нему знаменитаго старца пустыни. Императоръ крайне обрадовался посѣщенію св. Саввы и выслалъ къ нему на встрѣчу своихъ скороходовъ. Патріархъ Епифаній, папа Евсевій и Ипатій ефесскій вмѣстѣ съ свитою точно также вышли къ нему на встрѣчу и торжественно ввели его въ царскія палаты. Самъ императоръ выступилъ къ нему на встрѣчу, когда онъ переступилъ порогъ пріемной императорской залы,—почтительно привѣтствовалъ его „и съ радостію и слезами облобызалъ божественную главу его“. Послѣ того, принявъ отъ него благословеніе, взялъ изъ его рукъ посланныя изъ Палестины прошенія и попросилъ его войдти во внутреннія покои императрицы и благословить ее. И Ѳеодора точно также приняла его съ радостію и привѣтствовала почтительно. Затѣмъ

репуталъ всѣ событія, что по нимъ однимъ рѣшительно нельзя составить сколько нибудь правильнаго понятія о всемъ ходѣ дѣла. Таково вообще свойство пасквилянта!

(1) Vita Sabae, c. 68, Evagr. l. IV. c. 37; Niceph. Chron p. 767; Muralt, p. 137.

она попросила старца, чтобы онъ помолился Богу о дарованіи ей сына; но онъ не внялъ ея просьбѣ и это крайне ее опечалило. Императоръ, разсмотрѣвъ просьбы палестинскихъ жителей, которыя принесъ къ нему Савва, гнѣвъ свой обратилъ послѣ этого на самарянъ и ихъ покровителя Арсенія, котораго онъ повелѣлъ казнить. Но Арсеній на время скрылся; чрезъ нѣсколько времени послѣ этого онъ пришелъ къ блаженному Саввѣ, который все еще находился въ Константинополѣ, и принялъ отъ него крещеніе вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Савва съ своими спутниками помѣстился въ императорскомъ дворцѣ.

Спустя нѣсколько дней императоръ призвалъ св. Савву къ себѣ и сказалъ ему: „узналъ я, отче, что тобою построены многіе монастыри въ пустынѣ; но гдѣ бы ты ни пожелалъ, потребуй дохода на содержаніе живущихъ,—и мы дадимъ, чтобы молились за насъ и за ввѣренное намъ государство“. Савва отвѣтилъ на это: „кто молится за ваше благочестіе, тотъ не нуждается въ доходѣ этого рода; ибо честь ихъ и доходъ ихъ есть Господь, который въ пустынѣ ниспослалъ хлѣбъ небесный народу невѣрному и противорѣчивому (Ис. 65, 2; Исх. 16, 4). Впрочемъ, и мы, благочестивѣйшій государь, просимъ, для устроенія св. палестинскихъ церквей: уступки податей; созданія досточтимыхъ храмовъ, сожженныхъ самарянами, и помощи впавшимъ въ бѣдность палестинскимъ христіанамъ. Просимъ еще васъ: постройте во св. градѣ одну больницу для попеченія о заболѣвающихъ странникахъ, создайте тамъ и украсьте нѣкогда построенную архіепископомъ Иліею новую церковь Богородицы, поелику сіе особенно прилично вашему благочестію“. Собственно для монастырей своихъ Савва попросилъ построенія крѣпости, для защиты ихъ отъ набѣговъ сарацинскихъ. За исполненіе всѣхъ этихъ просьбъ онъ обѣщалъ императору покореніе, при помощи Божіей, Африки и Рима, „и всего остальнаго царства Гонорія“, которое потеряли

предшествовавшіе императоры. „Сверхъ сего, присовокупилъ св. Савва, вамъ предстоитъ уничтожить (ἐκποδὼν ποιήσασθαι) ересь аріанскую съ несторіанской, и оригенистовъ, и освободить церкви Божіи отъ заразы этихъ трехъ ересей". Далѣе Кириллъ скиѳопольскій приводитъ и причину, почему Савва внушилъ императору уничтожить (ἀποβολὴν ποιήσασθαι) только эти три ереси. Св. Савва, говоритъ онъ, „вполнѣ (πάντως) зналъ, по внушенію Духа, что императоръ намѣренъ предпринять войну противъ готѳовъ, визиготѳовъ, вандаловъ и гепидовъ", которые всѣ были аріане и заняли области западной римской имперіи. Кромѣ того, онъ усматривалъ несомнѣнные признаки близкаго возбужденія несторіанской ереси и ереси оригенистовъ, которые особенно сильно взволнуютъ основанные имъ лавры и монастыри. Вотъ по этой то причинѣ онъ и внушилъ императору уничтожить только эти три ереси (1). Юстиніанъ удовлетворилъ всѣмъ просьбамъ св. Саввы и немедленно же принялся, съ квесторомъ Трибоніаномъ, за изготовленіе необходимыхъ для этого указовъ. Пока они занимались такимъ образомъ, Савва немного отдалился отъ нихъ и сталъ про себя читать псалмы Давида и совершать богослуженіе третьяго часа. Увидѣвъ это, одинъ изъ его учениковъ, діаконъ великой Лавры, по имени Іеремія, подойдя къ нему сказалъ: „честный отче, когда императоръ являетъ такое вниманіе къ исполненію твоихъ просьбъ,—для чего самъ ты, отступивъ отъ него, стоишь отдѣльно"? Старецъ отвѣтилъ: „они, дитя, дѣлаютъ свое дѣло; равнымъ образомъ и мы должны дѣлать свое". Снабженный царскими указами, деньгами и полномочіями, Савва отплылъ въ Іерусалимъ въ сентябрѣ (531 г.), чрезъ четыре мѣсяца послѣ прибытія своего въ Константинополь. Главный надзоръ надъ всѣмъ этимъ, какъ по

(1) Vita Sabae, c. 68. 70 71. 72.

оцѣнкѣ убытковъ, причиненныхъ самарянами христіанамъ, такъ и относительно возобновленія разрушенныхъ церквей и храма Пресвятой Богородицы въ Іерусалимѣ, возложенъ былъ на патріарха Петра и на мѣстныхъ епископовъ. Гражданскія власти обязаны были всевозможнымъ образомъ содѣйствовать требованіямъ епископовъ, основаннымъ на царскихъ указахъ (1).

Самаряне и іудеи лишены были послѣ этого всѣхъ гражданскихъ правъ: имъ воспрещено занимать какія бы то ни было общественныя должности, и синагоги ихъ повелѣно разрушить. Кромѣ того, они лишены права получать наслѣдства по завѣщаніямъ, равнымъ образомъ—и свое передавать другимъ. Зачинщики бунта преданы жестокимъ наказаніямъ. Величайшій страхъ напалъ на іудеевъ. Многіе изъ нихъ, чтобы спасти свою жизнь и имущество, приняли христіанство, но лишь для виду, лицемѣрно: когда были строгіе начальники, — они явно показывали себя христіанами, тайно же исповѣдовали іудейство; а когда строгихъ начальниковъ смѣняли слабые и притомъ жадные на деньги, то они, подкупивъ ихъ, такъ вели себя, какъ бы совершенно не знали имени христіанина и даже самихъ начальниковъ склоняли перемѣнить христіанство на іудейство (2). Спустя болѣе 20 лѣтъ послѣ этого (въ 556 г.) самаряне и іудеи Кесаріи палестинской снова произвели возстаніе; снова умертвили множество христіанъ и между ними префекта города, Стефана; снова съ яростію предавали разрушенію цѣлыя деревни, помѣстья, церкви и молитвенные домы. Императоръ жестоко наказалъ

---

(1) Vita Sabae. c. 73—75.

(2) Ibid. c 71, Chron Pasch. p 619—620; Lex. 17. l. I. Tit. 5; Arc c 11. p. 75. Иногда начальниками Палестины были поставляемы крещеные іудеи Таковые-то начальники особенно и покровительствовали своимъ соотечественникамъ и притѣсняли христіанъ. Arcan. c. 27. p. 153.

ихъ и истребилъ ихъ великое множество: одни изъ нихъ были обезглавлены, другіе повѣшены, у иныхъ отрублены руки, у другихъ же конфисковано все ихъ имущество, а нѣкоторые сосланы въ ссылку. Величайшій страхъ напалъ на жителей Кесаріи, да и на весь востокъ (1).

Одновременно съ преслѣдованіемъ іудеевъ, Юстиніанъ воздвигъ гоненіе на язычниковъ (ἑλληνίζοντας) и остальныхъ еретиковъ имперіи. Узаконенія тожественны: какъ язычники, такъ и еретики лишены права занимать общественныя должности,—избирать на нихъ дозволено было однихъ только православныхъ,—лишены права получать наслѣдство или дѣлать завѣщанія, отправлять богослуженіе и составлять собранія,—имущества ихъ подвергнуты конфискаціи въ пользу фиска, и кромѣ того данъ былъ имъ срокъ въ три мѣсяца, въ теченіе которыхъ они должны были или принять православіе или выселиться изъ предѣловъ имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ былъ изданъ еще особый эдиктъ, которымъ воспрещалось публично читать философію въ Аѳинахъ, или изъяснять законы (2). Чрезмѣрный страхъ напалъ на всѣхъ. Многіе, чтобы соблюсти свою вѣру, сами сожгли себя въ своихъ собственныхъ домахъ. Нѣкоторые изъ язычниковъ, преклоняясь предъ обстоятельствами, приняли-было христіанство, но потомъ снова были замѣчены въ либаціяхъ и языческихъ жертвоприношеніяхъ. Конфискація имуществъ язычниковъ и еретиковъ производилась въ огромныхъ

---

(1) Malalas, p. 487—488; Cedrenus, 1, p. 675; Theoph. Chron. p. 355—356.

(2) Malalas, p. 449 451; Theoph. Chron. p. 276; Cedrenus, 1, p. 647; Lex. 19 20 и др. 1 I Tit. 5.—Впрочемъ, всѣ эти законы не составляютъ чего нибудь новаго въ исторіи римско-византійскаго законодательства, они суть только развитіе и болѣе строгое примѣненіе того, что̀ уже существовало. В. Соколовъ, — Вліяніе христіанства на грекоримское законодательство. См. въ Общ. люб. дух. просв. 1878 г. Сентябрь, стр. 252—256.

размѣрахъ. Большинство еретическихъ церквей перешло въ руки православныхъ (1).

---

(1) Theoph Chron. p 276; Arcan. c 11. Cedrenus, 1. p. 642.— Кромѣ самарянъ, язычниковъ, разнаго рода еретиковъ и педерастовъ, Юстиніанъ воздвигъ гоненіе и на астрологовъ, и ихъ подвергъ обычнымъ тогда жестокимъ наказаніямъ. Казалось, онъ хотѣлъ всю свою имперію очистить отъ «чумныхъ» элементовъ. (Arc. c. 11).—Весьма любопытный, и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительный, фактъ, относящійся къ разсматриваемому случаю, передаетъ Агавія. Въ предѣлахъ римской имперіи широко распространилось мнѣніе, что за границей, въ персидской монархіи, не въ примѣръ все лучше, и самъ Хозрой знаменитъ не только военными подвигами, но и любовію къ философіи. Когда закрыта была философская школа въ Аѳинахъ и язычникамъ предоставлено на выборъ, или принять христіанство, или же переселиться изъ предѣловъ римской имперіи за границу,—семь философовъ, вершина и цвѣтъ своего времени (*οὗτοι δὴ οὖν ἅπαντες τὸ ἄκρον ἄωτον, κατὰ τὴν ποίησιν, τῶν ἐν τῷ καθ' ἡμᾶς χρόνῳ φιλοσοφησάντων*), Дамаскій сиріецъ, Симплицій киликіецъ, Евлалій фригіецъ, Прискіанъ лидянинъ, Ерміасъ и Діогенъ финикійцы, и Исидоръ газянинъ (замѣчательно, что всѣ они—изъ восточныхъ, азіятскихъ провинцій), подчиняясь общераспространенному мнѣнію, подумали, что персидскіе обычаи гораздо лучше римскихъ, что ихъ не даромъ превозноситъ общая молва, что въ Персіи и правительство наисправедливѣйшее, и государь именно таковъ, каковымъ онъ долженъ быть по описанію Платона, что философія и царство совокупились тамъ во едино; что подданные—и скромны, и нравственны, и что нѣтъ тамъ ни воровъ, ни разбойниковъ, ни другаго какого нибудь вида неправды, такъ что, если кто оставитъ какую нибудь вещь, даже самую драгоцѣнную, въ какомъ нибудь пустынномъ мѣстѣ, то она останется цѣлою до тѣхъ поръ, пока не придетъ хозяинъ ея и не возметъ ее, и никто изъ постороннихъ не прикоснется къ ней. Повѣривъ всѣмъ этимъ слухамъ, философы переселились въ Персію и нашли, что Хозрой не болѣе, какъ хитрый, лукавый и чванливый дикарь, что министры его крайне надуты, высокомѣрны и наглы, что сильные притѣсняютъ слабыхъ и обнаруживаютъ въ отношеніи къ нимъ и другъ къ другу великую жестокость и безчеловѣчность, что во множествѣ существуютъ и воры, и разбойники, и мошенники, и что совершается всякій видъ неправды. Гнуснѣе же всего показалось философамъ то, что каждый изъ персовъ можетъ имѣть столько женъ, сколько захочетъ, и тѣмъ не менѣе, при множествѣ женъ, они предавались прелюбодѣянію. Философы впали въ уныніе и до того не возлюбили Персію, что лучше пожелали умереть на границѣ римской имперіи, чѣмъ дольше оставаться среди персовъ. Единственная польза, какую они извлекли изъ своего переселенія въ Персію, та, что Хозрой,

13 января 532 года вспыхнулъ въ Константинополѣ страшный мятежъ, извѣстный подъ именемъ „Ника“, т. е. побѣждай. Трудно опредѣлить, насколько въ его происхожденіи дѣйствовали религіозные интересы. Изъ описаній хронистовъ болѣе всего вытекаетъ то заключеніе, что главною причиною его обнаруженія были угнетенія и грабительство чиновниковъ, въ особенности же префекта преторіи Іоанна каппадокійца. Но изъ разговора Юстиніана (*Μανδάτωρ*) съ прасинами, помѣщеннаго Θеофаномъ въ своей хронографіи, можно видѣть, что самъ Юстиніанъ придалъ ему религіозный характеръ. Очень можетъ быть, что когда были изданы строгіе законы противъ самарянъ, язычниковъ и еретиковъ,—наиболѣе безсовѣстные люди увидѣли въ этомъ средство выслужиться, набить себѣ карманъ, достигнуть почестей, и, естественно, совершали всякія неправды. Они, по изобра-

---

при заключеніи новаго мира съ Юстиніаномъ, выговорилъ имъ свободное проживаніе въ предѣлахъ римской имперіи. Возвращаясь, философы нашли трупъ перса, валявшагося безъ погребенія Желая оказать человѣчность и долгъ природѣ, они похоронили его; но ночью, во время сна, явился одному изъ нихъ почтенный мужъ въ философской мантіи и сказалъ: «не погребай непогребеннаго, оставь его на растерзаніе птицамъ и собакамъ: мать всѣхъ земля не пріемлетъ мужа, осквернившагося съ собственной матерію». Пробудившись, видѣвшій сонъ философъ разсказалъ его своимъ товарищамъ Они отправились въ путь далѣе, снова возвратились къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ похоронили трупъ, и, дѣйствительно, нашли его выброшеннымъ изъ земли и лежащимъ на холмѣ. Отсюда они заключили, что персы наказываютъ непогребеніемъ тѣхъ, которые осквернили себя съ своими матерями (Agath. l. II. c. 28. 30. 31). Что персы имѣли обычай выбрасывать мертвыхъ въ поле безъ погребенія на съѣденіе птицамъ и собакамъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ еще Прокопій (Pers. I. c. 11—12. p. 56—57). Какую мерзость изображали изъ себя философы, лучше всего можно видѣть изъ описанія, у Агаѳіи, нѣкоего философа, Уранія, человѣка самаго безпорядочнаго. Онъ также переселился въ Персію и особенно полюбился Хозрою (Agath. II. c. 29). Вообще же о закрытои Юстиніаномъ философской школѣ въ Аѳинахъ нужно замѣтить, что она въ сущности была не философской школой, а питомникомъ языческаго суевѣрія и магіи.

женію Прокопія, разсѣялись по всей римской имперіи, повсюду отыскивали еретиковъ и принуждали ихъ къ перемѣнѣ вѣры. Какъ бы то ни было, только въ бунтѣ соединились всѣ партіи, голубые и зеленые. Бунтъ продолжался около 10 дней и сопровождался истребленіемъ почти всего Константинополя и его художественныхъ памятниковъ. Усмиреніе бунта стоило 35,000 человѣческихъ жизней. Послѣ него Юстиніанъ издалъ въ разное время еще нѣсколько эдиктовъ, которыми воспрещались всякаго рода ереси и язычество, и повелѣвалось признавать первые четыре вселенскихъ собора и два естества въ Іисусѣ Христѣ, а не одно (1). Съ величайшею энергіей онъ принялся за возобновленіе Константинополя и въ короткое время достигъ того, что отстроилъ его и лучше прежняго, и крѣпче. Въ особенности же онъ не пощадилъ никакихъ издержекъ на построеніе великой Софійской церкви, которая, впрочемъ, скоро разрушилась отъ землетрясенія, такъ что Юстиніанъ отстроилъ ее вновь, и еще великолѣпнѣе прежняго. Всѣ современники и потомки выражали единогласное изумленіе этому зданію и считали его небывалымъ доселѣ чудомъ свѣта (2).

---

(1) Pers. I. c. 24: Прокопій неопредѣленно выражается о числѣ убитыхъ при усмиреніи «Ника»: «полагаютъ, что тогда погибло болѣе тридцати тысячъ человѣкъ». Theoph Chron p. 278—286; Chron. Pasch. p. 620—629, Lydus, de magistr. Ш. c. 70. p 265—266; Іоаннъ лидянинъ относитъ число убитыхъ при усмиреніи «Ника» до пятидесяти тысячъ человѣкъ. Evagr I. IV. c. 13; Cedrenus, 1. p 647—648; Malalas, p. 473—478. 468. 495. 491. Здѣсь говорится, что императоръ повелѣлъ сжечь языческія книги и изображенія (истуканы). Arcan. c. 11. 12. p. 79, c. 19. p. 113—114.

(2) Lydus. de magistr. I Ш. c 71. p. 266. Евагрій говоритъ: «Юстиніанъ соорудилъ великое и несравненное зданіе, которому подобнаго не представляетъ исторія,—соорудилъ церковь св. Софіи, величайшую, великолѣпную, изящную, для описанія которой не найдешь и словъ» I IV. c. 31; Aedif. I. c. 1. p. 173—179, Paul. Silent., descript. s. Soph. Theoph. Chron p. 338. 359—360; Cedrenus, 1, p. 650. 676—677;

Разрушеніе западной римской имперіи сопровождалось водвореніемъ аріанства, гдѣ прежде господствовало православіе. Африкою овладѣли вандалы; Италіей, Испаніей и частію Франціи владѣли остготы, бургунды, алане, вестготы. которые всѣ были аріане. Одни только салическіе франки приняли при Клодвигѣ, въ 495 г., православіе изъ Рима. Но они, частію по варварству и совершенному непониманію христіанскихъ истинъ, частію же потому, что не настолько были сильны и политически разумны, чтобы могли противостоять всѣмъ аріанамъ запада, не были въ состояніи дать господствующее положеніе православію на западѣ. Оно терпѣло угнетенія во всѣхъ поименованныхъ странахъ. Правда, Θеодорикъ великій, по завоеваніи Италіи, терпимо относился къ римскимъ православнымъ аборигенамъ, но и онъ, какъ видѣли (1), не выдержалъ до конца принятаго образа правленія и. въ концѣ царствованія, явилъ себя гонителемъ православія. Остальные же готѳы, его подданные, были чужды его политики и, при всякомъ удобномъ случаѣ, совершали насилія надъ православными (2). Вестготѳскіе короли въ Италіи жестоко преслѣдовали православныхъ. Король Амаларикъ подвергъ гоненію даже собственную супругу Клотильду (или Кротильду),

---

Agathias, V. c. 9. При освященіи Великой церкви, 27 декабря 537 года, Юстиніанъ, въ избыткѣ душевнаго восторга, воскликнулъ громкимъ голосомъ: «Слава Богу, благоволившему чрезъ меня совершить сіе святое предпріятіе. Я побѣдилъ тебя, Соломонъ»! Lebeau, l. XLIV. c. 30—31. t. VIII. p. 402—406.

(1) См. выше, стр. 337—340

(2) Папа Григорій Двоесловъ приводитъ множество случаевъ безправаго положенія православныхъ въ Италіи и угнетенія ихъ готѳами, начиная отъ простаго народа и кончая самими королями. Св. Григорія Двоеслова, Римск. еписк., собесѣдованія о жизни италійск. отцевъ. Казань, 1858. стр. 16—17; 57 — 58; 66—69; 93—94; 109—112; 136—138; 159—161, 163—164; 166, 175—180; 203—206. См. также Gibbon, col. 1413. 1418.

дочь Клодвига и сестру Хильдеберта, бывшаго тогда королемъ франковъ (въ 531 г.). Амаларикъ повелѣвалъ бросать въ нее пометъ и всякую мерзость, когда она отправлялась въ церковь на молитву. Разъ онъ избилъ ее даже до крови и столь жестоко, что она вскорѣ послѣ того померла (1). Но нигдѣ православные не терпѣли такихъ жестокихъ гоненій, какъ въ Африкѣ. Все, почти-что столѣтнее (2), время владычества вандаловъ въ Африкѣ было непрерывнымъ рядомъ страданій, мученій и невыразимыхъ пытокъ, какимъ подвергались православные. Ихъ лишили всякихъ гражданскихъ правъ: у нихъ отнимали имущества, церкви, монастыри, и отдавали ихъ аріанамъ; лишили права занимать государственныя должности, получать наслѣдство или дѣлать завѣщанія; массами ссылали въ ссылку или же, наподобіе дикихъ звѣрей, выгоняли изъ предѣловъ страны на растерзаніе варварамъ. Учиняя подобныя гоненія на православныхъ, короли объявляли, что они лишь примѣняютъ съ своей стороны законы древне-римскихъ императоровъ относительно еретиковъ. Кромѣ того, православныхъ подвергали истязаніямъ: однимъ обрубали ноги, руки, носъ, уши; другимъ отрѣзывали языкъ у самаго корня; инымъ вырывали волосы изъ головы до того свирѣпо, что у страдальцевъ выкатывались глаза изъ орбитъ, или же они тотчасъ же и умирали; иныхъ жестоко сѣкли по лицу, а иныхъ со связанными ногами влачили по терніямъ и такимъ образомъ умерщ-

---

(1) Baron. an. 531. n. IX—XI, Gotth. l. I. c. 13. p. 69—70.

(2) Вандалы перешли Гибралтаръ и вступили на почву Африки въ 428 году. Въ 439 году они завоевали Карѳагенъ (Baron. an. 428. 439.— Муральтъ относитъ завоеваніе Карѳагена къ 438 году). Древніе историки большею частію опредѣляютъ время покоренія Африки вандалами взятіемъ Карѳагена, хотя тоже не согласны между собою въ показаніяхъ (Evagr. l. IV. c. 16. Vict Tunun. Chron. an. 534. Marcell. com. Chron. an. 534; Vandal. l. I. c. 7. p. 344, Cod. Just. Lib. I. Tit. 27. L. 1).

вляли (1). Императоръ Левъ I, чтобы освободить Африку отъ истязаній вандаловъ и подать помощь умиравшей западно-римской имперіи, снарядилъ-было армаду съ 100,000-мъ войскомъ и ввѣрилъ главное начальство надъ нею брату своей супруги Верины, Василиску. Но экспедиція, вслѣдствіе неспособности и безпечности главнокомандующаго, кончилась самымъ жалкимъ образомъ: флотъ былъ сожженъ и половина войска погибла (въ 468 г.). Пораженіе Василиска по-

(1) Уже Гизерихъ, коварный завоеватель Африки, проявлялъ страшную жестокость относительно православныхъ Но всѣхъ свирѣпѣе вандальскихъ королей былъ сынъ Гизериха, Онорихъ (Гунерикъ). «Онъ, по словамъ Прокопія, сожигалъ и умерщвлялъ всякими родами смерти каждаго, о комъ узнавалъ, что онъ мало изъявлялъ готовности слушаться его повелѣній — переходить въ аріанскую секту Многимъ отрѣзалъ языкъ у самаго корня, они, еще и теперь пребывая въ нашемъ городѣ Византіи, явственно говорятъ, какъ бы ничего не потерпѣвъ отъ этого наказанія. Но поелику двое изъ нихъ осмѣлились имѣть дѣло съ блудницами, то и потеряли способность говорить» (Vandal. l. I. c. 8 p. 344—345; Evagr. l IV. c. 14). Объ этомъ чудесномъ дарѣ слова безъ языка упоминаетъ еще, какъ очевидецъ, философъ Эней Газскій (см Христ. Чтен. 1873 г. стр. 225. Также Gibbon, col. 1244). Наконецъ, объ этомъ чудѣ, какъ извѣстномъ не только столицѣ, но и имперіи, свидѣтельствуетъ самъ Юстиніанъ въ одномъ изъ своихъ постановленій Vidimus venerabiles viros qui abscissis radicitus linguis suas poenas miserabiliter loquebantur (Lib. I. Tit. 27. L. 1) Папа Григорій великій нѣсколько варьируетъ разсказъ объ этомъ чудѣ. Во-первыхъ онъ утверждаетъ, что языки были отрѣзаны нѣкоторымъ епископамъ, и во-вторыхъ,—что лишился дара слова только одинъ епископъ, за то, что «предался роскоши». Григорій слышалъ объ этомъ чудѣ въ бытность свою въ Константинополѣ отъ одного старца епископа, который видѣлъ его самъ (Собесѣдованія, стр 233—234). Наиболѣе хитро дѣйствовалъ Тразамундъ, «отличающійся, по словамъ Прокопія, красотою, умомъ и особенно великодушіемъ. Онъ также принуждалъ христіанъ перемѣнять отцевскую вѣру, но не истязаніемъ тѣлесъ, какъ его предшественники, а раздачею почестей, правительственныхъ должностей и щедрыхъ денежныхъ подарковъ .. Если же нѣкоторые попадались ему, обвиняемые въ великихъ преступленіяхъ, добровольныхъ или случайныхъ, то въ награду за перемѣну религіи онъ предлагалъ имъ прощеніе ихъ преступленій» (Vand l. I c. 8 p 345—346) Этотъ Тразамундъ былъ особенно любезенъ царю Анастасію (ibid.). О преслѣдованіяхъ вандаловъ см также Состояніе церкви въ Афр. въ эпоху влад. ванд. Христ. Чтен. 1873, ч. 1, Gibbon, col. 1237—1244.

казалось современникамъ столь невѣроятнымъ, что пущена была молва (можетъ быть друзьями Василиска для сохраненія военной его чести), будто онъ заключилъ съ аріаниномъ Аспаромъ тайный договоръ, по которому онъ обѣщался пощадить Гизериха и лишить западную имперію послѣдней надежды (1). Послѣдующія обстоятельства менѣе всего способны были поддержать славу римскаго оружія и оказать помощь западнымъ христіанамъ, угнетаемымъ аріанами: Зенонъ принужденъ былъ заключить вѣчный миръ съ Гизерихомъ и успѣлъ выговорить только нѣкоторыя облегченія православнымъ въ Африкѣ, соблюдать которыя, впрочемъ, вандалы не считали себя обязанными. Миръ этотъ твердо хранили, какъ самъ импера-

---

(1) Vand I 1 c. 6: *ἀλλ' ἐπεὶ οὐκ ἔδει Βανδίλους τῷ στόλῳ τούτῳ ἀπολωλέναι, αὐτοκράτορα τοῦ πολέμου ποιεῖται Βασιλίσκον, Βηρίνης τῆς γυναικὸς ἀδελφὸν ὄντα καὶ τῆς βασιλείας ἐκτόπως ἐρῶντα, ἣν οἱ ἤλπισεν ἀμαχητὶ ἔσεσθαι. τὴν Ἄσπαρος προσποιησάμενος φιλίαν αὐτὸς γὰρ Ἄσπαρ τῆς Ἀρείου δόξης μεταποιούμενος, ταύτην τε οὐκ ἐννοῶν μετατίθεσθαι, παρελθεῖν μὲν εἰς τὴν βασιλείαν οὐχ οἷός τε ἦν, καταστήσασθαι δὲ ἐς αὐτὴν ἕτερον εὐπετῶς ἴσχυσεν, ἤδη τε Λέοντι τῷ βασιλεῖ ὡς ἐπιβουλεύσει προσκεκρουκότι ἐπίδοξος ἦν· λέγουσιν οὖν Ἄσπαρα τότε δείσαντα μὴ Βανδίλων ἡσσωμένων ὁ Λέων ὡς ἀσφαλέστατα τὴν βασιλείαν κρατύνηται, πολλὰ Βασιλίσκῳ ἐπισκήψαντα παρακαθέσθαι οἱ Βανδίλους τε καὶ Γιζέριχον.* Слич выше, стр. 180—181. Theod Lect I. c 2: «Царь Левъ послалъ войско въ Африку противъ Гизериха. Это войско было столь велико, что однихъ перевозившихъ его матросовъ насчитывалось до семи тысячъ Но братъ супруги Льва Верины, Василискъ, которому ввѣрено было командованіе войскомъ, взявъ, по совѣту Аспара, деньги, явился измѣнникомъ въ такое время, когда Гизерихъ находился уже наканунѣ пораженія». Gibbon, col. 1197—1198. Die Gesammtausgabe des Afrikanischen Feldzuges, durch welche Mittel sie immer bestritten worden sein mochte, stieg bis zur Summe von hundertdreiszigtausend Pfund Goldes, gegen funf Millionen zweihunderttausend Pfund Sterling, und zwar zu einer Zeit, wo der Werth des Goldes, wie sich aus der Vergleichung des Kornpreises ergiebt, etwas höher gewesen ist als in dem laufenden Jahrhunderte. Die Flotte bestand aus eilfhundertdreizehn Schiffen, und die Zahl der Soldaten und Matrosen uberstieg hunderttausend Mann.

торъ Зенонъ, такъ и его преемники: Анастасій и Юстинъ (1).

Но у православныхъ христіанъ, какъ востока, такъ и запада, составилось твердое убѣжденіе, что аріане нѣкогда будутъ изгнаны изъ несправедливо занятыхъ ими областей и православіе снова тамъ восторжествуетъ. Поселеніе готѳовъ и вандаловъ въ предѣлахъ западной римской имперіи было признаваемо не иначе, какъ узурпаціей и тиранніей, которая потому, какъ безправая и беззаконная, должна была окончить свое существованіе (2). Въ Карѳагенѣ было обшераспространенно извѣстіе, что священномученикъ Кипріанъ, церковь котораго вандалы осквернили и превратили въ аріанскую церковь, о чемъ сильно безпокоились карѳагеняне, „нерѣдко являлся имъ во снѣ и убѣждалъ ихъ нисколько не безпокоиться о немъ; потому что придетъ время и онъ отмститъ за себя“ (3). Римскіе патриціи и сами римскіе первосвященники сильно убѣждали восточныхъ императоровъ освободить Италію и Африку изъ-подъ ига еретиковъ-варваровъ (4). Безспорно, что просьбы о помощи страждущимъ православнымъ христіанамъ Африки были часто обращаемы къ императорамъ и со стороны самихъ африканцевъ: въ этомъ убѣждаютъ насъ частыя ихъ бѣгства въ Византію, гдѣ ихъ всегда пребывало множество, и недовѣріе къ нимъ вандальскихъ королей, которые постоянно подозрѣвали ихъ въ измѣнѣ (5). Точно такое же подозрѣніе питали къ православнымъ Италіи и короли готѳовъ (6).

(1) Vand. I. c. 7. p. 343—344. Evagr. l. Ш. c 20; Хр. Чтен. 1873. ч. I. стр. 220.

(2) Vita Sabae, c. 74.

(3) Evagr. IV c. 16

(4) Ibid. Ш c 20; Goth. Ш. c 35. p 428.

(5) Evagr. IV. c. 14, Lib. I Tit. 27 Lex I; Vand I. c. 8. p 344; Христ Чтен. 1873. ч I. стр. 203 223 и др.

(6) Goth. I. c 11. p 61; c. 26. p. 123; l. Ш. c 21. p. 3--68 370 и др.

Гизерихъ, умирая, оставилъ завѣщаніе, чтобы королевскій вѣнецъ всегда принадлежалъ старшему въ его родѣ по мужской линіи. По смерти Тразамунда (въ іюнѣ 523 г.), королемъ провозглашенъ былъ Илдерихъ, сынъ Онориха и внукъ Гизериха. Илдерихъ былъ человѣкъ слабый, войны не любилъ и совершенно прекратилъ гоненіе на православныхъ. Юстиніанъ, еще въ качествѣ соправителя своего дяди Юстина, вступилъ съ нимъ въ тѣсную дружбу и оба правительства стали обмѣниваться посольствами. Это возбудило подозрѣніе національной партіи вандаловъ, во главѣ которой сталъ Гелимеръ, внукъ Гензона, старшаго сына Гизериха. Властолюбивый, настойчивый и хитрый, Гелимеръ сталъ внушать вандальскимъ вельможамъ, что Илдерихъ ведетъ себя такъ, какъ бы вовсе не существовало королевскаго рода Гизериха и какъ будто онъ намѣренъ предать вандальскую державу Юстину, и что, потому, необходимо провозгласить королемъ его, Гелимера. Аріанское духовенство, недовольное вѣротерпимостію Илдериха, приняло сторону Гелимера и оказало ему всевозможную поддержку. Илдерихъ былъ низложенъ и заключенъ въ тюрьму (въ 530 г.), а Гелимеръ провозглашенъ на мѣсто его королемъ. Юстиніанъ, узнавъ объ этомъ, отправилъ къ Гелимеру посольство и потребовалъ возстановленія Илдериха. Гелимеръ отослалъ легатовъ Юстиніана безъ всякаго успѣха, а Илдериха подвергъ еще болѣе тяжкому заключенію. Юстиніанъ отправилъ вторичное посольство къ Гелимеру и потребовалъ по крайней мѣрѣ присылки Илдериха въ Византію, гдѣ бы онъ могъ найдти себѣ утѣшеніе; въ противномъ случаѣ грозилъ войною. Гелимеръ посовѣтовалъ Юстиніану болѣе заниматься дѣлами своего государства и не вмѣшиваться въ чужія дѣла. Такой отвѣтъ крайне раздражилъ Юстиніана. Быстро онъ рѣшаетъ объявить войну вандаламъ — и, чтобы имѣть руки свободными, поспѣшилъ (533 г.) заключить миръ съ персами, съ которыми доселѣ находился

въ войнѣ,—вызвалъ съ востока Велизарія и собралъ совѣтъ министровъ. Здѣсь онъ объявилъ о своемъ намѣреніи предпринять войну противъ вандаловъ; трогательно описалъ страданія, какія чинили аріане надъ православными Африки; изобразилъ дружбу съ Ильдерихомъ, требующую отмщенія его врагу; наконецъ, высказалъ и тѣ предзнаменованія и признаки, которые, по всѣмъ соображеніямъ, обѣщали счастливый исходъ дѣла. Какъ громомъ поразило министровъ рѣшеніе императора и смертельная тоска овладѣла ими. Всѣ молчали, не зная что̀ говорить. Наконецъ, прервалъ всеобщее молчаніе Іоаннъ Каппадокіецъ и, пользуясь своею близостію къ императору, подошелъ къ нему и сказалъ, что опытъ императора Льва, стоившій множества денегъ и людей, заставляетъ отложить новую экспедицію; что страна вандаловъ и сильна и слишкомъ удалена отъ имперіи; что трудности похода не обѣщаютъ успѣха; что, даже въ случаѣ успѣха, Африку невозможно удержать безъ обладанія Сициліей и Италіей; что вообще плода отъ побѣды надъ вандалами не произойдетъ никакого, между тѣмъ какъ вредъ отъ пораженія съ ихъ стороны будетъ неисчислимый, и что перемѣна рѣшенія бываетъ безопасна и спасительна тогда, когда зло еще не совершилось. Императоръ согласился съ этою рѣчью Іоанна и отложилъ чрезмѣрное попеченіе о войнѣ. „Но тогда, говоритъ Прокопій, нѣкто изъ іереевъ, которыхъ называютъ епископами, пришедшій съ востока, сказалъ, что онъ имѣетъ нѣчто, что̀ онъ желаетъ словесно сообщить императору. Введенный для разговора, онъ объявилъ, что онъ получилъ отъ Бога повелѣніе идти къ императору и обвинить его въ томъ, что онъ, сначала принявъ намѣреніе освободить африканскихъ христіанъ изъ-подъ ига тирановъ, потомъ устрашился какимъ-то суетнымъ страхомъ. Но, сказалъ, Господь изрекъ вотъ что: Я приду на помощь сражающемуся и покорю его власти Африку“. Услышавъ это, императоръ пересталъ уже колебаться и

началъ дѣятельно готовиться къ войнѣ. Къ тому же онъ подкрѣпленъ былъ еще явленіемъ ему во снѣ епископа Лета, стяжавшаго славу мученика при Онорихѣ. Велизарій получилъ повелѣніе постоянно быть готовымъ къ походу. Около лѣтняго солнцестоянія 533 года адмиральскій корабль подведенъ былъ, по распоряженію Юстиніана, къ прилегающему къ царскому дворцу берегу, куда въ тоже время прибылъ и патріархъ Епифаній. Совершивъ по установленному порядку, молитву Богу, патріархъ послалъ на корабль одного, только-что крещеннаго, волна, и затѣмъ Велизарій отплылъ вмѣстѣ съ своею женою Антониной. Черезъ три мѣсяца труднаго морскаго путешествія, флотъ присталъ къ африканскому берегу и Велизарій произвелъ высадку войска. Случилось, что на слѣдующій день нѣкоторые изъ солдатъ предались грабежу. Велизарій сильно осудилъ ихъ поступокъ. „Когда я согласился принять начальство надъ вами, чтобы высадить васъ на этой землѣ,—сказалъ онъ,—то—единственно потому только, что питалъ надежду, что африканцы, которые суть римляне по происхожденію, невѣрны (ἄπιστοι) къ вандаламъ и раздражены противъ нихъ. Поэтому я думалъ, что мы ни въ съѣстныхъ припасахъ не будемъ терпѣть недостатка, ни всякое враждебное движеніе непріятеля не останется намъ неизвѣстнымъ. Но теперь ваша невоздержность все перевернула наоборотъ. Ибо благоволеніе африканцевъ вы обратили на вандаловъ, а на себя самихъ — только ихъ ненависть; ибо совершенно естественно, что претерпѣвающіе насиліе обращаютъ свою вражду къ тѣмъ, которые имъ наносятъ ее. И вы, обнаруженіемъ предосудительной жадности, сдѣлали то, что изъ-за нѣсколькихъ мелкихъ монетъ, которыя сберегли, потеряли собственную безопасность и изобиліе благъ, тогда какъ покупкою съѣстныхъ припасовъ у добровольно продающихъ ихъ былъ бы удаленъ признакъ несправедливости и вы пріобрѣли бы ихъ дружбу. Итакъ, вы теперь имѣете

врагомъ своимъ и вандаловъ, и африканцевъ, а я прибавлю, и самаго Бога, который никому не помогаетъ, кто совершаетъ несправедливость. Но прекратите нападать на чужое имущество и отбросьте гибельнѣйшую прибыль; потому что спасеніе зависитъ главнымъ образомъ отъ воздержанія и умѣренности, а достойное осужденія своеволіе ведетъ къ погибели. Ибо, если вы свято будете соблюдать все сказанное, тогда вы Бога будете имѣть помощникомъ, африканцевъ друзьями и вандаловъ легко доступными". Гелимеръ, узнавъ о высадкѣ римлянъ, тотчасъ повелѣлъ умертвить Илдериха. Спустя дня два или три послѣ этого, предъ праздникомъ св. Кипріана, котораго особенно чтили африканцы, произошло, въ окрестностяхъ Карѳагена, генеральное сраженіе между вандалами и римлянами. Гелимеръ былъ разбитъ и бѣжалъ въ нумидійскую пустыню. Аріанское духовенство, въ надеждѣ, что вандалы останутся побѣдителями, сдѣлало великолѣпныя приготовленія для совершенія праздника св. Кипріана. Вѣсть о побѣдѣ римлянъ, которая достигла Карѳагена прежде вступленія въ него Велизарія, безмѣрно восхитила карѳагенянъ. Аріанское духовенство, предчувствуя, что насталъ конецъ его господству, добровольно уступило православнымъ уже по праздничному убранныя и освѣщенныя церкви и бѣжало. Городъ былъ иллюминованъ и блестѣлъ огнями во всю ночь съ 14-го на 15-е сентября. Народъ праздновалъ свою свободу. Такъ свят. Кипріанъ „отмстилъ" за себя осквернителямъ его храмовъ—аріанамъ. Велизарій предпринялъ нужныя мѣры, чтобы солдаты его не произвели грабежа или какого нибудь насилія жителямъ. Извѣщая Юстиніана о своей побѣдѣ, онъ имѣлъ полное право сказать, что онъ въ три мѣсяца подчинилъ императору Африку: вандалы безъ сопротивленія слагали оружіе и отказывались отъ своей свободы; провинціи подчинялись одна за другою и самъ Гелимеръ, весною слѣдующаго, 534 года, взятъ былъ въ плѣнъ. Такимъ образомъ

африканская война могла считаться оконченной (1). Велизарій возвратился въ Константинополь съ огромною добычей, въ числѣ которой находились между прочимъ священные сосуды, принесенные въ Римъ Титомъ изъ храма Соломонова, а изъ Рима похищенные вандалами при Гизерихѣ. Юстиніанъ благоговѣйно отослалъ эти сосуды въ Іерусалимъ, какъ святыню, безспорно ему принадлежащую. Гелимеръ получилъ значительныя помѣстья въ Галатіи; но такъ какъ онъ не хотѣлъ отказаться отъ аріанства, то и не причисленъ къ сословію патриціевъ. Немедленно по завоеваніи Африки, Юстиніанъ издалъ опредѣленія о ея управленіи. Соборъ африканскихъ епископовъ отправилъ къ нему посла, діакона Ѳеодора, чрезъ котораго просилъ его заняться исправленіемъ церковныхъ дѣлъ, нарушенныхъ вандалами. Юстиніанъ исполнилъ ихъ просьбу: аріанство было воспрещено; всѣ церкви, помѣстья и другія имущества, отнятыя аріанами у православныхъ, повелѣно было снова возвратить этимъ послѣднимъ. Далѣе, какъ аріанамъ, такъ еще и донатистамъ воспрещено собирать собранія, совершать крещеніе, строить церкви, рукополагать епископовъ или клириковъ,—словомъ и тѣ и другіе, и аріане и донатисты, отнесены къ разряду нетерпимыхъ сектъ и къ нимъ примѣнены во всей силѣ законы, изданные противъ еретиковъ: достаточно съ нихъ и того, сказано въ узаконеніи, что они живутъ; но они не должны имѣть никакой власти надъ православными и не причинять имъ никакой обиды. Наряду съ этими узаконеніями Юстиніанъ строилъ новыя церкви или возобновлялъ старыя; возобновлялъ и строилъ также города. Увѣряютъ, что онъ возстановилъ не менѣе 150 городовъ „и возстановилъ ве-

(1) Vandal. l. I c. 8—12; c. 15—16. c. 20; Evagr. l IV. c 16; Vict. Tunun Chron. an. 533—534. Marcell com. Chron. an. 533—534, Gibbon, col 1391 sqq. Lebeau. l. LII c. 5—7 sqq

ликолѣпно". Впрочемъ, это была только казовая сторона дѣла; описанные перевороты не могли пройдти безслѣдно для народонаселенія: вандалы безпощадно гнали православныхъ; приведенное постановленіе объ аріанахъ и донатистахъ вызвало въ средѣ аріанъ волненія, потребовавшія суровыхъ мѣръ. Безпрерывныя войны уносили свои жертвы. Очень понятно, что народонаселеніе Африки значительно порѣдѣло и имя вандаловъ исчезло съ лица земли (1). Юстиніанъ посмотрѣлъ на завоеваніе Африки, какъ на особенную милость, оказанную ему Богомъ за ревнованіе по правой вѣрѣ, и считалъ себя не болѣе, какъ орудіемъ, посредствомъ котораго Богъ отмстилъ еретикамъ за поруганіе своей церкви (2).

Разрушеніе вандальскаго царства подавало поводъ къ начатію войны съ готѳами и къ разрушенію царства этихъ послѣднихъ. Послѣ покоренія Карѳагена и прилегающихъ къ нему провинцій, Велизарій послалъ отдѣльные отряды для занятія острововъ: Сар-

---

(1) Vand. l. II. c. 9. p. 446; Evagr IV. c. 16—18; Vita Sabae, c. 74; Baron. an 534. n LI—LXV; an. 535 n. XLII—XLVII, Novell. 36. 37; Lib I. Tit. 27. Lex. 1. 2; Arcana, c 18. p. 106—107.

(2) Lib. I. Tit. 27. L. 1: Quas gratias, aut quas laudes Domino Deo nostro Jesu Christo exhibere debeamus, nec mens nostra potest concipere, nec lingua proferre. Multas quidem et antea a Deo meruimus largitates, et innumerabilia circa nos ejus beneficia confitemur, pro quibus nihil dignum nos egisse cognoscimus. . Quo ergo sermone, aut quibus operibus dignas Deo gratias agere valeamus, qui per me ultimum servum suum, Ecclesiae suae injurias vindicare dignatus est, et tantarum provinciarum populos a jugo servitutis eripere? Quod beneficium Dei antecessores nostri non meruerunt, quibus non solum Africam liberare non licuit, sed et ipsam Romam viderunt ab eisdem Vandalis captam, et omnia imperialia ornamenta in Africam exinde translata. Любопытно при этомъ снести слова одновременно изданной Юстиніаномъ новеллы (6) Inde (см. предисл. этой новелл. выше, стр 61—62) adeo maximam habemus sollicitudinem circa vera Dei dogmata, et circa sacerdotum honestatem, quam illis obtinentibus credimus, quia per eam maxima nobis dona dabuntur a Deo, et ea quae sunt, firma habebimus, et quae nondum hactenus venerunt, aequiremus, etc.

динiи, Корсики, Маiорки, Минорки, Ивисы (Ἔβουβα) и Сицилiи. Этотъ послѣдній островъ собственно принадлежалъ готѳамъ и вандалы владѣли здѣсь лишь небольшимъ мысомъ Лиливейскимъ съ крѣпостію тогоже имени, которые получены ими отъ Ѳеодорика въ приданое за сестрою его Амалафридой, сочетавшейся бракомъ, по смерти перваго своего мужа изъ готѳскихъ вельможъ, съ вандальскимъ королемъ Тразамундомъ. Крѣпость эта и мысъ, незначительные сами по себѣ, весьма важны были въ стратегическомъ отношеніи. Готѳы, занявшіе Лиливей какъ только открылась война вандальская, отказались передать его въ руки римлянъ. Велизарій написалъ имъ письмо, въ которомъ объявилъ, что отказъ передать римлянамъ Лиливей составляетъ величайшую несправедливость, такъ какъ онъ принадлежалъ вандаламъ, а они входятъ теперь въ составъ римской имперіи; что кромѣ того онъ наноситъ оскорбленіе императору, благоволеніе котораго должно быть особенно дорого готѳамъ, и что дальнѣйшее ихъ упорство въ этомъ дѣлѣ поведетъ къ войнѣ, которая можетъ окончиться разрушеніемъ всего готѳскаго царства. Готѳы отвѣчали, что имъ принадлежитъ вся Сицилія; что передача Лиливея вандаламъ не утверждена никакимъ закономъ; что поэтому она необязательна для готѳовъ, и что Велизарій справедливѣе поступитъ, если, не начиная войны, подождетъ рѣшенія самаго императора относительно этого дѣла (1). Велизарій согласился; а между тѣмъ Юстиніанъ уже завязалъ съ готѳами сношенія, которыя прямо привели къ войнѣ.

По смерти Ѳеодорика великаго управленіе обширнымъ готѳскимъ государствомъ перешло въ руки восьмилѣтняго внука его Аталарика подъ опекунствомъ матери его Амалазунты (2). Умирая, Ѳеодо-

(1) Vandal. l. I. c. 8. p. 346 sqq l. II. c. 5. p. 430—433.

(2) Евагрій несправедливо называетъ ее супругою Ѳеодорика. l. IV. c. 19.

рикъ завѣщалъ готѳамъ почитать царя, любить римскій сенатъ и народъ, и всегда имѣть благосклоннымъ и милостивымъ восточнаго государя, которому онъ поручилъ высшій надзоръ надъ юностію своего внука и вдовствомъ дочери. Амалазунта въ высокой степени была одарена всѣми лучшими дарами природы: молодая, цвѣтущая и прекрасная собою, она обладала обширнымъ, проницательнымъ и просвѣщеннымъ наукою умомъ, рѣшительною волей и, тѣсно связаннымъ съ этими качествами, властолюбіемъ. Она съ достоинствомъ продолжала политику своего великаго отца и умѣла держать необузданныхъ, варварскихъ готѳовъ въ подчиненіи. Былъ у нея родственникъ Теодатъ, сынъ сестры Ѳеодорика великаго, Амалафриды, отъ перваго ея брака съ готѳскимъ вельможей. Этотъ Теодатъ ознаменовалъ себя преданностію наукѣ, прилѣжно занимался философіей, но былъ совершенно неспособенъ къ управленію и кромѣ того еще отличался крайней скупостію и проявленіемъ самаго узкаго эгоизма. Владѣя обширными помѣстьями въ Тосканѣ, онъ нападалъ на сосѣднія владѣнія и присоединялъ ихъ къ своимъ. Амалазунта всѣми мѣрами противодѣйствовала ему, обличала его въ скупости, заставляла возвращать отнятое имѣніе собственникамъ и тѣмъ пріобрѣла въ немъ себѣ злѣйшаго врага. Но болѣе всего печалило ее поведеніе Аталарика, который по мѣрѣ возраста сталъ обнаруживать всѣ свойства развратнаго юноши. Разъ выведенная изъ терпѣнія какимъ-то безобразнымъ его поступкомъ, Амалазунта дала ему пощечину. Аталарикъ бѣжалъ въ лагерь готѳовъ и пожаловался имъ на нанесенное ему оскорбленіе. Готѳы возмутились и порѣшили, что не прялка должна управлять народомъ, а копье: Амалазунта удалена была отъ опеки. Аталарикъ, получивъ свободу, съ увлеченіемъ предался вину и женщинамъ, и скоро разстроилъ свое здоровье. Юстиніанъ глубоко уважалъ Амалазунту, какъ одну изъ умнѣйшихъ женщинъ въ свѣтѣ, и Амалазунта знала это,

Предвидя гибельный конецъ поведенія Аталарика и зная, что готѳскіе вельможи раздражены противъ нея, она, для сохраненія въ будущемъ собственной жизни, а можетъ быть и власти, отправила къ императору тайное посольство съ вопросомъ: дастъ ли онъ убѣжище дочери Ѳеодорика, въ случаѣ, если она въ скоромъ времени оставитъ Италію? Императоръ съ живѣйшею радостію поспѣшилъ изъявить свое согласіе и повелѣлъ приготовить къ ея принятію дворецъ въ Диррахіумѣ (Дураццо). Онъ весьма основательно усмотрѣлъ въ предложеніи Амалазунты намѣреніе съ ея стороны передать ему Италію; Амалазунта вынуждена была ходомъ событій заговорить съ нимъ объ этомъ яснѣе (1).

Константинопольское населеніе сильно волновала въ это время формула: „Единъ отъ Троицы плотію смерть претерпѣлъ“. Выше (2) не разъ было замѣчено, что монофизиты, для лучшаго распространенія своей ереси, внесли въ Трисвятое выраженіе: „распныйся за ны“, причинявшее неоднократныя волненія въ средѣ православныхъ. Этому выраженію монофизитовъ, для опроверженія столько же евтихіанской ереси, какъ и несторіанской, скиѳскіе монахи противопоставили формулу: „Единъ отъ Троицы плотію смерть претерпѣлъ“. Ихъ сторону принялъ и сильно поддерживалъ Виталіанъ; но противъ нихъ горячо возстали монахи, акимиты, съ самаго начала заявившіе себя ревностными противниками монофизитства. Они ни-

---

(1) Gotth. l. I. c. 2. 3; Evagr. l. IV. c. 19; Lebeau, l. XLIII. c. 11—14; Gibbon, col. 1411 sqq; Jornandis de Gotthorum origine et rebus gestis. c. LIX: eisque in mandatis dedit, ac si testamentali voce denuntians, ut regem colerent, senatum populumque Romanum amarent, principemque orientalem placatum semper propitiumque haberent.... Dum ergo ad spem juventutis Athalaricus accederet, tam suam adolescentiam quam matris viduitatem Orientis principi commendavit. Cassiodor. variarum, lib. X. ep. 1—4; lib. XI. ep. 1.

(2) См. стр. 184. 257 и др.

какъ не хотѣли признать Дѣву Марію „въ собственномъ смыслѣ“ Богородицею и рѣшительно отвергали истинность формулы: „Единъ отъ Троицы плотію смерть претерпѣлъ“. Когда при Юстинѣ прибыли въ Константинополь папскіе легаты для заключенія мира и единенія римской церкви съ восточною (1), то скиѳскіе монахи поставили имъ, какъ условіе для мира и единенія церквей, и принятіе формулы: „Единъ отъ Троицы плотію смерть претерпѣлъ“. Папскіе легаты обозвали ихъ еретиками, за что въ свою очередь скиѳскіе монахи обозвали еретиками ихъ самихъ. Юстиніанъ сначала, подъ вліяніемъ папскихъ легатовъ, тоже не возлюбилъ скиѳскихъ монаховъ и обзывалъ ихъ еретиками; но потомъ, вѣроятно, скиѳскіе монахи съумѣли войдти къ нему въ довѣріе и разъяснили ему, въ чемъ дѣло: Юстиніанъ принялъ ихъ сторону. Неблагопріятно посмотрѣлъ на скиѳскихъ монаховъ и, хотя и не прямо, осудилъ ихъ также и папа Ормизда. Лишь знаменитѣйшіе изъ Африканскихъ исповѣдниковъ усмотрѣли въ формулѣ скиѳскихъ монаховъ истинность и православіе мысли. Съ теченіемъ времени признали ея православіе восточные патріархи и большинство восточныхъ епископовъ (2).

---

(1) См выше, стр. 302 и слѣд.

(2) Baron an 519 n LXXVIII — CXXIV, an. 520. n. VI. XVII. XVIII—XXV. Здѣсь Баронiй очень подробно изложилъ дѣло скиѳскихъ монаховъ Онъ относится къ нимъ крайне враждебно, повсюду называетъ ихъ еретиками и бранитъ крайне неприличными словами, главнымъ образомъ потому, что къ нимъ враждебно отнеслись папскіе легаты и самъ папа Ормизда Но папа Іоаннъ II, какъ увидимъ, одобрилъ ихъ положеніе. Здѣсь для католика затрудненіе. Главное положеніе скиѳскихъ монаховъ заключается въ словахъ: Unus de Trinitate in carne crucifixus est, или: Unus de Trinitate passus est carne. Въ брошюрѣ о вѣрѣ они писали такимъ образомъ: Deum Verbum Unigenitum Filium Patris Dominum M. Jesum Christum, qui pro nobis passus est carne, unum de tribus subsistentiis unius Divinitatis esse credimus Принимая во вниманіе это ученіе скиѳскихъ монаховъ и то обстоятельство, что оно одобрено папою Іоан-

Вечеромъ 12 ноября 533 года произошло сильное, но безвредное землетрясеніе. Весь городъ собрался на площади Константина и сталъ возносить Богу молитвы, говоря: „Св. Боже, Св. Крѣпкій, Св. Безсмертный, распныйся за ны, помилуй ны". Всю ночь всѣ оставались на площади и молились. Когда же разсвѣтало, весь народъ, молящійся на площади воскликнулъ: „счастіе (τύχη) христіанъ побѣдило. Распятый, спаси насъ и нашъ городъ. Юстиніанъ Августъ, ты побѣдилъ. Уничтожь, сожги опредѣленіе, изданное епископами халкидонскаго собора" (1). Спустя восемь дней послѣ этого, 20 числа тогоже мѣсяца, Юстиніанъ обнародовалъ въ Константинополѣ эдиктъ о вѣрѣ, который послалъ потомъ въ Римъ, Іерусалимъ, Антіохію, Александрію, Ѳессалонику и Ефесъ. Начало эдикта таково: „почитая (θεραπεύειν) во всемъ Спасителя всѣхъ и Господа Іисуса Христа, истиннаго Бога нашего, мы стараемся еще, насколько можно человѣческому уму вмѣстить это, подражать Его снисхожденію. Ибо, послѣ того какъ мы нашли, что нѣкоторые одержимы болѣзнію и безуміемъ Несторія и Евтихія, враговъ Бога и святой каѳолической и апостольской церкви, и отказываются имено-

---

номъ II и послѣдующими папами, кардиналъ Норизій справедливо признаетъ ихъ православными и кромѣ того усвояетъ за ними титло ревностныхъ защитниковъ истиннаго ученія церкви противъ несторіанъ и монофизитовъ. На основаніи донесенія папскихъ легатовъ, Діоскора и др., къ Ормиздѣ: Isti de sua provincia episcopos accusant, inter quos est Paternus Tomitanae ecclesiae Antistes, онъ полагаетъ, что скиѳскіе монахи вышли изъ понтской провинціи. Къ возэрѣнію Норизія примыкаетъ и Пагій. См. Not. Pag. a num. LXXVIII ad CXXIV, an. 519; a num. XI ad XXIX, an. 520.

(1) Изъ этого видно, что собрались на площади Константина главнымъ образомъ евтихіане, которые, теперь гонимые и не разъ подавляемые, вздумали-было воспользоваться случившимся *безвреднымъ* землетрясеніемъ для отмѣны халкидонскихъ опредѣленій, усмотрѣвъ въ немъ наказаніе Божіе за ихъ принятіе, и сдѣлали шумную демонстрацію, но не *мятежную* Chron. Pasch. I. p. 629; Malalas, p. 478.

вать св. славную присно Дѣву Марію Богородицею въ собственномъ смыслѣ (κυρίως) и поистинѣ, мы потщились научить ихъ правой вѣрѣ христіанской. А такъ какъ они, оставаясь неизлѣчимыми и скрывая свое заблужденіе, переходятъ, какъ мы узнали, съ мѣста на мѣсто, и возмущаютъ и соблазняютъ души простецовъ, внушая имъ противное святой каѳолической и апостольской церкви; то мы сочли необходимымъ какъ разсѣять пустословіе и ложь еретиковъ, такъ равно ясно показать всѣмъ, какимъ образомъ учитъ святая Божія каѳолическая и апостольская церковь, и проповѣдуютъ святѣйшіе ея іереи, *коимъ послѣдуя и мы* яснымъ установили то, что̀ относится къ нашей вѣрѣ, не нововводя вѣру, чего да не будетъ, но обличая безуміе тѣхъ, кои тожественно мыслятъ съ нечестивыми еретиками. И это мы ясно возвѣстили всѣмъ уже давно, въ началѣ нашего царствованія". Далѣе слѣдуетъ изложеніе вѣры со включеніемъ формулы: „Единъ отъ Троицы плотію смерть претерпѣлъ", и съ анаѳематствованіемъ еретиковъ: Несторія, Евтихія и Аполлинарія, какъ неправильно понимающихъ отношеніе Божескаго естества къ человѣческому въ лицѣ І. Христа (1). Такъ какъ восточные епископы уже высказали свое мнѣніе о православіи формулы: „Единъ отъ Троицы плотію смерть претерпѣлъ", и это ихъ мнѣніе извѣстно было правительству; то Юстиніанъ, по согласію съ п. Епифаніемъ, авторитетно повелѣлъ епископамъ означенныхъ восточныхъ городовъ обнародовать приведенный эдиктъ въ своихъ церквахъ, что̀ и было ими исполнено (2). Римскіе же первосвященники, не смотря на неоднократныя и убѣдительныя къ нимъ письма Юстиніана,

---

(1) Этотъ эдиктъ Юстиніана о вѣрѣ обыкновенно помѣщается въ числѣ его эдиктовъ о Троицѣ. См выше, стр. 477—478.—Baron. an. 533. n. VII—X.

(2) Chron Paschal. I p. 630—633.

доселѣ еще не высказали своего окончательнаго и рѣшительнаго взгляда на возбужденный вопросъ.

Акимиты усмотрѣли во введеніи разбираемой формулы разрушеніе вѣры и утвержденіе евтихіанства. Они отправили къ папѣ Іоанну II (532—535) двухъ пословъ, Кира и Евлогія (1), съ цѣлію убѣдить его твердо стоять на рѣшеніи своихъ предшественниковъ и не поддаваться никакому враждебному давленію, чтобы не показаться измѣнникомъ своей церкви по сему слову апостола: ибо если я снова созидаю, что̀ разрушилъ, то самъ себя дѣлаю преступникомъ (Гал. 2, 18) (2). Императоръ и патріархъ, услышавъ объ этомъ посольствѣ акимитовъ, поспѣшили отправить къ папѣ свое посольство, чтобы, представленіемъ ему дѣйствительнаго положенія дѣла, побудить его наконецъ признать разсматриваемую формулу и тѣмъ умиротворить церковь. Послами назначены два епископа: Ипатій ефесскій и Дмитрій Кесаріи Филипповой въ Палестинѣ.

---

(1) Баронiй полагаетъ, что это посольство акимитовъ отправлено было ими прежде изданія приведеннаго эдикта о вѣрѣ Но тогда связь событій, указанная Пасхальною хроникой и Малалою, исчезаетъ, да и нельзя видѣть, почему бы акимиты отправили посольство къ папѣ? Что ихъ побудило? Настойчивость скиѳскихъ монаховъ и возрастающій ихъ успѣхъ? Но это было и прежде Почему съ 519—520 гг. не было посольствъ отъ нихъ къ папѣ?..

(2) Liberat. c 20; Baron. an 533 n VI —Издатель Бревіарія діакона Либерата замѣчаетъ, что и акимиты въ сущности были православные,— потому что утверждали справедливое положеніе,—но что обѣ спорящія стороны не понимали другъ друга. Здѣсь онъ примыкаетъ къ Факунду германскому, который увѣряетъ, что увлеченные борьбою съ евтихіанствомъ акимиты persuaderent sibi, nihil esse medium inter Eutychen et Nestorium, fassi sunt illi quidem, quod jubebat fides catholica, ejusmodi propositiones duas (т. е. что Дѣва Марія—Богородица и что Единъ отъ Троицы воплотился и распятъ на крестѣ) esse veras; sed negabant esse veras proprie. id est, eodem absolute modo, quo, vel una quaelibet mulier sui filii parens dicitur, vel aliquis hominum passus dicitur, cum necatus est (Bibl. vet. patr. Galland t. XII. p. 155. col. 2). Думается, что Прокопій кесарійскій прихвастнулъ, когда сказалъ, что онъ «точно знаетъ предметъ этого спора». См. выше, стр. 425.

Къ нимъ присоединенъ еще сенаторъ Александръ, которому поручено было переговорить о дѣлахъ готѳовъ, явно—о занятіи ими крѣпости Лиливея, дарованіи убѣжища африканскимъ дезертерамъ и о враждебныхъ дѣйствіяхъ готѳовъ противъ города Граціаны на границѣ Иллиріи, — тайно — съ Амалазунтою о передачѣ Италіи римлянамъ (1). Епископы получили отъ императора письмо къ папѣ, заключающее въ себѣ исповѣданіе вѣры, одинаковое съ исповѣданіемъ приведеннаго эдикта. Письмо отличается отъ эдикта главнымъ образомъ предисловіемъ. „Воздавая,—говоритъ императоръ,—честь апостольскому престолу и вашему блаженству, что̀ всегда составляло и составляетъ наше желаніе,—прилично почитая ваше блаженство какъ отца, мы поспѣшили довести до свѣдѣнія вашей святости обо всемъ, что̀ касается состоянія церквей; поелику мы всегда прилагали великое стараніе къ сохраненію единства съ вашимъ апостольскимъ престоломъ и состоянія св. Божіихъ церквей, которое доселѣ пребываетъ ненарушимо, невозмущаемое никакимъ противорѣчіемъ. Итакъ мы поспѣшили подчинить и привести въ единеніе съ вашимъ апостольскимъ престоломъ всѣхъ архіереевъ всей восточной страны. Такимъ образомъ мы сочли за необходимое довести до свѣдѣнія вашей святости и то, что̀ возбуждено въ настоящее время, хотя бы оно было явно и несомнѣнно, и всегда было хранимо и проповѣдуемо по ученію вашего апостольскаго престола всѣми архіереями. Ибо мы не потерпимъ, чтобы что-либо, что̀, будучи возбуждено, касается церковнаго положенія, не было доложено еще вашему святѣйшеству, который есть глава всѣхъ святыхъ церквей, хотя бы возбужденное было ясно и несомнѣнно. Ибо мы, какъ сказано, прилагаемъ особое стараніе (properamus) къ увеличенію чести и автори-

(1) Liberat. c. 20. Goth. l. I. c. 3; Baron. an. 533. n. VI.

тета вашего престола". Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе вѣры со включеніемъ формулы: „Единъ отъ Троицы пострадалъ плотію". Въ заключеніе императоръ проситъ папу принять въ свое общеніе всѣхъ, которые слѣдуютъ начертанному исповѣданію вѣры, и напротивъ осудить дерзающихъ отвергать правую вѣру (1).

---

(1) Harduin. t. II. col 1146—1147. — Римско-католическіе писатели обыкновенно ставятъ это посланіе Юстиніана къ папѣ въ основу своей idée fixe, что Юстиніанъ признавалъ *примат*ство римскаго первосвященника, и группируютъ вокругъ него всѣ остальныя подобныя выраженія Юстиніана, находящіяся въ его посланіяхъ или законахъ (Baron. an. 534. n. XXXI—XLI; Pichler. 1. p 130—132, Hergenrother. Phot. P. von C 1. p. 155—156). Здѣсь они совершаютъ обычную, свойственную имъ, *подтасовку понятій*. Юстиніанъ явился законодателемъ въ дѣлахъ церкви того, что уже *узаконено было* самою церковію Точно также онъ отнесся и къ правамъ епископовъ Praesentem legem de ecclesiasticis canonibus, et privilegiis, neque non aliis capitulis quae sacrosanctas ecclesias et reliquas venerabiles domos concernunt, proferimus. Sancimus igitur ut sancti ecclesiastici canones, qui a sanctis quatuor conciliis (hoc est Nicaeno,.. Constantinopolitano,.. Ephesino primo, .. et Chalcedonensi..) expositi et confirmati sunt vicem legum obtineant. Praedictorum etenim sanctorum conciliorum decreta perinde ut sacras Scripturas suscipimus, et canones ut leges custodimus. Ac propterea sancimus ut *secundum eorum definitiones* sanctissimus veteris Romae papa primus omnium sacerdotum sit, beatissimus vero archiepiscopus Constantinopolis novae Romae secundum locum post sanctam apostolicam veteris Romae sedem obtineat, caeterisque omnibus praeferatur (novell 131). Итакъ папа, по указанію Юстиніана, есть primus omnium sacerdotum, или caput omnium ss. ecclesiarum въ томъ только смыслѣ, какъ узаконили это вселенскіе соборы. Въ другомъ смыслѣ онъ и не могъ говорить, не являясь нововводителемъ въ религіи и разрушителемъ установленнаго соборами церковнаго порядка 28-е правило халкидонскаго собора гласитъ такимъ образомъ: «во всемъ послѣдуя опредѣленіямъ святыхъ отецъ, и признавая читанное нынѣ правило ста пятидесяти боголюбезнѣйшихъ епископовъ, бывшихъ въ соборѣ во дни благочестивыя памяти Θеодосія, въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, новомъ Римѣ, тожде самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкви тогожде Константинополя, новаго Рима Ибо престолу ветхаго Рима *отцы* прилично *дали преимущества: поелику то̀ былъ царствующій градъ* Слѣдуя тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбезнѣйшіе епископы, предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и сугклита, и имѣющій равныя

Вмѣстѣ съ письмомъ императора отправилъ къ папѣ особое посланіе и патріархъ Епифаній. Но содержаніе этого посланія не извѣстно; о существованіи его

преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ вторый по немъ». Смыслъ правила ясенъ до прозрачности: римскому первосвященнику *дали* первенство въ церкви *отцы*, и дали потому, что Римъ былъ *первопрестольный* городомъ, столицею имперіи, слѣдовательно ради его *политическаго* значенія, дали только первенство *чести*, а не власти (jurisdictionis), какъ это видно изъ дальнѣйшаго чтенія тогоже 28 правила халкидонскаго собора и изъ другихъ правилъ (34 пр. ап.; 6 пр. I всел. соб.; 8 пр. III всел. соб. Слич. также выше, стр. 117—124 и др.). Что Юстиніанъ принималъ 28 пр. халк. собора,—это должно быть выше всякаго сомнѣнія. Въ связи съ нимъ, очевидно, стоитъ выраженіе 9-ой новеллы. Ut legum originem anterior Roma sortita est, ita et summi pontificatus apicem apud eam esse, nemo est qui dubitet. Unde et nos necessarium duximus, patriam legum, fontem sacerdotii speciali nostri numinis lege illustrare, etc. Въ томъ и другомъ случаѣ разумѣется политическое значеніе города Рима, служащее основою затѣмъ уже и церковнаго его значенія. Между тѣмъ римско-католики обосновываютъ приматство папы на словахъ Спасителя: *ты еси Петръ* и пр. (Матѳ. 16, 18), *паси овцы Моя, паси агнцы Моя* (Іоанн. 21, 15—17), въ которыя они влагаютъ также *свой* смыслъ, не заключающіяся въ нихъ, т. е. они обосновываютъ это приматство на мнимо-исключительномъ намѣстничествѣ ап. Петромъ, — на которомъ аки бы Спаситель создалъ свою церковь,— всѣхъ правъ Іисуса Христа, какъ главы всей церкви, и передачѣ ихъ своимъ преемникамъ— римскимъ папамъ, откуда далѣе, по теоріи, слѣдуетъ, что папа есть единственный непогрѣшимый епископъ въ церкви; что прочіе епископы отъ него получаютъ свою власть, и что, поэтому, онъ, какъ таковой, имѣетъ первенство въ церкви не чести, а власти,—на каковое ученіе нѣтъ у Юстиніана даже и намека, онъ нигдѣ не говоритъ, что римскій епископъ есть глава всѣхъ церквей на основаніи изреченій Спасителя: *ты еси Петръ* и пр. *паси овцы моя* и пр., понимаемыхъ въ римскомъ смыслѣ. И въ данномъ случаѣ, распространяясь объ авторитетѣ папы, Юстиніанъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ его нравственный авторитетъ, какъ перваго въ мірѣ епископа. Такъ, склоняя его принять правовѣрующихъ и осудить еретиковъ, Юстиніанъ прибавляетъ: «ибо такимъ образомъ возрастетъ и любовь всѣхъ къ вамъ и авторитетъ вашего престола, и единство святыхъ церквей, насколько оно отъ васъ зависитъ, сохранится невозмутимымъ, если бы изъ того, что̀ донесено къ вамъ, всѣ блаженнѣйшіе епископы отъ васъ научились чистому ученію вашей святости». И вообще авторитетъ каждаго человѣка возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ онъ любитъ прав-

можно знать потому только, что о немъ дѣлаетъ упоминаніе императоръ въ приведенномъ своемъ посланіи къ папѣ. Посольство понесло съ собою богатые подарки папѣ Іоанну: одну золотую, украшенную драгоцѣнными камнями, чашу, двѣ серебряныхъ чаши и четыре золотомъ тканыя одежды (1).

Когда посольство императора прибыло въ Италію, — Теодатъ, желая отмстить Амалазунтѣ за тѣ, по его мнѣнію, обиды, какія она нанесла ему, поспѣшилъ войдти въ тайныя сношенія съ епископами Ипатіемъ и Дмитріемъ и попросилъ ихъ доложить своему государю, что онъ готовъ предать въ руки онаго Тоскану, если только Юстиніанъ дастъ ему денегъ, предоставитъ мѣсто въ сенатѣ и дозволитъ провести остатокъ дней своихъ въ Константинополѣ. Амалазунта съ своей стороны вступила въ переговоры съ сенаторомъ Александромъ и тайно, въ частной аудіенціи, увѣряла его, что она остается въ намѣреніи передать Италію въ руки императора; явно же, при публичномъ совѣщаніи, поддерживала сторону готѳовъ въ разрѣшеніи вышеозначенныхъ недоумѣній (2). По при-

---

ду и всегда утверждаетъ ее, — тѣмъ болѣе долженъ былъ возрасти въ настоящемъ случаѣ авторитетъ римскаго епископа, потому что онъ, какъ первый епископъ въ мірѣ, стоитъ на виду у всѣхъ, и онъ утвердилъ бы истину единственно изъ любви къ ней и вопреки упорству своихъ предшественниковъ, питавшему надежды схизматиковъ. Равнымъ образомъ отъ него же показалось бы происшедшимъ единеніе церкви и научение истинѣ, схизматики утверждались въ своемъ упорствѣ на авторитетѣ римской церкви. Она своимъ отказомъ принять истину поддерживала ихъ и производила смуту въ церкви, она же могла и прекратить эту смуту, принявъ истину и осудивъ положеніе схизматиковъ. Масса народа руководится авторитетомъ и управляется палкою, и далеко еще то время, когда каждый самъ будетъ созерцать истину и руководствоваться ею въ своихъ поступкахъ. Вотъ настоящій смыслъ разбираемаго посланія Юстиніана къ папѣ.

(1) Anastas. Biblioth. Hist. de vitis Rom. Pontif. Joann. II Migne, Patr. curs. compl. t. CXXVIII col. 543—546.

(2) Goth. l. I. c. 3. p. 18—20; Lebeau, I XLIII. c. 14—15.

бытіи въ Римъ, Ипатій и Дмитрій вручили папѣ граматы императора и патріарха вмѣстѣ съ присланными къ нему богатыми подарками. Іоаннъ созвалъ соборъ и предложилъ ему на разрѣшеніе старый вопросъ. Возникла жаркая и продолжительная распря. Нашлись вынужденными обратиться за разрѣшеніемъ возбужденнаго вопроса къ африканскимъ ученымъ мужамъ и между прочимъ къ знаменитому діакону карѳагенской церкви, Ферранду. Отвѣтъ послѣдовалъ въ пользу скиѳскихъ монаховъ: положеніе, что Единъ отъ Троицы пострадалъ плотію на крестѣ, найдено вполнѣ православнымъ. Папа созвалъ новый соборъ и, послѣ вторичнаго тщательнаго разсмотрѣнія, рѣшился, наконецъ, утвердить (въ апрѣлѣ 534 г.) разбираемое положеніе и въ такомъ смыслѣ отписалъ императору (1). „Между блистающими похвалами, — говоритъ папа въ предисловіи своего посланія,—вашей, христіаннѣйшій изъ государей, мудрости и кротости наиболѣе чистымъ свѣтомъ, какъ бы нѣкоторое свѣтило, сіяетъ то, что вы, обученные церковной наукѣ (disciplinis), то любовію вѣры, то прилежаніемъ любви, сохраняете почтеніе къ римскому престолу (?), и все подчиняете ему и приводите къ его единству, къ виновнику его, т. е. къ первому изъ апостоловъ, по заповѣди Господа, говорящаго: *паси овцы моя* (Іоанн. 21. 15—17). Быть сему престолу поистинѣ главою всѣхъ церквей возвѣщаютъ и правила отцевъ и постановленія государей, и свидѣтельствуютъ досточтимѣйшіе рескрипты вашего благочестія. Итакъ явно, на васъ исполнится слово писанія: *Мною царіе царствуютъ, и сильніи пишутъ правду* (Притч. 8, 15). Ибо ничто не сіяетъ болѣе яркимъ свѣтомъ, какъ правая вѣра въ государѣ,—нѣтъ ничего, что такъ не могло бы подлежать гибели (occasui), какъ истинная

(1) Baron. an 534, n. XIII. XIV; Not. rag. ad. n. IV—XXVI. an 533, Liberat. c. 20

религія. Ибо, когда обѣ онѣ устремлены (respiciant) къ Виновнику жизни или свѣта, тогда по справедливости и тьму отвергаютъ, и не знаютъ (что̀ значитъ) подлежать разрушенію (nesciunt subjacere defectui). Почему, славнѣйшій изъ государей, Божественное могущество будетъ умоляемо всѣми обѣтами надолго-и-долго сохранять ваше благочестіе въ сей горячности вѣры. въ семъ благочестивомъ настроеніи духа, въ семъ прилежаніи къ чистой религіи безъ (нанесенія) вреда ей. Ибо мы вѣруемъ. что это освободитъ отъ замѣшательствъ святыя церкви. Ибо писано: *устнами пасетъ царь* (Притч. 22, 12), и опять: *сердце царево въ руцѣ Божіей: аможе аще восхощетъ обратити, тамо уклонитъ е* (Притч. 21, 1). Ибо вотъ это укрѣпляетъ вашу имперію, вотъ это сохраняетъ ваши царства. Ибо миръ церкви, единство религіи, хранитъ виновника сдѣланнаго на высшей степени успѣха дарованіемъ ему тишины и спокойствія. Ибо и малая перемѣна не допускается ему Божественнымъ могуществомъ, посредствомъ котораго Божественная церковь не отдѣляется никакими черточками, не разнообразится никакими вставными пятнами. Ибо писано: *егда царь праведенъ на престолѣ сядетъ, не противится предъ очима его ничтоже лукаво* (Притч. 20, 8). Почему мы съ обычнымъ почтеніемъ приняли высшія изъявленія чести (apices) вашей свѣтлости чрезъ Ипатія и Дмитрія, святѣйшихъ мужей, братьевъ и моихъ соепископовъ, изъ донесенія которыхъ мы узнали еще, что вы, по любви къ вѣрѣ, для отстраненія намѣренія еретиковъ, по апостольскому ученію, съ предварительнаго согласія нашихъ братьевъ и соепископовъ, предложили вѣрующимъ народамъ эдиктъ, который, поелику согласенъ съ апостольскимъ ученіемъ, мы утверждаемъ нашимъ авторитетомъ". Послѣ такого предисловія, выражающаго *римское* ученіе о приматствѣ папы въ церкви и вслѣдствіе этого влагающаго иной

смыслъ (1) въ посланіе Юстиніана, чѣмъ какой оно имѣетъ, Іоаннъ приступаетъ къ дѣлу и утверждаетъ все, писанное Юстиніаномъ къ охраненію вѣры; еретиковъ осуждаетъ и убѣждаетъ императора „возвратить ихъ въ свое общеніе обѣщаніями своего негодованія", чѣмъ и ему доставитъ удовольствіе (2). Кромѣ этого письма къ Юстиніану папа отправилъ еще письмо къ константинопольскимъ сенаторамъ, въ которомъ, „одобривъ каѳолическую вѣру императора" въ поднятомъ вопросѣ, увѣщеваетъ ихъ избѣгать всякаго общенія съ акимитами, какъ несторіанами, не имѣть съ ними даже простаго разговора и вообще ничего общаго (3). Нѣкоторые римскіе монахи недовольны были такимъ рѣшеніемъ Іоанна, поэтому отступили отъ его общенія и присоединились къ легатамъ акимитовъ (4). Возвратившись въ Константинополь, послы вручили императору папскія посланія и вмѣстѣ доложили ему о своихъ переговорахъ съ Теодатомъ и Амалазунтою. Императоръ очень обрадовался счастливымъ для него вѣстямъ.

2 октября 534 г. умеръ Аталарикъ. Амалазунта, чтобы сохранить свою власть надъ готѳами, подавила свое отвращеніе къ Теодату и предложила ему королевскую корону, подъ условіемъ, если онъ согласится

---

(1) Подъ угломъ этого-то смысла римско католическіе писатели и усматриваютъ въ посланіяхъ императоровъ или патріарховъ къ папамъ признаніе съ ихъ стороны примата римскаго епископа въ церкви въ римскомъ смыслѣ Такимъ образомъ подтасовка понятія католиками есть древнѣйшая, закоренѣлая, историческая, и идетъ сверху, т. е отъ самихъ папъ (См. выше, стр. 296. 307—310). Папы обыкновенно *сливаютъ* вѣру и чистоту вѣры съ авторитетомъ своего престола, первыя ставятъ въ зависимость отъ послѣдняго.

(2) Obsecro . in vestra communione receptis indignationis vestrae removeatis aculeos, et nobis intercedentibus benigni animi gratiam condonetis.

(3) Harduin t. II. col. 1148—1153, Baron. an. 534. n. XV. sqq XXIV sqq.

(4) Liberat breviar. c. 20.

раздѣлить власть вмѣстѣ съ нею. Въ сущности она одна желала господствовать его именемъ. Теодатъ согласился и далъ клятву; на другой день смерти Аталарика онъ былъ провозглашенъ королемъ, Амалазунта осталась королевой, но не вступила въ бракъ съ Теодатомъ. Къ Юстиніану и константинопольскому сенату отправлены были письма, извѣщающія о перемѣнѣ правленія въ Италіи. Юстиніанъ не увидѣлъ въ этомъ измѣненія намѣренія Теодата и Амалазунты добровольно передать ему Италію, и послалъ къ нимъ знаменитаго константинопольскаго адвоката, Петра,—мужа ученѣйшаго и добросовѣстнаго, способнаго убѣждать всѣхъ, съ кѣмъ вступалъ въ разговоръ,—продолжить съ ними начатые переговоры въ томъ же самомъ смыслѣ и тѣмъ же самымъ способомъ, т. е. тайно о передачѣ Италіи и явно о возбужденныхъ спорныхъ вопросахъ (1). Но въ Авлонѣ онъ встрѣтилъ посольство отъ Теодата, посланное имъ къ Юстиніану съ извѣстіемъ о заключеніи Амалазунты готѳами на одномъ островѣ Вульзинскаго (Бользенскаго) озера въ Тосканѣ (въ апр. 535 г.). Петръ немедленно далъ знать объ этомъ своему государю и остановился дожидаться его приказаній въ Авлонѣ. Юстиніанъ написалъ Амалазунтѣ, что онъ принимаетъ ея оскорбленіе за свое собственное, и повелѣлъ Петру объявить объ этомъ какъ Теодату, такъ и готѳамъ. Но когда Петръ прибылъ въ Италію, Амалазунта,—по приказанію Теодата, дѣйствовавшаго въ этомъ случаѣ подъ вліяніемъ готѳскихъ вельможъ, родственниковъ которыхъ Амалазунта казнила, — была уже задушена въ банѣ. Петръ откровенно объявилъ имъ, что императоръ будетъ съ ними воевать (2). И дѣйствительно,

(1) Свѣдѣнія о Петрѣ и высокіе отзывы о его честности, талантливости и учености—его современниковъ собраны Дестуннисомъ въ его изданіи въ русск переводѣ Визант. истор Девксиппа, Евнапія и пр. Спб 1861. стр. 281—293

(2) Goth. I I. c 3 4. p 21—25.—Прокопій въ Исторіи готѳской войны повѣствуетъ, что Амалазунта умерщвлена по повелѣнію Теодата,

это злодѣяніе привело въ сильное негодованіе Юстиніана и онъ порѣшилъ объявить войну готѳамъ. Онъ снарядилъ двѣ арміи: одну подъ начальствомъ Мунда

который сначала заключилъ ее въ замокъ находящійся на островѣ въ Вульзинскомъ озерѣ, а потомъ повелѣлъ и задушить ее по настоянію тѣхъ готѳскихъ вельможъ, родственниковъ которыхъ умертвила Амалазунта. Они говорили Теодату, что «ни онъ самъ, ни они не могутъ считать свою жизнь въ безопасности, если Амалазунта не будетъ изъята изъ числа живыхъ. И когда онъ согласился съ ними, — они, ни мало не медля, отправились на островъ и убили Амалазунту» (Ibid. p. 23—25). Между тѣмъ въ Тайной исторіи онъ разсказываетъ это событіе такимъ образомъ, что, когда Ѳеодора узнала о намѣреніи Амалазунты бѣжать изъ Италіи въ Византію, то, принявъ во вниманіе молодость, умъ, красоту и знатность готѳской королевы съ одной стороны, а съ другой— легкость поведенія своего мужа (*καὶ τὸ τοῦ ἀνδρὸς ἐλαφρὸν*), она воспылала къ ней ревностію и рѣшилась погубить ее Для этого она убѣдила Юстиніана послать въ Италію Петра, которому тайно наказала, подъ обѣщаніемъ величайшихъ почестей, употребить всѣ мѣры къ возможно скорѣйшему умерщвленію Амалазунты Петръ склонилъ на это злодѣяніе Теодата По возвращеніи, онъ награжденъ былъ за это преступленіе достоинствомъ магистра (Arcan. c 16. p. 96—97; c. 24. p. 136). Любители Аркана вѣрятъ этому разсказу Прокопія и считаютъ его освѣщеніемъ приведеннаго разсказа Исторіи войнъ (Alemann not p. 432, Gibbon, col 1415; Isambert. p 502—503; Dahn, p. 347). Но противъ него 1) говорятъ показанія другихъ историковъ, современныхъ Юстиніану и Прокопію. Комитъ Марцеллинъ называетъ одного Теодата убійцею Амалазунты (Chronic. an 534) Кассіодоръ, діаконъ Либератъ и Викторъ тунисскій имѣли всѣ поводы сказать объ участіи Ѳеодоры въ злодѣяніи, но ничего не сказали Имѣлъ всѣ поводы сказать объ этомъ и Теодатъ, когда ему была объявлена война Юстиніаномъ, и однакожъ ничего не сказалъ. Епископъ равеннскій Іорнандъ разсказываетъ согласно съ Исторіей готѳской войны Прокопія и называетъ убійцею Амалазунты одного только Теодата· Qui (Theodatus) immemor consanguinitatis, post aliquantum tempus a palatio Ravennate abstractam, in insulam laci Bulsinensis eam exsilio relegavit. Ubi paucissimos dies (*al*, Ubi Amalasunta plures dies, etc) in tristitia degens, ab ejus satellitibus in balneo est strangulata (de Goth. orig. et reb. gest. c. LIX) Анастасій библіотекарь любитъ собирать всякія басни, и однакожъ о смерти Амалазунты замѣтилъ только, что она убита Теодатомъ (Hist. de vitis Rom. Pontif. Agapetus. Sylverius. Migne, patr. curs. compl t. CXXVIII. col. 551—554 563—566). 2) Разсказъ Аркана *не освѣщаетъ* разсказъ Исторіи готѳской войны, а противорѣчитъ ему: a) Амалазунта заключена въ Вульзинскій замокъ прежде, чѣмъ Петръ отправился въ Италію, b) встрѣтивъ въ Авлонѣ пословъ Теодата: Ливе-

послалъ въ Далмацію, куда простирались владѣнія готѳовъ, а другую—подъ предводительствомъ Велизарія отправилъ на флотѣ въ Сицилію. И на этотъ разъ отправилась съ Велизаріемъ супруга его Антонина вмѣстѣ съ сыномъ своимъ отъ перваго брака, Фотіемъ. весьма талантливымъ 17-лѣтнимъ юношею. Вся армія Велизарія состояла изъ 7,000 отборныхъ

рія и Опилиона, посланныхъ къ Юстиніану съ извѣстіемъ о заключеніи Амалазунты готѳами, и самъ съ своей стороны извѣстивъ его объ этомъ отсюда же, Петръ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ инструкціи, остался на время здѣсь (ἐς τε βασιλέα πάντα ἀνενεγκὼν αὐτοῦ ἔμεινεν (p. 24). Дальнѣйшая исторія Амалазунты есть какъ бы логическое слѣдствіе ея заключенія Πέτρου δὲ ἀφικομένου ἐς Ἰταλίαν Ἀμαλασούνθῃ ξυνέβη ἐξ ἀνθρώπων ἀφανισθῆναι (p. 25). По ходу всего разсказа болѣе вѣроятнымъ представляется то, что Амалазунта была умерщвлена до свиданія Петра съ Теодатомъ. Но если даже признать это пониманіе неправильнымъ, все-таки съ разсказомъ Агсапа никакъ не вяжется введеніе въ разсказъ готѳскихъ вельможъ, наущавшихъ Теодата убить Амалазунту, между тѣмъ какъ по разсказу Исторіи войнъ всѣ поступки ихъ связаны между собою генетически 3) Внутренніе признаки событія и дѣйствующихъ лицъ всѣ говорятъ противъ показанія Агсапа: невѣроятно, чтобы Ѳеодора избрала такое, легко могущее компрометировать ее, средство для отклоненія *воображаемой* опасности со стороны Амалазунты, когда имѣла тысячу способовъ держать ее вдали отъ Византіи; невѣроятно, чтобы она избрала для совершенія этого злодѣянія Петра, по отзыву всѣхъ современниковъ, «добросовѣстнѣйшаго» изъ византійскихъ чиновниковъ, когда болѣе удобно могла поручить это дѣло не менѣе его талантливымъ, но болѣе безсовѣстнымъ чиновникамъ, — при этомъ невѣроятно и то, чтобы Петръ могъ принять такое порученіе. невѣроятно, чтобы почти-что 30 лѣтній Юстиніанъ, котораго сверхчеловѣческая дѣятельность, воздержаніе и пламенная ревность къ православію были извѣстны Ѳеодорѣ болѣе, чѣмъ кому либо другому,—который менѣе, чѣмъ кто либо другой, увлекался знатностію рода въ комъ бы то ни было, могъ, хотя на минуту, возбудить въ ней ревность легкостію своего поведенія, невѣроятно, чтобы она даже подумала, что Юстиніанъ можетъ промѣнять ее на Амалазунту, хотя и умную и красивую, но *аріанку* и совершенно чуждую той церковно-государственной политики, которою онъ всецѣло былъ поглощенъ. Между тѣмъ характеръ Теодата, его вражда къ Амалазунтѣ и вообще связь событій, показанная въ Исторіи войнъ, носятъ въ себѣ всѣ признаки вѣрности помѣщеннаго въ ней разсказа. Наконецъ, 4) откуда Прокопій могъ узнать о *тайной* инструкціи Ѳеодоры Петру, когда объ этой инструкціи никто не зналъ, кромѣ нея и Петра?....

воиновъ. Чтобы вѣрнѣе обезопасить успѣхъ, Юстиніанъ старался возбудить къ войнѣ противъ готѳовъ еще франкскихъ государей. Съ этою цѣлію онъ отправилъ къ нимъ посольство съ значительнымъ денежнымъ подаркомъ и съ граматою слѣдующаго содержанія: „поелику готѳы не только не хотятъ возвратить нашу Италію, насильственно ими занятую, но и еще причиняютъ намъ невыносимыя и неумѣренныя оскорбленія; вслѣдствіе этого мы вынуждаемся идти на нихъ войною. Прилично и вамъ предпринять съ нами туже самую войну, которую дѣлаетъ общею какъ истинная вѣра, отвергающая заблужденіе аріанъ, такъ и ненависть, которую вы также, какъ и мы, питаете къ готѳамъ“. Императоръ обѣщалъ прислать имъ еще бо́льшій подарокъ, если только они предпримутъ войну противъ готѳовъ (1). Велизарій въ послѣдній день своего консульства (31 дек. 535 г.) вошелъ въ Сиракузы и тѣмъ завершилъ покореніе Сициліи, а Мундъ разбилъ готѳовъ въ Далмаціи и взялъ Салону (Σάλωνας). Все это привело въ трепетъ Теодата и онъ рѣшительно потерялъ голову (2).

Въ апрѣлѣ того же 535 года папа Іоаннъ II померъ и на мѣсто его избранъ архидіаконъ римской церкви Агапитъ, отлично обученный церковной наукѣ. Императоръ Юстиніанъ, какъ только узналъ о его восшествіи на папскій тронъ, — съ цѣлію съ одной стороны окончательно подавить движеніе акимитовъ, которые все еще не успокоились послѣ осужденія ихъ Іоанномъ II, а съ другой, можетъ быть, и для того, чтобы имѣть въ папѣ сильнаго союзника въ стра-

---

(1) Gotth. l. I. c. 5. p. 26—27.—Франки дѣйствительно сдѣлали нападеніе на готѳовъ и очень вредное для нихъ,—они принуждены были уступить франкамъ свои владѣнія во Франціи и уплатить имъ значительную сумму денегъ,—но, вообще говоря, императоръ никакой не извлекъ пользы изъ союза съ франкскими королями: они вели себя какъ алчные и вѣроломные дикари. Gotth. l. c. 13. p. 71—73; II. c. 25.

(2) Gotth. l. c. 5. 6.

нѣ, съ которой только-что началъ войну,—отправилъ къ нему исповѣданіе вѣры, буквально повторяющее тоже самое, что и къ папѣ Іоанну II. Агапитъ утвердилъ это исповѣданіе, но присовокупилъ при этомъ, что онъ похваляетъ, принимаетъ и одобряетъ его не потому, чтобы допускалъ право (auctoritatem) мірянъ проповѣдовать, но потому, что оно вполнѣ согласно съ вѣрою и ученіемъ отцевъ церкви. Когда Теодатъ узналъ о потерѣ Сициліи и о пораженіи готѳовъ въ Далмаціи, — онъ написалъ папѣ и римскому сенату, что „онъ умертвитъ мечемъ не только сенаторовъ, но и женъ и сыновей и дочерей ихъ, если они не склонятъ императора возратить изъ Италіи отправленное имъ сюда войско". Агапитъ нашелся вынужденнымъ принять на себя посольство къ императору и, за неимѣніемъ денегъ, заложилъ священные церковные сосуды. 2 февраля 536 г. онъ былъ уже въ Константинополѣ. Императоръ принялъ его съ величайшею почестію; но ходатайство о прекращеніи войны съ готѳами отклонилъ, потому что сдѣланы значительныя затраты государственной казны. Папа умеръ въ Константинополѣ, не принесши Теодату никакой радостной вѣсти (1). Перезимовавъ въ Сициліи, Велизарій весною 536 г. высадился въ Италіи: жители Бруттіи, Луканіи и Апуліи, по отвращенію къ имени и религіи готѳовъ, приняли его съ распростертыми объятіями. Лишь Неаполь оказалъ было сопротивленіе, но жестоко поплатился; онъ былъ взятъ и преданъ страшному разграбленію (2).

Между тѣмъ Теодатъ, заключившись въ стѣнахъ города Рима, предавался постыднѣйшему бездѣйствію.

---

(1) Liberat. breviar. c. 21. Chron. Marcell an. 535; Anast. Biblioth. de vitis Rom. Pont Agapetus. Migne, t. CXXVIII. col. 551—554; Baron. an 535. n. XXIX—XXXV; Pag. not.

(2) Gotth l. I. c. 8. 9; Chron. Marcell. an. 536; Gibbon, col. 1418—1419; Lebeau, l. XLIII. c. 43 sq.

Мало того, онъ какъ бы намѣренно старался даже раздражить противъ себя римлянъ. Услышавъ, что Агапитъ скончался въ Константинополѣ, онъ силою, подъ угрозою смертной казни всѣмъ ослушникамъ, принудилъ римскій клиръ (въ іюнѣ 536 г.) рукоположить Сильверія, сына папы Ормизды отъ законнаго его супружества. Волненія и раздѣленія, происшедшія вслѣдствіе этого въ римскомъ клирѣ, прекращены были лишь послѣ рукоположенія Сильверія, „ради единенія церкви и религіи“ (1). Когда города южной Италіи сдавались Велизарію одинъ за другимъ безъ всякаго сопротивленія,—одинъ іудей совершилъ гаданіе, показывающее крайнюю его ненависть ко всѣмъ вообще христіанамъ: онъ раздѣлилъ стадо свиней на три равныя части (по десяти штукъ въ каждой) и, назвавъ одну изъ нихъ готѳами, другую—греками, а третью—римлянами, заперъ ихъ каждую отдѣльно. По прошествіи нѣкотораго времени оказалось, что тѣ свиньи, которыя названы готѳами, найдены всѣ мертвыми, названныя греками остались всѣ живыми, названныя римлянами оказались наполовину мертвыми. Предвѣщаніе указывало на гибель готѳскаго государства.— Теодатъ пришелъ въ ужасъ (2). Находящіеся въ лагерѣ готѳы, негодуя на трусость, бездѣятельность и безхарактерность своего государя, отложились отъ него и провозгласили королемъ храбраго полководца Витигеса. Теодатъ бѣжалъ, но былъ убитъ однимъ готѳомъ, котораго онъ оскорбилъ въ любви. Вступивъ въ Римъ, Витигесъ сильно убѣждалъ папу Сильверія, сенатъ и римскій народъ быть вѣрными къ готѳамъ, привелъ имъ на память кроткое царствованіе Ѳеодорика, склонялъ благосклонно относиться къ готѳскому народу и затѣмъ, связавши всѣхъ страшнѣйшими

(1) Anast. Biblioth. de vitis Rom. Pont. S. Sylverius. Migne, t. CXXVIII. col. 563—566; Chron. Marcell. an. 536. Liberat. breviar. c. 22; Vict. Tunun. an. 541.

(2) Gibbon, col. 1120.

клятвами въ вѣрности къ себѣ и оставивъ небольшой готѳскій гарнизонъ (въ 4,000 ч.), удалился въ Равенну (1).

Но римляне отнюдь не были настроены хранить вѣрность къ готѳамъ. По мѣрѣ приближенія Велизарія къ Риму, у нихъ болѣе и болѣе воспламенялся энтузіазмъ къ древней своей славѣ и религіозной свободѣ; они ненавидѣли готѳовъ и какъ варваровъ, и какъ аріанъ. Они съ яростію кричали, что „апостольскій престолъ“ не долженъ быть болѣе оскверняемъ торжествомъ аріанства и что гробы кесарей не должны быть попираемы дикарями сѣвера. Поэтому, когда Велизарій подступилъ къ Риму, они порѣшили добровольно впустить его въ городъ. Въ особенности сильно побуждалъ ихъ къ этому папа Сильверій (2). 10 декабря 536 г. Велизарій вошелъ въ одни отворенныя ему ворота города, а готѳскій гарнизонъ въ тоже самое время вышелъ въ другія (3). Спустя три года

---

(1) Goth. I. c. 11. p. 61.

(2) Ibid I. I c. 14. p. 74. *μάλιστα δὲ αὐτοὺς Σιλβέριος εἰς τοῦτο ἐνῆγεν, ὁ τῆσδε τῆς πόλεως ἀρχιερεύς.*

(3) Ibid. I. c 14; Gibbon, col. 1421 —Превосходною характеристикой взаимоотношенія религій и народностей въ Италіи, и вмѣстѣ объясненіемъ, можно сказать, тріумфальнаго шествія Велизарія, служитъ рѣчь, которую сказалъ король Тотила діакону, а впослѣдствіи папѣ, Пелагію, пришедшему къ нему въ качествѣ посла отъ римлянъ, терпящихъ отъ него крайне трудную осаду: «Ты, Пелагій,—сказалъ Тотила,—можешь получить отъ насъ что бы то ни было, кромѣ сихъ трехъ (вещей).... Именно я объявляю, чтобы ты не просилъ меня ни за кого либо изъ сицилійцевъ, ни о стѣнахъ римскихъ, ни о перешедшихъ къ намъ рабахъ. Ибо готѳы не могутъ ни простить какого бы то ни было сицилійца, ни (допустить), чтобы стояли эти стѣны, или чтобы рабы, находящіеся у насъ въ военной службѣ, могли опять перейдти на служеніе прежнимъ господамъ И чтобы не показалось, что мы говоримъ это неосновательно, мы сейчасъ же, изложеніемъ причинъ, выяснимъ подозрѣніе. Этотъ островъ издревле былъ благополучнѣйшимъ, какъ по денежнымъ доходамъ, такъ и по обилію плодовъ, имъ производимыхъ, такъ что не только въ изобиліи питаетъ своихъ жителей, но еще вы, римляне, ежегодно вывозите отсюда столько жизненныхъ припасовъ, сколько нужно. Почему римляне и просили съ самаго начала Ѳеодорика, чтобы онъ не поставлялъ на островѣ

послѣ этого Велизарій взялъ Равенну и плѣнилъ самаго Витигеса, котораго, какъ плѣнную добычу, привелъ въ Константинополь. Императоръ чрезвычайно обрадовался новой побѣдѣ Велизарія, принялъ Витигеса съ супругою весьма благосклонно, позволилъ ему жить въ Константинополѣ и, вѣроятно, почтилъ титломъ патриція и комита. Впрочемъ разрушеніе готѳскаго коро-

---

сильнаго гарнизона изъ готѳовъ, дабы свободѣ и благополучію ихъ не было препятствія. Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда непріятельское войско приплыло въ Сицилію, и числомъ и во всемъ прочемъ неравное намъ. Сицилійцы, узрѣвши флотъ, не увѣдомили объ этомъ готѳовъ, не заперлись въ стѣнахъ, не рѣшили отразить непріятеля; но, съ живѣйшею радостію отворивъ ворота города, приняли враждебныя намъ войска съ распростертыми объятіями, какъ бы давно, думаю, выжидая, по обычаю вѣроломнѣйшихъ рабовъ, случай для бѣгства изъ господскихъ рукъ и пріобрѣтенія себѣ новыхъ и неизвѣстныхъ господъ. Вторгнувшись, враги отсюда, какъ бы изъ крѣпости, безъ всякаго труда овладѣли всею Италіею, и, занявши этотъ городъ, привезли изъ Сицили такое количество жита, что его достало всѣмъ римлянамъ на цѣлый годъ, въ теченіе котораго были осаждаемы. Доселѣ о сицилійцахъ, которымъ готѳы ни подъ какимъ условіемъ не окажутъ милости, тяжесть преступленій отвращаетъ отъ преступниковъ всякое милосердіе Враги же, заключившись въ этихъ стѣнахъ, никакъ не хотѣли выдти въ поле и дать намъ сраженіе, но, развлекая готѳовъ ежедневными хитростями и выдумками, вопреки ожиданія имѣють наши дѣла въ своеи власти. Что мы не потерпимъ этого на будущее время, это очевидно Ибо если кто, разъ впадши въ обманъ по ошибкѣ, впадетъ въ тотъ же обманъ, не предвидѣвъ зла, которое уже опытомъ обнаружено; то оно не будетъ казаться противодѣйствіемъ судьбы (τύχης), но, какъ и слѣдуетъ, будетъ приписано неблагоразумію тѣхъ, которые впали. Сверхъ того разрушеніе стѣнъ Рима будетъ вамъ особенно полезно. Ибо, когда въ послѣдующее время никто не будетъ запираться въ нихъ и для всѣхъ будетъ свободный проходъ, то нападающіе не будутъ и осаждать, но обѣ стороны будутъ рѣшать дѣло боемъ, и вы избѣгнете этихъ тяжкихъ опасностей и достанетесь въ награду побѣдителямъ. Что касается рабовъ, которые перешли къ намъ,—относительно ихъ скажу одно: если теперь мы передадимъ въ ваши руки тѣхъ, которые, записавшись въ нашу военную службу, получили отъ насъ удостовѣреніе, что они никогда не будутъ преданы прежнимъ господамъ; то, конечно, и у васъ мы не заслужимъ вѣры. Ибо не можетъ быть разумно, не можетъ, чтобы нарушившій условіе, заключенное съ людьми самаго низшаго класса, заслужилъ твердую вѣру у кого либо другаго, но о вѣроломствѣ его, какъ постоянномъ признакѣ его природы, будетъ извѣстно всѣмъ, съ кѣмъ вступить въ переговоры. Goth. l. III. c. 16. p. 340—344.

левства не окончилось плѣномъ Витигеса; послѣ него власть надъ готѳами принялъ Тотила и поставилъ въ крайне затруднительное положеніе дѣло римлянъ въ Италіи. Все время готѳской войны продолжалось около 20 лѣтъ (съ 535 по 553 г.), въ теченіе которыхъ Римъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, то готѳовъ, то римлянъ. Причина такой продолжительности готѳской войны въ сравненіи съ вандальскою заключается какъ въ томъ, что готѳы были сильнѣе и крѣпче вандаловъ, такъ еще и въ затруднительномъ положеніи самой имперіи, съ одной стороны обуреваемой ересями, а съ другой—вынуждаемой повсюду отбиваться отъ нападающихъ на нее варваровъ. Конечное разрушеніе готѳскаго королевства выпало на долю геніальнаго и благочестиваго евнуха Нарсеса, который въ іюлѣ 552 г. далъ генеральное сраженіе Тотилѣ, стоившее ему жизни, а весною (въ мартѣ) слѣдующаго, 553, года разбилъ и послѣдняго короля готѳовъ, Теію, который точно также погибъ въ сраженіи (1). Имя готѳовъ послѣ этого исчезло съ лица земли.—На ряду съ покореніемъ ост-готѳскаго государства императоръ утвердилъ свое вліяніе и въ странѣ вест-готѳовъ, занявъ нѣсколько важныхъ и укрѣпленныхъ пунктовъ въ Испаніи. Владычество грековъ продолжалось здѣсь семьдесятъ лѣтъ (550—620) и окончилось послѣ обращенія вест-готѳовъ къ православію (1).

---

(1) Goth. l. II. c. 29. 30, l. III. c. 1, l. IV. c. 32. 35; Evagr. l. IV c. 21. 24; Gibbon, col. 1438 1503—1507.—Анастасій библіотекарь говоритъ, что «когда Витигеса привели въ Константинополь, императоръ обрадовался и сдѣлалъ его патриціемъ и комитомъ, и отправилъ его къ персидскимъ предѣламъ. и тамъ онъ окончилъ жизнь» (De vit Rom. pont. Vigilius). Пожалованіе чина патриція и комита плѣнному королю могло еще быть (положительно утверждать это невозможно. См. выше, стр. 508), но отсылка Витигеса къ персидскимъ предѣламъ положительно опровергается Прокопіемъ, который говоритъ: «Изъ плѣнныхъ готѳовъ одинъ Уиттигесъ *остался въ Византіи* (*ἐν Βυζαντίῳ ἔμεινεν*); другіе послѣдовали за Велизаріемъ къ персидскимъ предѣламъ (Pers. II. c. 14. p. 215—216).

(1) Gibbon, col. 1411.

Разрушеніе вандальскаго и готѳскаго государствъ относится къ величайшимъ моментамъ въ исторіи человѣчества: вмѣстѣ съ ихъ погибелью сокрушено было и безмѣрно усилившееся на западѣ господство аріанства,—императоръ повсюду началъ издавать противъ него весьма стѣснительные эдикты, относящіе его къ разряду нетерпимыхъ сектъ,—и исторія человѣчества получила послѣ того направленіе, какое она едва ли могла бы имѣть безъ этого. Римскіе папы и сенаторы помогали императору и совѣтомъ, и матеріальными средствами, и увѣщаніями воевать (1). Въ войнѣ римлянъ противъ вандаловъ и готѳовъ выразилась вообще борьба православія съ ересью; Юстиніанъ былъ только выразителемъ общаго желанія православныхъ и успѣхъ увѣнчалъ дѣло.

Лицемѣріе еретиковъ, какъ средство снова занять утраченное положеніе въ государствѣ. Смуты въ Александріи, произведенныя Северомъ и Юліаномъ галикарнасскимъ: борьба ѳеодосіанъ съ гаіанитами. Публичный диспутъ севериан съ православными во дворцѣ императорскомъ. Усиленіе монофизитовъ въ Константинополѣ и ихъ происки. Выдвинутый ими патріархъ Анѳимъ. Его низложеніе папою Агапитомъ и рукоположеніе на его мѣсто Мины. Прошенія православныхъ монаховъ и епископовъ Агапиту, Юстиніану и Минѣ, и константинопольскій соборъ 536 г. Эдиктъ Юстиніана противъ Анѳима, Севера, Петра и Зоара. Принятіе соборныхъ актовъ и Юстиніанова эдикта патріархами: антіохійскимъ, іерусалимскимъ и александрійскимъ. Возстановленіе памяти Евѳимія, Македонія и Флавіана. Низложеніе Сильверія и опредѣленіе на его мѣсто Вигилія. Подавленіе монофизитскаго вліянія въ Александріи и достигнутое чрезъ то объединеніе всѣхъ церквей.

Всѣ мѣры и эдикты Юстина и Юстиніана въ пользу православія и для ниспроверженія какъ евти-

(1) Goth l. III c. 15. p. 339, c. 35. p. 428—429. — Кириллъ скиѳопольскій говоритъ, что императоръ Юстиніанъ, «возвративъ весь за-

хіанства, занимавшаго до нихъ господствующее положеніе, такъ равно и другихъ ересей, только внѣшне подавили ихъ, низвели ихъ съ господствующаго положенія въ подчиненное и заставили на время умолкнуть, но отнюдь не уничтожили ихъ, не истребили. Борьба продолжала идти, но борьба глухая, подземная. Основнымъ принципомъ дѣятельности еретиковъ стало *лицемѣріе*, выказываніе себя усердно православными, ревнующими и о халкидонскомъ соборѣ,— поддѣлываніе себя подъ духъ и настроеніе царствующихъ государей, чтобы, захвативши такимъ путемъ высокія церковно-государственныя должности, сплотить свою силу и затѣмъ, если возможно, низвергнуть установленный порядокъ и снова занять господствующее положеніе (1). Та видимо двойственная и наружно противорѣчащая политика, которую приняли царствующіе государи для достиженія одной и той же, намѣченной ими, цѣли (2), оказалась оружіемъ обоюдоострымъ (каковымъ она, впрочемъ, и должна была быть, по самому существу своему) и была обращаема еретиками, вслѣдствіе лицемѣрнаго образа ихъ дѣйствій, къ достиженію другой цѣли, совершенно противоположной намѣреніямъ правительства. Кромѣ евтихіанской ереси, къ разсматриваемой эпохѣ съ зна-

---

падъ отъ рабства тираповъ, бывшихъ аріанами, издалъ божественныя установленія, которыми повелѣлъ повсюду отнимать у аріанъ церкви, по заповѣди или пророчеству божественнаго старца». Vita Sabae. c 74.

(1) Harduin. t. Ш. col. 1244: «Надобно *приспособляться* къ этимъ вышепоименованнымъ безчестнымъ вводителямъ человѣкопокоренія,—писалъ Северъ къ Θеодосію, патріарху александрійскому, такому же еретику, какъ и онъ самъ,—и анаѳематствовать и нечестивый соборъ халкидонскій и богохульную книгу Льва, бывшаго предстоятелемъ римской церкви» (*τούτοις δὲ τοῖς προειρημένοις τῆς ἀνθρωπολατρείας ἀδοκίμοις εἰσηγηταῖς συναρμοστέον καὶ ἀναθεματιστέον, καὶ τὴν ἐν Χαλκηδόνι δυσσεβῆ σύνοδον, καὶ τὸν βλάσφημον τόμον Λέοντος*) Дѣян. всел. собор. т VI стр. 280. Казань, 1871. Акты собора, бывшаго при патріархѣ Минѣ въ 536 г., преисполнены свидѣтельствъ о лицемѣріи еретиковъ, какъ это будетъ показано въ своемъ мѣстѣ (см Harduin. t II)

(2) См. выше, стр. 454—459.

чительною силой вновь обнаружили себя еще ереси несторіанъ и оригенистовъ. Ихъ одновременныя дѣйствованія,—каждой въ виду своихъ собственныхъ цѣлей, при безспорномъ лицемѣріи главныхъ ихъ двигателей или рожаковъ, и при обнаружившемся непониманіи другъ друга со стороны самихъ православныхъ,—даютъ картинѣ чрезвычайно спутанный характеръ, гдѣ весьма трудно усмотрѣть связь безпрерывно смѣняющихся линій.

Въ Александріи, по смерти Діоскора II, или младшаго (1), патріаршимъ тономъ овладѣлъ Тимоѳей III (Астерій) (8 октября 519 г.), точно также придерживающійся ереси монофизитовъ, какъ и ближайшіе его предшественники (2). Онъ спокойно принялъ управленіе церковію: послѣ кровавыхъ сценъ такихъ буйствъ, среди которыхъ погибъ св. Протерій, монофизиты въ Александріи мало-по-малу взяли перевѣсъ надъ православными; цѣлый рядъ монофизитскихъ патріарховъ укрѣпилъ господство за ними; православные были подавлены и Александрія успокоилась. Таково было ея положеніе, когда, по восшествіи на престолъ Юстина, прибыли сюда Северъ и Юліанъ галикарнасскій (3). Тимоѳей принялъ ихъ чрезвычайно радушно (gratissime). Понятно, онъ видѣлъ въ нихъ гонимыхъ единовѣрцевъ и считалъ долгомъ своей совѣсти оказать имъ гостепріимство: онъ не предвидѣлъ, какія смуты они внесутъ въ его, такъ или иначе умиротворившуюся, церковь. Одинъ монахъ спросилъ Севера, какъ слѣдуетъ называть тѣло Господа нашего Іисуса Христа, тлѣннымъ или нетлѣннымъ? Северъ отвѣтилъ ему, что св. отцы называли его тлѣн-

(1) См. выше, стр. 230.

(2) Liberat. breviar. c. 19. p 133. col. 2; Not. Pag ad n. LXV—LXXV. an. 535; Leont. Byzant de sectis Act. V. n. 3 Migne, t LXXXVI.

(3) Harduin. t. II. col 1288 *ἀλλ' οὐδὲ ἡ ἐπὶ κακῷ δεξαμένη αὐτοὺς τῶν Ἀλεξανδρέων πόλις διέφυγε τοὺς αὐτῶν θορύβους. ἐφ' ἑαυτῆς γὰρ ἡσυχάζουσαν, ὅπως ποτὲ καὶ διέκειτο, ταύτην εὑρόντες, εἰς ἀνατροπὴν τελείαν κατέστησαν.*

нымъ. Послѣ того нѣкоторые изъ александрійцевъ, услышавъ объ этомъ отвѣтѣ Севера, обратились къ Юліану галикарнасскому, находящемуся въ другой части города, и спросили его, какъ онъ отвѣтитъ на этотъ вопросъ. Юліанъ сказалъ, что св. отцы говорятъ противное. Такимъ образомъ явились „тлѣнники“ и „нетлѣнники или фантазіасты“ (*φθάρτοι καὶ ἀφθάρτοι*,—corrupticolae et phantasiastae). Тимоѳей, въ виду такого разногласія, повелъ себя очень двусмысленно. Вслѣдъ за этимъ изъ ученія о тлѣнности тѣла Спасителя выродилась новая секта агноетовъ, или ѳемистіанъ, основателемъ которой явился діаконъ Тимоѳея, Ѳемистій. Если вѣрить Виктору тунисскому, то изъ той же секты тлѣнниковъ выродилась еще секта тритеитовъ. Каждый изъ противниковъ старался обосновать свои мнѣнія письменно, посредствомъ брошюръ, которыя тотчасъ же издавалъ въ народъ. Понятно, явились раздѣленія, смуты и волненія, которыя сдѣлались извѣстны императору. Юстиніанъ далъ приказъ Тимоѳею—или принять халкидонскій соборъ, или отказаться отъ патріаршаго достоинства (1). Но Тимоѳей умеръ

(1) Liberat. c. 19; Vict. Tun, Chron. an 538 539 Leont Byzant. de sectis (Σχόλια), act. V. — По Либерату, «Тимоѳей *болѣе* слѣдовалъ мнѣнію Севера», но Леонтій прямо говоритъ, что Тимоѳей покровительствовалъ то той, то другой сторонѣ. Далѣе онъ повѣствуетъ. *μέλλων δὲ ὁ Τιμόθεος συνιέναι πρὸς τὸν βασιλέα, τελευτᾷ· μετεστείλατο γὰρ αὐτὸν, ὀφείλων ἢ πεῖσαι γενέσθαι συνοδίτην, ἢ καθελεῖν αὐτόν.* Ѳеофанъ Хронографъ утверждаетъ, что споры о тлѣнности и нетлѣнности тѣла Христова произошли въ Александріи по смерти Тимоѳея: *τῷ δ'αὐτῷ ἔτει Τιμοθέου ἐπισκόπου Ἀλεξανδρείας τελευτήσαντος*.. (Theoph. Chron. p. 344—345). Порядокъ событій, сдѣланный Викторомъ Туниссскимъ, повидимому, подтверждаетъ показаніе Ѳеофана (Викторъ отнесъ смерть Тимоѳея къ 538 г., а возникновеніе спора о тлѣнности и нетлѣнности тѣла Христова къ 539 г.). Но Викторъ перепуталъ хронологическій порядокъ событій и это съ очевидностію открывается изъ сличенія его хроники съ какимъ бы то ни было изъ памятниковъ того времени. Да и не понятно, изъ-за чего приверженцы Гаіана и Ѳеодосія стали спорить между собою непосредственно послѣ смерти Тимоѳея? .. Эта же странность, или лучше — неразрѣшимое противорѣчіе невольно представляется и при чтеніи хроники Ѳеофана, который при томъ прямо го-

прежде выполненія этого роковаго выбора, въ половинѣ 535 года. Клиръ и магнаты города избрали на его мѣсто Ѳеодосія, бывшаго у него логографомъ (составителемъ рѣчей, проповѣдей) и державшагося ученія о тлѣнности тѣла Христова; но когда о рукоположеніи Ѳеодосія узнали монахи и народъ, то они немедленно возмутились и низвергли его, а на мѣсто его принудили рукоположить архидіакона Тимоѳеева, Гаіана, слѣдовавшаго ученію о нетлѣнности. Расколъ послѣ этого усилился и послѣдователи тлѣнности стали называться ѳеодосіанами, а нетлѣнности—гаіанитами. Гаіанъ правилъ своею общиною лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Тѣмъ временемъ слухи о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Александріи, достигли Константинополя. Кѣмъ принесены эти слухи? въ какомъ видѣ представлено дѣло императору? насколько проявилось здѣсь вліяніе монофизитовъ, Ѳеодоры? — трудно сказать что-либо опредѣленное. Извѣстно только то, что императоръ счелъ неблагоразумнымъ основываться на однихъ лишь слухахъ и, для лучшаго разузнанія дѣла, отправилъ въ Александрію Нарсеса, которому повелѣлъ утвердить патріархомъ того, кто больше имѣетъ правъ. По прибытіи на мѣсто дѣйствія, Нарсесъ спросилъ, кто изъ двухъ соперниковъ первый избранъ въ патріархи? и, узнавъ, что—Ѳеодосій, ему и порѣшилъ быть патріархомъ. Но гаіаниты оказали жестокое сопротивленіе; однакожъ, послѣ страшнаго кровопролитія, продолжавшагося нѣсколько дней, и послѣ истреб-

---

воритъ, что причиною раздора между тѣми и другими (ѳеодосіанами и гаіанитами) былъ вопросъ о тлѣнности и нетлѣнности тѣла Христова. Кедринъ буквально слѣдуетъ Ѳеофану (Cedren. I. p. 655). Такимъ образомъ повѣствованіе Леонтія и Либерата является въ этомъ отношеніи наиболѣе достовѣрнымъ. Показаніе о дѣяніяхъ Севера константинопольскихъ, сирійскихъ и палестинскихъ монаховъ, сдѣланное ими въ прошеніи, поданномъ патріарху Минѣ, хотя крайне обще и мало опредѣленно въ хронологическомъ отношеніи, но, при сличеніи съ указанными хрониками, является болѣе согласнымъ съ Бревіаріемъ Либерата и показаніями Леонтія, чѣмъ съ остальными авторами (Harduin. t II. col. 1288, Makrizii hist. Copt. christ. p. 71; Muralt. p. 171).

ленія жилищъ ихъ огнемъ, принуждены были, наконецъ, уступить: Ѳеодосій опредѣленъ патріархомъ, а Гаіанъ сосланъ въ ссылку, сначала въ Карѳагенъ, а потомъ въ Сардинію, и какъ окончилъ жизнь,—неизвѣстно. Но раздѣленіе ѳеодосіанъ и гаіанитовъ продолжалось и послѣ этого (1).

---

(1) Время смерти Тимоѳея показывается различно хронистами.—Пагій и Муральтъ, на основаніи хроники Никифора и автора Historiae patriarcharum Coptitarum, относятъ ее къ 7-му февраля 537 года (Not. Pag. ad n. LXV—LXXV. an. 535, Muralt, p 171). Викторъ туннесскій говоритъ о смерти Тимоѳея подъ 538 годомъ. Въ хронографіи Ѳеофана представляется здѣсь путаница: подъ 6030 годомъ (т. е. подъ 537 г. по Р. Хр.) онъ помѣщаетъ епископствованіе Гаіана, подъ 6031 годомъ—епископствованіе Ѳеодосія, а смерть Тимоѳея относитъ къ 6033 году. (Theoph. Chron. p. 338. 341—343). Къ этому же году относитъ и начало патріаршествованія Павла (ibid p. 340). Кедринъ говоритъ, что Тимоѳей скончался въ 14-й годъ царствованія Юстиніана (Cedren I. p. 655) Но всѣ эти показанія намъ кажутся невѣрными. Діаконъ Либератъ, сказавъ о низложеніи Ѳеодосія и объ опредѣленіи на его мѣсто Павла, державшагося православнаго образа мыслей, замѣтилъ въ заключеніе: «итакъ, симъ образомъ единство церквей было возстановлено въ *десятый годъ* славнаго царствованія августа Юстиніана» (c. 23. p. 158. col. 2). Выше онъ замѣтилъ, что Гаіанъ епископствовалъ 103 дня, а Ѳеодосій — одинъ годъ и четыре мѣсяца (c. 20 p. 155. ed Galland). Такимъ образомъ, по Либерату, Тимоѳеи умеръ въ 535 году. Съ этимъ показаніемъ Либерата вполнѣ согласуется и показаніе Евагрія. Онъ говоритъ, что ходитъ по рукамъ письмо патріарха Анѳима къ Ѳеодосію, и обратно письмо Ѳеодосія къ Северу и Анѳиму, и кромѣ того еще письмо Севера къ епископу Ѳеодосію о Анѳимѣ (Evagr. l. IV. c 11). На эту переписку между Северомъ, Анѳимомъ и Ѳеодосіемъ указываютъ также и соборные акты (Harduin. III. col 1244; Дѣян. всел. соб. т. VI. стр. 279—280). Здѣсь приводится отрывокъ изъ письма Севера къ Ѳеодосію. Этотъ и другіе отрывки, приведенные здѣсь изъ сочиненій Севера, относятся, по времени ихъ написанія, къ патріаршествованію Анѳима, какъ это можно видѣть изъ взаимной связи этихъ отрывковъ и изъ того обстоятельства, что, какъ увидимъ, послѣ низложенія Анѳима Северъ осужденъ былъ въ ссылку въ безвѣстное уединенное мѣсто, всѣ прежнія его сочиненія постановлено сжечь и, подъ страхомъ жестокой кары, воспрещено было—ему говорить что-либо или писать, а постороннимъ лицамъ — хранить, читать или списывать его сочиненія. Итакъ, и по Евагрію и по соборнымъ актамъ, его переписка съ Ѳеодосіемъ относится ко времени Анѳима и никто изъ хронистовъ ничего не говоритъ о его дѣятельности послѣ этого времени. Но безспорно вѣрно, что Анѳимъ получилъ патріаршее

Въ Константинополѣ постоянно проживало великое множество монофизитовъ со всѣхъ концевъ имперіи всякаго возраста, званія и состоянія. Масса епи-

---

достоинство въ половинѣ 535 г. и лишенъ его въ началѣ 536 г. Такимъ образомъ, по всѣмъ этимъ даннымъ смерть Тимоѳея слѣдуетъ отнести къ 535 г., и притомъ не къ концу его, а къ началу или же къ серединѣ, чтобы дать возможность совершиться всѣмъ указаннымъ событіямъ (смерти Тимоѳея, патріаршествованію Гаіана, его низложенію и вступленію на его мѣсто Ѳеодосія, перепискѣ послѣдняго, уже какъ патріарха, съ Анѳимомъ и Севером, находившимися въ Константинополѣ) внутри *десяти* мѣсяцевъ патріаршествованія Анѳима — Либератъ о начальной борьбѣ Ѳеодосія съ Гаіаномъ говоритъ такимъ образомъ: «по смерти александрійскаго епископа Тимоѳея, стараніемъ и по попущенію кубикулярія Калотихія, со стороны августы Ѳеодоры (partis Theodorae Augustae), былъ рукоположенъ Ѳеодосій» (с. 20 р 134—135). Совершенно невѣроятное извѣстіе. Чтобы принять его, необходимо предположить, что Ѳеодора предвидѣла смерть Тимоѳея и, предвидя, дала распоряженіе рукоположить на его мѣсто Ѳеодосія; ибо рукоположеніе и его и Гаіана произошло непосредственно послѣ смерти Тимоѳея, какъ это видно изъ дальнѣйшаго разсказа самаго Либерата. «Существуетъ, говоритъ онъ, въ Александріи нѣкоторый обычай, что тотъ, кто наслѣдуетъ умершему (епископу), держитъ стражу (excubias) надъ трупомъ его и полагаетъ правую его руку на свою голову, и, погребши своими руками, возлагаетъ на свою шею омофоръ (pallium) блаженнаго Марка, и тогда садится (на престолъ) законнымъ образомъ Пока Ѳеодосій (заручившійся предварительно декретомъ клира) ночью пытается (совершить) это,—народъ и монастыри (бывшіе за Гаіана) узнали, что по старанію Калотихія и судей, т. е. вождя Аристомаха и августалія Діоскора, было сдѣлано вечеромъ въ епископскомъ домѣ; тотчасъ же стали преслѣдовать Ѳеодосія и изгнали его, чтобы не совершилъ (colligeret) погребенія Тимоѳея На тронъ же возвели Гаіана, который тогда былъ архіепископомъ изъ партіи приверженцевъ тлѣнности» (с. 20. р. 135). Викторъ тунисскій говоритъ, что Ѳеодосій и Гаіанъ были рукоположены въ одинъ день по избранію народа Alexandrinae ecclesiae Temotheo mortuo, duo, populi electione, perversi ordinantur uno die episcopi, Theodosius scilicet et Gajanus (an. 538). Подобнымъ же образомъ повѣствуетъ и Леонтій Византіецъ: *τούτου (Θεοδοσίου) χειροτονηθέντος, εἰσελθὼν ὁ δῆμος, καὶ ἑωρακὼς αὐτὸν ἐπὶ τοῦ θρόνου καθεζόμενον, οὕτως ἠγανάκτησεν (ἐμίσουν γὰρ αὐτὸν), ὥστε εὐθέως τις ἀπὸ τοῦ θρόνου ἔῤῥιψεν αὐτὸν. Καὶ ὁ μὲν Θεοδόσιος ἔφυγε. Γαϊανὸς δὲ βίᾳ ἐγένετο ἀντ' αὐτοῦ ἐπίσκοπος* (De sect. Act V) Такимъ образомъ, и по разсказу самаго Либерата и по показаніямъ Виктора тунисскаго и Леонтія Византійца все дѣло избранія и рукоположенія Ѳеодосія и Гаіана совершилось неожиданно, безъ всякой подготовки и какъ

скоповъ, отовсюду стекавшихся сюда, тайно или явно принадлежала къ обществу монофизитовъ. Монахи окрестныхъ монастырей тоже во множествѣ входили

бы по вдохновенію, слѣдовательно, разсчитанное участіе Ѳеодоры, какъ передаетъ Либератъ, здѣсь немыслимо Равнымъ образомъ невѣроятно и то, что Ѳеодора уже успѣла проникнуться только-что возбужденными въ Александріи спорами о тлѣнности или нетлѣнности тѣла Христова; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ указаній на это. Съ обще-монофизитской точки зрѣнія, оба они, и Гаіанъ и Ѳеодосій, достойны были ея покровительства, — если только признать ее, какъ утверждаютъ ея враги, монофизиткой и покровительницею монофизитовъ, — потому что оба они были монофизиты. Наконецъ, нельзя при этомъ не замѣтить и того, что разбираемое показаніе Либерата противорѣчитъ тому показанію, по которому Юстиніанъ повелѣлъ низложить Тимоѳея за непріятіе халкидонскаго собора (Смотр выше, стр. 336). — Далѣе Либератъ говоритъ «Гаіанъ пребылъ на епископствѣ 103 дня: послѣ сего, изгнанный судьями, уступилъ. Спустя два мѣсяца посланный августою Ѳеодорой кубикулярій Нарсесъ возвелъ на тронъ Ѳеодосія, Гаіана же послалъ въ ссылку; отведенный въ великій Карѳагенъ и оттуда какъ будто (quasi) переправленный въ Сардинію, какъ онъ жилъ и кончилъ—неизвѣстно. Ѳеодосій же оставался на престолѣ одинъ годъ и четыре мѣсяца, и съ нимъ имѣли общеніе лишь немногіе, ибо многіе пріобщились къ имени Гаіана. Народъ же нѣсколько дней велъ борьбу за Гаіана, перебитый воинами, онъ потерялъ большую свою часть; но и воиновъ пало очень большое число. Нарсесъ же побѣдилъ не оружіемъ, но приведеніемъ гражданъ въ согласіе. Женщины бросали на воиновъ, съ верхнихъ частей домовъ, что имъ попадалось подъ руки А онъ, что не могъ взять мечемъ, побѣдилъ огнемъ. Городъ этотъ даже доселѣ раздѣленъ схизмою . Въ послѣднее время Ѳеодосій, не вынося возстаній и войнъ, которыя были поднимаемы противъ него народомъ, сошелъ съ престола. Онъ съ честію отосланъ въ Константинополь, потому что такъ предписывали письма Августы» (с. 20). И этотъ разсказъ Либерата исполненъ неправдъ и неточностей. 1) И установленный порядокъ водворенія патріарховъ на ихъ тронахъ, и прежняя и послѣдующая исторія византійской церкви, и свидѣтельствуемое историками взаимное согласіе Юстиніана и Ѳеодоры въ дѣлахъ управленія, и самое дѣло александрійцевъ, ставшее весьма гласнымъ и возбужденнымъ, и обычай Юстиніана—самому вникать во всѣ дѣла государства и церкви, не только важныя, но и маловажныя, не дозволяютъ допустить показаніе Либерата, чтобы возведеніе Ѳеодосія на патріаршій тронъ произошло по исключительному повелѣнію Ѳеодоры безъ вѣдѣнія Юстиніана. 2) Догадка эта тотчасъ же подтверждается словами такого точнаго писателя, какъ Леонтій Византіецъ, онъ говоритъ. *ἀκούσας δὲ τὰ γινόμενα Ἰουστινιανὸς ὁ βασιλεὺς, πέμπει τὸν Νάρσην, ὀφεί-*

въ союзъ монофизитовъ и наполняли собою Константинополь. Держались монофизитства и весьма многія, стоящія у кормила правленія, аристократическія фа-

---

λοντα μαθεῖν, τίς ἐκ τῶν δύο διρέλλει εἶναι ἐπίσκοπος. Ὁ δὲ Νάρσης ἐλθὼν, καὶ ἐρωτήσας, τίς ἐκ τῶν δύο ἐστὶ πρῶτος γενόμενος, καὶ μαθὼν, ὅτι Θεοδόσιος· τὸν μὲν Γαϊανὸν ἐξώρισε (καὶ ἀφανὴς ἐγένετο ἐξ ἐκείνου μέχρι τῆς σήμερον), τὸν δὲ Θεοδόσιον ἐκάθισεν εἰς τὸν θρόνον (De sect. act. V. n. 5). Далѣе 3) Викторъ туннисскій, Θеофанъ Хронографъ и Кедринъ говорятъ, что Гаіанъ и Θеодосій были низложены и сосланы въ ссылку за ересь Theodosius et Gajanus Alexandrini episcopi cum suo errore damnati exsilio transportantur (Vict. chron. an. 540); *τούτους δὲ Θεοδόσιον καὶ Γαϊνᾶν) Ἰουστινιανὸς πέμψας ἤγαγεν ἐν Βυζαντίῳ, καὶ ἀλλήλων κεχωρισμένους διαιτᾶσθαι προσέταξεν* (Theph. Chron p. 345; почти буквально и Кедринъ 1. p 655). А это значитъ, что если Гаіанъ низложенъ за ересь и съ вѣдѣнія Юстиніана, то, слѣдовательно, и Θеодосій, поставленный на мѣсто Гаіана, былъ поставленъ съ вѣдѣнія Юстиніана и, потому, какъ православный; иначе, что̀ за цѣль — на мѣсто низложеннаго еретика вновь поставлять еретика же? и какъ возможно было опредѣлить еретика безъ вѣдѣнія императора, съ вѣдѣнія котораго только-что низложенъ за ересь еретикъ? Допустимо ли, чтобы такой горячій ревнитель халкидонскаго собора, какъ Юстиніанъ, могъ за-вѣдомо согласиться на поставленіе въ патріарха противника халкидонскаго собора? Нижеслѣдующія слова Либерата скорѣе можно привести въ согласіе съ указанными мѣстами Виктора, Θеофана и Кедрина, чѣмъ съ его собственною рѣчью. quo illo (Theodosio) veniente (т. е въ Константинополь), promittebat Augusta imperatori, quoniam posset Theodosius Calchedonensem suscipere synodum sed persistente et nolente eo, cum ejus voluntate, foras civitatem regiam sexto milliario in exsilium missus est (c. 20. p. 135) Здѣсь явныя противорѣчія: съ какой стати Θеодора вдругъ, — ни съ того, ни съ сего, — стала давать обѣщанія Юстиніану, что Θеодосій примегъ халкидонскій соборъ? Къ чему, когда онъ *добровольно* удалился съ александрійскаго трона? Обѣщала императору: стало быть этотъ послѣдній уже зналъ, что Θеодосій еретикъ. Обѣщала, что могъ бы принять халкидонскій соборъ, отсюда слѣдуетъ заключить, что онъ не добровольно оставилъ престолъ, а за противодѣйствіе халкидонскому собору. Θеодосій же воспротивился волѣ императора, слѣдовательно нашелъ уже невозможнымъ болѣе обманывать его, а отсюда далѣе слѣдуетъ заключить, что первоначально онъ обманывалъ. Съ этимъ заключеніемъ какъ нельзя болѣе согласуется и приведенная выше фраза Либерата: «не вынося возстанія и войнъ, Θеодосій сошелъ съ престола», т. е первоначально давъ обѣщаніе императору послѣдовать халкидонскому собору, Θеодосій увидѣлъ на мѣстѣ, что онъ, лично самъ расположенный къ ереси, не можетъ выполнить своего обѣщанія: ему предсто-

милiи, которыя потому считали долгомъ своей совѣсти покровительствовать епископамъ и монахамъ своей секты. Правительство понимало, что одними мѣрами

итъ въ этомъ случаѣ двоякая борьба, и съ своею совѣстію, и съ большинствомъ своей паствы. Таковъ ходъ событій уже практикованъ въ Александріи (см выше, стр. 215. 230). (Леонтій тоже говоритъ о низложеніи, а не о добровольномъ отреченіи Θеодосія отъ престола) Согласно съ Леонтіемъ и справедливѣе остальныхъ изъ перечисленныхъ хронистовъ Либератъ говоритъ о ссылкѣ Гаіана· уже самая послѣдовательность событій требуетъ, чтобы Гаіанъ былъ сосланъ прежде Θеодосія. Такъ какъ Либератъ отказывается дать какія бы то ни было извѣстія о Гаіанѣ послѣ переведенія его изъ Карѳагена въ Сардинію, то можетъ быть, что отсюда онъ ко времени ссылки Θеодосія убѣжалъ въ Константинополь и Θеофанъ, по имѣвшимся у него даннымъ, схватываетъ именно этотъ послѣдній моментъ одновременной и съ ссылки. Но здѣсь трудно объяснимо Леонтіево *ἀραγῆς*. 4) Выше мы видѣли (стр 531), что Северъ убѣждалъ патріарха Θеодосія, о которомъ здѣсь рѣчь, обманывать послѣдователей халкидонскаго собора принаровленіемъ къ нимъ. Евагрій даетъ свидѣтельства интимнаго сношенія Θеодосія съ Северомъ и Анѳимомъ (l IV. c. 11) которые въ это время обманно, тайно и хитро дѣйствовали въ Константинополѣ въ пользу монофизитства. Монахи въ прошеніи къ патріарху Минѣ, описавъ бѣдствія александрійской церкви, причиненныя ей Северомъ и Петромъ, непосредственно же послѣ этого примѣняютъ къ нимъ слова писанія (Пс. 7, 16. 17): *впадоша въ ровъ, имже ископаша, и обратися болызнь ихъ на главу ихъ* (Harduin, II, col. 1288) Изъ отрывковъ еретическихъ сочиненій, какіе сохранились въ соборныхъ актахъ, легко можно видѣть, какъ трудно было въ то время, когда только еще выяснялись и опредѣлялись всѣ изгибы мысли относительно какого бы то ни было догматическаго вопроса, отличить православнаго отъ еретика Такъ напримѣръ Θеодосій, о которомъ здѣсь рѣчь, въ книгѣ къ августѣ Θеодорѣ писалъ такимъ образомъ· *μάλιστα μὲν ταῖς τῶν ἁγίων πατέρων κατακολουθοῦμεν διδασκαλίαις, ὡς σαφῶς ἀποδέδεικται· σαφέστερον δὲ καὶ τῆς καθ' ὑπόστασιν ἀσυγχύτου ἑνώσεως τὴν ἀπόδειξιν ἐργαξόμεθα, καὶ τὴν τῆς δυάδος παντοχόθεν ὑπωψίαν προαναστέλλομεν* (Harduin, III. col. 1245, Дѣян. соб. т. VI стр. 281). Итакъ здѣсь рѣчь о ревностномъ послѣдованіи ученію святыхъ отцевъ и о неслитномъ упостасномъ соединеніи. Дальнѣйшія же мысли направлены якобы къ опроверженію несторіанскаго и *Θеодоритова*, т. е. тоже, какъ увидимъ ниже, несторіанскаго ученія. Легко понять, что при живомъ обращеніи легче было сбивать съ толку. Та сторона дѣятельности Θеодоры, какъ она защищала монофизитовъ и вліяла въ этомъ отношеніи на Юстиніана, остается совершенно закрытою. Восточно историческіе памятники показываютъ, что она одинаково

строгости нельзя достигнуть желаемой цѣли примиренія. Притомъ же очень многіе, особенно маломыслящіе и неопытные, держались сектантскихъ мнѣній или по недоразумѣнію, или же вслѣдствіе обмана ихъ вожаковъ. Чтобы дать имъ удовлетвореніе и разъяснить всѣ ихъ недоумѣнія, императоръ устроилъ въ своемъ дворцѣ (въ концѣ 532, или же въ началѣ 533 г.) публичный диспутъ между северіанами съ од-

---

благодѣтельствовала и монофизитамъ и православнымъ (Evagr. l. IV. c. 10. Слич выше, стр. 436). Весьма вѣроятно, что, покровительствуя монофизитамъ изъ видовъ политики (διὰ οἰκονομίαν) и съ согласія Юстиніана, она, какъ незаписной богословъ, легко вдавалась въ обманъ и сама, и если, научаемая опытомъ, продолжала держаться той же политики, то—только потому, что оба они, и Юстиніанъ и Ѳеодора, думали лучше этимъ путемъ достигнуть высшей цѣли—объединенія враждующихъ партій и сохраненія за собою верховной власти. Было бы весьма ошибочно думать, что Юстиніанъ преслѣдовалъ еретиковъ неумолимо Папа Вигилій, въ отлучительной граматѣ на Ѳеодора епископа Кесаріи каппадокійской и патріарха Мину, говоритъ, что Юстиніанъ in suis hostibus (т. е. относительно еретиковъ, потому что враги противопоставляются здѣсь православнымъ) pia semper apparuit (Hard. III col. 9; Migne, patr. t. LXIX. Ser Lat col 61) Что проникновеніе монофизитовъ во дворецъ зависѣло не отъ Ѳеодоры, это видно изъ того, что они имѣли силу здѣсь и по смерти Ѳеодоры, когда посредствомъ ряда нанесенныхъ имъ ударовъ, они стали гораздо слабѣе, чѣмъ въ началѣ царствованія Юстиніана, и притомъ дѣйствовали такъ успѣшно, что, какъ увидимъ, успѣли преклонить къ своему мнѣнію и самаго Юстиніана. При всемъ этомъ нужно имѣть въ виду еще и то, что ученіе ѳеодосіанъ ближе стоитъ къ православному ученію, чѣмъ гаіанитовъ. 5) Трудно предположить, чтобы благочестивый и православный Нарсесъ (Evagr l. IV. c. 24) завѣдомо согласился ратовать въ пользу ереси, когда ересь считалась самымъ непростительнымъ грѣхомъ.—Вообще о Либератѣ, какъ и о Викторѣ тунисскомъ слѣдуетъ замѣтить, что оба они, какъ противники «трехъ главъ», о которыхъ рѣчь будетъ ниже, написали свои хроники тенденціозно, направляли рѣчь къ тому, чтобы показать, что пятый вселенскій соборъ вышелъ изъ нѣдръ евтихіанъ къ отмѣнѣ халкидонскаго собора, и наполнили ихъ всякими нелѣпыми слухами. При этомъ, такъ какъ Юстиніанъ безспорно горячо ратовалъ за халкидонскій соборъ и объ немъ ничего нельзя сказать въ этомъ отношеніи, то Ѳеодора, какъ являвшая себя изъ политики и по тайному согласію съ Юстиніаномъ покровительницею монофизитовъ, повсюду, къ дѣлу и не къ дѣлу, является у нихъ, какъ бы нѣкоторымъ козломъ отпущенія.

ной стороны и православными съ другой. Со стороны противниковъ было шесть епископовъ, главнымъ образомъ изъ восточныхъ провинцій, а со стороны православныхъ пять. Между присутствующими находился также и трапезунтскій епископъ, Анѳимъ, наружно державшійся стороны православныхъ. Главнымъ ораторомъ отъ лица православныхъ былъ Ипатій ефесскій, исправлявшій, какъ извѣстно, въ 533 году должность посла къ папѣ Іоанну II. Дмитрій филиппійскій точно также находился въ это время въ Константинополѣ, но на диспутѣ, по причинѣ болѣзни, не былъ. Предъ началомъ диспута императоръ ввелъ въ сборную залу патріарха и сенатъ, и обратился къ православнымъ съ рѣчью, чтобы они удовлетворили своимъ заблуждающимся братьямъ и обходились съ ними со всею кротостію и снисходительностію. Затѣмъ, чтобы не стѣснять свободы разсужденій, удалился и поручилъ наблюденіе за порядкомъ патрицію Стратегію. Когда всѣ размѣстились по своимъ мѣстамъ, Стратегій обратился къ восточнымъ съ слѣдующею рѣчью: „благочестивѣйшій и кротчайшій нашъ владыка, какъ православный и желающій каждодневно умножать правую вѣру, созвалъ ваше братство (religionem) не по силѣ государственнаго авторитета, а по отеческому и священническому соболѣзнованію сердца, чтобы вы получили отъ присутствующихъ святѣйшихъ епископовъ удовлетвореніе въ томъ, въ чемъ вы сомнѣваетесь; для этого вы и призваны его благочестіемъ. Вамъ извѣстно, что славной памяти мой отецъ Аппій, родомъ изъ египетской провинціи, слѣдуя какъ вашимъ, такъ и александрійскимъ сектамъ, сомнѣвался войдти въ общеніе съ святою Великою церковію, устроенною въ семъ городѣ; но благочестивѣйшіе наши императоры (1) основательно убѣдили его, что честнѣйшіе епископы, соби-

(1) Piissimi atque fidelissimi (nostri) imperatores, т. е., конечно, Юстиніанъ и Ѳеодора.

равшіеся въ Халкидонѣ, предали намъ не иной символъ и не иную вѣру, какъ именно ту, которая утверждена въ Никеѣ, въ Константинополѣ и въ Ефесѣ. Точно также и они опредѣлили вѣру и осудили Несторія и Евтихія, которые ввели новыя ереси. Убѣжденный таковымъ основаніемъ, онъ пріобщился къ святой церкви. Такимъ образомъ и вы, умомъ несварливымъ и какъ прилично почтеннымъ мужамъ, изложите предъ ихъ братствомъ (religione), что̀ кажется вамъ сомнительнымъ, и Господь чрезъ нихъ удовлетворитъ васъ".

Северіане представили главнымъ образомъ три основанія своего упорства: а) что халкидонскій соборъ исказилъ вѣру отцевъ внесеніемъ ученія о двухъ естествахъ въ лице Іисуса Христа по воплощеніи вопреки вѣрѣ отцевъ: Аѳанасія великаго, Василія, Григорія, Кирилла; b) что онъ внесъ раздоры въ церковь, и с) что онъ впалъ въ несторіанство, объявивъ православными Ѳеодорита и Иву, хулившихъ свят. Кирилла. Православные отвѣтили на эти обвиненія, что всѣ отеческія сочиненія, на которыя северіане ссылаются въ оправданіе своего ученія, суть подложныя, сфабрикованныя самими еретиками; что въ подлинныхъ отеческихъ твореніяхъ, особенно — одобренныхъ вселенскими соборами, которымъ только и должно слѣдовать въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, нѣтъ никакихъ указаній на единое естество въ лицѣ Іисуса Христа по воплощеніи; что раздѣленія производилъ въ сущности всякій вселенскій соборъ; но что отсюда никакъ нельзя заключать, что всел. соборы не должно принимать и воспоминать въ диптихахъ; что, соблазняя еретиковъ, воспоминаемый въ диптихахъ халкидонскій соборъ успокоиваетъ совѣсть православныхъ; что, объявляя православными Ѳеодорита и Иву, онъ слѣдовалъ только истинѣ, потому что оба они анаѳематствовали Несторія и Евтихія и исповѣдали православную вѣру; что онъ объявилъ бы православными и Несторія и Евтихія, и всякаго другаго еретика,

если бы только они отреклись отъ своихъ ересей, и поступилъ бы право, не взирая ни на прежнее, ни на послѣдующее поведеніе объявленныхъ имъ православными обратившихся еретиковъ, и что тоже самое случилось на никейскомъ соборѣ относительно Евсевія никомидійскаго, Ѳеогниса никейскаго и другихъ, которые, хотя и подписались подъ актами собора, но впослѣдствіи пристали къ партіи Арія и опустошили Божію церковь, и тѣмъ не менѣе никейскій соборъ не потерялъ своего вселенскаго значенія. Совѣщанія продолжались три дня (собственно — два дня; на третій произошло распущеніе собранія). По окончаніи диспута, императоръ самъ держалъ рѣчь къ северіанамъ, и съ такою кротостію и снисходительностію, что это даже удивило присутствующихъ здѣсь зрителей. Иннокентій маронійскій, авторъ описанія разсматриваемаго диспута северіанъ съ православными, пишетъ, что онъ узрѣлъ здѣсь на Юстиніанѣ примѣръ Давидовой кротости, Моисеева терпѣнія и апостольской снисходительности. Во время самыхъ совѣщаній, когда императоръ для предоставленія бо́льшей свободы спорящимъ, какъ сказано, удалялся изъ сборной залы въ свои покои, северіане при посредствѣ одного изъ своихъ приверженцевъ старались обвинить предъ нимъ православныхъ въ томъ, что будто бы они не исповѣдуютъ Бога, пострадавшаго плотію, или—что Онъ есть единъ отъ св. Троицы и что Онъ не одно и тоже лице какъ въ страданіяхъ, такъ и въ чудесахъ. Для разузнанія истины, императоръ, когда явились къ нему во дворецъ патріархъ Епифаній и Ипатій ефесскій, спросилъ ихъ, дѣйствительно ли они не исповѣдуютъ, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть одно и тоже лице какъ въ страданіяхъ, такъ и въ чудесахъ; что Пострадавшій плотію есть Богъ, и что Онъ есть единъ отъ Троицы? Въ опроверженіе клеветы Ипатій произнесъ православное исповѣданіе вѣры. Предъ распущеніемъ собранія императоръ вошелъ во дворцевый храмъ архангела

Михаила (что̂ въ Кохліѣ) и вознесъ здѣсь горячую молитву къ Богу о томъ, чтобы Онъ смягчилъ сердца упорствующихъ. Результатомъ совѣщаній было обращеніе къ православію одного епископа (Филоксена изъ Дулихія — Dulichii) и многихъ клириковъ и монаховъ. Остальные же епископы всѣ упорно остались при своихъ мнѣніяхъ. Нѣкоторые изъ обратившихся сирійскихъ монаховъ и клириковъ говорили, что они только обманомъ завлечены были въ ересь, потому что имъ говорили, что Духъ Св. отступилъ отъ церкви, ихъ крещенія и общенія; потому и они обманывали другихъ (1).

Юстиніанъ и послѣ этого диспута не переставалъ всѣми мѣрами заботиться о примиреніи монофизитовъ и другихъ еретиковъ съ православными; терпѣливо выслушивалъ основанія ихъ упорства, и кротко старался наставить ихъ на путь истины и прими-

---

(1) Collatio Catholicorum cum Severianis, Harduin. t. II col. 1159—1174.—Гардуинъ относитъ этотъ диспутъ севериянъ съ православными къ 533 г., а Баронiй и Пагій—къ 532 г. (an 532. n. XXX. Not. Pag.). Основаніе—то, что объ этомъ совѣщаніи Юстиніанъ упоминаетъ въ вышеприведенномъ своемъ посланіи къ папѣ Іоанну II, отправленномъ чрезъ Ипатія и Дмитрія Но Баронiй и Пагій относятъ это посольство къ началу 533 года, между тѣмъ какъ по Пасхальной хроникѣ оно случилось въ концѣ тогоже самаго, 533, года. Гардуинъ, очевидно, слѣдуетъ этой послѣдней хронологіи. — Епископы, принявшіе участіе въ диспутѣ, были слѣдующіе. Сергій изъ Кира, Ѳома изъ Германикіи, Филоксенъ изъ Дулихія, Петръ изъ Ѳеодосіополя, Іоаннъ изъ Константины, Ноннъ изъ Керкесины, и кромѣ того множество было непринимавшихъ участія въ диспутѣ клириковъ и монаховъ, какъ со стороны севериянъ, такъ и православныхъ.—Православные монахи жалуются, что всякаго рода еретики, и между прочимъ монофизиты, свили себѣ въ Константинополѣ какъ бы нѣкоторое гнѣздо (Harduin t. II col. 1200: *τοῖς ἐμφωλεύουσιν ἐνταῦθα αἱρετικοῖς*); что между монофизитами въ огромномъ количествѣ были епископы, клирики и архимандриты (Ibid col. 1209: *ἐπειδὴ δὲ οὐ μόνον οὗτος, ἀλλὰ καὶ ἕτεροι ἐπίσκοποί τε καὶ κληρικοὶ καὶ ἀρχιμανδρῖται εὐαρίθμητοι, ἐπιβουλαῖς χρώμενοι, κατὰ τῆς τοῦ Θεοῦ ἐκκλησίας, καὶ διὰ τοῦτο καὶ μόνον τῇδε τῇ πόλει ἐνδιατρίβοντες ταραχὰς παρέχειν καὶ ταύτῃ.* Слич. ibid. col. 1208), и что имъ оказываютъ всякое покровительство вельможи (Ibid. col. 1205. 1208: *τῶν ἐν ὑπεροχῇ ὄντων*).

рить съ церковію (1). Но монофизиты употребили во зло довѣріе къ нимъ государя. Притворившись ревнителями халкидонскаго собора, какъ этого требовали послѣдніе эдикты правительства, наиболѣе ловкіе вожди ихъ проникали чрезъ это самое во дворецъ. входили здѣсь въ силу и получали епископскія каѳедры, и въ тоже самое время тайно вели дѣятельную пропаганду въ пользу своей секты: собирали тайныя собранія; во всякомъ домѣ, имѣющемъ видъ молитвеннаго дома, учреждали свои особые монастыри; проникали въ православные монастыри и простѣйшихъ изъ монаховъ склоняли къ своему ученію; входили въ довѣріе вельможъ и дѣлали ихъ своими послѣдователями и покровителями,—словомъ, образовали изъ себя въ Константинополѣ сильный и крѣпко сплоченный союзъ, отваживающійся на дерзкія противогосударственныя предпріятія. Такъ, одинъ изъ членовъ этого союза, персъ по имени Исаакъ, позволилъ себѣ даже въ одной изъ гостинницъ высѣчь лозами портретъ императора, писанный красками на полотнѣ; когда же усталъ сѣчь, то въ остервененіи оторвалъ часть полотна отъ портрета и сжегъ ее. Скоро явился въ Константинополь Петръ апамейскій и сталъ здѣсь во главѣ уже довольно прочно организовавшагося союза его единовѣрцевъ. Петръ былъ страстный любитель женщинъ и привязанъ къ роскоши. Чтобы ловчѣе дѣйствовать, еретики пустились въ денежныя операціи, скопляли чрезъ нихъ значительныя суммы денегъ, и чрезъ это забрали великую силу; въ особенности это нужно сказать о Петрѣ и Северѣ. Затѣмъ сильнымъ орудіемъ къ распространенію ихъ секты служили также женщины, которыхъ

(1) Hardum. II. p. 1174: Sed tamen et usque hactenus omni continentia et beneficio dignatur eos attendere; non cessavit expectans propter Dominum eorum conversionem ad bonum, говоритъ Иннокентій маронійскій въ заключеніе своего описанія спора севериан съ православными. Слич. p. 1217. 1289. Tract Just. contra Monoph. Migne. patr. curs compl. t. LXXXVI. p. 1104—1145. Liberat. brev. c. 24. p. 160.

они всячески вербовали въ свой союзъ и даже вступали съ ними въ любовныя связи, въ особенности Петръ апамейскій. Северъ въ началѣ отказывался прибыть въ Константинополь. Но потомъ, когда увидѣлъ, что александрійцы, раздѣленные его ученіемъ о тлѣнности тѣла Христова, далеко не всѣ стоятъ на его сторонѣ и что его положеніе становится здѣсь опасно, между тѣмъ какъ союзъ его единовѣрцевъ достигъ въ Константинополѣ значительной силы, рѣшился наконецъ отправиться сюда и, по прибытіи, тотчасъ же занялъ самое видное положеніе. Православные епископы въ письмѣ къ папѣ Агапиту называютъ его „началомъ, срединою и концемъ“ всего монофизитскаго движенія. Трудно было узнать, держится ли онъ монофизитскаго ученія или отрекся отъ него и опять обратился къ православію: такъ напр., онъ не допускалъ энотиконъ, называя его *κενοτικὸν*'омъ и *διαιρετικὸν*'омъ, и въ тоже время внесъ въ диптихи имя Петра Монга, какъ извѣстно, принимавшаго энотиконъ,—ненавидѣлъ Петра Монга, какъ еретика, и возбуждалъ противъ него александрійцевъ, и въ тоже время находился съ нимъ въ общеніи. Точно также онъ анаѳематствовалъ халкидонскій соборъ неоднократно; но въ тоже время онъ какъ бы и входитъ съ нимъ въ общеніе, когда внесъ въ свои диптихи епископовъ, бывшихъ на немъ или принимающихъ его. Нужно думать, что и въ настоящій разъ онъ безопасно прибылъ въ Константинополь потому, что притворился предъ императоромъ принимающимъ халкидонскій соборъ и исповѣдующимъ православіе. Всѣхъ православныхъ, обращавшихся въ монофизитство, сектанты обыкновенно перекрещивали; въ особенности ревностно упражнялся въ этомъ дѣлѣ нѣкій сирійскій монахъ Зоаръ, невѣжественный, но очень фанатичный: онъ только и зналъ, что перекрещивалъ и производилъ смуты (1).

(1) Harduin. t. II. consil. sub Mena, act. 1, см. прошенія константинопольскихъ, восточныхъ, сирійскихъ и палестинскихъ монаховъ къ

Конечный планъ монофизитовъ былъ таковъ: выдвинуть изъ своей среды такое лице, которое, наружно являясь вполнѣ православнымъ и даже ревнителемъ православія, вошло бы чрезъ это самое въ довѣріе государей и потомъ безъ труда заняло бы имѣющій скоро сдѣлаться празднымъ патріаршій константинопольскій тронъ. Участь выполнить эту роль

папѣ Агапиту col. 1204—1209, письмо православныхъ восточныхъ епископовъ къ тому же Агапиту, col 1217—1221; прошеніе тѣхъ же монаховъ къ патріарху Минѣ, act V, col 1284—1293; также col 1369—1393. Евагрій говоритъ, что Северъ вызванъ въ Константинополь самимъ Юстиніаномъ, котораго убѣдила сдѣлать это Θеодора (l. IV. c 10. 11). Напротивъ православные монахи въ прошеніи къ патріарху Минѣ говорятъ, что Северъ и Петръ апамейскій, послѣ того какъ возбудили величайшія смуты въ александрійской церкви, самовольно прибыли въ Константинополь: *οὕτω δὲ οἰκτρῶς, ὡς προείρηται, τὴν τε ἀνατολὴν καὶ Ἀλεξάνδρειαν διαθέντες, καταλαμβάνουσι καὶ τὴν βασιλίδα ταύτην πόλιν, οἱ παρὰ τούτων καὶ τῶν τούτοις ὁμοίων ἀποπλανηθέντες, πρόδρομοι ὥσπερ τῆς ἐκεῖνων κακίας ὑπάρχοντες, καὶ προομαλίσαι αὐτοῖς τὴν τοῦ μύσους ὁδὸν ὀφείλοντες καὶ μετ' ἐκείνους πάλιν, Πέτρος, ἐφεξῆς δὲ τούτοις καὶ Σευῆρος, καὶ τοὺς δὲ ἰδιωτικοὺς οἴκους, τὰς τε ἐκκλησίας τοῦ Θεοῦ, καὶ αὐτὴν τὴν πολιτείαν, ὅσον γε τὸ ἐπ' αὐτοῖς, λυμαινόμενοι οὐκ ἐπαύσαντο, καὶ παρασυνάξεις. καὶ παραβαπτίσματα προφανῶς, καὶ μετὰ πάσης ἀναιδοῦς παῤῥησίας δημοσίᾳ τε καὶ ἰδίᾳ, τολμῶντες, καὶ λ.* (col 1288—1289) Если же Северъ дѣйствительно вызванъ самимъ Юстиніаномъ по просьбѣ Θеодоры, то это могло быть не иначе, какъ если Θеодора представила ему, что Северъ принимаетъ халкидонскій соборъ Но теперь возникаетъ вопросъ: обманывала ли она намѣренно Юстиніана? Изъ указанныхъ соборныхъ актовъ, которые, безспорно, должны имѣть преимущество предъ сказаніями частныхъ лицъ, часто руководимыхъ духомъ партіи или пишущихъ на основаніи слуховъ, большею частію, обыкновенно, невѣрныхъ и извращающихъ событія въ одну какую-нибудь сторону, благопріятную или неблагопріятную для описываемаго лица, никакъ нельзя сдѣлать заключенія, что Θеодора намѣренно обманывала своего мужа Скорѣе представляется дѣло такъ, что она и сама была обманываема еретиками Относящійся къ разсматриваемому времени и описанный Кирилломъ скиѳопольскимъ случай возведенія въ епископское достоинство и дарованія епископскихъ каѳедръ тайнымъ акефаламъ, Домиціану и Θеодору Аскидѣ, и достиженія послѣднимъ силы при императорскомъ дворѣ, вполнѣ согласуется съ повѣствованіемъ указанныхъ соборныхъ актовъ о происках монофизитовъ въ Константинополѣ, все дѣло покоится на лицемѣріи еретиковъ и ихъ взаимной поддержкѣ другъ друга (Vita Sabae, c. 83. 86).

выпала на долю упомянутаго трапезунтскаго епископа Анѳима. Онъ издавна поселился въ Константинополѣ и проводилъ здѣсь жизнь наружно строго отшельническую и постническую. Строгость жизни сдѣлала его замѣтнымъ; онъ проникъ ко двору и снискалъ благосклонность государей. Наружно ничто не показывало, что онъ держится ереси монофизитовъ, и только самые ревностные изъ православныхъ монаховъ, имѣвшіе возможность слѣдить за нимъ въ его обыденныхъ и тайныхъ поступкахъ, предчувствовали, что онъ скрываетъ въ себѣ злѣйшаго врага православія и церкви. Проживая съ давняго времени въ Константинополѣ, Анѳимъ попеременно бывалъ здѣсь въ разныхъ монастыряхъ и входилъ въ общеніе не только съ православными монахами и архіереями, но и съ такими, о которыхъ извѣстно было, — по крайней мѣрѣ монахамъ, строго наблюдающимъ за сохраненіемъ чистоты православія, — что они придерживаются монофизитской ереси. Кромѣ того, онъ входилъ и въ тѣ тайныя собранія, которыя монофизиты составляли въ домахъ покровительствующихъ имъ вельможъ или же въ монастыряхъ, держащихся евтихіанской ереси. Такое тайное общеніе его съ еретиками въ вѣкъ полнаго отчужденія отъ всего еретическаго могло быть и дѣйствительно было не другимъ чѣмъ-либо, какъ коварнѣйшимъ умысломъ противъ православія и церкви. Между тѣмъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Юстиніана было невозможно: монахи, знавшіе закулисную жизнь Анѳима, во всякомъ случаѣ были люди ничтожные по положенію на церковно-іерархической лѣстницѣ и могли проникнуть во дворецъ не иначе, какъ по рекомендаціи вліятельныхъ здѣсь лицъ. Но тайные монофизиты, забравшіе силу при дворѣ, обыкновенно, устраняли отъ личнаго объясненія съ Юстиніаномъ всякаго, въ комъ подозрѣвали своего врага. Да къ тому же, трудно было и убѣдить Юстиніана, что Анѳимъ придерживается ереси акефаловъ; потому что онъ самъ лично и неоднократно слышалъ отъ по-

слѣдняго увѣренія въ послѣдованіи халкидонскому собору и въ ревнованіи по немъ. Словомъ, мнѣніе Юстиніана о православіи Анѳима и его высокихъ нравственныхъ качествахъ было крѣпко, такъ что, когда патріархъ Епифаній скончался, 5 іюня 535 года,—Анѳимъ былъ тѣмъ лицемъ, на которомъ остановился выборъ государей, клира и сената, и онъ занялъ упразднившійся патріаршій тронъ. Патріархи антіохійскій, іерусалимскій и александрійскій безъ возраженій приняли общительныя его граматы (1).

---

(1) Либератъ (с. 20) и Викторъ тунисскій (Chronic an. 537) говорятъ, что Анѳимъ опредѣленъ на константинопольскій патріаршій тронъ августою Ѳеодорою (Либератъ), или же при ея содѣйствіи (Викторъ тун.), и въ этомъ опять нельзя не видѣть вышеуказанную нами (стр. 538—543) ихъ тенденціозность. Продолжатель Марцеллина говоритъ о восшествіи Анѳима на патріаршій тронъ на мѣсто Епифанія, ничуть не упоминая о какомъ бы то ни было участіи или неучастіи Ѳеодоры (an 535. Epiphanius episcopus regiae urbis ante adventum Romani praesulis moritur cujus episcopatum contra canones Anthimus Trapesuntena Ecclesia relicta invadit. Съ 535 года идетъ хроника не самаго Марцеллина, а не извѣстнаго автора, который изданъ подъ его именемъ. Впрочемъ, характеръ хроники не измѣняется и въ ней нѣтъ той тенденціозности, какая замѣчается у Виктора и Либерата) Евагрій (l IV, c. 11) и Малала (p. 479) ничего не говорятъ о томъ, какъ Анѳимъ трапезунтскій занялъ конст. патріаршій тронъ. Ѳеофанъ (p. 337), Кедринъ (I, p. 651) и Зонара (l XIV c. 7), повѣствуя о восшествіи Анѳима на патріаршій тронъ по смерти Епифанія, не дѣлаютъ ни малѣйшаго намека на какое либо участіе Ѳеодоры въ этомъ дѣлѣ. Православные монахи въ своихъ прошеніяхъ къ папѣ Агапиту, патріарху Минѣ и самому Юстиніану описываютъ таиныя махинаціи Анѳима въ союзѣ съ еретиками для полученія патріаршаго трона съ вразумительною подробностію; но при этомъ отклоняютъ всякую мысль объ участіи Ѳеодоры въ этихъ махинаціяхъ; полученіе Анѳимомъ патріаршаго трона есть необходимое слѣдствіе только этихъ махинацій еретиковъ: *τοιοῦτοι πεφήνασιν ἔνιοι τῶν ἐνδιατριβόντων κατὰ τὴν μεγάλην καὶ βασιλίδα καὶ πρώτην τῶν πόλεων· ὄνομα μὲν ποιμένων ἐπιφερόμενοι, τὸ δὲ ὅλον ἅρπαγες· ὧν μάλιστα ὑπάρχει Ἄνθιμος ὁ Τραπεζοῦντος, καὶ ἄλλοι ἄλλων πόλεων· οὗτος γὰρ καὶ οἱ ὅμοιοι τούτῳ ἐξ αἱρετικῶν Ἀκεφάλων ὄντες πρὸς μικρὸν ὑποκρινάμενοι τὴν ὀρθοδοξίαν ταῖς ἐκκλησίαις εἰσέφρησαν..... ἐξασκήσας γὰρ ὁ εἰρημένος Ἄνθιμος οὐ τὴν εὐαγγελικὴν, ἀλλὰ τὴν πεπλασμένην ζωὴν, ὡς τὸ τέλος ἔδειξεν, ἀπολιπὼν τὴν ἐμπιστευθεῖσαν ἐκκλησίαν αὐτῷ τῶν Τραπεζούντων ἐπέβη τῆσδε τῆς πόλεως, πρὸ τούτων φανερῶν ἐνιαυτῶν ἐκπομπεύων τὴν*

Чтобы наияснѣйшимъ образомъ показать Юстиніану, что онъ принимаетъ вселенскіе соборы, онъ внесъ ихъ въ священныя диптихи, въ томъ числѣ и халкидонскій соборъ,—внесъ также и книгу папы Льва великаго, проповѣдовалъ ихъ празднованіе и самъ совершалъ ихъ празднество въ Великой константинополь-

---

ἐσχηματισμένην τῆς οἰκείας πολιτείας ἐγκράτειαν, καὶ ποριςμὸν ἐκ τούτου ποιούμενος τὴν εὐσέβειαν συναρπάσας οὖν διὰ ταύτης, ἠδυνήθη καὶ τοῖς βασιλείοις εἰσδύνας ἐκεῖθεν, ὥσπερ ἐπαύξειν προσδοκῶν τὴν ὕπουλον ὑπόληψιν τῆς οἰκείας ζωῆς· καὶ συνδιαιτηθεὶς ἐπὶ πολλοὺς χρόνους, καὶ τοῖς ἐμφωλεύουσιν ἐνταῦθα αἱρετικοῖς, καὶ τὰ ἐκείνοις κεχαρισμένα πράττων καὶ λέγων, οἷα νοσῶν τὴν ὁμοίαν αὐτοῖς αἱρετικὴν μανίαν. ἐπειδὴ τὸν τῆς ὁσίας μνήμης Ἐπιφάνιον ἐν ἐσχάτοις ἐθεώρησε διακείμενον, μηχανᾶταί τι, ὅπερ ἄντικρις τὸν αὐτοῦ διήλεγξε διεφθαρμένον σκοπόν· ὥσπερ γὰρ ἐπειγόμενος πᾶσι παραστῆσαι τῆς μακρᾶς ἐνταῦθα προσεδρείας αὐτοῦ τὸν δόλον, καὶ τὸ πολλοῖς ἀπορούμενον, καὶ τοῖς συνετωτέροις μόνον ὑποπτεύομενον εἰς φανερὸν καὶ ἄκων ἐνέγκαι ἐξεβιάσθη πρὸ πολλοῦ γὰρ προῦπινε τὴν μοιχικὴν ἁρπαγὴν τῆς βασιλίδος ἐκκλησίας τοῦτο οὖν ἠδυνήθη διὰ τῆς ἐκείνων συνάρσεως καὶ τὸ εὐαγῆ θρόνον τῆσδε ἁρπᾶσαι τῆς πόλεως (Harduin. t II. col. 1208. Слич. col. 1196. 1200). Напротивъ, изъ ихъ прошеній къ императору можно заключить, что и Ѳеодора, какъ Юстиніанъ, была обманута еретиками, потому что они обращаютъ свои мольбы объ осужденіи и изгнаніи еретиковъ къ обоимъ государямъ (*χριστιανικώτατοι βασιλεῖς*, ibid. col. 1197). Какъ забравшіе при дворѣ силу еретики всячески отстраняли отъ личнаго свиданія съ императоромъ лицъ, имъ неугодныхъ,—лучше всего можно видѣть изъ описанія дѣйствій уже вошедшаго въ это время съ силу Ѳеодора Аскиды (Vita Sabae, c. 87). Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ вниманія и того, что именно въ это самое время (17 апр. 535 г.) Юстиніанъ уздалъ VIII новеллу, въ которой назвалъ Ѳеодору «благочестивѣйшею» (religiosissima) своей помощницей по управленію и обязалъ всѣхъ подданныхъ приносить ей, по особой формулѣ, государственную присягу наравнѣ съ собою. — Никифоръ въ своей хронографіи (Chron. compend p. 775) и Ѳеофанъ (Theoph Chron p. 337) утверждаютъ, что Епифаніи управлялъ церковію 16-ть лѣтъ и три мѣсяца Такое утвержденіе совершенно несправедливо. Самъ же Ѳеофанъ выше (Chron. p. 256) сказалъ, что Епифаній наслѣдовалъ Іоанну Каппадокіянину 25 февр 520 г.; а въ такомъ случаѣ смерть его, по счету самаго же Ѳеофана, должна падать на конецъ мая или начало іюня 536 года, что рѣшительно ни съ чѣмъ несообразно, потому что въ маѣ этого года, какъ увидимъ, состоялся соборъ при патріархѣ Минѣ, по низложеніи Анѳима и по смерти Агапита (см. также, Not. Pag. ad n. LVIII, an. 535, Muralt, p. 165) Что патріархи антіохійскій и іеруса-

ской церкви. Кромѣ того, онъ обѣщалъ императору, что онъ во всемъ будетъ слѣдовать апостольскому римскому престолу, и написалъ объ этомъ къ восточнымъ патріархамъ (1). Но, при этихъ видимыхъ признакахъ своего православія, онъ не прекратилъ общенія съ еретиками, часто вступалъ съ ними въ бесѣду, одобрялъ ихъ воззрѣнія и мысли, явно сталъ оказывать имъ покровительство, вступилъ въ переписку съ Северомъ и, быть можетъ, былъ главною виною того, что Северъ явился въ Константинополѣ (2). Православные монахи, исходя изъ той точки

лимскій признали Анѳима патріархомъ безъ всякаго протеста съ своей стороны, это видно изъ посланія къ нимъ папы Агапита (Harduin, t II. col. 1225),—да они и не имѣли права высказать какой либо протестъ, потому что Анѳимъ показалъ себя имъ православнымъ (ibid. col 1257),—но нужно думать, что Анѳимъ вошелъ въ общеніе и съ александрійскимъ патріархомъ Ѳеодосіемъ, по крайней мѣрѣ на эту мысль наводитъ переписка между ними, о которой упоминаетъ Евагрій (l IV. c 11)

(1) Harduin t II. col 1257: *καὶ πρὸς τὴν αὐτοῦ γαληνότητα λόγοις ἀπατηλοῖς κεχρημένος, ἐπηγγέλλετο πάντα ποιήσειν, ὅσα ὁ τῆς μεγάλης ἀποστολικῆς καθέδρας ἀρχιερεὺς ὑφηγήσοιτο καὶ πρὸς τοὺς ἁγιωτάτους πατριάρχας ἔγραφεν, ἀκολουθεῖν διὰ πάντων τῇ ἀποστολικῇ καθέδρᾳ.*

(2) Въ соборныхъ актахъ какъ то глухо говорится объ уклоненіи въ ересь Анѳима *ἀποπηδῶν δὲ καθόλου τῶν ὀρθῶν αὐτῶν ὁμολογιῶν, καὶ οὐδὲ μεγάλων ἀρχιερέων, οὔτε μὴν εὐλοβεστάτων ἡγουμένων, ὑπὲρ τῶν τοιούτων ἐπισκηπτόντων αὐτῷ παντελῶς ἀνεχόμενος, ἢ τὴν τυχοῦσαν ἀποδιδοὺς ἀπολογίαν* (Harduin, t. II. col 1257). Въ объяснительной запискѣ (*διδασκαλικὸν*), поданной монахами собору при патріархѣ Минѣ, сказано, что Анѳимъ былъ виновенъ въ общеніи съ еретиками, страдалъ такимъ же еретическимъ бѣшенствомъ (*μανίαν*), какъ и они, дѣлалъ и говорилъ имъ угодное и отказался дать, по требованію монаховъ, ясное и точное исповѣданіе вѣры (Harduin. t. II. col 1200). Упомянувъ о его перепискѣ съ Северомъ, Евагріи говоритъ, что Анѳимъ, по словамъ самаго Севера, держался «одинаковыхъ съ нимъ мнѣній и мыслей о Богѣ» (l. IV c. 11). Фактъ, что Анѳимъ состоялъ въ перепискѣ съ Северомъ, наводитъ на мысль, что переписка эта начата, вѣроятно, тогда, когда Северъ былъ еще въ Александріи и въ Константинополь прибылъ уже послѣ, когда обнадеженъ былъ Анѳимомъ, иначе какая была цѣль посылать другъ другу посланія, когда они могли объясняться лично или же чрезъ довѣренныхъ лицъ? Самъ Северъ въ одномъ изъ

зрѣнія, что „защищеніе (ἐκδίκησιν) божественныхъ каноновъ и правой вѣры свойственно не только архіереямъ, не только лицамъ освященнымъ, но и всякому православному христіанину“, неоднократно требовали отъ Анѳима особаго исповѣданія вѣры по опредѣленіямъ отцевъ халкидонскаго собора, но всякій разъ получали отказъ; онъ продолжалъ состоять въ общеніи съ еретиками (1). Доступъ къ императору былъ загражденъ для православныхъ. Тогда монахи отправили депутацію къ папѣ Агапиту съ извѣщеніемъ о нависшей грозной опасности для церкви Христовой и съ просьбою о помощи въ столь великой нуждѣ. Депутація прибыла въ Римъ въ то время, когда Агапитъ, по настоянію Теодата, собирался отправиться въ качествѣ посла въ Константинополь. Обрадованные депутаты монаховъ поспѣшили возвратиться къ своимъ съ благою вѣстію, что скоро прибудетъ въ Византію самъ папа. Теперь православные могли быть вполнѣ убѣждены, что императоръ наконецъ узнаетъ истинное положеніе дѣла и еретики не въ состояніи будутъ болѣе его обманывать (2).

Когда Агапитъ съ своею свитою прибылъ въ Константинополь (3), то какъ монахи, такъ и многіе другіе изъ православныхъ христіанъ, прежде чѣмъ еще представились къ нему какія либо оффиціальныя депутаціи, поспѣшили подробнѣе ознакомить его съ состояніемъ здѣшнихъ церковныхъ дѣлъ и усиленно попросили его не принимать Анѳима въ общеніе съ собою, но предварительно потребовать отъ него точнаго изложенія исповѣданія вѣры, на основаніи опредѣленій отцевъ халкидонскаго собора, и возвращенія

своихъ посланій къ Ѳеодосію александрійскому весьма прозрачно даетъ понять, что онъ имѣлъ личныя и интимныя объясненія съ Анѳимомъ (Evagr. l IV. c. 11).

(1) Harduin t. II. col. 1200.

(2) Ibid. col. 1209.

(3) См выше, стр 528

въ свою прежнюю трапезунтскую церковь, которую онъ оставилъ вопреки канонамъ, или же, если онъ откажется сдѣлать это, низложить его какъ еретика и нарушителя каноновъ, а на его мѣсто рукоположить другаго (1). Агапитъ внялъ всѣмъ этимъ просьбамъ: когда вслѣдъ за тѣмъ стали представляться къ нему разныя депутаціи отъ правительства, то онъ принялъ всѣ ихъ и со всѣми вошелъ въ общеніе; но посланыхъ Анѳимомъ онъ не восхотѣлъ ни допустить къ себѣ, ни войдти съ ними въ какое либо общеніе. Такое поведеніе папы по отношенію къ епископу царствующаго города, конечно, не замедлило дойдти до свѣдѣнія императора и не могло не быть ему крайне непріятнымъ и вмѣстѣ оскорбительнымъ. Юстиніанъ потребовалъ отъ Агапита причины такого оскорбленія епископу царствующаго города, православіе котораго (епископа) доподлинно извѣстно ему, императору. Агапитъ отвѣтилъ Юстиніану, что онъ приметъ Анѳима въ свое общеніе не прежде, какъ этотъ послѣдній предварительно представитъ ему точное исповѣданіе вѣры на основаніи отпредѣленій халкидонскаго собора и возвратится на свою прежнюю трапезунтскую каѳедру. Если первая половина требованій папы могла быть еще безразлична для самолюбія Юстиніана, даже возбуждала въ немъ, какъ строгомъ ревнителѣ чистоты православія, робкое сомнѣніе и потому, естественно, склоняла его на сторону уступокъ, то, напротивъ, вторая половина какъ бы нарочно направлена была къ тому, чтобы возбудить его самолюбіе и парализовать всѣ чувства, возбуждаемыя первою половиною требованій. Правда, каноны воспрещаютъ перемѣщеніе епископовъ съ одной каѳеры на другую; но тѣже самые каноны и дозволяютъ это перемѣщеніе по особенно уважительнымъ какимъ нибудь причинамъ, въ виду великой пользы

---

(1) Harduin. t II. col. 1200—1201

для церкви и по суду многихъ епископовъ (1). Слѣдовало сознаться въ своей собственной ошибкѣ; слѣдовало согласиться на нѣкоторое униженіе патріаршаго престола царствующаго города (конечно въ лицѣ только настоящаго патріарха). Безъ возраженій и

(1) 14-е правило апостоловъ гласитъ такимъ образомъ. «не позволительно епископу оставляти свою епархію и во иную преходити, аще бы и отъ многихъ убѣждаемь былъ, развѣ когда будетъ нѣкоторая вина благословная, сіе творити его понуждающая, яко могущаго бо́льшую пользу обитающимъ тамо принести словомъ благочестія. И сіе не по своему произволу, но по суду многихъ епископовъ и по сильнѣйшему убѣжденію» Слич. 15 пр 1 всел соб; 3 пр. IV всел. соб.; 13, 16 и 21 ант. соб.; 1, 2 и 3 пр. сард. и 59 и 82 пр. карѳ собора — «Благословныя вины» (*εὔλογος αἰτια*), по которымъ могло быть допущено перемѣщеніе епископа съ одной каѳедры на другую, перечисляются въ разныхъ синодальныхъ актахъ слѣдующія а) когда у правительства и въ синодѣ архіереевъ существуетъ убѣжденіе, что отъ перемѣщенія знаменитаго мудростію епископа (*παντοίᾳ σοφίᾳ κεκοσμημένος*) на какую нибудь вдовствующую епархію зависитъ укрѣпленіе этой послѣдней въ дѣлѣ поколебленной еретиками или другимъ кѣмъ-либо вѣры (*Ραλλη καὶ Ποτλη, συντ.* II. p. 147: *κινδυνευούσης* (*ἐκκλησίας*) *περὶ τὴν εὐσέβειαν*, p 19 *διὰ στηριγμὸν τῆς εὐσεβείας*; V. p 116—118), b) когда епископія, изъ которой переводится епископъ въ другую епархію, впала въ столь великую бѣдность, что не имѣетъ необходимыхъ средствъ для содержанія епископа (A. P. C I. p. 82. 182); c) когда вслѣдствіе политическихъ неустройствъ избраніе и хиротонія новаго епископа не могутъ быть произведены съ самой вдовствующей епархіи и члены ея настоятельно требуютъ, что для замѣщенія ихъ каѳедры необходимо перемѣщеніе епископа изъ другой епархіи (ibid I. p. 242), и e) когда только-что еще избранный на какую нибудь вдовствующую епархію епископъ (*ὑποψήφιος*) или и дѣйствительный епископъ (*γνήσιος*) вынуждаются оставить назначенныя имъ епархіи вслѣдствіе военныхъ бѣдствій или другихъ какихъ нибудь общественныхъ несчастій, то правительство, въ виду несомнѣнно высокихъ нравственныхъ ихъ качествъ, точно также переводитъ ихъ на другія праздныя каѳедры (*Συνταγμ.* V. 428, II. p. 147). Но по какой бы изъ этихъ причинъ ни совершилось перемѣщеніе епископа съ одной каѳедры на другую, во всякомъ случаѣ оно не нарушаетъ каноническаго принципа, совершается не по прежде бывшимъ примѣрамъ, а какъ актъ снисхожденія (*συγχωριτέα, χάριτι ἀγαθῇ*), какъ исключеніе изъ правила, оправдываемое какими нибудь высшими цѣлями и притомъ совершаемое непремѣнно правительствомъ и соборомъ архіереевъ (*Μετὰ βασιλικῆς προστάξεως καὶ συνοδικῆς διαγνώσεως... ἄλλως δὲ πως, οὐδαμοῦ. Συντ.* III. p. 487; II. p. 19; VI p. 84).

безъ точныхъ разслѣдованій дѣла уступить, очевидно, было нельзя. Пользуясь авторитетомъ римскаго епископа, теперь получили доступъ къ императору и монахи, — и они представили ему прошенія, изображающія плачевное состояніе церкви, притворство и еретическій образъ мыслей Анѳима, его сношенія съ еретиками и злой умыселъ противъ церкви. Настойчивыя требованія папы и просьбы монаховъ, подкрѣпленныя голосомъ находившихся въ Константинополѣ православныхъ епископовъ, не могли не поколебать довѣрія Юстиніана къ Анѳиму. Требованіе папы, чтобы Анѳимъ далъ ему отъ себя исповѣданіе вѣры по духу халкидонскихъ опредѣленій, императоръ нашелъ справедливымъ требованіемъ, а монахи получили отъ него обѣщаніе, что онъ „всячески постарается привести къ концу все, что̀ канонически будетъ рѣшено ими“ (1). Послѣ этого Анѳиму нельзя уже было отказываться; Северъ посовѣтовалъ ему „земной славѣ и первосвященнической каѳедрѣ предпочесть тѣ догматы, которыхъ онъ внутренно держится, и сойдти съ своей каѳедры“. Анѳимъ отказался дать требуемое отъ него исповѣданіе вѣры. Юстиніанъ и Ѳеодора отказались отъ него, какъ отъ обманщика и вѣроломца, и—папа Агапитъ низложилъ его въ мартѣ 536 г. На его мѣсто тѣмъ же папою Агапитомъ, послѣ единогласнаго выбора клира константинопольской церкви, знатнѣйшихъ гражданъ и монаховъ, и общаго рѣшенія какъ Юстиніана, такъ и Ѳеодоры, былъ рукоположенъ начальникъ и пресвитеръ страннопріимницы Сампсона, Мина, родомъ александріецъ, стяжавшій себѣ извѣстность столько же твердостію въ вѣрѣ и чистотою въ жизни, какъ и опытностію въ управленіи душами вѣрующихъ. Тотчасъ же по рукоположе-

---

(1) *τοιαύτας παρὰ τοῦ εὐσεβεστάτου ἡμῶν βασιλέως ὑποσχέσεις δεξάμενοι, ὅτι τὰ παρ᾽ ἡμῶν ἐπ᾽ αὐτοῖς κανονικῶς ψηφιζόμενα σπουδάζει ἡ αὐτοῦ εὐσέβεια παντὶ τρόπῳ πέρατι παραδοῦναι.* Harduin. t. II. col. 1209.

нiи Мины папа самъ вмѣсто него извѣстилъ особымъ посланіемъ остальныхъ патріарховъ о его избранiи на мѣсто еретика Анѳима; при этомъ сдѣлалъ несправедливый и показывающій заносчивость упрекъ имъ въ томъ, что „они не только пренебрегли довести до его свѣдѣнія объ этомъ, такъ явно противномъ опредѣленіямъ отцевъ, дѣлѣ, но даже утвердили его достойнымъ порицанія согласіемъ“; выставилъ какъ особое достоинство Мины, предвѣщающее гибель враговъ церкви, то, что онъ рукоположенъ руками „апостольскаго престола“, чего прежде никогда не бывало, и въ заключеніе призывалъ ихъ раздѣлить общую радость, принять судъ „апостольскаго престола“ и обозначить (*σημαίνατε*) это обычною подписью (1).

---

(1) Harduin. col. 1200—1201: 1208—1209, 1225—1228, Evagr. l. IV. c. 11, Malalas, p. 479, Theoph. Chron p. 337, Cedrenus, t. p. 651; Marcell. Chron. an. 536 — О содѣйствіи не только Юстиніана, но и Ѳеодоры въ дѣлѣ низложенія Анѳима и избранія Мины ясно говоритъ самъ папа Агапитъ въ своихъ посланіяхъ къ восточнымъ патріархамъ о избранiи и рукоположенiи Мины: *τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει καθέδρας τὴν ὕβριν βοηθοῦντος τοῦ Θεοῦ τῇ ἀποστολικῇ αὐθεντίᾳ, καὶ τῶν πιστοτάτων βασιλέων τῇ βοηθείᾳ διορθώσαμεν*, и ниже. *ὦ (Μηνᾶ) τινι εἰ καὶ παρὰ τοὺς λοιποὺς, ἡ τῶν γαληνοτάτων ἐπεγέλασε βασιλέων ἐπιλογή*. (Harduin t. II. col 1225), и кромѣ того монахи въ своей объяснительной запискѣ (*διδασκαλικὸν*): *τῇ δὲ τῇ ἐκκλησίᾳ, κατὰ ἐπιλογὴν καὶ ψῆφον τῶν εὐσεβεστάτων ἡμῶν βασιλέων* (ibid col 1200). Изъ этихъ словъ ясно открывается, что оба государи, и Юстиніанъ и Ѳеодора, а) обнаруживали ревность къ церковнымъ канонамъ, b) въ настоящемъ случаѣ оказали свою помощь канонамъ и апостольскому авторитету лишь послѣ того, какъ узнали, что имъ дѣйствительно нанесено оскорбленіе (иначе какъ оказывать помощь тому, что было у всѣхъ въ уваженіи и что совершало свой обычный ходъ, будучи никѣмъ и ничѣмъ не возмущаемо), и, слѣдовательно, с) какъ Юстиніанъ, такъ и Ѳеодора были обманываемы еретиками. Потому-то, очевидно, они и обрадовались избранію Мины на мѣсто Анѳима.—Въ диссонансѣ съ этими оффиціальными показаніями стоятъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, тенденціозныя сказанія Либерата, Виктора тунисскаго и Анастасія библіотекаря. Либератъ повѣствуетъ объ этомъ такимъ образомъ: «когда государи потребовали, чтобы папа принялъ Анѳима для привѣтствія и въ общеніе (съ собою), онъ сказалъ, что можетъ сдѣлать это, если Анѳимъ покажетъ себя православнымъ посредствомъ письменнаго изложенія исповѣданія вѣ-

По достиженіи низложенія Анѳима, монахи приложили все стараніе къ разрушенію остальнаго „гнѣзда еретиковъ, свитаго ими въ Константинополѣ“: безъ

ры и возвратится на свою каѳедру; говорилъ, что невозможно оставаться на семъ (константинопольскомъ) престолѣ человѣку, перешедшему съ другой каѳедры. *Августа же тайно то предлагала (папѣ) многіе дары, то грозила ему;* но папа остался твердъ и не *внялъ ея просьбѣ.* Анѳимъ же, *видя, что онъ изгнанъ* съ престола, *возвратилъ* императорамъ бывшій у него *омофоръ* (pallium) и удалился, *покровительствуемый августою.* Тогда папа, пользуясь благосклонностію государя, рукоположилъ вмѣсто него въ предстоятеля константинопольской церкви Мину», и пр (с. 21). Вмѣсто этихъ подробностей Викторъ тунисскій вводитъ въ свой разсказъ о Ѳеодорѣ свою особенную подробность, но, по нашему мнѣнію, исключающую показаніе Либерата: «римскій епископъ Агапитъ приходитъ въ Константинополь и низлагаетъ константинопольскаго епископа Анѳима, губителя (pervertorem) церкви и врага халкидонскаго собора; *покровительницу его августу Ѳеодору лишаетъ общенія, и тотчасъ же* (*protinus*) *рукополагаетъ Мину* во епископа константинопольской церкви» (ап. 540) До предложеній ли подарковъ, до угрозъ ли *за Анѳима,* до переговоровъ ли было императрицѣ, когда она отлучена сама, когда разгнѣванный папа, такъ сказать, безъ передышки совершилъ три важныя дѣла: низложилъ Анѳима, лишилъ общенія Ѳеодору и рукоположилъ Мину. Естественнѣе было позаботиться прежде всего о себѣ. Разсказъ Анастасія библіотекаря носитъ печать даже драматизма. Идея разсказа принаровлена къ ультрамонтанской теоріи папства. Тенденція и противорѣчія разсказа видны сами собою безъ всякихъ комментаріевъ По прибытіи въ Константинополь, повѣствуетъ Анастасій, «епископъ Агапитъ былъ принятъ со славою. И прежде всего онъ вступилъ въ преніе съ благочестивѣйшимъ государемъ, августомъ Юстиніаномъ. Блаженнѣйшій епископъ далъ ему отвѣтъ непреложнѣйшей вѣры апостоловъ, говоря, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть Богъ и человѣкъ, т. е что два естества во единомъ Христѣ,—и пока преніе продолжалось (et dum contentio verteretur, или правильнѣе— versaretur), Господь благоволилъ открыть, что епископъ константинопольскій, по имени Анѳимъ, еретикъ. И вотъ, когда въ теченіе прения августа съ папою Агапитомъ императоръ Юстиніанъ сказалъ этому послѣднему: «или согласись съ нами, или я отправлю тебя въ ссылку», то блаженнѣйшій папа Агапитъ съ радостію отвѣчаетъ ему на это: «я, грѣшный, думалъ придти къ христіаннѣйшему императору Юстиніану, но теперь я вижу, что обрѣлъ Діоклитіана; однакожъ я ничуть не боюсь твоихъ угрозъ». И (спустя немного) опять сказалъ ему почтенный папа Агапитъ: «однакожъ, чтобы ты зналъ, что ты неправъ въ христіанской религіи (idoneum non esse), пусть твой епископъ исповѣдуетъ, что два

разрушенія этого послѣдняго низложеніе Анѳима было бы безплодной вспышкой гнѣва среди систематическаго тяжелаго гнета. Спустя нѣсколько дней послѣ низложенія Анѳима и рукоположенія на его мѣсто Мины, монахи подали Агапиту коллективное, отъ лица всѣхъ константинопольскихъ, сирійскихъ, палестинскихъ и синайскихъ монастырей, прошеніе, начинающееся слѣдующими торжественно-печальными словами: „размышляя о томъ, что̀ угнетаетъ святыя Божіи церкви, и усматривая, что враги Божіи ежедневно усиливаются противъ нея, мы въ предисловіе къ сему (прошенію) приведемъ плачъ божественнаго Григорія, благовременно говоря вашему блаженству: Божіе попеченіе, охранявшее церкви въ предшествовавшія намъ времена, видимо, совершенно оставило настоящую жизнь. И уже душа каждаго такъ обременена бѣдствіями, что, кажется, частныя скорби нашей жизни не существуютъ между бѣдами (ἐν κακοῖς): чрезмѣрныя бѣдствія церквей вообще и каждой въ частности мало-по-малу привели бы къ полному отчаянію, если бы въ настоящее время не было ника-

---

естества во Христѣ». Юстиніанъ согласился на это и потребовалъ отъ Анѳима исповѣданія вѣры. Но на вопросъ папы Анѳимъ никакъ не хотѣлъ исповѣдать каѳолическаго ученія, что въ Іисусѣ Христѣ два естества». Смыслъ всей этой басни слѣдующій: «св папа Агапитъ побѣдилъ его (Юстиніана) и былъ прославленъ всѣми христіанами. Тогда благочестивѣйшій августъ Юстиніанъ, исполнившись радости, смирился (humiliavit) предъ св апостольскимъ престоломъ и почтилъ (adoravit) блаженнѣйшаго папу Агапита. Въ тоже время отвергъ (ejecit) отъ общенія Анѳима и сослалъ въ ссылку. Тогда благочестивѣйшій августъ Юстиніанъ, по согласію съ блаженнѣйшимъ папою Агапитомъ, посвятилъ на мѣсто Анѳима каѳолическаго епископа по имени Мину. Этотъ же папа Агапитъ получилъ все, для чего былъ отправляемъ (въ Константинополь). Но, спустя нѣсколько дней, пораженный болѣзнію, умеръ въ Константинополѣ, въ маѣ» (Anast. Biblioth., histor de vitis Rom Pont. Agapetus. Migne, patrol. curs compl. t CXXVIII ser. Lat p. 551—554). Очевидная тенденціозность всѣхъ этихъ сказаній, ихъ взаимное противорѣчіе и несогласіе съ указанными соборными актами заставляютъ отнести всѣ ихъ противорѣчивыя варіаціи къ области вымысловъ, а не къ разряду дѣйствительныхъ фактовъ.

кого прилѣжанія къ ихъ исправленію. И хотя мы уже многообразно повѣствовали объ этомъ, тѣмъ не менѣе мы и теперь изложимъ, что противъ церкви построены великія и невѣроятныя ковы". Затѣмъ, описывая коварныя и безчинныя дѣйствія еретиковъ, монахи восклицаютъ, что „теперь подлинно прилично сказать къ Богу, къ вамъ и къ благочестивѣйшему нашему императору сіе слово пророка: *доколѣ будемъ взывать, и не услышите? Доколѣ гнетомые неправдою будемъ вопіять къ вамъ, и не спасете* (Аввак. I, 1. 2)? Ибо, если такъ мыслящимъ и поступающимъ позволять жить съ нами на одинаковыхъ правахъ (ὁμοτίμως) во всякое время и всякимъ образомъ; то поразсудите, блаженнѣйшіе, что получить имъ власть собирать собранія, или позволить имъ дерзать на таковое, въ то время какъ мы не соглашаемся съ образомъ ихъ мыслей и наглость ихъ не уменьшается, означаетъ не что иное, какъ считать ихъ болѣе правыми, чѣмъ наше ученіе, и (дозволить) дѣйствовать противъ насъ несправедливѣйшимъ и наглѣйшимъ. Ибо, если позволять имъ, какъ благочестиво мудрствующимъ, учить такъ, какъ они думаютъ, и проповѣдовать свое ученіе съ полною свободою; то явно. что основаніе церкви подрывалось бы, такъ какъ истина предполагалась бы существующею у нихъ. Ибо, говоритъ великій Григорій, несогласно съ природою, чтобы существовали два противныя основанія относительно одной и той же вещи. Итакъ, поелику они входятъ по этой причинѣ во многіе домы вельможъ и совершаютъ непристойныя дѣла, уловляя нѣкоторыхъ порочныхъ женокъ (γυναικάρια), руководящихся разными пожеланіями, всегда учатъ и никогда не могутъ придти въ разумъ истины (2 Тим. 3, 6—7), да еще и въ собственныхъ домахъ своихъ и въ предмѣстьяхъ города воздвигаютъ алтари и крещальни въ противоположность истинному алтарю и святой купѣли, и вмѣстѣ съ тѣмъ все презрѣли, по причинѣ покровительства, оказываемаго имъ тѣми, которые (числятся) въ дому Господнемъ, и сильны всякимъ

другимъ способомъ: то, блаженнѣйшіе, не допускайте, чтобы не воспользоваться обычною свободою къ исправленію толикаго зла; но какъ прежде возстали противъ Анѳима, сорвали кожу и показали его, и далеко отогнали отъ овчарни, какъ волка, покусившагося скрыться подъ овечьею кожей и переступить дверь церковныхъ узаконеній и каноновъ, и разбойнически ворвавшагося въ овчарню овецъ, такъ и теперь снова бодрствуйте и покажите благочестивѣйшему нашему императору, что ему, какъ говоритъ божественный Григорій, не будетъ никакой прибыли отъ остальнаго попеченія о церквахъ, если, вслѣдствіе свободнаго дѣйствія оныхъ (еретиковъ), будетъ возрастать толикое зло на разрушеніе здравой вѣры и если еще будетъ позволено имъ поселяться, къ разрушенію церкви, въ домахъ владыкъ и въ своихъ собственныхъ, и творить въ нихъ беззаконія". Важнѣйшіе изъ этихъ еретиковъ, главные виновники возмущеній и всякаго рода безпорядковъ, суть Севиръ, Петръ (апамейскій) нѣкій сирійскій монахъ Зоаръ и иные нѣкоторые, „окружившіе себя (*περιθαλπόντων*), къ поруганію Бога, всевозможными почестями". Всѣ они являются губителями и врагами не только святѣйшихъ церквей, но и самаго государства. Поэтому-то монахи и заклинаютъ папу и его свиту, святою и единосущной Троицей, верховнымъ изъ апостоловъ Петромъ и спасеніемъ и побѣдою самаго императора, выяснить послѣднему опасность положенія дѣлъ и изгнать, при его содѣйствіи, означенныхъ еретиковъ изъ царствующаго города, не давать имъ болѣе никакой каѳедры для управленія, „ибо, *хотя они и давали обѣщаніе принести раскаяніе, однако предшествующая ихъ жизнь, измѣнявшаяся сообразно духу времени и отнюдь не слѣдовавшая истинѣ*, не дозволяетъ ввѣрить имъ пастырскія обязанности" (1), и всѣ сочиненія ихъ, въ особенности же

(1) *Κἂν γὰρ μετανοεῖν ἐπαγγείλωνται, ἡ προλαβοῦσα αὐτῶν ζωὴ ἄλλο τε ἄλλως τοῖς καιροῖς καὶ οὐ τῇ ἀληθείᾳ σημμεταβαλλομένη, πιστεύεσθαι τὰ ποίμνια τούτοις οὐκ ἐπιτρέπει.*

Севера, многократно и всячески хулившаго халкидонскій соборъ, предать огню; низложенному же съ престола царствующаго города Анѳиму просили возвратить трапезунтскую каѳедру не прежде, какъ онъ предварительно представитъ въ опредѣленный срокъ „апостольскому престолу“ правое исповѣданіе вѣры, въ противномъ же случаѣ лишить его всякаго архіерейскаго достоинства и дѣйствія и подвергнуть одинаковой участи съ означенными еретиками (1). Вслѣдъ за тѣмъ точно такую же коллективную просьбу и такого же содержанія подали Агапиту еще восточные епископы; и они, подобно монахамъ, просили его „напомнить богохранимому императору сей священный голосъ: Господь гнушается всякой мерзости“ (Пс. 5), „убѣдить (πείσαντες) его не дозволять собираться кровожаднымъ звѣрямъ съ агнцами по сему точному и ясному божественному изреченію апостола: нѣтъ никакого участія праведности съ беззаконіемъ, или общенія свѣта со тьмою. или соучастія вѣрнаго съ невѣрнымъ“ (2 Кор. 6, 14—15), „предать огню всѣ ихъ нечестивыя сочиненія и конфисковать имущества у тѣхъ, которые владѣютъ ими“; ибо такимъ образомъ исчезнетъ у нихъ всякая суетная надежда (2). Оба эти прошенія Агапитъ вручилъ Юстиніану, присовокупивъ, конечно, при этомъ и свое сильное слово къ выполненію этихъ прошеній. Не довольствуясь этимъ, монахи, уже по смерти Агапита, подали императору еще отъ себя лично прошеніе, побуждая его скорѣе привести къ концу начатое дѣло. Какъ прошенія къ Агапиту обращены не къ нему только одному, а вмѣстѣ и къ его свитѣ, такъ точно и прошеніе къ императору обращено не къ нему только одному, но и къ его супругѣ Ѳеодорѣ, какъ помощницѣ его въ устроеніи дѣлъ имперіи и церкви. Вотъ текстъ этого прошенія:

(1) Harduin. t. II. col. 1204—1217.

(2) Ibid. col. 1217—1224.

„Великій и чудодѣйствующій Богъ, *Имже царіе царствуютъ и властители держатъ землю* (Притч. 8, 15—16), прозирая настоящее и будущее, усмотрѣлъ боголюбезное сердце вашего благочестія и, будучи одинъ только въ силахъ изслѣдовать, какія въ сердцахъ помышленія, и усматривать оказывающаго ревность по правой вѣрѣ и раченіе, необходимое для того положенія, въ которомъ теперь находятся святѣйшія церкви, возвелъ вашу кротость на императорскій тронъ, и, желая на васъ показать всѣмъ свой нелицепріятный судъ, на видъ всѣхъ выставилъ ваше доброе дѣяніе, которое вы днемъ и ночью совершаете ради церковнаго мира, чести и почитанія правой вѣры и святыхъ отцевъ, и ради любви и милосердія къ ближнимъ: *ибо вы научились очищать грѣхи милостынями вѣрующимъ* (Дан. 4, 24). Но Анѳимъ, Северъ, Петръ и Зоаръ и ихъ единомышленники, замысливъ разрушить сіе дѣло благой воли, не переставали производить возмущенія и смятенія въ церквахъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. И подлинно, возбуждая смятенія, они обагрили землю и города кровію святыхъ и иныхъ нѣкоторыхъ, а воздухъ и уши слушающихъ осквернили анаѳематствованіями противъ святыхъ. Наконецъ, они вторглись въ оный святый городъ; во многихъ важнѣйшихъ (περιφανεῖς) мѣстахъ сего города, въ предмѣстьяхъ и въ собственныхъ домахъ водрузили чуждые алтари и крещальни въ противоположность истинному алтарю и святой купѣли, и не переставали совершать въ нихъ беззаконія, погубляя домашнихъ и, по апостолу, плѣняя простѣйшихъ изъ нихъ (2 Тим. 3, 6), всегда уча и никогда не имѣя силы дойдти до познанія истины (2 Тим. 3, 7). Но бо́льшее и близкое намъ зло есть Анѳимъ, нѣкогда рукоположенный во епископа Трапезунта. Ибо онъ, съ давняго времени оставивъ собственную церковь и принявъ обманную (πεπλασμένον) жизнь воздержанія, составляя съ сказанными еретиками собраньица и говоря имъ угодное, потщился,

при ихъ содѣйствіи, похитить престолъ сего града вопреки всѣмъ церковнымъ законамъ и канонамъ. Итакъ, поелику всѣ питомцы каѳолической церкви не переставали докучать Богу и намъ о несправедливости и насильственномъ восшествіи (на патріаршій тронъ) преждереченнаго Анѳима и другихъ вышепоименованныхъ беззаконныхъ мужей; то, благочестивѣйшіе, хотя вы и можете поставить себя внѣ всего этого, однакожъ, совершая благое, благоволите выслушать каноническій судъ римскаго первосвященника на онаго Анѳима и на преждереченныхъ еретиковъ, слѣдуя Тому, Кто говоритъ: *вопроси отца твоего, и возвѣститъ тебѣ, старцы твоя, и рекутъ тебѣ* (Втор. 32, 7), и апостолу говорящему: *повинуйтеся наставникомъ вашимъ и покоряйтеся, тіи бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще* (Евр. 13, 17). Ибо Богъ послалъ въ сей городъ Агапита,—который истинно *Агапитъ*, т. е. любезенъ Богу и людямъ,—первосвященника древняго Рима, на низложеніе Анѳима и преждереченныхъ еретиковъ, какъ древле (посылалъ) великаго Петра римлянамъ на низложеніе волхва Симона. Итакъ, оный достопочтенный мужъ, узнавъ изъ нашихъ и многихъ другихъ прошеній, что̀ предпринято противъ церквей, и убѣдившись въ этомъ самолично, не восхотѣлъ принять на свиданіе Анѳима, неистовствующаго противъ каноновъ, но, при содѣйствіи и помощи вашего царства каѳолической вѣрѣ и божественнымъ канонамъ, справедливо низвергъ его съ архіерейскаго трона сего города, а оной церкви рукоположилъ святѣйшаго Мину, мужа правой вѣры, непорочной жизни, честнаго поведенія и опытнѣйшаго во ввѣренномъ ему служеніи немощнымъ. Да и притомъ, когда мы подали прошенія на Анѳима и на другихъ еретиковъ, то и пребывающіе въ городѣ палестинскіе епископы, и епископы восточной области, и апокрисіаріи другихъ епископовъ, да и мы сами потребовали отъ трапезунтскаго епископа Анѳима, чтобы онъ составилъ на имя апостольскаго пре-

стола брошюру (λίβελλον), въ которой бы ясно изложилъ, что̀ онъ дѣлалъ, освободилъ бы себя отъ всякаго еретическаго заблужденія и отправился къ трапезунтской церкви, или, если не можетъ этого сдѣлать, окончательно былъ бы осужденъ и лишенъ всякаго архіерейскаго достоинства и дѣйствія, подобно тому, какъ св. Целестинъ сдѣлалъ противъ нечестиваго Несторія, который, подвергши самаго себя такому осужденію, принялъ участь съ еретиками: и онъ этихъ утвердилъ (προστιμήσαντα) въ ихъ собственныхъ церквахъ, а сказанныхъ еретиковъ заставилъ или канонически возвратиться къ церкви, или на будущее время прекратить противъ нея злые умыслы, беззаконныя собранія и крещенія, и изгналъ ихъ изъ сего города и изъ всякаго мѣста, какъ опустошителей и злоумышленниковъ не только противъ святѣйшихъ церквей, но и самаго государства, хорошо вами управляемаго. Вотъ что̀ мы желаемъ довести о немъ до свѣдѣнія вашего благочестія, чтобы чрезъ васъ привести къ концу требуемое нами".

„Предваряя же сіи наши справедливыя прошенія, упомянутый святый мужъ, когда Анѳимъ явно показалъ себя (каковъ онъ есть), осудилъ его вмѣстѣ съ упомянутыми еретиками; лишилъ, пока не покается въ томъ, въ чемъ погрѣшилъ, всякаго архіерейскаго достоинства и дѣйствія, и всякаго епископства и православнаго имени, и послалъ наши прошенія къ вашему благочестію, дабы содержащееся въ нихъ приведено было вами къ концу. Ибо такъ благовременно взятъ былъ оный досточтимый мужъ промышляющимъ о насъ Богомъ, и преселился къ своимъ отцамъ, и подъялъ добрую борьбу, и теченіе совершилъ и вѣру соблюлъ. Итакъ, заклинаемъ ваше благочестіе (хотя и дерзкое нѣчто совершаемъ) великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, охраняющимъ честное ваше царство и покоряющимъ вамъ, ради правой вашей вѣры, всякаго врага и супостата, не презрѣть правый судъ упомянутаго

святаго мужа, но исполнить его и освободить Божію церковь и весь міръ отъ заразы Анѳима и упомянутыхъ еретиковъ. Ибо, послѣ того какъ святый мужъ Агапитъ переселился изъ сей жизни, мы, взирая послѣ Бога на ваше благочестіе, отъ васъ ожидаемъ получить конецъ этому. Итакъ, исполненіемъ того, что̀ было правильно и канонически имъ обсуждено, и утвержденіемъ онаго посредствомъ вашей общей санкціи и воспрещеніемъ дерзать на подобное въ будущемъ вы почтете блаженную его душу, которая, какъ разрѣшившаяся отъ узъ земли и сея плоти, сдѣлавшись ближе къ Богу и получивъ дерзновеніе (παῤῥησίαν) отъ собственныхъ благихъ дѣлъ, ходатайствуетъ за міръ и спасеніе вашего благочестія. Вы же съ Давидомъ воскликните ко Господу съ дерзновеніемъ (παῤῥησίας): *не ненавидящія ли Тя Господи возненавидѣхъ? и о вразѣхъ Твоихъ истаяхъ? Совершенною ненавистію возненавидѣхъ я: во враги быша ми* (Пс. 138, 21. 22). Ибо, благочестивѣйшій государь, слѣдуетъ страшиться, чтобы и мы, имѣя въ своей средѣ отлученныхъ отъ всякаго священства, не потерпѣли, по причинѣ долгой отсрочки, того же, что̀ народъ израильскій, который, поелику имѣлъ въ своей средѣ Ахара (Іис. Нав. 7 гл.), и Іонаѳана (1 Цар. 14 гл.), сознательно и несознательно подвергшихся анаѳемѣ, находился въ опасности совершеннаго погубленія, хотя и не зналъ, что въ средѣ его есть анаѳема. Итакъ, христіаннѣйшіе императоры, не медлите пренебрегать зломъ, но воспользуйтесь ревностію по Богѣ и о томъ, что̀ Его, исполняя писанное: *внятель нечестивыхъ есть царь мудръ* (Притч. 20, 26), чтобы вы имѣли участь съ Давидомъ, и Іосіей, и Иліей, и Финеесомъ, и Агапитомъ, которые особенно ревновали по Богѣ,—чтобы Тотъ, Кто обѣщалъ дать любящимъ Его сторичный плодъ въ семъ вѣкѣ (Мѳ. 19, 29) и жизнь вѣчную въ будущемъ, покорилъ въ настоящемъ (вѣкѣ), подобно какъ и тѣмъ, къ подножію ногъ всѣхъ

враговъ вашихъ, въ будущемъ же даровалъ вмѣстѣ съ ними вѣчное царство" (1).

Кромѣ приведенныхъ прошеній поданы были Юстиніану, а также новоизбранному патріарху Минѣ еще другія прошенія, частію епископами, частію же монахами преимущественно восточныхъ областей имперіи, съ жалобами на тѣхъ же самыхъ лицъ Севера, Петра и Зоара (2). Императоръ внялъ всѣмъ этимъ просьбамъ, и въ началѣ мая 536 года открытъ былъ патріархомъ Миною соборъ, на которомъ присутствовали пять италіянскихъ и сорокъ семь восточныхъ епископовъ, случайно находившихся тогда въ Константинополѣ; кромѣ того, въ качествѣ присутствующихъ (συμπαρόντων) и слушающихъ были: два діакона „апостольскаго престола"—Ѳеофанъ и Пелагій, два нотарія, нѣсколько субдіаконовъ и экдиковъ и прочихъ клириковъ тогоже „апостольскаго престола", которые прибыли съ папою Агапитомъ, апокрисіаріи антіохійскаго и іерусалимскаго патріарховъ, апокрисіаріи епископовъ: Кесаріи, анкирскаго и коринѳскаго, и константинопольскій клиръ (3). Этотъ соборъ, по массѣ представленныхъ ему и разобранныхъ имъ документовъ, можетъ быть названъ однимъ изъ важнѣйшихъ къ уразумѣнію эпохи евтихіанскаго движенія. Къ Анѳиму три раза посылали особо избираемыхъ депутатовъ съ приглашеніемъ явиться на соборъ для объясненій; но во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде когда-либо онъ бывалъ, всѣ лица, съ какими онъ входилъ въ общеніе, съ клятвою показывали, что они не видѣли его и не знаютъ, куда онъ скрылся (4). Тогда соборъ осудилъ его заочно за всѣ тѣ преступленія, которыя обозначены въ приведенныхъ проше-

---

(1) Harduin. t. II. col 1193—1197.

(2) Ibid. col. 1269—1306.

(3) Ibid. col. 1188—1189

(4) Ibid. col. 1228—1257.

ніяхъ епископовъ и монаховъ (1). Вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждено было осужденіе Севера и Петра апамейскаго, а также и Зоара, фанатическаго ихъ приверженца. Мина принялъ рѣшеніе собора (2) и, высказавъ ему, какъ общеизвѣстную истину, что „ничему не надлежитъ (προσήκει) быть изъ того, что возбуждено въ святѣйшей церкви, вопреки мнѣнію и повелѣнію императора", попросилъ его успокоиться (ἡσυχάσαι) и дать срокъ довести его рѣшеніе до свѣдѣнія Юстиніана, „ревность котораго къ православной вѣрѣ извѣстна всѣмъ и каждому" (3).

8-го августа тогоже самаго, 536, года Юстиніанъ издалъ новеллу, утверждающую рѣшеніе собора. „И мы пришли къ настоящему закону,—гласитъ это императорское установленіе,—совершая не необычное государственной власти дѣло. Ибо сколько разъ рѣшеніе іереевъ низводило нѣкоторыхъ недостойныхъ священства съ іерархическихъ троновъ, какъ наприм. Несторія, Евтихія, Арія, Македонія и Евномія, и нѣкоторыхъ другихъ неменьшихъ ихъ въ непотребствѣ, столько же разъ государственная власть согласовалась (σύμψηφος γέγονε) съ авторитетомъ іереевъ, такъ что божественное и человеческое одинаково приходили къ одному общему мнѣнію—полагать правыя рѣшенія. Мы знаемъ, что такимъ же образомъ недавно было сдѣлано и относительно Анѳима, первоначально свергнутаго съ престола сего царствующаго града первосвященникомъ святѣйшей церкви ветхаго Рима, блаженной и святой памяти Агапитомъ,—такъ какъ ему никоимъ образомъ не надлежало, вопреки святымъ канонамъ, восходить (ἐπεισπηδήσαντα) на тронъ, — а потомъ осужденнаго и низложеннаго общимъ мнѣніемъ онаго же святой памяти мужа и быв-

---

(1) Harduin. t. II. col. 1257—1261.

(2) Ibid. col. 1396—1397.

(3) Ibid. col 1261.

шаго здѣсь священнаго синода, потому что отступилъ отъ правыхъ догматовъ и, что̀ прежде, казалось, любилъ, сего позднѣе началъ посредствомъ разныхъ обиняковъ (περιυοίαις) удаляться, притворяясь, что слѣдуетъ четыремъ святымъ соборамъ. Онъ не восхотѣлъ ни послѣдовать ихъ догматамъ, ни принять наше человѣколюбіе и снисхожденіе. которое мы оказывали (ему) ради его спасенія, ни самъ отречься отъ виновниковъ нечестивыхъ догматовъ, изверженныхъ прежними святыми соборами, но думалъ, что по его слѣдамъ должны идти въ одинаковой мѣрѣ и осужденные и осудившіе. Ибо, разъ поработившись чуждымъ святѣйшей церкви мнѣніямъ и отчуждившись отъ правыхъ догматовъ, онъ естественно не имѣлъ силы возвратиться къ правотѣ ихъ, даже будучи къ сему направляемый и побуждаемый нами, которые прилагали все стараніе къ его спасенію.—Итакъ. по причинѣ всего этого, наше царство даетъ крѣпость рѣшенію о его низложеніи, которое составлено святымъ соборомъ по случаю незаконнаго, святыми канонами неодобряемаго, хищенія святительскихъ троновъ сего царствующаго града и уклоненія отъ правыхъ и истинныхъ догматовъ, и пишетъ относительно этого настоящій законъ. Воспрещаемъ же ему и пребывать въ семъ благоденствующемъ городѣ и его окрестностяхъ, и во всякомъ другомъ значительномъ (ἐπιδήμων) городѣ, постановляя находиться ему въ спокойствіи и быть довольну этимъ, чему онъ заслуженно подвергъ себя, и не сообщаться съ кѣмъ-либо и никого не склонять въ пагубу запрещенныхъ догматовъ. Не оставляемъ также внѣ императорскаго утвержденія и справедливо вынесенное рѣшеніе противъ Севера, проистекшее, такъ сказать, изъ всѣхъ архіерейскихъ и патріаршихъ троновъ (по согласію съ монашескимъ чиномъ) и налагающее анаѳематизмъ на него, который, овладѣвъ прежде, вопреки священнымъ узаконеніямъ, тономъ святѣйшей церкви Ѳеополиса, такъ все возмутилъ, такія произвелъ безпокойства, что воз-

жегъ между святѣйшими церквами нѣкую омерзительную междуусобную войну: и объ этомъ было писано относительно его уже и прежде насъ бывшими скиптрами, именно—о томъ, что онъ пускалъ въ обращеніе разнообразныя и чуждыя правоты догматическія неясности и хуленія (1). и о томъ, что онъ все возмутилъ и вмѣщаетъ въ себѣ всякое заблужденіе омерзительныхъ ересіарховъ и ихъ нечестивыхъ догматовъ,—говоримъ о Несторіѣ и Евтихіѣ, — и тогда какъ каждый изъ этихъ предводителей казался въ нѣкоторомъ отношеніи противорѣчащимъ одинъ другому, онъ. желая объединить ихъ, собралъ характеристическія ихъ основанія во едино. Ибо, въ то время какъ существовали два, взаимно исключающія себя, ученія, изъ которыхъ каждое одинаково вело къ душевной погибели. т. е. ученіе Несторія и Евтихія (о которыхъ, повѣствуя, сказали), состоявшія изъ смѣси аріанства съ аполлинаризмомъ,—самъ онъ, претерпѣвая нѣчто странное, одинаково впалъ въ то и другое, и въ одномъ случаѣ предпочитая одно, а въ другомъ—иное, составилъ изъ себя самаго и своихъ разсужденій общее вмѣстилище толикихъ заблужденій. Итакъ, да будетъ и онъ подъ сказаннымъ анаѳематизмомъ, который справедливо наложилъ на него весь патріаршескій, архіерейскій и монашескій чинъ нашей, такъ сказать, республики, — и онъ, справедливо удаленный отъ церкви Ѳеополиса, потому что низвергъ его ея тронъ, потому что управленіе симъ (трономъ) онъ принялъ неправильно, но при жизни и при воспоминаніи во всѣхъ церквахъ того, кто имѣлъ священство прежде него и кто лишился священства изъ-за него, бывшаго послѣ того. Да и не доселѣ только простирается дѣло; но, уже поставленный подъ общій анаѳематизмъ православной и каѳолической церкви, онъ наполнилъ (ввѣренную) намъ республику

(1) *Ποικίλαις μὲν δογμάτων καὶ ἀπηλλοτριωμέναις τῆς ὀρθότητος περινοίαις τε καὶ βλασφημίαις.*

многими книгами, хуленіями и мерзостями. Почему мы и воспрещаемъ всѣмъ владѣть какою либо изъ его книгъ. И подобно тому, какъ не позволено списывать или имѣть у себя книги Несторія, почему и предшествующіе намъ императоры сочли нужнымъ постановить въ своихъ распоряженіяхъ подобное противъ того, что̀ сказано или написано Порфиріемъ противъ христіанъ. — такимъ же точно образомъ да не будетъ ни у кого изъ христіанъ и все сказанное и написанное Северомъ, но да будутъ всѣ его книги нечистыми и чуждыми каѳолической церкви, пусть онѣ будутъ преданы огню всѣми, кто владѣетъ ими, если имѣющіе ихъ не хотятъ подвергнуться наказанію. Итакъ, пусть никто не списываетъ, ни каллиграфъ, ни скорописецъ, зная, что отсѣченіе рукъ будетъ наказаніемъ тому, кто будетъ списывать его сочиненія. Ибо мы не хотимъ, чтобы и на будущее время было извлекаемо изъ нихъ хуленіе. Подобнымъ же образомъ мы и ему совершенно воспрещаемъ находиться въ царствующемъ городѣ или его окрестностяхъ и въ другомъ какомъ-либо изъ значительныхъ городовъ, но (повелѣваемъ) пребывать въ нѣкоторомъ уединеніи и спокойствіи, не совращать другихъ и не склонять ихъ къ хуленію, и никогда не изобрѣтать чего-либо новаго противъ истинныхъ догматовъ, посредствомъ чего выразилось бы желаніе снова возмутить (находящіяся) у насъ (на попеченіи) святѣйшія церкви“. Въ дальнѣйшихъ за тѣмъ главахъ новеллы подтверждается синодальное рѣшеніе о Петрѣ и Зоарѣ, которое „хотя и крѣпко само по себѣ, но становится еще болѣе крѣпкимъ вслѣдствіе утвержденія его государственною властію“: и эти лица, равно какъ и ихъ послѣдователи и всякіе другіе возмутители церкви осуждаются на изгнаніе, „ибо, существуя въ неизвѣстности, они вредятъ только самимъ себѣ; обнародуя же свои догматы, они даютъ случай къ погибели многимъ изъ неопытныхъ, почему пребываніе ихъ въ христіанскомъ Божіемъ стадѣ и православномъ

городѣ никоимъ образомъ нельзя назвать справедливымъ и не можетъ быть допущено правительствомъ". Вмѣстѣ съ этимъ подтверждены и прежде изданныя постановленія о конфискаціи имуществъ еретиковъ въ пользу церкви (1).

Тотчасъ же по окончаніи соборныхъ засѣданій и изданіи приведенной новеллы Юстиніана, находившіеся въ Константинополѣ сирійскіе и палестинскіе православные монахи приняли изъ рукъ патріарха Мины соборные акты вмѣстѣ съ эдиктомъ Юстиніана и поспѣшили въ свои церкви, сирійскіе—въ Антіохію, палестинскіе—въ Іерусалимъ. Вмѣстѣ съ соборными актами и эдиктомъ Юстиніана, Мина вручилъ имъ еще отъ себя граматы,—одну къ антіохійскому патріарху Ефремію и другую къ іерусалимскому Петру,—въ которыхъ съ одной стороны извѣщалъ о случившемся въ Константинополѣ, а съ другой — просилъ ихъ принять соборное опредѣленіе и извѣстить о немъ находящихся у нихъ въ подчиненіи епископовъ. Оба патріарха приняли рѣшеніе константинопольскаго собора и на созванныхъ ими по этому случаю синодахъ подтвердили его рѣшеніе объ упомянутыхъ еретикахъ почти его же собственными словами. Нужно думать, что какъ соборные акты, такъ равно и эдиктъ Юстиніана противъ Анѳима, Севера, Петра и Зоара отосланы были также и къ александрійскому патріарху Ѳеодосію; но какъ принялъ онъ ихъ? также ли, какъ антіохійскій и іерусалимскій патріархи? — объ этомъ трудно сказать что-либо опредѣленное. Можно лишь

---

(1) Harduin. t. II. col. 1405—1409; Migne, patr. curs compl. t. LXXXVI. ser. Gr. col. 1097—1104, t LXXII. ser. Lat. col. 977—984. Въ ряду новеллъ это установленіе Юстиніана считается 42-ю.— Ѳеофанъ говоритъ, что на этомъ соборѣ, кромѣ Севера, осужденъ еще Юліанъ галикарнасскій и остальные ѳеопасхиты Ἀνελθὼν (Ἀγαπητὸς) ἐν Κωνσταντινουπόλει σύνοδον ἐκρότησεν κατὰ τοῦ δυσσεβοῦς Σευήρου καὶ Ἰουλιανοῦ Ἁλικαρνασέως καὶ τῶν λοιπῶν Θεοπασχιτῶν (Theoph Chron. p. 337). Тоже самое и Кедринъ (1, p. 651).

гадательно полагать, что, по всей вѣроятности, двусмысленно (1).

---

(1) Въ соборныхъ актахъ приведены только дѣянія іерусалимскаго собора вмѣстѣ съ граматою патріарха Мины къ іерусалимскому патріарху Петру (Harduin t. II c 1411—1418), но, что подобная же грамата отправлена была Миною и къ патріарху Ефрему и что и онъ точно также, какъ Петръ, собиралъ мѣстный соборъ, на которомъ прочитывались акты константинопольскаго собора, это должно быть внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ и сирійскіе монахи наравнѣ съ константинопольскими и палестинскими участвовали въ дѣяніяхъ этого собора Никифоръ Каллистъ въ своей церковной исторіи говоритъ, что рѣшеніе Агапита о низложеніи Анѳима, кромѣ іерусалимскаго патріарха, одобрили и остальные предстоятели церквей: cujus (Agapeti) calculum monasteria etiam Palaestinae, et Petrus Hierosolymitanus antistes, nec non reliqui ecclesiarum praefecti comprobarunt (l. XVII. c. 9). На основаніи послѣдней его фразы слѣдуетъ заключить еще, что это рѣшеніе принялъ также и александрійскій патріархъ Ѳеодосій, потому что иначе и онъ долженъ бы быть низложенъ, чего, однакожъ, не случилось, и потому, что Никифоръ, говоря· reliqui ecclesiarum praefecti, не сдѣлалъ далѣе никакого исключенія. Правда, упомянувъ о посольствѣ папы Іоанна I въ царствованіе Юстина, Никифоръ замѣчаетъ при этомъ: Idem Joannes alios omnes, praeterquam Timotheum Alexandrinum, ad communionem admisit (ibid.), при чемъ издатели замѣтили на полѣ. forte legendum Theodosium, но совершенно несправедливо, потому что въ то время александрійскимъ патріархомъ былъ Тимоѳей Астерій (см выше, стр 338. 537—539). Напротивъ, точность показаній Никифора относительно дѣйствій папы Іоанна въ отношеніи къ александрійскому епископу его времени, который держался ереси Евтихія, заставляетъ ожидать. что ту же самую точность онъ долженъ былъ бы соблюсти и при описаніи дѣйствій Агапита въ Константинополѣ. Между тѣмъ, ни изъ соборныхъ актовъ, ни изъ его исторіи не видно, чтобы Агапитъ отлучилъ отъ своего общенія Ѳеодосія. Ясно поэтому, что умалчиваніе о Ѳеодосіѣ послѣ словъ: reliqui ecclesiarum praefecti, получаетъ особое значеніе. Но какъ въ актахъ соборныхъ, такъ и въ исторіи Никифора, дѣйствія собора неразрывно связаны съ дѣйствіями Агапита по отношенію къ еретикамъ, такъ что, если онъ извѣстилъ о низложеніи Анѳима и александрійскаго патріарха, то необходимо нужно при этомъ предположить и то, что отосланы были къ послѣднему и соборные акты и императорскіе рескрипты, подтверждающіе это низложеніе. Потомъ, нельзя здѣсь не замѣтить еще и того. что и посланіе Агапита о рукоположеніи имъ Мины на мѣсто Анѳима помѣщено въ собраніи соборныхъ актовъ только одно — къ іерусалимскому патріарху (Harduin. II. col 1225—1228)· не одна ли и таже причина содѣйствовала потерѣ остальныхъ граматъ къ антіохійскому и александрій

Осудивъ вождей евтихіанской ереси, разсматриваемый константинопольскій соборъ снова подтвердилъ вселенское значеніе халкидонскаго собора и книги (τόμος) папы Льва великаго, и снова опредѣлилъ прославлять ихъ во всей вселенной наряду съ прежде нихъ бывшими тремя вселенскими соборами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ порѣшилъ давно занимавшій весь востокъ вопросъ о возстановленіи памяти Евѳимія и Македонія константинопольскихъ и Флавіана антіохійскаго, постановивъ внести имена ихъ въ священныя диптихи и воспоминать при богослуженіи наравнѣ съ прежде почившими православными іерархами церкви. Этимъ постановленіемъ возданъ былъ наконецъ долгъ правдѣ и окончательно уничтоженъ одинъ изъ предлоговъ къ смутамъ на востокѣ (1).

Въ высшей степени запутанными представляются послѣ этого собора отношенія правительства къ рим-

скому патріархамъ, какъ Агапита, такъ и Мины? Наконецъ, было бы весьма странно, если бы соборъ, осудивъ однихъ еретиковъ, не осудилъ Ѳеодосія (если бы зналъ, что и онъ держится ереси), — отославъ свои акты къ однимъ православнымъ предстоятелямъ, не послалъ ихъ къ другимъ (которыхъ точно также считалъ православными), и если бы Юстиніанъ, постановивъ изгнать указанныхъ еретиковъ изъ всѣхъ главныхъ городовъ имперіи, не далъ знать объ этомъ рѣшеніи въ главнѣйшіе города ея

(1) Nicepli. Callist. eccles hist. l. XVII. c 9: Ad haec synodus sanxit, ut sancta quatuor oecumenica concilia, et divus Leo, ejusdemque Tomus per universum orbem praedicarentur, insuper ut Euphemius et Macedonius Constantinopolitani, et Flavianus Antiochenus, episcopi, in integrum restituerentur, atque in sacrarum tabularum album referrentur. quippe qui egregie pro veritate decertassent, rebus omnibus quae adversus illos coeptae actaeque essent, abolendis. (Слич. Harduin t. II concil. sub Mena, col. 1337 1352—1353 и др.). Константинопольскій соборъ при патріархѣ Минѣ пересмотрѣлъ всѣ документы, касающіеся евтихіанскаго движенія со времени смерти императора Анастасія, и, разумѣется, что согласно съ халкидонскимъ соборомъ, принялъ, отвергающихъ же его еретиковъ и все, противорѣчащее ему, осудилъ. Очень можетъ быть, что приведенныя слова Никифора Каллиста суть не болѣе, какъ выводъ изъ указанныхъ соборныхъ актовъ.

скому первосвященнику, который, какъ видѣли (1), сдѣлался въ это время подданнымъ византійскаго императора. Что и къ папѣ Сильверію (онъ, какъ извѣстно, былъ въ это время папою) отосланы были соборные акты вмѣстѣ съ эдиктомъ Юстиніана, или, по крайней мѣрѣ, сообщены результаты соборныхъ рѣшеній,— это не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію (2). Но какъ онъ принялъ эти акты и какія обстоятельства привели его къ низложенію и ссылкѣ?—объ этомъ извѣстія хронистовъ крайне разнорѣчивы и исполнены очень многихъ басней, среди которыхъ весьма трудно отыскать зерно истины. Послѣ тщательнаго сличенія и провѣрки всѣхъ легендарныхъ, хронологическихъ и фактическихъ данныхъ относительно этого вопроса (3) намъ представляется наиболѣе вѣро-

(1) См. выше, стр. 530—532.

(2) Въ этомъ убѣждаютъ насъ а) свидѣтельство самаго Юстиніана, что онъ считаетъ какъ бы своею обязанностію доводить до свѣдѣнія римскаго первосвященника обо всемъ, совершающемся въ церкви, въ особенности же о томъ, что̀ является почему либо наиболѣе важнымъ (см. выше, стр. 517); b) присутствіе на соборѣ италіянскихъ епископовъ и апокрисіаріевъ папы, которые, потому, не могли не извѣстить его, по крайней мѣрѣ, о результатахъ соборныхъ совѣщаній, и с) извѣстія современныхъ хронистовъ (Либерата, гл. 22, и Виктора тунисскаго, подъ годомъ 543), какъ они ни противорѣчивы сами въ себѣ и ни баснословны.

(3) Прокопій въ Исторіи готеской войны извѣщаетъ (Gotth. l I. c. 25. p. 121), что во время осады Рима Витигесомъ Велизаріи «заподозрилъ папу Сильверія въ томъ, что онъ замыслилъ предательство готѳамъ; тотчасъ же послалъ его въ ссылку въ *Элладу*, и спустя немного поставилъ другаго архіерея, по имени Вигилія». Далѣе онъ прибавляетъ: «кромѣ того, по той же самой причинѣ, онъ сослалъ въ ссылку еще нѣкоторыхъ сенаторовъ, но потомъ, послѣ снятія осады и отступленія непріятелей, возстановилъ ихъ». Витигесъ, съ своей стороны, «отправилъ въ Равенну нѣкоторыхъ изъ своихъ тѣлохранителей съ приказомъ умертвить всѣхъ римскихъ сенаторовъ, которыхъ онъ привелъ сюда въ началѣ настоящей войны. Нѣкоторые изъ нихъ, напередъ узнавъ (объ этомъ), постарались убѣжать, въ томъ числѣ были: Цервентинъ и Репаратъ, братъ римскаго первосвященника Вигилія» (ibid. c 26. p. 123). Вигилій и самъ всячески содѣйствовалъ изгнанію готѳовъ изъ Италіи (ibid l. III. c. 15. p. 339), и императора усиленно побуждалъ къ тому же (ibid. c. 35. p. 428). Всѣ эти извѣстія, взятыя въ совокупности и безъ отно-

ятнымъ слѣдующій ходъ событій. Сильверій, получивъ соборные акты, охотно согласился на новое осужденіе еретиковъ, издавна волновавшихъ и волнующихъ цер-

---

шенія къ другимъ современнымъ писателямъ, или къ показаніямъ и самого Прокопія, но въ другихъ его книгахъ, не возбуждаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Велизарій низложилъ Сильверія по убѣжденію въ его виновности, безъ всякихъ постороннихъ видовъ, единственно ради государственной пользы Согласно съ этимъ повѣствуетъ и продолжатель Марцеллина (Chronicon an 537). «Тираннъ Витигесъ, собравши войско, осаждаетъ Римъ; благопріятствующаго (faventem) тогда ему папу Сильверія Велизаріи низложилъ съ епископства и на мѣсто его опредѣлилъ діакона Вигилія». Но уже самъ Прокопій подрываетъ въ Аггсапа прежнее свое показаніе о Сильверіѣ, когда говоритъ, что онъ низложенъ Велизаріемъ по приказанію и въ угоду Феодоры и при содѣйствіи супруги Велизарія, Антонины: *ἐπεὶ δὲ αὐτὴν* (*Θεοδώραν*) *ἐν τοῖς οἰ ἀναγκαιοτάτοις ὑπουργήσασα* (*γυνὴ Βελισαρίου*) *χειροήθη πεποίηται. πρῶτα μὲν Σιλβέριον διαχρησαμένη τρόπῳ ὥπερ ἐν τοῖς ὄπισθεν λόγοις εἰρήσεται* (с. 1 p 13); *τῶν τινος οἰκετῶν* (т. е. Антонины) *Εὐγενίου ὄνομα ὑπουργήσαντός οἱ ἐς ἅπαν τὸ ἄγος, ᾧ δὴ καὶ τὸ ἐς Σιλβέριον εἴργασται μίασμα* (p 16). Однакожъ, изъ этихъ словъ его никакъ нельзя уразумѣть, какая же собственно была причина гнѣва Феодоры на Сильверія? и съ какою цѣлію она повелѣла его низвергнуть съ престола? Изъ сопоставленія этого разсказа Аггсапа съ приведеннымъ выше изъ Исторіи готеской войны невольно представляется одно изъ двухъ: или это злодѣяніе совершено безцѣльно, ради самаго злодѣянія, что нелѣпо,— или же сообщенный фактъ въ готеской воинѣ — о павшемъ на Сильверія подозрѣніи въ измѣнѣ — долженъ остаться во всей силѣ (что болѣе согласуется съ слововыраженіемъ Аггсапа), но только это подозрѣніе прежде зародилось въ умѣ Феодоры, а потомъ она дала знать объ этомъ Велизарію и повелѣла ему низложить Сильверія, что совершенно ни съ чѣмъ несообразно —Съ несравненно бо́льшею ясностію и подробностію сообщаютъ объ этой закулисной сторонѣ дѣла Либератъ, Викторъ тунисскій и Анастасій библіотекарь Либератъ говоритъ, что, когда на мѣсто умершаго въ Константинополѣ Агапита рукоположенъ былъ Сильверій, Феодора, «призвавъ (къ себѣ) Агапитова діакона, Вигилія, и обѣщаясь дать ему предписаніе къ Велизарію о его рукоположеніи въ папы и выдать семь центенаріевъ (золота), выманила (flagitavit) у него втайнѣ дать ей обѣщаніе, что, если онъ будетъ папою, то отмѣнитъ (халкидонскій) соборъ, и напишетъ Феодосію, Анѳиму и Северу, и утвердитъ своимъ посланіемъ ихъ вѣру. Итакъ Вигилій, изъ любви къ епископству и золоту, охотно принялъ ея предложеніе и, давъ обѣщаніе, отправился въ Римъ, но прибытіи куда, нашелъ, что Сильверій рукоположенъ въ папы». Вигилій находитъ Велизарія въ *Равеннѣ*. Вручая ему предписаніе Фео-

ковь Христову, и обнаружилъ великую радость изданію императорскаго эдикта, осуждавшаго этихъ еретиковъ на изгнаніе изъ всѣхъ большихъ городовъ им-

---

доры, Вигилій обѣщался съ своей стороны — дать ему два центенарія, если, по низверженіи Сильверія, будетъ избранъ въ папы Велизарій, возвратившись въ Римъ и пригласивъ Сильверія во дворецъ, «возвелъ на него клевету, будто онъ написалъ готѳамъ, чтобы они вошли въ Римъ. Говорятъ же (fertur autem), что вымышленныя отъ имени Сильверія къ готѳскому королю письма, которыми онъ былъ бы изобличенъ, что онъ хочетъ предать городъ Римъ, составлены нѣкоторымъ Маркомъ схоластикомъ и однимъ преторіанцемъ Таино же Велизарій и его супруга убѣждали Сильверія исполнить повелѣніе Августы — отмѣнить халкидонскій соборъ и утвердить своимъ посланіемъ вѣру еретиковъ. Онъ, какъ только вышелъ изъ дворца, тотчасъ же разсказалъ своимъ совѣтникамъ, что съ нимъ случилось, и по пути зашелъ въ церковь блаженной мученицы Сабины и тамъ остался. Сюда посланъ былъ къ нему сынъ патриціи Антонины, Фотій, который съ клятвою склонялъ его идти во дворецъ. Но окружавшіе Сильверія убѣждали его не вѣрить клятвамъ грековъ. Однако онъ вышелъ и пришелъ во дворецъ. И дѣйствительно въ этотъ день, ради клятвы, ему позволено было возвратиться въ церковь. Послѣ того Велизарій снова повелѣлъ ему придти во дворецъ. Онъ, зная уготованныя ему ковы, не хотѣлъ выходить изъ церкви, но потомъ, помолившись и вручивъ свое дѣло Господу, вышелъ и пришелъ во дворецъ. Вошедши одинъ, онъ болѣе невидимъ былъ своими» На другой день, созвавши пресвитеровъ, діаконовъ и всѣхъ клириковъ, Велизарій повелѣлъ рукоположить Вигилія, «а Сильверія посланъ въ ссылку въ городъ *ликійской* провинціи, называемыи *Патарою*. Вигилій, послѣ своего рукоположенія, былъ побуждаемъ Велизаріемъ — исполнить свое обѣщаніе, данное Августѣ, и выдать ему обѣщанные два центенарія золота. Но Вигилій, изъ страха предъ римлянами и изъ скупости, не хотѣлъ исполнить своихъ обѣщаній. Когда же Сильверій прибылъ въ Патару, почтенный епископъ сего города отправился къ императору и свидѣтельствовался судомъ Божіимъ о изгнаніи епископа съ толикаго престола, говоря, *что многіе цари существуютъ въ семъ мірѣ, а не одинъ только, какъ этотъ, сверженный съ своего престола, папа поставленъ надъ церковію всего міра* Императоръ, выслушавъ его, повелѣлъ вызвать Сильверія въ Римъ и нарядить относительно его писемъ слѣдствіе, чтобы, если доказано будетъ, что они имъ были написаны отвезти его на жительство въ какой нибудь (незначительный) городъ, если же они были подложны,—возстановить его на своей каѳедрѣ. Но *Пелагій*, въ угоду императрицы (currens cum voluntate Augustae), *захотѣлъ сдѣлать тщетнымъ повелѣніе императора, чтобы Сильверій не былъ возвращаемъ въ Римъ*. Но превозмогло повелѣ-

періи; но онъ обнаружилъ сопротивленіе внесенію въ диптихи Евѳимія, Македонія и Флавіана: это было бы не только оскорбленіемъ памяти его отца, но еще яв-

---

ніе императора и Сильверій возвратился въ Италію Вигилій, устрашенный его прибытіемъ—какъ бы не быть свержену съ престола—сказалъ (mandavit) Велизарію «выдай мнѣ Сильверія, иначе невозможно исполнить то, что ты отъ меня требуешь» Такимъ образомъ Сильверій преданъ былъ двумъ дефенсорамъ Вигилія и его слугамъ. Отвезенный на о. *Пальмиру*, онъ умеръ подъ ихъ стражею отъ голода. Вигилій же, исполняя свое обѣщаніе, которое онъ далъ Августѣ, отправилъ (scripsit), при посредствѣ супруги Велизарія Антонины, къ Северу, Анѳиму и Ѳеодосію такое посланіе» За тѣмъ слѣдуетъ текстъ самаго посланія, имѣющаго форму *ἐνθρονιστικὸν γράμμα*, съ приложеніемъ анаѳематствованій въ монофизитскомъ смыслѣ (с. 22) —Викторъ тунисскій говоритъ, что Ѳеодора, предъ избраніемъ Вигилія въ папы, тайно выманила у него обѣщаніе, что онъ, сдѣлавшись папою, осудитъ, для отмѣны халкидонскаго собора, «три главы» и съ этою цѣлію напишетъ къ Ѳеодосію, Анѳиму и Северу· Sylverius Romanus episcopus exsilio mittitur, et pro eo Vigilius ordinatur. a quo Theodora memorata Augusta, priusquam ordinaretur, occulto chirographo elicuit, ut papa effectus in proscriptione synodi Chalcedonensis tria capitula condemnaret, id est Epistolam Ibae Edesseni ad Marim Persam etc. Hic itaque papa effectus ab Antonia patricia Belisarii uxore compellitur, ut Theodosio Alexandrino, Anthemio Constantinopolitano et Severo Antiocheno, jam pridem ab apostolica sede damnatis, tamquam catholicis scriberet: et ita de fide, quemadmodum et illi, sentiret Далѣе слѣдуетъ изложеніе самаго письма, но безъ анаѳематизмовъ, какъ у Либерата (an 543).—Анастасій библіотекарь· «Августа (Ѳеодора), скорбя за патріарха Анѳима, что онъ былъ низложенъ святѣйшимъ папою Агапитомъ, который, нашедши его еретикомъ, поставилъ на его мѣсто раба Божія Мину, — посовѣтовавшись съ діакономъ Вигиліемъ, послала свои письма въ Римъ къ папѣ Сильверію, прося и умоляя его: «да не полѣнись придти къ намъ, или, по крайней мѣрѣ, вызови Анѳима на свое мѣсто» Когда оный блаженнѣйшій Сильверій прочиталъ письма, то востеналъ и сказалъ «теперь я знаю, что это дѣло приведетъ къ концу моей жизни». Но блаженнѣйшій Сильверій, возлагая упованіе на Бога и блаженнаго апостола Петра, отписалъ Августѣ. «госпожа Августа, я никакъ не намѣренъ совершить сего дѣла—вызвать еретика человѣка, осужденнаго въ своемъ непотребствѣ». Тогда Августа, вознегодовавъ, послала чрезъ діакона Вигилія повелѣнія къ патрицію Велизарію, содержащія слѣдующее· «подыщи нѣкоторыя обстоятельства на папу Сильверія и низложи его съ епископства, или, по крайней мѣрѣ, скорѣе перешли его къ намъ. Вотъ тамъ ты имѣешь архидіакона и возлюбленнѣйшаго нашего апокрисіарія Вигилія, который обѣщался намъ вызвать патріарха Анѳима». И тогда патрицій

ною уликою въ непослѣдовательности „апостольскаго престола“, традиціи котораго не могъ не беречь сынъ Ормизды. Правительство, естественно, осталось не-

---

Велизарій, принявъ повелѣніе, сказалъ: «точно, я исполню повелѣніе; но и тотъ, кто посредствуетъ въ убійствѣ (qui interest in nece) папы Сильверія, будетъ давать отчетъ въ своихъ дѣлахъ Господу нашему Іисусу Христу». И въ то время, какъ онъ началъ заботиться объ исполненіи повелѣнія, нашлись нѣкоторые лжесвидѣтели, которые сказали, что «мы нерѣдко замѣчали папу Сильверія посылающимъ письма къ готѳскому королю такого содержанія: «приходи къ воротамъ, которыя называются Азинарійскими (Asinaria), подлѣ Латерана, и я предамъ тебѣ городъ и патрицію Велизарія» Услышавъ это, Велизарій не повѣрилъ; потому что зналъ, что это сказано о немъ по зависти Но когда многіе настаивали на томъ же самомъ обвиненіи,—устрашился. Тогда онъ повелѣлъ блаженному папѣ Сильверію придти къ себѣ въ Пинціискій (Pincis) дворецъ. Клиръ весь помѣстилъ за первымъ и вторымъ занавѣсомъ. Сильверій вошелъ въ Мавзолей съ однимъ Вигиліемъ Патриція Антонина лежала на ложѣ и Велизарій сидѣлъ у ея ногъ. И когда патриція Антонина увидѣла его, то сказала ему: «скажи, господинъ папа Сильверій, что̀ мы сдѣлали тебѣ и римлянамъ (т. е. гражданамъ города Рима), что ты хочешь предать насъ въ руки готѳовъ»? Пока она говорила это, вошелъ приходскій (regionarius) субдіаконъ перваго прихода (regionis), Іоаннъ, снялъ съ его шеи палліи (омофоръ) и привелъ въ спальню. И снявъ съ него первосвященническое одѣяніе (et exspolians eum), облачилъ его въ монашескую одежду и скрылъ (abscondit) его. Тогда приходскій субдіаконъ шестаго прихода Сикстъ, увидя его уже монахомъ, выйдя изъ дверей возвѣстилъ клиру, говоря, что господинъ папа низложенъ и сдѣланъ монахомъ. Услышавшіе это разбѣжались; архидіаконъ Вигилій принялъ его на свое яко бы поручительство и послалъ его въ ссылку *въ Понтіану* (Pontias, Pontianas) И поддерживалъ его хлѣбомъ соли и водою печали. Терпя во всемъ недостатокъ, онъ умеръ и сдѣлался исповѣдникомъ» (De vitis Rom. Pont s. Sylverius).—Баронiй, вѣря всѣмъ приведеннымъ сказаніямъ о Ѳеодорѣ, Антонинѣ и Велизаріѣ, пытается, однакожъ, доказать подложность посланія Вигилія къ Северу, Ѳеодосію и Анѳиму. Основанія три. a) посланіе это онъ считаетъ за одно съ двумя книжками (λίβελλοι) тогоже папы Вигилія къ Юстиніану и Ѳеодорѣ, анаѳематствованными шестымъ вселенскимъ соборомъ, какъ подложныя (см. дѣян. 14-е); b) надписаніе посланія у Либерата—необычное и притомъ несогласное съ надписаніемъ у Виктора тунисскаго (у *Либерата*: Dominis et Christis Vigilius, или Dominis et Patris Vigilius; у Виктора тунисскаго: Dominis, et in Christi Dei Salvatoris nostri caritate conjunctis fratribus, Theodosio, Anthemio et Severo episcopis, Vigilius episcopus), и c) содержаніе посланія заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе

довольно отказомъ папы. Недовольство его должно было возрасти еще отъ того, что Сильверій оказалъ сопротивленіе и въ другомъ, не менѣе интересномъ

(такъ, одинъ анаѳематизмъ читается такимъ образомъ. anathematizamus ergo Paulum Samosatenum, *Dioscorum*, Theodorum, et *Theodoritum*, — заставить монофизита анаѳематствовать Діоскора значитъ явно показать неумѣлую руку поддѣлывателя). Но первое доказательство не можетъ имѣть никакого значенія; потому что мнимыя двѣ книжки Вигилія, осужденныя VI всел. соборомъ (въ 14-мъ дѣян.), и по содержанію и по назначенію своему (къ Юстиніану и Ѳеодорѣ, а не къ Ѳеодосію, Анеиму и Северу) совершенно отличны отъ разсматриваемаго посланія и не имѣютъ къ нему никакого отношенія Притомъ же одного прочтенія указаннаго соборнаго дѣянія достаточно, чтобы видѣть, что мнимыя двѣ книжки Вигилія къ Юстиніану и Ѳеодорѣ суть восточнаго происхожденія, а не западнаго, какъ это по всѣмъ признакамъ нужно сказать о его посланіи. Что же касается необычной надписи у Либерата и анаѳемы Діоскору (см. Liberat. c. 22), то относительно этого замѣчаютъ, что текстъ здѣсь у Либерата испорченъ и надпись посланія нужно читать такъ, какъ она читается у Виктора тунисскаго, а вмѣсто Dioscorum слѣдуетъ читать Diodorum, потому что, по хронологическому порядку перечисленныхъ еретиковъ, послѣ Павла самосатскаго слѣдуетъ Діодоръ тарсійскій, а потомъ Ѳеодоръ мопсуестскій и Ѳеодоритъ. Діоскоръ обнародовалъ свою ересь спустя нѣсколько лѣтъ уже послѣ смерти Ѳеодора. Затѣмъ, о разсматриваемомъ посланіи дѣлаетъ упоминаніе еще Факундъ герміанскій (въ книг! contra Mocianum, biblioth. vet. Patr. t XI p. 814 ed Galland) Ob hoc etiam de ipsius episcopi Romani chirographis, vel prius ambitionis impulsu, cum fieri arderet episcopus, vel postea venalitate parti alteri factis, necessarium duximus non tacere, ne auctoritate nominis ejus praejudicium fides vera sufferet. Quod si hoc non fuisset, neque ipse prius universam anathematizasset ecclesiam, servare nos in illo oportuit sententiam suam, sequi quod nobis praebuit priscae integritatis exemplum. На основаніи всего этого Пагій не сомнѣвается, что разбираемое посланіе несомнѣнно принадлежитъ Вигилію: De hujus itaque epistolae tam a Liberato, quam a Victore Tununensi scriptoribus coaevis recitatae veritate non videtur dubitandi locus (Bar an. 538 n. IV—XXI. et not. Pag.), и съ этимъ мнѣніемъ соглашается большинство ученыхъ (Слич Not. ad. Liberat. c. 22. apud Galland. Isambert. p. 327—331) Правда, Алеманнъ называетъ это посланіе подложнымъ, но онъ утверждаетъ, не приводя никакихъ доказательствъ, изъ одной только предвзятой идеи, что папа де непогрѣшимъ, а потому его голословное утвержденіе, въ виду приведенныхъ опроверженій доказательствъ Баронія, не можетъ имѣть никакой силы (Not. Alemm. p. 350) — Тѣмъ не менѣе поспѣшно умолкліченіе и Папія и другихъ сторонниковъ подлинности разбираемаго посланія

для правительства, вопросѣ: относительно признанія независимости новосозданной церкви первой Юстиніаны. Издавъ предварительно о ея независимости

Положеніе Баронія и Алемапна въ сущности вѣрно разбираемое посланіе Вигилія слѣдуетъ считать несомнѣнно подложнымъ по слѣдующимъ причинамъ. 1) Мы видѣли, что низложеніе Анѳима и избраніе на его мѣсто Мины произошло съ согласія и при содѣйствіи не только Юстиніана, но и Ѳеодоры, которая притомъ покровительствовала Минѣ и *впослѣдствіи* (Theoph Chron. p. 350) Послѣ этого нужно имѣть крайне низкое и предвзятое мнѣніе о Ѳеодорѣ, чтобы приписать ей то что по разсматриваемому вопросу такъ разнообразно разсказывается о ней указанными писателями Но пусть она верхъ безнравственности; никто не станетъ отрицать у нея ума. Между тѣмъ, приведенные разсказы Либерата, Виктора тунисскаго и Анастасія представляютъ множество несообразностей именно съ этой точки зрѣнія: 2) низложеніе Анѳима и его осужденіе вмѣстѣ съ Северомъ, Петромъ и Зоаромъ произошло главнымъ образомъ по настоянію монаховъ, папа былъ лишь проводникомъ ихъ свѣдѣній о церковномъ положеніи до ушей императора; Анѳимъ, Северъ, Петръ и Зоаръ осуждены не прежде какъ императоръ убѣдился, что *обвиненія* монаховъ, которыя стали извѣстны императору благодаря авторитету папы, *справедливы*, а отнюдь не по требованію папы, какъ только требованію и какъ папы Все это Ѳеодора знала отлично, почему она и оказала свое содѣйствіе (пусть, съ католической и со всякой другой точки зрѣнія, лицемѣрное сущность дѣла отъ этого въ данномъ случаѣ не страдаетъ) низложенію Анѳима и избранію Мины. Поэтому, заставлять ее вынуждать папъ послать къ еретикамъ общительную грамату, отъ которой якобы должно было зависѣть ихъ принятіе въ церковь и возстановленіе на тронахъ значитъ заставлять ее совершать очевиднѣйшую нелѣпость и представлять крайне глупой и несообразительной, дѣйствующей вопреки всякимъ законамъ здраваго смысла. 3) Мысль эта усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на томъ же самомъ соборѣ, на которомъ осуждены Анѳимъ, Северъ, Петръ и Зоаръ, подтверждено каноническое правило: «осужденному на какомъ нибудь соборѣ никоимъ образомъ не слѣдуетъ принимать іерархическаго служенія до тѣхъ поръ, пока не объявитъ его невиннымъ разслѣдованіе о немъ, сдѣланное другимъ *соборомъ*» (Harduin t II. col. 1397). Въ виду этого правила, которое не могло быть неизвѣстно Ѳеодорѣ, заставлять ее искать принятія еретиковъ въ церковь въ какой нибудь общительной къ нимъ граматѣ отъ папы значитъ обнаруживать явную нелѣпость и мыслимо только съ латинской точки зрѣнія. 4) Если Юстиніанъ въ чемъ либо не уступалъ Ѳеодорѣ, такъ это, по единогласному свидѣтельству всѣхъ историковъ, именно въ вѣрѣ Принятіе еретиковъ въ церковь возможно было подъ однимъ только условіемъ *обмана*, ложнаго представ-

эдиктъ (11-ю новеллу) и испросивъ на то согласіе восточныхъ патріарховъ, императоръ завязалъ послѣ того переговоры объ этомъ, весьма интереснымъ для

ленія, что они мыслятъ и учатъ православно. Мы видѣли, что такъ именно и дѣйствовали еретики доселѣ. Поэтому представлять Ѳеодору вынуждающею папъ (замѣчательно—*папъ*, а не кого-либо другаго) написать *явно еретическое* посланіе къ только что *осужденнымъ соборомъ еретикамъ, безъ всякой утайки или замаскировки ихъ ереси*, значитъ просто утверждать невозможное, обнаруживать саморазрушающее противорѣчіе и показывать подлогъ во-очію. Либератъ въ 20-й главѣ своего Бревіарія, сказавъ о добровольномъ удаленіи Ѳеодосія съ александрійскаго трона (Theodosius de sede discessit, non ferens seditiones et bella), даже еще неизвѣстномъ папѣ, далѣе прибавляетъ *promittebat* Augusta imperatori, quoniam *posset* Theodosius Calchedonensem *suscipere synodum*. sed persistente et nolente eo,.. foras civitatem regiam.. in exsilium missus est (О внутреннемъ противорѣчіи этого мѣста Бревіарія Либерата, см. выше, стр. 541) Вигиліи въ безспорно подлинныхъ своихъ письмахъ къ Юстиніану и Минѣ увѣряетъ, что онъ не полагаетъ ни малѣйшаго препятствія принятію кающихся еретиковъ въ церковь, потому что Спаситель пришелъ не погубить кого-либо, но спасти всѣхъ (ep. IV. V. Migne, patr curs. compl. t. LXIX. ser. Lat col. 21—26). Такимъ образомъ, и изъ этого сопоставленія свидѣтельствъ оказывается, что сущность дѣла, при возстановленіи еретика-епископа на тронѣ или принятіи его въ церковь, должна заключаться въ томъ, чтобы *показать* его *императору православнымъ*, а не еретикомъ. Поэтому-то вся исторія о вынужденіи *еретическаго* посланія къ еретикамъ съ цѣлію ихъ возстановленія невольно представляется какимъ-то нелѣпѣйшимъ фарсомъ сумасброднаго деспота, тѣмъ болѣе, что папа даже и не зналъ о низложеніи одного изъ этихъ еретиковъ—Ѳеодосія. 5) Посланіе вынуждается къ осужденнымъ еретикамъ Анѳиму, Северу и *Ѳеодосію* для ихъ *возстановленія*. Но Ѳеодосій, не былъ въ это время низложенъ, низложеніе его совершилось *послѣ* низложенія Сильверія Выше (стр 538—543) мы сказали, что вступленіе Ѳеодосія въ управленіе александрійскою церковію произошло еще во время патріаршествованія Анѳима. Евагрій, разсказавъ о перепискѣ между Анѳимомъ константинопольскимъ и Ѳеодосіемъ, какъ уже патріархомъ, низложеніе ихъ обоихъ поставляетъ въ зависимость отъ одной и той же причины, не отдѣляя его какимъ-нибудь значительнымъ промежуткомъ времени, вносящимъ какое нибудь осложненіе въ указанную причину. «Такимъ-то образомъ, говоритъ онъ, оба они, какъ шедшіе *вопреки повелѣнію царя* и не принимавшіе опредѣленій халкидонскаго собора, были лишены своихъ престоловъ и престолъ александрійскій получилъ Зоилъ (невѣрно), а константинопольскій Епифаній (тоже невѣрно), такъ что халкидонскій

него, предметѣ еще съ папою Агапитомъ; но получилъ уклончивый отвѣтъ, что важность вопроса требуетъ тщательнаго его обсужденія и что онъ, папа,

---

соборъ наконецъ признанъ открыто во всѣхъ церквахъ и уже никто не смѣлъ предавать его анаѳемѣ. Тѣже, которые и послѣ сего держались иного образа мыслей, были всѣми мѣрами доводимы до согласія», и проч. (l. IV. c. 11). Либератъ, сказавъ, какъ показано выше, объ удаленіи Ѳеодосія съ александрійскаго трона, ниже о рукоположеніи его преемника Павла говоритъ такимъ образомъ (c. 23): Postquam ergo Theodosius Alexandrinus in exsilium missus est, Paulus quidam, unus abbatum Tabennensium monachorum, ad Alexandrinam sedem ordinatur episcopus, Pelagio interveniente apocrisiario Romano, plane orthodoxus, suscipiens Calchedonensem synodum. Ordinatus est a Menna Constantinopoli, praesente eodem Pelagio responsario Vigilii, etc. Итакъ, по этому показанію рукоположеніе Павла на мѣсто Ѳеодосія совершено патріархомъ Миною въ то время, какъ Вигилій былъ уже папою и Пелагій исправлялъ отъ его имени должность апокрисіарія. Это же самое видно и изъ дальнѣйшихъ его словъ: Severus autem Antiochenus jam fuerat condemnatus, et Anthimus Constantinopolitanus ab Agapeto papa Romano et Menna Constantinopolitano, ex libellis datis adversus eos imperatori Justiniano a praesulibus monasteriorum, etc. Hoc ergo modo unitas facta est ecclesiarum, *anno decimo imperii* gloriosi Justiniani augusti (c. 23). Разсказъ Либерата не допускаетъ ни малѣйшей мысли, чтобы между низложеніемъ Ѳеодосія и рукоположеніемъ на его мѣсто Павла произошелъ какой-нибудь значительный промежутокъ времени. Никифоръ константинопольскій въ своей хроникѣ (p. 780), Ѳеофанъ хронографъ (p. 345) и Кедринъ (t. p. 655) утверждаютъ, что Гаіанъ и Ѳеодосій въ сложности патріаршествовали три года. Прилагая ихъ къ 535 г., когда случилась смерть Тимоѳея (см. выше, стр. 537—538), получимъ 538 г., когда должно было произойдти низложеніе Ѳеодосія. Вигилій въ своихъ первыхъ посланіяхъ къ Юстиніану и Минѣ, составляющихъ отвѣтъ на ихъ посланія и, подобно этимъ послѣднимъ, содержащихъ въ себѣ *согласное* съ ними исповѣданіе вѣры и осужденіе еретиковъ, между другими еретиками—евтихіанами: Северомъ, Петромъ, Анѳимомъ, Ксенеемъ и другими, предаетъ анаѳемѣ и Ѳеодосія александрійскаго. Эти письма Вигилія помѣчены 15 октября 540 г. Выключая изъ этого конечнаго предѣла время, необходимое для полученія вѣсти о восшествіи Вигилія на папскій тронъ, написанія къ нему посланій Юстиніаномъ и Миною, отправленія ихъ и изготовленія на нихъ отвѣта, при тогдашнихъ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ и состояніи путей сообщенія, опять получимъ приблизительно тотъ же самый 538 годъ. По разсказу Кирилла скиѳопольскаго, низложеніе Павла, преемника Ѳеодосія, случилось около 540 г. (Vita Sabae, c. 84. 85 sq.); а отсюда слѣдуетъ заключить, что низложеніе самаго Ѳеодосія произошло въ 538

пришлетъ для этого особыхъ легатовъ въ Константинополь. Обстоятельства, какъ извѣстно, заставили прибыть въ столицу имперіи самаго Агапита, кото-

---

году. Прокопій въ Аrсана о времени вступленія на александрійскій тронъ преемника Ѳеодосія, Павла, выражается такимъ образомъ: *Ἀρσένιος βασιλεῖ χαριεῖσθαι οἰόμενος οὐ πολλῷ ὕστερον ξὺν τῷ Παύλῳ ἐς τὴν Ἀλεξάνδρειαν στέλλεται* (с 27 р 130): *οὐ πολλῷ ὕστερον*, т. е. спустя немного лѣтъ послѣ 529—530 гг, когда случилось въ Палестинѣ возстаніе самарянъ (см выше, стр 187—190) Муральтъ относитъ время низложенія Ѳеодосія къ ноябрю 538 года Между тѣмъ низложеніе Сильверія случилось никакъ не позже конца 537 года. Прокопій (Gotth. l. I. c. 25. p. 121) и продолжатель Марцеллина (Chron an. 537) относятъ его низложеніе и рукоположеніе на его мѣсто Вигилія къ 537 году безъ указанія мѣсяца и числа, когда это случилось. По соображеніямъ Пагія на основаніи показанія Анастасія библіотекаря,—что Сильверій сидѣлъ на престолѣ 1 годъ, 5 мѣсяцевъ и 11 дней (de vitis Rom. Pont Sylverius),—рукоположеніе Вигилія случилось или въ концѣ (22) ноября или въ началѣ (10) декабря 537 года (Not Pag. ad. n. CXX—CXXIV an. 536; ad. n IV—XXI an. 538. По отчосительно этого Манси замѣчаетъ: ex probatissimo catalogo Blanchiniano constat Vigilium consecratum fuisse pontificem die 29 martii anni 537, quae tunc incidit in dominicam, ut ducta ex eodem catalogo suppulatione demonstrabitur in nota ad a. 535 7. (Ibid.) Муральтъ слѣдуетъ этому послѣднему мнѣнію и относитъ рукоположеніе Вигилія къ 29 марта 537 года (р 172). Такимъ образомъ, хлопотать о возстановленіи Ѳеодосія, когда онъ еще не былъ низложенъ, есть вещь немыслимая, а потому нужно признать, что и разсказъ о вынужденномъ еретическомъ письмѣ Вигилія къ еретикамъ въ числѣ которыхъ былъ и Ѳеодосій, является у Либерата противорѣчущею общему ходу разсказа и откуда-то заимствованною вставкой. Заключительный же выводъ его изъ разсказа, что «единеніе церквей произошло въ десятый годъ славнаго царствованія Юстиніана», явно невѣренъ и можетъ служить лишь къ обличенію лживости разсказа Пагій, исправляя Баронія, что Тимоѳей умеръ 20 іюля 537 года, а Ѳеодосій сталъ править александріискою церковію съ ноября 538 года (Quare cum, Thimotheo anno DXXXVII mortuo circa diem XX julii, Theodosius sedere coeperit, apparet illum anno DXXXVIII mense novembri, a Justiniano imp relegatum. Not Pag. ad n CXVI. an. 536) и низложенъ и изгнанъ въ ссылку въ 540 году, а не въ концѣ 536 года, какъ думаетъ Баронія (an. 536 n. CXVI), болѣе запутываетъ, чѣмъ выясняетъ дѣло; потому что это его мнѣніе противорѣчитъ приведеннымъ показаніямъ разныхъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ источниковъ и потому, что, послѣ низложенія Гаіана, Ѳеодосій опредѣленъ Нарсесомъ безъ всякаго вѣдѣнія, содѣйствія или какого бы то ни было отношенія къ этому дѣлу

рый, исполнивъ долгъ посла и обязанности первосвященника—обвиненіемъ предъ императоромъ и осужденіемъ Анѳима съ союзными ему еретиками, назначилъ

со стороны папы (см. выше, стр. 537) предполагаемыя козни Ѳеодоры, о которыхъ здѣсь рѣчь, относятся, по сообщеніямъ Либерата, ко времени послѣ этого втораго низложенія Ѳеодосія (если только изгнаніе его партіей Гаіана считать *первымъ* низложеніемъ), а никакъ не ко времени опредѣленія его на мѣсто Гаіана, какъ это можно думать на основаніи хронологіи Пагія (ибо явно, что въ 540 году эти козни немыслимы). Здѣсь онъ произвольно перетасовываетъ ходъ событій, указанный Либератомъ (потому что мы видѣли, что письмо Вигилія къ Анѳиму, Северу и Ѳеодосію и разсматриваемыя предполагаемыя козни Ѳеодоры онъ признаетъ несомнѣнно вѣрными). Если же Вигилій дѣйствительно рукоположенъ 29 марта 537 г., какъ это можно видѣть ex probatissimo catalogo Blanchiniano, то, на основаніи хронологіи Пагія, о Ѳеодосіѣ, какъ патріархѣ, при жизни Сильверія не можетъ быть и рѣчи.—Викторъ туниссній все дѣло Вигилія съ Сильверіемъ относитъ къ 543 году, что̀ уже ни съ чѣмъ несообразно. 6) Извѣстіе Виктора туниссkаго, будто «Ѳеодосій уже прежде осужденъ апостольскимъ престоломъ» подобно Северу и Анѳиму, совершенно невѣрно, потому что въ соборныхъ актахъ не упомянуто о Ѳеодосіѣ ни словомъ. 7) Равнымъ образомъ совершенно невѣрною и немыслимою на востокѣ является фраза Либерата: «многіе цари существуютъ въ этомъ мірѣ, а не одинъ только, какъ папа, поставленный надъ церковію всего міра»; потому что дѣйствительность была такова, что многіе были епископы, какъ папа (именно, всѣ патріархи), и одинъ только *императоръ* въ мірѣ 8) Изъ безспорно принадлежащихъ Вигилію первыхъ его посланій къ Юстиніану и Минѣ видно, что, согласно практиковавшемуся доселѣ обычаю, непосредственно послѣ вступленія Вигилія на папскій тронъ послали къ нему письма, съ изложеніемъ православной вѣры и анаѳематствованіемъ еретиковъ (Севера, Петра апамейскаго, Анѳима, Ксенея, Ѳеодосія александрійскаго, который между тѣмъ былъ низложенъ, и другихъ) предварительно Юстиніанъ и Мина, и потомъ уже отписалъ имъ съ своей стороны и Вигилій, изложивъ туже самую вѣру и анаѳематствовавъ тѣхъ же самыхъ еретиковъ, какъ и они (Migne, patr. curs. compl. t. LXIX. ser. Lat. col. 21—26). При сличеніи этихъ посланій Вигилія къ Юстиніану и Минѣ съ разбираемымъ его еретическимъ посланіемъ къ Анѳиму, Северу и Ѳеодосію открывается вся неестественная странность этого послѣдняго, какъ напр., то, что оно сразу отправлено къ тремъ низверженнымъ патріархамъ, какъ бы они находились въ одномъ мѣстѣ, и то, что, посылая письмо къ еретикамъ, Вигилій убѣждаетъ ихъ никому его не показывать. oportet ergo, ut haec quae vobis scribo, nullus agnoscat; и это для возстановленія еретиковъ и удовлетворенія желанія Ѳеодоры! 9) Вѣру

своими апокрисіаріями при императорскомъ дворѣ честолюбивыхъ, умныхъ и ловкихъ діаконовъ: Стефана, Пелагія, Вигилія и другихъ. Пелагій быстро во-

---

въ дѣйствительность разсматриваемаго событія подрываютъ и взаимныя противорѣчія всѣхъ указанныхъ писателей. Такъ, по Прокопію Сильверій сосланъ въ Элладу, по Либерату—въ первый разъ въ Патару, а потомъ—на о. Пальмиру, по Анастасію — въ Понтіану, по Прокопію Сильверій низложенъ по одному только подозрѣнію въ измѣнѣ, по Либерату и Анастасію—за отказъ написать общительное посланіе къ еретикамъ, которое было бы знакомъ принятія ихъ въ церковь и возстановленія ихъ на епископскихъ тронахъ (обвиненіе въ измѣнѣ — только видимый предлогъ), по Виктору туннисскому — за отказъ осудить «три главы». Кромѣ того, множество другихъ историческихъ невѣрностей. Такъ, Либератъ заставляетъ Вигилія отыскивать Велизарія въ Равеннѣ, когда Равенна еще не была и завоевана греками Басни Анастасія трудно и перечислить; онѣ легко открываются изъ сличенія его разсказа съ Исторіей Прокопія. 10) Заключительныя слова какъ Либерата, такъ и Виктора явно обличаютъ вымышленную тенденціозность всей разсказанной ими исторіи. Такъ Либератъ, примѣнивъ къ Вигилію слова писанія *снѣдятъ своихъ путей плоды, и своего нечестія насытятся* (Притч. 1, 31), заканчиваетъ разсказъ о его посланіи къ еретикамъ такимъ образомъ: Ab ipsa haeresi afflictus Vigilius, nec coronatus, qualem vitae terminum suscepit, notum est omnibus. (с 22.—Отсюда съ основательностію заключаютъ, что Бревіарій былъ написанъ Либератомъ послѣ смерти Вигилія, въ 555 г., когда случилась его кончина) Викторъ туннисскій: Horum exordia malorum generalis orbis terrarum mortalitas sequitur, et inguinum percussione major pars populorum necatur. Эти заключительныя слова Либерата и Виктора, взятыя въ связи съ приведенной выдержкой изъ Факунда герміанскаго, показываютъ, что вся басня о вынужденіи письма у Вигилія къ еретикамъ выдумана защитниками «трехъ главъ» для того, чтобы показать, что Вигилій, издавна уклонившись въ ересь и отступивъ отъ своихъ предшественниковъ, не заслуживаетъ поэтому довѣрія и уваженія, что осужденіе «трехъ главъ» находится въ прямой связи съ общеніемъ его съ монофизитами и уклоненіемъ въ монофизитскую ересь; что тяжелыя обстоятельства послѣднихъ дней его жизни суть прямое слѣдствіе уклоненія его въ ересь, и что и всѣ остальныя бѣдствія имперіи отсюда проистекаютъ. Въ этомъ отношеніи указанная Викторомъ туннисскимъ связь въ происхожденіи разсматриваемаго посланія Вигилія съ вопросомъ о «трехъ главахъ» заслуживаетъ полнаго вниманія и есть самое вѣрное, что можно извлечь изъ всѣхъ басней указанныхъ писателей относительно разбираемаго вопроса На ту же самую связь указываетъ и вышеприведенный изъ разсматриваемаго посланія анаѳематизмъ, въ которомъ между другими лицами упомянуты также Ѳеодоръ (мопсуестскій)

шелъ въ число ближайшихъ совѣтниковъ императора, Вигилій не менѣе заслужилъ его благосклонность своимъ сочувствіемъ его планамъ относительно Италіи.

и Ѳеодоритъ. Анастасій баснословитъ немилосердо, но и онъ говоритъ, что Вигилій, по достиженіи папскаго трона, рѣшительно отказался осудить Аѳѳима, и затѣмъ вызовъ въ Константинополь, тоже въ баснословной и невѣроятной формѣ, поставляетъ въ связь съ этимъ отказомъ его осудить Аѳѳима (De vit. Rom Pont. Vigilius). Мы увидимъ, что вызовъ этотъ послѣдовалъ по вопросу о «трехъ главахъ» 11) Несообразности въ текстѣ Либерата, замѣченныя Бароніемъ, нельзя назвать устраненными окончательно. Необычная надпись и анаѳема Діоскору признаются учеными за *порчу* текста не потому, чтобы въ другихъ кодексахъ текстъ Либератова Бревіарія былъ правильный, а на основаніи соображеній,— что надпись у Виктора тунисскаго правильнѣе и что Діоскоръ, по хронологическому порядку ересей, не можетъ быть на томъ мѣстѣ, гдѣ поставленъ, а здѣсь долженъ быть Діодоръ. Но подлоги схизматиковъ и еретиковъ тѣмъ и замѣчательны, что они заключаютъ въ себѣ нелѣпости. 12) Наконецъ, нельзя не замѣтить здѣсь и того, что *православный* Велизарій играетъ во всемъ этомъ дѣлѣ не только невѣроятно жалкую роль, исключающую въ немъ всякое, сколько нибудь твердое, убѣжденіе въ дѣлахъ религіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безразсудно опасную. ему не безъизвѣстно было, что нарушеніе эдиктовъ по дѣламъ вѣры и споспѣшествованіе ереси сопровождается сильнымъ гнѣвомъ императора и обыкновенно навлекаетъ съ его стороны жестокое наказаніе. Сомнѣніе относительно роли Велизарія (какъ она рисуется Либератомъ) въ этомъ дѣлѣ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что низложеніе Сильверія стало извѣстно императору и вопросъ сдѣлался открытымъ (Любопытно здѣсь сопоставить дѣло Родона и Павла, о которомъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ Arcan. c. 27, Liberat. c 23). — Теперь, на основаніи всего сказаннаго, можно съ достовѣрностію заключить, что и разбираемое письмо Вигилія къ еретикамъ и варіаціи обстоятельствъ его происхожденія и послѣдствій, какія отъ него произошли, суть римскаго происхожденія и, вѣроятно, изобрѣтены кѣмъ нибудь изъ партіи Рустика и Севастіана, защитниковъ «трехъ главъ» и противниковъ Вигилія, или же ими самими между 548—552 гг. Догадка эта подтверждается и словами самаго Вигилія, который въ осудительномъ посланіи своемъ къ Рустику и Севастіану обвиняетъ ихъ въ томъ, что они «коварно писали по всѣмъ областямъ, будто онъ, Вигилій, допустилъ нѣчто такое, что̀ оказывается противнымъ опредѣленію св. халкидонскаго собора», и что они «пытались взвести нечестивыя клеветы не только на многихъ первосвященниковъ, но и (непристойно сказать) на самаго государя, чтобы еще болѣе обольстить дьявольскимъ лукавствомъ невѣдущій христіанскій народъ» (Harduin. III. col. 179—180; Migne, patr. LXIX. ser. Lat. col. 48—49, Дѣян.

И италіянскіе епископы, и апокрисіаріи папы согласились со всѣми опредѣленіями мѣстнаго константинопольскаго собора 536 года. Нѣтъ сомнѣнія, что они

всел. соб. т. V. стр. 340—341). Либератъ и Викторъ занесли въ свои хроники разсказъ сложившійся въ Римѣ. Весьма естественно, что и письмо Вигилія къ еретикамъ и обстоятельства его происхожденія сдѣлались извѣстны и Факунду германскому, и онъ, какъ горячій защитникъ «трехъ главъ», вѣрилъ и въ подлинность письма и въ дѣйствительность обстоятельствъ его происхожденія. Поэтому-то свидѣтельства всѣхъ ихъ трехъ имѣютъ одинаковую цѣну, т. е вытекаютъ изъ одного и того же нечистаго источника и потому одинаково подлежатъ величайшему сомнѣнію.

Если правительство дѣйствительно и вознегодовало на Сильверія по какимъ нибудь тайнымъ причинамъ, то изъ этого времени можно указать только на двѣ таковыя причины, именно на отказъ a) внести въ диптихи Евѳимія, Македонія и Флавіана, и b) признать независимость церкви новой Юстиніаны. — Что Сильверій не могъ безпрекословно согласиться на внесеніе въ диптихи Евѳимія, Македонія и Флавіана, въ пользу этой догадки говоритъ вся предшествующая исторія этого вопроса (см выше, стр. 300. 311. 328—333); трудно предположить, чтобы сынъ Ормизды безъ всякихъ возраженій согласился признать неправильными всѣ дѣйствія и разсужденія отца своего относительно этого предмета.— О причинѣ построики первой Юстиніаны и возвышенія ея на степень самостоятельной каѳедры сказано выше (стр. 270 — 272). Издавъ въ 535 г законъ (11-ю новеллу, если считать ее подлинною) о бытіи церкви первой Юстиніаны автокефальною, Юстиніанъ счелъ нужнымъ при этомъ испросить согласіе и у патріарховъ на ея независимость Со стороны восточныхъ патріарховъ, конечно, не могло быть препятствія Нѣтъ сомнѣнія, что и самая XI новелла издана не безъ предварительнаго соглашенія съ константинопольскимъ патріархомъ. Но папа Агапитъ, къ которому Юстиніанъ обратился за согласіемъ на автокефальность первой Юстиніаны и въ вѣдѣніи котораго, какъ думаютъ нѣкоторые, находился въ это время иллирійскій округъ, далъ ему уклончивый отвѣтъ, что, такъ какъ вопросъ важный, то, для болѣе тщательнаго обсужденія его, онъ пришлетъ въ Константинополь нарочитыхъ легатовъ. de Justiniana civitate gloriosi natalis vestri conscia, nec non et de nostrae sedis viribus injungendis, quid, servato beati Petri, quem diligitis, principatu, et vestrae pietatis affectu, plenius deliberari contigerit, per eos quos ad vos dirigimus legatos, Deo propitio, celeriter intimamus (Baron an. 535. n. LIII) Баронію не неосновательно полагаетъ, (потому что никакъ невозможно думать, чтобы Юстиніанъ, возбудивъ вопросъ, оставался потомъ въ бездѣйствіи), что и преемникъ Агапита, Сильверій, оказалъ сопротивленіе относительно этого вопроса. nec ab ejus successore Silverio impetrare valuit, nempe ut Prima Justiniana, etc. (an. 535. n VI). Согласіе на независимость Юстиніаны полу-

вошли въ соглашеніе съ правительствомъ и относительно вопроса объ автокефальности церкви первой Юстиніаны, иначе они не пользовались бы благоволеніемъ Юстиніана. Отказъ папы на принятіе разсматриваемыхъ двухъ пунктовъ былъ косвеннымъ осужденіемъ ихъ дѣйствій и, понятно, не могъ быть имъ пріятенъ. Велизарій получилъ приказъ оказать давленіе на папу, насколько это было въ его силахъ.

чено лишь отъ папы Вигилія, какъ это можно видѣть изъ 131 новеллы Юстиніана et in provinciis ipsi (archiep. primae Justin.) subjectis locum teneat apostolicae sedis Romanae secundum ea quae sanctus papa Vigilius constituit. Такъ какъ новелла эта издана въ 541 году (по Bienerʼу въ 545. p. 523. 537), то, значитъ, около этого времени Вигилій и далъ свое согласіе (Not. Pag. ad. n. 1—X. an. 535).—Что апокрисіаріи папы согласились на внесеніе въ диптихи «Евоимія, Македонія и Флавіана, это достаточно ясно можно видѣть изъ соборныхъ актовъ, потому что въ нихъ нигдѣ нѣтъ протеста противъ этого рѣшенія собора. Но нужно также думать, что, по смерти Агапита, апокрисіаріи его согласились и на признаніе независимости церкви первой Юстиніаны. Поэтому сопротивленіе Сильверія, естественно, должно было возбудить противъ него его апокрисіаріевъ. Этимъ только и возможно объяснить враждебное къ нему настроеніе не только Вигилія, который давно уже претендовалъ быть папою (Anast. Bibloth. de vitis Rom. Pontif. Bonifacius II), но и Пелагія: Pelagius vero currens cum voluntate Augustae volebat iritum facere imperatoris praeceptum, ne Sylverius Romam reverteretur (Liberat. brev. c. 22) Въ исторіи нерѣдки примѣры, что апокрисіаріи «апостольскаго престола» въ Константинополѣ соглашались на мѣры, которыя впослѣдствіи были отвергаемы папами. Теперь обстоятельства сложились такъ, что апокрисіаріи папы, въ случаѣ его несогласія на то, что они признали какъ правильное, могли взять перевѣсъ надъ нимъ. Во всякомъ случаѣ немыслимо, чтобы Пелагій, горячій ревнитель халкидонскаго собора, явно сталъ содѣйствовать Феодорѣ въ дѣлѣ низверженія Сильверія для отмѣны этого собора, тѣмъ болѣе немыслимо, что, какъ увидимъ, въ началѣ онъ и самъ явился противникомъ осужденія «трехъ главъ». Причина его противодѣйствія Сильверію, очевидно, должна быть другая, и такъ какъ онъ очень скоро сдѣлался весьма близкимъ и вліятельнымъ лицемъ въ ряду совѣтниковъ Юстиніана, то эта быстрота возвышенія его авторитета заставляетъ предполагать съ его стороны какую нибудь услугу, каковою въ разсматриваемое время не могло быть что либо другое, какъ содѣйствіе осуществленію разсматриваемыхъ вопросовъ. Недовольные Сильверіемъ клирики въ самомъ Римѣ могли быть отличными союзниками апокрисіаріевъ при его низложеніи, какъ это и случилось.

Вигилій, который уже давно желалъ самъ быть папою, отправился въ Римъ съ порученіемъ склонить Сильверія на уступку правительству. Случилось, что Сильверій заподозрѣнъ былъ въ это время въ сношеніяхъ съ готѳами. Католическіе писатели всемѣрно стараются отклонить отъ него обвиненіе въ измѣнѣ (1); но то обстоятельство, что онъ прежде пользовался покровительствомъ готѳовъ и сталъ теперь въ contra къ византійскому правительству, дѣлаетъ весьма не невѣроятнымъ и перемѣну имъ фронта. Какъ бы то ни было, только обвиненіе въ измѣнѣ принято за фактъ и Сильверій былъ низложенъ, а Вигилій занялъ его мѣсто (29 марта, или, какъ думаетъ Пагій 22 ноября 537 г.). Послѣ этого „апостольскій престолъ“ не замедлилъ признать церковь первой Юстиніаны автокефальною (въ 541 г.). Не видно также, чтобы болѣе былъ возбуждаемъ вопросъ и о возстановленіи памяти Евѳимія, Македонія и Флавіана.

Двусмысленное поведеніе Ѳеодосія александрійскаго относительно халкидонскаго собора и дѣяній послѣдняго константинопольскаго собора не могло долго скрываться отъ взоровъ правительства: вопросъ былъ поставленъ слишкомъ прямо; слѣдовало отвѣчать: да, или нѣтъ. При томъ же раздоръ партій, возбужденный здѣсь послѣдними дѣйствіями Севера и Юліана галикарнасскаго, требовалъ прямаго и точнаго образа дѣйствія. Ѳеодосій, какъ сказано, принялъ сторону тлѣнниковъ, отвергъ халкидонскій соборъ и былъ низложенъ (по Муральту, въ ноябрѣ 538 года). Когда послѣ этого онъ прибылъ въ Константинополь, Ѳеодора, желая оказать ему покровительство, дала за него обѣщаніе императору, что онъ приметъ халкидонскій соборъ, если будетъ возстановленъ на своей каѳедрѣ. Но, при личномъ свиданіи съ императоромъ, онъ отказался исполнить это обѣща-

(1) Notae ad Liberat. brev. c. 22. p. 157. col. 2. ed. Galland.

ніе и былъ осужденъ на изгнаніе въ предмѣстье Константинополя, Сику, гдѣ онъ и зажилъ отлично, сдѣлавшись центромъ объединенія и опорою не только приверженцевъ своей партіи, но и гаіанитовъ. Такъ онъ прожилъ до самаго царствованія Юстиніана II, или младшаго. Папа Вигилій, которому донесено было объ осужденіи и низложеніи Ѳеодосія, подтвердилъ это и самъ въ свою очередь анаѳематствовалъ его наравнѣ съ Севиромъ, Петромъ апамейскимъ, Ксенсомъ и другими (1). На его мѣсто, благодаря посредству и содѣйствію Пелагія, исправлявшаго должность апокрисіарія римскаго епископа Вигилія, былъ рукоположенъ находившійся въ Константинополѣ по своимъ личнымъ дѣламъ игуменъ тавеннисіотскихъ монаховъ Павелъ, державшійся православнаго образа мыслей и ревновавшій по халкидонскомъ соборѣ. Рукоположеніе совершилъ патріархъ Мина въ присутствіи помянутаго легата Пелагія и апокрисіаріевъ антіохійскаго и іерусалимскаго патріарховъ (2).

Доселѣшняя практика показала, что сила монофизитской ереси въ Александріи заключается въ крѣпкой сплоченности александрійскихъ магнатовъ, знатнѣйшихъ гражданъ и чиновниковъ, занимающихъ высшія общественныя или правительственныя должности. При такихъ условіяхъ самый благонамѣренный патріархъ не могъ противостоять могучему еретическому движенію и быть крѣпкимъ защитникомъ ослабленныхъ православныхъ Александріи. Чтобы ослабить эту еретическую силу и утвердить авторитетъ халкидонскаго собора и среди александрійцевъ, Юстиніанъ, отправляя Павла на мѣсто его служенія, далъ ему широкое полномочіе—смѣнять своею властію всѣхъ чиновниковъ, которыхъ замѣтитъ придерживающимися

(1) Liberat. brev. c. 20; Victor. Tunun. Chron. an. 540; ep Vig. IV et V, Migne, patr curs compl. t. LXIX. ser. Lat. col. 21—26.

(2) Liberat. brev. c. 23. p. 158, ed. Galland.

монофизитской ереси или покровительствующими ей. Правителемъ или префектомъ Александріи въ то время былъ нѣкто Родонъ, родомъ финикіецъ. Юстиніанъ и ему послалъ нарочитую инструкцію, въ которой настойчиво потребовалъ отъ него, чтобы онъ всячески содѣйствовалъ архіепископу города, и немедленно приводилъ въ исполненіе всѣ его распоряженія и мѣры, какія онъ сочтетъ необходимыми къ утвержденію авторитета халкидонскаго собора среди александрійцевъ. Требованіе это впослѣдствіи Юстиніанъ подтвердилъ неоднократными къ Родону письмами. Упомянутый выше сынъ Силуана, Арсеній, чтобы снова заслужить благоволеніе императора послѣ подавленія бунта самарянъ, сталъ показывать себя наиусерднѣйшимъ (какимъ только можетъ быть прозелитъ) ревнителемъ христіанства вообще и халкидонскаго собора въ частности. Теперь онъ какимъ-то образомъ успѣлъ убѣдить императора, что онъ будетъ очень полезнымъ помощникомъ Павла при осуществленіи возложенной на него миссіи, и отправился съ нимъ въ Александрію. Сначала все пошло-было хорошо: Павелъ искусно повелъ дѣла и, казалось, способенъ былъ довести и городъ и монастыри до признанія халкидонскаго собора. Но тутъ „при содѣйствіи діавола вынырнуло такое дѣло“: Павелъ готовился смѣнить съ должности нѣкоего Илію, магистра милиціи. Другъ и пріятель этого Иліи, одинъ діаконъ и экономъ церкви Псой, поспѣшилъ извѣстить его объ этомъ посредствомъ нарочито отправленнаго къ нему посланія. Случилось, что это посланіе попалось въ руки Павла. Опасаясь, чтобы и съ нимъ не случилось того же, что̀ нѣкогда съ Протеріемъ, онъ разгнѣвался на Псоя, сталъ подыскивать противъ него церковныя причины, предалъ Родону для храненія подъ стражей до указа императора и донесъ обо всемъ императору. Но Арсеній посовѣтовалъ Родону отъ имени Павла умертвить Псоя помимо всякихъ распоряженій императора. Носились даже слухи, что Арсеній, съ цѣлію побудить

Родона немедленно же исполнить желаніе епископа, передалъ ему подарокъ отъ этого послѣдняго; но этотъ слухъ не заслуживаетъ вѣры. какъ это ясно само собою. Родонъ послушался коварнаго совѣта Арсенія и однажды тайно ночью предалъ Псоя жесточайшимъ истязаніямъ, среди которыхъ онъ померъ. Сыновья и родственники убитаго поспѣшили въ Константинополь и донесли императору, какою смертію умеръ ихъ родитель. Юстиніанъ пришелъ въ сильный гнѣвъ отъ такого самоуправства Родона, немедленно отрѣшилъ его отъ должности префекта города и на мѣсто его назначилъ Ливерія, упомянутаго римскаго патриція, исправлявшаго должность посла короля Теоадата и потомъ оставшагося на жительство въ Константинополѣ; а для разслѣдованія дѣла Псоя наряжена была, подъ его предсѣдательствомъ, коммиссія, состоящая изъ знатнѣйшихъ духовныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ находился и легатъ Вигилія, Пелагій. По прибытіи въ Александрію, Ливерій допросилъ Родона, какимъ образомъ онъ убилъ діакона Псоя. Родонъ отвѣчалъ, что онъ имѣетъ спеціальный приказъ императора—исполнять всякимъ образомъ все, что повелитъ епископъ; но Павелъ клялся и божился, что онъ не знаетъ какимъ образомъ умерщвленъ діаконъ. Дальнѣйшее разслѣдованіе дѣла привело къ тому заключенію, что виновны всѣ замѣшанные въ убійствѣ Псоя: и Павелъ и Родонъ и Арсеній. Послѣдняго, какъ болѣе всѣхъ и безспорно виновнаго, Ливерій казнилъ самъ, повелѣвъ посадить его на колъ, а дѣло Павла и Родона передано на разсмотрѣніе императора, при чемъ Родонъ отправленъ въ Константинополь, а Павелъ сосланъ въ ссылку въ Газу. Императоръ, выслушавъ дѣло Родона, нашелъ его виновнымъ и повелѣлъ казнить его за стѣнами Константинополя. Имущества казненныхъ, Арсенія и Родона, отобраны въ казну. Относительно же Павла императоръ отослалъ чрезъ Пелагія указъ къ патріархамъ антіохійскому и іерусалимскому, чтобы они вмѣстѣ съ тѣмъ

же самымъ Пелагіемъ, апокрисіаріемъ апостольскаго престола, и Ипатіемъ ефесскимъ шли въ Газу и совершили надъ Павломъ обрядъ лишенія сана. Исполнивъ это повелѣніе императора, они здѣсь же рукоположили для александрійской церкви Зоила, видимо православнаго и держащагося халкидонскихъ опредѣленій (1). „Итакъ, говоритъ Евагрій въ заклю-

---

(1) Liberat. brev. c 23, Arcana, c. 27, Vita Sabae, c. 85; Vict. Tunun. chron. an. 541 — Въ разсказѣ своемъ мы придерживались связи событій, какъ она выставлена Либератомъ. Прокопій совершенно извращаетъ ходъ дѣла По его словамъ, a) Павелъ предалъ Исоя Родону съ прямымъ приказаніемъ лично отъ себя, безъ всякаго посредства со стороны Арсенія, умертвить его, какъ главное препятствіе къ осуществленію воли императора, что̀ Родонъ и исполнилъ въ виду прямыхъ и настойчивыхъ инструкцій къ нему—во всемъ слушаться епископа. b) Слухъ объ этомъ происшествіи дошелъ до императора какъ-то самъ собою· ἄπερ ἐπεὶ ἐς βασιλέα ἦλθεν (p. 151) c) Возбудила Юстиніана противъ Павла, Родона и Арсенія одна только Θеодора, безъ всякаго другаго участія со стороны кого бы то ни было. d) Виновнымъ найденъ одинъ только Павелъ, который потому тотчасъ же и былъ низложенъ Пелагіемъ и Ливеріемъ. e) Арсенія казнилъ Ливерій исключительно въ угоду Θеодоры (γνώμῃ Θεοδώρας), которая возненавидѣла его потому, что онъ осмѣлился быть иного мнѣнія въ религіи, чѣмъ она Другой основательной причины не было f) Родонъ обезглавленъ тоже безвинно, потому что онъ дѣйствовалъ по инструкціи. g) Спустя нѣсколько лѣтъ Павелъ возвратился въ Византію и вручилъ императору подарокъ въ 7 центенаріевъ (700 фунт.) золота, чтобы этимъ путемъ снова получить александрійскую каѳедру Принявъ подарокъ, императоръ согласился на возстановленіе Павла и уже готовъ былъ, вопреки всякимъ препятствіямъ, исполнить свое обѣщаніе. Но этому всѣми силами воспротивился папа Вигилій, бывшій въ это время въ Константинополѣ. Οὕτως ἄλλου οὐδενὸς τῷ βασιλεῖ τούτῳ ὅτι μὴ χρημάτων ἀφαιρέσεως ἀεὶ ἔμελεν (p 152), заключаетъ свой разсказъ Прокопій — Леонтій Византіецъ утверждаетъ, что Павелъ низложенъ за одобреніе убійства, которое замышлено было вкупѣ съ другими: Παύλος καθῃρέθη, συνευδοκήσας φόνῳ (De sectis, act V. n. 5) — Θеофанъ и Кедринъ излагаютъ исторію Павла почти одними и тѣми же словами и причину его низложенія полагаютъ въ томъ, что онъ воспомянулъ при богослуженіи Севера и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ императора: Παῦλον δὲ τινα δοκούμενον εἶναι ὀρθόδοξον ἐπίσκοπον Ἀλεξανδρείας προεβάλετο οὗτος τὴν μνήμην Σευήρου τοῦ ἀνιέρου ποιήσας ἐξεβλήθη τῆς ἐπισκοπῆς ὀργῇ (δι᾽ ὀργὴν) τοῦ βασιλέως, καὶ ἐλθὼν (ἀπελθὼν) διέτριβεν εἰς Ἱεροσόλυμα (Theoph. Chron. p. 345,

ченіе обозрѣваемой эпохи, съ сихъ поръ нигдѣ въ церквахъ не осталось никакого раздѣленія: патріархи всѣхъ округовъ пришли въ согласіе между собою; а

Cedrenus, 1. p. 655—656) — Пагій, согласно установленной имъ хронологіи, на основаніи хроники Никифора, по которой Зоилъ патріашествовалъ семь лѣтъ (Chron. comp. p. 780), полагаетъ, что низложеніе Павла случилось въ 543 году, такъ какъ Зоилъ былъ низложенъ въ 551 г (Not. Pag. ad n. XIV—XIX an. 537, not 5) Но этотъ выводъ Пагія, принаровленный имъ ко всему лѣтосчисленію разсматриваемой эпохи александрійскихъ патріарховъ, никакъ нельзя согласить съ повѣствованіемъ современниковъ Павла — Прокопія (Arcan c 27) и Кирилла скиѳопольскаго (Vita Sabae, c. 85), по сказанію которыхъ, хотя и не точно опредѣленному, низложеніе Павла должно случиться никакъ не позже 541 года (См. выше, стр. 585—586). Викторъ туниссній относитъ низложеніе Павла къ 541 году. Хотя вообще хронологическія его указанія крайне перепутаны и мало заслуживаютъ вѣры, но въ этомъ случаѣ онъ, кажется, близокъ къ истинѣ. Показанія Никифора константинопольскаго не могутъ быть безусловно принимаемы безъ особеннаго къ нимъ пристрастія· а) общее число лѣтъ патріаршествованій Тимоѳея, Гаіана, Ѳеодосія, Павла и Зоила выставлено у него такое, которое едва вмѣщается между 520—551 гг. (17 г. 4 мѣсяца + 1 + 2 + 2 + 7 г.), тогда какъ по ходу событій междупатріаршествованія необходимы, b) въ разсматриваемомъ случаѣ показанія эти нельзя согласить съ показаніями Евагрія, Прокопія, Кирилла скиѳопольскаго; c) въ иныхъ случаяхъ они явно неправильны, напр., папа Сильверій понтификатствовалъ, по нимъ, 18 лѣтъ, а Вигилій—5 (p. 771). Ѳеофанъ помѣщаетъ первый годъ патріаршествованія Зоила подъ 535 г по Р. Хр по александрійской хронологіи (или подъ 6035 г отъ сотв. міра), что̀ соотвѣтствуетъ 542 г. отъ Р. Хр. нашего лѣтосчисленія (Theoph. Chron p 346). Кедринъ относитъ низложеніе Павла къ 14-му году царствованія Юстиніана, или къ 541 г. по Р Хр. (Cedren 1. p 655—656). Для болѣе вѣрнаго опредѣленія хронологическихъ данныхъ относительно александрійскихъ патріарховъ, среди указанныхъ противорѣчивыхъ указаній, нужно, по нашему мнѣнію, принимать за исходный пунктъ свидѣтельство Евагрія, подтверждаемое и соборными актами, что Ѳеодосій предъ низложеніемъ Анѳима былъ уже патріархомъ (см выше, стр. 537—540). Къ этому показанію могутъ быть вполнѣ принаровлены и показанія Либерата, Прокопія, Кирилла скиѳопольскаго. Муральтъ полагаетъ, что Павелъ низложенъ въ іюнѣ 541 года (p. 182). Такимъ образомъ, склоняясь болѣе къ мысли, что низложеніе Павла случилось не позже 541 года, мы тѣмъ не менѣе считаемъ нелишнимъ привести въ заключеніе слова Пагія: Profecto Praesulum Alexandrinorum chronotaxis in Annalibus per haec tempora valde depravata, nec alibi recte etiam consignata (Not. ad n XIV—XIX an 537, not. 5).

епископы городовъ слѣдовали своимъ митрополитамъ. Теперь по церквамъ стали провозглашать четыре собора: первый никейскій, потомъ константинопольскій, далѣе первый ефесскій и наконецъ халкидонскій“ (1). Но это было только видимое единеніе, одна наружная оболочка его. Внутренніе же элементы броженія, издавна существовавшіе въ обществѣ и раздѣлявшіе его, продолжали оставаться. Правительство отлично понимало, что за внѣшнимъ объединеніемъ церквей необходимо позаботиться о внутреннемъ ихъ объединеніи, устранить самыя причины разногласія, удовлетворить всѣмъ и каждому, обнаружить обманы еретиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показать, гдѣ находится истинная церковь. Но здѣсь-то именно и заключается истинная трудность. Какъ бы нарочно случилось такъ, что въ то самое время, когда правительство, послѣ долгихъ и тяжелыхъ трудовъ, повидимому, наконецъ достигло объединенія всѣхъ, повсюду сущихъ, церквей, въ нѣдрахъ вселенской церкви возникли новыя бури и непогоды, и притомъ отъ причины, которая, повидимому, сразу должна бы была разсѣять туманъ производящаго смуты невѣдѣнія, да и предпринята была именно съ этою цѣлію.

Дѣло Θеодорита и Ивы на халкидонскомъ соборѣ. Пропаганда несторіанства подъ именемъ Θеодора мопсуестскаго и Θеодорита. Оригенистское движеніе въ Палестинѣ и эдиктъ императора противъ ученія Оригена. Возбужденіе вопроса о „трехъ главахъ“ и эдиктъ императора по этому поводу. Отношеніе къ эдикту о „трехъ главахъ“ разныхъ церквей востока и запада. Прибытіе Вигилія въ Константинополь и его Judicatum. Противодѣйствіе осужденію „трехъ главъ“ на западѣ; сочиненіе Факунда герміанскаго: Pro defensione trium capitulorum. Взятіе Judicatum'a Вигиліемъ назадъ. Его переходъ на сторону защитниковъ „трехъ главъ“. Ссоры, пере-

(1) Evagr. l. IV c. 11. Слич. nov. 131.

говоры и соглашеніе съ папою на условіи—перенести рѣшеніе вопроса на судъ вселенскаго собора. Приглашеніе епископовъ явиться на соборъ. Смерть п. Мины и избраніе на его мѣсто Евтихія. Переговоры съ папой объ открытіи и составѣ собора. Открытіе собора и первыя три его засѣданія. Осужденіе „трехъ главъ“ и Constitutum Вигилія. Осужденіе Оригена и оригенистовъ. Послѣдствія пятаго вселенскаго собора на западѣ и востокѣ.

Во время спора Кирилла александрійскаго съ Несторіемъ епископъ кирскій Ѳеодоритъ противопоставилъ двѣнадцати главамъ св. Кирилла, принятымъ ефесскимъ, третьимъ вселенскимъ соборомъ, свои двѣнадцать анаѳематствъ въ защиту Ѳеодора мопсуестскаго и Несторія и ихъ лжеученій. Халкидонскій соборъ, на который былъ призванъ и Ѳеодоритъ для суда надъ нимъ, просто потребовалъ отъ него „анаѳемы Несторію и одинаково съ нимъ думающимъ“, безъ всякихъ лишнихъ словъ и объясненій. Ѳеодоритъ произнесъ требуемую отъ него анаѳему и былъ принятъ въ число православныхъ. Анаѳематства его противъ Кирилла остались безъ разсмотрѣнія (1). Равнымъ образомъ, Ива епископъ едесскій, описывая ходъ событій, подготовившихъ третій вселенскій соборъ, какъ они тогда представлялись ему съ восточной точки зрѣнія, назвалъ Ѳеодора мопсуестскаго „блаженнымъ Ѳеодоромъ, проповѣдникомъ истины и учителемъ церкви, который не только при жизни своей обращалъ еретиковъ къ истинной вѣрѣ своей, но и послѣ смерти въ своихъ сочиненіяхъ оставилъ сынамъ церкви духовное оружіе,... который по ревности Божіей не только свой собственный городъ отъ заблужденія обратилъ къ истинѣ, но и отдаленныя церкви научилъ своимъ ученіемъ“; между тѣмъ какъ двѣнадцать главъ св. Кирилла, принятыя ефесскимъ соборомъ какъ истинно православныя, обозвалъ „про-

(1) Дѣян. всел. соб. Казань, 1865. т. IV. д. VIII стр. 179—183.

тивными истинной вѣрѣ", и вообще бросилъ мрачную тѣнь на весь ходъ спора Кирилла съ Несторіемъ и самый ефесскій соборъ (1). Разсматривая все сложное дѣло Ивы едесскаго, отцы халкидонскаго собора ограничились выслушаніемъ его посланія къ Марію Персу лишь въ *историческомъ* его ходѣ, нимало не входя въ разборъ частныхъ *догматическихъ* его положеній,— признали обвиненія противъ Ивы несправедливыми и, согласно уже прежде произнесенному объ немъ суду, снова оправдали его и приняли въ число членовъ вселенской церкви, тѣмъ болѣе, что и теперь онъ еще разъ произнесъ „десятитысячную анаѳему" на Несторія. Замѣчательно при этомъ то, что *нѣкоторые* изъ членовъ собора, произнося свой судъ о дѣлѣ Ивы, употребили такія, напр., выраженія: „прочитавши его посланіе, мы узнали, что *онъ* православенъ" (папскіе легаты: Пасхазинъ, Луцентій и Бонифацій) (2), или: „изъ прочитаннаго списка посланія, принесеннаго его противникомъ, *исповѣданіе его* (т. е. Ивы) оказалось православнымъ". (Максимъ, патріархъ антіохійскій) (3).

---

(1) Дѣян. соб. т IV стр. 221—229; т V. 1875 г. стр. 232—237.

(2) Harduin. t. II. col. 540: *ἀκαγνωσθείσης γὰρ τῆς ἐπιστολῆς αὐτοῦ, ἐπέγνωμεν αὐτὸν ὑπάρχειν ὀρθόδοξον.*

(3) Harduin t II. col. 540: *καὶ ἐκ τοῦ ἀναγνωσθέντος δὲ ἀντιγράφου τῆς ἐπιστολῆς, τοῦ προκομισθέντος παρὰ τοῦ ἀντιδίκου αὐτοῦ, ὀρθόδοξος ὤφθη αὐτοῦ ἡ ὑπαγορία* Здѣсь важно то, что слова: *αὐτοῦ ἡ ὑπαγορία*, латиняне перевели словами: ejus (epistolae) dictatio (Constit. Vigil., Hard. III. col. 40; Fac. Herm. pro defens. l V. c. 1 p. 710. Эти слова удержаны и въ переводѣ актовъ IV всел. соб. Hard. II. col 539), и такимъ образомъ вышло, что халкидонскій соборъ какъ бы призналъ православнымъ само посланіе Ивы, тогда какъ разбираемыя слова указываютъ лишь на вѣроисповѣдный образъ мыслей Ивы, который (образъ) дѣйствительно является православнымъ даже и въ этомъ его посланіи къ Марію Персу: ибо православіе мысли возможно и при восхваленіи, по недоразумѣнію, еретика и охужденіи православнаго. Такъ и здѣсь Ива выражаетъ свое исповѣданіе вѣры въ такихъ, напр., словахъ *δύο φύσεις, μία δύναμις, ἓν πρόσωπον· ὅπερ ἐστὶν εἷς υἱὸς Ἰησοῦς Χριστός* (Hard. II. col. 529), и друг.—Считаемъ не неумѣстнымъ здѣсь замѣтить, что русскій переводъ дѣла Ивы въ одномъ мѣстѣ неправиленъ (говоримъ о томъ, что бросилось въ глаза; всего перевода не сличали) Такъ слова подлинника. *ὅτι*

О самомъ Ѳеодорѣ мопсуестскомъ не было даже и рѣчи на халкидонскомъ соборѣ, кромѣ того, что о немъ сдѣлано только упоминаніе указаннымъ образомъ въ посланіи Ивы.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ представленномъ ходѣ рѣшенія вопроса о дѣлѣ Ѳеодорита и Ивы ничего нѣтъ предосудительнаго для халкидонскаго собора, или благопріятнаго еретикамъ. Рѣшеніе ефесскаго, третьяго вселенскаго собора о Несторіѣ и его ученіи, послѣдователяхъ и защитникахъ его ученія осталось неизмѣннымъ и императорскіе эдикты, подтвердившіе соборное рѣшеніе и осуждавшіе на сожженіе не только сочиненія Несторія, но вмѣстѣ и — Діодора, Ѳеодора и Ѳеодорита, заключавшія въ себѣ точно также несторіанское ученіе (1), продолжали имѣть полную силу. Но несторіане и монофизиты, посредствомъ превратнаго толкованія, какое они давали разбираемому акту халкидонскаго собора о дѣлѣ Ѳеодорита и Ивы, старались обратить его въ свою пользу и ловко имъ пользовались, тѣ и другіе, для своихъ цѣлей. Соборъ

παρὰ τῶν ἐμπιπτόντων Ἑλλήνων ἁμαρτήματι θυσίας λαμβάνων Δανιὴλος ἐπίσκοπος σπόρτουλα, ἀφίησι τοῦ ἐγκλήματος, πραγματεύομενος ἑαυτῷ κἀντεῦθεν κέρδος (Harduin. t. II. col. 520), т. е. «епископъ Даніилъ, принимая подарки отъ впадшихъ въ грѣхъ языческаго (еллинскаго) жертвоприношенія, отпускаетъ (имъ) прегрѣшеніе, извлекая и изъ этого себѣ выгоду», переведены такимъ образомъ: «епископъ Даніилъ, принимая подарки отъ еллиновъ, впадшихъ въ грѣхъ жертвоприношенія, отпускаетъ (имъ) прегрѣшеніе, извлекая и изъ этого себѣ выгоду (т. IV. стр. 212), что̀ производитъ въ головѣ какой-то сумбуръ. Ошибка, очевидно, произошла отъ незнанія терминологіи. Латинскій переводъ правильно замѣняетъ слово *Ἑλλήνων* словомъ: paganis; но онъ представляетъ неправильное сочетаніе словъ: et quia a paganis incidentibus in peccatum sacrificiorum, accipiens Daniel etc., такъ что выходитъ, что *епископъ* Даніилъ принималъ подарки отъ *язычниковъ*, впадшихъ въ грѣхъ жертвоприношенія (какъ будто жертвоприношеніе само въ себѣ есть грѣхъ), и за это отпускалъ имъ (т. е. язычникамъ-то) грѣхи. Понятно, что такой переводъ не могъ быть пособіемъ русскому переводчику къ правильному пониманію разсматриваемаго мѣста соборныхъ актовъ.

(1) Дѣян. всел. соб. Казань, 1861 г. т. II. стр. 587—489; т. V. 1875. стр. 141—144.

халкидонскій, говорили они, объявилъ Ѳеодорита православнымъ; слѣдовательно, заключали они, одобрилъ и его сочиненія. Далѣе, соборъ халкидонскій призналъ православнымъ епископа Иву и принялъ (?), какъ православное, его посланіе къ Марію Персу,—слѣдовательно, заключаютъ далѣе они, принялъ и все то, что̀ заключается въ этомъ посланіи. Давая такое превратное толкованіе рѣшенію халкидонскаго собора о Ѳеодоритѣ и Ивѣ, несторіане старались распространить и утвердить свое ученіе посредствомъ сочиненій Ѳеодорита и въ особенности *Ѳеодора мопсуестскаго*, заключающихъ въ себѣ Несторіево ученіе, какъ якобы одобренныхъ халкидонскимъ соборомъ. Съ этою цѣлію они всячески чествовали память Ѳеодора и Ѳеодорита, какъ проповѣдниковъ несторіанства. Въ Кирѣ священникъ Андроникъ и діаконъ Георгій почтили память Ѳеодорита, какъ учителя несторіанства, тѣмъ, что поставили его изображеніе въ колесницу и торжественно, съ пѣніемъ псалмовъ, ввезли его въ городъ, показывая тѣмъ видъ, что они держатся его ученія. Епископъ Сергій, прибывшій вскорѣ послѣ того въ Киръ, какъ къ мѣсту своего служенія, не только не наказалъ виновныхъ, какъ бы слѣдовало, но даже еще самъ принялъ участіе въ ихъ демонстраціи, совершивъ возможно торжественное празднество въ честь Діодора, Ѳеодора и Ѳеодорита, и даже самаго Несторія, котораго онъ назвалъ мученикомъ. Императоръ Юстинъ, при которомъ совершилось это дѣло (въ 520 г.), повелѣлъ строго разслѣдовать его и наказать виновныхъ. По точномъ разслѣдованіи, Сергій былъ осужденъ и низложенъ и въ такомъ положеніи остался до своей смерти (1). Эта дѣятельность несторіанъ въ пользу своей секты была сильна не только въ Сиріи, гдѣ произошелъ описанный случай, но еще въ Палестинѣ и даже самомъ Константино-

(1) Дѣян. соб. т V стр. 329. 353—355.

полѣ. По свидѣтельству Юстиніана, величайшія смуты, раздѣлявшія всю церковь предъ началомъ его царствованія, производили не только евтихіане, но вмѣстѣ и послѣдователи Несторія (1). Когда св. Савва прибылъ по дѣламъ Палестины въ Константинополь (2), то здѣсь несторіанское движеніе было уже такъ сильно, что нѣкоторые монахи изъ его свиты, охваченные бурнымъ живымъ потокомъ, тотчасъ же перешли на сторону приверженцевъ Θеодора мопсуестскаго. Св. Савва поспѣшилъ отлучить ихъ отъ своего общенія и тутъ же счелъ нужнымъ „внушить“ императору принять мѣры къ подавленію несторіанства (3). Понятно, что не могъ онъ снисходительнѣе отнестись къ несторіанамъ и въ Палестинѣ: пока онъ былъ живъ, приверженцы Θеодора мопсуестскаго вели себя здѣсь тихо, по крайней мѣрѣ сдерживали свои бурные порывы; но какъ только померъ, они тотчасъ же почуяли свободу и сдѣлались смѣлѣе. Кириллъ скиѳопольскій говоритъ, что послѣ смерти св. Саввы монахи Іорданской пустыни составили, по настоянію патріарха Петра и вопреки очевидной волѣ почившаго ихъ пустынноначальника, брошюрку, въ которой проводилась мысль, что не слѣдуетъ анаѳематствовать Θеодора мопсуестскаго; откуда далѣе слѣдуетъ заключить, что прежде Θеодоръ былъ анаѳематствуемъ монахами пустыни и что патріархъ Петръ принудилъ ихъ къ составленію такой брошюрки не по своей иниціативѣ, а по настоянію несторіанъ (4). Первоначаль-

---

(1) Дѣян. соб. т V. стр. 30.

(2) См выше, стр. 491—492.

(3) Vita Sabae, c. 72. 74.

(4) Впрочемъ, эта брошюра была впослѣдствіи снова отвергнута монахами и Θеодоръ мопсуестскій опять анаѳематствованъ. *Δυσωπῶ τοίνυν ὑμᾶς, ὥστε τινὰ τῶν Θεοδώρῳ τῷ Μοψουεστίας προσκειμένων μὴ ἐᾶσαι συμμεῖναι ὑμῖν, αἱρετικῷ αὐτῷ ὄντι. Ἐπείπερ καὶ ὁ ἐν ἁγίοις πατὴρ ἡμῶν Σάβας τοῦτον μετὰ τοῦ Ὠριγένους ἐμυσάττετο. ἐγὼ δὲ σφόδρα μεταμεμέλημαι κατυπογράψαι τῷ γενομένῳ ὑπὸ τοῦ ἐρήμου λιβέλλῳ*

но дѣятельность Юстиніана противъ несторіанъ ограничилась, какъ видѣли, только тѣмъ, что онъ достигъ принятія церковію формулы, что плотію пострадалъ Единъ отъ Троицы и что Дѣва Марія — Богородица. Но эта формула, очевидно, не разрѣшала превратныхъ толкованій относительно халкидонскаго собора и смуты продолжались.

Запутанность дѣлъ достигла еще большихъ размѣровъ, когда, по смерти св. Саввы, возникли въ Палестинѣ еще такъ называемые оригенистскіе споры. Первыми виновниками и возбудителями оригенисткаго движенія были два палестинскіе монаха изъ Новой лавры: Леонтій, родомъ византіецъ, и Ноннъ. Леонтій, обнаружилъ свой оригенистскій образъ мыслей въ Константинополѣ, когда онъ прибылъ сюда вмѣстѣ съ св. Саввою по дѣламъ Палестины. Савва, узнавъ объ этомъ, отлучилъ его отъ своего общенія. Леонтій остался въ Константинополѣ, вошелъ въ благосклонность папы Евсевія и сдѣлался чрезъ то вліятельнымъ. Ноннъ же, пока живъ былъ св. Савва, тайно занимался пропагандою Оригенова ученія въ Новой лаврѣ. Смерть св. Саввы была сигналомъ къ открытому и бурному возбужденію оригенистскихъ споровъ. Теперь сторону оригенистовъ приняли еще двое изъ вліятельныхъ и весьма хитрыхъ палестинскихъ монаховъ, Домиціанъ, игуменъ монастыря Мартирія, и Θеодоръ, по прозванію Аскида, бывшій однимъ изъ экзарховъ (ἐξάρχων) Новой лавры. Почти всѣ монахи, не только Новой лавры, но еще лавры Фирмина и монастыря Мартирія, сдѣлались приверженцами ученія Оригена. Домиціанъ и Θеодоръ отплыли въ Кон-

---

κατ' ἐπιτροπὴν τοῦ πατριάρχου πρὸς τὸ μὴ ἀναθεματισθῆναι αὐτὸν. πλὴν ὅτι ὁ Θεὸς τοῦ ἑαυτοῦ κηδόμενος ἐκκλησίας, τὸν μὲν λίβελλον ἀπαράδεκτον γενέσθαι ὠκονόμησεν, αὐτὸν δὲ Θεόδωρον ἀναθεματισθῆναι ηὐδόκησε (Vita Sabae, c. 87). Въ жизни и дѣятельности патріарха Петра не необычны случаи уклончиваго дѣйствованія относительно еретиковъ Ibid c. 86. 85.

стантинополь, вошли здѣсь, при посредствѣ упомянутаго Леонтія, въ знакомство съ папою Евсевіемъ, а чрезъ него, притворившись ревнителями халкидонскаго собора, снискали благосклонность императора и получили епископскіе троны — Домиціанъ въ странѣ галатійской, а Θеодоръ Аскида въ Кесаріи каппадокійской. Аскида сдѣлался весьма близкимъ человѣкомъ къ императору и даже его совѣтникомъ. Опираясь на покровительство этихъ двухъ, теперь сильныхъ при дворѣ, лицъ, „Нонны и нонниты, забравши великую силу, прилежно и бодро разсѣявали сѣмена Оригена по всей Палестинѣ“. Къ концу 537 г. многіе заразились ученіемъ Оригена даже въ самой Великой лаврѣ св. Саввы. Тогда отцы Великой лавры, съ игуменомъ своимъ Геласіемъ во главѣ, приготовили для прочтенія въ церквахъ сочиненіе противъ ученія Оригена св. Антипатра, епископа востpскаго; когда же оригенисты только раздражились этимъ, то отцы, по общему опредѣленію своему, изгнали ихъ изъ Великой лавры числомъ до 40-ка. Изгнанные отправились въ Новую лавру къ Нонну и Леонтію, возвратившемуся тѣмъ временемъ изъ Константинополя, и возбудили ихъ противъ отцевъ Великой лавры. Дѣло дошло до того, что неолавриты и другіе приверженцы Оригена, возбужденные Леонтіемъ и изгнанными изъ Великой лавры монахами-оригенистами, собравшись воедино, отправились, подъ предводительствомъ Леонтія, со всякаго рода разрушительнымъ орудіемъ: ломами, мотыками, крючьями и пр., разрушать Великую лавру; но, по причинѣ наступившаго днемъ великаго мрака, пробродивши понапрасну по каменистой и безводной пустыни и измучившись до-нельзя, безъ успѣха и со стыдомъ возвратились во-свояси. Послѣ этого, когда патріархъ Ефремій, Пелагій, Ипатій ефесскій и папа Евсевій прибыли въ Газу совершить обрядъ лишенія сана надъ Павломъ александрійскимъ, то Леонтій Византіецъ, улучивъ удобную минуту, когда папа Евсевій прибылъ изъ

Газы въ Іерусалимъ, привелъ къ нему изгнанныхъ изъ Великой лавры монаховъ, какъ гонимыхъ и претерпѣвающихъ несправедливость, при чемъ игумена Геласія представилъ человѣкомъ вздорнымъ, раздѣлившимъ свое стадо безъ всякаго основанія. Обманутый этими словами Леонтія, папа Евсевій призвалъ къ себѣ Геласія и поставилъ его въ необходимость или снова принять въ Великую лавру изгнанныхъ имъ монаховъ-оригенистовъ, или же изгнать изъ лавры ихъ противниковъ, которые старались прекратить ересь Оригена. Поставленные въ такую необходимость, отцы Великой лавры, по общему суду, отправили въ Антіохію къ патріарху Ефремію депутацію, которая разсказала ему о всемъ случившемся и показала книги блаженнаго Антипатра. Ефремій созвалъ соборъ и публично на немъ предалъ анаѳемѣ ученіе Оригена. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Іерусалима, то Ноннъ и нонниты, сильно вознегодовавъ на Ефремія и опираясь на покровительство Ѳеодора и Домиціана, а также и Леонтія, который между тѣмъ отплылъ въ Константинополь, въ отмщеніе принудили патріарха Петра вычеркнуть имя Ефремія изъ диптиховъ. „Произошло чрезмѣрное возстаніе“. Тогда патріархъ Петръ призвалъ къ себѣ Геласія и поручилъ ему вмѣстѣ съ отцами Великой лавры составить къ нему, патріарху, прошеніе (λίβελλον) на оригенистовъ, въ которомъ бы заклинали его не изглаждать имя патріарха Ефремія изъ священныхъ диптиховъ. Отцы Великой лавры такъ и сдѣлали. Патріархъ Петръ, принявъ ихъ прошеніе, послалъ его къ императору, написавъ къ нему вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто и отъ себя о нововведеніяхъ оригенистовъ. Легатъ папы Вигилія, Пелагій, и самъ патріархъ Мина, когда узнали о быстрыхъ успѣхахъ оригенистовъ въ Палестинѣ и ихъ гибельномъ ученіи для православной вѣры, приняли горячее участіе въ дѣлѣ великолаврскихъ монаховъ и приложили большее стараніе, чтобы просьба ихъ завѣнчалась успѣхомъ. Особенно

много заботился объ этомъ легатъ папы, Пелагій, который былъ соперникомъ Θеодора Аскиды и всячески желалъ его униженія. Подробно ознакомленный со всѣмъ ходомъ оригенистскаго движенія посредствомъ прошенія велико-лаврскихъ монаховъ; убѣжденный въ правдивости этого прошенія авторитетнымъ словомъ мѣстнаго патріарха Петра; склоняемый патріархомъ Миною и въ особенности легатомъ Пелагіемъ, но болѣе всего, конечно, устрашенный быстрымъ распространеніемъ явно еретическаго и нелѣпаго ученія Оригена, Юстиніанъ вспомнилъ завѣтъ св. Саввы и поспѣшилъ издать въ формѣ посланія къ патріарху Минѣ обширный эдиктъ, подробно опровергающій и осуждающій какъ догматы Оригена, такъ и его самого. Императоръ „убѣдительно просилъ патріарха собрать всѣхъ, находящихся въ семъ царствующемъ городѣ, святѣйшихъ епископовъ и боголюбезнѣйшихъ игуменовъ здѣшнихъ честныхъ монастырей, и устроить такъ, чтобы всѣ рѣшительно анаѳематствовали нечестиваго и богоборнаго Оригена, и его зловредное и нечестивое ученіе и всѣ приведенныя ниже главы". Патріархъ въ точности исполнилъ повелѣніе императора: созвалъ соборъ, произнесъ на немъ пятнадцать анаѳематствъ на Оригена и подписался съ своимъ соборомъ подъ императорскимъ эдиктомъ. Въ тоже самое время императоръ отправилъ точно такое же посланіе и къ каждому изъ остальныхъ предстоятелей церквей: римскому Вигилію, александрійскому Зоилу, антіохійскому Ефремію и іерусалимскому Петру, и они точно также подъ нимъ подписались. Принуждены были подписаться также Домиціанъ и Θеодоръ, притворство которыхъ, однакожъ, ясно было всѣмъ, кто знакомъ былъ съ закулисною стороною хода дѣла. Когда такимъ образомъ все это сдѣлано, когда этотъ эдиктъ императора былъ принесенъ въ Іерусалимъ и здѣсь обнародованъ, и когда подъ нимъ подписались всѣ монахи пустыни и всѣ палестинскіе епископы, за исключеніемъ Александра, епископа города Ави-

лы,—„Нонн̀ъ и остальные вожди ереси, вознегодовавъ, отдѣлились отъ каѳолическаго общенія и, оставивъ Новую лавру, удалились въ равнину“ (ἔμειναν εἰς τὴν πεδίαδα) (1).

---

(1) Vita Sabae. c. 72. 74. 83—86; Liberat. brev. c. 23; Λόγος τοῦ εὐσεβεστάτου ἡμῶν βασιλέως Ἰουστινιανοῦ, καταπεμφθεὶς πρὸς Μηνᾶν τὸν ἁγιώτατον καὶ μακαριώτατον ἀρχιεπίσκοπον τῆς εὐδαίμονος πολέως καὶ πατριάρχην, κατὰ Ὠριγένους τοῦ δυσσεβοῦς, καὶ τῶν ἀνοσίων αὐτοῦ δογμάτων (безъ числа. Этотъ эдиктъ, или лучше «Трактатъ» Юстиніана теперь находится во многихъ изданіяхъ, у Миня, t. LXXXVI. ser. Graec. col. 945—994; t LXIX. s. Lat. col. 177—226, въ собран. соб. актовъ: Harduin. t Ш. collatio VIII; Labb. t. V; въ русск. перев. смотр. Дѣян. всел. соб т. V). Баронiй, согласно своей хронологіи, относитъ изданіе этого эдикта къ 538 году (an. 538. n. XXXIV—LXXXII), Пагій же, согласно своей хронологіи, о которой мы довольно подробно говорили выше, къ 543 году (Notae. ad n. XXIX—LXXXV. an 538. not. 18). Минь относитъ изданіе его къ 541 г По ходу событій, представленному Кирилломъ скиѳопольскимъ, изданіе его слѣдуетъ отнести или къ концу 542 г., или же—началу 543 года.—Пятнадцать анаѳематствъ, произнесенныхъ мѣстнымъ константинопольскимъ соборомъ противъ ученія Оригена, впослѣдствіи были предложены на разсмотрѣніе II константинопольскаго. V вселенскаго собора и подъ этою формой изданы (Harduin. t. Ш. col. 283—288). — Въ своемъ разсказѣ мы держались порядка и связи событій, какъ они показаны Кирилломъ скиѳопольскимъ. Мы отдаемъ предпочтеніе этому писателю, потому что онъ былъ непосредственнымъ свидѣтелемъ и участникомъ описываемыхъ имъ событій Разсказъ Либерата объ обстоятельствахъ изданія эдикта Юстиніана противъ Оригена и его ученія явно тенденціозенъ и исполненъ невѣрностей redeunte Pelagio Constantinopolim, monachi quidam ab Hierosolymis per quos Pelagius in Gazam transitum habuit, venerunt cum eo ad comitatum, portantes capitula de libris Origenis excerpta, volentes agere apud imperatorem, ut Origenes damnaretur cum illis capitulis. Igitur Pelagius aemulus exsistens Theodoro Caesareae Cappadociae episcopo, volens ei nocere, eo quod esset Origenis defensor, una cum Menna archiepiscopo Constantinopolitano, flagitabat a principe, ut juberet fieri, quod illi monachi supplicabant, ut Origenes damnaretur, ipsaque capitula talia docentia. Annuit imperator facillime, gaudens se de talibus caussis judicium ferre: jubente eo, dictata est in Origenem et illa capitula, anathematis damnatio, quam subscripserunt, una cum Menna archiepiscopo, episcopi apud Constantinopolim reperti. Deinde directa est Vigilio Romano episcopo, Zoilo Alexandrino, Euphraemio Antiocheno et Petro Hierosolymitano, quibus eam accipientibus et subscribentibus, Origenes damnatus est mortuus, qui vivens olim fuerat ante damnatus (c. 23). Въ этомъ разсказѣ, очевидно, невѣрно то, будто велико-лаврскіе

Осужденіе ереси Оригена было весьма непріятно Θеодору Аскидѣ и Домиціану. Втайнѣ они придерживались еще ереси акефаловъ и отвращались халкидонскаго собора, хотя явно и показывали себя горячими его поборниками. Причиною соблазна, какъ замѣчено выше (1), служило оправданіе Θеодорита и Ивы. Монофизиты, какъ и несторіане полагали, что съ оправданіемъ Θеодорита и Ивы на халкидонскомъ соборѣ признаны послѣднимъ православными и из-

---

монахи прибыли въ Константинополь вмѣстѣ съ Пелагіемъ непосредственно послѣ низложенія Павла и, слѣдовательно, эдиктъ изданъ въ томъ же самомъ году непосредственно послѣ низложенія Павла; невѣрно и тенденціозно и то, что Пелагій дѣйствовалъ по одному только чувству сопричастія, напротивъ, сильнѣе должно было въ немъ дѣйствовать отвращеніе къ явно нелѣпому ученію Оригина; невѣрно и тенденціозно также и то, будто Юстиніанъ весьма легко согласился на изданіе эдикта, потому что обрадовался, что онъ произнесетъ судъ о такихъ дѣлахъ: подобную радость можетъ ощущать еще юноша, когда, напр., въ первый разъ будетъ отпечатана первая страница перваго какого нибудь его произведенія: «а, вотъ де и я!.. (или другое что-нибудь подобное, но и то не всегда). Между тѣмъ Юстиніанъ находился вовсе не въ такомъ положеніи а) издавать подобнаго рода эдикты стало правомъ византійскихъ государей; b) Юстиніанъ издалъ такихъ эдиктовъ уже множество; c) нужно же и въ немъ предположить, кромѣ пустаго и нелѣпѣйшаго самолюбія, и чисто религіозныя мотивы — ревность по вѣрѣ и желаніе, согласно принятому обычаю, пресѣчь зло и утвердить истину, d) наконецъ, только сумасшедшій можетъ радоваться возникновенію религіозной распри, потому что по ея поводу получаетъ возможность издать эдиктъ «о такихъ дѣлахъ» Тенденціозны и заключительныя слова damnatus est mortuus. Тенденціозность этихъ словъ лучше всего открывается изъ начальныхъ словъ слѣдующей, 24-ой, главы. Et reserato adhuc adversariis ecclesiae, ut mortuus damnaretur, etc. Вообще, тенденціозенъ и невѣренъ весь ходъ рѣчи, что де осужденіе Оригена вытекло только изъ вражды двухъ соперничествующихъ между собою лицъ. Между тѣмъ западные писатели безусловно вѣрятъ этому разсказу Либерата Баронія и Пагіи считаютъ изданіе этого эдикта случившимся непосредственно послѣ возвращенія Пелагія изъ Газы, что никакъ нельзя согласить съ разсказомъ Кирилла скиѳопольскаго. Изъ показанія Либерата одно только можно принять съ достовѣрностію, что и Мина и Пелагій подали свой голосъ за необходимость изданія эдикта и что подъ нимъ подписались всѣ патріархи.

(1) Стр 601—604

вѣстныя ихъ сочиненія, полныя несторіанскихъ мыслей; такъ какъ письмо Ивы къ Марію Персу похваляетъ и одобряетъ Θеодора мопсуестскаго со всѣми его сочиненіями и осуждаетъ св. Кирилла и ефесскій соборъ, третій вселенскій, то значитъ, заключали они, и халкидонскій соборъ одобрилъ все это. А это означало, что онъ отмѣнилъ ефесскій соборъ, осудилъ память св. Кирилла и узаконилъ несторіанство. Такимъ образомъ являлась двойная игра: и несторіане и евтихіане, ссылаясь на одно и тоже дѣяніе халкидонскаго собора, обращали его. каждая сторона, въ свою пользу, сами соблазнялись и легко соблазняли другихъ малоопытныхъ, и приходили къ отрицанію послѣднихъ вселенскихъ соборовъ. Монофизиты получили по этому поводу даже особое названіе—„соблазняющихся или сомнѣвающихся“ (*οἱ Διακρινόμενοι*) (1). И нельзя не замѣтить, что вопросъ, поставленный такимъ образомъ, является вопросомъ первостепенной важности. Авторитетъ всякаго вселенскаго собо-

---

(1) Leontii Byzantini de Sectis, actio VI —Какое значеніе имѣлъ вопросъ о Θеодорѣ, Θеодоритѣ и Ивѣ въ дѣлѣ евтихіанской пропаганды и борьбы евтихіанъ съ православными, лучше всего можно видѣть изъ слѣд. словъ Евагрія: «Число послѣдователей Евтихія и Діоскора уменьшилось до крайности, и когда оно было готово исчезнуть съ лица земли, такъ чтобы вовсе не существовать,—нѣкто Ксеней, по истинѣ отчужденный отъ Бога (*ὁ τοῦ Θεοῦ ξένος*), не знаю, съ какою цѣлію или по какой враждѣ съ Флавіаномъ,—многіе говорятъ, будто по поводу вѣры,—возмутился противъ него и сталъ поносить его несторіанизмомъ. Когда же Флавіанъ провозгласилъ анаѳему какъ Несторію, такъ и его мудрованію, Ксеней, оставивъ Несторія, сталъ указывать на Діоскора (неправда, слѣдуетъ читать. Діодора тарс. см not. Valesii), Θеодора, Θеодорита, Иву, Кира, Элевеерія, Іоанна и друг, не знаю, гдѣ и откуда собранныхъ, изъ которыхъ одни дѣйствительно оставались вѣрными ученію Несторія, другіе же, одумавшись, предали его анаѳемѣ и умерли въ мирѣ съ церковію. Если ты не предашь, говорилъ Ксеней, анаѳемѣ всѣхъ ихъ, какъ единомышленниковъ Несторія, то ты несторіанинъ, хотя бы тысячу разъ изрекалъ анаѳему Несторію и его мудрованію» и проч. (I Ш. с. 31). О борьбѣ Ксенея съ Флавіаномъ и слѣдствіяхъ его пропаганды смотр. выше, стр. 239—240.

ра покоится на одномъ только опредѣленіи вѣры (1), т. е. на уясненіи и подтвержденіи одной и той же вѣроисповѣдной истины. Однимъ авторитетомъ, безъ изслѣдованія внутренней его подкладки. руководствуются только люди маломыслящіе. Для мыслящихъ лицъ авторитетъ соборовъ сохраняетъ свою силу только до тѣхъ поръ, пока нѣтъ никакого сомнѣнія относительно того, что они опредѣлили одну и туже вѣру, искони хранимую церковію, раскрыли и точно уяснили одну и туже истину; такъ что всѣ соборы могутъ быть разсматриваемы въ этомъ отношеніи какъ только одинъ соборъ. Поэтому, какъ скоро будетъ показано, что одинъ какой либо вселенскій соборъ противорѣчитъ другому, одобряетъ то, что̀ другой осудилъ, или осуждаетъ, что̀ другой одобрилъ; то онъ уничтожаетъ тѣмъ и себя и другіе соборы. Опасность для авторитета халкидонскаго собора и право еретиковъ утверждать относительно его то, что̀ они утверждали, въ высокой степени возрастали еще отъ того, что и сами его ревнители въ преобладающемъ своемъ большинствѣ имѣли точно такой же взглядъ на разсматриваемое его дѣяніе относительно Ѳеодорита и Ивы, какъ и еретики, т. е. что, объявивъ православными Ѳеодорита и Иву, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ православными и указанныя ихъ сочиненія, слѣдовательно—также сочиненія и лице Ѳеодора мопсуестскаго, похвалы которому обильно расточены въ письмѣ Ивы, хотя до возбужденія вопроса все это было пока еще неясно, темно и глухо (2). Противни-

---

(1) Дѣян всел. соб т. IV. стр. 450—451; т. V. стр. 445.—Замѣчательно, что это говорили папы Какъ далеко уклонилась отъ этого мудраго правила современная католическая церковь, которая, наоборотъ, опредѣленіе вѣры хочетъ обосновать на авторитетѣ папъ!

(2) Vict. Tunun an 543, Facund episc Hermin pro defensione trium capitulorum. l I. c. 2. p. 668; l. III. c 6; l. IV. c. 3. ed. Galland, Ferrandi ad. Pelag. et Anat. epist. Bibl. vet. patr. t. XI. p. 361 sq. ed. Galland.

ки пятаго вселенскаго собора утверждаютъ, что возбужденіе вопроса объ осужденіи Ѳеодора мопсуестскаго и его сочиненій, двѣнадцати анаѳематствъ Ѳеодорита противъ св. Кирилла и письма Ивы едесскаго къ Марію Персу, или „трехъ главъ“, какъ это обыкновенно принято называть, злонамѣренно совершено соперникомъ Пелагія и горячимъ защитникомъ оригенизма Ѳеодоромъ Аскидою съ товарищами, въ отмщеніе за осужденіе, будто-бы только по настоянію Пелагія, ученія Оригена и съ цѣлію возмутить церковь, чтобы отвлечь вниманіе императора отъ оригенистскаго движенія и такимъ образомъ дать ему возможность усилиться. Дѣло это представляется въ такомъ видѣ. Вскорѣ послѣ изданія эдикта противъ Оригена, Пелагій удалился изъ Византіи въ Римъ (1). Пользуясь его отсутствіемъ, Ѳеодоръ Аскида съ товарищами и задумали привести свой планъ въ исполненіе. „Когда, говоритъ Либератъ, государь писалъ противъ акефаловъ въ защиту халкидонскаго собора (2), — Ѳеодоръ Каппадокіецъ, подошедши къ нему вмѣстѣ съ своими спутниками, которые подъ каѳолическимъ именемъ благопріятствовали акефаламъ, съ помощію августы Ѳеодоры, внушилъ императору мысль, что ему нѣтъ нужды трудиться надъ составленіемъ книги, когда онъ короче можетъ привести къ свому общенію всѣхъ акефаловъ,—сказалъ: „поелику они оскорбляются въ халкидонскомъ соборѣ тѣмъ, что онъ принялъ похвалы Ѳеодору, епископу мопсуестскому, и судомъ своимъ провозгласилъ православнымъ письмо Ивы, которое вполнѣ (per omnia) несторіанское; то соборъ этотъ будетъ принятъ ими по всему и во всемъ, какъ бы пересмотрѣнный и очищенный, если Ѳеодоръ съ своими изреченіями и этимъ письмомъ будетъ анаѳематствованъ. Когда они, безъ труда вашего благочестія, къ общей ра-

(1) Goth. l. III. c. 16. p. 340.

(2) См. эту его книгу у Миня, t. LXXXVI. col. 1103—1146.

дости всей церкви, присоединятся къ каѳолической церкви,—похвала вашей кротости пребудетъ вѣчною. Императоръ, услышавъ это и никамъ не подозрѣвая коварнаго лукавства, охотно принялъ ихъ внушеніе и торжественно обѣщалъ, что онъ займется этимъ (предметомъ) въ самомъ непродолжительномъ времени". Получивъ такое обѣщаніе и опасаясь, какъ бы императоръ не перемѣнилъ своего мнѣнія, Ѳеодоръ и его спутники попросили его издать эдиктъ относительно этого предмета: этимъ они думали дать прочность задуманному ими дѣлу, такъ какъ государи обыкновенно стыдятся исправлять или перемѣнять свои рѣшенія. Императоръ „восхитился" этимъ планомъ акефаловъ и, съ явнымъ ущербомъ для дѣлъ государства, поспѣшилъ привести его въ исполненіе (1).

---

(1) Liberat brev. c 24 annuit eis princeps, et hoc se laetus implere promisit, et relinquens operis sui studium, etc. Тенденціозность этой главы Либерата просвѣчиваетъ также ярко, какъ и предыдущей, тѣмъ болѣе, что она, по его разсказу, стоитъ въ прямой связи съ предыдущей Логика такая. Пелагій, чтобы сдѣлать непріятное Ѳеодору, склонилъ императора на то-то, а Ѳеодоръ, чтобы отмстить Пелагію, на то-то. Выводъ: illud liquere omnibus credo, per Pelagium diaconum, et Theodorum Caesareae Cappadociae episcopum, hoc scandalum in ecclesiam fuisse ingressum: quod etiam publice ipse Theodorus clamitavit, se et Pelagium vivos incendendos, per quos hoc scandalum introivit in mundum. Мысль, что осужденіе «трехъ главъ» хитростію достигнуто евтихіанами-оригенистами въ отмщеніе за изданіе эдикта противъ Оригена и съ коварною цѣлію уничтоженія авторитета халкидонскаго собора, присуща всѣмъ защитникамъ «трехъ главъ» Такъ Факундъ, епископъ германскій, сказавъ предварительно, что «изобрѣтательный и безстыдный умъ еретиковъ, легкій и быстрый на ниспроверженіе древнихъ постановленій», увидѣвъ, что прямыя его старанія ниспровергнуть халкидонскій соборъ остаются тщетными, «теперь подкрался къ нему съ непрямою и скрытою злобою», въ надеждѣ, «что коварства его дѣйствія не могутъ быть поняты». Invenit autem desideratam occasionem ex furore quorumdam, qui sub nomine christiano latenter in ecclesia gentile Origenis dogma sectantur Et quia per instantiam tuae religionis ejusdem profani dogmatis iterata damnatio est: hinc ejus sectatores exarserunt adversus ecclesiam, quaerentes eam quacumque posset immissione turbare. Et hoc totum publicam notitiam non effugit· praesertim cum et Domitianus Ancyrensis quidem civitatis episcopus provinciae primae Galatiae, qui fuit ipsius Origenianae haeresis mani-

Пусть все происходило такъ; пусть Θеодоръ Аскида и его сотоварищи вели бесѣду съ императоромъ и говорили ему именно то, что̀ влагаютъ въ ихъ уста

---

festus assertor, per libellum quem ad beatissimum papam Vigilium scripsit, Deo extorquente confessus est, quod ejus complices Origeniani, cum viderent non se posse proprium dogma defendere, neque sibi quidquam spei de conflictu restare, ad ultionem eorum quae contra Origenem gesta sunt, haec ecclesiae scandala commoverunt, etc (pro defens. trium caput. l. I. c. 2 p 667 ed. Gall.) Ниже Факундъ приводитъ и самый отрывокъ изъ признанія Домиціана, что вопросъ о «трехъ главахъ» злонамѣренно возбужденъ оригенистами ad abolitionem ut putabant eorum, quae contra Origenem mota constituerant (l. IV. c 4 p. 708). Евагріи, согласно съ защитниками «трехъ главъ», считаетъ возбудителями о нихъ вопроса точно также оригенистовъ; но онъ иначе смотритъ на послѣдствія, происшедшія отъ возбужденія этого вопроса «они (палестинскіе монахи), повѣствуетъ онъ, начали говорить прямо противъ Оригена, Евагрія и Дидима; а Θеодоръ каппадокійскій, желая отвлечь ихъ въ другую сторону, сталъ взводить обвиненія на Θеодора мопсуестскаго, Θеодорита и Иву такъ все благоустроялъ всесвятый Богъ, чтобы нечистое было изглажено и тамъ и здѣсь» (Fragr l. IV c 38). Кириллъ скиѳопольскій не говоритъ, кѣмъ императоръ былъ возбужденъ къ изданію эдикта о «трехъ главахъ», а только вообще весьма сочувственно отзывается объ этомъ актѣ императора и видитъ въ немъ исполненіе пророчества св. Саввы: *οὐ μὴν ἀλλὰ καὶ τὰς Νεστορίου καὶ Ὠριγένους αἱρέσεις, γενναίως διαναστὰς, ἀνέτρεψέ τε καὶ ἀνεθεμάτισε διά τε τῶν ὑπ' αὐτοῦ γενομένων ἐδίκτων* (Vita Sabae, c. 74. Слич. выше, стр. 493) Совершенно тожественный съ Кирилломъ взглядъ на императорскій актъ осужденія «трехъ главъ» высказываетъ и жизнеописатель патріарха Евтихія, пресвитеръ Евстратій (Vita Eutychii, c Ш. § 19) Леонтій Византіецъ говоритъ, что «Юстиніанъ сдѣлалъ это по нѣкоему домостроительству»— *κατ' οἰκονομίαν τινά. Ἐπειδὴ γὰρ ἑώρα τοὺς διακρινομένους διὰ τούτους* (т. е изъ-за Ивы и Θеодорита) *ἀποστρεφομένους τὴν σύνοδον, ἐνόμισεν ὅτι ἐὰν ἀναθεματίσῃ αὐτοὺς, ποιεῖ δεχθῆναι τὴν σύνοδον. Ἠγήσατο οὖν δύο τινὰς ἀναθεματίσαι (εἰ καὶ μὴ ἔδει αὐτοὺς ἀναθεματισθῆναι), ἵνα πάντων ἕνωσιν ποιήσῃ* (De sect. act. VI. n. 6) — Варіаціи въ повѣствованіяхъ и разности воззрѣній всѣхъ приведенныхъ писателей очевидны. Западные писатели, и католическіе и протестантскіе, и между этими послѣдними—въ особенности противники «оцѣпенѣлаго догматизма», примыкаютъ къ воззрѣніямъ—на весь ходъ этихъ событій—защитниковъ «трехъ главъ», негодуя и на возбудителей вопроса о «трехъ главахъ», и на «деспотическое» правительство», и на «лживыхъ и льстивыхъ» грековъ. При этомъ католическіе писатели ставятъ себя въ весьма смѣшное положеніе: пятый вселенскій соборъ они признаютъ, а дѣйствія противни-

Либератъ и другіе защитники „трехъ главъ“; пусть они имѣли намѣреніе уничтожить халкидонскій соборъ чрезъ осужденіе „трехъ главъ“. Но сущность дѣла отъ этого нимало не измѣняется, и мы теперь имѣемъ возможность, изъ сопоставленія доказательствъ и сужденій той и другой стороны, и съ точки зрѣнія, разомъ обнимающей ихъ сомнѣнія, движенія и думы, точнѣе опредѣлить, произвольно ли и случайно было возбужденіе вопроса. Безспорно, что указанное дѣяніе халкидонскаго собора издавна было предметомъ соблазна для однихъ и средствомъ для обмана у другихъ; безспорно, что „три главы“ исполнены несторіанскихъ мыслей и потому достойны осужденія; безспорно и то, что понимаемыя, какъ одобренныя халкидонскимъ соборомъ, „три главы“ даютъ еретикамъ законное право порицать его и отрицать вселенское его значеніе. и, дѣйствительно, рано или поздно должны были подорвать авторитетъ его вселенскости; наконецъ, нельзя оспаривать и того, что было бы крайне несправедливо и безразсудно силою заставлять принимать за безспорно истинное то, что̀ само въ себѣ казалось противорѣчащимъ и заключало дѣйствительные поводы къ сомнѣнію. Θеодоръ Аскида и его товарищи замыслили подорвать авторитетъ халкидонскаго собора: но императоръ, съ быстротою и прозорливостію истинно великаго ума, тотчасъ же сообразилъ, что, судя по уже опредѣлившемуся ходу вопроса о „трехъ главахъ“, осужденіе ихъ необходимо и для устраненія соблазна отъ неопытныхъ, и для

ковъ «трехъ главъ», подготовившихъ и устроившихъ пятый всел. соборъ, порицаютъ, потому что папы, какъ увидимъ, играли здѣсь весьма непривлекательную роль. Отсюда—разные экивоки, обиняки и противорѣчія. Равно и протестантскіе писатели легковѣрны въ этомъ вопросѣ и вовсе не обнаруживаютъ хваленаго своего критическаго отношенія къ источникамъ. Вообще, и тѣ и другіе писатели весьма крѣпко связаны своими ложными религіозными теоріями и никакъ не могутъ выбиться изъ ихъ путъ.

утвержденія авторитета вселенскости халкидонскаго собора въ настоящее время и на всѣ будущія времена: нужно было показать, что халкидонскій соборъ никогда не одобрялъ такъ называемыя три главы; что мнимое одобреніе ихъ навязывается ему еретиками; что, напротивъ, онъ всегда осуждалъ содержащіяся въ нихъ мысли, какъ еретическія и чуждыя истины, и что, поэтому, онъ никакъ не стоитъ въ противорѣчіи съ первыми тремя вселенскими соборами, вполнѣ согласенъ съ ними, одно съ ними и, слѣдовательно, безспорно обладаетъ характеромъ вселенскаго собора. Императоръ обратился за совѣтомъ къ патріарху Минѣ и къ остальнымъ предстоятелямъ великихъ церквей, спрашивая ихъ мнѣнія относительно „трехъ главъ". Отвѣтъ полученъ благопріятный (1). Очень можетъ быть, что, еще не дождавшись отвѣта *всѣхъ*, спрошенныхъ имъ предстоятелей церквей и заручившись отвѣтомъ только патріарха Мины и другихъ, ближайшихъ къ Константинополю, епископовъ, императоръ издалъ свое „Исповѣданіе вѣры", направленное противъ „трехъ главъ", или еретическихъ сочиненій Ѳеодорита, Ивы и Ѳеодора мопсуестскаго вмѣстѣ съ лицемъ послѣдняго, и взволновавшее, по не-

(1) Юстиніанъ въ своей граматѣ къ пятому вселенскому собору говоритъ: Nos igitur sequentes sanctos patres, et volentes rectam fidem sine quadam macula in Dei ecclesiis praedicari, et impiorum conatum resecare; *primum quidem et in vestris vos degentes ecclesiis interrogavimus de praedictis impiis tribus capitulis, et vestram nobis voluntatem manifestam fecistis*· pro qua et comprobavimus vos, quod indubitanter et cum omni alacritate rectam fidem confessi estis et impiam condemnastis (Harduin t. III. col. 56). Очень можетъ быть, что Юстиніанъ не дождался отвѣта всѣхъ, спрошенныхъ имъ, епископовъ и поспѣшилъ издать эдиктъ до полученія ихъ отвѣта (хотя, сознаемся, предположеніе это, въ виду прямыхъ словъ указанной императорской граматы, будетъ и произвольно). Но что эдиктъ о «трехъ главахъ» изданъ съ вѣдѣнія и предварительнаго согласія патріарха Мины, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Сношенія съ Вигиліемъ, по цитируемой граматѣ, представляющей исторію вопроса о «трехъ главахъ» въ самомъ сжатомъ видѣ, должны были произойдти нѣсколько послѣ.

доразумѣнію, всю вселенскую церковь (1). „Зная, возвѣщалъ императоръ, что ничто такъ не угодно чело-

(1) Подлинный текстъ этой граматы, или исповѣданія вѣры Юстиніана, не дошелъ до насъ Та грамата, которая теперь помѣщается въ разныхъ изданіяхъ соборныхъ актовъ и у Миня, представляетъ уже переработку первой граматы Юстиніана о «трехъ главахъ», совершенную никакъ не ранѣе 550 года. Это замѣтилъ кардиналъ Норизій въ своемъ разсужденіи о пятомъ вселенскомъ соборѣ; съ нимъ соглашается и Пагіи. Доказательства слѣдующія. Юстиніанъ въ этой переработанной своей граматѣ употребляетъ такія выраженія: «поэтому и мопсуестская церковь въ полномъ своемъ составѣ, въ которой онъ (Ѳеодоръ), говорятъ, былъ епископомъ, за тѣ богохульства, за которыя онъ святыми отцами былъ причисленъ къ язычникамъ, іудеямъ и самарянамъ, изгладила его имя изъ священныхъ диптиховъ, какъ показываютъ дѣянія, состоявшіяся о немъ въ этомъ городѣ на соборѣ епископовъ той области» (Дѣян. всел. соб. т. V стр. 544, Казань) Но мопсуестскій соборъ, запявшійся изслѣдованіемъ личности Ѳеодора мопсуестскаго, состоялся лишь въ 550 г., по особому распоряженію Юстиніана, какъ это видно изъ дѣяній пятаго вселенскаго собора (Harduin. t III. col 123—138, collat V, Дѣянія всел. соб V. стр. 189—215) Затѣмъ, Факундъ германскій приводитъ въ 4-ой глав IV кн. своего сочиненія pro defens. trium capit. слѣдующія слова: si quis dicit, haec nos ad abolendos aut excludendos sanctos patres, qui in Calchedonensi fuere consilio, dixisse, anathema sit, каковыхъ словъ не находится въ изданномъ эдиктѣ Юстиніана, извѣстномъ подъ именемъ его исповѣданія противъ «трехъ главъ». Вообще изъ тщательнаго анализа разсматриваемаго эдикта и сопоставленія его мыслей и доказательствъ съ историческими явленіями, какъ они показывались во времени, нельзя не замѣтить, что почти вся вторая его половина послѣ анаѳематствъ (стр. 535—552) написана послѣ 550 года, потому что здѣсь опровергаются мнѣнія, выдвинутыя въ защиту «трехъ главъ» уже *послѣ* перваго изданія эдикта, тѣми ихъ поборниками, которые увидѣли въ ихъ осужденіи разрушеніе халкидонскаго собора. (Не составляетъ ли эта вторая половина эдикта замѣну приведеннаго Факундомъ анаѳематствованія? ..). Первая же половина его не должна очень разниться отъ первоначально изданнаго эдикта. Выпущены изъ нея развѣ только нѣкоторыя отдѣльныя фразы, утратившія свой временный характеръ, какъ напр., чтобы патріархи приняли эдиктъ императора, разсмотрѣли его сообща на своихъ мѣстныхъ синодахъ и утвердили его своею подписью, какъ это сказано въ сходномъ съ нимъ (конечно, только по формѣ) эдиктѣ противъ Оригена (стр. 495, по русск пер.), или другое что либо подобное. Поэтому первую половину разсматриваемаго исповѣданія вѣры Юстиніана нужно считать весьма близко подходящею къ первоначальному содержанію одноименнаго съ нимъ эдикта.

вѣколюбцу Богу, какъ то, чтобы всѣ христіане одно и тоже мудрствовали о правой и неповрежденной вѣрѣ, и чтобы не было во святой Божіей церкви раздѣленій, мы сочли необходимымъ, отнявъ всякій поводъ какъ у соблазняемыхъ, такъ и у соблазняющихъ, сдѣлать извѣстнымъ чрезъ настоящій эдиктъ исповѣданіе правой вѣры, проповѣдуемой въ св. Божіей церкви, дабы тѣ, которые исповѣдуютъ правую вѣру, твердо хранили ее, а тѣ, которые любятъ спорить противъ нея, узнавъ истину, постарались соединиться съ святою Божіей церковію". За тѣмъ слѣдуетъ изложеніе самаго исповѣданія вѣры, опроверженіе ересическаго ученія Θеодора мопсуестскаго и осужденіе его самого, равно какъ осужденіе двѣнадцати анаѳематствъ Θеодорита и посланія Ивы. и опроверженіе того мнѣнія, будто это посланіе принято халкидонскимъ соборомъ. Въ заключеніе императоръ изрекъ анаѳему на всякаго, кто будетъ говорить, что настоящій эдиктъ изданъ къ осужденію или отмѣнѣ опредѣленій святыхъ отцевъ, бывшихъ на халкидонскомъ соборѣ (1): оговорка весьма необходимая при настоящихъ обстоятельствахъ, хотя, какъ увидимъ, оказалась и безполезною.

Вліяніе, какое произвелъ этотъ эдиктъ Юстиніана на разныя церкви востока и запада, можно срав-

---

(1) Разсматриваемый эдиктъ Юстиніана въ позднѣйшей его редакціи помѣщается въ тѣхъ же самыхъ изданіяхъ, въ которыхъ и эдиктъ его противъ Оригена, иногда оба—подъ однимъ и тѣмже названіемъ. Кромѣ того онъ помѣщается въ Chronicon Paschi t. I. p. 635—684, у Леунклавія, ч. I. p. 521, и у Ралли и Потли въ числѣ императорскихъ новеллъ, *Συνταγμ.* V. p. 186—218. — Приведенный Факундомъ анаѳематизмъ (см. предыд. прим.) мы считаемъ заключительнымъ въ эдиктѣ Юстиніана.—Бароній относитъ изданіе эдикта къ 546 году (n. XI. sq.). Пагій оспариваетъ мнѣніе Баронія и съ бо́льшею основательностію полагаетъ, что эдиктъ изданъ не позже 544 года (Not Pag ad n. VIII—LVI, an. 546; ad. n LVI—LXI, an 546). Этотъ выводъ Пагія вполнѣ согласуется и съ хронологическими вычисленіями Муральта. Во всякомъ случаѣ онъ ближе стоитъ къ истинѣ, чѣмъ показаніе Баронія.

нить развѣ только съ энотикономъ Зенона. Вопросъ о „трехъ главахъ“ давно волновалъ восточныя провинціи имперіи, потому частно былъ уже рѣшенъ здѣсь между православными и ждалъ опредѣленія его только путемъ законодательнымъ высшею церковною и гражданскою властію (1). Патріархъ Мина изъявилъ согласіе на эдиктъ императора и принялъ его. Точно также приняли его и остальные восточные патріархи: Ефремій антіохійскій, Петръ іерусалимскій и Зоилъ александрійскій. Относительно послѣдняго, впрочемъ, нельзя сказать положительно, что онъ охотно и добровольно согласился принять эдиктъ императора (2). Патріархъ Ефремій вскорѣ послѣ этого пере-

(1) См. выше, стр. 543—547.

(2) Факундъ герміанскій говоритъ, что всѣ восточные патріархи: Мина, Зоилъ, Ефремій и Петръ, приняли эдиктъ императора и подписались подъ нимъ противъ воли, уступая лишь насилію, и во всякомъ случаѣ дѣйствовали двусмысленно и недостойно пастырей, любящихъ истину выше всего: primus confirmator eorum Mennas Constantinopolitanus episcopus, cum adhuc cunctaretur scripto, sicut praeceptum fuerat, eis praebere consensum, contra synodum Calchedonensem fieri protestatus est. Sed et postea quam consensit, a praedicto venerabilis memoriae Stephano ecclesiae Romanae diacono, et aprocrisario conventus, cur priori sententiae suae contrarius, acquievisset his quae ante culpaverat, et de quibus se nihil acturum sine apostolica sede promiserat; sub ea se conditione cessisse, et juratum sibi fuisse respondit, quod chirographum suum reciperet, si haec Romanus episcopus non probaret. In quo satis ostendit, de judicio se potius humano, quam divino esse solicitum. Sed numquid, vel si propriam manum Romano episcopo non probante recipiat, nihilque illi quod metuit de judicio humano contingat, ideo sententiam Dei judicis atque ultoris effugiet?... Zoilus quoque Alexandrinae urbis antistes, cum Romanum episcopum venire cognosceret, obviam illi ad Siciliam misit, conquerens necessitate se ad ipsius decreti affirmationem fuisse compulsum: quod hic ei, postquam venit, idem Romanus episcopus in facie palam, nobis quoque inter alios praesentibus, exprobravit. Nec non et Ephraemius Antiochenus, cum primum ei mandaretur, ut hoc etiam ipse rescribendo firmaret, consentire noluit At postquam ei denunciatum est, quod excludendus esset, nisi faceret, sui potius honoris, quam veritatis, dilector inventus est. Quid etiam Petrus Hierosolymitanus? nonne publica notitia refert, quoniam conveniente ad se multitudine monachorum, juratus pronunciavit, quod si quis eidem decreto novitio consentiret, contra Calchedonense concilium faceret? nec

селился къ праотцамъ (въ концѣ 544, или въ началѣ 545 г.). Когда вѣсть о его смерти достигла Константинополя и „когда многіе, по словамъ жизнеописате-

---

tamen se ab ejus consensione suspendit (Pro defens. trium capit l. IV. c 4. p. 707—708).—Во всей этой рѣчи звучатъ преувеличенія страстно огорченной души, которая, держась какого нибудь мнѣнія, не можетъ допустить, чтобы другіе могли держаться другаго, противоположнаго мнѣнія; чтобы они могли перемѣнять свое мнѣніе по суду своей совѣсти, и чтобы ихъ, совершенно свободное и покоящееся на убѣжденіи, мнѣніе могло согласоваться съ распоряженіями предержащей власти, которая не умѣетъ хладнокровно взвѣшивать доказательства противной стороны, которая, усвоивъ какую нибудь мысль, хотя бы явно ложную, крѣпко держится ея и не хочетъ внимать ничему постороннему. Кромѣ того, что Факундъ держался явно ложнаго мнѣнія, упреки его восточнымъ патріархамъ опровергаются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, напр., патріархъ Мина не устрашился впослѣдствіи отлученія Вигилія, который произнесъ его на Ѳеодора кесарійскаго и Мину за то, что они осудили «три главы» и дѣйствуютъ въ этомъ направленіи, да, въ добавокъ, и самъ произнесъ отлученіе на Вигилія, какъ за то, что онъ несправедливо произнесъ анаѳему на него, Мину, и Ѳеодора кесарійскаго, такъ и за то, что ратуетъ за неправое дѣло (Harduin. t III. col. 8 — 10; Malalas, p. 483; Theoph. Chron. p 349). Этотъ фактъ явно показываетъ сколько то, что Мина дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по внутреннему своему убѣжденію, столько и то, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія быть слѣпымъ орудіемъ «апостольскаго престола». Ничего нѣтъ удивительнаго, что, при первомъ возбужденіи вопроса, онъ обѣщался ничего не предпринимать безъ «апостольскаго престола». Сношенія съ этимъ престоломъ требовались и установившеюся практикой, и правилами церкви—рѣшать вѣроисповѣдные вопросы сообща, всѣми членами церкви Сношенія эти, дѣйствительно, и завязаны были съ «апостольскимъ престоломъ». А что нельзя усматривать въ этомъ обѣщаніи патріарха признанія *примата* «апостольскаго престола», какъ теперь думаютъ католическіе писатели (См. напр. Bagon. an. 546. n. XLVI), это ясно видно изъ дальнѣйшихъ словъ самаго Факунда: «этимъ онъ (Мина) достаточно показалъ, что онъ болѣе дорожитъ судомъ *человѣческимъ*, чѣмъ божественнымъ».— Упрекъ Факунда относительно Петра іерусалимскаго стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ разсказомъ Кирилла скиѳопольскаго, очевидца описываемыхъ имъ событій. Выше (стр. 603) мы замѣтили, что брошюрка (λίβελλον) о неанаѳематствованіи Ѳеодора мопсуестскаго была составлена монахами пустыни, по настоянію патріарха, еще до обнародованія эдикта противъ Оригена, вслѣдствіе какихъ нибудь буйныхъ натисковъ на уступчиваго патріарха со стороны несторіанъ и вопреки мнѣнію и волѣ православныхъ монаховъ. «Однакожъ, пекущійся о своеи церкви Богъ, го-

ля св. Симеона новаго, стали по обычаю домогаться сей (антіохійской) каѳедры, случилось, что пришелъ въ это время, по нѣкоторому дѣлу императрицы, одинъ

ворить игуменъ Геласій къ своей паствѣ въ формѣ прощальнаго завѣта, не предопредѣлилъ, чтобы была принята (эта) грамата, но благоволилъ анаѳематствовать сего Ѳеодора». (Vita Sabae, c 87). Эту рѣчь Геласій сказалъ около 516 года, слѣдовательно, когда эдиктъ противъ «трехъ главъ» былъ уже изданъ и Геласій, очевидно, его имѣлъ въ виду, когда употребилъ выраженіе: «но благоволилъ анаѳематствовать сего Ѳеодора» Спрашивается, гдѣ же здѣсь это «множество пришедшихъ къ Петру монаховъ, которымъ онъ съ клятвою провозгласилъ, что, если кто согласится на это новое опредѣленіе (т. е эдиктъ противъ «трехъ главъ»), тотъ поступитъ противъ халкидонскаго собора»? При томъ же, по какой-то странной насмѣшкѣ судьбы, оригенисты въ Палестинѣ, опираясь на покровительство Ѳеодора Аскиды, особенно усилились послѣ изданія эдикта противъ Оригена, такъ что патріархъ Петръ, по сказанію Кирилла скиѳопольскаго, сдѣлался игрушкою въ ихъ рукахъ и ничего не могъ предпринять противъ ихъ воли (Vita Sabae, c 86—88), а оригенисты, по сознанію самихъ защитниковъ «трехъ главъ», были горячими ихъ противниками и ничего такъ не желали, какъ осужденія Ѳеодора мопсуестскаго, который писалъ и противъ Оригена. Отсюда явно, что упрекъ Факунда противъ Петра не имѣетъ въ основаніи никакихъ фактическихъ данныхъ.—Равно несправедливъ его упрекъ и противъ Ефремія антіохійскаго. Лѣтами засвидѣтельствованная имъ ревность по чистотѣ вѣры, честность и благородство его характера, самый выборъ его въ патріархи не дозволяютъ допустить, чтобы онъ промѣнялъ святость своего убѣжденія на честолюбивое желаніе — обладать патріаршимъ трономъ, если бы только ему была предложена такая альтернатива Нужно имѣть въ виду здѣсь еще и то, что изъ еретиковъ въ Антіохіи преобладали монофизиты, а между православными вопросъ о «трехъ главахъ» былъ уже уясненъ, какъ это можно видѣть изъ исторіи этого вопроса на востокѣ —Справедливымъ можетъ быть названъ его упрекъ лишь противъ Зоила александрійскаго; папа Вигилій въ своей осудительной граматѣ на Ѳеодора Аскиду и патріарха Мину говоритъ: et quasi nihil tibi (Theodoro) esset primae sedis antistitem praesentem et contradicentem contempsisse, pontificem etiam Alexandrinae ecclesiae sacerdotem fratrem nostrum Zoilum, cujus nomen usque ad memoratum diem communicatum vobis fuerat, diptychis eximentes, Apollinarem quemdam perversorem, atque ecclesiae ipsius adulterum vobis sociastis (Migne, patr. curs. compl. t LXIX. ser. Lat. col 61—62; Hard. t. III. col 9). Вполнѣ согласно съ Вигиліемъ говоритъ о низложеніи Зоила и Викторъ туннисскій. Apollinarius Zoilo III memorata capitula damnare nolenti episcopus Alexandrinae ecclesiae subrogatur (Chron. an. 551). Эти свидѣтельства папы Вигилія и Виктора туннисскаго еще могутъ под-

мужъ, по имени Доминъ (*Δομῖνος*, Домнинъ, Домнъ), родомъ изъ Θракіи, начальникъ одного пріюта для бѣдныхъ въ городѣ близъ Лихнида (Ахриды). По праву дружбы онъ сдѣлался близокъ къ нѣкоторымъ придворнымъ, которые представили его къ царю (а царемъ былъ Юстиніанъ). Царь же, мало заботившійся о канонической точности и апостольскихъ постановленіяхъ, по первому взгляду на мужа, избралъ его говоря: „вотъ патріархъ Антіохіи“, и Доминъ тот-

---

тверждать показаніе Факунда: если низложенъ за защиту «трехъ главъ»,— слѣдовательно и въ началѣ *могъ* быть тогоже мнѣнія, отъ котораго отказался, уступая лишь настоянію императора; но, конечно, могло быть и иначе. Евагрій разсказываетъ о низложеніи Зоила, не объявляя причины этого низложенія Онъ просто выражается «когда и онъ (Зоилъ) присоединенъ былъ къ своимъ предшественникамъ, тогда каѳедру сію получилъ Аполлинаріи. *καὶ τοῖς αὐτὸν ἡγησαμένοις προστεθέντος, Ἀπολινάριος τὴν καθέδραν ἐγχειρίζεται* (Evagr. l IV. c. 37. Русскій переводъ здѣсь неправиленъ «когда же и онъ *присталъ* къ сторонѣ своихъ предшественниковъ», и пр., т е страдательную форму переводчикъ принялъ за дѣйствительную и тѣмъ внушаетъ читателю совершенно иную мысль—будто Зоилъ впалъ въ монофизитство, послѣ чего подразумѣвается, что за это онъ былъ и низложенъ, — потому что его предшественники были низложены за монофизитство, — тогда какъ у Евагрія выражается мысль: когда Зоилъ былъ низложенъ, тогда на его мѣсто рукополагается Аполлинарій). Равно и Либератъ говоритъ о низложеніи Зоила, не высказывая причины: quem (Zoilum) postea apud Constantinopolim imperator deposuit, et Apollinarem odrinavit (c. 23) Леонтій Византіецъ даетъ понять, что Зоилъ былъ низложенъ не за евтихіанство, не за отрицаніе халкидонскаго собора: *Καθαιρεθέντος δὲ Παύλου, γίνεται ἀντ' αὐτοῦ Ζώϊλος, ὅστις καὶ αὐτὸς καθῃρέθη, ὡς ἐν τοῖς ἑφεξῆς λέξομεν* (De sectis, act V. n 5) Ниже. въ цитуемой книгѣ, онъ не сказалъ, за что именно низложенъ Зоилъ, но здѣсь же прибавляетъ *Πάντες οὖν οὗτοι ἐπὶ Παύλου συνοδῖται*, т е Зоилъ, какъ и бывшіе послѣ него: Аполлинарій, Іоаннъ и Евлогій, принимали халкидонскій соборъ, были *Συνοδῖται* Итакъ, послѣдніе три писателя: Евагрій, Либератъ и Леонтій Византіецъ, не говоря ни прямо, ни косвенно въ пользу свидѣтельства Факунда герміанскаго относительно Зоила, въ тоже время и не опровергаютъ его — Такимъ образомъ, *можно* признать справедливымъ одно только показаніе Факунда — относительно Зоила; между тѣмъ западнымъ писателямъ нравится безусловно вѣрить всѣмъ его разсмотрѣннымъ показаніямъ.

часъ же возшелъ на этотъ тронъ“ (1). Понятно, что онъ безпрекословно принялъ эдиктъ императора о „трехъ главахъ“. Скоро послѣ того случилась смерть также и іерусалимскаго патріарха, Петра. Подъ конецъ своей жизни онъ вполнѣ подпалъ подъ власть оригенистовъ. Страшась козней Аскиды, который грозилъ ему низложеніемъ, если онъ не удовлетворитъ оригенистовъ, онъ почти вслѣдъ за обнародованіемъ императорскаго эдикта противъ Оригена отмѣнилъ „всякую, неугодную Богу, анаѳему“, разумѣя подъ этимъ анаѳему противъ Оригена. Послѣ этого неолавриты возвратились изъ равнины въ свой монастырь

---

(1) Sancti Symeonis Junioris vita conscripta a Nicephoro, magistro Antiochiae, c. X § 76, Migne, Patrol curs compl t. LXXXVI ser. Gr. col 3037. — Св Симеонъ, по словамъ его жизнеописателя, предрекъ смерть патріарха Ефремія (ibid. § 75). Она случилась или въ концѣ 544, или же въ первой половинѣ 545 года (По хроникѣ Никифора, p. 784, Ефремій патріаршествовалъ 18 лѣтъ. Ѳеофанъ Хронографъ обозначаетъ первый годъ патріаршествованія Домна 6038 отъ міросданія, или 538 отъ Р Хр. по Алекс счисленію, что̀ соотвѣтствуетъ 545 году, p 348. См соображенія Пагія, Notae, ad n. LXVIII, an. 546; Muralt, p. 187. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что большинство изслѣдователей склоняется къ 545 году). — Преемникъ Ефремія, Домнинъ или Домнъ, составлялъ нѣкоторую противоположность ему. Ефремій, въ продолженіи своего 18-лѣтняго патріаршествованія, заявилъ себя любовію къ нищимъ, убогимъ, калекамъ Домнъ при первомъ своемъ появленіи въ Антіохіи обнаружилъ склонность къ барской эстетикѣ. «Проходя предмѣстьями Антіохіи,—говоритъ жизнеописатель св. Симеона новаго,—увидя въ храмѣ праведнаго Іова, что̀ въ предмѣстьѣ города, людей искалеченныхъ и чувствуя къ нимъ крайнее отвращеніе, онъ задумалъ перемѣстить ихъ отсюда, говоря, что не слѣдуетъ быть безобразію предъ красотою города». Калеки, узнавъ объ этомъ рѣшеніи патріарха, отправились, кто какъ могъ, къ св. Симеону съ жалобою на жестокость новаго патріарха въ противоположность добротѣ, любви и попеченію о бѣдныхъ прежняго. Святой сказалъ имъ «успокойтесь, братіе: никто не возможетъ удалить васъ отъ сего мѣста. Посѣщеніе Господне научитъ его быть милостивымъ къ страждущимъ, чтобы онъ опытомъ позналъ, что его намѣреніе было совершенно безполезно». И дѣйствительно, «спустя немного времени послѣ этого предсказанія, епископъ началъ мучиться столь тяжкою болѣзнію въ рукахъ и ногахъ, что ничего не могъ дѣлать, но нужно было носить его, какъ бездушное тѣло». Vita Symeon § 76.

и забрали великую силу. Большая часть епископскихъ каѳедръ и другихъ значительныхъ должностей въ Палестинѣ была занята оригенистами. Въ самую Великую лавру успѣли навязать въ игумены оригениста Георгія, хотя и ненадолго. Наконецъ, когда умеръ патріархъ Петръ (въ концѣ 547, или въ началѣ 548 г.), неолавриты рукоположили на его мѣсто Макарія, считая его приверженцемъ своей ереси. Такимъ образомъ оригенисты, казалось, забрали полную силу. Но отсюда же начинается ихъ и паденіе. Игуменъ великой лавры, Кононъ, принявшій управленіе „стадомъ св. Саввы“ спустя десять мѣсяцевъ по низверженіи оригениста Георгія, отправился съ нѣкоторыми изъ православныхъ монаховъ въ Константинополь искать защиты противъ насилій неолавритовъ у императора. Аскида подвергъ ихъ гоненіямъ. Но они рѣшились побѣдить его настойчивостію и терпѣніемъ. Случилось, что, когда Макарій былъ рукоположенъ на мѣсто Петра, императоръ сильно разгнѣвался на своеволіе Аскиды и его союзниковъ-оригенистовъ. Кононъ и его товарищи воспользовались этою минутой и подали императору прошеніе противъ „нечестія оригенистовъ“. Вслѣдствіе этого они снискали его довѣріе и сдѣлались близкими, совѣтными его людьми. Тогда они предложили на мѣсто Петра одного александрійскаго эконома, Евстохія, пребывавшаго въ то время въ Константинополѣ. Императоръ принялъ ихъ предложеніе и Евстохій сталъ іерусалимскимъ патріархомъ. Онъ явилъ себя сильнымъ противникомъ какъ ереси Оригена, такъ и Ѳеодора мопсуестскаго (1).

---

(1) Vita Sabae, c 86. 87. 88. 89. 90; Evagr. IV. c 37.—Время смерти патріарха Петра опредѣляется различно. Баронiй относитъ время его смерти къ 546 году (Baron an. 546. n. LXVIII). Пагій же отодвигаетъ ее на два года назадъ и полагаетъ, что она случилась въ 544 г. (Notae ad n. LXVIII. an. 546). Основаніе слѣдующее: въ хроникѣ Никифора сказано, что Петръ патріаршествовалъ при Юстиніанѣ 20 лѣтъ (p. 767). Викторъ туннисскій въ своемъ Хрониконѣ подъ 545 годомъ го-

Когда такимъ образомъ всѣ восточные патріархи сами приняли эдиктъ императора противъ трехъ еретическихъ главъ, — они стали послѣ того побуждать

воритъ: «послѣ консульства с. м. Василія въ годъ IV.... первосвященство іерусалимской церкви принимаетъ послѣ Петра Макарій», что, по мнѣнію Пагія, соотвѣтствуетъ 544 году. Въ Хроникѣ Ѳеофана, по боннскому изданію, помѣщается подъ 6038 и 6060 гг. отъ мірозданія, соотвѣтствующими 545 и 567 гг явная несообразность. Ἱεροσολύμων ἐπισκόπου Πέτρου, Ἀντιοχείας ἐπισκόπου Δόμνου ἔτος ά (р 348), Ἱεροσολύμων ἐπισκόπου Εὐστοχίου ἔτος ά (р. 374). Согласно съ Пагіемъ полагаетъ и Муральтъ (р. 186) Но всѣ эти свидѣтельства и основанныя на нихъ мнѣнія едвали должны имѣть рѣшительное значеніе. Никифоръ въ своей хроникѣ говоритъ, что Макарій патріаршествовалъ послѣ Петра два года (р. 767). Между тѣмъ, по свидѣтельству Евагрія и Кирилла скиѳопольскаго, низверженіе его послѣдовало тотчасъ же послѣ его рукоположенія въ патріархи: «Макарій былъ изгнанъ съ своей каѳедры еще *прежде, чѣмъ утвержденъ* былъ царемъ; ибо говорили, что онъ проповѣдовалъ ученіе Оригена» (Evagr. l. IV с. 37. Слич. Vita Sabae, c. 90) Игуменъ Кононъ принялъ управленіе Великой лаврой спустя 16-ть лѣтъ послѣ смерти св Саввы, что соотвѣтствуетъ 547 году. Кончина Петра случилась спустя нѣсколько времени еще послѣ этого (Vita Sabae, c 88. 89). Хронологическія показанія Кирилла скиѳопольскаго вообще точны и нельзя думать, чтобы онъ здѣсь погрѣшилъ, тѣмъ болѣе, что онъ переживалъ это время уже взрослымъ юношею. — Блаженный Іоаннъ Мосхъ разсказываетъ о смерти Петра: одинъ игуменъ Синайской горы, по имени Георгій, «весьма великій мужъ и подвижникъ», воспылалъ въ великую субботу желаніемъ отпраздновать св. воскресенье въ св. Градѣ и пріобщиться здѣсь св тайнъ. Такъ, по желанію старца, и случилось. Патріархъ, пріобщая, замѣтилъ его и пригласилъ чрезъ синкелла зайдти къ себѣ и вкусить пищи. Старецъ отвѣтилъ. «да будетъ воля Божія! Когда же кончилось причащеніе и старецъ поклонился св. храму, то опять оказался въ своей кельѣ». Патріархъ оскорбился ослушаніемъ старца и послалъ къ епископу фаранскому, Фотію, и синайскимъ отцамъ приказъ, чтобы они прислали къ нему авву Георгія. Старецъ чрезъ пословъ отвѣтилъ: «святѣйшій владыка! да не будетъ того, чтобы я сталъ презирать св. вѣстника вашего». И потомъ «да будетъ извѣстно вашему святѣйшеству, что, спустя шесть мѣсяцевъ, мы имѣемъ вмѣстѣ предстать Владыкѣ Христу Богу нашему, и тамъ я поклонюся вамъ». Послы отъ всего синайскаго братства свидѣтельствовали, что «старецъ около 70 лѣтъ не сходилъ съ святой горы Синайской». Патріархъ и сослужившіе съ нимъ епископы и пресвитеры увѣряли, что видѣли его и привѣтствовали св. лобзаніемъ. «По прошествіи шести мѣсяцевъ старецъ и патріархъ преставились». Лугъ Духовн. гл. 125.

къ принятію его и находящихся у нихъ въ вѣдѣніи митрополитовъ и епископовъ. Можно сказать, что развѣ только немногіе изъ восточныхъ епископовъ отказались принять разбираемый императорскій эдиктъ; остальные же всѣ согласились съ нимъ (1).

Совершенно иначе отнеслись къ эдикту о „трехъ главахъ“ на западѣ. Здѣсь въ началѣ едвали кто понялъ, въ чемъ сущность дѣла. Исходя изъ точки зрѣнія, что *все*, что произнесено или прочитано на соборѣ, свято, и всякій актъ, внесенный въ соборныя дѣянія, непремѣнно долженъ заключать чистѣйшую православную истину, западное христіанство усмотрѣло въ разсматриваемомъ эдиктѣ императора посягательство на

---

(1) Facund. Herm pro defens. trium capit. l. IV. c 4. p. 708: Jam vero de aliarum civitatum episcopis quid loquamur, qui et cum scribere compellerentur, palam reclamaverunt contra magnam synodum fieri: et post subscriptionem, memorato Stephano Romano diacono libellos dederunt, sedi apostolicae transmittendos, confitentes in eis quod a Constantinopolitano episcopo coacti subscriberent, qui si a vestra pietate quaerantur, poterunt et apud vos nostris assertionibus attestari, etc Тенденціозность всей этой рѣчи очевидна всѣ де епископы приняли эдиктъ императора, уступая лишь насилію, раболѣпно, по лести. Странно, что патріархъ Мина противъ воли принялъ эдиктъ и притомъ условно, и въ тоже время сталъ принудительнымъ образомъ дѣйствовать на епископовъ—сдѣлать тоже самое, что и онъ самъ совершилъ по принужденію. Очевидно, здѣсь что нибудь не такъ По восточнымъ писателямъ, Θеодоръ мупсуестскій давно считался еретикомъ на востокѣ (Theoph Chron. p. 147 — 148). Папа Пелагій II прямо противополагаетъ грековъ латинянамъ или западу въ этомъ вопросѣ (Дѣян. всел. соб. V. стр. 422). Вигиліи въ своемъ окружномъ посланіи ко вселенской церкви употребляетъ фразу . scandalizati episcopi Latinae linguae (Migne, Patr. curs. compl. t LXIX. ser. Lat col. 54), чѣмъ ясно показываетъ, что соблазнился эдиктомъ Юстиніана главнымъ образомъ западъ. Тоже самое можно видѣть и изъ осудительной его граматы на Θеодора кесарійскаго, хотя она и сходна (по упрекамъ) съ приведеннымъ мѣстомъ Факунда германскаго, и въ этомъ отношеніи имѣетъ не больше значенія, какъ и это послѣднее (Hard. III. p. 8—10; Migne, patr. c. compl. t LXIX. ser. Lat. col. 61). Такимъ образомъ положительныи результатъ изъ всѣхъ приведенныхъ показаній слѣдуетъ вывести тотъ, что преобладающее число грековъ приняло эдиктъ императора, и нѣтъ основанія думать, что изъ раболѣпства или по принужденію, а не по убѣжденію.

авторитетъ халкидонскаго собора: Θеодоритъ и Ива объявлены православными на соборѣ; слѣдовательно, заключали отсюда, объявлены православными и всѣ ихъ сочиненія (?). Далѣе, письмо Ивы къ Марію Персу прочитано на халкидонскомъ соборѣ; слѣдовательно, оно утверждено (?) имъ, признано православнымъ (?). И наконецъ, въ одобренномъ соборомъ письмѣ Ивы похваленъ Θеодоръ мопсуестскій, умеръ въ мирѣ съ церковію (?); стало быть память его неприкосновенна. Словомъ, западъ совершенно былъ не знакомъ съ ходомъ вопроса о „трехъ главахъ“ на востокѣ; явился въ данномъ случаѣ, по нынѣшней терминологіи, ультраправославнымъ, или раскольническимъ; послѣдовалъ чисто внѣшней, раскольнической логикѣ, и, подъ непритворною маскою ревности о сохраненіи авторитета халкидонскаго собора, сталъ навязывать ему рѣшенія, которыхъ никогда онъ не произносилъ; которыя, если бы были утверждены за нимъ, какъ несомнѣнно ему принадлежащія, необходимо повели бы къ разрушенію не только его авторитета, но и остальныхъ вселенскихъ соборовъ. Вся Африка, Италія, Сардинія, Эллада и Иллирикъ объявили себя противъ императорскаго эдикта о „трехъ главахъ“. Принявшій, послѣ отъѣзда въ Римъ Пелагія, должность апокрисіарія римскаго папы, діаконъ Стефанъ, строго возсталъ противъ эдикта, сдѣлалъ по этому поводу нѣсколько жесткихъ упрековъ патріарху Минѣ и даже отдѣлился отъ его общенія. Возсталъ противъ этого эдикта и діаконъ Пелагій, когда узналъ объ его изданіи, и сталъ дѣйствовать вопреки его опредѣленіямъ, къ его отмѣнѣ. Вмѣстѣ съ другимъ римскимъ діакономъ, Анатоліемъ, онъ отнесся письмомъ къ знаменитому карѳагенскому діакону Ферранду, спрашивая у него совѣта, какъ слѣдуетъ поступать въ настоящемъ случаѣ (1). Феррандъ отвѣтилъ имъ

(1) Facund. Hermian. pro defens. trium capit. l. IV. c. 3. 4. p. 707 sqq; Lib. contra Mocian. p 814, col. 2. ed. Galland.

письмомъ, въ которомъ совершенно осуждалъ эдиктъ императора о „трехъ главахъ“. Онъ доказывалъ главнымъ образомъ три мысли: а) не слѣдуетъ допускать никакого пересматриванія халкидонскаго или другаго какого нибудь вселенскаго собора; b) не слѣдуетъ осуждать мертвыхъ братьевъ, чтобы изъ-за нихъ не происходило никакихъ соблазновъ между живыми, и с) никто не долженъ домогаться того, чтобы, посредствомъ подписей очень многихъ лицъ, дать своей книгѣ авторитетъ, усвояемый каѳолическою церковію однимъ каноническимъ книгамъ. Феррандъ полагалъ, что письмо Ивы къ Марію Персу, одобрено халкидонскимъ соборомъ; слѣдовательно, съ его осужденіемъ авторитетъ отцевъ халкидонскаго собора будетъ подорванъ, какъ вольныхъ или невольныхъ обманщиковъ, и „всякій, сопротивляющійся ихъ догматамъ, гораздо свободнѣе будетъ выражать свои порицанія: „вотъ, созванный въ Халкидонѣ соборъ, коему вы нимало не сомнѣваетесь дать великій вѣсъ авторитета, въ одно и тоже время и осудилъ Несторія и возобновилъ его ошибку, принявъ посланіе совершенно противное каѳолической вѣрѣ, какъ это вы теперь и начали чувствовать, постигая (хотя и поздно), какую истину не хотѣли уразумѣть всѣ эти епископы“. Странно, что такъ близко подходя къ пониманію сущности вопроса, Феррандъ все-таки не постигаетъ всей глубины его: развѣ отъ того, что если бы стали утверждать, что посланіе Ивы православно, въ дѣйствительности оно сдѣлалось бы православнымъ? Напротивъ, не здѣсь то ли, не въ навязываніи ли вселенскому собору явно еретическаго посланія (котораго въ дѣйствительности онъ не одобрялъ) заключается настоящій подрывъ его авторитета? Вышеизложенная исторія вопроса показываетъ, что еретики именно этою-то мыслію ловко и пользовались къ подрыву авторитета халкидонскаго собора и къ утвержденію своихъ мнѣній. Но Феррандъ старается отстранить опасность съ этой стороны слѣдующимъ, не выдержи-

вающимъ критики, разсужденіемъ, которое, при томъ, принимаетъ еще особый смыслъ. какъ направленное къ вліятельнымъ діаконамъ *римской* церкви (отъ васъ де будетъ зависѣть рѣшеніе возбужденнаго вопроса въ положительную или отрицательную сторону): „вселенскіе соборы, особенно тѣ, на которые дала согласіе римская церковь, занимаютъ мѣсто втораго авторитета послѣ каноническихъ книгъ. Какъ читающимъ внушенное (inspiratam) Божествомъ писаніе не позволяется что-либо порицать, хотя бы никакъ не могли постигнуть высоту небеснаго вѣщанія; но благочестивый читатель вѣруетъ и тому, чего не понимаетъ, чтобы заслужить пониманіе того, во что̀ вѣруетъ: совершенно такимъ же образомъ,—и не иначе,—отбрасывая (relinquentes) всякую необходимость въ сомнѣніи, требуютъ отъ насъ повиновенія и соборы, утвержденные древностію и хранимые благоговѣйнымъ потомствомъ". „Въ разслѣдованіи (discussionis) нуждается лишь только то, что̀ произошло очень недавно, чтобы или одобренное могло быть принято, или осужденное—отвергнуто. Но если кто-либо учинитъ, чтобы пересмотру было подвергнуто и то, о чемъ уже прежде было произнесено сужденіе, то этимъ онъ покажетъ не иное, какъ что онъ самъ сомнѣвается въ вѣрѣ, которую доселѣ держалъ". Далѣе, собственно относительно обязательности императорскаго эдикта Феррандъ пишетъ: „апостолъ воспрещаетъ намъ мудрствовать болѣе, чѣмъ слѣдуетъ мудрствовать (Римл. XII, 3): итакъ, всякій мыслитъ особымъ образомъ и полагаетъ, что онъ правъ въ томъ, что̀ онъ мыслитъ; подъ симъ обѣтомъ благочестія пусть каждый говоритъ, пишетъ, разсуждаетъ, особенно въ дѣлѣ вѣры, чтобы никого насильственно не побуждать повиноваться своимъ реченіямъ и чтобы, ко вреду (praejudicium) иначе мыслящихъ, не придти къ убѣжденію, что только мнѣніе одного человѣка имѣетъ силу. Всякій, проповѣдующій правую вѣру, можетъ писать, что̀ думаетъ, однакожъ не (долженъ) побуждать другихъ

къ подписи того, что̀ самъ написалъ.... Пусть будетъ предоставлено свободѣ каждаго, послѣ прочтенія изреченія какого бы то ни было человѣка, не принимать ихъ такъ, какъ бы они были каноническія писанія, но размышлять, что̀ бы выбрать, что̀ отвергнуть, чему слѣдовать тотчасъ, что̀ должно быть отложено до совѣщанія съ болѣе разумными братьями, чтобы не настало необходимости причинить себѣ вредъ подписью, чтобы не мыслить послѣ иначе, если бы открытая послѣ истина показала, что должно мыслить иначе; но пусть благочестивый писатель терпѣливо переноситъ благочестивую заботу ищущихъ истину и пусть не спѣшитъ вербовать подпись (tenere manum) слушателей, но. настроенный кроткимъ образомъ, (пусть спѣшитъ) соглашаться съ лучше мыслящими" (1). Все это прекрасно; но, спрашивается, въ какомъ отношеніи эта свобода мнѣній должна находиться къ авторитету вселенскихъ соборовъ, предъ которымъ, по сознанію Ферранда, должно меркнуть даже человѣческое разумѣніе? Гдѣ эта раздѣлительная черта, за которою мысль человѣческая не должна выходить изъ границъ постановленнаго соборомъ опредѣленія? Развѣ всякое соборное рѣшеніе, прежде чѣмъ оно сдѣлалось соборнымъ рѣшеніемъ, не было въ свою очередь спорнымъ вопросомъ, волнующимъ все общество?—частнымъ мнѣніемъ, не утвержденнымъ санкціею всѣхъ? Но въ такомъ случаѣ, гдѣ кончается частная, такъ сказать, индивидуальная его особность, его бытіе, насколько оно есть плодъ мысли только лица? и гдѣ начинается его авторитетная обязательность, его бытіе, какъ общей, объективной идеи, долженствующей проникать и настроять духовное существо человѣка? А это далѣе ведетъ къ вопросу, всякая ли мысль способна стать предметомъ вселенско-соборна-

(1) Epist. Ferrandi ad Pelag et Anatol Biblioth. vet. patr. t. XI. p 361—364. ed. Galland.

го обсужденія и рѣшенія? И наконецъ, если соборныя рѣшенія, безспорно, должны имѣть обязательную силу, какъ священное писаніе, и если право охранять ихъ авторитетъ въ государствѣ признано за государственною властію; то какое значеніе должны имѣть частныя опредѣленія этой послѣдней, направленныя къ осужденію мнѣній, *явно* противорѣчащихъ соборнымъ опредѣленіямъ, и изданныя по согласію съ мѣстной церковной властію? На всѣ эти вопросы у Ферранда нѣтъ точнаго отвѣта. Тѣмъ не менѣе разбираемое посланіе его произвело весьма сильное впечатлѣніе на его читателей, особенно въ Африкѣ (1). Сторону защитниковъ „трехъ главъ“ принялъ также и Даній (Dacius), епископъ медіоланскій, стяжавшій себѣ громкую извѣстность въ средѣ современниковъ святостію своей жизни (2). Когда, такимъ образомъ, весь западъ высказался противъ императорскаго эдикта и въ защиту осуждаемыхъ имъ „трехъ главъ“,— естественно, на туже самую сторону склонился и папа Вигилій, и онъ отвергъ императорскій эдиктъ (3). Церковь распалась на двѣ части и снова наступили чрезвычайно сильныя волненія.

Чтобы предупредить расколъ, утишить волненія и все привести къ желаемому концу, императоръ возможно почтительно пригласилъ папу Вигилія прибыть въ Константинополь для личныхъ совѣщаній. Почтительное приглашеніе при настоящихъ обстоятель-

---

(1) Facund. Herm. pro defens. trium capit. l. IV. c. 3. Здѣсь Факундъ говоритъ, что Пелагій и Стефанъ просили Ферранда отвѣтить имъ по совѣщаніи съ епископомъ карѳагенскимъ и другими, которые ревнуютъ по вѣрѣ, и что Феррандъ такъ именно и поступилъ (In ipsa vero consultationis epistola non tacetur etc.). Викторъ тунисскій въ своемъ Chronicon'ѣ подъ годомъ 547 замѣчаетъ, что въ это время сдѣлался знаменитымъ Феррандъ, діаконъ карѳагенской церкви.

(2) Fac. Herm pro defens. l. IV. c. 3. p. 707; Contra Mocian. p. 814.

(3) Pro defens l. IV. c. 3. 4; Contra Mocian. p. 814. ed. Galland.

ствахъ равносильно было приказу: Римъ находился въ рукахъ византійцевъ и сильно тѣснимъ былъ готѳами (1). Вигилій отправился изъ Рима въ концѣ 544, или въ началѣ 545 года, но въ Константинополь прибылъ лишь 25 января 547 года (2). Все это время

(1) Vict. Tununens an 545· Post consulatum Basilii v c. anno IV. Justinianus imperator . Vigilium Romanum episcopum *subtiliter* compellit. ut ad urbem regiam properaret. Продолжатель Марцеллина (Marcell. chron an. 546, Migne, patr t. LI col 945) и Прокопій кесарійскій (Gotth. l. III c. 16. p 340) говорятъ о вызовѣ Вигилія Юстиніаномъ, не упоминая ни объ особыхъ ласкательствахъ, ни о какихъ либо насиліяхъ, употребленныхъ при этомъ Но Анастасій библіотекарь утверждаетъ, что Вигилій насильственно привезенъ былъ въ Константинополь, по приказанію августы Ѳеодоры, которая вознегодовала на него за то, что онъ отказался исполнить свое обѣщаніе, вызвать низложеннаго патріарха Анѳима: Augusta misit Anthemium scribonem cum jussionibus suis, et cum virtute majore Romam dicens Excepto in basilica sancti Petri parce Nam si in Lateranis, atque in palatio aut in qualibet ecclesia inveneris Vigilium, mox imposito in navi perduc eum usque ad nos. Nam si non feceris, per viventem in saecula excoriari te faciam. Qui Anthemius scribo veniens Romam, invenit eum in ecclesia sanctae Ceciliae v Kalendas Decembris. Et rogante populo tentus est (de vit Rom pont. Vigilius). Несообразность и баснословность этого показанія Анастасія библіотекаря сознается самими, наиболѣе безпристрастными, латинскими писателями (Not. Pag ad n LVI—LXI. an. 546, not. 7). Италіянскіе клирики въ посланіи къ франкскимъ легатамъ, отправлявшимся въ Константинополь, говорятъ veniens enim ibi ante sex annos istos (посланіе писано въ 552 г.) beatissimus papa Vigilius; magis autem, ut quod verius est dicatur, prope violenter deductus (Harduin III. col. 47). Очевидно, и это сообщеніе италіянскихъ клириковъ, не смотря на всю его враждебность къ дѣйствіямъ императора, гласитъ не совсѣмъ въ пользу показанія Анастасія. При возникшихъ церковныхъ смутахъ императоръ долженъ былъ употреблять возможную мягкость по отношенію къ Вигилію Если же здѣсь и можетъ быть рѣчь о какомъ либо насиліи, то единственно только о такомъ *императоръ* убѣдительно просилъ *поддинаго*, слѣдовательно, *нужно* повиноваться, хотя бы и *не* хотѣлось.

(2) Theoph. Chron. p. 349; Cedrenus, 1. p. 658; Notae Pag. ad n. LVI– LXI. an. 546, ad n XXVI sqq an. 547, not. 4; Hergenröther, 1. p. 166. По показаніямъ продолжателя Марцеллина (Chron. an. 547) и Малалы (p 483), Вигилій прибылъ въ Константинополь въ первыхъ числахъ февраля (8—10). Не вдаваясь самостоятельно въ изслѣдованіе этого неважнаго вопроса, мы сочли за лучшее слѣдовать изысканіямъ Нагія, которыя вообще отличаются великою тщательностію.

онъ пробылъ большею частію въ Сициліи, останавливался на нѣкоторое время въ Иллиріи, а также и въ Элладѣ. Вездѣ, гдѣ онъ ни останавливался, являлись къ нему многочисленныя депутаціи епископовъ и клириковъ съ просьбою ни подъ какимъ видомъ не соглашаться на принятіе императорскаго эдикта, якобы направленнаго къ отверженію халкидонскаго собора; александрійскій патріархъ Зоилъ отправилъ къ нему на встрѣчу въ Сицилію депутацію съ жалобою, что онъ, Зоилъ, принялъ эдиктъ императора, уступая лишь необходимости, за что Вигилій, по прибытіи въ Константинополь, и укорилъ его. Равнымъ образомъ и другіе епископы, не имѣвшіе возможности самимъ видѣться съ папою, послали къ нему письма съ выраженіемъ той же самой просьбы—отвергнуть эдиктъ императора. Подъ вліяніемъ этихъ односторонніхъ побужденій и сообщеній, въ особенности же со словъ уважаемаго Дація медіоланскаго, онъ съ дороги еще написалъ къ патріарху Минѣ укорительное письмо, въ которомъ назвалъ его главною виною возникшаго соблазна въ церкви. Въ Константинополь онъ явился съ сознаніемъ своей силы и важности своей миссіи (1). Императоръ, чтобы лучше привлечь его на свою сторону, встрѣтилъ его съ величайшею почестію (2): если вѣрить Анастасію библіотекарю, онъ и папа при встрѣчѣ обнялись между собою и начали плакать, а народъ сталъ пѣть: Ecce advenit dominator Dominus etc. и такимъ образомъ пѣлъ, пока не достигли церкви свят. Софіи (3). Послѣ этого приступили къ переговорамъ. Императоръ и патріархъ Мина старались наияснѣйшимъ образомъ представить ему, что „три

(1) Fac. Herm. pro defens. l. IV c. 3. 4. p. 707 — 708. Здѣсь Факундъ увѣряетъ, что онъ самъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Вигилій дѣлалъ выговоръ Зоилу въ присутствіи цѣлаго собранія епископовъ и клириковъ Contra Mocianum. p. 814—815.

(2) Theoph. Chron. p 349.

(3) De vitis Rom. pontif. Vigilius. § 105.

главы" чужды правой вѣры и отнюдь не приняты халкидонскимъ соборомъ (1). Но папа на первый разъ остался глухъ къ этимъ разъясненіямъ. Помня, что весь западъ высказался противъ „трехъ главъ" и возгордившись блестящимъ пріемомъ, какой оказанъ ему императоромъ (2), онъ подумалъ, что все дѣло зависитъ отъ него, и отлучилъ патріарха Мину отъ своего общенія. Патріархъ въ возмездіе самъ вычеркнулъ его имя изъ диптиховъ и, такимъ образомъ, вмѣсто единенія церквей наступило полное раздѣленіе. Это крайне раздражило императора и онъ началъ сторожить папу, какъ плѣнника (3). Взаимное

(1) Императоръ въ своей граматѣ о изглажденіи имени Вигилія изъ диптиховъ къ патріарху Евтихію, остальнымъ тремъ патріархамъ и инымъ епископамъ V всел собора говоритъ: quando religiosissimus papa antiquioris Romae ad istam magnam civitatem pervenit, omnia ista manifestata sunt, т. е что «три главы» чужды правой вѣры (Harduin. III col. 187. Notae Pag. ad. n XXVI sqq. an 547, not. 7). Этой граматы нѣтъ въ Лаббеевомъ изданіи соборовъ, нѣтъ поэтому ея и въ русскомъ изданіи дѣяній всел. соборовъ.

(2) Theoph. Chron p 349 *τοσοῦτον τιμηθεὶς ὑπὸ τοῦ βασιλέως, ὡς ἐπαρθέντα ἀκοινωνησίαν τεσσάρων μηνῶν δοῦναι Μηνᾷ τῷ Κωνσταντινουπόλεως ἐπισκόπῳ εἰς ἐπιτίμιον.*

(3) Theoph. Chron. p. 349—350. Слич. Facund. pro defens. l. IV. c. 3; contra Mocian p. 814 col. 2.—Θеофанъ несправедливо говоритъ, что Вигилій, страшась насилій императора, прибѣгъ къ жертвеннику св. мученика Сергія, что̀ въ монастырѣ Ормизды. Это, по письмамъ самого Вигилія (Hard. III. col 3, Migne, patr. t. LXIX. ser. Lat col 54) и италіянскихъ клириковъ (Hard. III. col. 49), случилось гораздо позднѣе. Но безспорно, что и въ настоящій разъ папа былъ подвергнутъ стѣсненіямъ за свой слишкомъ поспѣшный и несправедливый поступокъ. Италіянскіе клирики въ указанномъ письмѣ своемъ къ франкскимъ легатамъ говорятъ: coeperunt ibi ipsum (Vigilium) exspectare, ut damnationem aliquorum capitulorum faceret per quam sancta synodus Chalcedonensis, quae fidem catholicam, insistente tunc beatissimo papa Leone, contra diversas haereses vindicavit, modis omnibus solveretur. Sed cum papa Vigilius in hac parte non vellet adhibere consensum, jam tunc talis violentia facta est, ut publice in conventu clamarit: «Contestor quia etsi me captivum tenetis, beatum Petrum apostolum captivum facere non potestis (Hard. III col. 47) Изъ этихъ словъ можно сдѣлать одно только заключеніе, что папа подвергнутъ былъ стѣсненіямъ какъ плѣнникъ. Анастасій же библіотекарь басно-

разъобщеніе двухъ предстоятелей первыхъ міра церквей: римской и константинопольской, продолжалось четыре мѣсяца. Дальнѣйшему примиренію и единенію церквей помогла Ѳеодора: она убѣдила Вигилія снова принять въ свое общеніе патріарха Мину. Разумѣется, параллельно съ этимъ убѣжденіемъ шло также безпрерывное разъясненіе всевозможными образами и того, что „три главы“ совершенно чужды православной вѣры; что осужденіе ихъ отнюдь не подрываетъ авторитета халкидонскаго собора, и что, напротивъ, оно даже необходимо для укрѣпленія его авторитета. Папа началъ понимать, что дѣйствительно „три главы“ исполнены еретическихъ мыслей и что греки правы, настаивая на ихъ осужденіи. 29 іюня 547 года онъ снова вступилъ въ общеніе съ патріархомъ Миною и обѣщалъ осудить нечестивыя „три главы“ согласно съ императорскимъ эдиктомъ. Послѣ этого, ко-

---

словитъ, что Вигилій, по своемъ прибытіи въ Константинополь, вступилъ въ преніе съ Юстиніаномъ и Ѳеодорою изъ-за Аноима, котораго онъ якобы обѣщался возстановить въ достоинствѣ патріарха (см. выше, стр. 580—581); что во время этого пренія онъ обозвалъ Юстиніана Діоклитіаномъ, а Ѳеодору Элевеерій, что одинъ изъ предстоящихъ далъ ему за это пощечину, что папа убѣжалъ послѣ того въ церковь св. Евоиміи (въ Халкидонѣ) и здѣсь ухватился за жертвенникъ; что онъ насильно оторванъ отъ жертвенника, извлеченъ изъ храма и, по приказанію Ѳеодоры, влачимъ былъ за веревку, накинутую на шею, по всему городу до вечера (De vitis Rom. pontif. Vigilius). Ложь всего этого разсказа, при его сравненіи съ другими источниками, такъ очевидна, что не заслуживаетъ ни малѣйшаго опроверженія — Нигдѣ не говорится, что бы, вмѣстѣ съ Миною, Вигилій подвергъ отлученію и Ѳеодору. Между тѣмъ латинскіе писатели усиленно доказываютъ, что, а) подвергнувъ отлученію патріарха Мину, Вигилій отлучилъ и всѣхъ акефаловъ, и что, b) отлучивъ акефаловъ, онъ тѣмъ самымъ отлучилъ и царицу Ѳеодору, которая, по ихъ мнѣнію, безспорно принадлежала къ сектѣ акефаловъ. Слѣдовательно, заключаютъ они, показаніе Григорія Двоеслова объ отлученіи Ѳеодоры Вигиліемъ справедливо (см. выше, стр. 457. Not. Pag. ad n. I—XXVI, an 547, not. 3, Hergenrother, 1. p. 167). Только ультрамонтане могутъ дѣлать такіе выводы. Замѣчательно, что ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился сказать, что отлученіе Вигилія несправедливо и по этому самому ничтожно.

нечно, и патріархъ Мина внесъ имя Вигилія въ священные диптихи. Переговоры объ осужденіи „трехъ главъ“ продолжались; Вигилій болѣе и болѣе убѣждался въ законности требованія грековъ, неоднократно выражалъ согласіе, устно и письменно, императору и его супругѣ Θеодорѣ, наединѣ и при многочисленномъ собраніи епископовъ и свѣтскихъ чиновъ, послѣдовать примѣру восточныхъ своихъ братьевъ, осудить „три главы“, и увѣрялъ, что онъ намѣренъ твердо оставаться на этомъ своемъ рѣшеніи (1). Въ

---

(1) Theoph. Chron p. 350· παρακληθεὶς **Βιγίλιος** ὑπὸ **Θεοδώρας** τῆς αὐγούστης, ἐδέξατο **Μηνᾶν**. Facund Herm contra Mocian. p. 813. col 2: sed quoniam occulta ejus (т Вигилія) ante judicium (т. е. собора 70 еписк) pollicitatio tenebatur, in qua se sponondit eadem capitula damnaturum, ut se quasi per ignorantiam posset abluere, probationem quam offerebam, quamque ipse instanter exigere debuit, me facere non permisit. Самъ Юстиніанъ, въ указанной граматѣ своей къ Евтихію, остальнымъ тремъ патріархамъ и инымъ епископамъ, повѣствуетъ объ этомъ такимъ образомъ: Quando religios. papa antiquioris Romae ad istam magnam civitatem pervenit, omnia ista manifestata sunt. Et cum haec examinasset, et condemnavit, et satisfactionem in scriptis exposuit tam nobis, quam piae recordationis tunc conjugi nostrae. Nec enim patiebamur, nec ab eo, nec ab alio quocumque, inviolatam communionem suscipere, qui non istam impietatem condemnat. Sed et sacramenta terribilia in scriptis juravit, ut in eadem permaneret voluntate, in condemnatione et anathemate praedictorum trium capitulorum, et nullo modo vel tempore conaretur aliquid ad refutationem condemnationis praedictorum impiorum Trium Capitulorum. Quod autem sine scriptis saepius condemnavit impia Tria Capitula coram glorisissimis judicibus et gloriosissimis episcopis, et plures ex vobis, qui convenistis cognoscunt; et haec agens permansit septem annos (Harduin. t III. col. 187. Not Pag. ad n XXVI sqq an. 547, not. 7). Въ парижскомъ манускриптѣ седмаго дѣянія V всел собора сказано: Propter hoc igitur necessarium esse putavit, priusquam finis perfectus a vobis Tribus Capitulis imponeretur, chartas quasdam vestro sancto manifestare concilio, quas ab initio scribens ad vos destinare promisit, et eas prae manibus habemus: quarum una quidem ad piissimum imperatorem manu Vigilii religiosissimi scripta est, alia vero ad piae recordationis Theodoram dominam nostram facta, alterius quidem scripta manu, subscripta autem ab eodem religiosissimo viro (ibid. col 173—174). Ниже Гардуинъ, съ того же самаго манускрипта, приводитъ и самыя эти письма (col. 175—176). Онѣ, очевидно, написаны или предъ примиреніемъ съ Миною, или непосредственно

началѣ 548 года онъ составилъ соборъ изъ находящихся въ Константинополѣ западныхъ епископовъ. Акты этого собора не дошли до насъ и краткія извѣстія о немъ даетъ лишь Факундъ герміанскій, который на немъ присутствовалъ. Соборъ состоялъ изъ 70-ти епископовъ и имѣлъ три засѣданія. Не всѣ епископы пришли къ единогласному рѣшенію (1). Тѣмъ не менѣе Вигилій, „для подавленія соблазна“, какъ говоритъ онъ самъ, и изъ снисхожденія къ слабости нѣкоторыхъ смущающихся, издалъ послѣ этого, 11 апр. въ день великой субботы 548 г., свое „осужденіе“ (Judicatum) „трехъ главъ“, отправленное къ патріарху Минѣ и, согласно съ императорскимъ эдиктомъ, подвергающее анаѳемѣ Ѳеодора мопсуестскаго съ его сочиненіями, безбожное посланіе Ивы къ Марію Персу и 12-ть анаѳематствъ Ѳеодорита противъ двѣнадцати главъ св. Кирилла, съ выразительнымъ, впрочемъ, добавленіемъ, — какъ и въ эдиктѣ императора, — что онъ всецѣло признаетъ авторитетъ какъ вообще четырехъ вселенскихъ соборовъ, такъ и въ особенности—собора халкидонскаго (2). Какъ только получено было это формальное согласіе папы, императоръ поспѣшилъ разослать по всѣмъ церквамъ, находящимся въ предѣлахъ его имперіи, новые эдикты съ настоя-

---

послѣ него. (Дѣян. всел. соб. т. V. стр. 33 327—328). Впрочемъ, относительно этихъ писемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ томъ видѣ, какъ онѣ приведены Гардуиномъ, онѣ, очевидно, подвергались еретической поддѣлкѣ, какъ таковыя были разсматриваемы VI вселенскимъ соборомъ и, по точномъ разслѣдованіи, отвергнуты имъ (См. дѣян. 3 и 14. Слич. выше, стр. 581—582).

(1) Facund. Herm. contra Mocian. p. 813—814. ed. Galland.

(2) Epist. Vigilii ad Rust. et Sebast Hard. III. col. 177. 47. Migne, patr. t LXIX ser. Lat col. 44; Дѣян. всел. соб. т. V. стр. 332; Baron. an 547 n XL; Not. Pag. ad n XXVI sqq. an 547, not 9. 10; Hergenroth. 1 p. 167—168; Fragm damn. Theod. (Hard. III. col. 8; Migne, LXIX. col 60) primum quidem in eo, quod pro scandalo refrenando condescendentes quorumdam animis, quos aliqua dispensatione credidimus temperandos.

тельнѣйшимъ требованіемъ — осудить вышесказанныя „три главы“, осужденныя теперь всѣми предстоятелями великихъ церквей (1). Чтобы впредь никто не могъ отговариваться ихъ незнаніемъ, онъ повелѣлъ епископамъ и клирикамъ всѣхъ провинцій вывѣсить ихъ въ церквахъ для публичнаго прочтенія народомъ (2). Патріархъ Мина, самъ ли добровольно, или, что̀ вѣроятнѣе, по настоянію императора, передвинулъ имя Вигилія, въ благодарность за обнаруженное имъ содѣйствіе водворенію церковнаго мира, на первое мѣсто въ священныхъ диптихахъ константинопольской церкви, а свое собственное имя низвелъ на второе мѣсто (3). Очевидно было, что съ формальной стороны императоръ считалъ вопросъ рѣшеннымъ и сталъ теперь заботиться только о томъ, какъ привести въ дѣйствіе рѣшеніе патріарховъ. Но здѣсь то и встрѣтились непреодолимыя препятствія, которыя доселѣшнее рѣшеніе вопроса обращали въ ничто.

На западѣ Judicatum Вигилія повсюду былъ принятъ какъ актъ измѣны вѣрѣ. Африканскіе епископы составили соборъ и на немъ торжественно отлучили Вигилія отъ каѳолическаго общенія за его, по ихъ мнѣнію, несправедливое осужденіе „трехъ главъ“, сохранивъ, впрочемъ, за нимъ и мѣсто покаянія; а Юстиніану послали особыя граматы, въ которыхъ старались защитить „три главы“ и убѣждали его отмѣнить доселѣшнія о нихъ свои рѣшенія. Точно такую же соборную, въ защиту „трехъ главъ“, грамату послали къ императору и иллирійскіе епископы, которые одновременно съ этимъ осудили еще архіепископа первой Юстиніаны, Венената, какъ противника и хулителя тѣхъ же „трехъ главъ“ (4). Діаконы римской церкви,

(1) Vict. Tunun. Chron. an. 548.

(2) Harduin t. III col. 3, Migne, patr. LXIX ser. Lat. col. 53—54.

(3) Theoph. Chron. p. 351.

(4) Vict. Tunun. Chron. an. 549—550.

Рустикъ и Севастіанъ, изъ которыхъ первый былъ племянникомъ Вигилія, хотя первоначально, при изданіи Judicatum'а, вполнѣ одобрили его и даже обнаружили усердіе къ быстрѣйшему распространенію его между вѣрующими, но впослѣдствіи отдѣлились отъ папы, вездѣ и повсюду начали разглашать, что онъ измѣнилъ правой вѣрѣ и присоединился къ акефаламъ, вступили въ общеніе съ защитниками „трехъ главъ“ и отлученными отъ церкви, и даже прибѣгали къ явнымъ подлогамъ. за каковыя всѣ преступленія Вигилій, наконецъ, лишилъ ихъ сана (1). Дацій медіоланскій остался при своемъ прежнемъ рѣшеніи, что осужденіе „трехъ главъ“ ведетъ къ ниспроверженію халкидонскаго собора. Римскіе клирики волновались сами и настраивали подъ свой ладъ не только Италію. но и Галлію. Факундъ герміанскій сталъ громко и открыто обличать Вигилія въ честолюбіи, во лжи, въ измѣнѣ, въ продажности, въ союзѣ съ акефалами (2). Въ защиту „трехъ главъ“ онъ написалъ обширное сочиненіе, предназначенное для прочтенія самому императору и излагающее ходъ вопроса о „трехъ главахъ“ съ точки зрѣнія ихъ защитниковъ (3). Основная мысль этого сочиненія та, что осужденіе „трехъ главъ“ вытекло изъ среды оригенистовъ-евтихіанъ, которые, не имѣя возможности явно подорвать авто-

---

(1) Harduin. t III. col 175—181, Дѣян всел. соб. т. V. стр. 330—345.

(2) Facund. Herm. contra Mocian p 813—815, Hard. t. III. col. 47 sqq.

(3) Facundi Herm., pro defensione Trium Capitulorum concilii Calchedonensis Libri XII ad Justinianum imperatorem. — Викторъ тунисскій относитъ обнародованіе этого сочиненія къ 550 году (Chron. an. 550); но написано оно, вѣроятно, прежде, чѣмъ Judicatum папы достигъ Африки, и имѣетъ въ виду одинъ только эдиктъ императора. Тѣмъ не менѣе его можно разсматривать и какъ протестъ противъ Judicatum'а папы; по замѣчанію Виктора тунисскаго, его издали африканскіе епископы послѣ того, какъ отлучили папу за его Judicatum, только Викторъ почему-то упоминаетъ объ обнародованіи VII-ми, а не XII-ти книгъ Факунда.

ритетъ халкидонскаго собора, замыслили ниспровергнуть его окольными и тайными средствами: посредствомъ отверженія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ его рѣшеній (т. е. „трехъ главъ“), яко бы неправильныхъ и требующихъ пересмотра, для вящшаго его возвышенія; ибо явно, отвергая часть, подрываютъ и цѣлое. Въ этомъ зломъ умыслѣ сознавались сами виновники осужденія „трехъ главъ“; не неизвѣстенъ онъ и предстоятелямъ церквей, подписавшимся подъ императорскимъ эдиктомъ, и только угодливость властямъ и боязнь потерять свои доходныя мѣста побудили ихъ согласиться на явно несправедливое и чуждое истины дѣло (1). „Не могутъ, говоритъ Факундъ, извиняться невѣденіемъ не только тѣ, которые сдѣлали это, но еще и тѣ, которые вошли въ общеніе съ сдѣлающими, и напрасно притворяются, напрасно говорятъ, что не знаютъ того, что̀ сдѣлано по любви ли къ временнымъ выгодамъ, или по нерадѣнію о спасеніи своихъ душъ.... Когда это было замышлено, всемилостивѣйшій государь,—кто не понимаетъ, что, если бы предстоятели (primates) церквей твердо стояли за истину, то легко могли бы удержать васъ отъ содѣланія (этого); почему напрасно извиняются, что сдѣлали невольно. Но какъ будто мы для того только и рукоположены во епископы, чтобы обогащаться дарами государей и, какъ бы подпертые преимуществами божественнаго священства, созасѣдать съ ними среди высшихъ властей (maximas potestates); а ежели бы гдѣ нибудь случилось, что у нихъ, среди толикихъ заботъ о своемъ государствѣ, посредствомъ обмана злыхъ, въ которыхъ не было недостатка ни въ какое время, похищено было что либо такое, что̀ наносило бы вредъ Божіей церкви, или возмущало бы миръ церкви; то мы не должны внушать имъ, ради ихъ спасенія, что̀ истинно, и сопро-

(1) Lib. I—IV.

тивляться авторитетомъ религіи, если бы настала необходимость, и терпѣливо переносить также и оскорбленіе отъ нихъ, если бы случилось. И гдѣ будетъ сіе пророческое слово: *глаголахъ о свидѣніяхъ твоихъ предъ цари, и не стыдяхся* (Пс. 118, 46)? Развѣ пастыри, можетъ быть, (назначены) для молока и шерсти, для отвращенія же козней волковъ и охраненія овчаренъ — наемники. Ибо, что̀ мы претерпѣли, или что̀ страшились претерпѣть отъ христіанскаго государя, ратуя за защиту той же вѣры, которую держитъ и онъ? Дѣйствительно, объ иномъ можетъ быть сказано, что хотя духъ бодръ, плоть же немощна, долго не могъ переносить мученій, — чтобы, по суду своей совѣсти, вслѣдствіе сознанія, что слабость свойственна каждому, оказывать снисхожденіе къ падшимъ". Ибо свойственно человѣческимъ сердцамъ оказывать милость къ тѣмъ, кто не претерпѣлъ до конца. „Но что̀, наконецъ, въ настоящемъ дѣлѣ можетъ служить извиненіемъ?—особенно, когда ваша снисходительность, не непомня о своемъ призваніи, ничего не дѣлаетъ немилостиво въ отношеніи также и къ самимъ еретикамъ, себѣ противорѣчащимъ" (1).

Особенный интересъ представляетъ послѣдняя, двѣнадцатая книга. Здѣсь Факундъ хвалитъ дѣйствія предшественниковъ Юстиніана: Маркіана и Льва I, и порицаетъ энотиконъ Зенона, но хвалитъ и порицаетъ такъ, что въ томъ и другомъ случаѣ чувствует-

(1) Pro defensione, l. IV. c. 4. p. 708—709. Galland.—Подобное же огульное обвиненіе въ рабской лести и угодливости возводятъ на подписавшихся подъ эдиктомъ епископовъ и италіянскіе клирики въ вышеуказанномъ письмѣ своемъ къ франкскимъ легатамъ: sunt Graeci episcopi habentes divites et opulentas ecclesias, et non patiuntur duos menses a rerum ecclesiasticarum dominatione suspendi. pro qua re secundum tempus, et secundum voluntatem principum, quidquid ab eis quaesitum fuerit sine altercatione consentiunt (Harduin. t. III. col 48). Обвиненія эти, какъ показало дѣло, несправедливы, но западные писатели, и католическіе и протестантскіе, вѣрятъ имъ безусловно и поэтому-то считаютъ греческую церковь вообще изолгавшеюся и потерявшею всякое чувство правды.

ся сильнѣйшее порицаніе самого Юстиніана. „Императоръ Маркіанъ, разсуждаетъ Факундъ, считалъ нечестивымъ и святотатственнымъ вести какія-либо разсужденія послѣ архіерейскаго рѣшенія и никому не позволилъ вновь переворачивать и публично разсуждать о томъ, что̀ разъ обсуждено и правильно рѣшено“. Далѣе, приведши отрывокъ изъ Маркіанова эдикта, воспрещающаго разсужденія о предметахъ христіанской вѣры предъ народомъ (1), Факундъ продолжаетъ: „вотъ что̀ возвѣщаетъ въ своемъ эдиктѣ императоръ Маркіанъ, истинный отецъ государства и истинный сынъ церкви, не предваряющій священство, но слуга (его) опредѣленій, — что всякій, кто послѣ открытой истины изслѣдуетъ что-либо еще далѣе, ложь ищетъ, — и я не знаю, кто, послѣ онаго его рѣшенія, бросаются отыскивать, посредствомъ дерзкаго разбирательства, другую истину. Онъ говоритъ, что тотъ оказываетъ несправедливость суду святѣйшаго собора, если кто усиливается переворачивать однажды обсужденное и правильно рѣшенное, и публично спорить объ этомъ; а они говорятъ, что чтили соборъ, и (въ тоже время) произнесли судъ о его судѣ, да еще, отмѣняя его сужденіе, назвали нечестивымъ посланіе, которое оный соборъ провозгласилъ каѳолическимъ“. Равнымъ образомъ, продолжаетъ далѣе Факундъ, и „благочестивой памяти Левъ не возмутилъ покоя церкви; потому что не дерзалъ по своему произволу и собственною властію постановлять декреты Господняго ученія и не присвоялъ несправедливо что-либо, что̀ ввѣрено однимъ священникамъ. Отсюда надежно безъ обвиненія въ какомъ-либо насиліи противополагается еретикамъ и то, что̀ было рѣшено еще въ его время; потому что, зная, что послѣ пришествія Господа только языческіе государи обладали царствомъ и вмѣстѣ священствомъ,

(1) См. этотъ эдиктъ въ Дѣян. всел. соб. т. IV. стр. 404—406.

полагалъ, что христіанскому государю неприлично то, что̀ нѣкогда было у язычниковъ. Почему, если бы пожелалъ господствовать надъ вѣрою христіанскою, чего не желалъ и апостолъ, который сказалъ: *ибо не обладаемъ вашею вѣрою, но споспѣшницы есмы вашей радости* (2 Кор. 1, 24); то, напередъ самъ постановивши по своей волѣ, что̀ ему взбрелось, онъ потомъ излишне привелъ бы къ подписи Христовыхъ священниковъ и вынудилъ бы приложить услужливыя руки къ тому, что̀ выдумалъ самъ. Если бы кто принялъ эти, составленныя волею одного мірянина, постановленія какъ соборныя, тотъ предоставилъ бы все тому, кому непристойно судить о такого рода вещахъ, а тѣ, кому прилично судить, ничего не опредѣляли бы.... Также, не незная и того, что очень немногіе водятся разумомъ, большинство же—авторитетомъ, благочестивѣйшій императоръ не только не пытался вынуждать рѣшеніе священниковъ, но даже и предварять его, чтобы самымъ ожиданіемъ своимъ, которое онъ счелъ за лучшее избрать, пока творится священническій судъ о дѣлѣ, хотя уже рѣшенномъ и явномъ, показать всему народу, какое почтеніе должно оказывать священническому авторитету. Потому что, если бы государь захотѣлъ издать опредѣленіе относительно этого, что̀ было справедливо, и послѣ того стараться скрѣпить постановленное рѣшеніемъ (sententia) епископовъ; то декретъ, хотя бы справедливый и благочестивый, становится подозрительнымъ вслѣдствіе такого предвосхищенія. Ибо очень скоро былъ бы воспринятъ на вѣру тѣми, которые менѣе способны руководствоваться разумомъ; потому что, если бы какіе епископы подписались подъ его декретомъ, то не истинѣ повиновались бы, а лучше страшились бы сопротивляться свѣтской (temporali) власти, — и такимъ образомъ у справедливыхъ дѣлъ отнимается авторитетъ, который многимъ полезенъ.... Ибо, неужели Маркіанъ и Левъ собирали соборы для утвержденія своего недозрѣлаго рѣшенія, и потомъ

измѣнившись по расположенію своего духа, снова принуждали Божіихъ священниковъ измѣнять прежнія рѣшенія, чтобы серьёзное низвести до смѣха и соборный авторитетъ, который слѣдуетъ ожидать съ почтеніемъ, превратить въ предметъ, наскучившій всѣмъ до тошноты? Они никогда не похищали у проповѣдниковъ домостроительство божественныхъ таинъ церкви.... Если кто неблаговременно и безъ всякой пользы возмущаетъ церковь произвольными вопросами, тотъ не устроитель дома Господня, но разсѣяватель и разрушитель Божіихъ таинъ“ (Лук. 12, 42. 43) (1).

Воздавъ похвалу дѣятельности Маркіана и Льва, онъ затѣмъ подвергаетъ критикѣ Зеноновъ энотиконъ и всемѣрно порицаетъ его. „Говоритъ еще (Зенонъ): „пусть не иначе вѣруютъ (non aliter crederent) повсюду сущія каѳолическія церкви и начальствующіе надъ ними боголюбезные епископы“. Какъ будто, разсуждаетъ Факундъ, вѣра всѣхъ церквей зависитъ отъ воли одного и никому не позволяется вѣровать иначе, чѣмъ предписываетъ императоръ. Онъ, какъ думаю, видѣлъ, что нѣкоторые робкіе, или жадные до временныхъ вещей всячески усердствовали ему, и по нимъ судилъ о прочихъ, у которыхъ хотя и подавилъ наружное противорѣчіе, однакожъ навѣрное не могъ перемѣнить настроенія ума. Ибо и самая обширная власть въ мірѣ не имѣетъ силы надъ тѣми, которыхъ намѣревается отвлечь отъ свободнаго убѣжденія въ вѣрѣ, кромѣ развѣ того, что они подпадутъ подъ сіе слово Господне: *иже постыдится Мене и Моихъ словесъ, сего Сынъ человѣческій постыдится, егда пріидетъ во славѣ своей и Отчей и святыхъ ангелъ* (Лук. 9, 26). Итакъ, хотя сила свѣтской власти и можетъ отнять у церкви нѣкоторыхъ, однакожъ никого не можетъ пріобрѣсть себѣ. Итакъ лучше ей держаться внутри своихъ пре-

(1) Pro defension. l. XII. c. 2. 3. p 800—803.

дѣловъ, которые когда переступаетъ, можетъ потерять многихъ, пріобрѣсти никого. Ибо мы видимъ, что все, что̀ приражается къ нашимъ чувствамъ, имѣетъ свои мастерскія или мастеровъ. Ибо мы никогда не слышали. что наковальни звучатъ въ ткальной мастерской и огонь трещитъ (anhelare) тамъ въ горнахъ. Мы никогда не получали отъ сапожника точнаго знанія на вопросъ, въ какомъ отношеніи находится широта его мастерской къ длинѣ, и какова прилична той и другой высота. Потому что точно знать это могутъ тѣ, которые научены учителями самаго искусства. Въ пренебреженіи находятся одни только божественныя писанія, которыя не имѣютъ ни своей школы, ни учителей, и разсуждать о которыхъ считаетъ себя наиискуснѣйшимъ и тотъ, кто никогда не учился. Потомъ, если дѣла государственныя (palatii caussae) не переносятся въ церковь, то какимъ образомъ церковное дѣло онъ перенесъ во дворецъ? Наконецъ, неужели онъ уже укротилъ или умиротворилъ всѣ враждебные государству варварскіе народы? Ужели уничтожилъ возмущенія, или причины возмущеній въ разныхъ провинціяхъ своей имперіи? Ужели привелъ къ благопріятному концу всѣ жалобы по дѣламъ уголовнымъ или гражданскимъ? Итакъ, когда не совершилъ (sufficeret) этого, чего никто не можетъ совершить; то, если бы поразмыслилъ о толикихъ опасностяхъ своего положенія и если бы подумалъ, что будетъ давать Богу отчетъ за всѣхъ (ввѣренныхъ его управленію), какимъ образомъ погрузился бы въ чуждыя для него опасности, даже если бы Божественное правосудіе и не осуждало такое предвосхищеніе? Но не довольствуясь этимъ, онъ присовокупилъ также въ обиду халкидонскому собору и сіе, говоря: „итакъ соединитесь (adunate ergo vos), ни въ чемъ не сомнѣваясь. Ибо мы написали это вамъ, не нововводя вѣру, но чтобы дать вамъ удовлетвореніе. Всякаго, мудрствующаго иначе, теперь, или когда-либо, или въ Халкидонѣ или на какомъ-либо соборѣ, мы анаѳематствуемъ“. Мы дума-

емъ, что къ этому, достойному омерзенія, злодѣянію онъ былъ склоненъ похвалами льстецовъ, когда они, по своему обыкновенію, говорили ему, что онъ мудростію и религіей превзошелъ бы всѣхъ своихъ предшественниковъ; что съ нимъ никто не могъ бы сравняться изъ Божіихъ священниковъ во вселенной, которые были или будутъ; что каѳолическая вѣра стояла бы (staret) только въ немъ и даже для него. Легковѣрный на это, онъ возмечталъ, что онъ, по необыкновенной мудрости, которую ему никто, кромѣ льстецовъ, не приписывалъ, можетъ для совершенія единенія изобрѣсти средство, котораго никто прежде въ теченіе столькаго времени изобрѣсти не могъ.... По этой причинѣ совершилась великая схизма, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока милосердый Богъ, при посредствѣ вашего благочестія, не возвратилъ ихъ (виновниковъ схизмы, отдѣлившихся отъ церкви) къ единству. Вслѣдствіе чего вы и стяжали величайшую славу, которую, желаемъ, чтобы вы хранили до конца, ничего не дѣлая противнаго сему достохвальному вашему дѣянію. Но вспомните, какая радость была тогда у народа христіанскаго, когда весь каѳолическій міръ прославлялъ васъ—стража отеческихъ постановленій, васъ—возстановителя церковнаго мира, васъ—мстителя сего насильственно нарушеннаго порядка. О, какъ сладко проносилось ваше имя по устамъ хвалящихъ! какъ былъ пріятенъ слухъ объ этомъ, достойномъ воспоминанія, вашемъ дѣяніи! И, посему, просимъ, поразмыслите и увидите, что̀ вы въ оное время или что̀ государи Маркіанъ и Левъ въ свое время совершили по установленному священническому служенію, и что̀, напротивъ, сдѣлалъ Зенонъ, когда, поправши порядокъ божественнаго устройства и злоупотребивъ чуждою обязанностію, повѣрилъ льстецамъ, когда увлекся ихъ похвалами, когда восхитился ихъ превозношеніями, которыми всеконечно тяготится человѣчество... Хотя потворство и кажется пріятнымъ, но ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ (per-

niciose recipitur); истина же иногда и горька, однако всегда спасительна для тѣхъ, которые ее принимаютъ. То льститъ и обманываетъ; эта наказываетъ и исправляетъ“ (1).

Западные писатели всѣхъ видовъ и оттѣнковъ, католическіе и протестантскіе, обыкновенно указываютъ на это сочиненіе Факунда германскаго, какъ на доказательство свободы духа запада въ сравненіи съ раболѣпствующимъ востокомъ, какъ на смѣлый и достойный всякой похвалы голосъ противъ ненужнаго вмѣшательства византійскаго правительства въ дѣла церкви. Безъ сомнѣнія, это — смѣлый и откровенный голосъ, каковые, впрочемъ, голоса находились во всѣхъ странахъ, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена; — но и только. Въ общемъ сочиненіе Факунда представляетъ множество преувеличеній, непослѣдовательность, противорѣчіе себѣ, искаженіе фактовъ и слѣпую страсть партіи. Безспорно, положеніе, что всѣ держащіеся противнаго мнѣнія, суть имераторскіе льстецы, люди безъ вѣры и убѣжденій, мѣняющіе свой нравственный обликъ по мановенію владыки, представляетъ весьма сильное преувеличеніе, объяснимое только слѣпою страстію партіи. Точно также безспорнымъ преувеличеніемъ нужно признать и то, чтобы еретикамъ чуждо было стремленіе къ истинѣ и что, потому, изъ среды ихъ ничего не можетъ выдти хорошаго. Въ разсужденіи правъ имераторовъ—издавать или не издавать эдикты — Факундъ стоитъ на весьма зыбкой почвѣ и впадаетъ въ противорѣчія. Онъ не отрицаетъ за императорами права издавать религіозные эдикты; напротивъ, онъ даже всячески восхваляетъ Маркіана за это, и въ тоже время безмѣрно порицаетъ Зенона за изданіе подобнаго же эдикта. Но Маркіанъ послѣдовалъ рѣшенію епископовъ, явилъ себя слугою архіерейскаго рѣшенія, между тѣмъ какъ Зенонъ предварилъ такое епископское рѣшеніе? Но а) низве-

(1) Pro defensione, l. XII. c. 4. p. 804—805.

деніе гражданской власти въ роль слуги архіерейскихъ рѣшеній, безъ самостоятельнаго обсужденія достоинствъ и качествъ этихъ рѣшеній, всегда было чуждо вселенской церкви и въ настоящемъ случаѣ должно быть принято во вниманіе, въ качествѣ историческаго факта, только какъ частное мнѣніе, родившееся на западѣ и легшее впослѣдствіи во основу римско-католическаго воззрѣнія на отношеніе церкви къ государству; b) да и такое низведеніе гражданской власти въ роль слуги архіерейскихъ постановленій не рѣшаетъ вопросъ: развѣ впадающіе въ ересь архіереи не считаютъ себя православными архіереями и не суть архіереи? Такимъ образомъ, изъ роли слуги гражданская власть невольно должна перейдти въ роль судіи. Римская теорія въ этомъ отношеніи яснѣе: тамъ выраженіе: рѣшеніе архіереевъ замѣнено выраженіемъ: рѣшеніе папы, и дѣло упрощается. Факундъ представляетъ энотиконъ Зенона, какъ ненужный и произвольный актъ государственной власти, какъ чуждое вторженіе въ дѣла церкви. Мы видѣли (1), что онъ былъ изданъ по настоянію архіерейскому и вызванъ нуждою. Слова: „пусть не иначе вѣруютъ повсюду суіція каѳолическія церкви и начальствующіе надъ ними боголюбезные епископы“, не находятся въ энотиконѣ и въ этомъ отношеніи представляютъ тенденціозное искаженіе его какъ по буквѣ, такъ и по духу. Равно переиначено и послѣдующее его выраженіе: „итакъ соединитесь, ни въ чемъ не сомнѣваясь“ (2). Изъ содержанія энотикона никакъ

(1) См. выше, стр. 206—208.

(2) Въ подлинникѣ это мѣсто читается такимъ образомъ: *εἰδότες οὖν ὡς οὔτε αἱ ἁγιαι πανταχοῦ τοῦ Θεοῦ ὀρθόδοξοι Ἐκκλησίαι, οὔτε οἱ τούτων προϊστάμενοι θεοφιλέστατοι ἱερεῖς, οὔτε ἡ ἡμετέρα βασιλεία ἑτέρου συμβόλου ἢ ὅρου πίστεως παρὰ τὸ εἰρημένον ἅγιον μάθημα ἠνέσχοντο, ἢ ἀνέχονται, ἠνώσαμεν ἑαυτοὺς, μηδὲν ἐνδοιάζοντες* (Evagr. l. III. c 14). Переиначено это мѣсто также и у Либерата: (unite vosmet ipsos, вмѣсто--nos adunavimus. c. 17).

нельзя вывести заключенія, что будто-бы вѣра всѣхъ церквей зависитъ отъ воли одного человѣка и никому не позволяется вѣровать иначе, чѣмъ какъ *предписываетъ императоръ*. Уже à priori подобное предположеніе нелѣпо; потому что самое деспотическое правительство руководствуется въ своихъ опредѣленіяхъ обычаями страны, если только желаетъ сидѣть прочно. Равно и энотиконъ Зенона трактуетъ о соединеніи на основаніи символа 318 св. отцевъ перваго, и 150—втораго вселенскихъ соборовъ, прибавляя при этомъ, что этому же символу слѣдовали и святые отцы, собиравшіеся въ Ефесѣ и низложившіе нечестиваго Несторія. На основаніи разсужденій Факунда, можно отнести всѣ императорскіе эдикты,—и тѣ, которые онъ самъ похваляетъ,—къ разряду показывающихъ, что вѣра всѣхъ церквей зависитъ отъ воли одного мірянина. Вѣрно, что масса человѣчества руководствуется авторитетомъ; но отсюда никакъ нельзя вывести заключенія, что не слѣдуетъ издавать эдикты. Напротивъ, отсюда-то именно и вытекаетъ необходимость изданія ихъ. Міръ управляется правдою и истиной. Слѣдовательно, не мыслящей братіи нужно указать эту правду, предписать. Если бы всѣ, по суду своей совѣсти, руководствовались разумомъ и Божественною правдою, тогда не нужно было бы никакихъ и начальствъ. Факундъ еще сильно настаиваетъ на священническомъ, или — что̀ тоже — на архіерейскомъ авторитетѣ, предъ которымъ всенепремѣнно долженъ умолкать голосъ мірянина; потому что сужденіе этого послѣдняго тоже въ дѣлѣ вѣры, что̀ сужденіе сапожника объ отношеніи длины его мастерской къ ея широтѣ и высотѣ. Но религія — не мастерство; она одинаково дорога и присуща всѣмъ людямъ; она предлагаетъ человѣческому роду высшія и спасительныя истины; стремленіе же къ познанію истины присуще вообще человѣческой природѣ, и иной мірянинъ можетъ чище и вѣрнѣе постигать тайны вѣры, чѣмъ его епископъ. Слѣпая покорность мірянъ авторитету

епископовъ будетъ походить на рабство ихъ предъ этими послѣдними. Какъ драгоцѣнный залогъ, религію обязаны защищать всѣ христіане, въ томъ числѣ и міряне, и въ этомъ отношеніи воззрѣніе восточныхъ правильно (1). Поэтому всякій религіозный вопросъ долженъ быть подвергаемъ предварительному обсужденію всѣхъ христіанъ. Въ дѣйствительности такъ это и бываетъ, хотя и невольно. Обыкновенно всякій религіозный вопросъ возникаетъ въ обществѣ и волнуетъ его. Гражданская власть *послѣдуетъ* архіерейскому опредѣленію, насколько убѣждена въ немъ, что оно выражаетъ религіозную истину, представляетъ воззрѣніе правой стороны и потому можетъ, и должно быть принято въ основу управленія. Ошибки, являющіяся при этомъ, суть ошибки человѣческой слабости и потому неизбѣжныя: ибо религіозная истина, и при откровеніи Слова Божія, нудится и вырабатывается борьбою. Это относительно важныхъ и основныхъ вопросовъ религіи. Относительно же вообще явленій религіозной жизни слѣдуетъ замѣтить, что если, кромѣ чисто религіозныхъ вопросовъ, возникаютъ въ жизни еще такіе, которые имѣютъ одинаковое отношеніе какъ къ церкви, такъ и къ государству; если, на основаніи этой смѣшанности вопросовъ, иногда и гражданская власть, вопреки утвержденію Факунда, передаетъ свои дѣла на обсужденіе церковной власти, и если за гражданскою властію признано право охранять вѣру и соборныя о ней рѣшенія, на что съ особенною силою ударяетъ и самъ Факундъ въ разбираемомъ своемъ сочиненіи: то этимъ самымъ дается уже ей право, въ предупрежденіе или для подавленія только-что возникающихъ религіозныхъ волненій, и издавать относительно ихъ распоряженія по согласію только съ мѣстною, близъ находящеюся, церковною властію: ибо не о всякомъ же церковномъ вопросѣ соби-

(1) См. выше, стр. 554—555.

рать вселенскій соборъ? И самъ Факундъ ничего не видитъ предосудительнаго въ изданіи эдикта противъ Оригена? Но кто поручится, что подобный императорскій эдиктъ попадетъ въ тактъ? что всѣ вѣрующіе одинаково усмотрятъ въ немъ охрану вѣры? и посмотрятъ на него также, какъ само правительство вкупѣ съ мѣстною церковною властію?... Рекомендуемый Факундомъ (равно какъ и Феррандомъ) идеалъ, чтобы, послѣ какого либо вселенско-соборнаго рѣшенія и утвержденія его императорскимъ эдиктомъ, не производилось о немъ болѣе никакихъ изслѣдованій и разысканій, не было бы никакихъ споровъ и преній, не можетъ быть одобренъ ни словомъ Божіимъ (Іоан. 5, 39), ни отеческими писаніями (1), невыполнимъ и на практикѣ: всегда будутъ возникать споры и пренія, разные вопросы и недоумѣнія. Вообще, отъ разсматриваемаго сочиненія Факунда получается то впечатлѣніе, что эдиктъ императора о „трехъ главахъ“ неправиленъ потому, что онъ вытекъ отъ епископовъ, якобы акефаловъ; но, если бы подобный эдиктъ былъ изданъ по внушенію, его Факунда, съ которымъ согласны всѣ западные епископы, тогда онъ, очевидно, былъ бы правиленъ. Сомнѣнія въ правильности своего собственнаго воззрѣнія нѣтъ. А въ этомъ-то именно и заключается вся сущность дѣла.

28 іюня 548 года скончалась императрица Ѳеодора, по замѣчанію восточныхъ церковныхъ лѣтописцевъ, „благочестивымъ образомъ“, т. е. въ исповѣданіи православной вѣры (2). Императоръ лишился въ ней луч-

---

(1) Твор Аѳан. александр. Москва, 1851. ч. 1. стр. 218—219.

(2) Прокопій говоритъ, что «объятая болѣзнію Ѳеодора скончалась послѣ 21-го года и 3-хъ мѣсяцевъ царствованія» (Goth. l. III. c 30. p 401) Малала относитъ смерть ея къ 28 іюня X индиктіона (p. 484). Theoph. Chron. p. 350: *τῷ δ' αὐτῷ ἔτει μηνὶ Ἰουνίῳ ἰνδικτιῶνος ἑνδεκάτης ἐκοιμήθη ἡ βασίλισσα Θεοδώρα εὐσεβῶς.* Точно такимъ же образомъ говоритъ и Кедринъ. *τῷ κὰ ἔτει... μηνὶ Ἰουλίῳ ιά ἐκοιμήθη ἡ βασιλὶς Θεοδώρα εὐσεβῶς* (1 p. 658). Здѣсь слово: *Ἰουλίῳ* представляетъ ошибку, совершенную, вѣроятно, переписчиками; очевидно слѣдуетъ

шаго своего друга и совѣтника. Защитники „трехъ главъ“ полагали, что вопросъ о нихъ поднятъ былъ между прочимъ по ея наущенію и что она, во всякомъ случаѣ, была одною изъ главныхъ причинъ поддержанія возникшихъ смутъ въ церкви. Смерть ея нисколько не измѣнила положенія дѣла. Императоръ отвергъ прошенія и синодальные акты африканскихъ и иллирійскихъ епископовъ, и въ опроверженіе ихъ издалъ новый эдиктъ, осуждающій „три главы“ (1). Равно и Вигилій подвергъ осужденію всѣхъ противниковъ своего Judicatum'a (2). Волненія отъ этого не унялись, но возрастали все болѣе и болѣе, и привели наконецъ къ кровавымъ сценамъ: сочиненія и летучія брошюры защитниковъ „трехъ главъ“ производили сильнѣйшее впечатлѣніе на западѣ, и нафанатизированная чернь, въ слѣпомъ самомнѣніи, что совершаетъ угодное Богу дѣло, нападала на противниковъ „трехъ главъ“ даже въ церквахъ и проливала здѣсь кровь (3). Вигилій увидѣлъ, что его едино-

---

читать, какъ и у Θеофана, Ἰουνίῳ. Викторъ тунисскій, подъ 549 годомъ своего Chronicon'a, говоритъ Theodora augusta Chalcedonensis synodi inimica cancris plaga corpore toto perfusa, vitam prodigiose finivit. Западные писатели оспариваютъ показаніе восточныхъ хронистовъ, вѣрятъ болѣе врагамъ Θеодоры, которые явно заблуждались въ вопросѣ о «трехъ главахъ», и полагаютъ, что она скончалась нечестиво, еретичкой (Baron. an. 548 n XXIV. Notae Pag. ad num. XXIV. an. 548).

(1) Исидоръ севильскій въ книгѣ de viris illustr; въ гл. XXXI-ой, говоритъ: Justinianus imperator condidit quoque et rescriptum contra Illyricianam synodum, et adversus Africanos episcopos Chalcedonensis synodi defensores perverso studio in quo Tria Capitula damnare contendit. Migne, t. LXXXIII.

(2) Это видно изъ слѣдующихъ словъ его осудительной граматы противъ Рустика и Севастіана. «А впослѣдствіи ваше непотребство дошло до того, что вы надмѣнно дерзнули, вопреки канонамъ, дать общеніе отлученнымъ отъ общенія, т е тѣмъ, которые были упомянуты, и другимъ, которые за то, что̀ написали противъ нашего рѣшенія (quod contra Judicatum nostrum scripserant), были отлучены нами отъ общенія, какъ явствовало уже изъ самаго свитка того же самаго рѣшенія» (Judicati), т е. они отлучили себя уже тѣмъ самымъ, что не принимали Judicatum. (Дѣян. всел. соб. т. V стр. 339, Migne, patr. t. LXIX. col 48, Hard. III. col. 179).

(3) Въ той же граматѣ своей противъ Рустика и Севастіана Вигилій говоритъ. «Такимъ образомъ души всѣхъ, которые не знали вашей злобы,

личное рѣшеніе, по согласію только съ императоромъ, и восточными епископами, не производитъ на западѣ, никакого вліянія.и началъ колебаться.Поэтому онъ обратился къ императору съ просьбой—вызвать въКонстантинополь западныхъ епископовъ разныхъ провинцій, чтобы сообща еще съ ними рѣшить здѣсь возбужденный вопросъ, и о томъ, что рѣшено будетъ, донести ему, императору (1). Юстиніанъ согласился съ этимъ рѣшеніемъ папы и тотчасъ же послалъ къ африканскимъ и иллирійскимъ епископамъ пригласительныя граматы, призывающія ихъ прибыть въ Константинополь. Но изъ иллирійскихъ

но, получая письма отъ римскихъ діаконовъ, по простотѣ, вѣрили вамъ, дѣйствіе вашего обмана довело до такого преступленія, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была пролита человѣческая кровь (непристойно сказать) въ церкви». (Дѣян соб. V. 340; Hard. III. col. 179—180, Migne, LXIX. 48). На сильное впечатленіе, произведенное разобраннымъ сочиненіемъ Факунда въ средѣ африканскихъ епископовъ, намекаетъ Викторъ тунисскій (Chron. an 550).

(1) Италіянскіе клирики въ извѣтномъ письмѣ своемъ къ франкскимъ легатамъ говорятъ объ этомъ такимъ образомъ: Et quamvis nec hoc quod (т. е Judicatum) papa fecerat, acquieverunt Afri et Illyriciani atque Dalmatae sacerdotes recipere; tamen coepit iterum saepedictus beatissimus papa Vigilius ad hoc compelli, ut absolute ipsa capitula sine synodi Chalcedonensis mentione damnaret. Sed papa non acquiescens hoc facere, et videns se nimium ingravari, dixit tunc serenissimo principi: Veniant huc fratres nostri ex omnibus provinciis quini aut seni episcopi, et quidquid sub tranquillitate, tractatu habito, omnibus visum fuerit, cum pace disponemus: quia sine concensu omnium ista, quae et synodum Chalcedonensem in dubium venire faciunt, et scandalum fratribus meis generant, solus facere nullatenus acquiescam (Migne, patr. LXIX. col. 115, Harduin. III col. 47). Здѣсь тенденціозное искаженіе факта. Вигилій никогда не былъ побуждаемъ осудить «три главы» абсолютно, безъ оговорки относительно халкидонскаго собора. Мы видѣли, что и эдиктъ императора (см. выше, стр 618), и Judicatum папы (стр. 637) составлены съ нарочитымъ упоминаніемъ того, что, при осужденіи «трехъ главъ», авторитетъ халкидонскаго собора остается вполнѣ ненарушимымъ. Явно, что папа обратился къ императору съ просьбою вызвать въ Константинополь западныхъ епископовъ не потому, что былъ побуждаемъ осудить «три главы» абсолютно, безъ оговорки относительно халкидонскаго собора, а потому, что устрашился возникшихъ на западѣ движеній,—потому, что остался одинокимъ съ своимъ рѣшеніемъ въ средѣ западныхъ епископовъ, и для того, чтобы общимъ рѣшеніемъ умирить возникшія на западѣ волненія.

епископовъ ни одинъ не двинулся съ мѣста, изъ африканскимъ отправились въ Константинополь только немногіе (1). Когда африканскіе епископы приближались къ Константинополю,—Вигилій обратился къ императору съ просьбою—возвратить ему его Judicatum, на томъ основаніи, что онъ оказался недостаточнымъ для той цѣли, для которой былъ изданъ; что теперь, на имѣющемъ быть соборѣ епископовъ, дѣло будетъ разсматриваться какъ бы вновь; что во всякомъ случаѣ Judicatum требуетъ исправленія, и что безъ этого не возможно будетъ достигнуть желаемаго осужденія „трехъ главъ". Папа добавлялъ при этомъ, что, принимая назадъ Judicatum, онъ тѣмъ не менѣе непремѣнно осудитъ „три главы" и готовъ ради этого подвергнуться самымъ страшнымъ клятвамъ. Императоръ уступилъ настоятельной просьбѣ папы и возвратилъ ему его Judicatum въ присутствіи многочисленнаго собранія епископовъ и клириковъ (2). Между тѣмъ предполагаемый соборъ изъ африканскихъ и иллирійскихъ епи-

---

(1) Harduin. III. col 47, Migne, patr. LXIX. col. 115.—По Виктору туннисскому, отправились въ это время изъ африки въ Константинополь слѣдующіе епископы: Репаратъ, архіепископъ карѳагенскій; Фирмъ, примасъ нумидійскихъ епископовъ, и епископы визакской (бизаценской) области: Примасій и Верекундъ. Chronic an. 551.

(2) Повѣствованіе италіянскихъ клириковъ относительно этого пункта нѣсколько разнится отъ повѣствованія императорскаго чиновника, говорившаго отъ лица императора собору Клирики писали франкскимъ легатамъ: dixit papa Vigilius principi, ut si ei non sufficeret illud quod ante decreverat, rédderet, et tamquam de novo causa cum his qui venire nuntiati sunt tractaretur. Praestitit igitur Deus, ut hac ratione sanctus papa Vigilius Constitutum, quod in ipsa causa fecerat, publice in conventu reciperet (Hard. III. col. 47—48). Между тѣмъ императорскій чиновникъ говорилъ объ этомъ такъ: et verbis quibusdam dubiis promittebat quidem eorum emendationem facere, et mundo undique eorumdem capitulorum condemnatio sit: dicebat autem non posse aliter hoc facere, nisi recipiat quod fecisset, cum ad omnes Judicatum directum fuisset ecclesias, multis pro eo motis idem vir religiosissimus paratum se esse dicebat terribilia sacramenta subire, quod recipiens praedictum Judicatum, puram Trium Capitulorum faciet condemnationem (ibid. col. 173—174).

скоповъ затянулся. Императоръ, возвращая папѣ его Judicatum, взялъ, какъ сказано, съ него обѣщаніе—осудить „три главы“, и, полагая, что онъ останется вѣренъ своему обѣщанію, продолжалъ дѣйствовать въ разъ принятомъ направленіи. Патріархъ Мина, Θеодоръ Аскида и другіе греческіе епископы содѣйствовали ему въ этомъ. Тогда папа, который теперь снова началъ склоняться на сторону защитниковъ „трехъ главъ“, объявилъ императору, патріарху Минѣ, Θеодору Аскидѣ и другимъ епископамъ и клирикамъ, сошедшимся на собраніе, а равно судьямъ, вельможамъ и сенату, которые точно также собрались вмѣстѣ съ епископами,—что теперь должно быть отмѣнено все, что доселѣ было писано или говорено по вопросу о „трехъ главахъ“, и что окончательнаго рѣшенія слѣдуетъ ожидать отъ предполагаемаго собора африканскихъ, иллирійскихъ и другихъ западныхъ епископовъ, которыхъ главнымъ образомъ и касается возникшій соблазнъ въ церкви (1). Императоръ, патріархъ Мина, присутствовавшіе на собраніи какъ греческіе такъ и латинскіе епископы, судьи, вельможи, клиръ и весь се-

(1) Fragm damnat. Theod. Migne, patr. LXIX. col. 60—64; Hard. III. col. 8· ad hoc est causa perducta, quatenus semotis omnibus quae de Trium Capitulorum a quibuslibet dicto scriptove fuerant ordinata, quid de ipsa re facto opus esset, cum Africanarum, Illyricianarum, seu aliarum partium congregata synodo tractaremus; eorum maxime praesentiam requirentes, quorum fuerat scandalizata fraternitas. Illud quoque magnopere nobis cum clementissimo principe, praesentibus etiam Menna.... universoque senatu convenit, ne usque ad memoratam concilii diffinitionem quidquam de praefatis Tribus Capitulis ab aliquo fieri intentaretur Италіянскіе клирики въ упомянутомъ своемъ посланіи къ франкскимъ легатамъ, сказавъ предварительно, что императоръ возвратилъ Вигилію его Judicatum, непосредственно за тѣмъ продолжаютъ: denuntians (Vigilius), quia si quis Graecorum episcoporum, *usque ad universalis concilii tractatum*, de istis Capitulis aliquid fecisset, aut facientibus acquievisset, a communione sedis apostolicae alienus exsisteret: quoniam frequenter ipsi episcopi Graeci ad voluntatem principis damnaverant Capitula ipsa, unde causa mota est, etc. Harduin. t. III. col 48; Migne, t. LXIX. col. 116. См. также посланіе Вигилія ко всѣмъ церквамъ: Harduin III. col 3; Migne, LXIX. col 54.

натъ приняли и это предложеніе папы и обѣщались оставить вопросъ о „главахъ“ на время въ покоѣ. (1).

Но дальнѣйшія событія разрушили этотъ договоръ и планъ будущихъ дѣйствій. Кромѣ того, что никто изъ иллирійскихъ епископовъ не хотѣлъ явиться по зову императора въ Константинополь, и тѣ немногіе изъ африканскихъ епископовъ. которые послушались его и прибыли въ Константинополь, прибыли съ яв-нымъ намѣреніемъ твердо стоять за защиту „трехъ главъ“, съ осужденіемъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, непремѣнно долженъ поколебаться авторитетъ халкидонскаго собора. Правительство и восточные епископы представляли имъ всѣ резоны, по которымъ „три главы“ непремѣнно должны быть осуждены и осужденіе ихъ отнюдь не подрываетъ авторитетъ халкидонскаго собора; употреблены были при этомъ ласки и угрозы. Ничто не помогало: карѳагенскій архіепископъ Репаратъ рѣшительно отказался дать свое согласіе на осужденіе „трехъ главъ“ и за это былъ низложенъ и сосланъ въ Евкаиду, а на мѣсто его рукоположенъ его апокрисіарій, Примасій, предварительно давшій согласіе на осужденіе «трехъ главъ». Двое изъ прибывшихъ епископовъ убѣжали въ Халкидонъ въ храмъ св. Евѳиміи; одинъ только Фирмъ, примасъ нумидійскихъ епископовъ, согласился признать осужденіе „трехъ главъ“ правильнымъ (2). Тѣмъ временемъ императоръ повелѣлъ епископамъ второй Киликіи собраться на соборъ въ Мопсуестѣ и точнѣйшимъ образомъ изслѣдовать, когда вычеркнутъ изъ диптиховъ мопсуестской церкви Ѳеодоръ, бывшій ея епископъ, о которомъ теперь возникъ вопросъ, и о результатахъ своего изслѣдованія извѣстить какъ его, императора, такъ и святѣйшаго папу, Вигилія. Епископы второй Киликіи, собравшись въ Мопсуестѣ и точно разслѣдовавъ дѣло, въ отвѣтномъ

(1) Harduin. III col. 8.

(2) Ibid. col. 48; Migne, patr. LXIX. col 116; Vict. Tunun Chron. an. 552.

посланіи своемъ къ императору прежде всего похвалили и выразили удивленіе его ревности о правыхъ догматахъ, направленной къ утвержденію „святаго мира вселенской церкви“, и затѣмъ, собственно о Θеодорѣ мопсуестскомъ, отвѣтили слѣдующее: „читая имена святой памяти первосвященниковъ помянутаго города Мопсуеста, мы не нашли никакого упоминанія о Θеодорѣ, а Кирилла нашли вписаннымъ вмѣстѣ со святыми, прежде отшедшими къ Богу, хотя никакой Кириллъ не былъ епископомъ города Мопсуеста. Въ концѣ счисленія мы нашли вписаннымъ позднѣйшаго Θеодора, который происходилъ изъ Галатіи, былъ однимъ изъ нашего собора и умеръ три года тому назадъ“. Въ такомъ же точно смыслѣ они отвѣтили и Вигилію, что имя Θеодора мопсуестскаго, о которомъ возбужденъ вопросъ, давнымъ-давно изглаждено изъ диптиховъ мопсуестской церкви, такъ что и память уже ускользаетъ объ этомъ времени; что вмѣсто него вписанъ благочестивой памяти Кириллъ, первосвященникъ города Александріи, и что Θеодоръ, вписанный въ диптихи въ самомъ концѣ ихъ, умеръ недавно и происходилъ изъ области Галатіи (1). Когда западные епископы, такимъ образомъ, отказались дать согласіе на осужденіе „трехъ главъ“ и явно настаивали на неосужденіи ихъ, правительство снова стало побуждать папу осудить „три главы“, даже если бы того и не желали иллирійскіе, африканскіе и далматскіе епископы. Но папа рѣшительно отказался исполнить это (2). Правительство имѣло право, съ своей точки зрѣнія, посмотрѣть на такой отказъ папы, какъ на отреченіе отъ своего прежняго, не разъ имъ высказаннаго, мнѣнія о „трехъ главахъ“, какъ на уклоненіе отъ правой стороны дѣла и потворство схизматикамъ. Θеодоръ Аскида сталъ побуждать императора принять рѣшительныя мѣры. Въ осужденіе

(1) Harduin. t. III. col. 123—134. Collat. V; Дѣян. всел. соб т. V. стр. 189—218. Собр. пят.

(2) Harduin. t. III. col 48, Migne, patrol. LXIX. col. 116.

„трехъ главъ“ составленъ новый эдиктъ, который предварительно прочитанъ былъ во дворцѣ предъ собраніемъ греческихъ епископовъ, одобренъ ими и за тѣмъ изданъ императоромъ отъ своего имени во всеобщее свѣдѣніе и вывѣшенъ во всѣхъ церквахъ Константинополя, равно какъ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ имперіи (1). Это крайне раздражило папу и остальныхъ защитни-

(1) Вигилій въ отлучительной граматѣ на Ѳеодора кесарійскаго говоритъ: Ac deinde tuis ex consuetudine incitamentis liber condemnationem Capitulorum ipsorum continens, in palatio, te assistente et instruente, coram quibusdam Graecis episcopis est relectus, a quibus assentationum favorem tuis vocibus exigebas (Hard. III. col. 8—9; Migne, LXIX. col. 61). Уцѣлѣлъ, какъ замѣчено, только этотъ второй эдиктъ императора и помѣщается въ соборныхъ актахъ и въ разныхъ другихъ изданіяхъ (См. выше, стр. 618, прим.).— Изданіе его случилось, судя по ходу событій и хронологіи, указанной Вигиліемъ въ цитуемыхъ его граматахъ: окружной—ко всей церкви и отлучительной на Ѳеодора Аскиду, въ іюнѣ, или же въ іюлѣ 551 года Что онъ изданъ послѣ 550 года, это видно еще изъ того, что въ немъ сдѣлано упоминаніе о мопсуестскомъ соборѣ, который былъ въ 550 году; а что онъ изданъ ранѣе 552 г., это явствуетъ изъ того. что въ 552 г., какъ увидимъ, императоръ опять сталъ благоволить къ папѣ. Италіянскіе клирики въ своемъ посланіи къ франкскимъ легатамъ говорятъ объ изданіи разсматриваемаго эдикта безъ указанія времени: Sed beatissimo papa Vigilio nullatenus acquiescente (т. е осудить «три главы» безъ согласія западныхъ епископовъ), edicta ex nomine imperiali, tam in ecclesia Constantinopolitana, quam in diversis locis suspendi fecerunt, per quae eadem capitula damnarentur (Hard. III col. 48; Migne, LXIX. col. 116—117).—Думаютъ, что этотъ эдиктъ составленъ Ѳеодоромъ Аскидою и только изданъ императоромъ подъ своимъ именемъ (Baron. an. 545. n. VIII. Съ нимъ согласны кардиналъ Норизій и Пагій. Notae Pag. ad num. II—V. an. 551. not. 6). Основаніе для такой догадки—то, что Юстиніанъ въ первыхъ девяти анаѳематствахъ эдикта осуждаетъ несторіанъ съ евтихіанами, а въ десятомъ затѣмъ говоритъ: «Если кто не анаѳематствуетъ Арія, Евномія, Македонія, Аполлинарія, Несторія, Евтихія и тѣхъ, которые мудрствовали и мудрствуютъ подобно имъ: тотъ да будетъ анаѳема» (Дѣян. соб. V. стр. 532). Объ Оригенѣ умолчано. Отсюда заключаютъ, что разсматриваемый эдиктъ императора составленъ оригенистомъ—Аскидою. Заключеніе шаткое; ибо эдиктъ изданъ послѣ просмотра его императоромъ; слѣдовательно, если бы съ его точки зрѣнія нужно было упомянуть объ Оригенѣ, онъ и былъ бы упомянутъ. Бароній же дѣлаетъ свою догадку потому, что считаетъ Юстиніана ἀναλφάβητος Мы видѣли, что это его положеніе исторически невѣрно. Далѣе изъ этого послѣдняго вывода,—что разматриваемый эдиктъ написанъ Ѳеодоромъ Аскидою,—дѣлаютъ (кардиналъ Норизій и за нимъ

ковъ „трехъ главъ“. Всѣмъ епископамъ разныхъ городовъ и областей имперіи, всѣмъ священникамъ и діаконамъ, и остальнымъ клирикамъ константинопольской церкви, приходящимъ къ нему въ Плакидіанскій (Placidiana) дворецъ, гдѣ онъ имѣлъ мѣсто жительства, съ просьбами и увѣщаніями принять императорскій эдиктъ о „трехъ главахъ“, онъ давалъ такой отвѣтъ: „Попросите благочестивѣйшаго государя, чтобы онъ удостоилъ снять вывѣшенные имъ въ церквахъ свои эдикты и благоволилъ бы выжидать общаго установленія (constitutum commune); т. е. чтобы соблазняющіеся епископы латинскаго языка или собрались на соборъ, или, по крайней мѣрѣ, послѣ того какъ удалено будетъ всякое насиліе, письменно объявили свои рѣшенія. По сему, въ случаѣ, если не захочетъ послушать просьбъ вашихъ, вы не давайте согласія ни на какое дѣло, которое клонится къ раздѣленію церкви и не уступайте какой либо угрозѣ вопреки установленнаго. Потому что, если въ случаѣ вы сдѣлаете это,—чему мы не вѣримъ,—то знайте, что вы съ настоящаго дня будете отлучены, какъ измѣнники, служеніемъ моего голоса отъ общенія съ престоломъ блаженнаго апостола Петра“ (1). Равно и медіоланскій епископъ Даній объявилъ отъ лица церквей Галліи, Бургундіи, Испаніи, Лигуріи, Эмиліи (Aemiliae) и Венеціи, что всякій, кто согласится съ означенными императорскими эдиктами, не можетъ быть въ общеніи съ епископами упомянутыхъ церквей запада (2). Александрійскій патріархъ Зоилъ, который уже и прежде, при изданіи перваго эдикта императора, обнаружилъ предосудительную двойственность и нерѣшительность характера, теперь оконча-

---

Пагій) еще такой выводъ, что Ѳеодоръ Аскида не былъ акефаломъ (Not. Pag. ad. n. II—V. an. 551 not. 6). Заключеніе совершенно правильное, если бы только было твердо его основаніе.

(1) Harduin. III. col. 3; Migne, LXIX. col. 54.

(2) Harduin. III. col. 49; Migne, LXIX. col. 117.

тельно склонился на сторону защитниковъ „трехъ главъ“, отказался дать согласіе на императорскій эдиктъ, и за это немедленно же, по наущенію Θеодора Аскиды, былъ вычеркнутъ изъ диптиховъ и низложенъ, а на мѣсто его рукоположенъ Аполлинарій (въ іюлѣ 551 г.) (1). Но другіе греческіе епископы, равно какъ и нѣкоторые латинскіе, склонившіеся къ осужденію „трехъ главъ“, не устрашились угрозъ папы: они, въ свою очередь, считали его самаго измѣнникомъ прежнему своему рѣшенію и истинѣ, и вслѣдствіе того признавали подлежащимъ отлученію болѣе его. чѣмъ себя, согласившихся на принятіе императорскаго эдикта. Патріархъ Мина сталъ въ холодныя отношенія къ Вигилію; а Θеодоръ Аскида, съ толпою греческихъ и латинскихъ епископовъ, пребывающихъ въ царствующемъ городѣ, отправился даже въ самый Плакидіанскій дворецъ, гдѣ жилъ папа, и здѣсь, не смотря на воспрещеніе и Вигилія и Дація, торжественно совершилъ литургію въ церкви, въ которой вывѣшены были императорскіе эдикты. Съ канонической точки зрѣнія его поступокъ не представляетъ преступленія; потому что онъ дѣйствовалъ съ соизволенія патріарха царствующаго города и церквей, ему подчиненныхъ. Но папа крайне оскорбился оказаннымъ ему непослушаніемъ, потому, вкупѣ съ 13-ю западными епископами разныхъ городовъ и провинцій, ex persona et auctoritate beati Petri apostoli, мѣсто коего, хотя и недостойно, онъ занимаетъ,—изрекъ на Θеодора Аскиду, какъ на главнаго, съ его точки зрѣнія, виновника зла, отлученіе отъ каѳолическаго общенія и лишилъ его всякаго священническаго служенія и почести; а патріарха Мину со всѣми его митрополитами и митрополичьими епископами, равно какъ и всѣхъ восточныхъ епископовъ, согласившихся на осужденіе „трехъ

(1) Harduin. III. col. 9; Migne. LXIX. col. 62.—Такимъ же образомъ свидѣтельствуетъ и Викторъ туннсскій; «Вмѣсто Зоила, не желающаго осудить упомянутыя три главы, возводится во епископы александрійской церкви Аполлинарій» Chronic. an. 551,

главъ", подвергъ отлученію отъ святаго общенія, до тѣхъ поръ, пока они не сознаютъ своей вины и не извинятся предъ нимъ, папою, и въ знаменіе этого отлученія написалъ особую грамату (1). Такъ совершилось новое раздѣленіе запада съ востокомъ. Но папа не обнародовалъ своего отлученія, — онъ очевидно, страшился императора,—и ограничился только тѣмъ, что пересталъ допускать къ себѣ на глаза всѣхъ участниковъ въ осужденіи „трехъ главъ"; грамату же передалъ на храненіе одному христіанину (cuidam christianae personae) для обнародованія ея въ случаѣ надобности (2). Очевидно, всѣ эти поступки папы клонились къ тому, чтобы устрашить непокорныхъ ему силою своего авторитета. Зналъ онъ также, что они не могутъ не дойти и до свѣдѣнія императора.

Но они произвели на правительство совершенно противоположное дѣйствіе, чѣмъ какого ожидалъ папа. Императоръ, и патріахъ Мина, и всѣ единомышленные имъ епископы, клирики и сенаторы, въ особенности же Ѳеодоръ Аскида, считаемый главнымъ виновникомъ возбужденія вопроса, имѣли полное право считать измѣнниками и истинѣ и прежнему своему обѣщанію не себя, а, наоборотъ, папу, который теперь окончательно склонился на сторону защитниковъ „трехъ главъ" и сталъ дѣйствовать совершенно вопреки тому, что̀ опре-

---

(1) Fragmentum damnationis Theodori episc. Caesar. Capp., a beato Vigilio papa factae. Data XIX Kalendas septembris, imperante domino Justiniano perpetuo Augusto anno 25, post consulatum Basili viri clarissimi anno 11 (10) (т. е. 14 август. 551), Hard. III. col. 9—10; Migne, LXIX. col. 61—62. Это-то несправедливое отлученіе Вигилія и имѣютъ въ виду католическіе писатели, когда доказываютъ справедливость показанія Григорія Двоеслова объ отлученіи Ѳеодоры Вигиліемъ; потому что первое его отлученіе касалось одного только патріарха Мины, безъ упоминанія Ѳеодора кесарійскаго, и Ѳеодо́ра явилась тогда даже примирительницею разсорившихся патріарховъ (см. выше, стр. 634—635). Какая натяжка, особенно если вспомнить, что Вигилій ратовалъ въ это время за неосужденіе мертвыхъ.

(2) Harduin. III. col. 3—4. 7, Migne, LXIX, col. 54—55, 58—59.

дѣлилъ въ Judicatum'ѣ, который онъ выманилъ назадъ (1). Относительно несогласающихся епископовъ правительство стало практиковать обычную въ подобныхъ случаяхъ политику—низлагать ихъ и заключать въ заточеніе или ссылать въ ссылку, а на мѣсто ихъ опредѣлять другихъ лицъ, которыя соглашались съ его воззрѣніями, что̀, естественно, приводило къ безпорядкамъ и даже къ пролитію крови (2); папу и медіоланскаго епископа Дація подвергло строгому заключенію въ мѣстахъ ихъ жительства и стало всячески притѣснять ихъ. Ни папа и ни кто либо другой не говорятъ точно, какого рода были эти притѣсненія, а вообще жалуются, что они были очень сильны, такъ что и папа и Дацій, опасаясь еще большихъ притѣсненій, убѣжали наконецъ, въ томъ же мѣсяцѣ августѣ, когда написана была отлучительная грамата, въ церковь блаженнаго апостола Петра, что̀ въ монастырѣ Ормизды. Императоръ отправилъ туда претора съ эскортою вооруженныхъ солдатъ и съ приказомъ—силою вывести оттуда папу и убѣжавшихъ съ нимъ клириковъ. Но когда преторъ сталъ приводить въ исполненіе приказъ императора, Вигилій ухватился за колонны престола и такъ крѣпко держался за нихъ, что непремѣнно опрокинулъ бы на себя и самый престолъ, если бы не удержали его отъ паденія нѣкоторые близъ находящіеся клирики. Преторъ нашелъ невозможнымъ дальше простирать свое насиліе и вышелъ изъ церкви, не исполнивъ даннаго ему приказанія (3). Однакожъ эта

---

(1) Theoph. Chron. p. 349

(2) Harduin. III. col. 48, Migne, LXIX. col 116; Vict. Tunun. Chron. an. 551. 552 и слѣд.

(3) Самъ папа повѣствуетъ объ этомъ такимъ образомъ: Nam cum ad beati Petri basilicam in Ormisda fundatam Augusto mense nuper praetecito fugissemus, nullum latere confidimus, quia cum in eadem ecclesia a romitatu praetoris, cum multitudine armatorum militum veniente tamquam

неудача не остановила императора. Онъ вновь отправилъ къ папѣ чиновниковъ съ рѣшительнымъ объявленіемъ, что, если онъ не приметъ предлагаемыхъ ему зало-

---

ad bellum instructa acie, a sancto ejus altari tracti pedibus traheremur, tenuimus· et super nos etiam ipsa altaris mensa ceciderat, nisi clericorum nostrorum fuisset manibus sustentata (Hard. III. col. 4; Migne LXIX, col. 55). Италіянскіе клирики въ посланіи къ франкскимъ легатамъ разукрасили это событіе еще вымыслами своей фантазіи, очевидно, съ цѣлію сильнѣе подѣйствовать на своихъ читателей и тѣмъ легче склонить ихъ на свою сторону: Quo viso, s papa columnas altaris amplexus est: sed ille (praetor) ferocitate et animo concitatus, primo de altari diaconos ejus et clericos a capillis tentos ejecit, postea vero ipsum s. papam alii a pedibus, alii a capillis et barba tentum crudeliter abstrahebant. Sed cum ille altaris columnas non dimitteret, cecidit altare, et columnae aliquae fractae sunt, et quantum ad ipsos, ibi super ipsum altare in partibus mitti habuit. Sed Deus, qui in talibus angustiis semper adesse dignatur, tam aliquorum ex ipsis militibus, quam populi, qui ad tumultum venerat, animos ad misericordiam provocavit, et coeperunt voces atque stridores mittere, et sic contigit ut judex iniquitatis supradictus praetor cum ministris crudelitatis suae territus fugiendo discederet (Ibid col 117; Hard. III. col. 49). Очевидно, что и это стеченіе народа, начавшаго производить шумъ и свистки и это бѣгство претора, и остальное, что̀ несогласно съ приведенными словами Вигилія, нужно принять за вымыслъ разгоряченной фантазіи клириковъ; потому что иначе папа самъ бы сказалъ въ посланіи, которое нарочно для того и назначено, чтобы извѣстить вселенную о своихъ страданіяхъ Θеофанъ говоритъ: *ἀγανακτήσας δὲ ὁ βασιλεὺς κατὰ Βιγιλίου διὰ τὸ ἐπιτίμιον, καὶ διὰ τὸ ὑπερτίθεσθαι πληρῶσαι τὰ δόξαντα περὶ τῆς ἑνώσεως τῶν ἐκκλησιῶν, ἀπέστειλεν συλλαβεῖν αὐτὸν. ὁ δὲ φοβηθεὶς τὴν ὀργὴν τοῦ βασιλέως, τῷ θυσιαστηρίῳ Σεργίου τοῦ μάρτυρος μονῆς τῶν Ὁρμίσδου προσέφυγεν. κἀκεῖθεν ἑλκόμενος, κατέσχεν τοὺς βαστάξοντας τὸ θυσιαστήριον κίονας, καὶ τούτους κατεστρεψεν, βαρὺς ὢν καὶ μέγας τῷ σώματι. ὁ δὲ βασιλεὺς μεταμεληθείς, ἐδέξατο τὸν πάππαν Βιγίλιον.* Здѣсь же Θеофанъ говоритъ объ отлученіи Мины Вигиліемъ и Вигилія Миною, равно какъ и о посредствѣ императрицы Θеодоры въ ихъ примиреніи (Theoph. Chron. p. 349—350). Очевидно, онъ смѣшалъ второе отлученіе, изготовленное Вигиліемъ, съ первой его ссорой съ патріархомъ Миною (см. выше стр. 634),—событія, случившіяся въ 551 и 552 гг. совокупилъ въ одно съ событіями 547 г. и неправильно все помѣстилъ подъ 547 годомъ. Его сообщеніе, что императоръ вознегодовалъ на папу за то, что онъ не выполнилъ условленнаго относительно единенія церквей, безспорно, слѣдуетъ отнести къ разсматриваемому времени,—потому что обѣщанія его

говъ (sacramenta) и не выйдетъ изъ церкви, то будетъ извлеченъ изъ нея силою. Папа не принялъ предлагаемыхъ ему залоговъ, но потребовалъ, чтобы императоромъ дана была ему клятва по формѣ, которую онъ теперь самъ предлагаетъ, и при этомъ вручилъ чиновникамъ свитокъ проэктируемой имъ клятвы. Императоръ далъ эту клятву, однакожъ, далеко не въ той формѣ, какъ требовалъ папа, а такую, какая ему была угодна. Тѣмъ не менѣе папа принялъ ее, и когда принесшіе ее чиновники подтвердили ее отъ имени императора, попеременно полагая ее, въ знакъ непреложной вѣрности, на престолъ, на cataracta beati Petri apostoli, на крестъ и ключи апостола Петра,—папа рѣшился оставить убѣжище и возвратился въ Плакиціанскій дворецъ. Вмѣстѣ съ нимъ вышли изъ священнаго убѣжища Даціи медіоланскій и остальные епископы и клирики, съ нимъ убѣжавшіе, такъ какъ и имъ дано было ручательство въ томъ, что не будутъ чинить имъ насилій. Но и послѣ этого, по словамъ папы, не переставали чинить надъ нимъ насилія. Онъ напоминалъ о данномъ ему залогѣ и необходимости его выполненія, и просилъ доложить объ этомъ императору; но притѣсненія возрастали (1). Однажды, за два дня до

осудить «три главы» послѣдовали послѣ первой его ссоры съ патріархомъ Миною и оффиціально выражены въ его Judicatum'ѣ,—и, въ виду односторонняго и тенденціознаго повѣствованія о разсматриваемыхъ событіяхъ—Вигилія и италіянскихъ клириковъ, имѣетъ весьма важное значеніе, какъ освѣщающее raison d'être дѣйствій правительства и греческихъ епископовъ относительно папы. Но западные писатели почему-то не обращаютъ на это вниманія.—Никифоръ Каллистъ въ своей церковной исторіи вполнѣ слѣдуетъ Ѳеофану и впадаетъ въ туже ошибку (l. XVII. c. 26).

(1) Harduin. III. col 4—5. 49; Migne; LXIX. col 55—56. 117.—Италіянскіе клирики, въ извѣстномъ своемъ посланіи къ франкскимъ легатамъ, говорятъ, что въ это время были посылаемы въ Римъ и Медіоланъ парочитыя лица, которыя имѣли цѣлію возбудить въ народѣ недовольство противъ Вигилія и Дація, съ тѣмъ, чтобы низвергнуть ихъ и на мѣсто ихъ поставить другихъ лицъ, болѣе соотвѣтствующихъ видамъ

Рождества Христова 551 г., онъ услышалъ черезъ двери голоса царскихъ слугъ, трактующихъ о томъ, что всѣ входы и выходы Плакидіанскаго дворца положено подвергнуть строжайшему карауду. Это неожиданное извѣстіе до того устрашило папу, что онъ тотчасъ же, въ глубокую ночь, въ величайшемъ страхѣ и съ крайней опасностію для жизни, пѣшкомъ и прямою дорогою чрезъ заборы, бѣжалъ изъ Плакидіанскаго дворца въ Халкидонъ и скрылся здѣсь въ церкви св. Евѳиміи. Убѣжалъ также сюда и Дацій медіоланскій, а равно и нѣкоторые другіе епископы и клирики—защитники „трехъ главъ“ (1). Въ тоже самое время папа обнародовалъ и скрываемую имъ доселѣ отлучительную грамату на Ѳеодора кесарійскаго, патріарха Мину и остальныхъ участниковъ въ осужде-

---

правительства Мало того, будто бы отъ имени Вигилія разсылаемы были, разумѣется, съ вѣдѣнія правительства, даже подложныя письма, компрометирующія честь папы и возбуждающія противъ него населеніе (Ibid. col 117—118; Harduin, III. 49—50). Это извѣстіе италіянскихъ клириковъ, по всей справедливости, слѣдуетъ отнести къ разряду вымысловъ, учиненныхъ для того, чтобы сильнѣе возбудить на западѣ ненависть къ константинопольскому правительству; потому что, если бы дѣйствительно были разсказываемые ими факты, Вигилій самъ не преминулъ бы упомянуть объ нихъ въ цитуемомъ окружномъ его посланіи. — По всей вѣроятности, разсматриваемое посланіе италіянскихъ клириковъ издано въ концѣ 551 года, прежде бѣгства Вигилія въ храмъ мученицы Евѳиміи въ Халкидонѣ; потому что въ немъ нѣтъ упоминанія объ этомъ бѣгствѣ папы, случившемся, какъ будетъ показано, въ концѣ декабря того же года. Пагій приводитъ и другія соображенія, покоящіяся на содержаніи посланія клириковъ и сопоставленіи его съ другими памятниками того времени (Notae ad num. XIV sqq. an. 551. not. 16). Но Манси опровергаетъ его и доказываетъ, что оно издано въ 552 г. (См. not. Mansi ad not. 7. Pag. an. 556, у Баронія). Изъ сопоставленія тѣхъ памятниковъ, на основаніи которыхъ дѣлалъ свои соображенія Пагій, въ сущности лишь развивающій догадку Норизія, и которые у насъ имѣются подъ руками, намъ болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе Пагія.

(2) Harduin. III. col. 5; Migne, patr LXIX. col. 56. Vict Tununens. Chron. an. 552.

ніи „трехъ главъ“ (1). Такъ случилось то, чего правительство болѣе всего опасалось и въ предупрежденіе чего оно положило было строго охранять всѣ входы и выходы Плакидіанскаго дворца.

Храмъ Евѳиміи, какъ мѣсто священнаго убѣжища, былъ весьма удачно выбранъ Вигиліемъ. Правительство не могло извлечь его оттуда силою, не возбудивъ всеобщаго ропота и не наложивъ тѣнь предъ народомъ на свои дѣйствія противъ „трехъ главъ“: насильственно извлечь перваго въ мірѣ архіерея, который громко о себѣ заявляетъ, что онъ терпитъ притѣсненія за халкидонскій соборъ, изъ храма, въ которомъ собирались и постановляли свои рѣшенія отцы халкидонскаго собора, значило дать сильнѣйшее оружіе въ руки противниковъ, что, вотъ-де, осудители „трехъ главъ“ нисколько не уважаютъ священнаго мѣста собранія отцевъ халкидонскаго собора и, явно, настаиваютъ на осужденіи „трехъ главъ“ для ниспроверженія его авторитета. — 28 января 552 г. императоръ отправилъ къ папѣ торжественное посольство, состоящее изъ знаменитѣйшихъ лицъ государства: екскonсуловъ и патриціевъ Велизарія и Цетега (Кѳѳега), екскonсула патриція и магистра Петра, екскonсула и куропалата Юстина, роднаго племянника Юстиніана, и квестора Марцеллина, которые всѣ, отъ имени императора, убѣждали его принять залоги (sacramenta) и возвратиться въ Константинополь. Папа отвѣтилъ, что онъ убѣжалъ сюда по причинѣ возбужденнаго въ церкви и извѣстнаго всему міру соблазна и что онъ выйдетъ отсюда и возвратится въ царствующій городъ не иначе,

---

(1) Это утверждаетъ Манси на основаніи Балузіанскаго памятника въ вышеуказанномъ своемъ примѣчаніи на примѣчаніе Пагія, оговариваясь, впрочемъ, что, очень можетъ быть, отрѣшеніе патріарха Мины отъ общенія и не было обнародовано. Это утвержденіе Манси, какъ увидимъ не противорѣчитъ показаніямъ Вигилія въ его окружномъ посланіи ко всей церкви.

какъ если императоръ снова даруетъ церкви миръ, который нѣкогда данъ былъ имъ ей при покойномъ его дядѣ (т. е. въ 519 г.). Затѣмъ, изложивъ, съ своей точки зрѣнія, исторію событій со времени изданія послѣдняго императорскаго эдикта и обстоятельства, приведшія его къ написанію отлучительной граматы на Θеодора Аскиду и его соучастниковъ, онъ въ заключеніе судомъ всемогущаго Бога умолялъ и заклиналъ пословъ внушить императору, что и онъ, въ предупрежденіе какого нибудь тяжкаго грѣха, не долженъ сообщаться съ отлученными имъ, папою, въ особенности же съ виновникомъ всего зла, Θеодоромъ Аскидою (1). Точка зрѣнія папы была совершенно противоположна точкѣ зрѣнія правительства и восточныхъ епископовъ, и потому къ принятію невозможна. Спустя два или три дня послѣ этого, Петръ магистръ снова пришелъ къ нему съ граматою отъ императора; но папа отвергъ ее, какъ непринадлежащую императору, потому якобы, что на ней не было император-

---

(1) Harduin. t. III. col. 3—4, Migne. LXIX, col. 53—55: Dum haec autem praefatis judicibus diceremus, rogavimus et conjuravimus eos, invocato omnipotentis Dei judicio, ut clementissimo imperatori hoc quoque ex nomine nostro suggererent: quia illis qui a nobis excommunicati sunt, in quibus et is quem praediximus est (т. е. Theod. Ascid), communicare non debet, ne grave, quod absit, peccatum incurrat Отсюда, по нашему мнѣнію, съ большею вѣроятностію можно заключить, что отлучительная грамата на Θеодора и патріарха Мину съ ихъ единомышленниками дѣйствительно была обнародована Вигиліемъ непосредственно послѣ бѣгства въ храмъ Евѳиміи; иначе, какъ возможно умолять и даже заклинать о несообщеніи съ отлученными, отлученіе которыхъ необнародовано и, слѣдовательно, не можетъ быть извѣстно? Поэтому, такія выраженія въ томъ же его посланіи, какъ, sed ob hoc hactenus paginam ipsius damnationis proferre noluimus, или: ante sex menses a nobis inter alios communione sacra privatus est (Theod.), et ab episcopatu pro sua pravitate depositus: per eam videlicet paginam, quam adhuc pro mansuetudinis vestrae intuitu, et spe conversionis ejus, sicut dictum est, publice proferre distulimus, слѣдуетъ относить ко времени до изданія этой граматы и тогда оно получитъ такой смыслъ: «не хотѣлъ издавать доселѣ, когда только что издалъ».

ской подписи, преимущественно же потому, что она была направлена „противъ намѣстника перваго изъ апостоловъ“, что, по его мнѣнію, совершенно несогласно съ прежними увѣреніями императора въ почтительности къ „апостольскому престолу“. Наконецъ, 5 февраля тотъ же Петръ магистръ еще разъ пришелъ къ нему отъ лица императора и прямо спросилъ его: „когда вы желаете, чтобы пришли стряпчіе (judices) и представили вамъ залоги, поколику вы должны выйдти изъ этой церкви, въ которой пребываете, и безъ страха (securi) возвратиться въ царствующій городъ“? Папа отвѣтилъ, что онъ оставилъ свой городъ и прибылъ сюда не по частному какому нибудь дѣлу, но что какъ прежде онъ просилъ императора, такъ и теперь проситъ, чтобы онъ никому не дозволялъ возмущать миръ церкви, который Богъ давно уже даровалъ ей чрезъ него же самаго,—въ особенности же не дозволялъ бы терзать каѳолическую вѣру виновнику настоящаго зла, Ѳеодору, котораго онъ, папа, за шесть до сего времени мѣсяцевъ лишилъ вмѣстѣ съ другими св. общенія и низложилъ со степени архіерейства, и только въ надеждѣ его обращенія не обнародывалъ этого своего о немъ рѣшенія. Затѣмъ папа присовокупилъ, что теперь онъ не можетъ дать никакого отвѣта на возникшій вопросъ въ церкви,—такъ какъ и самъ Петръ отказывается передать императору истинныя его воззрѣнія относительно этого вопроса,—но что для настоящаго случая онъ можетъ выразить одно только желаніе, чтобы императоръ благоволилъ выдать ему залогъ, дабы онъ, безъ страха опасности, могъ послать къ нему во дворецъ Дацій медіоланскаго и нѣкоторыхъ другихъ, которые къ оному будутъ присоединены, и тогда они откровенно и по правдѣ возвѣстятъ отъ его имени то, что онъ порѣшилъ о возникшемъ въ церкви вопросѣ. Присовокупилъ еще, что по этому вопросу онъ не требуетъ никакихъ особыхъ ручательствъ, но что онъ выйдетъ изъ церкви тотчасъ же, какъ только императоръ окажетъ милости; потому что ничто другое его

не устрашаетъ, кромѣ возникшаго соблазна въ церкви, который и заставляетъ его пребывать въ храмѣ св. Евѳиміи (1). Выдалъ ли императоръ требуемое отъ него обязательство, и посылалъ ли по нему папа во дворецъ Дація медіоланскаго съ товарищами?—остается неизвѣстнымъ. Спустя нѣсколько времени патріархъ Мина, Ѳеодоръ Аскида, Андрей епископъ ефесскій, и многіе другіе епископы подали Вигилію, каждый лично отъ себя, по граматѣ слѣдующаго содержанія: „Подлинно всѣмъ вѣрующимъ, а священникамъ Божіимъ въ особенности, подобаетъ слѣдовать со всѣми миру и освященію, безъ которыхъ. по апостолу (1 Солун. 4 гл.), никто не узритъ Господа. И такъ, слѣдуя сему апостольскому ученію и прилагая стараніе къ сохраненію церковнаго согласія, мы учиняемъ (facimus) настоящее исповѣданіе вѣры". Затѣмъ, объявивъ со всевозможною точностію. что они пріемлютъ всѣ вселенскіе соборы, въ томъ числѣ и халкидонскій,—хранили, хранятъ и намѣрены хранить. непреложно и неизмѣнно, безъ всякой прибавки или убавки, все, что̀ на нихъ изречено или поставлено *по общему согласію* съ викаріями апостольскаго престола, въ концѣ исповѣданія они дѣлаютъ такую приписку: „хотя я, вопреки установленія благочестивѣйшаго государя и вашего блаженства, не писалъ никакого сочиненія (libellum nullum feci) по дѣлу „трехъ главъ", изъ-за которыхъ возникъ вопросъ, однакожъ я хочу и соглашаюсь. чтобы возвращены были вашему блаженству всѣ брошюрки (libelli), которыя написаны были подъ этою формою. Также прошу прощенія (veniam) за несправедливости, какія причинены вашему блаженству или престолу, хотя я и не совершалъ ихъ, но какъ будто совершилъ; потому что о мирѣ церкви слѣдуетъ заботиться всевозможными способами. Рав-

(1) Harduin t. III. col. 4. 7; Migne, LXIX col. 55. 58—59.

нымъ образомъ, прошу прощенія и въ томъ, что во время разногласія принималъ въ общеніе отлученныхъ или непринятыхъ вашимъ блаженствомъ“ (1). Явно, что и патріархъ Мина и остальные восточные епископы остаются при своемъ мнѣніи: они отказываются только отъ брошюрокъ, написанныхъ по вопросу о „трехъ главахъ“ послѣ Judicatum'a, но не отъ самаго Judicatum'a и согласнаго съ нимъ императорскаго установленія; изъ соборныхъ постановленій принимаютъ лишь то, что рѣшено по общему согласію съ викаріями „апостольскаго престола“, и Мина съ епископами просятъ у папы прощенія не потому, что сознаютъ за собою какую нибудь вину, а ради церковнаго мира и духовнаго освященія, безъ которыхъ невозможно узрѣть Господа, или иначе—для того, чтобы удовлетвореніемъ папскаго самолюбія водворить желаемый миръ въ церкви. Равнымъ образомъ взятъ былъ назадъ и послѣдній эдиктъ императора, какъ тоже изданный, вопреки условія, послѣ папскаго Judicatum'a. Итакъ, обѣ спорящія стороны остались при своихъ мнѣніяхъ: поставленный опять въ неопредѣленность вопросъ „о трехъ главахъ“ рѣшено было перенести на обсужденіе и рѣшеніе *вселенскаго собора*. Послѣ этого папа примирился съ восточными епископами, вышелъ изъ храма св. Евѳиміи и возвратился въ Константинополь. Между тѣмъ Даній медіоланскій умеръ, согласившись предварительно, по словамъ Виктора тунисскаго, на осужденіе „трехъ главъ“, въ нечестіи которыхъ онъ убѣдился (2).

Послѣ этого обѣ спорящія стороны стали направлять свои дѣйствія къ тому, чтобы составъ созываемаго собора образовать по преимуществу изъ приверженныхъ къ себѣ епископовъ и такимъ образомъ обезопасить за

---

(1) Harduin. III. col. 10—11; Migne, LXIX. col. 67—69.

(2) Vict. Tunun. Chron. an. 554; Pagius. Not. ad. n. XXIX an. 552 not. 25.

собою рѣшеніе. Папа потребовалъ, чтобы соборъ былъ созванъ въ какомъ нибудь изъ италіянскихъ городовъ или же въ Силиціи, куда могли бы въ большинствѣ собраться африканскіе и другіе западные епископы латинскаго языка: это означало, что въ рѣшеніи возбужденнаго вопроса востокъ, по мнѣнію папы, долженъ подчиниться западу и императоръ заранѣе обязанъ отказаться отъ осужденія „трехъ главъ“. Понятно, что папа получилъ отказъ; соборъ безусловно рѣшено составить на востокѣ. Въ замѣнъ этого папѣ предложено было, чтобы онъ обозначилъ императору имена тѣхъ епископовъ, которыхъ онъ желаетъ видѣть вызванными съ запада. Папа принялъ это предложеніе (1) и императоръ поспѣшилъ разослать пригласительныя къ епископамъ граматы.

Всѣ восточные патріархи, за исключеніемъ іерусалимскаго Евстохія, издавна пребывали въ Константинополѣ; Евстохій же, вскорѣ по своемъ рукоположеніи, отправился въ Іерусалимъ и на мѣсто себя прислалъ апокрисіаріевъ (2). Въ числѣ другихъ приглашенныхъ восточныхъ епископовъ былъ также амасійскій митрополитъ, который, однакожъ, за слабостію здоровья не могъ самъ явиться на соборъ, а прислалъ вмѣсто себя апокрисіаріемъ пресвитера и игумена одного изъ амасійскихъ монастырей, Евтихія. Выборъ былъ удачный. Происходя отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей, дитя обѣта и еще во утробѣ матери посвященный ею Богу, Евтихій съ юныхъ лѣтъ воспиталъ въ себѣ духъ благочестія и ревность по чистотѣ вѣры. Высокій, красивый и стройный, онъ, по словалъ его ученика и жизнеописателя Евстратія, еще болѣе сіялъ красотою духовною: съ твердостію характера соединялъ мягкость и привѣтливость, обладалъ непреодолимою убѣдительностію рѣчи, отлично зналъ

---

(1) Harduin. t. III; col. 12, Migne, LXIX. col. 70—71.

(2) Vita Sabae. c. 90.

Слово Божіе, святоотеческую литературу и даже свѣтскихъ писателей. Любимыми отцами его были: Василій великій, Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и Діонисій Ареопагитъ. Ему было около 40 лѣтъ, когда онъ получилъ назначеніе апокрисіарія и прибылъ въ Константинополь.—Удручаемый старостію, патріархъ Мина видимо доживалъ въ это время послѣдніе свои дни и приближался ко гробу. Среди огорченій, какія, естественно, причиняла ему распря съ Вигиліемъ, онъ имѣлъ утѣшеніе совершить въ послѣднее время два радостныя для него событія—освятить съ величайшимъ торжествомъ первоначально великолѣпно отстроенную церковь свв. апостоловъ (въ 549 г.) и потомъ (въ 551 г.) храмъ св. Ирины, въ освященіи котораго соучаствовалъ съ нимъ еще александрійскій патріархъ Аполлинарій. Не могло не озабочивать его и назначеніе ему достойнаго преемника: обстоятельства были слишкомъ запутанны и церковь нуждалась въ разумномъ и твердомъ управителѣ. Въ этомъ отношеніи прибытіе Евтихія въ Константинополь доставило ему истинное утѣшеніе. Евтихій остановился во дворцѣ патріарха и съ перваго же раза произвелъ на него весьма благопріятное впечатлѣніе. Св. старецъ попросилъ его на время неотлучаться отъ себя; потомъ, представивъ его къ своему клиру, сказалъ въ пророческомъ духѣ: „этотъ монахъ будетъ моимъ преемникомъ“, и вслѣдъ за тѣмъ отослалъ его къ царю во дворецъ. Здѣсь происходили жаркіе споры о томъ, слѣдуетъ ли анаѳематствовать еретиковъ послѣ смерти. Евтихій принялъ сторону рѣшавшихъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ и замѣтилъ, что вопросъ этотъ не требуетъ и разсмотрѣнія; такъ какъ въ древности и царь Іосія не только заклалъ живыхъ жрецовъ идольскихъ, но еще раскопалъ гробы и сжегъ кости тѣхъ, которые прежде приносили жертвы идоламъ и умерли безъпокаянія (4 Царств. XXIII, 16. 20). „Тоже должно быть примѣнено и къ еретикамъ, и ихъ слѣдуетъ анаѳематствовать послѣ смерти“. Императоръ и всѣ присутствовавшіе, замѣчаетъ его жизнеопи-

сатель Евстратій, изумились и стали относиться къ нему съ великимъ почтеніемъ и уваженіемъ. Личная бесѣда его съ императоромъ только усилила это впечатлѣніе: онъ получилъ свободный доступъ во дворецъ и сдѣлался близкимъ человѣкомъ государя. Спустя нѣсколько дней послѣ этого скончался престарѣлый патріархъ Мина (25 авг. 552 г.). Едва только вѣсть объ этомъ дошла до государя, какъ „многіе взапуски и съ неимовѣрнымъ усиліемъ, обѣщаніями и дарами, старались подкупить приближенныхъ (τοὺς δυνατὰς) императора, чтобы архіерейское достоинство ввѣрено было людямъ недостойнымъ", наиболѣе соотвѣтствующимъ ихъ видамъ. Но императоръ уже предрѣшилъ, кого избрать на мѣсто умершаго патріарха. Онъ немедленно же повелѣлъ одному изъ референдаріевъ произвести изслѣдованіе, отдѣлить отъ другихъ Евтихія и приставить къ нему почетный караулъ. За тѣмъ созванъ былъ соборъ для совѣщаній объ избраніи патріарха. Императоръ сильно убѣждалъ и константинопольскій клиръ и сенатъ избрать на мѣсто умершаго Мины именно Евтихія; при этомъ онъ разсказалъ бывшее ему видѣніе во снѣ верховнаго изъ апостоловъ Петра, который указалъ ему на Евтихія и возвѣстилъ, что онъ долженъ быть епископомъ. „Императоръ многими клятвами подтвердилъ, что онъ видѣлъ именно такъ". Соборъ согласился на избраніе Евтихія и единогласно воскликнулъ: „достоинъ, достоинъ". Такимъ образомъ онъ сдѣлался патріархомъ (1).

Западные епископы весьма неохотно послѣдовали приглашенію императора. Правда, въ настоящій разъ ихъ прибыло въ Константинополь столь великое число, какъ ни на одинъ изъ доселѣ бывшихъ вселенскихъ соборовъ; но при всемъ томъ ихъ по крайней

(1) Vita Eutychii, c I. §. 4. 6. 7, c. III §. 19—26; c. VIII. §. 79 80; c. IX § 89; Evagr. l IV. c. 38; Theoph. Chron. p 352—354, Malalas. p. 486.

мѣрѣ было въ десять разъ меньше восточныхъ епископовъ и они не могли не видѣть, что, если рѣшеніе вопроса поставить въ зависимость только отъ численнаго отношенія тѣхъ и другихъ епископовъ, западныхъ и восточныхъ, то перевѣсъ, очевидно, былъ на сторонѣ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого Вигилій чувствовалъ себя въ крайне затруднительномъ положеніи и потому всячески старался оттягивать открытіе собора. Но принятая имъ метода—волочить время, можетъ быть, выгодная, при настоящихъ обстоятельствахъ, для западныхъ епископовъ, была невыгодна для восточныхъ, естественно, тяготящихся пребываніемъ въ столицѣ, и кромѣ того опасна для мира церкви. Поэтому, чтобы побудить папу открыть наконецъ соборъ и показать, что никакой не предстоитъ опасности для чистоты вѣры, Евтихій константинопольскій, Аполлинарій александрійскій, Домнъ антіохійскій, Илія ѳессалоникскій, и весьма многіе другіе епископы подали ему, 6 января 553 г., коллективную грамату нижеслѣдующаго содержанія: „Зная, сколько благъ доставляетъ миръ Божій, охраняющій сердца и помышленія вѣрныхъ и соединяющій ихъ во едино, дабы они въ дѣлѣ исповѣданія правой вѣры и исполненія заповѣдей Божіихъ мудрствовали одно и тоже, и приближающій Бога къ тѣмъ, которые единодушно соглашаются на то, что̀ истинно, и потому стараясь сохранить единеніе съ апостольскою каѳедрою, мы дѣлаемъ извѣстнымъ вашему блаженству, что мы всегда хранили и хранимъ вѣру, отъ начала преданную великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ святымъ апостоламъ, и ими проповѣданную во всемъ мірѣ и изъясненную св. отцами и особенно тѣми, которые собирались на четырехъ св. соборахъ,—которымъ мы во всемъ и всецѣло слѣдуемъ и которыхъ пріемлемъ“. Затѣмъ, перечисливъ поименно каждый изъ вселенскихъ соборовъ и объявивъ, что они пріемлютъ все, что̀ на оныхъ рѣшено и опредѣлено, восточные патріархи и епископы заканчиваютъ свою грамату такимъ образомъ: „Итакъ, необходимость снестись по дѣлу о „трехъ главахъ“,

относительно которыхъ возникъ между нѣкоторыми вопросъ, является въ такое время, когда мы и хранили и хранимъ все вышеупомянутое, и согласуемся въ этомъ между собою. Посему мы и просимъ, подъ предсѣдательствомъ среди насъ вашего блаженства, спокойно и со священническою кротостію, предъ святымъ Евангеліемъ, сообща разсмотрѣть и обсудить эти главы и положить конецъ этому вопросу, угодный Богу и согласный съ тѣмъ, что̀ опредѣлено четырьмя святыми соборами; ибо для умноженія мира и согласія въ церквахъ требуется, чтобы, по исторженіи изъ среды (насъ) всякаго разногласія, было соблюдаемо полное уваженіе къ святымъ четыремъ соборамъ и непоколебимо сохраняемо то, что̀ ими опредѣлено". Подъ этою грамотою, кромѣ помянутыхъ патріарховъ и епископовъ, подписались и прочіе епископы, которые не подписались подъ вышеприведеннымъ исповѣданіемъ вѣры патріарха Мины; остальные же, которые не подписались и подъ настоящимъ исповѣданіемъ вѣры, написали его и подали Вигилію каждый отъ себя отдѣльно (1). 8 янва-

---

(1) Harduin. t. III. col 11—12; 59—62, Migne, LXIX. col. 69—70; 63—66; Дѣян. всел. собор, т. V. стр. 39—41 —Русскій переводъ этой граматы не вездѣ правиленъ и точенъ. Такъ, напр., въ подлинникѣ сказано, Ὁπότε τοίνυν τὰ προειρημένα πάντα καὶ ἐφυλάξαμεν, καὶ φυλάττομεν, καὶ ἐν τούτοις συμφωνοῦμεν ἀλλήλοις, ἀναγκαῖόν ἐστι διαντιβληθῆναι περὶ τῶν τριῶν κεφαλαίων, περὶ ὧν τισι ζήτησις ἀνεφύη. По-русски это переведено такимъ образомъ. «Итакъ, *сохраняя* прежде и теперь все вышеупомянутое и будучи согласными въ этомъ между собою, *мы вынуждены* собраться по дѣлу о «трехъ главахъ», по поводу которыхъ возникъ между нѣкоторыми вопросъ». Кромѣ того, что эта фраза составлена не-по-русски, въ ней нѣтъ, по нашему мнѣнію, логическаго смысла и кромѣ того заключается прямая историческая невѣрность. Какъ будто выходитъ такъ, что необходимость снестись по дѣлу «о трехъ главахъ» вытекаетъ изъ того, что восточные епископы хранятъ вселенскіе соборы и все ими установленное. Странно! Почему же папа и западные епископы, «сохраняя» и проч., не «вынуждены собраться», а явилась нужда даже упрашивать ихъ сдѣлать это? Очевидно, что въ дѣйствительности необходимость собора вытекла изъ другой причины, именно—отъ того, что по вопросу о «трехъ главахъ» возникло *разногласіе* между восто-

ря Вигилій отослалъ къ Евтихію, Аполлинарію и Домну, и всему находящемуся въ ихъ вѣдѣніи собору, отвѣтную грамату, въ которой, съ одной стороны похваливъ ихъ за правое исповѣданіе вѣры, а съ другой—засвидѣтельствовавъ, что и онъ хранитъ туже самую вѣру, относительно открытія собора по дѣлу о „трехъ главахъ“ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Итакъ, зная изъ вышеозначеннаго силу вашей просьбы, мы уже выразили согласіе, по учрежденіи каноническаго собора, *съ соблюденіемъ равенства*, со святымъ Евангеліемъ на срединѣ, разсудить вмѣстѣ съ находящимися въ единеніи съ нами братьями о „трехъ главахъ“, изъ-за которыхъ возникъ вопросъ, и дать рѣшеніе (finem) угодное Богу и согласное съ тѣмъ, что опредѣлено четырьмя святыми соборами, зная конечно, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и общее исповѣданіе, что къ упомянутымъ соборамъ во всемъ сохраняется почтеніе“ (1). Этотъ отвѣтъ

комъ и западомъ. Храненіе соборныхъ установленій само по себѣ не можетъ вызвать созваніе новаго собора для рѣшенія какого бы то ни было вопроса. Оно можетъ быть только пунктомъ соглашенія въ рѣшеніи возникшаго вопроса И въ данномъ случаѣ папа и западные епископы отказываются явиться на соборъ потому, что видятъ въ осужденіи «трехъ главъ»,—противъ которыхъ преобладающее большинство восточныхъ епископовъ и которыя потому они, какъ меньшинство, не могутъ отстоять,—нарушеніе, или ниспроверженіе опредѣленій прежнихъ вселенскихъ соборовъ. Въ противоположность этому восточные епископы заявляютъ, что этой опасности не существуетъ, потому что нужда въ соборѣ является въ такое время, когда они ненарушимо и хранили и хранятъ опредѣленія прежнихъ вселенскихъ соборовъ. Такимъ образомъ, нѣтъ достаточнаго основанія и для того, чтобы отлагать открытіе собора и, къ общему вреду всей церкви, затягивать рѣшеніе вопроса на неопредѣленное время. Вотъ истинный смыслъ разсматриваемаго мѣста въ посланіи, который, однакожъ, по русскому переводу теряется, по крайней мѣрѣ—затемняется такъ,' что невозможно добраться до него. А отъ этого теряетъ свой настоящій смыслъ и все посланіе.

(1) Harduin III. col 61—64; Migne, LXIX. col. 65—68; Дѣян. всел. соб т. V. стр. 41—43.—Эта грамата папы заключаетъ въ себѣ двусмысленность, которая въ русскомъ переводѣ утрачена. Слова. Quibus ta praedictis postulationibus vestrum (postulationis vestrae) desiderium co-

папы по прежнему оттягивалъ открытіе собора на неопредѣленное время. Условіе, чтобы соборъ былъ со-

---

gnoscentes annuimus, ut de tribus capitulis, ex quibus quaestio nata est, facto regulari conventu, *servata aequitate*, mediis sacrosanctis evangeliis, collationem cum unitis fratribus habeamus etc, по-русски переведены такимъ образомъ. «Итакъ, зная изъ вышеизложеннаго силу вашей просьбы, мы согласны, сдѣлавъ законное собраніе, *съ соблюденіемъ справедливости*, предъ святымъ Евангеліемъ на срединѣ, разсудить вмѣстѣ съ единодушными братьями» и проч. Правда, aequitas значитъ справедливость; но это значеніе производное, дальнѣйшее; коренное же значеніе этого слова—равенство, что̀ совершенно тожественно выражено въ греческомъ переводѣ словомъ—*δίκαιος* Папа соглашался явиться на соборъ и войдти въ разсмотрѣніе «трехъ главъ» подъ условіемъ соблюденія равенства, т. е. если латинскіе епископы будутъ засѣдать на соборѣ въ равномъ числѣ съ греческими. Но такое требованіе папы есть не справедливость, а несправедливость въ данномъ случаѣ, какъ это будетъ ясно изъ дальнѣйшаго изложенія дѣла. Восточные патріархи и епископы принимаютъ это требованіе папы; aequitas—*δίκαιον*—равенство относятъ къ числу лицъ съ запада и востока, а къ свойству самыхъ предметовъ, о которыхъ рѣчь, что̀ и будетъ составлять справедливость въ собственномъ смыслѣ, требуемую высшей правдой.—Баронiй, приведши цѣликомъ оба разсматриваемыя посланія, восточныхъ епископовъ и папы, упускаетъ изъ вниманія выставленное папою условіе для открытія собора и дѣлаетъ изъ нихъ совершенно неправильные выводы,—говоритъ, что императоръ теперь только взялъ обратно свои эдикты; что теперь только условлено рѣшить возникшій вопросъ на соборѣ, что открытіе собора назначено въ мѣсяцѣ маѣ; что папа теперь только принялъ въ общеніе Аполлинарія александрійскаго, когда скончался Зоилъ, и что вообще все пошло по волѣ папы (Baron. an 553. n. VIII—XIV). Всѣ эти выводы—произвольные и ничѣмъ неоправдываемые выводы. Нельзя даже принять и того заключенія, чтобы папа теперь только принялъ въ общеніе Аполлинарія александрійскаго; потому что это несогласно съ изложеннымъ доселѣ ходомъ событій. грамата Аполлинарія къ Вигилію есть грамата епископа уже находящагося въ общеніи съ послѣднимъ; да ниоткуда и не видно, чтобы Зоилъ къ этому времени померъ Пагій, исправляя здѣсь Баронія, говоритъ, Caeterum Eutychius Vigilium rogavit epistola a se et ab Apollinario Alexandrino, Domno Antiocheno, et Elia Thessalonicensi patriarchis subscripta, *ut jam tandem concilium* ad trium capitulorum causam terminandam *inchoaret*. Затѣмъ, выписавъ вышеуказанныя нами слова Вигилія, относящіяся къ созванію собора, дѣлаетъ такое замѣчаніе: At illis clausulis, *Facto regulari conventu servata aequitate*, ita synodum pontifex indici consentiebat, ut et Latini episcopi pari numero adessent, quod tamen numquam obtinere potuit (Notae ad n 1—XV. an. 553. not. 3). Выводы Баронія противорѣчатъ и словамъ самого Вигилія въ его Constitutum'ѣ Harduin. III col 12 - 13, Migne, LXIX. col. 71)

ставленъ изъ равнаго числа греческихъ епископовъ съ латинскими, по всей вѣроятности, было высказываемо Вигиліемъ еще и прежде этого времени, и, нужно думать, придумано имъ несамостоятельно, но болѣе западными епископами—защитниками „трехъ главъ", и по ихъ настоянію предложено; очевидно, оно направлено было главнымъ образомъ къ тому, чтобы оттянуть открытіе собора, утомить и правительство и собравшихся восточныхъ епископовъ безконечною проволочкой, и тѣмъ вынудить ихъ согласиться на условія, которыя могли бы обезпечивать за западными побѣду. Объ отвѣтѣ Вигилія доложено императору и переговоры въ указанномъ смыслѣ продолжались. Ходъ дѣла вообще былъ таковъ.

Первоначально папа требовалъ, чтобы вызваны были изъ Италіи еще другіе епископы, такъ чтобы число западныхъ епископовъ по возможности сравнялось съ числомъ собравшихся въ Константинополѣ восточныхъ епископовъ. Императоръ отказалъ этому требованію папы, тѣмъ болѣе, что и восточные епископы не согласились дожидаться прибытія еще другихъ западныхъ епископовъ, которые могли и не придти (1). Тогда папа объявилъ, что, такъ какъ онъ имѣетъ съ собою только трехъ западныхъ епи-

---

(1) Hardum. t. III. col 63, Qui respondit (se) non convenire nobiscum: dicens multos quidem hic esse Orientales episcopos, paucos autem cum eo propter hoc etenim et petisse piissimum imperatorem, ut ducantur alii episcopi de Italia Nos autem respondimus ad ipsum, quod nec promisimus aliquando Occidentalium episcoporum praesentiam exspectare; sed etiam cognovimus de piissimo imperatore, quod nihil tale promisit —Ляббеево изданіе пятаго вселенскаго собора, съ котораго сдѣланъ русскій переводъ, представляетъ многіе документы, такъ сказать, въ урѣзанномъ видѣ. Гардуинъ въ своемъ изданіи соборныхъ актовъ параллельно этимъ неполнымъ документамъ, помѣстилъ ихъ по парижскому манускрипту, представляющему болѣе полныя, а можетъ быть, и болѣе вѣрныя снимокъ съ подлинныхъ актовъ и заключающему въ себѣ многія историческія событія, которыя опущены въ Ляббеевомъ изданіи Мы въ своемъ изложеніи разсматриваемаго времени въ исторіи пятаго вселенскаго собора слѣдуемъ изданію актовъ съ этого парижскаго манускрипта, какъ болѣе полнаго и уясняющаго многія событія, которыя безъ того остались бы неяснымъ.

скоповъ; то, чтобы составить собраніе изъ равнаго числа членовъ съ той и другой стороны, пусть присутствующіе въ Константинополѣ три восточныхъ патріарха возмутъ съ собою одного какого нибудь епископа и сойдутся съ нимъ, папою, имѣющимъ трехъ епископовъ, и купно порѣшатъ занимающій всѣхъ вопросъ посредствомъ спора. Не говоря уже о томъ, что папа явно утверждалъ неправду, будто присутствуютъ съ нимъ въ Константинополѣ только три западныхъ епископа; что его предложеніе было крайне оскорбительно для патріарховъ, которые всѣ въ совокупности приравнивались къ одному папѣ и къ которымъ, къ тремъ, придавался одинъ только епископъ, оно неудобопріемлемо было еще въ томъ отношеніи, что было оскорбительно и для остальныхъ собравшихся въ Константинополѣ епископовъ, какъ неполноправныхъ и недостойныхъ вѣры въ рѣшеніи возникшаго догматическаго вопроса; могло вести только къ безконечнымъ спорамъ и даже къ расколу, такъ какъ спорящія стороны въ тоже время были бы и судьями своего дѣла,—и кромѣ того отдавало предпочтеніе рѣшенію меньшинства предъ судомъ цѣлаго сонма епископовъ, что̀ не могло не отнимать силу авторитета и у могущаго выйдти изъ среды такой несложной коммиссіи рѣшенія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, императоръ не согласился и на это предложеніе папы, но повелѣлъ ему явиться на соборъ и сообща со всѣми епископами рѣшить возникшій вопросъ о „трехъ главахъ“, или же, если онъ не желаетъ этого сдѣлать, то чтобы каждый изъ патріарховъ взялъ съ собою по три или по пяти епископовъ, смотря потому, сколько имѣетъ ихъ папа, и за тѣмъ всѣ сошлись вмѣстѣ и рѣшили бы вопросъ сообща,—или же, если онъ непремѣнно желаетъ рѣшить вопросъ посредствомъ спора, то чтобы назначены были судьи—посредники, которые бы, выслушавъ обѣ спорящія стороны, рѣшили, на чьей сторонѣ правда; „потому что, говорилъ императоръ, невозможно однимъ и тѣмъ же и спорить и судить“. Папа не согласился

ни на одно изъ этихъ предложеній. Тогда императоръ отправилъ къ нему чрезъ декуріона дворца, Ѳеодора, новый свитокъ, въ которомъ настоятельно потребовалъ отъ него, чтобы онъ, если уже не желаетъ собраться со всѣми для общаго рѣшенія вопроса и считаетъ себя правымъ въ этомъ дѣлѣ, изготовилъ, наконецъ, свой особый отвѣтъ по вопросу о „трехъ главахъ“ и поскорѣе прислалъ бы его къ нему, императору (1). Такимъ образомъ въ безплодныхъ переговорахъ прошло все время до Пасхи (случившейся въ этомъ году 20 апрѣля).

---

(1) Въ граматѣ Юстиніана, отправленной имъ къ собору для его открытія, говорится объ этомъ такимъ образомъ Et nunc idem religiosissimus Vigilius contrarie factus est suae voluntatis, nolens una cum omnibus secundum quod placuit convenire. sed solos tres patriarchas et alium unum episcopum, et (ut) per contradictionem causa moveretur, dicens tres tantum episcopos (se) habere, cum multi episcopi ab Occidente cum ipso sint Nos hoc audientes, saepius mandavimus ei, et per nostros judices, et per aliquantos ex vobis, ut cum omnibus conveniret, et (ut) sententia detur rectae fidei conveniens; vel unusquisque patriarcha una cum quinque aut tribus episcopis convenirent cum ipso et episcopis ejus, aut si hoc non elegerit, sed per contradictionem voluerit causam exercitari, ut judices dentur secundum consuetudinem synodorum, et sicut antecessores nostri fecerunt; qui debent haec ab unaquaque parte moventur disceptare; eo quod non est possibile eosdem et contradicere et judicare. Cum autem ad nullam propositionem voluisset convenire, mandavimus ei quod et vestram sanctitatem et alios patriarchas in scriptis de hoc interrogavimus, ut tamquam impia ista capitula ab omnibus condemnentur: vel si quis putaverit recta ea esse, evidenter suam voluntatem manifestet (Harduin. III. col 57—58). Болѣе подробно развиты эти мысли въ разговорѣ восточныхъ епископовъ съ папою (Слич ibid. col 65—66) Но самъ папа старается всячески себя оправдать, разсказывая объ этихъ событіяхъ: Postea vero hoc magis cum consensu fratrum nostrorum, nostrarum partium episcoporum, nuper ante sanctum paschae diem pietas vestra constituit, ut exaequato numero his pontificibus, qui in Constantinopolitana urbe praesentes sunt, de tribus capitulis, ex quibus quaestio vertitur, secundum superius designatam fratrum nostrorum episcoporum professionem deberemus inire tractatum.—Sed quia, dum ea quae pro conservanda Ecclesiarum pace cum fratribus nostris fieri, vestra dispositione convenerant, festinaremus impleri; ut adhibita salubri deliberatione communiter, et propter informandam universalem Ecclesiam, cunctis quae inter nos geruntur in scriptis deductis atque jacentibus, notsrum ex his collectum de tribus capitulis in quaestionem deductis judicium proveniret· continuo pietas vestra post (protulit) illud volu-

1 мая (т. е. въ четвергъ на Ѳоминой недѣлѣ) императоръ отправилъ къ папѣ знатнѣйшее посольство, состоящее изъ первыхъ государственныхъ чиновниковъ:

---

men, quod nobis ante multos Paschae dies per virum magnificum Theodorum decurionem palatii destinavit in quo vos interim quid de tribus sentiretis capitulis exponentes, nostrum poscitis dari ex eadem causa responsum (Ibid. col 12—13, Migne, LXIX. col. 71) Итакъ, по этому изложенію папы, императоръ согласился на составленіе собранія изъ равнаго числа греческихъ епископовъ съ латинскими и папа уже занялся, согласно волѣ императора, составленіемъ отвѣта по вопросу о «трехъ главахъ». Но императоръ помѣшалъ ему своею торопливостію, прислалъ къ нему свитокъ чрезъ декуріона дворца Ѳеодора съ требованіемъ скорѣйшаго отвѣта. Противорѣчіе этого разсказа папы тому, что̀ утверждаютъ о разсматриваемомъ событіи императоръ и восточные епископы, очевидно. Пагій, сопоставляя эти разнорѣчивыя показанія папы и императора съ сонмомъ восточныхъ патріарховъ и епископовъ, представляетъ весь ходъ дѣла такимъ образомъ, что сначала императоръ согласился де съ предложеніемъ папы, чтобы на соборѣ латинскіе епископы засѣдали въ равномъ числѣ съ греческими; но что греческіе епископы, узнавъ объ этомъ возмутились де и выразили протестъ императору, и что послѣ этого императоръ отказался де отъ своего рѣшенія (Notae, ad. n. XXX—XXXIV. an. 553. not 8. 9.). Это соглашеніе взаимно исключающихъ себѣ показаній скорѣе, по нашему мнѣнію, обусловливается католическими тенденціями Пагія,—что папа не можетъ де говорить неправду,—чѣмъ естественностію событій или желаніемъ выяснить ихъ настоящій ходъ. 1). По свидѣтельству восточныхъ патріарховъ и епископовъ, первоначально папа предложилъ императору вызвать изъ Италіи другихъ епископовъ въ дополненіе къ тѣмъ, которые были въ Константинополѣ, такъ чтобы съ ними образовать на соборѣ по возможности равное число съ греческими епископами,—и императоръ отказалъ ему въ этомъ. Между тѣмъ Пагій совершенно опускаетъ изъ вниманія эту первоначальную форму соглашенія и представляетъ дѣло такъ, какъ будто въ одной только формѣ и было дѣлаемо предложеніе образовать собраніе изъ равнаго числа греческихъ епископовъ съ латинскими. 2). Относительно второй формы составленія собранія изъ равнаго числа членовъ, т. е. чтобы трое восточныхъ патріарховъ съ однимъ епископомъ противопоставлены были одному папѣ съ тремя епископами, императоръ самъ заявляетъ, что онъ отвергъ ее, и когда позже восточные епископы заговорили съ папою объ этой формѣ соглашенія и воспротиворѣчили ему, то онъ, въ опроверженіе ихъ возраженій, не указалъ, какъ бы слѣдовало и требовалось ходомъ рѣчи, на тотъ фактъ, что императоръ соглашался на такую форму собранія и, значитъ, находилъ ее возможною и неоскорбительною для восточныхъ. Явно,

патриціевъ Ливерія. Велизарія, Рустика, Цетега или Кеѳега, патриція и магистра Петра. патриція Патрикія и квестора императорскаго дворца Константина.

что такого соизволенія императора на требованіе папы и не было. 3). По словамъ папы, согласіе императора на составленіе собранія по второй изъ указанныхъ формъ воспослѣдовало незадолго до дня Пасхи, падавшей въ этомъ году на 20 апрѣля (Pagius, Notae, ibid.). Не возможно, чтобы въ теченіе не одного, не двухъ, а нѣсколькихъ мѣсяцевъ, восточные епископы ничего не могли узнать о сущности переговоровъ императора съ папою, тѣмъ болѣе, что они велись постоянно и Ѳеодоръ Аскида по прежнему оставался совѣтникомъ императора,—невозможно, чтобы и самъ императоръ, прежде чѣмъ дать отвѣтъ, не посовѣтовался по этому дѣлу съ ближайшими къ себѣ лицами: отступать отъ разъ высказаннаго рѣшенія составляетъ позоръ для императоровъ, почему, естественно, они рѣшенія свои даютъ послѣ тщательнаго и глубокаго обсужденія дѣла. При томъ, невидно, чтобы были какія нибудь пререканія у императора съ восточными епископами по поводу сдѣланнаго съ папою соглашенія; а они непремѣнно должны бы были быть, если бы соглашеніе существовало 4) Императоръ и восточные патріархи и епископы уличаютъ папу въ неправдѣ. И дѣйствительно во всемъ дѣлѣ «трехъ главъ» онъ обнаружилъ величайшее непостоянство. Поэтому, ничего нѣтъ удивительнаго, что и въ настоящемъ случаѣ, вывертываясь, перепуталъ и переиначилъ событія. Это 5) открывается и изъ самаго разсказа папы. Такъ, наприм., онъ говоритъ, что, по заключеніи условія, о которомъ здѣсь рѣчь, онъ занялся было съ своими братьями (cum fratribus nostris), и пр. Спрашивается, какихъ онъ здѣсь разумѣетъ братьевъ? Латинскихъ епископовъ? Но въ такомъ случаѣ его занятіе съ ними не имѣетъ никакого отношенія къ заключенному условію съ императоромъ—быть въ равномъ числѣ на собраніи съ греческими епископами. Латинскихъ и греческихъ епископовъ вмѣстѣ? Но это положительная неправда, потому что греческіе епископы сами заявили,—и Пагій признаетъ это неподлежащимъ сомнѣнію,—что они отвергали и отвергаютъ разсматриваемое условіе папы.—слѣдовательно, никогда по этому условію и не составляли собранія съ латинскими епископами Далѣе, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами: vestra dispositione?. У императора было въ это время одно только желаніе —чтобы осуждены были «три главы»,—и онъ входилъ лишь въ такія условія съ папою, если этотъ послѣдній или осуждалъ, письменно или устно, эти главы, или обѣщался осудить ихъ Папа, очевидно, намѣренно старается затемнить здѣсь сущность дѣла и употребляетъ выраженія неопредѣленныя и широкія, могущія вмѣстить въ себя самыя противоположныя дѣйствія, съ цѣлью затушевать, по возможности, свою непослѣдовательность и, при неблагопріятныхъ для себя историческихъ данныхъ, выставить себя все-таки правымъ и послѣдова-

И въ этотъ разъ, какъ неоднократно и прежде, они отъ лица императора убѣждали папу явиться на соборъ и сообща со всѣми собравшимися патріархами и епископами порѣшить вопросъ о „трехъ главахъ“, говоря, что на этомъ, имѣющемъ быть соборѣ, дано позволеніе возражать всякому, кто только пожелаетъ. Папа, подъ предлогомъ тѣлесной слабости, потребовалъ отсрочки на двадцать дней, чтобы въ это время изготовить свой особый отвѣтъ. Чиновники отвѣтили, что „отдѣльно онъ не разъ и письменно и устно осуждалъ „три главы“, но благочестивѣйшій государь желаетъ, чтобы ты прибылъ на соборъ вмѣстѣ съ прочими епископами и чтобы рѣшеніе послѣдовало такимъ именно образомъ. А

тельнымъ Можно въ настоящемъ случаѣ думать, что подъ vestra dispositione папа разумѣлъ вообще желаніе императора рѣшить вопросъ о «трехъ главахъ» pro conservanda ecclesiarum pace; но императоръ считалъ возможнымъ водворить миръ въ церквахъ чрезъ осужденіе «трехъ главъ», а папа чрезъ неосужденіе ихъ. Менѣе всего представляется намъ возможнымъ подъ vestra dispositione разумѣть самый распорядокъ собраній по вновь условленной формѣ, потому что о какомъ же распорядкѣ можетъ быть рѣчь, когда самыя собранія не состоялись по отказу въ нихъ со стороны восточныхъ епископовъ Страннымъ предоставляется здѣсь еще то, почему папа не указалъ на восточныхъ епископовъ, какъ на помѣху состоявшагося соглашенія, и всю вину возложилъ на якобы безпричинную непослѣдовательность и торопливость императора? Явно, что дѣло было не такъ, какъ представляетъ Пагій За тѣмъ папа повѣтствуетъ, что императоръ согласился на образованіе собранія изъ равнаго числа греческихъ епископовъ съ латинскими незадолго (nuper) до дня Пасхи, а ниже говоритъ, что Ѳеодора Декуріона прислалъ къ нему за долго (ante multos dies) прежде Пасхи: такимъ образомъ выходитъ, что императоръ нарушилъ свое условіе гораздо прежде, чѣмъ далъ его Наконецъ, 6) не мѣшаетъ принять здѣсь во вниманіе и то, что Вигилій впослѣдствіи, какъ увидимъ, отрекся отъ всего, что когда либо говорилъ или писалъ въ защиту «трехъ главъ», а таковъ и есть его Constitutum, гдѣ заключается разбираемое его повѣствованіе,—Такимъ образомъ, изъ всего разсказа папы вѣрнымъ можно признать одно только, что онъ къ мысли объ образованіи собранія изъ равнаго числа латинскихъ епископовъ съ греческими пришелъ несамостоятельно и что императоръ присылалъ къ нему декуріона дворца, Ѳеодора, но когда? какъ? при какихъ обстоятельствахъ? остается неизвѣстнымъ и отвѣта на эти вопросы слѣдуетъ искать у другихъ лицъ

объ отсрочкѣ твое блаженство представляло благочестивѣйшему государю и чрезъ другихъ. и его величество отвѣчалъ, что если ты желаешь явиться на соборъ вмѣстѣ съ блаженнѣйшими патріархами и благочестивѣйшими епископами, согласно заключенному между вами условію, съ цѣлію обсудить и сообща рѣшить дѣло о „трехъ главахъ“; то я даю вамъ отсрочку не только ту, какую вы просите, но еще бо́льшую. Но поелику мы видимъ, что ты пользуешься отсрочками въ теченіе толикаго времени (1) и теперь желаешь заявить свое мнѣніе отдѣльно и самостоятельно, вслѣдствіе сего намъ предстоитъ необходимость соборне узнать и отъ тѣхъ благочестивѣйшихъ епископовъ, которые съ этою цѣлію вызваны и столько времени здѣсь пребываютъ. — какого они мнѣнія объ этихъ „трехъ главахъ“. Ибо, не можемъ долѣе оставлять въ толикомъ смятеніи Божію церковь, особенно когда еретики поносятъ ея священниковъ, какъ послѣдователей Несторія“. Папа остался при своемъ рѣшеніи не являться на соборъ и сказалъ, что онъ изготовитъ отдѣльное мнѣніе и сообщитъ его императору. Сановники удалились (2). Отвѣтъ ихъ не могъ не обезпокоить папу и остальныхъ защитниковъ „трехъ главъ“. Теперь они

---

(1) Quoniam vero et post tantum tempus videmus te dilationibus utentem, такъ по парижскому манускрипту. По Ляббееву изданію эта часть читается такимъ образомъ, sin autem per semetipsam vult tua beatitudo suam manifestare voluntatem. Вѣроятнѣе всего, что сказано было и то и другое.

(2) Harduin. III. col. 67—68; 13, Migne, LXIX. col. 71. Дѣян. всел. соб. т. V. стр. 49—51.—Здѣсь русскій переводъ въ одномъ мѣстѣ несогласенъ съ подлинникомъ. Въ подлинникѣ выражена мысль, что императорскіе сановники склоняли папу явиться на соборъ между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что на этомъ соборѣ каждому дано право (конечно, императоромъ и самими епископами) возражать, что захочетъ; переводъ сдѣланъ такъ, что это право долженъ дать папа, когда явится на соборъ, «Въ тотъ и другой день мы... говорили..., чтобы онъ явился вмѣстѣ съ нами на соборъ и разсудилъ о «трехъ главахъ», давъ желающимъ право возражать» и проч.

ясно увидѣли, что соборъ можетъ состояться и помимо ихъ участія, и опредѣленіе на немъ будетъ составлено вопреки ихъ воли. Это не могло не быть ударомъ для тенденцій „апостольскаго престола“—быть во всемъ первымъ, предрѣшителемъ и руководителемъ въ догматическихъ опредѣленіяхъ. Поэтому, во избѣжаніе подобнаго обстоятельства. Вигилій отправилъ къ восточнымъ епископамъ своего діакона Пелагія, который все еще не переставалъ дѣйствовать въ защиту „трехъ главъ“, съ порученіемъ такого рода, чтобы, во избѣжаніе порожденія повода къ соблазну, который былъ подавленъ, но который снова можетъ явиться, если они покусятся рѣшить что либо прежде обнародованія опредѣленія „апостольскаго престола“, занимаемаго теперь, по милости Божіей, имъ—Вигиліемъ, дали ему, ради его тѣлесной слабости, не неизвѣстной и имъ, отсрочку по крайней мѣрѣ на 20 дней, въ теченіе которыхъ онъ, сохраняя древній и каноническій обычай (?), могъ бы изготовить опредѣленный и окончательный отвѣтъ о „трехъ главахъ“ (1). Сановники донесли о результатѣ своихъ переговоровъ съ папою императору. Требуемая отсрочка на 20 дней въ настоящій разъ отклонена была и открытіе собора назначено на 5-е мая, а къ папѣ, для лучшаго ознакомленія его съ вопросомъ, отосланъ былъ, чрезъ Бенигна, епископа Пелагоніи (по другимъ Пафлагоніи) ираклійской (въ Македоніи), ха-

(1) Ut quia constitutus collationis faciendae modus fuerat praetermissus (разумѣется образъ собранія изъ равнаго числа греческихъ епископовъ съ латинскими. Новое доказательство того, что папа можетъ утверждать явную неправду, потому что восточные епископы, по сознанію самихъ католиковъ, никогда не соглашались на этотъ образъ собранія и, слѣдовательно, имѣли полное право считать его не constitutus), saltem viginti dies, pro antedicta nostri corporis imbecillitate, quam norunt, nostrum debeant definitum de tribus capitulis sustinere responsum, antiquum et regulam custodientes ordinem, ne ante nostrae, hoc est, sedis apostilicae, cui per Dei gratiam praesidemus, promulgationem sententiae, quidquam proferre tentarent; unde scandali rursus, quae sopita fuerat, oriri posset occasio. Harduin. III. col 13; Migne, LXIX. col. 71.

ратейный свитокъ, заключающій въ себѣ подробныя данныя о „трехъ главахъ“ (1).

Въ назначенный день, когда всѣ находящіеся въ Константинополѣ патріархи и епископы собрались вмѣстѣ, императоръ прислалъ имъ грамату, долженствующую служить сигналомъ къ открытію дѣяній собора. Императоръ писалъ, что „искоренять возникавшія по временамъ ереси посредствомъ собиранія благочестивѣйшихъ епископовъ, и единодушнымъ провозглашеніемъ правой вѣры доставлять миръ святой Божіей церкви—было всегдашнею заботою православныхъ и благочестивыхъ императоровъ предковъ нашихъ“. Затѣмъ, перечисливъ, что такъ именно поступали Константинъ, оба Ѳеодосіи, Маркіанъ, Левъ I, и кратко изложивъ исторію вопроса вмѣстѣ съ ходомъ переговоровъ съ Вигиліемъ, императоръ въ заключеніе обращается къ епископамъ: „Итакъ, разсмотрѣвъ все вышеупомянутое со всею внимательностію, какъ прилично священникамъ, содержащимъ въ умѣ страхъ Божій и будущій судъ; и ничего не предпочитая благочестію, правой вѣрѣ и истинѣ, славѣ и хвалѣ Божіей; содержа въ умѣ и апостольское изрѣченіе, произнесенное противъ тѣхъ, которые передаютъ противное правой вѣрѣ, и ясно говорящее, что *аще мы, или ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ паче, еже благовѣстихомъ вамъ, анаѳема да будетъ. Якоже предрекохомъ, и нынѣ паки глаголю, аще кто вамъ блоговѣститъ паче еже пріясте. анаѳема да будетъ* (Галат. 1, 8. 9); зная также и заповѣдь апостола Петра, который говоритъ: *готови присно* (будьте) *ко отвѣту всякому вопрошающему вы словесе о вашемъ упованіи* (1 Петр. III, 15), немедленно объявите ваше мнѣніе о томъ, о чемъ мы васъ спрашивали; потому что когда вопрошаемый о правой вѣрѣ надолго откладываетъ отвѣтъ,—это не иное что пока-

(1) Harduin. III. col. 13; Migne, LXIX. col. 72; Baron. an: 553, num. XXVIII; Pag., Notae, ad num. XXVIII—XXXVI. an. 553. not. 7—9.

зываетъ, какъ только отрицаніе имъ праваго исповѣданія. Ибо въ вопросахъ и отвѣтахъ, касающихся вѣры, нѣтъ ни перваго, ни втораго; но кто окажется болѣе готовымъ въ исповѣданіи правды, тотъ и пріятенъ Богу" (1). Для всѣхъ было ясно, что послѣднія слова императора направлены главнымъ образомъ противъ папы, который доселѣ отказывается дать отвѣтъ, касающійся вѣры; можно было бы прямо приступить къ разсужденіямъ, касающимся главнаго вопроса, безъ новаго приглашенія папы, тѣмъ болѣе, что, помимо императорской грамоты, многимъ членамъ собора и лично было извѣстно, что онъ неоднократно былъ приглашаемъ явиться на соборъ и всякій разъ отказывался. Но соборъ „счелъ дѣломъ разумнымъ и богоугоднымъ" и теперь сдѣлать ему приглашеніе явиться на соборъ. Во исполненіе этого рѣшенія собора, три присутствующіе на немъ патріарха въ сопровожденіи 17-ти другихъ епископовъ прямо изъ собранія отправились къ Вигилію пригласить его отъ лица всего собора явиться на общее собраніе и вмѣстѣ съ ними разсудить о „трехъ главахъ"; посланные напомнили ему при этомъ и о томъ, что императоръ прислалъ къ нимъ грамату, въ которой проситъ ихъ дать отвѣтъ объ этихъ главахъ. Вигилій отвѣтилъ имъ, что въ настоящій разъ онъ „по слабости тѣлесной не можетъ выполнить этого требованія", но что онъ „на слѣдующій день объявитъ имъ, какого онъ мнѣнія о такомъ соборѣ". Согласно этому обѣщанію папы, патріархи и епископы, въ томъ же самомъ числѣ и составѣ, отправились къ нему на слѣдующій день, 6 мая, и спросили его, какого онъ мнѣнія о соборѣ, на который онъ приглашается сообща разсудить о „трехъ главахъ". Вигилій отвѣтилъ, что онъ не придетъ на соборъ, потому что восточныхъ епископовъ много, а западныхъ мало, и что ради этого-то онъ просилъ императора вызвать изъ Италіи другихъ епи-

(1) Harduin. III. col. 54—60; Дѣян. всел. соб. т. V. стр. 27—28.

скоповъ. Восточные возразили на это, что ни они, ни императоръ никогда не обѣщались дожидаться прибытія изъ Италіи новыхъ епископовъ; что и на прежнихъ вселенскихъ соборахъ западныхъ епископовъ было не много,—два, три и нѣсколько клириковъ,—тогда какъ теперь присутствуетъ ихъ въ Константинополѣ много—и изъ Италіи, и изъ Африки, и изъ Иллирика, да еще ваше блаженство; что нѣтъ никакой нужды отдѣлять западныхъ отъ восточныхъ, когда они соединены между собою,—напомнили, что его блаженство въ перепискѣ, бывшей между нимъ и восточными епископами, обѣщался прибыть на соборъ съ находящимися съ нимъ въ единеніи епископами, а они теперь всѣ находятся въ единеніи. Папа отвѣтилъ, что если нельзя собраться многимъ епископамъ, то чтобы составлено было собраніе изъ равнаго числа тѣхъ и другихъ, т. е. трехъ восточныхъ патріарховъ съ однимъ епископомъ и одного папы съ тремя западными епископами. Патріархи и находящіеся при нихъ епископы отвѣтили на это тоже самое, что и императоръ въ теченіе своихъ переговоровъ съ папой объ этомъ предметѣ, т. е. что неприлично тремъ патріархамъ имѣть при себѣ одного только епископа, когда ихъ находится на лице много; что это было бы оскорбленіемъ для остальныхъ, находящихся въ Константинополѣ, епископовъ; что рѣшеніе, могущее произойдти отъ такой коммиссіи, какую предлагаетъ папа, не можетъ быть твердымъ и получить силу вселенскаго авторитета; что если папа непремѣнно желаетъ составленія такого собранія, то чтобы и каждый изъ патріарховъ взялъ съ собою столько же епископовъ изъ своего діоцеза, сколько имѣетъ ихъ папа; что рѣшеніе вопроса посредствомъ состязанія двухъ равныхъ сторонъ невозможно, потому что однимъ и тѣмъ же лицамъ пришлось бы и спорить и судить, и что во всякомъ случаѣ соборное рѣшеніе вопроса всѣми епископами и справедливѣе, и надежнѣе, и тверже. Если же вы не желаете, согласно письменно заключенному между нами условію, явиться на соборъ; то пусть

знаетъ ваше блаженство, что мы и одни, собравшись во едино, объявимъ свое мнѣніе; потому что несправедливо отсрочкою отвѣта подвергать соблазну, какъ императора, такъ и вѣрный народъ. Папа сказалъ, что онъ проситъ у императора отсрочки только на 20-ть дней для составленія окончательнаго отвѣта на требуемый вопросъ; если же и въ теченіе этого времени онъ не изготовитъ своего отвѣта, то заранѣе обѣщается принять всякое рѣшеніе, какое бы они ни постановили. Патріархи и епископы возразили, что отдѣльно онъ уже не разъ отвѣчалъ и письменно и устно; что теперь требуется общее рѣшеніе; что если онъ обѣщается дать отвѣтъ согласный съ ихъ общимъ мнѣніемъ, то императоръ дастъ ему еще бо́льшую отсрочку; если же онъ намѣревается отвѣтить нѣчто, несогласное съ ихъ общимъ мнѣніемъ и что̀ не послужитъ къ подавленію соблазна; то пусть прямо объявитъ имъ, находится ли онъ съ ними въ общеніи или нѣтъ? На послѣдній вопросъ папа отвѣчать уклонился и опять замѣтилъ только, что въ теченіе 20 дней онъ непремѣнно исполнитъ свое обѣщаніе. Патріархи и епископы настаивали на своемъ и объясненіе грозило затянуться въ безконечность (ad prolixitatem infinitam videbamus extendi colloquium, et nullum finem accipiens). Вслѣдствіе этого они сочли за лучшее удалиться и донесли о безуспѣшности своихъ переговоровъ императору. Выслушавъ ихъ донесеніе, императоръ обѣщался сослать еще разъ отъ себя посольство къ папѣ съ приглашеніемъ явиться на соборъ и сообща произнести судъ о „трехъ главахъ“, и дѣйствительно на слѣдующій день, 7 мая, отправилъ къ нему, какъ и обѣщался, патриціевъ: Ливерія, Петра, Патрикія и квестора дворца Константина, къ которымъ были присоединены еще двѣнадцать епископовъ. Переговоры велись въ томъ же самомъ духѣ и направленіи, какъ и 1-го мая. и результатъ полученъ тотъ же самый: Вигилій просилъ отсрочки на 20 дней для изготовленія отдѣльнаго отвѣта, сановники и епископы не соглашались на это и

настаивали, чтобы онъ явился на соборъ для постановленія общаго рѣшенія.

8 мая состоялось второе засѣданіе собора, на которомъ заслушаны были донесенія патріарховъ, епископовъ и императорскихъ сановниковъ объ ихъ переговорахъ съ Вигиліемъ. Когда напослѣдокъ заслушано было донесеніе императорскихъ сановниковъ и подтверждено бывшими съ ними епископами, что переговоры происходили именно такъ, какъ доносятъ о томъ славнѣйшіе сановники,—послѣдніе обратились къ собору съ слѣдующею рѣчью: „Мы съ своей стороны исполнили то, что̀ было намъ приказано благочестивѣйшимъ императоромъ, и отправляемся въ его императорскій дворецъ для пребыванія въ его повиновеніи; вы же, имѣя въ виду страхъ Божій, постарайтесь поскорѣе положить дѣлу конецъ, согласный съ тѣмъ, что̀ опредѣлено четырьмя святыми соборами относительно правой вѣры, зная, что благочестивѣйшій императоръ послалъ насъ единственно съ тѣмъ, чтобы сообщить вашей святости, что самъ онъ и хранилъ и хранитъ, и защищалъ и защищаетъ то, что̀ опредѣлено и рѣшено четырьмя святыми соборами; и все, что̀ согласно съ опредѣленіями тѣхъ же святыхъ соборовъ относительно правой вѣры, и пріемлетъ и хранитъ, а все, противное ихъ опредѣленіямъ о правой вѣрѣ, отвергаетъ и считаетъ чуждымъ церкви. Ибо его величество достигъ того, что четыре святые собора внесены въ церковные диптихи и принимаются (praedicari) (вѣрующими); чего до дарованія ему свыше власти не было во святой церкви“. Выслушавъ донесенія о переговорахъ съ Вигиліемъ и принимая во вниманіе послѣднее заявленіе, сдѣланное императорскими сановниками, соборъ постановилъ самостоятельно продолжить свои дѣйствія и, такъ какъ изъ епископовъ, обитающихъ въ царствующемъ городѣ, не явились на соборъ изъ африканскихъ одинъ Примасій визакскій (бизаценскій), а изъ иллирійскихъ Савиніанъ, Пройектъ и Павелъ, то соборъ порѣшилъ отправить къ нимъ посольство съ

приглашеніемъ явиться. Примасій отказался явиться на соборъ потому, что на немъ не предсѣдательствуетъ папа; остальные же епископы объявили, что они не являются на соборъ потому, что предварительно желаютъ переговорить съ своимъ епископомъ Веренатомъ. О Примасіѣ соборъ постановилъ произнести въ свое время законное опредѣленіе на основаніи церковнаго преданія, а Савиніану, Пройекту и Павлу—дать, согласно ихъ прошенію, позволеніе отправиться къ своему архіепископу Веренату, который находился въ общеніи съ отцами собора и сочувствовалъ его дѣйствіямъ. На третьемъ засѣданіи, 9 мая, соборъ торжественно засвидѣтельствовалъ, что онъ пріемлетъ и хранитъ правую вѣру, дарованную Христомъ, проповѣданную апостолами, утвержденную вселенскими соборами и святыми отцами, и постановилъ сужденіе свое о „трехъ главахъ“ начать съ слѣдующаго засѣданія (1).

Соборъ осудитъ „три главы“, т. е. сочиненія Ѳеодора мопсуестскаго, сочиненія Ѳеодорита, написанныя имъ противъ св. Кирилла и въ защиту Несторія, и письмо Ивы къ Марію Персу, и кромѣ того предалъ анаѳемѣ Ѳеодора мопсуестскаго, хотя онъ давно уже померъ (2). Въ концѣ мая, когда было пятое засѣданіе, Вигилій изготовилъ свой особый отвѣтъ, извѣстный подъ именемъ Constitutum'a; но тогда ли отослалъ его къ императору или нѣсколько позднѣе,—остается неизвѣстнымъ. Содержаніе его слѣдующее: въ началѣ жалуется, что соборъ составленъ вопреки условіямъ заключеннымъ съ нимъ, папою; затѣмъ слѣдуютъ 60-ть его анаѳематствъ на столько же положеній Ѳеодора мопсуестскаго, извлеченныхъ изъ харатейнаго списка, присланнаго къ нему чрезъ Бенигна, епископа пелагонійскаго; но осудить Ѳеодора не только самъ отказался, но воспретилъ осуждать его и другимъ, такъ

(1) Harduin. t. III. col. 67—71.

(2) См. Дѣян. всел. соб. т. V. собр. V—VIII.

какъ осуждать послѣ смерти вообще никого не слѣдуетъ. О Ѳеодоритѣ замѣтилъ, что дѣло о немъ рѣшено халкидонскимъ соборомъ и потому перерѣшать его не слѣдуетъ. Наконецъ, не соглашался осудить и письмо Ивы, такъ какъ оно, якобы, признано православнымъ халкидонскимъ соборомъ (1). Въ заключеніе отлучаетъ (refutamus) отъ „апостольскаго престола“ всякаго, кто сдѣлаетъ, скажетъ или подпишетъ что либо противное настоящему его опредѣленію (2). Императоръ отвергъ Constitutum папы, какъ явно неправославный, и поэтому самому могущій служить къ обвиненію не тѣхъ, которые его отвергнутъ, а, напротивъ, самого его сочинителя и всѣхъ, его принимающихъ и зищищающихъ.

---

(1) Въ доказательство этого приводитъ извѣстные отзывы папскихъ легатовъ: Пасхасина, Луцентія и Бонифація, и патріарховъ: Анатолія константинопольскаго и Максима антіохійскаго. Если уже указаніе на папскихъ легатовъ и Максима антіохійскаго, только при сильной натяжкѣ, можетъ быть приноровлено къ дѣлу (смотр выше, стр. 600), то указаніе на Анатолія константинопольскаго требуетъ еще болѣе далекихъ побочныхъ умозаключеній, чтобы приноровить его къ данному случаю: онъ сказалъ: «вѣра судившихъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ и чтеніе всего, что̀ воспослѣдовало, показываютъ, что почтеннѣйшій *Ива невиновенъ* въ винахъ, на него взведенныхъ» (Дѣян. вселенск. соб. т. V. стр. 240, дѣян. 10-е). Отсюда видно, что оправдывается лице, о православіи же посланія нѣтъ рѣчи.

(2) Harduin. t. III. col. 10—48; Migne, LXIX. col. 67—114; Baron. an. 553. n. L—CCX.—Constitutum Вигилія, кромѣ его самаго, былъ подписанъ еще 16-ю епископами и тремя діаконами: Ѳеофаномъ, Пелагіемъ и Петромъ. Между епископами значатся имена и вышеупомянутыхъ: Примасія, Павла, Пройекта и Фабіана (Савиніана?) заппаренскаго. Остальные, подписавшіеся подъ Constitutum'омъ Вигилія, точно также не присутствовали на соборѣ, между тѣмъ отцы собора упомянули объ однихъ только четырехъ вышеозначенныхъ епископахъ, какъ не явившихся на соборъ изъ пребывающихъ въ Константинополѣ Отказываемся положительно утверждать, отъ чего произошло такое разногласіе; вѣроятно—потому, что Примасій, Павелъ, Пройектъ и Савиніанъ, предъ открытіемъ собора, находились въ общеніи съ отцами его, между тѣмъ какъ остальные епископы подписавшіеся подъ Constitutum'омъ папы, были уже внѣ этого общенія. Многіе изъ этихъ остальныхъ епископовъ подписывались прежде и подъ извѣстною отлучительной граматой Вигилія на Ѳеодора кесарійскаго и патріарха Мину. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что они никогда не входили въ общеніе съ восточными епископами, ратовавшими за осужденіе «трехъ главъ».

Такимъ образомъ, вмѣсто Constitutum'а на соборѣ прочитаны были тѣ граматы Вигилія, въ которыхъ онъ осудилъ „три главы“ (1). Послѣ ихъ прочтенія, квесторъ императорскаго дворца, Константинъ, принесшій ихъ отъ императора на соборъ и доложившій ему о ходѣ переговоровъ съ Вигиліемъ послѣ открытія его засѣданій вплоть до послѣдняго времени, предложилъ ему для прочтенія еще грамату самаго императора, въ которой онъ внушаетъ собору вычеркнуть имя Вигилія изъ священныхъ диптиховъ, какъ отступившаго отъ своего прежняго мнѣнія, защищающаго то, чему учатъ послѣдователи Несторія и Ѳеодора (мопсуестскаго), и тѣмъ самымъ сдѣлавшаго себя чуждымъ каѳолической церкви и уже отдѣлившагося отъ архіерейскаго общенія. „Выслушавъ эту грамату, сказалъ Константинъ, вы еще разъ узнаете, сколько свѣтлѣйшій императоръ заботится о единствѣ святыхъ церквей и чистотѣ святыхъ таинствъ“. Соборъ принялъ предложеніе импе-

(1) Таковы суть: Посланіе Вигилія къ Рустику и Севастіану, его же посланіе къ Валентиніану, епископу томитанскому (Tomitanum), въ области Скиѳіи, и его же посланіе къ Авреліану, епископу арелатскому. (Дѣян. всел. соб. V, дѣян. седмое, Harduin. III. Collatio septima). По парижскому манускрипту этого дѣянія значится, что, кромѣ означенныхъ посланій Вигилія, прочитаны были его посланія къ Юстиніану и Ѳеодорѣ, которыя онъ написалъ непосредственно послѣ первой своей ссоры съ патріархомъ Мииою (см. выше, стр. 636—637), и сдѣлано было упоминаніе о его Judicatum'ѣ. Относительно же Constitutum'а императоръ замѣтилъ: «Quod nos quidem invitavimus eum convenire una cum beatissimis patriarchis, et ceteris religiosissimis episcopis, et communiter cum ipsis de tribus istis capitulis tam examinare quam judicare. Cum autem hoc recusasti, diis vero quaedam solus scripsisse per te de his tribus capitulis; siquidem condemnasti ea consonanter his quae jam facta ante sunt; habemus multa talia quae fecisti, et altero non indigemus Si autem aliquid contrarium his quae jam ante facta sunt in praesenti fecisti, tu te ipsum per tua scripta condemnas, a rectis desistens dogmatibus, et impietatem defendens. Et quomodo a te habemus talem chartam suscipere? Et hoc dato responso a pissimo imperatore, per eumdem diaconum a se scriptam chartam jam non destinavit (Hard. III. col. 173). Отсюда слѣдуетъ заключить, что Constitutum не былъ читаемъ на соборѣ. См. также соображенія Пагія, Notae, ad n. XLVII—CCXV. an. 553.

ратора и вычеркнулъ имя Вигилія изъ диптиховъ, но объявилъ при этомъ, что онъ сохраняетъ единеніе съ „апостольскимъ престоломъ“ святѣйшей церкви древняго Рима“ (1).

---

(1) Harduin. t. III col. 186—187: Nec enim patiebamur, говоритъ императоръ, nec ab eo (Vigilio), nec ab alio quocumque, inviolatam communionem suscipere, qui non istam impietatem condemnat.... Contrarie autem factus est suae voluntatis, ea defendens, quae Nestorii et Theodori sequaces sapiunt. Praeterea ipse semetipsum alienum catholicae ecclesiae fecit, defendens praedictorum capitulorum impietatem, separans autem semetipsum a vestra communione. His igitur ab eo factis alienum christianis judicavimus nomen ipsius sacris diptychis recitari, nec eo modo inveniamur Nestorii et Theodori impietati communicantes. Unde prius quidem sine scriptis hoc manifestum vobis fecimus: nunc vero et in scriptis certum vobis facimus per nostros prae (praefectos ut) ejus nomen sacris diptychis non inferatur Unitatem vero ad apostolicam sedem et nos servamus, et certum est quod et vos custodietis. Nec enim Vigilii, nec cujuscumque alterius ad pejora transmutati (transmutatio) et pacі ecclesiarum nocere potest, etc.—Изъ всего сказаннаго легко можно видѣть, что отношенія между соборомъ и Вигиліемъ были далеко не такъ дружелюбны и мирны, какъ это можно думать на основаніи показаній Евстратія (Vita Eutychii, c IV, §§ 27—31), Кирилла скиѳопольскаго (Vita Sabae, c 90) и Евагрія (l IV c. 38). Кириллъ скиѳопольскій и Евагрій только опускаютъ обстоятельства разногласія Вигилія съ императоромъ и соборомъ. Евстратій же дѣлаетъ нѣчто болѣе: онъ говоритъ, что «эти четыре патріарха,—Вигилій древняго, и Евтихій здѣшняго новаго Рима, Аполлинарій великой Александріи и Домнинъ Ѳеополиса,—соединившись какъ бы въ одно тѣло изъ четырехъ стихій, единодушные и единомыслящіе, сплелись между собою руками“ и проч.; и выше: «И такъ, когда всѣ сомнѣнія и споры разрѣшены были, не насильственнымъ дѣйствіемъ и не давленіемъ на борющіяся партіи, а силою доказательствъ и убѣжденія», и проч. Пагій приписываетъ такую рѣчь Евстратія (котораго онъ, какъ и Бароній и др., называетъ Евстаѳіемъ) раболѣпію (adulatio) его предъ императоромъ (Notae, ad n CCXXIII—CCXXXI. an 553 not. 23) Но намъ думается, что умолчаніе о разногласіи Вигилія съ соборомъ произошло у всѣхъ поименованныхъ авторовъ главнымъ образомъ отъ того, что они съ одной стороны имѣли въ виду одни только конечные результаты собора, т. е. согласіе Вигилія на рѣшенія собора, которое онъ, какъ увидимъ, впослѣдствіи все-таки далъ, а съ другой, видимо, не желали омрачать ни соборъ, дѣяніямъ котораго они сочувствовали, ни описываемыхъ ими лицъ (св Савву и св Евтихія) какимъ бы то ни было бросающимъ на нихъ тѣнь событіемъ. Замѣчательно, что объ этомъ разногласіи Вигилія съ соборомъ умалчиваетъ и

Кромѣ разбора и осужденія „трехъ главъ“, соборъ подвергъ осужденію и ученіе Оригена, такъ сильно взволновавшее тогда восточную церковь, въ особенности же іерусалимскую. Полныхъ актовъ этой дѣятельности собора не существуетъ; но что онъ дѣйствительно занимался разборомъ Оригенова ученія, это несомнѣнно явствуетъ изъ 15-ти анаѳематствъ, произнесенныхъ соборомъ противъ ученія Оригена и изданныхъ въ первый разъ Петромъ Лямбеціемъ, а также изъ свидѣтельствъ современныхъ и нѣсколько позднихъ церковныхъ писателей, которые читали соборные акты, дѣлаютъ изъ нихъ нѣкоторыя выдержки и приводятъ грамату Юстиніана къ собору, излагающую ученіе Оригена и побуждающую отцевъ осудить и это ученіе. Восхваливъ заботу Юстиніана о сохраненіи чистоты вѣры, соборъ осудилъ ученіе Оригена, какъ исполненное „еллинскихъ (языческихъ) и манихейскихъ“ бредней и подвергъ анаѳемѣ, какъ самаго Оригена, такъ еще Евагрія и Дидима. Нужно думать, что Ѳеодоръ Аскида отрекся отъ Оригенова ученія, потому что подпись его значится между подписями отцевъ собора, и потому, что, какъ сказано было выше (1), онъ, хотя и притворно, все-таки принялъ эдиктъ Юстиніана противъ Оригена (2).

Викторъ туннскій (Chron. an. 553), имѣя въ виду опять-таки только конечный результатъ собора, У Либерата можно найдти намекъ на это разногласіе, но такой, который становится понятнымъ лишь послѣ ознакомленія съ ходомъ событій изъ другихъ источниковъ (с. 22). Тенденціозную спутанность и неточность его показаній мы уже видѣли не разъ.

(1) Стр. 607. — Малала говоритъ: *ἐν αὐταῖς δὲ ταῖς ἡμέραις* (т. е. въ концѣ 537 г.) *τελευτᾷ ὁ ἐπίσκοπος Καισαρείας Καππαδοκίας ἐν Βυζαντίῳ καὶ ἐγένετο ἀντ᾽ αὐτοῦ Θεόκριτος* (р. 489), откуда слѣдуетъ заключить, что Ѳеодоръ Аскида до конца своей жизни былъ въ милости у императора и былъ признаваемъ имъ православнымъ.

(2) Кириллъ скиѳопольскій говоритъ: «Такимъ образомъ, когда былъ собранъ въ Константинополѣ святой и вселенскій пятый соборъ,—*Оригенъ* и Ѳеодоръ мопсуестскій, съ тѣмъ, что было сказано Евагріемъ и

По окончаніи засѣданій собора императоръ сталъ приводить въ дѣйствіе его опредѣленія. Всѣ епископы, не соглашающіеся на осужденіе „трехъ главъ“ и не при-

---

Дидимомъ о предсуществованіи и возстановленіи (ἀποκαταστάσεως), были подвергнуты общей и каѳолической анаѳемѣ, въ присутствіи четырехъ патріарховъ и по одобреніи декретовъ» (Vita Sabae, c. 90) Евагрій приводитъ нѣкоторыя изъ опредѣленій противъ Оригена (l IV. c 38) Кедринъ приводитъ оба посланія Юстиніана къ собору, и по вопросу объ ученіи Оригена, и по вопросу о «трехъ главахъ», и кромѣ того кратко излагаетъ сущность ученія Оригена и его послѣдователей: слѣпаго Дидима и Евагрія. Это ученіе есть смѣсь язычества съ христіанствомъ: послѣдователи его допускали предсуществованіе и переселеніе душъ,—полагали, что мученія будутъ невѣчны; что настанетъ время, когда и демоны возвратятся въ свое прежнее положеніе, что тѣла наши не воскреснутъ во время всеобщаго воскресенія тѣже самыя; что Богомъ не былъ созданъ чувственный рай, что этотъ рай слѣдуетъ понимать въ иносказательномъ смыслѣ, и что Адамъ не былъ сотворенъ во плоти. Это-то ученіе соборъ и предалъ анаѳемѣ (Cedrenus. 1 p 659—671) Грамата Юстиніана къ собору объ Оригенѣ, приводимая Кедринымъ, обыкновенно помѣщается въ изданіяхъ соборныхъ актовъ и переведена на русскій языкъ (Дѣян. всел соб. т. V. стр. 505—508). Анаѳематства собора, изданныя въ первый разъ Лямбеціемъ, находятся также и въ изданіи соборныхъ актовъ Гардуина (t. III col. 283—288) —Авторъ Пасхальной хроники (1 p. 635) и Ѳеофанъ Хронографъ (p. 354) говорятъ, что пятый всел соборъ созванъ былъ прежде всего противъ Оригена и его послѣдователей, и потомъ (αὖθις) противъ «трехъ главъ». На этомъ основаніи, равно какъ и потому, что объ осужденіи Оригена папою Вигиліемъ упомянулъ Ѳеодоръ Аскида еще въ пятомъ засѣданіи собора и что въ XI анаѳематизмѣ противъ «трехъ главъ» между другими еретиками упомянутъ также и Оригенъ, Пагій полагаетъ, что первоначально соборъ осудилъ ученіе Оригена, а потомъ уже «три главы» (Notae, ad n. CCXXXVIII—CCXLVIII. an. 553, ant. 26). Но Евагрій, имѣвшій у себя подъ руками соборные акты, утверждаетъ, что осужденіе Оригена послѣдовало послѣ осужденія «трехъ главъ». Никифоръ Каллистъ вполнѣ слѣдуетъ Евагрію сказавъ объ осужденіи «трехъ главъ», онъ затѣмъ продолжаетъ: In secunda autem sessione, etc Очевидно здѣсь подъ второю сессіей слѣдуетъ разумѣть не второе засѣданіе (collatio) собора, а второе его отдѣленіе, или вторую часть, какъ это несомнѣнно открывается изъ контекста рѣчи и изъ сличенія ея съ разсказомъ Евагрія (Nic. Callist l. XVII. c 27). Указанное же распредѣленіе предметовъ занятій собора у Ѳеофана и автора Пасхальной хроники можно относить столько же къ порядку разсужденій собора, какъ и къ хронологической послѣдовательности возбужденія означенныхъ вопросовъ

нимающіе соборныхъ опредѣленій, были низлагаемы и ссылаемы въ ссылку. Равнымъ образомъ были отрѣшаемы отъ своихъ должностей и заключаемы въ монастыри или же ссылаемы въ ссылку точно также клирики и монахи, не соглашающіеся на принятіе соборныхъ опредѣленій (1). Не избѣжалъ этой участи и самъ папа Вигилій: императоръ сослалъ его на о. Проконнесъ (2). Вмѣстѣ съ нимъ сосланы были въ ссылку и находящіеся въ Константинополѣ римскіе клирики, въ числѣ которыхъ былъ также и Пелагій, подписавшійся подъ Constitutum'омъ Вигилія (3). Большинство иллирійскихъ епископовъ согласились лучше подвергнуться всякаго рода преслѣдованіямъ, чѣмъ принять опредѣленія, ниспровергающія, по ихъ мнѣнію, основанія вѣры (4). Словомъ, западные епископы въ значительномъ большинствѣ своемъ отказались принять соборныя опредѣленія и стали составлять свои соборы, на которыхъ дѣлали постановленія согласно Constitutum'у Вигилія (5). Замѣшательство на первый разъ явилось пол-

---

въ исторіи. Чтоже касается упоминаній объ Оригенѣ, какъ еретикѣ, во время разбирательства «трехъ главъ» и въ анаѳемствахъ на нихъ, то здѣсь могло имѣться въ виду осужденіе Оригена, сдѣланное до собора, по поводу изданія императоромъ эдикта противъ Оригена. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, очень темный и трудно рѣшимый.

(1) Vict. Tunun. Chron. an. 553 554. 556, etc. Liberat. breviar. c. 24. non consentientes depositi, in exsilium missi sunt; vel aliqui fuga latitantes, im angustiis felicem exitum susceperunt.

(2) О ссылкѣ Вигилія говоритъ продолжатель Марцеллина (Chron. an. 554), Анастасій библіотекарь (de vit. Rom pont. Vigilius) и діаконъ Либератъ: ab ipsa haeresi afflictus (т. е потерпѣвшій ссылку) Vigilius, nec coronatus (т. е не претерпѣль до конца, уступилъ и согласился на принятіе соборныхъ опредѣленій), qualem vitae terminum suscepit, notum est omnibus (с 22) Ѳеофанъ говоритъ вообще: *ἀπελύθη δέ (Βιγίλιος) πολλῶν κινηθέντων ὑπὸ τοῦ βασιλέως* (р. 354). Въ пользу этихъ показаній говоритъ и то обстоятельство, что имя Вигилія было уже вычеркнуто изъ диптиховъ.

(3) Vict, Tunun. Chron. an. 558.

(4) Ibid. an, 559.

(5) Baron. an. 553 n. CCLI.

ное: волненія, смуты и раздѣленія послѣ соборныхъ рѣшеній какъ бы еще болѣе усилились, сдѣлались острѣе и напряженнѣе (1). Но тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать справедливымъ и то положеніе, что соборъ этотъ умиротворилъ церковь относительно тѣхъ пунктовъ разногласія которые на немъ разобраны и окончательно рѣшены: послѣ его опредѣленій оставалось одно изъ двухъ—или глубже, съ открытымъ для воспріятія истины умомъ и сердцемъ, вникнуть въ сущность дѣла и согласиться съ правильностію соборнаго рѣшенія, или же относиться къ нему предвзято и отрицательно, и въ такомъ случаѣ—быть причисленнымъ къ разряду упорныхъ схизматиковъ.

Папа Вигилій еще разъ принялся въ ссылкѣ за изученіе вопроса о „трехъ главахъ“ и теперь снова пришелъ къ убѣжденію, что онѣ достойны осужденія. Это вновь выработанное и на этотъ разъ окончательное убѣжденіе свое онъ обнародовалъ въ граматѣ, издан-

(1) Бароній весьма несочувственно относится къ этому собору и говоритъ, что онъ болѣе внесъ раздоры въ церковь, чѣмъ содѣйствовалъ водворенію въ ней мира (an 553. n, CCXXI. CCL). Но уже Пагій замѣтилъ несправедливость этого утвержденія Баронія (Notae, ad, n. CCXX—CCXXIII an. 553 not. 20). Если разсуждать такъ, какъ разсуждаетъ Бароній; то окажется, что ни одинъ вселенскій соборъ не доставлялъ мира церкви: борьба партій и ихъ взаимныя ссоры обыкновенно тогда и становились наиболѣе напряженными и острыми, когда были издаваемы соборныя опредѣленія. Такъ случилось особенно послѣ никейскаго собора и послѣ халкидонскаго Но когда говорится, что тотъ или другой вселенскій соборъ даровалъ миръ церкви, то имѣется въ виду не начальная вспышка, не усиленныя дѣйствія упорныхъ схизматиковъ непосредственно послѣ изданія соборныхъ опредѣленій, а то, что постановленіемъ справедливаго рѣшенія онъ a) успокоиваетъ умы сомнѣвающихся и колеблющихся, и b) установляетъ опредѣленія и точныя границы для дѣйствій правительства, заставляетъ каждаго глубже вникнуть въ сущность дѣла и тѣмъ самымъ способствуетъ въ концѣ концовъ дѣйствительному водворенію мира. Нельзя при этомъ не замѣтить еще и того, что утвержденіе Баронія противорѣчитъ показаніямъ приверженныхъ къ собору, современныхъ ему, греческихъ писателей, которые говорятъ, что послѣ собора насталъ глубокій миръ въ церкви (Евстратій).

ной имъ въ началѣ декабря того же 553 года и кратко излагающей причины перемѣны его мнѣнія о „трехъ главахъ“ и самое ихъ осужденіе. „Мы, говоритъ онъ, анаѳематствуемъ и осуждаемъ нечестивыя „три главы“, т. е. нечестиваго Ѳеодора мопсуестскаго вмѣстѣ съ нечестивыми его сочиненіями, и все, что нечистиво написалъ Ѳеодоритъ, и посланіе, которое написано, говорятъ, Ивою, и въ которомъ содержатся сказанныя выше хулы. И всякого, кто вѣритъ, что вышесказанныя „три главы“ въ какое нибудь время должны быть приняты или защищаемы, или кто будетъ стараться когда нибудь уничтожить настоящее осужденіе, подвергаемъ подобной анаѳемѣ. А въ отношеніи всѣхъ тѣхъ, которые сохраняя правую вѣру, проповѣданную вышесказанными соборами, осудили или также осуждаютъ упомянутыя „три главы“, опредѣляемъ, что они братья и соіереи. Что же сдѣлано или мною, или другими въ защиту вышесказанныхъ „трехъ главъ“, то мы упраздняемъ опредѣленіемъ настоящей нашей граматы. Да будетъ далеко отъ церкви каѳолической то, чтобы кто нибудь сказалъ, что всѣ вышеприведенныя богохульства, или мудрующіе подобно имъ и слѣдующіе имъ, были приняты вышесказанными четырьмя соборами, или однимъ изъ нихъ. Ибо совершенно извѣстно, что упомянутыми святыми отцами, и особенно святымъ соборомъ халкидонскимъ никто, о комъ было какое нибудь подозрѣніе, не былъ принятъ, если не отвергъ вышеприведенныя богохульства, или подобныя имъ, или ересь, въ которой былъ заподозрѣнъ, или если не отрекся и не осудилъ богохульства, въ которыхъ онъ подозрѣвался“ (1). Спустя три мѣсяца послѣ этого Вигилій издалъ новый Constitutum, состоящій изъ 28 главъ и направленный къ осужденію „трехъ главъ“.

---

(1) Harduin. t III col. 213—217; Дѣян. всел. соб. V, стр. 404—409 — Но это послание Вигилія нѣкоторыми учеными заподозрѣвается въ подлинности (Pagius, Notae ad n 1—IX. an. 554. not 3).

Содержаніе, какъ и цѣль его одинаковы съ приведенною граматой, — именно, что разсматриваемыя „три главы“ никогда не были одобряемы халкидонскимъ соборомъ, что они нечестивы и что потому достойны осужденія,—только эти мысли развиты здѣсь несравненно подробнѣе и обстоятельнѣе (1). Отказался отъ своего прежняго мнѣнія относительно „трехъ главъ“ и архидіаконъ Пелагій, и онъ, проникнувшись убѣжденіями императора, согласился на ихъ осужденіе и вслѣдствіе этого возвращенъ былъ изъ ссылки (2). Граждане Рима начали очень сильно тяготиться отсутствіемъ своего епископа; поэтому, когда Нарсесъ разбилъ готѳовъ и снова отнялъ у нихъ Римъ (3),—всѣ римскіе клирики обратились къ нему съ совокупною просьбою, чтобы онъ вмѣстѣ съ ними упросилъ императора возвратить къ нимъ Вигилія и всѣхъ римскихъ пресвитеровъ и діаконовъ, и остальныхъ клириковъ, отправившихся съ Вигиліемъ въ Константинополь и вмѣстѣ съ нимъ посланныхъ въ ссылку. Императоръ внялъ просьбѣ своего знаменитаго полководца и римскаго клира, тѣмъ болѣе, что, послѣ согласія Вигилія на осужденіе „трехъ главъ“, не оставалось никакой причины долѣе удержи-

---

(1) Harduin. Ш. col 217—244.—Пагій считаетъ этотъ Constitutum несомнѣнно подлиннымъ (Notae, ad. n. I—IX an. 554, not. 4) и на этомъ основаніи полагаетъ, что Вигилій одобрилъ соборъ въ 554 году. О согласіи Вигилія на соборныя дѣянія свидѣтельствуетъ Евагрій: «Между тѣмъ Вигилій, соглашаясь письменно, не хотѣлъ однакожъ присутствовать на соборѣ» (l IV. c. 38). Объ этомъ согласіи Вигилія принять соборныя дѣянія засвидѣтельствовали еще отцы VI вселенскаго собора по окончаніи соборныхъ засѣданій, въ привѣтственномъ словѣ къ императору Константину. «Также, говорятъ они, и Вигилій согласился съ благочестивымъ Юстиніаномъ, и созвали пятый соборъ, чтобы анаѳематствовать чьито подпольнаго и темнаго происхожденія сочиненія, наполненныя мерзостію». Harduin t. Ш. col. 1419; Дѣян. всел. соб. т. VI. Казань, 1871. стр. 495.

(2) Victor Tunun. Chronic. an. 558.

(3) См выше, стр. 532.

вать его въ Константинополѣ, Въ августѣ 554 года Вигилій наконецъ выѣхалъ изъ Константинополя и повезъ съ собою на имя Нарсеса императорскій эдиктъ, утверждающій за Римомъ и Италіей всѣ вольности и дары, когда либо сдѣланные имъ Аталарикомъ, Амалазунтою, Теодатомъ, или супругою императора, покойною Ѳеодорой, и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняющій всѣ несправедливыя и насильственныя распоряженія Тотилы. Вигилій не достигъ Рима и не успѣлъ лично вручить Нарсесу радостный для всей Италіи императорскій эдиктъ; онъ умеръ на дорогѣ въ Сициліи и на мѣсто его избранъ, по волѣ императора, архидіаконъ Пелагій, рукоположенный въ папы въ апрѣлѣ 555 года (1). Понтификатствованіе Пелагія замѣчательно въ томъ отношеніи, что съ его времени избраніе и утвержденіе папъ въ ихъ достоинствѣ во многомъ стало походить на избраніе и утвержденіе константинопольскихъ па-

---

(1) Anast Biblioth. de vitis Rom. pontif. Vigilius; Vict Tunun. Chron an. 557, 563; Marcell. chron. an. 554.—Анастасій Библіотекарь говоритъ, что когда императоръ получилъ просьбу Нарсеса и римскихъ клириковъ о возвращеніи имъ Вигилія, то будто бы призвалъ къ себѣ всѣхъ находящихся въ Константинополѣ или его окрестностяхъ римскихъ клириковъ и предложилъ имъ на выборъ: принять ли Вигилія, или, вмѣсто него, архидіакона Пелагія, и клирики будто бы потребовали Вигилія, а Пелагія обѣщались признать папою тогда, когда Вигилій помретъ Въ этомъ разсказѣ Анастасія много баснословнаго, потому что рѣшительно нѣтъ никакого основанія, почему бы императоръ вздумалъ предложить римскимъ клирикамъ сдѣлать выборъ между Вигиліемъ и Пелагіемъ, когда послѣдній болѣе упорно прежде противился осужденію «трехъ главъ», а теперь оба одинаково согласились на ихъ осужденіе, и притомъ, когда избраніе Пелагія на мѣсто Вигилія могло только усилить смуту на западѣ, гдѣ большинство епископовъ и клира держались 1-го Constitutum'a Вигилія Въ приведенной баснѣ Анастасія можно усматривать развѣ одну только дѣйствительно историческую сторону: это—избраніе Пелагія по смерти Вигилія, главнымъ образомъ, по волѣ и указанію императора.—Ѳеофанъ несправедливо полагаетъ смерть Вигилія въ Иллири: *καὶ ἐν τῷ Ἰλλυρικῷ ἐτελεύτησεν τὴν ἐπὶ Ῥώμην ἀναλύων ὁδόν* (Theoph. Chron. p. 354),—День смерти Вигилія неизвѣстенъ; можно вообще только сказать, что онъ умеръ въ началѣ 555 года.

тріарховъ: послѣ выбора кандидата на папское достоинство, рукоположеніе его въ папы должно быть производимо, по вновь введенному обычаю, не прежде, какъ по полученіи императорскаго утвержденія изъ Константинополя (1). Какъ велико было раздѣленіе римскаго клира и какъ ему непріятно было избраніе на папскій тронъ Пелагія, можно видѣть изъ того, что едва нашлись только два епископа и одинъ пресвитеръ, которые согласились на его выборъ и рукоположили его въ папы. Римскій народъ и клирики подозрѣвали его въ гоненіяхъ и смерти Вигилія. Пелагій, посовѣтовавшись съ Нарсесомъ, возшелъ, во время совершенія литаніи, на амвонъ въ церкви св. Петра и, положивъ на голову Евангеліе и держа предъ собою крестъ, торжественно и съ клятвою оправдалъ себя отъ взводимаго на него преступленія (2). Какъ этотъ папа, такъ и его преемники, въ особенности же Пелагій II и Григорій Двоесловъ, весьма много приложили старанія къ успокоенію западной церкви, взволнованной опредѣленіями пятаго вселенскаго собора, и достигли таки наконецъ того, что онъ признанъ былъ и причисленъ къ числу вселенскихъ соборовъ также и всѣми церквами запада. Такимъ образомъ причина раскола и самый расколъ, который непремѣнно грозилъ въ это время востоку и западомъ, были на этотъ разъ устранены (3).

---

(1) Впрочемъ обычай утверждать новоизбранныхъ папъ въ ихъ должности введенъ въ первый разъ не Юстиніаномъ, а готескими королями. Римскіе писатели крайне недовольны введеніемъ этого обычая. Baron an. 554. n. I. II; Pag Notae ad. n. I—X. an 555. not. 10 11

(2) Marcell. Chron an 554; Anast. Biblioth de vit Rom. Pont. Pelagius.—Migne, Patr. t. CXXVIII. col. 611—614 § 109.

(3) Отъ папы Пелагія II осталось обширное «посланіе къ Иліѣ аквилейскому и другимъ отщепенцамъ, епископамъ Истріи, которые не соглашались съ осужденіемъ трехъ главъ», гдѣ онъ весьма подробно и обстоятельно разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія, какія возникли въ средѣ западныхъ христіанъ по поводу осужденія «трехъ главъ» константинопольскимъ соборомъ. Между прочимъ на упрекъ, что въ началѣ и «апостольскій престолъ» чрезъ папу Вигилія, и всѣ начальники латинскихъ провинцій

На Востокѣ осужденіе „трехъ главъ“ принято было православными съ великою радостію. Правда, перво-

---

твердо противостали осужденію «трехъ главъ», отвѣчаетъ такимъ образомъ: «Въ этихъ словахъ мы замѣчаемъ, что таже самая вещь, которая должна бы васъ вызвать на согласіе, отвлекаетъ васъ отъ него. Вѣдь латиняне и незнакомые съ греческимъ языкомъ поздно узнали свою ошибку потому, что не знали языка; и имъ тѣмъ скорѣе должно вѣрить, что ихъ твердость не оставляла спора дотолѣ, пока они не дознали истину; а если бы они согласились опрометчиво, прежде чѣмъ дознали бы истину, то ваша братская любовь справедливо смотрѣла бы на нихъ съ презрѣніемъ; но они согласились послѣ долгаго труда и послѣ того, какъ долгое время препирались, даже до обидъ Пусть же ваша братская любовь отсюда разсудитъ, что не по чему-нибудь другому они не оставляли вдругъ столько трудовъ, а только для дознанія истины Ибо, думаемъ, братія, что было въ Божественномъ совѣтѣ, что всемогущій Богъ допустилъ Савлу долго быть гонителемъ своей вѣры и такимъ образомъ сдѣлалъ его проповѣдникомъ ея, если не то, чтобы показать всѣмъ, кому чрезъ него будетъ проповѣдано, что преистинно есть Евангеліе Божіе, потому что и такая жестокость преклонившись проповѣдовала? чтобы слушатели его, когда пропускали сквозь горнило своего сознанія все, что имъ сдѣлано противъ вѣрующихъ, понимали, что онъ неожиданно обратился къ вѣрѣ не безъ очевиднаго основанія»? . «Вотъ, любезнѣйшія братія, Павель, великій учитель, изъ того, что онъ долго противился истинѣ, извлекаетъ пособія для утвержденія сердецъ слушающихъ въ проповѣди этой истины, доказывая на дѣлѣ, что вѣру, которой онъ прежде съ такимъ тщаніемъ противился, впослѣдствіи онъ принялъ не безъ самой основательной увѣренности» —«Итакъ вашей любви должно размыслить, что согласіе нашихъ предшественниковъ въ этомъ предметѣ тѣмъ больше не было маловажнымъ, чѣмъ больше прежде было положено трудовъ въ этомъ дѣлѣ».... «Не измѣненіе мнѣнія, а непостоянство виновно. Итакъ, что касается до познанія правильности, пусть требуетъ неизмѣннымъ намѣреніе, что же за бѣда, если оставляющій свое незнаніе измѣнитъ слова»? и проч (Harduin III col. 414—439; Дѣян всел. соб. V, стр. 410—456). Объ этомъ посланіи Пелагія II упоминаетъ Григорій Двоесловъ въ своемъ посланіи къ ирландскимъ епископамъ, которымъ онъ даже отослалъ это посланіе Пелагія съ увѣщаніемъ внимательно читать его и внять его доказательствамъ: «Если вы, писалъ онъ имъ, оставивши трудъ своей вольности, захотите прочитывать эту книгу съ чистымъ и бодрственнымъ сердцемъ, то я надѣюсь, что вы во всемъ послѣдуете ему (Пелагію) и возвратитесь къ нашему единенію. А если, впрочемъ, послѣ прочтенія этой книги вы захотите упорствовать въ своихъ намѣреніяхъ, то безъ сомнѣнія вы покажете этимъ, что вы не разуму отдаете предпочтеніе, а упрямству» (Greg. M. lib. II. indict. X. ep. LI.—Migne,

начальная цѣль собора—возвратить въ единеніе съ каѳолическою церковію соблазняющихся опредѣленіями халкидонскаго собора—не была достигнута,—упорнѣйшіе изъ евтихіанъ и послѣ константинопольскаго II собора продолжали оставаться въ своемъ прежнемъ заблужденіи (1),—но миръ церкви дарованъ былъ тѣмъ, что снято нареканіе съ отцевъ халкидонскаго собора, которое имъ дѣлали евтихіане, и отнято у несторіанъ сильное орудіе ихъ пропаганды, будто Ѳеодоръ мопсуестскій и указанныя сочиненія Ѳеодорита и Ивы одобрены халкидонскимъ соборомъ. Осужденіемъ сочиненій всѣхъ этихъ авторовъ и самаго Ѳеодора мопсуестскаго положенъ предѣлъ несторіанскимъ обманамъ; всѣ защитники Ѳеодора и указанныхъ сочиненій Ѳеодорита и Ивы теперь явно должны быть причисляемы къ несторіанамъ и, какъ таковые, подлежали всѣмъ строгимъ законамъ, изданнымъ противъ несторіанъ.—Обуздано было также и своеволіе орегенистовъ въ Палестинѣ. Когда патріархъ Евстохій получилъ соборные акты вмѣстѣ съ утверждающими ихъ императорскими рескриптами и обнародовалъ ихъ палестинскимъ епископамъ; то всѣ епископы приняли ихъ и подписались подъ ними, за исключеніемъ лишь горячаго оригениста, епископа города Авилы, Александра. Но за это онъ былъ низложенъ (2). Согласился также на осужденіе Оригена и бывшій патріархъ Макарій, низложенный, какъ извѣстно, предъ Евстохіемъ (3). Но неолав-

---

patr. t. LXXVII. col. 592—594, Дѣян. всел. соб. V. стр. 457—459). Григорій Двоесловъ и во многихъ другихъ своихъ письмахъ осуждаетъ «три главы», ставитъ константинопольскій II соборъ наравнѣ съ четырьмя прежде него бывшими вселенскими соборами и заботится объ утвержденіи его авторитета между вѣрующими. Тамъ же, стр. 456—457; Migne, t. LXXVII. col. 478 и др.

(1) Leont. Byzant. de Sectis. Act. VI. n. 6:. *καὶ ὅμως οὐδὲ οὕτως ἐδέξαντο οἱ διακρινόμενοι τὴν σύνοδον,*

(2) Въ послѣдствіи онъ погибъ въ Византіи отъ землетрясенія. Vita Sabae. c. 90.

(3) Evagr. l. IV. c. 39.

риты рѣшительно отказались принять соборныя опредѣленія и отдѣлились отъ каѳолическаго общенія. Патріархъ Евстохій сначала думалъ было склонить ихъ къ покорности увѣщаніями и кроткими мѣрами: около восьми мѣсяцевъ онъ убѣждалъ ихъ принять соборныя опредѣленія и не отдѣляться отъ общенія съ церковію, но напрасно. Тогда онъ употребилъ въ дѣло царскіе указы: дуксъ Палестины, Анастасій, изгналъ по его требованію, всѣхъ горячихъ приверженцевъ Оригена, изъ Новой Лавры; вмѣсто же нихъ поселены были здѣсь православные монахи (въ числѣ 120 человѣкъ) изъ другихъ монастырей Іорданской пустыни, и оригенисткое движеніе заглохло (1). Но Евстохій сильными преслѣдованіями оригенистовъ возбудилъ противъ себя ихъ ненависть; можно думать, что, кромѣ оригенистовъ, онъ оскорбилъ еще нѣкоторыхъ другихъ лицъ, не державшихся ученія Оригена. Какъ бы то ни было, только недовольные имъ повели противъ него при дворѣ аттаку и достигли таки того, что въ 556 году онъ былъ низложенъ, а на его мѣсто снова опредѣленъ Макарій, какъ уже очистившій себя отъ обвиненія въ приверженности къ ученію Оригена (2). Однакожъ, нѣкото-

(1) Въ концѣ 554, или въ началѣ 555 г Vita Sabae, c 90.

(2) Древніе авторы или вовсе не опредѣляютъ точно, когда именно произошло низложеніе Евстохія и возведеніе на его мѣсто Макарія, или же, если и опредѣляютъ, то явно невѣрно, Такъ Евагрій вообще говоритъ, что Макаріи возстановленъ на престолѣ послѣ константинопольскаго II собора, когда предалъ анаѳемѣ Оригена, Дидима и Евагрія (l. IV. c. 39), и этимъ явно опровергаетъ догадку Баронія, будто Макарій возстановленъ на престолѣ еще до собора (an. 548. n. XIII). Патріархъ Никифоръ въ своей хронографіи (Chron. comp p. 767), Викторъ тунисскій (Chron. an 563) и Ѳеофанъ (Chronogr. p. 374) опредѣляютъ это время несогласно между собою и всѣ—неправильно. Такъ Никифоръ говоритъ, что Евсотхій патріаршествовалъ только одинъ годъ, что явно противорѣчитъ показаніямъ Евагрія и Кирилла скиѳопольскаго. Викторъ тунисскій относитъ низложеніе Евстохія къ 563 году, а Ѳеофанъ къ 567 году, т. е ко времени царствованія Юстина II Пагіи на основаніи своихъ изысканій полагаетъ, что Евстохій низложенъ въ 556 г. (Notae,

рые монахи и послѣ этого отдѣлились отъ его общенія. но были вразумлены частію выдающимися событіями въ своей собственной жизни, частію же болѣе нихъ опытными старцами (1). Вообще нужно замѣтить, что послѣ константинопольскаго II собора страсти мало-помалу улеглись и восточные патріархаты стали пользоваться относительнымъ покоемъ; еретическія фракціи опредѣлились точнѣе; отношенія выяснились. и еретики не могли уже болѣе злоупотреблять именемъ право-

---

ad n. l. an. 561 not 3) Θеофанъ относительно низложенія Евстохія говоритъ *Εὐστόχιος δὲ ἀπελθὼν εἰς Ἱεροσόλυμα μίσει τῷ πρὸς Ἀπολινάριον καὶ Ἀγαθῶνα καὶ Μακάριον, τοὺς τῆς νέας λαύρας μοναχοὺς ἐξέβαλλεν, ὡς Ὠριγενιστάς καὶ διὰ τοῦτο ἐξεβλήθη καὶ πάλιν ἀπεκατεστη Μακάριος εἰς τὸν ἴδιον θρόνον*. Сопоставляя эти слова Θеофана съ тѣмъ, что говорятъ объ этомъ времени Евагрій (IV. 37—39) и Кириллъ скиѳопольскій (Vita Sabae, c 90), мы находимъ догадку Папія наиболѣе соотвѣтствующею дѣйствительности

(1) Такъ одинъ авва Илія, судя по его собственному разсказу, едва не впалъ въ блудъ отъ того, что удалился отъ общенія съ Макаріемъ іерусалимскимъ (Лугъ Духовн. гл. 19) Другой авва Іуліанъ, также отдѣлившійся отъ общенія съ Макаріемъ былъ вразумленъ высоко чтимымъ на всемъ Востокѣ, новымъ столпникомъ (подвизавшимся недалеко отъ Антіохіи, при Оронтѣ близъ моря) Симеономъ, убѣдившимъ его «не отдѣляться отъ св, церкви», въ которой «нѣтъ ничего худаго». (Тамже, гл. 95). Котелерій, принимая во вниманіе, что въ подлинникѣ разсматриваемое мѣсто выражено такъ: *καὶ διέκρινε τὸ κοινωνῆσαι αὐτῷ*, дѣлаетъ замѣчаніе, что подъ *διακρινόμενοι* у разныхъ древнихъ писателей разумѣются еретики-евтихіане, соблазняющіеся опредѣленіями халкидонскаго собора, преимущественно же «тремя главами» (См. напр Leont Byzant., de Sectis Action IV—VII), откуда само собою должно слѣдовать, что и Іуліанъ принадлежалъ къ разряду именно этихъ соблазняющихся еретиковъ (Coteler, t, II Notae, col 668--669). Очень можетъ быть и такъ. Но едва ли слово *διακρίνομαι* получило въ то время собственное значеніе и уже не могло имѣть никакого приложенія къ другимъ подобнымъ случаямъ?! .. Можетъ быть Іуліанъ *διέκρινε τὸ κοινωνῆσαι αὐτῷ* и по вопросу объ оригенистахъ, къ которымъ первоначально примыкалъ Макарій, а потомъ измѣнилъ имъ?.. Вопросъ объ оригенистахъ въ Палестинѣ такъ перепутанъ съ вопросомъ о «трехъ главахъ», что, на основаніи общихъ фразъ, весьма трудно сказать, кто въ частности, и изъ-за чего отдѣлялся отъ общенія съ церковію.

вославныхъ (1). Но это еще не значитъ, чтобы прекратилась борьба вообще и чтобы вспышки страстей устранены были вовсе.

Антіохійскій патріархъ Анастасій I. Столкновеніе при немъ севериан съ православными въ Антіохіи. Уклоненіе Юстиніана въ ересь аѳеартодокетовъ. Низложеніе патріарха Евтихія и возведеніе на его мѣсто Іоанна Схоластика. Противодѣйствіе императору со стороны антіохійскаго патріарха Анастасія и гнѣвъ императора на послѣдняго. Смерть Юстиніана. Судъ объ немъ православныхъ и православной церкви.

Въ 559 году мирно скончался антіохійскій патріархъ Домнинъ (или Домнъ) и на мѣсто его возведенъ одинъ изъ палестинскихъ монаховъ, по имени Анастасій I (2). Это былъ человѣкъ отличный во всѣхъ отно-

---

(1) Евстратій говоритъ въ жизнеописаніи св. Евтихія, что, послѣ пятаго вселенскаго собора, «повсюду сущія Божіи церкви, за исключеніемъ Константинополя, долго наслаждались миромъ» (Vita Eutychii, c. IV, § 31) Это извѣстіе Евстратія подлежитъ нѣкоторому ограниченію: такъ. извѣстно, на западѣ миръ церкви водворенъ лишь съ теченіемъ времени, а отсюда слѣдуетъ, что извѣстіе Евстратія приложимо только къ восточнымъ патріархатамъ: антіохійскому, іерусалимскому и александрійскому,—въ этомъ случаѣ онъ сходенъ съ другими писателями,—но опять-таки и здѣсь не безъ ограниченія· наступилъ миръ, но неполный; вспышки прежнихъ страстей являлись.

(2) Theoph. Chron p. 362; Niceph Chronogr. compend. p. 784, Evagr l IV. c 39 Св. Симеонъ новый (столпникъ) предрекъ, какъ смерть Домнина, такъ и возведеніе на его мѣсто Анастасія (Vita s. Symeon. Jun , consc a Niceph. c. XXIV. § 162). Бароній называетъ этого Анастасія Синаитомъ (an. 561. n 1). Ѳеодоръ Вальсамонъ въ посланіи къ антіохійцамъ о постахъ, какіе должны быть ежегодно соблюдаемы, упомянувъ объ Анастасіѣ, патріархѣ антіохійскомъ, называетъ его Синаитомъ (Coteler. t II. p. 494). Но Пагій, критикою сочиненій, какія написалъ Анастасій Синаитъ и Анастасій, патріархъ антіохійскій, и опредѣленіемъ времени жизни того и другаго, показываетъ, что Анастасія, патріарха антіохійскаго, слѣдуетъ отличать отъ Анастасія Синаита, монаха и пресвитера (Notae, ad. n VIII—XI an 599 not 3 и 4). Архим. Сергій, отличая Анастасія Синаита, монаха и пресвитера, отъ п Анастасія, почему-то и этого послѣдняго называетъ Синаитомъ. Полн. мѣсяцесл. востока, т. II. стр 112—113.

шеніяхъ: съ глубокимъ знаніемъ слова Божія и святоотеческой литературы онъ соединялъ удивительную строгость въ своихъ нравахъ и образѣ жизни. Онъ обращалъ вниманіе даже на самые маловажные предметы и никогда не измѣнялъ своему постоянству и твердости, „ни въ житейскихъ дѣлахъ, ни въ отношеніи къ вещамъ божественнымъ“. Правду онъ цѣнилъ выше всего и ничто не могло склонить его къ несправедливости: ни ласковость и вкрадчивая рѣчь, ни жестокость и суровость; но эта правда лицамъ высшимъ его казалась дерзостію, а его нищелюбіе и благотворительность—растратою церковныхъ имуществъ. „Въ бесѣдахъ важныхъ слухъ его былъ открытъ, языкъ, остроумно разрѣшавшій вопросы, обиловалъ словами; напротивъ, при разговорахъ бездѣльныхъ, онъ совершенно заграждалъ свое ухо и полагалъ храненіе устамъ, такъ что слово его измѣрялось разумомъ и молчаніе было превосходнѣе слова“ (1).

Во второй годъ его патріаршествованія (въ 560 г.) случилось въ Антіохіи кровавое столкновеніе северіанъ съ православными, такъ что совершены были многія убійства. Какая была причина этого столкновенія? и причастенъ ли п. Анастасій къ нему какимъ нибудь образомъ?—трудно сказать что-либо опредѣленное; такъ какъ лѣтописцы ничего не говорятъ объ этомъ. Судя по группировкѣ, какая дана ими событіямъ описываемаго года, можно подумать, что северіане усмотрѣли въ естественныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ ихъ городъ вмѣстѣ съ другими городами имперіи (свирѣпствовалъ моръ и совершались частыя землетрясенія), кары Божественнаго гнѣва за принятіе и утвержденіе халкидонскихъ опредѣленій, и напали на православныхъ. Эти въ свою очередь видѣли въ северіанахъ причину всѣхъ бѣдствій. Такимъ образомъ явился мятежъ. Императоръ, узнавъ объ

(1) Evagr. l. IV. c. 36; l. V. c. 5. Vita Eutych. c. V. § 41.—Память его церковь чтитъ 20 апрѣля. См. Полный мѣсяцесловъ востока арх Сергія, т. II. стр. 112—113.

этомъ, послалъ въ Антіохію комита востока, Зимарха, и жестоко наказалъ мятежниковъ: многіе изъ нихъ сосланы были въ ссылку, у другихъ конфисковано имущество, у нѣкоторыхъ же отрублены члены (1).

Борьба еретиковъ при дворѣ императора по прежнему продолжала идти тайно, прикрывалась ревностію по чистотѣ правой вѣры: это оставался единственный способъ сколько нибудь достигнуть своихъ цѣлей. Зная, что Юстиніанъ высоко держитъ знамя православія и обнаруживаетъ горячую ревность по чистотѣ истинной вѣры, еретики, искренно или притворно, дѣйствуя по убѣжденію или же коварно, сознательно обманывая императора для достиженія своей затаенной цѣли, старались обратить въ свою пользу эту именно его ревность по чистотѣ вѣры, и достигли таки наконецъ того, что онъ на закатѣ дней своихъ самъ уклонился отъ православія и сдѣлался было горячимъ защитникомъ ереси. Какъ ни странно это, но дѣло было именно такъ. Разсмотрѣнные и точно опредѣленные на соборахъ пункты вѣроученія не подлежали сомнѣнію и никто изъ тайныхъ еретиковъ, вращающихся при дворѣ, не смѣлъ открыто нападать на нихъ. Оставался не разсмотрѣннымъ вопросъ о тлѣнности или нетлѣнности тѣла Христова до его воскресенія съ самаго момента образованія его во утробѣ Пресвятой Дѣвы Маріи. Вопросъ этотъ, какъ видѣли (2), въ первый разъ возбужденъ въ Александріи и сначала произвелъ расколъ между послѣдователями Севера и Юліана галикарнасскаго, а потомъ—Ѳеодосія и Гаіана. Отсюда онъ перешелъ въ Константинополь и въ другіе города имперіи, и повсюду производилъ разъѣденія. Явилось много приверженцевъ нетлѣнности какъ изъ высшихъ сановниковъ государства, такъ равно и изъ числа предсто-

---

(1) Theoph. Chron. p. 364, Cedrenus I p. 679.—Нельзя также усмотрѣть изъ лѣтописи и того, какіе изъ буйговщиковъ были строже наказаны, сеферіане или православные, или тѣ и другіе въ одинаковой мѣрѣ.

(2) См. выше, стр. 535—536.

ятелей знаменитыхъ церквей, извѣстныхъ подвижничествомъ монаховъ и членовъ высшаго константинопольскаго духовенства (1). Вращаясь при дворѣ и дѣйствуя постоянно на императора, они убѣдили его, что ученіе о нетлѣнности тѣла Христова (афоартодокетизмъ) есть истинное ученіе и что онъ совершитъ величайшій подвигъ благочестія, если всѣмъ своимъ подданнымъ предпишетъ исповѣдовать это ученіе (2).

Патріархъ Евтихій старался предостеречь его отъ коварныхъ замысловъ еретиковъ и неоднократно внушалъ, что ученіе афоартодокетовъ есть еретическое ученіе, чуждое истиннаго ученія каѳолической церкви. Но взяли перевѣсъ приближенные императора, „которые воздѣйствовали на него постоянствомъ своихъ внушеній, подобно тому, какъ капля продалбливаетъ камень непрерывнымъ паденіемъ“ (3) Императоръ приподнесъ Евтихію написанный имъ эдиктъ о нетлѣнности тѣла Христова для подписанія и утвержденія его своимъ мнѣніемъ. Евтихій отвергъ этотъ эдиктъ императора и долго убѣждалъ его самаго бросить защищать явно ере-

---

(1) Vita Eutychii, c. IV. § 35: *Ἦσαν δὲ πρωτουργοὶ τούτων οὐ μόνον οἱ περὶ τὸν βασιλέα δυναστευόντων ἐξέχοντες, ἀλλὰ καὶ τῶν ἐν ἱερεῦσιν τελούντων ἐπίσημοι, καὶ περιφανῶν ἐκκλησιῶν ἄρχοντες* Niceph. Callist hist eccles l XVII c. 29: Atque haec ipsa est Aphthartodocitarum haeresis, qua multi mortales sunt correpti, non solum ex eis qui honores et magistratus gesserunt, sed etiam hierarchae primarii, et monachi vita illustres, et ex sacerdotali ordine alii, atque adeo ipse etiam imperator Iustinianus.

(2) Vita Eutychii, c. IV. § 32 bis. *Προφάσει δ᾽ἦθεν θεοσεβείας καὶ τιμῆς (ἔστι που, ὥς φησιν ὁ Ἀπόστολος, ζῆλον ἔχουσιν, ἀλλ᾽ οὐ κατ᾽ ἐπίγνωσιν)* Niceph Callist. l. XVII. c. 29. Et is (Iustinianus) plurimum opinioni ei inhaesit· non ille altius dogma tale investigans, verum verbi ipsius significationi acrius insistens, videlicet qui haudquaquam tale quiddam de Christo propter summum ipsius erga illum amorem et disiderium, audire constituerit Princeps etenim iste tanto in Christum pietatis ardore flagrasse, ab eis qui res illius memoriae posteritatis mandarunt, dicitur, quanto alius qui ante eum imperium obtinuerunt, nemo, termaximo illo Constantino semper excepto.

(3) Vita Eutychii, c. IV. § 34.

тическое ученіе. Но министры, архіереи и священники, вращающіеся во дворцѣ и составляющіе какъ бы постоянный совѣтъ императора, лишь только узнали объ отказѣ патріарха, тотчасъ же собрались въ одной изъ дворцевыхъ залъ, въ которой обыкновенно происходили совѣщанія, и убѣдили императора низвергнуть Евтихія съ патріаршаго трона, какъ, съ ихъ точки зрѣнія, уклонившагося отъ чистоты вѣры и возвести на его мѣсто другаго, который соглашался бы съ ними въ своихъ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ (1). 22 января 565 года, въ праздникъ св. апост. Тимоѳея, когда патріархъ совершалъ литургію, одинъ изъ военачальниковъ съ отрядомъ войска пришелъ въ патріархію (ἐπισκοπεῖον) и арестовалъ нѣкоторыхъ патріаршихъ клириковъ, которые могли бы быть противъ него впослѣдствіи свидѣтелями. Это предвѣщало близкое низверженіе и самаго патріарха. По окончаніи литургіи, онъ не разоблачаясь, сталъ предъ жертвенникомъ и долго молился, чтобы Богъ сохранилъ правые догматы и церковь свою въ покоѣ; а за тѣмъ, когда нѣсколько подкрѣпилъ себя пищею и поуспокоился, снова прибылъ въ патріархію одинъ изъ военачальниковъ (Ѳеорій) съ отрядомъ войска и, схвативъ его, въ чемъ засталъ, отвезъ въ хоракудинскій (Χωρακούδιν) монастырь, откуда на слѣдующій день онъ переведенъ въ другой, болѣе удобный, монастырь близъ Халкидона. Спустя

---

(1) Vita Eutychii, c. V. § 36—37.—Евстратій неоднократно и съ особенною настойчивостію указываетъ на то, что главными двигателями всего этого дѣла были министры и вращающіеся во дворцѣ архіереи и священники, которые опутали императора и противъ усиленныхъ дѣйствій которыхъ одинъ Евтихій противостоять не смогъ (сар. IV—V). Баронію думаетъ, что виною и этого зла въ церкви (вопросъ о «трехъ главахъ» онъ считаетъ зломъ) былъ Ѳеодоръ Аскида (an 563 n VI—VIII) Но a) изъ повѣствованія Евстратія (по Баронію, Евстаоія) никакъ не слѣдуетъ, чтобы возбудителями вопроса о «неподвижности» были оригенисты и въ частности — Ѳеодоръ Аскида, и b) его догадка прямо противорѣчитъ извѣстію Малалы, по показанію котораго, какъ видѣли (см выше., стр 693), епископъ Кесаріи каппадокійской, т. е. Ѳеодорь Аскида, скончался въ Византіи въ 557 году и на мѣсто его опредѣленъ Ѳеокритъ.

восемь дней составили соборъ для суда надъ нимъ. Три раза призывали его явиться на соборъ для оправданій; но онъ всякій разъ отказывался и даже, вѣроятно, для устрашенія своихъ враговъ, наложилъ было на нихъ отлученіе. Но это не помогло; онъ былъ осужденъ и приговоренъ къ ссылкѣ. Первоначально его перевезли на о. Принца, что̀ въ Мраморномъ морѣ; а томъ, спустя три недѣли, его снова взяли отсюда и отправили въ амасійскій монастырь, гдѣ онъ прежде былъ игуменомъ (1). На мѣсто низложеннаго такимъ образомъ Евтихія рукополагается (12 апр.) апокрисі-

(1) Vita Eutychii, c. V. §§ 37 — 40. Евстратій передаетъ, что когда посланные соборомъ епископы и придворные чины пришли къ Евтихію съ приглашеніемъ явиться на соборъ для оправданій,—то онъ спросилъ ихъ. «къ кому вы пришли и за кого меня считаете»? Они, вынуждаемые истиной, отвѣтили: «мы пришли къ господину и отцу нашему и считаемъ за таковаго». Евтихій же снова спросилъ ихъ «кто вашъ господинъ и отецъ»? и они, какъ бы побуждаемые нѣкоторою невидимою силой, отвѣтили. «мы пришли къ патріарху нашему куръ-Евтихію». Тогда Евтихій сказалъ имъ: «Я есмь милостію Божіей патріархъ и никто изъ людей не отниметъ у меня сіе достоинство. Но кто тотъ, кого вы поставили ка мое мѣсто»? Посланные смутились этимъ вопросомъ и возвратились ни съ чѣмъ Тоже самое или подобное произошло и во время втораго и третьяго представленія ихъ къ патріарху. Евтихій каждый разъ просилъ возвращенія себѣ патріаршаго достоинства и клира, который отдѣленъ былъ отъ него, и только подъ этимъ условіемъ соглашался явиться на соборъ для оправданіи. Но въ этомъ было ему отказано. Тогда онъ, *πρὸ τῆς αὐτῶν ἐπ᾽ αὐτῷ γεγουνίας κατακρίσεως προλαβών, τοὺς πάντας ὑπέβαλεν κανονικοῖς ἐπιτιμίοις, ἕως ἂν τὰ ὑπ᾽ αὐτῶν γενόμενα διορθώσονται.*—Нельзя не замѣтить, что Евстратій пристрастенъ къ своему учителю, тенденціозенъ въ изложеніи мыслей и несовсѣмъ справедливъ въ отношеніи къ поборникамъ нетлѣнности. Замѣчаются также въ его разсказѣ и противорѣчія Такъ въ § 39-мъ онъ говоритъ, что Евтихій, предваряя рѣшеніе своихъ противниковъ, подвергъ ихъ всѣхъ «каноническимъ наказаніямъ», между тѣмъ какъ ниже, въ § 41, утверждаетъ и развиваетъ мысль, что онъ «охотно подчинился всему», что̀ о немъ было рѣшено, и что онъ даже «возрадовался, что удостоился претерпѣть поношеніе за имя Божіе» —Время низложенія Евтихія слѣдуетъ отнести къ 22 января 565 г. потому что ученикъ и жизнеописатель его Евстратій прямо говоритъ, что «Евтихій пасъ стадо Христово двѣнадцать лѣтъ, по числу двѣнадцати апостоловъ» (с IV § 32), и что низложеніе его случилось въ праздникъ св. Тимоѳея, а это падаетъ, со времени

арій антіохійскаго патріарха, Іоаннъ схоластикъ, названный такъ потому, что прежде проходилъ должность адвоката, или схоластика (Σχολαστικὸς). Іоаннъ происходилъ изъ одной деревни, подчиненной Антіохіи, и посланъ въ Константинополь въ качествѣ апокрисіарія еще патріархомъ Домниномъ, который для этого и рукоположилъ его въ пресвитеры. Іоаннъ, вообще говоря, велъ жизнь благочестивую и оказывалъ ревность по правой вѣрѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не лишенъ былъ суетности и жажды мірской славы. Эта жажда славы заставила его употребить происки, чтобы выдвинуться при дворѣ и снискать себѣ покровительство и благосклонность вліятельнѣйшихъ лицъ; эта же жажда славы послужила причиною и того, что онъ, чтобы только достигнуть патріаршаго трона, согласился на признаніе ученія о нетлѣнности тѣла Христова, хотя, быть можетъ, и сознавалъ его неправославіе (1).

смерти патріарха Мины въ концѣ августа 552 г., именно на 22-е января 565 г. (Евстратій не принялъ во вниманіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, очевидно, для того, чтобы ничѣмъ не нарушать выставленнаго имъ, по его мнѣнію, знаменательнаго сопоставленія чиселъ) Патріархъ Никифоръ въ своеи хроникѣ говоритъ, что Евтихій низложенъ послѣ 12 лѣтъ и 2-хъ мѣсяцевъ управленія (Chron p. 775). По Ѳеофану, Евтихій низложенъ 12 апрѣля 565 г. (p. 372). Кедринъ вообще выражается, что Евтихій низложенъ въ 38-й годъ царствованія Юстиніана (1 p. 680).

(1) Vita Symeon. Jun c XXIV §§ 187—188.—Здѣсь жизнеописатель Симеона новаго говоритъ, что когда Іоаннъ Схоластикъ получилъ отъ Домнина назначеніе ѣхать въ Константинополь по нѣкоторымъ важнымъ дѣламъ въ качествѣ апокрисіарія, то онъ предварительно отправился къ сіявшему на Дивной горѣ св. Симеону и спросилъ его, «какова относительно этого воля Божія». Святой отвѣтилъ: «иди, ибо ты уже посвященъ Богомъ на верховный престолъ константинопольской церкви, но при этомъ внушилъ ему пока не говорить объ этомъ никому и сдѣлалъ разъясненіе, какъ велико патріаршее достоинство и что свойственно таковому достоинству Іоаннъ, обнадеженный такимъ отвѣтомъ святаго, спросилъ его: «кто будетъ преемникомъ Юстиніана»? Симеонъ, напередъ внушивъ своему совопроснику, чтобы онъ никому не сообщалъ открываемую ему теперь тайну, отвѣтилъ: Юстинъ. Пришедши въ Константинополь, Іоаннъ изыскалъ случай поговорить наединѣ съ Юстиномъ и открылъ ему тайну Вслѣдствіе этого онъ причисленъ къ ближайшимъ друзьямъ Юстина и сталъ пользоваться его столомъ.—Викторъ тунисскій

Достигнувъ такимъ путемъ согласія константинопольскаго патріарха, Юстиніанъ послалъ послѣ этого свой эдиктъ и къ остальнымъ патріархамъ и епископамъ церквей, требуя, чтобы и они подписались подъ нимъ и утвердили его своимъ мнѣніемъ (1). Тре-

---

называетъ Іоанна «сходнымъ по заблужденію съ императоромъ», т. е. въ ученіи о нетлѣнности тѣла Христова Chronic. an 565. Theoph Chronogr. p. 372. Cedrenus 1 p. 680. Niceph. Chronogr p. 775.

(1) Θеофанъ говоритъ: *καὶ ἴδικτον παντα χοῦ καταπέμψας ἀλλάτριον εὐσεβείας* (Theoph chron. p. 372). Евагрій выражается объ этомъ такимъ образомъ. *τὸ καλούμενον πρὸς Ῥωμαίων ἴδικτον γράφει* (по-русски это слово передано неточно словомъ: издалъ, что̀ предполагаетъ нѣчто болѣе, чѣмъ *γράφει*, или, какъ переведено на латинскій языкъ, scripsit), *ἐν ᾧ ἄφθαρτον τὸ σῶμα τοῦ Κυρίου κέκληκε,.. οἷς συναίνεῖν τοὺς ἐκασταχῆ ἱερέας κατηνάγκαξε* (l. IV c. 39) На основаніи этихъ выраженій Θеофана и Евагрія можно думать, что Юстиніанъ послалъ свой эдиктъ и въ западныя провинціи имперіи, между прочимъ и къ папѣ. Сирмондъ, издавшій письма трирскаго епископа Никиты (Nicetii Trivirensis), помѣстилъ между ними одно, написанное къ Юстиніану, и и отнесъ написаніе его къ 563 году. Это письмо Никиты, обыкновенно поставляютъ въ связь съ разсматриваемымъ эдиктомъ Юстиніана и думаютъ, что оно составляетъ отвѣтъ на этотъ эдиктъ,—увѣщаніе, обращенное епископомъ къ Юстиніану, чтобы онъ отсталъ отъ ереси Такъ, Коинціи (Cointius), полагая вмѣстѣ съ Бароніемъ, что императоръ написалъ свой эдиктъ въ 563 году, думаетъ даже, что письмо Никиты подѣйствовало на императора и что онъ отказался отъ обнародованія своего эдикта: Sane, Beatissimus antistes ejusmodi literis non parum profecit apud imperatorem ut ejus animum ab edicto, quod orthodoxae fidei contrarium scripserat promulgando revocaret. Пагій отвергаетъ догадку Коинція, будто письмо Никиты подѣйствовало на императора, но опровергаетъ не на основаніи внутреннихъ признаковъ самаго письма, а потому, что написаніе эдикта императоромъ онъ относитъ къ 563 году, вслѣдствіе этого, написаніе и самого посланія отодвигаетъ тоже къ 563 году, а въ такомъ случаѣ остается слишкомъ мало времени, чтобы увѣщательное письмо Никиты, написанное по поводу императорскаго еретическаго эдикта могло дойдти до Юстиніана прежде его смерти. (Pag. Notae ad n. I—XIII an. 565. not. 2). Но изъ содержанія письма Никиты никакъ нельзя видѣть, чтобы оно было написано для отклоненія императора отъ ереси нетлѣнниковъ, Содержаніе его крайне обще и на ересь нетлѣнниковъ нѣтъ въ немъ даже и намека. Напротивъ такія выраженія, какъ: quis, ut Christum purum hominem fateris, docuit?... Nam notum tibi sit, quod tota Italia, integra Africa, Hispania, vel Gallia cuncta, nomen tuum, quum de perditione tua plorant, anathematizant (Galland t. XII, p 778), показываютъ, что оно скорѣе написано по поводу волненій, возникшихъ на западѣ вслѣдствіе осу-

бованія его были настоятельны и грозили наказаніемъ ослушникамъ. Но, не смотря на это, всѣ патріархи и многіе изъ епископовъ, въ особенности восточные,

---

жденія «трехъ главъ», потому что исповѣданіе Христа простымъ человѣкомъ идетъ въ разрѣзъ съ ученіемъ о нетлѣнности тѣла Христова, и потому, что эдиктъ о нетлѣнности, какъ это видно изъ указанныхъ авторовъ и изъ самаго хода дѣла, только написанъ былъ и посланъ къ предстоятелямъ церквей для подписи и утвержденія, но еще не былъ обнародованъ. Слѣдовательно, не могло быть и анаѳематствованія Юстиніана всею Италіей, Африкой, Испаніей и Галліей за ересь нетлѣнниковъ Такимъ образомъ, напрасно Пагій отодвигаетъ написаніе письма Никиты къ 565 году, на томъ только основаніи, что эдиктъ императора написанъ въ этомъ году. Оно могло быть написано въ 563 году, могло быть написано и ранѣе, потому что оно не имѣетъ никакого отношенія къ разсматриваемому эдикту императора Мы думаемъ даже, что содержаніе этого эдикта императора не было и извѣстно на западѣ и что слова: *παντὸς* и *ἑκάστης*, слѣдуетъ относить исключительно къ восточной половинѣ имперіи. Обыкновенно случалось доселѣ такъ, что въ началѣ Юстиніанъ достигалъ согласія восточныхъ патріарховъ и епископовъ, и потомъ уже особо обращался за согласіемъ и къ папѣ. Теперь же, какъ увидимъ, еще никто изъ восточныхъ патріарховъ, за исключеніемъ константинопольскаго, не далъ ему своего согласія Кромѣ того, если бы даже разсматриваемый эдиктъ императора отосланъ былъ къ папѣ въ тоже самое время, какъ и къ остальнымъ патріархамъ,—невѣроятно, чтобы папа обнародовалъ его, не выразивъ предварительно протеста и всѣхъ возможныхъ средствъ для его отмѣны.—Баронiй выражаетъ крайнее негодованіе на то, что Юстиніанъ осмѣлился написать эдиктъ безъ вѣдѣнія папы: Iustinianus igitur ubi semel de dogmatibus edicta sanciendi sibi arrogavit auctoritatem, ad hujusmodi dirimendas quaestiones haud more majorum orthodoxorum imperatorum consulendam sibi putavit apostolicam sedem (sicut antea saepe ipsum fecisse vidimus) neque coacto aliquo provinciali saltem concilio, quid sentiendum esset exploravit patrum sententias sed quid ab universa catholica ecclesia credendum, atque praedicandum foret ab omnibus orthodoxis, super omnes episcopos elevans sibi thronum, non secus ac antichristus in templo Dei erigens sibi cathedram, et extollens se supra id omne quod colitur, etc. (an. 563 n VI) Но въ этихъ словахъ видно лишь негодованіе ультрамонтанина: Юстиніанъ и при изданіи этого эдикта держался тѣхъ же самыхъ началъ, какъ при изданіи и прежнихъ эдиктовъ о вѣрѣ, за которые похваляетъ его и Баронiй,—и въ настоящемъ случаѣ онъ думалъ утвердить ученіе, относительно котораго архіереи, во множествѣ съ разныхъ концовъ имперіи собравшіеся въ Константинополѣ (Evagr. l. V. c. 1), священники, монахи и министры увѣрили его, что оно есть истинно вселенское ученіе, угодное Богу.

отказались подписаться подъ его эдиктомъ (1). Восточные епископы отвѣтили ему, что они ждутъ предварительнаго рѣшенія антіохійскаго епископа Анастасія, и тѣмъ отклонили отъ себя первое его покушеніе (2). Тогда онъ напалъ исключительно на Анастасія и энергично потребовалъ отъ него, чтобы онъ утвердилъ своимъ мнѣніемъ ученіе, выраженное въ эдиктѣ. Но Анастасій, „опираясь на несокрушимую скалу вѣры", до того возвысилъ свой духъ божественнымъ помышленіемъ, что нимало не устрашился воспротиворѣчить императору и въ своемъ отвѣтѣ къ нему съ полною свободою „весьма ясно и умно доказывалъ, что тѣло Господа въ естественныхъ и невинныхъ страстяхъ подвержено было тлѣнію, и что такъ именно мыслили и предали божественные апостолы и богоносные отцы". Тоже самое онъ отвѣтилъ и на вопросъ монаховъ первой и второй Сиріи, обратившихся къ нему за совѣтомъ, какъ поступить въ настоящемъ случаѣ; всѣхъ онъ утверждалъ, всѣхъ ободрялъ къ предстоящей борьбѣ и ежедневно сталъ прочитывать въ церкви изрѣченіе апостола: *аще кто вамъ благовѣститъ паче, еже пріясте, анаѳема да будетъ*, хотя бы то былъ *Ангелъ съ небесе* (Гал. 1, 8. 9) (3). Повсюду начали составляться соборы, на которыхъ всѣ сообща рѣшали стоять за чистоту вѣры и ни подъ какимъ видомъ не принимать нечестивое ученіе нетлѣнниковъ. Явилось также множество брошюръ, опровергающихъ это ученіе и при-

(1) Vita Eutychii, c. V. § 41 *Πάντες γὰρ οἱ πατριάρχαι, πολλοὶ δὲ καὶ τῶν ἐπισκόπων οὐκ ἠνέσχοντο, ἐξαιρέτως οἱ τῆς Ἀνατολῆς, καθυπογράψαι εἰς ὃν ἐποίησεν ὁ βασιλεὺς λόγον περὶ τοῦ ἀφθάρτου.*

(2) Evagr. l. IV. c 39.

(3) Evagr l. IV. c. 40.—Далѣе Евагрій добавляетъ: «Взирая на это, всѣ, исключая немногихъ, ревностно стремились къ подобному образу мыслей» Къ патріарху Евтихію онъ относится во всемъ этомъ дѣлѣ пренебрежительно и не допускаетъ, чтобы его твердость оказала какое нибудь вліяніе на епископовъ. Между тѣмъ Евстратій, описавъ низложеніе Евтихія, говоритъ далѣе, что «его примѣромъ были утверждены многіе и пребыли твердыми и непреклонными въ правомъ исповѣданіи вѣры» (Vita

зывающихъ вѣрныхъ къ твердости въ вѣрѣ (1). Юстиніанъ отнесся весьма неблагопріятно къ сопротивленію Анастасія и помышлялъ отдѣлаться отъ него также, какъ отъ Евтихія, т. е. низложить его и сослать въ ссылку. Анастасій, услышавъ объ этомъ, приготовилъ было къ антіохійцамъ прощальное слово, которому „справедливо можно удивляться, какъ по красотѣ выраженія и текучести мыслей, такъ по обилію священныхъ выраженій и указаніямъ историческимъ".

Но, по словамъ Евагрія, „въ то время, какъ Юстиніанъ диктовалъ опредѣленіе о ссылкѣ Анастасія и единомысленныхъ съ нимъ іереевъ, онъ невидимо былъ пораженъ ударомъ и преставился изъ сей жизни" 14 ноября 565 года. Такъ, по предусмотрѣнію Божію (Евр. 11, 40), еретическій эдиктъ его остался безъ утвержденія великими архіереями и не былъ обнародованъ въ церквахъ, хотя уже успѣлъ возбудить великія смятенія и тревоги въ церкви (2). Существуетъ извѣстіе, что Юстиніанъ, умирая, заповѣдалъ Юстину, своему пріемнику, вызвать Евтихія изъ ссылки и возстановить его въ прежнемъ достоинствѣ (3). Мы не имѣемъ основанія

Eutychii, c V, § 41) Сопоставляя эти два мѣста Евагрія и Евстратія, мы не можемъ не признать бо́льшаго безпристрастія у послѣдняго, потому что онъ отдаетъ должное и Анастасію, признаетъ и его твердость въ этомъ дѣлѣ и заслуги церкви (ibid)

(1) Vita Eutychii, c. V. § 41. *ἔστησαν ἀνταγωνιζόμενοι συνοδικῶς καὶ ἐγγράφως*

(2) Evagr. l. IV. c. 40. 41; l. V c. 1, Theoph. Chron. p 372; Cedrenus, 1, p. 680.—Нѣкоторые изъ древнихъ писателей (напр. авторъ Пасхальной хроники, p. 688) относятъ смерть Юстиніана къ 14 ноября 566 года Но это показаніе большинствомъ изслѣдователей признается ошибочнымъ. См. Notae Pag. ad n I—XIII. an. 565, not 3. Muralt, p 222.

(3) Niceph Callist. l. XVII c. 34 Coeterum moriturus, sicuti divus Constantinus Athanasii, ita et hic Eutychii restitutionem in testamento, Justino succesori suo mandavit —Никифоръ пользовался Евагріемъ полною рукою. Явно, что это извѣстіе онъ заимствовалъ изъ какого нибудь другаго древняго автора и оно заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, бо́льшаго вниманія; потому что, какъ уже было замѣчено, Евагрій въ этомъ мѣстѣ сильно пристрастенъ къ одной сторонѣ. Да и трудно предположить, что

отвергать это извѣстіе, но въ такомъ случаѣ нужно думать, что предъ смертію Юстиніанъ созналъ и свое заблужденіе относительно вѣры, и что извѣстіе Евагрія, будто Юстиніанъ пораженъ смертію именно въ тотъ моментъ, когда диктовалъ эдиктъ о ссылкѣ Анастасія, должно подлежать ограниченію. Самое бо́льшее, что́ можно принять изъ разсказа Евагрія,—это то, что Юстиніанъ только *помышлялъ* сослать Анастасія; но, получая отовсюду протесты и разъясненія, по необходимости сталъ колебаться и глубже вдумываться въ дѣло (1).

Ближайшіе потомки высоко цѣнили дѣятельность Юстиніана относительно имперіи и церкви, и явились глубоко признательными къ плодамъ этой дѣятельности. Такъ Исидоръ севильскій помѣщаетъ его въ числѣ знаменитѣйшихъ мужей міра (2). Святой папа Агаѳонъ (678—682) въ синодальномъ, скрѣпленномъ подписью ста двадцати епископовъ, посланіи своемъ къ императору Константину (IV Пагонату) и его соправителямъ,

---

Юстиніанъ пораженъ смертію именно въ тотъ моментъ, когда диктовалъ эдиктъ о ссылкѣ Анастасія.

(1) Этимъ колебаніемъ только и можно объяснить указанное извѣсті самаго же Евагрія, что Анастасій узналъ о намѣреніи императора низложить и сослать его и что поэтому онъ заранѣе приготовилъ прощальное слово къ антіохійцамъ. Ѳеофанъ подъ годомъ смерти Юстиніана помѣстилъ слѣдующій разсказъ о ссорѣ ѳеодосіанъ съ гаіанитами и объ отношеніи къ нимъ императора: *Οἱ Θεοδοσιανοὶ καὶ Γαϊανῖται ἐν Ἀλεξανδρείᾳ κτίζειν ἤρξαντο συνακτήρια, καὶ αὐθεντήσαντες οἱ Γαϊανῖται ἐπίσκοπον ἐν αὐτοῖς ἐχειροτόνησαν Ἐλπίδιον ἀρχιδιάκονον αὐτῶν, ὃν ὁ βασιλεὺς δεδεμένον ἐλθεῖν προσέταξεν ἐρχόμενος δὲ κατὰ τὸν Σίγριν ἀπέθανεν Θεοδοσιανοὶ δὲ Δωρόθεον κρυπτῶς ἐν νυκτὶ ἐπίσκοπον ἑαυτοῖς ἐχειροτόνησαν καὶ εἰς ἓν συνελθόντες οἵ τε Γαϊανῖται καὶ οἱ Θεοδοσιανοὶ κοινὸν ἐπίσκοπον ἑαυτοῖς ἐνεθρόνισαν καὶ ἐχειροτόνησαν Ἰωάννην δέ τινα μοναχὸν, ὃν οἱ Γαϊανῖται δόλον ὑπομεμενηκέναι νομίσαντες τὸν πώγωνα τοῦ ἀββᾶ σὺν τῷ δέρματι καὶ τῇ σαρκὶ ἐξέδειραν* (Theoph chron p. 372—373). Отсюда легко видѣть, что Юстиніанъ неблагосклонно относился къ гаіанитамъ и что, слѣдовательно, онъ нетлѣнность тѣла Христова понималъ нѣсколько иначе, чѣмъ еретики—нетлѣнники.

(2) S Isidor. Hispal. epcisc. de viris illustribus. c. 31.

Ираклію и Тиверію, называетъ Юстиніана „по преимуществу ревнителемъ истинной и апостольской вѣры; православіе его какъ пріятно было Богу по своей чистотѣ, такъ способствовало и возвышенію государства. И доселѣ всѣми народами считается достойною почитанія благочестивая память того, чье православіе, распространенное по всей вселенной чрезъ августѣйшіе эдикты, прославляется“ (1). Далѣе онъ приравниваетъ Юстиніана къ величайшимъ христіанскимъ государямъ: Константину великому, Θеодосію великому, Маркіану: „Такъ, говоритъ онъ, прославился послѣдній и знаменитѣйшій изъ всѣхъ великій Юстиніанъ, который мужествомъ и благочестіемъ своимъ все вновь привелъ въ лучшій порядокъ“ (2). На востокѣ чтили память Юстиніана еще выше. Здѣсь рано стали признавать его за святаго и по мѣстамъ праздновали его память. Наконецъ, константинопольскій патріархъ Іоаннъ IX Іеромнимонъ (1111—1134), котораго Никифоръ Каллистъ называетъ Халкидоніемъ, торжественно канони-

(1) Harduin t III. col. 1103, Дѣян. всел. соб. VI. стр. 98.

(2) Harduin. III. col. 1123, Дѣян всел соб. VI. стр. 124 —Это собственно другое письмо Агаѳона и его собора, которое должно было служить какъ бы инструкціей его легатамъ, посланнымъ на шестой вселенскій соборъ —Изамберъ старается умалить этотъ отзывъ Агаѳона и его собора тѣмъ, что они были не современниками Юстиніана и потому, по его мнѣнію, не могли быть вѣрными цѣнителями его дѣяній (Isambert, p. 721). Напротивъ, они-то и могли быть истинными цѣнителями его дѣяній, потому что оцѣнивали эти дѣянія по плодамъ, уже обнаружившимся, и—болѣе хладнокровно Они высоко цѣнили дѣятельность Юстиніана, потому что держались тѣхъ же идей, осуществленію которыхъ посвятилъ свою жизнь и Юстиніанъ, и произнесли о немъ свои судъ съ высоты исторической точки зрѣнія, обозрѣвающей событія по маштабу этихъ именно идей. Современникъ Юстиніана Евагрій, хотя и православный, но, естественно, не могшій отнестись къ его дѣяніямъ съ точки зрѣнія далекой и болѣе объективной, произнесъ о немъ, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ лишь послѣднихъ его дѣйствій, и болѣе рѣзкій судъ: «Такимъ то образомъ, говоритъ онъ, Юстиніанъ, возбудивъ вездѣ смятенія и тревоги и получивъ при концѣ жизни достойное этихъ дѣлъ возмездіе, перешелъ въ преисподнія судилища. (ἐς τὰ κατώτατα μετεχώρησε δικαιωτήρια) Evagr. l. V. c. 1

зовалъ его и внесъ его имя въ святцы (1). Византійскіе императоры, преемники Юстиніана, считали его весьма мудрымъ правителемъ, достойнымъ подражанія для всякаго, кто хочетъ разумно управлять подданными. Такъ, императоръ Василій II македонянинъ, и самъ одинъ изъ лучшихъ византійскихъ императоровъ, называетъ его „знаменитымъ между царями, который не только во все время царствованія сохранялъ за собою титло разумнаго устроителя дѣлъ, но и въ потомствѣ оставилъ явно прочную, дѣйствительно принадлежащую ему славу“ (2). Разсматриваемый по отношенію къ церковной политикѣ Византіи, онъ съ одной стороны можетъ быть названъ завершителемъ и полнымъ выразителемъ тѣхъ идей, какія высказывались и практиковались его предшественниками, а съ другой — образцемъ для послѣдующихъ императоровъ, его преемниковъ.

Библіотека Социалистической академіи.

(1) Niceph. Callist. L. XVII. c. 34.—Церковь празднуетъ память Юстиніана 14 ноября; въ тотъ же самый день она празднуетъ память и его супруги, Ѳеодоры,—Никита Хоніатъ, въ *книгѣ о статуяхъ города Константинополя*, увѣряетъ, что когда латиняне (во время четвертаго крестоваго похода) взяли Константинополь и, по своему варварству и религіозному фанатизму, ископали для грабежа царскія гробницы, заключавшія въ себѣ золотыя украшенія, жемчугъ и драгоцѣнные камни, то «тѣло царя Юстиніана оказалось послѣ стольких столѣтій неповрежденнымъ». Это чудо изумило даже самихъ грабителей. (Ник. Хоніатъ Спб 1862 т. II. стр. 428) Впрочемъ, цитуемая книга собственно принадлежитъ не историку Никитѣ Хоніату, а другому неизвѣстному автору, современнику Никиты Хоніата и очевидцу описываемыхъ имъ событій Никитѣ же Хоніату приписали эту книгу Боннскіе его издатели

(2) *Ράλλη καὶ Ποτλη, συνταγμα,* t V. p. 266. *ὁ ἐν βασιλεῦσιν ἀοίδιμος Ἰουστινιανὸς ἐκεῖνος, ὁ μὴ μόνον τὸν ἅπαντα τῆς ἀρχῆς χρόνον μέγα τὸ ἐπὶ τοῖς ἔργοις διασώσας επίδοξον, ἀλλὰ καὶ τῇ μνήμῃ καταλελοιπὼς περιφανῶς διαρκοῦσαν τὴν εἰς αὐτὸν γε ἥκουσαν εὔκλειαν.*

ВАЖНѢЙШІЯ ПОПРАВКИ.

Стр.	*Строк.*		*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
5	6	сниз.	одинаковы	одинакова
6	4	—	300-, вѣковое	3-хъ вѣковое
14	6	—	противостоятъ	противостоять
23	9	сверх.	освобожденіе рабовъ	отпущеніе рабовъ
86	3—2	сниз.	Hardouin. act. cons. chalced. II, p. 159.	Harduin. Act conc. t. II. Chalced act. VII. col. 160.
93	8	—	Paris	Paris.
105	1	сверх	ни высоты,	ни высота,
111	10	сниз.	Pasr.	Patr.
118	9—10	сверх.	алѣксандрійскимъ, антіохійскимъ и іерусалимскимъ	александрійскомъ, антіохійскомъ и іерусалимскомъ
146	4	—	случалось	случилось
—	11	сниз.	совершено	совершенно
—	1	—	тамъ	такъ
148	2	сверх	стѣна	смѣна
151	7	сниз.	Liban. p. 299	Liban. p. 399.
157	16	сверх.	православныхъ	православнымъ
—	18	—	древнеязычниками	древнеязыческими
158	20	сниз.	внѣшне-церковные	внѣшнецерковные
163	9	сверх.	и поддержаніи	о поддержаніи
168	4	—	щумъ	шумъ
—	3	сниз.	Симеонъ Столпникъ и Даніилъ	Семеонъ Столпникъ, Савва, Ѳеодосіи и Даніилъ
169	7	—	сетствахъ	естествахъ
170	3	—	позво-	позволенія
171	3	сверх.	слова	снова
179	15	—	воплощенія	воплощеніемъ
182	12	—	458 г.)	458 г).

Стр.	Строк.		Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
192	3	сниз.	восхваляли	восхвалили
193	13-12	—	соборомъ	соборъ
196	12	—	гаданій.—Между тѣмъ	гаданій.—Прокопій кесарійскій ничего не говоритъ о возбужденіи народа и монаховъ Акакіемъ противъ Василиска. По его словамъ, Василискъ, оставленный всѣми, бѣжалъ въ церковь, какъ мѣсто убѣжища, но Акакій выдалъ его Зенону за нарушеніе христіанской догмы и за склонность къ ереси Евтихія: *Βασιλίσκος δὲ πάντων ἔρημος γεγονὼς ἐς τὸ ἱερὸν καταφεύγει, οὗπερ καὶ πρότερον καὶ αὐτὸν Ἀκάκιος, ὁ τῆς πόλεως ἱερεύς, Ζήνωνι ἐνεχείρισεν, ἀσέβειάν τε αὐτῷ ἐπενεγκὼν καὶ ὡς πολλὰ τοῦ Χριστιανῶν δόγματος ξυνετάραξέ τε καὶ ἐνέοχμωσεν, ἐς τὴν Εὐτύχους αἵρεσιν ἀποκλίνας* (Bell. Vand l. I. c. V. p 343). Т. о, по Прокопію, Василискъ, вмѣсто того, чтобы грозить Акакію, даже искалъ у него защиты, и Акакій явился ревнителемъ православія.—Между тѣмъ
216	18	—	с. 44. 44	с. 44. 45.
—	15	—	не о Петрѣ	а не о Петрѣ
232	1	—	гіп	in
239	6	—	имъ въ	имъ
248	18	—	*σόνοδον;*	*σύνοδον*;
250	5—6	сверх.	Ксенія	Ксенея
270	17	сниз.	мѣстѣ	кротости
373	13	—	кротости	кротость
—	12	—	ь	и
379	5—6	сверх.	безспорно	именно
380	6	сниз	Goncordienformel	Concordienformel
388	19	—	parseque	parceque
437	22	—	воевать» главнымъ	воевать», главнымъ

Стр.	*Строк.*		*Напечатано.*	*Слѣдуетъ читать.*
453	15--14	сниз.	ἀναγκάξουσα	ἀναγκάζουσα
462	1	—	ην	ἦν
474	1	—	аккъ	какъ
475	6	—	sancte	sanctae
483	3	—	pertinguut	pertingunt
499	16	—	Италіи	Испаніи
507	6	—	сказатъ,	сказать,
564	14	сверх.	(Пс. 5),	(Сирах. 15, 13),
587	12	сниз.	и другихъ)	другихъ),
597	18	—	помѣщаетъ	помѣщаетъ
601	13	—	выгоду	выгоду»
613	8	—	поняты». Invenit	поняты», далѣе пишетъ: Invenit
623	11	—	слѣдуетъ	слѣдуетъ
652	20	—	prodigiofe	prodigiose
656	18	—	Евкаиду,	Евкаиду (Eucayda, Euchaita, Евхаиты),
661	11	сниз.	Baslili	Basilii
662	2	—	cito	rito
—	1	—	romitatu	comitatu
663	13	сверх.	crudelier	crudeliter
676	8—9	—	мы уже выразили согласіе	мы соглашаемся
—	1	сниз.	ta praedictis	ita praedictis